

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

**Славянские народы:
векторы взаимодействия
в Центральной, Восточной и
Юго-Восточной Европе**

Москва 2010

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Славянские народы:
векторы взаимодействия
в Центральной, Восточной и
Юго-Восточной Европе

Москва 2010

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.
Данченко С.И.
Коненкова А.К.
Лемперт П.И.
Никифоров К.В.
Проскурнина М.Б.
Страховская И.Г.
Узенева Е.С. (отв. редактор)

Очередной выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе» подготовлен по материалам международной научной конференции «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимой с 1991 г. в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Комитетом межрегиональных связей и национальной политики Правительства Москвы, Славянским фондом России и Государственной академией славянской культуры. В основу нового сборника легли труды российских и зарубежных ученых-славистов. В них освещаются различные проблемы истории, культуры, истории славистики, славянского языкознания и литературоведения, а также вопросы культурного взаимодействия России и славянских народов. В год празднования 65-летия Победы авторы также уделили особое внимание многим историческим, политическим, культурным проблемам периода Второй мировой войны и последующих лет.

ISBN-10 5-7576-0217-1
ISBN-13 978-5-7576-0217-2

© Институт славяноведения РАН, 2010.

От редколлегии

Очередной выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе» подготовлен по материалам международной научной конференции «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимой с 1991 г. в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Комитетом межрегиональных связей и национальной политики Правительства Москвы, Славянским фондом России и Государственной академией славянской культуры.

К настоящему времени вышло несколько сборников, среди которых «Славянский мир: проблемы истории и современность. (Памяти Владимира Константиновича Волкова)». М., 2006; «Славянский мир в третьем тысячелетии». М., 2007; «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации». М., 2008; «Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве». М., 2009.

В основу нового сборника легли доклады и сообщения ученых из России, Сербии, Черногории, Словакии, Словении, Болгарии, Македонии, Венгрии, Австрии. В работах освещаются различные проблемы истории, культуры, истории славистики и славянского языкознания. Авторы сосредоточили свое внимание на современных вопросах развития славянских языков и литератур, а также культурного взаимодействия России и славянских народов.

Материалы сборника «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе» распределены по нескольким рубрикам. В рубрику «Вторая мировая война: взгляд из третьего тысячелетия» включены статьи, посвященные различным аспектам осмысления этого трагического и в то же время значимого события мировой истории XX в. В год празднования 65-летия Победы эта тема не могла не заинтересовать как историков, так и филологов, поскольку своего, подчас более объективного, освещения все еще ожидают многие болезненные исторические, политические, культурные проблемы периода Второй мировой войны и последующих лет.

В рубрики «Исторические исследования: идеи, находки, новые документы» и «Из истории славистики» помещены работы ученых, обратившихся к самому широкому спектру важнейших вопросов истории славянских народов и истории славистики: русско-сербские, русско-болгарские, русско-польские, русско-словенские отношения, Россия и Австро-Венгрия, восприятие славянского наследия учеными-славистами в России, Украине и в других странах.

Одна из наиболее актуальных тем – «Проблемы славянской идентичности в исследованиях современных ученых» – привлекла внимание многих авторов, коснувшихся таких вопросов, как глобальный кризис и национальная самоидентификация, проблема идентичности в эпоху глобализации на примере славянских литератур, формы проявления идентичности болгар в XV–XVI вв., проблемы русской идентичности.

Разделы «Вопросы этнолингвистики, социоллингвистики и славянской диалектологии» и «Культура и литература славянских народов» объединили статьи исследователей, осветивших разнообразные аспекты развития языков, литератур и культур славянских народов: от проблем начала славянской письменности, возникновения идей славянского единства до конкретных вопросов польско-русских лексических соответствий в пространстве и времени, венгерско-сербского билингвизма, языковых доминант традиционной картины мира славян, от проблем развития северохорватской литературы XVIII в. до новейших концепций экологии текста в русской культуре XX в.

Само разнообразие тем, распредившихся по шести сборника «не могло не породить и многообразия дискуссионных точек зрения авторов статей на проблемы истории, культуры, языка и литературы славянских народов. Редакционная коллегия не сочла необходимым проводить унификацию позиций авторов сборника, чтобы диапазон проблем современной славистики обозначился во всей полноте и, возможно, подвигнул как исследователей, так и широкий круг читателей к их дальнейшему и углубленному осмыслению.

I. Вторая мировая война: взгляд из третьего тысячелетия

Т.В. Волокитина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе

Abstract:

Volokitina T.V. *The geopolitical outcome of the Second World War and the phenomenon of popular democracy in Eastern Europe*

The article is devoted to the issue of the power's nature in Eastern Europe, which entered due to the outcome of the Second World War the Soviet sphere of influence. The problem preserves scientific and political relevance. Geopolitical outcome of the military confrontation of 1941–1945, agreed by allies, allowed to maintain the balance in international relations for a while, and also to maintain the spirit of partnership and cooperation between members of the former anti-Hitler coalition. However, opposite tendencies of social development in the western and eastern parts of the continent gradually emerged and became strong, and that had a direct impact on the fate of the coalition government system. In Eastern Europe, where there was a phenomenon of popular democracy as a transitional, politically variable condition of the post-war society, which denied right-wing totalitarianism in its various modifications, by 1948 the overbearing monopoly of the Communist Parties became a reality. Despite the shortness of the period of the popular democracy, the stage of coalition management (1944–1948) had a serious impact on the following process of the formation of political regimes of the Soviet-type and led to qualitative differences between the current situation in the former "socialist community" and the CIS.

Ключевые слова: геополитические итоги Второй мировой войны, советский фактор в Восточной Европе, народная демократия.

Сложившаяся в общих чертах к концу Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система договоренностей представляла собой структуру международных отношений с отчетливо выраженным геополитическим принципом разделения мира на сферы влияния. Реализация известного «процентного соглашения», достигнутого в октябре 1944 г. на встрече У. Черчилля и И.В. Сталина в Москве, закрепила переход Восточной Европы в сферу интересов Советского Союза. Геополитическое положение региона – между СССР и Германией, роль Советского Союза в разгроме фашизма определили признание приоритета СССР в этой части континента. Однако уже вскоре стало очевидным, что это отнюдь не означало согласия на установление безоговорочного советского влияния, причем со временем позиция западных союзников постепенно ужесточалась. Если на заключительном этапе войны американская администрация традиционно заявляла об отсутствии «жизненных

интересов США» в Восточной Европе¹, то во время подготовки мирных договоров США и Великобритании уже вовсю пытались «просунуть ногу в дверь, ведущую в Восточную Европу»². Позднее в соответствии с доктриной «сдерживания» цель западной политики в регионе формулировалась как «постепенное сокращение и, по возможности, устранение преобладающего советского влияния в Восточной Европе, не прибегая к войне»³.

На рубеже войны и мира восточноевропейский регион рассматривался советской стороной в первую очередь как пояс безопасности советского государства по западному и балканскому периметру советских границ⁴. Даже в самых строго секретных разработках и рекомендациях Наркомата иностранных дел мы не найдем никаких планов экспорта революции. Главный приоритет очевиден: создание в будущем эффективной системы безопасности в Европе, установление баланса сил, в соответствии с которым внешняя политика и оборона государств этого «пояса» находились бы под советским контролем. Надо сказать, что позиция Москвы в то время вполне адекватно оценивалась союзниками. Американский посол в советской столице Джордж Кеннан в сентябре 1944 г. сделал следующее наблюдение: «заботы о безопасности всегда доминировали в психологии советских властей», а сталинская программа территориальной и политической экспансии, во многом основанная на опыте царизма, была призвана «обеспечить России защитную зону против нападения с Запада»⁵. Более того, в новейшей литературе по истории международных отношений указывается, что советская политика, направленная на создание защитного пояса из просоветски настроенных государств вдоль западных границ СССР, получение свободного выхода в Мировой океан и обеспечение максимальной глубины обороны по всему периметру СССР, к весне 1946 г. изменилась значительно меньше, чем политика западных стран⁶. Соглашаясь с этим выводом по существу, заметим лишь, что корректнее, на наш взгляд, было бы говорить не о просоветских, а о дружественных Советскому Союзу позициях соседей: это было на тот момент гораздо важнее для московского руководства, сознательно отодвигавшего на дальний план социалистическую перспективу развития континента⁷. Заметим, что критики такой интерпретации конкретно-исторического материала, как правило, ссылаются на известное утверждение Сталина в беседе с югославским коммунистом М. Джиласом в Москве в апреле 1945 г., согласно которому каждый из победителей, в том числе и СССР, распространит свою общественную систему на ту территорию, куда вступит его армия⁸. Иными словами, освободительная миссия Красной Армии неизбежно трактуется при этом как детерминированная прелюдия советизации региона. Такая позиция, как и все прочие, безусловно, имеет право на существование. Но для размышления в связи с этим приведем другую оценку: в июне 1946 г. заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов в беседе с корреспондентом Си-Би-Эс в Москве Ричардом Хотлеттом констатировал, что в России «произошел возврат к вышедшей из моды концепции безопасности, основанной на расширении территории – чем больше вы ее имеете, тем выше ваша безопасность»⁹. Здесь явно доминирует не классово-политический,

а четкий геополитический подход. И хотя Сталин никогда не отказывался от признания важности идеологической компоненты во внешнеполитической сфере, исследования, проведенные на документальной основе, свидетельствуют, что вплоть до создания Коминформа осенью 1947 г. отнюдь не классовые задачи определяли реальную советскую политику в регионе.

На систему международных отношений и, в частности, на судьбу антигитлеровской коалиции несомненное влияние оказывал германский фактор. Современная историография признает нереальность новой германской угрозы в то время¹⁰, однако действовавшие тогда политики были настроены по-другому. Известны неоднократные заявления Сталина о возможности Германии возродиться в кратчайшие сроки, его опасения в связи с сокращениями интервалов между актами германской агрессии¹¹. Серьезное беспокойство по поводу потенциальной германской угрозы в будущем испытывали и западные союзники. Британское правительство обсуждало перспективу создания «общей системы обороны против Германии» и как важнейшей ее составляющей – «системы региональной обороны в Западной Европе». Показательно, что при этом Лондон допускал создание «какого-либо аналогичного объединения» антигерманской направленности в Восточной Европе. Цель и Востоку, и Западу при этом виделась одна – «сдержать Германию». Об этом, в частности, шла речь в беседе В.М. Молотова с послом Великобритании в Москве А. Кларком Керром 28 ноября 1944 г.¹² Обеспокоенность в связи с будущим Германии проявил и госсекретарь Соединенных Штатов Д. Бирнс во время консультаций с В.М. Молотовым в Лондоне 20 сентября 1945 г. Отметив решимость американского народа не допустить восстановления военного потенциала Германии, Бирнс в осторожной форме поднял вопрос о возможности заключения договора между СССР и США с целью «держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет»¹³. Иными словами, в глазах участников антигитлеровской коалиции германский фактор представлял как своего рода «невралгический узел» будущей европейской политики, а задача недопущения новой агрессии со стороны Германии – как весьма актуальная. До поры до времени германский фактор во многом стимулировал компромиссную тональность отношений между союзниками.

Сталин, задумываясь о создании послевоенной системы безопасности, острее которой следовало направить против Германии, как свидетельствуют документы, размышлял над идеей славянского союза. Об этом достаточно подробно сказано в историографии. Приведу лишь образную характеристику такого союза, данную советским лидером в беседе с американским католическим священником польского происхождения Ст. Орлеманским в апреле 1944 г. в Москве. Сталин говорил о своей «мечте» – «возродить политику Грюнвальда на широкой основе»¹⁴. Однако, напоминая о значении Грюнвальдской битвы, положившей конец продвижению тевтонов на Восток,

* 15 июля 1410 г. около деревеньки Грюнвальд (впоследствии территория Восточной Пруссии) объединенные польско-литовско-русские войска под руководством польского короля Владислава II Ягелло нанесли поражение немецкому Тевтонскому ордену.

Сталин видел в идее «славянской солидарности» еще и блокатор планов федерирования Европы, разработка которых западными союзниками получила новый импульс в 1943 г. При этом советский лидер, говоря о «новом славянофильстве», решительно отмежевался от «старого славянофильства» и «царского великодержавного панславизма»¹⁵. Прагматизм советского руководства при использовании славянской идеи в противовес германскому фактору проявился наиболее отчетливо, пожалуй, в 1947 г., когда Москва, удачно сделав ставку на историческую память славянских народов, сумела воспрепятствовать привлечению Чехословакии и Польши к участию в плане Маршалла.

На завершающем этапе Второй мировой войны явлением мирового порядка стал подъем «народного радикализма»¹⁶. Маятник общественных настроений определенно смещался влево, что делало невозможным простое возвращение к довоенным структурам, даже в их либерально-демократическом варианте. В европейских интеллектуальных кругах, осознававших свою роль и растущее значение в общественной жизни, зрело ощущение, что «мировая история предоставила возможность политического, социального и идейного обновления демократии», что «весь вопрос состоит в том, как использовать эту возможность»¹⁷. Тяга к подлинной демократизации, намерение не допустить ужасов третьей мировой становились определяющими чертами новой фазы развития. В условиях роста авторитета и политического влияния СССР проявились особое внимание и интерес к идее социализма в различных его модификациях, в том числе и к советской модели организации общества. «Я не знал марксизма, когда в 1946 году... занял сторону той общественной силы, которая выступала за создание нового общественного порядка. Меня привлекла идея социальной справедливости, – напишет спустя сорок пять лет премьер-министр Польши М. Раковский. – Это были годы, когда многие самые светлые умы мира однозначно высказывались за социализм... Таков был дух того времени»¹⁸. То, что после войны мир станет «гораздо более социалистичным», признавал, к примеру, и президент США Ф. Рузвельт¹⁹. Принципы действия антигитлеровской коалиции экстраполировались на внутривнутриполитическую ситуацию в европейских странах. Постепенно оформлялось понимание, что следствием войны может стать сотрудничество разнородных политических сил на антифашистской, демократической основе. «Я чувствовал, что мы вступили в абсолютно новую эпоху, когда... возможен союз всех сил демократии – и социалистов, и буржуазных демократов – в борьбе с реакцией», – вспоминал позднее венгерский философ и литературный критик Д. Лукач²⁰. Особое значение придавалось на том этапе реформистскому, эволюционному пути общественных трансформаций вообще и переходу к социализму, в частности, своими «национальными» путями. В законченном виде указанный подход нашел отражение в разработанной президентом Чехословацкой республики Э. Бенешем концепции «социализирующейся демократии», т.е. новой, эффективной модели демократии с повышенной мерой социальной справедливости²¹.

Однако политической реальностью в советской сфере влияния на рубеже войны и мира стало возникновение одного из ограниченных вариантов традиционной представительной демократии, который мы условно определяем как

демократию по соглашению. Она представляла собой властную коалицию из представителей левых партий (коммунистов, социалистов и социал-демократов), крестьянских партий и политических движений и демократических партий «центра». Через предвыборные блоки, принцип паритета или «партийного ключа» формировалась замкнутая политическая конфигурация, которая не только не оставляла места правым группировкам как виновникам негативного прошлого, но и определяла пределы допустимых проявлений партнеров по коалиции, блокировала любые крайние проявления в их политике. В исторический обиход подобные коалиции вошли под названием новой или народной демократии.

Конкретный материал показывает, что по масштабу соглашений и участия демократических сил в правящих послевоенных коалициях, по хронологической протяженности взаимодействия этих сил, по степени ограничения демократических норм и напряженности противостояния внутри коалиций, равно как и по соотношению воздействия внутренних и внешних факторов ситуация в разных странах Восточной Европы принципиально различалась.

Наиболее широкой, продолжительной по времени существования и устойчивой была демократическая коалиция в Чехословакии, на состояние которой, безусловно, влияли имевшиеся в стране традиции демократического парламентаризма и элементы гражданского общества. В этих условиях участники коалиции обладали ограниченными возможностями прибегать к методам силового воздействия на общественные процессы. Вплоть до лета 1947 г. основным вектором развития в стране являлось динамичное продвижение от согласительной к представительной демократии. Сбои в демократическом механизме осуществления власти начали проявляться во второй половине 1947 г., когда компартия, опираясь на поддержку социально слабых слоев, стала систематически нарушать условия функционирования парламентской демократии. Вкупе с ответными действиями партнеров по коалиции это привело к блокированию деятельности Национального фронта, а в феврале 1948 г. к установлению властной монополии компартии в стране.

Принципиально иным содержанием отличалась ситуация в Югославии и Албании, где уже при переходе от войны к миру реальную власть сосредоточили в своих руках коммунисты. Этот факт стал объективным итогом деятельности компартий по организации движения Сопротивления, отразив их ведущую роль в национально-освободительной борьбе. Усилия других партий политического спектра придать власти неформальный коалиционный характер, запустить механизм согласительной демократии успехом не увенчались. Любые попытки на этом пути блокировались коммунистами и оказались кратковременными. В Югославии и Албании с самого начала политическая монополия компартий не имела никакой реальной демократической альтернативы. Широкий диапазон использования органов принуждения в политических целях и активный процесс сращивания компартии с государственными структурами четко определили вектор общественного развития как продвижение общества к левототалитарному режиму.

В Болгарии и Польше элементы согласительной демократии просматривались более рельефно. В обеих странах главные рычаги власти также

контролировались коммунистами, однако общество не воспринимало безоговорочно ни ключевую роль компартии, ни ограниченный представительством только левоориентированных сил характер коалиции. Сопrotивление части общества (в Польше значительной, в Болгарии – более узкой) на фоне необходимости сообща решать приоритетные общенациональные задачи подвело болгарских и польских коммунистов к пониманию важности общественного консенсуса. Отсюда – компромиссная тональность политики и использование, хотя и в ограниченном диапазоне, механизмов согласительной демократии. В указанных странах масштаб консенсуса и его продолжительность отличались исключительным динамизмом, а наличие коалиционной формы власти не всегда соответствовало ее содержанию. Тем не менее, конкретно-исторический материал позволяет зафиксировать вполне самостоятельные этапы функционирования согласительной демократии на сравнительно широкой социально-политической основе – соглашения коалиции с лидерами крестьянских партий Н. Петковым и Ст. Миколайчиком. При этом власти учитывали не только динамику внутренней ситуации, но и воздействие внешних факторов – «восточного» (советского) и «западного». Характеристика ситуации в Болгарии и особенно в Польше будет неполной, если не отметить такую ее особенность, как применение уже в 1944–1947 гг. методов управления и контроля за обществом, присущих не демократическим, а тоталитарным режимам. Обозначилась перспектива превращения компартий в стержневую государственно-политическую структуру.

Принципиально иным был «рисунок» согласительной демократии в Румынии и Венгрии. При формировании режима в этих странах был задействован широкий спектр социально-политических сил при относительно слабом левом фланге, на котором располагались рабочие партии. Кроме того, внешний, прежде всего советский, фактор оказывал опережающее, по сравнению с внутривнутриполитической динамикой, воздействие. Все это определило относительную стабильность этапа согласительной демократии, протяженность которого обуславливалась процессами изменений в расстановке и балансе сил внутри коалиции в пользу левых партий.

Несмотря на различия и особенности ситуации в странах региона, в целом этап народной демократии отразил политически вариативное, переходное состояние послевоенного общества, отвергнувшего правый тоталитаризм в его разных модификациях, которые по терминологии тех лет объединялись общим понятием «фашизм»²².

Современный уровень конкретно-исторического знания позволяет констатировать, что аналогичные тенденции проявились и в западной части континента. Там тоже наблюдались явления, присущие народной демократии: сильная левизна в правительствах или в оппозиции, широкие симпатии к СССР и социализму, активность профсоюзов и пр. В зарубежной историографии подчеркивается, что «ситуация, подобная внутренней организации народных демократий, существовала, например, в Италии и Франции...»²³.

На рубеже 1946–1947 гг. в восточной и западной частях континента проявились новые разнонаправленные тенденции. В советской сфере влияния,

где отсутствовала выраженная позитивная динамика в экономической сфере, произошло усиление радикальных настроений. Снять существовавшие здесь острые проблемы мощными и постоянными «инъекциями» Советский Союз по объективным причинам был не в состоянии. Подъем левого радикализма в значительной мере был обусловлен и «качеством» социальной структуры восточноевропейских обществ. Эта структура характеризовалась неполнотой, множественностью открытых социальных типов, большим числом маргинальных слоев и, как следствие, неустойчивостью. Резкий выброс люмпенизированных масс в среду работавших по найму, произошедший в военные годы, провоцировал усиление левого радикализма не только в рабочем классе, но и среди крестьянства, мелких городских собственников и интеллигенции, утрачивавшей возможности профессионального самовыражения. С программами национальных и народных фронтов и деятельностью рабочих и крестьянских партий наиболее социально уязвимые слои связывали реальный шанс изменить свое положение в обществе. И уже первые шаги по реализации указанных программ оправдали эти надежды, вовлекая ранее не допускавшихся к политике и власти социальных «изгоев» в государственно-политическую жизнь. Предложенный массам общественный аванс был с готовностью принят. Это подтвердил взрывообразный (в десятки и сотни раз!) рост численности крестьянских и особенно рабочих партий, превратившихся в правящие и соправящие. Наполнение партий левого фланга коалиций представителями наиболее обнищавшей части общества оборачивалось ростом революционного нетерпения, требованиями насильственного отчуждения и перераспределения материальных благ на уравнилельно-обезличенной основе. Рождался соблазн решить сложнейшие экономические, социальные и политические проблемы методом «рывка», «скачка». Как тут ни вспомнить булгаковского Шарикова с его простым рецептом действия: «Все у всех отнять и поделить!» Естественно, что вопрос о цене и тем более о долгосрочных последствиях такого подхода не рассматривался.

В Западной Европе ситуация развивалась, как говорится, с точностью до наоборот. Перспективы реальной экономической помощи со стороны Соединенных Штатов, обозначившиеся в связи с разработкой и принятием плана Маршалла, обусловили снижение радикализма и уменьшение влияния левых сил, в первую очередь, компартий. Участились факты нарушения взаимодействия между коммунистами и социалистами, представители компартии Франции вышли из правительства, а итальянские коммунисты были удалены из кабинета министров.

В этих условиях и Восток, и Запад предпочитали не вспоминать о предоставленном им принятой в Ялте в феврале 1945 г. Декларацией об освобожденной Европе «мандате на демократизацию» и проявили намерение поддерживать в собственной сфере влияния, прежде всего, своих классовых союзников.

О влиянии советского фактора на развитие внутривосточной ситуации в Восточной Европе российскими авторами написано немало. Изданы и документы отечественных архивов, дающие возможность читателю составить

собственное представление об общественно-политических процессах в регионе и роли в них советского руководства.

Вкратце заметим, что советское влияние проявлялось дифференцированно и обуславливалось многими факторами: масштабами соглашений и участия демократических сил в коалициях, хронологической протяженностью взаимодействия партнеров, степенью ограничения демократических норм и остроты противостояния в рамках коалиций и пр. В Москве старались внимательно отслеживать конкретную обстановку в странах и действовать с учетом их особенностей. Заметим, например, что советская сторона не поддерживала намерения финских коммунистов организовать «заговор» против президента Ю. Паасикиви²⁴, хотя раскрутка «заговоров» с помощью «людей из Москвы» в других странах советской сферы влияния имела место.

С точки зрения исторической перспективы народная демократия имела временный характер, поскольку несла в себе «гены» саморазрушения: ведь никто не отменял принципиально различные стратегические цели и задачи партнеров по коалиции. По мере разрешения общенациональных задач сужалась «поле» действия общественного консенсуса, и, как следствие, размывалась его основа. Эти качественные перемены осознавались всеми политическими силами, и каждая из них стремилась перехватить лидерство у партнеров по коалиции с тем, чтобы обеспечить реализацию собственных представлений о дальнейшем развитии. Сторонники либерально-демократической и аграристской альтернатив прилагали усилия к вытеснению рабочих партий на периферию политической жизни посредством выборов. Рассчитывая на свою победу, они надеялись изменить суть соглашения участников в рамках коалиции и таким путем обеспечить движение к представительной демократии. Именно этим объяснялась ожесточенная политическая борьба вокруг проблемы выборов в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, сопровождавшаяся попытками ее участников заручиться поддержкой внешних факторов. Победа, в конечном счете, леворадикальной альтернативы открыла коммунистам путь к монополии политической власти. В Восточной Европе народная демократия оказалась промежуточным этапом между авторитарными и тоталитарными режимами правого и левого толка.

Вместе с тем наличие в истории стран региона народно-демократического этапа оказало заметное влияние на последующий процесс формирования режимов советского типа, в частности, сузило возможности укоренения в Восточной Европе модели социализма «по Сталину» и, как следствие, обусловило неполноту возникшей тоталитарной «конструкции». Спустя полвека это отозвалось коренным отличием политической ситуации в нашей стране и в странах бывшего «социалистического лагеря». На этапе посткоммунистического развития с его радикальной модернизирующей трансформацией в виде «построения основ капитализма» в Восточной Европе утвердилась, пусть с издержками, демократическая политическая система, тогда как на пространстве бывшего СССР возобладали «имитирующие» демократию авторитарные режимы различной степени жесткости²⁵.

Примечания

- ¹ *Lynn T.D.* The cold war begins. Soviet-american conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974. P. 378 etc.
- ² Цит. по: *Язькова А.А.* Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945 гг.) // Проблемы истории холодной войны (Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 71).
- ³ Containment. Documents of American policy and strategy. 1945–1950. New York, 1978. P. 223.
- ⁴ *Наринский М.М.* Европа: проблема границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 90.
- ⁵ *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 147.
- ⁶ *Печатнов В.О.* Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике. Т. 4. № 2 (март–апрель). М., 2006. С. 14.
- ⁷ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 29–30.
- ⁸ *Đilas M.* Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 75.
- ⁹ *Холловэй Д.* Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск, 1997. С. 226.
- ¹⁰ См., например: *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999. С. 31.
- ¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 (Отв. ред. Г.П. Мурашко). Т. I. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 38, 40.
- ¹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1983. С. 238–241.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 43. Д. 678. Л. 71–72.
- ¹⁴ Восточная Европа в документах... С. 39.
- ¹⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов (Отв. ред. Т.В. Волокитина). Т. I. 1944–1948. М., 1999. С. 86; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 69–70.
- ¹⁶ *Милибенд Р.* Парламентский социализм. Исследования политики лейбористской партии. М., 1964. С. 381–382.
- ¹⁷ *Стыкалин А.С.* Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001. С. 111.
- ¹⁸ *Rakowski M.* Jak to się stało. Warszawa, 1991. S. 7.
- ¹⁹ *Roosevelt E.* This I remember... New York, 1979. P. 253.
- ²⁰ *Стыкалин А.С.* Указ. соч. С. 109.
- ²¹ *Мурашко Г.П.* Советский Союз и общественные трансформации в Восточной Европе в 1940-х – 1950-х годах. Некоторые дискуссионные вопросы в современной российской и чешской историографии // Власть и общество: Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008. С. 226.
- ²² *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 306.
- ²³ *Tejchman M., Hradečný P., Kolař J., Prokš P., Vykoukal J.* Sovětizace Východní Evropy. Zem ě Střední a Jihovýchodní Evropy v letech 1944–1948. Praha, 1995. S. 28.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 88. Л. 40; *Волокитина Т.В.* Москва и политические репрессии в Восточной Европе в конце 40-х годов (По документам российских архивов) // Блгария в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 56.
- ²⁵ *Кандель П.Е.* Политическое развитие стран Юго-Восточной Европы после краха социализма // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 474.

Е.Л. Валева
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Болгария во Второй мировой войне

Abstract:

Valeva E.L. *Bulgaria in the World War II*

In the years of the Second World War two main political camps were at a conflict in Bulgaria – the government camp, the one that established its linkage with Hitler's Germany, and the opposition camp, where communists had the key role. Meanwhile, two tendencies were developing in Bulgaria's Resistance movement, liberal-democratic and left-wing. The armed anti-fascist struggle was not carried against foreign presence like in countries occupied by Germany, it was carried against Bulgaria's own government leaders, which affected its size and goals: the Resistance movement was not nation-wide, most of the partisans were communists and Komsomol members, and all the organization and leadership duties were carried out by the Communist party. Importantly, the movement was coordinated from Moscow with extensive political and ideological intentions.

By the end of August – beginning of September 1944 the left-wing tendency influenced by certain internal and foreign factors had taken charge in the country. Events of September 9th made the left-wing bloc, the Domestic front, come into power. Communists had the key role in it. New state system was established in Bulgaria, in literature it is referred to as People's Democratic system.

Ключевые слова: история Болгарии, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, советско-болгарские отношения, болгаро-германские отношения, Коминтерн, фашизм, антифашистское движение Сопротивления, Болгарская рабочая партия, Отечественный фронт, Георгий Димитров, 9 сентября 1944 г.

Радикальное изменение международной обстановки после 1 сентября 1939 г. заставило Болгарию определить свою позицию. При этом основными факторами, оказывавшими влияние на болгарские правящие круги во главе с царем Борисом III, стали необходимость решения национального вопроса, сильная зависимость болгарской экономики от германского капитала и победоносное наступление гитлеровских войск в 1940 г. Поэтому, хотя в самом начале мирового конфликта Болгария объявила о своем нейтралитете, 1 марта 1941 г., уступая экономическому и политическому давлению со стороны Германии, правительство подписало соглашение о присоединении страны к фашистскому Тройственному пакту. В тот же день гитлеровская армия вступила в Болгарию, чтобы с ее территории нанести удар по соседним Греции и Югославии. В стране были дислоцированы немецкие военные части, а германские службы превратились в один из основных управленческих факторов. Во многом благодаря позиции царя Бориса болгарским войскам удалось избежать непосредственного участия в военной кампании. В планах гитлеровского командования Болгарии отводилась роль стража юго-восточного фланга фашистского блока, оккупанта захваченных земель. Однако по настоянию Германии 12 декабря 1941 г. Болгарии пришлось объявить войну Англии и США, в надежде, что она останется символической.

Внешнеполитический выбор царя Бориса III и правительства до сих пор вызывает неоднозначные оценки в болгарской историографии. Одни исследователи считают, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту было predetermined с геополитической и экономической точки зрения. Другие же придерживаются той позиции, что София проявила стратегическую недальновидность, вновь выбрав проигравшего союзника, и что стране следовало твердо придерживаться политики нейтралитета. Вопрос заключается в том, насколько это было реально для малой страны, расположенной на перекрестке геополитических интересов великих держав. Сегодня признается, что большая часть населения страны восприняла этот шаг властей как единственную альтернативу. Определенное значение имел и тот и факт, что в это время Германия и СССР являлись союзниками. Поэтому попытки протеста демократической оппозиции и компартии не оказали существенного воздействия на настроения масс. Значительная часть болгар, находившаяся под влиянием правительственной пропаганды, искренне считала, что союз с такой могущественной силой, какой была Германия в 1940–1941 гг., будет способствовать национальному объединению.

В 1941 г. сделан значительный шаг на пути к его достижению. Разгромив в ходе балканских операций вермахта Югославию и Грецию, Германия предоставила Болгарии контроль над пограничными районами этих стран. За короткое время там была создана болгарская администрация. Значительную часть болгарского населения захлестнула националистическая волна: получалось, что благодаря ориентации на Германию правительство сумело в короткий срок, не пролив ни капли крови, решить важнейшую для страны внешнеполитическую задачу. Ведь помимо того, что в сентябре 1940 г. при поддержке Германии Болгария получила от Румынии Южную Добруджу, теперь к Болгарии «присоединялись» Вардарская Македония, Западная Фракия и районы на западной границе Болгарии с Югославией¹. Правда, «присоединение» было в значительной степени фиктивным, поскольку болгарские оккупационные войска подчинялись немецкому командованию, и контроль над этими территориями осуществляла Германия.

В германской стратегии распространения агрессии на Восток участие Болгарии не планировалось. Считаясь с традиционными дружественными чувствами болгар к русскому народу, болгарское правительство не решилось объявить войну СССР и не направило на Восточный фронт ни одного солдата. После нападения Германии на Советский Союз в советско-болгарских отношениях формально ничего не изменилось. Специфика этих отношений заключалась в том, что Болгария, присоединившаяся 1 марта 1941 г. к Тройственному пакту, была единственной из союзников Германии, поддерживающей официальные дипломатические отношения с СССР. Более того, болгарское посольство в Москве представляло также интересы Германии после разрыва советско-германских отношений. Сохранение дипломатических отношений с Болгарией было выгодно СССР как с точки зрения неучастия

болгарских войск в советско-германской войне, так и в смысле облегчения деятельности советской разведки в этой стране.

Положение Болгарии как страны-сателлита заметно отличалось от положения оккупированных Германией государств. В ней сохранялся собственный государственный аппарат; германские войска, располагавшиеся на ее территории, не выполняли оккупационных функций. Однако союз с Германией был для Болгарии неравноправным. Германские монополисты постепенно занимали господствующее положение в болгарской промышленности и банках. Внешняя торговля Болгарии все больше подчинялась интересам «третьего рейха». В результате целого ряда невыгодных для Болгарии экономических соглашений страна превратилась в надежный источник дешевой сельскохозяйственной продукции для «третьего рейха». Из-за несбалансированного товарообмена сложился значительный торговый дисбаланс в ущерб Болгарии². Тесное сближение с нацистским государством не могло не оказать своего влияния и на политический климат в Болгарии. Хотя фашизм в Болгарии не сумел утвердиться у власти, отдельные фашистские идеи существенно повлияли на политическую и экономическую жизнь страны в 30-е и в первой половине 40-х годов. Под строгое наблюдение были поставлены известные политические деятели, не разделявшие официальной точки зрения; тюрьмы и появившиеся концлагеря наполнились противниками режима. Были приняты новые статьи и многочисленные поправки в военно-уголовном и военно-судебном кодексах, предусматривавшие смертную казнь.

Марксистская болгарская и советская историография характеризовала политический режим Болгарии рассматриваемого периода как «монархофашистскую диктатуру». Пожалуй, немного найдется тем, вокруг которых было сломано столько копий, как вокруг проблемы о «болгарском фашизме». В эпоху «реального социализма» в понятие «фашизм» включалось почти все, связанное с развитием страны в 1918–1944 гг. Путь к переоценке этого понятия оказался долгим и сложным. Постепенному отходу от стереотипов способствовали публикации и высказывания И. Димитрова, Д. Сиркова, Вл. Мигева, В. Георгиева, М. Семкова и ряда других историков. К концу 80-х годов уже большинство связанных с темой «фашизм» марксистских формулировок ставилось под сомнение.

Перемены, наступившие в Болгарии после 1989 г., положили начало новому этапу в изучении данной темы, в ходе которого большинство ученых отошло от марксистского понимания такого сложного явления, как фашизм. В 1996 г. на страницах журнала «Демократически преглед» было проведено обсуждение в форме анкеты под тем же заголовком «Был ли фашизм в Болгарии?», в котором приняли участие все занимающиеся в настоящее время данной проблемой ученые, невзирая на политические пристрастия, в том числе такие авторитетные историки, как Г. Марков, В. Мигев, Ст. Грынчаров, И. Баева. Было высказано единодушное мнение, что правящие в Болгарии в межвоенный период режимы были не фашистскими, а авторитарными,

что фашистские организации (как, например, Народное социальное движение А. Цанкова) не имели реального веса в болгарском обществе. В 1935–1943 гг. существовал личный (авторитарный) царский режим с ограничением некоторых гражданских прав и свобод. Некоторое усиление авторитаризма и профашистских тенденций наблюдается после вступления Болгарии в Тройственный пакт 1 марта 1941 г., но и тогда режим не принял тоталитарного характера. В пользу этого говорят отсутствие массовой фашистской партии и ее политической опоры, монолитного парламентского большинства. В известной степени допускалось легальное проявление оппозиции. Отказ правительства (под напором общественности) выполнить требование Германии о депортации и уничтожении болгарских евреев в 1943 г. также свидетельствуют о явном отличии болгарского режима тех лет от «классических» фашистских. Подводя итоги, организаторы анкеты признают тезис о том, что в межвоенный период и в годы Второй мировой войны Болгария являлась «фашистским государством», устаревшим идеологическим построением, полностью отвергнутым современной наукой³.

С вопросом о характере политического режима связана, в сущности, правомерность терминов «антифашистская борьба» и «антифашистское Сопротивление». Эта терминология использовалась уже в документах Болгарской рабочей партии (БРП)⁴ периода войны, когда партия звала трудящихся на борьбу с «монархо-фашистской диктатурой», и затем утвердилась в пропаганде, публицистике, мемуаристике и марксистской историографии. Если марксистская болгарская историография с гордостью констатировала, что в Болгарии, единственной из стран-сателлитов Германии, значительных размеров достигло антифашистское движение Сопротивления, то на нынешнем этапе во многих работах подчеркивается противозаконность вооруженной партизанской борьбы в годы войны⁵. Тем не менее, и сегодня многие болгарские авторы широко употребляют термины «антифашистская борьба» и «движение Сопротивления», полагая, что оно включает в себя как сопротивление прогерманскому внешнеполитическому курсу болгарского руководства, так и борьбу за свержение существовавшего в стране авторитарного режима. В то же время значительное число исследователей считает более адекватным термин «антиправительственная борьба», поскольку вооруженная борьба велась в основном против болгарской армии и полиции, и лишь эпизодично – против германских войск. Его важной особенностью было то, что оно направлялось из Москвы с далеко идущими политико-идеологическими намерениями.

Накануне войны оппозиционный правительству лагерь представлял собой пеструю социально-политическую палитру. В него входили как коммунисты, так и либерально-буржуазные политические группировки. Наиболее радикальную антиправительственную силу составляли БРП, Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) (главным образом, его левое крыло «Пладне»), левые социалисты, деятели политического течения «Звено».

Против прогерманской ориентации правительства выступала и буржуазно-демократическая оппозиция⁶. В нее входили руководящие деятели Демократической партии Н. Мушанова, Либеральной партии, Народной партии, Демократического сговора во главе с А. Ляпчевым, некоторых других буржуазных группировок, а также правые сторонники БЗНС «Врабча 1» (Д. Гичев, В. Димов, К. Муравиев и др.) и правые социалисты.

В начальный период войны либеральная оппозиция строго придерживалась линии нейтралитета по отношению к воюющим группировкам. Несмотря на свои симпатии к англо-французскому блоку, она, реально оценивая внутри- и внешнеполитическую ситуацию, не призвала к открытой ориентации на западную коалицию. Из четырех возможных для Болгарии вариантов внешнеполитической линии – союз с Германией, союз с англо-французским блоком, союз с СССР, нейтралитет – она считала единственно правильным последний⁷. Лидеры буржуазных оппозиционных партий сознавали, что союз с Германией приведет страну к катастрофе, которая может даже поставить под вопрос судьбу капиталистического строя в Болгарии. Поэтому они настойчиво выступали против присоединения страны к Тройственному пакту. Их усилия оказались безрезультатными. И не только потому, что они признавали лишь легальные методы борьбы (она сводилась лишь к речам в парламенте и письменным протестам, адресованным правящим кругам) и что они не смогли преодолеть политиканства, амбиций, личных симпатий и антипатий. Дело еще и в том, что сама тактика нейтралитета была в сложившейся к тому времени международной ситуации иллюзией, которая не могла найти отклика в болгарском обществе, охваченном националистически угаром⁸.

Начавшаяся война между Советским Союзом и Германией оказала особенно сильное воздействие на Болгарию. Интерес к СССР, чувство общности судеб с Россией традиционно существовали в широких слоях болгарского общества, включая его верхушку. Уже в первые дни после нападения Германии на СССР в Софийскую дирекцию полиции начали поступать сведения с мест о настроениях населения, выразившего возмущение гитлеровской агрессией, что дало повод премьер-министру Б. Филову записать в своем дневнике: «Согласно полученным из Софии и провинции сведениям, весть о войне между Германией и Россией была воспринята населением как неожиданность и встречена с унынием»⁹.

Сразу же после начала Великой Отечественной войны советского народа болгарские коммунисты, направляемые Коминтерном, провозгласили курс на вооруженную борьбу против гитлеровцев и существовавшего в стране режима. Решение об этом принимается уже 24 июня 1941 г., намечаются действия по разложению болгарской армии, срыву снабжения германских войск, по развертыванию партизанского движения и привлечению к антиправительственной борьбе всех демократических сил, создается Центральная военная комиссия во главе с Х. Михайловым. Однако новый курс БРП был взят в неблагоприятной для его реализации обстановке. Власти

располагали в тот период достаточно сильной общественной поддержкой, поскольку сумели уберечь страну от военного разгрома, не послали болгарских солдат на фронт и бескровно решили национальный вопрос. Экономическое положение народа еще не начало ухудшаться. Небольшая численность германских войск, находящихся на территории страны, (после начала советско-германской войны она не превышала 2–3 тыс. человек) создавала иллюзию возможности проведения Болгарией самостоятельной политики. В распоряжении правительства имелся мощный государственный аппарат с хорошо организованной полицией и администрацией, а также находившейся в состоянии боевой готовности армией. Компартия же находилась в этот период в изоляции от всех других политических сил, хотя и сохраняла определенное влияние среди трудящихся. Негативным фактором для развертывания антиправительственной борьбы в Болгарии были и первоначальные победы гитлеровцев на советско-германском фронте.

Новый курс БРП исходил не из реально существовавших в Болгарии условий, а из указаний Исполкома Коминтерна от 22 июня 1941 г., в разработке которых важную роль сыграл его генеральный секретарь Георгий Димитров. В день нападения Германии на СССР Димитров направил в ЦК БРП радиogramму, в которой ставил перед партией первоочередные задачи и подчеркивал: «Учтите, что на данном этапе речь идет об освобождении народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции»¹⁰. Партийная линия была конкретизирована в резолюции находившегося в Москве Заграничного бюро (ЗБ) ЦК БРП «Нападение фашистской Германии на Советский Союз и наши задачи» (в состав ЗБ, находившегося в Москве, входили Г. Димитров, В. Коларов, Ст. Димитров и Г. Дамянов). Этот документ был направлен в Софию 1 июля по существовавшей в это время регулярной радиосвязи между ЗБ и ЦК БРП, действовавшим внутри страны. Главной задачей болгарских коммунистов было названо содействие полному разгрому Германии: «К этому делу необходимо привлечь все и вся, не ослабляя всенародного фронта выставления других, более крайних, но несвоевременных, чисто социалистических задач. На данном этапе мировой войны не стоят задачи ни пролетарской диктатуры и советской власти, ни социализма» [в тексте подчеркнуто. – Е.В.]¹¹. Определяя «борьбу против немецких фашистов и их болгарских прислужников и сообщников» как первостепенную задачу, ЗБ наметило переход к тактике широкого антифашистского фронта. В то же время резолюция ориентировала болгарских коммунистов на то, что они не должны отказываться от своей главной, стратегической цели – борьбы за социализм, а лишь перенести ее на более отдаленный момент¹².

Эти особенности условий проведения курса БРП имеют большое значение для понимания специфики движения Соппротивления в Болгарии, которое с самого начала было направлено на изменение существующего строя, на создание нового общества, в котором сначала немалую, а затем руководящую роль будет играть коммунистическая партия. Борьбу за правительство национального

антифашистского единства болгарские коммунисты рассматривали лишь как необходимый этап к глубоким общественным преобразованиям, к социализму.

В развитии болгарского Сопротивления исключительно велика роль внешнего фактора, выражавшегося в целенаправленной политике и поддержке со стороны советского руководства, проводимой через Коминтерн, Загранбюро ЦК БРП и лично Георгия Димитрова. Тот факт, что советское правительство помогало антиправительственной борьбе в Болгарии и одновременно поддерживало официальные отношения с этой страной, и наоборот, что болгарское правительство, не прерывая дипломатических отношений с СССР, предоставляло свою территорию гитлеровской Германии для расширения войны на Восточном фронте, является парадоксальным в условиях существовавшей военно-политической обстановки.

На первом этапе антиправительственная борьба БРП выражалась в саботажных действиях боевых групп, действовавших главным образом в городах. Первые боевые группы были созданы и вооружены уже в июле 1941 г. В каждую из них входило несколько бойцов, как правило, из числа коммунистов-подпольщиков. Их задачей было дезорганизовывать гитлеровский тыл: устраивать диверсии на военных объектах, проводить саботаж на предприятиях, обслуживающих гитлеровцев, добывать огнестрельное оружие и боеприпасы. Боевые группы поджигали цистерны с бензином и склады товаров, предназначенных для германской армии, нападали на немецкую охрану и болгарскую полицию, производили взрывы на железнодорожных линиях, поломку и порчу фабричного и заводского оборудования и т.д.¹³

Наряду с боевыми группами БРП создавала партизанские отряды (четы), действовавшие в горах. Первыми болгарскими партизанами стали коммунисты, которые находились на нелегальном положении в связи с угрозой ареста. Однако, хотя первые партизанские группы появились уже летом 1941 г.¹⁴, об их серьезных проявлениях до середины 1943 г. говорить не приходится. Под руководством Центральной военной комиссии члены БРП и РМС развернули пропагандистскую работу среди солдат и офицеров болгарской армии. Во многих армейских подразделениях создавались подпольные ячейки.

Важной составной частью Сопротивления была деятельность разведывательных групп, работавших на советскую разведку. Они передавали сведения о численности германских войск в Болгарии и о находящихся там военных объектах. Руководителями таких разведгрупп были просоветски настроенные интеллигенты и военные – генералы Владимир Заимов и Никифор Никифоров (Журин), Александр Пеев (Боевой), Элефтер Арнаудов (Алюр). Так, В. Заимов руководил разведывательной сетью с филиалами во многих государствах Центральной Европы, в том числе и в самой Германии. Известны его сообщения советскому Центру, подписанные кодовым псевдонимом «Азорский», которые содержат важнейшую информацию о решениях гитлеровского командования¹⁵. В. Заимов был схвачен полицией, приговорен к смертной казни и расстрелян летом 1942 г. В 1972 г. советскому

разведчику В. Заимову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина.

Учитывая особое положение Болгарии – с одной стороны, как союзника Германии, с другой – как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, – советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии¹⁶. Руководитель одной из групп политэмигрантов, полковник Красной Армии Цвятко Радойнов незадолго до отправки в Болгарию в 1941 г. был зачислен в Специальный отряд войск НКВД¹⁷. Другой руководитель группы, впоследствии генерал, Иван Винаров, писал в своих воспоминаниях, что они «должны были поддерживать самые тесные контакты с органами Четвертого (Разведывательного) управления Красной Армии и с органами НКВД»¹⁸.

По плану Генштаба первые группы политэмигрантов должны были быть переброшены на болгарский берег морем, подводными лодками¹⁹. Неудачи начали преследовать «подводников», высадившихся в августе 1941 г. в устье реки Камчия, с первых же часов пребывания на родной земле. Очень скоро на их след напала полиция, заранее получившая от своих агентов информацию о готовящейся операции. Власти предприняли исключительные меры: мобилизованные войска и полиция тщательно прочесывали побережье и прилегающие леса, за поимку десантников была обещана солидная награда. Нередки были случаи выдачи их местным населением. В итоге из вернувшихся в Болгарию в составе различных групп 56 эмигрантов в живых и на свободе к лету 1942 г. осталось только семеро. 18 человек погибли в сражениях с полицией, трое покончили жизнь самоубийством, 28 были арестованы²⁰.

Провалу операции способствовали и ошибки, допущенные при организации десанта: тяжелое снаряжение и неподходящая экипировка, недостаточное количество продовольствия, отсутствие связи с болгарскими подпольщиками. В докладе начальнику 1 управления ВМФ Зуйкову (копия была направлена Г. Димитрову) начальник разведки Черноморского флота полковник Намгаладзе писал 26 сентября 1941 г.: «В центре не учли обстановку и условия работы, группе предстояло преодолеть горный массив (так называемый Балкан), а экипировка была выдана для прогулки по городу... С момента формирования группы не были приняты меры к организации надлежащей конспирации»²¹. Судя по всему, между советскими секретными службами существовали нестыковка и даже определенное соперничество, мешавшие осуществлению операции. Об этом недвусмысленно писал позже руководитель одной из групп «подводников» Ц. Радойнов, сумевший, несмотря на невероятные трудности, добраться до Софии, где он возглавил Центральную военную комиссию при ЦК БРП (до момента своего ареста в апреле 1942 г.)²². В записке, полученной через партийного связного заместителем начальника 1-го отдела НКГБ П. Судоплатовым 28 апреля 1942 г., Ц. Радойнов писал: «Мною ранее уже был поставлен ряд вопросов о нашей работе.

Эти вопросы не получили, однако, своего разрешения. Меня интересует, к кому следует обратиться за помощью. Кто будет руководить нашей работой и какие Вы расчеты строите? Как известно, сюда для выполнения по существу одной и той же задачи были переброшены люди двумя путями, двумя органами. Еще и тогда я высказывался о вредности такого рода параллелизма. Надо было иметь одно руководство». Отмечая тяжелые условия, в которых ему приходится работать, Радойнов просил «как можно быстрее ответить на следующие вопросы: а) кто будет нами руководить; б) какие будут каналы связи (шифры, позывные); в) на какие средства мы можем рассчитывать в различные периоды войны; г) оружие и радиоаппаратура; д) "ВВ" [взрывчатые вещества – Е. В.]; е) люди, деньги. Мы поставили перед собой задачу подготовить пункты для выброски материалов как воздушным, так и морским путями»²³.

Первоначальный план Разведуправления Генштаба Красной Армии, по которому болгарские эмигранты должны были действовать в тылу немецких войск в Болгарии в качестве бойцов Красной Армии, оказался нарушенным. В связи с этим 4 апреля 1942 г. А. Иванов послал Димитрову радиogramму, в которой просил согласия Загранбюро, чтобы оставшиеся в живых политэмигранты включились в работу партийной организации: «Радионова будем называть Жеко. Он организует боевые группы и вообще руководит военной работой в центре [имеется в виду Военная комиссия при ЦК. – Е. В.]. Вообще сложившаяся обстановка заставила нас использовать всех уцелевших парашютистов. Но тем самым нарушается данный им приказ – работать в стороне от нас, что оказалось невозможным. По этому вопросу Жеко неоднократно запрашивал Косту [конспиративная связь с Москвой – Е. В.], но не получил никакого указания. Он хочет знать, имеется ли здесь у нас, то есть у Косты, соответствующее начальство, с которым он может связаться и получать соответствующие указания»²⁴. В своем ответе от 10 апреля 1942 г. Димитров сообщил в ЦК: «Жеко и уцелевшие парашютисты должны перейти отныне в распоряжение и под руководство партии. Их начальством будет Цека. Другого начальства нет и не следует его искать. Возложенные на них задачи принимает на себя партия»²⁵. Через неделю Димитров просит А. Иванова сообщить, «кто из "парашютистов" убит или арестован»²⁶.

На свободе их оставалось все меньше. 25 апреля 1942 г. полиции удалось схватить Ц. Радойнова. Его арест стал звеном в цепи провалов ЦК БРП и его аппарата весной 1942 г. Было арестовано около 100 видных деятелей партии, в том числе секретари ЦК Антон Иванов и Трайчо Костов. Власти организовали два судебных процесса: первый, так называемый «процесс парашютистов», с главным обвиняемым Ц. Радойновым, и второй – против членов и актива ЦК БРП. 9 июня 1942 г. Софийский военно-полевой суд при закрытых дверях начал слушание дела против 27 «парашютистов» и «подводников». 14 июня начальник 1-го отдела НКВД П. Фитин, через которого шел обмен шифrogramмами с БРП, сообщил Димитрову о получении сведений об этом от резидента НКГБ в Софии. «Всем обвиняемым, – говорилось в сообщении, – грозит

смертная казнь. Защита постарается доказать, что подсудимые прибыли из Советского Союза в качестве разведчиков против Германии, а не для борьбы против Болгарии, поэтому их следует рассматривать в силу наличия нормальных дипломатических отношений с СССР как военнопленных на территории Болгарии и до окончания германо-советской войны интернировать и немцам не выдавать». Далее Фитин извещал Димитрова о том, что ЦК БРП обратился через своего связного к Москве с просьбой «о выпуске официального обращения по процессу» и «о выдаче адвокатам подсудимых удостоверений, свидетельствующих о том, что все обвиняемые являются советскими гражданами». Однако Фитиным было послано в Софию указание не отвечать на эту просьбу, поскольку он счел ее «провокационной»²⁷. 26 июня Димитров получил записку из ГРУ Генштаба следующего содержания: «...Нашему источнику в Болгарии поставлена задача изучить вопрос о возможностях помощи парашютистам. Однако источник считает, что официальное вмешательство СССР в процесс может быть использовано болгарским правительством как один из аргументов для разрыва дипломатических отношений с нами»²⁸. Такое отношение сотрудников секретных служб соответствовало занятой советской стороной осенью 1941 г. позиции. Так, на приеме 17 сентября В.М. Молотов заявил болгарскому посланнику И. Стаменову, что утверждение о якобы сброшенных на болгарской территории советских «парашютистах» опровергнуто советской стороной и что возможно это было «произведено с провокационной целью агентами гитлеровской Германии»²⁹.

26 июня 1942 г. огласили приговор по делу «подводников» и «парашютистов». 18 подсудимых во главе с Ц. Радойновым были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены на Софийском гарнизонном стрельбище. Семерых приговорили к пожизненному заключению. Трагическая судьба десантников лишней раз показала, что руководство БРП, связанное по рукам директивами Коминтерна, не могло адекватно реагировать на внутривнутриполитическую обстановку в Болгарии. Тактика развития антиправительственной борьбы зачастую не отвечала реальным условиям в стране и, как следствие, обернулась большими и неоправданными жертвами. Отправка групп в Болгарию была надолго приостановлена.

Стремясь вывести антиправительственную борьбу из узких рамок чисто коммунистического движения, летом 1942 г. Загранбюро ЦК БРП по указанию Коминтерна разработало политическую платформу национального антифашистского фронта. 17 июля 1942 г. по нелегальной радиостанции им. Христо Ботева была передана программа Отечественного фронта (ОФ). Приоритетными в ней были демократические задачи: разрыв с фашистской Германией, установление отношений дружбы и сотрудничества с советским и другими народами, борющимися против фашизма, свержение антинародной, прогитлеровской власти, восстановление конституции и формирование национального правительства, пользующегося доверием народа. БРП не двигала на этом этапе социалистических задач. В то же время, рассматривая

ОФ и как стратегию, и как тактику, коммунисты не собирались отказываться от своей конечной цели – социалистической революции.

Сразу же после провозглашения программы ОФ ЦК БРП направил декларацию руководителям БЗНС, БРСДП, Демократической, Либеральной, Радикальной и других нефашистских партий, организаций и течений, предлагая принять участие в создании Отечественного фронта и в осуществлении его программы³⁰. Однако объединение социально разрозненных сил в широкий союз шло достаточно медленно. До конца 1942 г. из всех руководителей либеральной оппозиции лишь двое – Н. Петков (БЗНС «Пладне») и К. Георгиев («Звено») – выразили готовность включиться в Отечественный фронт. Другие же лидеры либеральной оппозиции – Д. Гичев, В. Димов, К. Мушанов, А. Буров, Ст. Костурков, Кр. Пастухов, А. Гиргинов, П. Стоянов, – принимая в целом или частично изложенные в программе ОФ требования, отказались от взаимодействия с коммунистами. Наряду с неприемлемостью незаконных методов борьбы, важным мотивом их отказа было недоверие к компартии. Не увенчались успехом и усилия по массовому созданию комитетов ОФ на местах. До середины 1943 г. членскую массу ОФ составляют в подавляющем большинстве коммунисты.

Разгром гитлеровцев под Сталинградом оказал сильное влияние на настроения и взгляды в болгарском обществе. Ухудшение экономического положения и снижение жизненного уровня населения в результате участия Болгарии в войне вызвали все большее недовольство правительством, все чаще раздавались обращения к правительству отказаться от прогерманской политики, прекратить полицейский террор. На этом основании ЦК БРП пришел к выводу, что наступает новый этап в развитии борьбы. В феврале 1943 г. ЦК БРП издал директиву относительно перспектив перерастания вооруженной борьбы в ее высшую форму – восстание с целью свержения существующего режима³¹. В марте-апреле 1943 г. были проведены мероприятия по реорганизации боевых сил ОФ и совершенствованию руководства ими. Все партизанские формирования и боевые группы становились подразделениями единой Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА). Страна была разделена на 12 повстанческих оперативных зон (ПОЗ) во главе с зональными штабами, работавшими под непосредственным руководством окружных комитетов компартии. Летом деятельность партизанских отрядов несколько активизируется. Если в 1942 г. преобладали акты саботажа и диверсий, которые проводили боевые группы, то в 1943 г. не первое место выдвинулись вооруженные действия партизан, перешедших от оборонительной к наступательной тактике. Только в период с марта по август 1943 г. ими было проведено 286 вооруженных операций³².

После победы Красной Армии на Курской дуге руководство БРП решает, что она уже скоро приблизится к Балканам. В связи с этим в сентябре 1943 г. ЦК предпринял массовизацию партизанского движения, для чего не было объективных условий. Возникли трудности с вооружением, продовольствием и т.д.

Для борьбы с партизанами правительство создало специальные военно-полицейские формирования, разработало план наступления на основные районы партизанского движения. Были разгромлены многие партизанские отряды: имени Антона Иванова в Родопах, часть отряда имени Христо Ботева, часть отряда «Чавдар» и другие. Несколько позже, в январе 1944 г. было образовано специальное формирование с целью ликвидации партизанского движения – государственная жандармерия. В стране создается реальная обстановка гражданской войны.

Изменившаяся в 1943 г. внутри- и внешнеполитическая обстановка вызвала активизацию либеральной оппозиции, выступавшей за реставрацию конституционного режима и в защиту буржуазной демократии в ее довоенных формах. Наиболее последовательный защитник этой линии Н. Мушанов стремился объединить либерально-демократические силы в борьбе как против существующего режима, за изменения во внутренней и внешней политике Болгарии, так и против угрозы прихода к власти коммунистов³³. В начале августа 1943 г. царю Борису было вручено коллективное письмо пяти оппозиционных деятелей (К. Георгиев, В. Ганев, Кр. Пастухов, Н. Петков, Ц. Бобошевский), в котором они призывали монарха нормализовать отношения со странами антигитлеровской коалиции. Письмо явилось первым коллективным выступлением лидеров буржуазной оппозиции против политики правительства. Оно вызвало настороженность со стороны руководства БРП, которому не предложили его подписать.

У коммунистов возникли опасения, что они останутся в изоляции и не смогут рассчитывать на участие в управлении послевоенной Болгарией. Поскольку БРП так и не удалось расширить Отечественный фронт за счет партий буржуазной оппозиции, она решила вовлечь в него отдельных политических деятелей, по тем или иным соображениям готовым на сотрудничество с коммунистами. 10 августа 1943 г. было сформировано основное ядро политического центра, впоследствии получившего название Национального комитета Отечественного фронта (НК ОФ) в составе К. Драмалиева (БРП), Н. Петкова (БЗНС «Пладне»), К. Георгиева («Звено»). В сентябре в НК ОФ были включены левый социал-демократ Г. Чешмеджиев и известный своей политической непоследовательностью беспартийный Д. Казасов³⁴. Таким образом, НК ОФ был образован не в результате союза нескольких партий, а в результате договоренности БРП с отдельными буржуазными политиками, действовавшими как частные лица, но использовавшими имя и авторитет своих партий³⁵. В коалицию партий ОФ превратился позже, уже после захвата им власти в сентябре 1944 г.

Изменение международной обстановки после выхода из войны Италии летом 1943 г. усилило внутривнутриполитическую нестабильность в Болгарии. Особую остроту политическая обстановка приобрела после внезапной смерти царя Бориса III, последовавшей в конце августа 1943 г. вскоре после его поездки в Берлин по вызову Гитлера. Это событие потрясло не только правящие и близкие к ним круги, но и глубоко подействовало на все слои

болгарского общества. К царскому гробу три дня тянулись вереницы плачущих людей. Несомненно, тут сыграл роль широко распространившийся слух, будто царя отравили по приказу фюрера в отместку за отказ послать болгарскую армию на советско-германский фронт. Борис III ушел из жизни в ореоле мученика, погибшего за интересы Болгарии. Царем был провозглашен шестилетний сын Бориса Симеон. В условиях неблагоприятных для держав «оси» событий на фронтах смерть болгарского монарха вызвала государственно-политический кризис в стране.

Буржуазная оппозиция решила, что настал благоприятный момент для того, чтобы взять власть в свои руки и создать правительство с ориентацией на Англию и США. По инициативе Н. Мушанова были проведены встречи лидеров буржуазно-демократических партий с целью выработки общих действий для разрешения кризиса. При этом они надеялись на быстрое развитие международной обстановки в пользу антигитлеровской коалиции и на ожидавшийся десант англо-американских войск на Балканах. 1 сентября 1943 г. либеральная оппозиция приняла совместную декларацию, подписанную десятью известными политическими деятелями – Н. Мушановым, А. Буровым, А. Гиргиновым, Кр. Пастуховым, П. Стайновым, Д. Гичевым, В. Димовым, К. Муравиевым, К. Георгиевым и Н. Петковым. Декларация была вручена премьер-министру и председателю Народного собрания³⁶. Таким образом, вслед за созданием НК ОФ летом 1943 г. официально оформилась новая оппозиционная власти группировка, альтернативная ОФ. Буржуазная оппозиция предлагала свой вариант разрешения политического кризиса – без революционных потрясений, путем соглашения с правительством и при поддержке Англии и США.

С избранием регентства и назначением нового правительства во главе с Добри Божиловым 9 сентября 1943 г. государственный кризис был преодолен. Новый кабинет стремился избегать новых обязательств в отношениях с Германией, продолжил и попытки установить контакты с западными союзниками СССР, но безуспешно. С целью заставить болгарское правительство ускорить разрыв с Германией и вывести свои войска из Югославии и Греции английский и американский военные штабы решили предпринять воздушные бомбардировки болгарских городов. В ходе массированных бомбардировок Софии и других городов в январе, марте и апреле 1944 г. погибло около 2000 человек³⁷. Болгарское население впервые лицом к лицу столкнулось с ужасами войны.

Первостепенное значение для разрешения политического кризиса в Болгарии приобретал внешний фактор, соотношение сил в мировом масштабе. Было уже ясно, что приближающийся разгром Германии делал невозможным сохранение прежнего режима. Вырисовывалось два варианта будущего развития Болгарии: восстановление Тырновской конституции и буржуазно-демократического управления или радикальные перемены во внутренней и внешней политике, направленные на коренное общественно-экономическое переустройство. И буржуазная оппозиция, выступавшая за первый вариант, и ОФ под руководством коммунистов, боровшийся за второй вариант,

понимали, что для победы той или иной перспективы важнейшее значение получало соотношение сил в рамках антигитлеровской коалиции.

Захват власти как непосредственная задача впервые был поставлен ЦК БРП в январе 1944 г. в циркуляре № 2 «О задачах партии по мобилизации и подготовке антифашистских сил к всенародному вооруженному восстанию»³⁸. В этот период связь ЦК БРП с Загранбюро и Г. Димитровым была крайне затруднена. Прямая радиосвязь между ними после провала партийного радиопункта в Софии в сентябре 1941 г. была прервана. Обмен информацией между болгарскими коммунистами в стране и Димитровым шел главным образом через советские секретные службы, чаще всего через начальника 1-го отдела НКГБ СССР П. Фитина.

23 февраля 1944 г. Г. Карастоянова, осуществлявшая связь ЦК БРП с Загранбюро, передала Димитрову через Фитина, что «члены организации» [имелась в виду компартия. – *Е.В.*] просят сообщить им мнение Димитрова о том, «правильной ли является линия организации, взятая на вооруженное восстание с целью захвата власти. Какую помощь вы можете оказать людьми и оружием». Далее сообщалось, что «в настоящее время организация имеет в своих рядах до 7 тыс. чел., молодых членов организации насчитывается до 10 тыс. чел., всего же они могут выставить не более 20 тыс. чел. Оружия нет, даже не имеется возможности вооружить 3-х тысяч человек, находящихся в партизанских отрядах. Через маршала Тито организация установила контакт с англичанами, и последние передали Тито для болгарских отрядов оружие и обмундирование». Запрашивалось мнение Димитрова, следует ли брать оружие от англичан³⁹.

1 марта Димитров направил через Фитина в Софию директиву, предупреждавшую БРП от несвоевременного курса на самостоятельный захват власти и от всяких действий, «создающих ложное впечатление, будто речь идет о советизации Болгарии»⁴⁰. Понятно, что в ожидании открытия второго фронта Москва особо опасалась обвинений в советской экспансии. Болгарским коммунистам внутри страны настоятельно рекомендовалось не проявлять самостоятельности, а придерживаться политической линии, проводимой Загранбюро. 7 марта Г. Карастоянова передала два сообщения члена ЦК БРП Д. Терпешева, адресованных на имя Г. Димитрова. В первом сообщении вновь подчеркивалось неудовлетворительное положение с вооружением партизан и содержалась просьба проинформировать, каким путем будет оказана помощь через Югославию и кому давать явки и пароль для получения этой помощи. Болгарские коммунисты просили также направить в Главный штаб НОПА военных специалистов для руководства непосредственной работой по подготовке восстания⁴¹. Во втором сообщении приводились данные о численности партизанских отрядов, об их партийном, возрастном составе, а также об организационной структуре и деятельности отрядов⁴². По данным на март 1944 г., в Болгарии действовало 26 отрядов общей численностью в 2320 человек. 25–30 % партизан являлись членами БРП, примерно столько же было комсомольцев, остальные – беспартийные, но сочувствующие

компартии. Командиры и комиссары назначались из коммунистов. Все полученные из Болгарии сведения о развитии партизанского движения Г. Димитров уже 13 марта сообщил советскому руководству⁴³.

Весной 1944 г. в стране вновь обострился внутривластный кризис, в значительной степени вызванный резким ухудшением дипломатических отношений Болгарии с Советским Союзом. В серии нот (в январе, марте, апреле и мае 1944 г.) СССР потребовал прекратить строительство военно-морских судов для Германии, не допускать использования ею болгарской территории, портов и аэродромов. Советский дипломатический демарш оказал сильное влияние на политическое развитие Болгарии и фактически вызвал в апреле–мае 1944 г. кризис правительства. Даже в самих правящих кругах сужалась база прогерманской политики. Верх брали силы, которые были готовы искать спасение страны в переориентации ее внешней политики. 1 июня 1944 г. управление страной было передано новому кабинету министров во главе с Иваном Багряновым. С учетом наступивших изменений в международной обстановке новое правительство поставило перед собой цель осуществить внешнеполитический поворот: при содействии США и Англии вывести Болгарию из войны, не порывая предварительно с Германией. В начале августа правительство направляет с секретной миссией в Анкару бывшего председателя Народного собрания Стойчо Мошанова. Его целью было выявить возможности заключения Болгарией сепаратного мира с США и Англией. Однако миссия Мошанова оказалась безрезультатной. Болгарское руководство явно переоценило противоречия внутри антигитлеровской коалиции: Англия и США не хотели осложнять свои отношения с Москвой, ясно продемонстрировавшей включение Болгарии в сферу своих интересов⁴⁴.

Провозгласив курс на перемены, правительство Багрянова оказалось не в состоянии его реализовать. Одной из причин было то, что по своему составу оно представляло компромисс между сторонниками этих перемен и приверженцами прежнего прогерманского курса. Последние (в их числе министры внутренних и иностранных дел А. Станишев и П. Драганов), согласуя свои действия с регентами и Генштабом армии, парализовали усилия Багрянова и его сторонников осуществить поворот не только во внешней, но и во внутренней политике. Так, правительство приняло решения ослабить репрессии против политзаключенных, ятаков и родственников партизан, приостановить исполнение смертных приговоров, но Генштаб и министры сопротивлялись этим решениям. Сорвалась и принятие законопроекта об амнистии. Поскольку попытки Багрянова остановить братоубийственную войну, естественно, не встречают понимания и со стороны партизан, правительство вновь переходит в контрнаступление на силы Сопротивления. Истребление партизан и ятаков принимает небывало жестокий характер. Непоследовательно проводится и внешняя политика – попытка отрыва от Германии сопровождается уступками и компромиссами⁴⁵.

К августу 1944 г. война властей с партизанами достигла своей кульминации. Показательна статистика столкновений между правительственными

и партизанскими вооруженными силами. Если в период формирования и укрепления НОПА (март–август 1943 г.) зафиксировано 286 боевых схваток, то с апреля по август 1944 г. их было 1909 – в среднем по 380 в месяц. Интенсивность боевых действий в последние 8 дней партизанской борьбы (1–8 сентября 1944 г.) достигла общей цифры 425, то есть по 53 в день⁴⁶. К этому времени в рядах НОПА насчитывалось около 30 тыс. борцов. Правда, эти цифры нельзя считать абсолютно достоверными, установление точных статистических данных в данном случае не представляется возможным, а в марксистской историографии и мемуаристике об антифашистской борьбе в Болгарии всегда наблюдалась склонность к преувеличению ее масштабов. Направленность болгарского Сопротивления не против иностранного присутствия, а против собственных правителей ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Отрицательное отношение союзников БРП по Отечественному фронту к вооруженной борьбе имело следствием сужение ее классово-политической основы. Политический состав борцов болгарского Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы, а компартия оказалась единственным организатором и руководителем вооруженной борьбы.

Приближение Красной Армии к Балканскому полуострову резко обострили внутривнутриполитическую ситуацию в Болгарии. Правительство И. Багрянова все меньше владело положением, несмотря на то, что его правительство сделало не демагогическую (как порой утверждалось в историографии), а искреннюю попытку изменения внешнеполитического курса страны. 26 августа 1944 г. оно объявило о строгом нейтралитете своей страны в германо-советской войне и потребовало от Германии вывода ее войск с территории Болгарии⁴⁷.

В соответствии с указаниями Г. Димитрова 24 августа делегация Национального комитета Отечественного фронта, начавшего действовать легально, посетила Багрянова и предложила ему немедленно передать власть Отечественному фронту. Премьер ответил отказом, но не посмел арестовать делегацию. Неудачная попытка взять власть мирным путем означала, что предстоит сделать это насильственно.

Стремясь не допустить внутреннего взрыва с поддержкой его извне – со стороны Красной Армии, – власти пошли на компромисс с либеральной оппозицией. 30 августа 1944 г. был образован кабинет во главе с одним из лидеров БЗНС «Врабча» Константином Муравиевым. В него вошли 5 деятелей БЗНС «Врабча», 3 члена Демократической партии, один представитель Народной партии и один беспартийный. Для предотвращения революционного выхода из государственно-политического кризиса, правительство наметило три основные задачи: совершить поворот во внешней политике, порвав отношения с Германией, заключив перемирие с Англией и завоевав доверие СССР; восстановить конституционные порядки и буржуазно-демократические свободы; привлечь БРП и ОФ к управлению страной⁴⁸. В своей декларации от 4 сентября 1944 г. правительство Муравиева провозглашало

«истинно демократическое правление», а в области внешней политики – нейтралитет Болгарии. Правительство отменило нормативные акты, запрещающие деятельность политических партий, расформировало жандармерию, объявило полную амнистию политзаключенных, запретило все организации с фашистской и национал-социалистской идеологией, разорвало дипломатические отношения с Германией (6 сентября) и объявило ей войну (8 сентября), обратилось к СССР с просьбой о перемирии и приказало своим военным подразделениям не только не оказывать сопротивления Красной Армии, но и содействовать ее продвижению по болгарской территории⁴⁹. Пять дней, которые история отвела кабинету Муравиева, не дали ему возможности реализовать эти решения на практике. Но дело не только в этом.

Попытка легальной оппозиции перейти к традиционной партийно-парламентской демократической системе была бесперспективной и заранее обреченной на провал. Судьба Болгарии была решена союзниками по антигитлеровской коалиции с учетом их интересов и планов. Для Англии и США Болгария уже находилась в советской зоне. Это нашло свое подтверждение позже, в октябре 1944 г, когда на встрече Сталина и Черчилля сферы влияния на Балканах были конкретизированы в процентах (75% преобладающего влияния в Болгарии получал СССР)⁵⁰. Для Англии и США не было смысла поддерживать новый кабинет с риском осложнить отношения с СССР, и он остался в полной изоляции.

5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил Болгарии войну с мотивировкой, что болгарское правительство фактически ведет войну в лагере Германии против СССР. Принятое 6 сентября новым кабинетом К. Муравиева решение о разрыве дипломатических отношений с Германией и немедленном начале переговоров с СССР о перемирии не было принято во внимание. 8 сентября 1944 г. части Третьего Украинского фронта вошли в Болгарию. Вступление советских войск на болгарскую территорию создало благоприятные условия для активных действий леворадикальных сил во главе с БРП, объединившихся вокруг Отечественного фронта (ОФ). В ночь на 9 сентября власть в стране перешла в руки ОФ, что означало радикальное изменение как внутреннего, так и международного положения Болгарии. В 6 часов утра назначенный премьер-министром нового кабинета К. Георгиев по радио объявил о том, что народное восстание победило. Смена власти в Болгарии произошла в результате акции, внешне имевший вид «военного переворота» в центре, и отдельных повстанческих действий в провинции, но в основе и того, и другого стояла БРП – организатор Сопротивления в годы войны⁵¹. В тот же день советское правительство согласилось на просьбу правительства ОФ начать переговоры о перемирии.

Событиям 9 сентября 1944 г. посвящено значительное число публикаций, вышедших из-под пера болгарских, советских (российских) и западных историков и политологов; вопросом о характере этих событий исследователи задаются и сегодня. Болгарский историк М. Минчев, обобщив существующие различные мнения, сформулировал 4 тезиса:

1. Советская Армия оккупировала Болгарию и передала власть БРП;
2. был осуществлен военный переворот;
3. произошло народное антифашистское восстание;
4. 9 сентября – социалистическая революция⁵².

Детально проанализировав все точки зрения, М. Минчев приходит к обоснованному выводу о том, что в произошедшей 9 сентября «радикальной перемене можно найти элементы или хотя бы аргументы в пользу трех основных тезисов». Последний тезис носит не научный, а чисто политический характер и исходит из принятого VII съездом БКП (1958 г.) решения о том, что революция в Болгарии уже с самого начала была социалистической по своему классовому характеру, содержанию и значению⁵³. Обстоятельства сложились так, что в событиях 9 сентября внутренние и внешние движущие силы и их политические центры и лидеры находились в политической взаимосвязи и практическом взаимодействии. Это не позволило в создавшейся ситуации ни одной из этих сил реализовать свою собственную концепцию и осуществить предпочитаемую форму захвата власти в «чистом виде» (например, для коммунистов такой формой было восстание, а для членов «Звена» – военный переворот).

Как было показано выше, роль Советской Армии в событиях состоит не в передаче ею власти болгарским коммунистам 9 сентября, а в создании условий для ее захвата силами руководимого коммунистами ОФ. Присутствие Советской Армии парализовало действия правительства, и оно не смогло удержать власть в своих руках. В дальнейшем присутствие советских войск в Болгарии создавало благоприятные условия для того, чтобы закрепить результаты политической победы сил ОФ, ориентированных на СССР, и не допустить вмешательства западных держав в изменение внутривнутриполитической ситуации в нежелательном для Москвы направлении. Таким образом, в 1944–1945 гг. главными целями советской внешней политики в Болгарии было решение двух задач: обеспечение военных условий для скорейшего разгрома гитлеровских войск на Балканах и создание гарантий для утверждения международно-правового положения правительства Отечественного фронта. При этом следует подчеркнуть, что эти цели совпадали с представлениями нового болгарского правительства о национальных интересах своей страны⁵⁴.

События 9 сентября 1944 г. привели к власти блок левых сил – Отечественный фронт, ведущую роль в котором играли коммунисты. Состав правительства ОФ был определен на последнем нелегальном заседании Национального комитета ОФ 8 сентября 1944 г.: в него вошли 4 коммуниста, 4 члена БЗНС «Пладне», 4 представителя Народного союза «Звено», 2 социал-демократа и 2 министра. Таким образом, влияние компартии в новом правительстве не являлось безраздельным, несмотря на то, что ни одна другая партия не могла сравниться с ней по степени организованности и политическому влиянию на массы.

Одной из самых неотложных задач, вставших перед правительством ОФ, было включение Болгарии в войну с германским фашизмом. В короткие сроки была проведена работа по преобразованию царской армии и подготовке

ее к вооруженным действиям на стороне государств антигитлеровской коалиции. В ходе войны, получившей название Отечественной войны болгарского народа, болгарские войска, находясь в подчинении командующего 3-м Украинским фронтом, участвовали в освобождении от фашистов нескольких районов Югославии. В дальнейшем Болгарская народная армия воевала на территории Венгрии и дошла до подножия Альп в Австрии. Участие в борьбе с германским фашизмом на заключительном этапе Второй мировой войны позволило Болгарии упрочить свои международные позиции, а впоследствии добиться при поддержке Советского Союза достойного мирного договора со странами антигитлеровской коалиции.

Примечания

¹ Эти «новоприсоединенные земли» оставались под болгарской администрацией лишь до осени 1944 г., за исключением Южной Добруджи, которая сохранилась в составе Болгарии.

² Подробнее см.: *Никова Г.* Болгария между Германией и Советским Союзом (социальный и экономический ракурс) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. С.-Петербург, 2002. С. 275–290.

³ См.: Анкета на сп. «Демократически преглед» – «Имало ли е фашизъм в България?» // Демократически преглед. София, 1996, № 4–5. С. 368–444. – См. также: *Спасов М.* Имало ли е фашизъм в България? Избрана публицистика. София, 1998.

⁴ Так в период с 1938 по сентябрь 1944 гг. называлась Болгарская коммунистическая партия.

⁵ См.: *Стателова Е., Грънчаров С.* История на нова България. 1878–1944. Том III. София, 1999. С. 606.

⁶ В Болгарии в годы войны существовала и так называемая фашистская оппозиция правительству. К ней принадлежали различные группы и организации, преимущественно националистического характера, которые выступали за более активное и непосредственное участие Болгарии в войне на стороне гитлеровской Германии (Народное социальное движение А. Цанкова, Союз Болгарских национальных легионов, «Ратник», «Бранник» и др.). Однако натиск на правительство со стороны левой оппозиции был гораздо сильнее, чем справа, поэтому правящие круги обращали меньше внимания на выступления «ратников» и «легионеров».

⁷ См.: *Димитров И.* Буржоазната оппозиция в България. 1939–1944. София. 1969. С. 26, 51.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ *Филов Б.* Дневник. София. 1990. С. 346.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г. № 420.

¹¹ Централен държавен архив (ЦДА, София). Ф. 3. Оп. 4. А. е. 586. Л. 1.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ См.: *Стойнов Б.* Бойните групи (1941–1944). София, 1969.

¹⁴ См.: История на антифашистката борба в България. 1939–1944. Т. 1. София. 1976. С. 210–214.

¹⁵ См.: Невидимите барикади. Очерци за българи – съветски разузнавачи. София, 1968; *Заимов С.* Генерал Владимир Заимов. София, 1988.

¹⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Исх. и вх. телегр. за 1942 г. Л. 4, 7; *Даскалов Д.* Жан съобщава. Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. София, 1991. С. 58–75.

¹⁷ См.: Живот – борба. Книга за Цвятко Радойнов. София, 1986. С. 122.

¹⁸ См.: *Винаров И.* Бойци на тихия фронт. София, 1969. С. 557.

¹⁹ Еще 30 болгарских эмигрантов, составивших пять групп, были сброшены с парашютами на территорию Болгарии с советских самолетов в сентябре – начале октября 1941 г. Их судьба оказалась трагичной: почти все они были сразу схвачены полицией, погибли в перестрелке или покончили с собой.

- ²⁰ См.: *Ерелийска М.* Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. 1963. Т. 10. С. 348. – См. также: *Видинский К.* Подводники. Воспоминания. София, 1987.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 87. Л. 4–5.
- ²² Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Герой болгарского Сопротивления Цвятко Радойнов // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 107–122; Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 274–277.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 85. Л. 64.
- ²⁴ Там же. Оп. 184. Д. 19. Л. 4.
- ²⁵ Там же. Д. 12. Л. 6–7.
- ²⁶ Там же. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Оп. 74. Д. 85. Л. 89–90. См. также: Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София. 1999. С. 174–175.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 86. Л. 26.
- ²⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 122. П. II. Л. 7.
- ³⁰ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 77.
- ³¹ См.: Антифашистката борба в България. Документи и материали. София, 1984. Т. 2. С. 5–15.
- ³² *Георгиев Г.* НОВА. Бойната дейност на народноосвободителната въстаническа армия. 1943–1944. София. 1974. С. 22.
- ³³ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 92–93.
- ³⁴ См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 281.
- ³⁵ *Минчев М.* Отечествения фронт в България // *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 20–24.
- ³⁶ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 124–125.
- ³⁷ Народ против фашизма. 1939–1945. М., 1986. С. 172.
- ³⁸ См.: Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 297–303, 299.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 19; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 2. С. 425.
- ⁴⁰ *Димитров Г.* Дневник. (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 409.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 20.
- ⁴² Там же. Лл. 21–22.
- ⁴³ Там же. Д. 95. Лл. 1–3.
- ⁴⁴ *Мошанов Ст.* Моята мисия в Кайро. София. 1991. С. 371.
- ⁴⁵ Подробнее см.: *Димитров И.* Иван Багрянов – царедворец, политик, държавник. Исторически очерк. София. 1995.
- ⁴⁶ См.: *Баталски Г.* За антифашистката борба и гражданската война (по българския опит от 1941–1944г.) // Военноисторически сборник 1990. № 5. С. 84.
- ⁴⁷ См.: *Димитров И.* Иван Багрянов – царедворец, политик, държавник. С. 89.
- ⁴⁸ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 193–196.
- ⁴⁹ *Муравиев К.* Събития и хора. Спомени. София. 1992. С. 402–403.
- ⁵⁰ См.: България – непризнатият противник на Третия райх. Сборник документи. София. 1995. С. 83–86, 89–98.
- ⁵¹ См.: *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1944–1999. София. 2000. С. 24.
- ⁵² Подробнее см.: *Минчев М.* За характера на Девети септември 1944 г. // *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 42–77.
- ⁵³ Там же. С. 72–73.
- ⁵⁴ См. также *Лавренов С., Шинкарев И.* Некоторые особенности советско-болгарских отношений на завершающем этапе войны против Германии (9 сентября 1944 г. – май 1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София. 1999. С. 93.

Н.С. Пилько
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Словенские домобранцы в годы Второй мировой войны

Abstract:

Pilko N.S. *Slovenian domobrans in the years of World War II*

The article is devoted to the Slovenian collaborationist organization Slovenian «Domobran» League. The League was formed in 1943 in Slovenia, or, to be exact, on the territory which was part of the Kingdom before the surrender of Fascist Italy. It was called the Ljubljana Province. A special feature of the organization was that it was provided with ideological support by the Slovenian Catholic Church, represented by the bishop of Ljubljana, G. Rozhman. The organization participated in the Germany's army's operations against the troops of the People's Liberation Army in Slovenia. Domobrans had their own uniforms and insignia and published newspapers and magazines. The organization was directed by the General of the former Yugoslav Royal Army Leon Rupnik. In 1945 domobrans administered the oath of allegiance to Nazi Germany.

Ключевые слова: Словения, Вторая мировая война, Словенская домобранская лига, нацистская Германия, Люблянская провинция, СС, Леон Рупник.

В 1943 г. на территории Словении, вернее, в той ее части, которая с первых дней войны была оккупирована Италией, а после ее капитуляции – Германией, возникла организация Словенская домобранская лига. Она была создана по инициативе немецких оккупационных властей для поддержания порядка на захваченных территориях.

Люблянская провинция¹ была занята германскими войсками еще в августе 1943 г. Дислоцированный там II армейский итальянский корпус был разоружен, а солдатам предложено заняться той деятельностью, которой они занимались до войны или вступить в ряды верманшафта². Люблянская провинция, которая сохранила за собой прежнее название, и Словенское Приморье вошли в состав так называемой Оперативной зоны Адриатического побережья. Эта часть словенской территории имела для немцев стратегическое значение, поскольку обеспечивала связь с войсками на Балканах и в Италии. Все военные единицы, расположенные на бывшей итальянской территории, подчинялись штабу группы армий «Б» в северной Италии, другие же находились под командованием высшего руководителя СС и полиции 18 военного округа. Имеющихся в наличии войск было недостаточно для поддержания порядка на оккупированных территориях, о чем свидетельствуют неоднократные просьбы командования о подкреплении³. Исходя из сложившейся ситуации, штаб обязали создать в кратчайшие сроки некую организацию по «самообороне населения от большевизма»⁴.

10 сентября 1943 г. высшим комиссаром в Оперативной зоне стал Фридрих Райнер. Немецкие власти, знавшие об Освободительном движении, с первых же дней оккупации Люблянской провинции предприняли ряд мер,

для предотвращения возможных акций саботажа в городах и крупных населенных пунктах. Запрещалось свободное передвижение по городу, использование велосипедов и автомобилей⁵; возбранялось собираться на улице группам, состоящим более чем из пяти человек, для различного рода собраний и митингов необходимо было получить специальное разрешение; запрещалось распространение «ложных» новостей, листовок и т.д. Жителей призывали добросовестно работать на своих местах и ждать дальнейших распоряжений. В дополнительном указе коменданта Любляны говорилось, что все оружие, имеющееся на руках у населения, подлежало конфискации городскими властями. За порядком на оккупированной территории следили подразделения полиции. Главой полиции в Любляне был назначен высший руководитель СС и полиции и командир оберабшнита СС «Альпенланд» Эрвин Резенер. Он образовал «Оперативный штаб по уничтожению банд» (партизанских групп). Руководство штаба понимало невозможность быстрой ликвидации партизанского движения и, исходя из этого, ставило перед подчиненными довольно скромные задачи: охрана железных дорог, складов и т.д.

Подготавливая наступление на части Народно-освободительной армии, военное командование приняло решение организовать вооруженные отряды из числа местного населения для «поддержания мира и порядка на оккупированной территории, обеспечения безопасности жизни и для увеличения экономического и социального прогресса»⁶. Немцы первоначально планировали создать словенские дивизии СС из числа коренного населения. Однако бывший генерал Югославской армии Леон Рупник, активно сотрудничавший сначала с итальянскими, а затем и немецкими властями, сумел убедить власти, что маленькая национальная армия будет гораздо эффективнее, поскольку игра на национальных чувствах могла привести к росту патриотизма тех, кто выступал против коммунизма, но за свободную Словению.

Созданная организация получила название Словенская домобранская лига, на которую генерал Рупник возлагал большие надежды. Он хотел объединить в ее рамках все антикоммунистические группы, чтобы потом создать единую организацию наподобие нацистской партии в Германии, цель которой сводилась бы к созданию «нового словенца». По мнению Рупника, для этого следовало устранить все причины, которые потенциально приводят к политической раздробленности. Одной из таких причин являлись классовые противоречия. Рупник утверждал, что «классовая война – это искусственно созданная проблема, вместо нее должна стимулироваться конструктивная деятельность всех слоев общества, а основой стимуляции является согласие и взаимное уважение»⁷. Рассматривая вопрос о политической раздробленности, Рупник видимо брал в расчет политические партии и группы, которые существовали на территории Словении до войны. Складывается впечатление, что генерал забывал об истинном положении своей родины, которая находилась под оккупацией нацистской Германии, в планы которой не входило возрождение поработанного ею народа. С другой стороны, эти высказывания могли

оказаться фарсом, рассчитанным на неискушенного в политических баталиях обывателя. Впоследствии Рупник объяснил так свои воззрения: «перспективы освободительной войны у нас были довольно смутными, а опасность, угрожавшая существованию нашего народа, – велика»⁸. По его мнению, малочисленному словенскому народу гораздо выгоднее было сотрудничество с захватчиками. В своих выступлениях Рупник называл оккупацию истинным благом для словенского народа. Он говорил, что именно «в этот момент словенцы могут взять судьбу в свои руки»⁹.

Генерал Резенер не желал отказываться от своих планов – на базе домобранства образовать дивизию СС. Однако Рупник проявил настойчивость, отметив, что новоявленные солдаты СС дезертировали бы или примкнули к партизанам¹⁰. Очевидно, он опасался открыто перейти на сторону немцев, поскольку это могло привести к массовому недовольству, в то время как служба в домобранских частях, согласно пропаганде, являлась службой во благо родины.

24 сентября 1943 г. в словенской печати впервые было объявлено об образовании Словенской домобранской лиги. Цель ее создания объяснялась стремлением защитить свою родину. Особый акцент делался на то, что в домобранской армии не будет запрещен словенский язык, а руководящие должности займут словенские офицеры¹¹. Немецкие власти обязались оказывать всяческую помощь и поддержку со своей стороны «в этом благородном начинании». С 24 сентября почти в каждом номере издававшихся в то время газет печатались статьи, агитировавшие население вступать в ряды Лиги. Командование Лигой находилось в руках словенских командиров, однако во все домобранские части направили немецких офицеров и унтер-офицеров. Их функции сводились к тотальному контролю над новой организацией. Согласно указу № 2 словенские домобранцы должны были немедленно по обнаружении уничтожать группы так называемых лжедомобранцев и вооруженных «бандитов», всех тех, кто не подчинялся Верховному штабу¹².

Первый марш домобранцев по Любляне состоялся 3 октября 1943 г. Особенностью Словенской лиги являлось то, что она приобрела ярко выраженный национальный характер. Упор делался на необходимость защищать свою родину, Словению, свою культуру и т.д. В периодических изданиях печатались стихи, которые перекладывались на национальные мелодии, и имели патриотический характер:

Легионеры, домобранцы землю свою любят,
Плодородные поля, реки, белые дома,
Церкви и долины, реки быстрые, вершины!
В бой, в бой, в бой!
За дом родной в бой!
Смерть проклятому врагу!¹³

Для того чтобы ряды домобранства постоянно пополнялись, началась активная агитационная работа. Деятельность отдела информации и пропаганды,

созданного 8 ноября 1943 г., строилась исключительно на директивах германского руководства. Сектор, занимающийся информацией, Рупник взял под свое покровительство и включил его в состав секретариата областной администрации. Любые сведения, прежде чем попасть в печать, проходили тщательную идеологическую обработку. Кроме того, у домобранцев появляются свои печатные органы: «Словенское домобранство», «Словенский солдат», «Словенец», «Словенский дом», «Домолюб», «Семейный еженедельник», «Словенский народ», «Гореньски домобранец»¹⁴. Были также напечатаны пропагандистские книги: «Под знаком ОФ», «200 вопросов, что такое ОФ», «Голос пастыря», «Наш народ не хочет умирать» и множество других, в которых делался акцент на необходимость очистить свою родину от Освободительного фронта и «коммунистической заразы». В бой частям легионеров разрешалось идти под словенскими знаменами (бело-синекрасный триколор). Вводилось специальное приветствие на словенском языке. На призыв «здравствуйте, словенские домобранцы» (Zdravo, slovenski domobranci) следовало отвечать «дай Бог» (Bog daj).

Подобная политика имела свои преимущества. С древнейших времен, согласно сложившимся историческим реалиям, словенцы относились к немцам как к поработителям, и вот теперь они были признаны нацией, несмотря на территориальную раздробленность Словении и оккупацию. Сначала все это воспринималось с энтузиазмом, поскольку сохранялась надежда, что народ вскоре будет воссоединен. Однако политика, проводимая германскими властями, быстро развенчала все эти надежды.

В октябре 1943 г. был образован Организационный штаб словенского домобранства, который возглавил подполковник, а с 1 января 1945 г. полковник Франц Кренер. Само название штаба свидетельствовало о том, что в его компетенции были только организационные вопросы. Командовал же Словенской домобранской лигой Э. Резенер. В задачи Организационного штаба входило: пополнение рядов домобранцев, военная подготовка и контроль за выполнением приказов. В штабе была создана разветвленная система отделов: информационный, технический, здравоохранения, судебный, отдел по вопросам религии, секретариат и архив.

Домобранская армия имела свою структуру и делилась на составные части. Так, в Любляне был расквартирован Первый домобранский батальон, его задача заключалась в изоляции города от близлежащих деревень. В ноябре 1943 г. ему в помощь был образован «учебный» батальон, состоявший из новобранцев (в декабре 1943 г. переименован в 1-ю «учебную группу»; в это же время образована 2-я «учебная» группа, которая расположилась в Люблянском граде)¹⁵. В районе города Врхника располагался Второй домобранский батальон¹⁶. Его задача сводилась к осуществлению контроля над железными дорогами. В г. Ново Место находился Третий домобранский батальон. Его отряды принимали участие в немецком наступлении на партизан в Нижней Крайне в октябре 1943 г. Четвертый батальон базировался в окрестностях

г. Логатец. В его функции входила охрана железнодорожных путей. Всего к началу декабря было создано шесть батальонов, задача которых заключалась в охране коммуникаций и населенных пунктов¹⁷. Общая численность членов Словенской домобранской лиги к концу 1943 г. составила 10 тыс. человек¹⁸.

В середине декабря Организационный штаб большую часть отрядов снабдил единой формой и вооружением. При этом строго оговаривалось, кто и какое оружие имеет право носить. Так, португезю и револьвер на поясе имели право носить только офицеры, занимающие командные должности. Запрещалось ношение охотничьих и других ножей. Постоянно иметь оружие при себе разрешалось только охране Рупника¹⁹. Особые указания касались погон офицеров, поскольку большинство из них были самодельными²⁰.

Вскоре батальоны расформировали, а на их базе создали армейские группы (всего их было пять). Первая располагалась в Любляне и состояла из девяти отрядов. Ее части плотным обручем окружили город. Вторая группа сосредоточилась близ местечка Шкофлица, в ее функции входила охрана железной дороги между Любляной и Кочевьем. Третья группа должна была защищать г. Ново Место и его окрестности. Четвертая – контролировала железнодорожные пути между Врхникой и Ракеком, а также г. Полхов Градец и Планина. Дорога между Любляной и Планина находилась под наблюдением Пятой армейской группы.

В январе – феврале 1944 г. численность групп увеличилась до семи²¹. Шестая и Седьмая контролировали железную дорогу Любляна – Рибница. Однако в марте 1944 г. немцы сократили численность групп до четырех и дали им новые наименования: «Север» (Nord), «Запад» (West), «Середина» (Mitte), «Восток» (Ost). Группа «Север» действовала в окрестностях Любляны, «Запад» – в районе города Ракек, группа «Середина» контролировала Гросупле, а «Восток» – Требинье. В каждую группу назначался офицер и три унтер-офицера в качестве инспекторов, врач, секретарь и интендант²². Постоянная перегруппировка домобранских частей являлась доказательством того, что немецкое командование пыталось увеличить коэффициент их эффективности, но поскольку армия не являлась профессиональной, то достигнуть этого было довольно сложно.

Осенью 1943 г. было выдвинуто предложение создать подобную Домобранской лиге организацию в Словенском Приморье. Эту инициативу поддержали германские власти, заинтересованные в образовании как можно большего числа вооруженных подразделений из местного населения. Процесс формирования начался в конце октября 1943 г. Для выполнения этой миссии в Триест прибыл высший руководитель СС и полиции О. Глобочник и полковник А. Кокаль. 26 ноября Глобочник образовал Словенский национальный совет безопасности²³ (Slovenski narodni varnostni zbor – сокр. СНВЗ). Инспектором государственной безопасности в рамках зоны Адриатического побережья стал А.Кокаль. Население отнеслось к Совету весьма прохладно, процент вступивших был низким, поэтому в феврале из Любляны в Приморье направили специальный агитационный отряд. Но и его деятельность не принесла

желаемых результатов. Такую пассивность можно объяснить тем, что этот район был слишком отдален от словенских политических центров. Кроме того, местное население не имело этнической целостности.

В начале 1944 г. А. Кокаль образовал руководящий орган СНВЗ – Организационный штаб. Первоначально он занимал должность инспектора штаба, а с февраля 1945 г. – командующего. В его распоряжении было пятнадцать офицеров, из числа которых назначались начальник штаба и помощник инспектора²⁴. С момента образования домобранства неоднократно говорилось о том, что эта организация стоит вне политики. Домобранцам запрещалось вести политическую деятельность²⁵, но, вместе с тем, строго возбранялось преследовать представителей любой партии, кроме коммунистической²⁶.

Организационный штаб делился на отделы: центральный отдел пропаганды, отдел, занимающийся экономическими вопросами, а также информационный, судебно-правовой, учетный, религиозный, строительный, культурно-политический, вооружения, полиции и здравоохранения²⁷. По мере расширения деятельности СНВЗ число отделов увеличивалось. Некоторые из них полностью подчинялись руководству штаба, другие же имели некоторую свободу в принятии отдельных решений. В районе Горицы в апреле 1944 г. при командовании СНВЗ открылась специальная школа по подготовке домобранцев. В начале июня 1944 г. в районе Илирска Бистрица начало функционировать представительство главного штаба СНВЗ. Однако численность приморских домобранцев так и не достигла желаемых показателей. Всего удалось создать около двадцати отрядов. Их деятельность сводилась к исполнению полицейских и охранных функций. Под надзором домобранцев находились склады, водные резервуары, железные дороги и станции. В самостоятельных акциях против партизан приморские домобранцы практически не участвовали. Во время крупных операций их привлекали в качестве вспомогательных частей. Так, к примеру, отряды СНВЗ участвовали в наступлении немецкой армии весной 1944 г. и вели бои с отрядами IX корпуса НОА (образован в декабре 1943 г.). В октябре 1944 г. Национальный совет безопасности преобразовали в словенский ударный полк, который состоял из четырех ударных батальонов, общей численностью около 2 тыс. человек²⁸.

Следует также сказать несколько слов еще об одной ветви домобранства. Один из крупнейших центров располагался в Верхней Крайне (в той ее части, которая после оккупации Словении принадлежала Италии). Руководителем его стал Славко Крек, пост командующего занял обершарфюрер СС Эрих Дихтль. Для обучения новобранцев открылись специальные курсы, на которых прививались не только навыки ведения боя, но и проводилась идеологическая подготовка²⁹. Каждый новобранец получал оружие, теплую одежду, столовый прибор, предписанную униформу и хорошую обувь, тетрадь, смену белья на три недели. Униформа верхнеукраинских домобранцев была серого цвета (у остальных – зеленовато-синей). Оповестительными знаками для всех частей являлись герб в бело-сине-красных тонах со словенским

орлом, нашивка носилась на левом рукаве шинели. На pilotки прикреплялся словенский триколор. Дополнительными знаками служили значок за доблесть и за ранения. Единственной наградой являлся железный крест за боевые заслуги. Все другие опознавательные знаки запрещались. Только солдатам ударных бригад, участвовавших в карательных операциях, разрешалось помимо перечисленных знаков носить изображение черепа на левой стороне воротника шинели³⁰. Форма была немецкого производства.

Одной из причин популярности этой организации, особенно в Люблянской провинции, являлась некоторая социальная гарантия и дотации. Домобранцы получали жалование 5 рейхсмарок в день; если отряд посылался на задание, то 9 марок. Кроме того, проводились ежемесячные выплаты семьям: по 30–40 марок за ребенка³¹. Женщин в ряды домобранства не принимали, хотя многие из них жили со своими мужьями в лагерях и работали там в качестве кухарок и прачек. Общая численность солдат на стоянках в начале 1944 г. не превышала 40–60 человек. К концу войны их численность сократилась до 30. Власти относились с недоверием к Домобранской лиге, в первую очередь из-за низкого уровня дисциплины. Самыми распространенными дисциплинарными преступлениями стали: обсуждение и критика отдаваемых приказов, падение боевого духа, отсутствие пунктуальности и т.д.³².

В одном из донесений от 1 марта 1945 г. говорилось: «Болтовня и критика приказов повсеместна. Болтун никогда не будет доволен и никогда не сделает ничего полезного. Критикуют в основном те, кто считает себя лучше и талантливее. Невозможно, чтобы командовали все, тогда не останется тех, кто будет выполнять приказы. Многие вступают в Домобранскую лигу только из-за материальных соображений, а когда сталкиваются с первыми трудностями, то начинают выражать недовольство»³³. В этом же документе говорилось, что «многие солдаты просто не понимают, что в военное время не может быть пищи и материальных благ столько, сколько они привыкли иметь в мирное время». Также отмечалось, что для многих домобранцев характерен так называемый «локальный патриотизм». Т.е. они готовы сражаться, когда дело касается их деревни или их дома, когда же речь идет о благе всего народа, то многие отказываются «вникать в смысл этой необходимости»³⁴.

Широкое распространение получило воровство. Нападениям с целью грабежа подвергалось как мирное население близлежащих населенных пунктов, так и сослуживцы. Были известны случаи краж не только личных вещей, но и крупных денежных сумм. Обыденным явлением стала спекуляция оружием³⁵. В приказе главы Организационного штаба словенского домобранства № 10 от 10 февраля 1944 г. говорится, что представители домобранцев в ходе арестов гражданских лиц совершают кражи, «воруют все, что попадет им под руку: домашнюю птицу, одежду и т.д.»³⁶. В связи с этим глава словенского домобранства приказал передавать воров военным судам и строго наказывать, поскольку их действия «подрывают доброе имя домобранцев»³⁷ и способствуют падению популярности организации у населения³⁸. За реквизицию товаров

широкого потребления (продукты питания, табак и т.д.) реквизирующий обязан был уплатить компенсацию в размере стоимости изъятого товара; вещи, не относящиеся к категории «товаров широкого потребления» (личные вещи), должны были быть возвращены владельцу. Дисциплинарную и материальную ответственность за «несанкционированную или самостоятельную реквизицию» нес непосредственно командир подразделения³⁹.

Особое место занимало пьянство в домобранских частях. Об этом неоднократно упоминалось в документах командования. В одном из них, написанном Кренером говорилось: «За одну неделю умерло 4 солдата из-за пьянства... Нужно брать пример с партизан, которые подобные дисциплинарные нарушения карают смертью. Я не хочу терпеть недисциплинированные, пьяные банды. Я хочу иметь армию и достойных офицеров»⁴⁰.

Кроме того, нерентабельной армию домобранцев делал низкий уровень военной подготовки. Новобранцы ничего не умели. Сначала властей этот факт не смущал. Они даже отмечали в своих агитационных выступлениях, что для борьбы с бандитами никакой стратегии и тактики не нужно. Главное, чтобы домобранцы были морально устойчивыми и дисциплинированными⁴¹. Вскоре стало ясно, что без соответствующей подготовки вести борьбу против «бандитов» нельзя. Но курсы для обучения военным навыкам не приносили необходимой отдачи.

Немалую роль в создании Словенской домобранской лиги сыграл католический клир, ставший ее главной опорой. В частности, большую заинтересованность в образовании Лиги проявлял епископ Любляны Г. Рожман. Готовность сотрудничать с оккупантами он продемонстрировал еще в мае 1941 г. Тогда епископ счел своим долгом написать открытое письмо к дуче. Оно было опубликовано в газете «Словенец». В нем говорилось следующее: «Дуче! Мы с великой радостью узнали, что словенские земли были присоединены к Италии. Просим Вас принять благодарность от имени всего духовенства епископства за заботу, которую вы дарите словенскому народу. Примите также выражение нашей безграничной преданности, мы же молим Бога, чтобы благословение пало на ваши деяния, на итальянский и словенский народ!»⁴². Секретарь Рожмана впоследствии утверждал, что это обращение к дуче было сильно искажено и напечатано не в том виде, в котором оно было написано епископом. По его словам, в первоначальном варианте говорилось следующее: «Сегодня был объявлен декрет, согласно которому занятая итальянской армией территория присоединена к Италии. Мы благодарны вам за то, что на всей территории епископства словенскому народу дана возможность для культурного и религиозного развития. Я выражаю вам свою благодарность и молю Бога, чтобы он благословил наши и ваши заботы о благоденствии народа»⁴³.

В сентябре 1942 г. Рожман направляет командующему XI армейского корпуса генералу Роботти меморандум, который впоследствии получил название «Меморандум 12 сентября». В этом документе епископ фактически предлагал начать гражданскую войну. Это ясно из нижеприведенного текста:

«Как большая часть словенцев, которая выразила готовность сотрудничать с итальянскими властями, для восстановления мира и порядка мы предлагаем следующее: позвольте нам организовать во всех областях вооруженные службы безопасности под командованием словенцев. Имена членов и их руководителей будут известны военным властям. Руководителей мы изберем из тех, кто готов употребить оружие только против мятежных элементов, которые еще угрожают нашей земле. С образованием служб безопасности, через несколько недель, будет установлен мир и порядок. Мы также утверждаем, что образование этих организаций увеличит степень доверия населения к итальянским властям, которые не собираются притеснять словенский народ и разрушать его благосостояние, а напротив хотят уничтожить повстанческие элементы и восстановить порядок. Помимо служб безопасности необходимо образование военных центров под руководством бывших югославских офицеров, задача, которых заключалась бы в надзоре за лесами для предотвращения образования вооруженных партизанских банд. С этой целью мы могли бы вернуть из концентрационных лагерей некоторых молодых и надежных офицеров. Что касается Любляны, то мы предлагаем следующее: арест и высылка из города определенного количества семей, а также создание тайной полиции, которая насчитывала бы 500 человек, вооруженных револьверами...»⁴⁴.

26 сентября 1942 г. епископ написал очередное послание под названием «Pro metoġia». В нем он попытался обрисовать итальянским властям ситуацию, в которой оказались словенцы. Он отмечал, что «словенцы – мирный народ и лояльно относятся к властям, по своей натуре они чужды революционных идей и в состоянии оценить положение вещей. Мы исходим из принципа кесарю – кесарево, а Богу – Богово..., не только я, – продолжал епископ, – но и большинство словенского народа осуждает «подвиги» тех, кто под личиной народно-освободительного движения начал проводить террористические акции против словенцев и итальянцев с тем, чтобы словенский народ оказался в безнадежном состоянии и стал бы жертвой коммунизма»⁴⁵. Далее Рожман еще раз выразил благодарность итальянскому правительству за «мягкую политику», которую оно проводит по отношению к словенцам, и за то, добро, которое оно несет словенскому народу⁴⁶. Епископ также заявил, что словенцы должны быть благодарны Королевству Италия за аннексию, поскольку декрет от 3 мая признал словенский народ как таковой, защитил их родной язык, национальную индивидуальность и автономное положение⁴⁷. Рожман также выдвинул целый ряд предложений, выполнение которых, по его мнению, могло привести к росту симпатий населения к Королевству и помогли бы формированию сил, которые усмирили бы провинцию⁴⁸.

Епископ пытался убедить итальянские власти в необходимости создания некой военизированной словенской организации, которая бы помогла оккупантам подавить партизанское движение. Эти идеи были услышаны и нашли применение сначала у итальянских властей, а потом, после капитуляции Италии, и у немецких.

После оккупации Люблянской провинции Германией Рожман сразу же признал новую власть. Так, на съезде духовенства, состоявшемся 12 июня 1944 г. в Любляне, он заявил, что домобранство – легальная сила, которая после «падения Югославии сделала своей главной опорой оккупантов⁴⁹; коммунизм для народа означает смерть, победа над ним – жизнь»⁵⁰. По сути, он являлся одним из идеологов и наставников Лиги. Главная опасность, по его мнению, заключалась в народно-освободительном движении. В одном из своих выступлений, посвященном жертвам коммунизма, Рожман приписывал все беды словенского народа «безбожному коммунизму, который привел часть населения к нищете, другую же часть к смерти»⁵¹. Рожман говорил следующее: «Из гробов погибших от рук партизан мы слышим вопросы: Почему вы все еще стремитесь к смерти? Разве вам мало нашей жертвы? Зачем вы их увеличиваете? Кому эти жертвы нужны? Народу? Нет!». И далее следовала молитва: «Всеблагий Боже! Помоги нашему народу дожить до мира. Ради невинных жертв пощади наш народ, чтобы он во власти обмана и безрассудства не исчез с лица земли»⁵². Его выступления, как правило, были наполнены различными метафорами и строились так, чтобы смысл дошел не только до ума, но и до сердца простого обывателя. Рожман неоднократно проводил молебны «О даровании мира», на которые приглашались все верующие⁵³. Эти молебны имели не только религиозный характер. После службы священнослужители объясняли прихожанам, что такое Народно-освободительный фронт, в чем его зло и почему необходимо бороться против него. Подобная пропаганда, а это была именно пропаганда оккупационных властей, сумевших без особого труда привлечь на свою сторону духовенство, сыграла свою роль и имела успех в основном в сельской местности, поскольку церковь занимала там особое место. Официально словенский клир осудил Освободительный фронт весной 1944 г. на съезде словенского духовенства. Тогда же была выказана лояльность по отношению к оккупантам. Особый успех имело выступление доцента теологии Ленчека, назвавшего сотрудничество с коммунистами смертным грехом. Единственно законной и богоугодной властью в Словении, по его мнению, являлось домобранство⁵⁴.

Во время судебного процесса Ф. Райнер заявил, что «Словения – единственный пример, где нацисты использовали католическую церковь для своих нужд»⁵⁵. По его словам, епископ Рожман служил авторитетом для домобранцев. Лучшим подтверждением тому являются показания Резенера, который также отмечал озабоченность словенской католической церкви борьбой против антифашистского движения: «они знали кто я, но духовенство пришло ко мне и попросило о помощи в борьбе с партизанами»⁵⁶.

Сейчас трудно и практически невозможно сказать, к чему именно стремился Рожман и каким он видел будущее Словении. Утверждать можно только одно: он готов был примкнуть к любой стороне, лишь бы она была противоположной народно-освободительному движению.

20 апреля 1944 г. части Словенской домобранской лиги присягнули на верность «вождю Великой Германии». (Для тех, кто пополнил ряды домобранства после 20 апреля, весной 1945 г. эту церемонию повторили.) Вокруг присяги развернулись довольно острые дебаты. Главным камнем преткновения стал вопрос о ее целесообразности. Против выступали бывшие югославские офицеры⁵⁷. Они даже обращались за советом к руководителю югославских четников Д. Михайловичу, который ответил им, что клятва, данная врагу, ничего не значит⁵⁸. В итоге было принято решение пойти на этот шаг. Главным аргументом послужила угроза Райнера в случае неповиновения распустить Лигу. 20 апреля под музыку сводных оркестров домобранские части через весь город отправились к стадиону на улице Дунайска цеста. Действо было назначено на 8 часов вечера. На ярко освещенном стадионе, в присутствии всех руководителей домобранства и глав оккупационных властей торжественно были исполнены гимны Германии, национал-социалистической партии и словенская патриотическая песня «Вперед знамя славы». По исполнении гимнов домобранцы, подняв вверх руку, произнесли присягу. Ее текст был следующего содержания: «Клянусь именем всемогущего Бога, что буду храбрым, верным и дисциплинированным. Клянусь, что плечом к плечу с немецкими вооруженными силами, отрядами СС и полицией буду бороться как против бандитов и коммунистов, так и против их союзников, честно исполнять свой долг перед Родиной. Для этой борьбы готов пожертвовать своей жизнью. Да поможет мне в этом Бог!»⁵⁹. Как видим, в тексте не говорится ни о Германии, ни о Гитлере. Данное обстоятельство епископ Рожман, который отслужил мессу перед присягой, использовал в качестве своего оправдания, заявив, что он никогда бы не стал проводить службу, если бы в тексте упоминалось имя фюрера⁶⁰. После присяги домобранцы подписали заявление следующего содержания: «Я добровольно вступил в словенское домобранство для борьбы с коммунизмом, который принес много горя моей стране и поставил под угрозу всю Европу. Мое твердое желание всеми своими силами во благо моей страны и всей Европы сражаться под немецким руководством и пожертвовать для этого своей жизнью. Этот долг сегодня я подтвердил святой присягой. С обязанностями и правами в служебном, дисциплинарном и экономическом аспектах был ознакомлен»⁶¹.

После церемонии генерал Резнер вручил всем раненым значки о ранении. Для этой «трогательной» церемонии со всех госпиталей Любляны были собраны раненые; тех, кто был не в состоянии придти сам, привезли на автомобилях⁶².

В присяге, которую напечатали во всех газетах и журналах Оперативной зоны, два раза упоминается слово «страна». Что имели в виду составители текста, о какой стране шла речь? Возникает еще целый ряд вопросов, главным из которых является следующий: каким виделось руководство Словенской лиги будущее своей родины? Политическая программа домобранства представляется весьма расплывчатой. В первую очередь речь шла о культурных аспектах (об употреблении словенского языка в учебных заведениях

и гражданских учреждениях, восстановлении культурных центров и т.д.). В целом эти стремления мало в чем расходились с политикой властей, проводимой в Оперативной зоне Адриатического побережья. Главным политическим пожеланием (о требованиях не могло быть и речи) было воссоединение Словении, во главе которой было бы независимое словенское правительство, самостоятельно проводившее реформы, как в политической, так и социальной областях. Руководители этой организации весьма смутно представляли положение Словении в случае победы фашистской Германии. По всей вероятности им не хотелось верить в то, что Словения будет полностью ассимилирована. Они надеялись на некоторый вид автономии, хотя германское правительство никогда не скрывало, что возможность образования единой и независимой Словении равна нулю. Словенское домобранство поддерживалось бы до тех пор, пока в нем нуждались оккупанты.

После присяги домобранцы прошли маршем по улицам Любляны, где их встречали женщины, старики, дети. Дома пестрели словенскими флагами. Для простого обывателя этот день действительно мог показаться праздником: словенцы впервые получили свой национальный флаг, свою армию, которая в той или иной степени помогала «великой Германии» в борьбе с коммунизмом, кроме того, Словенскую лигу поддерживала церковь.

К годовщине создания Домобранской лиги Резенер назначил Рупника главным инспектором домобранства и главой Национального совета. На его заседании, состоявшемся 21 января 1945 г., был принят указ об образовании Словенской национальной армии. Все домобранцы бывшей Люблянской провинции объединялись в Люблянскую дивизию, домобранцы Верхней Крайны – в Горскую дивизию⁶³.

К концу войны, когда крах немецкой армии был очевиден, началась разработка плана по отступлению германских войск, а вместе с ними и домобранцев. В Национальном совете разгорелись дебаты. По мнению некоторых его членов, домобранцы должны были остаться и предстать перед армией Великобритании и США в качестве союзников⁶⁴, другие же предлагали отступить с немцами. 2 мая был распущен Организационный штаб. Верховное командование домобранской армией было возложено на генерала Рупника, который спустя один день передал свои полномочия Национальному совету. Это была попытка отмежеваться от захватчиков и наладить контакты с союзниками. 3 мая 1945 г. было провозглашено создание государства Словения в рамках Югославии. Словенская национальная армия объявлялась составной частью югославской королевской армии. Газеты пестрели лозунгами: «Да здравствует Петр II! Да здравствует федеративное Королевство Югославия! Да здравствует народное государство Словения!»⁶⁵. Однако после захвата Любляны войсками Народно-освободительной армии Словении большая часть функционеров была арестована. Аресту подвергались и рядовые служащие. После войны состоялись судебные процессы на домобранцами. За особо тяжкие преступления выносился смертный приговор. Некоторые

функционеры домобранства сумели бежать за границу, где дожили до преклонного возраста, оставив после себя воспоминания о своем «боевом прошлом».

В настоящее время появилось много работ, в которых иногда оправдывается, а чаще опровергается коллаборационистская деятельность домобранцев. Некоторые авторы объявляют их чуть ли не мучениками, которые погибли за веру, и мемориальные доски с их именами вывешиваются в церквях. Другие же видят в них праотцев словенской демократии, предвидевших пагубность социалистического строя для Словении. Однако не стоит сбрасывать со счетов то, что руководители Лиги признавали лидирующую роль нацистской Германии в настоящем и в будущем, а основные взгляды, которых придерживались домобранцы, сводились не только к антикоммунизму, но и к расизму, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания Рупника и его сторонников. Нельзя также игнорировать и карательные акции против мирного населения, когда уничтожались старики, женщины и дети. Оправдывать эту организацию, на наш взгляд, нельзя по той простой причине, что она стояла на стороне фашизма. А идеи фашизма, как известно, осуждены в глобальном масштабе и признаны преступными.

Примечания

¹ Словенская территория, оккупированная в 1941 г. Италией, после аннексии получила название Люблянская провинция, став т.о. одной из провинций Королевства Италия.

² Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. T. 12. Knj. 3. S. 540. Dok. 134.

³ Narodnooslobodilna vojna na Slovenskem. 1941–1945. Ljubljana, 1978. С. 565–567.

⁴ Narodnooslobodilna vojna ... S. 567.

⁵ Jutro. 12.09.1943. № 205.

⁶ Slovenec. 24.09.1943.

⁷ *Млак В.* Domobranstvo na Primorskem. Ljubljana, 1982. S. 48–49.

⁸ *Železnov D.* Rupnikov proces. Ljubljana, 1980. S. 89.

⁹ *Млак В.* Domobranstvo... S. 48–49.

¹⁰ *Кокalj Коčevar М.* Gorenjski domobranec. Ljubljana, 2000. S. 49.

¹¹ Jutro. 24.09.1943.

¹² Arhiv Republike Slovenija. AS 1877 Slovensko domobranstvo. F. 16.

¹³ Jutro. 29.09.1943.

¹⁴ Arhiv Republike Slovenija. AS 1873 Gorenjsko domobranstvo, 1944–1945. F. 16.

¹⁵ Arhiv Republike Slovenija. AS 1877 Slovensko domobranstvo. 1943–1945.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Lešnik D., Tomc G.* Rdeče in črno. Ljubljana, 1995, S. 162.

¹⁹ Arhiv Republike Slovenija. AS 1877 Slovensko domobranstvo. 1943–1945.

²⁰ Там же.

²¹ *Криžnar I.* Slovensko domobranstvo // Ljubljana v ilegali. T. IV, S. 248.

²² Arhiv Republike Slovenija. AS 1877 Slovensko domobranstvo. 1943–1945.

²³ Название организации приморских домобранцев.

²⁴ *Млак В.* Domobranstvo na Primorskem. Ljubljana, 1982, S. 80.

²⁵ Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945. AS 1877 Š. 2. F. 4.

²⁶ Там же.

- ²⁷ *Mlakar B.* Domobranstvo na Primorskem. S. 80.
- ²⁸ *Kokalj Kočever M.* Gorenjski... S. 22.
- ²⁹ Gorenjski domobranec. 25.01.1945.
- ³⁰ *Kokalj Kočever M.* Gorenjski... S. 53.
- ³¹ *Kokalj Kočever M.* Gorenjski... S. 55.
- ³² Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. AS 1877 Š.2. F. 5.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Grgič S.* Domobranksko zanikanje kolaboracije. Ljubljana, 2000. S. 38.
- ³⁶ Arhiv Republike Slovenija. AS 1877 Slovensko domobranstvo. 1943–1945 Š. 1. F. 16/2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Arhiv Republike Slovenija. AS 1877 Slovensko domobranstvo. 1943–1945 Š. 1. F. 16/1.
- ³⁹ Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945 AS 1877 Š.1. F. 16/4.
- ⁴⁰ Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945 AS 1877 Š.2. F. 2.
- ⁴¹ Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945 AS 1877 Š.1. F. 16/1.
- ⁴² Slovenec. 6.5.1941. Št. 106.
- ⁴³ *Griesser Pecar T., Martin Dolinar F.* Rožmanov proes. S. 52.
- ⁴⁴ Delo. 24.4.1976.
- ⁴⁵ Arhiv Republike Slovenija. Dokumenti Slovenske ljudske stranke. AS 1898. F. 3.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Mikuž M.* Ljubljanski škof dr. Gregorij Rozman in njegova okolica v NOB // Ljubljana v ilegali. 1970. Knj. 4. S. 349.
- ⁵⁰ *Mikuž M.* Ljubljanski škof dr. Gregorij Rozman...S. 349.
- ⁵¹ Jutro. 16.11.1943. Št. 258.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Jutro. 8.12.1943. Št. 277.
- ⁵⁴ *Lešnik D., Tomc G.* Rdeče in črno... S. 148.
- ⁵⁵ Tednik 7 D. 9.10.1980., 9.04.1981.
- ⁵⁶ *Križnar I.* Slovensko domobranstvo // Ljubljana v ilegali. Knj. 4. S. 241.
- ⁵⁷ *Mikuž M.* Ljubljanski škof... S. 341.
- ⁵⁸ *Lešnik D., Tomc G.* Rdeče in črno...S. 169.
- ⁵⁹ Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945 AS 1877 Š. 2. F. 4.
- ⁶⁰ *Jan I.* Škof Rožman in kontinuiteta. Ljubljana, 1998. S. 201.
- ⁶¹ *Lešnik D., Tomc G.* Rdeče in črno...S. 170.
- ⁶² Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945 AS 1877 Š. 2. F. 4.
- ⁶³ *Ferenc T.* Priprave na konec vojne // Slovenija v letu 1945. Ljubljana, 1996. S. 31.
- ⁶⁴ *Kokalj Kočever M.* Gorenjski... S. 87.
- ⁶⁵ Slovenec. 4.05.1945.

Т.И. Чепелевская
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Образы времени в словенской поэзии 1941–1945 гг.

Abstract:

Chepelevskaya T.I. *Images of time in the Slovenian poetry of 1941–1945*

The article focuses on the Slovenian poetry of the period of 1941–1945, which is a multidimensional phenomenon: it includes the partisan poetry, written in camps and prisons, and literary works of writers, who published their works in the occupied territories. The author notes that the guerrilla poetry was imbued with a spirit of national and social protest, while in the literature, published legally, the perception of war as a period of martyrdom Way of the Cross of the Slovenian people dominated. The works of unknown authors, written in captivity and exile, acquired a surprising strength in document history. Common to these works were the creation of artistic images of the war and the domestic opposition of their authors to the world tragedy.

Ключевые слова: Словения, словенская поэзия, партизанская поэзия, поэзия народного сопротивления, Вторая мировая война, 1941–1945 гг., художественный образ времени.

Категория времени, одна из самых абстрактных категорий, всегда порождала стремление человека постичь тайны времени, описать его. Человек дает ему определения, передает через пространственные образы и сравнения и оценивает его. Наиболее яркими и емкими оказываются художественные образы времени, создаваемые в литературных текстах и прежде всего в поэтических произведениях. Помимо представлений о времени мифологическом, циклическом, бесконечном, а также времени историческом, линейном и дискретном, они, эти образы времени, всегда индивидуальны, этнически и национально окрашены. Удивительной емкостью отличаются образы времени на переломе эпох, когда движение жизни, изменения в ней становятся буквально осязаемыми, контурными, и человек, опираясь на собственное чувство времени, стремится почувствовать и запечатлеть его поток. Мы постараемся показать это на примере словенской поэзии периода Второй мировой войны.

1941–1945 годы в словенской истории не стали в строгом смысле слова рубежами определенного литературного периода и не привели к резкой смене художественных направлений и тенденций глобального характера¹. В произведениях словенских авторов тех лет можно выявить черты экспрессионизма и социального реализма, то есть основных художественных течений предвоенной эпохи, отметить дальнейшее развитие наметившихся еще в 1930-е годы тенденций. Однако годы войны стали важной вехой в истории Словении, когда решался вопрос о сохранении национальной самостоятельности и самобытности словенского народа, о его будущем; они во многом определили и важные перемены во всех сферах общественной жизни, в том числе, в области культуры и литературы; по-разному отразились годы войны

и на судьбах писателей и литераторов. Все это определило своеобразие литературного процесса в Словении, элементы которого продолжают уточняться и дополняться, благодаря новым открытиям, возвращению из небытия уже известных и новых имен. Все это позволяет говорить об этом времени как о особом литературном периоде. Целью данной работы является попытка взглянуть на процесс глазами самих авторов произведений и через их мировосприятие понять особый *дух времени* военной поры.

Литература 1941–1945 гг. представляет собой достаточно многоплановое явление; она включает в себя партизанскую поэзию, прозу, драматургию; произведения, создававшиеся в лагерях, тюрьмах, изгнании, а также литературное творчество писателей на освобожденной территории. Все эти произведения проникнуты духом национального и социального протеста. Существовала в военные годы и легальная литература, издававшаяся на оккупированной территории. Авторами сочинений, которые в большинстве своем печатались в Любляне², были люди самых разных политических взглядов: и те, кто поддерживал Освободительный фронт (ОФ)³ или сохранял нейтралитет, и писатели, открыто выступившие против освободительного движения. Особую группу составляют произведения, которые были написаны в эти годы, но были опубликованы позднее. Они сохранили дух военного времени и тематически тесно с ним связаны⁴.

Уже в начале оккупации⁵ деятели словенской культуры (на тайном Пленуме культуры ОФ в сентябре 1941 г.) провозгласили лозунг так называемого «молчания культуры» в условиях фашистского террора. Однако свое отношение к происходящим событиям выразили почти все крупнейшие писатели разных поколений: от старейшины словенской поэзии Оттона Жупанчича (1878–1949) до самых молодых. Многие из них уходили в партизаны, становились бойцами, политработниками, издателями партизанских газет, журналов, альманахов, членами культурных отделов. Другие (О. Жупанчич, С. Шали и др.) оставались на оккупированной территории; их произведения печатались как в легальных, так и в нелегальных изданиях.

Нелегальная и партизанская литература занимает в этот период центральное место как по глубине и правдивости отражения событий, так и по широте вовлеченности в литературный процесс людей разных возрастов и профессий. Литература народного Сопротивления явилась не только важной составной частью культурной жизни народа, но и историческим документом того времени. Особую значимость приобретает партизанская поэзия, особенно гражданская лирика, проникнутая духом борьбы, обогащенная новыми, по сравнению с поэзией предвоенного времени, темами и мотивами.

Уже в феврале 1942 г. появляется напечатанная на гектографе первая книга стихов Матея Бора (псевдоним Владимира Павшича, 1913–1993) «Перебором бурю», которая стала и первой словенской книгой поэзии Сопротивления. Его стихотворения-призывы, своеобразные гимны освободительной борьбе, отличались особым ритмом, а некоторые из них приближаются

интонационно к ритмизованной прозе. Поэт широко использует революционную и военную лексику, создает новые метафоры, образы, подсказанные временем, передающие ужасы мировой войны⁶. Так, в стихотворении «Кровь в огне» поэт показывает войну как наступление диких моторизованных орд:

Мчитесь по континенту,
моторизованные орды.
Хватай, коли, моторизованный Чингис-хан!
Кровь не бензин,
Кровь вовек не иссякнет,
руки сильнее стали, и танков, и бомб.
Дух наш – взрывчатка,
свобода – гроза, ураган!

(Перевод А. Суркова)

Поэзию М. Бора, по его собственному определению, «придворного поэта ее величества революции», О. Жупанчич назвал «песней огненного рождения». В произведениях молодого поэта-партизана звучат не только призывы к борьбе, но и слова скорби и боли, обращенные к матери, любимой, землякам, оказавшимся в изгнании, тюрьмах, лагерях («Мой таинственный проводник», «Изгнанники» и др.). Вторая книга его стихов, вышедшая в 1944 г., помимо откровенно агитационных стихов, эпических баллад, посвященных трагическим эпизодам войны, содержит и стихотворения-воспоминания, пронизанные исповедальной интонацией.

Важным событием для развития партизанской поэзии стало и появление также напечатанной на гектографе небольшого сборника стихов Карела Дестовника-Каюха (1922–1944), который сразу принес молодому автору-партизану широкую известность. В него вошли и агитационные стихотворения («Король Матьяж»), и произведения, посвященные теме дружбы между народами («Мосты», «Советским героям»), и поэтические размышления автора о судьбе своего малочисленного народа, переживающего один из трагических периодов истории. В стихотворении «Словенская песня», где отчетливо проявилось влияние поэзии В. Маяковского, он писал:

Мы не былинки,
Нас град нещадный не побьет.
И мы не просто цифры счета,
Мы – народ.

(Перевод А. Суркова)

Новый сборник произведений молодого поэта-партизана вышел зимой 1944 г., уже после его гибели, а сам он провозглашен народным героем.

Поэзия М. Бора и К. Дестовника-Каюха стала образцом для многих авторов партизанских стихов, вызвав всплеск народного поэтического творчества. Огромную роль в этом сыграло и творчество Отона Жупанчича (1878–1949). Появившееся в самом начале войны его стихотворение «Чтишь, поэт, свой

долг?»⁷, с обращением к деятелям культуры и молодым литераторам выступить в поддержку народной борьбы, сразу получило широкое распространение:

Чтишь, поэт, свой долг?
Слов ли мал запас?
Что же ты скрылся, смолк?
Песню дай для нас.
Спой о *нашем сегодня проклятом*.
За тобой мы ту песню подхватим.
(Перевод А. Суркова)

В последующие годы О. Жупанчич создает и печатает как в партизанской, так и в легальной прессе и другие произведения: эпиграммы на политических деятелей (Муссолини, Гитлера); стихи, ставшие живым откликом на реальные события, произведения, свидетельствующие о глубоких раздумьях поэта над судьбой родины («Ворон», «Бессоница»), которые вошли в сборник «Барвинок под снегом» (1945). Но именно его поэтическое послание 1941 г. было буквально сразу и очень активно воспринято многими молодыми словенскими поэтами. Призыв поэта-классика явился своеобразной литературной программой: создавать произведения на злобу дня, простым и понятным каждому словенцу языком рассказывать о важности борьбы с врагом, грозящим уничтожить его народ. Чувство единства со своим народом в этот час передал в стихотворении «Наша песня» М. Бор:

Песня, ты не только моя песня,
ты наш зов живой.
Песня, ты не только моя песня,
ты наш общий бой.
(Перевод А. Наль)

Ему вторил К. Дестовник-Каюх, убеждающий:

Поэты,
наша грозная эпоха
должна рождать
огонь, а не стихи.
(«Поэтам», перевод Н. Иванова)

В различных по художественному уровню и стилю стихотворениях поэтов-партизан – И. Корошеца, Т. Селишкара, В. Брест, в сонетах Й. Удовича, И. Чампы, Ф. Космача и др. – звучали не только призывы к борьбе; в них поднимались темы боевого братства и, шире, дружбы между народами, борющимися с общим врагом – фашизмом, тема памяти и ненависти к врагам. Некоторые из произведений партизанских поэтов становились походными маршами и песнями, которые исполнялись на привалах или в агитконцертах. В общем потоке патриотической партизанской поэзии появлялись и произведения, свидетельствующие о явном отходе их авторов от принципов

агитационно-пропагандистского искусства и его штампов. Так, в стихах Ивана Минатти (род. в 1924 г.), воссоздающих отдельные, частные эпизоды войны, нет отзвуков чеканного шага партизанских отрядов и патетики боя. Поэт стремится передать переживания и ощущения партизан во время длинных и тяжелых горных переходов, показать, что в их мыслях о доме больше грусти и тепла, чем «гордой веры в победу»:

Белые тропы...
 Снега и снега –
 Перед нами равнина седая.

 Сердце – каменный лед,
 В ночь колонна идет,
 И тропу мелкий снег заметает».

(«Белые тропы», перевод С. Гловюка)

В стихотворении Петера Левца (1923–1999) «Сожженная деревня» (1943) акцент делается не на картине опустошения, а на том, какой ужас и боль вызвал в сердцах бойцов вид пепелища. В элегической тональности написаны и стихи, посвященные погибшим партизанам, которых несправедливо обвинили в измене, сотрудничестве с врагом (П. Левец «Товарищу»), а также произведения, где эпизоды войны и боя чередуются с пейзажными зарисовками (И. Минатти «Май на Соче», П. Левец «После дождя», «Белые ночи»).

Большой пласт партизанской поэзии был значительно дополнен новыми материалами, благодаря многолетней собирательской работе, осуществленной группой исследователей во главе с известным словенским ученым Борисом Патерну. Представленные в четырех книгах материалы свидетельствовали о процессе развития народного поэтического творчества, который получил широкий размах в Словении в годы войны⁸. Произведения как известных, так и неизвестных авторов были распределены на несколько групп: наряду с партизанской поэзией (этот раздел самый обширный), здесь представлена и так называемая тыловая поэзия сопротивления, а также стихи, написанные в тюрьмах и лагерях, в изгнании теми, кто был насильственно переселен в Сербию, Силезию или Баварию. Для большей части произведений непрофессиональных авторов характерна сказовая манера, простота и ясность изложения. Преобладает тенденция к использованию малых поэтических форм, к отчетливому синкретизму (соединению элементов лирики, эпики и драматургии). Наиболее распространенным жанром стала баллада. Широкое развитие получили и лирические ритмизованные повествования: сказы-воспоминания о предвоенной жизни, сказы-плачи о жертвах войны. В качестве образца, ритмической основы часто служили народные песни и баллады, духовная поэзия, иногда стилевым образцом становились стихи известных словенских поэтов (от В. Водника, Ф. Прешерна, С. Грегорчича до О. Жупанчича, М. Бора, К. Дестовника-Каюха).

Авторами стихов были жители разных словенских провинций, представители самых разных социальных слоев: крестьяне и рабочие, учителя, недавние студенты и ученики. Как отмечает Б. Патерну в предисловии к первому тому издания «Словенская поэзия сопротивления 1941–1945 гг., «поэтический материал, рассмотренный объективно, не мог не раскрыть широкого диапазона переживаний, раздумий и мировоззрений и множество оттенков чувств, что, однако, смогло объединиться в общем потоке надежды и борьбы» (I, 16).

К литературе 1941–1945 гг. относятся и произведения авторов, которые в эти годы печатались в легальных изданиях, продолжавших свое существование в условиях оккупации. Алойз Градник (1882–1967), представитель старшего поколения словенских поэтов, внешне занявший нейтральную позицию по отношению к официальным властям и ОФ, свои раздумья о трагической судьбе родины выразил в поэтических сборниках «Песни о Майе» (1944) и «Поющая кровь» (1944), где сумел передать в соответствующих образах и картинах атмосферу военного времени, рассказать об ужасах плена (цикл баллад об итальянском концлагере Раб). Во втором сборнике 1944 г. тема войны и родины объединила разные по характеру произведения: от сонетов с люблянскими мотивами («Перед памятником Прешерну», «Эмона» и др.), где ясно ощутима тоска поэта по предвоенному времени, до стихотворения «Поющая кровь», в котором выражена его готовность быть вместе со своей страдающей родиной и вера в неисчерпаемые силы народа, побеждающего смерть:

Я принял от тебя густую кровь,
святая земля моей отчизны,
и с нею прах могил и то, что вновь
умрет и что пребудет в вечной жизни.

.....
И если кровь твоя – гнев и любовь,
молитва, и проклятье, и прощенье,
цветенье, увяданье и гниенье,
в стихе моем пусть разольется вновь».

(Перевод В. Корнилова)

Тему жизни и смерти, тесно переплетенную с мотивом родины, развивает в стихах и балладах военных лет поэт католического направления Северин Шали (1911–1992). Он избегает описаний конкретных событий и судеб, однако его внутреннее сопротивление насилию, войне ощущается постоянно. Горечь утрат и искреннее сочувствие словенцам, изгнанным и оказавшимся в лагерях, звучат в стихотворениях «Pro defunctis», «На могилах», в балладе «Просьба о мертвом поэте», поэме «Песня родной земле» (1944).

Восприятие войны, как периода мученического крестного пути словенского народа, как времени горя и страданий невинных жертв, отразили сборники стихов молодых поэтов, группировавшихся вокруг журнала «Дом

ин свет» («Родина и мир»)⁹: «Трепещущий свет» (1945) Й. Дулара (1915–2000) и «Сердце на ветру» (1944) Д. Лудвика (1914–2001). Однако на страницах самого журнала преобладала религиозная и пейзажная лирика В. Беличича, К. Маусера, С. Брачко и др.

Самой яркой поэтической фигурой круга журнала «Дом ин свет» был Франце Балантич (1921–1943), поэт выраженного лирического дарования, которого один из критиков отнес к числу «наиболее трагических фигур в словенской литературе». (Н. Графенауэр). Хотя отдельные стихотворения Ф. Балантича, начиная с 1941 г., печатались в журнале «Дом ин свет», однако в полном объеме его творчество стало известно лишь после его смерти. В 1944 г. Т. Дебеляк издал книгу его стихов «В огне ужаса пылаю», сопроводив ее вступительной статьей и комментариями. Опираясь на доминирующие образы лирики молодого автора: огонь, пепел, смерть – издатель воссоздает политизированный образ поэта-мученика, участника домобранского движения¹⁰, жертвы партизанской войны. Это послужило причиной многолетнего замалчивания имени Ф. Балантича на родине, а с другой стороны, достаточно тенденциозного восприятия его жизни и творчества в словенских эмигрантских изданиях после войны¹¹.

Таким образом, поэзия 1941–1945 гг. – это сложное многоплановое явление. Несмотря на то, что ее представляют поэты разных направлений и разных художественных школ, творчество которых обладает различными художественно-стилевыми особенностями, а порой и те, кто впервые обратился к поэтическому творчеству, для нас важно то, как самые разные авторы воспринимают военное время, какие определения получают образы военного времени в их творчестве, как меняются эти образы.

* * *

Чувство времени, присущее человеку, основано на восприятии им циклического, природного времени. Вместе с тем, членение линейного времени жизни на три составляющие: прошлое, будущее и соединяющее их настоящее – тесно связано с позицией человека. Из точки своего присутствия, точки Теперь (Н.Д. Арутюнова), он наблюдает его движение. Но прежде чем осознать это движение и оценить его с самых разных сторон, человек (а в нашем случае поэт, человек с особым даром художественного видения мира), старается в этой точке присутствия, настоящем, определить время, дать ему оценку, описать его через пространственные образы.

«*Нашим сегодня проклятым*», «*суровым часом*» называет военное время О. Жупанчич; для многих неизвестных авторов-партизан это «*кровавые дни*», «*ад, пришедший на землю, когда молчит любовь*». «*Временем ужаса и страха*» видится война 45-летнему крестьянину из Каринтии Блажу Маврелу, наследнику традиций словенских буковников¹². В своей балладе с таким же названием, построенной на образах, восходящих к сказочным мотивам, он определяет настоящее как «*время кровавого змея*». В других фольклори-

зированных сочинениях появляются образы «*черного ворона*», день и ночь ключающего свою кровавую пищу. Некоторые авторы из народа в стихах, созданных с опорой на духовную поэзию, использовали для создания образа времени библейскую символику: оно представлялось им в виде современной Голгофы словенцев и других народов, страдающих от войны. «*Нечистым*» называет время Ф. Балантич, тем самым подчеркивая его связь с опасностью смерти, вмешательством потустороннего мира. Для описания настоящего жизненного времени поэт использует цветовой код: у него появляется образ «белого» времени. Белый цвет, этот частый эпитет смерти в традиционной народной культуре, «белый траур», который был известен многим славянским народам, становится у Балантича определяющим:

Все белое сейчас,
белые пальцы, белое лицо,
белый бесконечный край,
белое мертвое, мертвое время.
(«Мертвая белизна»¹³)

Иногда этот образ раскрывается через сжатые или развернутые сравнения, и тогда время может описываться как физическое ощущение боли и голода. Знаменем времени ощущает Аладин Ланц картину умирающего от голода на руках у матери ребенка («Заложники» – III, 80). С «голодом-тюремщиком», мучающим подобно врагу, связывает настоящее время Драготин Чепар («Заплакал ветер в Сочельник» – IV, 28). Другой, неизвестный автор, бывший узник немецкого концлагеря, акцентирует внимание на безумии нынешнего времени и призывает И. Цанкара описать его:

Приди, Цанкар, к нам, в наш лагерь
и опиши этот сумасшедший мир,
тебе следует ожить, чтобы представить
безумие нынешнего времени.
Бывшая долина св. Флориана¹⁴,
по сравнению с нынешней – сущий вздор,
ибо кто здесь окажется, даже не будучи
безумным, сойдет с ума (IV, 48).

Неумолимый ход времени основан на метафорах движения. Время, устремляясь вперед, идет, бежит, ползет; течет, летит, скользит («*между пальцами дни скользят*, словно семена» – Ф. Балантич). Оно мчится вместе с ордами современного Чингис-хана («*Кровь в огне*», М. Бор), но оно может и почти замирать («в изгнании *влачатся* мрачно дни» – «Изгнаннику», О. Ж упанчич).

Время имеет свой ритм. Ритмическое движение времени жизни в словенской поэзии тех лет передается через образ мерно тикающих в доме часов, глухие удары которых разносятся в ночи (Ж. Рапе-Якец «В ночи», III, 65), или через звон колокола на башне храма, оповещающего о новой жертве войны, или размеренный крик кукушки, отмеряющий годы жизни человека

(Э. Коцбек «Кукушка»). Порой для передачи этого ритма возникает образ дождя, капли которого также словно отсчитывают минуты жизни: «глухой барабан барабанит, / и бьет он, и льет, ни предела ему, ни конца нет!» (Э. Коцбек «Дождь»). Трагическое наполнение ритма времени автор может передавать и через пульсацию крови невинных жертв на месте расстрела заложников («В Грамозной яме словенская кровь / пульсирует от ужаса военных дней» – Э. Габровшек «Грамозна яма»¹⁵, III, 454).

Время может разговаривать с человеком: происходит антропоморфное кодирование времени. Так, «время тяжело вздыхает» (О. Жупанчич), «часы болтают на стене» (А. Градник), «ночь в лицо... бросает жгучий смех» (Ф. Балантич).

Но время может останавливаться. Так появляется тема начала и конца времени, которая напрямую связывается с оппозицией жизнь – смерть. В центре внимания поэтов военных лет, как правило, оказывается конечный рубеж, он несет в себе множество смыслов и оттенков. Например, в стихотворении учителя из Любляны Ивана Додича возникает образ остановившегося времени, которое становится мерилom пустоты и безысходности:

Оставляя все обманчивые,
иллюзорные химеры,
в безграничное пространство
я устремляюсь:
нигде нет солнечного света,
деревьев, цветов, стен,
на развалинах времени
я стою в немом оцепенении.
Страшная пустота
царит в сердце...

(«Безвременье», III, 454)

Время словно останавливается за колючей проволокой концлагеря, хотя снаружи всеми красками цветет весна («Письмо домой», Божена – IV, с. 44) или в тюремной камере («Самая дорогая», Мария Филец – IV, с. 46)

Поэт может и сам попросить время остановиться, чтобы попытаться осознать происходящее, свое присутствие в нем:

Дай, Господи, пред тем, как в бой
Пойду, воскликнуть на прощанье,
Как Иисус: *О солнце, стой,*
Луна, останови сиянье!
Ход времени прерви в тот час,
Кровавый час освобожденья,
Дай благодатный свой приказ
Последнего преображенья!

(Э. Коцбек «Перед боем», перевод В. Бурича)

Иногда эта просьба обращена к силам природы с мольбой остановить приход нового страшного дня, чтобы продлить до бесконечности миг

настоящего: ночной сон в тюрьме, наполненный теплыми воспоминаниями о родине («Душная ночь» – IV, 25).

В словенской поэзии военного времени можно отметить различие линейного однонаправленного движения времени (историческое время) и его циклического движения по кругу, которое связано с замкнутым годовым циклом природного времени. Годовой цикл, его отрезки (весна–лето–осень–зима) могут также служить для создания поэтического образа психологического времени, использоваться для лирического самоописания, самооценки, как это видно на примере стихотворения 1942 г. неизвестного 13-летнего автора «Славянин победит». Рисуя картины сменяющих друг друга времен года, он дополняет их контрастными и ужасающими душу ребенка видами войны (III, 37):

Вся земля в солнечном свете,
растет трава, щебечут птицы,
цветут деревья – пришла весна:
показывает земля, весь мир свои сокровища.
Мне кажется, горький раздается голос:
фашист сжигает словенскую деревню.
Руки сами сжимаются в кулаки:
расплата придет, эй, вы, влахи!
В полях начинается сенокос,
птицы в лесах заливаются,
наливается колос.
Здесь лето демонстрирует всю свою красу.
Мне кажется, что гремят выстрелы,
фашист разрушает словенское село...

Отрезки годового цикла также могут, с опорой на традиционную народную культуру, быть соотнесены с временными отрезками других временных циклов, и тогда, как пишет С.М. Толстая, «...весна как единица годового цикла приравнивается к рассвету или утру (суточный цикл), всходам посевов (вегетативный цикл) и – рождению, началу человеческой жизни (жизненный цикл). Летнее солнцестояние соответствует полуденному времени и полнолунию, а зимнее солнцестояние – полночи, нулевой фазе луны (безлунию) и смерти»¹⁶. Подобное соотнесение активно осваивает поэзия.

Однако в произведениях словенских авторов 1941–1945 гг. чаще всего возникают явные антитезы, нарушающие изоморфный характер разных временных циклов. Так, весна может оцениваться не как время цветения или пора юности человека, а как время смерти. Пронзительное отчаяние от осознания близящегося конца жизни на фоне расцветающей весной природы смог передать Ф. Балантич:

*Я умираю... Дождь весенний в метущемся переплетении запахов
сегодня ночью выполоскал окна, теперь их солнце лижет.
Закрепили гнезда птицы на оголенных ветвях,
распустился наполненный жизнью цветок.*

(Ф. Балантич «Я умираю...»)

Подобную контрастную картину смерти на фоне весенней природы создает и Макс Певцин («Весной 1942» – III, 68):

Солнце растапливает снег,
подснежник у леса расцвел...
ворон в поле кричит.

Особое внимание в словенской поэзии военной поры обращено к суточному циклу. Его дробление не оригинально, а основные ключевые точки четко выстраиваются в антитезу: ночь – день. День оказывается показателем текучести времени: «текут дни». Но он же становится равен жизни: «...и *день* над заброшенными могилами / вскоре склонится к *вечному заходу*» (Ф. Балантич «Напрасно»). Ночь, которая в стихах предвоенной поры могла быть описана как время любовного свидания или поэтического вдохновения, теперь становится картиной, в которой соединены годовой, суточный и вегетативный циклы природного времени, когда смерть уподоблена времени жатвы. «Твой сын пал, как падает в землю созревший колос», – обращается поэт к матери убитого юноши (Т. Селишкар «Письмо матери Керина» – III, 448). Так возникает образ магического круга времени.

Иногда день может последовательно разбиваться на часы, соединяясь в картину событий одного дня. История сохранила два стихотворения неизвестных авторов, представляющих распорядок дня в партизанском отряде («Наша жизнь», I, 103) и в концлагере («Репортаж из Гонарса», IV, 19–22). Осознавая, что, возможно, скоро будет трудно воссоздать ритм этой военной жизни, их авторы с грустью и легким юмором описывают каждый час жизни в неестественных условиях военного времени.

Однако чаще всего в стихах этого времени у разных авторов при обращении к суточному временному циклу доминирует оппозиция: ночь (полночь) – утро (утренняя заря). Полночь и полдень, эти значимые в традиционной народной культуре границы суточного цикла, которые воспринимаются как «время разгула нечистой силы...», ”перерыв” в жизненном времени, разрыв цикла, промежуток между смертью и новым рождением»¹⁷, в словенской поэзии 1941–1945 гг. не рассматриваются в фольклорно-мифологическом ключе. В поэтических картинах гораздо отчетливее проявляется привязка к реальным событиям. Ночь – это время партизанских переходов в горах и боев, когда бойцы попадают в засаду, и время смерти («Войко» М. Видмар-Метода – III, 178), или время ее ожидания в тюрьме, лагере.

Рассвет и заря как ее предвестница (ее образ часто дополняется световым кодом: «кроваво-красная» заря) – это постоянный член оппозиции ночь – утро. Часто эта оппозиция связана с образом родины: заря несет с собой надежду на будущее после тяжелого прошлого, которое ассоциируется с ночью. В словенской поэзии военного времени ночь не просто сменяется утром, рассветом («...наше большое утро близко, / в щеки дышит росистая заря его» – К. Дестовник-Каюх «Оккупация», пер. Н. Иванова). Эта

смена отрезков суточного цикла напрямую связывается с представлениями об историческом времени: прошлом, настоящем и будущем, при этом всегда национально окрашенном – возникает метафорический образ прошлого и будущего словенского народа.

В отличие от поэзии начала XX в., где образ настоящего имел достаточно устойчивые метафоры («ночь глубокая, черная», несущая с собой мрак, хаос, – О. Жупанчич «Пробуждение»), а образ будущего обладал пространственной протяженностью и неопределенностью (то, что идет за рассветом – «завтрашняя даль» – О. Жупанчич «Наше слово»), то в произведениях авторов военного времени оно, это будущее, приобрело множество новых дополнительных оттенков и значений. Иногда образ будущего был представлен как конец жизни, и тогда, как утверждает поэт, «*время вечного молчания* станет принадлежать нам» (Ф. Балантич «Когда-нибудь будет прекрасно»). Но чаще этот образ приобретает оптимистическое звучание, как у Й. Брейца, раскрывающего его через понятную каждому картину, тем самым подчеркивая идею «вечного возвращения»: «А в будущем ребенок вновь будет ловить бабочек, / а крестьянин спокойно сажать и сеять на земле...» (цикл «Блестящие долины»). Эта же мысль звучит и у О. Жупанчича: «Зорям рдеть опять, / снова веснам цвествь...» («Чтишь, поэт, свой долг»).

Однако доминирующим во многих стихах этих лет становился образ будущего, создаваемый в рамках оппозиции старое – новое. Предвестниками новой жизни могут становиться мифологические герои, например, король Матьяж, в народном сознании защитник бедных и страдающих: он наконец проснется в своей каменной пещере и своим грозным мечом отрубит врагу-зверю голову. У авторов поэтических исповедей ожидание нового свободного мира может иметь характер предчувствий, как, например, у учителя И. Додича («Безвремя» – III, 454):

А сердце ждет, чтоб время наше,
вновь став привычным,
открыло новый мир,
который сердце оживит.

Но оно может иметь характер утверждения, основанного на твердой вере, как у К. Дестовника-Каюха. «Нам слышны от сибирской тайги / нового мира шаги», – утверждает поэт («Во время радиопередачи», пер. Н. Иванова) и добавляет: «Заживут красивые люди / в мире новом, в мире ином» («В словенских деревнях», пер. Н. Иванова).

Человек по-разному воспринимает время. Он может бояться его и страдать от осознания его жестокости («Без счета ран приносит ежедневно / это время ужаса людям, / сдавливая сердце от горя мира, / а нашего прежде всего» – Б. Маврел, III, 67). Он может гнаться за ним, ощущать его импульсы и борение (оно «волнует кровь и пульсом бьется в нас» – О. Жупанчич. Часто звучит тема отчуждения, когда лирический герой ощущает себя

странником в чужих краях, гостем на брэнной земле. И тогда звучат «мотивы гостя..., пребывания среди чужих, топос дороги», которые «способствовали созданию картины человеческой жизни как путешествия, образа человека как путника»¹⁸:

Длинна череда – в ней дни и годы,
Там юность – во сне светает, не грея
И слов для сердца не находя...
Как гостя, меня приветает время!

(Ф. Балантич «Нечистое время», перевод Г. Ефремова)

Тема странничества может расширяться, охватывая весь народ в годину испытаний («Мы странники» – III, 105).

В стихотворениях военных лет часто звучит тема памяти времени. Это чаще всего память сердца, которая переносит присутствие лирического героя из «растяжимой («бегущей») точки настоящего в прошлое, часто совсем недавнее. Оно может быть связано с памятью детства, образами родного дома, разрушенного войной, и сосен на холме, которые теперь падают под чужим топором на землю («Славянин победит»). Эту память времени могут нести в себе звон колокола, напоминающий о погибших; предметы, воскресающие память о любимых и близких; даже веточка цветущего абрикоса, возрождающая в узниках надежду О. Жупанчич («Цветы абрикоса»), или красные маки, расцветающие на поле, где год назад были расстреляны заложники («Красные маки» – III, 33). Тема памяти времени заложена во многих стихотворениях, своим названием соотносящихся с определенным годом, месяцем или даже днем, или названиями разрушенных войной мест («Бегунский колокол», «Ретиньское поле» и др.).

В заключение хотелось бы отметить следующее. Краткий анализ словенской поэзии 1941–1945 гг. показывает, что, несмотря на разнообразие тем и мотивов, в стихах самых разных авторов явственно проступает тема времени, что отражает стремление осознать время и оценить свое присутствие в нем.

У некоторых авторов этот образ отражает глубоко личные переживания, у других он соотносим с судьбой своего народа и других народов мира (Барбка «От Сочи до Волги» – III, 57). Необычайно многоплановое развитие поэтического творчества у словенцев в эти годы дает исследователю удивительную возможность сравнить выраженные художественным словом мысли и чувства, понять настроения простых людей, которым ценой огромных усилий и жертв удалось выжить и победить. Уже в конце войны, обращаясь к теме народного поэтического творчества в военные годы, Филипп Калан¹⁹ писал: «Этот необычайный всплеск поэтического творчества у нашего простого человека, этот неожиданный скачок из темноты прозябания к яркому свету поэтического слова, этот невероятно осязаемый полет из мира повседневности в пронизанный светом таинственный мир красоты и искусства – все это одно из благороднейших подтверждений глубоко этического наполнения всего освободительного движения..., одно из неопровержимых доказательств того, что мысль о возрождении и преображении нашего человека не пустые слова»²⁰.

Примечания

¹ Это отмечают многие ведущие словенские литературоведы. Так, А. Слодняк литературу военной поры вводит в широкие рамки периода 1930–1950 гг. («Литература как орган социального протеста, обновления и социального строительства»), разделив его на две временные фазы: 1930–1941 гг. и 1941–1950 гг. Таким образом, ученый не выделяет литературу периода народно-освободительной борьбы как самостоятельный период, считая, что она укладывается по основным тенденциям в рамки литературно-эстетических характеристик второй фазы. См.: *Slodnjak A. Slovensko slovstvo*. Ljubljana, 1968. S. 410–413. Об этом также см.: *Smolej V. Zgodovina slovenskega slovstva*. Zv. VII. *Slovstvo v letih vojne 1941–1945*. Ljubljana, 1971. S. 5–10; *Zadravec F. Slovstvo v času NOB kot periodizacijsko vprašanje // Jezik in slovstvo*. L. XVII. 1971/1972. Št. 5. S. 133–138; *Paternu B. Poglavje iz slovenskega narodnoosvobodilnega pesništva // Pogleda na slovensko književnost*. Knj. 1. Ljubljana, 1974. S. 217–247.

² Во время Второй мировой войны в Любляне культурная и литературная жизнь не замирает. Хотя прекратили работу крупнейшие словенские газеты и журналы («Ljubljanski zvon» – «Люблянский колокол», «Sodobnost» – «Современность», «Dejanje» – «Действие», «Modra ptica» – «Синяя птица», «Mladika» – «Побег» и др.), большинство издательств, однако, свою издательскую работу продолжали: Словенская Матица, Общество Св. Мохора, Общество В. Водника. Действовало несколько издательств и издательских консорциумов либерального и клерикального толка. В период 1941–1945 гг. выходило около 200–300 книг в год. Наряду с этим регулярно (до 1944 г.) издавались журналы «Dom in svet» («Родина и мир») и «Umetnost» («Искусство»), знакомившие читателей с новостями литературной и художественной жизни Словении.

³ Освободительный фронт (ОФ) словенского народа (первоначально Антиимпериалистический фронт) был создан по инициативе компартии в Любляне 26 апреля 1941 г. как политическая и общественная организация, объединившая, наряду с коммунистами, христианских социалистов, демократически настроенную часть общественно-спортивного движения «Сокол» и представителей научно-технической и творческой интеллигенции и провозгласившая борьбу за освобождение и будущее политическое переустройство страны.

⁴ См. об этом подробно: *Bernik F., Dolgan M. Slovenska vojna proza*. Ljubljana, 1988.

⁵ Весной 1941 г. после распада Югославии в результате необъявленного нападения немецких, итальянских и венгерских войск территория Словении в течение нескольких апрельских дней была оккупирована и разделена на три части: меньшая на северо-востоке отошла Венгрии, большая часть словенских земель по решению Венской конференции (21–22 апреля 1941 г.) отошла Германии, которая сразу стала проводить политику регерманизации (т. е. возвращения бывших австрийских земель и объединения всех немцев, проживающих на пограничных с Третьим рейхом территориях в единое государство). Территория так называемой Люблянской покраины (Нижняя Краина и часть Внутренней Краины) с центром в Любляне оказалась под властью фашистской Италии (вплоть до ее капитуляции 8 сентября 1943 г.), где в первоначальный период сохранялись определенные признаки политической и культурной самостоятельности.

⁶ Сборник, несмотря на трудности распространения, сразу обрел популярность, и в том же году, дополненный циклом «На партизанской вахте», был переиздан в подпольной люблянской типографии.

⁷ Стихотворение появилось в газете «Slovenski rogočevalec» – «Словенский корреспондент» (за 6 сентября 1941 г.) и первоначально называлось «Пойте вслед за мной».

⁸ *Slovensko pesništvo upora. 1941–1945 / Izbral in uredil B. Paternu; sodelovali: M. Stanonik in I. Novak-Popov*. I knj. – Ljubljana, 1987; II. knj. – Novo mesto, 1995; III. knj. – Novo mesto, 1996; IV knj. – Novo mesto, 1997. (Далее в тексте при ссылке на это издание в скобках указываются том и страницы.)

⁹ «Дом ин свет» («Dom in svet», 1888–1944) был единственным легальным литературным журналом, сохранившим свой статус и регулярно выходившим в Любляне на протяжении всех военных лет. Его главный редактор, поэт, критик и переводчик Тине Дебеляк (1903–1989), объединил вокруг своего издания людей разных политических взглядов. В журнале печатались самые разнообразные материалы: переводы из русской, польской, итальянской, испанской, французской литературы (произведений Данте, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Мицкевича,

Ф. Вийона и др.), произведения классиков словенской литературы (С. Грегорича, Й. Юрчича) и молодых авторов, а также сочинения религиозного характера. Большой раздел отводился литературно-художественной критике. Вместе с тем, отбор материалов имел тенденциозный характер и определялся литературной программой журнала.

¹⁰ Подробнее об этом см. статью Н.С. Пилько «Словенские домобранцы в годы Второй мировой войны» в данном сборнике.

¹¹ Новый этап в изучении творчества Ф. Балантича в Словении начинается с 1984 г., когда выходит из печати книга его стихов (вступительная статья Ф. Боханца), а затем работа Ф. Пиберника «Темный залив Ф. Балантича» (1989, 1991), представляющая собой научную биографию поэта с анализом основных тематических пластов его творчества. Включенное в общий поток словенской поэзии XX в., поэтическое наследие Балантича становится темой статей и объемных исследований как у него на родине, так и в России. См.: *Grafenauer N. Dom in smrt. Nova revija. Ljubljana, 1983. Št.14; Remtauner T. Ogenj ki prečisčuje. Celje, 1991; Balantičev in Hribovčkov zbornik. Ljubljana–Celje, 1994; Чепелевская Т.И. Ф. Балантич: сакрализованый образ поэта // Оппозиция сакральное / светское в славянской культуре. М., 2004; Она же. Два поэта – две судьбы. Ф. Балантич и К. Дестовник-Каюх // Славянский альманах 2005. М., 2006; Крик раздвоенной души. Два поэта Словении / Автор проекта и сост. Ю. Ругель. СПб., 2009.*

¹² Буковниками называли неизвестных или известных певцов-сказителей из народа. Первоначально это были бродяги, позже крестьяне и даже школьные учителя и органисты, одаренные от природы поэтическими способностями. Благодаря простому разговорному языку, широкому использованию народной лексики и поэтических приемов фольклора, произведения буковников (расцвет движения приходится на XVIII в.) в разных словенских провинциях стали популярными среди крестьян, они передавались устно и в списках, некоторые вошли в сборники.

¹³ В случае, когда не указана фамилия переводчика, подстрочный перевод осуществлен автором.

¹⁴ И. Цанкар (1876–1918) – известный словенский писатель, драматург. В целом ряде произведений начала XX в. («История долины св. Флориана», фарс «Соблазн в долине св. Флориана» и др.) он создал обобщенный сатирический образ современного ему ханжеского, самодовольного, но претенциозного словенского общества, выбрав для этого условное символическое пространство.

¹⁵ *Gratozna jama* – так в период оккупации называли место, недалеко от Люблянского кладбища, где проходили массовые расстрелы заложников. В послевоенные годы оно стало символом зверств оккупантов на словенской земле.

¹⁶ *Толстая С.М.* Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 62–63.

¹⁷ Там же. С. 65.

¹⁸ *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII вв. Польша, Украина, Россия. М.: Наука, 1981. С. 98.

¹⁹ Филипп Калан (1910–1989) – по образованию архитектор, в годы войны партизан и культурный деятель, после освобождения преподаватель, литературный и театральный критик, академик Словенской академии наук и искусств (с 1985 г.).

²⁰ *Slovenski zbornik 1945. S. 94.*

Л.Ф. Широкова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**Война и антифашистское
Словацкое национальное восстание в литературе
Словакии второй половины XX века**

Abstract:

Shirokova L.A. *War and Anti-Nazi Slovak National Uprising in the literature of Slovakia in the second half of the twentieth century*

In the history of Slovakia, the events related to World War II and the Slovak National Uprising of 1944 differ by special dramatic nature and scale of social, political, national and spiritual consequences. The theme of war and the uprisings became a backbone for the Slovak literature, it attracted writers of different ideological and artistic trends, creativity and life experiences. Few waves in the development of «military fiction» may be noted. During its formation, driven in this period not so much by aesthetic as by ideological factors, it acquired various modifications, genres, ideological and artistic forms. In 1970–1980's. attention of the writers to the war's theme contributed to the recovery of literature and the creation of significant works that didn't lose their artistic value up to present days. In terms of displaying the patterns of development of prose in 1950–1970's, the presentation of a comparative review of two trilogy novels – «Generation» by V. Minach and «Masters» by V. Shikul appears to be fruitful.

Ключевые слова: литература о войне, идеологические факторы, художественные концепции, каноны социалистического реализма, психологизм, принципы повествования.

XX век для Словакии, находившейся в силу своего географического положения и исторического развития на перекрестке идеологических, военно-политических, национально-экономических векторов, стал одним из самых драматических периодов ее истории. Существование на грани утраты национальной идентичности в начале века, потери в Первой мировой войне, сложные условия 1920–1930-х гг., в которых происходила активизация общественно-политической и духовной жизни нации, крах Чехословацкой республики и шаткое и двусмысленное положение новообразованного Словацкого государства – сателлита Германии, нарастание движения сопротивления, начало и подавление антифашистского восстания, перипетии послевоенного периода – от надежд на возможность демократического развития до установления тоталитарного коммунистического режима, просуществовавшего до 1990-х гг., «бархатная революция» с последовавшим столкновением самых разных сил, позиций и интересов – таковы лишь пунктирно обозначенные вехи пути, пройденного Словакией за минувшее столетие.

Но даже на этом общем фоне особым драматизмом и масштабом социально-политических и национально-духовных последствий отличаются события, связанные со Второй мировой войной и Словацким национальным

восстанием 1944 г. На протяжении послевоенной истории менялись, в том числе и в научной литературе, оценки этого периода в зависимости от политической обстановки в стране и политических убеждений того или иного исследователя. Так, в работах, созданных уже в последние годы, в условиях идейного плюрализма, такие факты, как соглашательская, профашистская политика руководства Словацкой республики (1939–1945), преследование людей по политическим, религиозным и национальным мотивам, депортация евреев в так называемые «трудовые лагеря», участие словацких дивизий в войне против СССР и, наконец, национально-историческая закономерность антифашистского восстания, представлены в разных формулировках, свидетельствующих о различных подходах к ним. Если в одних работах очевидно стремление к объективности и даже объективизму изложения фактов («Во внешней политике ... это проявилось в участии словацкого военного контингента в войне против Советского Союза с июня 1941 г., в объявлении войны США и Великобритании»; «Началась двухмесячная борьба, которая вошла в историю Словакии как Словацкое национальное восстание»¹), то в других передается трагизм событий и внутренняя противоречивость процессов («Трагедия словацких евреев»; «Примитивный антисемитизм не был, к сожалению, исключением»; «Несмотря на коллаборационизм и антидемократизм режима, словацкая государственность привлекала симпатии части общества»²). Особенно остро вставал вопрос о Словацком национальном восстании, которое и в наши дни бывает порой объектом споров по поводу его закономерности или чужеродности в словацкой истории, общенародного или сектантско-коммунистического характера его подготовки и проведения и др. Исследователь так описывает хронику событий: «Партизаны отряда «Чапаев» под командованием Александра Новикова уничтожили два немецких грузовика с боеприпасами»; «В Турчанскую долину Украинский штаб забросил особую группу для организации партизанских действий»; «Подразделения Первой партизанской бригады им. И.В. Сталина под командованием начальника штаба Ржецкого по договоренности с несколькими словацкими офицерами... заняли город Банска Бистрица и объявили о восстановлении Чехословацкой республики. Этот день был назван позднее началом «Словацкого национального восстания»³. Шкала оценок восстания колеблется от «государственной измены» и «большевистского путча» до «героического народного подъема» и «начала социалистической революции». В книге с собственной драматической судьбой, «Словакия в XX веке» (тираж 1968 г. был почти полностью уничтожен, второе издание вышло в 2000 г.), Л. Липтак замечает: «В той же мере, что и пестрота суждений, которые пришлось ощутить на себе широкому и терпеливому хребту повстанческих гор за столь короткое время, примечательно и то, до какой степени интерес историков и публицистов был сосредоточен не на самом ходе восстания, а скорее на его подготовке, на действительных и вымышленных вариантах восстания... Вне центра внимания часто оставалось главное и существенное – само восстание,

жизнь на освобожденной территории, бои, победы и поражения. Именно то, что запечатлелось не только в историографии, но и в сознании народа, ... что создает ничем не заменимый, неповторимый и неистребимый факт аутентичного исторического переживания. Переживания настолько реального, что его не сможет вымарать никакое новое толкование или исказить пусть даже тысяча толстых томов, статей и постановлений; мало того, это переживание настолько сильное и глубокое, что исподволь вбирает в себя даже те слои, группы и местности, которые в самом восстании участвовали лишь «боком»; тем самым оно становится поистине *национальной традицией*⁴.

События Второй мировой войны и Словацкого национального восстания во многом определили послевоенный облик Словакии, повлияли на расстановку политических сил, на сферу идеологии и культуры. Значительные изменения произошли и в литературе. Завершало свое плодотворное развитие течение в прозе конца 1930-х – середины 40-х гг. – натурализм, давшее образцы поэтической мифологизации словацкого микрокосма (Л. Ондрейов, М. Фигули, Д. Хробак, Ф. Швантнер). Временными рамками, обозначенными войной, ограничилось и условно выделяемое в словацком литературоведении течение «поэтов сюжета» (Я. Червень, Д. Татарка, П. Карваш), рассматривавших экзистенциальные проблемы человека в условиях войны вне традиционно-реалистических канонов. Господствующие позиции в первой половине 1950-х гг. заняла литература социалистического реализма, декларирующая принципы народности и партийности.

Перемены в словацкой литературе первых послевоенных лет отразились в целой лавине произведений на самую актуальную тогда тему – тему войны и Словацкого национального восстания. Это были написанные под непосредственным впечатлением от событий произведения разных жанров. В поэзии это – сборники «Я – некто другой» (1946) Рудольфа Фабры, «Неодолимость скорби» (1946) Яна Костры, «Шествие» (1947) Павла Горова, «Огни на горах» (1947) Андрея Плавки и др. В драматургии – драмы «Башня» (1947) Юлиуса Барча-Ивана, «Пьеса о свободе» (1946) Штефана Кралика, «Поэт и смерть» (1946) Ивана Стодолы и др.

После 1945 г. тема войны и Восстания стала магистральной и для словацкой прозы. Она привлекала к себе писателей разных идейно-художественных направлений, творческого и жизненного опыта. Переживаемые отдельно взятым человеком и большими массами людей драматические, а часто и трагические события, связанные с этим пограничные состояния человеческой психики, испытания нравственных, духовных, религиозных основ личности и социума – все это требовало серьезного художественного осмысления и в то же время отвечало потребностям развития литературы. По мере своего становления, обусловленного в этот период не столько эстетическими, сколько идеологическими факторами, она приобретала различные модификации, жанровые и идейно-художественные воплощения.

Можно отметить несколько волн в развитии «военной прозы». Это 1945–1949-е гг., когда наблюдается идейно-стилевое разнообразие произведений, которые создавали и дебютанты (В. Минач «Смерть ходит по горам», К. Лазарова «Друзья» и др.), и писатели с литературным опытом (Ф. Швантнер рассказы «Крестьянин», «Священник», «Дама», «Письмо», П. Илемницкий «Хроника», Я. Боденек «Из волчьих дней», К. Горак «Горы молчат»). Начало 1950-х гг. ознаменовалось усилением политического и идеологического зажима, борьбы с так называемым «буржуазным национализмом», от которой в первую очередь пострадали многие участники Словацкого национального восстания. В литературе это был, к счастью непродолжительный, период схематизма и тенденциозности, когда тематика социалистического строительства вытеснила собой живую и актуальную тему осмысления опыта войны. Знаменательно, что начало преодоления этого периода положили произведения второй половины 1950-х гг., поднявшие эту тему на новом художественном уровне (А. Беднар «Стеклопанна гора» и «Часы и минуты»). 1958–1964 гг. стали временем создания целого ряда произведений о войне, написанных в форме крупных, синтезирующих жанров. Это трилогии, романы-эпопеи В. Минача «Поколение», Р. Яшика «Мертвые не поют», Л. Мнячко «Смерть зовется Энгельхен», Л. Тяжкого «Аменмария. Только бравые солдаты» и др. Определенный спад интереса к военной тематике произошел во второй половине 1960-х гг., когда на литературную арену вышли молодые писатели, обратившиеся к более злободневным и близким им проблемам жизни своего современника. После подавления в августе 1968 г. процесса демократизации в Чехословакии («Пражская весна») начался процесс так называемой «нормализации» общественно-политической жизни, идеологического давления на все сферы культуры. Однако в 1970–1980-х гг. обращение писателей к теме войны способствовало оживлению литературы и созданию заметных произведений, не потерявших своей художественной значимости и по сей день. Причины такого взлета военной тематики были разные, в том числе и уход в прошлое от серых будней застоя, и инициативы со стороны органов культуры в честь «юбилейных дат» (в 1974 г. широко отмечалось 40-летие восстания). Так или иначе, тема Словацкого национального восстания помогла одним писателям опубликовать свои произведения после вынужденного молчания (В. Шикла, трилогия «Мастера»), другим – заметно дебютировать (Ю. Балцо «Восково-желтое яблоко» и др.).

Особое место в послевоенной словацкой литературе занимает творчество писателей-эмигрантов; в рамках данной тематики речь идет о романе Й. Цигера-Гронского «Свет на Трясине» (опубликован в 1960 г. в США и лишь в 1991 г. в Словакии), в котором отразилось активное неприятие автором как войны, рассматриваемой как слепая стихия, враждебная человеку-труженику, так и самого Словацкого национального восстания, воспринятого Гронским как вмешательство чуждых разрушительных сил в гармонию национального бытия.

Произведения первых послевоенных лет отличались большим художественным многообразием, обусловленным различием жизненного и литературного опыта, возможностью выражения идеологических позиций и творческих принципов писателей. Общим же их свойством стали непосредственность впечатлений, большая жизненная и психологическая достоверность, особенно присущая лучшим их образцам. Нередко произведения создавались на основе реальных событий, пережитых или зафиксированных их авторами. Они отличались приближенным к документальности способу изложения событий и в то же время - остротой и экспрессивностью художественного выражения. Многие из начинающих писателей были в рядах повстанцев (В. Минач, П. Карваш, К. Лазарова и др.), и их дебюты были естественным образом связаны с тематикой восстания, отражали их собственные судьбы и настроения той поры.

Владимир Минач (1922–1996) вступил в литературу в 1948 г. с романом «Смерть ходит по горам», в котором он художественно переосмыслил личный трагический опыт партизана и узника фашистского концлагеря. Центральные герои романа – братья Ян и Петер Лотары – наделены автором многими автобиографическими чертами. Их военные судьбы складываются по-разному, но одинаковым оказывается постоянное ощущение экзистенциальной угрозы, балансирования на краю гибели. Петер попадает в плен и на протяжении всего романа, измученный и полуживой, проходит по кругам ада фашистских тюрем и концлагерей. Ян продолжает партизанскую борьбу в горах, перенося холод и голод, подвергаясь ежеминутно смертельной опасности. Ощущения и переживания братьев очень схожи, они – словно две модели судьбы одного и того же человека, для которого единственным желанием стало – просто выжить: «Пусть хуже всех. Пусть страдаю и унижаюсь. Только бы жить» (Петер); «Вся философия, все человеческие знания, все, что люди придумали и создали, сузилось для меня до четырех букв – «Жить» (Ян). Критика того времени, ориентирами для которой служили постулаты социалистического реализма, ставила молодому писателю в вину пессимистический настрой романа, индивидуализм с оттенком чуждого экзистенциализма. Впоследствии, в трилогии «Поколение» Минач изобразил восстание в крупном эпическом формате, несравненно более широком по охвату социальных, политических и личностно-типологических параметров. Но его дебютный роман, благодаря эмоциональной непосредственности и достоверности в изображении психологических состояний человека в антигуманных условиях войны, остается одним из лучших произведений послевоенной словацкой прозы.

С 1945 г. в периодической печати начали появляться рассказы с военной тематикой известного уже к тому времени писателя Яна Боденка (1911–1988). Позднее они вошли в сборник, получивший название «Из волчьих дней» (1947). В пяти рассказах книги представлены различные проблемные и художественные аспекты изображения событий войны и восстания. Так, в рассказе «Первая атака» автор в экспрессионистской манере, резкими

контрастными мазками создает обобщенный образ партизанской группы, совершающей свою первую акцию. Персонажи безымянны и лишены каких бы то ни было индивидуальных черт («фигуры», «пригнувшиеся тени», «черный восклицательный знак»). Они выступают как единый организм, монолитная масса («их плечи сливались в темноте, словно черная стена»), руководимая общим чувством ненависти к врагу. Социально-критический пафос, характерный для ранних произведений Боденка, звучит и в самом большом по объему рассказе сборника «Злость». Оказавшись в фашистской тюрьме, бывшие члены повстанческого комитета, среди которых – представители местной буржуазии, в ожесточенных спорах выясняют, по чьей инициативе началась «эта безумная затея» – восстание. Лишь один партизан Вронч сохраняет человеческое достоинство, а в финале – единственный из арестованных спасается – благодаря своей неистребимой «злости» по отношению к оккупантам («Я хочу жить!...Жить назло тем, у кого нет для нас никаких законов! Не просто так жить – назло им хочу жить!»). Писатель применил в сборнике и гротесково-фантастические приемы («Живой человек»), и элементы психологического детектива («Ночной допрос»).

Йозеф Горак (1907–1974) выступил в этот период как продолжатель линии лиризованной прозы. В его романе «Горы молчат» (1947) черты, присущие словацкому натуразму (одушевление и поэтизация природы, мифологизация сил добра и зла, цельные, сильные характеры), используются автором для изображения нового для этой прозы социального конфликта. Старик-горец Бугала-Ваган, чья жизнь с ее патриархальным укладом разрушила война, воспринимает нашествие фашистов-карателей как осквернение родного дома, «вмешательство дьявола в божье дело». Объявив им свою собственную, личную войну, он становится союзником и помощником партизан, в которых видит преемников легендарного «справедливого разбойника» Яношика.

Глубиной социально-психологического анализа отличаются написанные в первые послевоенные годы рассказы Франтишека Швантнера (1912–1950). Один из ярких представителей натуразма, чьи книги («Малка», «Невеста горных лугов») стали значительным явлением в словацкой литературе, Швантнер ощущал необходимость внутренней творческой перестройки, расширения своего художественного видения мира за счет социально-нравственных сторон человеческого бытия, которые отчетливо и обостренно выразились в пору войны. Размышляя о нравственных итогах восстания, он писал: «В эти грозные, полные напряженной динамики дни наши люди сдавали экзамен на человечность, соскребали с себя наносы цивилизации... В человеке обнажалось самое его ядро. Кто-то стоял с гордо поднятой головой, подставив лоб под пулю, кто-то дрался словно лев, кто-то шатался, полз, но все же вставал, а кто-то так и оставался лежать, желая быть камнем, бревном, травой, чем угодно, только не человеком. Для меня же главное – именно человек»⁵.

Человек – дитя природы, средоточие отвлеченных, мифологизированных воплощений добра и зла уступил в новых произведениях Швантнера

место другому герою, чьи поступки и весь облик определялись во многом его социальным статусом (об этом говорят и сами названия рассказов – «Крестьянин», «Священник», «Дама»). События первых двух рассказов происходят во время восстания. Место действия традиционно для натурализма – это удаленные от большого мира деревеньки, затерянные среди гор. Но центральные герои существенно отличаются от прежних своим реальным жизненным содержанием, «приземленностью». Крестьянин из одноименного рассказа – «молодой и здоровый», один из множества себе подобных, доволен своей упорядоченной, зажиточной жизнью. Но вдруг ее спокойное течение нарушает непонятная и в высшей степени чуждая ему война с вылазками партизан и акциями карателей в непосредственной близости от его хутора. Страх и неприязнь вызывают у крестьянина и те, и другие; он мечтает только об одном – любой ценой избавиться от пришельцев и вернуть свою жизнь в привычную колею. Писатель прослеживает процесс стремительной нравственной деградации своего персонажа, приводящей его в финале к преступлению – крестьянин убивает больного, обессиленного человека, оставленного партизанами на его попечение.

Иная социальная психология и иная развязка драматической ситуации представлена в рассказе «Священник». Его герою также непонятна «чужая», еще недавно столь далекая война, ворвавшаяся вдруг в тихий сельский мирок; странными кажутся ему отчаянные «бунтовщики», которые посмели восстать против немецкой военной мощи, нарушив устоявшийся уже порядок. Священник предпочел бы оставаться в стороне от чужих «мирских» споров, но угроза жизни и благополучию его прихожан, долг пастыря побуждают его к активным, даже самоотверженным при всей их практической бесполезности действиям. Посреди деревни, ставшей полем боя, он служит большую праздничную мессу, желая отвести грозящую беду. Нагрянувшие немецкие танки он воспринимает поначалу как божье провидение, орудие, разящее «всех, кто нарушает порядок и спокойный труд человека». Однако, увидев истинное лицо фашизма («не люди, а холодные машины», «за их лбами таилась самоуверенная и торжествующая смерть»), священник осознает справедливость и необходимость борьбы с ним: «Иногда нужно бросить плуг, отложить молитвенник, закрыть церковь и взяться за оружие... нужно выйти в поле и убивать, чтобы убийство не стало правилом».

С кратких рассказов, схожих по жанру с очерком, начал разработку темы народного сопротивления фашизму Петер Илемницкий (1901–1949) – один из ярких представителей еще одного направления словацкой литературы – социалистического реализма. Посвященный событиям восстания роман «Хроника», написанный им в 1947 г., долгое время считался эталонным; неприменные атрибуты народности и партийности сочетались в нем с достойным художественным уровнем. В изображении движущих сил восстания Илемницкий был далек от патетики, от идеализации и монументализации повстанцев. При почти полной документальности события и персонажи в романе глубоко

индивидуализированы, привязаны к родной почве. Особенность повествовательной конструкции – «аутентичный» рассказ от лица местного жителя, лесничего Гондаша – обусловила и способ отбора и изложения фактов.

Борьба с «буржуазным национализмом», развернувшаяся после заседания Информбюро 1948 г. с резолюцией по Югославии, затронула и Словакию. Обвинения были выдвинуты против значительной части руководства Словацкого национального восстания (Г. Гусака, Л. Новомеского, К. Шмидке и др.), последовали суровые репрессии. Это не могло не повлиять на политическую и идеологическую оценку самого этого события. «Искаженное, несправедливое, а часто и пренебрежительное толкование восстания, – отмечал исследователь Б. Тругларж, – ...сковывало силы литературы, ...отнимало у наиболее зрелого писательского поколения живительный источник творчества»⁶. Тема восстания на какое-то время почти исчезла из литературы, уступив место «отработке» приветствовавшихся в эти годы тем коллективизации на селе, индустриального подъема и перековки человека в духе нового, социалистического коллективизма. Вновь о времени войны и восстания, о его проекции на настоящее заговорил А. Беднар в своем романе «Стеклянная гора» (1954) и в сборнике новелл «Часы и минуты» (1956).

Своего апогея развитие данной темы достигло во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., когда были созданы крупные эпические произведения о Второй мировой войне и Словацком национальном восстании В. Минача (трилогия «Поколение», 1958–1961) Р. Яшика (роман «Площадь святой Альжбеты», 1958 и незавершенная трилогия «Мертвые не поют», 1961), Л. Тяжкого (роман «Аменмария, только brave солдаты», 1964), Л. Мнячко (роман «Смерть зовется Энгельхен», 1959). Разные по идейной концепции и способу ее художественной реализации, они отразили поколенческий и личный опыт современников и участников исторических событий. При большем или меньшем соответствии принятым в тот период в литературе нормам социалистического реализма, лучшие произведения этого времени сохранили свою художественную привлекательность до наших дней благодаря жизненной достоверности характеров и судеб, психологизму в передаче состояния и мотивов поступков персонажей.

Эталонным произведением этого периода стала трилогия В. Минача «Поколение» («Долгий час ожидания», 1958; «Живые и мертвые», 1959; «Колокола возвещают день», 1961). В. Минач, сторонник социалистических идеалов, в художественной практике не следовал жестким стереотипам и догмам «схематизма» начала 1950-х. В трилогии он трансформировал собственный жизненный опыт и, что не менее важно – воплотил свои представления и политические убеждения в живой беллетристической форме. При этом созданная им система персонажей подчинена центральной авторской идее – идее воспитания поколения революцией (восстанием), коммунистической партией, стоящей во главе борьбы за национальную свободу и социальную справедливость.

В характере и биографии центрального персонажа трилогии, Марека Утрина, как других персонажей первого плана, можно обнаружить лишь немного от их создателя (в отличие от героя дебютного романа Минача, Петера Лотара). Во всем сомневающийся бедный студент, каким предстает Марек вначале, становится по воле писателя активным участником восстания, а затем – журналистом с коммунистическими убеждениями. Даже любовная линия, необходимая дань жанру, предстает в романе как испытание с социальным, а то и с идеологическим подтекстом (любовь Марека к Ольге, девушке из буржуазной среды). Идейный посыл трилогии Минача, по справедливому замечанию словацкого литературоведа В. Марчока – это «восстановление авторитета Словацкого национального восстания в сознании общества, ... монументализация исторического подвига своего поколения, ... и вместе с тем – утверждение исторической закономерности победы коммунистов в борьбе с фашизмом и в построении социализма»⁷.

В начале трилогии молодые герои – студент Марек Угрин, девушка из богатой семьи Ольга Феркодичева, медичка Эма Бурьянова, молодой офицер Ян Лабуда, начинающий поэт Август Шернер и другие – предстают перед читателем как «чистые листы», незрелые, не сложившиеся еще до конца люди («они были молоды и ни во что не верили»⁸). Изначально цельным предстает лишь характер Янко Крапа, молодого пролетария, убежденного коммуниста. Автор дает ему прямую характеристику: «Янко Крап не думает о своей молодости, он зорко и настороженно смотрит на мир вокруг себя»; «Он считал себя героем. Два года работал в подполье» (с. 40). Вводя в сюжет очередной персонаж, Минач вкратце характеризует его облик и поведение и не скупится при этом на социально-политические оценки: «Архитектор Феркодич – богатый и важный господин. Он строит себе виллу и заседает в парламенте. Истым словаком он стал как раз в ту пору, когда это было выгоднее всего, ... до этого он был аграрием» (с. 61). Отрицательные персонажи сразу же представляются читателю в резко-критическом ключе: «Старый Угрин был рослый, здоровый и кряжистый мужик, вспыльчивый и неумный в бешенстве; шумный и чванливый, ... он хотел, чтобы его боялись» (с. 103). Особенно гротескно-сатирически рисует писатель портреты политических и классовых врагов – активистов словацкой националистической Людовой партии и ее военизированной гвардии и их приспешников. Так описывает Минач президента марионеточного Словацкого государства Йозефа Тисо: «Старик этот был самым почитаемым и самым ненавидимым человеком в своей стране. Его бледно-серое лицо, рассеченное под лучами прожекторов черными тенями, походило на лицо трупа» (с. 92).

Действие трилогии развивается по нескольким сюжетным линиям, группируемым вокруг того или иного центрального персонажа. При этом в каждой линии сохраняется тональность, заданная этим персонажем. Так, в сюжетной линии Марека Утрина на протяжении всех трех романов, при наличии выраженного любовного мотива, преобладает идейно-воспитательная

направленность. В главах, связанных с фигурой Янко Крапа, преобладает героический пафос (подпольная партийная работа, сцены в партизанском отряде). Развитие «женских» линий (Ольга Феркодишева, Эмма Бурьянова) связано со становлением и классовой «перековкой» характеров, сопровождающимися эмоциональными потрясениями и любовными переживаниями героинь. Сатирическими тонами окрашены сюжетные линии представителей буржуазии, приспособленцев и карьеристов – архитектора Феркодича и поэта Августина Шернера. И убийственно-обличительно звучит авторский голос в сценах, где появляются враги – фашисты, «людаки», «гардисты»⁹, такие как Филип Грахо или Винцент Ульрих.

Все сюжетные линии, развивавшиеся в первом томе почти параллельно, переплетаются во втором романе, где описываются события Словацкого национального восстания – с первых его дней августа 1944 г. и до момента прихода в Словакию Красной Армии. Повествование изобилует массовыми сценами, описаниями эпизодов партизанской войны. Восторженно встречают отряды повстанцев население: «В этих глазах была и просьба, и вера, и надежда. Вы – наши, – говорили эти взгляды, – наши близкие и родные, и мы верим в вас, верим, что вы нас защитите...» (с. 315). Коллективное начало берет верх над индивидуализмом даже у таких персонажей, как сомневающийся во всем интеллигент Марек Угрин или самовлюбленный эгоист капитан Лабуда. Эпическое действие в еще большей мере, чем в первом романе, преобладает здесь над описанием переживаний, внутреннего мира героев.

Представляя восстание как сознательный акт и одновременно естественный порыв масс, Минач в то же время не сглаживает его «острые углы» и противоречия, подчеркивая при этом идеологические моменты. Если в первые дни восстания хаос и неразбериха были вызваны стихийностью движения («Все развивалось по каким-то немислимим законам... Это был абсолютный хаос», с. 301), то, описывая тяжелые дни поражения, автор указывает на причины иного характера: «Нити взаимной вражды вели от штабов высшего командования к фронтам, к исполнительным органам революционной власти. Здесь был вопрос политический» (с. 323). Успехи повстанцев связаны, главным образом с личным героизмом и самоотверженностью коммунистов – прежде всего, Янко Крапа, и отчаянных вожаков, не жалевших ни себя, ни других, – таких, как капитан Лабуда.

Идея пролетарского интернационализма воплощена в романе в фигурах русских партизан, сражающихся плечом к плечу со словаками, и – особенно ярко, с большой долей авторской симпатии – в фигуре старого коммуниста-интернационалиста комиссара Бенде. Внешне смешной и нелепый, «низенький, круглый и толстый», он «очень плохо говорил по-словацки, причем даже не с одним, а с несколькими иностранными акцентами», однако сила убежденности, внутренняя энергия заставляла суровых партизан слушать его, затаив дыхание. Именно комиссар Бенде становится своего рода духовным наставником для Марек Угрин, воспитывающим из него к концу трилогии настоящего коммуниста.

Марек Угрин – единственный персонаж, внутреннее развитие которого проследивает Минач. Другие центральные персонажи романа переживают внешние, событийные перипетии, более или менее закономерные повороты судьбы. Распрощавшись с верой в бога и в справедливость, пережив потери и разочарования, он остается чистым душой юношей, и вместе с тем – податливым материалом в руках автора. В начале романа рефлексирующий Марек «взбунтовался против бессмысленности человеческого существования, ... освободился от бога, стал свободен и открыт для всего» (с. 130); позднее, закалившись в восстании телом и духом, он становится оптимистом, сознательным бойцом революции: «Он носил в сердце образ свободы, которая была все ближе к нему» (с. 467), «Новая жизнь будет необычной и интересной, ... это начало нового пути и конец тьмы, это – победа» (с. 611). Говоря о поначалу настороженном, недоверчивом отношении Марека к марксизму («он боялся внутренних тисков, ... четкости и однозначности учения»), писатель тут же находит этому объяснение: «он, как большинство буржуазных интеллектуалов, попал под влияние мифов и легенд о марксизме, в том числе и фашистских мифов и легенд» (с. 712). Постепенно, осваивая марксизм «на практике», общаясь с коммунистами в партизанском отряде, Марек осознает, что это – «бескомпромиссное учение, с ним нельзя ни заигрывать, ни даже всерьез бороться - ему нужно отдаться полностью» (с. 715). В конце романа, уже будучи известным журналистом, Марек вступает в партию, не желая оставаться в стороне от обострившейся в послевоенные годы классовой борьбы. В третьем томе трилогии Минач особенно прямолинейно проводит грань между «своими» - коммунистами и «врагами» - стремящимися к реваншу представителями реакционных сил. Резко негативно, в прямых публицистических высказываниях, он характеризует расстановку сил и общественно-политическую обстановку накануне парламентских выборов 1946 г., принесших в Словакии победу правой Демократической партии («Страх за имущество и капиталы расплодился по стране, ... этот страх сплачивал ряды «правоверных словаков» и питал их силы для защиты «демократии», с. 768).

Публицистический пафос сочетается в финале трилогии с несколько поспешным благополучным завершением личных судеб героев, что снижает общее художественное впечатление. Однако в целом трилогия В. Минача остается значительным памятником и поколению участников Словацкого национального восстания, и своей литературной эпохе.

«Опыт, этот мастер из мастеров, пусковая площадка, откуда взмывают вверх зонды в человеческий космос», – вот, по определению В. Минача, необходимое условие верного отражения военной темы в литературе. Внимательно и ревностно наблюдавший за творческим развитием молодого поколения писателей, он в ходе развернувшейся на страницах литературной периодики дискуссии¹⁰ критически отозвался о романе В. Шиккулы «Мастера», поддержав при этом еще более резкую оценку старейшего словацкого марксистского критика Д. Окали: «Нет социально-исторического аспекта

изображения человека», «нет ни единого социального столкновения – явно-го или скрытого», «территория социально-исторического романа для него – неприятельская территория». И как вывод: «Это все еще родина в пору детства, а не родина в пору восстания»¹¹.

В основе этого неприятия лежит несхожесть, а во многих отношениях и противоположность идейных и творческих принципов не только двух писателей или представителей разных поколений, но и двух художественных концепций. Молодая проза 1960-х гг. (Я. Йоганидес, Р. Слобода, П. Виликовский, П. Ярош и др.) противопоставляла догмам соцреализма предшествующего периода свое мировосприятие и представления о литературе, обратившись к современной тематике, к проблемам своих сверстников, в сфере поэтики – к малым жанрам, к субъективности повествования, к поиску новых средств художественной выразительности. В. Шикун, начинавший свой творческий путь в рамках этого течения, в 1970-е гг. вступил в полемику с идеологией социалистического реализма на его собственной «территории» большого эпического произведения.

Трилогию составляют романы «Мастера» (1976), «Герань» (1977) и «Вильма» (1979), объединенные общей фабулой, центральными героями (Имро Гулдан, его жена Вильма, отец – мастер-плотник Гулдан) и большим числом второстепенных персонажей (родных и односельчан семейства Гулданов). Помимо этих «материальных», очевидных черт взаимосвязи частей трилогии, существует еще и множество внутренних признаков их общности, относящихся к художественной концепции писателя, к оригинальному способу повествования и развития сюжета, к уровню поэтики в целом¹².

Первый роман, «Мастера», состоит из пяти глав, названия которых передают прямо или метафорически суть их содержания: «Плотники», «Двое», «Колокольня», «Представление», «Солнечные часы». Фабульное действие в первом томе относится к определенному историческому отрезку – последнему году перед восстанием. Но открывается роман не описанием исторических реалий, а почти былинным, выдержанным в фольклорной стилистике зачином, подчеркивающим обобщенность художественного образа действительности и создаваемых автором фигур и типов, при всей их жизненности и глубине психологических характеристик: «Четверо их было: мастер и три его сына. Люди любили их и любили о них поговорить. Истории эти начинались обычно так: «Однажды, когда мастер и его сыновья...»¹³ (с. 9). Представив героев, автор на первых же страницах демонстрирует особые приемы своего романного повествования, переходя при этом к сниженной, иронической тональности. Здесь и в дальнейшем эпическое повествование периодически обрывается и приостанавливается, давая место порой шутивным, порой взволнованно-экспрессивным авторским рассуждениям.

На фоне мирного труда, семейных забот и неурядиц лишь изредка, далеким эхом доносятся вести о войне. Особый смысл они приобретают в устах старого Гулдана, бывшего солдата первой мировой: «Весь мир словно впал

в бешенство и ярость. Плохо дело, ребята, – говорил мастер, – когда генералы начинают интересоваться архитектурой, людям всегда приходится туго». Негодуя на старших сыновей за то, что они оставили семейное дело, мастер вспоминает о судьбе их ровесников: «Ведь я их еще и от армии уберег. Там, на фронте могли бы уже быть! Скольким молодым парням пришлось пойти в солдаты, на Украине они теперь, в России, в окопах мерзнут» (с. 31).

В завершающей главе романа «Мастера» все более сгущаются приметы военного времени, лишь пунктирно обозначившиеся ранее. Вновь определив временную точку повествования по виду сжатого хлебного поля («Август кончался. О недавней жатве все уже и забыли. ...Стерня почти повсюду была уже перепахана»), автор словно перемещается из сознания словацкого крестьянина («Война - не война, а есть человеку всегда нужно») в сознание молодого солдата на фронте («...есть надо и его сыночку, который чистит винтовку на Востоке»). Тоска по родной земле сливается у него с чувством вины и обреченности: «Его тоже однажды возьмут на мушку, и под его ногами поплывет и раскроется земля, а потом, потом, когда солдатик ничего уже не будет знать, кто-то над ним заплачет. Бедный солдатик! Как же тебе здесь тоскливо! Тоскливо и в могиле, тоскливо и над могилой. Тоскливо и дома» (с. 219).

От частных человеческих судеб В. Шикла переходит к глубоким эмоциональным рассуждениям об истории («речке истории»), о забытых, затерянных в ней «обыкновенных людях», после которых «осталось множество пустых мест, которые мы привыкли заполнять словами «рабы», «солдаты», «крестьяне», «рабочий класс». Писатель горячо протестует против поверхностного, рутинного толкования истории и роли в ней человека: «Имя крестьянина, который тысячу лет назад растил здесь хлеб, нам не известно, зато имя того, кто этот хлеб отнимал или прошел по нему огнем и мечом, сияет славой, и беда школьнику, который его забыл» (с. 227). Настоящая история, по его убеждению – в природе, в дорогах, пересекающих край, в руинах замков и в старых пашнях, где трудятся поколения крестьян, предков и потомков символического вечного пахаря, появляющегося в отступлении-притче.

Мотив исторической судьбы малого народа усиливается и в прямых авторских рассуждениях, и в часто встречающихся полифонических диалогах, в которых звучат анонимные реплики и более развернутые высказывания сельчан: «Понадеялись мы на немцев, вот теперь и расхлебываем. – Да уж, получим свое. – Ну неужели же во всем плохом, что делается в Европе, мы виноваты? – И мы тоже. – Ну конечно! Выходит, надо было дать себя сожрать?... Французы и англичане – герои, а мы – трусы?! Чехи – бедолаги, а мы – негодяи?! ...Для того ли мы – нация, чтобы всякий мог нас брать и раздавать в подарок?» (с. 221); «Я с самого начала знал, что этим кончится. – Да уж, дадут нам прикурить. Вот увидите, и от немцев достанется, и от русских» (с. 234).

Разногласица, споры в «народных» диалогах - отражение «недружности», разброда в нации, – главной беды словаков, о которой в романе говорят и мастер Гулдан, и особенно настойчиво – его приятель Карчимарчик:

«Вечно вы препираетесь, собственного голоса не слышите, может, вы и не народ вовсе, еще не доросли до того, чтобы быть народом» (с. 236). Мастер Гулдан и соглашается с приятелем, и по привычке спорит с ним. В его монологе по поводу призыва к общей ответственности и к уходу в партизаны речь героя постепенно приобретает иные стилистические интонации и переходит, как это нередко случается в романе, в авторскую речь, в серьезные и эмоционально насыщенные размышления о нации и ее бедах: «Наша главная слабость в том, что у нас нет единства, мы никогда не держимся вместе, не умеем уважать друг друга. ...Мы боимся собственных ошибок, потому что скрываем их, не осмеливаемся даже назвать их настоящим именем. ...Нам не хватает гордости и сплоченности. Повсюду становилось все хуже. Пала Польша, потом настала очередь Франции, Англия очутилась на краю катастрофы, ... погибло столько русских и украинцев... А у нас по-прежнему, все тот же разброд» (с. 246). В конце монолога автор вновь возвращается к интонациям Гулдана, воскликнувшего: «Ну не понимаю, почему мы не дождались русских?»

Выжидательной позиции придерживается и местный священник, чьи высказывания, далекие от активности и героизма, по-своему корректируют образ нации, укрупняя определенные черты: «Повсюду люди воюют, убивают друг друга, а мы здесь, в Церовой, строим себе и строим церковку... Вот и папенька мой говаривал: если что – детишки, живо под стол! Похоже, что нам и сейчас приходится под этим столом сидеть да помалкивать» (с. 94).

Весть о вступлении в Словакию карательных немецких войск, услышанная кем-то по радио («В Околичном было только четыре радиоприемника») воспринимается в деревне по-разному: снова звучит многоголосый тревожный диалог, высказываются всевозможные предположения и домыслы. Главный источник информации для сельчан – слухи, противоречивые свидетельства очевидцев. В стилистике народной байки звучит рассказ «одной церковской тетушки» о Сталине и Тисо: «Сталин-то с нами и говорить сперва не хотел. Спрашивает нашего пана президента: А где же ты раньше был? – Где был? Сам знаешь, где я был! Разве ж мог я отступить от Рима, когда вокруг меня сплошь католики? А тот ему на это: Ну и ступай за помощью к своему Риму! Но потом все же за нас какой-то лютеранин словечко замолвил» (с. 241).

Масштабов этического поучения достигает народное творчество в притче о святом Ленгардте, объявившемся в словацком городке: «А в Омпитале – молва об этом тоже дошла до Околичного – вышел будто бы из-под земли святой Ленгардт и спрашивает: Омпитальцы, словаки, почему вы ничего не делаете? – Что нам делать? Мы и не знаем ничего. – Омпитальцы, вы что же, слепые? ... Люди друг друга убивают, а вы ничего не знаете? Не знаете, кому надо помогать? – Да ведь мы всегда себе и помогали...». Далее следуют споры словаков, чей городок или деревня лучше и знаменитее, прерываемые восклицанием святого: «Омпитальцы, но сейчас-то речь идет о народе и о его чести! Речь идет и о других народах! – Да ведь и мы – народ. Мы уж как-нибудь дома пересидим и оборонимся. – И святой Ленгардт опечалился.

Опечалился и ушел» (с. 242). У этого повествования неожиданный, актуализирующий финал: «Там был еще один человек из Штефановой, и тот потом добавил: Никакой это не святой Ленгардт, а партизан. Это был русский партизан. На фуражке у него звездочка была».

Автор, продемонстрировав шкалу мнений, домыслов и легенд, подводит итог: «В Околичном в то время было не так много героев. А были там самые обычные крестьяне и несколько ремесленников, и о героизме они особенно не размышляли. Двое-трое сразу же ушли к партизанам, они просто исчезли из Околичного, поскольку там партизан не было. Остальные колебались. Ожидали, что будет дальше» (с. 240).

Шикула рисует своих персонажей как людей обыкновенных (последовательно избегая при этом определений «простой» или «маленький» человек), негероических по натуре, живущих интересами работы (мастерства) и семьи (любви), и не забывает время от времени напомнить об этом в прямых авторских высказываниях. Его интересуют не героический порыв выдающихся одиночек, не сцены анонимного массового героизма, а то, как происходит постепенное созревание готовности к неординарному, а в условиях войны – и к героическому поступку в сознании отдельно взятого обыкновенного человека. И то, что является при этом глубинной причиной, а что – лишь внешним толчком к такому поступку. Внутренние мотивы неожиданного финала первого романа трилогии – ухода Имро Гулдана вместе с односельчанами в партизаны – намечаются исподволь, в отдельных репликах и мыслях героя.

В воображаемом немом разговоре с далекими друзьями, воевавшими на восточном фронте, Имро сам себе задает острые, неллицеприятные вопросы: «А что ты делаешь, Имро? Где ты и что делаешь? Подумай, что если у тебя кто-нибудь спросит спустя годы: Имро, а ты что делал всю войну? Как тебе удалось от всего этого отвертеться? Кто тебе помог?». В этом месте романа, во внутреннем монологе центрального героя, Шикула поднимает сложную и «неудобную» для словаков тему участия словацких дивизий на стороне нацистской Германии в войне против Советского Союза, тему, которую затрагивали в своих произведениях (в большей или меньшей мере) писатели более зрелого поколения – Р. Яшик, В. Минач и, особенно, Л. Тяжкий. Голос незримых ровесников, а по сути голос совести самого Имро, продолжает задавать вопросы: «Почему же ты не был с нами? Почему тебя не призвали в моторизованную дивизию или в дивизию прикрытия? Некоторые перебежали тем временем к красноармейцам, но и там тебя не нашли. Напрасно мы озирались кругом, тебя не было и там. А потом, позднее, в сорок четвертом? Ответь, герой! Что ты решил и как поступил?» (с. 255). Дальнейшее действие становится итогом этих мыслей и переживаний героя. Имро, уже внутренне готовый к такому шагу, поставлен и внешними обстоятельствами в необходимость ехать вместе со всеми. В финале романа герой и его будущие соратники покидают хутор и отправляются к партизанам.

Действие второго романа трилогии, «Герань», разделено на два русла: в чередующихся главах автор повествует попеременно то о событиях в деревне, то о перипетиях партизанского отряда. Фабульная «военная» линия с центральным героем Имро ритмически пересекается фабульной линией относительно мирного «тыла», родного дома, малой родины. Автор нередко перемещает время повествования – из 1944 г. в настоящее» (начало 1970-х гг.), чтобы взглянуть на прошлое через преломляющую оптику времени и человеческого опыта. Дополнительную функцию в повествовании приобретают эти временные перемещения, когда в одной из глав романа вновь появляется особый персонаж – второе, детское «я» повествователя.

При всей их важности впечатления и непосредственные личные воспоминания детских лет (Рудко, автора-повествователя, а по сути – самого Ш и кулы) – важный, но не единственный компонент художественного отражения словацкой действительности военных лет, какой она предстает в романе. Ритмическое чередование глав «о доме» с главами «о войне» придают повествованию не только дополнительный драматизм, но и эпический объем. Более статичная, заглубленная в психологическое состояние человека «женская» фабульная линия (линия Вильмы) контрастно взаимодействует и переплетается с событийно-насыщенной, динамичной «мужской» линией, где идет речь о злоключениях маленького партизанского отряда.

Художественный мир, создаваемый в романе, глубоко гуманистичен; он концентрируется вокруг человека, как не раз замечает писатель, «обычного», со всеми его человеческими слабостями и недостатками, множеством связей и взаимоотношений с другими людьми, близкими и встреченными случайно. При этом В. Шкула далек в своих характеристиках как от порицания, так и от идеализации своих персонажей. Так, в первой из глав «Табак» нет и в помине героизации деревенской «самодеятельной» группы повстанцев, «обыкновенных» людей, которым пришлось оторваться от мирных занятий и семейных забот, и причиной тому стало не идейное или тем более – партийное руководство массами, а стихийный порыв, движение души, а для кого-то – дело совести. В группе поначалу нет ни организованности, ни сплоченности, наоборот, показана полная дезориентация, растерянность и взаимная неприязнь людей, особенно усилившаяся после первых потерь, когда их машина попала под обстрел, еще даже не добравшись до места назначения. Уныние подкреплялось осознанием того, что они опоздали к разгару событий. Навстречу «опоздавшим» попадались разрозненные и разношерстные группы партизан, тоже начисто лишённые черт героизма.

Яркая, праздничная картина первых дней восстания остается в романе за рамками действия. Жизнь партизанского отряда представлена в романе главным образом как череда тягот и лишений, испытываемых людьми в окружении врага, влияющих на их поведение и взаимоотношения. Отряд измотан бесконечными переходами по заснеженным горам, люди ослаблены недоеданием, холодом и болезнями, раненых некому лечить, растет

недовольство неумелым командованием, неорганизованностью отступления. Многих удерживает от бегства из отряда лишь чувство товарищества, долга перед новыми друзьями-соратниками, ведь «в горах слово «дружба» означает нечто большее, чем в обычной жизни». Пример настоящего, непоказного героизма, самоотверженности ради спасения другого – последняя партизанская «операция» Имро, когда он с друзьями вызывается отнести в деревню раненого товарища. Натолкнувшись на немецкий патруль, партизаны погибают в перестрелке. Одному Имриху удается спастись, и его полуживого привозят в родную деревню на армейской машине освобождающие Словакию части Красной Армии.

Третий роман трилогии, «Вильма», отличается от предыдущего и содержательно, и композиционно. Время действия – первое послевоенное десятилетие, что определяется скорее хронологией личных переживаний героев, чем социально-историческими приметами, лишь изредка обозначаемыми автором.

Плодотворным с точки зрения показа закономерностей развития прозы 1950–1970-х гг. представляется сопоставительное рассмотрение двух романов-трилогий – В. Минача «Поколение» и В. Шикеры «Мастера» Примечательна схожесть их внешних, формальных признаков. Оба романа тематически построены на одном и том же материале истории, отнесены ко времени войны и Словацкого национального восстания. Общая тема обусловила и общность места и времени действия двух произведений – это Словакия, горы, 1940-е гг. Схожи они и по жанру – в обоих случаях мы имеем дело с крупной эпической формой трилогии. Совпадает и временное расположение материала, внутренняя композиция трилогий: в первых томах речь идет о событиях накануне восстания, и заканчиваются они уходом главных героев в партизаны; во вторых томах действие происходит во время восстания и отступления партизан в горы, а завершается освобождением Словакии Советской армией; третьи тома посвящены судьбам героев в послевоенные годы. Некоторое сходство (внутреннюю неудовлетворенность, саморефлексию) можно найти даже в характерах двух центральных героев – Марека и Имро. При этом внутреннее, идейное и художественное содержание этих произведений разное, порой даже противоположное.

Каноны социалистического реализма – партийность, народность, историческая конкретность, исторический оптимизм, социалистическая перспектива, пусть и облеченные в образные индивидуализированные формы, – отчетливо просматриваются в трилогии В. Минача. У Шикеры же они «вывернуты наизнанку» в полном соответствии с художественной концепцией писателя. Понятие «партийность» (да и идеологическая борьба вообще) отсутствует в романе Шикеры как таковое, нет и фигур коммунистов, представленных в трилогии Минача яркими, функционально активными персонажами (Янко Крап, комиссар Бенде). Народность, эта исконная принадлежность романа-эпопеи, воплощена в трилогии Минача не только в общей концепции, но и в многочисленных массовых сценах, относящихся к событиям восстания («Марек

бежал вперед, рядом бежали другие... Все были переполнены большим, незнакомым чувством, ощущением свободы, вольности, братства»). Народность у Шикеры чужда массовости, она – в каждом конкретном персонаже, его особой судьбе; автор относится к этому понятию без пиетета, даже с известной долей иронии. Это, в частности, иллюстрируют многоголосые сцены-диалоги, когда большое количество остающихся безмянными персонажей, порой не слушая друг друга, высказывается на какую-то интересующую всех тему.

Герои Минача, пройдя долгий и многотрудный путь борьбы и потерь, смотрят вперед с оптимизмом – они видят перед собой светлую перспективу жизни в условиях победившего социализма. В финале трилогии благополучно завершаются все злоключения центральных героев, вновь соединяются любящие пары, а отрицательные персонажи получают заслуженную кару. Послевоенная действительность в третьем томе романа Шикеры – это упадок деревни, кооперативы с трудовыми, вымирание вековых традиций словацких ремесленников, процветание карьеристов и приспособленцев. Жизнь героев все так же трудна, а главное – в них растет ощущение внутреннего неудовлетворения, собственной нереализованности. Трилогия завершается смертью центрального персонажа Имро Гулдана и горем его близких.

Два эти произведения отличаются и системой персонажей, типами личности и особенностями мировосприятия героев. Центральные герои романов – Марек Угрин и Имро Гулдан – имеют на первый взгляд некоторые общие черты – вначале это неустоявшиеся, еще не завершившиеся в своем развитии личности. Важное место занимают в романах их любовные переживания, рефлексии, внутренние монологи, но развитие характеров идет по-разному – прямолинейно-прогрессивное, к коммунистической сознательности и изживанию «интеллигентских» слабостей у Марека и стихийно-индивидуалистическое у Имро, который и в партизанском отряде действует стихийно-героически, и, вернувшись домой калекой, угасает почти безропотно, отжив и отстрадав свой недолгий век.

Минач – полновластный хозяин романа с его сюжетом и героями, которых он расставляет – по идеологическому, политическому или классовому признаку – по трем лагерям, деля на «своих», «врагов» и «колеблющихся». История в романе Минача движется строго поступательно, через борьбу – к победе коммунистов над фашистами и над классовым противником, к перековке колеблющихся (Марек, Ольга), к позорному поражению врагов и к трудному счастью «своих» (Янко Крап, Эма). Развитие характеров подчинено не столько их внутренней логике, сколько воле автора, его идейной задаче. У Шикеры же нет деления персонажей на своих и врагов, хотя сам исторический материал войны должен был это предполагать. «Свои» – партизаны, жители деревень – люди далеко не безупречные, далекие от привычных представлений и стереотипов о героях-партизанах. Их поступки стихийны и порой нелепы; по характеру они ближе к разбойникам словацких легенд, чем к сознательным борцам-антифашистам. Движущая сила их истинного героизма – чувство товарищества, долг перед близкими, даже

осознание собственной вины (в мотивах поступков Имро Гулдана). «Врагов» в романе вообще нет – немцы присутствуют в сценах вылазок партизанского отряда почти незримо, как безличная масса противника, а сами военные столкновения остаются почти всегда «за кадром». Конкретные фигуры немцев – индивидуализированные персонажи, с которыми сталкиваются герои – хотя и вызывают у них боязнь, но с ними оказывается возможным найти общий язык. Так, мальчик Рудко, наделенный определенными автобиографическими чертами самого писателя, общается с немцами, стоящими в деревне; Имро ведет воображаемый разговор с убитым солдатом Вассерманом, рядом с которым он провел самую страшную ночь в своей жизни, один, в брошенной партизанами землянке. «Обыкновенные люди», о которых рассказывает Шикула, его герои – носители не политических или социальных идей. В них выражен гуманистический пафос творчества Шикулы, идея отзывчивости, понимания и сострадания.

Различие художественных концепций, понимания истории и роли в ней личности, очевидное при сопоставлении произведений двух писателей, отразилось и на поэтике романов. Наряду с прочим, эти отличия связаны с построением сюжета – прямолинейным у Минача и разветвленно-спиральным у Шикулы. В трилогии В. Минача присутствует сразу несколько сюжетных и фабульных линий – по числу центральных персонажей, носителей того или иного идейного содержания. Иногда они пересекаются, но чаще идут параллельно. Для «связывания» сюжетных линий писатель применяет порой характерный прием – своего рода авторский «смотр», когда при описании значительных исторических событий происходит быстрое чередование кадров-портретов героев, находящихся в этот момент в разных местах. Развитие сюжета идет у Минача в хронологической последовательности, с минимальным использованием ретроспективы лишь в тех случаях, когда это необходимо для прояснения характера героя (тяжелое детство Марека Угрина, пролетарская юность Янко Крапа).

У Шикулы повествование имеет сложно-разветвленную структуру. Фабула прослеживается в романе весьма отчетливо, а само действие в событийном плане настолько однозначно, что его можно пересказать в нескольких фразах. Сюжет при этом замысловато переплетают рассказы, «истории» и притчи о персонажах и от лица персонажей или героя-рассказчика, значительно расширяющие эпическое время и пространство романа, множество авторских отступлений и комментариев по тому или иному поводу. Часто в таких авторских монологах звучит прямая полемика с воображаемыми «критиками» и «литераторами», с их незыблемыми критериями «настоящего» исторического романа, «единственно правильного» пути в литературе.

В отличие от В. Минача, В. Шикула не ставил своей целью добиться полноты и масштабности исторической фрески; в центре его художественного мира – обычный, негероический человек, неповторимая самоценная личность со своими слабостями и взлетами. Время и место действия романа «Мастера» хорошо знакомы писателю по военному деревенскому детству.

В. Шикула достигает большой художественной убедительности путем сплава и художественного обобщения своих детских впечатлений, рассказов близких людей, опыта собственных наблюдений и раздумий, воплощенных в книге в живых человеческих характерах.

«Роман идей» и «внутренний роман внешних событий» – так характеризует произведения Минача и Шикулы Ян Штевчек в своем фундаментальном исследовании «История словацкого романа». В основе трилогии Минача, по убеждению словацкого литературоведа, лежит «типичная проблематика литературного развития пятидесятых годов, когда главной составляющей произведения была оценка писателем действительности, его мировоззрение и твердая жизненная позиция»; при этом полемический по отношению к нему «роман Шикулы далеко не исчерпывает всю общественно-политическую проблематику восстания, зато наполняет ее внутренним содержанием и – парадоксальным образом – в определенном смысле превышает ее пределы»¹⁴.

Различие между двумя трилогиями этих выдающихся представителей словацкой литературы XX в. коренится, таким образом, в разных идейно-художественных принципах, в несхожести концепции личности. В одном случае мы имеем дело с идеологической моделью прозы, творчески разработанной в одном из лучших образцов социалистического реализма, а в другом – с реализацией художественной концепции общегуманистического характера в произведении с нравственно-психологической направленностью.

Примечания

¹ История Словакии. *Studia Historica Slovaca* XXI. М., 2003. С. 332.

² *Kováč D. Dejiny Slovenska*. Praha, 1999. S. 224.

³ *Đurica M.S. Dejiny Slovenska a Slovákov*. 1996. S. 182.

⁴ *Lipták E. Slovensko v 20. storočí*. Kalligram. Bratislava, 2000. S. 243.

⁵ Цитата по: *Švantner F. Malka*. Bratislava, 1965. S. 255.

⁶ *Truhlár B. Veľká inšpirácia*. Bratislava, 1967. S. 12.

⁷ *Marčok V. a kolektív. Dejiny slovenskej literatúry III*. Bratislava, 2004. S. 199.

⁸ Цитаты по изданию: *Mináč V. Generácia*. Bratislava, 1969.

⁹ «Людаки» – члены правящей в 1939–1945 гг. клеро-фашистской Глинковской народной («людовой») партии; «гардисты» – члены военизированных подразделений Глинковской гвардии («гарды»); Андрей Глинка (1864–1938) – словацкий политический деятель, католический священник.

¹⁰ Дискуссия 1977 г. вокруг романа «Мастера» стала заметным событием литературной жизни Словакии. Разноречивые, но в целом высокие оценки произведения высказали ведущие критики и литераторы Ф. Мико, Ю. Ноге, В. Шабик, И. Сулик, Д. Окали, В. Минач. Вторая, менее широкая, но столь же оживленная дискуссия прошла в печати и в Союзе словацких писателей в 1980 г. после выхода романа «Вильма», что свидетельствовало о принципиальном значении трилогии для литературы тех лет.

¹¹ *Slovenské pohľady*. 1977. Č. 11. S. 84.

¹² Тематически с трилогией связаны и две повести В. Шикулы – «Иволга» (1978) и «Солдат» (1981), в которых также показаны судьбы обычных людей, сохранивших в пору военных испытаний веру в человека и чувство собственного достоинства.

¹³ Цитаты по изданию: *Šikula V. Majstri*. Bratislava, 1976.

¹⁴ *Števček J. Dejiny slovenského románu*. Bratislava, 1989. S. 486, 531.

II. Исторические исследования: идеи, находки, новые документы

О.А. Акимова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Глаголические представления о начале славянской письменности: на пути к идее славянского единства

Abstract:

Akimova O.A. Glagolitic view on the beginning of Slavic written language: a way to the idea of Slavic unity

The article contains a view on the concept development of the relation between glagolitic written language and prayer books with the names of St. Cyril and St. Methodius on one hand, and St. Hieronymus, on the other, during the Middle Ages in the Croatian glagolitic environment. A certain way of historical space settlement, similar to Roman historical tradition, can be found in respective resources - familiarization with ancient history and development of strong connections with it's characters. The view on the deep historical background of the Croatian ethnic group and on the important role of Croatian culture in the wide ancient and early-Christian cultural space, respectively, expanded geographical and temporal bounds of the entire Slavic world and participated in the development of the vast and ancient Slavic community mytheme. The idea of confessional integration presented in historical and cultural views developed from the glagolitic environment attracted attention as various political and religious concepts based on the ideas of universality and uniatism have advanced.

Ключевые слова: глаголица в Хорватии, славянское богослужение, глаголиты в Чехии, свв. Кирилл и Мефодий, Иероним Блаженный, славянское единство, европейская историография.

В хорватской глаголической среде в Средние века складывались определенные представления о собственных историко-культурных корнях, которые оказали определенное влияние на развитие в Европе идей христианского универсализма и обширной метаэтнической славянской общности, история которой восходила к античной древности. Ключевыми здесь оказывались представления о начале славянской письменности и славянских богослужебных текстов.

Появление славянского богослужения на западе Балкан, по всей видимости, рано стало связываться с именами Кирилла и Мефодия. Косвенно об этом свидетельствуют послания римского папы Иоанна X, написанные в связи с проведением сплитских церковных соборов 925 и 928 гг., на которых было опеределено церковное устройство на территории далматинской церковной провинции¹. Она охватывала адриатические города с остатками

прежнего романского и романизованного населения, составлявшие византийскую провинцию Далмация, раннесредневековое Хорватское государство и территории сербских государственных образований Дукли, Требинье, Хума, которые находились под юрисдикцией верхнедалматинских епископов.

В письмах Иоанна X впервые сообщалось о распространении на территориях, подвластных далматинским епископам, богослужения на славянском языке и славянских (очевидно, глаголических) литургических текстов, что, как следовало из папских посланий, грозило единству церкви. В послании сплитскому архиепископу Иоанну и всем его суффраганам², папа пенял им за то, что в пределах их церковного подчинения, в «славянской земле» (*per Sclaviniam terram, Sclavinorum terra*), «распространяется другое учение (*doctrinam*), которого нет в священных книгах», а его приверженцы, «оставляя без внимания евангельское учение, канонические сочинения и апостольские предписания, прибегают к учению Мефодия, которое мы не обнаружили ни в одном сочинении священных писателей». И далее папа требовал, чтобы впредь служба совершалась здесь «по обычаям святой Римской церкви, то есть на латинском языке, а не на иностранном»³. С призывом не употреблять в службах славянский язык папа обращался также к хорватскому правителю Томиславу и хумскому князю Михаилу⁴. В материалах соборов и папских посланиях не определялись области распространения славянской литургии. В историографии преобладает широкая трактовка упомянутой Иоанном «славянской земли», охватывавшей, как полагают, большую часть территории архиепископии⁵.

Р.Катичич, сопоставляя тексты писем Иоанна X с письмами папы Иоанна VIII от 879 г. и папы Стефана V от 885 г., пришел к выводу об использовании Иоанном X фразеологических оборотов, употреблявшихся его предшественниками. Так, мефодиево «другое учение» могло быть следствием грамматической трансформации фразы из письма Иоанна VIII великоморавскому князю Сватоплуку о дошедших до него слухах, что Мефодий «по другому учит» (*aliter docet*), а общий тон писем Иоанна X обнаруживал влияние угроз Стефана V предать анафеме Мефодия за ведение церковных служб на славянском языке⁶. В письмах Иоанна X именно употребление славянского языка в качестве литургического оказывалось равнозначным отступлению от учения Римской церкви, а его осуждение приобретало смысл борьбы за правую веру.

Такая позиция оказала впоследствии сильное идеологическое воздействие на отношение к глаголическому богослужению в Сплитской архиепископии, и отождествление славянского языка литургии с еретичеством было подчас решающим аргументом в церковных спорах. Свидетельством длительного бытования здесь подобного представления, но одновременно и убеждения в кирилломефодиевских корнях глаголической письменности и богослужебных текстов может быть сообщение из хроники XIII в. сплитского архидиакона Фомы. В связи с рассказом о запрещении сплитским церковным собором 1059/1060 г. славянских служб, автор говорит о распространенном тогда суждении, что «готские (зд. – славянские. – О.А.) письма (*goticas litteras*) были

придуманы неким еретиком Мефодием, который на этом самом славянском языке написал много ложного против учения католической веры; из-за этого, говорят, он был Божьим судом наказан скорой кончиной»⁷. Именование письменности «готской» отсылало к арианской ереси готам.

Вместе с тем из ряда имеющихся документов следует, что осуждению подвергались главным образом не сами богослужебные тексты, восходящие к кирилло-мефодиевской традиции, а их славянский язык. Так, согласно решению сплитского собора 925 г., священникам далматинской церковной провинции запрещалось служить мессы на славянском языке, если только не будет достаточного количества знающих латынь священников. В таких случаях они должны были получать специальное «дозволение на священническое служение» от римского папы⁸.

Мы не располагаем раннесредневековыми источниками, которые могли бы пролить свет на распространение в среде самих приверженцев славянского богослужения на территории Сплитской архиепископии представлений о связи здесь славянской литургии с деятельностью Кирилла и Мефодия. Первое из подобных свидетельств имеется в составе южнославянского памятника второй половины XII в., известного под названием Летопись попа Дуклянина. В этом памятнике излагается история некоего вымышленного обширного южнославянского государства, основанная на легендарной или весьма свободной исторической интерпретации сюжетов хорватской и сербской (дуклянской) истории, а также на использовании далматинской исторической традиции, восходящей к традиции романского населения далматинских городов⁹.

Для рассматриваемых здесь сюжетов представляет интерес один из центральных эпизодов Летописи, посвященный христианизации этого южнославянского государства и связанных с ним событий, в котором соединились взгляды, основанные на кирилло-мефодиевской традиции и представления о важном месте в государственно-политической и церковной истории южных славян как Рима, так и Константинополя¹⁰. Здесь, по-видимому, на основе жития Константина, дополненного вымышленными подробностями его деятельности у южных славян, рассказывается, как во время княжения правителя Светопелека некий папа Стефан направил письмо «почтенному мужу учителю Константину», прознав что он обратил в Христову веру «многочисленный народ» болгар, и пригласил его к себе. Тем временем Константин, «святейший муж», поставив у болгар священников и «составив буквы для славянского языка, перевел Христово Евангелие и Псалтырь и все святые книги Старого и Нового завета с греческого языка на славянский и, определив им мессы по греческому обряду, утвердил их в вере» и отбыл по апостольскому распоряжению в Рим. Проходя по земле Светопелека, он был с почетом им принят, и, послушав его проповеди, «Светопелек поверил в Христа и крестился вместе со всем своим королевством». Следствием этого акта явился собор «всего народа» его земли, на который пришли его подданные «как говорившие на латинском языке, так и говорившие на славянском».

Присутствовали здесь посольства и из Рима, и из Константинополя. На соборе Светопелек был коронован «по обычаю римских королей», здесь же были сформированы структура церковного управления, государственные институты власти, определены социально-политическое устройство, территориально-административное деление и пр. Все установленные королем законы и его добрые дела были прописаны в «книге славян» (*librum Sclavogum*), которая зовется «Мефодий» («*Methodius*»).

Сведения в Летописи о Константине указывают скорее всего на болгарскую (охридскую) их основу. Почитание Константина как крестителя Болгарии и одновременно – «славянского королевства» Светопелека и самого правителя явно отражает влияние охридской архиепископии и ее связи с Дуклей (Зетой) и Далмацией¹¹. Вместе с тем очевидно и присутствие в Летописи устойчивых представлений о деятельности солунских братьев в землях, подвластных далматинским епископам.

В хорватской редакции «Летописи попа Дуклянина», датируемой XIV в., акцентировалось авторство Константина в отношении текстов хорватско-глаголической книжности: здесь говорилось о создании Константином с одобрения папы именно хорватских богослужебных книг и перевода с греческого на хорватский текстов Нового и Ветхого Завета, церковных посланий и пр.¹². По-иному в тексте хорватской редакции был интерпретирован и пассаж о книге «Мефодий», создание которой напрямую не увязывалось с именем короля Светопелека и которая, как подчеркивалось, «осталась у хорватов и у них находится»¹³.

Оппонирующие глаголитам, частью цитированные выше, папские послания и произведения городской далматинской историографии демонстрировали сугубо отрицательное отношение к хорватским литургическим текстам, происхождение которых связывалось прежде всего с именем Мефодия. Это, видимо, заставило глаголитов обратиться к другой традиции для обоснования своего права на славянские службы. Наличие в хорватской глаголической среде иных представлений, в которых создание хорватских церковнославянских богослужебных книг приписывалось одному из отцов церкви, создателю латинского текста Библии св. Иерониму, впервые было зафиксировано в письме от 1248 г. папы Иннокентия IV епископу хорватского города Сеня Филиппу. Папа писал, что ему от Филиппа стало известно, что «в Славонии (так в средневековых документах зачастую именовались хорватские земли. – О.А.) существуют особые письма, которые клирики этой земли, утверждая, что получили их от блаженного Иеронима, используют в богослужениях». Удовлетворившись, по всей видимости, апелляцией Филиппа к непререкаемому авторитету создателя Вульгаты, папа позволял епископу, «как это в обычае страны ...вести богослужение по указанному письму», полагая при этом, что «язык (*sermo*) подчиняется вещи, а не вещь языку» и заботясь о том, чтобы «различия в письме не навредили смыслу». Таким образом, папа высказывал принципиальную в этом контексте

мысль, что истина важнее языка, может быть выражена любым языком, лишь бы сохранялся ее смысл¹⁴. Тем самым он разрешал и глаголическое письмо и церковнославянские, кирилло-мефодиевской традиции, богослужбные тексты, используемые в церковной практике глаголитов¹⁵.

Утверждение папы (со ссылкой на хорватского епископа) о получении хорватами письменности от св. Иеронима весьма красноречиво показывало направление, в каком происходило осмысление в хорватской глаголической среде своего прошлого и складывание хорватских национальных мифологем Средневековья и раннего Нового времени. Блаженный Иероним (342–420), один из великих учителей церкви, создатель Вульгаты, особо почитался в городской далматинской среде, поскольку, как он сам писал в ряде своих сочинений, происходил из города Стридона в Далмации¹⁶. В хронике Фомы Сплитского св. Иероним фигурировал как один из основных персонажей древней далматинской истории, и упоминание о нем вписывалось в контекст городской историографии средневековой Далмации¹⁷. Она была ориентирована на романско-далматинскую культурную традицию с ее интересом к собственным древностям, в рамках которой создавалась во многом мифологизированная картина прошлого адриатических городов как неотъемлемой части балканской античной и раннехристианской истории. Настаивая, судя по тексту письма Иннокентия IV, на прямом общении со св. Иеронимом, хорваты тем самым полагали себя уже не пришлым, а балканским автохтонным народом¹⁸; потому и далматинская историческая традиция, идущая от античных времен, могла ими считаться своей (что и зафиксировано впоследствии глаголические источники в рассказах о начале славянской письменности). В силу же особой духовной связи с блаженным Иеронимом хорватский народ оказывался отмеченным знаком сакральности, а писанные глаголицей литургические тексты освящались высшим законом, поскольку оказывались в одном ряду с Вульгатой.

Хроника Фомы Сплитского показывала сложившиеся к середине XIII в. в церковной среде стереотипы в отношении глаголитов. Кроме уже цитированного пассажа о еретичестве Мефодия как изобретателя глаголицы, в тексте Фомы содержится гротескный рассказ, в котором повествуется об относящейся ко второй половине XI в. попытке глаголического священника получить от папы посвящение в епископы. Он показан глупцом и недотепой, приверженцы глаголического богослужения представлены невежественными еретиками, а сам рассказ носит издевательский характер и показывает абсурдность и невозможность самой мысли о признании папой епископских прав глаголита¹⁹. Текст письма Иннокентия IV, написанного примерно в то же время, что и хроника Фомы, показывал, таким образом, кардинальное изменение позиции церкви в этом вопросе. Это изменение с очевидностью соотносилось с активной унионистской конфессиональной деятельностью папы.

Церковная уния в первой трети XIII в. предполагала в первую очередь иерархическое подчинение Риму и не касалась обрядовой стороны²⁰. Так,

в условиях унии болгарской церкви с Римом она сохраняла все православные традиции²¹. Из письма венгерского короля Андрея II папе Иннокентию III известно, что когда в начале XIII в. предпринималась попытка распространить власть католической церкви на земли Галицкой Руси, учитывалось желание ее «правителя и народа» сохранить свои церковные обряды²². С середины 40-х гг. и до начала 50-х гг. XIII в. Иннокентием IV предпринимались шаги, показывавшие, что и он склонялся в сторону договорных отношений как со славянскими православными государствами и их духовенством, так и с наследницей Византии Никеей²³. Отношения Рима с русскими княжествами в это время отличались высокой степенью интенсивности²⁴. Тесные контакты самого папы Иннокентия с князем Даниилом Галицким и новгородским князем Александром Невским имели целью переход их в католичество взамен на помощь в борьбе против татар. Показательно здесь свидетельство о благожелательном отношении к православному обряду Иннокентия IV, содержащееся в Галицко-Волынской летописи, которая была написана именно в период политического сближения князя Даниила с Римом: «Некентии бо кляняше тех хулящимъ веру Грецкую правоверную и хотящу ему сбор творити о правои вере и воединеньи церкви»²⁵. Адресованное Даниилу письмо Иннокентия, содержащее ответ на некое послание Даниила, проясняло представления об унии русского князя, прежде всего его желание сохранить все прежние церковные обряды, не противоречащие учению римской церкви²⁶.

В 1245 и 1247 гг. известный миссионер Джованни дель Плано Карпини во время своего путешествия в монгольские земли встречался с русскими князьями Даниилом Галицким и его братом Васильком и имел с ними разговор по вопросам унии²⁷. В 1248 г. Карпини стал архиепископом далматинского Бара (Антибари), получив в церковное управление территорию со сложной конфессиональной историей²⁸. Карпини, по предположению некоторых исследователей²⁹, мог встречаться с епископом Филиппом, которого, кстати, ранее посвящал в епископы в Лионе Иннокентий IV. Таким образом, разрешение Иннокентием в 1248 г. на территории, относящейся к юрисдикции Римской церкви, славянского богослужения по текстам, имевшим хождение в ареале *Slavia Orthodoxa*, оказывалось в контексте усилий по церковному объединению. Правомочность же такого разрешения опиралась на глаголическое историческое обоснование, благодаря которому эти тексты освящались именем св. Иеронима и тем самым включались в церковную традицию Римской церкви.

Что касается глаголических рассказов о начале письменности, то в них стали соединяться имена Иеронима, Кирилла и Мефодия и все более интенсивно использоваться элементы городской далматинской исторической традиции. Кирилл и Мефодия стали выводить не из Солуни, а из далматинского Солина – Салоны. Салона, разоренная во время варварских вторжений начала VII в., была столицей античной и ранневизантийской провинции Далмация, а также столицей архиепископии, роль которой позднее стал исполнять Салит. Так, в Люблянском бревиарии 1396 г. сообщалось, что братья

были «v gradě Solině». Но еще более определена была легенда, зафиксированная в записи бревиария попа Мавра 1460 г.³⁰. Расширение хорватского исторического пространства сочеталось здесь с фиксацией как латинских, так и кирилло-мефодиевских корней глаголизма, причем Кирилл и Мефодий оказывались генетически связанными с персонажами далматинской античной и раннехристианской истории. Здесь говорилось о получении хорватами письменности от св. Иеронима, и одновременно сообщалось, что все книги хорватские перевели Кирилл и Мефодий, которые происходили из Далмации, из города Солина (Салоны) от рода императора Диоклетиана и св. папы Гая³¹. Салона как столица провинции, естественно, находилась в центре внимания средневековых далматинских представлений о своем прошлом, и особенно исторической традиции Сплита, который претендовал на роль наследника Салоны. В записи бревиария попа Мавра была явна аллюзия на сплитскую историографию, в которой и Диоклетиан, и уроженец Салоны папа конца III в. Гай («Gaius de genere Dioclitiani cesaris») были заметными фигурами³².

Возможные интеллектуальные приемы «славянизации», «хорватизации» и одновременно дальнейшей сакрализации своей древней истории в глаголической среде демонстрирует запись в Петрисовом сборнике 1468 г. В сборнике сообщаются примечательные детали «славянского» духовного ученичества св. Иеронима (этническая принадлежность которого здесь определена – Jeronim Hrvatин): у Иеронима был прославленный духовный отец «славянского языка» по имени Евсебей³³. Здесь с очевидностью подразумевался Евсевий Кесарийский (263–340), знаменитый создатель церковной истории; по хронологическим причинам он мог быть «духовным учителем» Иеронима именно в фигуральном смысле. Но одно из основных сочинений Евсевия – «Хроника» – было известно в Средние века только в вольном латинском пересказе Иеронима, написавшего также ее продолжение, что, видимо, и позволило хорватскому глаголиту связать эти имена духовными узлами, тем более, что второе имя Иеронима (по имени отца) тоже было Евсевий. Эта интеллектуальная конструкция могла возникнуть и под влиянием популярного итальянского текста «Vita et Transitus Sancti Hieronimi», который имел хождение с конца XIII в. и содержал три фиктивных послания о святости и смерти Иеронима, одно из которых приписывалось Евсевию. Интересно, что в самом начале XVI в. хорватско-глаголический перевод этого текста был издан и распространялся в глаголической среде Сеня под названием «Tranzit», а его основу, по мнению многих исследователей, составил стихотворный перевод знаменитого сплитского поэта эпохи Возрождения Марка Марулича³⁴. Представление о св. Иерониме как о славянине, хорвате, давшем хорватам письменность и литургические тексты, стало одной из основных хорватских культурных мифологем вплоть до XIX в. Тому же Маруличу приписывается популярная сентенция «Иероним – он наш, далматинец, он слава и свет, венец хорватского языка»³⁵, в сущности повторяющая изречение глаголического текста³⁶.

Глаголические представления о св. Иерониме оказали непосредственное влияние и на дискуссии о языке богослужений в Римской церкви. Известный итальянский историк Флавио Биондо (1392–1463), секретарь папы Евгения IV (1431–1447), сам много трудившийся над историей славян, в своем обширном историческом труде, начинавшемся с разграбления Рима Аларихом и завершавшемся современными автору событиями³⁷, писал как об общеизвестном факте, что св. Иероним из Стридона в Далмации придумал письменность для славян и перевел божественные службы с греческого на славянский. Текст перевода, по утверждению Биондо, папа Евгений IV разрешил к использованию. Хотя другие источники этого события не упоминают, но именно этот факт из труда Биондо стал впоследствии одним из основных аргументов в многовековых канонических спорах о правомерности использования в литургических текстах не только глаголической азбуки и церковнославянского языка, но и национальных языков вообще.

Как видно, особенностям письменной культуры глаголитов соответствовала создаваемая ими историческая картина, в которой было заложено представление о срединном положении хорватской культуры не только в славянском мире, но шире – в отношениях между христианским Западом и христианским Востоком, и в которой акцентировалась ее особая роль как продолжательницы древней истории и раннехристианских культурных традиций. Такие отношения с миром, понятые в свое время папой Иннокентием IV как потенциально способствующие конфессиональной интеграции, соответствовали и христианскому универсализму чешского короля и германского императора Карла IV (1316–1378). Подняв свой язык и историю на уровень сакрального и вписав их в контекст мировой христианской культуры, глаголиты показали Карлу возможный путь к реализации его заветных концепций – государственно-религиозного универсализма, соединения имперской идеи с чешской государственной идеей и пр. В то же время это был и путь к новому осмыслению всей истории славян, частью которых были и хорваты, и чехи.

В знаковой для развития идей Карла и написанной по прямому его заказу чешской хронике итальянского аббата Джовани Мариньоли («Cronica Boemorum») был представлен «большой славный мир народа славянского» (maior gloria domus Sclauice gentis). К этому «славному миру», подчеркивал хронист, принадлежала мать Карла Элишка (Елизавета)³⁸, а в числе его представителей «по роду и крови» (eiusdem generis et sa/n/gwiniis) назывались «великий Диоклетиан и его сын Максимиан, римские императоры»³⁹. Этот текст показывает, что для Карла был важен показанный глаголитами путь освоения древнего исторического пространства Далмации как славянского, с которым Карл оказывался связанным по крови. В этом тексте можно предполагать знание Мариньоли далматинской историографии, прежде всего хроники Фомы Сплитского, в которой соправитель и друг Диоклетиана Максимиан был также ошибочно представлен сыном Диоклетиана⁴⁰.

Не исключено, что сам Карл был давно осведомлен в историко-культурных представлениях глаголитов. Будучи в молодости моравским маркграфом, он, как следует из его собственного жизнеописания, короткое время в 1337 г. был в Сене и встречался с тамошним князем Бартоломеем Франкопаном⁴¹. Для осуществления своих экуменических планов и идеи государственно-религиозного универсализма Карл пригласил в Прагу хорватских глаголических монахов для ведения литургий на церковнославянском языке в созданном для того в Праге в 1347 г. бенедиктинском монастыре «На Словенах» (Эммаусском), посвященном Богородице, св. Иерониму, святым Кириллу и Мефодию, а также чешским патронам – первому пражскому епископу св. Войтеху (955–997) и св. Прокопию (ок. 970–1053), основателю Сазавского монастыря с римским обрядом и церковнославянской литургией.

Аргументация Карла IV, убеждавшего папу Климента VI в необходимости учреждения славянского монастыря со ссылкой на авторитет св. Иеронима, во многом вторила аргументации епископа Сеня, нашедшей отражение в ответном послании папы Иннокентия IV. В письме папе Карл подчеркивал, что монастырь основывается в память св. Иеронима, выдающегося переводчика и интерпретатора Священного писания с еврейского на латинский и славянский языки, а от этого славянского языка «происходит и язык нашего Чешского королевства»⁴². Хорватская редакция церковнославянского языка приобретала, таким образом, статус начального славянского языка. Приобщение к сакрализованной хорватской истории и языку хорватских служб, освященных именем Иеронима, сакрализовало тем самым и чешскую историю и культуру.

Наиболее определенно о хорватских лингвистических и этнических корнях чехов свидетельствовал в 1397 г. Ян из Голешова. В своем толковании на песню св. Войтеха «Господи, помилуй меня ('Hospodine, pomiluj ny')» он писал: «мы, чехи, по роду и языку приходим от хорватов (a Charvatis), а наш чешский язык по своему происхождению – хорватский язык»⁴³. Активное участие хорватских монахов из Эммаусского монастыря в разработке этой принципиальной для Карла этногенетической и этнокультурной концепции подтверждает сам автор. Он советует всем, кто желает узнать о происхождении чешского рода и языка, обратиться к славянским монахам в Праге⁴⁴.

Показательно, что именно в XIV в. в чешской историографии – от рифмованной хроники Далимила до «Чешской хроники» Пулкавы, написанной по наказу Карла IV, – формируется легенда о выходе из Хорватии предков чехов и поляков – братьев Чеха и Леха (к которым в более поздних европейских историографических сочинениях присоединится и третий брат – предок русских Рус). После рассказа о выходе братьев из Хорватии Пулкава сообщает, что славяне заселили все славянские земли⁴⁵. Таким образом, Хорватия оказывалась колыбелью всех славян, их языка и древней истории. Понятие «славянская общность» присутствовало в политической идеологии Карла IV, причем включало в себя славянские народы как католического,

так и православного ареала, конфессиональное объединение которых оказывалось возможным в силу возвышения славянского языка. Значимые в этом отношении формулировки содержались в письме Карла IV, направленном в 1355 г. сербскому правителю Стефану Душану в связи с его переговорами о церковном союзе с Римом⁴⁶.

Исходящий из хорватской глаголической среды принцип сопряжения античной и раннехристианской древности и современности вел к удревнению и сакрализации как собственных исторических корней и языка современных им церковных служб, так и славянских исторических корней в целом. Все это прямо или опосредованно влияло на европейских авторов исторических произведений эпохи Возрождения и Барокко, которые рисовали картину обширного и древнего славянского царства, раннюю историю Балкан представляли уже частью истории славянской, а во многих ее персонажах видели славян. Показательным примером соединения культурных мифологем, почерпнутых из европейской, прежде всего польской и чешской историографии, и хорватской глаголической традиции может быть труд гуманиста хорватского происхождения Фауста Вранчица (1551–1617) «Словарь пяти благороднейших европейских языков». Говоря о широком распространении «далматинского», т.е. хорватского языка, в качестве знатных его представителей Вранчиц называл св. Иеронима как переводчика библейских текстов, св. Кирилла (Константина) как создателя славянской письменности, а также Чеха и Леха как основателей Чехии и Польши⁴⁷.

Примечания

¹ Материалы соборов и касающиеся их проведения письма папы дошли до нас в составе средневекового далматинского исторического сочинения, условно называемого «Большой историей Салоны» – *Klaić H. Historia Salonitana Maior*. Београд, 1967 (далее HSM). С. 95–106. Несмотря на то, что наиболее ранние из списков этого сочинения относятся к XVI в., аутентичность интересующих нас текстов обосновывается достаточно надежно (см.: *Katičić R. Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*. Zagreb, 1998. S. 392–418; *Idem. Methodii doctrina // Katičić R. Uz početke hrvatskih početaka*. Split, 1993. S. 67–98; *Прозоров В.Б. Позднеантичная и раннесредневековая история Салонской церкви в отражении анонимной «Салонской истории»*. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. Гл. 3. Разд. 4).

² *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Red. Kostrenčić M.* Zagreb, 1967. V.I (далее – CD I). P. 29–30.

³ HSM. P. 95–96.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1975. S. 395–399; *Katičić R. Litterarum studia*. S. 396–401; *Budak N. Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb, 1994. S. 128–142; *Fučić B. Granična područja glagoljice i ćirilice // Brački zbornik*. Supetar, 1987. N 15. S. 17–28.

⁶ *Katičić P. Methodii doctrina*. S. 70.

⁷ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер., комм. Акимовой О.А. М., 1997. С. 48.

⁸ HSM. P. 99. Схожие решения, направленные на установление языкового единообразия в литургии, принимались и позднее. См., например, изложение в письме папы Александра II от 1061 г. решений состоявшегося незадолго до этого Сплитского собора, в частности, постановления о недопустимости посвящения «славян, если они не знакомы с латинскими письменами» (CD I. P. 94).

⁹ Ljetopis popa Dukljanina / Prir. V. Mošin. Zagreb, 1950.

¹⁰ Ljetopis. S. 48–56.

¹¹ О влиянии здесь устных стереотипов болгарской культурной традиции см.: *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV вв. Иваново, 2000. С. 106–107. Во втором и третьем житии Наума сообщается о деятельности солунских братьев в восточной Адриатике (*Лавров А.П.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 182–186), но и эти сообщения отражают интересы охридской церкви XII–XIII вв.

¹² «... sveti muž Konstanc naredi popove i knjigu harvacku i istumači iz grčkoga knjigu harvacku: istumači evandjelja i sve pistule crkvene, i tako staroga kako novoga zakona, i učini knjige s papinim dopušćenjem, i naredi misu» – Ljetopis. S. 49.

¹³ Ljetopis. S. 56. О различиях в данном пассаже латинской и хорватской редакций см. там же, bilj. 70.

¹⁴ Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Sclavoniae. T. IV // Ed. Smičiklas T. Zagreb, 1906 (далее – CD IV). P. 343.

¹⁵ *Bogović M.* Okolnosti pojave i razvoja glagoljice na hrvatskom području do 1248 godine // Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije 150. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb – Krk, 2.–6. listopada 2002). Zagreb, Krk, 2004. S. 256.

¹⁶ Проблема локализации Стридона на территории римской провинции Далмация остается дискуссионной. Распространена точка зрения о его расположении в районе современного Зрина (*Wilkes J.J.* Dalmatia. London, 1969. P. 271).

¹⁷ Фома Сплитский. С. 25.

¹⁸ В исторической традиции далматинских городов также в середине XIII в. фиксируется тенденция видеть в хорватах балканских автохтонов, но на основании античных мифологических ассоциаций, исходящих из созвучия названий «croate» – «curetes». См.: Фома Сплитский. С. 35.

¹⁹ Фома Сплитский. С. 49–51.

²⁰ Согласно 9 канону Латеранского собора 1215 г., не допускалось наличие иерархов разных конфессий в одном диоцезе, при том что разрешались различия в богослужении в соответствии с различием обрядов и языков. См.: *Gill J.* Byzantium and the Papacy. 1198–1400. New Jersey, 1979. P. 44.

²¹ *Gjuzelev V.* Das Papstum und Bulgarien im Mittelalter (9.–14. Jahrhundert) // Bulgarian historical Review. Sofia, 1977. N 1. S. 43.

²² Vetera Monumenta Hungariae sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. 1. N 1.

²³ См., напр., письмо Иннокентия IV болгарскому царю Коломану Асеню, датированное 1245 г., о готовности созвать Вселенский собор с приглашением на него греческого и болгарского духовенства и решить на нем конфликтные вопросы (Латински извори за българската история. София, 1981. Т. 4. С. 91).

²⁴ О контактах римской церкви с русскими князьями см.: *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). Спб., 2004. С. 120–173; *Паушто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 265 и сл.

²⁵ Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 2). Спб., 1908. (Репринт. М., 1998). С. 827.

²⁶ Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae illustrantia. Romae, 1953. T. 1 (1075–1700). N 22.

²⁷ По словам Карпини, брата, посоветовавшись между собой, с епископами и другими «достойными уважения» людьми, высказали единодушное желание «Dominum Papam habere... in specialem Dominum» (The texts and versions of John de Plano-Carpini and William de Rubruck / Ed. by C. Raymond Beazley. L., 1903. Cap. 33).

²⁸ В споре за первенство с главой дубровницкой церкви Карпини апеллировал к древним временам, когда в Далмации было две архиепископии – в Салоне и Диоклее, наследницами которых стали Сплитская и Барская церкви (CD. IV. P. 482–483). На этом основании возникло предположение о знакомстве Карпини с содержащей аналогичную информацию Летописью попа

Дуклянина, а именно с рассказом о соборе на Дуванском поле, где якобы и были учреждены эти архиепископии (*Станојевић С.* Борба за самосталност католичке цркве у Неманићској држави. Београд, 1912. С. 139–140).

²⁹ *Ferry R.* О Ivanu Karpinu i njegovu putopisu iz 13. stoljeća // *Riječka revija*. Rijeka, 1966. Т. 15. N 6–7. С. 547–548.

³⁰ *Pantelić M.* Glagoljski breviar popa Mavra iz godine 1460 // *Slovo*. Sv. 15–16. Zagreb, 1965. С. 133.

³¹ В бревирий попа Мавра вошел сокращенный и парафразированный текст «Похвалы св. Кириллу», отрывки «Жития Константина» и службы «Na dan svetih arhijerji Kurila I Metudije».

³² Фома Сплитский. С. 30.

³³ *Štefanić V.* Glagoljski rukopisi otoka Krka. Zagreb: JAZU, 1960. С. 378. (Djela JAZU 51.)

³⁴ См., напр., *Nazor A.* Senjski Transit svetoga Jerolima i njegov predložak // *Slovo*. Sv. 18–19. Zagreb, 1969. С. 171–188; *Hercigonja E.* Srednjovjekovna književnost. Zagreb, 1974 (Povijest hrvatske književnosti. Т.2). С. 33–34.

³⁵ *Verdiani C.* Prose et versi inediti nel Codice dalmatico laurenziano. Roma, 1958. P. 7.

³⁶ «Jeronim naš zaštititel i dika jazika hervaskoga» (*Štefanić V.* Glagoljski rukopisi Jugoslavenske akademije. Т. 2. Zagreb, 1970. С. 251).

³⁷ *Blondus Flavius.* Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades. Venetii, 1483.

³⁸ Мать Карла Элишка являлась представительницей династии Пшемысловцев.

³⁹ *Fontes rerum Bohemiarum*. V. 3. Praha, 1882. P. 520.

⁴⁰ Фома Сплитский. С. 29.

⁴¹ *Fontes*. P. 352–353.

⁴² *Helmling L., Horcicka A.* Die Urkunden des königlichen Stiftes Emaus in Prag. Bd. 1. Das vollständige Registrum Slavorum. Prag, 1904. С. 9–10.

⁴³ Výbor české literatury od počátků do dobu Husovu. Pr., 1957. С. 739–740.

⁴⁴ Výbor. С. 740.

⁴⁵ *Fontes*. P. 212.

⁴⁶ В письме упоминается «humane parilitates consorcium», «lingue nativitatis communis», перевозится «nobile Slavicum ydioma» – *Collectarius perpetuarum formarum Johannis de Geylahusen* / Ed. H. Kaiser. Innsbruck, 1900. P. 767.

⁴⁷ *Veranzio Fausto.* Dictionarium quinque nobilissimarum europae lingvarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae. Venetiis, 1595. P. 3–4.

П. Женюх

(Институт славистики им. Яна Станислава САН, Братислава)

Рукописные источники о византийско-славянской традиции под Карпатами

Abstract:

Zhenuch P. *Cyrillic manuscripts of the Carpathian provenance about Byzantine-Slavic confessional tradition*

Belonging to a confessional tradition and used liturgical language of the Byzantine Church in the Carpathian region do not serve as an identification sign for its users. Church Slavic language, used as a liturgical language by the liturgies of the Byzantine rite, always carries signs of its national variant or subvariant of the relevant reduction of the liturgical Church Slavic; in the liturgical Church Slavic language, language conscience of the users of a relevant entity is apparent. Cyrillic manuscripts of the Carpathian provenance (most frequently of the East Slovakian, Transcarpathian and Lemko region) prove the influence of the local East Slovakian as well as Subcarpathian dialects in the Church Slavic – penetration of lexical, morphological as well as phonetic specialties of the dialect is proven. Performance of the Slovak language conscience in the Church Slavic of the Ukrainian redaction can be proven at the phonetic as well as morphological level. When examining the Carpathian region, cooperation of linguists, culture researchers, ethnology researchers as well as historians is necessary because this is the only way how to reveal the undiscovered and almost unknown horizons.

Ключевые слова: Словакия, Карпатский регион, лингвистика, этнология, словацкий язык, рукописные источники, византийско-славянские обряды, византийская церковь, церковно-славянский язык.

С 1999 г. в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой Академии наук в Братиславе проводятся интенсивные полевые и архивные исследования, систематический сбор и оцифровка памятников кириллической и латиноязычной письменности, связанных с традицией византийско-славянского обряда в Словакии и в общинах верующих, придерживающихся византийского обряда, проживающих в диаспоре (в сербской Воеводине), куда их предки переселились из Словакии. В начале наших систематических исследований мы, в первую очередь, опасались, что сбудутся пессимистические прогнозы, согласно которым старые и ненужные памятники кириллической письменности давным-давно пали жертвой «очистительного» огня во время тотальных реформ и реконструкции приходских церквей и храмов. Однако мы были приятно удивлены, когда, вопреки предсказаниям скептиков, нам уже во время полевых исследований удалось найти множество рукописных материалов и печатных кириллических богослужебных книг с заметками на полях.

Во время полевых исследований в Словакии мы нашли, к примеру, рукописное евангелие из Башковец с цветными миниатюрами, датированное XV веком, рукописный апостол из Кружлэва, датированный 1609 г., и рукописный апостол первой половины XVII века из Штефурава. Исключительную

ценность представляет также книга проповедей из Пакостова, датируемая 1702–1704 гг., и кириллические метрики с записями, восходящими к середине XVIII в. из Белжи и Доброй. Ценными рукописными памятниками являются также две кириллических рукописи, в которых описываются методы народной медицины, применяемые в хозяйстве. Их в 1790–1791 гг. составил михаловский грекокатолический священник Николай Теодорович, принадлежавший к числу выдающихся представителей тогдашней интеллигенции. Помимо того, что он был священником, он получил также медицинское образование и какое-то время работал также в Вене. В Станче нам удалось найти кириллический сборник песен, представляющий собой список с более старой неизвестной рукописи. В Башковцах и Пакостове до наших дней сохранились два рукописных Азбуковника, датируемых XVIII веком. Отдельного упоминания заслуживают, например, найденные нами в Иглянах сельская и школьная хроники, латинская рукопись о местной церковной общине в Гелцмановцах, написанная Базилом Чуловицом, в которой описывается история церковной общины начиная с середины XVII века. Сочинение, посвященное истории местной церковной общины, было найдено также в Ольшавице – оно восходит к началу XVIII века. В Вельком Липнике мы нашли два церковнославянских печатных литургикона 1676 и 1692 гг. издания и рукописный сборник песнопений Юрко Кузмяка-Семаноянка. В Торисках и Нижних Репашах был найден печатный требник 1682 г. издания и кириллический печатный ирмологион и трефологион XVIII века. Особого внимания заслуживает литургикон 1691 г., который внесен в число памятников, охраняемых государством; сейчас он находится в приходе г. Гуменне. Стоит упомянуть также о печатных кириллических литургических книгах, выпущенных в XVII и XVIII столетиях, в которых есть рукописные заметки на полях – эти книги хранятся в приходах в Коромле, Земплинской Широкой, Бенятине, Нижнем Жипове, Репейове, Ясенове, Белже, Банском, Седликах, в Вышнем Казимире, в Земплинской Теплице и др. Во время проведения полевых исследований мы посетили свыше ста сел, приходов и общин двух грекокатолических епископатов восточной Словакии – Прешовского грекокатолического архиепископства и Кошицкой грекокатолической епархии.

Особенно успешными были полевые исследования среди воеводинских грекокатоликов, которые, начиная с первой половины XVIII века, живут в условиях диаспоры, но до сих пор сохранили свой язык, традиции и обряды. В их приходах удалось найти и позднее оцифровать 4 рукописных памятника, написанных кириллицей. Для данных памятников, датируемых началом XIX века, характерны многие черты словацкого земплинского говора. Рукописные памятники были найдены в приходе в Дьюрдьеве. Также нам удалось сделать звуковую запись литургии на церковнославянском языке в Руском Керестуре, Коцуре, Дьюрдьеве и в Новом Саде, а также записи спонтанной диалектной речи.

Совместно с местными священниками в Словакии и Воеводине мы искали рукописные и печатные памятники на чердаках храмов и приходских

зданий, а также в частных собраниях верующих, следующих византийскому обряду. В настоящее время эти оцифрованные документы обрабатываются и подготавливаются для публикации. Речь идет, прежде всего, о памятниках, связанных с церковью византийского обряда. Хотя нашу базу данных составляют, главным образом, тексты литургического характера: ирмологионы, евангелия, апостолы, значительную часть нашего собрания письменных памятников составляют проповеди, катехизисы и различные толкования библейских и литургических текстов, тексты административно-правового, исторического и дидактического характера. Сюда относятся, к примеру, рукописные приходские, сельские и школьные хроники, рукописные книги с рецептами, лечебники и т.д.

Характеристику некоторых памятников мы опубликовали в первом томе серии *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae* (Žeňuch–Vasil' 2003). Второй том данной серии представляет собой публикацию *Kyryllische paraliturgische Lieder. Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukachevo im 18. und 19. Jahrhundert*, в которой, наряду с монографией *Между Востоком и Западом: Византийско-славянская традиция. Культура и язык восточной Словакии* мы анализируем паралитургическую песенную продукцию, которая возникла, либо использовалась в среде приверженцев византийско-славянской обрядовой традиции на территории бывшего Мукачевского епископства, в особенности в восточной Словакии и в прилегающей части Закарпатской области Украины. В связи с исследованием паралитургических песнопений был описан 21 рукописный сборник из Спишского, Шаришского, Земплинского и Ужского комитатов и отмечена их взаимосвязь с рукописными текстами и вариантами в других 51 рукописных сборниках песнопений восточнославянского (украинского либо русского) и польского происхождения. Отдельную группу составляют тексты паралитургических песен из 15 сборников, которые появились в области Бачки и Срема, где до сих пор проживают потомки переселенцев из Восточной Словакии и Закарпатской области Украины. Публикуемое собрание дает цельное представление о репертуаре паралитургических песен XVIII–XIX столетий и намечает возможности их дальнейшего языкового, литературно-исторического и культурологического изучения.

В 2009 г. в Институте славистики им. Яна Станислава САН в рамках международного научного серийного издания *Monumenta Byzantino-Slavica et latina Slovaciae* удалось также издать третий том серии. Он содержит транслитерированный текст церковнославянско-латинской рукописи начала XIX века, в которой автор рукописи, Иоанникий Базилович, предлагает толкование литургической традиции, а также показывает историю развития грекокатолической литургической традиции в местной среде – бывшей Мукачевской епархии¹. Издание данного двуязычного церковнославянско-латинского сочинения Иоанникия Базиловича, протоигумена мукачевского базилианского монастыря, следует воспринимать как вклад в комплексное

изучение процессов, которые развивались в рамках местной византийско-славянской обрядовой традиции (Zavarský–Žeňuch 2009).

Сочинение Базиловича возникло как вспомогательный учебный материал для воспитания грекокатолических священников. Текст содержит обширный теолого-литургический комментарий, который, по всей видимости, был предназначен для студентов ужгородской духовной семинарии. Поскольку мы имеем дело с чистовиком, можно предполагать, что Иоанникий Базилович уже в 1815 г. готовил текст к печати. Его двуязычное церковнославянско-латинское заглавие звучит как:

ТОЛКОВАЊІЄ. Сцѣ́нныхъ Лѣ́тургии Новагъ Зако́на ѿстинныхъ Безкро́вныхъ ѣ́ртвы, во славу Прѣ́стѣла ѿ Нераздѣ́лимыхъ Трѣ́цы О́ца, ѿ Сѣ́на, ѿ Сѣ́агъ Дѣ́ха, За́дате́лемъ Честны́мъ О́цѣмъ Іоанні́кѣмъ Бази́ловичемъ Чина Сѣ́агъ Васи́ліа Великаго Прото=Игу́меномъ въ лѣ́то 1815 [1815] сочинѣ́нное въ Мо́настырѣ Мѣ́нчаковскомъ въ лѣ́то 1360 [1360] Кни́земъ ино́гда Пре́дворомъ Кори́атовичемъ во чѣ́стѣ Сѣ́агъ Сѣ́ителя Хрѣ́ста Никола́а созданны́мъ

EXPLICATIO. Sacrae Liturgiae Novae Legis veri Incruenti Sacrificii, in Gloriam Sanctissimae, et Individuae Trinitatis Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Authore R(everendo) Patre Joannicio Bazilovits Ordinis Sancti Basilii Magni Proto-Hegumeno anno 1815. concinnata in Monasterio Munkatsiensi, anno 1360 per Ducem olim Theodorum Koriatovits in honorem Sancti Nicolai Episcopi aedificato.

Сочинение Базиловича **ТОЛКОВАЊІЄ сцѣ́нныхъ Лѣ́тургии...** / *Explicatio Sacrae Liturgiae...*, написанное им в 1815 г. можно по праву считать вершиной стремлений описать литургическую традицию в нашем регионе. На сегодняшний день это первый и единственный известный обширный комментарий закарпатского происхождения, выражающий широкие теологические и литургические познания словацкого автора и одновременно являющийся свидетельством литургической практики той эпохи. Кирил Василь (2002a) считает, что данная работа Базиловича в определенном смысле является завершением попыток углубленного исследования литургических текстов и более качественного духовного переживания литургии. Это произведение принадлежит духовному течению, которое в значительной мере поддерживал в том числе епископ Андрей Бачинский. Для своего времени оно сильно опережало местный стандарт теологических и литургических комментариев и руководств. Сочинение Базиловича **ТОЛКОВАЊІЄ сцѣ́нныхъ Лѣ́тургии...** / *Explicatio Sacrae Liturgiae...* является выдающимся свидетельством местной литургической практики и традиции. Дело в том, что даже в рамках одного литургического обряда (напр. византийского) всегда существовали варианты, отражающие местную специфику. Некоторые из них сложились в результате органического развития, в других случаях их существование следует отнести к воздействию иного, чужеродного влияния. Особенно это характерно для XIX века, в течение которого в византийско-славянских католических церквях протекало определенное развитие, направленное на некоторые литургические изменения (Vasil' 2002b). Замыслом Иоанникия Базиловича было дать историческо-теологическую картину развития святой Божественной литургии.

Рукописное толкование литургии, выполненное Базиловичем, состоит из трех частей. В первой части сочинения Иоанникий Базилович разбирает основные положения и характер новозаветной жертвы и сравнивает ее с трактовкой жертвы в Старом Завете. Особенное внимание Базилович уделяет роли жертвы в Новом Завете и приводит полемическую аргументацию, направленную против трактовки, которая вносит элементы протестантского учения в основные рамки литургического процесса. Протестантская доктрина отрицает жертвенный характер евхаристии, поэтому Иоанникий Базилович считает должным выдвинуть в противовес протестантскому пониманию литургической жертвы собственные логические обоснования и толкования, которые основываются, к примеру, на филологической интерпретации использованных аргументов (Lunterová 2002: 22–26). В рамках данной главы он приводит также доводы, согласно которым в течение первых четырех столетий существования христианской веры литургические обряды не записывались, чтобы их не смогли осквернить противники христианского учения. Далее Базилович приводит для иллюстрации первые толкования священной литургии, авторами которых были св. Игнатий Антиохийский, св. Кирилл Иерусалимский и другие отцы церкви. В этой главе Иоанникий Базилович, основываясь на *Посланиях Апостолов*, освещает раннехристианскую литургическую традицию, которая формировалась в рамках первых христианских церковных общин четвертого столетия. На основании *Посланий Апостолов* он строит также свое описание литургии и предписания для кающихся, а также приводит дни и часы, когда дозволено совершать литургию.

Во второй части Базилович исходит из предположения, что вплоть до V века не существовало написанных текстов литургии. Только когда начало возрастать число верующих и священников, каждая церковь стала стремиться к фиксации собственной литургии. На церковных соборах, которые состоялись в Африке в конце четвертого столетия, была установлена практика, согласно которой в литургиях должны были использоваться только принятые и установленные тексты молитв. Первоочередным доводом для записи литургических текстов было опасение изменений, которые в литургические обряды вносили несториане и эвтихианы. Отметим, однако, что авторство той или иной литургии нельзя автоматически приписывать тому лицу, имя которого носит данная литургия. Если какая-либо церковь почитала своим основателем одного из апостолов, она по большей части возводила к нему начало своей литургии – например, Иерусалим от святого Иакова. Если в каком-то месте жил муж исключительной святости и учености, имена этих архипастырей ставились в заглавии литургии, как, например, сделали в своих литургиях Константинополь – имя святого Иоанна Златоуста, или Милан – имя святого Амброзия. Иоанникий Базилович уделяет особое внимание традициям отдельных патриархальных церквей: римской, галликанской (французской), миланской (амброзианской) и испанской (мозарабской). Также он дает комментарий литургии св. Якуба, которая использовалась

в иерусалимской церковной традиции, и литургию святого апостола Марка, распространенную в александрийской церкви. Кроме того, он в сокращенном виде излагает эфиопскую, маронитскую и халдейскую литургическую традиции. Особое внимание при этом Базилович уделяет литургической традиции константинопольской церкви, где используются литургия св. Василия Великого, литургия Иоанна Златоуста и литургия преждеосвященных даров. В заключении данной главы Иоанникий Базилович приводит полное описание литургии святого Иоанна Хризостома. Хотя комментарии Иоанникий Базилович заимствует у Гоара и Ле Брюнна, в упомянутой литургии он приводит целые рубрики, или обрядовые правила, адаптированные к местной языковой и литургической традиции (Zavarský – Žejuch 2009), или же указывает на некоторые особенности местной обрядовой традиции, например:

Мы Греко=Иафолики здѣ во Оугрской Дерѣвѣ и во странахъ Пблскихъ Рвссіане; и Болѣхи такоже въ Бѣтвенныхъ Службѣнахъ велелѣпннхъ Архіереа Римскаго Пиа З. Православнѣю Црковѣ блгоползчннхъ правлѣцаго поминѣемъ.

Мы же Россіане и Цвѣнкомъ сіе вниманіе возвѣдати обьихомъ.

Сіе оуболѣніе оупотребають Рвссіане Православннхъ, въ Пблци, и здѣ во Оуграхъ такоже оубѣ въ дрѣвнхъ времѣнхъ, нсѣды ради многѣды сщсѣхъ многѣхъ народѣхъ каюцѣмъса, и Причащеніе Сѣое трѣвѣющемъ, въ чѣтырдѣсѣтнѣе ѡное врѣмѣ.

Здѣ мы Рвссіане въ пѣрвхъ поминѣемъ Сѣѣишаго Архіереа Римскаго.

При сравнении рубрик и некоторых молитв в литургии святого Иоанна Златоуста становится ясно, что нельзя говорить об их непосредственном возведении даже к литургикону Могилова, который был в пределах Мукачевской епархии достаточно известным и употребительным. Его распространенность подтверждают полевые исследования и коллекция кириллических памятников, собранная у восточнословацких грекокатоликов (Žejuch–Vasil’ 2003; Žejuch 2006), а также архивные исследования печатных и рукописных грекокатолических памятников в Восточной Словакии. Именно эти исследования позволили установить, что грекокатолические священники Мукачевской епархии вносили свою правку в печатные литургические тексты и тексты рубрик².

О влиянии латинско-греческого образца на текст литургии и комментариев, приводимый Иоанникием Базиловичем, также свидетельствует, к примеру, отсутствие у Базиловича текста молитвы, которая в варианте Могиловы восходит к старославянскому образцу.

Прїидеже Симонъ Петръ, и вїиде въ гробъ, и вѣдѣ ризы едины леѣаща, и сѣдари иже вѣ на главѣ его, не со ризами леѣащъ, но ѡсовѣ свитыи на единѣ мѣстѣ.

(Сіе оубо не изъ греческаго, но и словенскїи дрѣвнїи зводѣвъ прилоѣиса, ѡкровенїа ради тѣнны сїеннодѣствїа.)

Мы приводим цитаты по рукописному литургикону, находящемуся в частном собрании православного священника Штефана Горкая (Cleminson 1996: 73–74). Священник читает данный текст после великого входа после возложения жертвенных даров на алтарь. Сразу же за этой молитвой в славянском варианте литургии следуют окуривание жертвенных даров и молитва **Бл҃гообразный Іѡсифъ со дрѣва снѣмъ пречистоѣ твоѣ тѣло**.

Третья часть сочинения состоит из семнадцати глав, пятнадцать из которых содержат подробный теологический и литургико-практический комментарий с объяснениями отдельных действий в литургии св. Иоанна Златоуста. В шестнадцатой главе третьей части Иоанникий Базилович рассуждает о территориальном распространении византийского обряда, а в семнадцатой главе характеризует катехизис киевского митрополита Петра Могилы. В заключении третьей части представлен текст литургии св. Василия Великого и текст литургии преждеосвященных даров.

Рукопись сочинения Иоанникия Базиловича **Толкованіе Бо ественной Літургіи... / *Explicatio Sacrae Liturgiae...*** до 1963 г. находилась в мукачевской монастырской библиотеке. Сейчас она хранится в Университетской библиотеке Ужгородского национального университета под шифром 387-Д; ее размеры 19,5x25см, она содержит 360 рукописных folий. Чистовой вариант рукописи, по всей вероятности, не может принадлежать перу одного и того же писца; в переписывании принимало участие сразу несколько писцов. Текст памятника написан на двух языках в двух параллельных столбцах на церковнославянском и латинском языках. При этом автор стремится сделать так, чтобы в латинских и церковнославянских столбцах рядом друг с другом находились фрагменты текста с идентичным содержанием.

Истолкованию священной литургии предшествует 37 непагинированных страниц, на которых представлено содержание рукописи на церковнославянском и латинском языках. Непрерывная пагинация рукописи начинается сразу же вслед за содержанием. Отдельные страницы рукописи пагинированы по зеркальному принципу в верхней части страницы на левой, либо на правой стороне заглавия арабскими цифрами. В заглавии рукописи находится название или номер соответствующей части, либо главы рукописи. Первая страница собственно текста памятника открывается арабской цифрой 33, из чего можно заключить, что первых 32 страницы рукописи, то есть первых 16 folий истолкования литургии, написанные Базиловичем, выпали. Рукопись с некоторыми ошибками пагинирована до конца, до страницы 721. В нижней части рукописи под церковнославянским и латинским столбцами, то есть всегда с правой стороны на нижней части страницы, находится соответствующий церковнославянский и латинский кустод. На основании существующих кустод удалось установить, что кроме первых 32 folий из рукописи выпали также другие страницы текста.

Рукопись представляет собой прекрасно выполненный чистовик, который предназначался для печати. Мелкие ошибки писец исправлял прямо в рукописи

– он зачеркивал неправильные выражения и рядом писал правильные, по его мнению, слова, либо словосочетания. Выпавшие словосочетания, даже целые предложения, писец приводит на полях рукописи под соответствующей пометой. Отдельные детали и свои исправления (чаще всего речь идет о простых однословных выражениях и словосочетаниях) писец также часто вписывал в межстрочные промежутки. Приводимое выражение или словосочетание он брал в кавычки и помещал их в том месте, где была ошибка.

Кириллическая часть двуязычной церковнославянско-латинской рукописи написана мелким, но очень красивым курсивным письмом. Названия глав, частей и некоторых параграфов написаны полууставным (полуунициальным) письмом. В некоторых случаях схожи написания графем **т** и **м**, **ε** и **е**, а также **ф** и **ѳ**. Кроме того, в рукописи нельзя отчетливо различить большие и малые буквы **ε**, **е** и **Е**, **с** и **С**; **χ** и **Х**, **г** и **Г**, особенно в случаях, где речь не идет об антропонимах, топонимах или о других наименованиях, которые в кириллических (особенно в более поздних церковнославянских) рукописях уже, как правило, пишутся с заглавной буквы. Впрочем, необходимо привести здесь также противоположные случаи, когда, к примеру, такие слова, как **Сѣѣнникъ**, **Сѣѣнство**, **Сѣѣна**, **Сѣѣй**, **Крѣвѣ**, **Крѣсть**, **Хлѣвъ**, **Храмъ**, **Хртїанинъ**, **Градъ** и т.д. в рукописи приводятся также с заглавной (начальной) буквы. В кириллической части сочинения Базилевича кириллическое **и** часто записывается при помощи латинской графемы **i**. Точно таким же специфическим образом записывается малая курсивная буква **v**, которая напоминает латинскую графему **v**, аналогично малая курсивная графема **в** иногда пишется как малое латинское **b**, иногда также как знак **v**, используемый обычно в гражданском или в русском шрифте.

В кириллической части рукописи Базилевича также специфическим образом обозначаются левая и правая скобка – они записываются при помощи двоеточия и ломаной линии, напр.: левая скобка обозначается так: **/:** а правая скобка так: **:/**.

Помимо этого, в рукописном тексте нельзя однозначно отличить друг от друга знак для обозначения гравис (тяжелого ударения), который пишется над последним гласным в слове, и знак для маркирования камора (циркумфлекса), который служит для того, чтобы отличать формы множественного и двойственного числа от аналогичных падежных форм в единственном числе. Писец использовал знак камора даже в тех случаях, которые противоречат принятому узусу кириллических текстов (напр.: **прилична**, **молитвы**, **вышла**, **сѣмъ**). Знаки для обозначения акута в рукописи записываются согласно узусу местной языковой традиции, то есть в подавляющем большинстве случаев они не коррелируют с ударениями в украинской редакции церковнославянского языка, напр.: **оѣтѣшителю** вместо украинской формы **оѣтѣшителю**; **вездѣ** вместо **вездѣ**; **плодѣвъ земныхъ** вместо **плодѣвъ земныхъ**; далее **помѣлимса** вместо **помолимса**; **честною** вместо **честною**; **помыславъ** вместо **помыславъ** в украинской редакции и т.д. (Zavarský–Žeňuch 2009, XLIV–XLV).

Труд Базиловича возник в эпоху наивысшего расцвета самостоятельной грекокатолической духовной семинарии в Ужгороде, борьба за учреждение которой в 1744 г. в Мукачеве была долгой и упорной. Тем не менее, уже в 1776 г. духовная семинария была переведена в Ужгород, ее покровителями стали святые отцы церкви Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов. Соответственно стремление Базиловича подготовить к печати качественное и на тот период современное историко-литургическое пособие имело свои основания. В этом контексте остается только констатировать, что до того, как на средства кардинала Колонича была основана собственная семинария, униатские богословы еще с 1701 г. посещали духовную семинарию в Трнаве, а с 1774 г. – также семинарию св. Варвары в Вене. Униатские богословы учились также в Львовской семинарии и семинариях в Эгере, Будапеште, Праге и т.д. (Šturák 2009: 65–67). Особенно важную роль сыграли Киевско-Могилевская академия и духовная семинария в Пшемышле, где обучались клирики византийского обряда, в том числе из восточной Словакии и Закарпатской Украины (Žeňuch 2008: 96).

Рукописные тексты учебно-образовательного характера оказывали значительное влияние на языковое, теологическое, историческое, философское и догматическое становление богословов. К числу таких текстов, в рамках бывшей Мукачевской епархии, относятся, например, толкования Старого и Нового Заветов, созданные в 1847 г. Александром Буховецким и записанные в монастыре в Мариапоче, а также разнообразные трактаты по догматическому богословию и различные исторические сочинения, которые появлялись в конце XVIII – начале XIX вв. Помимо изложения библейской истории, местные историки уделяли особое внимание приходу Константина и Мефодия в Великую Моравию и возникновению переводов библейских и литургических текстов на церковнославянский язык. Так они указывали на роль византийской церкви в развитии местного и «угорского» общества. Не обошли они также заслуги славянских учителей Константина-Кирилла и Мефодия в распространении письменности, языка, культуры и византийской литургии в славянском мире. Эти и другие рукописные сочинения образовательного характера содержались преимущественно в библиотеке мукачевских епископов, однако сейчас они хранятся в Закарпатском этнографическом музее в Ужгороде и в архиве Ужгородского национального университета.

В число образовательных текстов, посвященных толкованию литургической традиции, также входят другие рукописи, толкующие различные богослужебные обряды и литургии. К ним относится рукописное сочинение под названием *Разглагоствїє w Литурґїи ψаломскої*, созданное во II половине либо в конце XVIII века, которое сейчас находится в библиотеке Грекокатолического теологического факультета в Прешове. Первоначально рукопись хранилась в библиотеке Яна Ковача из Эгера, который работал воспитателем в венгерских дворянских семьях. Всю свою библиотеку Ян Ковач в 1819 г. подарил новой грекокатолической епархии в Прешове. Библиотека

содержала около тысячи томов. Позже в библиотеку поступили и некоторые другие ценные книги и рукописи, например, дубликаты написанных кириллицей и латиницей манускриптов, которые первоначально находились в епископской библиотеке в Мукачеве. Отдельную, не менее важную часть библиотеки Грекокатолического теологического факультета Прешовского университета составляют рукописи, которые канонику Василу Худобе удалось перевезти из библиотеки Мукачевского епископата. К ним относятся, например, рукописи по догматической теологии, герменевтические сочинения, сочинения о церковной истории и каноническом праве, а также написанная латиницей *Brevis historia Rubri-Claustri*, созданная В. Ладомерским в 1875 г. Другие сочинения принадлежат перу Михала Брадача, они представляют собой лекции для студентов богословской семинарии в Ужгороде. Также в эту библиотеку входил, например, рукописный архиератикон Андрея Бачинского, рукописное поучительное евангелие Капишовского с переводами перикоп, созданное в 1640 г., а также различные рукописные апостолы и требники (Vašica 1923, Šlepeckij 1968). С литургической точки зрения наибольший интерес представляет уже упомянутая кириллическая рукопись *Разглаголствіє w Літургії шаломской*, которая, как и **ТОЛКОВАНІЄ сцїєнныа Літургїи... / Explicatio Sacrae Liturgiae...** Базилевича касается литургическо-обрядовой практики в Мукачевской епархии и содержит истолкования избранных частей вечерни, утрени, литургии, всенощной и других служб, проводимых по константинопольской традиции. По всей видимости, и эта рукопись возникла с целью обучения богословов, она дополняет картину толкований местной литургической традиции, утвердившейся при проведении неевхаристических богослужений по византийскому обряду.

Стремление развивать образование и улучшать его качество в Мукачевской епархии с самого ее возникновения нельзя считать пустыми словами со стороны иерархов местной церкви. Примером может служить распоряжение мукачевского епископа Де Камеллиса на рубеже XVII и XVIII веков, на основании которого вступало в силу положение, что везде, куда епископ рукополагал священника, должны быть учреждены должности кантора и местного учителя. В обязанности кантора и учителя входило помогать рукоположенному священнику в служении литургии, а также обучать детей и подростков в местной церковной школе. Епископ Де Камеллис заботился о том, чтобы в этих сельских школах работали исключительно те богословы, которых он перед рукоположением в священники лично строго отбирал, обращая внимание не только на то, есть ли у кандидата в священники соответствующее образование, но и на то, чем занимался кандидат до этого — преподавал ли он в воскресной школе, прислуживал ли местному священнику, либо же был кантором (Hadžega 1927: 55).

С обучением молодого поколения и подготовкой духовенства еще до возникновения в Ужгороде духовной семинарии в 1776 г. была тесно связана издательская деятельность уже упомянутого епископа Де Камеллиса.

Его букварь под названием *Бѣкварѣ ѡзѣка Славѣнска. Писанїи чтѣнїа оучїтїса хотїащїи въ полѣзное рѣково ѣнїе ѣ Тирнавѣ типѣ Якадѣ: Рокѣ Ѡ Р ѣва Хрѣтова* [АХЧЧ Ѡ Іоана Яндр. Гер манѣ] был издан в трнавской типографии еще в 1699 г. До наших дней сохранились лишь два экземпляра этого редкого печатного издания. Один из них находится в университетской библиотеке в Будапеште, к изданию его подготовил Михал Молнар (Молнар 1965: 119–158). Именно недостаток учебных текстов, предназначенных для подготовки священников, побуждал представителей грекокатолического духовенства издавать учебники, которые должны были способствовать образованию и просвещению клира и верующих. Например, в 1696 г. из печати вышел учебник Де Камеллиса *Катехисисъ для наоучки Оугрорѣскїмъ людемъ злобїенїи*. В 1746 г. в Клуже издал свои латинско-церковнославянские сочинения о письменах другой мукачевский епископ – Михаил Мануил Ольшавский. Факсимильное издание сочинения Ольшавского о письменах в 1999 г. подготовил Иштван Удвари. Стоит также отдельно отметить факсимильное издание букваря Яна Брадача, в оригинале вышедшее в 1770 г. (Hostyňak 1982). *Бѣкварѣ ѡли Рѣковѣдїе хотїащїмъ оучїтїса писмены рѣско-славѣнскїми кнїгъ* авторства Брадача является третьим в серии букварей для грекокатоликов Мукачевской епархии, который, впрочем, не слишком жаловали в административных учреждениях Габсбургской монархии – в основном благодаря крижевацкому епископу Базилу Божичковичу, который нашел в букваре несколько ошибок в догмах католической церкви и обвинил епископа Брадача в схизме и «православизации» грекокатоликов Мукачевской епархии. Хотя епископ Брадач в своей апелляции, адресованной Марии Терезии, сумел достойно защитить себя от несправедливых обвинений, *Бѣкварѣ ѡли Рѣковѣдїе хотїащїмъ оучїтїса* Брадача был, в конце концов, сожжен. До наших дней сохранился только один экземпляр букваря – в Венской библиотеке, на который обратил внимание еще Антон Годинка (Stripskij 1943: 274–276). Остается только добавить, что букварь Брадача вышел в Вене вскоре после того, как Йозеф Курзбек получил от Марии Терезии право издавать в Австрийской монархии кириллические книги, предназначенные для верующих византийско-славянского обряда. Впрочем, в его типографии вышли только три книги, адресованные грекокатоликам, проживавшим в пределах Мукачевской епархии. Также Курзбек издал 47 книг для сербов, румын и русинов, живущих в Габсбургской монархии (Pop 2005: 163). Широкой популярностью пользовался букварь, который подготовил мукачевский капитульский викарий Ян Кутка (еще в 1797 г.) – книга выходила в нескольких изданиях в 1799, 1815 и 1845 гг. Вместе с тем приходится констатировать, что во второй, текстовой части, букварь в значительной степени совпадает с катехизисом Кутки, который вышел в 1801 г.

К числу научных сочинений, адресованных грекокатоликам, живущим под Карпатами, относится также пятитомное историческое сочинение Лучкая *Historia Carpato-Ruthenorum*, написанное им по-латински (Lučkaj 1983, 1988, 1990, 1991, 1992, 1995, 1998). В ней представлено хронологическое

изложение истории карпатских русинов в контексте истории православной церкви в Венгрии. Особое внимание автор уделяет сложным взаимоотношениям конфессий в Венгрии, при этом он не только объяснил сложное положение грекокатолического духовенства во время протестантских войн, но и указал на особенности развития грекокатолической церкви по сравнению с римскокатолической. Особое внимание он уделит основанию семинарии в Мукачево и Ужгороде, объясняя при этом роль Вены и Трнавы в образовательном процессе грекокатолического клира и прихожан. Хотя в своем историческом сочинении М. Лучкай охватил весь круг вопросов, связанных с возникновением, развитием и деятельностью грекокатолической церкви в Закарпатье, его сочинение так и осталось в рукописном виде. Оно не имело того отклика, который получил аналогичный трехязычный труд Иоанникия Базиловича по истории грекокатоликов Мукачевской епархии *Brevis notitia foundationis Theodori Koriatovits olim Ducis de Munkács pro religiosis Ruthenis OSBM in Monte Csernek ad Munkács a. MCCCLX factae, exhibens seriem Episcoporum graeco-catholicorum Munkácsiensium*, вышедший в Кошицах в 1799–1805 гг. (Нараксим 2000: 23). Сочинение Базиловича представляет собой ценность и в настоящее время, главным образом потому, что оно включает в себя свыше ста документов, которые на сегодняшний момент труднодоступны. Речь идет, в первую очередь, о цитации различных постановлений; труд содержит рескрипты указов венгерских королей, папские бреви, буллы и епископские распоряжения, которые связаны с историей грекокатолической церкви в карпатском регионе (Perfekij 1915: 299).

Перечисляя значительные сочинения учебного характера, возникшие в культурной среде грекокатолической интеллигенции, в рамках византийского обряда, находящейся под юрисдикцией Мукачевского епископства, нельзя не упомянуть мариапольский вариант грамматики Арсения Коцака, появившейся в 1772–1778 гг. Его комментированное издание подготовили два украинских лингвиста – Й. Дзензелевский и З. Ганудель (1990: 73–332). На основании этой грамматики можно судить о фонетической структуре варианта церковнославянского языка, используемого восточно-словацкими и подкарпатско-русинскими грекокатоликами во второй половине XVIII века (Štec 2005: 49). Хотя грамматика Коцака ждала своего выхода в свет более двухсот лет, речь идет о первом систематическом описании языковой и грамматической структуры использовавшегося в нашем регионе церковнославянского языка. Кроме мариапольского, существует еще один рукописный экземпляр грамматики Коцака, который хранится в Ужгородском этнографическом музее и носит название *Грамматика рускаа, или пачи рекши славенскаа не онаа дѣтинскаа, но паче отроческаа ... новосло^женнаа и списаннаа ... в обители Имстичевской и^же е на горѣ Дзеканской иг^жмена предостойнѣйшаго иерм. Арсениа Коцака, ЧГГВ проф. во предреченной обители Имстич. р. „дѣпи [1788].* Грамматика Коцака, точно так же, как его грамматика 1772–1778 гг., была предназначена для студентов семинарии в качестве

учебного пособия при освоении местного варианта церковнославянского языка. Уже по заглавию рукописи понятно, что она содержит изложение грамматики местного варианта письменного (литературного) языка. Грамматика рассчитана не на маленьких детей, которые только начинают различать буквы и учатся читать. Задачей этой грамматики было научить молодых священников не только читать и писать без ошибок. Нужно было, чтобы они говорили чисто и правильно и понимали все устные и письменные церковные и светские тексты. Таким образом, грамматика Коцака является своего рода духовным синтезом собственно грамматики, поэтики и риторики и предназначена для тех, кто учится правильно читать, писать, петь, а также правильно воспринимать благие и поучительные свидетельства христианского богословия.

Именно со стремлением глубже проникнуть в суть таинства литургии тесно связана необходимость практического знания литургического языка. Одним из тех, кто поддерживал данную позицию, был епископ А. Бачинский. Из крестьян, признававших грекокатолицизм своей религией, и грекокатолического духовенства, о которых во многих тенденциозных работах авторы до сих пор позволяют себе высказываться как о церкви «мужиков и попов», постепенно начала складываться настоящая религия и церковная организация, с которой в австро-венгерском обществе той поры считались даже представители политической власти (Haraksim 1961: 86–87; Peкар 1997: 123; Жећич 2008). Это признание, впрочем, она получила после долгих лет трудного развития во времена епископа Бачинского. После его смерти развитие грекокатолицизма стали тормозить болезненная внутренняя борьба за епископскую кафедру и диссимилятивные тенденции среди духовенства Мукачевской, а позже также и Прешовской епархии, выделенной из Мукачевской епархии в 1818 г. буллой *Relata semper*). Диссимиляция в среде грекокатолического духовенства и дворянства, проводимая в духе политики мадьяризации, часто выливалась в неприкрытое сотрудничество с венгерскими политическими кругами по денационализации своих прихожан. В конечном счете, в последние десятилетия XIX века в Австро-Венгрии для обозначения католиков восточного обряда стали употреблять название *венгерские грекокатолики*, что полностью соответствовало тогдашней программе формирования единого венгерского народа. Главной направленностью этой политики было убедить верующих, что, являясь «венгерскими грекокатоликами», они, собственно являются «грекокатолическими мадьярами». В рамках данной концепции одним из способов «объединения» всех грекокатолических верующих была *de facto* попытка постепенно их мадьяризовать. Несмотря на это, мадьяризация грекокатолического населения в Австро-Венгрии не была проведена в планируемом объеме. Поэтому венгерские политические круги выбрали новую стратегию и постепенно начали кампанию по введению венгерского языка в восточную византийскую литургию (Соганић 2007: 173–192). К этому добавлялось введение венгерского литературного правописания в списках церковнославянских литургических текстов (Peкар 1968: 32–33).

Епископ Андрей Бачинский, возможно уже в 1778 г. предполагал подобное развитие: в 1798 г. в своей речи на церемонии принятия новых студентов в духовную семинарию он призывает студентов постоянно продолжать свое образование, совершенствоваться в своей науке, в языке и в церковнославянском пении (Sabov 1893: 57). Языковую пестроту верующих византийско-славянского обряда в Восточной Словакии также отмечал Александр Духнович в письмах Якову Головацкому от 1853 г.³ Соратник Духновича, И. Раковский, также указывает на тот факт, что среди прихожан церкви византийско-славянского обряда в Восточной Словакии – много говорящих не по-русински. Естественно, он имел в виду не только мадьяризованных русинов, но главным образом тех грекокатоликов, которые в повседневном общении пользовались восточнословацкими говорами (земплинским, шарийским, спишским), либо другими говорами, переходными между словацким и украинским языками (ужский, сотацкий, лемковский говоры и т.д.). Языковая пестрота грекокатоликов в Мукачевской епархии была обусловлена их разной этнической принадлежностью (Petrov 1906: 2).

Ограниченный объем данной статьи не позволяет нам осветить во всей полноте этноконфессиональные процессы и стереотипы, мы только констатируем следующее: объединяющим фактором для всех верующих византийско-славянского обряда в пределах бывшей Мукачевской епархии был язык литургии, а именно церковнославянский язык, используемый при богослужении, и кириллический алфавит, при помощи которого этот язык записывался.

Поэтому церковнославянский язык на основе кириллической письменности в определенной степени служил как универсальный язык, он был доступен широким слоям населения, а под влиянием народного языка в нем часто отражалось языковое сознание говорящих. Именно благодаря своей близости к языку народному, церковнославянский язык стал языком литературы и народного творчества. Аналогичным образом в Словакии до появления собственного литературного языка использовался чешский язык Кралицкой Библии. Благодаря этой особенности церковнославянский язык в среде прихожан византийского обряда мог выступать в качестве универсального средства коммуникации. Под влиянием народной речи в язык кириллической письменности проникали элементы словацкого, русинского, украинского и польского языков (в зависимости от преобладающей национальности носителей византийско-славянского обряда). Так постепенно формировался и утверждался местный литературный (письменный) вариант церковного языка, оживляемый и актуализируемый элементами живой разговорной лексики, морфологии и фонетики.

Перевод Д. Анисимовой.

Примечания

¹ Еще в 1777 г. Мукачевская епархия включала в себя Земплинский, Шаришский, Спишский, Ужский, Бережский и Мармарошский комитаты, в его юрисдикцию входили также верующие по византийско-славянскому обряду, проживающие в пределах Гемерского, Абовского и Турнянского престолов, а также диаспора грекокатоликов в Воеводине.

² Сравнение некоторых рубрик и литургических текстов мы проводим во введении к нашему изданию произведений Базиловича на примере цитат из литургии Иоанна Златоуста в записи Иоанникия Базиловича и Петра Могилы (Zavarský–Žeňuch: 2009).

³ Письма хранятся в Историческом архиве города Львов под шифрами ф-362-1-83 и ф-362-1-157.

Библиография

- Cleminson 1996** – *Cleminson R.M.* Cyrillie Manuscripts in Slovakia. A union Catalogue. Martin, 1996.
- Coranič 2007** – *Coranič J.* Východná cirkevná tradícia a maďarizačné hnutie v Prešovskom gréckokatolíckom biskupstve v rokoch 1867–1918. In *Cyrilské a latinské pamiatky v byzantsko-slovanskom obradovom prostredí na Slovensku* / Ed. P. Žeňuch. Bratislava, 2007. S. 173–192.
- Dzendzeliv's'kyj–Hanudeľová 1990** – Рукопис маріяповчанського варіанта граматики Арсенія Коцака / Eds. Й. Дзэндзелівський, З. Ганудель // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 15. Книга друга / Ed. M. Sopoliga. Prešov, 1990. S. 5–332.
- Hadžega 1927** – *Гаджега В.* О первых початках народного школьніцтва на Подкарпатській Русі // Подкарпатська Русь, Місячник Педагогічного т-ва Подкарпатської Русі. Но. 1–5. Ужгород, 1927.
- Haraksim 1961** – *Haraksim E.* K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do r. 1867. Bratislava, 1961.
- Haraksim 2000** – *Haraksim E.* «Zlatý vek» biskupa A. Bačinského a obrodenské obdobie A. Duchnoviča – dve epochy dejín Rusínov // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť / Ed. J. Doruľa. Bratislava, 2000. S. 10–36.
- Hostyňák 1982** – *Гостыняк С.* Буквар з 1770 року / Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 10 / Ed. I. Rusinko. Prešov, 1982. S. 233–273.
- Lučkaj 1983, 1988** – *Lučkaj M.* Historica Carpato-Ruthenorum Sacra, et Civilis (antiqua, et recens usgne ad praesens tempus). Tomus I., Tomus II / Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 11., 13 / Ed. I. Rusinko. Prešov: Vydalo Múzeum ukrajinskej kultúry vo Svidniku 1983, 1988. S. 46–181, 110–247.
- Lučkaj 1990, 1991, 1992, 1995, 1998** – *Lučkaj M.* Historica Carpato-Ruthenorum Sacra, et Civilis (antiqua, et recens usgne ad praesens tempus). Tomus III., Tomus IV. Pars 1., Tomus IV. Pars 2., Tomus V. In: // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 16., 17., 18., 20., 21. Ed. M. Sopoliga. Prešov, 1990, 1991, 1992, 1995, 1998.
- Lunterová 2002** – *Lunterová B.* Adversarii dicunt. Niekoľko postrehov k obhajobe obety svätej omše v diele Juraja Joannikija Baziloviča Explicatio Sacrae Liturgiae // J.J. Bazilovič OSBM a M. Lacko SJ. Zborník z medzinárodných konferencií / Ed. J. Babjak. Košice, 2002. S. 21–26.
- Molnar 1965** – *Мольнар М.* Словаки і Українці. Причинки до словацько-українських літературних взаємин з додатком документів. Bratislava, 1965.
- Pekar 1968** – *Pekar A.* Historie background of the Eparchy of Prjashev. Pittsburgh, 1968.
- Pekar 1992** – *Pekar A.* Протоігумен Йоаникія Базилович, ЧСВВ – першій історик Закарпаття // Записки Чину св. Василя Великого. XIV. 1992. S. 105–122.
- Pekar 1997** – *Pekar A.B.* Нариси історії церкви Закарпаття. Том I. II. Roma – Львів: Analecta OSBM, 1997.
- Perfeckij 1915** – *Перфецкій Е.Ю.* Обзорь Угроской историографіи // Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Том 19. кн. I. С.-Петербургъ, 1915. С. 291–341.
- Perfeckij 1916** – *Перфецкій Е.Ю.* Печатная церковно-славянская книга Угорской Руси въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ // Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской

- академіи наукъ. Петроградъ, 1916. С. 277–294.
- Petrov 1906** – *Петровъ А.* Замѣтки по этнографіи и статистикѣ угорской Руси. Матеріалы для исторіи Угорской Руси. IV. С.-Петербургъ, 1906.
- Pop 2005** – *Pop I.* Dějiny Podkarpatské Rusi v datech. Praha, 2005.
- Sabov 1893** – *Сабовъ С.* Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ съ прибавленіемъ угро-русскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ. Унгварь, 1893.
- Stripskij 1943** – *Стрипскій Г.* Виденьскій буквар р. 1770 // Літературна неділя. 1943. Роѣ. 3. S. 274–276.
- Šlepeckij 1968** – *Шлепецкій А.* Поучительное евангелие Ивана Капишовского 1640–1643 // Zborník Pedagogickej fakulty v Prešove Univerzity P.J. Šafárika v Košiciach. Roѣ. VII. Zväzok 2. Společenské vedy. Bratislava, 1968. S. 73–101.
- Štec 2005** – *Štec M.* Cirkevná slovančina. Prešov, 2005.
- Šturák 2009** – *Šturák P.* Historický prierez teologického vzdelávania a duchovná formácia gréckokatolíckych bohoslovcov v Uhorsku // Dejiny cirkevného gréckokatolíckeho školstva na Slovensku. II / Ed. J. Coranič, P. Šturák. Prešov, 2009. S. 59–72.
- Udvari 1998a** – Букваръ языка рускаго. Buda, 1799. évi kiadás hasonmása. A művet kiadásra előkészítette: Udvari István. Nyíregyháza, 1998.
- Udvari 1998b** – Иоаннъ Кутка: Катихисисъ малый... Buda, 1801. évi kiadás hasonmása. A művet kiadásra előkészítette: Udvari István. Nyíregyháza, 1998.
- Udvari 1999** – Elementa puerilis institutionis in lingua latina... Начало писменъ дѣтемъ къ наставленію на латинскомъ языкѣ... Kolozsvár, 1746. évi kiadás hasonmása. A kísérol tanulmányokat irtak: János István, Udvari István. A művet kiadásra előkészítette: Udvari István. Nyíregyháza: 1999.
- Udvari 2000** – *Удвари I.* Образчики з исторіи пудкарпатських Русинув. XVIII. столітє. Изгядованя з исторіи культуры у языка. Ужгород, 2000.
- Vasil' 2002a** – *Vasil' C.* Juraj Joannikij Bazilovič (1742–1821) a jeho Tolkovanie Svjaščennyja Liturgii – výklad svätej liturgie // J.J. Bazilovič OSBM a M. Lacko SJ. Zborník z medzinárodných konferencií / Ed. J. Babjak. Košice, 2002. S. 13–19.
- Vasil' 2002b** – *Vasil' C.* Juraj Joannikij Bazilovič (1742–1821) a jeho Tolkovanie Svjaščennyja Liturgii – výklad svätej liturgie. In: Slovenská, latinská a cirkevnoslovenská náboženskátvorba 15.–19. storočia / Ed. J. Doruľa. Bratislava, 2002. S. 305–315.
- Vašica 1923** – *Vašica J.* Slavica Kováčovy diecéšní knihovny v Prešově // Slovanský sborník věnovaný jeho Magnificenci prof. Františku Pastrnkovi / Ed. M. Weingart. Praha, 1923. S. 9–22.
- Žeňuch 2002** – *Žeňuch P.* Medzi Východom a Západom. Byzantsko-slovenská tradícia, kultúra a jazyk na východnom Slovensku. Bratislava, 2002. 288 s.
- Žeňuch–Vasil' 2003** – *Žeňuch P., Vasil' C.* Cyrillic Manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu / Cyrillské rukopisy z východného Slovenska. Slovenskí gréckokatolíci, vzťahy a súvislosti. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. I. Roma–Bratislava–Košice, 2003. 448 s.
- Žeňuch 2006** – *Žeňuch P.* Kyrillische paraliturgische Lieder. Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert. Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. Editionen. Band 23. Zugleich: Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae. Vol. II. Köln–Weimar–Wien, 2006. 982 s.
- Žeňuch 2008** – *Žeňuch P.* Preklady perikop v rukopisných poučiteľných evanjeliách zo 17. a 18. storočia v Mukačevskej eparchii // Pohľady do vývinu slovenského jazyka a ľudovej kultúry / Ed. J. Doruľa. Bratislava, 2008. S. 82–107.
- Zavarský–Žeňuch 2009** – Иоанникій Базиловичъ: Толкованіе Священныя Літургїи Новаго Закона истинныя Безкровныя Жертвы / Joannicius Bazilovits: EXPLICATIO Sacrae Liturgiae Novae Legis veri Incruenti Sacrificii. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. III / Eds. S. Zavarský, P. Žeňuch. Bratislava–Roma, 2009. LXI + 548 s.

К.А. Кочегаров
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**Религиозный вопрос в русско-польской
дипломатической практике второй половины XVII в.
(к постановке проблемы)**

Abstract:

Kochegarov K.A. *Religious issues in Russian-Polish diplomatic practice of the second half of the eighteenth century. (Problem formulation)*

The article shows the issues of religion in the Russian-Polish relations in the second half of XVIII century. The analysis of the obligations genesis in the Polish-Lithuanian Commonwealth, made by the treaty of Perpetual peace in 1686 in relation to the Orthodox population of the republic, is demonstrated. Activities of Russian diplomacy, aimed at providing Russia with the rights to support the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian state, are characterized.

Ключевые слова: Россия, Речь Посполитая, Андрусовское перемирие, Вечный мир, православие, католичество.

Заключение договора о Вечном мире в 1686 г. между Россией и Польшей имело большое значение для дальнейшего развития взаимоотношений двух стран. Это соглашение урегулировало не только важнейшую для сторон территориальную проблему, но и ряд других не менее значимых для Москвы и Варшавы вопросов. Одним из них был вопрос религиозного характера, а именно положение православных в Речи Посполитой и католиков в России. Если последних в Московском государстве было немного, то шляхетская республика владела обширными территориями Правобережной Украины и Белоруссии, основная масса населения которых, несмотря на почти столетнее существование униатской церкви, сохраняла приверженность православию.

Девятая статья заключенного в Москве 26 апреля (6 мая) 1686 г. договора о Вечном мире накладывала на польского короля широкие обязательства касательно религиозной свободы православных в Речи Посполитой и давала России право покровительства своим единоверцам: «Королевское величество церквам Божиим и епископиям: Луцкой и Галицкой, Премьшельской, Львовской, Белороссийской и при них монастырям, архимандриям: Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и иным игуменствам, братствам, в которых обреталось и ныне обретается употребление благочестивой греко-российской веры и всем тамо живущим людям, в Короне Польской и в Великом княжестве Литовском, в той же вере оставающим, никакого утеснения и к вере римской и к унии принуждения чинить не велит и бытии то не имеет, но под давным правам во всяких свободах и вольностях церковных будет блюсти. А понеже нынешним Киева в сторону их царского величества отъятием, епископом вышепомянутым, в короне польской и Великом княжестве Литовском

пребывающим, по духовному их чину и обыкновению, довелось приимати благословение и рукоположение от киевского митрополита: и то никому из них в милости его королевского величества вредити не имеет». Взамен царское правительство гарантировало, что «людем веры римской в государствах их царского величества никакое в вере не имеет быть творено безправие, и к иной вере принуждение, наипаче будут иметь всякую вольность той веры держать и в имениях своих никакой препоны и убытка не понося, на милость их царского величества то им вредити не имеет, и веры своей вольное употребление в домех своих вольно иметь». Кроме того, особо для данной статьи в договоре оговаривалось, что она должна была быть утверждена сеймом¹.

Нетрудно заметить, сколь непропорциональны были взаимные обязательства двух стран по защите и поддержке единоверцев. Характерно, что вскоре после заключения договора царское правительство поспешило публично оценить девятую статью Вечного мира как важный внешнеполитический успех², тогда как правящие круги Речи Посполитой увидели в ней повод для вмешательства во внутренние дела шляхетской республики, решительно протестуя против этого³.

По мнению ряда ученых, в XVIII столетии девятая статья договора о Вечном мире сыграла свою роль в обосновании Российской империей своего права под предлогом поддержки «диссидентов» вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой. Польские историки оценивали ее появление в договоре как одно из наиболее чувствительных поражений польско-литовской дипломатии в отношениях с Россией. Крупнейший специалист по истории русско-польских отношений второй половины XVII века, польский историк Збигнев Вуйчик считал, что девятая статья была наихудшим результатом московских переговоров, даже по сравнению с окончательным отказом Речи Посполитой от обширных территорий на востоке, и имела «фатальные последствия» для шляхетской республики⁴.

Русский историк Ф. Титов, немало времени посвятивший изучению положения православных в Польше и Литве во второй половине XVII–XVIII вв., также отмечал, что именно в силу наличия в нем девятой статьи Вечный мир приобрел «весьма важное, можно сказать решающее значение во всей последующей исторической судьбе Западной Руси до самого конца Речи Посполитой»⁵. Большое значение девятой статьи для русско-польских отношений и политики России по поддержке единоверцев в Речи Посполитой в разное время отмечали и другие исследователи⁶.

Начало изучению роли религиозного вопроса в русско-польских отношениях положил Н.Н. Бантыш-Каменский. В своем исследовании он обращал внимание и на попытки русского правительства оговорить право поддержки единоверцев в двусторонних соглашениях с Речью Посполитой. Касательно девятой статьи Вечного мира историк писал, что она должна была «учинить сильную римскому и униатскому духовенству преграду в нечинении благочестивым насилия в Речи Посполитой», однако фактически не соблюдалась⁷.

П. Щебальский кратко проследил роль религиозного фактора в русско-польских отношениях, начиная со второй половины XVII века до вступления на русский трон Екатерины II, и его связь с русской политикой и «русской партией» в Речи Посполитой. Историк отмечал, что «еще царь Алексей и его преемник в многочисленных договорах, заключенных ими с польским правительством, выговаривали православным подданным Польши свободу богослужения, разумеется, с соблюдением взаимности по отношению к католикам в Московском царстве». П. Щебальский, с одной стороны, считал, что данные обязательства были «взаимные и одинаковые», с другой, справедливо указывал на «чрезвычайно большое значение» факта, что по Вечному миру киевский митрополит, чья резиденция находилась в принадлежавшем России Киеве, был признан главой православной церкви в Речи Посполитой. Заслуживают внимания и еще два замечания П. Щебальского. Во-первых, что польское правительство, в отличие от России, не имело возможностей для расширения своего религиозного влияния в России, поскольку число католиков там было незначительным. Во-вторых, что пока сохранялся хрупкий баланс сил в русско-польских отношениях (до начала XVIII века), все попытки русской дипломатии вмешиваться в политику по отношению к православию в Речи Посполитой приносили мало пользы⁸. Вместе с тем, ряд наблюдений П. Щебальского нуждается в уточнении и конкретизации.

Относительно недавно к изучению религиозного аспекта русско-польских отношений обратились белорусские ученые. Важную роль девятой статьи в политике России по защите православных в Речи Посполитой отмечала Н.А. Поляк, рассматривая диссидентский вопрос в Великом княжестве Литовском в широких хронологических рамках. Исследовательница отметила появление религиозных обязательств сторон уже в Андрусовском договоре 1667 г.⁹. С.В. Морозова считала, что девятая статья давала России право на вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой, на котором основывались дальнейшие отношения двух стран. Исследовательница несколько преувеличенно назвала национально-религиозный вопрос «козырной картой царизма», который, по ее мнению, инициировал поиск белорусско-украинским населением российской протекции¹⁰. Г. Васюк и Д. Карев пришли к выводу, что девятая статья Вечного мира первоначально носила формальный характер, и о каких-то реальных возможностях России повлиять на положение православных Польши и Литвы можно говорить только начиная со времени Северной войны 1700–1721 гг.¹¹.

Вечный мир 1686 г. увенчал собой почти двадцатилетнюю историю русско-польского дипломатического соперничества и поиска компромиссов. Ему предшествовало немало других соглашений России и Речи Посполитой, и прежде всего Андрусовское перемирие 1667 г. Поэтому, с одной стороны, статья, касавшаяся религиозного вопроса, не была чем-то принципиально новым в русско-польской дипломатической практике, с другой – поднимала проблему поддержки Россией зарубежных единоверцев на качественно иной уровень.

В связи с этим проблема урегулирования религиозных вопросов в русско-польских отношениях в период до 1686 г. представляет несомненный интерес, позволяя пролить свет на генезис девятой статьи Вечного мира, значение которой для последующих русско-польских отношений вряд ли подлежит сомнению.

Религиозный вопрос занял видное место уже на самых первых русско-польских переговорах о заключении перемирия, проходивших под Вильно в 1656 г. В этом смысле требования русских послов во главе с князем Н.И. Одоевским в основном сводились к следующему: 1) Ликвидировать унию на всей территории Речи Посполитой; 2) Возвратить православной церкви все отобранные у нее храмы и имущество (в первую очередь – земельные владения); 3) Гарантировать свободное отправление православных обрядов и беспрепятственный доступ православной шляхты и мещан к административным должностям.

Л.В. Заборовский, опубликовавший подборку документов касательно религиозных аспектов виленских переговоров, обоснованно считал (это со всей ясностью следует и из опубликованных им материалов), что требования России были сформулированы главным образом на основе предложений украинской стороны¹². При этом Богдан Хмельницкий убеждал царское правительство добиваться от польско-литовских дипломатов, чтобы Львовский, Перемышльский, Холмский, Луцкий, Владимирский православные епископы «под послушанием митрополита Киевского были православного, а в унии не были», так же как и белорусские владыки (Могилевский, Витебский, Полоцкий, Мстиславский)¹³. Русские же послы на переговорах под Вильно настаивали, что сформулированные ими требования по религиозному вопросу должны не только войти в будущий русско-польский договор, но и быть утверждены сеймом («и то все утвердить соимовою констытуцыею на вечные времена»)¹⁴.

Тяжелые поражения России в войне с Польшей 1660 г., неурядицы на Украине несколько выровняли соотношение сил в русско-польской войне и привели к снижению актуальности, как для Москвы, так и для Варшавы, религиозного вопроса в двусторонних отношениях.

Однако это не означало, что он был совершенно снят с повестки дня русской дипломатии. Прибывшее в декабре 1659 г. в Москву казацкое посольство во главе с черкасским полковником Андреем Одинцом просило, среди прочего, чтобы на будущих переговорах с Речью Посполитой царские дипломаты требовали возвращения православным в польско-литовском государстве всех захваченных униатами храмов, монастырей и церковных земель¹⁵. А в инструкции приехавших в русскую столицу в марте следующего года казацких депутатов для участия в будущих русско-польских переговорах значилось и требование полной ликвидации унии¹⁶. Пункт об этом вошел в наказ русским послам на русско-польские переговоры, которые должны были состояться в 1660 г.¹⁷.

Инструкция польским комиссарам для переговоров с Россией, принятая сеймом 1661 г., и королевские инструкции, высланные им во время переговоров

в Дуровичах под Смоленском в 1664 г., не предусматривали дискуссий по религиозному вопросу, поскольку, по мнению правящих кругов шляхетской республики, отсутствовал сам предмет спора. Никаких территориальных уступок делать России не планировалось, а оговаривать свободу католического вероисповедания на территории государства, где представителей данной конфессии проживало ничтожно мало, в Варшаве, видимо, считали в данный момент неуместным. Вместе с тем в соответствии с инструкциями, комиссары Речи Посполитой на переговорах 1664 г. требовали от русской стороны выдачи даже тех пленных, кто вынужденно, как считала польско-литовская сторона, окрестился в православие¹⁸.

Что касается России, то А.Л. Ордин-Нащокин накануне переговоров в Дуровичах обосновывал необходимость заключения союза с Польшей тем, что это даст России возможность покровительствовать православию в польско-литовском государстве. Инструкция русским дипломатам на переговоры в Дуровичи предусматривала выдвижение требований религиозной свободы православных на Правобережной Украине, запрета обращать церкви в костелы или передавать их униатам¹⁹. Однако в условиях ожесточенных споров по территориальному вопросу до проблем религии дело в Дуровичах не дошло, ограничившись декларативными заявлениями русской стороны, что утеснение православия в Речи Посполитой стало одной из причин начала русско-польской войны²⁰.

31 мая 1665 г. депутация польского сейма утвердила дополнение к инструкции для переговоров с Россией, предусматривавшей возможность уступки Смоленщины, Северщины и части Левобережной Украины. Такое кардинальное изменение позиции польской дипломатии привело к включению в инструкцию требований религиозного характера. Польско-литовские дипломаты должны были добиваться в ходе переговоров, чтобы Россия гарантировала религиозную свободу для католиков на отходивших под ее власть землях (главным образом на Смоленщине и Северной земле). Эти же пункты дублировались и в инструкции для посланника Иеронима Комара, направленного в русскую столицу с целью заключения временного перемирия в 1665 г.²¹.

Русские послы на Андрусовские переговоры, начавшиеся в 1666 г., согласно инструкции должны были требовать гарантий свободы православия и непринуждения к уни, не только на землях западной и центральной Белоруссии, которые царь декларативно готов был уступить Речи Посполитой (на самом деле к тому моменту Россия их уже потеряла), но и на всей территории шляхетской республики. По мнению З. Вуйчика, в Посольском приказе понимали, что эти условия вызовут решительный протест, поскольку царь мало того, что «уступал» то, что уже и так принадлежало полякам, но и еще вмешивался во внутренние дела чужого государства. «В инструкции бросается в глаза та жесткость, – пишет польский историк, – с которой Москва хотела воспользоваться положением своего противника, что особенно остро проявилось в вопросе территориальных уступок и вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой под предлогом вопросов религии»²².

И действительно в ходе длительных андрусовских переговоров, на одной из последних сессий, русские дипломаты потребовали включения в договор статьи, фактически устанавливавшей право протекции по отношению к православию в Речи Посполитой со стороны России. Польская сторона соглашалась на признание России такого права лишь в отношении тех ее жителей, которые будут находиться на территории польско-литовского государства²³.

В результате этих споров положения договора, касавшиеся религиозного вопроса, давали возможность разного толкования в смысле гарантий свободы в отправлении православия. В тексте перемирия фиксировалось право католиков, остававшихся на отошедших к России землях, иметь свободное «употребление веры святой католической без всякого в отправовании богомолия в домах своих затруднения» и право «всякого чина» русских людей – жителей «уступленных» в пользу шляхетской республики территорий (в польской версии: «wszelakiej condycji Ludziom Ruskim, którzy w stronę JeoKrWa w miejscach przez te Tractaty ustapionych dostają się»²⁴) на «вольное <...> употребление веры греческой без всякого в отправовании службы Божией затруднения». При анализе этой статьи Андрусовского договора стоит обратить внимание на два нюанса. Во-первых, согласно его букве гарантии свободного отправления православия распространялись только на территории Витебского и Полоцкого воеводств, других белорусских, а также прибалтийских земель, которые на момент заключения русско-польского соглашения находились под русской властью. Андрусовский договор декларировал их «уступку» Россией польской стороне. Во-вторых, договор от января 1667 г. оговаривал вывод всех «служилых и прибыльных» русских людей из возвращавшихся Речи Посполитой земель²⁵, то есть установленные им религиозные гарантии вполне могли рассматриваться как касавшиеся местного православного населения указанных территорий вопреки предыдущим настояниям польских комиссаров.

Таким образом, в религиозном вопросе положения Андрусовского договора носили локальный и крайне ограниченный характер и разительно отличались от той программы, которая выдвигалась русским правительством во время виленских переговоров. Несомненно, что ее выполнению помешало то, что к началу 1667 г. внешне- и внутривосточное положение Русского государства было значительно менее устойчивым, нежели 11 лет назад. Вполне понятно, что в данной ситуации русские дипломаты предпочитали не заострять болезненные для поляков и литвинов проблемы религии, сосредоточив все усилия на как можно более выгодном для себя решении территориального вопроса. Однако в то же время Андрусовские и предшествовавшие им русско-польские переговоры показали, что от выдвинутых на переговорах в 1656 г. требований русское правительство не отказывалось окончательно.

Вопросы религиозного характера не затрагивались на переговорах о заключении русско-польского союзного договора в Москве в декабре 1667 г. Москву и Варшаву гораздо более занимала угроза со стороны Османской

империи и Крымского ханства, против которых и был направлен заключенный союз²⁶. И хотя в первом пункте инструкции польским комиссарам, высланным на очередную Андрусовскую комиссию (состоялась в 1669–1670 гг.), предписывалось добиваться соблюдения Россией статьи Андрусовского договора 1667 г., касавшейся свободного исповедания католичества на отошедших к России Северщине и Смоленщине, сам этот вопрос в ходе переговоров обсуждался в ряду других «мелких дел», касавшихся пограничных споров, и т.д.²⁷. Вместе с тем с российской стороны религиозная проблема на вторых андрусовских переговорах также прозвучала, однако в совершенно иной форме. Глава русской делегации, «посольских дел оберэгатель» А.Л. Ордин-Нащокин, поставил вопрос о совместном «отвлечении» украинского духовенства от константинопольского патриархата, связи с которым якобы стали одной из причин принятия правобережным казачеством во главе с П.Д. Дорошенко протектората османского султана, что принесло крупные неприятности России и Речи Посполитой. И хотя русский дипломат не акцентировал внимание на том, под чье послушание должны были перейти православные епархии киевской митрополии, в Варшаве это заявление расценили как стремление московского патриарха получить духовную власть над православными Речи Посполитой. По словам З. Вуйчика, «король и сенат отлично почувствовали здесь одну из крупных опасностей, которая грозила Польше со стороны России – вмешательство в дела православной церкви в Речи Посполитой»²⁸. Позднее, в полемическом задоре, А.Л. Ордин-Нащокин заявил польским дипломатам, что никто не может воспрепятствовать царю заботиться о единоверцах, испытывающих гонения в Речи Посполитой²⁹.

В так называемом разъезжем письме, подписанном участниками второй Андрусовской комиссии 7 (17) марта 1670 г., религиозные вопросы не затрагивались³⁰. Однако переговоры продемонстрировали, что правительство Речи Посполитой придавало важное значение заботе о соблюдении религиозных прав католической шляхты тех земель, которые оно еще надеялось возвратить, тогда как русская сторона не отказывалась от замысла укрепления своих позиций в отношении всего православного населения Речи Посполитой, в первую очередь, путем перехода его в ведение московского патриарха.

Русско-польский Московский второй договор, подписанный польскими послами в Москве 30 марта (9 апреля) 1672 г., конкретизировал условия антиосманского союза, переговоры о котором стороны вели со времени окончания войны между ними. Кроме того, договор обязывал Россию не препятствовать выезду в Речь Посполитую смоленской и северской шляхты, если она того пожелает. Тем же шляхтичам-католикам, которые не захотят покидать насиженные места, русское правительство должно было позволить «для употребления богомолия своего за рубеж в костелы ближние без затруднения выезжать, и отозвание с верою римскою ни кому из них на милости его царского величества вредити не должно; а взаимно тем всем русским всякого чина людям, которые в сторону его королевского величества в местех

через первые андрусовские договоры уступленных достались, вольное имеет бытии употребление веры греческой, без всякого во отправлении богомолия затруднения» (статья 10)³¹. Как видно, данные положения в основном дублировали андрусовские постановления 1667 г., приобретая одновременно более общий характер. По-прежнему оставалось неясным, кого считать «всякого чина русскими людьми» на возвращенных Речи Посполитой в 1667 г. территориях – все православное население или только тех жителей Московского государства, которые каким-то образом не вернулись в Россию после 1667 г. Последних заведомо должно было быть ничтожно мало, и их число вполне было сопоставимо с численностью проживавших в России католиков.

Показательно, впрочем, что в период до заключения следующего русско-польского договора в 1678 г., также регулировавшего конфессиональные вопросы, мы пока не знаем ни одного случая, чтобы толкование данных статей стало предметом споров или дискуссий дипломатов двух стран. В силу необходимости совместной борьбы с османским натиском в Восточной Европе религиозные проблемы в двусторонних отношениях России и Речи Посполитой отходили на второй план.

На русско-польской Андрусовской комиссии 1674 г. глава российской делегации А.Л. Ордин-Нащокин вновь попытался поднять вопрос «отвлечения» украинского духовенства от Константинополя, а в ходе споров московские дипломаты заявляли полякам и литвинам, что П.Д. Дорошенко «поддался» туркам из-за гонений на православие в Речи Посполитой³².

В 1680 г. истекал срок Андрусовского перемирия, заключенного на 13,5 лет. Послы Речи Посполитой М. Чарторыйский и Б. Сапега, прибывшие в Москву для переговоров о его продлении, решили воспользоваться сложным положением Русского государства, находившегося в состоянии войны с Османской империей (в то время как Речь Посполитая имела с турками мир от 1676 г.), чтобы добиться от него ряда уступок. В ходе начавшихся переговоров, среди прочего, польские дипломаты обвиняли Россию в несоблюдении статей договора 1667 г., касавшегося свободы католического вероисповедания на отошедших ей землях. Послы сетовали, что на этих территориях нет ни одного действующего костела, туда не имеют возможности приезжать из-за границы ксендзы, а проживающих там католиков не пускают за рубеж на католическое богослужение. Русская делегация во главе с князем Н.И. Одоевским решительно отвергла эти обвинения³³. На этих же переговорах впервые за рассматриваемый период прозвучало требование польской стороны об открытии католического костела в Москве³⁴.

Патриарх Иоаким, который принимал активное участие в переговорах, настаивал на фиксации в тексте договора обязательства польской стороны соблюдать свободу православного вероисповедания в уступаемых Речи Посполитой городах Невле, Себеже и Велиже³⁵.

В итоге в четвертой статье третьего Московского договора, заключенного 3(13) августа 1678 г., обязательства религиозного характера были

сформулированы следующим образом. Обязательства России в отношении католиков повторяли статьи прежних договоров. Им позволялось молиться дома, посещать костелы за границей, русское правительство не должно было принуждать их к принятию православия, а царские «милости» должны были распространяться на католическую шляхту наравне с православным дворянством. Однако обязательства в отношении православия со стороны Речи Посполитой вновь были сформулированы двусмысленно: «его королевское величество тем церквам Божиим и монастырем, в которых обретаются употребление веры греческой, которые в городах Невле, Себеже и Велиже остаются и ныне вновь уступлены суть в сторону его королевского величества, також и *всем людем греческие веры* (курсив мой. – К.К.) <...> никакого разорения и утеснения к вере римской и к ней принуждения чинить не велит и не имеет то быть, но по старым правам во всяком безопастве употребления богомолния своего пребывать будут и отозвание с верою греческою никому из них на милости его королевского величества вредити не имеет»³⁶. В отличие от предыдущих лет толкование этой статьи стало вскоре предметом острых дискуссий русских и польских дипломатов.

С целью ратификации т.н. третьего Московского договора в январе 1679 г. в Гродно прибыло русское посольство И.В. Бутурлина и И.И. Чаадаева. В наказе послам поручалось в том числе требовать свободы православия на всей территории Речи Посполитой. Обосновывалось это тем, что в Москве стало известно, что «в государстве королевского величества церквам Божиим и жителям греческой веры чинится разорение и утеснение к вере римской, и к унии принуждение паче прежнего». На переговорах с польской делегацией Бутурлин и Чаадаев потребовали принятия соответствующей конституции о свободе православия гродненским сеймом 1679 г., однако в ответ им было заявлено, что в Речи Посполитой никаких гонений на православие нет³⁷.

В 1679 – начале 1680 гг. отношения России и Речи Посполитой в религиозном вопросе обострились. Связано это было, в том числе, и с общим курсом королевского двора со второй половины 1670-х гг. на усиление позиций униатской церкви и ликвидации в Речи Посполитой высшей православной иерархии путем принятия ею унии. Важным шагом в этой политике стала попытка организации т.н. Люблинского съезда православных и униатов для обсуждения существующих между ними проблем и различий, а также поиска путей к примирению³⁸.

Информация о планировавшемся съезде в Люблине, попадавшая в Россию, вызывала тревогу русских правящих кругов, небезосновательно видевших в этом очередные попытки укрепления положения униатской церкви в Речи Посполитой в ущерб православию. Это подтверждалось и конкретной информацией, которая собиралась выезжавшими в польско-литовское государство русскими дипломатами. Во время пребывания в Гродно И.В. Бутурлина и И.И. Чаадаева посетил киевский митрополит Антоний Винницкий и другие православные иерархи Речи Посполитой. На вопрос

о цели затеваемого в Люблине «коллоквиума», митрополит и его спутники ответили, что, хотя он назначен «по наущению униатов», но если на нем «объявится правда Восточной церкви», уния будет ликвидирована. Однако позднее послы узнали, что речи эти говорились из-за присутствовавшего на встрече польского пристава, а на самом деле король затеял Люблинский съезд, чтобы добиться присоединения православных к унии³⁹.

В связи с этим послы И.А. Прончищев и Е.И. Украинцев, выехавшие в Польшу в начале 1680 г. для продолжения переговоров об антиосманском союзе, уделили повышенное внимание и религиозным вопросам. Во время одной из последних встреч с польско-литовскими дипломатами царские послы вновь подняли вопрос о гонениях на православие в Речи Посполитой. Польская сторона довольно резко отреагировала на это, заявив, что исчерпывающие объяснения по данному вопросу даны были год назад И.В. Бутурлину и И.И. Чаадаеву, поэтому возвращаться к нему не имеет смысла. Однако Прончищев и Украинцев обратили внимание своих польских и литовских коллег на состоявшийся недавно Люблинский коллоквиум, к участию в котором православных принуждали под угрозой лишения земельных владений. По мнению русских, съезд в Люблине был учинен «не для чего иного <...>, только для того, что все благочестыя церкви греческого закона, также и жителей благочестивых в римскую веру или в унию обратить». Русские дипломаты, ссылаясь на четвертую статью договора 1678 г., потребовали, чтобы в Речи Посполитой были прекращены любые утеснения и гонения на православных.

Это вызвало протест польско-литовских дипломатов, заявивших «шумно и срдитуя», что четвертая статья распространяется только на православных Велижа, Невля и Себежа и соблюдается «непорушимо». Что же касается православных жителей Речи Посполитой вообще, то «королевскому величеству и Речи Посполитой зело досадительно, что великий государь его царское величество за подданных его королевского величества русской веры, которые пребывают в государстве его королевского величества, вступается. Тем чинится государю их его королевскому величеству и Речи Посполитой великое безчестье. И ни который христианский монарх не имеет такой власти, чтоб кто Речью их Посполитой правил и в делах указывал». Польская сторона продолжала настаивать, что в шляхетской республике никакого религиозного утеснения в отношении православных нет, политические институты шляхетской демократии (сейм, сеймики, трибуналы) предоставляют возможность открыто протестовать и бороться против этого, а Люблинский съезд якобы был созван по инициативе православных. Но главное заявление польских и литовских дипломатов состояло в том, что они отказались признать правомочность четвертой статьи договора 1678 г., заявляя, что польские послы не имели полномочий соглашаться на ее включение в договор (признавая, следовательно, косвенным образом возможность ее толкования в соответствии с представлениями русской стороны): «и на сейме в гродненском королевское величество то не подтвердил, и Речь Посполитая не приняла»⁴⁰.

В этой связи будет нелишним заметить, что в 60-х гг. XVIII века в Речи Посполитой велись похожие споры по поводу соответствующих положений польско-шведского Оливского мира 1660 г.: гарантировали ли они свободу протестантского вероисповедания для всех протестантов польско-литовского государства, либо только тем, кто населял Королевскую Пруссию⁴¹. А русский резидент в Польше Василий Тяпкин в 1676 г. обращал внимание московского правительства, что поляки «люторских и кальвинских костелов не смеют так разорять и пустошить, как церковь восточную гонят и разоряют, понеже за них стоит свейский король и курфирст бранденбургский, и в договорах мирных о том у них написано»⁴².

В наказе русским послам во главе с Я.Н. Одоевским на Андрусовскую комиссию 1684 г. религиозные проблемы не поднимались, не прозвучали они и в ходе переговоров⁴³. Как представляется, вызвано это было, с одной стороны, неуверенной позицией русской стороны в результате внутренних неурядиц 1682 г., последствия которых еще не были до конца преодолены, а с другой – впечатляющей победой польско-австрийских войск под Веной в 1683 г., на короткое время поднявшей международный престиж Речи Посполитой.

Зато наказ русским дипломатам, которые должны были вести переговоры с посольством К. Гжимултовского и М. Огинского в 1686 г. в Москве, содержал немало интересующих нас моментов. В будущий польско-русский договор должен был быть обязательно внесен пункт о гарантии свободного отправления веры всех православных жителей Короны и Литвы. На основе доступных нам на сегодняшний день источников о московских переговорах 1686 г., мы можем заключить, что религиозный вопрос не играл на них заметной роли. Польско-литовская делегация без особых споров согласилась на предложенную русской стороной формулировку девятой статьи, требуя взамен включение в договор пункта о гарантиях для католиков и строительстве костелов в Москве, Смоленске и Киеве. И действительно пункт о строительстве в Смоленске и Москве молельных домов для католиков вошел в один из предварительных проектов соглашения о Вечном мире, не попав в окончательный его вариант из-за протеста патриарха Иоакима. В.В. Голицын, впрочем, заверил М. Огинского в частном порядке, что ему будет позволено соорудить «молельный дом» для католиков в Смоленске⁴⁴.

Посольство Б.П. Шереметева, выехавшее вскоре в Польшу для принятия королевской присяги на заключенный Вечный мир, должно было особенно настаивать на ратификации девятой статьи сеймом, а также раздавать с нее «списки» православным Речи Посполитой (см. **Таблицу**). Уже после выезда из столицы послам было сообщено о жалобах киевского митрополита Гедена Святополк-Четвертинского на утеснения православных в Речи Посполитой, по поводу которых русские дипломаты также сделали заявление на переговорах во Львове⁴⁵.

Таблица⁴⁶. Перечень лиц, кому русские послы во главе с Б.П. Шереметевым дали копию девятой статьи договора о Вечном мире.

Город	Особа, храм
Могилев	«Собора церкви преображения господня наместнику епископии могилевской Селиверсту Волчацкому»
Могилев	«Церкви воскресения христового попу Афанасью»
Могилев	«Богоявленского братцкого монастыря игумену Гедеону Савицкому»
Борисов	«Воскресенского монастыря игумену Гермону»
Минск	«Бурмистру Михаилу Шишке»
Львов	«Лвовскому епископу Иосифу Шумлянскому»
Львов	«Церкви Параскевии нареченнае Пятницы протопопу Иоаникию»
Ярославль	«Церкви предтечи Иоанна протопопу Михаилу Развиницкому»
Ярославль	«Церкви успения пресвятой Богородицы, что в Бору священнику Данилу»

Стоит отметить, что гонения на православных были одной из постоянных тем контактов Москвы и украинского гетмана Ивана Самойловича. Последний не устал напоминать руководителям русской внешней политики о том бедственном положении, в котором находится православная церковь в Польше и Литве⁴⁷. В преддверии переговоров о Вечном мире в специальных статьях И. Самойлович предлагал царскому правительству «зело крепко варовати» в будущем договоре обязательства польской стороны не утеснять православных и не принуждать их к унии⁴⁸. Это, несомненно, сыграло свою роль в формировании позиции русской дипломатии на переговорах с посольством К. Гжимултовского и М. Огинского.

* * *

Девятая статья договора о Вечном мире увенчала тридцатилетние усилия России на получение зафиксированного в двусторонних договорах права на покровительство православному населению Речи Посполитой. Анализируя соответствующие статьи русско-польских договоров и соглашений этого периода, нетрудно заметить, как имевшие первоначально локальный и равный характер статьи, касавшиеся вопросов религии, эволюционировали в обязательство польско-литовской стороны гарантировать не только религиозную свободу православным, но и согласиться на поставление православных епископов киевским митрополитом, который стал подданным русских царей. В этом смысле переход киевской митрополии из подчинения константинопольского патриарха в ведение патриарха московского в 1685–1686 гг. также имел немаловажное значение.

При этом взамен польско-литовской дипломатии удалось лишь добиться религиозных гарантий для католиков, но не для католической религии в целом: пункт о строительстве в России костелов был вычеркнут из договора о Вечном мире. Не было речи и о том, чтобы например, попытаться обеспечить международно-правовым путем деятельность в России католических миссионеров.

Формулировки соответствующих статей Андрусовского (1667 г.) и третьего Московского (1678 г.) договоров о положении православных в шляхетской республике, дававших возможность русской стороне интерпретировать их с выгодой для себя, явились, несомненно, промахом польско-литовской дипломатии. Складывается впечатление, что в Речи Посполитой не особенно отдавали себе отчет в значении принимаемых на себя религиозных обязательств и том ущербе, который они наносят международному престижу республики. По-видимому, пока в отношениях России и Речи Посполитой существовал некий баланс сил, зафиксированный еще Андрусовским перемирием, правящие круги польско-литовского государства полагали, и в целом обоснованно, что все права России на покровительство православию останутся пустым звуком, не будучи подкреплены реальной военно-политической мощью. И действительно, неоднократные представления и протесты русских резидентов после 1686 г. о гонениях на православие в Речи Посполитой, требования ратификации сеймом девятой статьи⁴⁹ не имели практических результатов и никак не повлияли на дальнейшее сужение ареала православия в польско-литовском государстве. В этих условиях пропаганда русской стороной содержания девятой статьи Вечного мира в Короне и Литве (подобно акции посольства Б.П. Шереметева) только усиливала враждебное отношение к православным со стороны польских властей. Уже в начале XVIII в. в Речи Посполитой осталась лишь одна православная епархия – Белорусская.

Представленный краткий обзор генезиса девятой статьи договора о Вечном мире, основанный главным образом на существующей литературе, безусловно, не исчерпывает проблематики отношений России и Польши в религиозном вопросе за рассматриваемый период, а лишь намечает направления дальнейших исследований. Непосредственное обращение к источникам (впрочем, чтобы выявить отдельные свидетельства, касающиеся религиозного аспекта русско-польских отношений, только в материалах архива Посольского приказа необходимо будет просмотреть тысячи листов и сотни дел) даст, несомненно, в руки историков новые материалы, которые позволят гораздо более полно раскрыть разные аспекты данного вопроса. В этой связи стоит только сожалеть, что начатая на этом направлении важная работа Л.В. Заборовского⁵⁰ была прервана кончиной ученого.

Важной представляется также задача дальнейшего изучения в широких хронологических рамках (вторая половина XVII века) влияния запорожских гетманов на политику России в отношении православных Короны и Литвы, хотя уже сейчас, на основе имеющихся в нашем распоряжении данных, следует признать, что оно было значительным.

Наконец, исследование роли и места религиозных аспектов русско-польских отношений в период 50–80-х гг. XVII века должно быть тесно связано с изучением позднейших попыток реализации русской стороной тех возможностей, которые открывала перед ним девятая статья договора о Вечном мире. Это поможет значительно продвинуть вперед выяснение действительной роли и места данной проблемы уже в отношениях Речи Посполитой и Российской империи.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской империи (Далее ПСЗРИ). Изд. 1. Т. 2. СПб., 1830. С. 777.
- ² Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 415–416.
- ³ Там же. С. 453–454.
- ⁴ *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie o „pokój wieczysty” w Moskwie w roku 1686 // *Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej.* Warszawa, 1994. S. 51.
- ⁵ *Титов Ф.И.* Окончательный переход Киева от Польши к России по договору о Вечном мире между ними в 1686 г. Киев, 1904. С. 1–2.
- ⁶ *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 442–443, 451; *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–80-х годах XVII века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // *Из истории местного края.* Днепропетровск, 1968. С. 168.
- ⁷ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонении <...>. М., 1805. С. 141–145.
- ⁸ *Щебальский П.* Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864. С. 5–7.
- ⁹ *Поляк Н.А.* Дысідэнцае пытанне на Беларусі ў кантэксце міжнародных адносін (1660–1768 гг.). Дысертацыя на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2006. С. 44 и след.
- ¹⁰ *Марозава С.В.* Пётр I на абароне сваіх адзінаверцаў на Беларусі // *Приграничное и региональное сотрудничество: новые задачи и пути решения.* Витебск, 1998. С. 16.
- ¹¹ *Васюк Г., Карев Д.* Правящие круги Речи Посполитой и православное население государства во второй половине XVI–XVIII вв. (научно-популярные очерки) // *Наш Радавод.* Кн. 8. Гродна–Беласток, 1999. С. 219.
- ¹² *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. М., 1998. С. 253–255, 262–279, 337.
- ¹³ Там же. С. 252.
- ¹⁴ Там же. С. 272.
- ¹⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1659–1665. СПб., 1867. Стб. 2, 4.
- ¹⁶ *Яковлева Т.Г.* Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003. С. 59, 528.
- ¹⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 80.
- ¹⁸ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 103–104, 168–169, 172, 186.
- ¹⁹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 157–158.
- ²⁰ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski... S. 170.
- ²¹ Ibid. S. 200 – 201, 203, 208–209.
- ²² Ibid. S. С. 230–231.
- ²³ Ibid. S. 244, 254. – По мнению отечественного исследователя И.В. Галактионова, религиозный вопрос на Андрусовских переговорах не вызывал острых споров. См.: *Галактионов И.В.* Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960. С. 96.
- ²⁴ *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Wyd. F. Kluczycki.* Т. 1. Cz. 1. Kraków, 1880. S. 568.
- ²⁵ ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 1. СПб., 1930. С. 658–660.
- ²⁶ Подробнее о переговорах, в т.ч. о инструкции, данной польским послам в Москву см.: *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 70–111. Текст договора см.: ПСЗРИ. Т. 1. С. 727–734.
- ²⁷ *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim... S. 190, 212. – См. также примечание № 172 на с. 212–213.
- ²⁸ Ibid. S. 204, 206, 217–218.

²⁹ Ibid. S. 228.

³⁰ ПСЗРИ. Т. 1. С. 830–832.

³¹ Там же. С. 881.

³² *Изотова К.А.* Русско-польские отношения во 2-й половине XVII века. Переговоры в Андрусово. 1674 г. (По материалам статейных списков русских послов) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2004. С. 151, 155.

³³ *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. S. 155–156, 159.

³⁴ *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Фёдора Алексеевича. Санкт-Петербург, 1888. С. 28.

³⁵ Там же. С. 29.

³⁶ ПСЗРИ. Т. 2. С. 172.

³⁷ *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 32, 38.

³⁸ *Bendza M.* Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987.

³⁹ *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 38–39.

⁴⁰ Там же. С. 69–71.

⁴¹ *Kriegseisen W.* Ewangelicy polscy i litewscy w epoce Saskiej (1696–1763). Sytuacja prawna, organizacja i stosunki międzywyznaniowe. Warszawa, 1996. S. 24–25.

⁴² *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 10.

⁴³ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 178–181, 183–198.

⁴⁴ Там же. С. 315, 352–353, 418.

⁴⁵ Там же. С. 424, 431, 451, 449, 453–454.

⁴⁶ Составлена на основе: Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. Д. 255. Л. 4–4 об.

⁴⁷ См. например: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 370–372.

⁴⁸ Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. М., 1858. С. 294.

⁴⁹ *Ковальский Н.П.* Указ. соч. С. 174–176; *Марозава С.В.* Указ. соч. С. 17–18.

⁵⁰ *Заборовский Л.В.* Указ. соч.

С.М. Фалькович
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Польская политическая эмиграция XIX века – своеобразный феномен в славянском мире

Abstract:

Falkovich S.M. *Polish political emigration of the XIX century as a unique phenomenon in the Slavic world*

Polish political emigration of the XIX century is a remarkable phenomenon in the Slavic world and generally in Europe, both by numbers and by its role in the Polish and European liberation movement. Inside the emigration the ideological and political struggle resided: the aristocratic and the democratic wings, both advocated for the restoration of the independent Poland, the first relied on European governments, and therefore tended towards the loyal position, while the latter was counting on the liberation struggle of the peoples of Europe and stepped down the path of the international revolutionary cooperation, including cooperation with the Russian revolutionary-democratic movement which fought against the autocracy.

Ключевые слова: польская политическая эмиграция, аристократическое и демократическое течение, польское национально-освободительное движение, идейно-политическая борьба, революционное сотрудничество европейских народов, русско-польский революционный союз.

В определенных исторических обстоятельствах в общественно-политической жизни народов возникает такой фактор, как политическая эмиграция. Он может играть более или менее важную роль в идеологической и политической борьбе, и это зависит как от количественного, так и от качественного показателя, то есть от масштабов эмигрантского сообщества и от его состава, определяющего его имидж и авторитет.

В этом отношении совершенно особое место в истории Европы принадлежит польской политической эмиграции конца XVIII – начала XX вв., а именно того периода, когда Польского государства не существовало, польский народ был разделен и оказался под властью трех инациональных держав. Поэтому, говоря о роли польской политической эмиграции, необходимо, в первую очередь, иметь в виду ее вклад в польское национально-освободительное движение, в непосредственную борьбу за возрождение независимой Польши и привлечение к этой борьбе внимания европейской общественности. Вместе с тем значителен был вклад польских эмигрантских мыслителей в исследование идеологических проблем, в том числе социально-экономических вопросов, в разработку программ преобразования польского общества. Существенным моментом являлась также непосредственная связь эмигрантов с Западом, с европейской культурой и общественной мыслью. Это превращало польскую эмиграцию в важное звено на пути передачи в Польшу новейших западных веяний, в носителя европейского прогресса. В свою очередь, Европа

в лице польских патриотов узнавала Польшу, получала от них представление о нуждах, чаяниях и стремлениях польского народа.

Массовый отток поляков за границу начался в самом конце XVIII в., после подавления восстания под руководством Т. Костюшко и последовавшего за этим в 1795 г. третьего, окончательного раздела Польши между соседними государствами – Россией, Австрией и Пруссией. Следующий наплыв польских эмигрантов в Европу был связан с поражением восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. Новая эмиграция, насчитывавшая до 10 тыс. человек, получила название Великой не только по причине своей численности, но и по своему влиянию и значению. После европейских революций 1848–1849 гг. состоялось новое пополнение польской эмигрантской армии. Большая ее часть сосредоточивалась во Франции. Так было с самого начала, с 90-х гг. XVIII в., когда Франция переживала бурное время после Великой Французской революции – время выдвижения и возвышения Наполеона Бонапарта и его завоевательных походов. Поляки, среди которых было немало бывших военных, активно участвовали в этих войнах, но не только профессиональные военные вступали в легионы Бонапарта. Толпы польских эмигрантов, утративших собственность на родине, оказались нищими, без профессии и постоянного заработка, без связей и какой-либо помощи. Для них служба в армии Наполеона была спасительным выходом, к тому же личная материальная заинтересованность соединялась с иными, более высокими мотивами: они верили, что Наполеон, свергая троны и перекраивая карту Европы, несет свободу народам, и гордились своей причастностью к этой великой миссии. Верили они и в то, что великий человек поможет воскресить Польское государство, и потому свою борьбу на стороне наполеоновской Франции считали патриотической борьбой за свободу и независимость родины, тем более, что врагами Наполеона были и их враги – Австрия, Пруссия, Россия.

Эта идея, родившаяся в эпоху наполеоновских походов, служила основой их своеобразного интернационализма на протяжении всего XIX в. Поляки принимали участие во всех революционных событиях, происходивших в Европе, а нередко и возглавляли вооруженную борьбу народов. Так, например, во время «Весны народов» в 1848–1849 гг. генерал Ю. Бем командовал революционной венгерской армией, а генерал Л. Мерославский руководил борьбой в Баденско-Палатинатском восстании. Демократически настроенные польские эмигранты поддерживали все предприятия европейских революционеров, направленные против держав, угнетавших Польшу. Прежде всего революционное сотрудничество осуществлялось с итальянцами и венграми, боровшимися против Австрии; союзниками польских патриотов были Дж. Гарибальди и Дж. Мадзини, с последним они тесно сотрудничали в созданном им в Лондоне Центральном комитете европейской демократии. Во время Крымской войны польские эмигранты поддержали выступившие против России союзные державы. Они пытались

вести антироссийскую пропаганду и на Балканах, среди славянских народов, ориентируя их на Турцию как потенциального противника России.

Масштабную работу в этом направлении развернул главным образом Отель Лямбер – штаб польской аристократической эмиграции, объединявшейся вокруг магнатской фамилии Чарторьских. Наличие в польской эмиграции различных партий и течений, деление ее в зависимости от идейно-политических и тактических установок являлось ее характерной чертой. Единой для всех течений была цель – независимость Польши, общими являлись и расчеты на поддержку европейского общественного мнения, а, возможно, и на непосредственную помощь Европы в осуществлении этой цели, но дальше позиции расходились. Демократическая эмиграция ориентировалась на освободительные движения европейских народов, а аристократическая партия боялась революционного характера этих движений и рассчитывала на европейские правительства. Здесь была заложена тенденция перехода к программе лоялизма, и действительно, в 60-е гг. XIX в. Отель Лямбер утвердился на позиции поддержки монархии Габсбургов, которая в это время предоставила Галиции фактическую автономию. Это была как бы позиция «отложенного спроса»: согласие на поэтапное продвижение к основной цели – возрождению независимой Польши, расчет на дальнейшие шаги Вены, которые могли бы этому способствовать. Пока же аристократический лагерь выдвигал программу «органического труда», то есть развития польской экономики и культуры во всех трех частях разделенной Польши в качестве подготовки материальной и духовной базы – фундамента будущего возрожденного Польского государства.

Водораздел между аристократической и демократической эмиграцией проходил и в сфере идеологии. Левое крыло польских патриотов делало акцент на необходимость коренных социальных преобразований для привлечения масс к национальной борьбе. В этих кругах развивались социально-утопические теории, с одной стороны, близкие теориям французских утопистов, а с другой, – взглядам русских революционных демократов. Так, гминная теория И. Лелевеля перекликалась с принципами общинного социализма А.И. Герцена. И не случайно, что именно левое, радикальное крыло польской эмиграции, стоявшее на платформе социальной революции, находилось в первых рядах сторонников заключения русско-польского революционного союза в борьбе против царизма. Такой союз был заключен, и сотрудничество русских и польских революционеров нашло наиболее яркое проявление в 60-е гг. XIX в., прежде всего, в восстании 1863–1864 гг. в Королевстве Польском.

Дальнейшая эволюция этой части польской политической эмиграции привела ее в Интернационал. Польские патриоты стали осуществлять международное революционное сотрудничество по линии борьбы рабочего класса. Знаменательно, что польские социал-демократы активно взаимодействовали с российскими и объединились с ними в одной партии. Это

случилось уже в начале XX в., накануне Первой мировой войны. Другая часть польской эмиграции пришла к этому рубежу, оказавшись в лагере одной из двух готовившихся к войне группировок. Она сделала ставку на австро-германский блок и встала к нему на службу, собирая разведданные, устраивая диверсии, формируя военные отряды.

После создания независимого Польского государства в 1918 г. политическая польская эмиграция продолжала существовать, но теперь это были уже другие люди, с иными политическими убеждениями, как, например, польские коммунисты, эмигрировавшие в Советскую Россию. Количественные параметры политической эмиграции также не шли в сравнение с теми, что имели место в XIX в. Многотысячная армия поляков, оказавшаяся тогда за пределами родины, представляла собой феномен как в славянском мире, так и в целом в европейской среде. Это было выдающееся явление по масштабам и разносторонности деятельности эмиграции, по той роли, какую она играла в польском и европейском освободительном движении, по вкладу, внесенному ею в развитие польской общественной мысли, по разветвленности ее международных контактов и завоеванному в глазах европейской общественности авторитету и уважению.

К. Штеппан
(Инсбрукский университет, Австрия)

**Символическая политика в эпоху оживления
австро-русских отношений:
императорский посол граф Франц Карл Вратислав
в России (1728–1733)**

Abstract:

Steppan Ch. *Symbolic Politic in the Age of Intensification of the Austrian-Russian Relations: the Imperial Ambassador Count Franz Carl Wartislaw in Russia (1728–1733)*

The present article deals with the strategies of symbolic communication in the Austrian-Russian relations of the early eighteenth century. It covers the period, when the ambassador count Franz Carl Wartislaw served as an envoy of the Holy Roman Emperor Charles VI at Russian Court in Moscow and St. Petersburg in the years 1728–1733. This period witnessed the intensification of the Austrian-Russian relations, which followed after the ratification of the defensive alliance of 1726. In regard to the home policy of the Russian Empire, this period was marked by the coup d'état of 1730, when after the death of tsar Peter II the new tsarina Anna Ivanovna changed the configuration of the Russian court elite. This framework provides an excellent base for an investigation of the importance of symbolic communication in cross-national relations. The article explores the communication-strategies of Charles VI and his ambassador count Wartislaw with a special attention paid to the culture of diplomatic gifts. It proves how presents – first and foremost the emperor's portraits – were frequently used to win the benevolence of potentates at Russian Court. This sophisticated strategy became of special importance around 1730, when new political figures came to power. To sum up, the culture of gifts was a constitutive part of the Holy Roman Emperor's policy towards the Russian Empire and contributed to the intensification of the Austrian-Russian relations around 1730.

Ключевые слова: начало XVIII века, русско-австрийские отношения, символические жесты, дипломатические подарки, граф Франц Карл Вратислав, посол, богемское дворянство, имперская дипломатия, Карл VI, император Священной Римской империи, Петр II, русский царь, русская царица Анна Иоанновна.

«Тем временем тебе были посланы еще три других портрета, при раздаче которых придется присматриваться к тем людям, которым царица оказывает высочайшее доверие»¹. Так в августе 1730 г. император Священной Римской империи Карл VI (1711–1740) определил стратегию сближения с доверенными лицами новой российской государыни Анны Иоанновны (1730–1740). Этот отрывок из указа императора своему посланнику в Москве графу Францу Карлу Вратиславу (род. между 1670 и 1680 гг., умер в 1750 г.) является примером того, что символические жесты были распространенным приемом в дипломатических сношениях Нового времени. Подарки, так же как присвоение званий и вручение наград, широко использовались дипломатами, чтобы сблизиться с элитой принимающего двора². Это доказывает,

что символическая политика была важным элементом в арсенале послов XVIII в. С помощью специальных жестов, выражений, наград, церемоний и других поступков, имеющих символическое значение, они могли спровоцировать конфликт или способствовать гармонизации международных отношений. Данная статья рассматривает символическую политику императора Карла VI и его посла в эпоху альянса с русским двором*.

Богемец как представитель императора Священной Римской империи в России

Подбор кадров для представительства интересов императора Священной Римской империи в России являлся сложным вопросом для имперской дипломатии раннего Нового времени. С одной стороны, основным препятствием для обмена посланниками между римско-германским императором и российским государем был языковой барьер. Если в Западной и Центральной Европе латынь повсеместно использовалась как язык межгосударственного общения, то в Московском государстве до XVII в. традиций преподавания этой «*lingua franca*» не существовало. С другой стороны, если имперская администрация не стремилась к соответствующей языковой подготовке своих посланников, то создание Посольского приказа в Москве в середине XVI в. заложило основы для активных сношений России с другими государствами. В частности, это учреждение отвечало за ведение переговоров с иноземными послами. В сложившихся обстоятельствах венский двор остро нуждался в услугах дворян, происходивших из коронных земель Габсбургской монархии, населенных славянами. Назначение славян на дипломатические должности являлось залогом конструктивного общения императорских посланников с российскими властями³.

Этот принцип нашел свое отражение и в составе дипломатической миссии рассматриваемого периода. В 20–30-е годы XVIII в. двое императорских послов в России – графы Штефан Вильгельм Кински (с 1721 по 1722 гг.)⁴ и Франц Карл Вратислав (с июня 1728 г. по февраль 1733 г.) принадлежали к богемскому (чешскому) дворянству Габсбургской монархии. Последний до приезда в Россию, в 1724–1725 гг., служил послом в Польше⁵. В биографическом лексиконе Констана Вурцбаха говорится, что во время пребывания при дворе Августа II (1709–1733) Вратислав получил почетное назначение обер-гофмейстером будущей польской королевы (скорее всего, речь идет о невестке курфюрста, Марии Йозефе) и был награжден высшим польским орденом Белого Орла⁶. Все эти обстоятельства, безусловно, не могли не учитываться при назначении его послом в Россию.

* Статья является фрагментом диссертации «Искусство дипломатии. Австрийские послы при русском дворе, 1721–1742 гг.» и основывается на материалах Государственного Архива в Вене (Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien).

Годы службы Вратислава в Москве и Санкт-Петербурге характеризовались оживлением отношений между императором и царем. Основой сближения обоих дворов стал оборонительный союз 1726 г. Альянс с Россией был для императора единственным выходом из политической изоляции по отношению к враждебному Ганноверскому блоку Англии, Франции и Пруссии. В этих обстоятельствах Карл VI и его советники даже отказались от спора о титуловании, вызвавшего замораживание отношений между Венной и Петербургом, после того как Петр I (1682–1725) принял в 1721 г. звание «императора всероссийского». Конфликт оставался неразрешенным вплоть до подтверждения титула в 1746 г. Марией Терезией (1740–1780) и выражался преимущественно в церемониальных спорах между двумя императорами и их посланниками. Несмотря на это, обе стороны объединились в июле 1726 г. и гарантировали друг другу военную помощь в случае агрессии третьих стран, а также договорились проводить совместную политику относительно Польши и Турции⁷. До первой проверки партнерства в ходе борьбы за польский престол в 1733 г. межгосударственные связи характеризовались гармонией. Потом отношения между Венной и Петербургом постепенно охладели: совместные военные операции в ходе Войны за польское наследство (1733–1735) и борьба против Османской империи (1737–1739) вскрыли противоречия в политических интересах обоих государей⁸. Несмотря на эти «перепады настроения», альянс между Австрией и Россией являлся важным фактором в международной системе той эпохи⁹.

В целом австро-русские отношения оставались гармоничными, но не могли при этом не испытывать влияния бурных событий во внутренней политике России. Так, граф Вратислав оказался свидетелем государственного переворота, когда после неожиданной смерти Петра II (1727–1730) в январе 1730 г. и неудачных попыток ограничить власть новой государыни Анны Иоанновны (1730–1740) со стороны фаворитов покойного царя, она сосредоточила в своих руках всю полноту государственной власти¹⁰. Переворот, естественно, привел к смене ключевых политических фигур при русском дворе. Это обстоятельство крайне важно при рассмотрении донесений Вратислава из России. По этой причине в нижеследующем анализе символической политики посла основное внимание уделяется обращению со «старыми» и «новыми» царедворцами.

Символическая политика императорского посла при дворе Петра II

Прежде всего следует отметить, что Карла VI с Петром II связывали узы родства. Супруга Карла VI – императрица Елизавета Кристина (1691–1750) – и мать царя – Шарлотта Кристина София (1694–1715) – были сестрами и происходили из Брауншвейг-Вольфенбютельского дома¹¹. Иными словами, Карл VI доводился Петру II дядей. Отношения между государями характеризовались естественной доброжелательностью. Император проявлял интерес

к воспитанию юного монарха, что отразилось в указе Вратиславу от апреля 1729 г., где тому поручалось сблизиться с царем и по возможности воздействовать на формирование личности племянника¹². Свидетельством добрых отношений между суверенами являлась их личная переписка. Воспитатель Петра II вице-канцлер Андрей Иванович Остерман (1686–1747) считал ее важным средством выражения лояльности молодого государя к Карлу VI¹³.

В своем стремлении сблизиться с царем Вратислав точно следовал предписаниям императора. Чтобы заручиться доверием Петра II, ему предстояло выиграть благорасположение членов ближайшего окружения молодого царя. Одним из них был юный князь Иван Долгорукий (1708–1739), ставший фаворитом монарха после его вступления на престол в 1727 г. Так начался кратковременный взлет клана Долгоруких. Отец фаворита, князь Алексей Григорьевич, прекрасно умел использовать личные связи сына в интересах всей семьи. Он даже устроил обручение монарха со своей дочерью Екатериной Алексеевной в ноябре 1729 г. Четверо Долгоруких заседали в Верховном тайном совете. Фаворит Иван Долгорукий поощрял интерес юного царя к придворным развлечениям¹⁴. Все эти обстоятельства важны при рассмотрении взаимоотношений Вратислава с монархом и его ближайшим окружением.

Летом 1729 г. посол постарался сблизиться с Петром и Долгорукими во время царских охот. Об этой стратегии упоминается в донесении императору в июле 1729 г. В частности, Вратислав докладывал о предстоящей охоте по приглашению князя Долгорукого: *«Так на этот день постараюсь засвидетельствовать Его Величеству свое почтение..., чтобы еще больше укрепить столь старательно снисканное личное доверие»*¹⁵. Он также выражал надежду, что монарх, возможно, пожелает обратиться к нему с некоторыми словами на немецком языке¹⁶. Более поздние донесения о совместных охотах показывают, что Вратислав в ходе этих летних увеселений постепенно добился расположения царя и фаворитов¹⁷. В ноябре 1729 г. он гордо сообщал императору о том, что Его Величество *«наконец-то соизволил говорить со мной по-немецки и, вполне хорошо и четко выражаясь, не только выказал мне милость, но и ясно поручил передать свой высочайший поклон [подчеркнуто в оригинале – К.Ш.] Его Императорскому Величеству и Ее Величеству Императрице»*¹⁸. Персональное обращение к посланнику на его родном языке со всей очевидностью являлось знаком уважения и доверия со стороны царя. Данный отрывок показывает, что подобные жесты сознательно использовались для сближения с политическими фигурами.

Дипломатические подарки еще яснее показывают значение символической коммуникации в международном дискурсе. В данном случае тактика Вратислава опять была тесно связана с охотой. Посол с начала 1729 г. неоднократно обращался и к своему императору, и к верховному канцлеру графу Филиппу Людвигу Венцелю Зинцендорфу (1671–1742) с необычной просьбой. Зная о царском пристрастии к охоте, он просил канцлера о доставке 50 охотничьих собак в качестве подарка российскому государю.

Вратислав ссылался на слова князя Долгорукого, «*который при этом пользуется выражением, что его государю тем самым оказали высочайшую любезность, как если подарили бы ему половину королевства*»¹⁹. Он даже предлагал отобрать собак из своей усадьбы в Богемии, чтобы только ускорить привоз животных²⁰. Карл VI немедленно дал свое согласие и поручил сделать все, чтобы собак доставили в кратчайшие сроки²¹. О важности подарка свидетельствует то, что Вратислав позволял себе неоднократно напоминать императору об отправке собак и сообщал о частых вопросах со стороны русских представителей, когда же животных привезут в Россию²². К сожалению, в январе 1730 г., еще до того как собаки были доставлены к русскому двору, царь в возрасте 14 лет скончался.

Архивные материалы не умалчивают и о влиянии других подарков императора на взаимоотношения держав. Например, Карл VI подарил царю дорогие парадные экипажи, на которых Петр II выезжал в дни праздничных церемоний. Употребление экипажей было темой в разговорах влиятельных царедворцев. В дни торжеств по случаю именин русского монарха барон Остерман упомянул Вратиславу, что «*государь использовал в этот день один из этих красивых императорских подарков-экипажей*»²³. В другой раз Остерман показал упомянутые экипажи турецкому послу, чтобы обратить его внимание на тесную дружбу между императором и царем²⁴. Этот пример иллюстрирует, что дипломатические подарки служили для современников отражением характера межгосударственных отношений.

Императорские подарки фаворитам русского царя также свидетельствуют о роли символической коммуникации в австро-русских связях. В январе 1729 г. Вратислав докладывал императору о разговоре с А.Г. Долгоруким, в котором князь намекал: «*как кстати бы ему был подобный знак высочайшей милости Вашего Императорского Величества, который другие члены Верховного Совета (таковым его теперь тоже назначали) ранее получили в форме щедро украшенных императорских портретов*»²⁵. При европейских дворах XVIII в. портреты монарха являлись распространенной формой подарка для иностранных послов и министров. Их использовали не только в качестве прощального дара иностранным дипломатам, но и как средство сближения с высокопоставленными лицами другого двора²⁶. Это обстоятельство нашло отражение в переписке Вратислава с императором.

Относительно портретов ему пришлось неоднократно напоминать Карлу VI о важности вручения подарков²⁷. До окончательного решения императора относительно этой просьбы Вратислав передавал Долгоруким другие подарки, чтобы упрочить симпатии фаворитов к своему государю и себе самому. В мае 1729 г. он сообщил Карлу VI о передаче целой упряжки парадных лошадей фельдмаршалу Василию Владимировичу Долгорукому. Послу удалось достичь своей цели. Князь Алексей Григорьевич ответил на этот дар приглашением Вратислава на совместную охоту с царем²⁸. Несмотря на это, Карл VI затягивал решение о портретах до того момента, когда

узнал об обручении царя с Екатериной Долгорукой. Тогда он, прежде выступавший против женитьбы племянника на княгине, поменял стратегию в отношении этого семейства²⁹. Вместе с портретами он выслал Вратиславу указ, где предписал послу *«склонить семью Долгоруких на нашу высочайшую сторону, но в то же время направить дело по возможности в такое русло, чтобы они не предприняли ничего неприятного против Остермана. Да будет в этом случае портрет подарен им»*³⁰.

Однако императорские подарки так и не дошли до адресатов, потому что Петр II умер через несколько дней после отправки портретов из Вены. Это не могло не сказаться на последующих поступках Вратислава. Как говорилось выше, неудача переворота, затеянного Долгорукими, и укрепление неограниченной власти Анны Иоанновны привели к смене политической элиты при русском дворе. По этой причине упомянутые портреты вскоре оказались у новых влиятельных получателей.

Переворот 1730 г.: историографический миф и исторические факты

Дворцовый переворот 1730 г. способствовал возвышению новых фаворитов при русском дворе. Анна Иоанновна опиралась и на старых, и на новых советников, среди которых «немцы» добились особенно большого влияния на политику и даже личную жизнь государыни. Традиционная русская историография характеризовала царствование Анны Иоанновны словами «иностранный господство» и «мрачное время», связывала с ним разгул коррупции и государственного террора. Широкое распространение получил термин «биронщина», использовавшийся как уничижительный вплоть до конца XX в. и обозначающий время могущества обер-камергера Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772) и его «соотечественников» – вице-канцлера А.И. Остермана и фельдмаршала Буркхарта Христофора Миниха (1683–1767). Однако, как показывают новейшие исследования, преобладание немцев при русском дворе оказывается мнимым при подробном рассмотрении соотношения сил.

Как известно, после ликвидации Верховного тайного совета в марте 1730 г. самодержица восстановила высшее государственное учреждение – Сенат, состоявший исключительно из этнических русских (за исключением А.И. Остермана). Кабинет министров как назначенный орган Сената опирался на двух русских представителей – Алексея Михайловича Черкасского (1680–1742) и Гавриила Ивановича Головкина (1660–1734) – и одного немца, Остермана. Ряд других немцев действительно принимал участие в государственных делах: например, вышеупомянутый генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии Б.Х. Миних, обер-гофмаршал Рейнгольд Густав Левенвольде (1693–1758) и его брат, командир Измайловского гвардейского полка и обер-штальмейстер Карл Густав Левенвольде (†1735). В то же время очень влиятельным лицом среди приближенных императрицы был Андрей Иванович Ушаков (1672–1747) – начальник Тайной канцелярии

государыни. Эти примеры доказывают этническую пестроту политической элиты при Анне Иоанновне. Кроме того, «немцы» не являлись специфическим явлением анненской эпохи. Едва ли не все упомянутые иностранцы служили в России уже при Петре I. Поэтому миф о «немецкой дворцовой партии» был следствием рассмотрения истории XVIII в. сквозь призму национального нарратива века XIX³¹.

Впрочем, один из этих «иноземцев» все-таки имел особенно большое влияние на императрицу. Как и братья Левенвольде, он служил бывшей курляндской герцогине еще в Митаве (совр. Елгава в Латвии), где стал не только камер-юнкером, но и возлюбленным Анны Иоанновны. Речь, конечно, идет об Эрнсте Иоганне Бироне, совершившем в анненскую эпоху головокружительную карьеру: назначение обер-камергером и дарование титула графа Священной Римской империи в 1730 г., возведение в сан герцога Курляндии в 1737 г. Некоторые современники говорили даже о безусловной зависимости Анны от ее фаворита. Но, несмотря на интимность отношений государыни со своим обер-камергером, взлет Бирона свидетельствует о его политическом весе при русском дворе³².

Императорский посол Вратислав и политическая элита эпохи Анны Иоанновны

Смена политической элиты с воцарением на российском престоле Анны Иоанновны нашла свое отражение и в донесениях Ф.К. Вратислава. Прежде всего, императорский посол пытался с помощью подарков и наград заручиться доверием обер-камергера Э.И. Бирона. Можно сказать, что дворцовый переворот 1730 г. и последующая смена ближайшего окружения императрицы привели к «наводнению» русского двора императорскими портретами. Это означало, что германский император и его посол опять использовали подарки как средство сближения с новыми царедворцами. Рамки данной статьи не позволяют подробнее рассмотреть символическую дипломатию Вратислава во всей полноте, поэтому основное внимание будет уделено подаркам-портретам, иллюстрирующим связь между символической политикой императорского посла и внутриполитической обстановкой в России.

Нестабильность переходного периода после смерти Петра II и до приобретения безграничной власти Анной Иоанновной отражена и в переписке Вратислава с императором о раздаче портретов. В феврале 1730 г. посол напомнил государю о том, что Долгорукие, с одной стороны, потеряли свое господствующее положение, но, с другой стороны, пока сохранили места в Верховном тайном совете. По этой причине Вратислав советовал императору подарить каждому из верховников (и Долгоруким, и Дмитрию Михайловичу Голицыну) по одному портрету в знак императорской милости³³. Карл VI думал сходным образом. Уже через две недели после отправления доклада Вратислава из Москвы император выслал ему еще три портрета,

сопроводив посылку следующими рассуждениями: во-первых, следовало сблизиться с Голицыным, а во-вторых, не забыть и о Долгоруких, чтобы не дать им повода почувствовать очевидное ослабление императорского расположения³⁴. Однако обстановка в России менялась стремительно.

Как говорилось выше, Анна Иоанновна ликвидировала Верховный тайный совет в марте 1730 г., а вслед за тем отстранила от власти Долгоруких³⁵. В этой ситуации Вратислав был вынужден изменить свой политический курс. В июне того же года он сообщил императору о том, что *«не смог долгие тянуть и медлить с тем, чтобы предлагать нынешнему обер-камергеру фон Бирону... портрет Вашего Императорского Величества с некоторыми щедрыми украшениями и вместе с этим извещение о том, что Ваше Императорское Величество произведет его в графы Священной Римской империи»*³⁶. Несколько дней спустя посол уже излагал императору, к каким дипломатическим последствиям это привело. Согласно Вратиславу, Анна Иоанновна, которая лично в торжественной обстановке передала императорский портрет своему обер-камергеру³⁷, одобрила сей поступок как необходимое средство для сохранения добрых отношений между обоими дворами³⁸. И это действительно явилось важным шагом в сторону сближения посла с новым фаворитом. Отношение к Бирону неоднократно упоминалось в донесениях Вратислава вплоть до конца его пребывания при русском дворе. В течение 1731 г. посол ежемесячно напоминал императору о доставке графского диплома для Бирона. В соответствии с докладами Вратислава, отсутствие диплома приводило к жалобам со стороны русского двора и осложнениям в отношениях с обер-камергером³⁹.

В течение последующих месяцев император и его посол постарались заручиться благосклонностью других влиятельных лиц русского двора. В июле 1730 г. Карл VI выслал Вратиславу дальнейшие указания относительно раздачи портретов, которые находились по дороге в Москву. В том числе он предлагал наградить портретом князя Черкасского⁴⁰. Но в этот раз посланник поступал опрометчиво. Без соответствующего предписания он заказал императорский портрет стоимостью 8200 руб. одному московскому художнику, чтобы таким образом ускорить вручение подарка Черкасскому⁴¹. Этот самовольный поступок вызвал порицание со стороны императора⁴². И все-таки желаемый результат был достигнут. Вратислав, который считал подарок дружественным жестом в адрес исконно русской аристократии⁴³, подчеркнул в отчете о передаче портрета, что Черкасский обрадовался этой награде. Кроме того, посол выразил надежду, что дар вызвал у министра благожелательное расположение⁴⁴.

Дипломатическая переписка рассматриваемой эпохи содержит большое число отрывков, которые доказывают влияние символической политики на международные отношения. Традиционная историография рассматривала эти части посольских докладов как мелочи на фоне масштабных политических

событий. Новый взгляд на классические источники европейской и мировой истории вскрывает важные аспекты дипломатии, как, например, коммуникационные стратегии посланников, имевшие серьезные последствия для международных отношений. В данной статье было рассмотрено влияние таких жестов на австро-русские связи в период сближения двух дворов.

Перевод О. Хавановой.

Примечания

¹ Haus-, Hof und Staatsarchiv, Wien (далее – HHStA). Staatenabteilung (далее – StAb). Russland II (далее – RU II). Karton 116 (далее – Kt.). Weisungen 1730.I–IX. Fol. 29^r Указ императора Карла VI графу Ф.К. Вратиславу, 5.VIII.1730.

² См.: *Duchhardt H.* Das diplomatische Abschiedsgeschenk // Archiv für Kulturgeschichte. 1975. Bd. 57. S. 346–347.

³ См.: *Leitsch W.* Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 200 Jahre Russisches Außenministerium. 2003. Bd. 50. S. 65–66.

⁴ С 1721 по 1722 г. граф Штефан Вильгельм Кински находился при русском дворе с миссией подготовки союзного договора с Россией. Однако переговоры зашли в тупик из-за противоречий между Веной и Петербургом по поводу титулования царя. См.: *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 6 / Hrsg. von H. Koch. München, 1958. S. 43.; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 83–85.

⁵ См.: *Matsch E.* Geschichte des auswärtigen Dienstes von Österreich(-Ungarn) 1720–1920, Wien; Köln; Graz, 1980. S. 119–122; *Hausmann F.* Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Zürich, 1950. II. Band. 1716–1763. S. 75–78.

⁶ См.: *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich. Wien, 1889. Bd. 57. S. 166–167.

⁷ См.: *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik... S. 33–91; *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С. 82–104.

⁸ См.: *Герье В.И.* Борьба за польский престол. М., 1862, С. 385.; *Köster M.* Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18. Jahrhundert. Wien, 1986. S. 70–71.; *Roider K.A.* The Reluctant Ally. Austria's Policy in the Austro-Turkish War, 1737–1739. Baton Rouge, 1972. P. 32–93.; *Strobl W.* Österreich und der polnische Thron, 1733. Wien, 1950. S. 143–149.

⁹ *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Russlandpolitik... S. 33–35, 91.

¹⁰ *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2002. С. 7–49.; *Handbuch der Geschichte Russlands* / Hrsg. von K. Zernack. Stuttgart, 1986. Bd. 2. Teil I. 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. S. 456–461.

¹¹ *Europäische Stammtafeln. Neue Folge* / Hrsg. von D. Schwennicke. Marburg 1980. Bd. I. Die Deutschen Staaten. Tafel 64.

¹² HHStA. StAb. RU II. Kt. 115. Weisungen 1729. Fol. 83^r. Указ императора Карла VI Ф.К. Вратиславу, 13.IV.1729 г.

¹³ Ibid. Kt. 5. Berichte, 1729.I–1730.III. Fol. 124^r–124^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 19.IX.1729 г.

¹⁴ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 13–21; *Handbuch der Geschichte Russlands*. S. 455–456.

¹⁵ HHStA. StAb. RU II. Kt. 5. Berichte 1729.I–1730.III. Fol. 51^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 25.VII.1729 г.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. Fol. 56^r–57^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 1.VIII.1729 г.; Fol. 69^r–71^v. Донесение К.Ф. Вратислава Карлу VI, 15.VIII.1729 г.; Fol. 117^r–118^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 19.IX.1729 г.

¹⁸ Ibid. Fol. 173^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 24.XI.1729 г.

¹⁹ Ibid. Fol. 51^r. Донесение Ф.К. Вратислава Ф.Л.В. Зинцендорфу, 10.II.1729 г.

²⁰ Ibidem.

- ²¹ Ibid. Kt. 115. Weisungen 1729. Fol. 83^r. Указ Карла VI Ф.К. Вратиславу, 13.IV.1729 г.
- ²² Ibid. Kt. 5. Berichte 1729.I–1730.III. Fol. 93^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 25.VII.1729 г.; Fol. 124^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 19.IX.1729 г.
- ²³ Ibid. Fol. 27^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 11.VII.1729 г.
- ²⁴ Ibid. Fol. 89^r–89^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 4.IX.1729 г.
- ²⁵ Ibid. Fol. 8^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 13.I.1729 г.
- ²⁶ *Duchhardt H.* Op. cit. S. 349–352.
- ²⁷ HHStA. StAb. RU II. Kt. 5. Berichte 1729.I–1730.III. Fol. 38^r–38^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 18.VII. 1729.; Fol. 124^r–124^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 19.IX.1729 г.
- ²⁸ Ibid. Fol. 91^v–92^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 26.V.1729.
- ²⁹ Ibid. Kt. 115. Weisungen 1729. Fol. 164^r–165^r. Указ императора Карла VI Ф.К. Вратиславу, 27.V.1729 г.
- ³⁰ Ibid. Kt. 116. Weisungen 1730. I–IX. Fol. 21^v. Указ императора Карла VI Ф.К. Вратиславу, 7.I.1730 г.
- ³¹ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 107–179; *Curtiss M.* A Forgotten Empress. Anna Ivanovna and Her Era, 1730–1740. New York, 1974. P. 72–90; *Handbuch der Geschichte Russlands...* S. 463–475.
- ³² *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 107–139; *Curtiss M.* Op. cit. P. 81–84.
- ³³ HHStA. StAb. RU II. Kt. 5. Berichte 1729.I–1730.III. Fol. 99^r–99^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 13.II.1730 г.
- ³⁴ Ibid. Kt. 116. Weisungen 1730.I–IX. Fol. 80^v. Указ императора Карла VI Ф.К. Вратиславу, 28.II.1730 г.
- ³⁵ Долгорукие были высланы в Березов после коронации Анны Иоанновны в мае 1730 г.
- ³⁶ HHStA. StAb. RU II. Kt. 6. Berichte 1730.IV–XII. Fol. 240^r–240^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI. 22.VI.1730 г.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibid. Fol. 244^r–244^v.
- ³⁹ См. например: Ibid. Kt. 7. Berichte 1731. Fol. 268^r–268^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 07.V.1731 г.; Fol. 362^v–363^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 07.V.1731 г.
- ⁴⁰ Ibid. Kt. 116. Weisungen 1730.I–IX. Fol. 283^r. Указ императора Карла VI Ф.К. Вратиславу, 2.VII.1730 г.
- ⁴¹ Ibid. Kt. 6. Berichte 1730.IV–XII. Fol. 274^r–275^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 22.VII.1730 г.
- ⁴² Ibid. Kt. 116. Weisungen 1730.I–IX. Fol. 223^v. Указ императора Карла VI Ф.К. Вратиславу, 16.IX.1730 г.
- ⁴³ Ibid. Kt. 6. Berichte 1730.IV–XII. Fol. 241^r–241^v. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 22.VI.1730 г.
- ⁴⁴ Ibid. Fol. 301^r–302^r. Донесение Ф.К. Вратислава Карлу VI, 24.VII.1730 г.

Р.Л. Раденков
(Болгария)

Мотивы России в войнах с Османской империей

Abstract:

Radenkov Radoslaw L. *The Russian motives in the wars with the Ottoman Empire*

The article shows a comprehensive analysis of the motivations of Russia to wage wars with the Ottoman Empire. It is of interest to historians dealing with Russia's policy in the Balkans.

Ключевые слова: войны, Россия, Турция, славяне, болгары, религия, политика, комитеты, освобождение.

В период с 1676 по 1878 гг. между Российской и Османской империями велось десять войн. Третью часть военных действий половины из них являлись земли северо-восточной Болгарии, земли, с которых она «начиналась». Здесь покоятся кости десятков тысяч российских солдат, а десятки тысяч болгар были вынуждены переселиться с родной земли и рассеяться в Бессарабии, Крыму, по всей Новороссии.

Для нас, проживающих в Шумене потомков участников тех событий, особенно важно знать и помнить их такими, какими они были на самом деле, а не по поблекшим школьным воспоминаниям или по внушениям «ура-патриотов» в националистических газетах и интернет-форумах. Не тайна, что отношения между Болгарией и Россией переживают сейчас не лучшие времена. Периоды охлаждения бывали и раньше, первый – почти непосредственно после Воссоединения Болгарии в 1885 г., когда дипломатические отношения наших стран были разорваны на 10 лет. Причины хорошо известны историкам, но в массовом сознании господствуют упрощенные и иногда весьма далекие от исторической истины объяснения. Потому что факты со временем бледнеют, а критерии и позиции, с которых они оцениваются, меняются.

Далее попытаемся обобщить мотивы России в войнах с Османской империей. С большой долей условности мы разделяем их на мотивы религиозные, политические и мотив славянской солидарности.

Религиозные мотивы присутствуют во всех войнах между Российской и Османской империей, независимо от того, что ни одна из них не является сугубо религиозной, наподобие крестоносных. И это закономерно, поскольку в те времена религиозное мировоззрение является универсальным. В России на него дополнительно накладывается идея об ее особой миссии хранительницы и спасительницы православия. Эта идея находит развернутое выражение в религиозно-политической теории «Москва – Третий Рим», которая идеологически обосновывает объединение многочисленных русских княжеств в одно Московское царство, а впоследствии формирует и его государственную и общественную идеологию. В той или другой форме она присутствует в мотивах российской политики на протяжении веков и поэтому представляет особый интерес.

Напомним, что в конце XIV в., когда раздробленные на отдельные феодальные владения балканские государства одно за другим теряют свою независимость, в русских княжествах начинаются объединительные процессы и централизация власти. Объединение происходит типичным для той эпохи силовым путем – присоединением более слабых более могущественными княжествами, среди которых особо выделяется Московское. Возникает потребность в общей идеологии, которая бы консолидировала формирующееся государство. Такую идеологию предлагает христианская религия, в которой хорошо развито учение о государстве.

Идея об империи как о едином государстве, объединяющем весь христианский мир, возникает еще в древнем Риме. Его величие, его огромная территория и высокая культура порождают у современников убеждение, что созданный римский порядок совершенен и непоколебим. Империя в общественном сознании выглядит воплощением Божьего царства, лучшей моделью организации государства, при которой владетель поддерживает мир и спокойствие в христианских странах, охраняет и заботится о процветании церкви и организует защиту от внешней опасности. Рождение Церкви и превращение Рима в империю происходят практически одновременно, мистическим образом указывая на их единство¹. Христианство становится государственной религией только при последнем императоре единой Римской империи (Феодосии I), но представление о неделимости христианства и империи укоренено уже до такой степени, что после ее распада преемница принимает самоназвание Ромейская*, ее подданные называют себя ромеями (т.е. римлянами), а новую столицу – Новым Римом. Правда, не все христиане единодушны по вопросу о «Новом Риме» – в Западной Европе наследниками духовной и светской власти Римской империи видят папу и императора возникшей позже Священной Римской империи. Два основных течения в христианстве взаимно не признают друг друга, каждое исключает право существования другого. Отсюда исходит политический и церковный раскол и противопоставление православного Востока и католического Запада.

На протяжении многих веков Россия считает себя покорной дочерью константинопольского патриарха, а в византийском императоре видит верховного гаранта общественного порядка. Для нее «Новый Рим», называемый славянами Царьградом, является бесспорной столицей православной христианской империи вплоть до 1439 г., когда заключение Флорентийской унии с папой основательно расшатывает его авторитет. На тот момент Византия почти полностью покорена османами, Константинополь является небольшим островом среди их владений. В тех обстоятельствах византийский император заключает с папой унию, признавая верховную духовную власть последнего над всеми христианами взамен обещания организовать крестовый поход против завоевателей**. Уния заключается на очередном Вселенском церковном соборе

* Византийской ее назовут на Западе гораздо позже.

** Обещанный папой Евгением IV крестовый поход действительно был организован. Под предводительством польского короля Владислава III Ягелло (Варненчика) и трансильванского

во Флоренции и поддерживается византийским духовенством. Московская Русь воспринимает унию как предательство в отношении православия. Взятие османами Константинополя в 1453 г. было истолковано как Божье наказание за предательство веры византийским духовенством.

В 1524 г. псковский монах Филофей отправляет великому московскому князю Василию Иоанновичу послание, в котором есть такие строки: «Сие же ныне Третьего нового Рима державного твоего царствия... И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианской веры снисдошася в твое царство. Един ты во всей поднебесной Христианам царь. Не преступай царю, заповеди еже положиша твоя прадеды: великий Константин и блаженный Владимир и великий богоизбранный Ярослав и прочии блаженнии святии, их же корень и до тебе... блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снисдошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...». Это классическая формулировка концепции «Москва – Третий Рим». Некоторые исследователи указывают на то, что идея о «Третьем Риме» не нова – за полтора века до этого в болгарском переводе «Летописи» К. Манассия был добавлен панегирик царю Ивану Александру и его столице Тырново, «новому Царьграду», который в отличие от Рима «стоит и растет, крепится и омлаждается»². Широкая известность достижений Тырновской книжной школы и авторитет многих ее представителей в русских землях (митрополитов Киприана, Григория Цамблака) обеспечили проникновение в них этой идеи. Филофей развивает ее, разрабатывая подробно вопрос о значении сильной царской власти для всей русской земли, выводит родословную русских князей от византийских императоров. Его основная мысль – московские владетели являются наследниками христианско-православной Византийской империи. Целая череда событий – освобождение от татарского ига, объединение множества княжеств в Московское государство, женитьба Великого князя Ивана III на Софии Палеолог, племяннице и наследнице последнего византийского императора, завоевание Казанского и Астраханского ханств – все это доказывало право Москвы на роль «Третьего Рима». Закономерно последовало принятие московскими князьями царского титула и византийского герба и также учреждение собственной патриархии.

Мессианская роль Московской Руси, т.е. ее роль последней опоры и спасителя православных, постепенно принимается народом как определенная ей Богом судьба, и это убеждение закладывается глубоко в национальной идеологии. Новое положение порождает и новые обязанности. Самодержавная, автокефальная Московская Русь, единственное независимое православное государство, обязана защищать истинную веру, православных христиан

воеводы Яна Хуньяди на пути к Константинополю в 1444 г. крестоносцы овладевают и разрушают ряд османских крепостей в покоренной Болгарии, в том числе и Шуменскую, но возле Варны они терпят сокрушительное поражение от султана Мурада II.

и бороться с ее врагами. Этот тезис многократно внушается и константинопольскими патриархами, и южнославянскими книжниками, придавшими ему политический характер. Большой вклад в его политизацию вносит и Западная Европа. После падения Константинополя османская экспансия направляется на Запад. Европе нужны союзники для нового крестового похода. В XV–XVI вв. эмиссары папы и императора Священной Римской империи постоянно подталкивают Москву к овладению Константинополем и короной василевсов, напоминают об ее великом назначении в роли новой Византии.

Религиозные мотивы влетают в политическую и общественную жизнь России и определяют множество важных политических решений, особенно в XIX в.

Взгляды историков на **политические мотивы** России в войнах сильно политизированы и варьируются в очень широких границах: их определяют от чисто завоевательных до абсолютно бескорыстных. Непредвзятый взгляд показывает, что имели место различные, нередко – переплетающиеся мотивы.

Два века оба государства живут без войн. Почти до конца XVII века политика «Третьего Рима», т.е. Москвы, вдохновляется вовсе не мыслью об ее мессианской роли и о византийском наследии. Ее цель – укрепить русское национальное государство и она «жестко, часто – жестоко» следует этой линии. В борьбе с непокорными князьями временным союзником Ивана III является даже крымский хан. Крымское ханство, которое в 1475 г. становится вассалом Османской империи, является возможно наиболее ненадежным и неудобным соседом. Разбойные нападения с сожжением городов и угоном их жителей являются его государственной политикой. Московское княжество регулярно платит ханам «подарки», т.е. скрытую дань, чтобы предотвратить набеги. Подарки принимаются, набеги продолжаются. Только в первой половине XVII в. было угнано и продано на восточных рынках в рабство около 200 000 человек. В целях защиты княжеская (позже и царская) власть поддерживают Засечную черту – стену из заваленных деревьев. А к югу от нее пустыют плодороднейшие земли Дикого Поля. Эти земли манили землепашца, будущее сельского хозяйства было связано с плодородным югом, и ничто не могло помешать освоению последнего³. Таким образом, интересы как верхов, так и низов совпадают, стратегические соображения сливаются с экономическими. Присоединение южных земель и Черноморского побережья становится национальной задачей. Столкновение с Крымским ханством означает неизбежную войну и с его сюзереном.

Едва окрепшее молодое Московское государство ведет в период 1676–1739 гг. четыре войны с Османской империей. Их результаты не блестящи, а Прутский поход Петра I к Дунаю (1711 г.) – вообще катастрофа. Целью похода первый российский император объявляет освобождение православных христиан, откликаясь на призывы о помощи со стороны валахского и молдавского господарей. Несмотря на неуспех, Прутская эпопея играет важную роль, послужив началом ряда походов русской армии

на Балканский полуостров. При Петре I широко открываются и пути для переселения южных славян в Россию.

Полвека спустя Екатерина II ставит перед собой задачу выхода и укрепления России на Черном море. Огромную роль для ее решения имеет пятая, длительная и крайне изнурительная война 1768–1774 гг. К концу ее военные действия впервые переносятся к югу от Дуная. Победа Суворова у деревни Козлуджа (ныне г. Суворово), блокирование войск в Шуменской крепости и ряд других побед приводят к подписанию в Кючук-Кайнарджи (недалеко от г. Силистра) мирного договора с далеко идущими последствиями. Он позволяет России окончательно утвердиться на северном побережье Черного моря и ликвидировать зависимость Крымского ханства от султана, а позже и присоединить Крым и Кубань. Российский флот получает право беспрепятственного плавания в Черном море и прохождения через Проливы. В договоре содержится знаменитая статья седьмая, предоставляющая право российским консулам отправлять ходатайства в пользу православной церкви, а также обязательство султана относиться к ним с полным уважением. На этой, скромной с виду, формуле основывается влияние России на Балканах вплоть до Крымской войны. Следует иметь в виду, что система угнетения в Османской империи основывается не на этническом, а на религиозном принципе и местные жители Балкан являются бесправным стадом (райя) не из-за своего болгарского, сербского или греческого происхождения, а потому что они «гяуры» («неверные»). Поскольку османская власть все-таки официально признает религию «неверных», седьмая статья договора предоставляет российской дипломатии приемлемую для Порты форму вмешательства в ее внутренние дела.

В конце XVIII в. Черное море уже не является «внутренним озером» Османской империи, но без гарантированного выхода в Средиземное море это мало что значит. Защита возможных территориальных приобретений на Балканах перед другими европейскими силами становится весьма проблематичной для России, и в этой связи была воспринята стратегия расчленения враждебного соседа, с восстановлением ранее существовавших государств. Примером этой стратегии является пресловутый «Греческий проект» Екатерины II. Готовясь к очередной войне с Портой в 1782 г., российская императрица заключает союз с Австрией на следующих условиях: из Молдавии, Валахии и Бессарабии создается буферное независимое государство Дакия, в Европейской части Османской империи восстанавливается Византийская империя во главе с ее внуком Константином Павловичем, Сербия и Босния передаются Австрии. Оставшийся без последствий, проект позволяет судить о приоритетах балканской политики Екатерины II: она не возражает против поглощения славянских земель ее западным союзником; при весьма причудливом перекраивании карты южной Европы интересы местных славян не берутся в расчет.

В 1787–1792 гг. Высокая Порта пытается взять реванш за неудачную войну и произвести пересмотр Кючук-Кайнарджийского договора. Победы

Суворова при Рымнике и Измаиле и разгром адмиралом Ушаковым османского флота при мысе Калиакра приводят к подписанию Яесского мирного договора, который подтверждает прежние условия.

Последовавший поворот в отношениях между двумя империями напоминает, что в политике нет вечных врагов. Оккупация Ионических островов и Мальты Наполеоном угрожает не только османским, но и российским интересам на Балканах, и в 1799 г. адмирал Ушаков во главе союзного российско-османского флота выталкивает французов с островов и становится кавалером высшей награды Османской империи, невзирая на то, что восемь лет тому назад он нанес поражение ее флоту.

Логика событий становится понятней, если рассматривать их в контексте т.н. Восточного вопроса. Этим термином обозначают обширный комплекс проблем XVIII–XIX вв., связанных с процессами углубляющегося упадка Османской империи, с успехами освободительного движения подвластных ей народов, а также с острым соперничеством крупнейших европейских государств в борьбе за ее «наследство». Цель России – добиться контроля над Константинополем и Проливами (Босфор и Дарданеллы) – ставит ее в ряд главных участников этой борьбы. Балканские народы являются ее естественным союзником в силу исторически сложившихся обстоятельств: они являются или славянскими, или исповедуют православие, что создает мощное идеологическое обоснование усилиям России – на передний план выводится идея борьбы родственных или единоверных с ней народов против своих угнетателей. Остальные великие державы усматривают в нарастающем могуществе Российской империи угрозу для своих интересов и встречают враждебно каждый ее успех на Балканах. Османская империя является для них союзником в борьбе против общего противника и огромным рынком для их промышленных товаров. Интересы балканских народов ими в расчет не принимаются.

В 1804 г. вспыхивает Первое сербское восстание. Россия оказывает финансовую, дипломатическую и военную помощь сербам, а в 1806 г. начинается очередная русско-турецкая война. Бухарестский мирный договор, заключенный в 1812 г., подтверждает автономию Дунайских княжеств, Сербии обещана внутренняя автономия.

В 1821 г. и в Греции вспыхивает восстание, переросшее в национально-освободительную революцию. Александр I вместе с другими европейскими монархами осуждает восстание. Инициатор создания в 1815 г. Священного союза, призванного поддерживать существующий порядок и законные правительства, не желает поддержать действия, направленные против Османской династии, правившей на протяжении почти пяти веков. Религиозное влияние Византии в России, однако, имеет очень глубокие корни, слишком знакомо ее культурное наследие, слишком серьезно влияние греческой революционной организации Филики этерия (Общество друзей), имеющей в России много отделений в разных городах. Широкие круги

офицерства, чиновничества и дворянства в России считают, что она должна вмешаться. Николай I, унаследовавший престол после смерти брата, берет решительный курс на освобождение православного народа, чьи жертвы в восстании поистине огромны.

Широкая поддержка восставших европейским общественным мнением вынуждает правительства Англии и Франции также вмешаться в конфликт. В 1827 г. три государства предъявляют Высокой Порте ультиматум предоставить автономию Греции, а после отказа к берегам Пелопоннеса отправляется объединенная эскадра, которая наносит поражение османско-египетскому флоту у Наварина. В ответ Порты объявляет войну России, которую считает ответственной за события. Война 1828-1829 гг. ведется преимущественно на восточных болгарских землях, с участием и поддержкой русской армии болгарскими добровольцами. Генерал Дибич впервые переходит Балканский хребет, овладевает Адрианополем и находится на расстоянии двухдневного перехода от Константинополя. Но Николай I отказывается воспользоваться исключительно благоприятной ситуацией, опасаясь, что полное крушение Османской империи вызовет войну с европейскими великими державами. По Адрианопольскому мирному договору Россия получает некоторые территориальные приобретения; расширена автономия Дунайских княжеств, Греция получает независимость, а Сербия – статус вассального княжества, обещанный ей еще по Бухарестскому договору. Статья 13-я гарантирует болгарам, принимавшим участие в военных действиях на стороне российской армии или проявившим приверженность России своим поведением или высказываниями во время войны 1828–1829 гг., султанскую амнистию, личную безопасность и право на переселение в Россию или любую другую страну по их выбору в течение 18-ти месяцев – всем, кто пожелает. Около 120 000 болгар выбирают эмиграцию во избежание страшного возмездия после ухода российских войск и покидают свои земли, полностью разоренные в ходе военных действий. Вопрос об автономии болгар все еще не стоит на повестке дня. Наоборот, русское командование предотвращает восстание, подготавливаемое Георгием Мамарчевым, капитаном русской службы.

Несмотря на то что Россия фактически обеспечивает независимость всех балканских государств, факт их восстановления воспринимается в Петербурге неоднозначно. Революционный путь неприемлем для российского императора, так же, как и для других европейских монархов. Альтернативой видится эволюционный путь, которого традиционно придерживается российская дипломатия. Петербург предпочитает иметь Турцию в качестве слабого соседа, чем «конгломерат кипящих революционными страстями маленьких, но амбициозных государств». По этой причине до середины XIX в. Россия отклоняет настоятельные просьбы болгар о помощи при восстановлении болгарского государства, хотя бы в форме автономного княжества. По той же причине в 1833 г. именно Россия Николая I предотвращает распад Османской империи. Взбунтовавшийся египетский паша Мехмед-Али,

нанесший несколько тяжелых поражений Порте, угрожает османской столице, и только появление российской эскадры адмирала Лазарева с 14-тысячным десантом спасает Константинополь. В силу заключенного после этого Ункяр-Искелесийского договора Россия становится на 8 лет гарантом целостности Османской империи, Босфор и Дарданеллы закрываются для всех остальных стран, кроме России. Это преимущество оказывается вскоре потерянным из-за ошибок дипломатии и монарха. Еще более серьезные ошибки до и во время Крымской войны приводят к потере большей части позиций, завоеванных в нескольких успешных войнах.

После Крымской войны Россия находится в международной изоляции. Ограниченность деятельности правительства по Восточному вопросу компенсируется повышенной активностью российской общественности в 60–70-х годах XIX в.

Славянская солидарность – наиболее сильный мотив в последней освободительной войне. После войн с Наполеоном среди части образованных представителей российского общества, известных как «западники», приобретают широкую популярность «идеи гражданственности, свободы и конституционных прав». Им противопоставляется другая часть образованного класса, получившая от своих идейных противников прозвище «славянофилы». Это название имело вначале ироничный смысл и связано с увлечением «славянофилов» старославянскими языковыми формами, тогда как по происхождению и по существу их идеи являются и очень долго (с конца 30-х и до конца 50-х годов XIX в.) остаются чисто «русифильскими». Их идеология утверждает прежде всего самобытность России, ее духовного и социального строя, своеобразие русской культуры на основе восточного православия, противопоставляя ее западному типу культуры и католицизму. Из всего этого, по мнению славянофилов, проистекает особая, мессианская роль России в мировой истории.

Круг их идей широк, но особое место в нем занимают идеи, уже знакомые из теории «Москва – Третий Рим». Ярче всего их выражают «поздние» славянофилы, как Н. Данилевский, и особенно – панслависты. В своем труде «Россия и Европа» Данилевский приходит к заключению, что славяне являются особым культурно-историческим типом и в будущем им предстоит господствующая роль на европейском континенте. Для достижения этой цели политика государства должна быть направлена на освобождение славян от османского ига, уничтожение османского могущества и османского государства вообще, создание «Всеславянского союза», включающего славянские страны, Грецию, Румынию, Венгрию и Царьградский округ. Столицей союза, центром его «нравственного и материального единства» должен был стать Константинополь.

С созданием Славянского благотворительного общества в Москве ведущие славянофилы переносят свое внимание на заботу о славянских народах на Балканах. В Петербурге, Киеве и Одессе несколько позже также

создаются славянские комитеты, которые оказывают им всестороннюю помощь. Несколько сот болгар получают образование в российских как светских, так и духовных высших и средних учебных заведениях. На собранные комитетами средства вооружается Болгарское ополчение. Ими претворяется в жизнь призыв И. Аксакова: «Кому дана сила, тот должен приложить ее на пользу братьев... Призвание России – осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни»⁴.

Теперь, с дистанции прошедшего времени, нетрудно увидеть многочисленные заблуждения, жертвами которых стали славянофилы и панслависты. Они не только не оценивают абсолютную неприемлемость для правительств европейских государств создания такого славянского союза, а и принципиально не признают возможность равенства славянских народов в этом союзе и не оценивают их опасений быть доминированными государством, которое в политическом и экономическом смысле далеко не лидер в Европе. Главная проблема очень точно выражена Н. Бердяевым: «Вопрос в том, чтобы Россия окончательно отказалась от той пугающей и отталкивающей идеи, что «славянские ручьи сольются в русском море», т.е. признала вечные права за всякой национальной индивидуальностью и относилась к ней, как к самоценности. И такое отношение будет вполне согласным с душой русского народа, великодушной, бескорыстной и терпимой, дарящей, а не отнимающей, которой все еще не знают славяне, так как она закрыта для них нашей не народной государственной политикой»⁵.

Существует некая ирония истории в том факте, что славянофилы – представители консервативных помещическо-дворянских кругов и защитники абсолютной монархии – играют огромную роль в достижении главной цели болгарских революционеров, многие из которых разделяли либерально-демократические и республиканские идеи. Очень скоро после Освобождения различия во взглядах напомнят о себе, но чтобы до Освобождения прийти, потребуется мобилизовать общественное мнение России и ее государственный ресурс. Эту миссию и выполнит движение славянофилов.

Война 1877–1878 гг., десятая по счету между Российской и Османской империями, особая. Она является первой, в которой ставится цель освобождения болгарского и соседних ему народов, война, в которой у России нет своих ярко выраженных национальных целей. Более того, международная обстановка и соотношение сил диктуют России не вмешиваться. В России это прекрасно понимают и опасаются повторения сценария Крымской войны. Кроме того, освобождение балканских народов имеет для официальной России и оборотную сторону. Опытный канцлер Горчаков еще в 1866 г. отмечает: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, христиане последуют дорогой своих материальных интересов. Мы для них — прежде всего конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать»⁶. Однако после Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии и вмешательства

общественного мнения в России, вмешательство, которому трудно найти подобные примеры, для правительства становится невозможно остаться в стороне. Не только потому, что Россия потеряет свое влияние на Балканах и свой статус великой державы. «Страшнее потеря в моральном плане, к которой Россия всегда была особо чувствительна»⁷.

Выбор России известен. Более чем 130 лет спустя о нем свидетельствуют свыше 400 памятников воинам российской армии в Болгарии. И их число продолжает расти.

Примечания

¹ Холмогоров Е. Третий Рим: Очерк происхождения идеологии // На сайте «Правая.ру». 2004. (<http://www.pravaya.ru/side/584/709>).

² Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. М., 1994. № 8; Стрелюхов Дм. Москва – Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 425–441.

³ Виноградов В.Н. Балканская политика России // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003; он же. Балканская политика императорской России // История. М., 2002. № 21.

⁴ Костяшов Ю.В., Кузнецов А.А., Сергеев В.В., Чумаков А.Д. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX в. , Калининград, 1997; Куропаткин А. Русская армия. Спб., 2003; Задохин А.Г. «Пороховой погреб» Европы М., 2000.

⁵ Бердяев Н. Судьба России. II. Проблема национальности // Славянофильство и славянская идея. 1914–1917.

⁶ Виноградов В.Н. Балканская политика императорской России.

⁷ Никифоров К. Десятая война. 130 лет спустя // Родина. М., 2009. № 1.

О.В. Медведева
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**Положение болгарских земель в 30-е гг. XIX в.
(по донесениям первого российского консула
в Сливене Г.В. Ващенко)**

Abstract:

Medvedeva O.V. *State of the Bulgarian lands in 30-s of XIX century. (According to the reports of the first Russian consul in Sliven, G.V. Vashchenko)*

This article is based entirely on previously unknown documents that contain full information on the relocation of the Bulgarians after the Russian-Turkish war of 1828–1829, on the economic and political situation of the Bulgarian people, on the maturing of the reforms in third decade of XIX century in the Ottoman Empire, on the national liberation movement, on the Russian-Bulgarian trade relations and on the place of the Bulgarian issue in Russian politics after Adrianople. This data throws fresh light on key aspects of the history of Bulgaria's first third of the XIX century, the period scarcely provided with sources, and is of great interest to researchers.

Ключевые слова: война, переселение, болгары, репрессии, консул, донесения, разруха, демография, торговля, реформы.

Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в. – проблема, малоизученная в исторической науке в силу слабого обеспечения источниками. Поэтому новые документы по этой теме, вводящиеся в научный оборот, представляют, на наш взгляд, интерес для историков. Эти документы отложились в архиве первого российского консульства в болгарских землях – в Сливене (прежнее название – Селимно), которое было открыто в 1830 г. по многочисленным просьбам болгар после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., и были обнаружены нами в Архиве внешней политики Российской империи. Об истории учреждения консульства, причинах, его вызвавших, о деятельности консула Г.В. Ващенко уже были опубликованы статьи¹.

За неполные четыре года своего пребывания в Сливене Ващенко собрал о болгарских землях, входивших в Силистрийский и Видинский санджаки Османской империи, ценную информацию, полученную в результате как собственных наблюдений, так и посылки агентов в различные места. Консульские материалы, донесения, регулярные и подробные, касаются практически всех сторон жизни болгарского общества того времени. Они содержат статистические и демографические данные, сведения о социально-экономическом и политическом положении болгарского и турецкого населения, о национально-освободительной борьбе болгар. Эти материалы позволяют воссоздать довольно полную картину положения болгарских земель в 1830–1833 гг.

В донесениях консула прежде всего описывалось экономическое состояние края после только что окончившейся разорительной войны и в условиях идущей массовой эмиграции. Необходимо отметить, что, перечисляя

опустошенные районы и разоренные хозяйства, разорванные экономические связи, Г.В. Ващенко вместе с тем приводит богатый материал по довоенной экономике, ибо постоянно сопоставляет собранные им сведения с тем, что производилось в том или ином округе до войны 1828–1829 гг., показывает социально-экономическую специфику каждого из округов.

Картина опустошения, вызванная войной и массовой эмиграцией, всесторонне представлена консулом в обзоре «Замечания о промыслах и торговле Селимно и близлежащих мест». В документе подробно перечислены основные виды занятий местного населения до войны, налоги, им уплачиваемые, а также современное состояние этих ремесел в условиях. Когда значительная часть трудоспособного населения покинула край, а оставшаяся была еще «недостаточна спокойна, чтобы оправиться от ударов, нанесенных ей войной и эмиграцией»².

Ващенко отмечал, что до войны основным ремеслом жителей Сливена, Башкиоя (совр. Жеравна), Казана (совр. Котел), Градеца было производство шерстяных тканей – абы и ярмулука. В довоенное время их здесь изготавливали около 500 тыс. штук в год от 7 до 10 аршин каждый. Ткани «продавали купцам оптом и в розницу на месте тем, которые приезжали сюда из Константинополя, Адрианополя, Филиппополя (совр. Пловдив. – *О.М.*), Софии, Салоник, Трапезунда, Синопа и даже из Алеппо». Описывая нынешнее состояние этого ремесла, консул отмечал, что сейчас «отсутствие шерсти и рабочих рук чрезвычайно уменьшили эту отрасль производства»³.

Ващенко писал и о других занятиях местных жителей: «Прежде здесь, особенно в Селимно и Ахиоло (Анхиало, совр. Поморие. – *О.М.*), было развито виноградарство... До войны производилось в среднем в год более 400 тыс. метров*, содержащих 10 окк** в каждом. С этого вина взимается по 10 пара*** с метра и по 10 пара с каждого арпана**** виноградника... Ныне виноградники остались невозделанными вследствие эмиграции большинства собственников»⁴. Также он сообщал, что солеварни Анхиало, принадлежащие фиску, на которых в военное время добывалось до 250 тыс. киле***** соли, снабжавшей всю Румелию, сейчас также находятся в запустении, и султан недавно предоставил половину тем, кто пожелает их эксплуатировать»⁵.

Далее консул писал, что «перед войной в этих краях были многочисленные стада овец, с которых взималась десятая натурой или налог в 8 пара с головы. Эти стада насчитывали более 700 тыс. овец и баранов только в Селимно, Казане, Башкиой, Градеце, Ени-Зааре (Ени-Загра, совр. Нова-Загора. – *О.М.*), Ямболе, Карнобате, Айдосе (Айтос. – *О.М.*) с близлежащими деревнями; сейчас все эти места располагают едва ли 50 тыс. овец в совокупности, остальные были истреблены или погибли во время войны, а значительная

* Метре (медре, медара) – османская мера жидкости, равная 10, 2624 л.

** Окка – османская мера веса, равная в различное время от 1224 до 1282 г.

*** Пара – мелкая монета, равная 1/40 пиастра.

**** Арпан – земельная мера, равная десятине (51 акр).

***** Киле – мера объема сыпучих тел, равная 25, 656 кг.

часть была перенесена за Дунай эмигрировавшими... Что же касается сельского хозяйства вообще, которым занимались в дистриктах * Ени-Заара, Новой, Карнобата и Айдоса, то сеют и собирают зерно только в малом количестве, которого едва может хватить для ежегодного потребления края, за исключением дистрикта Карнобата, откуда вывозят зерно в Константинополь и Бургас. Однако почти все поля остались в этом году под паром, так как эмиграция болгар остановила все работы»⁶.

Разруха в Силистрийском санджаке, который недавно являлся главным театром военных действий, была столь велика, что даже в 1833 г. Г.В. Ващенко отмечал, что «эта провинция не оправилась полностью от той нищеты, в которой она оказалась во время заключения мира, а ее население, особенно христианское, уменьшилось до того, что деревни, некогда самые известные, насчитывают всего 20–30 домов, так что прошедшим летом не хватало рук, чтобы собрать то, что посеяли»⁷.

Необычайно ценным, на наш взгляд, является статистический обзор, составленный консулом в 1833 г. Он дает довольно целостное представление о демографическом состоянии Силистрийского и Видинского санджаков в начале 30-х годов XIX в. Насколько нам известно, документа, содержащего информацию подобного рода, относящуюся к болгарским землям этого периода, не имеется, а данных о населении болгарских земель также крайне мало. Те же отрывочные сведения, которые встречаются в литературе⁸, дают основание говорить, что консул в своем отчете приводит довольно точные цифры о численности того или иного населенного пункта. Поэтому полагаем необходимым воспроизвести этот документ почти полностью в переводе с французского языка. В скобках даны современные названия упоминаемых городов⁹.

«На территории той части, которая находится между Балканами и Дунаем, от Черного моря до Видина, и входящая в два санджака: Силистрийский и Видинский (кроме Ниша и Софии), находятся 30 городов и 31 дистрикт, включая 3 крепости: Руцук, Никополь, Видин, 1972 деревни и городков. Все население этого края насчитывает 103 190 семей турецких и христианских, всего 198 030 семей, которые, считая по 6 человек в каждой, представляют население 1 188 180 душ.

Силистрийский санджак

1. Осман-базар (Осман-пазар, Омуртаг) – очень маленький город, имеет в своем дистрикте 60 деревень с 2000 турецких и 1500 христианских семей. В нем имеется небольшой городок Казан, насчитывающий 1200 семей, только христиан.
2. Ески-Джума (Ески-Джумая, совр. Тырговиште) – незначительный город, в его дистрикте только 18 деревень, населенных 1000 турецких и 500 христианских семей.
3. Шумла включает в своем дистрикте 270 деревень и насчитывает население 20000 турецких и 3000 христианских семей.
4. Ени-базар (Ени-пазар, Новый базар) включает дистрикт из 35 деревень с населением в 1200 турецких и 500 болгарских семей.
5. Праводи (по-видимому, Провадия) имеет в своем дистрикте 60 деревень, но насчитывает всего 1500 турецких и 500 христианских семей.

* Здесь и в других своих донесениях консул употребляет этот термин для обозначения округа – казы. Несколько каз составляли санджак.

6. Козлуджа (здесь – Суворово) имеет 36 деревень и население 1000 турецких и 400 христианских семей.
7. Варна. Ее дистрикт включает 60 деревень с населением в 1500 турецких и 400 христианских семей.
8. Балчик – 40 деревень, 1000 турецких и 100 христианских семей. Еще имеется небольшой городок Каварна, в котором 150 турецких и 50 христианских семей.
9. Мангалия (совр. территория Румынии), дистрикт которой включает 30 деревушек с населением 350 турецких и 50 христианских семей.
10. Кюстенджи (совр. Констанца, Румыния) – только 35 деревень, населенных 850 турецкими и 100 христианскими семьями.
11. Бабадаг (совр. территория Румынии). 36 деревень с 1500 турецких и 150 христианских семей. Некогда в этом дистрикте был форт, называвшийся Гирсово, сейчас это маленькая деревушка, насчитывающая едва 40 турецких и 20 христианских семей населения.
12. Мачин (совр. территория Румынии), городок и дистрикт почти безлюдны. Крепость разрушена.
13. Сача (Исакча, совр. территория Румынии) находится в то же состоянии, что и Мачин. Население города и всего дистрикта лишь 350 турецких и 50 христианских семей.
14. Тулча (совр. территория Румынии) также пуста, в ее дистрикте всего 300 турецких и 50 христианских семей населения.
15. Емисенли (по-видимому. Елеменли, совр. Ситово) насчитывает в своем дистрикте 60 деревень, население которых до 1200 турецких и 150 христианских семей.
16. Хаджиоглу-Базарджик (во времена БНР Толбухин) в своем дистрикте имеет 60 деревень, населенных 1000 турецкими и 250 христианскими семьями.
17. Дистрикт Силистрия, вне района занятого русскими войсками, включает еще 150 деревень, в которых живут 3500 турецких и 400 христианских семей.
18. Руцук (Русе), нынешняя резиденция санджак-валесси Силистрии, включает в свой округ 6000 турецких и 1000 христианских семей. В его дистрикте 160 деревень, населенных 8000 турецких и 1500 христианских семей. В этом дистрикте есть также небольшой городок Туртукай, в котором 350 турецких и 300 христианских семей.

Видинский санджак

1. Систов (Свиштов) – 1500 турецких и 1500 христианских семей.
2. Никопол – 2500 турецких и только 60 христианских семей. 60 деревень, в которых 2000 турецких и 1500 христианских семей.
3. Плевен (Плевна). В городе 5000 турецких и 1000 христианских семей.
4. Рахово (Оряхово) насчитывает вместе с 80 деревнями своего дистрикта население 2000 турецких и 6000 христианских семей.
5. Лом-Паланка (Лом) – 70 деревень, 2500 турецких и 5500 христианских семей населения.
6. Видин – резиденция паши – насчитывает в своих стенах 4000 турецких и 1000 христианских семей. В его дистрикте 80 деревень с населением 200 турецких и 4000 христианских семей. Крепость Видин в хорошем состоянии.
7. Белградчик (Белоградчик) имеет 60 деревень и 300 турецких на 3000 христианских семей населения.
8. Белковца населена 1000 турецкими и 600 христианскими семьями.
9. Враца. В городе 500 турецких и 3000 христианских семей. 64 деревни ее дистрикта насчитывают 5500 только христианских семей.
10. Ловча (Ловеч) населена 2500 турецкими и 500 христианскими семьями. В дистрикте 70 деревень с населением 1000 турецких и 6000 христианских семей.
11. Севлиево – 1500 турецких и 1000 христианских семей. В дистрикте 32 деревни с населением 1000 турецких и 2000 христианских семей.
12. Тырново. В городе 6000 турецких и 2000 христианских семей. В его дистрикте 360 деревень и городков, в которых живут 5000 турецких и 26000 христианских семей. Наиболее значительные городки в Тырновском дистрикте: Габрово, Дряново, Елена, Беброво»¹⁰.

По приведенному документу можно проследить неравномерность распределения христианского и турецкого населения в целом по двум санджакам, а внутри них – по городам и их округам. Конечно, необходимо принимать во внимание, что указанные цифры носят приблизительный (вернее, округленный) характер, тем не менее из этих данных видно, как значительно уменьшилось население в Силистрийском санджаке, в первую очередь, за счет массовой эмиграции болгар, которая охватила именно эти районы. В другом донесении консул уточняет: «В Силистрийском санджаке турецких семей 60 190, христианских – 13 080, в Видинском – 43 000 турецких семей и 81 460 христианских семьи»¹¹.

Следует особо отметить сведения о Казане (Котеле), о котором Ващенко неоднократно писал как о «полностью болгарском городе», отмечая, что «болгары этого города имеют гораздо более свобод, в том числе и религиозных, чем в других городах»¹².

Отчеты и донесения консула позволяют увидеть не только хозяйственное и демографическое состояние болгарских земель после войны 1828–1829 гг., но и довольно широко показывают условия жизни болгар в тот период.

Восстанавливать разрушенную экономику жителям разоренных войной районов пришлось в крайне сложных условиях. Главная трудность для болгарского населения состояла в национально угнетенном положении христиан в Османской империи. Хотя еще до войны султанское правительство предприняло первые шаги по смягчению национальных противоречий в империи, на деле положение христиан не изменилось. Болгары не верили обещаниям султана, данным после окончания войны, в 1829 г., и свидетельством тому была их массовая эмиграция накануне и после ухода русских войск за Дунай. Опустошение земель, упадок «этой житницы государственной казны в Константинополе»¹³ вследствие войны 1828–1829 гг. и эмиграции, необходимость остановить массовый отток болгар и вернуть уехавших, восстановить порядок, без которого невозможно функционирование хозяйственного организма, послужили дополнительным толчком к продолжению османским правительством политики реформ, начатой в 20-е гг. Но если тогда перемены коснулись лишь военной сферы, то теперь война убедила Махмуда II в необходимости серьезных преобразований в государственном аппарате, системе управления, юрисдикции и пр.¹⁴. Несмотря на сильную оппозицию реформаторской политики султана, у него имелись и деятельные сторонники. И хотя преобразования стали осуществляться в основном с середины 30-х гг., документы российского консульства содержат ряд интересных сведений о некоторых реальных переменах в социально-экономическом положении болгарского народа.

Новым в образе правления на местах в первые же послевоенные месяцы было то, что администраторы по заданию центральных властей стали интересоваться реальным положением подданных, их потребностями. Так, новый

аян* Сливена Ибрагим Хаки-эфенди, назначенный в 1830 г., собрал по приказу султана объективные сведения о причинах эмиграции болгар, которые изложил в беседе с Ващенко. Он начал свое правление в городе с того, что пригласил представителей болгарского населения не только Сливена, но и не подведомственных ему Котела и Жеравны, чтобы посоветоваться о необходимых мерах по улучшению жизни христианского населения. В результате общения с жителями аян Сливена составил программу неотложных мероприятий, которую собирался изложить великому везиру и султану. В программе предусматривалось: уменьшение налогов и повинностей пропорционально количеству жителей (учитывая последствия эмиграции); пересмотр долгов; отсрочка десятины на овец жителям Казана, поскольку их стада почти полностью погибли. Аян посоветовал послать депутацию в Стамбул, чтобы просить об облегчении их участи. Это должно было придать больший вес его рапорту¹⁵.

В 1831 г. еще один турецкий чиновник, Осман-эфенди, приехав в Сливен, созвал болгарских старейшин и «требовал от них откровенного объявления о нуждах или обидах и всякого рода тягостях, кои они чувствуют, предварив их, что он имеет... повеление от правительства о предоставлении оному по сему предмету своих замечаний». Чиновник аккуратно записывал все жалобы на беспорядки и отношение местных властей к своим обязанностям, чтобы направить правительству подробную записку¹⁶.

Мы не говорим здесь о результатах подобной благоразумной деятельности некоторых османских чиновников. Это были еще редкие случаи, но именно поэтому они интересны как первые признаки некоторого обновления и зарождения реформаторских тенденций во внутренней политике султанского правительства.

Появились новые, немислимые ранее моменты в административной работе: назначая воеводой*** Ходжакьяна Османа-эфенди, в Стамбуле пошли навстречу просьбе сливенских депутатов, просивших прислать в их город именно этого чиновника¹⁷. Сделано это было вопреки обычному порядку, по которому служащих по округам назначал правитель пашалыка, а не центральные власти, не говоря уже о таком новшестве, как учет пожеланий населения.

Вслед за общим ферманом об амнистии Махмуд II издал особый ферман, по которому вернувшимся гарантировались возврат имущества, земли и личная безопасность. В нем говорилось «об оказании им впредь всякой справедливости, не касаясь отнюдь разыскания о делах, происшедших во время войны»¹⁸. В Дунайские княжества были направлены эмиссары Порты, которые убеждали осевших там болгар вернуться на родину¹⁹. Населению пострадавших от войны районов, как туркам, так и христианам, направлялась денежная

* Аяны – до Танзимата** – правители городов, иногда округов, избиравшиеся местной знатью.

** Танзимат («приведение в упорядоченное состояние») – реформа, преобразование; период реформ с 1839 г. по 1879 г. (иногда считают – по 1876 г.)

*** Здесь – «надзиратель торговых сборов города», по словам Ващенко.

помощь от султана и великого везира. В Ямбол великий везир прислал 20 тыс. пиастров для беднейших болгар и турок с обязательством возврата через 15 месяцев²⁰. По распоряжению рущукского Гюссейн-паши в Казанлыке и Ески-Загре (Стара-Загора) были учреждены общественные кассы под надзором двух христиан и одного турка. Причем их деятельность была ограждена от вмешательства аянов^x этих городов²¹. Султан выделил на строительство новой православной церкви в Сливене 2 тыс. пиастров²². Армянам-схизматикам^{*} этого города было также разрешено построить церковь взамен разрушенной²³.

В марте 1831 г. султан направил во многие места Силистрии деньги туркам и христианам в уплату за прокорм турецких войск до и во время войны, а также ферманом предписал рущукскому паше ссудить местным болгарам на 4 года 25 тыс. пиастров «за продажу винограда, собранного в виноградниках, покинутых эмигрировавшими болгарами»²⁴. Местным властям были разосланы приказы «знать все беды, которые толкают их (болгар. – *О.М.*) на этот отъезд, чтобы предотвратить его и помочь тем, кто остается»²⁵.

Порта обратилась за помощью к Константинопольскому патриарху. Последний направил циркулярное письмо всем священнослужителям, в котором обязал сообщать ему обо всех фактах несправедливого обращения с христианами для передачи султанскому правительству²⁶.

Все эти меры, требования интересоваться реальным положением христианских подданных были новым, невиданным ранее явлением в системе управления Османской империи. В совокупности все распоряжения и действия правительства давали основания для надежд на лучшее будущее. Как отмечал Ващенко, новое управление «много различается прежнего»²⁷. Он находил эти меры правильными и считал, что «если все отданные приказы будут выполняться, то христиане жаловались бы напрасно». Однако, отмечал он далее, чиновники и местные власти «не придают этому большого значения и предоставляют делам идти как прежде»²⁸. Да и представители центральной администрации не были уверены в том, что приказы будут исполняться на местах, и поэтому наместник края Гасан-бей, оказав русскому консулу при встрече необычайные знаки уважения, просил сообщать ему достоверные сведения о жизни в Сливене и окрестностях, поскольку вовсе не может доверять в этом отношении своим аянам²⁹.

Многие донесения консула свидетельствуют о непоследовательности и противоречивости политики центрального правительства. Так, по опубликованному в июне 1830 г. ферману проходившим войскам и всем чиновникам без исключения запрещалось требовать с райи постоя и кормления, а уже в декабре того же года был издан другой ферман «об обязательном устройстве на ночлег и кормлении всех регулярных воинских частей при прохождении через города и селения»³⁰.

Непоследовательность наблюдалась и в действиях правительства при сборе налогов, которые были одним из основных компонентов государственного

* Армяне-схизматики – армяне-григориане.

пресса в османской империи. Этот вопрос особенно обострился в условиях крайней нищеты этих районов в описываемый период. Султанское правительство, не желая мириться с потерей доходов с этих территорий, часто вопреки своим же постановлениям и обещаниям послаблений в пользу райи, продолжало взимать чрезвычайные налоги военного времени. По словам Ващенко, это были «такие налоги, что не только христиане, но даже турки говорят, что больше не могут терпеть»³¹. Причем, турки старались переложить на оставшихся болгар и уплату тех налогов, которые должны были платить сами³².

К числу многочисленных иллюстраций этого явления относится одно из донесений консула: «Несмотря на то, что по повелению Порты или рушукского пашы местные христиане были освобождены от всяческих поборов, кроме харача*, недавно здесь получен ферман, коим повелевается, чтобы болгары снова были подвергнуты платежу земских повинностей, но поелику повеление сие не определяет времени, с которого они должны начать платить подати сии, то общество турецкое воспользовалось сием обстоятельством, чтобы принудить болгар к участию с ними в таковом платеже и за прошедшее время половиною суммы, как сие бывало до войны, несмотря на выезд отсель почти всех христиан, из коих часть только досель возвратилась». Только обращения болгар к рушукскому паше и в Стамбул дали положительный результат. Дело было решено в пользу христиан. Турки должны были уплатить на этот раз 2/3 всей суммы, причем, с христиан были сложены недоимки по акцизу за виноделие за 1831 г. с 70 тыс. до 25 тыс. пиастров³³.

Для упорядочения сбора налогов в империи осенью 1831 г. была проведена перепись населения, которая, по донесениям консула, осуществлялась с этого времени каждые шесть месяцев. Болгарский историк Н. Годоров писал, что это была первая всеобщая перепись населения в Османской империи³⁴. Учитывались только лица мужского пола, за исключением малолетних, не достигших 12-летнего возраста, престарелых старше 60 лет и увечных. Как сообщал Ващенко, проведение переписи имело целью учет мужчин-турок, годных для службы в армии, и христиан – для единообразного распределения взимаемых с них податей³⁵.

Чтобы решить окончательно вопрос о равномерном сборе податей, султанское правительство в конце 1831 г. издало ферман, зачитанный в городах империи, «об уравнивании всех земских повинностей, платимых как турками, так и христианами, освобождая их от произвольных налогов, коими они, особливо христиане, часто бывали в подобных случаях подвергаемы от местных начальников». Отныне устанавливались 4 разряда, по которым в зависимости от материального положения человека должно уплачиваться соответственно 10, 20, 30 и 40 пиастров. Причем с болгар эта плата взималась с октября 1831 г., а не за все время, как требовало турецкое население³⁶.

* Харач (харадж) – общее название трех основных налогов, взимавшихся с немусульман.

Однако при проведении переписи по новому порядку турецкие власти на местах старались переложить на болгар большую часть налогов. От христиан Силистрийского и Адрианопольского санджаков к консулу стали поступать многочисленные жалобы на значительное увеличение харача после очередной переписи в 1832 г., достигавшееся тем, «что при упомянутой переписи большая часть людей, состоявшая в низших разрядах и, следовательно, плативших меньшую сумму, перемещена ныне в высшую и весьма часто не по состоянию человека». Ващенко вступился «за беззащитных» перед аяном Сливена, и тот вынужден был «переменить до пятидесяти билетов высшего разряда, взявши таковые от беднейших и вручив их людям зажиточным»³⁷.

Одной из форм злоупотреблений при взимании налогов была передача владельцами деревень своих прав сбора налогов на откуп другим лицам. Так, из одного донесения известно, что владелец Жеравны Хаджи Мустафа, проживавший в Стамбуле, передал свои права в аренду некоему Реджиб-аге за плату в 900 пиастров в год, а то собирал 1200 пиастров и, располагая юридическими правами, имел дополнительную возможность для вымогательства³⁸. В других местах, например в Градеце, субаша* произвольно увеличил налоги, платимые болгарами, вопреки тому, что они были регламентированы султанскими ферманами. Его угрозы взыскать с жителей отмененные центральной властью налоги явились причиной новой вспышки эмиграции болгар из этой деревни³⁹.

Как видно из документов, слабость политики султанской политики усугублялась игнорированием его распоряжений властями на местах. Из донесений Ващенко явствует, что турки мало считались с постановлениями верховной власти и продолжали всячески притеснять болгар, стараясь отыграть на них за свои страхи и потери в минувшей войне.

Несмотря на то, что Порта издала хатт-и шериф** и особый ферман, его подтверждающий, «о предании забвению всех дел, происшедших между турками и райя во время бывшей с Россией войны»⁴⁰, турецкое население и власти на местах зачастую игнорировали эти постановления правительства.

В августе 1830 г. Ващенко писал о том, что местные власти отбирают скот у болгар в пользу турок, вернувшихся после ухода русских войск. Консул обратился к рушукскому паше с требованием прекратить это самоуправство, нарушающее постановления Адрианопольского мирного договора⁴¹. Вследствие этих представлений Гюссейн-паша наказал аянов ряда городов за злоупотребления против христиан⁴². Но, как отмечал Ващенко, «теперь турки... питают намерение испытать другие средства, представляя такие дела под другими видами», продолжая творить беззакония. Например, кадия*** Нова-Загоры уже в 1833 г. «объявил тамошним жителям о том, что он

* Субаша – чиновник, исполнявший обязанности начальника полиции.

** Хатт-и шериф – «священное начертание», султанский указ; в особых случаях – манифест.

*** Кади, кази, кадий, кадия – мусульманский судья.

намерен войти в розыскание дел, последовавших во время занятия его округа российскими войсками, и что если кто имеет какое-либо требование к болгарам, то он готов удовлетворить каждого судебным порядком». И только энергичные действия консула в защиту болгар положили конец этим проискам ново-загорского кадии⁴³.

В притеснениях болгар особенно отличился тырновский воевода*. На него были поданы столь многочисленные жалобы, что он был заменен. Однако ему удалось оправдаться и избежать наказания, «а христиане из бесметных сумм, у них вынужденных, не получили ничего. На жалобы последовало только повеление взимать от них натурою некоторые повинности, за которые они выплачивали деньгами в десять крат больше»⁴⁴.

Все эти факты свидетельствуют, насколько сложными были условия жизни болгарского населения. В одном из своих донесений Г.В. Ващенко констатировал, что помимо крайней нищеты этого края для болгар были невыносимы «лихоимство, чрезмерные налоги, несправедливость и произвол судебных властей с целью вымогательства денег, несметное количество притесняющих злоупотреблений и даже убийства, все это приводит болгарское население к эмиграции; угнетателями были турки, сограждане угнетенных; они занимаются разбоем в полной безопасности, поскольку аяны и кадии, будучи с ними заодно, не желают слышать жалоб райи и все свои усилия направляют на то, чтобы помешать им достичь верховных властей»⁴⁵.

В донесениях консула содержатся многочисленные сведения о том, что болгары, не желая мириться с самоуправством местных властей, посылали свои депутации к верховным властям края и даже в Стамбул, чтобы довести до их внимания свои жалобы. Среди подобных донесений выделяется одно, в котором, в изложении Ващенко, перечислены результаты, достигнутые депутациями, посланными в мае 1830 г. болгарами Сливена, Котела, Жеравны, Нова-Загоры и других селений в столицу империи для передачи своих жалоб на невыносимое положение. На пути своего следования, в Адрианополе, депутаты встретились с великим везиром. Рассмотрев переданные ему жалобы, везир направил с членами депутатий запрещение местным властям, ограничивавшее их произвол. В документе четко прослеживается специфика перечисленных в нем населенных пунктов с учетом их привилегий, а также отражены те уступки христианам, на которые пошло султанское правительство в тех чрезвычайных обстоятельствах. Приводимые консулом сведения позволяют лучше понять причины и направление реформаторской деятельности Махмуда II в 20–30-е гг. XIX в.

Общим для перечисленных в документе селений: г.Казана, Башкьой, Градеца, Катунца, Папаскьой (Попова), Ичеры, Вечеры – являлось запрещение

* Воевода – военно-административный управитель в Тырново до Танзимата. Впоследствии – мотесариф (глава администрации санджака), он был мусульманин (Христов Хр. Българските общини през Възраждане. София, 1973. С. 62).

аянам и кадиям требовать с жителей что-либо для своего содержания, они должны были жить согласно старым ферманам, на собственные средства; кадии должны были давать разрешение на захоронение усопших и взимать налог на наследство не произвольно, а пропорционально имуществу усопшего; запрещалось взыскивать харач за отсутствующих и превращать этот налог в незаконные поборы; запрещался постоя войск в домах христиан и бесплатный их прокорм.

Для сел Жеравна, Градец, Катунца, Папаскьой, жители которых были войнуками*, предписывалась уплата только военных налогов, составлявших 1/8 всех военных расходов; на них не распространялись административные налоги, практиковавшиеся местными властями. Аге (старшине) войнуков, а также забитам** воспрещалось требовать с жителей средства на свое содержание. Аянам этих селений запрещалось использовать жителей на барщине в своих поместьях.

Христиане, жители перечисленных селений по новому распоряжению великого везира освобождались от налога, который они платили до сих пор, чтобы избежать домашних визитов турок под предлогом розыска укрывающихся***. Мубаширу****, который приезжал для сопровождения рекрутов в Стамбул, запрещалось взимать плату за свои труды⁴⁶.

Этот документ относится к 1830 г. Но многие постановления верховной власти, как мы видели из приводимых выше документов, на местах зачастую не выполнялись, и это вызывало недовольство болгарского населения.

Недовольны были и турки. Но их недовольство вызывали как раз многие меры центральной власти. Это недовольство, помимо противостояния местных властей приказам правительства, проявлялось и в открытой форме, как только какие-либо внешние факторы давали им надежду на возвращение старых порядков. Так было во время мятежа паши Шкодера весной 1831 г., принявшего большой размах. Войска под командованием Карафеис-оглу осадили крепость Софию. Против восставших Порта собрала значительные силы. Поначалу турецкое население приветствовало этот мятеж, надеясь на то, что с помощью войск шкодринского паши будут восстановлены все прежние привилегии мусульман. Но Карафеис-оглу потерпел поражение. Надежды турок рассеялись после того, как его войска «оставили дистрикт Софию, обобрав не только христиан, евреев и армян, но и турок»⁴⁷.

Мятеж паши Шкодера вызвал новые беспорядки в крае. Торговцы, ехавшие на ярмарку, которая в мае 1831 г. проходила в Джуме (Сбор. –

* Речь идет о селах, жители которых являлись войнуками (войнуганами) – рядовыми вспомогательных войск из болгар-христиан, которые пользовались определенными налоговыми льготами и ограниченными правами автономии (Христов Хр. Българските общини... С. 17).

** Забит – турецкий военный начальник города или деревни.

*** Речь идет о так называемом вознаграждении в 800 пиастров во избежание домашнего обыска, который производился турками под надуманными предлогами.

**** Мубашир – должностное лицо, надзирающее за исполнением постановлений власти на местах.

О.М.), подвергались нападениям. По этой же причине не состоялась и ярмарка в Сливене⁴⁸.

Особенно сильно недовольство турецкого населения султанским правительством проявилось во время турецко-египетского конфликта (1832–1833). Победы войск паши Египта воодушевили мусульман. Консул доносил в этот период, что «турки открыто выражают радость по поводу военных побед Мехмета-Али» (так в документе. – *О.М.*), и отмечал, что «среди местных турок почти всеобщее недовольство реформами, направленными против их древних привычек». По наблюдению Ващенко, «турки настроены враждебно к своему правительству и находятся в ожидании Мехмета-Али», «надеются, что содействием его они увидят новую войну с Россией, он удовлетворит таким образом закоренелой вражде их к нам» и не признают других намерений у него, «кроме восстановления янычарского корпуса и войны с Россией с целью восстановления прежних порядков». Он сообщал также, что «все турки Базарджика (Пазарджик. – *О.М.*) и Филиппополя готовы подняться по сигналу, который им будет дан»⁴⁹.

Боясь восстания райи в связи с предполагавшимся вступлением русских войск в болгарские земли, «в войводалке * Тырново местные власти разоружили всех христиан, хотя правительство не отдавало подобного приказа»⁵⁰. Однако после подписания перемирия в Кютахье (май 1833 г.) ситуация изменилась. Ващенко отмечал, что «настроение турецкого населения падает по мере того, как мечты их рассеиваются; они в унынии»⁵¹. После окончания военных действий появилось много бродяг. В массе своей это были беглые низамы (солдаты регулярной султанской армии), которые, по словам консула, совершали грабежи и убийства⁵².

Нестабильности положения в крае способствовали и эпидемии болезней. С июня по сентябрь 1830 г. здесь свирепствовала чума, а с мая 1831 г. в течение нескольких месяцев – холера, принеся страшные опустошения: в Шумле, по словам консула, она ежедневно уносила по 50–60 человек; почти все жители-христиане городов Осман-пазар, Тырново, Габрово ушли, спасаясь от болезни, в горы; наиболее сильно холера проявилась в Филиппополе⁵³.

Донесения российского консула не ограничивались описанием разоренного хозяйства и тяжелого положения населения. Значительное место в них занимают позитивные факторы и намечавшиеся положительные процессы. К числу последних относится начавшееся в сентябре 1830 г. возвращение эмигрировавших болгар. Трудности, с которыми им пришлось столкнуться в пути и на чужбине⁵⁴, пропаганда эмиссарами Порты мер, предпринятых султанским правительством по улучшению положения христиан, заверения властей в сохранности оставленного уехавшими имущества в ответ на письма эмигрировавших⁵⁵, присутствие консула России в Сливене, его активная

* Владение султанши-матери.

деятельность в защиту болгар способствовали этому возвращению⁵⁶. Например, сливенцы, поселившиеся в Старом Крыму, писали в сентябре 1831 г., «что слыша о возвращении своих соотечественников из Валахии и что в отечестве их существует ныне лучший порядок и больше против прежнего спокойствия, они также имеют мысль возвратиться в Селимно»⁵⁷.

В сентябре 1830 г. вернулось 60 семей в окрестности Адрианополя, в ноябре – 20 семей в Сливен, 40 – в Карнобат, 60 – в другие места Румелии. В июне 1831 г. в Сливен возвратилась 21 семья, в Карнобат – 33, в другие места – 15. В июле того же года из Валахии в Сливен вернулось еще 120 семей, 20 – в Новую и Ямбол, а также много семей – в Анхиало Айтос. В августе 1831 г. в Сливен прибыла 61 семья, в сентябре – 46 семей из Валахии, 2 семьи из Бессарабии несколько человек из Таврической губернии; в октябре – 13 семей из Валахии. За 1832–1833 гг. имеются сведения только о том, что с конца мая 1832 г. по сентябрь 1833 г. в Сливен вернулось 30 семей, а в округа Ямбола и Карнобата – 14 семей, из Валахии в Карнобат – 24 семьи, из Крыма в Анхиало, а оттуда в Сливен – 20 семей. «Таковые переселенцы, – сообщал консул, – возвращаются мало-помалу и в другие места здешнего края из Валахии и Бессарабии». Возвратившиеся, по повелению рушукского пашы, освобождались от налога на 2 года⁵⁸. Конечно, точно установить число вернувшихся в Болгарию переселенцев на основании этих данных невозможно, но они позволяют проследить тенденцию возвращения болгар на родину в первой трети 30-х годов XIX в.

Большой интерес представляют и сведения 1833 г. о состоянии сельского хозяйства в Видинском и Силистрийском санджаках. Они убедительно свидетельствуют о том, что, несмотря на разруху и опустошения, доставшиеся этим районам в наследство от последней войны, хозяйство постепенно восстанавливалось. Если в донесениях первого года своего пребывания в Сливене консул писал о потрясшем его упадке экономики этих областей Османской империи, то в 1833 г. ситуация в крае, как видно из его сообщений, стала более благоприятной. Он писал, что «Тырново изобилует зерном... Дистрикты Рушук, Разград, Джума и Осман-базар до Чалака, будучи совершенно сельскохозяйственными, гораздо богаче Тырнова зерновыми», а также отмечал низкие цены на пшеницу, ячмень, рис⁵⁹. Говоря о занятиях населения этих районов, Ващенко отмечал, что «во всех означенных округах жители суть земледельцы, занимающиеся также виноделием, шелководными червями, немного скотоводством и значительно овцеводством, особенно в Силистрийском пашалыке (так в документе. – О.М.), «виноделием занимаются в основном по берегам Дуная, а округ Тырново кормит шерстью-сырцом себя и санджак Силистрию». О быстром развитии овцеводства свидетельствует такое замечание: «езде многочисленны стада овец»⁶⁰.

Показателем уровня развития экономики являлась торговля. Ващенко в своих донесениях уделял этому вопросу большое внимание. Ежегодно он представлял в российский МИД подробные отчеты о ярмарке, проходившей

в мае в Сливене и «считавшейся в прежние времена первой во всей Турции по великому стечению торговцев и по количеству привозимых сюда товаров»⁶¹. Консульские отчеты о деятельности ярмарки отразили экономическое состояние болгарских земель, постепенное оживление хозяйственной жизни этих районов, а также торговые связи болгарских земель, особенности конъюнктуры османского рынка в указанный период.

В 1830 г. ярмарка в Сливене не состоялась, как доносил консул, «из-за отсутствия порядка, который полностью еще не восстановлен»⁶². Султан издал ферман о возобновлении этой ярмарки. Но она не состоялась и в 1831 г. из-за беспорядков, вызванных восстанием шкодринского паши, и эпидемии холеры. Однако в своем отчете Вашенко отмечал, что купцы все-таки приехали в город, но были вынуждены все продавать в убыток, и «поелику все товары не нашли здесь даже посредственного сбыту, то для распродажи оных купцы отправились отсель в другие города Румелии». Сведения, приводимые в отчете о товарах, дают некоторое представление о внешних торговых связях болгарских земель того времени: «Были купцы австрийскоподданные из Бухареста, заметна большая часть произведений австрийских, выделяваемых нарочито для Турции, как-то: сукно, холст, ситцы, выбойки, платки, сенокосные косы, стекло и другие мелочи в незначительном количестве. Из российских изделий привезено из Бухареста одним из тех же австрийцев: чемоданов, сидел, узд, сабель, зеркал, подносов, замков, славянских церковных книг, церковных медных или серебряных сосудов...»⁶³.

В этом донесении интересен такой факт: «два болгарина из числа переселившихся в Россию привезли сюда абу (сукно) и шерсть, выделанные там». Это были Добро Железникович (так Вашенко называет, по-видимому, Д. Желязкова, основавшего в Сливене первую текстильную фабрику в 1834 г., по другим сведениям – в 1836 г.) и Александр Димитров. Они сообщили о намерении болгар, переселившихся в Старый Крым, заняться производством абы и кап (ковров) и торговать с Османской империей⁶⁴.

Некоторое оживление ярмарки наблюдалось в 1832-м и следующем годах. И хотя, по мнению российского консула, значение этой ярмарки «кажется, упало безвозвратно», данные, приводимые им, позволяют проследить некоторую динамику. Он писал, что в 1832 г. товаров было привезено значительно больше: из различных мест Румелии, Анатолии, Венгрии, из Бухареста на сумму 700 тыс. пиастров, из них реализована была примерно одна пятая часть, хотя, в основном в кредит, или, как сказано в донесении, «на срок».

Среди приехавших в этом году на ярмарку консул вновь отмечал купца 2-ой гильдии из Феодосии болгарина Александра Дмитриевича (Дмитриева), который привез из Крыма следующие товары: овечьей шерсти-сырца 360 пудов, шерсти крашеной около 20 пудов, абы 540 штук мерой 10 800 аршин, кап 91 штуку. Купец быстро все продал, «так как в Турции существует постоянный спрос на сукно аба и ярмулук (разновидности местного сукна. – *О.М.*). Аба поставляется в казну и поэтому продается на сторону тайно

и в малом количестве». В шерсти, необходимой для изготовления сукна, также была постоянная нужда. Цена шерсти у этого купца составляла 4–6 пиастров. По мнению Ващенко, болгары, поселившиеся в Таврической губернии и занявшиеся там выработкой абы и кап, могут успешно торговать с Турцией, и это будет выгодно для российской торговли⁶⁵.

На сливенскую ярмарку 1833 г., как сообщал консул, «прибыло довольно много купцов, в том числе и российскоподданных, и было привезено товаров на 442 тыс. пиастров, из которых была продана примерно четверть, преимущественно сукна. В основном это были турецкие товары и изделия германских фабрик. Из российских товаров были представлены только церковные книги и немного сургуча. Ващенко полагал, что и эта ярмарка была неудачной, причиной этого называл бедность местного населения, как турок, так и христиан⁶⁶. Однако, если сравнить данные за предыдущие годы и за 1833 г., можно говорить о некотором оживлении ярмарки.

Об этом свидетельствует и подробная опись, приложенная к отчету за 1833 г. Она называется «Роспись товарам, привезенным на селимскую ярмарку 1833 г., с показаниями капитала по числу открытых лавок» и представляет интерес для исследователей производства и торговли в болгарских землях в это время. Поэтому мы приводим ее данные:

«Купцы адрианопольские – 50 лавок. Шали, кисея, фески, американские бумажные полотна, сукна германских фабрик – 1 020 000 турецких пиастров.

Купцы филиппопольские – 21 лавка. Сукна австрийские и саксонские, пушной турецкий товар, русские церковные книги, русский сургуч, простое турецкое бумажное полотно.

Купцы тырновские – 6 лавок. Турецкий пушной зверь, турецкое платье – 2 226 000 (общая сумма по товарам филиппопольских и тырновских купцов. – *О.М.*).

Купцы боснийские – 3 лавки. Кожи зверей – 400 000.

Купцы албанские – 3 лавки. Ружья, пистолеты, шомпола и ружья кремниевые – 30 000 турецких пиастров.

Купцы ески-загрские – 18 лавок. Одежания болгарские и турецкие – 180 000 турецких пиастров.

Купцы токайские – 2 лавки с анатолийскими выбойками – 25 000 турецких пиастров.

Купцы трапезундские – 7 лавок. Медь, нитки крашенные и белые, коей, грецкие орехи, финики, анатолийские аладжи – 500 000 турецких пиастров.

Купцы рушукские – 1 лавка. Немецкие сукна и полотна – 40 000 турецких пиастров.

Итого: 4 421 000 турецких пиастров⁶⁷.

В своих донесениях российский консул постоянно подчеркивал большую выгоду для ремесленников, производивших абу в Крыму, в установлении постоянных торговых связей с Турцией, старался привлечь внимание своего правительства к этим изделиям. Он сообщал, что сукна всегда пользовались и пользуются большим спросом на местном турецком рынке и что «требование на эту продукцию постоянно, т.к. ими снабжается вся Турция, особенно Азия. Богатые купцы имеют в Селимно своих комиссионеров из Трапезунда, Синопа, Самсона, Смирны, Константинополя»⁶⁸. В связи с реорганизацией турецкой армии казне требовалось все больше сукна. Лучшее сукно, как отмечал Ващенко, вырабатывалось только в Сливене, Котеле и в нескольких близлежащих селениях.

Однако «недостача шерсти и рук, вырабатывающих оное сукно, со времени переселения отсель многих болгарских семейств, не удовлетворяет сему требованию, и по сей причине цена на сие изделие очень возвысилась»⁶⁹. О состоянии этого ремесла в Сливене и Котеле, о значении его для торговых связей России с болгарскими землями Ващенко неоднократно писал в своих донесениях, в том числе и в специальном, предназначенном для Департамента торговли Министерства финансов России. Высокая оценка качества сукна, производимого в этих местах, заинтересовала министерство. Консулу было поручено закупить и переслать в Россию образцы этих изделий⁷⁰.

В октябре 1831 г. Ващенко отправил в российскую миссию в Стамбуле образцы абы, ярмулука и ковер, а также подробную «Записку об образе и способах выделывания в Селимно сукна, называемого аба, и ковров, известных под названием капа», в которой давал характеристику этого ремесла с указанием цен на его продукцию. «Записка» представляет, на наш взгляд, интерес как для истории традиционного болгарского ремесла, так и для изучения конъюнктуры османского рынка того времени. В ней консул сообщал: «Здесь не употребляют широкие станки и поэтому штука абы имеет 20 аршин и 8 вершков ширины, а после сшивания ширина куска – 6 и 6 ½ вершков, а длиною от 6,5 до 7 аршин. Важен вес. Одна штука должна весить 1 окко и 30 драхм* – не менее. Ширина штуки ярмулука – 6,5 вершков, длина – от 9,5 до 10 аршин. Вес штуки ярмулука – 2,5 окко. Цена ее в Селимно – от 60 до 65 пиастров. Синий ярмулук изготавливается из белой шерсти. Вырабатывается в малом количестве. Цена за штуку – 70–80 пиастров. Ковры (капа, кебе) ткут два человека без челнока, переплетая руками на основе виток по узорам, и в день обычно изготавливали 3 штуки шириной 18–20 вершков, длиной 23–26 вершков. Каждый ковер должен весить от 5,0–5,5 до 7 окк, смотря по величине ковра. Цена этих изделий от 33 до 95 пиастров... Особенно добротны аба и ямурлук в Селимно, Башкьой, Казане, Градеце и нескольких прилегающих селениях... Капы очень хорошего качества ткут только в Селимно и Казане»⁷¹.

К началу 30-х гг. XIX в. относятся первые проявления заботы государства о промышленном развитии империи. Это было связано с военными реформами Порты. Уже в конце 20-х и в 30-е гг. в Османской империи было построено несколько фабрик на средства государственной казны, которые работали исключительно на нужды армии⁷². В этот период Сливен, Котел и прилегающие к ним селения как центры производства необходимой армии продукции приобрели большое значение. В 1833 г. в одном из донесений консул сообщал, что «в Самокове устраивается фабрика из средств короны» по производству абы, и отмечал, что этому «нет примера в Турции»⁷³.

Население Сливенского округа было тесно связано с государственными заказами на абу и капы для армии и флота. Консульские рапорты о ходе

* Драхма – весовое обозначение аттической драхмы – 4,25 г.

выполнения этих заказов содержат чрезвычайно ценную информацию, отражающую процесс первоначального накопления капитала и те социальные явления, которые происходили в болгарском обществе в связи с развитием этого производства. Большой спрос на сукно способствовал обогащению болгарской верхушки, сращиванию ее с турецким чиновничьим аппаратом, ускорению социального расслоения болгарского общества⁷⁴.

В делах сливенского консульства отложились материалы, правда, весьма немногочисленные, о национально-освободительной борьбе болгарского народа в описываемый период. В некоторых исследованиях по истории освободительного движения в Болгарии в той или иной степени затрагивался вопрос о планах радикально настроенных участников вооруженной борьбы 1828–1829 гг. поднять восстание сразу после заключения Адрианопольского мира и отхода русской армии за Дунай⁷⁵. Авторы связывают эти замыслы с деятельностью известного борца за свободу Болгарии Г. Мамарчева и его единомышленников. В материалах сливенского консульства представлена группа документов о Трифоне Неделевиче Давицком как об одном из организаторов восстания против османов в рассматриваемый период. В донесении от 1(13) апреля 1831 г. Ващенко сообщал о задержании русскими военными властями в Бухаресте уроженца с. Стрелча Филиппопольского округа Трифона Давицкого, служившего в годы войны в отряде болгарских волонтеров. Из протокола допроса следует, что Давицкий сообщил задержавшим его русским о якобы готовящемся в Болгарии восстании и указал места, «в коих заговорщики рассеяны»: Филиппополь, Татар-Пазарджик, Чирпан, Нова-Загоре, Плевене, Стара-Загора, Казанлык, Габрово, Тырново, Свиштов, Враца. По словам задержанного, к подготовке восстания их побудило то, что «Македония и Болгария остались по-прежнему под тяжким игом оттоманским... и что участь соотечественников нимало не улучшилась, что они по-прежнему во всем терпят угнетение и гораздо более озлоблены»⁷⁶. К моменту задержания, по показаниям Давицкого, заговорщиков было уже 600 человек. По его словам, на 25 марта 1831 г. был назначен сбор заговорщиков для определения дня восстания. Сам Давицкий прибыл в Бухарест для покупки продовольствия и лошадей, имея при себе 25 тыс. левов, собранных заговорщиками специально для этой цели. Своим опорным пунктом они избрали Силистрию, чтобы в случае неудачи и преследования со стороны турок иметь надежное убежище под покровительством России. Давицкий рассказал задержавшим его русским о заговоре, поскольку считал, «что Россия будет покровительствовать их намерению в справедливом деле и доставит средство к избавлению от их несносного угнетения иноверцами»⁷⁷.

Однако к этому времени русско-турецкие отношения нормализовались, обе стороны были заинтересованы в установлении дружественных отношений, в мире, спокойствии. Командующий русскими войсками генерал П.Д. Киселев немедленно отправил чиновника А. Белова в поездку по указанным Давицким населенным пунктам. И хотя, согласно дальнейшим донесениям Ващенко, расследование не подтвердило показания Давицкого, заслуживают внимания слова

проверяющего, что здесь он видел «много болгар, которые от бедности готовы на все, только, по их собственным словам, недостает им вождя, оружия, денег»⁷⁸.

Другие материалы, относящиеся уже к 1833 г., о восстании в ряде пограничных с Сербией нахиях позволяют усомниться в «успокоительных» результатах проверки Белова. В мае 1833 г. консул сообщал, что по сведениям, полученным им от своего агента, посланного для сбора статистических данных в Видинский санджак, «болгары, живущие между Видином и Софией, включая дистрикты Видина, Кюприли, Ниша, Пирота*, а также дистрикт Софии, готовы свергнуть турок с оружием в руках, которое они хранят, и ждут только сигнала... Их цель – присоединение их края к Сербии».

Главную роль, по донесению агента, в этом заговоре играет некий капитан Коста Кантарджи из Ниша, имеющий полное доверие у своих соотечественников. Сообщалось, что болгарский епископ Ниша также состоит в этом заговоре. Восстание трех деревень, вспыхнувшее весной 1833 г., было, по мнению консула, «только началом хорошо организованной революции от Видина до Софии». Оно произошло в одной из пограничных с Сербией нахий, о возвращении которой Сербии шел спор между последней и Портой. Безусловно, факт существования по соседству автономного сербского княжества являлся серьезным стимулом вооруженной борьбы болгарского народа. Ващенко справедливо указывал в качестве основной причины восстания османское иго. «Турки, – писал он, – своим варварским отношением к христианам довели положение вещей до того, что последние восстали». Видинский паша посредством нескольких православных священников пытался мирными средствами привести восставших к повиновению властям. Но это не имело успеха. Тогда он направил к месту событий войска, которые навязали восставшим открытый бой, в котором были убиты 517 болгар и разрушены 3 деревни. Далее Ващенко сообщал, что сербский князь Милош Обренович, узнав об этом, повелел занять эти места своим войскам, и дело было отложено до решения Дивана. По мнению агента, посланного российским консулом, «это восстание было инспирировано Милошем, который обещал им (болгарам. – *О.М.*) не только помощь и содействие своей армией, но еще и поддержку России, вот почему болгары решились поднять оружие против турецкого правительства»⁷⁹.

Существующая в современной литературе оценка этих событий во многом подтверждает точность донесений Ващенко о восстании болгарских крестьян весной 1833 г.⁸⁰

Как видим, донесения и записки Г.В.Ващенко отражают сложные условия жизни болгарского народа после русско-турецкой войны 1828–1829 гг., те изменения, которые происходили как в болгарском обществе, так и в Османской империи в целом: первые шаги реформаторской деятельности Махмуда II в области экономики и национальных отношений, приведшие к административным реформам 1834–1839 гг., механизм формирования торгово-ростовщического капитала и неразрывно связанное с ним ускорение

* В то время Ниш и Пирот входили в состав Видинского санджака.

процесса социального расслоения в болгарском обществе. Содержащаяся в этих документах информация проливает дополнительный свет на ключевые аспекты истории Болгарии первой половины XIX в.

Примечания

¹ *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4; она же. Проблемът за българска емиграция в Русия през 1830 в дейността на руската дипломатия // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57; *Степанова Л.И.* Первое российское консульство в болгарских землях (Сливен, 1830–1833) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989; *Медведева О.В.* Когда говорят документы // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2008; она же. Открытие первого российского консульства в болгарских землях // Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009; она же. Г.В.Ващенко – первый российский консул в болгарских землях // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достяна. М., 2010.

² Архив внешней политики Российской империи. Фонд Посольство в Константинополе. (Далее указываются только год, № дела, листы). – 1830. Д. 1830. Л. 60.

³ Там же. Л. 60 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 61.

⁶ Там же. Л. 61–61 об.

⁷ 1833. Д. 820. Л. 23–23 об.

⁸ *Михов Н.* Населението на Турция и България. Т. III. София, 1929; т. IV. София, 1935; т. V. София, 1968; *Тодоров Н.* Руски документи за демографското състояние на част от Источна България през 30-те години на XIX в. // Известия на държавните архиви. Т. II. София, 1967. С. 423–424.

⁹ *Мичев Н., Каледаров П.* Речник на селищата и селищните имена в България. 1878–1987. София, 1989.

¹⁰ 1833. Д. 820. Л. 36–40.

¹¹ 1833. Д. 819. Л. 93.

¹² 1830. Д. 813. Л. 22 об.

¹³ 1833. Д. 820. Л. 23 об.

¹⁴ *Тодорова М.Н.* Англия, Россия и Танзимат. М., 1983. С. 27.

¹⁵ 1830. Д. 813. Л. 27–30.

¹⁶ 1831. Д. 817. Л. 3 об.–4.

¹⁷ 1832. Д. 818. Л. 47 об.

¹⁸ 1831. Д. 817. Л. 67; *Пастухов С.* Българска история. Т. II. София, 1942. С. 654.

¹⁹ *Липранди И.П.* Болгария. М., 1877. С. 42; *Пастухов С.* Указ. соч. С. 656.

²⁰ 1830. Д. 813. Л. 47 об.

²¹ 1831. Д. 817. С. 79.

²² 1831. Д. 817. Л. 247.

²³ 1831. Д. 817. Л. 1–1 об.

²⁴ 1831. Д. 817. Л. 1 об.

²⁵ 1830. Д. 813. Л. 27 об.

²⁶ Там же. Л. 47 об.

²⁷ 1833. Д. 819. Л. 19.

²⁸ 1830. Д. 813. Л. 47 об.

²⁹ 1832. Д. 818. Л. 46–46 об.

³⁰ 1830. Д. 813. Л. 47, 92.

³¹ Там же. Л. 75 об.

³² Там же. Л. 66.

³³ 1832. Д. 818. Л. 23.

³⁴ 1832. Д. 818. Л. 48; *Тодоров Н.* Балканский город XV–XVIII вв. М., 1976. С. 282.

³⁵ 1831. Д. 817. Л. 82.

- ³⁶ Там же. Л. 3.
- ³⁷ 1833. Д. 820. Л. 76–77.
- ³⁸ 1830. Д. 813. Л. 28–29.
- ³⁹ Там же. Л. 34 об., 36–36 об.
- ⁴⁰ 1832. Д. 818. Л. 23, 41.
- ⁴¹ 1830. Д. 813. Л. 43, 65–66.
- ⁴² 1831. Д. 817. Л. 5 об.
- ⁴³ 1833. Д. 820. Л. 41 об.
- ⁴⁴ 1832. Д. 818. Л. 59–60; 1833. Д. 819. Л. 5–5 об.
- ⁴⁵ 1830. Д. 813. Л. 27 об.
- ⁴⁶ 1830. Д. 1813. Л. 41–43; *Степанова Л.И.* С. 168.
- ⁴⁷ 1831. Д. 817. Л. 27 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 43, 55.
- ⁴⁹ 1833. Д. 819. Л. 12, 25; 1833. Д. 820. Л. 1–2, 6, 11.
- ⁵⁰ 1833. Д. 820. Л. 12.
- ⁵¹ Там же. Л. 24.
- ⁵² Там же. Л. 43 об.
- ⁵³ 1830. Д. 813. Л. 50; 1831. Д. 817. Л. 78–78 об., 80–80 об.
- ⁵⁴ 1830. Д. 813. Л. 85; *Velichi C.N.* Emigrarea bulgarilor din Sliven în Țara Românească în anul 1830 // *Romanoslavica*. V. X. – București, 1965. P. 289–314; *Мещеряк И.И.* Переселение болгар в южную Бессарабию. 1828–1834. Кишинев, 1965. С. 180–193.
- ⁵⁵ 1831. Д. 817. Л. 1–2.
- ⁵⁶ *Медведева О.В.* Деятельность российского консула в Сливене Г.В. Ващенко // *Славяноведение*. 1999. № 4. С. 73; *Степанова Л.И.* Указ соч. С. 174.
- ⁵⁷ 1831. Д. 817. Л. 81.
- ⁵⁸ 1830. Д. 813. Л. 76, 87; 1831. Д. 817. Л. 59 об., 61, 78–78 об., 96; 1833. Д. 820. Л. 56, 76, 101, 102.
- ⁵⁹ 1833. Д. 820. Л. 19 об.–20.
- ⁶⁰ 1833. Д. 819. Л. 92; 1833. Д. 820. Л. 14.
- ⁶¹ 1833. Д. 820. Л. 74–74 об.
- ⁶² 1830. Д. 813. Л. 61 об.–62.
- ⁶³ 1831. Д. 817. Л. 55–55 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 56.
- ⁶⁵ 1833. Д. 820. Л. 74–75.
- ⁶⁶ Там же. Л. 141 об.; 80–80 об. В донесении указан 1832 г., но по содержанию документа, по дате приложения и по входящим номерам нами установлено, что в датировке допущена неточность.
- ⁶⁷ Там же. Л. 81 об.
- ⁶⁸ 1831. Д. 817. Л. 91; 1833. Д. 820. Л. 82–83.
- ⁶⁹ 1831. Д. 817. Л. 55 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 131.
- ⁷¹ Там же. Л. 91–95.
- ⁷² *Тодорова М.Н.* Указ соч. С. 22.
- ⁷³ 1833. Д. 820. Л. 56.
- ⁷⁴ Подробнее см.: *Медведева О.В.* Когда говорят документы...
- ⁷⁵ *Конобеев В.Д.* Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828–1830 гг. // *Ученые записки Института славяноведения*. 1960. Т. 20. С. 268–270; *Жечев Н.* Велчовата завера. 1835. София, 1985. С. 36–38; *Възвъзова-Каратеодорова К.* Капитан Георги Мамарчев. 1786–1846. София, 1986.
- ⁷⁶ 1831. Д. 817. Л. 13, 17–17 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 20–20 об.; *Грек И.Ф.*, *Червенков Н.Н.* Към историята на въоръженото въстание в България през първата половина на 30-те години на XIX в. // *Векове*. София, 1985. Кн. 1. С. 40–41.
- ⁷⁸ 1831. Д. 817. Л. 40–41.
- ⁷⁹ 1833. Д. 820. Л. 52–53 об.
- ⁸⁰ *Димитров Стр.* Сърбия и въстание в Западной Болгарии в 30–40 годы XIX в. // *Studia balcanica*. София, 1970. С. 250–252.

М.М. Фролова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.)

Abstract:

Frolova M.M. *Russian Consulate in Vidin and relocation of the Bulgarians into Russia (1861)*

Russian Consulate was established in Vidin in 1857. Unsettled land question determined the peculiar tensions in north-western Bulgaria. The patience of the Bulgarian population dwindled, when the outrage of the Turkish administration and tax increases were supplemented with yet another problem: the settlement of Crimean Tatars in Pashaluk of Vidin. Bulgarians began to look at resettling in Russia as a salvation to their families. Based on the analysis of Vidin Consul M.A. Baikov's actions, the article disputes the views, expressed in Bulgarian historiography, that the Russian government was premeditated campaign to resettle the Bulgarians in Russia in order to distract the Bulgarian people from the union with the Catholic Church and from the national liberation struggle. Documents of Russian consulate in Vidin also refute the view that Baikov and his agents provoked widespread resettlement movement in 1861 in Pashaluk of Vidin.

Ключевые слова: Видин, Видинский пашалык, русское консульство, М.А. Байков, крымские татары, переселение болгар в Россию, 1861 г., уния, национально-освободительная борьба, политика России.

Одним из важнейших направлений деятельности императорского консульства в Видине, которое было открыто весной 1857 г., явилось оказание содействия в переселении болгар в Россию, принявшее особенно большой масштаб в 1861 г. Тема переселения болгар в Россию в 1861 г. достаточно хорошо исследована, и все же в историографии нет единого мнения по ряду вопросов, например, какими мотивами руководствовался МИД России, предпринимая это переселение? Анализ работы русского консульства в Видине позволяет внести определенные коррективы в предложенные в литературе точки зрения.

На решение МИД России учредить консульство в Видине от 26 января 1857 г. повлияли донесения генерального консула в Белграде полковника М.Р. Милошевича (1856–1860). В столицу Сербии поступали сведения, что в Видинском пашалыке назревал бунт. Нестабильность в северо-западной Болгарии провоцировал нерешенный земельный вопрос. Как известно, с середины XVIII в. до 40-х гг. XIX в. (особенно в период правления видинского мятежника Пазвант-оглу) здешняя мусульманская элита из-за отдаленности края, при недоступности строгого финансового контроля со стороны центральной власти сумела получить документы на наследственное владение землей (тапу), что позволило ей обратиться государственную (хассовую) землю, которую обрабатывали крестьяне, в свою фактически частную собственность – господарлыки или агалыки. Это была своеобразная форма

феодалного землевладения, при которой не существовало крепостной зависимости крестьян от агиев, но при производстве, нацеленном на рынок, который существенно расширился с установлением регулярных пароходных сообщений по Дунаю, рентные платежи были исключительно высокими. Ликвидация спахийского землевладения не привела к уничтожению господарлыков как формы феодального землевладения, поскольку Порта полагала сохранить материальную заинтересованность у агиев, создававших первую оборонную линию против Сербии и являвшихся опорой Стамбула в этом стратегическом регионе¹. Но к ренте за землю, которую платили крестьяне аги-землевладельцу, прибавилась еще натуральная рента (десятина), которую собирало теперь государство. Узаконенный двойной налог вызывал закономерный протест крестьян, который вылился в череду бунтов (1833–1837 гг., 1841 г.). В 1850 г. произошло самое крупное восстание в Видинском пашалыке. Оно было направлено против господарлыка как системы хозяйствования. В 1851 г. Порта попыталась решить этот вопрос, предоставив право производителям выкупать свои земли из состава господарлыка. Однако крестьяне не желали покупать «землю султана», тем более, что видинский вали требовал за нее 6 млн. грошей². В 1853 г. был предложен новый проект, согласно которому аги были лишены прав на господарлыки, получив взамен государственные облигации. Крестьяне должны были выкупать землю, которую они обрабатывали, в рассрочку, что соответственно увеличивало сумму ежегодного налога в пользу государства. Но при этом крестьянам не стали оформлять тапу, что способствовало сохранению напряженности.

Знаменитый хатт-и хумайюн (указ султана) от 18 февраля 1856 г., объявлявший полное равенство прав всех подданных и обещающий проведение реформ, не изменил положение болгарского населения северо-западной Болгарии к лучшему, но вызвал у мусульман ненависть и озлобление. Белградский консул Милошевич в докладе от 19 января 1857 г. министру иностранных дел А.М. Горчакову сообщал, что христианские жители, доведенные до отчаяния насилием турецких чиновников, стали часто поодиночке и целыми группами переходить сербскую границу. Сербский князь Александр Карагеоргиевич, не желая портить с Портой отношения, распорядился возвращать назад беженцев под предлогом отсутствия у них паспортов. За помощью болгары обращались к русскому консулу в Белграде³. Милошевич предлагал учредить русские консульства в Видине и Софии, а вице-консульства в Свиштове и Тырнове⁴.

В 1857 г. консулом в Видин был назначен К.П. Соколов (1822–1863). Он имел опыт службы в Валахии и Молдове, а в 1856 г. был генеральным консулом в Белграде. С самых первых дней своего пребывания в городе Соколов обратил внимание на печальное состояние церквей и училища, в чем винил нерадение митрополита Паисия Видинского (1852–1868) и Врачанского (1861–1868), грека по происхождению, и равнодушные чорбаджиев. Настойчивое вмешательство и указания русского консула вызывали в ответ неприязнь, которая в сочетании с подозрительностью турецких властей, опасавшихся

успехов русского влияния, нередко делала положение русского консульства в Видине затруднительным. Впрочем, местные жители приняли с радостью учреждение императорского консульства и стали обращаться к Соколову для «доставления им правосудия»⁵.

В 1860 г. произошли кадровые перемены в Видинском консульстве. Соколов, который в 1859 г. находился в Белграде, являясь одновременно генеральным консулом в столице Сербии и консулом в Видине, 2 января 1860 г. был назначен консулом в Иерусалим, а в Видин в начале июня прибыл М.А. Байков, служивший с 1850 г. переводчиком в Азиатском департаменте.

15 июля 1860 г. в Видин прибыл великий визир Кюпрюлю-паша (1854, 1859–1861), который совершал инспекционную поездку по Балканам. В Видине ему было подано около 400 прошений. Болгары просили о назначении болгарской иерархии, о позволении звонить в колокола, о равенстве в суде, жаловались на злоупотребления интизапчиев (сборщиков десятины), заптиев, некоторых чорбаджиев. Были поданы просьбы о таможене, об уменьшении подати с вина, водки, овец, свиней. Кюпрюлю-паша принимал жалобы, но только наиболее вопиющие случаи превышения власти удостаивались его карающего внимания⁶. Не доехав до Боснии и Герцеговины, великий визир прервал свою четырехмесячную поездку, из которой вынес решение о необходимости провести реформы в налоговой и судебной системах.

Митрополит Паисий, воспользовавшись сменой русских консулов, затеял интригу, направленную на подрыв влияния дипломатического представительства России в Видине. По его навету видинский вали Сеид-паша без суда и следствия потребовал от монаха Хилендарского монастыря Исаяи в 3 дня покинуть город. Байков не сумел его защитить. Монаха Исаяю, пользовавшегося уважением, провожало до 300 человек, а митрополит сказал на прощание: «... теперь не будешь посещать московов»⁷.

Петербург немедленно отреагировал: директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский отметил, что Байков «не показал в своих отношениях к турецким властям и в особенности к видинскому митрополиту Паисию той благоразумной настойчивости, какая требуется от каждого политического агента в сношениях с местными властями Турции». Ковалевский не хотел делать Байкову «официального замечания на первых порах его консульской деятельности». 8 октября 1860 г. он обратился к русскому посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому (1859–1863) с тем, чтобы тот поддержал Байкова своими наставлениями и внушениями. Кроме того, в Патриархате князю следовало «особым представтельством» сообщить о «предосудительных действиях митрополита Паисия, выказывающего постоянную вражду к своей болгарской пастве», и предложить удалить его из Видина, что «облегчило бы, без сомнения, положение» русского консула⁸.

Освоившись в Видине после 8-месячного пребывания, Байков располагал серьезными доказательствами нерадения, равнодушия к своей болгарской пастве, а также сребролюбия митрополита Паисия, который не скрывал

своей вражды к России. 17 марта 1861 г. Ковалевский написал Лобанову-Ростовскому, чтобы он в очередной раз обратил внимание Патриархии на злоупотребления видинского митрополита, которого следовало заменить «человеком более достойным»⁹. Но усилия русского посланника были тщетны.

Посещение Видинского пашалыка великим визирем не привело к ожидаемому местным населением разрешению проблемы в землеустройстве с оформлением тапу. Русские консулы, собирая сведения о злоупотреблениях турецкой администрации, похоже, не были осведомлены о существовании подобной проблемы в данном регионе. Они отмечали, что положение, в котором находились христиане северо-западной Болгарии было не просто тяжелым, а ужасным, особенно по сравнению с Румелией, где, несмотря на злоупотребления власти, обременительность налогов, положение болгар было значительно лучше, что Шишкин объяснял присутствием иностранных агентов¹⁰, а не тем, что в этом регионе была завершена земельная реформа и крестьяне стали собственниками земли.

К горестям христиан северо-западной Болгарии прибавилась еще одна беда: сюда стали селить крымских татар и ногайцев, которые согласно межправительственному соглашению от 1857 г. получили право свободно переселяться из России в Османскую империю, где благодаря широкой пропаганде турецких эмиссаров и местных мулл надеялись обрести землю и свободу. По сообщениям Байкова, в Видинском пашалыке татары массово стали заселяться в 1860 г., и к началу 1861 г. здесь было расселено 10000 татарских семей. Они не намного изменили соотношение христиан и мусульман в регионе, которое было 3:1, поскольку татарские семьи были невелики и среди них существовала большая смертность¹¹. Но на христиан ложилась обязанность обеспечивать их продовольствием и построить им дома. Новые соседи-татары стали чинить насилия, хотя подобного поведения по отношению к христианам прежде, в Крыму, за ними не наблюдалось, впрочем, в России им бы и не позволили. А самое главное – татарам выделяли лучшие плодородные земли и незамедлительно выдавали тапу.

«Продолжительная бесплодная борьба за землю, непрерывные притеснения и, наконец, заселение татарских колонистов убили у крестьян надежду на то, что они смогут стать собственниками обрабатываемой ими земли». Все это вместе, подчеркивал болгарский историк С. Дамянов, привело к тому, что с осени 1859 г. у болгар возникло массовое движение переселения в Россию¹². Однако, по донесениям русских консулов, выстраивается несколько иная схема развития переселенческих настроений в Видинском пашалыке. С осени 1859 г. Соколов занимался устройством переселения в Россию только семьи известного по восстанию 1850 г. депутата Дм. Панова и семей четырех его товарищей, которые после Крымской войны остались в России, и куда 5 семей выехало в начале 1860 г.¹³.

Визит великого визиря породил ропот и недовольство болгар, которые стали появляться в русском консульстве, выражая желание покинуть родину.

Но с расселением татар болгары стали приходить к Байкову и просить спасти их. Вот тогда-то и были поданы прошения от 82 болгарских семей (около 620 человек), о чем Байков немедленно доложил в Азиатский департамент. Многочисленность подобных прошений болгар не только Видинского пашалыка, но и других регионов Балкан, заставили МИД России принять решение о возможности селить болгарских мигрантов в Таврической губернии, откуда в 1860 г. выехало в Османскую империю 136545 человек или 60,5% всех татар и ногайцев¹⁴. В болгарской историографии распространено мнение об «амбициозных планах» русского правительства, которое «решило заменить татар» трудолюбивыми болгарами «из европейской Турции, трудно мирившихся с произволом турецкой администрации»¹⁵, поэтому Россия в 1861 г. сознательно, исходя из своих экономических интересов, поощряла переселение болгарского населения в свои пустынные земли¹⁶. Рассмотрение вопроса заселения Таврической губернии в указанный период в целом не позволяет согласиться с подобным утверждением.

Опустевшие в Крыму земли в условиях существовавшего крепостного права правительство первоначально намеревалось заселять казенными крестьянами, а также пригласить иностранных колонистов, как это повелось со времен Петра I. В декабре 1860 г. Министерство государственных имуществ через свои палаты сделало распоряжение по 11 губерниям о вызове государственных крестьян. Е.В. Белова пишет, что этот проект был обречен на неудачу не только из-за финансового дефицита, но и потому что в Сибири и на Дальнем Востоке на семью выделялось по 100 десятин земли, а в Крыму на душу полагалось только 5 десятин¹⁷. (Впоследствии количество земли на душу было существенно увеличено). Однако опубликованные в 1862 г. данные по переселениям убедительно опровергают это утверждение. В 1861 г. в Таврической губернии разместилось 7787 душ обоего пола или 2017 семейств из 9 губерний, а в Западной Сибири – 828 человек или 209 семей из 3 губерний. Помимо казенных крестьян в 1861 г. в Крыму обосновалось еще 1377 семей иностранцев¹⁸. «Как ни дурны слухи о России за границей, а иностранцы идут, идут и идут к нам»: были поданы прошения от 10000 чехов и моравов»¹⁹.

В конце 1860 г. в планы Министерства государственных имуществ по заселению Крыма были внесены значительные коррективы благодаря массовому переселению болгар, украинцев и русских из той части Бессарабии, которая по Парижскому трактату 1856 г. отошла от России. Власти образованных Объединенных Дунайских княжеств отменили все льготы, которыми пользовалось это население в составе Российской империи, причем набор рекрутов и введение новых порядков проводились репрессивными методами. С ноября 1860 г. и до конца 1861 г. из Бессарабии ушло одних только болгар около 20 тыс. человек²⁰.

В проект заселения Тавриды были также включены и христиане Османской империи, причем руководство МИД России подчеркивало, что на этот шаг правительство пошло, руководствуясь «только сочувствием к бедствиям

наших единоверцев в Турции, для которых переселение в Россию было бы единственным средством облегчения их участи, сколько и видимою пользою для населения края». Именно такая позиция была выражена в предписании Азиатского департамента консулам от 10 ноября, подтвержденная 7 декабря 1860 г.

В ожидании дальнейших распоряжений из Азиатского департамента Байков всячески соблюдал осторожность в отношении к желавшим переселиться в Россию, «чтобы не возбудить какого-либо внезапного движения, не дать большего развития своеволия турок и не поставить консульство в неприятные столкновения с местными властями до получения от Порты разрешения болгарам переселиться в Россию»²¹. Получив из Петербурга предписание от 10 ноября 1860 г. вычислить приблизительные транспортные расходы на 82 болгарские семьи, Байков, чтобы не дать повода слухам о том, что консульство приступило к переселению в Россию, выяснял цены на речной транспорт не лично и не через посредство местных лиц. Он воспользовался пребыванием в Видине русско-подданного купца Захарова из Константинополя, который вел торговлю хлебом между Видином, Браиловым и Сулином. Доказательством чрезвычайной сдержанности Байкова может служить и то обстоятельство, что за это время он принял только 5 прошений от болгарских семейств из сел Лом-Паланкского округа, которые отправил в Азиатский департамент 10 декабря 1860 г.

Многие историки пишут, что переселенческое движение болгар в 1860–1861 гг. было спровоцировано широкой русской агитацией, заманивавшей льготами и обещаниями о наделении земель в собственность²². Донесения Байкова полностью опровергают это утверждение, а также вносят существенные уточнения в вопрос о якобы энергичной деятельности русских эмиссаров в Видинском пашалыке. 6 января 1861 г. Байков доносил в Константинополь о том, что митрополит Паисий, стремясь скомпрометировать русское консульство, пустился в очередные провокации. Он отправил священника Неделко и протоиерея из Белоградчика «вызывать именем» видинского консульства желающих к переселению в Россию. Байков несколько раз требовал у Сеид-паши расследовать это дело, задержать священников, узнать, какая у них была цель, но безрезультатно. Любопытно, что сам священник Неделко затем обратился к Байкову, сообщая о своих действиях, и игумен Изворского монастыря отец Агапий письменно известил Байкова о том же. Русский консул, соблюдавший предельную осмотрительность и остерегавшийся «произвести напрасное движение в народе», вынужден был вновь подтвердить свою позицию, согласно которой он только ограничивался принятием списков от о. Агапия, священника селения Горний Лом о. Михаила и некоторых других, хорошо известных ему лиц, к кому обращались болгары с просьбой «ходатайствовать пред консульством об улучшении их быта». Байков не прекращал твердить «этим лицам, что на их ходатайство консульство ничего не может сказать, возможно ли переселение или нет, все будет зависеть от Порты». Байков призывал болгар, чьи фамилии были

указаны в списках, продолжать свои работы и никому не подавать «никакого вида о желании своем ехать в Россию»²³.

Но митрополит Паисий на этом не угомонился. 6 января 1861 г. он подслал в русское консульство, когда Байкова там не было, свое доверенное лицо – бывшего протоирея в Ломе о. Иоанна, который в 1857 г. был шинкарем в Видине. Его митрополит посылал по селам собирать милостыню, которую делил с ним пополам. Об о. Иоанне и его неблагоприятном поступке в отношении болгарской паствы во время визита великого визиря Байков в свое время уже извещал Азиатский департамент²⁴. Итак, о. Иоанн настойчиво изъявлял желание уехать в Россию, на что частный драгоман консульства Г. Йошев отвечал, что примеров о переселении отсюда в Россию еще не было, кроме семейств Панова и его товарищей. Но там, как уже подчеркивалось, была другая ситуация, которая потребовала вмешательства русского консульства²⁵. О. Иоанн более не появлялся²⁶.

Митрополит Паисий, стремясь затруднить положение русского консульства, подвергал преследованию посетителей консульства, чтобы «навести на болгар еще больший страх за всякое сношение» с Байковым. Игумен Агапий, священник Михаил и другие считали себя в опасности, питая надежду на защиту императорского консульства, сообщал Байков в Константинопольскую миссию 14 января 1861 г.²⁷. Опасения болгар были не пустыми. 27 июня 1861 г. Байков писал, что вали Сеид-паша, желая выказать некоторое внимание консульству, приказал освободить о. Михаила. Но ему было велено оставаться в Видине впредь до прибытия переселенцев из селений Горний и Дольний Лом²⁸.

В донесении от 14 января Байков повторил, что болгары, не видя ни в ком защиты, ни улучшения своего положения после пребывания здесь великого визиря, ощущая еще более стесненное свое положение с расселением татар, готовы «побросать свое имущество и идти куда попало». «Таких переселенцев может дойти здесь числом до нескольких десятков тысяч человек, особенно из Берковского округа, Нишского пашалыка». Переселенческие настроения у болгар усиливала молва о новой подати: о сборе с каждого рабочего вола и с каждой лошади²⁹.

Донесения Байкова от 1860 г. и начала 1861 г. со всей очевидностью указывают на то, что до этого времени между Россией и Турцией не существовало никакой договоренности относительно массового переселения болгар из пределов Османской империи. Фактически единичные случаи миграции осуществлялись на основании международного права, согласно которому каждое семейство при наличии «узаконенного паспорта» могло переселиться в другое государство. Но к началу 1861 г. «движение» приобрело такой размах, что А.М. Горчаков счел необходимым предупредить о том Порту и просить ее сделать «соответствующие распоряжения к облегчению, по мере возможности, выезда болгар». С предписанием Горчакова от 11 января 1861 г. Лобанов-Ростовский ознакомил министра иностранных дел

Али-пашу (1861–1871), который сообщил о том в Совет министров. Порта постановила предписать «всем зависящим начальствам» не чинить препятствие эмиграции, о чем 22 февраля 1861 г. русский посланник сообщал в своем донесении в Петербург³⁰.

Летом 1861 г. христианское население из многих районов Балкан изъявляло решимость покинуть Турцию, но МИД России держался прежнего курса в вопросе о переселении болгар в Россию, что было твердо заявлено Горчаковым в письме к Лобанову-Ростовскому от 10 июля 1861 г.: «Мы никогда не имели намерение вызвать массовую эмиграцию райи. Льготы, которые мы предоставляем из видов чисто человеческой гуманности, в условиях аграрной экономики имеют границы, очерченные количеством земли, которым мы можем располагать». Русский посланник в Константинополе должен был на этот счет успокоить Али-пашу, но одновременно ему следовало настаивать на устранении со стороны турецких властей препятствий к переселению³¹.

Весной болгары бросились искать спасения от турок, но не в России, а в Сербии. 4 апреля 1861 г. белградский консул А.Е. Влангали сообщал Е.П. Ковалевскому ужасающие подробности бегства 91 болгарского семейства из Видинского пашалыка в Сербию. Спонтанная эмиграция болгар в Сербию, которая стала принимать столь значительный размах, заставила турецкие власти удвоить пограничные посты, разместить в большинстве болгарских сел военные подразделения³².

Турецкая администрация Видинского пашалыка, несмотря на предписания Порты, исподволь и открыто возводила систему препон для удержания христианского населения от переселения в Россию. 20 апреля 1861 г. Сеид-паша отказался выпустить болгарских депутатов в Россию для избрания удобных земель для поселения. Этот запрет, как и настоятельные просьбы самих болгар допустить отступление от общепринятого в России порядка, обернулись в конечном счете трагедией для переселенцев.

Сеид-паша также потребовал, чтобы каждый представитель семейства лично являлся к нему за дозволением ехать в Россию. После этого распоряжения, по словам Байкова, «последовало ежедневно возрастающее движение, грозящее превратиться в общее». С 26 апреля по 2 мая в Сарае записалось из разных сел более 100 семейств. А всего с июля 1860 г. по 2 мая 1861 г. до 400 болгарских семейств письменно изъявили желание переселиться в Россию. Посетители русского консульства уверяли, что целые деревни готовы двинуться в Россию. Сеид-паша держал в тайне от Байкова количество записавшихся переселенцев. Он установил 20-дневный срок для окончания всех расчетов болгар-переселенцев на месте, после чего он собирался выдавать паспорта и только тогда обещал Байкову предоставить официальный список переселенцев. Байков беспокоился (и не напрасно), что подобный порядок поведет ко многим дурным последствиям³³.

В донесении в Азиатский департамент от 9 мая 1861 г. Байков сообщал, что «переселение, по-видимому, начинает принимать обширные размеры»:

по дошедшим до него сторонам сведениям число эмигрантов уже увеличилось до 3000 семейств. Но реальность все же была несколько иной. Жители городов Белоградчик, Видин и Лом-Паланка, по словам Байкова, все еще занимали выжидательную позицию. В консульство, действительно, приходили многие болгары с просьбой принять их в число переселенцев, но Байков «позволил себе многие села отклонить на некоторое время от желания переселиться, имея в виду поддержать порядок в здешнем крае»³⁴. Кроме того, все еще не было ясно, «до какой степени местная власть допустит болгар к эмиграции». Турки «сильно боятся обнищать после выезда болгар, а татары жалеют свою прежнюю жизнь и откровенно выражают это при болгарях»³⁵.

16 мая 1861 г., когда истек назначенный Сеид-пашой срок в 20 дней, Байков оптимистично полагал, что через 8 или 10 дней он сможет отправить первый транспорт с переселенцами. Однако этого не случилось: первая партия переселенцев тронулась только 29 июля. Турки оказались изощренней, чем мог предположить русский консул. Сеид-паша установил плату за выдачу загранпаспорта в 40 пиастров. Кроме того, выяснилось, что многие эмигранты оказались должны большие суммы. Селяне из сел Горне и Дольне-Лом, по сообщению Байкова от 27 июня 1861 г., уже были двинулись в Видин, как вдруг турки потребовали с каждого семейства «уплатить по 201 пиастру господаринка (деньги, следовавшие в уплату помещикам по случаю бывшего в 1850 г. возмущения)». О. Михаил пришел на помощь своим односельчанам и отправил до 3000 пиастров в села для раздачи самым бедным, решительно пожертвовав последними своими накоплениями. Байков полагал, что «если не настаивать на переселении жителей из этих сел, значит отстать от всякой мысли об эмиграции славян отсюда». Поэтому он позволил себе возвратить священнику деньги под расписку и печать, причем эту сумму он взял из консульских средств, предназначенных для раздачи самым пострадавшим семействам Видинского пашалыка. А шлеп уже стоял у Видина. Байков надеялся, что когда эти селяне будут отправлены в Россию, то и остальные эмигранты, увидев, как напрасно турки «стращали переселенцев смертью, напастями и другими выходками, начнут действовать решительнее и спешить воспользоваться более удобным временем к эмиграции»³⁶. Действия Байкова, явно направленные на то, чтобы побудить первых переселенцев к отъезду, убеждают, что огромный размах переселенческого движения существовал в то время только на словах и в слухах, болгары выжидали. Умер султан Абдул Меджид I (1839–1861), на трон взошел его брат Абдул Азис (1861–1876), о чем 26 июня 1861 г. в Сарае Видина торжественно читали фирман. Смена правления, как правило, всегда возбуждает в подданных завышенные надежды на перемены к лучшему.

Но турецкие власти своим саботажем распоряжений Порты породили обратную реакцию у болгар. Отплытие из Видина первых переселенцев, походившее на праздник, как и предполагал Байков, прорвало плотину естественного опасения в перемене жизни. Вскоре русскому консулу

пришлось вернуться к прежней позиции удерживания населения. Преодоление препон, расставляемых на пути переселенцев со стороны всех: мудиров, митрополита Паисия и его клиентов, евреев, турок, самих болгар, только добавляло решимости болгарам и еще более спланивало односельчан.

В итоге, переселенцы уплатили свои подати и повинности за 1861 г. и недоимки за прошлые годы, внесли помещикам долг господаринку по 202 и по 220 пиастров, заплатили недоимочные деньги за десятину, собирающуюся лет 6–10 тому назад. Переселенцы оставили свои винные бочки, хлеб, виноград, некоторые принадлежащие им земли и мельницы. И, тем не менее, упомянутая масса переселенцев «была не лишена совершенно денежных средств». Байков отметил, что в большинстве переселенцы были не безбедными. Беднейшие семейства с большой легкостью получали от достаточных денежные вспомоществования на уплату податей, долгов, паспортов и в содержание, впредь до посадки своей на суда, когда уже содержание отпускалось от русского правительства³⁷.

Понятно, что приток к Видину переселенцев из сел был неравномерным. Турецкие чиновники выдавали паспорта «смотря по обстоятельствам». В конце августа «и совсем оказался недостаток в паспортах»: за ними следовало посылать в Стамбул. Сколько бы пришлось ждать загранпаспортов болгарам, собравшимся у Видина с 15 августа, неизвестно, если бы Байков не получил согласие видинского вали выдавать переселенцам внутренние паспорта на правах заграничных, т.е. с платой вместо 6 – 40 пиастров за каждый, впредь до получения ими загранпаспортов³⁸.

Байков старался держать ситуацию под контролем. Ему в этом помогал секретарь консульства и переводчик А.А. Ольхин, впоследствии служивший вице-консулом в Варне (1862–1865), и частный драгоман Тошев. Но загруженность делами была такова, что Байкову пришлось пригласить еще хиатиба (писца из турок). Консульство успевало вовремя заполнять загранпаспорта, составлять подробные списки переселенцев, нанимать шлепы и суда с условием, чтобы на шлепах строились перила и сверху имелись навесы для защиты болгар от солнца и дождя, а на судах устраивали бы вторую палубу для большего и удобнейшего помещения переселенцев. Консульство производило заказы хлеба на 5-дневное содержание переселенцев в пути от Видина до Сулина. Сама посадка людей на суда продолжалась, смотря по численности партии, день или два. Байков затем сообщал по телеграфу в Галац и Одессу о количестве переселенцев и о времени их отъезда из Видина.

Ограниченное количество судов и шлепов, потребность в которых была велика во всех торговых портах по Дунаю, создавало большие затруднения при найме. Байков все время опасался, что при недостатке транспортных средств множество переселенцев могут остаться неотправленными, поэтому он «старался всеми силами постоянно сокращать цифру переселенцев». Препятствия и проволочки со стороны местного начальства были причиной того, что переселение началось только в июле и кончилось 3 октября. Впрочем, в 1861 г.

не только турки, но и сама природа препятствовали развитию широкого переселенческого движения: в тот год наблюдалась «необыкновенная убыль воды в Дунае», и русские пароходы не могли войти в Дунай. Всего в 1861 г. в Россию из Видина уехало 10990 болгар обоюбого пола или 1560 семейств³⁹.

Однако с окончанием забот по организации транспортировки болгар-переселенцев хлопот у Байкова не убавилось. Переселенцы в консульстве оставили более 200 денежных документов на земли и мельницы, что доказывает доверие болгар к Байкову. Консульству предстояло их реализовать, а также исходатайствовать переселенцам право получить известную долю из оставленного ими хлеба⁴⁰.

Осенние шторма на Черном море, наступление холодов были неблагоприятны для осуществления перевоза болгар и водворения их в Таврической губернии. Следует подчеркнуть, что еще в августе 1861 г. вице-директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов неоднократно просил Байкова остановить до весны переселение болгар, поскольку плавание осенью было опасно. Но консул был бессилён: решимость болгар, поднявшихся на переселение и распродававших свое имущество, было уже невозможно переломить. 21 сентября Азиатский департамент направил секретное предписание консулам – удерживать по возможности болгар-переселенцев до весны 1862 г. Это распоряжение прозвучало и 9 октября, вероятно, вслед за отправлением из Видина последней партии переселенцев 3 октября.

Впрочем, эти распоряжения Азиатского департамента не означали кардинального изменения курса: переселение считали выгодным как для славян, спасавшихся от гнета турок, так и для России, заселявшей свои опустевшие земли в Крыму. В октябре Лобанов-Ростовский ходатайствовал «о фирманах для переселенцев варненского и тырновского округов»⁴¹. Император Александр II, считая дело переселения черногорцев и болгар очень важным, учредил 9 ноября 1861 г. особый комитет, в который вошли Горчаков, Игнатьев, военный министр Д.А. Милютин, министр государственных имуществ А.А. Зеленой и министр финансов А.М. Княжевич⁴².

Комитет, собравшийся 29 ноября 1861 г., рассмотрел просьбы о переселении в Россию 100 семейств черногорцев, свыше 2500 семейств болгар из Адрианопольского и Видинского пашалыков, 1000 семейств греков, 1000 семейств словенцев, прошения славян из Боснии и Герцеговины, некрасовцев из Добруджи. Был изучен вопрос о переселении русских, украинцев, болгар из южной Бессарабии, отошедшей после Крымской войны к Молдове. Комитет признал возможным переселить 5,5 тыс. семейств из Османской империи при условии, если Министерство финансов отпустит 2 млн. руб., но оно смогло выделить только 1,4 млн. руб.⁴³. При обсуждении прозвучало опасение, что переселение такого количества славян из Турции может ослабить славянский элемент на Балканах. Члены комитета были осведомлены, что размах миграции взволновал лидеров болгарского национально-освободительного движения, считавших переселение губительным для самих

переселенцев и «народоубийственным вообще для Болгарии»⁴⁴. Однако Игнатъев, как отметила В.М. Хевролина, «горячо ратовавший за переселение славян в Россию», считал, что «их не так много, чтобы ослабить славянские земли»⁴⁵. Годы спустя Игнатъев в своих «Записках» назовет идею «о размеже в большом масштабе населения с Турцией», т.е. идею о переселении болгар из Османской империи в Крым, откуда выехали татары и ногайцы, пагубной для влияния России на Востоке⁴⁶.

Именно от этой поздней оценки знаменитого дипломата будут отталкиваться многие исследователи. Д. Косев считал, что переселение «было одним из величайших недоразумений русской политики в Болгарии», поскольку оно наносило удар по болгарской народности, что обрубало «один из суков», поддерживавших русское влияние⁴⁷. Й. Митев, как и М. Арnaudов, писал, что эта политика России была вредна для болгар, но призывал быть «снисходительными к русскому правительству, которое не имело другой возможности помочь болгарам». Е. Хаджиниколова полагала, что «это была одна старая, традиционная и общеизвестная политика России, берущая начало с Петра I». Просто раньше никто против переселения в Болгарии не выступал. В 60-е годы XIX в. появилась болгарская общественность, осознавшая интересы своего народа и остро реагирующая на все, что мешало национально-освободительному процессу⁴⁸.

Новую интерпретацию намерений русского правительства относительно переселения болгар в Россию предложил современный историк И. Тодев. Он доказывал, что русское правительство организовало не просто переселение болгар, а предприняло хорошо спланированную акцию по переселению, которая помогла свести на нет униатское движение, перед которым вставали блестящие перспективы в первой половине 1861 г., а также перевести широко задуманную повстанческую акцию Г.С. Раковского в совсем слабое волнение в Тырновском районе – хаджи Ставрев мятеж⁴⁹.

Католические эмиссары сулили болгарам национальную церковь, что избавит их от притеснений греческого духовенства, погашение долгов прозелитов турецкому правительству, покровительство Франции. Альтернативе унии, как подчеркивал Тодев, было переселение в Россию, которое освобождало болгар от гнета мусульман, греческого духовенства, обещало благодаря льготам и наделению землей существенного улучшения жизни. Поэтому и уния, и переселение, подчеркивал болгарский историк, привлекали в первую очередь людей из низших социальных слоев, способных поверить обещаниям. Успешность унии лишала Россию ее влияния на болгар-униатов, поэтому русские дипломаты, отлично уловившие альтернативность унии и переселению, не только повели борьбу с унией, организовав вывоз в Одессу архимандрита И. Сокольского, рукоположенного Римским папой в марте 1861 г. архиепископом болгарской униатской церкви, но и спровоцировали переселенческое движение, чтобы отвлечь болгар от унии. Истинной причиной приостановления переселения поздней осенью 1861 г. Тодев

называл агонию обезглавленной унии, а не обычно перечисляемые в литературе причины: отсутствие достаточного количества свободных земель в Крыму, осознание того, что переселение настраивает в антирусском духе болгарскую общественность и сокращает болгарское население в Турции⁵⁰.

Наблюдения Тодева интересны, но они не «работают» для Видинского пашалыка – ведь Балканы были не однородны. Следует подчеркнуть, что болгары, которые проявляли желание уехать из Турции, отнюдь не были бедны, поскольку сумели выплатить все свои долги, налоги, помочь менее зажиточным односельчанам. Поэтому тезис Тодева о том, что к переселению обратились самые бедные слои населения, для Видинского пашалыка не подходит. Греко-болгарская церковная распря (одним из решений которой была уния), «волнующая умы в Румелии и восточной Болгарии», в северо-западной Болгарии «имела весьма слабый отголосок», – писал 31 мая 1860 г. Шишкин. В этом регионе греков было ничтожное количество, или они вовсе отсутствовали, а «богослужение, за исключением нескольких молитв, читаемых при архиерейской службе на греческом языке, проходило на языке славянском»⁵¹.

Видинский пашалык, как отмечал Н.Генчев, в период «первого тура» униатства (1860–1865) не был охвачен этим движением, разве что наблюдались редкие и тщедушные случаи⁵². Действительно, Байков сообщал 27 ноября 1860 г., что в Видине получали письма из Константинополя, в которых запрашивалось согласие на вступление в унию с западной церковью. Осторожные видинцы ответили только на второе письмо, предоставив все решать константинопольским болгарам⁵³. Но Тодев считал, что униатство имело сильные позиции в Видине, доказательством чему служил арест по доносу митрополита Паисия чорбаджия хаджи Томаки Цанкова, попечителя газеты «България», пропагандировавшей униатство. Он был вождем униатов в Видине, готовил петицию в Константинополь. Тодев указывал, что митрополит, чтобы притупить остроту церковного конфликта в епархии, предпочел ратовать за переселение, которое хотя и сокращало его паству, но не лишало его верующих совсем, как в случае с унией, а также «обеспечивало бы ему возможность остаться в Видине, что представлялось довольно проблематичным в конце 1860 г. и весной 1861 г.»⁵⁴.

Однако донесения Байкова убедительно свидетельствуют о том, что митрополит Паисий активно противодействовал переселению болгар в Россию, а его, так сказать, агитация в пользу переселения, проводимая от имени русского консульства, преследовала совсем иные цели. Лобанов-Ростовский в поддержку видинского консула против интриг митрополита делал не раз представления в Патриархии с тем, чтобы митрополит Паисий был заменен другим человеком. И митрополит Паисий не мог не знать о ходатайствах русского посланника, благодаря которым он мог остаться без места.

Ситуация повторилась в 1864–1865 гг., когда вали Мидхат-паша (1864–1867) стал расселять в Дунайском вилайете черкес, кавказских горцев, покинувших родину после поражения в Кавказской войне. Болгары были

обязаны делиться с гостями продовольствием и кровом. Черкесы не довольствовались выделенными им землями, но «вооруженной рукой» стали отнимать понравившиеся им участки у болгар и турок. При этом они предпочитали не обрабатывать землю (это принуждены были делать болгары), а, объединившись в шайки, занимались грабежами. Нередко они затевали драки и между собой.

Подобное насилие, увеличение податей, несправедливость в судах, «всякая беззащитность невинных возбудили сильное волнение в народе, который опять бросился искать спасения в России», – докладывал Байков 15 июня 1865 г. Болгары и валахи стали толпами появляться в консульстве и требовать от Байкова принять их просьбы. Но консул всем отказывал, убеждая их терпеть и надеяться, что с новым устройством в управлении, которое им дала Порта, участь их изменится в лучшую сторону. Волнение в народе поддерживалось болгарскими перебежчиками в Сербии и России. Внес свою лепту и митрополит Паисий: он начал выяснять у болгар, кто собрался переселиться в Россию, и соответственно «внушил им мысль», что переселение осуществляется. Байков через драгомана посольства сообщил митрополиту, что никакого переселения нет, а из Видина отправляется только 3 семейства, получившие разрешение выехать в Россию к своим родственникам, их вызвавшим. Но митрополит послал своих людей по селам разведывать о переселенцах, что, по мнению Байкова, еще более увеличит приток селян в императорское консульство⁵⁵.

Митрополит Паисий искусно интриговал против русского консульства не только в вопросе переселения. Он также продолжал преследовать тех священников, которые посещали Байкова. Митрополит всячески затруднял деятельность Байкова, направленную на улучшение состояния церквей. 5 октября 1866 г. Байков сообщал, что с отсутствием митрополита Паисия консульство «с большей легкостью и беспрепятственно со стороны турецких таможенных властей пополняет недостаток церквей безденежно и за деньги, смотря по достатку их. Болгаре, довольные этим, спешают передавать мне свои просьбы о своих желаниях по делам церковным»⁵⁶. Таким образом, можно заключить, что митрополит Паисий видел угрозу для себя не в униатстве или переселении, а в деятельности русского консульства, которое достаточно жестко вмешивалось в его дела, пыталось контролировать его доходы, настаивало на необходимости улучшать состояние церквей и учебного дела в епархии, умаляло его власть над верующими, которые искали теперь защиту и опору не в нем, а в консульстве, и в целом сокращало в пастве уважение и почтение к его особе. Тот страх, в котором митрополит держал свою паству, был преодолен, и в 1865 г. он был изгнан из Видина.

Сложно согласиться с мнением Тодева и в том, что переселение в Россию стало препятствием в развитии мятежных устремлений болгар. Болгарский историк считает, что именно в Видинском пашалыке, где существовали бунтарские традиции и где должно было вспыхнуть восстание в поддержку

готовящегося сербского, Россия организовала переселение болгар для того, чтобы притупить накал и отвлечь болгар от выступления. «В условиях внешнеполитической слабости царизма» Россия не могла поддержать вооруженную борьбу, что оборачивалось для нее ощутимой потерей своего влияния в Болгарии⁵⁷. Действительно, МИД России не был заинтересован в возникновении серьезного вооруженного конфликта на Балканах, поскольку прекрасно понимал, что «расхлебывать кашу» придется России, как это и произошло в 1877–1878 гг. Кроме того, болгарские историки традиционно преувеличивают повстанческие возможности болгар того периода. Шишкин, проехав весной 1860 г. через Видинский пашалык, отмечал: «Нигде не встречал я не только каких-либо приготовлений к скорому восстанию, даже веры в возможность без постороннего вмешательства произвести подобный замысел в исполнение»⁵⁸.

И, тем не менее, действительно, каждую весну Байков посылал секретные сообщения о готовящемся в Болгарии восстании. В декабре 1865 г. В.Ф. Кожевников, консул в Русуке (1865–1867), посетил Видин и 30 декабря 1865 г. сообщил в Петербург о том, что «вероятно, агенты князя А. Кузы, желающие произвести волнение в умах по сю сторону Дуная», распространяли «нелепые слухи о готовящемся восстании в Болгарии». «Я положительно убежден, что восстание в Болгарии в настоящее время быть не может, ибо при существующем раздоре между общинами, народом, городскими сословиями и духовенством и при всяком отсутствии как материальных, так и нравственных средств, христиане не могут и помыслить о вооруженном сопротивлении туркам. К тому же это даже и не в характере болгарского народа, далеко уступающего христианам Западных провинций в энергии, мужестве и решимости»⁵⁹.

К оценкам русских дипломатов следует добавить весомое замечание Ст. Дамянова о том, что крестьяне северо-западной Болгарии, получив, наконец, заветные тапу на землю в 1863 г. и превратившись в большинстве своем в мелких и средних собственников, перестали принимать активное участие в национально-освободительной борьбе. Население стало совершенно апатичным ко всякой политической агитации, и попытки В. Левского создать здесь центры Внутренней революционной организации потерпели неудачу⁶⁰.

Следует еще добавить к сказанному, что русское правительство, якобы тщательно задумывая акцию по переселению болгар в Россию, как стремился доказать в своей работе И. Тодев, не могло бы доверить столь ответственное дело неопытному чиновнику, каким тогда был Байков. Кроме того, Азиатский департамент, разрабатывая подобное мероприятие, вряд ли бы допустил столь длительное отсутствие консулов в Видине.

Некоторые современники, в отличие от Раковского и других общественных деятелей, высказали мнение, заслуживающее внимания историков. Вице-консул Рачинский в докладе от 16 октября 1861 г сообщил, что «один из благоразумных здесь болгар просил меня как можно более возбуждать

движение к переселению. Он убежден, что переселятся не очень многие, но самое движение, ободлив народ, может послужить выражением громкого протеста болгар и исподволь заготовить в народе волнение, которому достаточно будет опоры в западно-турецком движении или в незначительной помощи России, чтобы превратиться в решительное восстание»⁶¹.

Итак, циркуляром от 4 января 1862 г. Азиатский департамент сообщал консулам на Балканах о прекращении переселений болгар в Россию⁶². К названным причинам, вызвавшим это решение, можно добавить также многочисленные примеры возвращения видинцев из России уже в 1861 г. Трудная зима в Таврической губернии и отсутствие желанных гор и источников в степных районах Крыма привели в 1862 г. к массовому исходу болгар Видинского пашалыка из России.

Организация переселения болгар из Османской империи в Крым является одной из составляющих политики России на Балканах в начале 60-х гг. XIX в. После Крымской войны была возобновлена деятельность дипломатического представительства России в Константинополе и расширена консульская сеть. Однако это не означало, что произошло и восстановление влияния России в Османской империи. Напротив, константинопольская миссия, через которую проводилась политика России на Востоке, находилась в плачевном состоянии: ни А.П. Бутенев, ни А.Б. Лобанов-Ростовский не смогли наладить отношения ни с Портой, ни с Константинопольской Патриархией, ни с болгарскими общинами; не смогли противостоять усиливавшемуся влиянию европейских стран⁶³. В таких вопросах, как церковная болгаро-греческая борьба, распространение униячества русской миссии в силу своей изоляции приходилось лишь следовать за событиями, а не упреждать их или являться активным участником происходившего. В рассматриваемый период константинопольская миссия была способна лишь парировать удары, наносимые, например, католическими миссионерами, занимая «оборону».

Подобное развитие событий имело место и в вопросе переселения. Константинопольская миссия была поставлена перед фактом требований и прошений болгар о переселении в Россию, в которой они всегда получали убежище от турецкого произвола. Русское правительство, как всегда, вняло просьбам болгар, позволив им переселяться в Крым. Здесь, конечно, не упускалась и экономическая выгода: заселение опустевших земель земледельческим народом. И как обычно, когда количество желавших уехать из Турции переросло критическую массу, русское правительство срочно предприняло меры к остановке движения, как это было после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.⁶⁴. Это была уже традиционная для России схема.

Но в 1861 г. на процесс переселения оказали воздействие новые факторы изменившегося времени. И. Тодев справедливо обратил внимание на то, что стремление болгар к переселению совпало с распространением униячества и желанием Раковского и его сподвижников устраивать выступления

в Болгарии, что не могло не оказать влияние на него, т.к. все явления взаимоотношений обусловлены. Однако утверждение, что движение переселения заранее было спланировано русскими политиками, не выдерживает критики. Деятельность русского консульства в Видине со всей очевидностью раскрывает несостоятельность основных положений концепции Тодева и некоторых других болгарских историков. Впрочем, следует констатировать, что тема переселения болгар в Россию в 1861 г. все еще не исчерпана, и исследователям рано ставить точку.

Примечания

- ¹ Дамьянов С. Към въпроса за премахването на «господарльците» в северозападна България през 50-те и 60-те години на XIX в. // Сборник в чест на проф. д-р Христо Гандев. София, 1985. С. 183–184.
- ² Там же. С. 185.
- ³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876 гг. София, 1987. Т. 1. Ч. 1. № 44. С. 116.
- ⁴ Там же. № 45. С. 117.
- ⁵ Там же. № 60. С. 151–152.
- ⁶ Там же. № 207. С. 432–438.
- ⁷ Там же. С. 435–437.
- ⁸ Там же. № 214. С. 461–462.
- ⁹ Там же. № 265. С. 64.
- ¹⁰ Там же. № 198. С. 409.
- ¹¹ Там же. № 259. С. 44.
- ¹² Дамьянов С. Указ. соч. С. 188.
- ¹³ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 152. С. 325; Т. 1. Ч. 2. № 259. С. 48.
- ¹⁴ Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ). 1861. № 4. С. 143.
- ¹⁵ Дойнов Ст. Последното масово преселение в Южна Русия (1861–1862) // Исторически преглед. (ИП). 1992. Кн. 11–12. С. 21; Тодев И. О балканской политике России в начале 60-х гг. XIX ст. // Bulgarian Historical Review. (BHR). 1988. № 3. С. 42.
- ¹⁶ История на България. София, 1987. Т. 6. С. 78.
- ¹⁷ Белова Е.В. Миграционная политика на юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871). М., 2004. С. 185.
- ¹⁸ ЖМГИ. 1862. № 1. С. 23; № 9. С. 2–3; № 1.
- ¹⁹ Хроника колонизации // ЖМГИ. 1862. № 5. С. 28.
- ²⁰ Хаджиニコлова Е. Переселение болгарского населения из Молдавского княжества в Россию в 1860–1861 гг. // BHR. 1986. № 3. С. 45.
- ²¹ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 231. С. 497.
- ²² Дойнов Ст. Указ. соч. С. 19.
- ²³ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 248. С. 17–18.
- ²⁴ Там же. № 207. С. 435.
- ²⁵ Там же. № 152. С. 325; Ч.2. № 248. С. 19.
- ²⁶ Там же. № 248. С. 19.
- ²⁷ Там же. С. 17–19.
- ²⁸ Там же. № 295. С. 128.
- ²⁹ Там же. № 248. С. 18–19.
- ³⁰ Там же. № 262. С. 53–54; № 245а. С. 12–13.
- ³¹ Там же. № 298. С. 133.
- ³² Там же. № 275. С. 87–88.
- ³³ Там же. № 280. С. 107–109.

- ³⁴ Там же. № 281. С. 109.
- ³⁵ Там же. № 285. С. 114.
- ³⁶ Там же. № 295. С. 129.
- ³⁷ Там же. С. 168.
- ³⁸ Там же. С. 169–170.
- ³⁹ Там же. С. 171–172.
- ⁴⁰ Там же. С. 168–169.
- ⁴¹ Там же. № 310. С. 162.
- ⁴² Там же. № 316. С. 176.
- ⁴³ *Хевролина В.М.* . Российский дипломат граф Н.П. Игнатиев. М., 2004. С. 111.
- ⁴⁴ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 315. С. 175.
- ⁴⁵ *Хевролина В.М.* . Указ. соч. С. 111.
- ⁴⁶ Граф Н.П. Игнатиев. Дипломатически записки (1864–1874). София, 2008. С. 89.
- ⁴⁷ *Косев Д.* Г. Раковски за външната политиката на българското национално-освободително движение // ИП. 1971. № 4. С. 52.
- ⁴⁸ *Хаджиниколова Е.* Българските преселници в южните области на Русия (1856–1877). София, 1987. С. 32.
- ⁴⁹ *Тодев И.* Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁰ Там же. С. 48–49.
- ⁵¹ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 198. С. 406–407.
- ⁵² *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 180–181.
- ⁵³ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 241. С. 532–533.
- ⁵⁴ *Тодев И.* Указ. соч. С. 50–51.
- ⁵⁵ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876 г. София, 1990. Т. 2. № 81. С. 176–177.
- ⁵⁶ Там же. № 190. С. 332.
- ⁵⁷ *Тодев И.* Указ. соч. С. 53.
- ⁵⁸ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 198. С. 409.
- ⁵⁹ Русия... Т. 2. № 123. С. 246–247.
- ⁶⁰ *Дамянов С.* Указ. соч. С. 192–193.
- ⁶¹ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 310. С. 164.
- ⁶² Там же. № 324. С. 195.
- ⁶³ *Хевролина В.М.* . Указ. соч. С. 127.
- ⁶⁴ *Медведева О.В.* Българские переселения в Россию в политике российского государства в XVIII – первой трети XIX вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2009. С. 36–38.

И.В. Чуркина
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Словенские русофилы последней трети XIX в.

Abstract:

Churkina I. *Slovenian Russophiles of the last third of XIX century*

Russophilia originated from Slovenes during the Renaissance. Like among other Slavs, it was connected with the hope that the biggest Russian Slavic nation that has created the only independent Slavic state, will help them protect their rights even before independence. Later russophilia in the ideology of Slovenian national figures, occasionally weakened or increased, depending on the circumstances. Most strongly it manifested itself during the Eastern crisis and the ensuing decade. When Serbia, Montenegro and Bulgaria were freed from Turkish rule, it led to a birth of hope of a number of Slovenian politics about the possibility of liberation from foreign oppression by joining Slovenians in Slavonic national unity, formed under the auspices of Russia. Liberals advocated reliance on Russia most consistently, especially F. Podgornik and his supporters. Podgornik published the newspaper «Slovansk light», which promoted the need for the Slavs to adopt Russian as a Common Slavonic and create Slavic (Orthodox) Church.

Ключевые слова: русофильство, Балканский кризис, надежда на освобождение словенцев с помощью России, Подгорник, общеславянский язык, церковь, Словения.

Русофильство было характерным явлением для многих славянских народов, находившихся под чужеземной властью. И это не случайно, ибо Россия в конце XVIII в. являлась единственной славянской страной, имевшей собственную государственность. Кроме того, она к тому времени стала одной из могущественнейших европейских держав, с которой вынуждены были считаться и европейские государства, и еще достаточно сильная Османская империя. У словенцев русофильские настроения появились в последней трети XVIII в., когда началось словенское Возрождение, и словенским будителям понадобилась аргументация для доказательства права словенцев на свободное развитие. Они исходили из существовавшего в то время в научной среде убеждения, что славяне являются одним народом, следовательно, словенцы, как и другие славяне, могут по праву гордиться достижениями русских и считать их своими. Русофильские идеи у словенских национальных деятелей существовали в том или ином виде на протяжении всего XIX в., то усиливаясь, то ослабевая в зависимости от складывавшейся политической обстановки.

Особую роль в развитии русофильских идей в словенском национальном движении сыграл Балканский кризис, начавшийся с восстания в 1875 г. в Боснии и Герцеговине и закончившийся русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Все словенские национальные деятели, особенно либерального толка, отнеслись с сочувствием к восстанию. Некоторые либералы связывали с ним далеко идущие планы, надеясь на создание после победы повстанцев независимого югославянского государства. Словенские патриоты учредили комитет, который занимался сбором пожертвований в пользу герцеговинцев. Словенцы

приветствовали вступление в войну с Османской империей Сербии и Черногории в 1876 г. Но неуспехи повстанцев, разгром сербских и черногорских войск привели словенских политиков к убеждению, что только вступление в войну России может обеспечить победу славян на Балканах. Объявление Россией войны Турции 24 апреля 1877 г. было встречено словенской общественностью с воодушевлением и великими надеждами. «Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь, которая потечет в Болгарии, – писал «Словенски народ» 28 апреля 1877 г., – что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»¹.

С победой России словенские либералы связывали самые смелые планы. «Словенски народ» опубликовал статью хорватского политика П. Томича, в которой он утверждал, что «решение восточного вопроса принесет ... и решение чешского, польского и хорватского вопросов». К этому утверждению редакция газеты добавляла: «С хорватским вопросом будет решен также и словенский вопрос»². Под решением чешского, польского, хорватского и словенского вопросов редакция подразумевала их политическое освобождение.

Причины такого горячего сочувствия словенцев борьбе балканских славян и русской армии против османских поработителей очень точно объясняет словенский историк В. Мелик. События на Балканах, указывает он, стали для словенцев неотъемлемой частью их собственной политической борьбы. Поскольку симпатии правительства и немецкой партии были на стороне турок, то «всякая победа повстанцев, сербов или русских являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение – также и словенским поражением»³.

Но уже в начале 1878 г. словенским политикам стало ясно, что победа русских не принесет немедленных плодов славянам Австро-Венгрии. «Словенски народ» привел на своих страницах статью одного из чешских лидеров Л. Ригера, в которой он заявлял, что в ближайший год славянский вопрос не будет решен полностью. По его мнению, русско-турецкая война принесет свободу только балканским славянам, а для австрийских славян она будет полезной лишь тем, что создаст условия, которые они смогут использовать затем в своих интересах⁴.

Но надежда на Россию у словенцев оставалась, только планы ее осуществления отдалялись на неопределенное время. В настоящий же момент словенские патриоты призывали соотечественников изучать русский язык. «Опираясь на знание русского языка и на все духовные достижения этого 80-миллионного народа ..., мы могли бы успешно сопротивляться распространяющемуся германизму и италиянизму и сохранить свой славянский характер и язык», – писал корреспондент из Верхней Крайны. А корреспондент из Триеста советовал изучать русский язык в интересах развития словенской торговли⁵.

Русско-турецкая война содействовала распространению русофильских настроений среди самых широких слоев словенского населения. Об этом свидетельствуют корреспонденции в «Словенски народ» из небольших городков и сел. Так, корреспондент из Трбовель (центра угольной промышленности в Крайне) сообщал, что и простой крестьянин, и рудокоп, и чернорабочий с нетерпением ожидают победы русских над турками. Корреспондент признавал,

что простые люди в Трбовлях до войны мало чего слышали о русских, а теперь они желают русским самого большого счастья⁶. О том же писал корреспондент из крестьянской Тухинской долины: все ее жители радуются победам русских и никто не сочувствует туркам⁷. Падение Плевны словенская молодежь отметила разжиганием костров на горах, пением и плясками вокруг них, как это обычно делалось в большие национальные праздники со времен язычества. Корреспондент из Краса отмечал: «Русский в глазах нашего крестьянина храбрый силач, которого никто не может победить»⁸.

Словенцы приветствовали заключение Сан-Стефанского договора, благоприятного для России и балканских славян. Но против него выступили европейские державы, особенно Англия и Австро-Венгрия. Англичане угрожали России введением в проливы своего флота, Австро-Венгрия стала готовиться к оккупации Боснии и Герцеговины. Эти маневры были восприняты словенской общественностью с неудовольствием. «Влияние и силу на Востоке Австрия может иметь только в дружбе с Россией», – писал «Словенски народ»⁹. Словенский депутат в рейхсрате Йосип Вошняк заявил на одном из его заседаний, что война Австрии против России была бы воспринята как «удар кулаком в лицо 16 млн. австрийских славян, она бы стала началом конца Австрии»¹⁰. Такие настроения прослеживались и среди сельского населения. «Когда наши крестьяне слышат о войне с Россией, – писал в «Словенски народ» корреспондент из Краса, – в которую нас хотят втянуть наши мадьяры, они смеются над этим желанием, как над детским поступком ... Русско-турецкая война сильно повлияла на нашего крестьянина ... Крестьяне питают такое священное уважение к русскому народу, которое не поддается описанию»¹¹.

Резкое осложнение политической обстановки в Европе охладило надежды словенских политиков на скорое освобождение словенцев с помощью России. Но все же Россия в их глазах превратилась в могучую защитницу славянских народов. Пример Болгарии, Черногории, Сербии, славянских государств на Балканах, обретших свою независимость с помощью России, все же давал мечтам и проектам словенских политиков реальное направление. Вера в освободительную миссию России окрепла.

Симпатии к России у словенцев подкреплялись ухудшением их политического и экономического положения. В начале 70-х гг. словенские земли охватил экономический кризис, который разразился во всех землях Австро-Венгрии. Этот кризис привел к разорению десятков тысяч крестьян, ремесленников, средних и мелких торговцев. В начале 70-х гг. к власти в Вене пришли немецкие либералы, которые начали проводить активную германизацию словенцев и чехов. Венское правительство поддерживало пангерманские националистические организации. Началась усиленная ассимиляция словенцев Штирии и Каринтии, где немцы составляли большинство населения, а во главе провинциальных властей стояли немецкие политики.

В 1879 г. в Вене к власти пришли консерваторы во главе с Э. Тааффе. Умеренный консерватор, он предоставил некоторые права славянам, ослабив тем самым германизаторский натиск на них. В новых условиях часть

словенских либералов стала сотрудничать с консерваторами. Однако некоторые либеральные деятели из нового поколения не были довольны этой политикой. Они группировались вокруг банкира Ивана Хрибара и писателя Ивана Тавчара. В историографию они вошли под именем радикалов.

К ним был близок поэт И. Стритар, проживавший в Вене. В 1879 г. он стал снова издавать журнал «Звон», в котором пропагандировал идею славянского мессионизма, доказывая, что славянство принесет миру благородство и человеколюбие и этим будет способствовать прогрессу.

С 1881 г. стал выходить в свет литературный журнал либералов «Люблянски звон» (Ljubljanski zvon). В нем с самого начала оформилось русофильское направление, главным представителем которого стал Ф. Целестин. В 1869 г. он эмигрировал в Россию, где в 1869–1870 гг. учился в Славянском учительском институте, в 1870–1873 гг. преподавал древние языки во Владимирской и Харьковской гимназиях, а в 1873 г. вернулся в Австро-Венгрию и стал преподавать славянские языки и литературу в Загребском университете. В 1875 г. Целестин опубликовал на немецком языке книгу «Россия со времени отмены крепостного права», в которой резко критиковал российскую бюрократию и способ проведения в ней реформ. Эта книга была запрещена в России. Однако во время русско-турецкой войны Целестин вновь поверил в то, что только Россия сможет стать освободительницей славян. Целестин, как и русские славянофилы, исходил из убеждения, что славянство представляет собою особый культурный тип, при этом православное славянство сохраняет специфические черты этого типа в большей степени, чем католическое¹². Западная капиталистическая цивилизация вызывала у него отвращение. «Капитализм, – писал он 20 декабря 1881 г. словенскому критику и историку литературы Ф. Левцу, – бессердечная эксплуатация целых народов со стороны капиталистов, которые пожирают сначала мелких собственников, а затем и крупных, что увеличивает число социальных рабов ..., капитализм, развивающийся согласно своей природной тенденции, грозит, по моему глубокому убеждению, цивилизации вообще»¹³. Лозунги, которые провозглашала Великая Французская революция, считал Целестин, так и не были осуществлены. Он видел выход для славян «в постоянном прогрессе не только господствующих классов, как это было и есть на Западе, но всего славянского мира в целом вплоть до самых низших слоев»¹⁴. Из русских общественных деятелей Целестин высоко ценил В.Г. Белинского, А.И. Герцена, а также ранних западников: Станкевича и Грановского, указывая, что они «хотели служить обществу, народу»¹⁵.

Но самые горячие симпатии Целестина принадлежали славянофилам, которые, по его мнению, призывали общество «любить весь народ и заниматься также и положением самых низших народных слоев, а также важной и интересной русской общиной». Из славянофилов Целестин выделял братьев К.С. и И.С. Аксаковых. Особенно высоко он ставил деятельность И.С. Аксакова, который, по его мнению, много сделал для отмены крепостного права и «с таким ясным сознанием и без всяких предрассудков, такой горячей

любовью любил все славянство»¹⁶. Высоко оценивал Целестин деятельность И.С. Аксакова в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны. Одновременно он симпатизировал и М.Н. Каткову: «Он любил царя и отечество, был полезен царю, будил патриотизм, любил славянство и все благородное в человечестве»¹⁷.

Целестин во многом являлся последователем русских славянофилов, хотя не во всем с ними соглашался. Так, 17 июня 1883 г. он писал протоиерею русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому: «Я верю, что славянство не проживет даром, не внося своей самобытной доли в культурную жизнь. Но это «что-то другое, чего на Западе и у нас нет» (как вы изволили выразиться), хотел бы видеть более определенным, чтоб Россия и остальное славянство могло все более приближаться /к/ этой правде». Целестин полагал, что у православных славян, особенно у русских, есть элементы, необходимые для выполнения своей мировой задачи, однако он отмечал, что в России «процесс ассимиляции с Западом в политической и экономической жизни, – к моему очень большому сожалению – идет так быстро вперед». Целестин был уверен, что, пойдя по капиталистическому пути, Россия не пропадет, но ей придется испытать лишние мучения¹⁸.

Помимо «Люблянского звона» радикалы издавали в 1884–1887 гг. газету «Слован» (Slovan). Целью газеты была пропаганда более радикальной политики по отношению к властям, чем проводили либералы старшего поколения. В ее программе говорилось, что славяне являются единым народом, что «словенский народ – только малая часть всего славянства, подобная изолированному озеру, которое постепенно высохнет, если не получит притока из великого славянского моря». Для «Слована» была характерна всеславянская ориентация, близкая к взглядам Матии Маяра, придерживавшегося всеславянских взглядов, на что указывало само название газеты «Слован» (у Маяра газета называлась «Славян»). «Слован» много писал о культуре и политике разных славянских народов, большое внимание уделял России. Он хвалил идеологию русских славянофилов, которые первыми обратили внимание русской общественности на самую важную часть общества – крестьян и указали на способ уничтожения гигантских различий в народе¹⁹.

Все же главными для «Слована» являлись вопросы культуры. Он особенно пропагандировал русскую культуру. На его страницах были опубликованы статьи об А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, А.Н. Островском, И.С. Аксакове. Политические и экономические материалы о России помещались редко.

Наиболее активно распространял русофильские идеи главный орган либералов «Словенски народ». Он находился под контролем Ивана Хрибара, который в то время являлся директором Национальной типографии, где печаталась газета. В нее писал Ф. Целестин. В 1878 г. он высказывался за развитие славянской взаимности под эгидой России²⁰.

В 1886–1887 гг. самыми видными корреспондентами газеты «Словенски народ» стали Ф. Подгорник и Д. Хостник. Подгорник, словенский журналист,

освещал внутреннюю политику Австро-Венгрии, вопросы борьбы словенцев за свои национальные права. Хостник, словенский эмигрант в России, учитель иностранных языков в гимназии, писал корреспонденции о России.

Статьи Хостника печатались достаточно часто в период с марта 1886 г. по ноябрь 1887 г. Они сыграли заметную роль в формировании словенской русофильской идеологии. Их высоко оценил впоследствии И. Хрибар. «Он посылал очень остроумные и интересные статьи, которые подписывал псевдонимом “Круторогов”, – вспоминал И. Хрибар. – Все эти статьи были полны славянского воодушевления и имели своей целью расчистить путь к сближению славянских народов»²¹. Такая оценка указывает на значительное совпадение взглядов Хрибара и Хостника.

В первой статье «Письма из России», посвященной 25-летию юбилею манифеста об освобождении крестьян от крепостного права, Хостник с грустью отмечал, что хотя он имел большое значение для России, но его праздновали очень скромно. Он указывал, что это связано с тем, что прежние антагонизмы остались в силе: дворяне и крестьяне не приблизились друг к другу. На отношения между крестьянами и помещиками Хостник смотрел глазами сына крестьянина, всем сердцем сочувствуя последним. Он описывал русских дворян как жестоких людей, недоучек. В противовес им он рисовал крестьян с большой симпатией, защищая их от тех характеристик, которые давали им немцы, как воров и пьяниц. «Не верьте этому, – писал Хостник. – Если русский мужик крадет, то лишь в том случае, если ему грозит смерть от голода ... Пьет русский мужик и с горя, и с радости ... Русский народ благороден, добр, честен, нельзя забывать, что 25 лет назад он был еще рабом, скотиной помещика»²². Вместе с тем Хостник осуждал русских революционеров, в частности, убийство ими Александра II.

Что касается оценки внешней политики России, то в этом вопросе Хостник стоял на позициях русского консервативного журналиста М.Н. Каткова, высказывания которого он не раз цитировал в своих статьях. В нем Хостник видел «искреннего патриота, искреннего русского и горячего защитника русского величия и славянской идеи». Хостник считал, что Катков для России имеет такое же значение, как Бисмарк для Германии²³.

Главное зло для славян Хостник видел в бисмарковской Германии. В статье «Будущая война между Россией и Германией» он писал о неизбежном военном столкновении славян с немцами. Главной силой со стороны славян должна была выступить Россия. Если Бисмарку удастся задавить Россию, подчеркивал Хостник, «он сможет играючи держать в руках другие славянские народы и топить их один за другим в немецком море». Но если Россия в решающей битве уничтожит германский милитаризм, «тогда начнется время, когда славянин сможет жить как хочет, хозяином в своем доме, на своей земле»²⁴. Хостник полагал, что Россия – главный оплот славянства, его естественная мать. Она охраняет его от насилий немцев. Но и она нуждается в поддержке славян, «ибо Россия черпает значительную часть своего могущества в сочувствии австрийских славян»²⁵.

Интересно, что хотя непосредственная угроза германизации для словенцев исходила от венского правительства, Хостник видел главную опасность не в Габсбургах, а именно в Объединенной Германии, в ее поддержке австрийских немцев.

Признавая огромную роль России в судьбах славян, Хостник предлагал сделать русский язык языком общения между славянами, а, кроме того, считал необходимым ввести у всех славян кирилло-мефодиевскую церковь. Эту церковь он не называл православной, но указывал, что она должна быть независимой от Рима и богослужение в ней должно вестись на славянском языке. Хостник решительно выступал против начавших набирать силу в словенских землях клерикалов, которые считали основной национальной чертой словенцев их принадлежность к католической церкви.

Корреспонденции Хостника вызывали недовольство властей. Из-за них они дважды конфисковали отдельные номера «Словенского народа» (№268 от 23 ноября и № 272 от 4 декабря 1886 г.). Однако решающий удар был нанесен газете спустя год. В конце октября – начале ноября 1887 г. в «Словенском народе» была опубликована новая статья Хостника. В ней он критиковал австрийское правительство за то, что оно способствовало германизации ряда славянских областей, а также выступал против политики римского Папы, назвав его «извергом человечества»²⁶. Статья вызвала бурю негодования в австрийской прессе. Даже император Франц Иосиф счел возможным упрекнуть словенского депутата в рейхсрате Поклукара в русофильстве словенских газет. Вслед за этим горицкий архиепископ Я. Миссия, один из идеологов словенского клерикализма, 26 ноября опубликовал пасторское послание, подписанное всеми семью епископами Горицкого архиепископства. Послание было направлено против газеты «Словенски народ» и других либеральных изданий, которые обвинялись в антиавстрийских и антикатолических взглядах. Всем верным католикам запрещалось в них сотрудничать и даже подписываться на них. Это послание было напечатано в клерикальной немецкой газете «Фатерланд» 6 декабря 1887 г.²⁷. После этого полностью были изменены редакция «Словенского народа» и дирекция Национальной типографии. Словенские издания резко уменьшили количество статей, посвященных России, они приобрели чисто информативный характер. Сильно упала подписка на либеральные издания.

Совместное выступление австрийских властей и католической церкви против словенских либералов ускорило раскол словенского национального движения, начавшийся уже в начале 80-х гг. Возшедший на папский престол Лев XIII изменил политику католической церкви, повернув ее к завоеванию широких народных масс. В 1879 г. он издал энциклику «*Regum novarum*», в которой призывал католических священников уделять внимание социально-политическому положению народа. В австрийских землях стали появляться католические общества, которые объединяли лиц разных национальностей, однако резкого противостояния католиков и либералов еще не наблюдалось. После событий 1887 г. положение изменилось. В 90-е гг. образовались три

партии, отражавшие интересы основных классов словенского общества. В 1892 г. была учреждена Католическая национальная партия (с 1905 г. – Словенская народная партия), в 1894 г. создали свою Национально-прогрессивную партию либералы, в 1896 г. возникла Югославянская социал-демократическая партия, объединявшая словенских и хорватских социалистов Крайны, Триеста, Истрии, Далмации, Цельского округа Штирии.

Основную политическую силу в словенских землях представляли Католическая национальная партия и Национально-прогрессивная партия. Католическая национальная партия была очень пестрой по составу: в нее входили и высшее духовенство, и беднейшие крестьяне и рабочие. Левое крыло в ней образовывали христианские социалисты, во главе которых стоял Янез Крек. Именно их деятельность по созданию кооперативов-задруг, ставших важным заслоном против ростовщиков, привлекла к Католической партии значительное количество беднейших крестьян и рабочих. Либеральная Национально-прогрессивная партия объединяла словенскую буржуазию, светскую интеллигенцию (юристов, учителей, чиновников), зажиточных крестьян. Ее влияние в словенских землях по мере увеличения веса Католической партии падало.

Католическая национальная партия видела своих главных союзников в хорватских правашах, к тому времени превратившихся в националистическую клерикальную партию. Славянская взаимность католиков ограничивалась кругом католических славян, Россия для них не являлась путеводной звездой, хотя некоторые круги католиков, например, Крек и его сторонники, благожелательно относились к православным и мечтали привести их через унию к католицизму.

Либералы же оставались верными идее славянской взаимности и симпатиям к России. Большинство из них выражало эти симпатии в умеренных тонах. Но среди либералов имелось известное количество лиц, составлявших группу русофилов.

После событий конца 1887 г. Хрибар и другие радикалы-русофилы не собирались отступать. Хрибар посоветовал Подгорнику начать издание новой газеты «Словански свет» (Slovanski svet). Она выходила с 1888 по 1899 гг. сначала в Любляне (1889–1892), затем в Триесте (до 1896 г.) и, наконец, в Вене (1897–1899). Эта газета стала главным рупором русофилов. Кроме самого Подгорника в ней сотрудничали словенские эмигранты в России Д. Хостник (Рощин) и Л. Лесковец (Ламурский), Ф. Целестин.

В статьях Целестина и Хостника ясно прослеживались основные черты словенского русофильства последней четверти XIX в. Это прежде всего стремление ввести у славян единый общеславянский язык и кирилло-мефодиевскую церковь. Русофилы считали, что славянская культура представляет собою единое целое, отличное от других мировых культур. Поэтому славян нельзя просветить и осчастливить по общему шаблону. Одновременно Подгорник и его соратники подчеркивали, что славянская культура не отвергает мирового гуманизма, а включает его в себя.

Главного врага славянской культуры они видели в немцах, которые всегда стремились ассимилировать славян, навязав им свой язык и культуру.

Чтобы выжить как народ, славяне должны создать свою общую культуру, основными столпами которой должны стать общий литературный язык с единым алфавитом и общая славянская церковь²⁸.

Один из корреспондентов «Слованского света», подписывавшийся «Rny», отмечал, что до принятия христианства славяне имели общую мифологию, а в период раннего христианства у них был общий литературный язык, общее славянское право («Закон судный людям», «Русская правда», «Законник Стефана Душана»), общие социально-экономические организации (задруга, община-мир), общая азбука – кириллица. Поэтому «Rny» полагал, что славяне не должны создавать какую-то новую культуру, но обновить и оживить старую. И это является для них не чисто культурным вопросом, но вопросом «политической самобытности и независимости нашего народа»²⁹.

Особенно важным для консолидации славян как народа Подгорник считал принятие ими единого литературного языка (в обыденной жизни он считал возможным, чтобы каждый народ пользовался родным наречием). «Язык является, – утверждал он, – средством национальности: он выражает то, что народ чувствует, осмысливает, творит». Язык – лучшее средство для развития народа, создавшего его, ибо каждый народ вкладывает в свой язык свой характер, свой темперамент. «Славяне были так счастливы в истории, – продолжал Подгорник, – что кроме славянских церковных обрядов получили свою особую азбуку и литературный язык, каких в такой полноте не было у других европейских народов, а азбука их сохранилась в литературе до сегодняшнего дня на востоке»³⁰.

Подгорник считал, что малые славянские народы более других нуждаются в общеславянском языке. «Не легкомыслие, не своеволие, – писал он, – но основательные размышления о национальных границах отечественной литературы заставляют патриотов малых славянских народов советовать им принять язык самого большого славянского народа». Это необходимо, поскольку большой народ имеет больше средств для развития своей литературы». Из всех славянских народов, по убеждению Подгорника, только русский народ имеет необходимые условия для полноценного развития своего языка³¹.

Подгорник указывал, что враги славян вбили в их голову местный патриотизм, разъединили их по языку, религии, культуре, стали их натравливать друг на друга, ибо так их легче ассимилировать поодиночке. Наречия славян удалены друг от друга не более, чем немецкие, французские или итальянские наречия. И все же немцы, французы, итальянцы сумели создать для своих народов общие литературные языки. И славянам нужно иметь единый для всех литературный язык, который можно использовать для развития науки и высшего образования. Для простого народа Подгорник предлагал издавать книги на местном наречии³².

Русофилы не были сторонниками создания общеславянского языка искусственным путем, как предлагал М. Маяр, хотя и высоко оценивали его заслуги в развитии идеи славянской взаимности. Подгорник и его соратники считали необходимым сделать общеславянским литературным языком русский язык, поскольку, по их мнению, только он один из всех славянских

языков способен к полноценному развитию. В одном из первых номеров «Слованского света» прямо указывалось, что общеславянским языком может быть только русский язык, «потому что он развился из старославянского церковного языка, потому что он принадлежит самому большому славянскому племени, признается теперь мировым языком и имеет великую литературу»³³. В «Слованском свете» публиковались статьи А.И. Добрянского, А.И. Будиловича, К. Живны, пропагандировавших эти взгляды.

Вторым столпом, который должен был обеспечить сплочение славян в единый народ, русофилы считали кирилло-мефодиевскую церковь. Подгорник полагал, что религия, как и язык, является одной из главных черт народа. По его мнению, протестантская церковь больше всего соответствует национальному характеру германских народов, католическая – романских. Что касается славян, то их национальным особенностям более всего отвечает кирилло-мефодиевская церковь³⁴. Только эта церковь может способствовать сохранению славянской национальности. Так, России удалось отстоять свою независимость, а сербам и болгарам – выдержать четырехсотлетнее турецкое иго и, в конце концов, также добиться независимости только благодаря тому, что у них была кирилло-мефодиевская церковь. В то же время гибель польской государственности и потерю самостоятельности словенцами Подгорник объяснял тем, что они не сумели сохранить кирилло-мефодиевскую церковь, а, приняв католицизм, через него включились в сферу западной культуры³⁵. Для того, чтобы сохранить свою национальность, западные славяне должны восстановить у себя кирилло-мефодиевскую церковь, главными чертами которой русофилы считали греческий обряд и старославянский язык при богослужении³⁶. Подгорник и его соратники под кирилло-мефодиевской церковью, несомненно, подразумевали православную церковь, однако писать об этом открыто они не могли. Но в частной переписке они говорили об этом откровенно. «Всегда меня одушевляла только одна идея: идея православного славянства, – писал Хостник историку православной церкви И.С. Пальмову 7 сентября 1896 г. – И как ни маскирует эту идею «Slovanski svet», ее можно читать везде между строк»³⁷.

Исповедуя такие взгляды, русофилы решительно выступали против идеолога правого крыла Католической национальной партии яркого клерикала А. Махничя. Почти в каждом номере «Словански свет» помещал статьи, направленные против него и его сторонников. Их называли кликой, отличающейся бесстыдными поступками и терроризмом, убивающей в народе любовь к ближнему. Клерикалы вызывали такую ненависть русофилов, поскольку они натравливали народ, в своем большинстве глубоко религиозный, на тех словенских национальных деятелей, которые не были католическими фанатиками. «Словенски народ» писал, что клерикалы являются латинизаторами и германизаторами, клеветуют на лучших представителей словенской литературы. Главными оппонентами махничевцев были Хостник и Целестин.

Таким образом, главных своих противников в словенском национальном движении русофилы видели в Католической национальной партии, прежде всего в ее правом, клерикальном крыле.

По-другому русофилы относились к либералам. Они считали Национально-прогрессивную партию национальной партией, необходимой словенцам. Особенно им импонировало желание либералов наладить духовные связи со всеми славянами. Вместе с тем не все в либералах устраивало русофилов. Хостник упрекал их за то, что они изменили свое отношение к России, что недостаточно активно борются с клерикалами, не желают выбить из их рук орудие веры и тем самым завоевать на свою сторону широкие народные массы. Оружие веры, по мнению Хостника, можно было выбить из рук клерикалов только с помощью кирилло-мефодиевской церкви³⁸.

Критика либералов со стороны «Слованского света» усилилась в 1894–1896 гг., когда в нем стала активно сотрудничать студенческая молодежь. Студенты критиковали либералов за их бездействие, неумение вести активную агитацию среди народа, недостаточно острую критику клерикалов. Вообще русофилы считали себя наследниками традиций младословенцев, молодого словенского либерализма конца 60 – начала 70-х гг. Особенно ценили они лидера левого крыла младословенцев Ф. Левстика, заимствовали у него многие идеи. Так, Подгорник, как и Левстик, подчеркивал, что славяне являются «рабочим племенем», поскольку они не имеют национальных помещиков и капиталистов. Подгорник не принимал во внимание тот факт, что после высказываний Левстика прошло двадцать лет бурного развития словенского общества и в нем произошло значительное расслоение.

Русофилы с сочувствием относились к низшим слоям населения: рабочим, крестьянам, разорвавшимся ремесленникам. Подгорник являлся главным теоретиком русофилов по рабочему вопросу. Он считал, что «весь словенский народ принадлежит к рабочему сословию», что рабочими являются крестьяне, ремесленники, мелкие промышленники, рабочие-поденщики, ибо все они страдают от крупного капитала и эксплуатируются им. Являясь рабочим сословием, словенцы не могут находиться во враждебных отношениях с пролетариатом. Подгорник еще в 1884 г. выпустил в Горице брошюру за подписью «Друг рабочих». В начале 90-х гг. он выступил в газете триестских либералов «Единость» с серией статей по рабочему вопросу, также подписываясь «Друг рабочих»³⁹. Он приветствовал борьбу за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы, но выступал против отмены частной собственности на средства производства, предостерегал рабочих от социал-демократов, утверждая, что они действуют в интересах еврейского капитала. В качестве примера он приводил деятельность Маркса и Лассалья. Ему не нравились их выступления против частной собственности и, особенно, их интернационализм, который он называл «космополитизмом рабочего класса»⁴⁰.

Подгорник и его соратники ратовали за всеобщее избирательное право, призывали словенских политиков и рабочих объединиться для достижения этой цели. Подгорник пропагандировал необходимость создания в Словении ссудно-сберегательных касс по образцу касс Шульце-Делича. Правда, нет сведений, что агитация Подгорника среди рабочих имела успех. Но все же можно сказать, что в отношении социально-экономических вопросов русофилы несомненно стояли на левом фланге либерального движения.

Относительно культуры русофилы выступали как панслависты. Что же касается их взглядов на политическое развитие словенцев, то в центре их политической программы стояла Объединенная Словения. Они не мыслили, что Словения могла бы существовать как самостоятельное государство. «В настоящее время, – указывал Подгорник, – даже государство с 30 и более миллионами населения не может остаться полностью независимым, если не имеет природных ресурсов, с помощью которых может развивать самостоятельную государственную экономику»⁴¹. Подгорник полагал, что Объединенная Словения должна находиться в Австрийской монархии, переустроенной на федеративных началах. Всего в предполагаемую федерацию входило бы 7 национально-политических единиц: австро-немецкая, югославянская, чешская, польская, галицко-русинская, румынская, венгерская. Вена с окрестностями образовывала отдельный округ. Югославянская единица должна была состоять из Крайны, Горицы, словенских областей Каринтии и Штирии, Далмации, Истрии, Триеста, Риеки, Хорватии, Славонии, словенских комитатов Венгрии (Ваш и Зала), сербской Воеводины, Боснии и Герцеговины⁴². Таким образом, национальная программа русофилов носила чисто австрославистский характер. Ни в печати, ни в переписке они не ставили вопроса об образовании славянского государства под эгидой России.

Лица, собравшиеся вокруг «Слованского света», представляли собою достаточно сплоченную группу, имевшую свой печатный орган и свою программу. Они считали себя либералами и по социально-экономическим вопросам находились на самом левом крыле либерального движения. Их русофильская программа вобрала в себя все чаяния и стремления их предшественников, связанные с надеждой словенцев на Россию и русский народ. В политических условиях Австро-Венгрии последнего десятилетия XIX в. русофилы не могли добиться успеха. Их поддерживали радикально настроенные студенты, представители движения, борovéhoго за равноправие женщин, некоторые интеллектуалы. К концу XIX в. эта группа распалась, поскольку «Словански свет» почти не имел подписчиков и вынужден был прекратить свое существование.

В начале XX в. русофильские настроения в словенском обществе не исчезли, но претерпели изменения. Те принципы, которые исповедовал Подгорник и его единомышленники, не согласовывались с существовавшим в то время положением в мире. В 1904 г. Россия потерпела сокрушительное поражение от Японии, а революция 1905–1907 гг. обнаружила гнилость ее политической и общественной системы. Эти события показали, что Россия не является столь могущественной и незыблемой державой, как это полагали многие австрийские славяне, в том числе и словенцы, после успешной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С другой стороны, Австро-Венгрия в 1908 г. официально объявила о присоединении Боснии и Герцеговины, что означало увеличение числа славян в ее пределах. Среди славянских национальных деятелей Габсбургской монархии, в целом одобрявших эту аннексию, стали популярны планы создания триалистического государства, куда наряду с Австрией и Венгрией на равных правах входило бы и третье политическое

образование, объединявшее славян. В это время место русофильства Подгорника заняло новое славянское течение, а именно – неослави́зм.

Примечания

- ¹ Slovenski narod. 1877. N 98 (28.IV).
- ² Slovenski narod. 1877. N 134 (15.VI).
- ³ Melik V. Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja // Zgodovinski časopis. 1974. N 3–4. S. 272.
- ⁴ Slovenski narod. 1878. N 7 (9.I).
- ⁵ Slovenski narod. 1878. N 75 (2.IV); N 78 (5.IV).
- ⁶ Slovenski narod. 1877. N 228 (6.X).
- ⁷ Slovenski narod. 1877. N 250 (1.XI).
- ⁸ Slovenski narod. 1878. N 73 (29.III).
- ⁹ Slovenski narod. 1878. 8-III.
- ¹⁰ Melik V. Slovenska politika. S. 275.
- ¹¹ Slovenski narod. 1878. 29.III.
- ¹² Ljubljanski zvon. 1887. N 11. S. 686, 687.
- ¹³ Boršnik M. Fran Celestin. Ljubljana, 1951. S. 178.
- ¹⁴ Ljubljanski zvon. 1887. N 11. S. 680.
- ¹⁵ Ljubljanski zvon. 1886. N 1. S. 40, 41; N2. S. 102.
- ¹⁶ Ljubljanski zvon. 1886. N 3. S. 169, 170.
- ¹⁷ Ljubljanski zvon. 1887. N 9. S. 539–546.
- ¹⁸ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 459, 460.
- ¹⁹ Slovan. Ljubljana. 1884. N 1. S. 1.
- ²⁰ Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva. Zv. 2. Ljubljana, 1959. S. 295, 296.
- ²¹ Hribar I. Moji spomini. D. 1. Ljubljana, 1928. S. 88.
- ²² Slovenski narod. 1886. 5.04, 8.04.
- ²³ Slovenski narod. 1887. 6.08.
- ²⁴ Slovenski narod. 1886. 3, 5.04.
- ²⁵ Slovenski narod. 1887. 3.10.
- ²⁶ Kermavner D. Slovenska politika v letih 1879 do 1895. Politično-zgodovinske opombe k peti knjigi Ivana Prijatelja. Slovenska kulturno-politična in slovstvena zgodovina 1848–1895. Ljubljana, 1966. S. 402–405.
- ²⁷ Ibid. S. 425.
- ²⁸ Slovanski svet. 1888 N 16 (25.08) S. 250.
- ²⁹ Slovanski svet. 1889. N 5 (10.03) S. 78, 79.
- ³⁰ Slovanski svet. 1888. N 4 (25.02) S. 53–56.
- ³¹ Slovanski svet. 1888. N 22 (25.11). S.355; N 23. (10.12) S. 371, 372.
- ³² Slovanski svet. 1891. N 15 (10.08) S. 233–235.
- ³³ Slovanski svet. 1888. N 16. S. 250–253.
- ³⁴ Slovanski svet. 1889. N 15. S. 241; 1891. N 15. S. 235, 236.
- ³⁵ Slovanski svet. 1893. N 13. S. 241, 242.
- ³⁶ Slovanski svet. 1894. N 15. S. 283.
- ³⁷ Петербургский филиал архива РАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 2.
- ³⁸ Slovanski svet. 1891. N 22. S. 350–353.
- ³⁹ Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije. Ljubljana, 1963. S. 255–261.
- ⁴⁰ Slovanski svet. 1895. N 18. S. 157.
- ⁴¹ Slovanski svet. 1895. N 32. S. 297.
- ⁴² Slovanski svet. 1889. N 16. S. 261; 1890. N 1. S. 9, 10.

П.А. Искендеров
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Россия и сербо-черногорские отношения в 1913–1914 гг.*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Russia and Serbian-Montenegro relations in 1913–1914*

This article is devoted to the analysis of the relationships between Serbia and Montenegro just before World War I and Russia's position on the situation. Problems of territorial separation between two allies, taking the expanding role of Albanian factor in account, are highlighted, as well as the idea of their possible state integration.

Ключевые слова: конфликтология, Балканы, Сербия, Черногория, Албания, Россия, межнациональные отношения, религия, геополитика.

Одним из основных вопросов, вставших на повестку дня на Балканах после завершения Балканских войн 1912–1913 гг., явилось окончательное определение и юридическое закрепление новых границ государств. Это подразумевало в качестве своей важнейшей составной части сербо-черногорское территориальное разграничение и посредническое участие в нем России. Первоначально в сербских правительственных кругах преобладало убеждение, что в ходе переговоров не должно возникнуть серьезных затруднений¹. Эта уверенность еще больше возросла после получения из Цетинье сообщения о том, что король Никола отказывается от своего требования об уступке Черногории Призрена². Генерал Я. Вукотич – один из черногорских делегатов на переговорах в Белграде – сообщил об этом 25 августа 1913 г. российскому посланнику в Сербии Н.Г. Гартвигу. Как добавил уже от себя сам Гартвиг, «таким образом дальнейшие переговоры о сербо-черногорском разграничении значительно упрощены»³.

Однако не все оказалось так просто. 28 августа 1913 г. сербское правительство передало находившимся в Белграде черногорским делегатам – председателю Совета министров Черногории генералу Вукотичу и начальнику политического отдела министерства иностранных дел Матановичу – предложение о возможном направлении пограничной линии, согласно которому Ново-Пазарский санджак должен был быть поделен приблизительно на две равные по площади части с включением в состав Черногории г. Плевле; кроме того, Черногории должен был быть передан город Дьяково⁴.

Вукотич, имевший широкие полномочия для решения указанных вопросов, сразу же заявил о неприемлемости для его страны указанного предложения (названного им «поразительным») вследствие недостаточно обширных территорий, передаваемых Черногории, но пообещал дать более

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («История Косово»), проект № 08-01-00495а.

подробный и обоснованный ответ после изучения вопроса и консультаций с черногорским правительством и королем Николой⁵. Одновременно австро-венгерское правительство заявило через своего представителя в Цетинье о готовности «жить в тесной дружбе с Черногорией, оказывая ей возможное содействие во всех возникающих вопросах», но вместе с тем поставило свои отношения с ней в зависимость от тех отношений, которые Черногория установит и будет поддерживать с Сербией⁶. Со своей стороны, председатель Совета министров Сербии Никола Пашич конфиденциально сообщил поверенному в делах России в Белграде В.Н. Штрандтману, что, в случае подтверждения отрицательного ответа черногорской стороны, он намерен обнародовать заявление о сохранении за двумя странами оккупированных ими в данный момент территорий до разрешения вопроса международным арбитражем, вследствие чего Черногория могла бы потерять ряд принадлежащих ей земель в бассейне р. Исток, а также Плевле. Пашич также отметил, что для Сербии было бы крайне желательным скорейшее и успешное окончание переговоров для того, чтобы король Петр имел возможность издать указ о присоединении завоеванных земель⁷. Кроме того, управляющий сербским министерством иностранных дел Спалайкович, временно заменивший в сербском внешнеполитическом ведомстве собиравшегося в отпуск Пашича, сообщил Штрандтману, что его правительство «было бы глубоко признательно за умеряющее на черногорцев воздействие со стороны императорской миссии в Цетинье»⁸.

После изучения в черногорской столице сообщения Вукотича, ему было направлено указание не прерывать переговоры. Одновременно сербскому посланнику в Черногории Гавриловичу было заявлено, что затруднения в переговорах возникают вследствие высказываемых сербским правительством пожеланий обсуждать вместе с пограничными вопросами также проблемы политических взаимоотношений двух государств. В ответ Пашич, расценивший данное указание как стремление черногорского правительства вызвать сербов на конкретные предложения о заключении политического союза двух государств (вопрос о котором впервые был открыто поставлен весной 1913 г. бывшим министром финансов Черногории Дрлевичем), поручил Гавриловичу сообщить черногорским представителям, что «дело разграничения решается сербским правительством совершенно безотносительно к каким-либо иным вопросам, принимая лишь в расчет принесенные сторонами жертвы и оказанные ими услуги в течение Балканских войн, но что всякое предложение Черногории касательно политического взаимоотношения соседних ныне государств будет здесь рассмотрено с должным вниманием»⁹. Одновременно Пашич, уезжавший 2 сентября 1913 г. в отпуск, возложил дальнейшее ведение переговоров с сербской стороны на временно заменявшего его на посту председателя Совета министров министра финансов Л. Пачу и военного министра М. Божановича¹⁰.

Тем не менее 2 сентября 1913 г. переговоры между Сербией и Черногорией были прерваны. Сербские представители отвергли предложения, сообщенные Вукотичем и касавшиеся главным образом областей в Метохии.

По мнению Штрандмана, данный отказ был во многом обусловлен тем обстоятельством, что оба серба, «сильно занятые делами своих ведомств, – по заключению внешнего займа и по демобилизации армии, – проявили отсутствие желания вдаваться в подробности порученного им разграничения и стремились лишь в точности исполнить предначертания г. Пашича, допуская решение спора путем арбитража»¹¹. В результате стороны приняли решение о передаче вопроса на международный арбитраж, в соответствии с постановлениями союзного договора, причем из предусматривавшихся документов двух арбитров – греческого и болгарского монархов – вместо последнего, в силу изменившихся внешнеполитических обстоятельств, черногорская сторона предложила королю Румынии. При этом Пашич и Спалайкович допускали возможность, в крайнем случае, передать спорный вопрос на рассмотрение российскому императору¹².

Утром 3 сентября 1913 г. Вукотич покинул Белград и уехал в Цетинье. При этом он выразил серьезное недовольство явно недостаточным, по его мнению, вниманием Сербии к поставленному на повестку дня вопросу. Второй черногорский делегат, Матанович, остался на один день в Белграде в надежде попытаться исправить положение и использовать благоприятно расположенное по отношению к Черногории общественное мнение в Сербии. Оно осуждало отъезд Пашича до завершения переговоров и в целом не придавало большого значения конкретному направлению пограничной линии, полагая, что соглашение непременно должно быть достигнуто в самое ближайшее время и без третейского суда неславянских арбитров, в крайнем случае, при участии парламентских комиссий двух стран. Матанович имел беседу с российским поверенным в делах в Сербии Штрандманом, в которой изложил причины приостановки переговоров о разграничении, высказав при этом сожаление по поводу принятого делом оборота и опасение за будущее развитие сербо-черногорских отношений в случае передачи вопроса на арбитраж.

Матанович сообщил, что Черногория в результате предъявленных ей сербских предложений была поставлена перед выбором: получить либо долину р. Исток, либо Плевле, что расходилось с информацией, ранее сообщенной в российское представительство Пашичем. В этой ситуации Штрандман взял на себя роль посредника в переговорах и, опираясь на зачитанный ранее Пашичем в присутствии Спалайковича и самого Штрандмана проект соглашения, попытался склонить сербское руководство обсудить с задержанным им в Белграде Матановичем первоначально предлагавшуюся пограничную линию, оставлявшую Черногории и Плевле, и долину Истока, с сохранением за ней в любом случае также и Джяковицы.

«Мне пришлось при этом убедиться, – телеграфировал Штрандман в Санкт-Петербург 4 сентября 1913 г., – что черногорцам не была предложена линия, указанная мне Пашичем, а было дано на выбор взять либо долину реки Истока, либо Плевле. Зная, насколько Спалайковичу неприятна была неудача переговоров, и принимая во внимание, что Пашич в его присутствии диктовал мне 15-го августа (28 августа по новому стилю. – П.И.) сделанное им черногорцам предложение, я считал возможным попытаться склонить сербское

правительство предложить задержанному мною в Белграде Матановичу линию, ... начинающуюся у пункта впадения Ереника в Белый Дрин и оканчивающуюся у Градина на боснийской границе, т.е. уступить и Плевле, и долину Истока, не говоря уже о Дьякове, во всяком случае отходящем к Черногории. После полутора суток непрерывных переговоров, я сегодня передал новое предложение Матановичу, который немедленно телеграфировал его в Ускюб (Скопье. – П.И.) Вукотичу и в Цетинье с просьбой прислать инструкции. Спалайкович сказал мне, что уступка эта является для сербского правительства безусловно крайнею и что он возлагает все надежды на Императорского посланника в Черногории, дабы уговорить правительство короля Николая принять означенную границу и избежать нежелательного арбитража»¹³.

Сербский посланник в Черногории М. Гаврилович подчеркивал, что сербское правительство с тревогой наблюдало за положением дел в Черногории и настроениями населения и полагало, что в ходе двусторонних переговоров могли резко обозначиться принципиальные разногласия между населением и королем Николой и возобновиться его давние спекуляции на австро-венгерских настроениях по отношению к Сербии, в связи с чем «единоплеменное соседнее государство, при усвоенных его властителем политических приемах, может явиться для Сербии не надежным союзником, а тяжелым балластом»¹⁴.

Жесткая позиция Черногории по вопросам разграничения с Сербией не в последнюю очередь была связана с существовавшей у Цетинье в последние годы далеко идущей программы действий, рассчитанной на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признавал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»¹⁵.

По свидетельству российского поверенного в делах в Черногории Н.С. Дьяченко, расчеты Мартиновича строились следующим образом: «Арнауты (албанцы. – П.И.), теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие.

Кроме того, немалые надежды возлагаются на родственные связи, сохранившиеся, будто бы, до сих пор между отдельными арнаутскими кланами и черногорскими племенами. Щедрая раздача оружия и денег должны довершить успех широкого плана, задуманного и разрабатываемого бригадиром Мартиновичем.

Что касается до отношения великих держав к подобной авантюре, и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что – по примеру Австро-Венгрии и Болгарии

(речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении независимости Болгарии. – *П.И.*) – все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением статус-кво, но из боязни общего пожара на Балканах, сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»¹⁶.

Стремление включить албанонаселенные районы Балкан в состав Черногории красной нитью проходило через все царствование Николы. Об этом сообщал еще министр-резидент российской дипломатической миссии в Цетинье К.А. Губастов. В своей написанной в июне 1900 г. и адресованной тогдашнему министру иностранных дел России М.Н. Муравьеву служебной записке он сообщал, что «Черногория, несмотря на скудость своих доходов, содержит 11 школ в Албании и в Старой Сербии, тратя на них 3500 гульденов ежегодно»¹⁷. Более того, одна из причин враждебности черногорского руководства к Австро-Венгрии, по словам российского дипломата, как раз объяснялась ее намерением «пробраться через земли Старой Сербии к Салоникам и захватить, если будет возможно, все побережье Адриатического моря, занять Албанию.

Если бы подобные австрийские планы когда-нибудь осуществились, то, очевидно, положение Черногории сделается совершенно нестерпимым. Княжество борется, насколько может и умеет, с распространением австрийского влияния между албанцами. Главари же албанские не отказываются ни от австрийских пособий, ни от черногорских бакшишей и, не рассуждая о будущем устройстве их родины, вполне довольствуются существующим турецким правлением или, вернее сказать, бесправием и безначалием»¹⁸.

«Князь Николай, – писал Губастов, – полагает, что его дом имеет больше прав считать себя преемником Неманей, чем Обреновичи, и потому города Призрен, Ипек (Печ. – *П.И.*) и Дьяково (Джяковица. – *П.И.*), игравшие когда-то значительную роль в сербской истории, должны достаться Петровичам. Он высказывает эти претензии в поэтических своих произведениях и заявил также королю Александру в одной из интимных с ним бесед в Цетинье в 1897 г., в котором они намеревались наметить будущий раздел Старой Сербии. Возбужденный спор за будущее обладание Призреном прекратил дальнейшие переговоры»¹⁹.

Российский представитель уже тогда прогнозировал грядущие военно-политические события на Балканах: «Об установлении прочных и искренних отношений к Турции не может, конечно, быть и речи. Черногорцы не скрывают своих поползновений расширяться к востоку и югу за счет султановых владений и желали бы, чтобы эта счастливая минута наступила как можно скорее.

Как ни шатки исторические права Петровичей на наследство Неманей, но их можно еще принять во внимание ввиду того, что коренное население Старой Сербии то же, что и в Черногории, и жители этой дикой и забытой турецкой области невольно тяготеют к княжеству, тратящему последние гроши на поддержание связи с призренскими христианами. Но взоры и вождения князя не ограничиваются одними сербами. Они постоянно устремлены на соседнюю Албанию. Скутарский санджак по морской

береговой линии до Дураццо (Дуррес. – П.И.) намечен князем для Черногории. Ей, а никому другому, должны достаться богатые скутарийские поля. Воображение князя не останавливается ни перед трудностями захвата, ни перед еще большими трудностями управления страной, населенную фанатиками-горцами, мусульманами и католиками.

Князь убежден, что льготы, дарованные им подгорицким и приморским мусульманам, сделали его имя популярным в Албании, и что тамошнее население предпочтет черногорский образ правления всякому другому, после наиболее приятного ему турецкого. Князь постоянно озабочен, как бы привлечь к себе албанских главарей. Он приглашает их на цетинские празднества, дарит им оружие, беседует с ними, дает даже... денежные подарки! Скутарские власти не одобряют этих посещений, наказывают ходивших в Цетинье и угрожают им тюрьмою.

Самообольщение князя не мешает ему, однако, сознавать, что главный соперник его в Албании – Австрия – располагает большими и вернейшими средствами проложить себе путь в албанские дебри, чем Черногория или даже Италия, тоже не покинувшая еще своих претензий на эту страну.

Не делая никаких предсказаний о том, что готовит будущее для Албании и которому из трех на нее претендентов она достанется, здесь будет уместно только сказать, что для создания из нее самостоятельного независимого или даже полунезависимого государства, о чем мечтают итальянские албанцы-патриоты, не может быть и речи. В ней нет и не будет для этого необходимых внутренних элементов. Поэтому с окончанием турецкого владычества она неминуемо должна сделаться добычею кого-нибудь.

В последнее время австрийская политика на побережье Адриатического моря и в Албании сделала заметные успехи. Учреждено несколько новых консульств. Все парходные общества, «Ллойд», «Адриа» и др., усиленно развивают свою деятельность. Австрийские агенты вступают в открытую борьбу с теми иностранными или местными элементами, которые оказывают противодействие их влиянию (смена призренского католического епископа Трокси по проискам австрийского вице-консула Рапопорта)²⁰.

Вряд ли будет преувеличением отметить, что «сербское» и «албанское» направления во внешней политике короля Николы не только тесно переплетались, но и взаимно дополняли друг друга. Присоединение к Черногории албанонаселенных земель призвано было стать если не дополнением, то хотя бы компенсацией на случай провала его претензий на сербский трон. Однако последние по-прежнему были сильны в умах короля и его приближенных. В этой связи следует признать несколько категоричными выводы черногорского историка Н. Ракочевича о том, что в результате восшествия на сербский престол Петра Карагеоргиевича «были навсегда похоронены надежды черногорского князя (с 1910 г. – короля. – П.И.) Николы на то, что объединение сербского народа будет осуществлено во главе с его династией. В известной мере такие надежды существовали и в самом черногорском народе, они были обусловлены тем, что король Александр Обренович был непопулярен

и в Сербии, и в сербском народе в целом. В Черногории на рубеже XX века господствовала сильная уверенность в том, что освобождение еще неосвобожденной части сербского народа в составе Турецкой империи и объединение Черногории и Сербии – то есть сербского народа – должна осуществить черногорская династия Петровичей-Негошей, как более древняя и имеющая большие заслуги перед сербством²¹. Рассматривая конкретное развитие взаимоотношений между двумя государствами, на которое, помимо смены династии в Сербии, определяющее влияние оказали Балканские войны, в результате которых, с одной стороны, была установлена общая сербо-черногорская граница, а с другой – главным для дальнейших их судеб явилось, по мнению Ракочевича, то обстоятельство, что в ходе военных действий «проявились многие слабости во всех областях государственной и общественной жизни Черногории», в результате чего они «совершенно ясно продемонстрировали, что Черногория больше не может развиваться как современное государство без ее вхождения в более широкую государственную общность, иными словами, без урегулирования своих отношений с Сербией, либо путем объединения, либо путем заключения той или иной формы унии», автор делает, на наш взгляд, несколько категоричный вывод, что произошедшие всеобъемлющие изменения толкали Черногорию «к устойчивой опоре на Сербию»²².

Впрочем, не в политических привычках хитрого Николы Петровича-Негоша было опираться на какую-то одну силу. Тем более, что неоднозначная и постоянно менявшаяся ситуация на европейской шахматной доске предоставляла ему различные варианты поведения. Как справедливо напоминает Й. Бойович, Черногория «являлась ареной постоянного столкновения между Россией и Австрией, а в течение некоторого времени также Франции и Италии. Будучи постоянно заинтересованными в дипломатической и материальной поддержке со стороны России, черногорские правители не всегда и недостаточно последовательно придерживались всеобъемлющей ориентации на нее, в определенные периоды равнялись на Францию, а в начале XX века черногорский князь, он же король Никола, лавировал между Россией и Австрией, отчасти и Италией. Хозяйственная неразвитость, нищета и скромная роль Черногории в международных отношениях вынуждали последнего черногорского правителя приспосабливаться таким образом, чтобы сохранить самостоятельность своего государства»²³.

Но и здесь в развитии ситуации все более властно вмешивался албанский фактор. Как обоснованно отмечает Л. Алексич-Пейкович, период Великого Восточного кризиса второй половины 70-х гг. XIX в. послужил определенным рубежом в развитии внешнеполитической ориентации итальянского правительства и общественного мнения, ибо, начиная с этого момента, «принятие принципа национальности на Балканах все время будет связано с требованиями получения компенсаций и для Италии. А когда неудовлетворенность этих требований со стороны итальянских областей, входивших в состав Австро-Венгрии, переориентирует итальянское общественное мнение на Албанию, последствия станут ощущаться и в отношении Черногории»²⁴. В связи с этим,

полагает исследовательница, прежние чувства солидарности с освободительной борьбой черногорского народа превратятся в свою противоположность.

Между тем, Р. Йованович приводит убедительные свидетельства в пользу того, что в рассматриваемый период между черногорским королем Николой и сербскими официальными кругами существовали взаимное недоверие и подозрительность. Одновременно исследователь отмечает, что, несмотря на то, что во время указанного кризиса черногорский монарх добровольно уступил дипломатическую инициативу Сербии, он, тем не менее, неоднократно подчеркивал, что оставляет за собой право самостоятельно предпринимать самые решительные шаги, независимо от позиции сербского руководства, которое он подозревал в стремлении извлечь из сложившейся ситуации определенные выгоды для себя, в ущерб Черногории²⁵.

В этой связи следует отметить, что район активных действий албанских вооруженных отрядов не ограничивался Старой Сербией. Как отмечает сербский историк Н. Стоянович, действия албанцев создавали обстановку анархии и беззакония также и в находившихся под контролем Австро-Венгрии Боснии и Герцеговине, где они осуществляли ничем не оправданные насильственные действия в отношении местного христианского населения²⁶.

Отрицательную оценку роли сербского и черногорского монархов в организации и проведении переговоров о заключении между двумя государствами двустороннего соглашения дал и Д.-Д. Вуйович в своей монографии «Объединение Черногории и Сербии»²⁷.

Но вернемся в осень 1913-го... Новое сербское предложение, предусматривавшее передачу Черногории Джяковицы, Плевле и Ипека с долиной р. Исток, также не было принято черногорской стороной, которая согласилась пойти на определенные уступки в своих требованиях, но одновременно заявила, что не может согласиться на содержащийся в нем план разграничения в Метохии²⁸. Данное обстоятельство, в частности, обусловило тот факт, что король Сербии Петр Карагеоргиевич обнародовал указ о присоединении завоеванных земель к Сербии 9 сентября 1913 г. – не дожидаясь результатов сербо-черногорского разграничения²⁹.

Утром 8 сентября 1913 г. Матанович покинул Белград, выразив, тем не менее, надежду на полюбовное разрешение территориального спора, «не прибегая к намеченному арбитражу, широко открывающему двери посторонним влияниям и вредным для добрососедских отношений двух сербских государств интригам»³⁰.

Более месяца вопрос о сербо-черногорском разграничении оставался открытым, вызывая резкую критику в адрес правительства Пашича со стороны сербской оппозиции и недовольство общественного мнения двух стран. Приступив к исполнению своих обязанностей после возвращения из отпуска в середине октября 1913 г., российский посланник в Белграде Гартвиг имел специальную беседу с главой кабинета, в ходе которой Пашич высказал свое сожаление в связи со сложившейся ситуацией и заявил о намерении возобновить переговоры³¹.

Вскоре правительство Сербии выработало новый проект соглашения о сербо-черногорской границе, включавший в себя некоторые дополнительные уступки Черногории, и предложило своему посланнику в Цетинье довести его до сведения черногорской стороны с предложением принять данный проект без каких-либо оговорок. В ответ король Никола сообщил в Белград, что он направляет туда для возобновления переговоров министра народного просвещения Черногории Мирко Миошковича³².

Миошкович прибыл в столицу Сербии в середине октября 1913 г. и, посетив после беседы с Пашичем российское дипломатическое представительство, проинформировал Гартвига о личной просьбе короля Николы оказать поддержку черногорскому делегату в выполнении возложенной на него задачи, а также передал письмо от генерала Вукотича, в котором бывший черногорский делегат указывал на несговорчивость сербского правительства и, в свою очередь, просил российскую миссию содействовать успешному разрешению вопроса. В ответ российский представитель сообщил Миошковичу, что он не имеет специальных полномочий правительства России на активное участие в переговорах и лишь может от своего имени давать дружеские советы общеприимительного характера. Кроме того, по словам российского посланника, сербское правительство само, без каких-либо советов со стороны, «одушевлено желанием придти к полюбовному соглашению и твердо верит в таковые же намерения Черногории»³³.

Однако возобновившиеся переговоры по-прежнему продвигались с трудом, вследствие несогласия черногорской стороны пойти на серьезные территориальные уступки. Оказавшись перед лицом возможного нового срыва переговоров, Пашич, несмотря на бескомпромиссную позицию остальных членов сербского кабинета, решил сделать Черногории еще одну уступку, касавшуюся разграничения в Метохии, заявив одновременно, что дальше этого предложения Сербия ни при каких условиях не пойдет. Подготовленный сербской стороной окончательный проект границы между двумя государствами был передан Миошковичу³⁴.

5 ноября 1913 г. Миошкович сообщил в Белград, что черногорское правительство согласилось на предложенный вариант соглашения и поручило ему приступить к составлению соответствующего протокола³⁵. Однако вследствие внезапно возникших новых разногласий между сторонами переговоры в очередной раз осложнились, и после недельной задержки с подписанием документа король Никола в категорической форме поставил вопрос о необходимости прибегнуть к международному третейскому суду. Судьба переговоров и самих сербо-черногорских отношений вновь стала неопределенной, но в последний момент нависших неприятностей удалось избежать благодаря обнаружению истинного источника недоразумений. Дело заключалось в том, что сербские и черногорские делегаты, находившиеся в Белграде, использовали в качестве основы при обсуждении территориальных вопросов географическую карту, подготовленную австро-венгерским Генеральным штабом, в то время как черногорские официальные лица в Цетинье ссылались на карту,

изданную в Сербии и страдавшую целым рядом топографических неточностей. В результате дело к удовлетворению обеих сторон было окончательно улажено, и 12 ноября 1913 г. состоялось торжественное подписание протокола о сербо-черногорском разграничении, согласно которому Черногория получила около 5.000 кв. км территории, которая теперь составляла 14.443 кв. км³⁶.

Сообщая российской миссии в Белграде об успешном завершении столь непросто протекавших переговоров, черногорский делегат М. Миошкович отметил, что «отныне обоим государствам – для скрепления дружественных уз, – предстоит озаботиться выработкой целого ряда соглашений по экономическим, торговым, таможенным, железнодорожным и иным вопросам»³⁷. Выполнение этой задачи было возложено королем Николой на родственника вышеупомянутого делегата, Лазаря Миошковича, назначенного первым представителем Черногории при сербском королевском дворе³⁸.

21 ноября 1913 г. черногорский король Никола издал особый манифест, провозглашавший присоединение к Черногории всех освобожденных областей, границы которых определялись договором о разграничении (в отношении Сербии), решением Лондонского совещания послов великих держав (в отношении Албании) и «существующей границей» (в отношении Боснии и Герцеговины)³⁹.

Сербские войска и гражданские власти покинули Плевле и Джяковицу 6 декабря 1913 г. Проводы проходили в праздничной обстановке и завершились торжественным ужином в Джяковице, в котором приняли участие подполковник М.Маркович и командир бригады Р. Вешович, направившие по этому случаю поздравительную телеграмму королю Николе⁴⁰.

Однако сербо-черногорское территориальное разграничение и общее развитие двусторонних отношений осложнялись не только взаимными амбициями сторон. На авансцену вновь вышел албанский фактор. 24 ноября 1913 г. Петряев сообщил на Певческий мост следующую тревожную информацию:

«Полковник Филипс (командующий международным контингентом. – П.И.) из Скутари (Шкодер. – П.И.) предупреждает комиссию, что католические племена кастрати, клементи и шкрелли, и мусульманское шалья решили с оружием в руках воспротивиться предстоящему присоединению к Черногории присужденных ей на Лондонской конференции албанских племен хоти и гуда. Против черногорцев может выступить до 15-ти тысяч вооруженных албанцев. Среди членов комиссии преобладает мнение, что черногорцы сами желают этого столкновения, чтобы побудить Европу на более благоприятное для них изменение границы»⁴¹.

В Санкт-Петербурге отнеслись к предупреждению российского комиссара в Албании со всей серьезностью. 3 декабря из МИДа России поверенному в делах в Цетинье полетела телеграмма за подписью министра С.Д. Сазонова:

«Дайте дружеский совет черногорскому правительству, если возможно, предупредить столкновение с албанцами теми средствами воздействия, на которые указывает наш генеральный консул, ибо мы убеждены, что факт столкновения не поможет желаемому Черногорией изменению границы»⁴².

Сербо-черногорские консультации об установлении более тесных экономических, культурных, военных и иных отношений, начавшиеся после подписания протокола о территориальном разграничении, проходили в весьма непростых условиях. Показателем достаточно напряженных взаимоотношений правящих кругов Сербии и Черногории послужило и крайне отрицательное отношение Пашича к высказанному королем Николой намерению назначить своих полномочных представителей в ряде европейских столиц, в том числе Белграде и Санкт-Петербурге, в силу того, что глава сербского кабинета опасался распространения черногорским руководством по дипломатическим каналам каких-либо нежелательных для Сербии оценок и комментариев⁴³.

Однако помимо существовавших между обоими государствами – и прежде всего, между их правительствами и династиями – разногласий и взаимных претензий, значительное влияние на отношения между ними оказывал внешний фактор в виде переплетения интересов различных великих держав. Особую роль в этом плане играла Австро-Венгрия.

Подход монархии Габсбургов к трактовке сербо-черногорских отношений был изложен новым австро-венгерским послом в России графом Ф. Сапари фон Сапаром, имевшим отдельную беседу по этому вопросу с Сазоновым, содержание которой было сообщено 5 марта 1914 г. российскому посланнику в Белграде. Предварительно оговорившись, что он высказывает свои соображения по данному вопросу, не имея соответствующих указаний правительства, австро-венгерский дипломат подчеркнул, что обнаруживающаяся в Сербии и Черногории склонность к взаимному сближению и, в конечном итоге, слиянию, вызывает серьезное беспокойство с точки зрения как интересов Австро-Венгрии, так и в целом общеевропейского мира. Он указал, что «в случае, если бы слияние это осуществилось, Австро-Венгрия не могла бы остаться спокойной зрительницей событий. Интересы монархии на Адриатическом море не позволяют ей допустить какого-либо нарушения равновесия. Адриатическое море для Австро-Венгрии то же, что Черное море для России»⁴⁴. В самой Австро-Венгрии правительство испытывало серьезное давление со стороны различных общественно-политических сил, обвинявших его в уступчивости по отношению к югославянским государствам в вопросе определения судьбы Ново-Пазарского санджака. Так, лидер Венгерской конституционной партии граф Д. Андраши недвусмысленно заявил, что «Нови-Пазар для Боснии – это то же, что Босфор для Черного моря»⁴⁵.

Характеризуя развитие черногоро-австрийских отношений накануне первой мировой войны, Н. Ракочевич выделяет несколько их аспектов. С одной стороны, среди черногорского населения преобладало сильное недовольство в отношении Австро-Венгрии, которую считали ответственной за потерю Шкодера и его присоединение к Албании. С другой стороны, «несмотря на все несправедливости, которые Австро-Венгрия совершила в отношении Черногории, черногорское правительство было вынуждено искать пути установления по возможности нормальных отношений с Монархией в той мере, в какой это допускали интересы государства и народа»⁴⁶. На отношения двух стран

оказывали негативное влияние и спорные вопросы и разногласия, касавшиеся, в частности, положения албанских католиков в Черногории и вопросов черногоро-австрийской границы, – в частности, возникавшие время от времени пограничные инциденты, наиболее значительным из которых стало занятие 8 марта 1914 г. австро-венгерским отрядом пограничной высоты Сенокос (что повлекло за собой человеческие жертвы с черногорской стороны)⁴⁷. Следует отметить, что занятие указанного пункта не встретило протеста со стороны черногорского правительства и, по словам российского поверенного в делах в этой стране Н.А. Обнорского, не вызвало ни каких-либо значительных антиавстрийских выступлений, ни опасений новых территориальных захватов со стороны Австро-Венгрии, что, по мнению дипломата, можно было объяснить «сознаваемым черногорцами благоприятным отношением Австрии к их стране, поскольку она проявляет способность к самостоятельному политическому бытию без резко выраженных великосербских тенденций и преждевременного, с точки зрения Австрии, объединения с Сербией»⁴⁸. Данный пункт был передан Черногории Сербией согласно договору о территориальном разграничении, но в указанном документе отсутствовало прямое упоминание о нем; кроме того, в архивах сербского верховного военного командования отсутствовали какие-либо сведения о том, относилась ли данная высота к той территории, которая была во время войны занята сербскими войсками⁴⁹. Тем не менее, король Никола поддерживал негласные контакты с австро-венгерским правительством, о которых не знали ни правительство, ни общественность страны. Сложные и неоднозначные отношения между двумя государствами, делает вывод Н. Ракович, явились причиной того, что в середине июля 1914 г. австро-венгерское правительство предприняло попытку обеспечить нейтралитет Черногории в предстоящей австро-сербской войне, обещая королю Николе содействие в разрешении волновавших его династических, финансовых и территориальных вопросов.

Позиция в отношении сербо-черногорского политического объединения России, в целом сочувственно относившейся к указанной перспективе, определялась двумя основными обстоятельствами. С одной стороны, политическая ситуация в Черногории и, прежде всего, нежелание короля Николы обсуждать какие-либо вопросы, в той или иной мере затрагивающие его верховную власть как монарха суверенного государства, практически сводили на нет любые попытки осуществить политическое объединение двух государств на принципах единой государственной власти, по крайней мере, при его жизни. С другой стороны, позиция, занятая другими европейскими государствами, в первую очередь, наиболее заинтересованными в данном вопросе Австро-Венгрией и Италией, которые, хотя и допускали возможность и даже естественную неизбежность подобного разрешения вопроса в будущем, тем не менее, серьезно опасались последствий указанного слияния, если бы оно произошло в ближайшее время, пока оба государства не успеют принять необходимые меры к защите своих жизненных интересов, обуславливала настоятельную потребность избегать ускорения событий и соблюдать величайшую осторожность в столь деликатном вопросе⁵⁰.

В связи с этим Россия, не желавшая поколебать монархическое устройство Черногории и одновременно понимавшая, что, по словам Сазонова, «бороться с народными стремлениями трудная, если не невозможная задача», придерживалась точки зрения, что «наиболее целесообразным выходом является хотя бы временное поддержание Черногории в качестве самостоятельной политической единицы, под традиционным покровительством России»⁵¹.

Исходным пунктом для начала обсуждения вопросов, связанных с будущими отношениями Сербии и Черногории, выступил тот факт, что в результате Балканских войн и последовавшего затем территориального размежевания, речь о котором шла выше, оба государства приобрели общую сухопутную границу. С другой стороны, существенную роль играл и экономический фактор, заключавшийся в различном уровне развития обоих государств с точки зрения имевшихся у них территории, населения, природных ресурсов, хозяйственного потенциала, военной мощи и т.д.⁵². В связи с этим как в печати, так и в некоторых политических кругах обеих стран, высказывалось убеждение, что наиболее естественным и последовательным решением внутренних и внешних проблем государств является их слияние в одну политическую единицу⁵³.

Данная позиция российского правительства была с пониманием – что неудивительно – встречена как королем Николой, так и новоизбранными депутатами черногорской Народной скупщины, о чем свидетельствовали, в частности, тронная речь короля при открытии сессии парламента и ответное послание депутатов в его адрес, в которых указывалось на желание народа «самостоятельно работать по устройению государства, в братском единении с Сербией и под защитой своей вековой покровительницы России»⁵⁴.

Тем временем, в самой Черногории внутривнутриполитическое положение заметно обострилось. Среди широких масс населения постепенно ширилось недовольство режимом короля Николы, захватывая также и круги, непосредственно приближенные к монарху. Ряд членов черногорского кабинета недвусмысленно возлагали ответственность за переживаемые страной бедствия на Николу, не принимающего необходимых мер для подъема народного благосостояния и развития просвещения, реорганизации государственных структур и административного управления и «своей внешней политикой, противной указаниям России, утратившего благожелательную поддержку исконной покровительницы Черногории»⁵⁵.

По словам черногорского посланника в Белграде Миошковица, «черногорцы с большой тревогой взирают на будущее, которое рисуется им в весьма мрачных красках»⁵⁶. При этом значительное увеличение территории страны также стало выступать в качестве своеобразного негативного фактора, ибо оно требовало значительных бюджетных средств для защиты и управления в присоединенных областях, врезавшихся клином далеко на юго-восток, при невозможности наладить какое-либо хозяйственное освоение данных земель. В первую очередь это относилось к Печско-Джяковицкой области, которая являлась одним из пунктов разногласий сербской и черногорской делегаций на переговорах о разграничении, вследствие стремления короля Николы добиться присоединения также и Призрена⁵⁷.

Все это укрепляло черногорцев в мысли о невозможности собственными силами решить указанные проблемы и вынуждало усиливать давление на своего монарха с целью побудить его пойти на сближение с Сербией, занявшей после Балканских войн ведущее положение в славянском мире. Переписка Миошковича свидетельствует, что он получал от своих знакомых, принадлежавших к различным слоям черногорского населения и занимавших различное положение в государственных структурах страны, большое количество писем и обращений с призывом проявить собственную инициативу и, не дожидаясь прямых указаний из Цетинье, предпринять необходимые шаги, направленные на сближение двух стран⁵⁸.

Вскоре Миошкович получил и официальное поручение черногорского правительства подробно изложить позицию сербской стороны по вопросу возможного секретного сербо-черногорского соглашения, а также высказать свои собственные соображения по этому поводу. В ответ он, зная о переменчивых настроениях короля Николы, воздержался от обнародования персональной точки зрения, но в весьма подробном донесении обстоятельно изложил содержание своих многочисленных бесед с сербскими политическими деятелями различной политической ориентации. Все они выражали сочувствие установлению более тесных отношений между Сербией и Черногорией. Представители Белграда одновременно подчеркивали безусловную необходимость сохранения правящих династий и полной политической независимости обоих государств, что, по их мнению, вовсе не являлось препятствием для объединения торгово-экономической, финансовой и иной деятельности двух стран⁵⁹.

Донесение Миошковича произвело благоприятное впечатление на черногорского монарха и, в частности, до некоторой степени рассеяло его опасения относительно существования у сербских властей тайных замыслов «добиться объединения сербского племени под скипетром Карагеоргиевичей»⁶⁰.

Исходя из этого, а также принимая во внимание тяжелое социально-экономическое положение в стране, Никола решил выступить инициатором дела сербо-черногорского сближения и 15 марта 1914 г. направил сербскому королю собственноручное письмо. В нем он отметил знаменательные для обоих государств итоги Балканских войн, подчеркнул историческое значение окончательного освобождения их населения от турецкого господства и указал на необходимость немедленно приступить к созданию прочной основы для дальнейшего сотрудничества двух стран. Это, по словам черногорского короля, представлялось особенно необходимым, принимая во внимание преклонный возраст правителей и настоятельную потребность подготовить для их наследников и народов «вполне надежную почву для будущего их существования, богатства, благоденствия» и «обеспечить сохранение наследства», тем самым облегчив им впоследствии «осуществление не разрешенных еще национальных заветов»⁶¹.

Далее в письме подчеркивалась безотлагательная необходимость достижения соглашения о взаимном признании независимости и равноправия династий, с точным определением обязательств сторон в военной, дипломатической

и финансовой областях. В результате этих мер, продолжал Никола, «мы оставим нашим сыновьям единое сэрбство, земли, богатые плодородными полями, орошенные реками, украшенные лесами, изобилующие рудниками, омываемые синим морем, нашим свободным сербским морем. На всем пространстве, занятом сербским народом, самом красивом крае в мире, будут процветать сотни тысяч сербских молодцов, которые своей культурной деятельностью все полученное сохраняют, украсят и обогатят.

Не только народы Сербии и Черногории, но и неосвобожденные братья-сербы обрадуются этому соглашению, равно как и все южное славянство, надежда коего на грядущее объединение будет укреплять его духовные силы.

Наша вековая покровительница Россия даст нашему соглашению свое материнское благословение.

Укрепленные, мы будем в состоянии еще лучше доказать ей нашу признательность, нашу верность и любовь за все то, что она веками для нас делала; наконец, дождалась она нашего освобождения и видит нас способными к самостоятельному существованию и готовыми служить ей как самые благодарные, самые лояльные и самые верные союзники»⁶².

Что касается конкретной организации переговоров, то для этого, по мнению автора письма, необходимо командирование с каждой стороны по одному или по два представителя для выработки на вышеуказанных основаниях совместного плана будущей согласованной деятельности обоих государств⁶³.

По сведениям российского поверенного в делах в Черногории Н.А. Обнорского, данное письмо было отправлено черногорским королем после долгих колебаний, и факт его появления был вызван желанием Николы обеспечить интересы своей династии «в случае тесного сближения обоих сербских племен, логическая неизбежность которого становится все более и более очевидной не только в глазах самих сербских народов, но и по мнению руководителей политики окружающих государств, столь разнообразно заинтересованных в судьбах народов сербского корня»⁶⁴.

После получения в Белграде данного письма Пашич тотчас же посетил (вместе с черногорским посланником в Сербии) российскую миссию и, принимая во внимание опасность ведения подобных переговоров без ведома России, ознакомил Гартвига с содержанием королевского письма и в его присутствии проинформировал Миюшковича о том, в каких именно пределах, по мнению сербского правительства, могло бы состояться указанное двустороннее соглашение⁶⁵. Он полагал это особенно необходимым вследствие того, что в письме «заключается гораздо более братских излияний и поэтических красот, нежели реальных предложений»⁶⁶. Прежде всего, Пашич признал справедливость и обоснованность поставленного черногорским королем исходного условия для ведения переговоров – сохранение сторонами государственной и династической независимости. По его словам, «в Сербии, при нынешних политических условиях, не помышляют о слиянии с Черногорией и принимают предложение ее господаря, как давно жданный шаг к сердечному примирению и сближению обоих государств

на чисто культурной почве», соглашаясь с мнением представителя России, что именно в этом заключается залог отсутствия преждевременных опасений со стороны других государств и наиболее реальный путь к «укреплению свободы и независимости славянских государств, столь важному для поддержания политического равновесия и порядка на Балканах»⁶⁷. По свидетельству Обнорского, изучение всей политической обстановки в Черногории позволяет ему сделать вывод, что «едва ли не единственным практическим и не грозящим осложнениями разрешением задачи являлось бы мирное сотрудничество обоих государств при постоянном содействии и могущественной поддержке со стороны России и при условии сохранения обоими народами своей политической индивидуальности и независимости, впредь до того момента, когда естественное слияние двух братских народов, имеющих ныне смежные границы, могло бы совершиться без потрясений и конфликтов с соседями, столь заинтересованными в их разъединении»⁶⁸.

Что же касается остальных затронутых в письме вопросов, то Пашич указал на желательность в данный момент не акцентировать внимание на заботах о «не освобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве», а направить все усилия на разработку конкретных положений, которые могли бы обеспечить прямые торговые и иные сношения двух государств путем отмены паспортной системы, введения унифицированной денежной системы, установления общего типа административных и судебных учреждений, совместного усовершенствования путей сообщения, а также улучшения почтовой, телеграфной и таможенной служб⁶⁹. Среди предложенных главой сербского кабинета мер в военной области следует отметить образование единых командных кадров с целью совместной защиты владений и облегчения непосредственных контактов двух армий. В дипломатической области предусматривалось достижение полной согласованности внешней политики обоих государств как между собой, так и по отношению к внешнеполитическому курсу России⁷⁰. Миошкович в целом поддержал вышеприведенные предложения Пашича и пообещал довести их до сведения своего правительства. Тем временем, на заседании совета министров Сербии был выработан согласованный проект ответного письма черногорскому монарху, которое, за подписью короля Петра, было отправлено по назначению⁷¹.

В этом письме, датированном 2 апреля 1914 г. и составленном в более умеренных и осторожных выражениях, король Петр с радостью отметил общность взглядов обоих монархов на историческое значение военных успехов Сербии и Черногории и необходимость установления возможно более тесных связей между двумя государствами⁷². «Возлагая надежды на Бога, что он поможет сербам осуществить задачи, подобные тем, которые счастливо завершили немцы в Германской империи, – продолжал сербский король, – я прошу Ваше Величество принять к сведению, что готов назначить своего делегата для совместного обсуждения с доверенным Вашего Величества лицом всех вопросов о нашем соглашении»⁷³. Наряду с этим, в письме подчеркивалась необходимость избежать преждевременной широкой огласки переговоров,

в связи с чем сербская сторона считала бы желательным ограничить круг лиц, причастных к их ведению, и доверить данную миссию лишь двум делегатам – по одному с каждой стороны; одновременно общее руководство по ведению переговоров король Петр возложил на председателя Совета министров Сербии Пашича. В заключение в послании выражалась надежда на то, что совместная деятельность обоих государств в указанных областях будет способствовать их дальнейшему поступательному развитию и, кроме того, «встретит сочувствие великой славянской России», которая всегда предоставляла Сербии и Черногории «доказательства своей драгоценной благосклонности»⁷⁴.

В конце апреля 1914 г. черногорский дипломатический представитель в Сербии Лазарь Миошкович был вызван в Цетинье, где в течение двух недель проводил интенсивные консультации с черногорскими официальными лицами, а также самим королем Николой, от которого он должен был получить особые полномочия для выработки совместного сербо-черногорского соглашения⁷⁵. Основные положения данного документа, сообщенные Пашичем черногорскому дипломату перед его отъездом в Черногорию, включали в себя сохранение «обеих династий и политической индивидуальности каждой из договаривающихся сторон», объединение армий с сохранением верховного командования в руках обоих монархов над частями, расквартированными в пределах каждого королевства, учреждение одного общего генерального штаба, который должен взять на себя выработку всех основных мероприятий в плане военной реорганизации, осуществление согласованной внешней политики, которая должна обеспечивать защиту неприкосновенности территории и населения двух стран, с установлением общих для обоих государств заграничных представительств; организацию общего типа судебных и административных учреждений, а также объединение финансовой системы и таможенных, почтовых и телеграфных служб⁷⁶. При этом обе делегации подчеркнули необходимость сохранения в тайне конкретного содержания переговоров и соблюдения величайшей осторожности при разработке программы совместных мероприятий, чтобы не давать повод для вмешательства других государств, в первую очередь, Австро-Венгрии⁷⁷.

Перед своим возвращением в Белград Миошкович посетил российскую миссию в Цетинье и ознакомил российского посланника А.А. Гирса с ходом и перспективами переговоров, высказав со своей стороны серьезные сомнения в их скором и успешном завершении. По его словам, «если все черногорцы, как один человек, проникнуты необходимостью такого соглашения с сербами и видят в нем единственный выход из того отчаянного положения, в котором они очутились после двух войн, то нельзя того же сказать о короле Николе, помыслы которого по-прежнему направлены в сторону более резкого обособления от Сербии»⁷⁸.

По мнению Миошковича, Никола и после получения ответного письма от сербского монарха не освободился полностью от недоверия как к своему зятю, так и к Пашичу, и в связи с этим планирует замедлить ход переговоров путем предъявления различных требований и претензий сербской стороне.

Одновременно, в ходе консультаций с черногорским делегатом по вопросу о наделении его полномочиями, Никола дал понять, что ожидаемое восстановление финансовой и военной помощи Черногории со стороны России, а также ее дипломатическая поддержка позволят Черногории занять более независимую и неуступчивую позицию по отношению к Сербии и противостоять «натиску унионистов» по обе стороны сербо-черногорской границы⁷⁹. В целом, черногорский король достаточно холодно принял своего представителя и практически отказался от детального обсуждения основных положений сделанного Миюшковичем доклада о ходе переговоров и предоставлении ему каких-либо дополнительных полномочий⁸⁰. Объяснения Николы с Миюшковичем носили подчас бурный характер и, покидая Цетинье, последний заявил с горячностью, на правах человека, близкого к королю и его дому: «Помните, государь, что единственное спасение для вас и для вашей династии лежит в опоре на Сербию»⁸¹.

По мнению черногорского представителя, в основе разногласий короля Николы и его подданных по поводу заключения сербо-черногорского соглашения лежал вопрос о том, что именно является «вернейшим залогом преуспевания Черногории», при существовавшей одновременно опасности того, что король станет искать поддержку для своей позиции в «заинтересованных третьих лицах, кем бы они ни оказались» – намек на австрийцев более чем прозрачен⁸².

В этих условиях обе делегации приняли решение включить в выработываемое соглашение лишь те условия и взаимные обязательства, против которых черногорский монарх не имел бы ни повода, ни основания возражать. Это было сделано в надежде, что он, в конце концов, проникнется важностью заключения указанного соглашения и, в более широком плане, окончательно поймет жизненную необходимость объединения различных сфер государственной жизни двух стран, без которого «Черногория не может и помышлять о каком-либо экономическом или политическом укреплении, а в частности закреплении за собой доставшихся ей в удел новых земель»⁸³.

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г. и последовавший вслед за ним резкий всплеск антисербских настроений в Австро-Венгрии негативным образом сказались на сербо-черногорских переговорах. 7 июля министерство иностранных дел России направило секретную телеграмму своему дипломатическому представителю в Белграде, в которой содержалось указание обратиться к сербскому правительству с настоятельным советом «с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его (негативное отношение монархии Габсбургов к Сербии. – П.И.) и создать опасное положение», и в связи с этим временно приостановить вышеуказанные переговоры, которые уже обратили на себя внимание австро-венгерского и германского правительств⁸⁴. Глава сербского кабинета с пониманием отнесся к советам России и заверил Санкт-Петербург, что он уже отдал распоряжение о приостановке консультаций⁸⁵. Данный шаг был тем более оправданным в сложившихся обстоятельствах, что слухи о возможном в ближайшем будущем объединении Сербии и Черногории в одно

государство с единой правящей династией дошли уже и до парижских политических и финансовых кругов⁸⁶.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 147.

² Там же. Д. 531. Л. 324. Вопрос о будущей судьбе Призрена обсуждался сторонами еще в ходе визита Александра Обреновича в Цетинье в 1897 г.; при этом князь Никола утверждал, что указанный населенный пункт представлял собой сферу интересов его собственных «дедов и прадедов», на что его собеседник возражал, указывая на то обстоятельство, что с Призреном связаны «самые светлые воспоминания бывшего сербского государства». См.: *Ражњатовић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије у XIX вијеку // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 87.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 345.

⁴ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 147; Д. 531. Л. 328.

⁵ Там же. Д. 531. Л. 328–329.

⁶ Там же. Л. 329.

⁷ Там же. Л. 328.

⁸ Там же. Л. 329.

⁹ Там же. Л. 331.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 333; там же. Д. 530. Л. 147.

¹² Там же. Д. 530. Л. 148; там же. Д. 531. Л. 333.

¹³ Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 356.

¹⁴ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 41.

¹⁵ Там же. Д. 2082. Л. 60. Имеется в виду аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии в 1908 г.

¹⁶ Там же. Л. 52.

¹⁷ Славяноведение. 1997. № 5. С. 42.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. С. 48.

²¹ *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 89.

²² Там же. С. 97.

²³ *Бојовић Ј.* Уводне напомене о Црној Гори у међународним односима // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 12.

²⁴ *Алексић-Пејковић Љ.* Односи Италије и Црне Горе до њеног разграничења 1881. године // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 186.

²⁵ Подробнее см.: *Јовановић Р.* Став Црне Горе према анексији Босне и Херцеговине // Историјски записи. 1963. Св. 1; *он же.* Црногорско-руски политички односи 1711–1917 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984.

²⁶ Подробнее см.: *Stojanović N.* Bosanska kriza 1908–1914. Sarajevo, 1958.

²⁷ См.: *Вујовић Д.-Д.* Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962.

²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 149; Там же. Д. 531. Л. 336.

²⁹ Там же. Д. 531. Л. 337.

³⁰ Там же. Д. 530. Л. 149–150.

³¹ Там же. Л. 198.

³² Там же. Л. 198–199.

³³ Там же. Л. 199.

³⁴ Там же. Д. 531. Л. 394.

³⁵ Там же. Д. 531. Л. 394.

³⁶ Там же. Д. 530. Л. 199–200; Д. 531. Л. 404; *Ракочевић Н.* Указ. соч. С. 90. Как сообщал в Санкт-Петербург российский поверенный в делах в Цетинье Обнорский, в результате переговоров практически все требования черногорской стороны были удовлетворены в широких пределах, причем наиболее важным приобретением для Черногории являлся богатый и плодородный Метохийский округ // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 75. Следует отметить, что данное соглашение касалось лишь территориальных сюжетов, в то время как связанные с ними другие вопросы, в частности, касавшиеся приграничного товарообмена, должны были быть обсуждены отдельно // Политика. 1913. 7. новембра.

- ³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 200.
³⁸ Там же.
³⁹ Глас Црногорца, 1913, 22. новембра.
⁴⁰ Там же. 13. децембра.
⁴¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2105. Л. 151.
⁴² Там же. Л. 169.
⁴³ Там же. Д. 531. Л. 415.
⁴⁴ Там же. Д. 2909. Л. 3.
⁴⁵ Самоуправа, 1913, 19. децембра.
⁴⁶ *Ракочевић Н.* Указ. соч. С. 68.
⁴⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 533. Л. 38; *Ракочевић Н.* Указ. соч. С. 68–69.
⁴⁸ Там же. Д. 3374. Л. 6.
⁴⁹ Там же. Л. 7.
⁵⁰ Там же. Д. 2909. Л. 3–4, 8.
⁵¹ Там же. Л. 3, 8.
⁵² Подробнее см.: *Буровић М.* Црногорске финансије. Титоград, 1960.
⁵³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2909. Л. 8.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же. Д. 532. Л. 100.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же. Л. 100–101.
⁵⁸ Там же. Л. 101–102.
⁵⁹ Там же. Л. 102.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ Там же. Л. 108.
⁶² Там же. Л. 108–109.
⁶³ Там же. Л. 109.
⁶⁴ Там же. Д. 2909. Л. 9.
⁶⁵ В сербской историографии в целом достаточно высоко оценивается посредническая и примирительная роль России во всем комплексе сербо-черногорских переговоров. В частности, по мнению Д. Янковича, именно дипломатические усилия России непосредственно во время Скадарского кризиса, а также в последующий период, способствовали сохранению союзнических отношений между двумя государствами в условиях настороженного и недоверчивого отношения к сербскому руководству со стороны короля Николы. С другой стороны, по мнению автора, позитивную роль сыграла сдержанная позиция правительства Сербии и самого Пашича, которые «всегда имели перед глазами так называемое «великое решение» югославянского вопроса и принимали во внимание тот факт, что его осуществлению возможный разрыв с Черногорией нанес бы, в самом начале, так сказать, на первом шаге, многообразный ущерб, а возможно и решающий удар» // *Јанковић Д.* Србија и југословенско питање 1914–1915. године. Београд, 1973. С. 163.
⁶⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 103.
⁶⁷ Там же. Д. 2909. Л. 9.
⁶⁸ Там же.
⁶⁹ Там же. Д. 532. Л. 103–104; там же. Д. 2912. Л. 16.
⁷⁰ Там же. Л. 104; там же. Д. 2912. Л. 16.
⁷¹ Там же. Л. 104.
⁷² Там же. Л. 106.
⁷³ Там же.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ Там же. Д. 2909. Л. 10.
⁷⁶ Там же. Л. 10, 12.
⁷⁷ Там же. Л. 10.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Там же.
⁸⁰ Там же. Л. 12–13.
⁸¹ Там же. Л. 13.
⁸² Там же.
⁸³ Там же. Л. 10.
⁸⁴ Там же. Л. 16.
⁸⁵ Там же. Л. 17.
⁸⁶ *Kölnische Zeitung.* 1914. 28 Jun.

В.Б. Каширин
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Василий Ян – агент русской военной разведки на Балканах

Abstract:

Kashirin V.B. *Vasily Yan - Russian military intelligence agent in the Balkans*

This research is based on the new documents from the collections of the Russian state historical military archives. It shows a little known episode of the Russian Empire's military intelligence work in the Balkans during World War II, an attempt of Russian General Staff to involve journalist V.G. Yanchevetsky (a correspondent of the Petrograd Telegraph Agency in Bucharest), who later became famous as the author of historical novels under the pseudonym «Vasily Yan», in cooperation. We analyze the essence of VG Yanchevetsky's proposals of organization of clandestine human intelligence and sabotage and advocacy struggle in Turkey and the Balkans. The dynamic and the nature of the conflict between Yanchevetsky and military intelligence agency, which led to a rapid break down their cooperation, is also demonstrated.

Ключевые слова: русская разведка, Балканы, Турция, Константинополь, Бухарест, Первая мировая война, Генеральный штаб, В.Г. Янчевецкий, агентура, агентурная сеть, диверсионная деятельность, пропаганда, информационная борьба.

В годы Первой мировой войны Балканский полуостров был ареной напряженного противостояния между секретными службами Антанты и Центральных Держав, результаты которого в значительной мере влияли и на развитие военных действий на Балканском театре, и на ход дипломатической борьбы за нейтральные государства региона.

В первые же месяцы кампании 1914 года руководство разведок обоих враждующих лагерей осознало, что с началом войны потребность в информации из негласных источников и в ее анализе резко возросла, а имевшиеся в их распоряжении с довоенных времен силы и средства, прежде всего тайная агентура, ни количественно, ни качественно не соответствовали изменившейся обстановке. В связи с этим были поспешно предприняты энергичные усилия для привлечения на разведывательную службу новых сотрудников и развертывания новых агентурных организаций. Одним из таких сотрудников русской разведки на Балканах стал журналист Василий Григорьевич Янчевецкий, двумя десятилетиями позже прославившийся под литературным псевдонимом Василий Ян как автор замечательных и горячо любимых в России исторических романов.

Ни в одной биографии этого незаурядного человека не упоминается эпизод его сотрудничества с русской разведкой. Историк русской разведки Михаил Алексеев (М.А. Самелюк) в своем капитальном труде кратко рассказывает о работе Янчевецкого в Бухаресте (даже не упоминая, что этот человек и был знаменитым писателем Яном). При этом Алексеев ссылается лишь на рукопись полковника А.Г. Королева, в 1950-е гг. занимавшегося историей дореволюционной разведки¹. Сама рукопись Королева остается недоступной для обычных исследователей. Однако в фондах Российского государственного военно-исторического архива нам удалось найти ценные документы о работе В.Г. Янчевецкого на русскую разведку. В данной статье мы расскажем эту историю, опираясь на данные документальных первоисточников и широко цитируя их.

В первые месяцы Великой войны русское командование еще не придавало особого значения организации и ведению агентурной разведки в Румынии, как и всему балканскому стратегическому направлению в целом. В конце 1914 года, после вступления в войну Турции, ситуация изменилась, поскольку стало понятно, что война приобретает затяжной характер и что у русской Ставки и Генштаба не хватает разведанных о военно-политической обстановке на Балканах и в сопредельных с этим регионом странах. Был отдана директива русского Верховного Главнокомандующего, предписывавшая максимально усилить разведку по Турции и Австро-Венгрии. Телеграмма из Ставки в Отдел генералквартирмейстера (Огенквар) Генерального штаба, на имя генерала Леонтьева, от 2 декабря 1914 г. № 6552 гласила: «Верховный Главнокомандующий повелел просить Огенквар первое усилить разведку с целью своевременно обнаружить переброску австрийцами части их сил на сербский театр, второе при помощи военных агентов и других средств разведки непрерывно следить за настроением в Италии и Румынии и за всеми признаками усиления боевой готовности армий этих государств, третье потребовать от агентов выяснения австрийских сил на границах Италии и Румынии»². Три дня спустя Ставка повторила свой запрос: «Верховный Главнокомандующий повелел еще подтвердить его настойчивую просьбу относительно наблюдения за переброской австрийских сил на сербский театр»³. 18 декабря генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов вновь напомнил Генштабу о необходимости следить за перевозками австрийских войск с одного фронта на другой⁴. Повеление Главковерха было предписано к исполнению военным агентам в Италии, Швейцарии, Черногории, Болгарии и Румынии; также Генштаб обещал применить «все возможные меры» к усилению разведки своими собственными средствами⁵.

Одновременно Ставка требовала от Генштаба усилить разведку против Турции. Как раз в те дни русская Кавказская армия вела напряженную борьбу с наступающей османской 3-й армией под личным водительством Энвер-паши; близилась развязка решающей Сарыкамышской операции. В этих условиях особо остро чувствовалась нехватка агентурных сведений о передвижениях турецких войск, прежде всего об их перебросках по Черному морю на Кавказский театр войны. 16 декабря Наштаверх Н.Н. Янушкевич телеграфировал в Генштаб: «Считая это (отсутствие разведанных. – В.К.) совершенно ненормальным, Верховный Главнокомандующий повелел мне просить распоряжения Вашего Высокопревосходительства по Главному Управлению Генерального Штаба о принятии самых энергичных мер, не считаясь с расходами, к безотлагательной организации агентурной разведки как в Константинополе, так и в других важнейших городах Турции, а равно к установлению необходимой связи с этими пунктами, с целью своевременного получения сведений о всех предполагаемых перевозках турецких войск и запасов, а также действиях и передвижениях турецкого флота»⁶.

Выполняя эти приказания Ставки, Огенквар попытался путем спешной и, как оказалось, неуклюжей импровизации подстегнуть и расширить

деятельность агентурной разведки на Балканах и в Турции, в частности, с территории Румынии. Именно в те дни к сотрудничеству с военной разведкой и был привлечен будущий писатель Василий Ян.

Василий Григорьевич Янчевецкий родился в Киеве 22 декабря 1874 г. Его отец Г.А. Янчевецкий (1846–1903), происходивший из рода волынских священников, был известным преподавателем латыни и древнегреческого, крупным переводчиком античных авторов и деятелем ведомства народного просвещения. Окончив Ревельскую Николаевскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета (1897), Василий Янчевецкий два года пешеходом путешествовал по России, в 1901–1904 гг. служил инспектором колодезев в Туркестане, изучал восточные языки и жизнь местного населения⁷. Будучи астматиком и «белобилетником» по здоровью, во время русско-японской войны он служил в военно-госпитальном управлении 1-й Маньчжурской армии, а с начала 1905 года работал фронтовым корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПТА), затем в 1906–1913 гг. преподавал латинский язык в 1-й петербургской гимназии⁸. В.Г. Янчевецкий стал одним из основателей бойскаутского движения в России; в 1910 г. из числа гимназистов он создал 1-й Легион юных разведчиков, с осени 1910 г. выпускал журнал «Ученик». Из-под его же пера вышла книга под ницшеанским названием «Воспитание сверхчеловека»⁹. В конце 1912 года, в разгар 1-й Балканской войны, Василий Янчевецкий был назначен специальным корреспондентом СПТА в Турции и на Балканах, с местопребыванием в Константинополе, а после вступления Турции в мировую войну стал представителем того же агентства в Бухаресте¹⁰.

В ноябре 1914 года титулярный советник В.Г. Янчевецкий, неугомный энтузиаст движения юных «разведчиков», предложил свои услуги русской военной разведке. Помимо искренних патриотических побуждений, у него были и личные мотивы вражды к лагерю Центральных Держав. Его старший брат Дмитрий Янчевецкий, известный русский журналист и востоковед-китаист, один из видных идеологов воссоединения Червонной Руси с Россией, в начале войны был арестован в Австро-Венгрии и, вместе с группой русинских деятелей, приговорен к смертной казни, замененной на заключение в крепости¹¹. Лишь в конце декабря 1916 года Дмитрий Янчевецкий был освобожден и выехал в Россию через нейтральную Швецию¹².

10 ноября 1914 года Василий Янчевецкий представил в Огенквар Генерального штаба подробную записку с проектом развертывания тайной агентурной разведки и диверсионной деятельности в Турции и на Балканах. Эта записка отразила горячий энтузиазм ее автора, хотя большинство его предложений носило отпечаток безграничной увлеченности и наивных мечтаний. Мы посчитали возможным привести основную часть текста этого документа, который любопытен отнюдь не только тем, что вышел из-под пера молодого Василия Яна. Итак, Янчевецкий писал:

«Наши помощники на Балканах. Таковыми являются христиане, беглецы из Турции, главным образом от воинской повинности, после мобилизации этого года. В значительном количе-

стве эти греки, армяне обращались и продолжают обращаться в Русск[ую] Миссию, прося отпустить их для борьбы с турками.

Кроме беглецов имеются бывшие македонские четники (греки, болгары, куцовлахи), переселившиеся в Болгарию и Румынию, частью пристроившиеся в полиции, в таможне, сторожами и т.д. Эти четники связаны дружбой и старыми воспоминаниями и являются самыми отчаянными и готовыми на все, в то же время достаточно благонадежными нравственно, так как они боролись в четах ради идеи, а не грабежа.

Один из главарей македонских четников, известный в Румынии Пучерее, раньше бывший в Салониках и Монастыре и знавший Талаата, Энвера, Джавида и др. нынешних турецких деятелей, когда те еще готовили заговор 1908 года, готов проехать раз или два в Константинополь, чтобы повидать разных лиц и в то же время установить связи с несколькими людьми, которые раньше мне доставляли сведения, и организовать возможную разведку. Пучерее в настоящее время аптекарь в Силистрии и получил звание офицера резерва (лейтенанта) Румынской армии, и виделся я с ним совершенно секретно, вызвав его через посредство моего помощника, оттоманского грека. Пучерее спросил за поездку 300 франков путевых и по 40 франков суточных. Поездка его продолжалась бы 10–14 дней.

Пучерее имеет связи со своими бывшими товарищами, сам изготавливает бомбы в своей аптеке и на меня произвел впечатление человека спокойной, неустрашимой смелости.

Связи с Константинополем. В К[онстантинопо]ле у меня были информаторами один араб (кажется, христианин), дававший ценные сведения из военного министерства, и морской офицер, мусульманин из Боснии, служивший на миноноске, уверявший, что он славянин. Кроме того были случайные лица. Драгоманы Голландской миссии (грек) и Шведской (левантинец), как я полагаю, будут в состоянии пересылать мне сведения через дипломатические вализы, если только не будут прерваны железнодорожные сообщения, и быть может, и шифрованно. За последнее пока не могу ручаться. Кроме того, проводник одного wagon-lits, ходящего между Софией и Константинополем, итальянский подданный, но по матери грек, тоже согласен перевозить записки.

Курьер Оттоманской миссии в Бухаресте, турок, женившийся на румынке, уже оказывает некоторые услуги и будет оказывать более ценные в будущем.

Секретарь Оттоманской миссии в Бухаресте, мой старый приятель по Константинополю, враждебный нынешнему комитету «Единение и прогресс», судя по его разговорам, быть может окажется полезен, но сейчас еще ручаться не могу, т.к. остаюсь только при общем впечатлении.

Телеграф Константинополь – Берлин проходит через Болгарию и Румынию, и пока Румыния не объявила войны, можно или получать копии телеграмм, так как румынские чиновники отличаются значительной уступчивостью, или в нужную минуту можно портить телеграфную линию с помощью македонских четников.

Наблюдение за поездами между К-лем и Берлином вполне доступно на протяжении между турецкой и австрийской границами. Здесь желательно не только наблюдение, но похищение почтовых сумок в Берлин и из Берлина, что легче всего устроить на Дунае, когда почта перевозится на пароходе с болгарского на румынский берег. Здесь сумки переносятся носильщиками с парохода опять в поезд, и похищение возможно организовать с помощью оплачиваемого уже румынского чиновника, подмены сумки и автомобиля, который провезет сумку прямо в Бухарест. Пучерее предложил мне этот план и взялся выполнить это так, что даже в случае неудачи неизвестно будет, кто руководил. Все будет сделано четниками.

Взрыв экстренного поезда с золотом (обыкновенно 1 вагон I класса, 1 товарный, 1 второго класса), сопровождаемого немецкими офицерами, посылаемого в Константинополь.

Австрийские пароходы свободно бродят по Дунаю близ болгарских берегов, принимают какие-то тюки с поездов, проходящих из Болгарии, и сами передают какие-то тюки. Взрыв этих пароходов вполне возможен, т.к. они часто стоят группой на якорях.

Румынские волонтеры записываются в довольно большом количестве в «Общество национального движения», имеющего во главе бывшего министра Таке Ионеску и профес. Мандринеску. Это общество искало возможности получить несколько сот ружей и по 500 патронов на ружье, а также несколько ручных гранат, чтобы несколькими четами вторгнуться в Трансильванию, взрывая мосты и дороги по пути отступления австрийской армии, чтобы провоцировать

этим начало войны Румынии. Румынское правительство отказалось дать казенные ружья современного образца, но кажется соглашалось дать ружья старые, Мартини, на что не согласились волонтеры. Полагаю, что было бы весьма желательным передать этому обществу несколько сот австрийских ружей с достаточным количеством патронов, и ручных гранат, из числа взятых от плененных австрийцев. Эти ружья и амуницию можно доставить в Рени и далее на румынском пароходе или же на русскую границу в безлюдном месте, где румынские волонтеры примут груз, приехав на нескольких автомобилях. В день моего отъезда, 2 ноября, у председателя общества проф. Мандринеску, происходило совещание с ближайшими членами совета относительно вооружения волонтеров.

Турецкие шпионы приехали в Бухарест, где 2 из них были замечены. Полагаю, что быть может эти лица пошли бы на работу в русских интересах. Переговоры с ними разумеется будут вести румынские агенты, как будто бы надобны сведения для Румынии.

Снабжение оружием греческих добровольцев в Малой Азии и доставка оружия на Малоазиатское побережье возможны и необходимы, но этот вопрос требует серьезного обдумывания и подготовки, о чем я буду иметь честь сообщить впоследствии, после переговоров с греческими деятелями.

Кружок освобождения христиан необходимо организовать в Бухаресте, по образцу братства «Гетерии», сто лет назад уже бывшего в Бухаресте, имевшего целью освобождение греков. Этот кружок должен быть совершенно конспиративный, имея связи с Афинами, Нишем, русофильскими болгарскими и армянской партией «Дашнакцутюн» и ставя задачей единение народов ближнего востока под верховным покровительством России.

Осведомление печати на Балканах о событиях Ближнего Востока и о положении дел в Турции, печатание памфлетов и воззваний на разных языках, в том числе на турецком, для распространения идей, желательных России.

Приблизительная смета расходов довольно трудно исчислима, но полагаю, что в этом деле, где требуется быстрота действий, сообразительность, инициатива и немедленные решения, – нужно предоставить самую широкую свободу действий, при самом строгом контроле расходуемых денег»¹³.

Далее в документе шел расчет необходимых денежных средств. На осуществление всей намеченной им широкой программы деятельности Янчевецкий просил выделять ему, по примерной смете, 36 400 франков ежемесячно. На эти деньги он планировал завербовать по три агента из числа таможенников, полицейских и частных лиц на станциях Журжево (на Дунае) и Предял (на венгерской границе), двух резидентов и двух связников в Константинополе, а также содержать четырех своих помощников в Бухаресте.

Предложение воссоздать «Гетерию» времен однорукого князя Ипсиланти, притом из представителей всех христианских народов Балкан и Ближнего Востока, выглядело фантастично, и все же в Особом делопроизводстве Огенквара заинтересовались проектом Янчевецкого, тем более что он имел очень хорошие рекомендации К.Н. Гулькевича, директора II (ближневосточного) Департамента МИД. Тот отзывался о нем, как о человеке «вполне заслуживающем доверия своей высокой порядочностью, весьма энергичном, глубоко преданном России и идее славянского объединения под ее главенством, ко всему вышеизложенному еще отлично знакомом с Турцией»¹⁴. После встречи с журналистом начальник Особого делопроизводства полковник Н.К. Раша представил руководству доклад, в котором писал: «Личный разговор с г. Янчевецким на темы о Турции и о возможности организовать в ней разведку оставил впечатление о способности названного лица выполнить ряд задач, которые ему были поставлены, и несомненного наличия у него уже в настоящее время связей в разных кругах, могущих дать

или добыть ответы на вопросы, касающиеся Турции и ее армии, а равно и той связи, экономической и военной, которая, как известно, существует между Турцией и Германией и проходит через Австрию, Румынию и Болгарию. Попутно с разведкой по Турции г. Янчевецким, насколько удалось выяснить из разговора с ним, могли бы быть организованы и периодические разрывы этой связи, или же перехват идущих между Турцией и Германией сношений»¹⁵.

Сам и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба и фактический глава военной разведки империи генерал М.Н. Леонтьев, в бытность свою военным агентом в Турции, был знаком с Янчевецким. В служебной записке от 5 декабря 1914 года он писал: «Г-н Янчевецкий мне известен по службе в Константинополе. Характеристика, данная ему в представляемом при сем докладе, на основании заключения нашего бывшего советника в Константинополе (Гулькевича. – В.К.), представляется мне несколько повышенной. Но, тем не менее, каких-либо противопоказаний в отношении его нравственных и, вообще, личных качеств у меня не имеется. Г. Янчевецкий, по видимому, действительно желает работать и принести посильную пользу в области разведки. Принимая во внимание условия минуты, полагаю бы желательным принять предложение г. Янчевецкого»¹⁶. Итак, руководство разведки Генштаба дало «добро» на сотрудничество, не в последнюю очередь потому, что Ставка требовала срочной активизации работы по Турции и Балканам. В этих обстоятельствах приходилось хвататься за любую возможность. С предельной ясностью это проявилось в помете Леонтьева на докладе от 7 декабря об инициативе Янчевецкого: «В виду условий времени Н[ачальник] Г[енерального] Ш[таба] не нашел желательным отказать от предложения, хотя лично зная г. Я[нчевецкого] по японской войне, Его Высокопр[евосходительств]во не возлагает на него больших надежд»¹⁷. Первоначально в Огенкваре планировали использовать Янчевецкого и его агентов для работы против Турции, затем, под воздействием требований Ставки, было принято решение перенацелить их основное внимание на разведку против Австрии и Румынии. Хотя Ставка разрешала «не считаться с расходами», в Генштабе на сей раз решили придерживаться экономии. Предложенную Янчевецким и полковником Раша смету в 35 тыс. рублей (на трехмесячный срок) Леонтьев сократил почти в семь раз, до 5 250 рублей¹⁸.

С самого начала было решено, что Янчевецкий станет работать под контролем военного агента в Бухаресте генштаба полковника Б.А. Семенова, который должен был отпускать ему деньги по мере получения определенных результатов работы его агентуры. Семенову было доверено по своему усмотрению уменьшать выдаваемые суммы, если эти результаты не будут удовлетворительны. Отношения Янчевецкого с Семеновым не сложились с самого начала. 7 декабря 1914 года военный агент с холодным скепсисом докладывал руководству:

«Вернувшийся из Петрограда корреспондент (Янчевецкий – В.К.) сообщил мне о возложенном на него Огенкваром поручении и просит меня впредь до открытия особого кредита выдать ему 500 франков на разъезды. Не получив особых инструкций на сей случай, прошу указаний, причем доношу, что несмотря на намерение сего лица сохранить поручение в тайне,

ему вряд ли это удастся, так как сегодня меня уведомили агентурным путем, что начальник тайной полиции Панайотеско установил за ним негласный надзор, считая его русским шпионом. Мною приняты меры для снятия с корреспондента вышеуказанного подозрения и предложено ему отнюдь не заниматься военной разведкой касательно Румынии.

Лицо это имеет большие долги в России, стеснен в средствах, что и явилось истинным предлогом его предложения Огенквару. По-видимому, он намерен работать в другой стране с помощью состоящего при нем помощником журналиста турецкого грека.

Корреспондент производит на меня впечатление порядочного человека, но о его специальных способностях по разведке я судить не берусь. Полагал бы, что можно его испробовать.

Готов был бы взять организацию этого дела на себя, но затрудняюсь по массе работы как по должности, так и в особенности по организации разведки Австрии, Трансильвании и контршпионажу. Положенное ему содержание, 1 000 франков, дает возможность потребовать от него хороших результатов»¹⁹.

Полковник Семенов явно был не в восторге от навязываемого ему Огенкваром подчиненного, работа с которым означала для него дополнительные хлопоты. Янчевецкий, в свою очередь, докладывал полковнику Раша, что он не встретил никакого содействия со стороны военного агента и был вынужден начать работать самостоятельно. Под предлогом газетной работы он нанял грека Яни Грамматикоса, прежде сотрудничавшего с русским посольством в Константинополе. Тот из Констанцы через своего знакомого грека-капитана итальянского парохода отправил несколько писем знакомым Янчевецкого в османской столице; затем Грамматикос выехал Журжево, где он и должен был находиться постоянно для наблюдения за проходящими поездами. Янчевецкий докладывал: «Связь с К[онстантинопо]лем сейчас очень затруднительна, – туда турки впускают (напр., греч. подданных), но оттуда выбраться очень трудно. Свободно ездят македонцы, болгары, австрийцы и немцы. Даже американцам и итальянцам делаются затруднения. Группа украинцев-мазепинцев, теперь находящаяся в Софии и ведущая переговоры с болгарями, тоже часто ездит в К[онстантинопо]ль. Один такой украинец, с русским паспортом, свободно проехал недавно в Одессу. Из К[онстантинопо]ля только что проехал в Италию долго бывший арестованным Салих-Гурджи, директор «Оттоманск[ого] телегр[афного] агентства». Я с ним беседовал в Бухаресте, и он хотел работать для России. Сейчас он едет с особой миссией, снабженный средствами. Часть из его беседы мною передана по телеграфу»²⁰.

Янчевецкий был очень недоволен своей зависимостью от полковника Семенова, прежде всего финансовой, и делал упор на свое лучшее, чем у того, знание Турции. Естественно, корреспонденту Петроградского телеграфного агентства не могло нравиться, что Семенов должен был определять размеры его личного содержания. По предложению полковника Раша, жалованье Янчевецкого не должно было превышать довольно скромной суммы в 500 франков в месяц, что было намного меньше предварительных расчетов²¹. В письме 8 января 1915 года из Бухареста Янчевецкий писал на имя Н.К. Раша:

«Многоуважаемый

Г. Полковник,

Полк[овник] С[еменов] сообщил мне о новой смете, крайне уменьшенной, сравнительно с первоначальной. И нельзя об этом не пожалеть, так как это лишает возможности выполнить ту

программу, которую я изложил, и приводит даже в сомнение, можно ли сделать что-либо значительное. П[олковник] С[еменов]в сообщил мне также, что я всецело должен ему подчиняться в смысле исполнения его инструкций. Последнее также меня смущает, так как П[олковни]ку С[еменов]ву ни Турция, ни условия работы в ней не известны, и едва ли это решение лучше первого плана, дававшего мне инициативу действий. Сумма, назначенная лично на мои расходы, уменьшена также вдвое сравнительно с разговором с Вами, что также ослабляет свободу моей деятельности, так как я не смотрю на эту сумму, как на мое вознаграждение, выразив готовность бороться с германской и турецкой работой на Балканах только потому, что к сожалению вижу, что с русской стороны здесь так мало делается, что становится грустно за наши интересы. Германцами и австрийцами тратятся на Балканах миллионы и рядом с ними кажутся ничтожными те средства, которые должны явиться противовесом германской силе. В Бухаресте имеется особый немецкий комитет, прибывший из Берлина, снабженный крупными суммами для германфильской пропаганды и для шпионства; им между прочим печатаются брошюры и книги, враждебные России, которые бесплатно рассылаются и развозятся на собственном автомобиле по румынским селениям. Множество немцев в Румынии все действуют солидарно, помогают друг другу и следят за лицами из тройственного согласия и особенно за немногими здесь русскими. Ту же роль наших врагов в Болгарии исполняют стамбуловисты, македонцы и группа украинцев.

Для борьбы с этим немецким натиском нужно иметь достаточно средств, сил, ловкости и находчивости. Поэтому такое сокращение кредитов (более, чем в пять раз) только уменьшает успешность и возможность борьбы. Между тем способы разведки, как в Турции, так и по железнодорожной линии между Т[урцией] и Австрией, теперь должны значительно измениться, сравнительно с теми условиями, какие были два месяца тому назад. В Константинополе началось подозрение всех и каждого, не только христиан, но и самих турок; происходят аресты и обыски даже известных по своему убеждению турок. Из писем, посылаемых из Турции, 90% уничтожается из предосторожности. Пассажирские поезда по несколько дней не отправляются из Турции и пассажирам не продают билетов на выезд. Иностранцев турки свободно впускают в Константинополь, но выпускают с громадными затруднениями, а греческих подданных большую часть вовсе не выпускают. Таким образом, иметь агентов в Турции сейчас чрезвычайно трудно и они должны быть оплачиваемы в несколько раз дороже против условий мирного времени.

Полагаю также следующее. Довольствоваться мелкими агентами в настоящее время не целесообразно, они не сумеют сообщить вовремя, и из сведения – мелкие факты или непроверенные слухи. Необходимо привлечь агентов первого разряда, стоящих у первоисточников, например, кого-либо из членов комитета «Единение и Прогресс», турецких дипломатических миссий, турецких офицеров, австрийцев или болгар, причем придется не остановиться перед крупными расходами, зато получаемые сведения будут действительно серьезны.

Лейтенант П[учерее], о котором я уже писал, в настоящее время состоит членом комитета по сбору пожертвований в пользу турецкого красного полумесяца, и вероятно на него будет возложена миссия отвезти эти пожертвования в Константинополь. Это ему откроет двери в турецкие официальные круги, где кроме того у него имеются старые связи. На эту поездку и для уплаты вперед агентам в Конст[антинополе] потребуется сразу ему выдать 3.000 франков. Это составит три четверти месячного ассигнования. Между тем необходимо послать еще кого-либо в Констан[тинополе], и я имею уже в виду подходящих лиц. Какая же сумма остается на другие задачи, изложены в моей программе? Будучи сам много лет чиновником, я отлично знаю, как экономно нужно расходовать казенные средства, но вышеприведенные соображения приводят к заключению, что необходимо вернуться к более широкой смете. В противном случае будет даром потеряно время, как это видно до сих пор по работе других лиц.

Я прошу предоставить мне полную свободу инициативы и деятельности и возможность доносить непосредственно в Петроград, так как П[олковни]к С[еменов]в, по его словам, так занят, что он будет крайне затруднен шифровать мои донесения. Для этого мне необходимо пользоваться своим шифром, хотя бы «Петр[оградского] Телеграф[ного] Агентства» и предоставлять Полк[овнику] С[еменов]ву уже готовые зашифрованные депеши»²².

Вскоре после этого сотрудничество Василия Янчевецкого с военной разведкой завершилось, так и не успев по-настоящему начаться. Намеченная

им амбициозная и полуфантастическая программа действий осталась лишь на бумаге. В феврале 1915 года Огенквар рекомендовал полковник Семенову «прекратить деятельность агента Янчевецкого по разведке в Турции из-за его полной неподготовленности»²³. Руководство разведки Генштаба сыграло в этой истории довольно неприглядную роль. Сначала оно одобрило планы журналиста, несмотря на всю их невероятность, однако затем сразу же посадило его будущую агентуру на скудный денежный паек и всего через несколько недель прекратило сотрудничество с ним. Каковы бы ни были профессиональные способности и навыки Янчевецкого, никто бы не смог добиться лучших результатов в непосильном деле создания «с чистого листа» новой агентурной сети на Балканах и в Турции в условиях мировой войны. Генерал Леонтьев предпочел признать бухарестского корреспондента ПТА «неподготовленным» и сделать вид, что он изначально не ожидал ничего хорошего от сотрудничества с ним и согласился на это лишь под давлением обстоятельств.

Работа будущего писателя Василий Яна на военную разведку на этом прекратилась, однако он оставался в Бухаресте в качестве корреспондента ПТА почти до самого занятия его немцами в конце 1916 года, причем активно сотрудничал с русской дипломатической миссией. В дальнейшем его ждали другие приключения, опасности, утраты, тяжкие труды и заслуженная на литературном поприще слава. Февраль и Октябрь 1917 года В.Г. Янчевецкий встретил в Яссах. В 1918 году он оказался у белых в Сибири, издавал газету в Омске у адмирала А.В. Колчака, затем учительствовал в Урянхайском крае, работал газетным редактором в Минусинске. В 1923 году он переехал в Москву, начал писать художественную прозу и печататься под псевдонимом Василий Ян. Широкую популярность ему принесли исторические повести «Финикийский корабль» (1931), «Огни на курганах» (1932), «Молотобойцы» (1933). А главным сочинением писателя стала историческая трилогия «Нашествие монголов» – романы «Чингис-хан» (1939), «Батый» (1942) и «К последнему морю» (1955, посмертное издание). Скончался В.Г. Янчевецкий 5 августа 1954 года в Звенигороде. На сегодняшний день Василий Ян остается самым популярным и любимым в России автором исторических романов.

К каким выводам приводит нас рассказанная история? Неудачное сотрудничество В.Г. Янчевецкого с русским Генштабом стало ярким примером столкновения человека и ведомства в деле разведки. Причем человек этот был гуманитарием, а ведомство – военным, а значит – их взаимное непонимание было практически предрешено. Янчевецкий действительно не имел ни глубоких знаний Балканского региона, ни опыта разведывательной деятельности, тем более работы с тайной агентурой и ведения диверсионной борьбы. С другой стороны, он был безусловно талантливым человеком с богатым и разносторонним жизненным опытом, склонностью к риску и приключениям, отчасти даже с авантюрной жилкой. Не вызывают сомнения и его искренние патриотические убеждения, как и мотивы мести за брата (хотя В.Г. Янчевецкий, как и писал полковник Семенов, действительно мог находиться в материальной нужде, что вообще часто свойственно людям вольных профессий).

Русская военная разведка на Балканах в начале Первой мировой войны вообще не имела в своем распоряжении ни одного тайного резидента из числа местных уроженцев или людей с богатым опытом жизни и работы в странах полуострова. В этих условиях секретные службы России были вынуждены использовать даже не вполне подготовленных сотрудников, в том числе и «инициативников» (по терминологии спецслужб позднейшего времени), подобных Василию Янчевецкому. Руководство русской военной разведки не потрудились отделить «зерна» от «плевел» в выдвигавшихся Янчевецким проектах. Как представляется, полковник Семенов и его начальство в Генштабе были просто обязаны сразу же поставить крест на предложениях Янчевецкого по организации диверсионной борьбы в Турции, против вражеского судоходства на Дунае и на румынско-венгерской границе (последнее вообще было политически очень опасным проектом). Зато заслуживали полного внимания идеи Янчевецкого об использовании в разведывательных целях круга его журналистских знакомств на Балканах и в Константинополе. Также в высшей степени полезными могли оказаться таланты и навыки Янчевецкого в организации и ведении информационно-пропагандистской борьбы в странах региона. Однако ведомство военной разведки (в лице полковника Б.А. Семенова) предпочло добиваться полного контроля над действиями агента Янчевецкого (что вообще практически не осуществимо в сфере работы с тайной агентурой) и резко сокращать составленные им денежные сметы.

К сожалению, руководство русской разведки, назвав Янчевецкого полностью неподготовленным, впоследствии привлекало к работе на Балканах еще менее пригодных и абсолютно нечистоплотных в денежных делах людей. Достаточно назвать имя грека Георгия Фарди, бывшего юрисконсульта русского посольства в Константинополе, ставшего в годы мировой войны главой всех агентурных организаций штаба Одесского военного округа на Балканах и в Турции. Из-за его дерзких и хищнических махинаций были безвозвратно потеряны сотни тысяч франков из русской казны²⁴. А для реализации выдвинутой Янчевецким идеи развертывания на Балканах информационно-пропагандистской работы было с большим запозданием, лишь в конце 1915 года, создано Телеграфное агентство «Норд-Зюд», занимавшееся также и сбором разведанных. Одно из трех отделений этого агентства действовало в Бухаресте, однако Янчевецкому места в нем не нашлось, а контролировала весь «Норд-Зюд» группа журналистов-поляков весьма сомнительной лояльности по отношению к России²⁵. Таким образом, вряд ли удачным решением был резкий и полный отказ военной разведки от услуг Янчевецкого, который был далеко не худшим из возможных сотрудников, подчас предлагавшим весьма неглупые вещи.

Все вышесказанное можно считать еще одним подтверждением тезиса о том, что одним из главных пороков работы русской разведки в черноморско-балканском регионе в начале XX века была *кадровая и организационная импровизация*, что имело резко отрицательные и далеко идущие последствия для всего процесса выработки политического и стратегического курса России на этом направлении.

Примечания

- ¹ См.: *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3. Ч. 1. М., 2001. С. 146–150.
- ² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 40. За Генкварверха В.Е. Скалон из Ставки – в Огенквар, М.Н. Леонтьеву. 2 декабря 1914 г. № 6552.
- ³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 43. За Генкварверха В.Е. Скалон из Ставки – в Огенквар, М.Н. Леонтьеву. 2 декабря 1914 г. № 6568.
- ⁴ Там же. Л. 55. В.Е. Скалон – М.Н. Леонтьеву. 18 декабря 1914 г. № 6947.
- ⁵ Там же. Л. 45. М.Н. Леонтьев – В.Е. Скалону. 6 декабря 1914 г. № 14684.
- ⁶ Там же. Л. 46–47. Н.Н. Янушкевич – М.А. Беляеву. 16 декабря 1914 г. № 6865.
- ⁷ *Янчевецкий М.В.* Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М., 1977. С. 11, 16, 22.
- ⁸ Там же. С. 26, 29.
- ⁹ Там же. С. 32.
- ¹⁰ Там же. С. 34.
- ¹¹ См. об этом: *Ронге М.* Война и индустрия шпионажа. М., 2000. С. 129; *Хохлов А. Д.Г.* Янчевецкий: в австрийском плену // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918). Материалы научной конференции. Ч.1. М., 1994. С. 65–79.
- ¹² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Ед. хр. 183. Л. 13–14.
- ¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 1–3об. В.Г. Янчевецкий. Докладная записка 10 ноября 1914 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 5–7. Н.К. Раша – М.Н. Леонтьеву. Докладная записка по ГУГШ. Особое делопроизводство. 11 ноября 1914 г. № 8982.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 11–11об.
- ¹⁷ Там же. Л. 39–39об. Н.К. Раша – М.Н. Леонтьеву. 7 декабря 1914 г. Б.н.
- ¹⁸ Там же. Л. 5–7, 9–10об. Н.К. Раша – М.Н. Леонтьеву. Докладные записки по особому делупроизводству ГУГШ от 11 и 30 ноября 1914 г. за общим № 8982.
- ¹⁹ Там же. Л. 14–14об. Б.А. Семенов – в Огенквар. 7 декабря 1914 г. № 341.
- ²⁰ Там же. Л. 26–27об. В.Г. Янчевецкий – М.Н. Леонтьеву. 20 декабря 1914 г. Из Одессы.
- ²¹ Там же. Л. 16–20. Н.К. Раша – Б.А. Семенову. 18 декабря 1914 г. № 770.
- ²² Там же. Л. 30–31об. В.Г. Янчевецкий – Н.К. Раша. 8 января 1915 г. Б.н.
- ²³ Цит. по: *Алексеев М.* Кн. 1. С. 150.
- ²⁴ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 540; Там же. Ед. хр. 684; Там же. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 2359; *Звоначев К.К.* Агентурная разведка. Кн. 1-я. Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 270–273.
- ²⁵ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827.

М.Л. Ямбаев

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русский консул на Балканах

Abstract:

Yambaev M.L. *Russian Consul in the Balkans*

In July 1903, in Macedonia, which was then a part of the Ottoman Empire, Russian Imperial Consul, A.A. Rostkowsky, was murdered. An exceptional representative of the Russian Foreign Ministry lived a short, but brilliant life, he traveled to various regions of Eastern Turkey in the end of XIX – beginning of XX century. The article gives a brief overview of the history of Russian institutions in Turkey.

Ключевые слова: дипломатия, консульская служба, внешняя политика, Балканы, Российская империя, Османская империя.

Драматичным был 1903 год для служащих МИД Российской империи на Балканах – летом в городе Битоля/Монастир (ныне – Битола в Республике Македония) от пули албанского фанатика погиб русский консул, один из лучших дипломатических представителей России в этом регионе – Александр Аркадьевич Ростковский.

Российская империя добилась права назначать своих консулов в Турцию по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Начало российским консульским учреждениям в Македонии положило открытие в последней четверти XVIII в. консульства в Салониках (с 1878 г. – генеральное консульство). В 1856 г. Россия вместе с другими государствами-участниками Парижского конгресса стала гарантом его постановлений. В связи с этим расширяется российская консульская сеть на Балканах. В задачу консульств входило наблюдение за реализацией реформ, объявленных хатт-и-хумаюном (указом) Порты в 1856 г. и предусматривавших уравнивание в правах христиан и мусульман¹. В Битоли консульство было основано в 1861 г. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оно временно прекратило свою деятельность, а по окончании войны было восстановлено в 1881 г. Преобразованное тогда в вице-консульство, в 1901 г. оно вновь получило статус консульства. Консульство в Ускюбе (ныне – г. Скопье, столица Республики Македония) было организовано в конце XIX в.

Консульские функции были очень обширны и многообразны, и это позволило Отто Бисмарку отметить, что «легче быть хорошим дипломатом, нежели хорошим консулом»². Известный журналист начала XX века Александр Валентинович Амфитеатров характеризовал положение русских консулов в славянской Турции как «двусмысленное»: с одной стороны, все-таки «в воображении здешних властей и народа», а с другой, «совершенно бессильные и безгласные пред Константинополем и Петербургом»³. В задачи консула входило информирование своего правительства о политических, экономических и прочих аспектах жизни соответствующего консульского округа. В этой связи будет уместно сослаться на того же А. Амфитеатрова, очевидца многих событий начала века на Балканах, лично знавшего едва ли не всех консулов России в этом регионе. Он писал:

«Ознакомившись с архивами нескольких наших консульств, я был поражен той массой литературно-политической работы, к которой обязан русский консул; каждое донесение его в посольство есть одновременно и фактическая, подробная, проверенная корреспонденция «с места», и обстоятельная передовая статья по поводу корреспонденции. Ежедневно, а то и чаще, уходят из консульских пунктов наших в Константинополь огромные пакеты с тяжелыми тетрадами таких донесений, а дубликаты их идут в Петербург. И вот – как дойдут они до этого богоспасаемого города, тут им и капут: их очень ласково принимают, нумеруют, складывают в архивный шкаф и... покойся милый прах, до радостного утра! Архивы нашего министерства иностранных дел полны драгоценнейшим этнографическим и политико-историческим материалом из консульских донесений, слежавшимся и пропадающим в недрах дипломатико-бюрократических бесцельно, бесплодно и безвыходно⁴». Сам же Ростковский с горечью говорил (разумеется, в частной беседе) о консульских донесениях: «...Читает это лишь посол в Константинополе, а в России – лишь министерские... мыши»⁵.

Императорский российский консул, статский советник Александр Аркадьевич Ростковский родился 18 октября (здесь и далее даты даны по старому стилю) 1860 г. Он происходил из старинной семьи могилевских дворян. Отец его, Аркадий Николаевич Ростковский, долгое время был офицером Генерального штаба и начальником штаба 8-й кавалерийской дивизии, а в царствование Николая I находился в чине майора, являлся участником Венгерской кампании 1848 г. и по поручению Царя передал императору Францу-Иосифу сабли сорока венгерских генералов, сложивших оружие перед русскими войсками при Вилагоше. Майор Ростковский был награжден тогда австрийским орденом Железной короны. А.Н. Ростковский участвовал и в Крымской войне. Умер он в 1882 г. в чине генерала в отставке. Александр Аркадьевич Ростковский воспитывался в одной из одесских гимназий, а затем получил образование в Императорском Александровском лицее, полный курс которого окончил в 1883 г. Желая посвятить себя службе на мусульманском Востоке, А.А. Ростковский поступил в Азиатский (позже – Первый) департамент министерства иностранных дел. Вскоре он был командирован в Болгарию на должность второго секретаря Императорского Российского дипломатического агентства и генерального консульства. Затем его перевели на должность секретаря и драгомана генерального консульства в Иерусалиме. Здесь он пробыл три года, кропотливо изучая быт, законодательство, культуру и наречия народов мусульманского Востока. В 1887 г. он оказался на аналогичном посту в Янине, а потом в Бейруте. Осенью 1890 г. коллежский ассессор Ростковский – заместитель агента МИД в Одессе Г.В. Путяты. В 1893 г. он был назначен вице-консулом в Бриндизи (Италия). Спустя два года Ростковский вновь попадает на Балканы, теперь вице-консулом в Битоли (с 1899 г. по 1901 г. он также находился на должности консула в Ускюбе), а после преобразования соответствующего вице-консульства в консульство в 1901 г. – консулом⁶.

Обеспеченный человек, служивший по призванию, не ради личных выгод, он был великолепным знатоком истории и быта населения современной

ему Македонии. Находясь на консульской службе в Македонии, Ростовский не ограничивался строгими рамками своих прямых обязанностей и проводил скрупулезную работу и в других сферах деятельности. Например, в журнале «Живая старина» в выпуске №1 за 1899 г. и в выпуске №4 за 1900 г. вышли, соответственно, его исследования «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 г.» и «Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г.». Эти труды были оценены наградой Императорской Академии наук (если верить А. Амфитеатрову, то, по свидетельству самого А.А. Ростовского, МИД воспринял публикацию холодно-безразлично).

Город Битоли (Битоля, Битолия, Монастырь) являлся центром Битольского вилайета – одного из трех (также Салоникский/Солунский и Ускиобский/Косовский) вилайетов, которые административно (в той или иной степени) охватывали территорию историко-географической области Македония. Большую часть населения Битольского вилайета составляли православные славяне. На западе провинции достаточно компактно проживали албанцы-мусульмане.

В начале XX в. обстановка в Македонии постепенно обостряется. Между тем, все внимание Российской империи было сосредоточено на Дальнем Востоке, а первейшая задача внешней политики России на Балканах состояла в поддержании там статус кво.

И именно в это время македонские революционные комитеты⁷ все более определенно берут курс на подготовку и проведение восстания в македонских вилайетах, целью которого провозглашалось достижение автономии Македонии. Лидеры повстанцев прекрасно понимали бесперспективность своей затеи. Много позже, в 1925 г. новые лидеры ВМРО признают: «Даже Илинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»⁸.

Итак, лидеры организации в полной мере понимали обреченность своей акции. Трудно было не понять (исходя из прошлого опыта), что выступление будет подавлено в относительно короткие сроки. Однако предполагалось, что неминуемо последующая за вооруженным выступлением резня христиан подтолкнет великие державы к вмешательству и вынудит Турцию предоставить автономию Македонии. Ставка делалась и на помощь Болгарии. Кроме того, деятели комитетов рассчитывали, что болгарское вмешательство подтолкнет к решительным действиям и Сербию. Такая позиция лидеров революционного движения резко противоречила планам России. О своем негативном отношении к деятельности комитетов российское правительство сообщало неоднократно через консулов в Македонии, дипломатических представителей в балканских странах и публично.

Показательной в этом отношении является секретная телеграмма посла России в Константинополе от 5 февраля 1903 г. Ростовскому: «Ввиду продолжающихся происков революционных комитетов, имеющих целью вызвать восстание в Македонии, предлагаю принять зависящие от Вас меры для внушения христианскому населению, что деятельность комитетов

строго осуждается Императорским Правительством, что зачинщики и участники беспорядков не должны ни под каким видом рассчитывать на поддержку России, и что, в случае принятия турецким правительством мер к подавлению беспорядков, они будут предоставлены собственной участи»⁹.

Официальная точка зрения перекликалась и с настроениями самого русского консула в Битоли. Еще в 1900 г. в частной беседе он заявил: «В скромных пределах моих полномочий я сделаю все от меня зависящее, чтобы предотвратить осложнения, могущие вовлечь Россию в политическую авантюру. Мне сердечно жаль македонских славян, но русские интересы мне дороже и по личному чувству, и по долгу службы»¹⁰.

Между тем, государственный механизм Османской империи к этому времени был полностью атрофирован. Христианское население Македонии было терроризируемо албанскими разбойниками и абсолютно беззащитно против произвола коррумпированных турецких чиновников. Войска рыскали в поисках комитаджий (деятели революционных комитетов) по селам, срывая злобу на крестьянах, безжалостно избивая и грабя их (солдаты и офицеры месяцами не получали жалованья, будто умышленно подталкиваемые к грабежам). Пытаясь хоть как-то умиротворить обстановку, осенью 1902 г. Россия поставила перед Портой вопрос о проведении реформы системы управления в трех македонских вилайетах. В январе–феврале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия выработали проект реформ для Македонии (т.н. Венская программа). Порта должна была дать обещание, что назначенный ею генерал-инспектор европейских вилайетов будет возглавлять их администрацию в течение трех лет, имея право распоряжаться находящимися там войсками. Турция должна была передать дело реорганизации местной жандармерии в руки иностранных офицеров. Предлагаемая финансовая реформа включала ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления вместо существующей откупной системы. Порта должна была принять меры против произвола башибузуков и даровать амнистию политическим заключенным и беженцам. Эта программа была вручена австро-венгерским и российским послами в Константинополе великому везиру в феврале 1903 г.

Программа реформ была «встречена в штыки» и албанцами, увидевшими в ней покушение на свое привилегированное положение, и лидерами македонских комитетов, а местная администрация была не способна (и не хотела?) их провести. Ростковский в связи с этим докладывал, что местные «турецкие власти прилагают все свои старания, чтобы парализовать вводимые реформы и с этой целью не исполняют даже предписаний высшего начальства», а несколько позже он констатировал: «...Турецкая администрация дошла до полного расстройств, никто не желает исполнять приказания своего начальства»¹¹.

Православное население европейских провинций Турции находилось в ужасном положении из-за бесконечных и безнаказанных притеснений и насилий со стороны албанцев. Хотя Ростковский еще в 1901 г. докладывал о таком примечательном случае: В округе Поречье, соседнем с Дебарским, и «населенном почти исключительно сербами, мудир (управитель небольшой

казы/округа. – М.Я.) без ведома высших властей разрешил жителям-христианам приобрести ружья и иметь в каждом селе вооруженную стражу, которая не допускала бы албанцев-разбойников грабить население. По сведениям, полученным из Поречья, в течение этого года (донесение от 1 сентября 1901 г. – М.Я.) не было нападений разбойников и никогда еще население не пользовалось такой безопасностью, как в нынешнем году»¹².

Подстреканное своими вождями, албанское население видело в представителях России живое воплощение курса на «ущемление своей свободы» и «попрание вековых традиций». Весной 1903 г. первой жертвой стал консул в Митровице (Косово) Григорий Степанович Щербина, убитый турецким солдатом-албанцем¹³.

С другой стороны, руководители революционных комитетов с нескрываемой ненавистью относились к представителям России, постоянно «остужавшим» пыл горячим головам. В донесениях русских консулов говорится и о жестокостях, творимых мусульманами в отношении христиан, и о провокационных действиях революционных комитетов, направленных на обострение ситуации и на ожесточение мусульман против христиан.

Да, позиция России абсолютно не удовлетворяла устремлений лидеров македонского движения. Это вело к озлоблению их против проводников внешнеполитического курса России – консулов. Получили даже хождение слухи о готовящемся покушении на Ростковского со стороны революционных деятелей. (Македонский историк Д. Димески отмечает¹⁴, между тем, что в 1898 г. члены комитетов планировали похищение Александра Аркадьевича во время его поездки в Буков монастырь с целью выкупа для получения «средств на Организацию».) Однако сами участники комитетов, – писал по этому поводу консул, – уверяли, «что, несмотря на всю ненависть питаемую комитетом ко мне, моя жизнь в полной безопасности»¹⁵. Достаточно резко и вполне недвусмысленно А.А. Ростковский сообщал о целях лидеров революционных комитетов (которых он, кстати, называл «интеллигентный пролетариат», ибо комитеты состояли, главным образом, из учителей болгарских гимназий). По его мнению, они «не столько заботятся о благе сельского населения, как о себе лично». Они «мечтали уже, что при введении автономии они получают хорошо оплачиваемые выдающиеся места в администрации». Ростковский считал, что проект реформ, разработанный Россией и Австро-Венгрией, был встречен комитетами холодно, «т.к. не обеспечивает здешнему интеллигентному пролетариату возможность пристроиться на государственную службу, о чем они мечтали, требуя автономии для Македонии». Ростковский отмечал, что комитеты противодействуют реформам, заставляют селян покупать оружие и присоединяться к четам, угрожая им в противном случае смертной казнью¹⁶.

Мирное христианское население оказалось в самом жутком положении. В январе 1903 г. Ростковский так писал о жителях христианских сел: «С одной стороны, они страдают от посещения турецких солдат, уносящих с собой все, что им попадетс под руку, и, к тому же, подвергающих пыткам жителей с целью узнать, где скрываются инсургенты, с другой стороны, бесчисленные революционные банды, постоянно увеличивающиеся в числе, отнимают у жителей последние крохи»¹⁷. В своем донесении от 19 июля

1903 г. по итогам поездки по селам округа Ростковский напишет: «Несмотря на все бесчинства и грабежи турок, во многих селах мне говорили, что жители сел еще больше страдают от банд, которые поставили себе целью довести население до полного отчаяния и тем заставить его примкнуть к революционному движению. Для ободрения и внушения мужества селянам инсургенты уверяют, что нынешние страдания скоро кончатся, т.к. Россия поддерживает революционное движение и ждет только момента, чтобы оно разрослось, чтобы иметь предлог вмешаться в македонские дела и освободить здешних христиан от турецкого ига»¹⁸.

Непоколебимый и последовательный в проведении внешнеполитического курса России, в исполнении служебного долга, Александр Аркадьевич нажил себе множество врагов. При этом консул отличался завидным бесстрашием. Он обычно не брал с собой револьвера. На следующий день после резни христиан в Битоли в апреле 1903 г. он вышел безоружным вместе с женой на прогулку по улицам города, одним своим появлением успокоив христианское население. Вот что писал о Ростковском всемирно известный византист Н.П.Кондаков: «В это время (1900 г. – М.Я.) в Битоле русским консулом был уже и тогда известный храбрец, знаток края, изъездивший его вдоль и поперек А.А.Ростковский. В бытность нашу в Битоле он жил на даче в Буково, на высокой горе, не более, как в нескольких верстах от города, в одном из таких монастырей, которого обширные кельи сдаются иностранцам под дачу... Александр Аркадьевич был настоящий храбрец и, пренебрегая всякими действительными и мнимыми страхами ездил всюду один, или, самое большее, с кавасом (телохранителем. – М.Я.), бравируя все окружающее»¹⁹.

В Албании есть город Эльбасан. На рубеже XIX–XX вв. он входил в состав Битольского вилайета. Вблизи этого города жило племя албанцев-шпатиотов, исповедовавших православие. Не будем вдаваться в подробности, лишь скажем, что в тот период случился массовый переход шпатиотов в унию. Для разбирательства причин на месте, может быть, для исправления положения дел Константинопольским посольством был направлен Ростковский. Вот как описывает этот «поход» известный нам А. Амфитеатров: «В недоступные горные ущелья шпатиотов консул наш добрался 3-х суточным переходом по пояс в снегу. После первых двух часов странствия он упал в обморок, – полагали, что нечего думать ему продолжать путь, – однако, молодая энергия взяла свое, консул отдышался, оправился и снова пошел вперед, поплывывая кровью на белые снега. Проводники отказались за ним следовать. Тогда он вручил свою судьбу разбойничей шайке, атаман которой и доставил его к цели...» Дело разрешилось тогда благополучно, и шпатиоты вернулись в лоно православия. «Очень Вы измучились тогда? – спросил я консула, когда встретился и познакомился с ним. Отвечает:

– Не столько измучился, сколько выгрядился. Три недели не раздевался, сапог не снимал. Ночевка на земляном полу, по курным избам. Копоть, насекомые. Когда я вернулся, мне была заранее приготовлена баня, и я распорядился, чтобы меня никто не встречал: страшно было показаться своим. Одежду сбросил во дворе и велел сжечь ее; а сам – прямо бух в горячую ванну, и вода в ней стала сразу черная, как сажа. Уж именно, только когда в семи водах вымылся, начал чувствовать себя немножко человеком»²⁰.

Летом 1903 г. А.А. Ростовский с семьей жил неподалеку от Битоли – в Буковском монастыре. Жене и детям консула там было легче переносить летний зной. Каждое утро по делам службы А.А. Ростовский направлялся в Битоли.

20 июля (Ильин день) революционные комитеты объявили всеобщее восстание. 22 июля в частном письме генконсулу России в Салониках А.А. Гирсу Ростовский напишет: «...Комитет объявил... восстание, и банды напали на мусульманские села, жители коих особенно отличаются разбойничеством... Нападения не удались... Опасаюсь взрыва мусульманского фанатизма и чтобы не начали резни христиан. Мы переехали в Буково, и наслаждаемся прохладой, а по вечерам видим постоянные пожары кругом»²¹.

26 июля Ростовский (накануне его сыну Борису исполнилось 9 лет) вместе с домашним воспитателем своих детей, учителем местной гимназии К. Мисирковым, ехал в коляске в город. Было около 10 ч. 10 мин. утра, когда при въезде в город у одной из караулок постовой жандарм не отдал А.А. Ростовскому установленной для консулов чести и, более того, продолжал сидеть. Не останавливая экипажа, Ростовский дважды подал знак часовому об отдании чести. Но тот и не шелохнулся, продолжая вызывающе глядеть на консула. Тогда консул приказал остановить экипаж и вышел из него, направляясь к часовому, который поднялся ему навстречу. Ростовский спросил жандарма его имя. В ответ тот вскинул винтовку и выстрелил. Первая пуля прошла мимо. Мисирков крикнул, что это русский консул. Жандарм перезаряжал ружье. Мисирков закричал тогда консулу: «Александр Аркадьевич, оставьте его, садитесь в экипаж». Как предполагал Мисирков, первый выстрел оглушил консула (выстрел был произведен с семи шагов); держась левой рукой за голову, он отходил от часового, правой рукой делая знак не стрелять (Выше уже говорилось – Ростовский никогда не носил с собой револьвера, хотя, на него уже однажды было совершено покушение). Раздался второй выстрел. Пуля насквозь пробила правую руку, смертельно ранив консула навывлет в правый бок. Сделав пару шагов и подойдя к дереву, он начал медленно опускаться на землю. Жандарм выстрелил и в сторону Мисиркова, но не попал. Учитель лег на землю, и убийца подумал, что покончил с ним. Затем он подошел к консулу и выстрелил в упор в голову (консульская фуражка была прострелена и насквозь пропитана порохом). Озверевший жандарм нанес затем мертвому уже консулу удар прикладом в правую сторону лица, так что были проломлены все кости щеки, ушедшие внутрь головы. На выстрелы сбежалась толпа. Мисирков поднялся и в сопровождении трех турецких офицеров добрался до русского консульства. По его словам, в собравшейся толпе солдат и офицеров были слышны крики «дикой радости» по поводу убийства ненавистного «москова»²².

Скорбная телеграмма о гибели консула прибыла в Константинополь в тот момент, когда весь дипкорпус и цвет местного общества собрались на бал в летнем дворце русского посольства. Разумеется, светское «мероприятие» пришлось отменить. Российский посол И.А. Зиновьев, узнав подробности, скорее всего, негодовал – «Угрозило же его оказаться послом в Турции. Вот, до этого несколько лет пробыл в тихом, спокойном «цивилизованном» Копенгагене. А здесь? Зимой и летом – жара, духота, вечное солнце. Потом,

эти консулы со своим геройством. Весной – Щербина, не было и 35 лет, теперь – Ростковский – 42 года. Никакого покоя». Зиновьев был действительно вне себя. Вдова Ростковского была глубоко возмущена поведением посла. Он открыто осуждал ее мужа, что стало известно туркам. Как отметил один из чиновников посольства, Зиновьев рассуждал как «турецкий паша».

Когда весть о гибели русского консула достигла Белграда, толпы возмущенного народа собрались у турецкой миссии, устроив грандиозную антитурецкую демонстрацию. Несмотря на защиту полиции, в здании камнями были выбиты все окна.

Николай II, помиловавший весной 1903 г. убийцу Г.С. Щербины, на этот раз проявил так не свойственную ему твердость. Вероятно, в первом случае не нашлось никого, кто бы напомнил ему, что на Востоке великодушные чаще всего воспринимают как малодушие и слабость. Император потребовал самой суровой кары убийце. Среди требований к султану: наказание жандарма «безотлагательное и самое тяжкое», «арест и примерное наказание стрелявших в экипаж российского консула», «немедленная строгая кара для всех гражданских и военных чинов ответственных за убийство российского консула». В 75-ти верстах от Босфора встал отряд Черноморского флота в составе 4-х броненосцев, прибывших из Севастополя.

Жандарм и его напарник были повешены 1 августа на том самом дереве, возле которого погиб Ростковский.

Судебное расследование было довольно скоротечным. Существовало предположение (не опровергнутое, но и не доказанное), что на пути следования Ростковского были еще и другие засады, а все случившееся отнюдь не случайность, а результат заговора. В ходе подготовки к казни, когда убийца и его соучастник осознали, что участь их решена, казалось, что они были готовы выдать тех, кто подстрекал их к убийству.

Ряд австрийских и немецких газет обвинили Ростковского (как ранее Г.С. Щербину) в том, что он сам виноват в случившемся, так как, якобы, своим «вызывающим» поведением «восстановил» против себя турецкое население, а, кроме того, помогал инсургентам деньгами и советами. По меткому выражению одного русского журналиста, «всех заткнула за пояс» одна венская газета, оклеветав покойного консула, будто бы тот «сам с нагайкой напал на не отдавшего ему чести часового, несмотря на то, что тот валялся у него в ногах и кричал «аман» (пощадите), и, наконец, хотел застрелить его из револьвера»²³. И по прошествии десятилетий с упорством достойным лучшего применения западные историки развивают лживую версию произошедшей трагедии. Так, английский автор Дэйкин называет русского консула в Битоли «яростным [“violent”] человеком, который был довольно глуп, чтобы ударить албанца-мусульманина жандарма за неотдание чести»²⁴.

Исполнение приказа об отдаче чести консулам имело огромное значение. Ростковский мог бы проехать мимо (тем более, что он хорошо знал о судьбе Щербины). Но уже к вечеру весь маленький городишко знал бы, что жандарм не отдал чести «москову», а тот не посмел потребовать от него исполнения внешнего знака почтения. К консулу бы стали относиться как к слабому существу, мусульмане бы презирали его, а христиане не доверяли бы. Парадоксально, но

верно по этому поводу высказался А. Амфитеатров: «Покойный Ростковский, например, пользовался большим уважением албанцев, т.е. его боялись. И именно поэтому албанцы его терпеть не могли и, в конце концов, его застрелил-таки албанец. Но, в то же самое время, кавасами Ростковский держал только албанцев, и были они ему преданы, как влюбленные дети»²⁵.

Султан ассигновал на обеспечение семьи убитого крупную денежную сумму – 400 тысяч франков. Вдова покойного отвергла подобную «помощь», заявив, что «нет того вознаграждения, которое она могла бы принять от Турции» за убийство мужа и, что она считает позорным деньгами искупить его кровь. Екатерина Васильевна Ростковская (урожденная княжна Дабижа) отмечала: «Оставить без внимания презрительное и умышленно-недружелюбное отношение к себе со стороны турецкого жандарма мой муж находил нежелательным еще и потому, что это могло бы быть истолковано, как слабость или трусость. Покойный исполнил свой долг. Он защитил честь своего мундира и той страны, которой он служил так искренне, так преданно. Так должен был поступить русский, желающий поддержать свой престиж, и так поступил бы каждый русский офицер, если бы его вздумали оскорблять»²⁶.

Заслуживает отдельного внимания история любви Александра Аркадьевича и Екатерины Васильевны²⁷. В ту пору, когда юный Александр обучался в одной из одесских гимназий, окружным инспектором был князь Василий Дмитриевич Дабижа, с семьей которого он и сдружился. (Сын Василия Дмитриевича учился вместе с Ростковским.) Оказывается, он полюбил дочь инспектора еще в те годы и задумывал брак с ней еще «с гимназической скамьи». Впоследствии князь Дабижа был переведен на службу в Петербург. Его сын поступил в Императорский Александровский лицей. За ним последовал друг его детства Александр Ростковский. С юных лет он отличался целеустремленностью, всегда знал чего, хотел и настойчиво шел к своей цели. Удивительно! еще почти ребенком он полюбил девушку и решил, что она станет его женой. Так и произошло. Мать двоих его детей (мальчика и девочки), она озарила всю его жизнь. По отзывам современников, «очаровательная, поэтически настроенная, страстная музыкантша», она была верной и доброй женой и в то же время «умелой хозяйкой маленького дипломатического салона». Вместе с мужем она объездила верхом неприступнейшие дебри Македонии... Иностранцы видели в них идеальную пару – очаровательнейшая жена и муж «рослый, голубоглазый, с белокурыми волосами, изящный малоросс...»

В июле 1913 г., после раздела Македонии, в Битоли (располагавшейся в т.н. Вардарской Македонии, отошедшей в результате Второй (Межсоюзнической) Балканской войны к Сербии), был установлен памятник (большой православный восьмиконечный крест из камня) А.А. Ростковскому на месте гибели. Как сообщалось в телеграмме с места события, это было сделано «для выражения признательности русскому народу за вековое покровительство сербам и вообще христианам и в воздаяние священного долга памяти русского мученика Ростковского, бывшего здесь консулом и убитого за содействие освобождению этой страны...»²⁸. Совсем недавно этот памятник, разрушенный при смутных обстоятельствах десятилетия назад, был восстановлен при содействии посольства РФ в Скопье. Вот что по этому поводу сообщил в ноябре 2003 г. журнал «Дипломатический вестник»:

«8 сентября в г. Битола, Республика Македония, состоялась торжественная церемония открытия памятника российскому императорскому консулу А.А. Ростковскому в ознаменование 100-летия со дня его гибели от рук мусульманских фанатиков. Надпись на постаменте гласит: «В честь и во славу российского императорского консула Его Превосходительства Александра Аркадьевича Ростковского (1860—1903) к 100-летию его гибели. 8 августа 2003 г. граждане Битолы».

А.А. Ростковский в соответствии с политикой России вел активную работу по защите христианского населения в Македонии, входившей в то время в состав Османской империи. Именно эта деятельность во многом, как полагают историки, способствовала укреплению национального самосознания македонцев, но в то же время стала причиной убийства русского дипломата.

Установленный сразу после гибели А.А. Ростковского деревянный крест в 1936 г. был заменен на сохранившийся до наших дней импозантный памятник, ставший одним из главных символов города и получивший в народе название «Русский крест».

Нынешний девятиметровый памятник в виде русского православного креста возведен при содействии Министерства культуры Республики Македонии, мэрии и горожан Битолы. На торжественной церемонии в присутствии министра культуры Республики Македонии, мэров ряда македонских городов, Почетного консула Российской Федерации в Битоле, активистов Союза обществ македонско-русской дружбы, наших соотечественников, представителей духовенства, интеллигенции и многочисленных горожан выступили мэр Битолы – З. Вршковский и Посол России в Македонии – А.Н. Асатур. По словам градоначальника, «Русский крест» – не только дань прошлому, но и символ братства наших народов, всегда ощущающих свое единство и готовых прийти на помощь друг другу в трудную минуту».

В местных СМИ, широко освещавших данное событие, отмечалось, что это первый в стране памятник, символизирующий российско-македонскую дружбу²⁹.

В книге македонского историка Д. Константинова «Битола – 1903» приведен текст песни, сочиненной битольчанами после убийства Ростковского:

Двапати пушка пукнала,
 Кај караколот – Битола;
 Едниот куршум го удри,
 Русиот консул во рамо;
 Вториот куршум го удри
 Козул Ростковски во глава.
 Бог да го бие стражарот,
 Што го погуби конзулот,
 Што ја бранеше рајата,³⁰
 Рајата, браќа, ристјанска!

Дословно переводится приблизительно так: «Два раза ружье выстрелило возле караулки у Битолы, первая пуля попала русскому консулу в плечо, вторая – в голову. Пусть накажет Бог того жандарма, что погубил консула, защищавшего райю (христианское население Турции. – М.Я.), братьев христианских».

Похоронен Ростковский был 14 августа 1903 г. в Одессе на Новом кладбище, там же, где и его отец.

Примечания

- ¹ *Хевролина В.М.* Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности. 1856–1874 // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1991. С. 42.
- ² *Кожевников Ф.И.* Русское государство и международное право. М., 1947. С. 216.
- ³ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903. С. 115.
- ⁴ Там же. С. 112–113.
- ⁵ Там же. С. 114.
- ⁶ Русский вестник (далее – РВ). 1903. IX. С. 351.
- ⁷ Еще в 1893 г. в Салониках была создана организация, позже ставшая известной под именем Внутренней Македонской Революционной Организации (Самое громкое дело ВМРО – убийство в сотрудничестве с хорватскими усташами короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту в Марселе в 1934 г.). Несколько позднее в Софии был создан Верховный Македонский комитет. Между двумя организациями существовали значительные разногласия по многим вопросам, однако, начало XX в. характеризуется их активным взаимодействием.
- ⁸ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. М., 2000. С. 272.
- ⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 213 (Консульство в Битоли). Д. 14. Л. 12.
- ¹⁰ РВ. 1903. IX. С. 352.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 1455а. Л. 129, 213.
- ¹² Там же. Д. 1453. Л. 58.
- ¹³ Подробнее: *Ямбаев М.Л.* События весны 1903 г. в Старой Сербии: Албанские беспорядки и гибель в Митровице русского консула Г.С. Щербины // Югославская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 155–161.; *Он же.* Выстрелы в Митровице // Родина, 2003, № 8. С. 44–46.
- ¹⁴ *Димески Д.* Македонского национальноосвободительного движения во Битолском вилайете (1893–1903). Скопье, 1981. С. 253.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 180. Д. 1455а. Л. 99.
- ¹⁶ Там же. Л. 27, 34, 43–43об.
- ¹⁷ *Струкова К.Л.* Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 257.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Д. 1455а. Л. 215а.
- ¹⁹ *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. С.-Пб., 1909. С. 213.
- ²⁰ *Амфитеатров А.* Указ. соч. С. 105–111.
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 892. Д. 227. Л. 5–6.
- ²² Новое время. 20.08.1903.; РВ, 1903. IX. С. 337.
- ²³ РВ. 1903. IX. С. 341.
- ²⁴ *Dakin D.* The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966., P. 110.
- ²⁵ *Амфитеатров А.* Эхо. М., 1913. С. 232–233.
- ²⁶ РВ. 1903. IX. С. 343–344.
- ²⁷ О непростой судьбе Е.В. Ростковской см.: *Бордато Э., Талалай М.* Под чуждым небосводом. С.-Пб., 2009.
- ²⁸ Голос Москвы. 28.07.1913.
- ²⁹ http://www.mid.ru/dip_vest.nsf/19c2fdee616f12e54325688e00486a45/006e2d38c1854ed3c3256e06003bb3a2?OpenDocument
- ³⁰ *Константинов Д.Х.* Битола – 1903. Битола, 1983. С. 284.

Н.Ю. Забелина
(Государственный исторический музей, Москва)

Флора Сандес: дочь Британии – офицер сербской армии

Abstract:

Zabelina N.Yu. *Flora Sandes: the daughter of Great Britains as a Serbian army's officer*

During of World War I British women rushed to Serbia to work in hospitals in order to fight the epidemics. One of them was priest's daughter Flora Sandes. She worked in a hospital and conducted a fund-raising campaign for the benefit of Serbia. She stayed with the army during the retreat in autumn 1915. She agreed to become a soldier. She managed to make a career and gained respect of Serbian military men, although not everyone in England approved her decisions. She was decorated by the Order of the Star of Karageorge. After the end of the war she stayed in Yugoslavia and returned to her native land only in 1945.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, Англия, Сербия, Балканы, гуманитарная миссия, женщины, добровольцы, документальная проза.

Когда началась Первая мировая война, британских женщин в не меньшей, а то и в большей степени, чем мужчин, охватил патриотический порыв и жажда действия. Девушка, встречая молодого человека не в военной форме, могла подарить тому белое перо, традиционный для Великобритании символ трусости. Женщины стояли в длинных очередях, чтобы записаться в женские добровольческие соединения. По всей стране учреждались комитеты помощи пострадавшим от военных действий, велась активная благотворительная деятельность. «Британские женщины выходят из подчинения и становятся наравне с мужчинами в вопросах знания, власти и организации», – писала английская общественная активистка Х. Суонвик¹.

Вначале британское правительство было против работы женщин на фронте. Руководители женских объединений квалифицированных работниц предлагали правительству свою помощь, но им посоветовали «идти домой и помалкивать». Правительства Бельгии, Франции и Сербии были более сговорчивыми и приняли предложенную им помощь. Позже власти Великобритании стали разрешать работать на фронте не только медсестрам, но и представительницам других профессий. Более 25 000 британских женщин выполняли на фронте различные виды работ. Они могли работать шоферами, телефонистками, поварами, медсестрами, конторскими служащими. До войны немногие из них имели возможность побывать за границей, зато теперь женщины работали на трех континентах – в Европе, Азии и Африке². Это был настоящий прорыв. Женщины сами делали свой выбор – выбор в пользу работы, полной трудностей и опасностей, но при этом невероятно насыщенной событиями. Многие вели дневники, делали заметки, писали путевые очерки, чтобы по возвращении домой опубликовать свои записи. Они хотели поделиться с соотечественниками опытом работы за границей во время боевых действий, в непривычных условиях. Для большинства читателей подобные публикации казались чем-то невероятным. Подумать только –

воспоминания британской женщины, побывавшей в немецком плену или в одиночку работавшей врачом в далеком балканском захолустье.

Балканский корпус источников личного характера (дневников, мемуаров, путевых записок) занимает особое место среди свидетельств британцев о событиях Первой мировой войны. В то время Сербия была мало знакома рядовому англичанину. Она представлялась далекой экзотической страной. К тому же, еще свежи были воспоминания об убийстве сербской королевской четы Обреновичей в 1903 г., осужденном как официальным Лондоном, так и британским обществом. Но с началом войны отношение англичан к этой балканской стране стало меняться в лучшую сторону. Этому способствовала пропагандистская кампания: Сербия, как и Бельгия, представала жертвой германского милитаризма, которой требовалась как военная, так и гуманитарная помощь союзников.

«Организация миссий в Сербию стала считаться вопросом престижа, продажа и покупка сербских флагов – делом чести, приобретение одежды для сербских солдат – особым шиком», – писала современница событий³. Многие британцы проявили готовность оказать помощь Сербии деньгами, посылкой необходимого или личным участием. Во время и после завершения Первой мировой войны в Сербию отправлялись миссии из разных стран, включая Россию, США и Францию. Но Англия занимает среди государств, помогавших Сербии, особое место. К концу 1915 г. в Сербии находилось более 20 миссий, госпиталей и отрядов. Многие из этих госпиталей были экипированы и отправлены на Балканы усилиями Фонда помощи Сербии. Фонд, основанный в сентябре 1914 г., находился под патронажем королевы, его президентом был епископ Лондонский, вице-президентами являлись такие влиятельные в Великобритании персоны, как О. Чемберлен, Д. Ллойд Джордж, Г. Асквит, Э. Бонар Лоу, У. Черчилль. Известный историк, знаток балканского региона, а во время Первой мировой войны – один из столпов британской пропаганды, Роберт Сетон-Уотсон стал почетным секретарем Фонда и одним из самых активных его деятелей. Фонд помощи Сербии сотрудничал с Британским Красным Крестом и американским Фондом Рокфеллера в разработке плана по санитарно-эпидемиологической защите Сербии⁴.

С началом войны британские организации, особенно Фонд помощи Сербии, направляли усилия на помощь раненым солдатам и беженцам. Госпитали организовывались на островах Корфу, Корсика, в Северной Африке. В результате многие британские хирурги и психиатры вернулись на родину, приобретя во время войны богатый практический опыт, выработав ряд новых подходов в вопросах военной хирургии, лечения инфекционных заболеваний и т.д. По окончании войны некоторые медики остались на Балканах, чтобы помочь Сербии восстановиться после таких серьезных потрясений. В частности, при непосредственном участии британцев в Белграде был основан первый в Сербии детский госпиталь. Также в Белграде был учреждена больница имени Элси Инглис, руководительницы Шотландского женского госпиталя, заболевшей во время своей миссии на Балканах и скончавшейся по прибытии домой⁵.

Раненые и местное население Сербии ценили помощь иностранок и по возможности помогали им, а в случае кончины достойно хоронили. Так, например, похороны юной британской медсестры, работавшей в миссии Красного Креста и умершей во время эпидемии, превратились в траурное шествие, в котором участвовало огромное количество местных жителей и сотрудников иностранных миссий. Гроб девушки был покрыт тремя флагами – сербским, российским и британским. На мероприятии присутствовали послы этих государств⁶.

Об участии британцев в гуманитарной помощи Сербии осталось более 30 опубликованных свидетельств. Из них самыми необычными по праву можно считать книги Флоры Сандес – британской медсестры, ставшей сербским офицером. Она ниспровергла устоявшуюся систему ценностей, названную известным английским историком Первой мировой войны Дж. Моссом «мифом о военном опыте». Под этим Мосс подразумевал восприятие войны, имевшее место до 1914 г. Тогда считалось, что война помогает юношам возмужать, а нации – не деградировать, поэтому война – занятие благородное и исключительно мужское⁷. Ф. Сандес доказала, что и женщине под силу выполнять любые задачи. «Когда, как я надеюсь, будет написана история славных подвигов британских женщин, выполнявших гуманитарную миссию в Сербии, имя мисс Флоры Сандес будет отмечено с особой признательностью», – писал представитель Министерства иностранных дел Сербии Славко Груич, предваряя сочинение самой Сандес⁸.

Книга, автором которой является Флора Сандес, представляет собой чрезвычайно интересный источник. Она написана по свежим воспоминаниям о пребывании Ф. Сандес на Балканах и опубликована в 1916 г. Описанные события разворачиваются в 1915–1916 гг. Эта книга содержит не только сведения об армейской жизни, но также и любопытные этнографические наблюдения, сделанные иностранкой в Сербии. Британка живо описывает нравы и обычаи своих товарищей по оружию. Для Сандес одной из целей написания и публикации своих впечатлений было развенчание мифов, которые сложились у соотечественников относительно Сербии и ее жителей как отсталых и жестоких дикарей. Женщина-офицер уважала и ценила сербов за воинскую доблесть, а представителей образованных кругов отмечала как прекрасно воспитанных, учтивых джентльменов⁹.

Флора, родившаяся в 1876 г., была младшей дочерью в семье ирландского священника. Она появилась на свет вскоре после того, как семья переехала в Англию, в Саффолк. В детстве она заявляла, что хотела бы быть мальчиком. Она научилась верховой езде и стрельбе, а позже и вождению автомобиля. Без особой охоты Флора работала секретаршей, в свободное время обучаясь сестринскому делу в специальной женской организации¹⁰.

Сразу после объявления войны старая дева мисс Сандес, которой было уже под 40, записалась волонтером и в августе 1914 г. направилась в Сербию в составе небольшого отряда медсестер. Флора пережила самый разгар эпидемии тифа, в течение многих месяцев работая в качестве медсестры. Соотечественница, познакомившаяся с Сандес еще в бытность той сотрудницей

госпиталя, называла ее «героиней в самом прямом смысле этого слова»¹¹. Флора ездила в Лондон, чтобы собрать необходимые средства, а также кое-какие вещи и инструменты для госпиталя, которых постоянно не хватало. В разгар эпидемии тифа она добровольно отправилась в Валево, эпицентр болезни, где к тому времени умерло несколько человек из медицинского персонала. Сама Флора едва не повторила их судьбу, однако сумела выздороветь. После выздоровления она немедленно снова приступила к работе¹².

Осенью 1915 г., зная о готовящемся наступлении государств Центральной коалиции, сербское руководство неоднократно обращалось к союзникам с просьбой прислать войска для совместных действий. Но лидеры Англии и Франции не спешили отправлять своих соотечественников умирать на далекие Балканы, сомневаясь в целесообразности подобных жертв. Осенью 1915 г. военное министерство Англии не позволило снять с Галлиполийского полуострова ни одной дивизии для отправки их в помощь сербским и черногорским войскам. В конце сентября 1915 г. Сербия направила странам Антанты ноту с просьбой прислать 150 000 – 200 000 войск. Премьер-министр Н. Пашич предупреждал союзников, что готовится наступление, и Сербия не в состоянии в одиночку противостоять Центральной коалиции¹³.

В октябре 1915 г. сербские войска теряли один город за другим, приближаясь к границе Албании и Черногории. К концу военной кампании этого года в Сербии наступила полная анархия. Армия оказалась в полукольце вражеских войск. 29 октября на заседании, в котором участвовали король Петр, принц Александр, премьер-министр Н. Пашич и верховное командование, было принято решение об отступлении остатков армии к побережью Адриатического моря и об эвакуации королевского двора и правительства сначала в Черногорию, а затем на греческий остров Корфу¹⁴.

Во время отступления сербской армии Ф. Сандес была прикреплена к одному из полков, занимаясь перевязкой раненых. Продолжение ее полноценной медицинской службы было невозможно из-за отступления. С благословения полковника Милича Флора стала солдатом. Для сербов подобный поворот событий не стал чем-то экстраординарным, поскольку некоторые сербские женщины также служили в армии. Кроме того, иностранка обладала всеми необходимыми для военной службы навыками, к тому же, она коротко стриглась, ценила хорошее вино, прилично играла в карты и шахматы и курила. Британка научилась танцевать сербский народный танец «коло». Один из служивших с ней сербских офицеров в шутку называл ее Наполеоном, так как она ездила на белой лошади¹⁵. Она неплохо освоила сербский язык, хотя признавалась, что говорила с ошибками. «Это был самый трудный язык, который мне приходилось учить», – вспоминала Ф. Сандес. При отсутствии учебников она была вынуждена осваивать незнакомый язык на слух, с чем вполне успешно справилась¹⁶.

На родине Флоры Сандес предубеждение против участия женщин в войне в какой-либо иной роли, чем сестра милосердия, было все еще очень сильно¹⁷. Многие придерживались стереотипа, что женщине больше подходит благотворительная деятельность, помощь страждущим. Но Ф. Сандес

любила активное действие. Сербь, которых англичане считали стоящими на более низкой ступени цивилизационного развития, спокойно восприняли то, что с точки зрения англичанина казалось вызывающим. Иногда старухи-крестьянки, когда военные квартировали у них, осторожно спрашивали у сербов про Флору – «женщина она или солдат»¹⁸. Ф. Сандес была женщиной-солдатом. При этом она говорила, что не хотела бы встречи со своими соотечественниками-солдатами. Она закономерно полагала, что останется непонятой, и англичане-«Томми» не будут воспринимать ее всерьез¹⁹. Но ничто не помешало ей сделать впечатляющую карьеру в сербской армии. В первый день нового 1916 г. Флора была произведена в капралы, еще через три месяца получила следующее звание²⁰. На специальной церемонии, где присутствовал принц-регент Сербии Александр, Флора была произведена в сержанты. В награду ей был дан двухмесячный отпуск. «Я поехала домой в отпуск на пару месяцев, покидая их такими воодушевленными, ожидающими победного возвращения в Сербию, с надеждой, что когда-нибудь я смогу описать его», – писала о своих соратниках Ф. Сандес, выражая желание снова принять участие в военной кампании на Балканах²¹. Свободное время она проводила, собирая средства в пользу Сербии. К середине августа Флора снова была в строю и получила под свое командование взвод.

Она не ограничивалась лишь непосредственными боевыми задачами, стараясь извлекать максимальную пользу из своего британского гражданства. Флора все время вела активные переговоры с различными организациями, в том числе с Фондом помощи Сербии, о поставках из Британии военной формы, так как многие ее товарищи вынуждены были ходить в лохмотьях. На пути к благой цели смелой женщине приходилось преодолеть множество бюрократических и иных препятствий, о чем она с досадой вспоминает в своей книге. Тем не менее, ее активность увенчалась успехом и ей удалось снабдить сербов тремя с лишним тысячами комплектов хаки²².

Несмотря на всю искреннюю симпатию, которую Ф. Сандес испытывала по отношению к сербам, она была человеком из другого мира. С большим интересом британка описывала бытовые различия, существовавшие между привычной ей западноевропейской цивилизацией и традиционным крестьянским обществом Балкан, с которым она познакомилась лишь недавно. Она увидела людей, носивших вместо ботинок национальную обувь – опанки. Многие знакомые ей сербы впервые увидели термос именно в ее руках – она привезла его из Англии и привязывала к седлу. Один из ее боевых товарищей полагал, что вода остается горячей благодаря лошади. У сербской крестьянки неподдельный восторг вызвало карманное зеркальце, которое подарила ей иностранка²³. Но в наблюдениях Ф. Сандес не было насмешки или свойственного большинству англичан за границей чувства превосходства над народами, считающимися менее развитыми. Она уважительно относилась ко всему, что отличалось от принятого у нее на родине. Также уважительно сербы относились к ней, хотя она была представителем иной культуры. Сандес прошла с сербской армией весь «путь на Голгофу»: отступление осенью 1915 г. через горы Албании и эвакуацию на греческий остров Корфу.

Наблюдая за сербами в непосредственной близости, Ф. Сандес восхищалась многими присущими им качествами. Соотечественники задавали ей вопросы о том, не было ли ей страшно одной среди орды головорезов, коими представляло себе сербов большинство жителей Туманного Альбиона. У Сандес подобные вопросы вызывали лишь недоумение. «Я не могу себе представить, – писала она, – чтобы сербский солдат мог как-либо обидеть меня. Гуляя ночью по сербской деревне, я чувствую себя в большей безопасности, чем в темное время суток в большинстве городов Англии или континентальной Европы»²⁴. «Жестокость совершенно чужда их природе», – писала Ф. Сандес, не понаслышке знакомая с сербским населением²⁵. Она стремилась развеять уверенность своих соотечественников в том, что в Сербии часто прибегают к жестоким наказаниям. Когда несколько энтузиастов-англичан решили создать общество «Против жестокого обращения с животными», то сербы выразили недоумение, так как в их стране не было принято жестоко обращаться ни с животными, ни с детьми. В сербской армии в целях дисциплины могло применяться палочное наказание. «На нашем собственном флоте порка была отменена сравнительно недавно, и я думаю, что сербская армия скоро последует этому примеру», – полагала Ф. Сандес. Наиболее популярные среди солдат офицеры всегда были готовы применить наказание. При этом солдаты их обожали²⁶.

Ф. Сандес описывала сербов как народ, способный к различным видам искусства. Многие ее соратники хорошо пели и танцевали. Один совсем молодой солдат, до войны учившийся на скульптора, вылепил из дорожной глины барельефы, изображающие разные военные сцены²⁷.

В письме домой Ф. Сандес сообщала, что хотела бы также побывать и на Западном фронте, но предполагала, что вряд ли там ей понравилось бы больше, чем на Балканах. «Если бы кто-нибудь дома попросил меня описать войну, я бы посоветовала вырыть яму на своем заднем дворе и сидеть там от трех дней до месяца, без всякого чтения или другого занятия – да, и без риска быть убитым. Тогда можно было бы самостоятельно сделать выводы. И скажи господину такому-то, если он считает, что мне следует быть не солдатом, а медсестрой, что раненые обращаются прежде всего именно ко мне», – писала она²⁸. На родине Флоры далеко не все понимали и одобряли ее службу в качестве солдата.

15 ноября 1916 г., когда ведомый Ф. Сандес взвод был внезапно атакован болгарскими на территории Македонии, недалеко от Битоля, она получила серьезные ранения. Недалеко взорвалась ручная граната и повредила женщине руку и ногу. Известный ученый-медик Артур Сесил Алпорт, уроженец Южной Африки, служивший в британской армии в качестве военного врача, встретился с Флорой Сандес в конце 1916 г. В тот момент Сандес как раз лечилась в англо-сербском госпитале после ранения. Автор очень хотел познакомиться с ней, ожидая увидеть настоящую амазонку. Каково же было его изумление, когда легендарная воительница оказалась «миловидной женщиной средних лет, с короткими седыми волосами и приятным голосом». Сербские солдаты воспринимали ее в качестве современной Жанны д'Арк и не колебались, когда она вела их за собой. Элпорт однажды спросил

одного сербского полковника, кто является самым храбрым бойцом сербской армии, и тот без колебания ответил: «Флора Сандес»²⁹. Одна медсестра-шотландка описала в дневнике свою встречу с Сандес на фронте следующим образом: «Она долго рассказывала, в каких яростных сражениях ей и ее товарищам пришлось участвовать. Мы испытали чувство гордости за нее»³⁰.

Соратники Ф. Сандес вручили ей торжественный адрес с множеством подписей, текст которого она привела в своей книге. Там было сказано следующее: «Сербские солдаты гордятся тем, что в их рядах есть благородная дочь Англии, чей народ – старый друг Сербии, и в настоящий момент армии двух стран рука об руку сражаются ради общей идеи. А вы, мисс Сандес, должны гордиться тем, что можете творить добро, помогая сербским солдатам. Несколько месяцев прошло с тех пор, как вы делите с нами горе и радость. Все это время вы помогали нам справиться с трудностями, покупая нам еду и снабжая деньгами. Спасибо вам от имени всех солдат, мы приветствуем вас». Соотечественник Флоры, которому она показывала это послание, сказал, что оно стоит всех его боевых наград³¹.

Заслуги британки признавали и официальные власти Сербии. Во время лечения в госпитале Сандес была награждена орденом «Звезда Карагеоргия» и повышена в звании до старшины (наредника). В начале 1917 г. ее отправили в Тунис, где она лечилась в течение трех месяцев. После выздоровления она не смогла продолжать свою деятельность в качестве военнослужащего. Раненая нога беспокоила ее, и, к разочарованию Флоры, пришлось вернуться домой. Ее появление на благотворительном приеме в театре «Альгамбра» было чрезвычайно успешным. Ей удалось собрать значительные средства, благодаря которым тысячи сербских солдат получили новую форму. Флоре была назначена аудиенция королевы Александры в Сент-Джеймском дворце. Она расписалась в книге почетных гостей и по просьбе дам продемонстрировала королеве и принцессе Виктории свой револьвер. Флора подлечила свои раны как раз вовремя, чтобы успеть принять участие в наступлении, предпринятом армиями стран Антанты в сентябре 1918 г. на Салоникском фронте. Оно было хорошо подготовлено. Оборона противника была прорвана, и войска Антанты вступили на территорию Сербии³².

В Белграде, согласно специальному парламентскому акту, Ф. Сандес была произведена в звание лейтенанта. Таким образом, британка, воевавшая в Сербии, стала первой женщиной-боевым офицером в современной военной истории. В 1922 г., после трех лет работы в морской пограничной службе, Флора демобилизовалась. Спустя еще четыре года специальным указом она получила звание капитана. Флора впервые в своей жизни вышла замуж – за русского офицера Юрия Юденича, ранее служившего в царской армии.

В начале Второй мировой войны Ф. Сандес была призвана как офицер запаса. В 1945 г. Королевские ВВС доставили овдовевшую немолодую женщину на родину. Последние годы своей увлекательной жизни героиня Сербии провела в сельской местности, недалеко от того места, где родилась. Флора доживала свой век в бедности, но не теряя бодрости духа. Когда югославское посольство в Лондоне присылало ей гостинцы, Флора приглашала друзей

выпить стаканчик сливовицы и показывала им свои старые фотографии времен Первой мировой войны³³.

Хотя история Ф. Сандес была для своего времени исключительным случаем, в Англии ее имя было известно немногим. Иногда о ней упоминали в книгах, посвященных участию британских женщин в Первой мировой войне. Но в данном случае авторов интересовала лишь экстремальная сторона ее деятельности, необычная история амазонки начала XX века. Игнорировался тот факт, что благодаря усилиям Ф. Сандес больше англичан узнали о таком народе, как сербы, ведь она писала о своих боевых товарищах с такой симпатией, восхищаясь их мужеством и патриотизмом. Она прикладывала усилия, чтобы развеять сложившийся в Великобритании миф о сербах как об опасных дикарях. Этой цели служили не только ее опубликованные впечатления о войне, но и выступления на официальных приемах и контакты с властями.

На родине Ф. Сандес интерес к ее персоне возродился после того, как была опубликована книга Кейт Эйди «Камуфляж вместо корсета», посвященная женщинам-солдатам. Автор книги – военная журналистка компании BBC, в 1990-е годы освещавшая войну в Югославии³⁴. Эйди впервые услышала о Ф. Сандес от сербского переводчика. Практически забытая на родине Ф. Сандес осталась в памяти сербов. Как писала сама Сандес, во время войны она олицетворяла для сербов всю Англию. Ф. Сандес посвящен телевизионный фильм 1997 г. с говорящим названием “*Naša engleskinja*” («Наша англичанка») – именно так называли ее сербские солдаты, сражавшиеся вместе с ней в годы Первой мировой войны. По верному замечанию английского историка Д. Митчелла, во время Первой мировой войны хорошее отношение сербов к Великобритании базировалось вовсе не на военной помощи, которая оставляла желать лучшего, и не на деятельности различных общественных организаций, чья активность тонула в бюрократическом море, а на усилиях отдельных неутомимых женщин³⁵. Таких, как Флора Сандес.

Во время Первой мировой войны в отношении южных славян британской пропагандой велась активная работа. Тот же Р. Сетон-Уотсон, хотя прекрасно знал историю и культуру балканских народов и относился к ним с уважением, все же был государственным чиновником, официально назначенным пропагандистом. В первую очередь он должен был отстаивать интересы своей страны. Флора Сандес же действовала совершенно бескорыстно и трудно было бы заподозрить ее в неискренности, ведь она оставалась в Сербии и после войны, при том что могла вернуться домой. Вряд ли на нее могла повлиять английская пропаганда, подогревающая стремление югославян к объединению и использующая это желание лишь как средство расшатывания Австро-Венгрии. Ф. Сандес и сама осознавала основные национальные и политические проблемы балканских народов. Она подчеркивала патриотизм сербов, понимая их жажду свободы и независимости. В ее книге нет признаков многим британцам снобизма по отношению к представителям других национальностей. Ф. Сандес не подчеркивала в каждой фразе написанного ею сочинения, что ехала на Балканы, дабы прославлять свою великую родину. Она хотела помогать людям, и это хорошо у нее получалось.

Примечания

- ¹ *Swanwick H.M.* . Women and War. London, 1915.
- ² *Thomas G.* Life on All Fronts: Women in the First World War. Cambridge, 1989. P. 30.
- ³ *Livingston S., Steen-Hansen I.* Under the Three Flags. With the Red Cross in Belgium, France and Serbia. London, 1916. P. 165.
- ⁴ *Seton-Watson R.W.* . The Spirit of the Serb. London, 1915. P. 32.
- ⁵ *Löwenthal Z.* Anglo-Yugoslav Medical Relations // British Medical Journal. Vol. 2. Dec. 16, 1961. P. 1635.
- ⁶ *Livingston S.* Op. cit. P. 126–127.
- ⁷ *Mosse G.J.* Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. London, 1990.
- ⁸ *Sandes F.* An English Woman-Sergeant in the Serbian Army. London, 1916. P. VIII.
- ⁹ *Ibid.* P. 45.
- ¹⁰ *Mitchell D.* Monstrous Regiment: The Story of the Women of the First World War. New York, 1965. P. 166.
- ¹¹ *Livingston St.* Op. cit. P. 193.
- ¹² *Sandes F.* Op. cit. P. VII.
- ¹³ *Пусцаев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968. С. 134–135.
- ¹⁴ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 192–193.
- ¹⁵ *Sandes F.* Op. cit. P. 98.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 231.
- ¹⁷ *Martindale H.* Women Servants of the State, 1870 – 1938: A History of Women in the Civil Service. London, 1938. P. 77.
- ¹⁸ *Sandes F.* Op. cit. P. 154.
- ¹⁹ *Alport A.C.* The Lighter Side of the War. Experiences of a Civilian in Uniform. London, 1934. P. 138.
- ²⁰ *Sandes F.* Op. cit. P. 180.
- ²¹ *Ibid.* P. 242.
- ²² *Ibid.* P. 222.
- ²³ *Ibid.* P. 155.
- ²⁴ *Ibid.* P. 123.
- ²⁵ *Ibid.* P. 40.
- ²⁶ *Ibid.* P. 41–42.
- ²⁷ *Ibid.* P. 235.
- ²⁸ Цит. по: *Mitchell D.* Op. cit. P. 169–170.
- ²⁹ *Alport A.C.* Op. cit. P. 146–147.
- ³⁰ A Prose Anthology of the First World War. London, 1993. P. 120.
- ³¹ *Sandes F.* Op. cit. P. 226.
- ³² За балканскими фронтами. С. 372.
- ³³ *Mitchell D.* Op. cit. P. 173.
- ³⁴ *Adie K.* Corsets to Camouflage: Women and War. London, 2003.
- ³⁵ *Mitchell D.* Op. cit. P. 150.

И. Халас

(Венгерский католический университет им. П. Пазманя, Будапешт)

Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 20-х годов

Abstract:

Halas J. *Russian «white» emigration and Hungary in the early 20-ies years*

The article, based on the documents from Hungarian archives and other sources, describes the life and the activities of Russians emigrated to Hungary after the Civil War, assesses the character of relations between Russian «white» emigration and the Horthy regime.

Ключевые слова: белое движение, гражданская война, эмиграция, хортистский режим, А.И. Деникин, П.Н. Врангель.

Важным следствием российской революции 1917 года и последующей кровавой Гражданской войны явилось возникновение так называемой русской белой эмиграции. Вследствие революционных событий Россия тех лет как бы раскололась на две части: на оставшуюся дома победившую «советскую» Россию и на оказавшуюся за рубежом побежденную «эмигрантскую» Россию.

Русско-венгерские отношения до 1918 г.

Известно, что венгерская политическая элита эпохи дуализма не испытывала дружеских чувств по отношению к царской России, которая воспринималась не только как государство, подавившее венгерскую Революцию и национальное восстание 1848–1849 гг., но и как противник Австро-Венгерской монархии, то есть и Венгрии, на Балканах. Помимо этого Россия, в качестве хлебной страны, являлась экономической соперницей венгерских аграрных кругов. Наконец, Будапешт всегда подозревал своих восточных соседей в поддержке и помощи венгерских славянских национальных движений под знаком панславизма. Венгерская элита всегда опасалась панславизма, возможно поэтому она даже несколько преувеличивала эту опасность. Официальная российская дипломатия воспринимала Венгрию через призму своих отношений с Австро-Венгерской монархией и тесно связанной с этим балканской политики. Главным партнером по переговорам и противником царских дипломатов являлось венское министерство иностранных дел Монархии. Но с целью иметь непосредственную картину Венгрии, Санкт-Петербург уже в эпоху дуализма основал генеральное консульство в Будапеште, которое действовало вплоть до 1914 г. Его задачей было наблюдение и точная оценка политической ситуации в различных регионах Венгрии¹.

Таким образом, отношения между Россией и Венгрией вплоть до Первой мировой войны являлись достаточно холодными и не слишком интенсивными как в политическом, так и в экономическом смысле.

Венгерская контрреволюция и русские монархисты

Первая мировая война радикально изменила мир и в том числе и русско-венгерские отношения, хотя только на короткое время. Всем известна дружба русских и венгерских большевиков и участие венгерских военнопленных

в российской Гражданской войне на стороне красных. Менее известны контакты русских и венгерских белогвардейцев в то же самое время. Успех венгерской контрреволюции в 1919 г. служил как хороший пример и источник инспирации для многих русских монархистов.

Хотя известны тоже прямые попытки установить контакты между адмиралом М. Хорти и генералом А.И. Деникиным, а потом П.Н. Врангелем все-таки более интересные контакты между эмигрантскими русскими и домашними венгерскими белогвардейцами в 1920 г. Роль посредника здесь играли немецкие правые силы вокруг генерала Е. фон Людендорфа. Эти силы хотели соединить монархистов разных стран для того, чтобы победили большевиков, восстановили монархии в странах Центральной и Восточной Европы и взяли реванш над странами Антанты. Эти планы написал Людендорф в тайном письме Хорти⁷. В конкретных русско-немецко-венгерских переговорах летом 1920 г. участвовал и генерал В. Бискупский, который, кстати, позже сотрудничал с нацистами. Тогда еще планировал создать союз монархистско-консервативной Великой России, Германии и обновленной Великой Венгрии. Финансовую поддержку для своих планов хотели антисоветские русско-немецкие заговорщики получить от Венгрии в форме фальсификации думских рублей⁸. Венгерские правящие круги, которые раньше происходили из похожих групп заговорщиков, сначала относились к этим планам позитивно, но потом сообразили деликатность своей ситуации. Они уже были в иной позиции, чем их русские и немецкие друзья. Венгерские контрреволюционеры уже официально правили своей страной, и международное положение их режима было довольно сложное. Поэтому они, наконец, не поддержали авантюристский план фальсификации думских рублей⁴.

Генерал В. Бискупский не был, естественно, единственный русский белогвардеец, с которым имели дело и контакты венгерские органы и политики. С ними общался и некий генерал М. Комиссаров или генерал Кутепов из Болгарии. Иногда и офицеры более низкого чина старались навязывать связь с Венгрией. Но потенциал «белого» Будапешта для поддержки их планов был даже после консолидации белого режима довольно ограничен.

Русские эмигранты в Венгрии

После упрочения режима Хорти, а также стабилизации европейской ситуации и с учетом отрицательного опыта с различными авантюристами, венгерские власти, хотя стали осторожнее, но уделяли все меньше внимания организационной работе и политическим планам русских эмигрантов.

Они должны были заниматься не только политизирующими российскими беженцами, находящимися в Германии и в балканских странах, но и появившимся здесь обществом русской белой эмиграции, численность которого колебалась. По данным Офиса Нансена, в 1936–37 гг. в Венгрии проживало около 4000 русских. В то же время по статистическим данным подкомиссий частных организаций, занимавшихся предоставлением помощи эмигрантам, в начале 1930 г. в Венгрии находилось еще 5045 русских беженцев⁵, то есть наблюдается некоторое сокращение их численности по сравнению с предыдущими данными. Это сокращение – принимая во внимание большую

флуктуацию эмиграции – является естественным. Современные оценки также подтверждают численность русских в Венгрии в период между двумя мировыми войнами в количестве 3000–4000 лиц. При каких обстоятельствах образовалось это сообщество? Почему несколько тысяч человек выбрали именно Венгрию в качестве конечного пункта своей эмиграции? Как относились к ним венгерские власти и общественное мнение?

Русская эмиграция в Венгрии, как и все другие подобные общества, была неоднородной. С одной стороны, здесь нашли себе пристанище спасавшиеся от большевизма некоторые члены аристократических и буржуазных семей, офицеры белой армии, казаки, военные и гражданское население, многие вместе со своими семьями. Были среди них и вдовы военных и служащих, сироты и прочие лица. Число беженцев пополняли также и те русские военнопленные, которые не хотели возвращаться домой.

Начальную инфраструктуру для формировавшейся русской эмиграции в Венгрии предоставляло действующее в Будапеште до первой мировой войны генеральное консульство и его учреждения. Чрезвычайно важную роль играла русская православная церковь. На улице Сив работала русскоязычная начальная школа-шестилетка, в которой учились дети эмигрантов, надейшихся на скорое возвращение на родину.

Интересы русской эмиграции в Венгрии вначале защищал дипломатический уполномоченный князь Петр Волконский, руководитель прежней царской миссии, а начиная с марта 1921 г. – фон Лампе, военный представитель барона Врангеля в Венгрии и Германии. До начала 1924 г. венгерское правительство состояло с ним в полуофициальных отношениях, но после дипломатического почти признания Советского Союза (наконец к этому так и пришло) ситуация изменилась: имена П. Волконского и фон Лампе вычеркнули из списка дипломатов в Венгрии, однако, при сохранении их экстерриториальных прав по молчаливому соглашению они могли продолжать свою деятельность. При этом фон Лампе был аккредитован не только в Венгрии. Начиная с 1922 г. он считался также и берлинским представителем барона Врангеля, поэтому в период между 1922–1924 гг. он курсировал между Будапештом и Берлином.

Начиная с 1924 г. все русские эмигранты, соответственно, и в Венгрии, оказались апатридами. Об их дальнейшем статусе и организации защиты их интересов в начале ноября 1924 г. начались переговоры между послом графом Амбрози и Генри Реймондом, венским делегатом комиссариата Лиги Наций для беженцев (позже: Офис Нансена). Со стороны венгерского Министерства внутренних дел в переговорах участвовал Андор Есенски. Согласно договоренности, защиту интересов русских эмигрантов в Венгрии надо было организовать по австрийскому варианту, предложенному Лигой Наций. Венгерское правительство обещало следовать положениям Лиги Наций с той оговоркой, что оно не имеет возможностей для материальной поддержки русских беженцев. Поддержание отношений с русскими беженцами должно происходить исключительно через Реймонда, который должен создать для этого комитет из представителей русских беженцев. В связи с тем, что сам Реймонд может проводить в Будапеште только 4–5 дней в месяц, у него должен быть постоянный заместитель, к которому венгерские власти будут относиться

исключительно только как к его личному заместителю, а не как к доверенному лицу проживающих в Венгрии русских эмигрантов. Венгерская сторона даже сделала конкретное предложение Реймонду по поводу назначения его заместителя, если и он сам с этим будет согласен: речь шла о Маламонте, представителе русского отделения Красного креста в Будапеште, с выбором которого могли согласиться и все проживающие в Венгрии «русские фракции»⁶.

В дальнейшем венгерские власти строго придерживались конструкции, зафиксированной на этих переговорах. Когда в 1925 г. фон Лампе обратился к Министерству обороны с просьбой по прежнему обращаться с ним как с официальным уполномоченным, Министерство отказало ему, ссылаясь на то, что проживающие в Венгрии русские являются апартидами и их представителем является уполномоченный Лиги Наций Генри Реймонд. Таким образом, создание представительства белых русских, точнее, его дальнейшее существование, потеряло актуальность⁷.

Русская эмиграция в Венгрии была разнообразной по составу, но в политическом смысле в ней доминировала монархистская правая сторона. Это объяснялось тем, что выбравшие Будапешт эмигранты в большинстве своем были германофилами, основная масса которых являлась консервативными монархистами. Были среди них и прибалтийские немцы, и русские аристократы того же происхождения. Венгерские власти относились к ним с большим доверием, чем к левым и либеральным эмигрантам, большинство из которых были франкофонами.

Среди русских эмигрантов Будапешт считался одним из центров монархистов⁸. Некие лица регулярно приезжали сюда за деньгами и поддержкой, как например Бискупский или Комиссаров, другие устраивались здесь на продолжительное время и вели организационную работу. Среди последних самым значительным был генерал Глазенап, вокруг которого образовался целый штаб. В 1920 и 1921 гг. Глазенап попытался организовать контрреволюционный русский легион. С этой целью был сформирован комитет, состоявший из русских офицеров и гражданских лиц⁹.

Генерал Глазенап, принадлежащий к достаточно реакционному и однозначно германофильскому крылу русских монархистов, не был единственным политически активным русским в Будапеште. Одним из приближенных генерала был Малама, полковник бывшего конного полка, жена которого даже организовала в своей будапештской квартире политический салон. Одно время здесь пребывал и генерал Марушевский, имевший тесные связи с окружением Врангеля, который передавал в Венгрию сообщения барона. Венгерские власти считали его франкофоном, что отчасти объясняется тогдашней политикой барона Врангеля. Вместе с Марушевским прибыл и русский офицер по имени Шерче (Serche), который тоже был известен, как франкофон, и в политике считался человеком неопытным¹⁰.

В первой половине 20-х гг. внутри монархистского крыла русской эмиграции в Венгрии образовалось два направления. В первом, более малочисленном, собрались поклонники великого князя Кирилла, родственника царя Николая II. Великий князь Кирилл был близок к немецкой ориентации, уже только потому, что у его жены Виктории, немки по происхождению, имелось много земель и политических связей в Германии. Второе направление

составляли поклонники дядюшки бывшего царя, великого князя Николая Николаевича. В большинстве своем они были франкофилами. Врангель и послушные ему бывшие офицеры и солдаты были близки к этому направлению.

Отношение венгерского населения и венгерских властей к эмигрантам

Какими были отношения венгерских официальных органов и властей, а также венгерского населения к русским эмигрантам в 20-х годах? Судя по частным воспоминаниям, большая часть населения относилась к ним положительно, хотя это не всегда проявлялось в материальном отношении. Большинству эмигрантов — если только им не удалось переправить из Советской России хотя бы часть своего имущества — приходилось начинать жизнь с нуля. Естественно, легче было тем, у кого были связи в венгерских аристократических кругах, они временами даже могли помогать другим. Такой была, например, говорящая на многих языках княжна Голицына, имевшая хорошие связи в Будапеште. Эмигранты с хорошим образованием, говорящие на многих языках, могли работать преподавателями языков или переводчиками. Таким был, например, Михаил Самсонов, секретарь бывшей русской дипломатической миссии, который начал преподавать русский язык на Экономическом факультете.

В более трудном положении были эмигранты без связей и денег, казаки, офицеры и простые люди. Они были вынуждены работать на заводах, в мастерских или на дому.

Что касается властей и правых политических кругов, их отношение к эмигрантам было противоречивым. Поначалу они смотрели на них с интересом, пытались видеть в них союзников, иногда даже финансировали их деятельность (напр., генерала Бискупского), в первую очередь, «правых» эмигрантов. По отношению к «левым» и эсерам венгерские власти с самого начала испытывали подозрение¹¹. Со временем, однако, после горького опыта, они стали более осторожными и с монархистами, так как выяснилось, что среди них было много искателей приключений. Но с серьезными монархистами занимались и тогда, когда они уже потеряли свою официальную работу. Такими были князь Волконский и уполномоченный фон Лампе, не потерявшие свои экстерриториальные права даже после того, как их имена вычеркнули из списков дипломатов. Здесь надо отметить, что и сами русские эмигранты охотно дискредитировали друг друга.

С 1925 г. венгерские власти не доверяли полностью ни одной группировке. Начальник военного отдела Министерства обороны в своем письме к министру иностранных дел Калману Каня подытожил это следующим образом:

«Что касается политического восприятия этих двух монархистских группировок, можно сказать, что группу Николаевича можно назвать скорее франкофонской, в то же время как поклонники Кирилла акцентируют внимание на своем германофильстве. Однако, несомненно, что обе группы проникнуты идеями панславизма и поэтому ищут опеку такой страны, или готовы служить такой стране, которая наиболее поддерживает их в идее освобождения России. Этой страной сейчас является Франция.

С точки зрения Венгрии, русские всегда были и будут противниками венгров, и это никак не может изменить дружелюбность отдельных эмигрантов.

С точки зрения обороны, я считаю непременно надобным обращаться одинаковым образом со всеми русскими, проживающими в Венгрии, а именно, с наибольшей настороженностью.

После долгих лет проведенных в нужде, моральный уровень большей части эмигрантов настолько опустился, что за деньги они готовы на все.

Поэтому я считаю чрезвычайно опасным то, что некоторые лица, относящиеся к более интеллигентной части русской эмиграции, получают со стороны венгерской аристократии особенную доверенность и, благодаря своим общественным связям, могут оказаться близко к тем кругам, где смогут найти возможность развеять положение страны»¹².

Из цитаты видно не только то, что венгерские аристократические круги положительно отнеслись к попавшим в беду собратям по общественному положению, но также и то, что после начального кокетства и монументальных общих немецко-русско-венгерских контрреволюционных планов военные власти смотрели на русских эмигрантов с нарастающим недоверием. Здесь, кроме обычной и совершенно рациональной осторожности сыграло роль и своего рода разочарование в русских эмигрантах, что произошло тоже не без оснований. К этому недоверию примешивались также традиционные венгерские предрассудки и опасения в отношении русских, которые были характерны для общественного мышления Венгрии до 1914 г.

Примечания

¹ *Ненашева З.С.* Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX – начале XX века (По материалам российских дипломатических служб) // Славянский вопрос. Вехи истории. Ред.: Е.П. Аксенова, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь. М., 1997. С. 131.

² *Northy Miklós titkos iratai.* Sajtó alá rendezte: Szinai Miklós, Szücs László. Budapest, 1962.

³ Договор о фабрикации думских рублей. Воля России 9. дек. 1920 г. С. 1.

⁴ *Gömöri Endre.* Az igazi Trebitsch. Budapest, 1985. С. 203–204.

⁵ Jelentés a Magyarorszáг területén internált kommunistákról és hadifoglyokról. MOL (KüM. L.) K-73. 1920. 89. t. IV-E. 6835. sz.

⁶ A magyar hatóságok képviselőinek és Henri Raymond tárgyalásairól készült leírás. MOL (KüM. L.) K-64 (Pol. oszt. rez. ir.) 1924. 24. t. 368. 27. 161–162.

⁷ A Magyar Kir. HV Katonai Főcsoport Főnökének levele Kánya Kálmán külügyminiszternek. 1925. május 23. MOL (KüM. L.) K-64. (Pol. oszt. rez. ir.) 1925. 24. t. 196/res. 2–3.

⁸ Данные о политическом раскладе, а также о политической деятельности русской эмиграции в Венгрии берутся из трех источников – из материалов венгерского архива иностранных дел, из относящихся к этой теме и уже опубликованных в Москве материалов ГПУ, а также из документов о русских монархистских организациях, собранных в начале 20-х годов Административным центром (Прага), находящихся в Государственном Архиве Российской Федерации. Административный центр был ближе всего к социалистам-революционерам, то есть к эсерской эмиграции, и, среди прочего, занимался наблюдением за своими противниками, русскими монархистами. В эмиграции было принято наблюдать за конкурентными группировками. Ознакомившись с остальными источниками, задним числом можно определить, что Административный центр имел сверхдостаточную информацию о делах эмигрировавших русских монархистов.

⁹ Сообщение из Будапешта о русском контрреволюционном легионе в Венгрии // Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Том 1. Книга 2-я. На чужбине. М., 1998. С. 517–518.

¹⁰ MOL (KüM. L.) K-64. (Pol. oszt. rez. ir.) 1920. 41. t. I. r. 33–34.

¹¹ MOL (KüM. L.) K-64. (Pol. oszt. rez. ir.) 1920. 41. t. I. r. 1. см. отрицательное отношение к эсеру Лотушину.

¹² MOL (KüM. L.) K-64. (Pol. oszt. rez. ir.) 1925. 24. t. 196. res 132.

III. Из истории славистики

Е.П. Аксенова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

А.В. Флоровский о совместном изучении славянских народов

Abstract:

Aksenova E.P. *Phlorovskiy A.V. on the united research on Slavs*

A famous historian's point of view on the importance of the cooperation between Russian scientists living abroad and their Slavic and West European colleagues for the joint research on the Slavs. His own efforts in this field are shown in certain examples.

Ключевые слова: *А.В. Флоровский, славяноведение, русская эмиграция.*

Среди российских ученых-гуманитариев, оказавшихся в начале 1920-х гг. в добровольной или вынужденной эмиграции, было немало способных, ярких, талантливых, известных историков, филологов, искусствоведов, правоведов и др. Но тех, кто на родине занимался славяноведением, в основном или частично, в рядах эмигрантов насчитывалось не так уж много. К ним можно отнести В.А. Францева, А.Л. Погодина, М.Н. Ясинского, Н.В. Ястребова, М.Г. Попруженко и некоторых других. Этим ученым не приходилось резко менять тематику своих исследований. Что же касается остальных, то они вынуждены были приспосабливаться к новым условиям работы и за неимением возможности пользоваться архивами и книгохранилищами на родине и ввиду ограниченного наличия русских изданий в иностранных библиотеках искать новые – местные – источники для научных изысканий, прежде всего в странах пребывания. Поскольку значительные средоточия русских научных сил оказались в Чехословакии, Югославии, Болгарии, т.е. в славянских странах, то и переориентация направлений исследований происходила для многих естественно в сторону славянской проблематики. Как правило, на это наталкивали архивные поиски, работа в библиотеках, необходимость подготовки университетских лекционных курсов. Приведем лишь несколько типичных примеров.

А.В. Флоровский (1884–1968), будучи профессором Новороссийского (Одесского) университета, читал лекции по русской истории. Его научные интересы в то время были связаны в основном с периодом царствования Екатерины II. В 1922 г. он был выслан из России. За границей ученый пытался продолжить начатые на родине исследования, но необходимой источниковой базы для этого не было. И Флоровский стал искать за рубежом возможности для научной работы в новом направлении. Во время непродолжительного пребывания в Софии он изучал архивные материалы о Русско-турецкой войне

1877–1878 гг. и периоде Русского управления в Болгарии, познакомился с болгарскими журналами того времени¹. Однако эта тема не получила развития в его научных трудах. Переехав в Прагу, он понял, что свою работу нужно переориентировать на иной круг проблем². Флоровский вплотную занялся изучением чешских архивов и обнаружил значительные пласты ценного материала для освещения истории отношений восточных славян с чехами на протяжении веков. Эта тема стала одной из центральных в научном творчестве ученого, ей было посвящено немало его статей и капитальный двухтомный труд «Чехи и восточные славяне» (Прага, 1935–1947).

Профессор кафедры истории русского права Юрьевского, затем Петроградского университета Ф.В. Тарановский (1875–1936)³ в 1920 г. покинул Россию и обосновался в Белграде, где стал профессором истории славянского права Белградского университета, в котором проработал до самой своей смерти. Не занимаясь прежде этой тематикой, он стал признанным специалистом в области славянского права, автором учебника «Введение в историю права у славян» (Белград, 1923) и четырехтомного монументального труда «История сербского права в государстве Неманичей» (Белград, 1931–1935). Тарановский привлек к работе возглавляемой им кафедры еще одного русского эмигранта, А.В. Соловьева (1890–1971), широкого специалиста, окончившего еще до революции юридический и историко-филологический факультеты Варшавского университета. После Второй мировой войны он стал деканом юридического факультета Сараевского университета, где читал курс «История права и государства народов Югославии»⁴. В годы белградской эмиграции Соловьев написал большое количество статей по истории славянского права⁵.

Профессора Варшавского, затем Донского университета, филолога В.А. Погорелова (1872–1955) на славянскую тему натолкнула работа в 1920–1922 гг. в Национальной библиотеке в Софии, где он составил систематическую опись болгарских рукописных книг⁶. В 1923 г. он переехал в Братиславу, где получил возможность читать курс славянских литератур в Университете им. Я.А. Коменского. Его не очень обширное научное наследие представлено статьями кирилло-мефодиевской проблематики, о древней славянской литературе, в том числе с использованием словацкого материала⁷.

Подобные изменения в направлении научной деятельности были характерны и для многих других ученых гуманитарного профиля, обосновавшихся в славянских странах. Славянская тематика, если и не стала преобладающей, то, во всяком случае, все активнее вторгалась в их исследования, раздвигая рамки привычной проблематики. Таким образом, каждый из них вносил вклад в славяноведение, причем этот вклад был двусторонним. С одной стороны, работы эмигрантов из России являлись неотъемлемой частью русского славяноведения, традиции которого сохранялись и поддерживались. В исследовательской работе существовала преемственность старых принципов и методов, заложенных еще на родине, и в то же время неприемлемость новых советских антинаучных подходов. Вместе с тем научная деятельность за рубежом обогащалась «новыми задачами и темами, возникшими

и поставленными в эмиграции вновь и частью подсказанными обстановкой деятельности и условиями самой работы»⁸. С другой стороны, славистические исследования русских ученых, основанные на «местном» материале, опубликованные во многих случаях в «местных» изданиях и на языке данной страны, способствовали развитию славяноведения в славянских странах, а зачастую – и становлению отдельных его отраслей или направлений.

На фоне других областей гуманитарного знания, по оценке самих эмигрантов, была «особо значительно по внутреннему смыслу работ представлена наука славяноведения», занимающая в эмигрантской литературе «заметное место»⁹. Однако в эмигрантской научной среде не существовало ни славистических центров, ни специальных изданий. В высших учебных заведениях читались отдельные курсы славистической направленности, но систематической подготовки славистов не было. Таким образом, исследования в области славяноведения осуществлялись на индивидуальном уровне и оставались разрозненными. Кроме того следует учитывать большую «разбросанность» ученых по территории европейских стран, значительную удаленность друг от друга научных и учебных институций, архивов, библиотек, что в известной мере затрудняло развитие славистического направления в научном творчестве русских ученых за рубежом.

Но стремление к объединению усилий было. Оно осознавалось и учеными-эмигрантами, и их зарубежными коллегами. Прежде всего, было необходимо собрать воедино сведения о том, что сделано в данной области эмигрантами из России. Этот нелегкий труд взял на себя А.В. Флоровский, составивший несколько библиографических обзоров, включавших самостоятельным разделом труды по славяноведению¹⁰. Они были опубликованы не только на русском, но также на французском и английском языках, чтобы западные ученые могли познакомиться с научной продукцией русских изгнанников. Автор обзоров выделил три основных направления славяноведческих исследований русских ученых: 1) история права славянских народов (эта отрасль развивалась наиболее интенсивно), 2) история славяноведения и славянской взаимности, 3) история искусства (следует отметить, что Флоровский собирал и обобщал сведения прежде всего в рамках изучения истории той или иной дисциплины; область филологии он практически не затрагивал). Материал обзоров свидетельствует о том, что в среде эмиграции сохранялось традиционное понимание славяноведения как области знания, рассматривающей зарубежное славянство и охватывающей ряд самостоятельных дисциплин.

В западноевропейских странах тоже развивалось славяноведение – стимулом послужило появление на карте Европы независимых славянских государств после Первой мировой войны. В Париже был создан Институт славянских исследований, выпускавший свой журнал и имевший специализированную библиотеку, одну из крупнейших в Западной Европе. В славянских странах работали филиалы института. Однако исследования велись разрозненно. В Лондоне основным славистическим центром оставалась Школа славянских исследований (в 1922 г. начал выходить ее печатный

орган – «Славянское обозрение»). В науке славянских стран вначале преобладала национальная тематика. Но славистика традиционно присутствовала во многих славянских университетах и научных организациях, выходили серийные или периодические славистические издания. Наиболее значительные славистические научные силы (с учетом эмигрантов) были сосредоточены в межвоенный период в Чехословакии. В 1920-е гг. в Праге были открыты Славянская библиотека и Славянский институт, в задачи которого входило изучение славянства и научные связи со славянскими странами (институт издавал журнал «Славия»). Стремление к научной координации в области славяноведения было налицо.

В ряде стран славистика традиционно ограничивалась филологическими исследованиями (порой – преимущественно лингвистическими). На двух первых съездах славистов (1929 г. в Праге и 1934 г. в Варшаве) преобладала филологическая проблематика – ее приоритет отстаивался там и в дискуссиях о том, что должно входить в понятие славистики, что она должна изучать¹¹. У русских историков-эмигрантов, присутствовавших на съездах, было свое мнение по этому поводу. В 1926 г. образовалась Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран. В эту международную организацию вошли, наряду с другими, и эмигрантские научные объединения, в том числе Русское историческое общество в Праге (представителем которого являлся А.В. Флоровский). На конференциях, проводимых Федерацией, и на заседаниях ее рабочих органов, среди прочих, вставляли вопросы организации работ в области славяноведения. Так, выступая на I-ой конференции 1927 г. в Варшаве от имени русских историков, работающих в Чехословакии, А.В. Флоровский приветствовал «инициативу польских исторических организаций, приведших к осуществлению давно лелеемую мысль об организации в один академический корпус историков, научные интересы коих сосредоточены на исторических судьбах Восточной Европы и славянского мира». В этом объединении, надеялся ученый, можно видеть «многообещающий залог будущего расцвета исторической науки вообще и науки славянской в частности». От имени своих русских коллег он заверял собрание в «искреннем сочувствии русской ученой эмиграции тем высоким и важным целям, которые поставлены настоящей конференцией». Флоровский полагал, что совместная работа специалистов разных стран на конференции послужит не только началом «постоянного научного общения между славянскими учеными, но и тесного сотрудничества всего славянства»¹². После окончания первой конференции Флоровский, принимая участие в работе постоянных органов Федерации, членом президиума которой он был избран, и еще раз возвращаясь к итогам конференции, отметил, что она была «демонстрацией воли к объединению научных усилий для содействия общему развитию изучения славянских народов в их прошлом». Очередная рабочая встреча историков в Праге свидетельствовала, по мнению Флоровского, о том, что «эта воля к организации и объединению перешла в дело», которому русский ученый желал «широкого развития и полного успеха»¹³.

По итогам конференции Флоровский подготовил статью¹⁴, опубликованную в газете П.Б Струве «Возрождение» (Париж). В статье отмечалось, что конференция ставила перед собой не только научные, но и научно-организационные задачи, а именно – создание «союза всех исторических институций славянских стран и Восточной Европы» для совместной, взаимосвязанной работы (Л. 1–1 об.). Однако отсутствие на конференции представителей ряда стран (СССР, Болгарии, Румынии, Греции и некоторых др.) привело к принятию лишь предварительного решения. Флоровский выражал надежду, что вскоре последует и окончательное решение, которое «послужит основанием для ряда коллективных и согласованных научных начинаний» (Л. 1 об.–2). Один из таких совместных проектов – словарь славянских древностей¹⁵. По этому вопросу был заслушан доклад профессора Ф. Буяка (Львов), и после оживленной дискуссии была образована специальная постоянная комиссия для дальнейших работ по словарю (Л. 3). Флоровский вошел в состав этой комиссии и составил по просьбе Буяка план и словник русской части словаря¹⁶. На конференции работало 13 секций, часть докладов носила научно-организационный характер. Так, профессор Хорват (Будапешт) представил свой проект курса балканской истории, доктор Кордуба (Львов) высказался о необходимости организованного собирания географических имен, профессор Шмид (Грац) выступил с предложениями об оживлении славяноведения в Германии (Л. 5). Флоровский отмечал, что наиболее активно выступали русские эмигранты, и «русский язык звучал на конференции чаще, чем иные славянские языки» (кроме польского) (Л. 6, 14). Подводя итоги, Флоровский подчеркивал, что «на конференции были заложены основы для научного сотрудничества славянских народов, которое, как он надеялся, получит широкое развитие, и в этом общем движении русская наука сможет занять «вполне соответствующее ее значению и развитию место» (Л. 15).

А.В. Флоровский участвовал также во второй (Варшава, 1933) и в третьей (Цюрих, 1938) конференциях Федерации, а также в промежуточных заседаниях ее рабочих органов¹⁷. Русскую науку по-прежнему представляли эмигрантские организации, которые, как отмечал Флоровский в своем ответственном слове¹⁸ II-ой конференции Федерации, «являли собою пример верного служения задачам свободного и независимого, разностороннего и по существу неограниченного познания прошлого». Вместе с тем он подчеркивал, что Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран оставалась одной «из немногих научных организаций международного характера, где русская свободная наука еще полноправно представлена». В отличие от науки русского зарубежья, советская наука, по оценке Флоровского, в то время не признавала «иног знания, кроме подчиненного требованиям политики, власти и класса, кроме науки, служащей ограниченным интересам социального заказа партии и ее идеологии». Такой подход, считал ученый, угрожает «жизни и развитию» традиционных исследований в области истории вообще и славянской – в частности. В конце своей речи Флоровский провозглашает лозунг независимости и свободы в области изучения истории Восточной Европы и славянского мира.

Однако благие намерения в отношении совместного изучения славянских народов, заявленные на I-ой конференции, на практике, видимо, не особенно осуществлялись. Во всяком случае, ни о каких новых совместных проектах Флоровский не сообщал. Зато в неоконченном варианте статьи о международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. он сетовал на то, что ни один славянский язык не приравнен к официальным языкам, хотя большинству участников конгресса «была доступна и понятна славянская речь» (некоторые участники явочным порядком читали свои доклады по-польски или по-русски). Особенно важны были бы, как считал Флоровский, выступления на славянских языках в секции, посвященной истории славянских народов¹⁹.

Как член комиссии по подготовке словаря славянских древностей Флоровский активно включился в работу, о чем свидетельствует, в частности, его переписка с Ф. Буяком в 1930–1935 гг. Из писем Буяка (на польском языке) следует, что он просил Флоровского составить словник по археологии России, написать статью для пробного выпуска словаря и т.д.²⁰. В ответных письмах Флоровский сообщал, что «энергично готовит» в качестве статьи для пробного выпуска очерк по истории торговли Пскова в средние века²¹, уточняет, что должно входить в словник, делает замечания по русскому отделу, предлагает включить больше собственных имен и географических названий, советует подумать, кому поручить написание той или иной статьи (высказывает готовность стать автором), разрабатывает список по Подкарпатской Руси²². В 1935 г. занятый публикацией своей книги «Чехи и восточные славяне» (Т. 1. Прага, 1935) Флоровский стал меньше внимания уделять проблемам словаря, в чем сам признавался Буяку²³. Документов о дальнейшем сотрудничестве двух ученых по проекту не обнаружено.

Живя в Праге, Флоровский немало внимания уделил обследованию чешских архивов для выявления документов по интересовавшей его теме. В результате поисков он обнаружил значительное количество материалов, не только освещавших русско-чешские связи, но и касавшихся истории других славянских народов и их взаимоотношений. Работая в архивах, ученый сталкивался с трудностями в нахождении необходимых документов, отсутствием их научного описания и учета. Все это привело исследователя к убеждению в необходимости создания центра по выявлению в чехословацких архивохранилищах и регистрации документальных материалов, имеющих отношение к истории славян. Наиболее подходящим учреждением для научной организации подобной работы он считал Славянский институт (членом которого являлся с 1929 г.) – в задачи института входило, в частности, изучение славянской истории, в нем работали все основные специалисты в данной области.

В 1938 г. Флоровский передает лично директору Славянского института М. Мурко записку²⁴ со своими предложениями «о своевременности и целесообразности» проведения комплекса мероприятий по обследованию, выявлению и регистрации архивных материалов ЧСР, имеющих отношение к славянской истории (за исключением истории Чехословакии, составляющей

для этой страны отрасль отечествоведения), что было бы «продуктивно» и важно для всех ученых, занимающихся славяноведением. Для обоснования актуальности своих предложений Флоровский напоминает, что о необходимости подобной работы высказывали мнение и чешские ученые М. Паулова²⁵ и Й. Мацурек²⁶ на съезде чехословацких историков в 1937 г. План Флоровского сводился к образованию специальной комиссии из членов института, которая могла бы развернуть работу по нескольким направлениям. Во-первых, по мнению ученого, следовало бы разослать анкеты и собрать данные о наличии материалов по истории славянских народов во всех архивах и рукописных собраниях библиотек, научных институтов и учебных заведений. В качестве второго шага – непосредственное ознакомление членов комиссии и привлеченных ею специалистов с составом архивных фондов. Затем просмотр печатной продукции для выявления сведений об изданных или упоминаемых архивных материалах. Результатом работы, полагал Флоровский, должна явиться картотека архивов, в которой были бы зарегистрированы все славянские исторические материалы. До полного опубликования ее данных она могла бы служить ценным пособием для исследователей. Русский ученый вполне осознавал, что осуществление его проекта потребует финансовых затрат, но считал, что при поэтапном выполнении работ они будут не столь обременительны, к тому же они могут быть сокращены при определенном содействии Славянского института.

Если бы замысел Флоровского осуществился, это дало бы исследователям бесценную документальную базу для изучения многих аспектов истории славян и их взаимоотношений. К сожалению, мы не располагаем сведениями о реакции руководства и членов Славянского института на записку Флоровского. Но даже если бы были приняты положительные решения, последовавшие вскоре международные договоренности, касавшиеся судьбы Чехословакии (Мюнхенский сговор), и разразившаяся затем Вторая мировая война чрезвычайно затруднили работу ученых.

Тем не менее, следует отметить, что идея объединения усилий для изучения славянских народов, их истории и культуры витала в воздухе. Ее поддерживали и представители русской зарубежной науки, и их коллеги из славянских стран, она обсуждалась на международных форумах ученых гуманитарного профиля. Определенные трудности объективного и субъективного характера препятствовали более широкому развертыванию работ, но определенные шаги, сделанные в данном направлении, свидетельствуют о том, что при благоприятных условиях совместные действия ученых разных стран в области славяноведения могли принести богатые плоды. И немаловажно, что одним из активных участников этого движения, а в ряде случаев – инициатором полезных начинаний явился известный историк русского зарубежья А.В. Флоровский, внесший и свой немалый вклад в развитие славистических исследований.

Примечания

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 62. Л. 1 об.–2.

² Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 36.

³ Подробнее см.: *Михальчик Р.* История сербского права в трудах Федора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 223–236.

⁴ См.: *Аксенова Е.П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 155.

⁵ См. библиографию работ А.В. Соловьева в кн.: *Пауцто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 167–168.

⁶ См.: *Косик В.И.* Софии русский уголок. М., 2008. С. 67.

⁷ См. библиографию работ В.А. Погорелова в кн.: *Пауцто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 157.

⁸ *Флоровский А.* Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге 1918–1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики). Прага, 1928. С. 264, 268.

⁹ Там же. С. 262, 267–268.

¹⁰ См., например, статьи А.В. Флоровского: Русские историки-эмигранты в Праге; Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда РАОЗГ. София, 1931. Ч. 1. С. 467–484; La littérature historique russe d'emigration. Compte-rendu 1921–1926 // Bulletin d'information de la Société d'Ethnographie. Paris, 1928. Т. I/1/2. P. 81–121; Idid. Compte-rendu 1927–1929 // Idem. 1930. Т. III/1/2. P. 25–79; The Work of Russian Emigres in History (1921–1927) // Slavic Review, 1928. V. 19.

¹¹ Филологи разных стран тоже планировали совместные работы. В 1929 г. завершился большой международный проект «Энциклопедия славянской филологии». На первом съезде славистов была поставлена цель: реконструировать церковнославянский текст Евангелий (См.: *Мецгер Б.М.* Ранние переводы Нового Завета / Предисловие к английскому изданию // http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/mecger_rannie_perevodi/page01.htm.

¹² Текст выступления хранится в фонде ученого. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 16. Л. 5, 6, 7–7 об.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ *Историк [Флоровский А.]* Историческая конференция в Варшаве 27–29 июня 1927 г. // Возрождение. 26.07.1927. Дальнейшие ссылки на статью даются по архивному экземпляру (см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17).

¹⁵ Словарь был опубликован в Польше несколько десятилетий спустя: *Słownik Starożytności Słowiańskich*. Т. 1–6. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1961–1982.

¹⁶ См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 49.

¹⁷ Там же. Д. 185. Л. 36.

¹⁸ Там же. Д. 45. Л. 2–4 об.

¹⁹ Там же. Д. 47. Л. 1–7.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 153. Л. 6, 17–17 об., 21, 22 об. и др.

²¹ Статья опубликована под названием «Psków. Handel» (*Słownik Starożytności Słowiańskich*. Zeszyt próbny. Lwów, 1934. S. 43–45).

²² АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–4 об.

²³ Там же. Л. 4 об.

²⁴ Черновой автограф записки хранится в фонде А.В. Флоровского: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–4.

²⁵ Паулова Милада (Paulova M., 1891–1970), д-р философии, профессор Карлова университета (с 1935 г.), специалист в области всеобщей истории, преподавала историю славянских народов и византиноведение, член Чешской академии наук и искусств.

²⁶ Мацурек Йозеф (Masurek J., 1901–1992), д-р философии, с 1935 г. профессор славянской истории университета в Брно, руководитель филиала Славянского института в Брно (1958–1963), чл.-корр. Чехословацкой академии наук (с 1965 г.).

Л.П. Лаптева
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина

Abstract:

Lapteva L. *Social, economical and political states of Slavic nations on the eve of World War I in the overview of A.L. Pogodin*

This article demonstrates the analysis of A.L. Pogodin's point of view on the state of foreign Slavs on the eve of the First World War. Pogodin is the biggest Russian Slavist at the end of XIX century and the first quarter of XX century. He is the author of a number of major works on the history of Poland, such monographs as «History of Serbia», «History of Bulgaria», and smaller works like «Foreign Rus», «A Brief History of Slavs» and the analytical essay «Slavic world», which outlines the history of all Slavs mainly in Early Modern period and, in particular, the state of the Slavs just before the First World War. Works by A. L. Pogodin represent a major achievement of Russian Slavic research in pre-revolutionary period, some of them, such as «Slavic world», are unique both in content and in the source base. Not accepting the revolution of October 1917, Pogodin emigrated to Serbia and lived in Belgrad for his last 20 years. He didn't write any other major works on Slavic themes. He was forgotten for many decades in Russia.

Ключевые слова: А.Л. Погодин, славяноведение, Сербия, Болгария, историография, эмиграция, Польша, Чехия, славяне.

Русский историк-славист Александр Львович Погодин (1872–1947) принадлежит к числу крупнейших ученых. Как и некоторые другие слависты XIX – начала XX вв., он занимался практически всеми областями славяноведения: общим и славянским языкознанием, славянскими древностями, историей славян, славянскими литературами и т.д., и по всем этим дисциплинам оставил интересные труды. Универсальность ученого была predetermined не только сложившейся в России традицией (А.Л. Погодин был учеником В.И. Ламанского, также известного многоплановостью своей деятельности и исследовавшихся им проблем), но и, в основном, положением славяноведения в рамках гуманитарных наук. Дифференцированное по проблематике, славяноведение не было дифференцировано как предмет обучения и подготовки кадров. Во всех университетах России, где существовали кафедры по славяноведению (а назывались они кафедрами славянской филологии), один профессор преподавал все предметы – славянские языки, литературу, историю и т.п. И лишь в некоторых университетах, преимущественно столичных, славистические дисциплины вели приват-доценты, «лекторы» славянских языков, читали спецкурсы всеобщие историки, историки права и т.д. В провинциальных университетах такая практика преподавания применялась редко.

Уже при подготовке к профессорскому званию слависты ориентировались на широкий круг проблем – обширную языковую подготовку, знакомство со славянскими народами в период продолжительных ученых путешествий

по славянским странам, изучение культуры и вообще прошлой и современной жизни славян и т.д. Подобная подготовка предполагала приобретение широкой эрудиции и определенную универсальность будущего профессора. И хотя каждый славист выбирал для своей специализации определенную область славяноведения (языкознание, историю, славянские древности, литературу), преподавательская деятельность стимулировала его научные исследования во многих областях славистики. А.Л. Погодин и был таким эрудитом и универсалом, обогатившим своими трудами многие разделы славяноведения.

Он родился в Витебске, в дворянской семье. Окончил историко-филологический факультет СПб. Университета, после чего преподавал русский и славянские языки в гимназиях, читал лекции в СПб. Университете в качестве приват-доцента по кафедре славянской филологии. В Археологическом институте работал преподавателем, где читал курс лекций по славянским древностям. В 1901 г. издал книгу под названием «Из истории славянских передвижений», которую защитил в качестве магистерской диссертации. В этот период петербургской жизни лингвистически одаренный, талантливый и трудоспособный молодой ученый написал целый ряд работ – статей, заметок, рецензий, опубликовал сборник своих сочинений по археологии и этнографии¹.

После этих творческих успехов А.Л. Погодин был назначен экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре славянской филологии и начал там читать лекции по сравнительному языкознанию для студентов русского и классического отделений. В Варшавском университете А.Л. Погодин работал до 1908 г. Ежегодно он предпринимал поездки в земли западных славян или в страны Балканского полуострова, изучая архивные документы, библиотеки и современное состояние зарубежного славянства. В 1904 г. А.Л. Погодин защитил диссертацию «Следы корней основ в славянских языках» и получил ученую степень доктора славянской словесности. В 1906 г. Погодин был назначен ординарным профессором по кафедре славянской филологии Императорского Варшавского университета. До варшавского периода А.Л. Погодин занимался в основном славянскими древностями и языкознанием, но постепенно ученый перешел к изучению польской истории и литературы. По истории Польши и польской культуры и литературы А.Л. Погодин создал ряд фундаментальных трудов. Еще в 1901 г. он опубликовал работу «Виленский учебный округ»². В русских журналах был напечатан ряд статей Погодина, такие как «К вопросу об автономии Царства Польского» (1906), «Письма из Польши» (1908). Ему же принадлежит популярное издание «Очерк истории Польши» (1908), «Очерк литературы о польской реформации» (1913), «Лекции по истории польской литературы» (1913), двухтомное издание, посвященное жизненному пути и творчеству Адама Мицкевича (1912). А.Л. Погодин написал много статей для энциклопедического словаря изд. Гранат, таких как «Польша. История до Венского конгресса. Древнейший период», «Польский язык» и т.д. Крупнейшим исследованием А.Л. Погодина является труд объемом около 700 страниц, вышедший в 1907 г. под названием «Главные течения польской политической мысли (1863–1907)». Работа носила злободневный характер и имела широкий научный и общественный резонанс.

8 декабря 1908 г. проф. А.Л. Погодин был уволен от службы в Варшавском университете «согласно прошению». Он переселился в Петербург, где работал в частных средних и высших учебных заведениях. В связи с аннексией Боснии и Герцеговины ученый развивает активную публицистическую деятельность, читает публичные лекции о сербах и других южных славянах, пишет о них научно-популярные сочинения.

В 1910 г. А.Л. Погодин становится профессором харьковского университета. Этот период деятельности также был успешным в педагогическом и научном отношении. Он читал курсы по славянским древностям, истории славян, славянским литературам и много печатал научных работ по этим вопросам. Основное внимание ученого сосредоточивается на истории южных славян. В 1909 г. выходит его книга «История Сербии», в которой рисуется яркая картина истории сербского народа от ее начала, т.е. от прихода сербов на Балканский полуостров, и до 1909 г. Значительное место в изучении А.Л. Погодиным истории южных славян занимает Болгария. Как и по истории Сербии, ученый опубликовал ряд статей о конкретных вопросах жизни болгарского народа, а в 1910 г. издал «Историю Болгарии». Книга дает связное изложение истории болгарского народа от 679 г., «когда орда Аспаруха прочной ногой стала на Балканском полуострове», и до 1908 г., когда было восстановлено Болгарское царство и болгарский князь получил царскую корону. И этот труд А.Л. Погодина (как и многие другие) представлял в российской историографии явление уникальное, ибо подобного, да и популярного освещения болгарской истории у нас не существовало. Специальную работу под названием «Зарубежная Русь»³ А.Л. Погодин посвятил славянскому населению, называвшемуся в то время русским народом и обитавшему в Буковине и Галиции (в Австрии) и в Венгрии.

Таким образом, в творчестве ученого нашла отражение история практически всех зарубежных славян. Труды А.Л. Погодина внесли существенный вклад в развитие отечественного славяноведения.

Все крупные, важные для науки работы были опубликованы в период деятельности ученого в России. Октябрьскую революцию в России в 1917 г. А.Л. Погодин не принял и в 1919 г. эмигрировал в Сербию. Он нашел пристанище в Белградском университете, получив там должность лектора русского языка на кафедре славистики. В этой скромной должности, с мизерной оплатой, блестящий русский университетский профессор проработал 18 лет. И хотя он активно занимался научной деятельностью, в его творчестве произошла переориентация и крупных работ по славянской истории А.Л. Погодин уже не создал.

На родине, т.е. в России, ученый был забыт. В начале 1960-х годов, как мне помнится, сотрудники Большой Советской Энциклопедии находились в большом смущении при отыскании автора, который написал бы короткую заметку о нем. В конечном счете автор нашелся, но статья была долгое время почти единственным источником сведений об историке, если не считать кратких заметок в дореволюционных энциклопедических словарях. Причин забвения этого замечательного слависта, на наш взгляд, несколько. Главная из них – официальный запрет изучения творчества буржуазных историков как представителей идеологически чуждых марксистско-ленинской методологии.

Особенно это относилось к эмигрантам и, в частности, к А.Л. Погодину. Ведь до эмиграции он был политически активным публицистом кадетского толка, т.е. пропагандистом идей партии, враждебной большевикам. Как историк, харьковский профессор принадлежал к позитивистскому направлению, что также было неприемлемо для советских историков, до зубов вооруженных высказываниями и цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма. Это оружие усердно и не без успеха защищало нашу историческую науку от каких-либо иных оценок. Лишь в 70-е годы XX в. с расширением возможности писать об эмигрантах, с открытием доступа к некоторым архивным фондам, появляются материалы об А.Л. Погодине. Сначала это была критика работ ученого с марксистских позиций⁴, затем стали публиковаться биографические статьи в словарях⁵ и оцениваться творчество историка по некоторым вопросам славянской проблематики⁶. В конце 70-х – начале 80-х годов к Погодину было проявлено внимание в польской исторической литературе⁷. В 90-х годах стала освещаться деятельность А.Л. Погодина в эмиграции. Много не известных ранее фактов было сообщено в книге В.Т. Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе»⁸, некоторые детали эмигрантской жизни русского историка освещаются и в других работах⁹. В последние годы появилось еще несколько трудов об ученом. Автором этих строк опубликована статья об А.Л. Погодине как историке славян с подробным изложением его биографии и профессорской деятельности¹⁰, а в 2008 г. вышла книга бывшего коллеги А.Л. Погодина по Харьковскому университету – В.П. Бузескула, об историках России в XIX–начале XX века¹¹, где имеются главы о славяноведении, ранее не публиковавшиеся. Сведения современника и сотрудника Погодина имеют большое значение, как факт, подтверждающий данные более поздней литературы. Фрагментарные сведения о деятельности А.Л. Погодина в период эмиграции приводятся в книге «Русская эмиграция в Югославии»¹². Таким образом, память о замечательном русском слависте постепенно воскресает, но изучение творчества А.Л. Погодина требует еще значительных усилий. Многие его труды до сих пор не нашли в литературе достойной (не обязательно позитивной!) оценки. Так, в статье Л.М. Аржаковой, опубликованной в журнале «Славяноведение» (№ 1, за 2010 г.)¹³ под названием «Долгая пауза после блистательных успехов», многочисленные и важные сочинения А.Л. Погодина по истории Польши даже не упоминаются. Не хочется думать, что игнорирование трудов широко известного полониста первых двух десятилетий XX в. – это дань старым обычаям, уже ушедшим в прошлое в нашей историографии, не упоминать сочинения эмигрантов. Скорее автор еще не изучил творческое наследие А.Л. Погодина в области польской истории. Об этом можно только сожалеть, т.к. знакомство с последним могло бы повлиять на общую оценку русской полонистики в начале XX в., которая, якобы, переживала кризис вместе со всем славяноведением и другими отраслями отечественной исторической науки. На наш взгляд, кризис наступил после революции 1917 года и закончился упадком, ибо славяноведение как отрасль знаний и научная дисциплина до конца 30-х годов перестало существовать.

Незнание работ А.Л. Погодина нередко наблюдается в диссертациях молодых исследователей. В качестве примера можно указать на диссертационное

исследование Л.Ю. Пахомовой «Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878–1908 гг.»¹⁴, в котором не нашлось места ни для характеристики ярких публицистических статей А.Л. Погодина в связи с аннексией Боснии и Герцеговины Австрией в 1908 г., ни для его специальных работ по этому вопросу. Примеры незнакомства современных авторов с трудами А.Л. Погодина, к сожалению, можно увеличить.

А.Л. Погодин прожил в Сербии до конца жизни. Он преподавал в Белградском университете русский язык и литературу, активно печатал свои труды в сербской печати и других периодических и научных органах. В 1932–1936 гг. опубликовал труд «Русско-Сербская библиография с 1800 по 1925 г.» в двух томах. Работа представляет собой чрезвычайно ценный труд, не утративший научного значения до настоящего времени. Но ни она, ни другие сочинения, написанные А.Л. Погодиным в эмиграции, не только не были оценены по достоинству, но даже не обеспечивали автору сколько-нибудь сносного существования. Лишь в 1939 г. А.Л. Погодин был избран ординарным профессором Белградского университета. Но вспыхнувшая война и немецкая оккупация Сербии в 1941 г. лишили его возможности какой бы то ни было научной деятельности. Ученый был уволен в отставку, бедствовал и был вынужден продать книги и домашнюю обстановку. Его старший сын был расстрелян за сотрудничество с освободительным движением в Югославии, а младший – офицер народно-освободительной армии страны – был тяжело ранен в 1944 г. Ученый-энциклопедист, обогативший славяноведение рядом важнейших оригинальных произведений, которыми может гордиться не только русская наука, доживал свой век в нищете и умер в 1947 г. Он был забыт не только на родине, но и в Сербии, где прошли последние 20 лет его жизни. На его смерть откликнулся лишь один бывший коллега – А.В. Соловьев, тоже русский эмигрант, опубликовавший короткий очерк к 10-летию со дня кончины А.Л. Погодина¹⁵.

Как указывалось выше, А.Л. Погодин в той или иной степени освещал историю практически всех зарубежных славян. Как правило, автор излагал в своих монографиях всю историю от ее начала и до современности.

Новую историю Польши А.Л. Погодин достаточно подробно изложил в двух работах. В книге «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года»¹⁶ полякам отводятся три больших главы из 17. Освещается положение поляков в составе Российской империи с 1815 г., в Пруссии, Познани и (прусской) Силезии, в Австро-Венгрии, Галиции и Силезии и в Венгрии. В отличие от других работ, в которых излагается главным образом политическая история, в книге «Славянский мир» большое внимание уделяется развитию экономики. Основным источником автору служил статистический материал, который свидетельствует о соотношении поляков и немцев в Пруссии, Познани и прусской Силезии. Говорится о колонизации немцев на польских землях, о правительственных, административных, школьных, церковных и других мерах, ущемляющих права поляков. Но в целом, по мнению А.Л. Погодина, германизация в этих областях имеет успех, в виду худшего, чем у немцев, ведения хозяйства поляками, т.к. немцы трудолюбивее и расторопнее, а также в виду развития промышленности

в Германии и в польских областях в Пруссии. Национальным самосознанием здесь обладают образованные слои, а забитое крестьянское и городское бедное население поддерживает на выборах не национальные программы, а программы социалистов¹⁷. Характеризуя далее положение поляков в Царстве Польском (т.е. в Российской империи), ученый констатирует, что хотя здесь польское население не встречается с враждебной колонизационной политикой, общий низкий уровень материальной культуры в России отражается на быте Царства Польского. Здесь наблюдается недостаточное развитие железных дорог и телеграфной сети, отсутствуют грунтовые дороги, ощущается трудность и дороговизна кредита и т.д. Если прусское правительство, подготавливая Познанское княжество для немецкой колонизации, не щадило средств на культурное развитие страны, то экономические интересы Царства Польского часто страдали от недостаточного внимания к ним со стороны русского правительства¹⁸. Особое место далее А.Л. Погодин отводил в своем изложении еврейскому вопросу, указав, что евреи захватили в Царстве Польском в свои руки промышленность, банки и торговлю, ориентировались на Россию, поддерживая ее политику, чем вызвали упорную экономическую борьбу и антисемитизм. В Царстве Польском насчитывалось 14% евреев, а в городах евреи составляли 40%¹⁹. Автор подробно останавливается на бойкоте поляками еврейской торговли и вообще противоправной деятельности, которыми руководили ксендзы, помещики, адвокаты, доктора, чиновники. Рабочие относились к бойкоту или отрицательно, или равнодушно. Борьба имела экономическую подоплеку, но проводившаяся антисемитская пропаганда была частью борьбы политической.

Далее автором характеризуется состояние земледелия и промышленности, торговли, банков, кредитных и потребительских обществ в экономической жизни Царства Польского. Особое место отводится рабочему вопросу. Положение рабочего класса тяжелое. Он борется за лучшие условия существования, объединен в профсоюзы, наблюдается широкое стачечное движение, но экономические и политические условия столь неблагоприятны, что рабочие и безземельные крестьяне массами эмигрируют в США и Южную Америку. Политическая ситуация в Царстве Польском напряженная: рабочие бастуют, студенты и интеллигенция бойкотируют русский Варшавский университет, русские школы и мероприятия. В стране функционирует несколько политических партий, широко распространена националистическая пропаганда, осуществляется ксендзами, обедневшим дворянством, адвокатами, учителями.

Далее автор переходит к характеристике положения поляков в Австрии, Венгрии и Галиции.

Касаясь экономического состояния Галиции, автор констатирует, что страна имеет земледельческий характер, сельским хозяйством здесь занимается 77% населения. Господствует малоземелье основного производителя, крупная земельная собственность находится в руках польского дворянства консервативного толка, хозяйничанье которого в Галиции привело страну к темноте и бедствиям²⁰. Производительность земледелия низкая, скотоводство в плачевном состоянии. Промышленность развита слабо и технически отсталая. Происходит массовая эмиграция крестьянства: русин – в Канаду, поляков – в Бразилию. Для политической жизни Галиции характерно наличие большого количества

политических партий, ведущих между собой непримиримую борьбу. Острая борьба происходит между национальностями. Политическую жизнь Галиции Погодин называет «кипящим галицийским муравейником»²¹.

Характеризуя социально-политическую ситуацию в Буковине и положение славян в Венгрии, А.Л. Погодин особое место отводит положению русинов, которое во всех упомянутых частях Европы было бесправным. Промышленность и торговля развиты слабо, основная масса населения безграмотна. Происходит массовая эмиграция. Значительное внимание уделяется религиозному вопросу и острой борьбе между католиками, униатами и православными.

В обширном творчестве А.Л. Погодина о славянах весьма скромное место занимают чехи. О них говорится лишь в общих трудах, таких как «Славянский мир», «Краткий очерк истории славян». Изложив кратко историю Чехии, А.Л. Погодин приходит к заключению, что национальная сознательность чешского народа такова, которая не встречается ни у одного из славянских народов, и по содержанию своей национальной жизни чехи заслуживают названия великого народа²². Далее автор описывает чешскую этнографическую территорию, а на данных переписи 1900 и 1910 гг. выясняет национальный состав, занятия населения и др. сведения. Особую ценность, на наш взгляд, представляют те разделы книги, где речь идет о развитии экономики. Используя статистический материал, экономическую и другую литературу, А.Л. Погодин рисует ситуацию в сельском хозяйстве, подробно говорит о некоторых отраслях промышленности, о торговле, финансовых организациях и т.п. Подводя итог своим соображениям, автор утверждает, что такой высокий уровень земледельческой, сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности, организации кредита и сбережений, позволяет Чехии занимать самое высокое место среди славянских народов²³. В то же время ученый констатирует, что экономическое положение низших классов тяжелое и выход из него многие находят в эмиграции²⁴.

А.Л. Погодин говорит о развитой политической жизни в Чехии, констатирует наличие большого числа политических партий, характеризует их программы и описывает перипетии чешской политической жизни до конца марта 1914 г. Весьма интересным представляется очерк чешской культуры. Автор говорит о школьном деле, о высоком уровне грамотности: «лишь 4,3% населения старше 6 лет не умеют читать»²⁵. Далее речь идет об организации различных обществ, о музеях, выставках, журналистике, открытии памятников, исторических юбилеях и т.д.

Говоря о немецком и чешском университетах в Праге, автор отмечает, что чешский пользуется большим весом. Говорится о гимнастической организации «Сокол», обществе Svatobog, играющем большую роль в организации «умственной» деятельности чешского народа. Изложив ход всех этих мероприятий, автор приходит к выводу, что благодаря этим усилиям чешское национальное объединение достигло полного развития. Все классы народа, все возрасты принимают горячее участие в борьбе за свои национальные права²⁶. А.Л. Погодин также указывает, что в отличие от других славянских народов «чехи добились того, что они учатся во всех учебных заведениях своей страны от низшей школы до университета на своем языке. По-чешски ведется

судопроизводство, администрация по-чешски сносятся с населением, которое создало громадную промышленность и торговлю и стоит в культурном отношении чрезвычайно высоко, твердо памятуя вместе с тем о своем славянском происхождении и родстве с русскими и другими славянскими народами»²⁷.

Если о чехах в русском обществе существовали какие-то представления на основании литературы, воспоминаний и записок путешественников и пр., то о словаках сведений было совсем мало. Поэтому Погодин начинает свой очерк об этом народе с выяснения границ расселения словацкой народности на территории Венгрии и в других местах²⁸. В целом, на основании статистических данных от 1912 г., ученый насчитывает всего 2 019 641 словаков, из которых компактно живет 1 767 235, остальные же разбросаны по Трансильвании. Изложив кратко историю словацкого народа и высказав мнение, что словаки, хотя и находятся в ближайшем родстве с чехами, в их языке столько глубоких, основных отличий от чешского, что простое причисление словаков к чехам как к одному с ними народу, едва ли возможно²⁹. Далее в книге дается обстоятельный экономический очерк состояния словацкой народности. На основании аграрной статистики автор констатирует, что словаки по преимуществу народ земледельческий, преобладает мелкая собственность, составляющая 99,1% всего землевладения. Статистические данные показывают пропасть между крестьянским и помещичьим землевладением в Словакии. Последнее имеет магнатский характер и держит в подчинении себе убогое крестьянство, вынужденное питаться на мизерных участках своей земли³⁰. Хозяйство словаков ведется довольно примитивно. Народ везде ужасно консервативен, не хочет хозяйничать иначе, чем отцы и праотцы. Промышленность у словаков находится на самой низшей ступени развития. А между тем, область словацкого расселения богата природными ресурсами и представляет благоприятные условия для создания фабрично-заводской промышленности. Важнейшие отрасли промышленности находятся в руках у немцев и евреев, владеющих крупным капиталом. Народ в основном безграмотен. Некоторое время назад среди словаков умели читать и писать лишь единицы. Перед Первой мировой войной среди простого народа неграмотность составляла 51,44% всего населения. А.Л. Погодин останавливается также на истории борьбы словаков за свою национальную идентичность, которая преимущественно была направлена против политики мадьяризации. Автор приходит к выводу, что отсталость словацкой народности есть следствие мадьярского хозяйствования в стране. Словакам не дают вздохнуть свободно, душат налогами, народ платит поземельную, домовую подати, а также общинные расходы, на дороги, на церковь, на нотариуса и на повивальную бабку. Словаки нищали, вымирали, эмигрировали³¹. Национальное движение едва теплится в среде интеллигенции и в основном имеет литературные формы.

Положение южных славян А.Л. Погодин освещал неоднократно в статьях и крупных монографиях, в лекциях и публикациях. В больших исследованиях им обычно излагалась политическая история от ее начала до нового времени, как правило, до конца XIX – начала XX вв. Кроме политической истории, автор обращал внимание на религиозный вопрос и его значение

для существования южных славян, на развитие культуры, освободительное движение, на формирование национального самосознания. Но в этих трудах редко или вскользь упоминалось об экономическом положении народа и месте югославянских государств в общем процессе развития Центральной Европы. О состоянии общества у южных славян накануне Первой мировой войны, как известно, приведшей к распаду Австро-Венгерской монархии и новому историческому этапу существования славянских народов, А.Л. Погодин подробно писал в уже упоминавшихся двух работах – «Славянский мир» и «Краткая история славян». Здесь содержится экономическая и демографическая характеристика Хорватии, Словении, Далмации и Сербии. Так, автор констатирует, что хорваты страдали от политики как венгерского, так и австрийского правительства. Население Хорватии и Словении занимается земледелием. Главным продуктом этой отрасли является пшеница, затем кукуруза. Разводится рогатый скот и свиньи. Вывоз скота превосходит весь австрийский вывоз. Промышленность находится на ремесленном уровне и лишь в некоторых городах достигала известного развития. Крестьянство представляло собой неграмотную патриархальную массу – бедную и забитую. В быту еще сохранилась задруга. Задружный быт имелся также в Сербии и Болгарии. А.Л. Погодин считает, что задруга дисциплинирует семью, поддерживает дух солидарности в массах, позволяет избегать остроты аграрного вопроса, но, вместе с тем, имеет отрицательные стороны. Задружный быт задерживает развитие индивидуальной собственности личности, отучает человека верить в собственные силы и надеяться только на себя и является, таким образом, консервативным учреждением, чуждым духу современной культуры и экономическому развитию. Поэтому задруга не обладает, по мнению Погодина, жизнеспособностью и постепенно распадается. В книге характеризуется положение сербов не только в Сербском королевстве, но также в Венгрии, в Боснии и Герцеговине. На истории последних автор останавливается более подробно, особенно на состоянии перед аннексией этих земель Австрией в 1908 г. Политику последней А.Л. Погодин характеризует словами: все делалось для того, чтобы страна разорилась, обезлюдела и открыла простор для немецкой колонизации и католичества³². Экономическое положение, национальный состав и религиозное состояние ученый иллюстрирует статистикой: православных – 43%, мусульман – 32%, католиков – 22%. Есть униаты, иудеи, евангелики. По языку босанско-герцеговинское население – однообразная масса: сербохорватский язык является родным для 96,02% населения. Статистика показывает картину очень первобытной культуры. Неграмотных – 87,84%. Наиболее грамотные – католики. Среди мусульман – 94,65% неграмотных. Интеллигенции – 185 человек. Дело народного просвещения и культуры – в плачевном состоянии. Сельским хозяйством занимается 86,5% населения. Православное духовенство составляет отдельную категорию и народу чуждо.

В целом при характеристике положения сербов и хорватов на Балканском полуострове, А.Л. Погодиным убедительно продемонстрирована примитивность жизни трудящегося населения, его бедность, безграмотность, некультурность и отсталость во всех местах, где жили эти славянские народы.

Не менее колоритно обрисован гнет со стороны Венгрии и Австрии, политическая борьба отдельных группировок господствующего класса, анархичность и корыстность отдельных деятелей.

Отметим высокую достоверность приведенных сведений. Автор не только использовал для своего труда доступные ему источники в виде статистических данных и т.п., но и лично познакомился с положением балканских народов во время многочисленных поездок в эти страны. А.Л. Погодиным использованы также все книжные и газетные материалы славянских стран, обширная научная литература на многих языках. Подобного обзора о современном состоянии зарубежных славян в литературе не существовало.

К истории Болгарии, наряду со специальной монографией, харьковский профессор обращался еще в работе «Краткий очерк истории славян» (1915) и в книге «Славянский мир», изданной в том же году. В отличие от специальной монографии в последнем труде история Болгарии излагается значительно короче, зато в нем много сведений о современном положении страны. Констатируется, что государственный строй Болгарии определяется Тырновской конституцией 1878 г., которая предоставляет широкие права Народному собранию и ограничивает государя лишь совершением исполнительной власти. Автор излагает главные черты этой конституции. В 1908 г. болгарский князь объявил о прекращении вассальных отношений Болгарии и Турции и провозгласил себя «Царем Болгар». Значительный материал в этом очерке посвящен экономическому и культурному развитию современной Болгарии. На основании статистического материала автор приводит данные о численности населения, административном делении, об этнографическом составе. Указывается на архаические отношения, сохранившиеся в деревне. До сих пор уцелела задруга еще в большем размере, чем в Сербии. Главным занятием жителей является земледелие, сельское хозяйство, скотоводство, огородничество. Этим видом деятельности занимается около 77% всего населения, т.е. Болгария – сельскохозяйственная страна. Далее подробно характеризуются отрасли сельского хозяйства, распределение земли между собственниками и т.п. вопросы. Промышленность стоит на очень низкой ступени развития. Характеризуется международная и внутренняя торговля, законодательство в этой отрасли, кредитная система и другие отрасли экономики. А.Л. Погодин описывает также состояние просвещения. По его сведениям, грамотность в 1905 г. составляла около 24%, но она постепенно повышается, открываются школы, конституция требует всеобщего обязательного обучения. В 1888 г. был основан Софийский университет, а в 1911 г. учреждена Болгарская академия наук. В заключении А.Л. Погодин характеризует внешнюю политику современной Болгарии, отличающуюся антироссийской направленностью. Такая политика Болгарии, по мнению харьковского профессора, всегда заканчивалась крупными неудачами.

Рассмотрев сведения А.Л. Погодина о положении зарубежных славянских народов накануне Первой мировой войны, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, в работах автора содержится обилие ценного и достоверного материала практически обо всех внероссийских славянах, включая и мелкие народности, такие как лужицкие сербы и кашубы. Ограниченность места

не позволила нам остановиться на характеристике этих групп. С точки зрения информированности труды А.Л. Погодина представляют собой уникальное явление не только в русской литературе. В них славяне предстают перед читателем в большом разнообразии. Первое место по уровню экономического, политического и духовного развития автор отводит чехам. В то же время он не скрывает, что именно этот славянский народ, наряду со словенцами, является наиболее германизированным. Успешно германизируются поляки на тех территориях, которые отошли Пруссии по разделам Польши. Поставив задачу интеграции польских земель и населения в состав германского государства, немецкое правительство проводило жесткую политику: осуществляло колонизацию немцев, проводило ряд важных экономических мер в крае, а также антипольскую школьную политику и мероприятия иного плана, способствующие «добровольной» германизации. Результатом всех этих мер было экономическое неравенство и духовное угнетение польского населения. В австрийской части положение поляков было иным. В Галиции в руках представителей польской национальности были огромные земельные владения и другие средства производства, обеспечившие польскому дворянству и иным слоям господствующее политическое и экономическое превосходство при почти рабском состоянии крестьянства, ремесленников и других слоев трудящегося населения. При этом польская нация выступала здесь как национальный и конфессиональный угнетатель. Поляки, подчиненные Российской империи, находились в срединном положении. Они не подвергались денационализации, в их земле не проводилась колонизация, но попытки Российской империи насаждать свои порядки вызвали активное противодействие в виде вооруженных восстаний, бойкотов законов и учебных заведений и прочих форм протеста. Польша была объята всеми видами национализма не только антирусского направления, но и антисемитизма, антигерманизма и пр. Для менталитета поляка было свойственно веками воспитанное чувство превосходства над остальными славянами и свободолюбие, правда, за счет других, ибо положение собственного народа было бесправным, тяжелым экономически, о чем свидетельствует массовая эмиграция трудовых слоев из Польши в поисках лучшей жизни в других странах. Следует, однако, заметить, что немало поляков училось в университетах России, получало должности в государственных учреждениях, принимало российское гражданство и т.д. – в общем, интегрировалось в русскую среду.

Что касается южных славян, то во всех странах, освободившихся от турецкого ига или сохранивших еще некоторые отношения с Османской империей, народ жил в первобытном состоянии. В основном это были земледельцы или скотоводы, с архаичским общинным устройством, с низким уровнем средств производства, почти поголовно неграмотные, сохранившие самые темные стороны старого быта. Экономическая отсталость, темнота и загнанность населения вызвали попытки европейских держав захватить эти территории, что вызывало постоянную политическую нестабильность, выражавшуюся во внутренних и внешних вооруженных столкновениях. А.Л. Погодин, освещая положение славянского народа, сочувствует его тяжелому уделу без пристрастия к какому-либо определенному народу. Он не допускает ни выпадов,

ни осуждений, спокойно анализируя обстоятельства, в которых развивались события. Но в то же время его освещение не лишено односторонности.

Книги написаны «со славянских позиций», не славянофильских! А.Л. Погодин был решительным антиславянофилом и осуждал славянофильство во всех вариантах. Но в его изложении чувствуется негативное отношение к политике Австрии в отношении славянских народов. Она иногда даже оценивается более отрицательно, чем турецкая. Конечно, все великие державы, и не только Австрия, но и Россия, имели свой интерес на Балканах, который стоял на первом плане, когда делились сферы влияния. Так, в 1908 г., когда произошла аннексия Австрией Боснии и Герцеговины, вся русская печать выступила с осуждением Австрии и порицанием позиции России, не сумевшей защитить славян. А.Л. Погодин в это время много писал об этом вопросе в газетах и был как бы во главе «славянской позиции». А между тем, как показывают документы дипломатического характера, Россия вовсе не возражала против аннексии, потому что присоединение Боснии к Австрии было обусловлено более ранними международными соглашениями, но на этот раз русская дипломатия сумела выторговать себе определенные условия, такие, как беспрепятственный проход русского флота через Черноморские проливы и признание независимости Болгарии Портой. Т.о., «прославянская» шумиха в газетах, в которой участвовал А.Л. Погодин, была бесполезной. Но внешняя политика не бывает открытой, поэтому общество нередко реагирует на события неадекватно.

Также в работах А.Л. Погодина несколько преувеличены симпатии южных славян к России. На наш взгляд, «любовь» славян проявляется в то время, когда Россия нужна или Россия сильна. Но как только надобность в России отпадает, славянские политики немедленно переориентируют свои симпатии в сторону Австрии, Франции и др. государств.

Представляется также, что А.Л. Погодин недооценил отсталость быта славян. Австрийское правительство, желая интегрировать славянские земли, стремилось развивать на их территории инфраструктуру: строило дороги, организовывало промышленные предприятия и т.д. Славянское население негативно относилось ко всем новшествам и реагировало на это всеми средствами вплоть до вооруженных выступлений. Русские путешественники и вообще все, кто посещал глубинку славянской территории, отмечали лень, отрицательное отношение к труду славян. По их сведениям, босниец (или черногорец), не обязательно мусульманин, может с утра до вечера сидеть в кофейне за чашкой кофе или в своей лавчонке, ничего не делая, и наблюдать, как женщина с большой корзиной или узлом на голове спешит по своим делам. Вероятно, южные славяне, пережившие турецкое господство, предпочитали жить по тем нормам, которые усвоили в период многовекового общения с восточными порядками.

Примечания

¹ Погодин А.Л. Сборник статей по археологии и этнографии. Издание слушателей Петербургского Археологического института. СПб., 1902.

² Погодин А.Л. Виленский учебный округ 1803–1831. СПб., 1901. (Сборник материалов по истории просвещения в России. Т. IV.)

- ³ *Погодин А.Л.* Зарубежная Русь // Знание для всех. Общедоступный журнал для самообразования с картинками в красках и иллюстрациями в тексте. Пг., 1915. № 1.
- ⁴ *Дьяков В.А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX в. (Кареев Н.И., Корнилов А.А., Погодин А.Л., Францев В.А.) // История и историки. Историографический ежегодник 1978. М., 1981. С. 147–161.
- ⁵ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 271–272; *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Минск, 1978. Т. 3 (Л – Я). С. 138–142.
- ⁶ Например: *Лантева Л.П.* Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в. – 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1972. (машинопись). С. 214–221; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 336–338.
- ⁷ См.: *Selicki F.* Alexander Pogodin // Ruch Literacki. R. XIX 1978. Z. 4/5. S. 333–339; *Bortnowski W.* Alexander Pogodin – przyjaciel Polaków i popularizator historii Polski w Rosji // Polsko-rosyjskie związki społeczno – kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 174–192.
- ⁸ *Пацуро В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 155–157.
- ⁹ *Лантева Л.П.* Русская послереволюционная академическая эмиграция в Югославии (А.Л. Погодин) // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 97–105; *Лантева Л.П.* Русский эмигрант А.Л. Погодин и его связи с чешскими учеными в межвоенный период (в печати); *Косик В.И.* Югославянство/славянство в русской эмигрантской периодике // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 100–108; *Аксенова Е.П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Там же. С. 148–166 и др.
- ¹⁰ *Лантева Л.П.* Александр Львович Погодин (1872–1947) как исследователь истории славян // Средневековый город. Межвузовский сборник. Вып. 17. Саратов, 2006. С. 166–184.
- ¹¹ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX в. М., 2008.
- ¹² Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- ¹³ *Аржакова Л.М.* Долгая пауза после блистательных успехов: Русская историческая полонистика на исходе XIX века // Славяноведение. 2010. № 1. С. 44–53.
- ¹⁴ *Пахомова Л.Ю.* Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878–1908 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2010. На правах рукописи.
- ¹⁵ *Соловьев А.В.* Погодин Александр Львович (К десятилетию со дня кончины) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1958. № 3. С. 57–59.
- ¹⁶ *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915. 420 с.
- ¹⁷ *Погодин А.Л.* Славянский мир... С. 94.
- ¹⁸ Там же. С. 97.
- ¹⁹ Там же. С. 107.
- ²⁰ Там же. С. 149.
- ²¹ Там же. С. 153.
- ²² Там же. С. 216.
- ²³ Там же. С. 245.
- ²⁴ Там же. С. 248.
- ²⁵ Там же. С. 255.
- ²⁶ Там же. С. 253.
- ²⁷ *Погодин А.Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915. С. 82.
- ²⁸ *Погодин А.Л.* Славянский мир... С. 266.
- ²⁹ Там же. С. 268.
- ³⁰ Там же. С. 272.
- ³¹ Там же. С. 273.
- ³² Там же. С. 327.

М. Даниш

(Университет им. Я.А. Коменского, Братислава, Словакия)

**Из истории русско-словацких научных связей
(Переписка Ф.Ф. Аристова с Матицей Словацкой и
его рукопись «Словацкая литература»)**

Abstract:

Danisch M. *From the history of Russian-Slovak scientific relations (Correspondence of Aristov F.F. with Matica Slovenská and his manuscript «Slovak literature»)*

The little-investigated page of Slovak-Russian literary relationships of the beginning of the twentieth century is the work of Professor Fedor Fedorovich Aristov (1888–1932), whose name is linked to study of the two branches of science: Slavic and Oriental Studies. Aristov was a Russian researcher of the Transcarpathian, Czech, Slovak, Sorbian, Polish, Bulgarian, Serbian, Croatian, Slovenian literature. In addition to his scientific and pedagogical work he paid great attention to the establishment of various organizations of slavists. The article refers to his correspondence with Matica Slovenská and to the fate of his manuscript «Slovak literature».

Ключевые слова: литература, Словакия, Россия, Матица Словацкая, Ф.Ф. Аристов.

Важную роль в распространении знаний о «литературной» России сыграла Матица Словацкая, основанная в 1863 г. в Мартине. Устав и печать учреждения содержали двуязычный словацко-русский текст. Матица установила творческие связи с русскими научными институтами и учеными, она имела большие заслуги в пропаганде среди словацкой интеллигенции русской литературы и науки. В учредительном заседании Матицы Словацкой принял участие русский историк, славянофил В.И. Ламанский, редактор петербургского журнала «Живая старина», издавший в 1867 г. в Москве перевод труда Л. Штура «Славянство и мир будущего».

В русской печати с 80-х гг. XIX в. все чаще появлялись сообщения о положении словаков в Венгрии, о словацкой публицистике и литературе. Благодаря живому интересу русской общественности к политической и культурной жизни славянских и, в частности, словацкого, народов, в конце XIX – начале XX вв. на русский язык были переведены многие выдающиеся творения словацкой литературы, прежде всего – поэтические произведения. В переводах словацкой поэзии принимали участие известные русские поэты А. Майков и Ф. Тютчев, поэты-переводчики Н. Берг, Н.Н. Нович (Бахтин) и другие. Особое внимание исследователей и переводчиков привлекало творчество двух крупнейших представителей словацкой литературы того времени – С.Г. Ваянского и П.О. Гвездослава.

Сам Ваянский много раз бывал в России. В 1885 г. он, например, принял участие в Кирилло-Мефодиевских торжествах в Киеве, в торжествах по случаю 900-летия крещения Руси. После поездок он издавал путевые записки, а также десятки статей, в которых знакомил словацкого читателя с русской

действительностью. Ваянский был лично знаком со славистами Будиловичем, Соболевским, с историком Флоринским, в сотрудничестве с которым он добился издания в Киеве «Истории словацкой литературы» Ярослава Влчека (1889 г.). Среди критических работ русских авторов, посвященных словацкой литературе и опубликованных в России в конце XIX в., следует отметить статью О. Пича «Очерк политической и культурной истории словаков за последние сто лет» (1894 г.) и статью Н.Н. Филинова «Современная словацкая литература» (1894 г.)¹.

Русская литература в самом конце XIX и в начале XX в. получила в Словакии широкую известность благодаря таким личностям как Юрай Маро (переводческая деятельность – переводы Толстого, Пушкина, Тургенева, Чехова, Куприна, Достоевского, Немировича-Данченко, Короленко и др.), Душан Мачковицкий, Альберт Шкарван, Владимир Кривош, Йозеф Шкультеты, Янко Йесенски, Й.Г. Тайовски, Степан Крчмери, Рудольф Клячко и другие.

Малоисследованной страницей словацко-русских литературных взаимосвязей начала XX века является деятельность профессора Федора Федоровича Аристов (1888–1932 гг.), с именем которого связано изучение двух отраслей науки: славяноведения и востоковедения. Ф.Ф. Аристов был русским исследователем закарпатской, чешской, словацкой, лужицкой, польской, болгарской, сербской, хорватской, словенской литератур. Кроме научно-педагогической работы большое внимание он уделял созданию различных организаций славистов. В 1908 г. в Москве им было создано всеславянское студенческое общество «Славия», в котором он стал председателем. Аристов принимал деятельное участие в работе таких славянских организаций в Москве как Галицко-русское общество, Словацко-русское общество имени Л. Штура, Русско-чешское общество памяти Яна Гуса, Русско-хорватское общество памяти Крижанича; был секретарем Московского отдела Всероссийского попечительства о плененных славян и других².

К его большим, но неопубликованным работам относится и «Словацкая литература» (150 стр.), материал к которой он собирал более двадцати лет. Его контакты со словацкими литературоведами и писателями наглядно иллюстрирует малоизвестная личная переписка с Матицей Словацкой с конца 20-х гг. XX в.

«Словацкая литература» Аристов является первой научной работой, написанной в России о словацкой литературе в историческом контексте начала XX века, а его переписка в 1928–1929 гг. с Матицей Словенской*, с Иосифом Шкультетым, Рудольфом Клячко и Степаном Крчмеры показывает огромный интерес этого деятеля не только к словацкой литературе, но и вообще к развитию словацкой культурной среды послевоенного периода. Его корреспонденция является доказательством его серьезного научного подхода к словацкой истории и литературе в духе развития неформальной славянской взаимности. В письмах Аристов раскрывается исторический контекст его научной работы, контакты и связи не только со словацкими

* Далее читать: Матица Словацкая. – Прим. редколл.

литературоведами, но также с историками, лингвистами, русскими учеными-эмигрантами, жившими за границей в бывшей Чехословакии (например, Евгений Юлианович Перфецкий, преподававший историю в Братиславском университете; проф. Ю.А. Яворский, живший в Праге и другие)³.

Знакомство и переписка Аристова с Е.Ю. Перфецким интересны и с точки зрения их совместных научных интересов к изучению Карпатской Руси, которая в тот период была составной частью Чехословакии. Профессор Перфецкий был большим знатоком истории и архивов Карпатской Руси, а ее историю он преподавал в Братиславском университете. Сам Ф.Ф. Аристов в течение десяти лет (1907–1917) собирал и систематизировал различные материалы из Карпатской Руси, из которых составил единственный в своем роде не только в России, но и в Европе, Карпато-русский музей в Москве, в котором находились редчайшие рукописи и письма выдающихся славянских писателей и ученых и огромный материал по истории и литературе Карпатской Руси⁴.

В своей переписке с Матицей Словенской он предлагал Матице опубликовать в журнале «Slovenské pohľady», а также отдельным изданием работу об одном из выдающихся деятелей национального возрождения Карпатской Руси XIX столетия, украинском политике Адольфе А. Добрянском, который был искренним другом словаков. Он поддерживал тесные контакты со словацкими просветителями – Я. Францисци, А. Радлинским, Паулины-Тотом и другими. Ф.Ф. Аристов в письме от 16 марта 1929 г. пишет: «Мое исследование «А.И. Добрянский» написано на основании неизданных источников и представляет плод многолетнего труда. Вся эта работа включает 6 печатных листов (по 40000 знаков каждый). Рукопись прошу вернуть. Представляю Словенской Матице право издать ее в журналах или отдельную книгою на словенском ** языке. От авторского гонорара отказываюсь, прося лишь выслать мне русскую копию этой рукописи на машинке (2 экз.) и 25 экземпляров напечатанной книги»⁵.

В России был издан только первый том из задуманного трехтомника «Карпато-русские писатели» Ф.Ф. Аристова (М., 1916), и эта книга является в настоящее время большой редкостью.

Интерес Аристова распространяется и на вопросы преподавания русского языка в Словакии, пропаганду русской литературы в словацких журналах, на различные культурные мероприятия, развивающие межславянские контакты, и т.д.

В корреспонденции Ф.Ф. Аристова нашла отражение подготовка его научной поездки в Словакию в 1920–1930 гг. (на шесть месяцев), в рамках которой он хотел посетить прежде всего два культурно-литературных центра Словакии – Мартин (Матица Словенская) и Братислава (Университет). В Братиславском университете он должен был читать лекции по русской литературе и словацко-русским литературным взаимоотношениям⁶.

«Словацкая литература» Ф.Ф. Аристова – научно-литературная работа, которая осталась из-за смерти автора в рукописной форме незаконченной, является попыткой создания систематического курса словацкой литературы.

** Далее читать: словацкая. – Прим. редколл.

Конечный замысел автора становится ясным именно после прочтения его писем деятелям Матице Словенской. Проф. Аристов хотел дополнить свою работу фактами, сведениями и литературной продукцией 1918–1929 гг., о чем он сам пишет 24 января 1929 г. Матице Словенской следующее:

«С 1907 года я занимаюсь славяноведением и всегда посвящал много внимания и труда словенскому народу, помещая о нем статьи в русской печати, выступая неоднократно с лекциями, докладами и издавая в России произведения словенских писателей в русском переводе.

Мировая война и последовавшие за ней события не дали мне своевременно закончить начатых мною работ о словенском народе, а именно напечатать курсы моих лекций (в других книгах) под заглавием «История словенского народа» и «История словенской литературы». В настоящее время я закончил (в рукописи) свою книгу «История словенской литературы» (15–20 печатных листов), но прежде, чем ее издавать, хотел бы сделать дополнения о жизни и творчестве словенских писателей за послевоенный период времени, т.е. 1918–1929 годы»⁷.

Рукопись работы делится на два раздела: «Словакия и словаки» (страна и народ) и «Словацкая литература». В первом разделе дается краткая характеристика исторического развития Словакии, оценка положения словаков в Чехословакии в плане права наций на самоопределение. Во втором разделе работы – «Словацкая литература» – проф. Аристов не стремился дать строго научной картины ее развития. Он популярно изложил основные этапы развития литературы в период от Бернолака до начала Первой мировой войны. Наибольшее внимание он уделил писателям, в творчестве которых ярче и самобытнее всего отразился творческий гений словацкого народа – Голлы, Сладкович, Халупка, Штур, Гвездослав, Ваянский. В своей работе Аристов использовал почти все русские переводы словацкой поэзии, имевшиеся к тому времени⁸.

В заключение хочу привести несколько мыслей Ф.Ф. Аристова в отношении к Словакии. Они характеризуют атмосферу, в которой он жил и работал, а также его личность большого славянина, человека с открытым сердцем, ученого: «Нет большей радости для национально мыслящего русского человека, как получить письмо от брата-славянина да еще написанное на прекрасном, вполне правильном общерусском литературном языке. Какой дивный подарок сделали Вы мне к Светлому Празднику. Русскому человеку теперь так трудно жить, что каждое братское слово любви и сочувствия для него дороже всего на свете. Жена и дети окружили меня, и я им читал Ваше задушевное письмо. И святые детские слезы показались на глазах от умиления и искренней радости, что нас, русских, отрезанных теперь от всего мира какой-то китайской стеной, еще продолжают любить славные деятели братского словенского народа. И вся семья встала перед образом Спасителя и горячо молилась о благе и счастья дорогих братьев словаков. Рудольфу Клячко, 3 мая 1929 года»⁹.

Примечания

¹ *Savickij V.D. Tvorba slovenských spisovateľov z konca 19. storočia a zač. 20. stor. (Vajanský, Hviezdoslav) v ruských prekladoch a článkoch // Slovanské štúdie II. Bratislava, 1959. С. 403.*

- ² Аристова Т.Ф., Ваврик В.Р. Ф.Ф. Аристов. 1888 – 1932 // Краткие сообщения Института Славяноведения АН СССР. М., 1959. Вып. 27. С. 88.
- ³ Литературный архив Матице Словенской (далее ЛАМС) в Мартине. Письмо Ф.Ф. Аристова Рудольфу Клячко, 3 мая 1929 г. // Inventár LAMS. Spisový ročník 1929. F. 611.
- ⁴ Аристова Т.Ф., Ваврик В.Р. Указ. соч. С. 89.
- ⁵ ЛАМС. Мартин. Ф. 611. Письмо № 4 от 16 марта 1929 г.
- ⁶ ЛАМС. Мартин. Ф. 611. Письмо № 7. Л. 2. № 8.
- ⁷ ЛАМС. Мартин. Ф. 611. Письмо № 1. Л. 1.
- ⁸ Aristovová T.F. – Bogdanov J.V.: O rukopise F.F. Aristova Slovenská literature // Slovanské štúdie III. Bratislava, 1960. S. 260.
- ⁹ ЛАМС. Мартин. Ф. 611. Письмо № 7 от 3 мая 1929 г.

Литература

- Литературный архив Матице Словенской (далее – ЛАМС) в г. Мартин. Фонд 611. 11 писем Ф.Ф. Аристова Матице Словенской.
- Аристова Т.Ф., Ваврик В.Р. Ф.Ф. Аристов. 1888–1932 // Краткие сообщения Института Славяноведения. № 27. Москва 1959. С. 87–93.
- Aristovová T.F. – Bogdanov J.V.: O rukopise F.F. Aristova Slovenská literature // Slovanské štúdie III. Bratislava, 1960. S. 255–267.
- Федор П. Ф.Ф. Аристов. К 25-летию его научно-литературной деятельности. Ужгород, 1931.
- Malevič Oleg. Znalosti ruskej predrevolučnej spoločnosti o živote a činnosti Ľudovíta Štúra // Slovanské štúdie II. Bratislava, 1959. S. 339–387.
- Savickij V.D. Tvorba slovenských spisovateľov z konca 19. storočia a zač. 20. stor. (Vajanský, Hviezdoslav) v ruských prekladoch a článkoch // Slovanské štúdie II. Bratislava, 1959. S. 387–403.
- Kiškin L.S. Tvorba P.O. Hviezdoslava v Rusku koncom 19. a na zač. 20. Storočia // Slovanské štúdie II. Bratislava, 1959. S. 403–411.
- Леснякова С. Словацко-русские литературные связи периода формирования реализма в Словакии. «Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур», Москва, 1992. С. 201–208.
- Лантева Л.П. Защита Светозаром Гурбаном – Ваянским гражданских прав словацкого народа в начале XX. Века // Historica. Zborník FF UK, ročníkXXII. Bratislava, 1971. С. 157–167.
- Soták Milan. Kapitoly zo slovensko – ruských jazykových kontaktov. Bratislava, 1982. 237 s.

Документы

*Письма проф. Ф.Ф. Аристова Словенской Матице
в Турчанском св. Мартине*

№ 1

Высокоуважаемые Словенские деятели!

Свидетельствуя глубокое почтение высокополезной научной, литературной и народной работы Вашего общества на благо Словакии и всего Славянства, обращаюсь к Вам с нижеследующими своими просьбами и пожеланиями.

С 1907 года я занимаюсь славяноведением, и всегда посвящал много внимания и труда Словенскому народу, помещая о нем статьи в русской печати, выступая неоднократно с лекциями – докладами и издавая в России произведения словенских писателей в русском переводе.

Мировая война и последовавшие за ней события не дали мне своевременно закончить начатых мною работ о Словенском народе, а именно напечатать курсы моих лекций (в других книгах) под заглавием « История Словенского народа» и «История словенской литературы». В настоящее время я закончил (в рукописи) свою книгу «История словенской литературы» (15–20 печатных листов),но прежде чем ее издавать, хотел бы сделать дополнения о жизни и творчестве словенских писателей за послевоенный период времени, т.е. 1918–1929 годы.

Вследствие того, что в ни в одной библиотеке России (даже крупнейших книгохранилищах) нет материалов о словенских писателях за XX.век, то убедительно прошу Общество выслать мне безвозмездно все то, что окажется возможным.

Особенно интересуют меня следующие издания:

Сборник Матицы (за послевоенные годы)

Журнал « Братислава»

Словенска библиография Ризнера

Полное собрание сочинений Гурбана Ваянского

Собр.соч. Гвездослава – Орсага

Собр.соч. Кукучина – Бенсура

Сочинения Есенского

Портреты словацких писателей (старых и новых)

Словенско-русский словарь

Общий труд о Словакии (территория, население, народное хозяйство, культурное развитие, политическое положение – все это за последние 10 лет)

Весь этот научно – литературный материал я намерен использовать для своих книг, которые должны будут познакомить русских читателей с историческим прошлым, а также литературным развитием Словенского народа (с древнейших времен и до наших дней).

Если ваше общество пожелает, то я могу прислать для его повременных изданий свои статьи под заглавием: «Словенские писатели в русской литературе» (полный обзор переводов, биографий, характеристик литературного творчества, перечень портретов и т.д.)

Статьи буду высылать по получении Вашего ответа. Эти статьи я просил бы считать в качестве авторского дара за получаемые от Вас издания о словенских писателях и вообще книги о Словенском народе. Буду очень рад установить с Вами правильную, постоянную научную переписку, как один из видов великой славянской взаимности.

О всех новостях в области русской литературы буду также посылать Вам библиографические заметки для печатания в изданиях вашего Общества.

Да живет и процветает Словенская Матица. Честь и слава ея Высокоуважаемым деятелям!

Проф. Ф.Ф. Аристов

Москва, 24(11) января 1929 года

Проф. Ф.Ф. Аристов, Москва. Трубниковский пер., Дом Научных Деятелей № 26, кв. 37

№ 2

Высокоуважаемые Словенские деятели!

Дорогие славянские братья!

Примите мою искреннюю, самую сердечную благодарность за Ваши прекрасны издания, которые я получил 20 (7) февраля 1929 года.

С огромным вниманием читал напечатанные Вами труды. Отличное впечатление производит «Sbornik Matice Slovenskej». Желательно в дальнейшем увеличить его объем, давать отзывы о новых книгах и печатать отчеты о деятельности Словенской Матицы с перечислением членов ея Правления.

Незаменимым научно-справочным трудом является « Bibliografija písomníctva slovenského» Людевита Ризнера (мною получено 6 выпусков). Когда будет закончен этот труд и предполагается ли дать затем такую же библиографию и для XX века?

Очень рад что вы переиздали замечательный классический труд проф. Влчека « Dejiny literatury slovenskej». На этом труде воспиталось два поколения словенских, русских и вообще славянских читателей. ... две строчки текста пропущены о благодарности Влчекови...

Очень хорошим продолжением труда проф. Влчека являются весьма интересные книги уважаемого Степана Крчмерага – « Prehľad dejín slovenskej literatúry a vzdelanosti» и «Ludia a knihu». Во второй из этих книг для русскаго читателя особенно приятно прочесть о заслугах высокопочтеннаго Й.Шкультетага, так много потрудившагося на пользу радного словенскаго народа и всегда знакомившаго своих земляков с великими произведениями русской литературы. Книгу Й. Шкультетага «O Slovákoch» нельзя читать без глубокаго волнения: она написана

кровью сердца так много страдавшего за лучшую долю родного славенского народа, так горячо бившагося за счастье России, так искренне любящего все славянство!

Очень благодарен за присылку 8-ми томов «Собрания сочинений Гвездослава – Орсага. (Том 7, отдел 2 оказался неисправным – порван, если возможно, то пришлите новый экземпляр). Буду читать и наслаждаться его поэзией, в котором как в зеркале отразилась жизнь словенского народа. Некоторые произведения этого писателя постараюсь перевести на русский язык. Для меня несколько неясно, почему ненапечатан при «Собрании» биографический очерк Гвездослава. Кроме того необычное впечатление (по крайней мере на русского читателя) производит во всех полученных мною изданиях полное отсутствие портретов. Быть может, портреты словенских деятелей изданы отдельно, на открытых письмах. Пожалуйста сообщите мне об этом.

Благодаря любезно присланным Вами изданиям мне удастся теперь закончить свои работы по истории словенской литературы и дать ряд очерков для Вас о русско-словенских культурных взаимоотношениях за XIX и XX столетия. В первую очередь пришло для напечатания в словенских изданиях свои статьи о Добрянском, Штуре и Гурбане-Ваянском.

Очень прошу оказать Ваше содействие в получении мною следующих изданий о присылке которых я писал еще в августе 1928 года в Братиславу, но до сих пор этих книг не имею. Мне необходимы:

Журнал « Братислава»

Полное собрание сочинений Гурбана Ваянского

Ян Коллар «Дочь Славы»

Янко Краль «Баллады и песни»

Еще раз от души благодарю за подарок книг. Пишите о культурных новостях, которыми я очень интересуюсь.

Желаю процветания Словенской Матице, здоровья и сил ей славным деятелям.

Неизменно Вам преданный

Проф. Ф.Ф. Аристов

Москва, 23(10) февраля 1929 года

№ 3

Достоуважаемые Словенские деятели!

Дорогие Славянские братья!

Ваше сердечное письмо от 5/Ш сего года получил, и оно тронуло меня до глубины души. Примите мое искреннее, чисто русское, спасибо за Ваше внимание, братскую поддержку книгами и наилучшие пожелания в моей работе, посвященной истории и истории словесности Словенского народа.

Когда я получу от Вас все перечисленные в Вашем письме издания, то, вероятно, буду одним из немногих в России исследователей, которые располагают таким научно-ценным полным и разнообразным собранием книг о Словенском народе. Это сознание наполняет мое сердце радостью и неизменной благодарностью к Вам за Ваш столь ценный дар, которым я буду всю жизнь гордиться и передам свою горячую любовь к Словакам также и своим детям. А портреты словенских народных деятелей и писателей являются лучшим украшением моего ученого кабинета, в котором все проникнуто святой и великой идеей всеславянского братства и взаимности.

Занимаясь более 20 лет изучением Славянства я всегда особенно интересовался двумя наиболее забытыми и забытыми частями нашего необъятного мира – Карпатской Русью и Словакией. Гнет мадьяризма мешал непосредственным связям русских ученых с этими землями. Теперь, слава Богу, начинают возрождаться русско-славянские культурные взаимоотношения. Очень рад быть Вам полезным своими работами.

Моя рукопись «Словенская литература» была закончена еще летом 1928 года. Если желаете, то я могу ее Вам пожертвовать (это единственный экземпляр, написанный собственноручно, без копий). Теперь я решил, на основании получаемых от Вас изданий, всю свою работу увеличить вдвое (до 25 печ. листов), и указанная рукопись мне больше не нужна. Но она имеет то значение, что является наглядным доказательством насколько трудно в современной России писать о славянах, когда даже неизвестно, что выходит за границу по славяноведению. Некоторые книги попадают к нам только через год после их выхода в свет.

Мои статьи «Словенские писатели в русской литературе» готовятся для отправки Вам. Жду с нетерпением полного собрания сочинений С.Гурбана-Ваянского, чтобы окончательно выяснить вопрос, вошли ли его русские статьи в это издание. Из цикла статей «Русско-словенские культурные взаимоотношения» в первую очередь пошло Вам очерк об А.И. Добрянском, а также краткую историю «Словацко-Русского Общества памяти Штура в Москве» (существовало до 1917 года).

Наконец, из небольших заметок о новых русских книгах через неделю пошлю Вам отзыв о замечательной книге В.К.Арсеньева « В дебрях Уссурийского края» (сейчас подготавливается уже 3-ье издание).Эта книга заслуживает перевода на словенский язык, потому что знакомит с Русским Дальним Востоком (имеющим огромное будущее) и читается, несмотря на строгую научность содержания, как увлекательный роман.

Примечание. Вследствие того, что все свои работы я пишу сразу на чисто, не оставляя черновиков и не делая копий, то прошу, по получении моих рукописей, перепечатывать их на машинке и посылать мне копии в 2 –х экземплярах.

Славенско-русский словарь Л.А. Мичатека я на время достал у своих знакомых, и поэтому мне его не присылайте, ибо эта книга может понадобиться уважаемому Секретарю Правления Славенской Матицы. За то вновь прошу прислать тот том сочинений Гведослава, какой был отмечен мною в предыдущем письме. Еще раз искренне благодарю Вас за братский отклик, ценный дар и сердечное внимание. Постараюсь отблагодарить за все своей работой. Желаю процветания Словенской Матице и остаюсь с глубоким уважением неизменно преданный Вам

Проф. Ф.Ф. Аристов
Москва, 14(1) марта 1929 года.

№ 4

Правлению Славенской Матицы.

Мое исследование «А.И. Добрянский» написана на основании неизданных источников и представляет плод многолетнего труда. Вся эта работа включает 6 печатных листов (по 40 000 знаков каждый). Рукопись прошу вернуть. Представляю Словенской Матице право издать ее в журнале или отдельную книжку на славенском языке. От авторского гонорара отказываюсь, прося лишь выслать мне русскую копию этой рукописи на машинке (2экз.) и 25 экз. Напечатанной (типографским путем) книги.

Проф. Ф.Ф. Аристов
Москва, 16(3) марта 1929 года.

№ 5

Правлению Славенской Матицы в Турчанском св.Мартине.
Высокоуважаемые Словенские Деятели!

С нетерпением жду получения славенских изданий, которые перечислены в вашем письме от 5 марта 1929 г.. Благодаря Вашему братскому вниманию и истинно просвещенной отзывчивости, я буду иметь возможность значительную часть своего времени посвятить изучению прошлой и современной культурной жизни Славенского народа. Вследствие этого, покорнейше прошу писать мне дважды в месяц. Все, что касается умственного развития Словакии (Словенска) – для меня ценно и весьма интересно. У нас в России, ничего неизвестно напр. о том, как развивается послевоенная славенская журналистика (какие существуют газеты и журналы, их названия и направление); имеется ли такая научно-справочная книга (или ежегодник) которая давала бы отчет с культурной, экономической и политической жизни Словенска за определенный период времени. Как поставлено в словенских средних школах или, по крайней мере в Братиславском университете дело изучения русского языка, литературы и истории. Можно ли достать университетские программы по этим вопросам (предметам). Было бы очень желательно, чтобы Славенская Матица напечатала альбом портретов славенских народных деятелей или выпустила серию открытых писем. Необходимы также и виды славенских местностей (в красках).

Имеется ли солодный труд по истории славенского искусства с воспроизведением картин славенских художников и образов народного искусства (напр.вышивок)?

Какую роль играют американские Словаки в общей культурной жизни Славенского народа. Имеются ли в Америке крупные славенские издательства и что они напечатали после войны (прошу выслать каталог).

В заключение позволю обратить Ваше внимание на следующий вопрос. Идеалом всякого научного исследователя является посещение той страны, которую он изучает. Заветной мечтой моей всегда было побывать в Карпатороссии и Словакии. Мировая война помешала осуществлению этого научного плана. Быть может, теперь удастся мне побывать среди столь близкого духовна Словенского народа, собрать на месте научные данные и лично передать всем заслуженным деятелям свое глубокое почтение.

Но для того, чтобы ускорить вопрос с получением в России заграничной научной командировки, необходима инициатива той страны, в которую едет данный русский ученый. Если бы Словенская Матица написала бумагу, что она считает желательным мое пребывание в Словакии с целью изучения литературы и истории Словенского народа то весь вопрос о командировке очень бы упростился. Я бы мог с своей стороны не только заняться в словенских архивах и библиотеках, но также в течение полугодия читать лекции в Братиславском университете по русской литературе или по истории Славянства. Всю материальную сторону вопроса я беру на себя и прошу только о моральной поддержке моего научного начинания.

Поехать в Словенскую Землю я предполагал бы в конце лета настоящего года, чтобы с осени возможно было приступить к правильному чтению лекций или ведению практических занятий в Братиславском университете. Пока я ставлю вопрос только принципиально. Как его осуществить практически – выяснится из дальнейшей нашей переписки.

Пожалуйста, обсудите это мое предложение и ответьте мне подробно. При сем прилагаю 3-ий и 4-ый листы рукописи моей монографии «А.И. Добрянский», с просьбой ее вернуть с 2мя экземплярами копий, перепечатанных на пишущей машине. Эту мою работу хотят переводить на французский и немецкий языки, почему мне и нужно иметь две копии.

В ожидании Вашего ответа, остаюсь с глубоким уважением, братским приветом и неизменной преданностью

Ваш Ф.Ф. Аристов.
Москва, 19(6) марта 1929 года.

№ 6

Г. Секретарю Правления Словенской Матицы в Турчанском св. Мартине.

Глубокоуважаемый Г. Секретарь!

Прошу передать мою сердечную благодарность Высокоуважаемым членам Правления за присланные мне в дар книги, которые я получил (в 3-х посылках) 15(2) апреля с.г.

Пишу лично Вам, а не Правлению, потому что на свои четыре заказных письма а именно: от 14(1), 16(3), 19(6) и 23(10) марта я до сих пор не получил ответа. В этих письмах я послал, кроме того, 6 листов (24 стр.) своей рукописи об А.И. Добрянском. Получено ли Матицей все это? Быть может, у Вас заведен такой порядок что на каждое письмо дается ответ только после обсуждения его на заседании Правления. А так как такие заседания бывают не часто (раз в месяц?), то и ответы запаздывают. Поэтому я обращаюсь с покорнейшей просьбой лично к Вам – писать мне дважды в месяц.

Я очень ценю Ваше просвещенное внимание которое выразилось в том, что Вы взяли на себя труд собрать и послать мне прекрасные славенские издания. Примите от меня, Глубокоуважаемый Господин Секретарь, самую искреннюю благодарность.

Пожалуйста, срочно сообщите, сколько всего томов будет заключать полное собрание сочинений С.О. Гурбана-Ваянского. Я получил пока 9 томов, но в них нет ни романа «Котлин», ни публицистических работ автора. Меня очень интересует вопрос, войдут ли в это издание также русские статьи С.О. Гурбана-Ваянского. В зависимости от Вашего ответа, я буду составлять свой очерк «Произведения С.О. Гурбана-Ваянского в русской литературе». Быстрота моих работ всецело зависит от скорости Ваших ответов. Очень тронут тем, что Вы выслали мне на время Словенско-русский словарь Л.А. Мичатка, взяв его из своей собственной библиотеки. Эту книгу (тоже временно) я уже достал у своих московских друзей, и поэтому Ваш экземпляр могу в любое время вернуть Вам с благодарностью.

Вновь прошу прислать мне недостающий том сочинений Гвездослава-Орсага. Восхищен его портретом в красках, помещенном в прекрасном журнале «Slovenské pohľady». С наслаждением читаю этот превосходный журнал и за присылку его от души благодарю. При сем прилагаю 7-ой лист моей рукописи об А.И. Добрянском. Вскоре пришлю Вам мои воспоминания о славном чехе, друге словенского народа, русофиле и панслависте-славянофиле Йосифе Войцеховиче Голечке. Об его смерти я узнал из журнала «Slovenské pohľady» (№ 3 за 1929 г.) К стати, я получил только №3, а двух первых номеров за 1929 год почему-то не имею. Неужели затерялись на почте, или не были посланы?

В Вашем ответе будьте добры сообщить Ваше отчество. Каждый русский человек привык именовать своих добрых знакомых обязательно по имени и отчеству. У нас даже чужеземцев именуют полностью, как, напр. Андрей Альбинович Мазан, Свен Людвигович Гедин и т.д. Тем более необходимо величать по имени и отчеству братьев – славян. В этом заключается чисто – славянское уважение к человеческой личности. Заодно прошу сообщить отчество проф. Я.Влчека и вообще словенских писателей и ученых. В своей «Истории словенской литературы» я строго придерживаюсь такого полного наименования, т.е. не только по имени, но и по отчеству, что особенно близко русскому сердцу. К сожалению, отчество многих писателей я не знаю и прошу помочь мне в этом вопросе (напр., неизвестно мне отчество Гвездослава – Орсага).

Еще раз сердечно Вас благодарю за книги. В ожидании Вашего ответа остаюсь с глубоким уважением и неизменной преданностью

Ваш Ф.Ф. Аристов

Мой адрес: Москва, Трубниковский пер., д.26, кв. 37.

№ 7

Москва, 3 мая нов.стиля 1929 года.

Глубокоуважаемый Рудольф Карлович!

Ваше большое письмо от 29(16) апреля сего года получил, читал и перечитывал его и глазам неверил. Да, оно составлено на нашем русском языке и прислано из Турчанского Св. Мартина! Нет бóльшей радости для национально – мыслящего русского человека, как получить письмо от брата – славянина да еще написанное на прекрасном вполне правильном общерусском литературном языке! Какой дивный подарок сделали Вы мне к Светлому Празднику. Русскому человеку тепер так трудно жить, что каждое братское слово любви и сочувствия для него дороже всего на свете. Жена и дети окружили меня и я им читал Ваше задушевное письмо. И святые детские слезы показались на глазах от умиления и искренней радости, что нас русских, отрезанных тепер от всего мира какой то китайской стеной, еще продолжают любить славные деятели братского словенского народа. И вся семья встала перед образом Спасителя и горячо молилась о благе и счастии дорогих братьев – словаков!..

Взволнованный всеми этими переживаниями, я подошел к книжному шкафу, взял наугад том сочинений А.С. Пушкина и случайно раскрыв его, прочел следующие строки: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпение, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление»... Да, мы русские, храним гордое терпенье и верим в торжество наших славянских дум. Прошу передать мою благодарность и чувства глубокого уважения маститому и высоко заслуженному Йосифу Йосифовичу. Вскоре я напишу ему лично и от души поблагодарю за внимание и память, а пока, не теряя времени, прошу его прислать свой портрет, автобиографию и полный перечень трудов для моей «Словенской литературы». Та уже самая покорнейшая просьба и к Вам, глубокоуважаемый Рудольф Карлович.

Живу надеждой, что еще до конца 1929 года получу возможность посетить Вашу прекрасную страну, научно поработать и засвидетельствовать свое почтение славным деятелям словенского народа.

Спасибо за отличную перепечатку копий с моей статьи об А.И. Добрянском и возвращение рукописи; вскоре пришлю 9 и 10 листы рукописи, а также окончание моих воспоминаний об У.В. Голечке. Краткий отзыв о книге В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» уже готов; к нему приложу еще выдержку из письма автора ко мне.

Что касается моих других статей, то их, очевидно, придется составить в двух вариантах:

сперва я дам краткия заметки о С.О. Гурбане-Ваянском, Л.С. Штуре и о «Словацко-Русском Обществе памяти Штура» в Москве, а затем уже изложу эти вопросы в виде больших очерков, при составлении которых с благодарностью воспользуюсь Вашими ценными советами и указаниями, которые Вы сможете сделать на основании полученных от меня кратких (предварительных) заметок. Для составления больших работ по этим вопросам (подобно целому исследованию об А.И. Добрянском) пока в Москве не имеется еще всех материалов. В богатейшей, напр., Румянцевской библиотеке совершенно нет сочинений прежних славенских писателей; я уже упрекал правление этого книгохранилища (насчитывающего несколько миллионов книг) за такой непростительный пробел. Поэтому было бы крайне необходимо посылать все вновь выходящая словенския издания прежде всего Румянцевской библиотеке. При этом в своем письме правлению книгохранилища желательно, чтобы Вы упомянули мое имя, дабы было видно, что я не только осуждаю руководителей Румянцевской библиотеки за невнимание к отделу славяноведения, но, хотя и косвенно действую его пополнению.

Словарь Л.А. Мичатка с благодарностью верну Вам в течение мая. Сейчас получил 7-й выпуск библиографии Л. Ризнера, при чем обратил внимание на то, что на стр.325 указано лиш одно сочинение А. Добрянского, в то время как их насчитывается ровно 50. Вновь прошу прислать мне 7-ой том сочинений Гвездослава. Если на трудно, то, пожалуйста, выясните вопрос, была ли издана на словенском языке огромная статья С.О. Гурбана-Ваянского «Граф Л.Н. Толстой» или уже автор ее написал и напечатал только по-русски в «Славянском Обозрении» проф. А.С. Будиловича в 1892 году. Если она была напечатана только по-русски, то и в собрание сочинений должна выйти на русском языке, что будет весьма показательно для характеристики духовного облика Светозара Осиповича, как выдающегося славянофила и руссофила. Искренне радуюсь изучению русского языка в словенских школах. Конечно, русская литература в будущем должна проходить на русском языке. Проф. Погорелова я даже лично не знаю. Жалею, что в Братиславском университете не дали возможности занять кафедры истории русской литературы такому знатоку, как проф. Ю.А. Яворский (он был избран университетским советом, но не утвержден министерством народного просвещения, поэтому живет в Праге и голодает). С проф. Русской истории Евгением Юлиановичем Перфецким я переписываюсь. В последнее время он почему-то замолк. Быть может, прочем между строк в моих письмах намек на несочувственное отношение к его сотрудничеству в хохломанских изданиях в Киеве (где сразу все „забыли“ русский язык) и в журнале «Průdy», на который русские славянофилы смотрят, как на чехизаторский орган среди словаков. «Пруды» мне не приходится читать, и поэтому я не берусь судить, насколько правильно такое мнение.

Мое личное убеждение сводится к тому, что среди славян особенно должны быть ценны и изучаемы три языка:

Древне-славянский, как литургический язык кирилло-мефодиевской церкви,

Словенский (словацкий), как занимающий срединное положение в славянском мире и поэтому с полным правом могущий именоваться центрально-славянским и Русский, как имеющий общеславянское значение при взаимных сношениях славянских народов.

Кстати сказать, проф. Любор Генрихович Нидерле желал бы, чтобы я перевел все одиннадцать томов «Славянских древностей» с чешского на русский язык. Да, только в русском издании его замечательный труд получит общеславянское (и мировое) распространение. Я вполне сочувствую такому предприятию, но никак немогу получить эти книги из Праги. Дело в том, что русским ученым разрешается переводить за границу на покупку книг только три доллара ежемесячно. Даже если издательство предоставит мне рассрочку, то и в таком случае я весь труд получу через год. Прошу помочь мне в этом вопросе. Я готов уплатить Вам по частям денгами или литературной работой (как Вы пожелаете), но просил бы выписать для меня весь труд сразу в одиннадцати томах в полужокожных переплетках (цена 753 кчс.). Остались только два полных комплекта и я боюсь опоздать. Адрес издательства: Bursík a Kohout, Praha II, Václavské nám. 24. Если Вам это почему-то не подходит, то напишите прямо и я тогда сообщу проф.Нидерле.

Примите мой братский привет,

Проф. Ф.Ф. Аристов.

М.Ю. Досталь
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русинское национальное возрождение в противоборстве течений современной украинской историографии

Abstract:

Dostal M.Yu. *Rusyn national renaissance in the confrontation of different tendencies in modern Ukrainian historiography*

The article shows two directions in modern Ukrainian historiography (pro-Ukrainian and pro-Rusyn). They have developed after 1991 in a complicated situation of Rusyn people's struggle for the gain of national identity in the interpretation of various problems of Rusyn's history in trans-Carpathian lands, including the first Rusyn national renaissance that took place in the middle of XIX century.

Ключевые слова: русинское национальное возрождение, А. Духнович, историография, национальная идентичность русинов.

Русинское национальное возрождение середины XIX в. представляет собой один из самых ярких периодов прошлого Закарпатья. «Будители» (униатские священники А. Духнович, А. Павлович, И. Раковский, а также общественные деятели и публицисты А. Добрянский, Ю. Ставровский-Попрадов и др.) в тогдашней Угорской Руси по примеру своих австрийских соплеменников – чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, позднее турецких болгар, встали на защиту национальных прав своего народа, много содействовали развитию просвещения, литературы и культуры, освещению национального прошлого, изучению языка, фольклора, этнографии сограждан. При этом они на первых порах выступали сторонниками всеславянского и общерусского единства и к формирующемуся украинофильству относились отрицательно. Тяготение к России и стремление развивать с ней культурные и духовные связи выразились в эмиграции многих русинских интеллектуалов в империю. При этом И.А. Зейкан, И.С. Орлай, М.А. Балудянский, П.Д. Лодий, Н.В. Кукольник, Ю.И. Гуца-Венелин и др. органично влились в русскую культуру и образование и внесли в эту сферу значительный вклад.

К истории первого русинского возрождения всегда обращались в непростые периоды истории Закарпатья. Об этом феномене много писалось в до-революционной историографии¹, историографии межвоенного периода (когда существовали прорусская, проукраинская, провенгерская, прорусинская и пр. его интерпретации)². В советский период, в условиях повальной украинизации, когда было запрещено даже само употребление термина «русин», закарпатское возрождение представлялось проходным эпизодом национального движения народов Габсбургской монархии, причем именно украинского народа в Галиции³.

После обретения Украиной независимости в 1991 г. в трактовке русинского национального возрождения произошли существенные перемены. В его освещении четко выделились два основных направления – проукраинское

и прорусинское. Дело в том, что после тяжелых лет всеобщей украинизации в 1990–1991 гг. носители русинского самосознания вышли из подполья, проголосовав за суверенитет Украины и в то же время высказавшись за автономный статус Закарпатья в составе независимой Украины, и вторая тенденция в развитии историографии этого региона вновь стала зримой⁴.

Сторонники проукраинской тенденции, в противовес усиливающемуся движению за русинскую самоидентификацию, взяли на вооружение теорию «украинской политической нации», которая должна была стать, по мысли ее идеолога, киевского историка А.М. Майбороды (Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины), «плавильным котлом» для всех других «не государствообразующих» этносов Украины. Отчасти считаясь с правами отдельных национальных меньшинств (крымских татар и румын), автор теории совершенно отказывает в праве на культурную автономию русинскому народу: «Делаются попытки противопоставить русинскую идентичность украинской. Тем самым преуменьшается приоритет общенациональной идентичности над групповой, что является обязательным для политической нации»⁵.

Такая линия была неслучайной. Как теперь выяснилось, в 1996 г. Кабинет министров Украины принял пресловутый тайный «План мероприятий по решению проблемы украинцев-русинов», согласно которому следовало «четко засвидетельствовать и продекларировать позицию украинского государства о бесперспективности выделения Закарпатья на какой-либо основе – культурной, этнической, тем более административно-территориальной». Планировалось разработать систему мероприятий по украинизации Закарпатья в сфере языка, культуры, кадровой политики и создать учебники и произведения, «интерпретирующие историю украинцев-русинов Закарпатья как неотъемлемой части украинского этноса»⁶.

Так или иначе, но проукраинское направление является официальным и господствующим в исторической науке в Закарпатье. Оно обеспечено профессиональными кадрами (Ужгородский университет) и солидной издательской базой. В недавнее время (1991) в Ужгороде возобновило свою деятельность культурно-просветительское общество «Просвита» – яркий представитель «украинофильского» течения в межвоенной историографии. Оно активно переиздает брошюры указанного времени об истории и деятелях своего направления, а также книги и календари соответствующей ориентации.

Проукраинская ориентация четко прослеживается и в большинстве докладов на происходивших в последнее время в Ужгороде конференциях, посвященных проблемам закарпатского возрождения, например: 200-летию со дня рождения Ю.И. Венелина (май 2002 г.) и 200-летию со дня рождения А.В. Духновича (апрель 2003 г.) и др. (Альтернативные конференции проводили и представители русинского направления, например, 23 мая 2002 г. в Сваляве прошла конференция, посвященная юбилею Ю.И. Венелина)⁷. Докладчики на официальных конференциях стремились рассматривать указанных деятелей в контексте Центральной Европы, Украины и Закарпатья,

почти совсем игнорируя их контакты и ориентацию на Россию. «Будитель» широкого профиля: поэт, писатель, драматург, философ, этнограф, публицист, издатель, педагог А. Духнович представлялся радетелем воплощения украинской идеи в тогдашней Угорской Руси. Это нашло отражение в сборнике «Олександр Духнович – визначний педагог, мислитель и громадсько-політичний діяч Закарпаття» (Ужгород, 2003). В частности, в статье В. Задорожного «Александр Духнович и Галичина» подчеркивалось, что русинский «будитель» выступал горячим сторонником единения с галицкими русинами, а значит, украинцами: «Бо свої то за горами...»⁸. Однако автор как бы забывает, что дружеские отношения он поддерживал исключительно с «москвофилами» Я. Головацким, Б. Дидыцьким и др., ярыми противниками украинской идеи.

К чести организаторов форума, надо признать, что на конференции приглашались и российские ученые, а в «Научном вестнике Ужгородского университета» 2002 и 2003 гг. по результатам конференций были напечатаны доклады представителей не только проукраинской ориентации.

Необходимо добавить, что такая же проукраинская позиция в освещении деятельности А. Духновича была выражена в большинстве докладов на Прешовской конференции 2003 г. и опубликованном сборнике⁹. С этих же позиций издано там 4 томное, наиболее полное собрание сочинений А. Духновича.

Но были и некоторые исключения. Существенным вкладом в развитие историографии региона стала фундаментальная монография профессора Ужгородского университета Дмитрия Данилюка «Историческая наука в Закарпатье» (Ужгород, 1999)¹⁰, в которой впервые в обобщенном виде были представлены процесс зарождения и основные этапы развития исторической науки в регионе с конца XVIII до середины XIX вв. Автор, разделяя в целом представления украинской историографии, все же достаточно объективно проанализировал наследие практически всех закарпатских ученых, сыгравших заметную роль в изучении прошлого не только своего края, попытавшись рассмотреть их творчество в контексте центральноевропейского региона, в тесной связи с культурными процессами на Украине. Стремясь к объективному анализу историографии региона, автор не обошел вопроса о связях закарпатских будителей с Россией и их положительном значении, хотя и не акцентировал их. Только в изложении конкретных судеб будителей связи с Россией представлены наиболее рельефно. Что же касается освещения вклада русских эмигрантов в изучение края, то автор крайне негативно оценивал их стремление представить Закарпатье одной из частей Руси. Перу Д. Данилюка принадлежит ряд небольших монографий о Ю.И. Венелине (1995), М. Лучкае и др.¹¹, написанных с тех же позиций.

Русинское направление в историографии Закарпаття не может похвастаться многочисленными профессиональными кадрами историков и солидной образовательной и издательской базой. Его поддерживают Союз русинских писателей, Общество Кирилла и Мефодия, Общество карпатских русинов, Союз подкарпатских русинов и пр. и издательства: «Издательство

В. Падяка», «ПолиПринт», «Сольво», «Карпатская вежа» (башня) и др. В газетах «Подкарпатская Русь», «Христианская семья», «Карпатский евро-мост», в альманахе «Руснацкий мир», в литературно-исторических календарях печатаются статьи местной интеллигенции с русинских позиций освещающих историю края. А кредо нынешнего русинского движения выразил его лидер – кандидат богословия, протоиерей, настоятель Храма Христа Спасителя в Ужгороде о. Димитрий Сидор. Выступая на шестом Всемирном Русском Народном Соборе в Москве в 2001 г. он сказал: «Мы, русины, чувствуем себя частью русского народа, но мы не великороссы, не украинцы, мы не белорусы. Мы чувствуем в себе древнюю неразделенную русскость»¹². На восьмом Всемирном Русском Народном Соборе «Россия и православный мир» (4 февраля 2004 г.) о. Д. Сидор подчеркнул еще и православную составляющую общерусского единства: «русины в этническом плане – отдельный народ, а в плане духовном – часть русского православного народа, сохранившего дух неразделенной русскости»¹³. Для обеспечения культурного общения и просвещения русинского народа в декабре 2002 г. на международной научной конференции в Ужгороде была одобрена и признана кодификация русинского языка, представленная в «Грамматике русинского языка для подкарпатских русинов» (Ужгород, 1996–2005), разработанной Д. Сидором (однако, процесс уточнений этой кодификации еще продолжается). Этой же цели служат несколько выпущенных в последние годы словарей русинского языка, календарей и книг «для народа».

Международный вес русинскому направлению придала книга канадского историка, авторитетного деятеля современного русинского движения Павла Роберта Магочи «Формирование национального самосознания. Подкарпатская Русь (1848–1948)» (Ужгород, 1994), опубликованная на английском и украинском языках. Даже противник русинской идентичности, киевский профессор, зам. директора Института национальных отношений и политологии НАН Украины Май Панчук признает, что события и процессы русинского движения «рассматриваются в ней на широком историческом и этнологическом фоне», но, естественно, обвиняет автора в «предвзятости» и «смещении акцентов»¹⁴. Следует отметить, что Магочи в числе первых начал отстаивать концепцию изначальной самобытности русинов и невхождения территорий их проживания в состав Киевской Руси. Надо признать, что история русинского возрождения представлена автором довольно схематично, ограничиваясь культурными начинаниями будителей, без углубления в политические аспекты, но это была история именно русинского, а не украинского национального движения.

Наиболее значительным трудом русинского направления является «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (Ужгород, 2001, 2-е изд. 2006) известного историка, бывшего сотрудника Института славяноведения РАН И.И. Попа. В этой уникальной книге представлены статьи по истории, географии, экономике края, о значимых событиях и всех сколько-нибудь известных деятелях Карпатского региона от древности до современности. Автор поставил своей благородной задачей «восстановление исторической памяти подкарпатских

русинов». Он выступает ревностным сторонником самобытности русинского народа, прослеживая ее со времен раннего средневековья от племен Белых Хорватов (поддержав положение П.Р. Магочи, что этот регион никогда не входил в сферу влияния Киевской Руси), через период национального возрождения и вхождения в межвоенную Чехословакию к современным реалиям. И.И. Поп решительно отрицает мнение об изначальной «украинскости» данной территории, в то же время подвергает уничтожающей критике политику Коминтерна и Сталина в отношении региона, последующую украинизацию края и «этноцид» современных властей Украины. Национальное возрождение русинов нашло в этом издании довольно полное и достаточно объективное освещение. Автор раскрывает причины консервативной проавстрийской позиции русинов в революции 1848–1849 гг., которые заключались в неприятии концепции «единой мадьярской политической нации», выдвинутой «революционными» венграми, игнорировавшими выступления хорватов, словаков и русинов «венгерского королевства» за свои национальные права. Он приводит факты борьбы А. Добрянского за реализацию русинской политической программы: объединение русин Угорской Руси, Восточной Галиции и Буковины в одну «Руськую провинцию» в составе Австрийской империи, кратковременную организацию «Ужгородского округа» в 1849 г. – и анализирует причины неудачи этих попыток. И.И. Поп освещает «будительскую программу» А. Духновича по просвещению своего народа (издание грамматик, календарей, учебников, драматургических произведений, гимна, написание исторических сочинений), организацию им «Общества св. Иоанна Крестителя», подобного славянским Матицам, в Прешове (1862–1876), а затем его последователями – «Обществ им. св. Василия Великого» в Ужгороде (1866–1877/1902) и постепенное удушение русинского возрождения венгерскими властями после австро-венгерского дуализма 1867 г и начавшейся мадьяризации¹⁵.

Выход в свет «Энциклопедии» И.И. Попа вызвал неоднозначную и критическую реакцию, как в России, так и на Украине. В России некоторые специалисты упрекали автора за резкий «антисоветский» и антикоммунистический дух, отрицание чего-либо положительного в развитии края в период его вхождения в состав СССР. Однако в рецензии на книгу, помещенной в журнале «Славяноведение»¹⁶, позиция автора «Энциклопедии» нашла полную поддержку и понимание. Отмечалось, что заинтересованный читатель «получил прекрасную настольную книгу, которая поможет ориентироваться в самых сложных аспектах проблематики. В ней представлен цельный, а главное – *объективный* материал справочного и аналитического характера по всем проблемам, касающимся подкарпатских русин»¹⁷.

«Энциклопедия» И. Попа произвела на Украине эффект взорвавшейся бомбы. Интеллектуальный еженедельник Украины «Дзеркало тижня» (Киев, 6 апреля 2002 г.) прямо назвал это издание «исторической бомбой, которая взорвалась в Ужгороде». Разгромную рецензию на эту книгу от имени официальной украинской науки написал ныне покойный литературовед,

член-корреспондент НАН Алексей Мишанич. Она была прочитана в виде доклада на V Международном конгрессе украинистов в Черновцах (26–29 августа 2002 г.)¹⁸ и впервые опубликована в материалах съезда, потом отдельной брошюрой и пр. Еще ранее автор выступил против «закарпатского политического сепаратизма»¹⁹. По его необоснованному утверждению, «имперские силы, которые усиленно “интернационализировали”, а фактически русифицировали Закарпатье, стремясь и здесь создать “единый советский народ”, решили использовать этот край в своих имперских интересах. Когда стало очевидно, что СССР распадется и возникнет независимая Украина, они спровоцировали здесь так называемое “русинское движение”, целью которого является отделение Закарпатья от Украины, “возрождение” или создание здесь нового “русинского народа”, который бы тяготел к Венгрии, Чехии и даже России»²⁰. Рецензия «Энциклопедия подкарпатской Руси», что за нею?» – во многом повторяет положения вышеназванной статьи, крайне политически ангажированна, содержит массу претензий к автору, касающихся происхождения русинов, их самоидентификации, языка, ключевых моментов истории и культуры. По утверждению А. Мишанича, в «Энциклопедии» «аккумулирована мифология закарпатского политического сепаратизма, который открыто не признает независимой Украины»²¹. Таким образом, в рецензии ясно выражены опасения академической элиты за целостность унитарного устройства современной Украины. Поэтому суть всех обвинений в фальсификации истории Закарпатья сводится к линии на разоблачение «закарпатских политических сепаратистов», которые «вынашивают идею отрыва Закарпатья от Украины и введение ее в состав соседних держав на уровне первой половины XX ст.»²².

На обвинения А. Мишанича последовал основательный ответ русинской стороны в лице И. Попа, М. Шарги и В. Кушнира в брошюре «И мы в Европе! Ответ оппонентам» (Ужгород, 2002). Авторы, в особенности И.И. Поп, аргументированно, на основе малоизвестных и архивных документов, резко полемически, порой не стесняясь в выражениях, защищают свою позицию в интерпретации судьбоносных моментов истории закарпатских русинов, категорически отвергая всякие обвинения в «политическом сепаратизме», но твердо выступая за национально-культурную автономию. (Следует отметить, однако, что в ответе и материалах «Энциклопедии» И.И. Попа чувствуется ностальгическая нотка по реалиям Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии, признанной «вершиной», самым благоприятным периодом в истории многострадального русинского народа. Не выдерживает критики также утверждение историка об «аннексии» Красной Армией Закарпатья у Чехословакии в 1944 г., ибо эта территория была включена в состав СССР (УССР) в результате сложных дипломатических переговоров и официальных двусторонних договоров, что документально обосновано в монографии В.В. Марьиной)²³. Заканчивалась отповедь И.И. Попа примечательными словами: «Беда, когда представители интеллектуальной элиты страны, еще переживающей великие неурядицы, и в те же 10 лет, золотых, мирных

лет, ищут их причины в какой-то мифической злой воле Москвы, Праги, Будапешта или подкидывают своим покровителям надуманное “политическое русинство”. Посмотрите лучше критически на самих себя и своих домашних “героев” дня. Истерика еще никому не помогала, как и поиски “внешних врагов”²⁴.

В последнее время вышли на русинском языке две особо значимые для культуры края книги: «История подкарпатских русинов» И.И. Попа (2005) и «Народ ниоткуда. Иллюстрированная история карпаторусинов» П.Р. Магочи (2007), которые имели широкий общественный резонанс. В них корректно аккумулирована русинская интерпретация истории Закарпатья и других мест проживания русинов, деятельность лидеров русинского национального возрождения XIX в. и пр.

Следует отметить, что в последнее время, в канун падения «оранжевого режима» на Украине в проукраинском направлении национальной историографии наметилась, на наш взгляд, положительная тенденция. Речь идет о публикации «Учені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини». (Ужгород, 2009), подготовленной профессорами Ужгородского национального университета О.С. Мазурком и И.О. Мандриком. В ней представлены статьи российских ученых XIX–XX вв., включая эмигрантов (среди них – И.И. Срезневский, В.А. Францев, А.Л. Петров, Г.А. Де Волан, Е.Ю. Перфецкий, В.И. Вернадский, В.В. Саханев, С.К. Маковский, П.Г. Богатырев), посвященные истории, статистике, историографии, этнографии, фольклору, диалектологии, магическим обрядам, изобразительному народному творчеству русинов Закарпатья. Несмотря на некоторую предвзятость в отборе статей, публикация, несомненно, представляет большой научный (а не только историографический) интерес.

Нельзя не отметить, что авторы разделяют официальную точку зрения украинской историографии, согласно которой русины являются неотъемлемой частью украинской нации с некоторыми языковыми и этнографическими особенностями, игнорируя их борьбу за самоидентификацию. Не разделяя подобной позиции, мы отдаем должное авторам в том, что они мужественно выступили противниками русофобских настроений на Украине эпохи «оранжевого правления» и признали позитивную сторону развития культурных связей Закарпатья с Россией²⁵. Результатом такого подхода и явилась данная публикация. Они откровенно писали: «Публикуя тексты ученых России о Закарпатье, мы не исключаем того, что кто-то из читателей, особенно из новоиспеченных “украинофилов”, заявит, а зачем это надо было делать? В связи с этим возникает и другая проблема: исследования про “русофильство”, москвофильство, которые были распространены в Закарпатье. К сожалению, в последнее время подобные “исследователи” в угоду конъюнктуре вообще отрицают позитивную роль культурных и научных связей Закарпатья с Россией, видя в этих контактах один лишь негатив»²⁶. «Наши многолетние исследования в архивах и библиотеках Киева, Львова, Черновцов, Берегова, Москвы, С.-Петербурга, Кракова и др. городов, – указывают авторы предисловия, –

однозначно подтверждают: такие связи в целом имели позитивное значение для культурного и национального пробуждения коренного населения указанных земель. Но эта интересная и, как ни удивительно, малоисследованная проблема должна стать предметом специального и детального изучения»²⁷.

Своеобразное, несколько отрывочное и эпизодическое освещение нашли проблемы закарпатского возрождения в популярной книге выходца из Закарпатья Андрея Фатулы «Подкарпатская Русь. Краткий исторический очерк» (М., 2009). Но в ней автор выразил современные чаяния русинов: «Сегодня все свои думы, помыслы надо направлять к Богу, молиться и верить, что милая каждому жителю, независимо от национальности, Закарпатская область, станет в ближайшем будущем автономной самоуправляемой территорией, с названием кратким “Русь”. Пусть с названием “Украинская”, “Подкарпатская” или “Закарпатская”, но со словом “Русь”, и пусть начнется ренессанс, возрождение молодого поколения людей, относящих себя к этносу “русин”. И еще, пусть каждый русин в третьем, четвертом и последующих поколениях всегда помнит слова А.В. Духновича, ставшие гимном русинского народа: “Я русин был, есмь и буду”. Не забывайте свой род, русины. Оставайтесь навеки сыновьями русинского края!»²⁸.

Таким образом, современное состояние украинской историографии по проблемам национального возрождения русинов Закарпатья сложно и противоречиво. При существующем противостоянии и противоборстве общеукраинского и русинского направлений, несмотря на достигнутые положительные результаты, трудно рассчитывать на создание объективной картины исторического развития края. При всем этом вызывает сочувствие постепенное формирование русинской интерпретации ключевых моментов отечественной истории, чрезвычайно важное для становления национального самосознания русинов Закарпатья. Будем надеяться, что при нынешней смене политического режима точки зрения закарпатских ученых будут сближаться и возобладает непредвзятая трактовка истории первого русинского национального возрождения в контексте связей не только с Центральной Европой, но и Россией.

Примечания

¹ См., например: Францев В.А. Обзор важнейших изучений Угорской Руси. (Из отчета о заграничной командировке) // Учені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009. С. 28–68; Перфецкий Е.Ю. . Обзор угрорусской историографии // Там же. С. 69–114 и др.

² Досталь М.Ю. . Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67–72.

³ Данилюк Д.Д. Історіографія Закарпаття в новітній час (1917–1985). Львів, 1987. См. также: Освободительное движение народов Австрийской монархии. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980. Т. 1 и др.

⁴ См.: Дуличенко А.Д. Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. С. 20–22 и др.

- ⁵ *Майборода О.М.* Проблема формування нової ідентичності української нації // Стратегія національної консолідації в Україні: пошук моделей міжнаціональної інтеграції. Ужгород, 2000. С. 19.
- ⁶ *Амелина Я.* Русский остров в центре Европы // *Континент*. М., 2003. № 37 (661). Сентябрь.
- ⁷ Програма наукової конференції, присвячено 200-річчю з дня народження Ю.І. Венелна-Гуци (Свалява, 23 квітня 2002 року) // *Руснацкий світ*. Науково-популярний збірник. Ужгород, 2003. Т. 3. С. 88.
- ⁸ *Задорожний В.* Олександр Духнович і Галичина // Олександр Духнович – визначний педагог, мислитель и громадсько-політичний діяч Закарпаття. Ужгород, 2003. С. 150.
- ⁹ Олександр Духнович і наша сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції. Пряшів, 20–21 червня 2003 р. Братислава: Veda, 2005.
- ¹⁰ *Данилюк Д.* Історична наука на Закарпатті. Ужгород, 1999.
- ¹¹ *Данилюк Д.* Ю. Венелин. Ужгород, 1995; он же Михайло Лучкай – патріарх закарпатської історіографії. Ужгород, 1995 і др.
- ¹² *Славяно-русский календарь на 2004 год*. М., 2004. С. 80.
- ¹³ *Сидор Д.* Духовно-историческая миссия карпаторусинов. Доклад на VIII Русском Народном Соборе в Москве 4 февраля 2004 г.
- ¹⁴ *Панчук М.* Политическое русинство в Украине // <http://litorys.org.ua/rizne/panchukm.htm> См. также: Политическая мысль. 1995. № 2–3 (6). С. 117–124.
- ¹⁵ *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 44–47.
- ¹⁶ *Желіцки Б.И.* Рец. на кн.: И. Поп. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2002. 431 с. // *Славяноведение*. 2003. № 1. С. 107–109.
- ¹⁷ Там же. С. 109.
- ¹⁸ *Мишанич О.* «Энциклопедия Подкарпатской Руси» і що за нею?: Доповідь на V міжнародному конгресі українців (м. Чернівці, 26–29 серпня 2002 р.). Київ, 2002.
- ¹⁹ *Мишанич О.* Закарпатський політичний сепаратизм: міфи і дійсність // *На переломі*. Літературознавчі статті й дослідження. Київ, 2002. С. 302–325.
- ²⁰ Там же. С. 304.
- ²¹ *Мишанич О.* «Энциклопедия Подкарпатской Руси» і що за нею?... С. 357.
- ²² Цит. по: *Передне слово // І ми в Європі! Книга перша. Відповідь опонентам*. Ужгород, 2002. С. 4.
- ²³ Подробнее см.: *Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945. М., 2003.
- ²⁴ *Поп И.* Відповідь засліпленому ненавистю до русинів // *І ми в Європі! Книга перша. Відповідь опонентам*. Ужгород, 2002. С. 30.
- ²⁵ *Учені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини*. Ужгород, 2009. С. 20.
- ²⁶ Там же. С. 16.
- ²⁷ Там же. С. 20.
- ²⁸ *Фатула А.* Подкарпатская Русь. Краткий исторический очерк. М., 2009. С. 129–130.

IV. Проблемы славянской идентичности в исследованиях современных ученых

М.Н. Громов
(ГАСК, Москва)

Глобальный кризис и национальная самоидентификация

Abstract:

Gromov M.N. *Global crisis and national self-identification*

The article is devoted to the dynamics analysis of national cultures in the age of globalization. Not only the contradictions developed during the interaction between national cultures and the tendencies to world culture's globalization are shown, but also the necessity of the search for the optimal combination of national originality and universal values is highlighted. The historical and cultural analysis of the identical crisis developments in the history of Slavic and European countries is also shown in the article. The term «triplicity of religion» is proposed for the description of present social consciousness of Russia and the whole post-Soviet space. It implies the co-existence of Christian and Pagan outlooks and socialistic ideology.

Ключевые слова: глобализация, национальная культура, национальная самоидентификация, толерантность, экономический кризис, язычество, христианское мировоззрение, социалистическая идеология.

Наступившее столетие принесло не только новые надежды, но и новые испытания. Глобальный экономический кризис, обострение соперничества за природные ресурсы, угроза террористических акций и многое другое порождают, и вполне обоснованно, сомнения в стабильности нынешней ситуации и опасения за будущее. Однако легких времен у славян и России не было и никогда не будет, а трудный исторический путь как ранее, так и теперь способствует выработке стойкости, мужества, воли к непрестанной борьбе за свое и совместное существование.

Мобилизуя силы в создании передовой экономики и стремясь к тому, что сейчас называется тотальной модернизацией, без которой можно остаться на обочине технологического прогресса со всеми вытекающими последствиями, мы рискуем своим независимым существованием, однако этот процесс, проходящий в условиях усиливающейся глобализации, неизбежно тяготеющей к нивелированию культур и традиций, должен компенсироваться стремлением к осознанной самоидентификации, к сохранению этнокультурных основ бытия каждого народа, разнообразие которых представляет общечеловеческое достояние.

Нечто похожее было в Европе полтора-два века назад, когда в результате промышленной революции, интенсивного развития фабричного производства, создания единой транспортной сети и транснациональных корпораций стали

размываться этнические и конфессиональные границы, устанавливаться общие стандарты жизни и обезличенные формы культуры. Тогда, в противовес указанным тенденциям всеобщей стандартизации, возникают течения мысли и общественные движения, направленные на сохранение традиций и сбережение исторической памяти. В Европе, особенно у угнетенных и дискриминированных ранее славянских народов, происходит то, что получило наименование национального возрождения, национального освобождения и национальной революции.

Чтобы устойчивее себя чувствовать в зыбкой неопределенности сегодняшнего дня, важно не только соответствовать требованиям нынешней ситуации и стремиться убедительно прогнозировать будущее развитие. Не менее важно для придания устойчивости обретение некоего исторического фундамента, негниблемого стержня, выковывавшегося многовековым трудом десятков поколений наших предков и отразившегося в культурно-исторических традициях.

Попробуем рассмотреть некоторые методологические проблемы и концептуальные основания, необходимые для объективной оценки состояния социума в славянском и общеевропейском пространстве.

В современном обществе, не только российском или украинском, но и в европейском, американском, африканском, азиатском, даже в странах с одиозными фундаменталистскими режимами, существует проблема взаимодействия вер, идеологий, традиций, которая принимает характер межцивилизационного противостояния. И от нас, реальных участников происходящих процессов, в немалой степени зависит, примет ли данное противостояние конфликтный, разрушительный характер реализации или нам удастся превратить его в созидательное, взаимообогащающее, сознательное развитие.

В XXI веке, равно как в любые прошлые периоды человеческой истории, мы видим массу социальных, политических, экономических конфликтов, но конфликты межрелигиозные, межконфессиональные, межцивилизационные являются самыми сложными и трудно разрешимыми. И нам необходимо научиться их разрешать, иначе человечество впадет в пучину ужасающих по своим последствиям потрясений.

В свое время русский философ Николай Бердяев выдвинул тезис о наступлении эпохи «нового средневековья». Минувший XX век подтвердил его пророчество. Самые жестокие, бесчеловечные войны, революции, катаклизмы принимали характер идеологического противостояния, истребления людей во имя идей, людей живых и реальных во имя идей призрачных и иллюзорных. Фанатизм нашего времени едва ли не превзошел фанатизм прошлых эпох. Памятуя эти печальные уроки, мы должны сделать все возможное для ослабления межцивилизационных напряжений, их перехода от деструктивной конфронтации к конструктивному взаимодействию.

Позицию толерантного отношения и уважительного диалога с иными культурами не следует отождествлять с изменой своей собственной сущности,

с отказом от национальной самобытности, с пренебрежением к родной вере и укоренившимся традициям. Необходимо находить ту позицию, при которой мудро сочетаются национальные и общечеловеческие ценности. Крайние подходы в данном случае неизбежно ведут к обострению, а не разрешению ситуации.

В связи с этим хотелось бы напомнить еще об одной проблеме, широко обсуждаемой ныне во всем мире. Это проблема всеобщей глобализации со всеми вытекающими из нее последствиями. Сам процесс глобализации, как бы мы к нему ни относились, объективен, неизбежен и закономерен, подобно промышленной революции прошлых веков. Было бы ошибкой считать его фатально негативным, равно как и лучезарно позитивным. Как раньше сеть железных дорог стала покрывать все континенты, так сегодня сеть Интернета опутывает все страны, проникая не только в офисы и учреждения, но и в жилище отдельного человека. Можно выделять в этом процессе разные аспекты, но в целом нельзя не признать его необходимости и все возрастающего универсального воздействия.

Полезно, впрочем, вспомнить, как развитие индустриального общества в Европе XIX веке породило в качестве естественного противовеса бурный рост национальных культур, возрождение полузабытых традиций, углубление интереса к давно прошедшим эпохам, обращение к первоисточкам. Тогда в разных местах Европы, в рамках национального возрождения, стали возникать неоготический, неороманский, необалканский, неовизантийский, неорусский стили. В Кельне достраивался крупнейший в Германии готический собор, а в России, в Москве, возводился белокаменный храм Христа Спасителя. И тот, и другой – на фоне фабричных труб, при шуме трамвайного и железнодорожного транспорта. Рискну предположить, что нечто подобное нас ожидает в ближайшие десятилетия – активное возрождение национальных культур при нарастающем нивелирующем внешнем воздействии процесса глобализации.

Собственно говоря, данный процесс уже идет полным ходом, в том числе в России. Это особенно видно на примере Москвы, которая, с одной стороны, все более превращается в космополитический мегаполис, а с другой – в ней восстанавливаются утраченные памятники национальной культуры и создаются новые в подражание им. Сейчас можно говорить даже о возникновении неонеорусского стиля. Его примерами могут служить недавно возведенный Инженерный корпус Третьяковской галереи, сочетающий элементы современной архитектуры и тактично вписывающийся в общий ансамбль, где доминирует главное здание с фасадом неорусского стиля, созданным по проекту художника Виктора Васнецова, и храм во имя святого Георгия Победоносца на Поклонной горе, аналогов которому еще не было в нашей архитектуре.

Вместе с тем в Москве, где издавна жили представители разных народов, формируются культурные центры различных вер и наций. Нечто подобное было в Северной Америке и сейчас происходит в Европе. Российская

столица в своем динамичном развитии отражает как местные, так и мировые тенденции общего эволюционного процесса. Ей уготована роль быть одним из центров современного глобализирующегося мира, подобно Лондону, Токио, Берлину. И этого не надо бояться, но следует использовать в интересах страны, как это делают англичане, японцы и немцы.

Наступивший XXI век предстает веком информационным, когда не одни лишь машинные ресурсы, а прежде всего интеллектуальная мощь, управляющая любыми системами, станет вытеснять грубые политические, военные, насильственные методы воздействия. И здесь, при всей нашей отечественной технологической отсталости, у нас есть ресурс куда более важный, чем тающие запасы углеводородов и ветшающее ядерное оружие, а именно – совокупный российский интеллектуальный потенциал населяющих страну народов.

Человеческий интеллект является тончайшим продуктом всего длительного предшествующего пути развития. Чем древней народ и более развита цивилизация, тем более высоким интеллектуальным потенциалом обладают его и ее представители, тем большим богатством генетической памяти они располагают, тем значительнее возможности творческого комбинаторного мышления, которые имеются в их распоряжении. Поэтому так важно знать генезис, историю, достижения каждой отдельной культуры и каждого отдельного народа в общей симфонии человечества.

Древняя Русь, ставшая колыбелью русского, украинского, белорусского народов, приняла после крещения основные ценности православной культуры, через ее посредство вошла в семью народов христианской Европы, с их помощью создала основы своей собственной неповторимой культуры. Однако в фундаменте этой культуры были заложены ранее краеугольные камни местных, автохтонных, дохристианских традиций, без учета которых нельзя понять, объяснить, адекватно интерпретировать отечественную историю и культуру.

В XIX веке довольно широкое распространение получил термин «двоеверие». При всей его условности и уязвимости со стороны принципиальных критиков (полагавших, что можно говорить лишь об элементах деградировавшей прошлой веры на уровне бытовых традиций), он отражал реальный факт: наличие в недрах господствовавшего много веков и казавшегося незбылемым православного общества дохристианских, внеправославных, удивительно живучих, при несомненной их архаичности, явлений.

Язычество, казалось бы, давно сошедшее с исторической арены, похороненное после крещения Руси, продолжало жить своей потаенной жизнью в народных традициях, в глубинах сознания (или подсознания), в социальной практике. Это был не жалкий рудимент, а мощная, скрывавшаяся во времени, сила, которая проявит себя позднее. Ее демоны будут вызваны ненавистниками старой России, они будут разрушать храмы, глумиться над святынями, опрокидывать кресты и торжествовать победу после свершившегося много веков назад поражения, когда христианские неофиты разорвали языческие святилища и валили наземь еще вчера почитаемых идолов.

Революция в России, помимо всех иных значений и смыслов, явилась своего рода историческим реваншем язычества над православием (равно как над другими религиями). Эту коллизию и исход не смогли предвидеть ученые скептики, считавшие язычество сказкой былых времен, предчувствовали некоторые деятели эпохи «Серебряного века». Религиозный мыслитель и писатель Д.С. Мережковский отобразил противостояние и сложную суть взаимоотношения язычества и христианства в своей трилогии «Христос и Антихрист».

Обратившись к реальным человеческим эпохам и персонажам, он в образной и символической форме показал языческий переворот при римском императоре Юлиане Отступнике, правившем после утвердившего христианство Константина Великого; вскрыл неоязыческий характер эпохи Возрождения на примере мировоззрения того времени и творчества крупнейших деятелей культуры, в том числе великого Леонардо да Винчи; описал неопанизм созданной Петром Великим государственной машины с имперской идеологией, где Церковь низводилась до роли послушного механизма молота государства, которое стало объектом всеобщего поклонения и в жертву которому он принес своего единственного сына царевича Алексея. Петр Первый, упразднив патриаршество, стал не только верховным политиком, но и верховным понтификом, восстановив тот механизм языческой империи, который был создан в Древнем Риме. Разумеется, император всероссийский не смог восприниматься обществом как первосвященник, но тенденции его мифологизации и сакрализации, особенно средствами официальной пропаганды, явственно проступают в XVIII – XIX вв.

Мережковский мечтал о гармоническом соединении язычества и христианства, но в реальности это был симбиоз глубоко различных по сути и вместе с тем тесно связанных исторически и генетически духовных систем. Возникшее в лоне язычества историческое, реальное, земное христианство использовало его как свой противовес, опору для отталкивания, постоянного оппонента и олицетворение того тварного мира, стихиям и кумирам которого не пристало поклоняться христианину. Как нет света без тьмы, дня без ночи, так нет христианства без язычества. Потому их противостояние и взаимодополнение носят непреходящий, вечный, сущностный характер и отнюдь не сводятся к обрядно-бытовой, рудиментарно-архаической, семантико-лингвистической или к иным частным формам оппозиции.

Само язычество, понимаемое как традиционная, естественная, натуралистическая вера, как поклонение явлениям тварного мира, неуничтожимо, пока существует этот вещный, тварный, материальный мир. Языческий тип мировоззрения постоянно воспроизводится в нашем сознании и нашей жизни, ориентированных на природные циклы. Круговая, циклическая, возвратная модель бытия, отличающая языческий тип его интерпретации, может продуцироваться и наукой, фетишизирующей выявленные ею закономерности.

Строго говоря, непризнание в качестве первоосновы бытия духовной субстанции можно квалифицировать как одну из разновидностей языческого,

натуралистического, вещно ориентированного сознания. Подобная атрибуция может показаться странной и даже несостоятельной (ибо современный человек, несмотря на весь неопаганизм своего существования, склонен обижаться при именовании его язычником, поскольку в традиционных мировых религиях, не только в христианстве, это слово много веков использовалось в ругательном смысле), но она небеспочвенна.

Христианство, создав (и отчасти заимствовав из Ветхого Завета) развернутую, векторную, эсхатологическую модель бытия, внесло в нее идею развития, совершенствования, роста как индивида, так и общества. Динамичное фаустовское сознание создало европейскую христианскую цивилизацию, вариантом которой является восточнохристианская ее разновидность. На этой же основе возникает позднее идея прогресса, трактуемая в социальном или технологическом смыслах.

И как некогда в недрах языческого мира возникло исподволь христианство, так в недрах христианского мира возникла новая вера, новая религия, новая идеология, получившая название социалистической или коммунистической. Хотя ее апологеты всячески подчеркивали, внушали, настаивали на ее научном характере, она явилась одним из грандиозных мифов новейшего времени. Наука же использовалась в качестве орудия против конкурирующих идеологий и как фетишизированный феномен сциентистского сознания эпохи промышленной революции. От науки был взят не столько точный инструментальный мышления, сколько заимствована наивная вера в ее всемогущество, которой страдали не только полуграмотные пропагандисты, но и некоторые великие ученые.

Новая коммунистическая вера причудливо соединила и элементы ветхозаветного мессианизма, и пафос раннеевангельского равенства всех униженных и оскорбленных, и универсализм всеенского сознания без национального и социального различия, и скрытое торжество языческого реванша, одержавшего в тысячелетней борьбе долгожданную победу. Она стала распространяться по всему свету (став, заметим в скобках, одним из предшественников глобалистского сознания), создавая вымышленные или реальные модели европейской, азиатской, американской ее модификаций. При всех местных различиях новая идеология несла в себе единую родовую идею титанизма, насильственного переустройства социума путем безжалостного слома старого мира, казавшегося безнадежно отжившим, и радостного создания нового, представлявшегося в самых радужных тонах.

Мы прекрасно помним о триединой задаче построения коммунизма – создании нового общества, новой природы и нового человека. Сейчас на руинах советского периода можно подвести итоги невиданного титанического и богорческого эксперимента: разрушено создававшееся веками традиционное общество, обезображена и истощена природа, вырос действительно новый человек без веры и исторической памяти, тот манкурт, социальный робот, манипулируемый индивид, о котором мечтали тираны всех времен и народов.

Нельзя перечеркивать целиком весь советский период (как перечеркивали в свое время «темное средневековье»), нельзя высмеивать энтузиазм и надежду людей на построение, наконец-то, на грешной земле праведного царства, нельзя отрицать достижений, порою великих и замечательных, той эпохи. Но нужно и должно показывать искривления и деформации, явившиеся результатом постановки иллюзорных целей, ради мнимого достижения которых были принесены идолау квазинаучной веры бесчисленные жертвы тоталитарного прошлого.

И сейчас есть немало последователей марксистской веры, в том числе искренних и молодых. Главным источником ее неумирания и оживления в наших странах является современный дикий российский капитализм. Вопиющее неравенство и беззаконие, политический цинизм и алчная погоня за прибылью, сотни тысяч сирот и бездомных не могут не возмущать любого здравомыслящего человека. Однако возвращение к прежней «уровню» периода относительно благополучного «брежневского застоя», не говоря уж об эпохе «сталинской конституции», было бы новой исторической ошибкой.

Вместе с тем нельзя не признать, что социалистическая или (как крайний ее вариант) коммунистическая вера неистребима, пока существует социальное неравенство и живет надежда на его устранение, то есть она так же вечна, как языческая вера. Как языческое сознание постоянно воспроизводится действием циклически повторяющихся природных процессов, так коммунистическое сознание постоянно иницируется наличием социального неравенства, и чем оно больше, тем в большей степени. Столь же неистребима христианская вера, обильно политая в XX веке кровью новомучеников.

Поэтому в ситуации XXI века и III-го тысячелетия приходится говорить о «тросверии» современного общества. Введение в научный оборот и общественное сознание этого термина, во многом условного, подобно термину «двоеверие», как нам представляется, поможет более адекватно оценить и лучше идентифицировать взбудораженное состояние нынешнего постсоветского общества, находящегося в глубоком кризисе и мучительно пытающегося осознать самое себя.

Вышеизложенное, на наш взгляд, можно применить к анализу современной ситуации не только в России и на постсоветском пространстве. Весь славянский мир был втянут после Второй мировой войны в осуществление грандиозного утопического проекта построения нового общества, которое завершилось крахом и возвращением к развитию по прерванному пути. Необходимо извлечь уроки из пережитого, как негативные, так и позитивные, и двигаться дальше, обогатившись опытом былого.

Т. Стоянов

(Университет им. Гоце Делчева, Штип, Македония)

Проблемы русской идентичности в восприятии иностранца

Abstract:

Stoyanov T. *Problems of the Russian identity in a foreigner's opinion*

This article is actually a view of what in Russian cultural and philosophical theories is known as the «Russian idea». This is a text about how a stranger perceives the Russian idea, not only from the theoretical point of view, but also how one experiences the Russian culture. That is why I attempt in this text to give a review of the basic historical events that have determined the origin of the Russian idea, and from this historical aspect to provide insight into the essence of the Russian idea. At the end I try to compare these past forms of the Russian idea with the modern conditions and the future. In conclusion, I dispute with the essence of that what the Russians mean by the Russian idea, and I claim that that kind of “Ideas” are overcome in the age of the postmodern view point.

Ключевые слова: Россия, национальная идентичность, история, русская идея, православие, идеология, литература, философия, Достоевский, Соловьев, Бердяев.

Вероятно, само название статьи может вызвать недоумение и обиду у русского читателя: о какой «проблеме» идет речь и почему русская идентичность должна быть «проблемой»? Но, как говорят в англосаксонской культуре, *do not kill the messenger!* Проблемы русской идентичности – это не выдумка автора статьи, а предмет дискуссий, которые испокон веков ведутся в России. Начиная со времен Петра Великого и далее Россия пыталась определить, найти, детерминировать саму себя, причем почти всегда эти процессы были связаны с самоопределением «по отношению к чему-либо», чаще всего к Западу. В работах русского философа В.С. Соловьева (1853–1900) указанная проблема выкристаллизовалась в понятие «русская идея», разрешился, казалось бы, окончательно вопрос русской самоидентификации. Понятие «русская идея», возможно, приятнее русскому уху и звучит более оптимистично, указывая на то, что из «проблемы» наконец выросла идея. Однако понятие «русская идея» в основе своей также проблематично, поскольку в России рождалось множество идей и каждый, кто оперировал этим понятием, имел в виду совершенно различные, часто противоречивые вещи. Так, В.С. Соловьев или Н.А. Бердяев (1874–1948) понимали под «русской идеей» одно, а В.В. Розанов (1856–1919) или Е.Н. Трубецкой (1863–1920) вносили в это понятие уже совершенно иное содержание.

Данный текст не претендует на детальное рассмотрение исторических событий, которые решающим образом повлияли на формирование концепта русской идеи. Обратимся, пусть и коротко, к ключевым философским, политическим и культурным концептам русской теории культурной идентичности, к ее геополитической роли в идеях славянофилов и западников. Подчеркнем, что текст имеет не только объективно-теоретический характер, но представляет и субъективное восприятие России, русского менталитета, культуры и идентичности иностранцем. В течение относительно краткого пребывания (три месяца) в Москве автор оказался свидетелем двух научных

дискуссий о «русской идее», а также участвовал по меньшему мере в десятке ежедневных разговоров с новообращенными русскими (и по сей день дорогами) друзьями во время весенних прогулок по Москве. Автор был несколько удивлен не тем, что вокруг русской идеи и русской идентичности еще ведутся дискуссии, а тем, что эти споры все еще несут в себе дух XIX в. или в лучшем случае начала XX в. Прежде чем обосновать нашу позицию, обратимся к тому, что, в сущности, происходило в историческом прошлом, что определило понимание русскими самих себя, где берет начало «русская идея».

В российской истории есть несколько моментов, которые, по мнению многих исследователей, определили ее судьбу, а вместе с тем и идентичность русского человека. Первым таким моментом явилось принятие христианства в X в. во времена правления князя Владимира I (980–1015). Прямым следствием этого исторического шага стало следующее: «Принятие христианства укрепило государственную власть и территориальное единство Киевской Руси. Но это имело и большое международное значение, поскольку русские, отбросив «примитивное» язычество, становятся равноправными среди других христианских земель, связи с которыми значительно углубляются. Принятие христианства сыграло особенно большую роль в развитии русской культуры, воспринявшей влияние византийской, а через нее и античной культур»¹. Христианизация Руси в первую очередь означала ее вхождение в семью европейских народов на основе полного культурного равноправия. Прежде всего, это привело к отдалению России от мусульманской Азии и идентификации себя с христианской Европой.

Однако если взглянуть глубже, то можно увидеть, что христианизация Руси была процессом, обладающим двумя имманентно противоречивыми характеристиками. На первый взгляд, это означало начало «европеизации» страны. Впрочем, Русь приняла христианство до схизмы и с этим легитимно ощутила себя частью общей, единой европейской христианской цивилизации. Но, с другой стороны, огромное значение имел тот факт, что Россия восприняла христианство от Византии, а не от Рима. Позже это будет означать и начало разделения русской культуры, русской исторической судьбы, русской души вообще между Востоком и Западом. Принятие христианства от Востока привело и к постепенному дистанцированию от Запада; искусство, архитектура, культура оказались проникнуты византийским духом. Россия вступила, так сказать, в «кровную связь» с Византией; а после Церковного раскола в XI в. она оказалась в определенной изоляции от западных христианских земель и не попала под культурное влияние католицизма.

Следующий значимый момент, повлиявший на увеличение дистанции между Россией и Западом, связан с татаро-монгольским игом. В обстоятельствах феодальной раздробленности страны Золотая Орда оказалась непреодолимым препятствием, русские княжества падали одно за другим, а в 1240 г. Орда взяла Киев и владела русскими землями два века вплоть до 1480 г. Так Русь оказалась еще сильнее отделена от европейской исторической сцены.

Третий значимый исторический поворот – освобождение от татаро-монгольского ига и объединение русских княжеств. В XVI в. Россия – большая страна, начинающая понимать свою силу. А в такой стране неизбежно

развиваются новые представления о специфике народа и нации. Тогда, когда начинается рост страны, к началу царствования Ивана IV Грозного (1533–1584), проявляется потребность и в **идеологии**. Она обнаруживается в религии, которая в России в силу ее изоляции как от католического Запада, так и от греческого Востока, обладает **аутентичными, уникальными** свойствами. Русское православие противопоставлялось не только «атеистическому» Западу, но и «греческой вере» (сам царь велел: «наша вера не греческая, а русская, христианская»). Эта потребность в идеологии достигает кульминации в восприятии **Москвы как третьего Рима**, провозглашенного старцем Филофеем, иноком Псковского Спасо-Елиزارовского монастыря: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать!» Это был «лозунг дня», из которого черпались силы государства. И цари, и народы объединились в мессианской идее: слава России приведет ее к тому, что она станет третьим Римом. Так православие, одна из самых сокровенных частей русского бытия, стало объединяющим фактором. Русские люди начали осознавать, что православие – особая часть их духовных традиций. Первые размышления о мире, о среде, об обществе, о себе самих русские сформулировали в рамках православия. Оно играло в некотором смысле «мифотворческую» роль: все представления о добре и зле, мире, человеке, жизни сформировались в его контексте. Все это воспринималось людьми, вероятно, интуитивно и, так сказать, интимно, без теологизирования. Рефлексия по этому поводу к русскому человеку придет несколько позже, ведь русские сначала «проживают», делают, а потом размышляют.

Четвертый значимый момент в русской истории – реформы Петра I (1689–1725), который попытался преодолеть изолированность России от европейской цивилизации. А.И. Герцен сравнил инициированное Петром I вхождение России в цивилизационные западные течения с мощным клином, вбитым в нее и разделившим ее на две части. Но это раздвоение в то же время было началом поиска аутентичной русской идеи. По сути, именно со времен Петра и начались поиски Россией самой себя.

Не только современные историки по-разному оценивают петровские реформы, но и в тех исторических условиях они вызвали противоречивые реакции. Появившийся позже раскол между интеллигенцией и народом во многом стал результатом этих реформ. При этом речь идет не просто о разделении образованной части населения и простого народа: сама ткань народной жизни начала «распускаться». Многолетние строгие религиозные традиции, уверенность в истинности православного пути и глубокая вера в обычный народ оказались нарушены. До этого закрытый и изолированный от всего православного и вообще христианского пути, русский народ едва ли имел возможность и даже необходимость переосмыслить собственные традиции и представления. Теперь же пришлось пересматривать убеждение, что «русское православие» – это единственно верный путь. Во время царствования императора Петра православные традиции, вера и позиции церкви были поставлены под сомнение. Религиозная основа национального единства понемногу сдавала позиции, начинался процесс секуляризации. «Русская империя во время правления Петра Великого отступила от народного идеала христианской державы, к которому стремилась допетровская Русь, желавшая

быть не богатой, не сильной, а Святой Русью»². После петровских реформ основа национального единства – православие, а с ним и вера в Москву как третий Рим были подорваны. Возникла потребность в новой идеологии.

Во всяком случае, после Петра I Россия стала уже другой, что прекрасно ощущается в начале XIX в., когда дилемма времен Петра вновь проявляется как острый **философский спор**. Это пятый ключевой исторический этап в процессе формирования русской идеи. Процессы самоопределения активизируются в XIX в., когда появляются первые теоретические предпосылки к разрешению проблемы идентичности. Сделанное Петром открытие Запада, выглядит огромной бездной в начале XIX в., которую необходимо было либо закрыть, либо оставить зиять. Поэтому проблема отношений России и Запада и, как следствие, проблема русской идентичности и самобытности вновь открываются в начале XIX в. «..Но это уже путь не во имя возвращения к старым способам жизни, как это часто случалось в XVIII в., а во имя открытия «русской идеи», русских начал», которые до того времени лежали сокрытыми «в глубинах народного духа»³. В XIX в. русские уже «заговорили». Если раньше, в эпоху Петра, русские почти не «говорили», а во времена татаро-монгольского ига вообще «молчали», самовыражаясь, например, через иконопись (вспомним Андрея Рублева), то вот теперь они «заговорили». Начинаются первые поиски русской идентичности в литературе и философии. Россия мыслит прежде всего через **литературу**, ведь первые политические, философские, метафизические рефлексии – все они проявляются в литературе. В русской литературе XIX в. начинается поистине золотой век. В тот период Россия словно бы стремилась прожить все то, что Европа пережила за два века до этого. Так что за чуть более чем пятьдесят лет в русской духовной жизни сменилось несколько художественных, стилевых, философских парадигм, через которые Европа проходила в течение гораздо большего времени (сентиментализм, романтизм, реализм...).

Возвращение к вопросу идентичности, философское пробуждение России происходит не без влияния Запада. Как во времена Петра Запад был стимулом к развитию для русской культуры, так и в XIX в. западные философы по меньшей мере вдохновляют русскую философию. Русская мысль пробуждается в начале века, а импульсом служит немецкий идеализм⁴. Шеллинг, Фихте, Гегель – вот те западные философы, кто возбудил умы русской интеллигенции.

С начала XIX в. философы размышляют о проблеме «Россия», которая детерминирует всю русскую мысль в будущем, и все философы так или иначе, сознательно или бессознательно, будут обращаться к этой проблеме. Прямым толчком к дебатам на эту тему стали «Философические письма» П.Я. Чаадаева (1794–1856), опубликованные в журнале «Телескоп» в 1836 г. В этих посланиях к соотечественникам Чаадаев изливает такой гнев и ненависть по отношению к состоянию, в котором находится его страна, что по сей день, если бы мы судили о нем только по этому произведению, он остался бы в нашем сознании русофобом. Россия для него – это чистый лист бумаги, на котором лишь Запад смог начертать что-то ценное, а все развитие страны явилось только результатом западного влияния. Сама же по себе Россия, кажется,

лишена какой бы то ни было ценности: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»⁵.

«Философические письма» Чаадаева и подобные его размышления привели к дискуссии двух противопоставленных друг другу групп – славянофилов и западников, каждая из которых по-своему смотрела на будущее России. После первого восхищения романтизмом, Шеллингом и немецкой классической философией в середине XIX в. в России идет поиск собственных способов философского выражения. Разделение на западников и славянофилов в 40–50-е гг. XIX в. означало не просто политическое размежевание, но и своеобразное отрешение от влияния немецкой философии и попытку через противопоставление ей сформировать аутентичную философию. Славянофилы разработали русскую философию (разумеется, не без западного влияния), западники заимствовали идеи (естественно, не без того, чтобы адаптировать их к русским особенностям). Первая группа, можно сказать, выросла из ментальных особенностей романтизма, свойственного еще «любомудрам», членам литературно-философского кружка «Любителей мудрости» (1823–1825). Еще тут произошло рождение русской аутентичной религиозно-философской мысли.

Именно славянофилы оказались тем проявлением философской мысли, которая стала основой особой русской религиозной философии. Были подняты вопросы целостности познания, всеединства, соборности, личности – вопросы, которые останутся уникальным наследием русской религиозной философии, потому что были поставлены и решались в исключительно русской философской манере. Так славянофилы участвовали в «возведении специфической русской философской традиции, органичной духу православия»⁶. Их философия была «воцерковленной», а поиски православной культуры были противопоставлены западным ценностям.

Западники были более известны и влиятельны, более представительны и актуальны, посколькунесли России нечто новое, свежее, считающееся прогрессивным. Ища идеологические точки опоры, славянофилы обращались к православной культуре, тогда как их противники, воодушевленные западным духом, отвергали религиозные идеи как основу для создания развитой культуры. С их точки зрения, история представляла собой единый процесс, в котором Россия до сих пор не принимала участия, поэтому было бы нужно воспринять западные идеи, если страна хотела выйти на общую западноевропейскую историческую сцену. Только западный путь развития, западные социалистические и либеральные идеи могли, по мысли западников, вытянуть Россию из отсталости. В этом они видели и следование заветам Петра Великого, идеи которого западники стремились обновить. Россия, считали они, – это западноевропейская страна, которая не должна в связи с этим двигаться по какому-то собственному пути.

Конец XIX – начало XX вв. – очередной исторический этап, важный для развития русской идеи, и кажется, она окончательно сформулирована. Проблема «Россия» разрешена с помощью марксистской философии, а революция 1917 г. открыла новый виток реализации русской идеи. К какому

результату все привело, стало очевидно к началу 1990-х гг. Государство, построенное на чистой идее, сформулированной философом (мечта всех философов, начиная с Платона), оказалось обречено.

Конец XX и начало XXI вв. – это новый этап в поиске и определении русской идеи. О ней опять заговорили, вновь зазвучал вопрос: что такое русская идея, в чем состоит специфичность России, как должна развиваться русская культура... И это совершенно естественно, ведь каждый народ вправе искать свою идентичность.

Все упомянутые выше исторические обстоятельства сформировали специфику русского мира, однако не только история, но и география сыграли тут свою роль. Еще в начале процесса самоопределения Россия задавалась вопросом о том, является ли она европейской страной. Простершаяся на два континента, географически Россия ближе к Азии, нежели к Европе, в чем усматривают основу для совершенно нового культурного и геополитического концепта – евроазиатского. Но с точки зрения характеристики культуры, Россия связана с Европой по двум основаниям – как христианская страна и как страна по преимуществу славянская. Однако абсурд состоит в том, что по тем же детерминантам Россия и отделена от Европы, большей частью являющейся католической и протестантской, в результате чего все культурные европейские «продукты», разумеется, не связаны с православной культурой. То же и со славянством. Россия не является европейской страной, потому что европейский концепт, выстроенный на основе Западной Европы, – это конгломерат немецкой, французской и англосаксонской культур. Европа намеренно дистанцировалась от византийского и славянского наследия, к которому так склонна Россия. Вот в чем трагедия России на путях определения ее места по отношению к Европе.

Процессы самоопределения похожи у русских на удивительную страсть, происходящую, вероятно, из желания «встроиться» в западную цивилизацию. Эти поиски русской идеи весьма специфичны, а сам русский дух носит даже отголоски мистического начала. Если хорошо знать русскую философскую мысль, то можно утверждать, что русские философы никогда не отделяли мысль от действия, а метафизика для них была социальна. Даже великие религиозные мыслители считали, что их религиозное видение аппликативно, осуществимо на практике, единственно возможно, если мы хотим построить праведное и моральное общество. Впрочем, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков отошли от марксизма к идеализму, считая, что марксизм не обеспечивает гуманные человеческие отношения и уважение к человеку. Для них социальная философия была неотделима от православной доктрины.

Может быть, подобная специфическая «конституция» русского духа требовала поиска русской идеи, которая виделась **великой картиной**. Впрочем, сам термин «идея» имплицитно предполагает это. Все в России находится в поиске идеи, чего-то всеобъемлющего, объединяющего разрозненные картины и оправдывающего всю эмпирическую действительность. Эта страсть к **целостности**, возможно, является наследием отца русской философии В.С. Соловьева и его концепта **всеединства**, который глубоко укоренился не только в русской философии, но и в русской душе. Стремление к всеединству, вероятно,

универсальная и ключевая характеристика русской философии. Ориентируясь на это стремление русского мышления к целостности, можно понять и некогда слепое, мессианское поклонение марксизму как философии, которая окончательно объясняла и охватывала все и делала понятным все жизненные перспективы. Поэтому, возможно, коммунизм сначала столь триумфально пришел в Россию, а не туда, где уже созрели условия для революций. Идеология коммунизма была воспринята в России как исполнение надежд, как нечто религиозно-всеохватное, магическое, пророческое. Русские люди принимали социализм с почти религиозным чувством.

То, что соединяет русский теизм и русский атеизм, русскую религиозную философию и русский материализм, дьявола и Бога, – это, по сути, тот самый общий корень всеединства. Кажется, в России все может оказаться рядом, например, материализм и идеализм, выросшие из одного корня – русской ментальной склонности к целостности, почти магического стремления к всеохватности.

Русская философия познания тоже отчасти мистична и основана на почти любовном отношении к познаваемой действительности. Наивная вера в то, что реальность может быть объяснена некими универсальными принципами, ведет русскую мысль в сферу иррационального, странную для западного менталитета. Поэтому и Ф.М. Достоевский (1821–1881), декларировавший устами своего героя из повести «Записки из подполья» (1864), что единственный способ доказать свою свободу состоит в том, чтобы работать против собственных интересов, не мог быть понят Западом, для которого такое человеческое поведение не является разумным и логичным. Между тем и на Западе русские смотрят как на целостность, веря, что западный мир един. Такой взгляд, как нам кажется, все еще патриархален и проникнут коллективистский духом. Однако Запад – это тысячи «западов», тысячи малых историй, «параллельные европы», конгломерат индивидуумов и противоположных интересов.

Быть может, чтобы измениться, России нужен **постмодернизм**, но не как теория, а как способ бытия, поскольку идея уже не нужна – требуется «сказка», сюжет, история. Да, потребность в определении и дефинировании себя – это неоспоримое желание каждого человека и всякого народа. Но идентичность – это прежде всего «история», «сказка» о том, кто мы, какие мы, чего мы хотим. Ни одна культура не может существовать без этого, в сущности, культура и есть «сказка», «история». Но «сказка», «история» – это не идея, поэтому, вероятно, Россия может дефинировать себя не с помощью идеи, а благодаря «истории», «сказке». Идея – это модерн, даже «предмодерн», а «история» – постмодерный концепт. Идея находится в поиске «большой картины», а «история» – открытый, децентрализованный, фрагментарный концепт. Идея вертикальна, «история» горизонтальна. «История» открывается разными ключами, идея – лишь одним. Идея дедуктивна, «история» индуктивна. Идея – это только точный диагноз, а «история», «сказка» – терапия...

В заключение приведу слова известного македонского драматурга Горана Стефановского (р. 1952), которые дают возможность и русским, и македонцам

осмыслить, какое же положение по отношению к Западу и Европе они занимают: «Одни говорят, что в нашем незавидном положении виновата исключительно Европа, что надо повернуться спиной к этой блуднице, что мы можем обойтись и без ее отчужденности и пустоты, по сравнению с которой мы – сама органичность, потенция и спонтанность. Другие говорят, что только мы виноваты во всем и должны отвернуться от самих себя, поцеловать ручку Европе и с первым же самолетом отправиться в ее объятия, причем с билетом в один конец, только бы подальше от этого хаоса, анархии и насилия и поближе к порядку, богатству и чистоте. Обе позиции малоценны и только подкрепляют европейское экзотическое клишированное представление о нас: в первом случае мы оголтелые и самовлюбленные бандиты, а во втором – слюнявые и некритичные эпигоны. Обе позиции взаимоисключающие – предлагают все или ничего, ад или рай, но ничего среднего, никакой земной жизни»⁸.

Вероятно, Г. Стефановскому неизвестно, но автору текста после пребывания в Москве стало ясно: русские до сих пор ищут все или ничего! Они все еще ищут великую идею, тайно веря, что она есть и что россияне являются ее хранителями, что эта идея спасет мир. Быть может, Н.А. Бердяев был прав, когда утверждал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть»⁹.

Полюбив русский народ, не желая ни ему, ни нам новых разочарований, автор хочет попросить русских: оставьте идею, возьмитесь за «сказку», историю, за малые, ежедневные, бытовые, скучные «истории». Вся трагическая судьба русского народа, может быть, есть результат поиска великой русской идеи. Безусловно, эта идея породила и великих русских людей, и великие свершения, но она же принесла России большие и страшные страдания. Достаточно уже и великих дел, и страданий; пусть сегодня русские люди просто **рассказывают** о себе!

Перевод М. Проскурниной.

Примечания

¹ Орлов А.С., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России. Москва: Простор, 2008. С. 41.

² История культур славянских народов в трех томах. Под ред. Г.П. Мельникова. Т. II: От барокко к Модерну. Москва: ГАСК, 2005. С. 282.

³ Zenjkovski V.V. Istorija ruske filozofije. Podgorica: CID // JP Službeni list, Beograd, 2002. С. 112.

⁴ Флоровски Г.О. Путевы руског богословља. Подгорица: Цид, 1997. С. 259.

⁵ Чаадаев П.Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. Москва: Наука, 1991. <<http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html>>

⁶ Koplston F. Filozofija u Rusiji. Beograd: Bigz, 1992. С. 37.

⁷ В связи с неразделением идеи и акции, истины и социальной правды подчеркнем, что в русском языке слово «правда» связано одновременно со словами «истина» и «праведность», олицетворяя переход теоретического концепта в практический аспект.

⁸ Стефановски Горан. Приказни од дивиот Исток. Скопје: Табернакул, 2005. С. 33.

⁹ Berdaev N. Ruska ideja. Beograd: Prosveta, 1987. S. 10.

О.В. Щупленков

(Ставропольский государственный педагогический институт)

К вопросу о русской самоидентичности

Abstract:

Schuplenkov O.V. *On the Russian self-identity*

Ethnic identity of the Russian diaspora abroad relied on considering itself as an indispensable part of Russia. To be useful for Fatherland, a whole complex of ideological and organizational measures was needed, based on both Russian traditional and ones typical for the countries of residence.

Ключевые слова: идентификация, национальная идентичность, национальная идея, русская эмиграция, патриотизм, академические образование.

Когда мы говорим о русской идентичности и идентичности вообще, мы имеем в виду социально-психологический уровень идентификации. Это представление о себе, которое формируется как производное от осознания человеком своей причастности к определенной социальной группе, в данном случае – к этнической. Понятно, что этническая идентичность приобретает не произвольно, а в привязке с окружающей действительностью, т.е. в процессе социализации. Обретение идентичности значительно осложняется, если социализация проходит в этически смешанной среде: в итоге отдельные индивиды и целые группы могут характеризоваться двойным или даже тройным самосознанием и, соответственно, дифференцированной идентичностью.

Этническая идентичность является мощным ресурсом социальной общности. Во-первых, она удовлетворяет потребность в самобытности, и на ее основе члены такой общности отличают себя от других подобных общностей. Во-вторых, обеспечивает потребность в принадлежности к определенной группе и, соответственно, защите. И, в-третьих, является мощным инструментом социальной и этнополитической мобилизации (чаще всего по формуле «наших бьют!»).

Вместе с тем, этническую идентичность и связанную с ней другую базовую категорию – этническое самосознание – достаточно сложно описать методологически (этническая идентичность вытекает из этнического самосознания как форма отождествления и отнесения себя к определенной этнической общности). Существует множество подходов к определению сущности этих явлений. Самосознание проявляется в виде осознания своей принадлежности к определенному этнокультурному пространству с его культурным ядром, – традициями, обычаями, нравами, обрядами, специфическим фольклором и бытовым укладом, – образующим архетипическую основу самосознания, его этнокультурный менталитет.

Итак, этническое самосознание – сложный многокомпонентный феномен. Национальное (в данном случае имеется виду этническое) самосознание непременно приписывает «своему» народу «свой» хозяйственный уклад или «свой» собственный способ добывать себе «хлеб насущный», а также некие уникальные культурные и бытовые традиции. Непременными атрибутами

национального самосознания являются «родной язык», а также «свои боги, вера отцов». Обязательно присутствуют и устойчивые представления о характере «своего народа» и о психологических особенностях соседей [1. С. 27].

В целом, этнопсихологи выделяют семь типов этнической идентичности (самосознания): нормальный (образ своего народа положительный, благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм); этноцентричный (акцентированность на значимости этничности, некритическое к ней отношение, элементы этноизоляционизма, замкнутости); этнодоминирующий (представления о превосходстве своего народа, дискриминационные установки в отношении других этнических групп, стремление не смешиваться с представителями других народов); этнический фанатизм (абсолютное доминирование этнических интересов и целей, готовность идти ради них на любые жертвы); этноиндифферентный (равнодушие к проблемам этничности, ценностям своего и других народов); этнонигилизм (полное отрицание этничности, этнических ценностей); амбивалентный (невыраженная, иногда «сдвоенная» идентичность, характерная для этнически смешанной среды) [2. С. 80].

Однако есть еще и другая сторона самосознания – гражданская идентичность. С.С. Савоскул считает, что осознание человеком своей причастности к сообществу граждан того или иного государства является важной частью механизма функционирования политической структуры, фундаментом политической жизни и сознания общества [3. С. 52]. По мнению Тишкова, общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие нация, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы. «Ибо этот общий дискурс о нации придает важную дополнительную легитимность государственной власти через создание образа, что власть представляет некую целостность и осуществляет управление от имени и с согласия этой целостности» [4. С. 16]. Кроме того, подчеркивает Тураев, гражданская идентификация сопровождается политико-правовой идентификацией, т.е. осознанием и соотношением человека своего декларируемого правового статуса с достигаемым в реальности статусом, со статусом других лиц, как в своем государстве, так и в зарубежных странах. Причем наиболее противоречиво такая идентификация происходит при национальном самоопределении представителей различных этносов и народов в составе многонационального государства [5. С. 78]. По мнению, В.М. Капицына, государству при формировании национальной идентификации, «необходима специальная политика государственных структур, учитывающая интересы и самосознание нескольких этносов и народов, территориальных общностей... Другими словами необходима правовая политика, воспроизводящая состояния легальной, легитимной национально-государственной идентификации» [5. С. 83–84] государства. По этому поводу написано огромное количество работ. Для того чтобы оценить основное направление российской научной мысли, приведем мнения некоторых авторов.

Однако, в условиях федерации, речь должна идти не только об установках русских. А.И. Вдовин и В.А. Корецкий полагают, что «российская идея

не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, а российская нация – русскому и другим народам России... Русская идея сегодня – это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество.

Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов» [6. С. 360]. Далее авторы подчеркивают, что в отличие от национальных интересов (того, что каждый народ желает для себя) национальная идея представляет более универсальную систему ценностей. «Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл – в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы Российской государственности, способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства» [6. С. 360–361].

Г.Н. Пак подчеркивает, что российская национальная идея должна быть связана с внеэтническими интересами или надэтническими интересами и ценностями. Свобода и независимость, безопасность от угрозы извне, защита экономических и политических позиций на международной арене, расширение влияния в мировой политике, таковы внешние аспекты реализации национальной идеи. «Национальная идея новой России должна быть свободна от имперских устремлений, от претензий на роль мирового центра, на мессианство» [7. С. 73–74]. Национальная идея, по мнению Пака, – это отражение ценностей не этнической общности, а общности людей, объединенных единством геоэкономических критериев. «Это идея территориальной общности, сформированной в рамках всего политически организованного общества. Это идея нации/государства. Ею не могут быть ценности какой-либо одной этнической общности».

Отсюда вывод: национальная идея может иметь успех лишь в том случае, если реализация ее идет в одном направлении с формированием новой глобальной общности [7. С. 75].

Между тем, в современной России власть до сих пор не может обозначить формулу, которая могла бы стать национальной идеей. Однако попытки предпринимаются. К примеру, к основным идеям гражданского патриотизма, по мнению А.Н. Вырщикова и К.М. Никонова можно в первую очередь отнести: державность, социальную ориентированность, духовность, просвещенность, историческую преемственность [8. С. 103]. Г.В. Осипов считает, что сегодня объединить все партии и общественные движения, все российское общество осознанием национальных интересов России могло бы единство идеи духовности, идеи народовластия и идеи державности [9. С. 140]. и т.д.

Как бы то ни было, но пока наше государство обходится такими простыми формулами как «Единая Россия», «Сильная Россия» и прочее.

По мнению Л. Дробижевой лишь у русских ценности политического плюрализма и прав человека конкурируют с национальными, этническими интересами [10. С. 43]. Савоскул полагает, что это связано с тем, что, у русских (как в значительной мере и у украинцев и белорусов) по сравнению с другими этносами бывшего СССР сильнее, чем этническое, было развито государственное самосознание, однако, со временем стала расти и его этническая составляющая [3. С. 93]. Тураев также подчеркивает, что в русском национальном самосознании огромную роль всегда играла идея державности. «Понятия Родина, Государство – наиболее значимые ключевые ценности в русском культурном архетипе. Являясь носителем государственности, русский человек вольно или невольно всегда осознавал себя хозяином положения, за его спиной незримо стояло могучее государство, к помощи которого он мог обратиться (и обращался) в трудную минуту. Уже в силу этого обстоятельства в антитезе «мы – они», неизбежной при любых этнических контактах, русское представление о «мы» имело превосходную степень. Сказывалась, безусловно, и разность культурно-исторических потенциалов. На лестнице исторического прогресса русские стояли выше, чем их новые сограждане в Поволжье, Сибири или в средней Азии. Все это не могло не породить известного чувства снисходительности, пренебрежительного отношения к культуре, традициям и обычаям других народов, при этом русский человек искренне верил, что творит доброе дело. Сострадание к тем, кто «ниже», стремление поднять их до уровня «как все» (в данном случае «как мы»), замешанное на идее христианско-православного мессианства и милосердия, – не менее характерная черта русского культурного архетипа. Тоталитарно-имперская система СССР лишь усугубила это, прямо скажем, не очень прекрасное качество» [2. С. 93]. Это основные точки зрения на характер гражданской/государственной идентичности русских.

Итак, русский не мыслит себя без своего государства, главной характеристикой которого считает его мощь и силу.

При этом абсолютно не важно как оно называется – Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Русские всегда знают, что за ними стоит великая Россия, за каждым из них.

Хотя в реальности сегодняшняя Россия далеко не всегда может обеспечить русским «этническую безопасность». Реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом – яркое тому подтверждение. Поэтому формируются русские общины, которые в целом не оказывают принципиального влияния на процесс принятия решений в стране своего местонахождения.

В начале 80-х годов прошедшего столетия тогдашний советский лидер произнес сакраментальную фразу «мы не знаем общества, в котором живем». Последовавшая затем «перестройка» советской системы обернулась запуском центробежных политических процессов, положивших конец существованию СССР как единого государства. Пресловутый «национальный вопрос» стал

важнейшим фактором того явления, которое уже в новом тысячелетии было обозначено как «величайшая геополитическая катастрофа XX века».

Русская составляющая этого вопроса в советской национальной политике занимала неоднозначное место. Несмотря на естественное доминирование в большинстве сфер жизни Советского Союза, русский народ фактически был исключен из специфически национальной проблематики как таковой.

Пресловутая концепция «старшего брата» на деле оборачивалась тем, что русские выступали лишь «цементирующим элементом» многонационального «советского народа», теряя при этом свое собственное национальное лицо. Взрыв этического сепаратизма на излете существования СССР при, как минимум, индифферентном отношении к происходящему со стороны советских русских в итоге определил судьбу единого государства.

Сегодня, к сожалению, во многом остаются актуальными слова, сказанные в начале 80-х гг. тогдашним советским лидером. Увы, мы все так же не знаем общества, в котором живем.

Пережив «разруху в головах» 90-х годов, русское общество постепенно формирует новую систему ценностей, в которой устремленность к будущему должна быть гармонично соединена с тысячелетней отечественной традицией. Однако вряд ли эти поиски могут быть успешными без понимания того, что же собой представляет современное русское общество, без проведения серьезной экспертной, аналитической работы в этой сфере.

Современная Российская Федерация в своей национальной политике во многом наследует подходам, исповедовавшимся в советский период. При том, что русские в РФ составляют подавляющее большинство – около 80%, русская проблематика никак не обозначена в законодательстве нашего государства, все еще не принята целостная концепция национальной политики, отвечающая современным условиям.

Существуют и общепризнанные в экспертных кругах проблемы, связанные с концептуальным обоснованием политики РФ по отношению к зарубежным соотечественникам. Закон 1999 г. «О соотечественниках, проживающих за рубежом» оказался «не работающим», а зафиксированное в нем определение «соотечественника» привело к тому, что вот уже почти десятилетие ведутся ожесточенные дискуссии о том, кто же такой «российский соотечественник». Хотя любые теоретические измышления не могут скрыть того факта, что основной, наиболее многочисленной и искренне связанной с Россией и ее народом частью этой все еще размытой категории являются те 25 миллионов русских людей, которые не по своей воле после распада СССР оказались за пределами России.

Чтобы ответить на насущные вопросы: Что собой представляет современная русская идентичность в России и других постсоветских государствах? Что различает русских, живущих по ту, и эту сторону границ современной Российской Федерации, и что их объединяет? Как происходит процесс самоорганизации русских общин в условиях становления новых независимых государств? Можно ли говорить о существовании «русской диаспоры» в этих новых государственных образованиях? Необходимо, на наш

взгляд обратить внимание на совсем недалекое прошлое – русскую эмиграцию «первой волны».

Долгое время эмиграцию было принято представлять этакой безликой и враждебной массой – «пособниками империализма», «контрреволюционерами», «провокаторами», «диверсантами» и т.п. Это ещё не самые суровые эпитеты, которыми, не скупясь, наделяла советская власть своих противников. Однако если избавиться от навязчивых стереотипов прошлого, станет ясно, что эмиграция была достаточно пёстрым явлением в социальном и политическом отношении. Она объединяла в своих рядах аристократов и шинкарей, офицеров и денщиков из бывших красноармейцев, учёных и литераторов, черносотенцев и либералов. Практически вся Россия предреволюционной поры и периода революции оказалась представленной в эмиграции, наводнившей Балканы и Западную Европу, Северную Африку, Америку и Дальний Восток. По разным оценкам, в эмиграции в начале 1920-х гг. оказалось от 2 до 3 млн. человек. Возникла, по существу, ещё одна, зарубежная Россия, имевшая свои, пусть и условные, политические, военные и общественные структуры. На протяжении десятилетий существование русской эмиграции было тесно связано с теми событиями, что происходили на Родине. Эмиграция претендовала на то, что именно она является представительницей истинной России перед мировым сообществом, в то время как сама Россия захвачена «антинародным режимом». Естественно, что вместе с собой эмигранты увезли за границу свои политические идеи, пристрастия и антипатии, во много раз усиленные недавними событиями Гражданской войны, поражением, бегством из родной страны. «В общественном обозе Белых армий за границу ушёл весь политический спектр дореволюционной России (кроме большевиков)... от Мартова до Маркова. Борьба между этими флангами продолжалась и за границей» [11. С. 25], – писал П.Б. Струве.

Вместе с тем грубой ошибкой или сознательным лукавством советских историков была попытка создать миф об эмиграции как об обломке старой России, выброшенном океаном истории гнить к «чужим берегам». Очень важно понять, что Белое движение и, соответственно, эмиграция имели ровно такое же отношение к дореволюционной Российской империи, как и большевики. (Здесь и далее под «белыми» имеются ввиду в первую очередь именно «правые», являвшиеся, безусловно, стержнем как Белого движения, так и эмиграции, без которых противостояние большевикам не имело бы такого ожесточённого и длительного характера). И красные, и белые были порождением новой эпохи не только в жизни собственной страны, но и в истории всего цивилизованного мира. И те, и другие родились на руинах прошлого, чтобы сразу же вступить в непримиримую борьбу, которая не закончилась с эвакуацией Русской армии барона П.Н. Врангеля из Крыма. Противники ещё не раз встретятся друг с другом и в 1920-е гг. на Балканах, и в 1930-е гг. в Испании, и в 1940-е гг. на фронтах Второй мировой войны. Потому что не «помещики» сражались с «мужиками», отстаивая прежние порядки, как это вульгарно трактовала советская историография: и тех,

и других было достаточно по разные стороны баррикад. Водораздел проходил не по социальным и классовым различиям, а коренился в области идейной и духовной. Для того чтобы понять это, необходимо хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с той исторической обстановкой, в которой это противостояние развивалось.

Начало XX в. было временем торжества капиталистических отношений и так называемых буржуазных ценностей. Именно тогда активно заявляют о себе две могучие силы, не желающие стоять в стороне от решения общемировых проблем. Одна из них – социалистическое движение, появившееся, на первый взгляд, как протест против капитализации общества и угнетения народных масс. Но в действительности социалисты всех мастей являлись младшими братьями капиталистов, более дерзкими и жестокими, стремившимися в результате к одному и тому же – уничтожению «старого» мира, построенного на религиозных христианских ценностях и преданности национальным традициям. Рушились старые монархии, вместе с ними разрушались церкви и христианская мораль. И очень скоро люди (а таких было практически большинство) поняли, что оказались между молотом интернационалистов-коммунистов и наковальной буржуа – космополитов-либералов. Становилось очевидным, что нужно или смириться с навязываемой моделью нового мира, или противостоять ей. Те, кто не захотел отдать на поругание свою веру, память предков и будущее своих детей, не пожелал принять безбожие в качестве новой религии, с одной стороны, и признать абсолютную власть денег – с другой, и составили ядро будущих «правых» национальных сил. Иногда их поступки были чрезвычайно резкими, однако они вряд ли превосходили по разрушительности поступки их идейных и политических противников.

Эмиграция, весь смысл существования которой заключался в надежде на возвращение на Родину, не могла остаться в стороне от тех проблем, с которыми столкнулся мир в XX в. и от решения которых зависела судьба не в последнюю очередь и России. Следует заметить, что сам патриотизм русской эмиграции – особый политический и социально-психологический феномен. Вынужденное изгнание из России способствовало выходу на первый план именно этого понятия в большинстве программ политических партий и движений. Если до Октября 1917 г. многие вообще не упоминали о патриотизме, то жизнь в эмиграции коренным образом повлияла на восприятие этой темы. Патриотические воззрения русских эмигрантов чрезвычайно многообразны. Можно выделить политический патриотизм, с чётко выраженными концепциями государственного устройства России, однако нельзя забывать и о своеобразном «романтическом» патриотизме, основанном на привязанности к своей Родине, но не выработавшем никаких конкретных программ и целей, а также патриотизме военных, гражданских лиц, наконец, мессианском патриотизме, признаки которого имеются почти во всех перечисленных видах патриотизма. Он основывался на представлении об особой роли России и русского народа в деле защиты Православия,

и естественно, что при подобном взгляде на Отечество невозможно было примириться с восторжествовавшей в нём властью воинствующих безбожников. Развитие патриотических идей в Российском Зарубежье может быть признано среди прочего как проявление инстинкта самосохранения. Как подчёркивал известный публицист, один из лидеров партии народных социалистов В.А. Мясоедов, «весь смысл существования русской эмиграции, как таковой, в её отношениях с Родиной» [12. С. 248–249]. Только связь с Родиной, пусть хотя бы посредством теоретических дискуссий, могла помочь эмигрантам сохранить их национально-корпоративную целостность.

В потоке русской эмиграции первой волны (после 1917 года) оказываются многие представители интеллигенции, в том числе деятели науки, техники и высшей школы. Основная часть их покидает Россию в период 1920–1925 гг. Были они среди тех, кто пересек Черное море вместе с частями побежденной Белой Армии. Покидали они страну, случалось, и целой группой по гуманному решению Советского правительства, убежденного в их скрытой активной контрреволюционной деятельности (высылка в 1922 году более ста видных ученых). Уезжали они и поодиночке, используя для этого научные командировки, поездки по приглашениям и любые другие возможности пересечь границу, запиравшуюся на все более прочный замок.

Нельзя сказать, чтобы на Западе выходцев из России ожидали сколько-нибудь близкие к привычным условия для научной и педагогической деятельности. Тем удивительнее результаты, которых удалось достичь в течение нескольких лет.

Оказавшись за пределами родины, большинство русских ученых и преподавателей высшей школы видели свою задачу не только в том, чтобы найти лабораторию или кафедру для продолжения личных научных занятий. Не менее важной целью стало воссоздание русского научного (академического) сообщества, возможность обсуждения и публикации трудов на русском языке, обеспечение квалифицированного образования и передачи научных традиций молодому поколению Русского Зарубежья – работа в этом направлении велась с удивительной энергией и принесла вскоре осязаемые плоды.

Большую роль в становлении академических групп русского зарубежья сыграл известный русский историк П.Г. Виноградов, работавший в дореволюционный период в течение ряда лет в Англии. Высокий авторитет П.Г. Виноградова в научных и общественных кругах Великобритании помог ему привлечь ряд английских меценатов к участию в благотворительном комитете.

Комитет предоставил денежный фонд для поддержки деятельности русских ученых, оказавшихся в эмиграции. Еще одним источником денежных поступлений стали пожертвования Молодежной христианской ассоциации (ИМКА).

Постепенно выявились центры научной жизни русской эмиграции, куда устремилось значительное количество выходцев из России, где могли быть образованы высшие школы, курсы, факультеты с преподаванием на русском языке. Необходимым условием для формирования такой структуры была лояльность местного законодательства по отношению к меньшинствам,

наличие традиционных научных связей с Россией и другие факторы. Отнюдь не во всех странах русских эмигрантов ждали с распростертыми объятиями; характерные «приливы» и «отливы» научной активности русских в разных городах являются отражением сложного процесса поиска благоприятной среды для деятельности вновь приехавших ученых и преподавателей высшей школы.

В начале 20-х годов одним из таких центров стал Берлин.

Признанная Мекка русской эмиграции для деятелей литературы, искусства, политики – Париж, – не оказалась в такой же степени притягательной для ученых из-за отсутствия организованной поддержки аналогичной той, что имела место в Праге в результате «Русской акции». Большинство учебных и научных учреждений, включая Парижский университет, отнюдь не собирались менять сложившиеся структуры, чтобы найти применение научным кадрам из России. Тем не менее, при правительственной поддержке в Сорбонне был организован курс лекций по русской литературе и истории. Русские профессора привлекались также для чтения лекций в том же Парижском университете по советскому и международному законодательству, социологии и философии права. Эти лекции посещались учившимися в Сорбонне студентами-эмигрантами из России. Впрочем, для получения диплома русские студенты должны были выполнить все требования, предъявлявшиеся и к французским студентам.

Характерно, что и Институт славянских исследований, основанный в Париже в 1919 году, несмотря на работу в нем группы русских эмигрантов, оставался типично французским академическим учреждением. Учебным заведением, созданным в Париже специально для русских эмигрантов, стал Народный (свободный) Университет, где лекции читались в вечернее время и выходные дни. Руководители Народного университета проявляли особую заботу о молодом поколении: так, по четвергам (не учебный день в довоенной Франции) и субботам специальные занятия проводились для подростков.

Эмигранты из России могли получить образование с преподаванием на русском языке также в Технологическом институте (дневное и заочное обучение), Православном богословском институте, Франко-русском институте, Коммерческом институте, Русской консерватории им. С. Рахманинова.

Еще одним научным центром русской эмиграции являлся Белград. Основную роль в объединении оказавшихся в этом городе ученых и преподавателей из России играл созданный для них Научный институт. Большим достижением Белградского научного института, существовавшего до начала второй мировой войны, являлось издание научных трудов – их было выпущено 11 томов. Кроме того, по работам на русском языке выпускались библиографические справочники. В Белграде работал ряд крупных ученых – выходцев из России, например, экономист и историк П.Б. Струве. Тем не менее, в целом научная атмосфера в этом городе, по отзывам современников, была несколько провинциальной. Вероятно, какую-то роль в этом играло своеобразие русской диаспоры в Югославии,

с ее явным монархическим настроем, значительным влиянием многочисленной военной и казаческой прослойки.

Академические группы русских ученых были созданы также в Риге, Софии и Варшаве. По научному составу эти группы были менее значительными; для поддержания полноценной научной жизни они старались приглашать для выступлений русских ученых из других центров. В 30-е годы националистические настроения среди местного населения отрицательно сказались и на активности русских академических групп.

Помимо названных европейских городов крупный центр русской эмиграции возник в Манчжурии в г. Харбине. Если прежде задачи русской колонии в этом городе были связаны главным образом с Управлением Китайской Восточной железной дорогой, то после начала массовой эмиграции Харбин принимает на себя также функции центра образования, в том числе высшего, для молодого поколения русских эмигрантов.

Солидным высшим учебным заведением с квалифицированным преподавательским составом был юридический факультет, представлявший собой по существу институт. Помимо юриспруденции в нем читались лекции по русскому и китайскому праву, социологии, истории, экономике. Преподавание шло на русском и частично английском языках, учились как русские, так и китайские студенты.

Такой же принцип – обучение не только русской, но и китайской молодежи – был принят еще двумя Харбинскими ВУЗами – Политехническим институтом и Институтом восточных и коммерческих наук. В сравнении с Юридическим факультетом обучение в них решало более прикладные цели: готовить инженеров и администраторов для работы на КВЖД.

Для русских в Харбине были открыты также Высшая богословская школа и Высшее медицинское училище.

После заключения советско-китайского договора о КВЖД и захвата Манчжурии японцами Харбинская русская коммуна рассеялась по всему свету. Но и сегодня приезжающие в Россию соотечественники из США, Австралии и других стран иногда с гордостью называют себя ветеранами КВЖД.

Для большинства ученых, эмигрировавших из России, получить место в научных учреждениях страны пребывания было как правило непросто. Охотно приглашались для чтения лекций и научной работы лишь те русские ученые, которые имели высокий авторитет в научном мире еще до эмиграции. Так, Брюссельский университет предложил профессорскую должность историку средневековья А. Экку, руководить кафедрой славянской филологии Венского университета был приглашен Н.С. Трубецкой, в Парижской Высшей Практической школе работали Г.Д. Гурвич, А. Койре, Н.О. Щупак и т.д. Некоторые из институтов имели традиционные научные связи с Россией еще с дореволюционных времен, что способствовало появлению в них целой группы выходцев из России. Конечно, это было не правилом, а исключением. Яркими примерами такого сотрудничества являлись Институт Пастера, где работали А.М. Безредка, С.И. Метальников, И.И. Манухин,

В.Н. Анри (Крылов) и др., Музей Человека, куда были приглашены Е.Г. Шрейдер, Б.В. Вильде, А. Левицкий. В основном же западные институты и университеты встречали эмигрантов из России без большого энтузиазма.

Шансы приезжих ученых повышались в случае свободного владения местным языком (так П.М. Бицилли оказался в Софии, а Ф.В. Тарановский – в Белграде) или отсутствия конкуренции при занятии вакансии (такая ситуация была более характерной для провинциальных городов).

Все названные научные центры, за исключением харбинского, были созданы в городах Западной Европы. То, что туда устремились выехавшие из России ученые и преподаватели высшей школы, было вполне объяснимо: помимо традиционных научных связей существенным фактором являлось желание изгнанников оставаться поближе к России в надежде на недолговечность большевистского режима. Однако существовала и другая часть научно-технической интеллигенции, избравшая для себя местом эмиграции Америку. Стремление обосноваться в США было более характерным для тех, кто уже получил известность своими работами в области техники. Так за океаном оказались известный авиаконструктор И.И. Сикорский, крупный специалист в области теоретической и прикладной механики академик С.П. Тимошенко, химик, «великий пионер каталитических реакций» академик В.Н. Ипатьев.

Применение своим силам на фирмах США пробовали найти и сотни других менее известных инженеров и научных работников.

Лишь немногие из них достигли уровня всемирной известности, как например, «отец телевидения» В.К. Зворыкин или директор Национальной радиоастрономической обсерватории США О.Л. Струве.

Говорить об общем вкладе в науку эмигрировавших из России ученых, среди которых были как звезды мировой величины, так и рядовые исследователи, конечно трудно.

Тем не менее, оценки такого рода иногда встречаются в литературе. Так, американский историк М. Раев в своей книге «Русское Зарубежье» высказывает мнение, что русскими эмигрантами сделан значительный вклад в области гуманитарных наук, не очень заметный в среде социологии и практически несущественный в естественных и технических науках.

Вероятно, применение методов наукометрии может объективно подтвердить или оспорить вывод, сделанный М. Раевым. Впрочем, даже простое обращение к наиболее значительным работам наших соотечественников за рубежом не позволяет согласиться с М. Раевым. В области социологии безусловно заметную роль сыграл русский ученый П.А. Сорокин (кстати, не упомянутый в книге М. Раева), труды которого выходили на 11 языках. Мировую известность получили работы по социологии и другого нашего соотечественника Н.С. Тимашева.

В области естественных и технических наук даже простое перечисление российских ученых с мировым именем заняло бы слишком много места. «Самый выдающийся в истории химии ученый» В.Н. Ипатьев, другой известный

химик А.Е. Чичибабин, биологи С.Н. Виноградский и С.И. Метальников, зоолог К.Н. Давыдов, почвовед В.К. Агафонов, геологи Н.И. Андрусов и Н.Н. Меньшиков, корифей в теоретической и прикладной механике С.П. Тимошенко, авиаконструктор И.И. Сикорский, строитель судов В.Н. Юркевич, специалист в области электроники В.К. Зворыкин – это лишь часть тех, чьи работы явились заметным вкладом в развитие мировой науки и техники.

За каждым из этих имен стоит судьба, как правило, совсем непростая. Судьбы эмигрантов вообще редко складываются безоблачно.

Одну из «болевых точек» русской интеллигенции составляла проблема ценностного отношения к Отечеству. Ее представители, по выражению поэта С. Черного, не делали профессии из своей большой любви к России, но все, чем они жили, так или иначе оказывалось проникнуто этим чувством. Они, по свидетельству Н. Шагала, «работая на чужбине, вздыхали в искусстве – каждый по-своему – о родине». Независимо от своего желания, подчеркивал Р. Гуль, они работали только для России, даже когда публично отрекались от этого.

Эмигранты не имели завышенных ожиданий по отношению к приютившим их странам, старались принимать тяжелые условия жизни как должное, но полученные психологические травмы ставили их на грань душевного срыва, зачастую приводили к трагическим последствиям. Процесс адаптации усугублялся случаями отторжения со стороны западного общества, устойчивым российским менталитетом, желанием сохранения культурного своеобразия и стремлением вернуться в Россию.

Эмиграция переживала сложный процесс столкновения разных культурных стереотипов и аккультурацию, когда элементы собственной и чужой культуры сливались настолько, что подгонка отношений под окружающую среду создавала опасность денационализации. Данный процесс распространялся как минимум на три поколения, когда могла бы завершиться культурная включенность в целом.

В результате русская интеллигенция стремится осмыслить ее собственную роль в условиях изгнания. «Смысл – в ее (интеллигенции) служении... «Эмиграция»? Это ведь одна сотая русского народа. Но она свободна – и, будучи свободна, она для русского народа и во имя русского народа... может и должна продолжать его духовную традицию, то есть помогать ее сохранению и продолжению» [13. С. 215], – писал Н.С. Арсеньев. Чувство служения потерянной родине, русскому народу и попытки сохранения образа Отечества в условиях диаспоры и предопределили начало поиска русского духа.

Проведя историко-социальный анализ феномена Русского Зарубежья 20-х – 30-х гг., можно сделать следующие выводы.

Отличительными особенностями российской диаспоры за рубежом являлись:

- достаточно сложный спектр социально-политических предпочтений эмигрантов;

- будучи носителями русской и европейской культур, представители русской культурной диаспоры активно адаптировались в западное цивилизованное общество, пытаясь при этом сохранить собственную национальную идентичность;
- научный и образовательный изоляционизм больше всего отразился на русской молодежи, что выразилось в глубоком эмоциональном потрясении. Старшее поколение акцентировало свое внимание на сохранении и передаче традиционных начал ментальности подрастающему поколению. В итоге это стало смыслом их жизни на чужбине;
- духовная связь с Родиной, продолжение традиций отечественного просвещения, творческий потенциал педагогов позволили сохранить историческую преемственность русской национальной культуры.

Литература

- Филиппов В. «Нулевой вариант» в этнополитике – путь к гражданскому равноправию в обществе // Федерализм. 1997. № 2. С. 27.
- Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 80.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 52.
- Тишков В.А. Забыть о нации // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 16.
- Катицын В.М. Национальная идентификация и политико-правовые стратегии государства // Национальный вопрос и государственное строительство. М., 2001. С. 78.
- Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX век. М., 1999. С. 360.
- Пак Г.Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов, 1998. С. 73–74.
- Вырицков А.Н., Никонов К.М. Российская национальная идея. Волгоград, 1998. С. 103.
- Осипов Г.В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М., 1997. С. 140.
- Дробижева Л. Опыт национализма и демократизация в республиках Российской Федерации // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 43.
- Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 25.
- Мякотин В.А. Родина и эмиграция // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1994. Кн. 5. С. 248–249.
- Арсеньев Н.С. О русской эмиграции (с 1920 по 1971 г.) и о духовном ее служении // Русское Возрождение. Нью-Йорк–Москва–Париж, 1992–1993. № 60–61. С. 215.

С. Терзич
(Институт истории САНИ, Белград)

Европа и Косово и Метохия: исторический очерк

Abstract:

Terzich S. *Europe and Kosovo and Metohija: a historical review*

This article, written with the involvement of a large amount of factual material (including evidence of European cartographers, geographers, travelers, diplomats and scientists from the end of the seventeenth century up to the First World War), is directed against massive fraud, the so-called «new interpretation» of history of Kosovo and Metohija. The author highlights the fact, that the Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija is central to Serb self-consciousness.

Ключевые слова: Косово и Метохия, история Сербии, сербское самосознание, культурное наследие, Старая Сербия, Албания, албанцы, Ястребов, Гильфердинг, Беар, Гравье, Темперлейм.

Историк-балканист в поисках исторической истины сталкивается с попытками преимущественно «неправительственных» организаций, а также и некоторых профессиональных историков создать совсем «новую историю» Косова и Метохии, в большинстве своем противоречащую всей предшествующей критической, научной историографии. Традиционные и признанные европейской наукой знания об истории, культуре и цивилизации отдельных народов и территорий, которые, конечно, могут переосмыслиться, если для того имеются новые исторические источники, оспариваются новыми толкованиями, которые происходят из современных западных политических планов по государственному и культурно-религиозному перекраиванию сербской и южнославянской территорий. Понятно, что фальсификация исторических фактов имеет своей целью создание исторического обоснования для таких новых творений, как «независимое Косово», созданное на территории Сербии. Поэтому и косовский вопрос начинает рассматриваться широкой европейской и мировой общественностью и даже частью научного сообщества как составляющая «албанского вопроса», а не как культурная и духовная основа сербской истории и сербского вопроса на Балканах, или, глядя на события последних десятилетий, как часть устремлений албанского меньшинства в Сербии по отделению части территории Сербии насильственным путем. Косовские темы и косовские мотивы представляют собой ядро сербской литературы и искусства, основу национального самосознания.

Предпринимаются попытки представить существующее в настоящее время положение дел в южном сербском крае и полное доминирование албанского меньшинства над остатками изгнанных сербов, являющиеся результатом продолжавшейся многие десятилетия этнической чистки сербов на этой территории и последовавшей затем агрессии НАТО, как состояние, которое, как таковое, тянется веками. Однако косовский вопрос представляет собой лишь составную, хотя и важную, часть многовековой драмы сербского народа под османским владычеством. Последние два века этого владычества, со всеми войнами европейских государств против Османской

империи, локальными христианскими восстаниями и войнами балканских христианских государств против турок-османов, привели к далеко идущим демографическим сдвигам и культурным изменениям в этой части Сербии. Данная работа имеет своей целью обратить внимание на европейские свидетельства о Косово и Метохии, относящиеся как раз к тому периоду, т.е. к периоду, предшествовавшему вхождению этих двух областей в состав Королевства Сербии после их освобождения в 1912 г.

Излишне доказывать, что сербское наследие в Косово и Метохии является составной частью европейской христианской цивилизации, особенно если под ней подразумеваются в одинаковой мере традиции западного и восточного христианства. Вопрос лишь в том, признает ли западно-христианская Европа равноправие обеих христианских традиций? Отношение к сербской драме в Косово и Метохии и почти полному уничтожению сербского культурного наследия говорит о том, что Европа продолжает смотреть на сербскую традицию со всеми предрассудками и стереотипами, которые веками культивировались в отношении византийско-славянской цивилизации.

Среди славистов, балканистов и в иных европейских научных сообществах, как и среди широкой образованной публики, никогда не ставилось под сомнение, что сербское культурное наследие в Косово и Метохии является центральным звеном сербского самосознания, основой коллективного народного сознания и всего народного творчества. Однако в последние несколько десятилетий, а особенно в последние двадцать лет, параллельно с радикальным изменением государственных границ в Юго-Восточной Европе, появилось множество книг, в основном публицистического характера, в которых предпринимаются попытки создания новых исторических, политических и культурных идентичностей. По всей видимости, этот феномен нигде не получил таких масштабов, как в случае с южным сербским краем – Косово и Метохией. В последние десять-двадцать лет мы слышим и читаем недавно созданные термины: «косовский народ», «косовская культура», «косовское культурное наследие» и даже, в одной школе неподалеку от Лондона, «косовский язык». При этом естественно речь идет об албанском меньшинстве. Идеологическая основа такого подхода скрывается в тезисе о мнимой исторической и этнической «иллиро-албанской идентичности» Косово еще со времен античной Дардании. «Возрождение Дардании» является конечной целью уничтожения всех сербских следов в Косово и Метохии. Сербь, согласно авторам «новой истории» сербов и Балкан, появляются здесь как временные «оккупанты албанских земель».

Показательны в этом смысле книги Ноэля Малькольма «Косово. Краткая история» (Лондон, 1998), Вольфганга Петрича, Карла Казера и Роберта Пихлера «Косово-Косова» (Клагенфурт–Вена–Любляна–Тузла–Сараево, 1999), а также, в известной степени, и книга полутора десятков авторов «Косовский конфликт» (Мюнхен, 2002) под редакцией Конрада Клевинга

и Йенса Ройтера¹. В Вене с начала двадцатых годов XX века выходит журнал «Дардания», который возрождает теории, опубликованные в двух томах «Ilirisch-Albanische Forschungen», изданных в 1916 г. в Мюнхене и Лейпциге². Недавно из-под пера немецкого историка, профессора, занимающегося историей Юго-Восточной Европы в Институте восточноевропейских исследований Свободного университета в Берлине, Холма Зундхаузена, вышла книга «История Сербии»³. По его мнению, роль Косово и Метохии в сербской истории и косовских мотивов в сербской культуре сводятся лишь к «националистической мифологии».

Основываясь на таких совершенно искаженных представлениях об истории и культуре этого региона, ведущие западные державы, их дипломатия и вооруженные силы пытаются сегодня насильственным путем и во всех отношениях противозаконно отнять южный сербский край. Много раз мы слышали утверждения, что Сербия «не имеет морального права управлять Косово». Но именно многочисленные европейские свидетельства, относящиеся к прошлым векам, говорят о Косово и Метохии как о многовековой части Сербии, основе сербской культуры, исторической памяти, фундаменте сербской государственной, духовной и культурной вертикали.

В подтверждение этого приведем лишь несколько точек зрения европейских картографов, географов, путешественников, дипломатов и балканистов относительно этой части Сербии с конца XVII в. до Первой мировой войны. Большинство европейских картографов, с конца XVII в. вплоть до освобождения края в 1912 г., считают Косово и Метохию составной частью Сербии, Старой Сербии или иногда Рашки, в любом случае – Сербии под османским владычеством. Итальянский картограф Джжакомо Кантели да Виньола (1643-1695) посвятил в 1689 г. свою первую региональную карту Сербии («Il Regno della Servia detta altrimenti Rascia»), изданную в Риме, кардиналу Альфонсо Лити. Косово и Метохия на этой карте входят в состав Сербии, а граница между Сербией и Албанией проходит по реке Дрин («большой Дрин»), находящейся в сегодняшней северной Албании⁴. Ведущий французский и европейский картограф XVIII в. Гийом Делиль опубликовал в Аугсбурге в 1717–1726 гг. гравюру «Карта Венгрии» («Tabula Hungaria»), на которой сегодняшние Косово и Метохия, включая Печ, Джаковицу и Призрен, целиком входят в состав Сербии. Таким же образом Сербия (с территорией современных Косово и Метохии) представлена на карте «Театр военных действий между русскими и турками» (СПб., 1771)⁵. На карте картографа Йоханна Кристофа Роде (1713-1786), географа из Берлина, под названием «Карта приграничных областей трех великих империй – Австрийской, Российской и Османской», опубликованной в 1785 г., на гравюре, выпущенной под контролем Королевской академии наук, граница Сербии и Албании находится в устье Белого Дрина, впадающего в Черный Дрин⁶. Тремя годами позже, в 1788 г., на французской карте Л. Бриона был изображен театр боевых действий проходившей тогда русско-турецкой войны. Граница между Сербией и Албанией находится также на Большом

Дрине и начинается от впадения Белого Дрина в Черный Дрин. В рамках Сербии (Servie) сегодняшние Косово и Метохия обозначаются как Рашка (Rascie), к которой относятся и Печ, и Джаковица, и Призрен⁷. Несколько позже, на карте под названием «Османская империя в Европе», которая была опубликована в 1797 г., вся Метохия с Печем, Джаковицей и Призреном изображается как часть Сербии⁸.

В XIX в., после создания Княжества Сербии, европейские исследователи вместо использовавшегося до этого термина «Сербия» для обозначения Косово и Метохии и близлежащих областей чаще всего используют термин «Старая Сербия» и иногда «Рашка».

На карте известного немецкого картографа Генриха Киперта, которая носит название «Общая карта европейской части Турции» (Берлин, 1853 г., позднее имела много изданий), обозначены территории всех албанских племен, и они находятся исключительно на территории сегодняшней Албании, в то время как для сегодняшней территории Косово и Метохии используются термины «Косово Поле» (как узкое географическое пространство поблизости от Приштины) и «Метойа»⁹. На территории Албании упоминаются области племен груди, клименти, гаши, хоти, пулати, кастрат, груйомир, букумир и многих других. На этой карте – область Дукаджин, которая также находится на территории Албании и пересекает Большой Дрин только в одной части, в направлении области Хас. На территории Метохии и Косово не отмечено ни одного албанского племени. Албания начинается в области Шаля на севере и тянется далеко на юг, не включая в себя ни Печ, ни Призрен.

Майор австро-венгерского генштаба Петер Кукуль дал своему военно-географическому исследованию, опубликованному в Вене в 1871 г., название «Княжество Сербия и турецкая Сербия». Согласно демографическим и этнографическим данным, приводимым Петером Кукулем для Призренского мутесарифлука (т.е. Метохии и Косово), по национальному составу было 318 000 сербов, 161 000 албанцев и несколько меньшее число турок, вlahов, цыган и черкесов. По религиозной принадлежности православных (сербы и геги) было 250 000, а мусульман (албанцы, сербы, цыгане, черкесы, турки) было 239 000. Католиков (албанцы и сербы) было 11 000¹⁰.

Тенденцию к расширению понятия Албания на территорию Старой Сербии первый раз мы встречаем в книге «Нови Пазар и Косово (Старая Рашка)» (Вена, 1892) Теодора Ипена¹¹, австро-венгерского албаниста, на протяжении многих лет бывшего дипломатом в Скадаре, Константинополе, Иерусалиме, Амстердаме, Афинах, члена австро-венгерской делегации на конференции послов в Лондоне в 1912-1913 гг. В приложении этой книги на карте под названием «Рашка» охватывается сегодняшняя Рашская область, все Косово и далее до Скопья, включая и этот город. Но большая часть Метохии, особенно территория вокруг Джаковицы, включена в понятие Албания. Немецкий путешественник и публицист Генрих Ренер в книге «Через Боснию и Герцеговину (вдоль и поперек)», опубликованной в Берлине в 1896 г., в прилагающейся карте также использует понятие «Рашка», но в отличие от Ипена – для всей территории Косово и Метохии¹².

Британские исследователи, такие, как Альфред Стед (1909) и известный историк Гарольд Темперлей (1917), обозначают эту территорию термином «Старая Сербия»¹³. Накануне освобождения Косова и Метохии в 1912 г. в Вене вышло четвертое издание большой карты проф. Карла Пойкера под названием «Македония, Старая Сербия и Албания». Вся территория, начиная от Мокрой Горы севернее Печа, включая Джаковицу, Призрен, и доходя до Скопья и Овчеполя, обозначена термином Старая Сербия. Проф. Пойкер констатирует славянское большинство в тогдашнем Косовском вилайете, т.е. в Старой Сербии («сербы и болгары»). От общего числа населения в 980 000 чел., славян, согласно Пойкеру, было 447 000, из которых 430 000 составляли православные и 17 000 мусульмане, 430 000 албанцев – мусульман (420 000) и незначительное число христиан-католиков (10 000), далее идут турки – 90 000, цыгане-мусульмане – 10 000, евреи – 2000 и другие¹⁴. Имея в виду эти факты, кажется вполне естественным, что бывший американский госсекретарь Генри Киссинджер на международном форуме по Косово, 12 октября 1998 г. в Праге, отметил буквально следующее: слишком долго в истории Косово подразумевалось как составная часть Сербии.

Схожее понимание Косово и Метохии как части Сербии и сербской истории имели и многие другие иностранные авторы. В своей «Истории Сербии», опубликованной в Лондоне в 1917 г., известный историк Гарольд Темперлей описал роль Косово в сербской истории следующими словами: «Для сербов Косово значит больше, чем Флоден для шотландцев, потерпев поражение при котором они потеряли армию и монарха, больше, чем Гастингс для англичан, поражение при котором позволило завоевателям навязывать свою волю покоренному народу»¹⁵. Темперлей был профессором в Гарварде и Кембридже, а в 1921 г. был представителем Британии в комиссии по албанским границам.

Российский славист и историк Александр Федорович Гильфердинг, член Российской академии наук и первый русский консул в Сараево, опубликовал в 1859 г. в Санкт-Петербурге объемные путевые записки под названием «Путешествие по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии». Гильфердинг объехал все важные населенные пункты Косово и Метохии, посетил все крупные монастыри и оставил множество бесценных сведений об истории и культуре этого региона. Он критически оценивал великий исход сербов во главе с патриархом Арсением III Черноевичем, утверждая, что он «должен был предвидеть то, что произойдет с землей, которую он оставил (...). Весь этот дивный край, сердце Старой Сербии, заняли албанцы, которые спустились с бедных и холодных гор Дукаджина и Малесии в плодородные и теплые равнины, как только их покинули славяне»¹⁶.

Высокие Дечаны, как пишет Гильфердинг, это «одно из совершеннейших творений византийской сакральной архитектуры. Когда вы входите в эту церковь, вас охватывает чувство какого-то радостного блаженства. Вы здесь беззаботны, спокойны и веселы, и эта ваша радость какая-то возвышенная». В народной песне, которую Гильфердинг записал в Дечанах,

Призрен называется «сербским Царьградом»; это имя, говорит он, «не просто гипербола, которой случайно воспользовался какой-то народный певец-гуслиар». Приводя множество данных о некогда прочных демографических и культурных позициях сербов, Гильфердинг отмечает, что в одном только селе Любиджа около Призрена в былые времена было семь церквей, а «фундаменты некоторых еще видны»¹⁷.

Спустя шесть лет после путешествия Гильфердинга англичанки Маккензи и Ирби тоже сообщили в своей книге «Путешествие по славянским землям Турции в Европе» множество данных о сербском культурном наследии в Косове и Метохии. Они также постоянно используют термин Старая Сербия. В одном месте они говорят: «За дунавской Сербией... начинается Старая Сербия». Они пишут, что в старых хрониках говорится, «как в то время, когда турки первый раз пришли в Косово, этот край был хорошо возделан и населен; дороги и мосты были предметом особого внимания правителей; сербский сабор обычно собирался где-то неподалеку, а в соседних городах Скопье, Ново-Брдо и Призрене проводились большие ежегодные ярмарки, на которые собирались иностранные купцы. Да, в те дни Косово было частью Европы – общества, правда, еще неотесанного, но трудолюбивого и развивающегося; но в один такой же дождливый день пятьсот лет назад его завоевали турки для того, чтобы там паслись их кони». Глава заканчивается словами: «Так Косово было отрезано от Европы»¹⁸.

Монастырь Грачаница своей архитектурой напоминал им некоторые церкви в северной Италии. А доказательства итальянского влияния, как они отмечают, «без сомнения нашлись бы и на фресках внутри церкви». Маккензи и Ирби очень хорошо понимают соотношение между новосозданным Княжеством и Старой Сербией: «На старых картах европейской части Турции, которые были составлены, когда еще вся Сербия была под турками, всей этой стране дается ее настоящее имя; но сейчас, когда та ее часть, которая находится ближе всего к Дунаю, сбросила магометанскую власть, в то время, как ее другая часть, которая находится ближе к Македонии, все еще поработана, составители географических карт дают имя “Сербия” свободному краю, а остальную часть и сам тамошний народ называют “Старой Сербией”»¹⁹.

Они отмечали, что на юго-западной окраине Старой Сербии располагается Призрен – «сербский Царьград». И они подобно Гильфердингу объясняли причины изменения этнической структуры Косово и Метохии: «Землю, которая осталась пустой после того, как беглецы покинули ее в ходе первого переселения и в последующее время, заняли люди, спустившиеся с соседних гор, шкипетари или албанесцы, или, как их называют турки, арнауты»²⁰. Но, в отличие от арбанасов-мусульман, которые потеряли и свободу, и свою старую веру и которые пришли на чужую территорию, христиане на свои праздники собираются «под стенами своих больших старых церквей, и у них есть все предания о старом царстве и той цивилизации, которая была присуща Старой Сербии до тех пор, пока она была частью христианской Европы. А если прошлое принадлежало им, то им нужно лишь хорошо следить

за тем, чтобы им принадлежало и будущее, чтобы они рано или поздно снова стали частью христианской Европы»²¹.

Огромный корпус исторических материалов о сербском наследии Косово и Метохии содержит книга Ивана Степановича Ястребова «Старая Сербия и Албания», опубликованная в серии «Памятники Сербской королевской академии» в 1904 году²². И.С. Ястребов (1839-1894) много лет был российским вице-консулом и консулом в Призрене (консульство было открыто в мае 1866 г.) и в Скадаре, и он изъездил эти области вдоль и поперек. В начале 1870 г. Ястребов вступил в должность вице-консула в Призрене и занимал ее до конца 1874 г. На смену ему пришел Лисевич, но лишь до мая 1875 г., когда российское консульство было закрыто. Консульство вновь открылось в 1879 г., и И.С. Ястребов вернулся в Призрен уже на должность консула. В сентябре 1880 г. он перешел на должность консула в Янине, а в начале марта 1881 г. стал генеральным консулом в Салониках, оставаясь им вплоть до своей смерти 20 января 1894 г.

Его труд «Старая Сербия и Албания» представляет собой бесценный ориентир для дальнейших исследований. Ястребов отмечает, например, что названия всех сел и гор в южной части Джаковицкого округа являются свидетельством проживания там чисто сербского населения, «хотя сейчас все жители там арнауты». Ранее в том районе было и население влашского происхождения. Позднейшее доминирование арнаутского исламизированного населения привело к постепенной албанизации сербов²³. Ястребов называет их «арнауташами».

Он фиксирует остатки многих разрушенных церквей. Для примера Ястребов перечисляет названия 18 сел с правой стороны дороги из Джаковицы в сторону монастыря Дечаны и отмечает, что «почти в каждом из этих сел есть остатки развалин церквей и следы небольших кладбищ». Помимо всего прочего он отмечает, что на возвышенности с правой стороны дороги от села Бела-Црква в сторону села Зрзе лежат развалины церкви. Между дорогами, ведущими из села Бела-Црква в села Рогово и Зрзе, между полями и лугами виднеются остатки церкви Св. Целителей. Вблизи этих руин находится склеп, кладбище вокруг которого почти полностью уничтожено, нет надписей, и только на одном большом камне виден высеченный крест²⁴. В селе Кориша (которое когда-то было городом) имелось в свое время 5 церквей²⁵. Село Кабаш еще сохранило свое старое название – село св. Петра, полученное из-за расположенных поблизости еще «достаточно больших развалин церкви св. Петра Коришского». Название Кабаш село получило от албанцев, переселившихся с горы Кабаш после 1739 г. и племена кабаш в Албании, где их соплеменники до сих пор остаются христианами, в то время как их родственники, жившие в селе св. Петра Коришского, были поголовно мусульманами. Переселилось их около 5 семей, а уже в семидесятых годах XIX в. их было уже около 100. Несколько этих примеров – лишь иллюстрация процесса демографического, этнического и культурного вытеснения сербов из их исконных областей в течение XVIII, XIX и XX вв., в основном насильственным путем.

В 1904 г. англичанка Мэри Дарам, публицист и антрополог, издала в Лондоне книгу «Через сербские земли»²⁶. В отличие от своих позднейших работ, в которых она заняла выраженную проалбанскую позицию, в этой книге Дарам объективно показывает сербское наследие Метохии. На нее, так же как на Гильфердинга, сильное впечатление произвели Дечаны, которые были бы прекрасным творением в любой части света. «Здесь, – пишет Дарам, – этот уникальный экземпляр в этой земле почти полностью погряз в варварстве, на него смотрят, как на что-то почти потустороннее, и поклоняются с обожанием, которое оказало невероятное впечатление на суеверные души албанцев, и тем самым спасло его от разорения. А для серба это внешний и видимый знак, подтверждающий, что это его земля. И хотя турки владели ею пять сотен лет, они не оставили на ней никаких подобных знаков. Грубо говоря, они потратили эти пять сотен лет на то, чтобы временно стоять здесь лагерем как оккупационная армия!»²⁷.

Схожие взгляды изложил французский антропогеограф Гастон Гравье в своем исследовании «Старая Сербия и албанцы», изданном в Париже в 1911 г. после его путешествий и исследований в течение 1910-1911 гг.²⁸. Существование сербской жизни в Косове он объясняет культом прошлого, величием воспоминаний. Гравье пишет: «Нигде в другом месте нет стольких многочисленных и красивых старых сербских церквей; нигде преданность своей земле и религии не выражается в таких трогательных формах. Косовские сербы осознают, что они берегут Святые Места, к которым отправляются в паломничество из Сербии»²⁹. Сербам, как отмечает Гравье, угрожает опасность «быть изгнанными с этой земли, колыбели и надежды своего народа, величественную эпопею которого буквально оживил Мештрович, великий национальный скульптор на выставке в Риме». Речь идет о фрагментах монументального Видовданского храма, которые в 1911 г. Иван Мештрович представил в сербском павильоне на Международной выставке в Риме.

Исследования Гастона Гравье вносят бесценный вклад в освещение недостаточно изученного на сегодняшний день феномена исламизации сербов в Косово и Метохии, а затем и их албанизации в течение последних двух веков турецкой власти, которые, как правило, замалчиваются, особенно в новейшей зарубежной историографии и этнографии. Типичен в этом смысле регион Дреницы. Гравье в качестве примера приводит городок Ораховац в Метохии и его окрестности. Он пишет: «Почти все мусульмане в этом регионе представляют собой сербов, недавно перешедших в ислам. Похоже, что в большинстве случаев обращения в ислам происходили с начала XIX века, многие из них – менее 25 лет назад, а многие из родов поделены на православные и мусульманские дома». В самом Ораховце, согласно Гравье, в начале XX века было 141 православных и 416 мусульманских домов, в то время как религиозная и этническая структура населения 1310 домов из 17 близлежащих сел выглядела так: 644 дома принадлежали сербам мусульманского вероисповедания, 516 – сербам православного вероисповедания, 53 – албанцам-мусульманам, 24 – албанцам-католикам,

5 – сербам-католикам, 6 – туркам, 52 – цыганам православного вероисповедания и 10 – цыганам-католикам³⁰.

Этот процесс был последствием анархии и террора, которым, чем слабее становилась центральная власть, тем больше подвергались в первую очередь европейские провинции Османской империи, где в течение XVIII и особенно XIX вв. доходило до выраженного неповиновения местных феодалов. Хорошо иллюстрирует общее положение христиан в Турции их положение в Старой Сербии во время Восточного кризиса (1875–1878) и формирования Албанской лиги в Призрене, а также в течение следующих десятилетий вплоть до освобождения в 1912 г. Британский генеральный консул в северной Албании Кирби-Грин в 1880 г. считал Албанскую лигу в Призрене организацией «самых фанатичных мусульман страны. Эти люди сейчас охвачены крайним религиозным фанатизмом и ненавистью к христианам. Призрен, уступая разве что Мекке, является самым опасным местом для христианина во всех мусульманских странах»³¹.

Французский публицист Виктор Берар в конце XIX в. посещал европейские провинции Турции и оставил бесценные свидетельства о положении в них. Посещая районы Старой Сербии, Берар записал, помимо прочего, следующие строки: «Если сегодняшняя анархия продлится еще десять лет, сербы могут открывать какие угодно школы в Старой Сербии, посылать епископов и священников во все города и деревушки, но священники не найдут больше ни одного христианина, чтобы обучать его закону Божьему, а школы не найдут больше ни одного славянина, чтобы давать ему образование. Другими словами, славяне от албанцев вынуждены или бежать или умереть, и их исчезновение на всей этой территории будет только вопросом времени, причем недолгого времени»³². Албанское национальное движение во время Восточного кризиса, и особенно после 1878 г., в значительной степени было срежиссировано великими державами, в первую очередь Австро-Венгрией и Великобританией, став средством борьбы за их доминирование в этой части Балкан³³.

Сербское культурное наследие в Косове на разные лады вдохновляло европейских писателей и людей искусства. Чешский историк, поэт и путешественник Зигфрид Капер написал эпическое произведение «Князь Лазарь», опубликованное на немецком языке в Вене и Лейпциге в 1852 и 1853 гг.³⁴. Чешский композитор Роберт Толингер написал в 1889 г. в честь пятилетия Косовской битвы большую кантату «Косовка»³⁵. По поводу этого юбилея газета «Русское дело», бывшая печатным органом аксаковских славянофилов, назвала Косово «сербской Троей» и призвала русских отметить это событие: «Не отпраздновать годовщину Косовской битвы в России значило бы нанести обиду сербским и общеславянским национальным чувствам»³⁶. Видовдан под названием «Косовский день» отмечался в Великобритании во время Первой мировой войны, а в 1918 г. – и в США.

Первый раз Косовский день отмечался в Великобритании в 1916 г. в организации «Комитет Косовского дня», во главе которой стояла профессор

Элси Инглис, основательница Больницы шотландских женщин для службы за рубежом и главный хирург больницы в Эдинбурге³⁷. Членами комитета, среди прочих, были леди Каудрей, леди Гроган, леди Педжет (супруга британского посланника в Белграде во время Балканских войн Ральфа Педжета), а также британский историк Роберт Уильям Ситон-Уотсон и другие известные люди. Британское правительство имело определенные сомнения по этому поводу. Когда члены комитета Косовского дня предложили провести на Видовдан службу в соборе Св. Павла в Лондоне, Форин офис воспротивился этому, объясняя, что «28 июня является также и годовщиной убийства Франца Фердинанда, и просербская демонстрация может быть неправильно понята»³⁸. Известный археолог сэр Артур Эванс писал в «Таймс» о косовском эпосе как о «всеобщем наследии, сохранившем традиции национального единства». Известный британский писатель того времени Честертон прославлял народы, которые «потерпели поражение в бою, но продолжают жить и развиваться, поскольку являются нацией, а нация близка религии. Сербы собираются возвести величественный памятник в Косове. Как и чехи, и поляки, они отсчитывают свое время не от победы, а от поражения, не как язычники – от основания города, а от его завоевания»³⁹.

Перевод А. Оситовой.

Примечания

¹ Malcolm N. Kosovo. A short history. London, 1998 (см. также: Response to Noel Malcolm's book «Kosovo. A short history». Belgrade, 2000); Petrisch W., Kaser K., Pichler R. Kosovo-Kosova. Mythen, Daten, Fakten. Klagenfurt–Wien–Ljubljana–Tuzla–Sarajevo, 1999; Der Kosovo-Konflikt. Ursachen-Akteure-Verlauf. München, 2000.

² Illyrischhalbanische Forschungen (Zusammengestellt von Dr Ludwig von Thaloczky). München-Leipzig, 1916. I–II.

³ Sundhausen H. Geschichte Serbiens 19–21. Wien–Köln–Weimar, 2007; сербское издание: Зундхаузен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008.

⁴ Il Regno della Servia detta altrimenti Rascia. Giacomo Canteli da Vignola. Roma, 1689.

⁵ Theatre de la Guerre entre les Russiens et les Turcs. Partie seconde. Publiee par C. M. Roth. St. Petersburg, 1771.

⁶ Partes confines trium magnorum Imperiorum austriaci, russici et osmanici. Foliis VI comprehensae et novissimis tabulis geographicis descriptae auspicio Acad(emiae) Reg(alis) Scient(iarum) Eleg(antionum) Litt(erarum) a I.C. Rhode Acad(emiae) supr(a) ad Geogr(aphiam) // Anno MDCCLXXXV.

⁷ Théâtre itinéraire de la Guerre Actuelle entre les Turcs, d'une part: les Ruces et les Imperiaux, d'autre part: Carte relative aussi au partage eventuel d' une partie de l'Empire Othoman. Par L. Brion de la Tour, Ing. Geographe du Roi. Paris, 1788.

⁸ Imperii Osmanici sive Turcici Europaei, tabula ad normam Recentissimarum Observationum concinnata Sumtibus Joannis Walchii, Augustae Vind – Das Osmanische Reich in Europa, Nach den neuesten nachrichten und bewährtesten Hilfsmitteln. 1797.

⁹ General-Karte von der Europäischen Türkei, Berlin 1853; General-Karte des Türkischen Reiches in Europa und Asien. Entworfen u. bearbeitet von Heinrich Kiepert. Berlin, 1855.

¹⁰ Das Fürstenthum Serbien und Türkisch--Serbien (Stara-Serbia Alt Serbien). Eine militärisch-geographische Skizze von Peter Kukulj, Major im k.k. Genelastabe. Wien, 1871. S. 148–149.

¹¹ Novibazar und Kossovo (Das Alte Rascien). Eine studie. Wien, 1892.

¹² Durch Bosnien und die Hercegovina, kreuz und quer. Wanderungen vor Heinrich Renner. Berlin, 1896.

- ¹³ *Servia by the Servians*. Compiled and edited by Alfred Stead, with a map. London, 1909; *Temperley H.W.V. History of Serbia*. London, 1917 (карта в приложени: «The Serbian Kingdoms»).
- ¹⁴ *Karte von Makedonien, Altserbien und Albanien 1:864.000*. Bearbeitet von Dr Karl Peucker, IV. Auflage. Wien, 1912.
- ¹⁵ *Temperley H.W.V.* Op. cit. S. 102.
- ¹⁶ *Гилффердинг А.* Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Сарајево, 1972. С. 163–164.
- ¹⁷ Там же. С. 168, 194.
- ¹⁸ *Мекензи М., Ирби А.П.* Путовање по словенским земљама Турске и Европи. Београд, 1868. С. 161.
- ¹⁹ Там же. С. 180.
- ²⁰ Там же. С. 181.
- ²¹ Там же. С. 189.
- ²² *Јатребов И.С.* Стара Србија и Албанија. Путевыя записки // Споменик СКА. XLI, други разред. Београд, 1904.
- ²³ Там же. С. 2–20.
- ²⁴ Там же. С. 55.
- ²⁵ Там же. С. 62–63.
- ²⁶ *Дарам М.Е.* Кроз српске земље (1900–1903). Београд, 1997.
- ²⁷ Там же. С. 250.
- ²⁸ *Грађе Г.* Стара Србија и Албанци. Приштина, 1995.
- ²⁹ Там же. С. 35.
- ³⁰ Там же. С. 27–28.
- ³¹ Цит. по: *Vickers M.* Between Serb and Albanian. A History of Kosovo. London, 1998. S. 47.
- ³² *Berard V.* La Macedoine, Paris, 1896. S. 139.
- ³³ *Терзић С.* Аустроугарско обликовање албанског националног покрета (1878–1912) // Европа и Источно питање (1878–1923). Београд, 2001. С. 247–261.
- ³⁴ *Matl J.* Два нјемацка часописа из шездесетих година 19. вијека // *Nastavni vjesnik*. Zagreb, 1928. Књ. XXXVI. Sv. 5–6. S. 28.
- ³⁵ *Петровић В.* Петстогодишњица Косова пре педесет година // «Политика». 28. јун 1939.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Kossovo Day (1389–1916)*. London, 1917; *Ostojić-Fejić U.* Obeležavanje Kosovskog dana u Velikoj Britaniji tokom Prvog svetskog rata // *Istorija 20. veka*. Beograd, 1994. Br. 2. S. 21.
- ³⁸ *Ibid.* S. 21–22.
- ³⁹ *Ibid.* S. 24.

И.Ф. Макарова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Общественная активность как форма проявления идентичности болгар в XV–XVI вв.

Abstract:

Makarova I.F. *Public activity as a form of identity manifestation of the Bulgarians in XV–XVI centuries*

The article traces the relationship between the manifestations of social activity of the Bulgarians in the era of the highest power of the Ottoman Empire (XV–XVI centuries.), and the degree of ethno-political tension and ethno-cultural forms of their identity. The author's conclusion is that in the absence of any external structures consolidating the ethnos, the massive social movement for the restoration of the old ethno-political organization of society and the preservation of cultural heritage provides a vivid evidence of the vitality of those consciousness forms that did not have adequate support in the new social political system.

Ключевые слова: Болгария, Европа, этнология, этническая общность, национальная идентичность.

В современной этнологии широко распространено мнение, что самосознание этнической общности может быть выражено в концентрированном виде как отдельными ее представителями, так и на надличностном уровне, в том числе и в объективированных формах общественного сознания – языке, произведениях искусства, нормах морали, массовых общественных движениях и так далее¹. Последняя форма представляет особый интерес. Общественная активность народа, в отличие от других способов выражения самосознания, обычно тесно связана с политическими, социальными и экономическими условиями развития этнической общности. По признанию исследователей, ее можно рассматривать лишь как косвенный источник для изучения этнического самосознания, позволяющий судить, прежде всего, о присутствии определенного напряжения в обществе. Однако в условиях внешнего завоевания, и особенно в те исторические периоды, когда в обществе еще не сложились предпосылки для становления и пропаганды «национальной идеи», именно эта форма может выполнять функцию индикатора степени внутреннего напряжения этнополитической и этнокультурной формы самосознания, далеко не всегда осознанного, но являющегося неотъемлемым элементом жизни социума. Для изучения структуры самосознания болгар в эпоху наивысшего расцвета могущества Османской империи – XV–XVI вв., эпоху, которую в историографии традиционно принято называть «классической эрой», данный источник представляет особый интерес. В условиях полного отсутствия основных этноконсолидирующих структур (в лице национального государства, этноориентированной структуры церковной организации, феодальной аристократии) именно массовое общественное движение за восстановление прежней этнополитической организации общества и сохранение культурного наследия представляло собой яркое свидетельство жизнеспособности тех форм самосознания, которые не имели адекватной поддержки в новой социально-политической системе.

Материалы, имеющиеся в распоряжении современной исторической науки, дают основания полагать, что общественная активность болгарского народа в той или иной форме не затихала на всем протяжении XV–XVI вв. В кратком обзоре я попытаюсь проследить основные тенденции и динамику ее проявления в общем контексте конкретно-исторической обстановки.

В первой половине XV в., когда еще живо было поколение, родившееся на территории Второго Болгарского царства и когда информация о нем еще не перешла в область исторической памяти, этнополитическая форма самосознания могла, по-видимому, сохранять активный характер не только в кругу образованных слоев общества, но и в массе рядового населения. Косвенным, но надежным свидетельством данной оценки может служить факт длительной борьбы, нацеленной на политическое освобождение болгарских земель. Организация вооруженных акций облегчалась тем обстоятельством, что на данном этапе еще была жива некоторая часть старой болгарской аристократии как внутри страны (христиане-тимариоты, некоторые категории привилегированной райи), так и за ее пределами. Особое значение для активизации освободительного движения имело участие в нем представителей двух последних царских династий – сына тырновского царя Ивана Шишмана Фружина и сына видинского царя Ивана Срацимира Константина. Сражаясь на стороне войск антитурецкой коалиции, они своим авторитетом не только освящали в глазах соотечественников борьбу с османами, но и придавали ей видимость движения за восстановление прежней государственности.

Источники позволяют выявить три вооруженных акции, связанных с именами Константина и Фружина. Судя по письму венгерского короля Сигизмунда бургунскому принцу Филиппу III Доброму, в 1404 г. Константин принимал активное участие в сражениях крестоносцев с османами на территории своей бывшей вотчины – Видинского царства². В 1425 г. при захвате войсками Сигизмунда болгарских городов Видин и Оряхово в осаде принимал участие и Фружин³. Однако наибольший масштаб приобрело движение с их участием в западных болгарских землях.

Информация об этом восстании, хотя и крайне скудная, присутствует в «Житии деспота Стефана Лазаревича», написанном современником событий болгарским эмигрантом Константином Костенечским⁴. Источник не указывает ни даты восстания, ни обстоятельств его подавления, отмечая лишь, что во главе с сыновьями «царей болгарских» восстали города в районе Темско. В историографии датировка этого события вызывает оживленные споры: в качестве возможного варианта называется 1403 г., 1404 г., 1408 г. и 1408–1413 гг. Однако в данном случае, думается, важна не столько точная хронология события, сколько сам факт ориентации освободительной борьбы на символы, связанные с былой государственностью.

Расстановка политических сил в регионе исключала в данный период возможность самостоятельной победы болгар над османами, вынуждая ориентироваться на внешнеполитическую конъюнктуру. Не случайно наивысшая степень вооруженной активности со стороны этого народа наблюдается

именной в первой половине XV в., отмеченной временным ослаблением позиций османов и победами сил христианской коалиции. Наиболее реальная возможность для восстановления болгарской государственности возникла в период 1402–1413 гг., когда после разгрома османских войск при Анкаре в империи разразился политический кризис, сопровождавшийся усобицами и борьбой претендентов за престол. Именно к этому времени и относится организация Константином и Фружином движения в западных болгарских землях. Существуют сведения, что в 1412–1413 гг. восстало также население ряда крепостей востока Балкан – Мадары, Провадии, Овчара, Айтоса⁵.

Подъем вооруженной борьбы наблюдался также в связи с действиями войск антитурецкой коалиции. Несмотря на традиционную враждебность православного населения к католикам, источники содержат сведения о помощи, получаемой крестоносцами со стороны местных жителей. В воспоминаниях участников крестовых походов имеются сведения о добровольной сдаче болгарами своих городов и истреблении турецких гарнизонов при подходе войск коалиции. Именно таким образом, по сообщению французского маршала Ж. Бусико и немецкого рыцаря Х. Шилтбергера были в 1396 г. взяты города Видин и Оряхово⁶. Позднее, в связи с походом польско-венгерского короля Владислава III (1443), участник похода итальянский гуманист Ф. Каллимах отмечал, что «многие болгарские города в результате ли ненависти к туркам, или от склонности к христианской вере ... прогнали турецкие гарнизоны и перешли на сторону короля»⁷. Сведения о сотрудничестве болгар с крестоносцами присутствуют и в современной событиям анонимной османской летописи «Газават», которая, в частности, сообщает, что среди рыцарей, осуществлявших в 1443 г. взятие Софии, присутствовали православные священники и монахи⁸.

Относительно участия болгар в повторном походе войска короля Владислава III в 1444 г. информация гораздо более скудная. Можно предположить, что отчасти это объясняется проявленной в 1443 г. какой-либо формой враждебности со стороны католических рыцарей к «схизматиками». Возможно также, что экспансионистские планы правителей Польши и Венгрии перестали быть секретом для местного населения. Известно, например, что участие в походе знаменитого венгерского полководца Яноша Хуняди было оговорено обещанием короля Владислава предоставить ему Болгарию в качестве «владения»⁹. Никогда не скрывал своих претензий на территорию Болгарии и король Сигизмунд, который в ряде грамот прямо называл себя «rex Bulgariae», а саму страну «regnum nostrum»¹⁰.

Признавая неизбежность существования определенной конфессиональной напряженности между коренным православным населением и западным рыцарством, не стоит, по всей вероятности, все же переоценивать степень религиозной конфронтации между ними в данный исторический период. Некоторые факты дают основания предполагать, что на данном этапе осознание политический или бытовой выгоды вполне могло превалировать над элементом конфессиональной неприязни.

Кроме уже упомянутых случаев сотрудничества с крестоносцами о наличии данной тенденции может свидетельствовать, например, массовое сотрудничество болгар с участниками Бургундской экспедиции (1445). Конечным итогом этой акции стала организация крестоносцами переправы через Дунай в соседнюю Валахию двенадцати тысяч коренных жителей правобережья¹¹. Косвенным образом на это же указывает и факт участия православного населения северо-востока Балкан в исламском религиозном восстании во главе с суфийским шейхом Махмудом Бедредином Симави.

Восстание суфийских мистиков вспыхнуло около 1416 г., охватив значительную часть Мизии и Добруджи. Это движение представляло собой часть широкого крестьянского религиозного движения в поддержку нового суфийского имама Бедредина, которого с оружием в руках провозгласили его сторонники, имевшие опору среди жителей западной части Анатолии и окрестностей г. Манисы¹². По оценкам специалистов, суфийские идеи шейха Бедредина отчасти перекликались с воззрениями исихастских богословов и некоторыми положениями богомилства, отличаясь при этом большей степенью веротерпимости по отношению к иным конфессиям¹³. Нельзя исключить, что именно последний фактор мог сыграть решающую роль в привлечении христиан на сторону восставших. Турецкий историк А. Рефик, внимательно анализировавший состав восставших, считает даже возможным утверждать, что христиане составляли едва ли не основную массу сторонников Бедредина, которого поддерживали и некоторые представители православного духовенства¹⁴. Не вдаваясь в подробности всех нюансов движения исламских религиозных мистиков, важно отметить, что призывы Бедредина, направленные против государственной организации общества, отчасти совпадали не только с идеями богомилов, но и современными политическими устремлениями болгар. Думается, в данном случае уместно вспомнить характеристику настроений, которая, по мнению французского путешественника Б. де ла Брокьера была типична для жителей этого района Балкан. В 1433 г. в своем дневнике он написал: «Все жители этой страны имеют горячее желание освободиться от рабства, если найдут, кто им поможет»¹⁵. Не исключено, что в лице суфиев болгары видели в тот период именно политических союзников, с помощью которых надеялись избавиться от господства османов.

После падения в 1453 г. Константинополя и вплоть до 80-х гг. XVI в. источники практически не содержат сведений о проявлении активных форм этнополитического сознания болгар. В условиях внутренней стабильности и расцвета политического могущества Османской империи идея восстановления болгарской государственности не могла стоять на повестке дня. Максимум, что можно обнаружить, это некоторые формы пассивного сопротивления режиму. К таковым с некоторой натяжкой можно отнести случаи массовых отказов от уплаты налогов, переселений с традиционного места жительства, коллективные жалобы, рост преступность и так далее. Однако в данной связи необходимо сразу оговориться, несмотря на все усилия болгарской, советской и югославской исторической науки, к настоящему времени собран

исключительно скудный объем материала, свидетельствующий о серьезной социальной конфронтации в период с середины XV в. до середины XVI в.

Из немногих фактов, которые можно классифицировать в качестве проявления пассивной формы этнополитического самосознания болгар, стоит упомянуть зафиксированные в османских налоговых регистрах случаи переселения обитателей сел. Вызваны они были чаще всего нежеланием или неспособностью местной администрации должным образом справляться со своими обязанностями. Именно в силу этой причины, например, в 1479 г. «разбежались» жители западно-болгарского села Бранковцы¹⁶. О распространности подобного рода протестной практики указывал в середине XVI в. и французский дипломат О. де Бузбек¹⁷. Более резкие формы социального сопротивления в источниках встречаются чрезвычайно редко. В качестве едва ли не уникальных можно привести два случая открытых столкновений на почве отказа от уплаты налогов. Оба они имели место в Македонии: в 1564 г. в прилепском селе Мариово и в 70-х гг. в окрестностях Охрида¹⁸. По отношению к западным, центральным и восточным землям с болгарским населением аналогичные случаи неизвестны.

Что касается проблемы гайдучества, которое в болгарской историографии традиционно принято рассматривать в качестве наивысшего проявления протестных настроений, то документы, опубликованные Б. Цветковой и Д. Шоповой¹⁹, не дают оснований говорить о сколь либо широком распространении этого движения в период с середины XV в. до середины XVI в. Среди болгарских историков существует мнение, что зарождение гайдучества как массового явления следует относить едва ли не к первой половине XV в.²⁰ Однако подавляющее большинство исследователей все же склонны связывать его становление с процессом общего кризиса Османской империи и, особенно, с событиями австро-турецкой войны 1563–1606 гг. Что же касается рассматриваемого периода, то в отношении его целесообразно говорить лишь об отдельно зарегистрированных случаях разбойных нападений, которые вряд ли корректно соотносить с «многовековой борьбой» болгарского народа против турецких завоевателей.

В данной связи стоит также отметить, что, судя по свидетельствам современной эпохи источников, православное население и не воспринимало гайдуков в качестве мстителей или освободителей. Из документов, относящихся к районам Македонии, видно, например, что гайдуки не делали никаких различий между имуществом турок, христиан или евреев²¹. Соответствующим было и отношение к ним. Сохранился документ, направленный в 1578 г. центральной османской канцелярией скопскому бею, из которого следует, что жители Прилепа и окрестных сел отправляли в адрес властей коллективное прошение, в котором угрожали, что если не будут предприняты действенные меры против разбойников в районе села Дивиак, то «население ... околии непременно разбежится»²².

Ярким подтверждением эмоционально-негативного отношения православного населения к гайдукам можно считать отрывок из апокрифической

повести второй половины XVI в. – первой половины XVII в., который посвящен описанию сцен Страшного суда. Анонимный автор выстраивает целую вереницу грешников, среди которых неожиданно значительное место занимают гайдуки. По поводу них, в частности, написано: «Тогава шеть да въскреснь ть хаидути да дадъть речь богу катоса отнемале на сила със неправда, а тоимсе не стоеше да земать чюждо от сыромаси и по пѣтища и по планина»²³.

Настроения, ориентированные на спокойную жизнь, на социальный и политический мир неоднократно отмечали в среде христиан и иностранцы, посещавшие восточную часть Балканского полуострова в эпоху наивысшего подъема Османской империи. Признавая факт общей конфессиональной дискриминации, путешественники, тем не менее, часто были вынуждены оговариваться, указывая на рост материального благосостояния иноверных подданных султана и на их удовлетворение царившими порядками. Вот как, например, описывал в 1597 г. в тайном послании австрийскому императору Рудольфу II положение местных христиан дубровницкий купец (и по совместительству австрийский шпион) Паоло Джорджич: «... Состояние христиан, которые живут под турецким владычеством, всегда было настолько благополучно, что они сами не могли желать лучшего, так как справедливость, сострадание турок были таковы, что лучшего и желать было нельзя. Они сами были господами над собой, над женами, сыновьями, дочерьми, а также и над своим имуществом, ведя под турецким владычеством безопасную и спокойную жизнь»²⁴.

Подобные характеристики, безусловно, нельзя считать доказательством полной адаптации к новому режиму. Вместе с тем, нельзя и не признать, что рост материального благополучия не слишком способствует распространению в обществе протестных настроений и, как следствие, обострению этнополитической формы сознания покоренных народов. Подавленное состояние этой формы самосознания отчасти могло компенсироваться активностью болгарского населения в деле восстановления и сохранения культурных ценностей, доставшихся в наследство от утраченной государственности. Являясь одной из форм проявления этнокультурного самосознания, это движение объективно способствовало поддержанию в народе памяти о прежней организации общества, одновременно позволяя реконструировать в новых условиях некоторые из его элементов, связанных с функционированием традиционных культурных центров. Практически сразу после того, как во внутренних районах Османской империи установился мир (середина XV в.), в болгарских землях стартовал процесс восстановления церквей и монастырей.

Эпоха завоевания оставила после себя тяжелое наследство. Тысячи церквей и сотни монастырей были разрушены, наиболее значительные храмовые постройки были превращены в мечети (Св. Софии и Св. Георгия в Софии, Св. сорока мучеников в Тырново), богатейшие книжные богатства погибли или оказались рассеяны по миру. Исчезновение монастырей в центральной и восточной части Болгарии имело в XV в., судя по материалам османских налоговых регистров, массовый характер. Например, к востоку от линии Оряхово-Враца-Радомирско описи фиксируют в 1474–1480 гг. только 3–4 монастыря вместо сотни с лишним существовавших ранее²⁵.

Процесс восстановления культовых центров осложнял материальный фактор, связанный с новым правовым статусом православной церкви. Признав церковно-административную и конфессионально-юридическую автономию православных христиан (в форме греко-православного миллета), османы фактически провозгласили принцип отделения их церкви от государства. Получая от православного миллета и его паствы определенную долю налоговых отчислений в казну, в материальном плане мусульманские власти никаких обязательств перед ним не имели. Поэтому проблема возрождения культовых построек могла быть решена лишь при условии наличия энтузиазма и высокой степени активности со стороны самой паствы.

История доказала, что при наличии истинной веры население смогло успешно справиться с задачей восстановления своих храмов и монастырей и без участия государства. Благодаря помощи богатых ктиторов, в роли которых в тот период выступали в основном христиане-тимариоты, а также городские и сельские старейшины восстановление культовых построек приобрело в болгарских землях довольно большой размах уже во второй половине XV в. К 60-м годам этого столетия относится возрождение запустевшего Рильского монастыря. В 1476 г. на средства боярина Радослава Мавра была восстановлена церковь в Драгалевском монастыре, в 1493–1497 гг. боярин Радивой отстроил храм Св. Георгия в Кремиковском монастыре²⁶. В XVI в. строительство приобрело характер общественного движения. К концу столетия общее количество восстановленных монастырей составило в западно-болгарских землях около 70, а в Тырновском крае (особенно пострадавшем в эпоху завоевания) более 10²⁷. Этому процессу способствовало и снятие османскими властями во второй половине XVI в. официального запрета на строительства христианами новых культовых сооружений. Практическим результатом воплощения этого правительственного акта жизнь можно считать строительство, развернувшееся в западно-болгарском селе Вуково-Дупнишко: за несколько десятков лет в нем было построено 13 новых каменных церквей²⁸.

Поскольку состояние материальной базы православного клира было поставлено османскими властями в прямую зависимость от поддержки прихожан, то именно дарения стали важнейшим условием существования культовых центров и самих священников. Это довольно быстро привело к опрощению всей культовой практики и сказалось на внешнем виде священников. По наблюдениям члена немецкого посольства Ст. Герлаха, в 70-х гг. XVI в. болгарские священники отличались от рядового населения лишь наличием камилавки²⁹. Однако богатые дарения от прихожан все же поступали. Наиболее распространены были книжные дарения. Судя по припискам к рукописным сборникам из библиотеки Рильского монастыря, в XVI в. ее фонд пополнился таким способом 14 рукописями, из которых 9 были сделаны по заказу светских лиц³⁰. Сохранилась информация и о денежной поддержке монастырских хозяйств. В 1543 г. некий кратовский «господарь» щедро одарил деньгами Лесновский и Слечанский монастырь, а два брата из того же города – Георгий и Никола приблизительно в это же время завещали Лесновскому монастырю ежегодную сумму в размере 360 аспр, а также подарили виноградники, земельные угодья и построили ряд сооружений для монастырской братии³¹.

В связи с движением болгар за сохранение своего культурного наследия необходимо особо отметить ту важную роль, которую играли в данном процессе афонские монастыри. Афон не имел для османов стратегического значения и сумел избежать разрушительной стихии завоевания. Он не только сохранил в полном объеме свои книжные, архитектурные и иные богатства, но и пополнил их за счет новых ценностей, укрытых за стенами его монастырей различными представителями покоренных народов. Болгарским монастырем на Афоне традиционно был Зограф, но много болгарских монахов проживало и в Хилендаре. Именно сюда стекались с завоеванных территорий многие ценности и документы. К числу последних, не связанных напрямую со святогорскими монастырями, историки относят грамоты болгарских царей – Мрачскую грамоту Ивана Александра (1347) и Витошскую грамоту Ивана Шишмана (1378). Сохранились многочисленные свидетельства, что в рассматриваемый период поток болгарских паломников на Афон был весьма значителен: на это указывают записи о дарениях в регистрационных книгах, пометки на иконах, окладах, церковной утвари³². Посещение паломниками Зографа и других монастырей, соприкосновение с книжно-историческими и художественными богатствами, лицезрение реликвий, связанных своим происхождением с утраченным царством – все это должно было являться мощным стимулом к активизации этноконфессионального самосознания, способствовать сохранению ощущения живой связи с прошлым, воплощением которого в некотором роде и оставался Афон.

Нарастание в конце XVI в. кризисных явлений в жизни османского общества историки связывают, в первую очередь, с началом разложения спяхийской системы землепользования и, как следствие, с упадком традиционного османского войска – спяхийского ополчения. Ослабление военной-политической мощи империи не могло не отразиться на условиях жизни населения. Вот как, например, описывал в 90-е гг. XVI в. ситуацию в болгарских землях уже упоминавшийся купец Паоло Джорджич: «В 1590 г. я нашел христиан в совершенно другом состоянии: они были удручены страшною бедностью вследствие тяжелых податей, вновь на них наложенных, и вследствие притеснений со стороны янычар, которыми переполнились все селения Болгарии, где их прежде было мало. Янычары отягощают христиан процентами в 100 на 100 за три месяца; янычарам должны служить христиане; мало того, янычар отнимает лучшие земли у своего соседа, чего прежде не было, ибо прежде они не жили так роскошно, не имели жен и детей, не были столь корыстолюбивы, а теперь было бы вернее назвать их скорее купцами, чем воинами»³³.

Рост социальной напряженности вызвал в провинциях всплеск бандитизма – гайдучества. Из материалов османской канцелярии и сообщений иностранных путешественников следует, что это явление было характерно, прежде всего, для отдаленных районов³⁴. Особо сложная криминогенная обстановка сложилась в областях юго-запада и отчасти в Подунавье. В центральных провинциях иностранные путешественники особо отмечали возросшую опасность на дорогах в районе Балканского хребта³⁵. К бандитскому промыслу постепенно начало приобщаться население целых сел.

Из сообщений османских чиновников известно, что таковым промышляли, например, жители села Качаник (район Кюстендил-Кратово), открыто разбойничавшие и наводившие ужас на всю округу³⁶.

С началом австро-турецкой войны 1593–1606 гг. положение христиан еще более ухудшилось. Жители северных районов оказались вынуждены испытать все тяготы, связанные с передвижением армии и набегами отрядов, действовавших в союзе с войсками антитурецкой коалиции. Например, в 1595 г. вооруженный отряд, в состав которого входило 2 тыс. человек (названных в османском донесении гайдучами) овладел Софией, разграбил ее, сжег и увез за Дунай огромную добычу³⁷. Не особенно церемонились с местными жителями и правительственные войска. В 1595 г. в донесении трансильванскому князю Сигизмунду Баториию тот же Паоло Джоржич писал: «Янычары и спахии, отправляясь в поход, грабят христиан и насилюют детей на глазах у родителей, чего в прежние войны никогда не случалось, и турки, совершающие такие злодеяния, остаются безнаказанными, и судьи не смеют произнести своего приговора»³⁸.

Естественный в этих условиях рост недовольства подогревался агентами Австрии. Проведенный М. Ионовым анализ политики австрийского правительства показывает, что заинтересованность в дестабилизации обстановки в районе предполагаемых военных действий побуждала его активно пользоваться услугами тайных агентов для организации подъема антиосманского движения³⁹. Используя общее недовольство населения, эти агенты (в роли которых часто выступали дубровницкие купцы) основной упор делали на пропаганде идеи освобождения от турецкого ига. Не без вмешательства агентов Австрии в период 1594–1598 гг. по Балканам прокатилась серия антитурецких выступлений: первыми восстали сербы в Банате (1594), затем жители внутренних районов Сербии, в 1595 г. поднялись албанцы и сербы в области Бърдо, в 1597 г. началось восстание в Герцеговине, а в 1598 г. в Тырново.

Судя по материалам тайной переписки между австрийским двором и организаторами Тырновского восстания, активными инициаторами его проведения были дубровницкие купцы Паоло Джоржич и, возможно, Джованни Марини⁴⁰. Их деятельность серьезно повлияла на общественное сознание болгар. Она помогла пробудить и реализовать в форме повстанческого движения прежние мечты о независимой государственности, продемонстрировать внутренний потенциал тех элементов болгарского самосознания, которые были ориентированы на воссоздание этнополитической структуры общества.

Непосредственно сам ход проведения восстания в источниках отражен слабо. Известно, что во главе его стояли тырновский митрополит Дионисий Ралли и старейшина из Никополя Теодор Балин. Их поддержали представители высшего церковного клира – епископы Руцука, Шумлы, Ловеча и Пловдива⁴¹. По информации Паоло Джоржича, организаторы восстания провели большую подготовительную работу, объезжая окрестные села и агитируя жителей подняться с оружием в руках против турок⁴². Успех восстания был поставлен в прямую зависимость от военных успехов Австрии, а начало его приурочено ко времени переправы через Дунай войск валашского князя Михаила Храброго. Поэтому отступление его войск, особенно учитывая

отсутствие обещанной австрийским двором помощи, ознаменовало собой конец самого восстания⁴³. Вместе с отступающими войсками за Дунай переселилось, если верить цифрам, приведенным Михаилом Храбрым в письме австрийскому эрцгерцогу Максимилиану, около 16 тыс. болгар⁴⁴.

Независимо от планов австрийской дипломатии, Тырновское восстание имело ярко выраженный освободительный характер и продемонстрировало жизнеспособность идеи национальной государственности в системе исторической памяти болгар. Политический идеал восставших был четко обозначен фактом провозглашения в качестве нового царя отдаленного потомка последней династии Шишмановичей – Шишмана III⁴⁵. Тем самым была проведена линия прямой преемственности между последним болгарским царством и той новой общественной структурой, за создание которой выступило население. Нельзя исключать, что избрание Тырново в качестве центра повстанцев не было случайностью. В сознании современников этот город также мог ассоциироваться с идеей преемственности. Эти моменты указывают, что при наличии благоприятных обстоятельств сознание широких масс населения продолжало сохранять открытость для политических лозунгов и, следовательно, еще не утратило внутренней связи с памятью о независимой государственности.

Приведенный материал дает основания говорить, что внешние формы проявления общественной активности болгар находились в рассматриваемый период в тесной взаимосвязи с конкретно-исторической обстановкой. В периоды политической дестабилизации (в эпоху завоевания и в конце XVI в.) сознание болгар относительно легко политизировалось, что находило выражение в организации вооруженных акций. В эпоху стабильности и процветания лидирующие позиции в общей структуре самосознания принадлежали, по всей видимости, его этнокультурной форме выражения, что стимулировало движение за сохранение культурного наследия. Однако обе эти формы были генетически связаны с памятью о былой государственности и так или иначе ориентированы на реставрацию ее отдельных компонентов.

Примечания

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 177.

² Динич М. Письмо унгарского короля Жигмунда Бургундскому воеводе Филиппу // Сборник за дружествено науке Матице српске. Нови Сад, 1956. Т. 13–14. С. 96.

³ Цветкова Б. Памятна битка на народите: Европейски югоизток и османското завоевание – края на XIV и първата половина на XV в. Варна, С. 76.

⁴ Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст / Увод и съст. Куев К., Петков Г. София, 1986. С. 398–399.

⁵ Кузев А. Восстание Константина и Фружина // Bulgarian Historical Review. 1974. № 3. С. 67–68.

⁶ Френски пътеписи за Балканите. XV–XVIII вв. / Съст. и ред. Б. Цветкова. София, 1975. С. 35–38; Немски и австрийски пътеписи за Балканите. XV–XVI в. / Увод, съст. и ред. М. Йонов. София, 1979. С. 122.

⁷ Callimachus Ph. Philippi Callimachi Historia de rege Vladislao / Ed. I. Luchonska, T. Kowalewski. Warsowiae, 1961. С. 138.

⁸ Цветкова Б. Памятна битка ... С. 271.

⁹ Там же. С. 298.

¹⁰ Ангелов Д. Борбите на българския народ против османската власт през първата половина на XV в. и походите на Владислав Варненчик // Варна. 1444. София, 1969. С. 12.

- ¹¹ Френски пътеписи ... С. 68.
- ¹² *Ноиичев А.Д.* Кръстиянско востание в Турция в начале XV в. // Проблемы востоковедения. 1960. № 3 С. 70–81.
- ¹³ *Babinger F.* Schjch Bed red-din, der Sohn de Rechters von Simav // Der Islam. Berlin, 1921. Bd. 11. S. 1–106.
- ¹⁴ *Парушев П.* Шейх Бедреддин Еретика. София, 1982. С. 131, 136.
- ¹⁵ Френски пътеписи ... С. 55.
- ¹⁶ *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност. Края на XIV в.– 1912 година. София, 1975. С. 290.
- ¹⁷ Френски пътеписи ... С. 126.
- ¹⁸ *Миноски М.* Ослободителните движенья и востаня во Македонја (1564–1615). Скопје, С. 66–78.
- ¹⁹ *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15–18 в. Студия и документи. София, 1971; *Шопова Д.* Македонја во 16–17 в.: Документи од цариградските архиви (1557–1645). Скопје, 1955.
- ²⁰ *Цветкова Б.* Хайдутството ... С. 27.
- ²¹ *Матковски А.* Отпорот во Македонја во време на турското владенье. Скопје, 1983. С. 258; *Шопова Д.* Македонја во 16–17 в. ... С. 38.
- ²² *Цветкова Б.* Хайдутството ... С. 84.
- ²³ *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос. Болгарское наречие и письменность в 16–17 веках // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 144. № 7–8. С. 91.
- ²⁴ *Милев Н.* Един неиздаден документ за българската история // Известия на Българското историческо дружество. 1915. Т. 4. С. 94.
- ²⁵ *Гандев Хр.* Българската народност през XV век. Демографско и етнографско изследване. София, 1972. С. 148–149.
- ²⁶ *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия от падането и под турците до нейното унищожаване (1394–1767). София, 1931. С. 262.
- ²⁷ *Нешев Г.* Български до възрожденски културно-народности средища. София, 1977. С. 154; *Христов Хр.* Манастирите на Великотърновския край като общественокултурна институция през 15–19 в. // България 1300. Институции и държавна традиция. Т.2. София, 1982. С. 481.
- ²⁸ *Нешев Г.* Български ... С. 150.
- ²⁹ Немски и австрийски пътеписи ... С. 349.
- ³⁰ *Гандев Хр.* Загубил ли е българския народ възможността да създава свои институции през 15 и 16 век // България 1300. Институции и държавна традиция. Т.2. София, 1982. С. 400.
- ³¹ *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия ... С. 265–266.
- ³² *Нешев Г.* Български ... С. 53.
- ³³ *Макушев В.* България под турецким владичеством преимущественно в 15–16 вв. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 163. № 10. С. 318–319.
- ³⁴ *Цветкова Б.* Хайдутството ... С. 10–11, 40–42, 82; *Шопова Д.* Македонја ... С. 78.
- ³⁵ Немски и австрийски пътеписи ... С. 443.
- ³⁶ *Цветкова Б.* Хайдутството ... С. 90–91.
- ³⁷ Там же. С. 91–92.
- ³⁸ *Макушев В.* България под турецким владичеством ... С. 319.
- ³⁹ *Йонов М.* Политика на Австрия и политическите движения в България в края на 16 до края на 17 вв. // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. София, 1959. С. 256–257.
- ⁴⁰ *Макушев В.* България под турецким владичеством ... С. 319–329; *Милев Н.* Един неиздаден документ ... С. 90–100.
- ⁴¹ *Милев Н.* Един неиздаден документ ... С. 97.
- ⁴² Там же. С. 97–98.
- ⁴³ *Златарски В.* Български въстания и опити за въстания до средата на 19 в. // България 1000 години. 927–1927. Т.1. С. 710–711.
- ⁴⁴ *Трайков В., Жечев Н.* Българската емиграция в Румъния XIV–1878 г. и участието и в стопанския, общественно-политическия и културния живот на румънския народ. София, 1986. С. 30.
- ⁴⁵ *Златарски В.* Български въстания ... С. 711.

Н.Н. Старикова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Проблема идентичности в эпоху глобализации. Опыт славянских литератур

Abstract:

Starikova N.N. *National identity problem in the era of globalization. Slavic literatures experience*

Globalization has become the strongest test for different European cultures including Slavic ones. In conditions of forced adaptation the national values to a new geopolitical, economical communicative situation mechanism of national and cultural self-identification and national identity has got complicated, calls for modernization. One of the means of this modernization in Slavic literatures is postmodernism, which helps them to defeat standardization and keep individuality.

Ключевые слова: славянские литературы, национальная идентичность, постмодернизм, глобализация.

Глобализация, резко обострившая проблему национальной идентичности, стала сильнейшим испытанием для народов Европы не только в плане обозначения ими своего места в транснациональном экономическом пространстве, но и в смысле сохранения индивидуального «лица» отдельных культур, в том числе славянских. Попыткой комплексно взглянуть на эту проблему стал сборник «Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы)», подготовленный российскими и словенскими учёными в 2006 г.¹. В статьях этого сборника авторами лишь нащупываются проявления национальной (славянской) идентичности в период нарастания глобализационных процессов. Это неудивительно, ведь нынешнее представление о том, каким образом формируется само понятие идентичности в культуре и литературе, размыто. И это объяснимо, ибо, как справедливо заметил английский социолог Ник Стивенсон, «поиск составляющих коллективной и индивидуальной идентичности постоянно продолжается»², т.е. речь идет об активно текущем процессе.

Актуальность этой проблеме придает и тот факт, что мы, существуя в эпоху глобализации, сами невольно становимся участниками глубинных изменений культурных стереотипов. Глобализация придала современному миру невиданную динамику, сделавшись своеобразным тестом на выживание для наций и государств (в том числе и молодых). Являясь одной из доминирующих тенденций развития современной цивилизации, она оказывает исключительно сильное воздействие не только на социально-экономические и политические, но и на культурологические аспекты развития общества. Развитие средств коммуникации в условиях принципиально иной структуры информационных процессов также влияет и на смену ценностных ориентиров общества, что в свою очередь отражается на выборе духовных приоритетов. Сегодня в культурном плане мир кажется еще более многообразным,

чем в недавнем прошлом. Возросло число национальных государств, усилилось стремление этнических групп к самоопределению, в контексте мировых экономических событий возрастает значение культурного измерения. Нации и этносы озабочены поиском своей культурной принадлежности, и это стремление осознанно. При этом ни одна культура сейчас не существует изолированно от творческих поисков других, «...точная оценка любого национального опыта невозможна без учета опыта мирового»³.

В то же время в последнее десятилетие XX – первые годы XXI вв. интенсифицируются процессы интеграции, «экономические силы подталкивают к крушению национальных барьеров»⁴, происходит «макдональдизация» или «вестернизация» национальных культур, т.е. последовательное подчинение западным ценностям и западному образу жизни всех активных слоев населения планеты. Это усугубляется процедурой отчуждения традиционных ценностей, экспансией массовой культуры, мифологизацией мышления. С культурологической точки зрения это вполне «тянет» на новую гуманитарную революцию, в результате которой многие традиционные национальные и этнические культуры претерпят изменения и могут быть существенно деформированы. В условиях вынужденной адаптации национальных ценностей к новой геополитической, экономической, коммуникационной ситуации механизм национальной и культурной самоидентификации и осознания национальной идентичности усложняется, требуя модернизации.

Идентичность как логическая категория означает отношения, участники которых тождественны друг другу. Эта проблема продолжает оставаться в центре внимания литературоведения и XXI в., а во второй половине XX в. к ее феномену обращались французские постструктуралисты и американские деконструктивисты (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Лиотар, Ю. Кристева, Д.Х. Миллер). В социокультурном контексте, как отмечает Е.Г. Петросова, «идентичность подчёркивает принадлежность индивидуума коллективу. Согласно типу коллектива выделяют политическую, национальную, культурную, субкультурную, гендерную и т. д. идентичность»⁵.

Механизм обновления национальной идентичности – ключевая проблема современного мира, так как именно этот тип идентичности способен оказать противодействие стандартизации, этому порождению общества потребления, и тем самым притормозить силовое цивилизационное самоутверждение. В этой связи актуальным представляется вопрос о роли и месте постмодернизма, «наиболее адекватного духу времени выражения и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи»⁶, в формировании новой идентичности современных славянских литератур.

Возникновение постмодернизма связывают с кризисным состоянием современной цивилизации в целом и общественного сознания в частности и с общим изменением социокультурной ситуации, в которой под воздействием масс-медиа начали формироваться стереотипы массового сознания. Как разновидность постнеклассической модели развития «постмодернизм, – утверждает философ В.Г. Федотова, – ...соответствовал складывающейся на Западе ситуации – описать растущую неудовлетворенность обществом и требования новой реальности»⁷. Исходя из собственного истолкования мира,

постмодернизм предлагает свою философскую модель этого мира с установкой на антидогматизм в мышлении, на отказ от принятого в классической науке «двоичного исчисления» мира, т.е. измерения его оппозициями типа материя – сознание, добро – зло, теория – практика. «Однако, – пишет другой философ В.И. Самохвалова, – мятеж против структур универсального порядка реально закончился не снятием объективных оппозиций, но изменением знака их оценки»⁸. Эту же мысль находим у А.С. Панарина: «Постмодернистский деконструктивизм ... с загадочным злорадством переворачивает отношение вечных оппозиций добра и зла, прекрасного и безобразного, нормального и девиантного»⁹.

Применительно к литературе наиболее рациональным представляется рассматривать это явление как синтез или сумму приемов, необходимых для выработки универсального художественного языка путем сближения и сращивания, интерференции и конвергенции различных литературных направлений. В основе этого языка лежит принцип игры знаков, ибо «никакой монолог, никакой метод уже не могут всерьез претендовать на полное овладение реальностью... Все языки и все коды, на которых когда-либо человечество общалось само с собой, все философские школы и художественные направления теперь становятся знаками культурного сверхъязыка, своего рода клавишами, на которых разыгрываются новые полифонические произведения человеческого духа» (М. Эпштейн)¹⁰. Мир мыслится как текст, как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише, в котором иерархия ценностей аннулируется ради сосуществования разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг к другу. При этом национальное своеобразие постмодернистской художественной продукции, несмотря на интеграционные аспекты поэтики, в первую очередь определяют национальный язык, национальная литературная традиция, национальный склад мышления, тип юмора и иронии, а уже во вторую очередь всемирная культурная традиция и контекст (мировой, континентальный, региональный и т.д.).

Пересечением векторов постмодернизма и идентичности в европейской культуре последних десятилетий XX в. занимались Жак Деррида и Цветан Тодоров. По мысли первого, перекликающейся с борхесовской идеей капиллярности культуры, культура не замыкается в себе, поскольку не может быть монологичной: множественность источников связывает ее с другими культурами, обеспечивая ей необходимый для выживания диалог. Второй развивает идею «жанровых кодов», согласно которой современная культура занимает место между мифом и логосом, и они могут познавать друг друга только через полилог национальных культур. Именно эти исследования, а также постмодернистская трактовка истории, восстанавливающая бережное отношение к национальному прошлому, разрушенному модернизмом, активизируют интерес к проблеме идентичности. Еще Эко подчеркивал, что постмодернизм дает широкие возможности принять участие в языковой метаигре, причем неподготовленный читатель имеет право не обращать внимание на иронический подтекст, а воспринимать произведение прямолинейно, как пересказ сказки и фантазию. Интертекстуальный диалог между

новым произведением и традицией, диалог автора постмодернистского текста как с элитарным, так и с неподготовленным читателем дает возможность, используя формулировку немецкого литературоведа Ханса Яусса, «удовлетворить любые горизонты ожидания»¹¹.

Другой стимул повышения внимания к национальной идентичности – усиливающееся противодействие стандартизации, навязыванию американского образа жизни. Вот что писал чешский прозаик Людвик Вацулик в 1987 г.: «Американец знает, что пришел из Европы, и не отрекается от своего родства. Он печется о европейском наследии и при случае скупает его. Однако гомогенность пространства и языка слегка отчуждает его от нас: обратите внимание, как он с нами общается. Иногда он охотнее всего – в наших интересах, конечно! – размазал бы нас по стенке одним ударом. Ноне может, потому что по воспитанию и по крови он в основном европеец. Не будь этого, он бы, пожалуй, превратил Нидерланды в сплошную бетонку для своих антисоветских самолетов, в немецких горах построил бы комфортабельные бункеры для нашего выживания, а в Польше и на Украине у него был бы полигон; пожалуй, только Францию он оставил бы как есть в качестве приятного тыла»¹².

Массовое «открытие» постмодернизма в славянских литературах совпало с так называемым третьим этапом его развития, когда после декларации инонационального в 1960-е гг. и лозунгов культурного плюрализма в 1970-е гг. постмодернизм обратился к поиску аутентичности бытия. Во второй половине 1980-х гг. ядром содержания постмодернистского искусства становится множественность национальных культур, единство прошлого и новизны, высокого и низкого. В славянских литературах, с одной стороны, намечается поворот к национальным образцам, с другой – к экологическому, феминистскому, гендерному направлениям. Художественное слово демонстрирует широчайшие возможности соединения с другими родами искусства и наукой, возникает термин «металитература», который призван подчеркнуть неограниченное число комбинаций. Это проявляется, прежде всего, в сочетании развлекательности фабульной литературы с приемами интеллектуального романа. Постмодернизм третьей фазы претендует на всеохватность, формируя «роман культуры» на национальной почве. Для этого типа характерно сведение воедино гуманистических ценностей с акцентированием национального своеобразия отдельных (славянских) литератур. И при этом постмодернистские трансформации необходимы не для того, чтобы противостоять, уничтожая другого или предшествующего, а для гармонического баланса с ними, постепенного вживания их в себя. Может быть, в этой паритетности и есть ключ к обновлению идентичности.

Особый характер постмодернистских явлений в славянских литературах обусловлен также тем, что они, активно «подключаясь» к уже сложившемуся ранее постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт. Здесь одной из причин его возникновения «стала реакция литературы на стремление господствующей идеологии «удержать» традиционность художественного мышления»¹³, унифицировать традиционные художественные формы, подавить развитие новых, в том числе и постмодернистских литературных концепций. Авторы ставили целью выйти за рамки

утилитарных и идеологически маркированных позиций. Последовавший крах социализма обнаружил в постсоциалистическом обществе едва ли не больше абсурда, чем на Западе, и тоже стал питательной средой для постмодернистского эксперимента. И литературы славян стали искать опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в устремленности к синкретизму мышления, в ощущении тотального кризиса цивилизации, в представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании «вечных» ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты.

После знаковых изменений на карте Европы рубежа 1980-90-х гг., провозглашения новых государств, в отдельных славянских литературах явно ощущалась некоторая растерянность, вызванная исчерпанностью основного предназначения национальной литературы – служить национальному делу. Практически впервые в истории эти литературы сбросили с себя оковы внеэстетических обязанностей, и перед ними встал естественный вопрос необходимости обновления художественного языка. Об этом в начале 1990-х гг. очень точно сказал чешский прозаик Иржи Крадохвил: «По прошествии долгого времени чешская литература (оговорюсь, так же, как и словацкая, хорватская, словенская и даже польская) ... свободна и избавлена от всех общественных обязательств и народных чаяний, ... с наслаждением презирает все идеологии, миссии, служение народу или кому-нибудь еще»¹⁴.

Разрушив культурные границы, постмодернизм в славянских литературах, с одной стороны, способствовал высвобождению национального художественного сознания от комплексов и стереотипов, помогал преодолеть эстетический консерватизм, ослаблял путы ложно понятой зависимости литературы от национальных художественных авторитетов. С другой – помогал самоутверждению национального в литературе, поскольку в каждом конкретном случае характер осмысления и адаптации постмодернистских реалий зависел от специфики национального культурного пространства, историко-литературных традиций, художественного потенциала.

В новых условиях плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались востребованными. С ее помощью славянские литературы «встраивались» в общемировой литературный процесс, ощущая себя равными среди равных (постмодернизм как билет на вступление в ЕС). И при этом была удовлетворена внутренняя потребность самой литературы реагировать на сходные типологические условия времени. Понятийный аппарат и художественный инструментарий постмодернизма во многом способствовали тому, как публицистически остро славянские литературы зафиксировали умонастроения переходного времени, расставание с недавними национально-культурными мифами и рождение мифов новых, отразили трансформацию чувства национального самоутверждения, часто представленного не апологией героических страниц отечественной истории, а разрушающим иллюзии критико-ироническим ее прочтением. Они активно ищут не только свое место в новой системе координат, но и новые способы взаимодействия с действительностью, желая быть полезными

и востребованными как в условиях конкретных национально-государственных перемен, так и в контексте всей меняющейся европейской общественно-политической архитектоники. В этом смысле круг проблем, вставших перед всеми славянскими литературами, сходен. Это и проблема «выживания» в условиях рынка, отсюда проистекает тенденция общего «облегчения» и «тривиализации» литературных жанров в сторону детектива, триллера, фантастики, зачастую в славянском варианте усугубляющаяся еще и огромным количеством переводной и не всегда качественной, но доступной продукции, которая «забывает» отечественную. И востребованность так называемых паралитературных жанров: политических мемуаров, нехудожественных автобиографий, путевых записок, переписки известных людей. И развитие направлений, ранее почти не представленных: литературы сексуальных меньшинств, эротической беллетристики, виртуальной литературы.

В разных литературах постмодернистские тенденции ассимилируются по-своему, имеют свою национальную специфику. В русской литературе постмодернизм, пройдя через статус неофициального искусства, вызрев в андеграунде, «возвратившись» и легализовавшись, продолжает помогать искусству преодолевать авторитарность любого рода. В Чехии и Болгарии налицо установка на элитарную прозу, выходящую из-под пера рафинированных писателей-филологов, для украинских и белорусских литераторов постмодернизм – средство социального протеста, языкового самоутверждения и одновременного демонстрация крайнего экспериментаторского радикализма, в словенской литературе через постмодернистскую практику преодолевается инерция многовековой национальной самозащиты. У авторов Польши художественная миссия постмодернизма ассоциируется с политическими переменами и отходом от романтического дискурса, а для литературы Македонии – это отвечающий национальной специфике молодой литературы способ эстетического познания реальности и одновременно интеграции в мировую литературу¹⁵.

И практически везде постмодернизм стимулирует ироническое отношение к национальным музам и национальной классике и дает славянским авторам дополнительную свободу маневра среди разных художественных школ и направлений прошлого и настоящего, способствуя художественному обогащению литератур, продуцирует новые жанровые модификации, являясь идеальным экспериментальным пространством. При этом одной из его «славянских» особенностей стал так называемый «мерцательный», дискретный характер, обилие художественных текстов, которые можно назвать «произведениями с элементами постмодернизма», где классическая повествовательная традиция «вбирает» приемы иного художественного опыта. Очевидно, что в сознании большинства славянских авторов по-прежнему живы классические традиции их национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, идей и поэтики постмодернизма – с индивидуальным и национальным материалом.

В эпоху глобализации возвращение к осознанию национальной идентичности в славянских литературах часто происходит через отрицание стандартизации и насаждаемого культа потребления, через возвращение к прошлому

нации с осознанием себя ее частью. В сознании большинства славянских прозаиков по-прежнему живы классические традиции национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, с индивидуальным и национальным материалом. Авторы пытаются по-новому идентифицировать своих героев в региональном, европейском и мировом пространстве, воспринимая самоидентификацию нации, общества, отдельной личности как способ найти «свое» и соотнести его со всеобщим. Литература начала XXI в., отражая опыт сознания современного славянина, дает нам представление о противоречиях, присущих человеку эпохи глобализации, который ощущает себя одновременно гражданином мира и уроженцем конкретного края, говорящим на своем языке и обладающим собственной исторической памятью.

Постмодернистская проза в славянских литературах тяготеет к поиску национальных корней и возвращению к национальным традициям. Подобные тенденции могут свидетельствовать лишь об одном: постмодернизм продолжает пребывать в оппозиции социальному диктату времени, сопротивляется ему, и одним из орудий этого сопротивления выступает национальная идентичность. При этом ее модернизация может возникнуть лишь из сложнейшей связи, взаимопроникновения и толерантности разных национальностей, сведенных воедино идеей гуманистического существования.

Примечания

¹ Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы). Любляна, 2006.

² *Стивенсон Н.* Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: контуры XXI века. ИНИОН РАН. Часть III. М., 2004. С. 12.

³ *Андреев Л.Г.* Литература у порога грядущего века // Вопросы литературы, 1987. С. 35.

⁴ *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2004. С. 7.

⁵ *Петросова Е.Г.* Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе: Г. Свифт, П. Акройд. Автореф. ... кандидата филол. наук. М., 2005.

⁶ *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 5.

⁷ *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы, М., 1997. С. 86.

⁸ *Самохвалова В.И.* Творчество: божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека. М., 2007. С. 499.

⁹ *Панарин А.С.* Сумерки глобализации. М., 2004. С. 129.

¹⁰ *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв., М., 1988. С. 385.

¹¹ *Яусс Х.Р.* Западное литературоведение XX века. Энциклопедия, М., 2004. С. 487.

¹² *Вацулик Л.* Моя Европа (с тремя картинками) // Иностранная литература. 2001. № 5. С. 243.

¹³ Постмодернизм в славянских литературах. ИСЛ РАН. М., 2004. С. 4.

¹⁴ *Kratochvíl J.* Příběhy příběhů. Vno, 1995. S. 83–84.

¹⁵ Об этом подробнее: *Старикова Н.Н.* Славянские литературы в парадоксах постмодернизма // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. М., 2008. С.293–308.

V. Вопросы этнолингвистики, социоллингвистики и славянской диалектологии

Т.И. Вендина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Польско-русские лексические соответствия в пространстве и времени

Abstract:

Vendina T.I. *Polish-Russian lexical relations in space and time*

The article shows the chronological interpretation of the problem of Polish-Russian isoglosses demonstrated on the maps of Slavic linguistic atlas.

Ключевые слова: лингвогеография, изоглоссы, ареалы, связи.

Польско-русские лексические соответствия неоднократно были предметом специальных исследований и в русистике, и в полонистике. Однако рассматривались они в основном на материале либо литературных языков, либо диалектов определенной группы, чаще всего «островных» русских старообрядческих говоров в Польше (см., например, работы И. Грек-Пабисовой, И. Марыняковой). Что касается вопроса пространственно-временной характеристики этих соответствий, то он, как правило, не привлекал к себе особого внимания. Между тем, как свидетельствуют материалы Общеславянского лингвистического атласа, этот вопрос является важным при определении статуса этих соответствий, так как они оказываются неоднородными как в структурно-типологическом плане, так и по своим хронотопическим характеристикам.

Карты Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) говорят о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу Вопросника Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Более того, материалы ОЛА содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка» (Макаев 1965: 15).

Поэтому польско-русские (и шире межславянские) ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий. Кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см., например, Жирмунский 1954: 23).

Опубликованные тома Атласа убедительно говорят о том, что проблема лексических связей двух языков не может ограничиваться материалом только этих языков. Для понимания истинного характера их ареальных связей большое значение имеет общеславянская перспектива, так как она дает возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Учитывая все это, мы попытались взглянуть на польско-русские лексические параллели в общеславянском контексте. Ареалы выявленных корреспонденций помогут установить определенные закономерности в их образовании, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в исторической перспективе, так как фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» (Степанов 1975: 304). Поэтому изучение польско-русских языковых схождений в общеславянском контексте делает реальной их временную стратификацию.

Следует отметить, что возможность их исследования в полном объеме появилась лишь после публикации шестого тома ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», единственного пока выпуска лексико-словообразовательной серии, в котором представлен материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали в Атласе¹.

Том содержит карты и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населенных пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в славянских диалектах на территории Германии, Австрии, Венгрии, Румынии).

Ареальные характеристики лексики, представленной в этом томе, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение

векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография польско-русских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается не одинаковой, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и соответственно разной хронологии.

Самыми немногочисленными являются польско-русские лексические соответствия, входящие в состав **общеславянских лексических изоглосс**. Их представляют всего четыре лексемы: *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’; *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 ‘ест ужин’.

При этом ни одна из этих лексем равномерно не покрывает всей территории Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других (причем две из них – *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 ‘ест ужин’ имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Так, в частности, лексема *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах (см. карту-схему 1).

Лексема *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ имеет островные или даже точечные ареалы во все славянских диалектах, за исключением польских, где ее характеризует повсеместное распространение (см. карту-схему 4).

В русских диалектах лексема *sěr-a* встречается спорадически в севернорусских говорах (вологодских, ярославских), среднерусских (новгородских и тверских), а также в западной группе южнорусских (смоленских) говоров.

Ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг, и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о тех древних трансдиалектных связях, которые продолжают отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-ть*. Лексема *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских, и латеральный ареал в русских диалектах (см. карту-схему 2), где ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами (причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими), тогда как на остальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение. В польских диалектах эта лексема хотя и имеет широкое распространение, однако не повсеместное. Она встречается чаще всего в малопольских и мазовецких говорах, кроме того, в отдельных кашубских, великопольских и некоторых шленских, причем в большинстве из них (особенно в малопольских и мазовецких говорах) она находится в отношениях синонимии с заимствованной из латинского языка лексемой (*kolacij*)-а, являющейся фактом собственной

истории польского языка (по свидетельству А. Брюкнера, эта лексема утвердилась в польском языке лишь в XVI в., см. Brückner 1927: 244).

Лексема *večer-j-a-j-e-tь* к. 64 'ест ужин' широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где она территориально ограничена (см. карту-схему 3). В русских диалектах ареал этой лексемы находится в основном в говорах южнорусского наречия, реже в западных среднерусских (псковских) говорах, где ее активно теснит глагол *//už-in-a-j-e-tь*. В польских диалектах он локализуется в некоторых малопольских, мазовецких и шленских говорах. Причем в большинстве польских диалектов с этой лексемой конкурирует описательная конструкция *ěs-tь kolacij-ŏ*.

Таким образом, лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tь* характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, т.е. совершенно очевидно, что их ограниченная локализация в русских говорах – явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

Следует, однако, отметить, что обе лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития. Об этом говорят, прежде всего, памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении. Значительно позднее, не ранее XVI-XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать* (см. Черных II: 285).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением, сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» (Теньер 1966: 114).

Об этом же свидетельствует и еще существующее в тех же южнорусских и западных среднерусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-*.

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tь* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязыковых контактов поддерживает «витальность» этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

В общей картине польско-русских лексических соответствий эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как они являются свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей.

К этой группе лексем примыкает довольно обширная группа польско-русских лексических корреспондентов, которые составляют **принадлежность восточно-южнославянских** (и частично западнославянских) **изоглосс**.

Эти изоглоссы сформировались также, по-видимому, в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских. Наличие же островных ареалов в отдельных западнославянских диалектах (в том числе в польских) еще больше повышает их статус, так как эти ареалы говорят о том, что в прошлом корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Среди этих лексических соответствий следует особо выделить те, которые и в польских, и русских диалектах имеют обширные ареалы (ср., например, распространение лексемы *tel-ɛt-in-a* к. 23 'мясо телянка?'). Помимо польских и русских диалектов, эта лексема широко известна в украинских, белорусских, словенских, хорватских и сербских диалектах и имеет точечные ареалы в некоторых македонских, чешских и словацких говорах.

Лексических соответствий этого типа зафиксировано сравнительно немного², так как чаще представлены такие, которые в восточнославянских (и в частности, в русских) диалектах имеют обширные ареалы, а в польских ограниченные, ср., например, распространение лексем: *kur-i-tь* к. 47 'кипит' (вода): в русских диалектах эта лексема распространена повсеместно, тогда как в польских она имеет островные ареалы в новых смешанных говорах, а также в некоторых кашубских, великопольских, мазовецких и малопольских говорах; кроме того, она известна всем южнославянским языкам, хотя во всех них (за исключением болгарских диалектов) имеет локальные ограничения в своем распространении; или *žed-j-a* к. 9 'желание, потребность пить': в русских диалектах эта лексема распространена повсеместно, тогда как в польских она встречается в некоторых мазовецких, малопольских и кашубских говорах; кроме того, эта лексема широко известна во всех южнославянских языках, за исключением македонского, где она имеет точечный ареал.

Нельзя, однако, не отметить, что среди этих соответствий встречаются и противоположные ареальные сценарии, когда в польских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, тогда как в восточнославянских диалектах (и в частности, в русских) – ограниченные, ср., например, распространение лексемы *so ìlín-in-a* к. 27 'под-кожный слой жира в свинине': в русских диалектах эта лексема зафиксирована лишь в старожильческих говорах на территории Латвии, в украинских диалектах она известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских; в белорусских диалектах лексема *so ìlín-in-a* имеет островные ареалы в северо-восточных говорах, среднебелорусских и юго-западных; кроме того, она широко распространена во всех южнославянских диалектах, за исключением словенских, где она локально ограничена.

По-видимому, древний характер имеют и польско-русские лексические корреспонденции, которые входят в состав изоглосс, связывающих восточно- и западнославянские языки с некоторыми южнославянскими. Их представляют лексемы, которые, как правило, плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских языков (или некоторых западнославянских,

в том числе польского языка), а также юго-западную часть южнославянских. Ярким примером таких соответствий может служить лексема *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (см. карту-схему 5), которая имеет сплошной ареал в восточно- и западнославянских языках, а также в словенском, и ограниченный ареал в хорватских и сербских диалектах; или лексема *sz-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' (см. карту-схему 6), которая широко распространена в восточно- и западнославянских языках и имеет островные ареалы в словенских, сербских и болгарских диалектах.

К этой же группе польско-русских лексических соответствий относятся лексемы, которые имеют **локально ограниченный ареал в польских диалектах**, но обширный в восточнославянских и некоторых южнославянских (ср., например, локализацию лексемы *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца': в польских диалектах она распространена в основном в мазовецких и малопольских говорах, хотя спорадически встречается в кашубских и шленских; кроме того, она имеет обширный ареал в болгарских диалектах и локально ограниченный в сербских, македонских и словенских; или **локально ограниченные ареал и в русских, и в польских диалектах** (ср., например, распространение лексемы *sz-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки': в русских диалектах лексема локализуется преимущественно в южнорусских говорах, особенно в их западной группе, хотя и встречается в отдельных пунктах севернорусских говоров; при этом она широко представлена в белорусских и западноукраинских диалектах; в польских диалектах лексема распространена в основном в мазовецких и малопольских говорах, спорадически встречаясь великопольских, кашубских и шленских; кроме того, она имеет локально ограниченные ареалы во всех южнославянских (за исключением македонских) диалектах.

Локализация ареалов этих лексем, а главное – их континуальность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», соответствия подобного типа нередко являют собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

Этим древним польско-русским лексически параллелям, которые можно охарактеризовать как генетические, противостоят лексические соответствия, которые сформировались значительно позднее, когда южнославянские языки были уже оторваны от севернославянских. Это польско-русские лексические изоглоссы, которые являются частью **восточно-западнославянских связей**.

Среди этих соответствий отчетливо выделяются две группы лексем.

Первую образуют лексемы, **которые плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских языков** или восточно- и некоторых западнославянских (включая польский), отсекая южнославянские (ср., например, распространение лексемы *noż-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек', которая имеет обширный ареал и в восточно-, и в западнославянских языках; или *baran-in-a* к. 24 'мясо барана', широко распространенной в восточнославянских, польских и словацких диалектах).

Во вторую входят лексемы, которые имеют **ареальные ограничения в своем распространении в русских и/или в польских диалектах**, ср. распространение лексем *sъn-ěd-an-ьj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда': в русских диалектах лексема локально ограничена, так как встречается в основном в южнорусских говорах (смоленских, брянских и белгородских), при этом она широко известна в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских диалектах; или лексем *kvaš-en-ъ* к. 44 'кислый, квашеный'; *doj-ar-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров'; *lěj-ьk-a* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': все эти лексемы широко распространены в восточнославянских диалектах и локально ограничены в польских, чешских, лужицких и словацких диалектах.

Статус этих соответствий разный.

Обширный ареал и целостность общей ареальной картины лексических соответствий первой группы говорят о том, что эти польско-русские лексические параллели сформировались, по-видимому, в позднепраславянский период. Отсутствие изоглосс в южнославянских языках является свидетельством того, что этот ареал образовался уже после отделения славянского юга от славянского севера, но еще существовало восточно-западнославянское единство, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. Статус этих соответствий можно определить как генетический.

Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в общей картине межславянских лексических связей, представленных в шестом томе ОЛА, отсутствует такая типологически значимая ареальная ситуация, когда лексема равномерно покрывала бы всю восточнославянскую территорию и находила бы такое же яркое продолжение в южнославянских диалектах, тогда как в западнославянских диалектах подобная ситуация наблюдается (ср., например, распространение лексем *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'). Примечательно, что эти корреспондирующие восточно-западнославянские лексемы представлены производными основами, прозрачная словообразовательная структура которых указывает на их сравнительно позднее образование, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т.е. совместного пути развития, продолжавшегося еще в относительно позднюю эпоху (подробнее см. Мартынов 1983: 11; Климов 1990: 127).

Второй тип соответствий, имеющих ареальные ограничения в польских и/или русских диалектах, сформировался уже значительно позднее и является, скорее всего, результатом междиалектных контактов, в которых участвовали украинские и белорусские диалекты, выполнявшие функцию своеобразного «моста», т.е. их статус можно определить как ареально-генетический.

К этому типу соответствий примыкают лексемы, которые в западнославянских языках имеют распространение **только в польских диалектах**, при этом **они известны в русских (украинских и белорусских) диалектах**.

Таких лексических соответствий довольно много, причем они формируют несколько ареальных сценариев.

1. В польских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширный ареал, тогда как в восточнославянских диалектах они локально ограничены, ср. распространение лексемы *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник': в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западной группы русских говоров (псковских и смоленских), граничащих с белорусскими диалектами; в украинских диалектах она распространена значительно шире, особенно в говорах юго-западного наречия; в белорусских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в северо-восточных, юго-западных и среднебелорусских говорах; существование лексемы *podъ-večer-ъk-ъ* в русских говорах обязано, по-видимому, белорусским диалектам, в которых она укрепилась под влиянием польского языка.

2. В польских, украинских и белорусских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, тогда как в русских их ареал является ограниченным (чаще всего латеральным, и может быть определен как явление адстрата), ср. распространение лексемы //aj-ьč-ъk-о к. 40 *dem* (j)aje: в русских диалектах лексема встречается в основном в южно-русских говорах. Центр ареала этой лексемы лежит, по-видимому, в польских диалектах, в которых широко представлена ее производящая //aj-ъk-о.

3. В польских и украинских диалектах корреспондирующие лексемы представлены достаточно широко, а в русских и белорусских диалектах их ареал имеет островной характер, ср. распространение производных с корнем *čin- к. 13 'поставит, замесит тесто': в русских диалектах дериваты с этим корнем встречаются лишь в западной группе южнорусских говоров (смоленских и брянских); в белорусских диалектах – в отдельных среднебелорусских и юго-западных. Существование производных с корнем *čin- в русских говорах обязано, по-видимому, украинским и белорусским диалектам, в которых она укрепилась под влиянием польского языка.

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем в польских и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср. распространение лексемы *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке): в украинских диалектах лексема локализуется в основном в юго-восточных говорах Левобережной Украины; в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал и фиксируется в основном в северо-восточных и юго-западных говорах.

5. Широкое распространение корреспондирующих лексем в польских и белорусских диалектах, тогда как в русских и украинских их ареал носит ограниченный характер, ср. распространение лексемы *skvar-ъk-у* к. 30 'пережаренные кусочки сала': в русских диалектах лексема встречается в основном в западной группе русских говоров (псковских, тверских, смоленских, брянских); в украинских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах полесских говоров.

6. В польских диалектах корреспондирующие лексемы встречаются спорадически (причем нередко они фиксируются в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель

или на пограничных территориях), тогда как в восточнославянских диалектах они представлены достаточно широко, ср. распространение лексемы *куп-ѣт-ѣк-ѣ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода': в польских диалектах лексема имеет точечный ареал в мазовецких говорах, пограничных с Белоруссией.

7. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и украинских диалектах, тогда как в польских и белорусских диалектах их ареал является ограниченным, ср. распространение лексемы *ko ìr ìm-y-sl-o* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло': в польских диалектах лексема встречается в основном в новых переселенческих говорах; в белорусских диалектах она распространена главным образом в юго-западных и западнopolесских говорах.

8. В польских, русских, белорусских диалектах лексема встречается sporadически, в украинских – имеет обширный ареал, ср. распространение лексемы *ob-kraj-ѣс-ѣ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка': в польских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 266, 267), жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий; в русских диалектах она также отмечена лишь в брянских говорах; в белорусских диалектах лексема имеет островные ареалы в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах.

9. Обширный ареал корреспондирующих лексем в белорусских диалектах, тогда как в польских, русских и украинских он является ограниченным, ср. распространение лексемы *нѣкт-ѣв-ѣк-а, нѣкт-ѣв-ѣк-у* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': в польских диалектах лексема отмечена в единичном пункте малопольских говоров (п. 321); в русских диалектах она имеет дисперсный ареал и встречается чаще всего в западной группе русских говоров (новгородских, тверских, смоленских, брянских); в украинских диалектах лексема распространена преимущественно в полесских говорах.

10. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в польских, и в восточнославянских диалектах, ср. распространение лексемы *и-круп-ѣ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода': в польских диалектах лексема имеет островные ареалы в мазовецких и малопольских говорах; в русских диалектах она отмечена в некоторых южнорусских (брянских) говорах; в белорусских эта лексема имеет точечный ареал в западнopolесских говорах (п. 394); в украинских диалектах она встречается в некоторых полесских говорах.

Наличие всех этих польско-русских лексических параллелей во многом определяется тем, что они существуют **в рамках восточнославянских языков.**

Такая картина ареального распределения польско-русских лексических соответствий свидетельствует о том, что в большинстве своем они сформировались достаточно поздно, и во многом стимулированы межзональными диалектными связями с украинскими и белорусскими диалектами. Не случайно именно в этих диалектах корреспондирующие лексемы часто имеют обширные ареалы, тогда как в русских диалектах они ареально ограничены

(см. пп. 2, 5, 8, 9). Причем локализуются они, как правило, либо в южнорусских говорах (чаще всего в смоленских или брянских), либо в западной группе среднерусских (особенно в псковских и тверских), а в польских диалектах, кроме новых смешанных говоров, – в малопольских и мазовецких.

Благодаря украинским и белорусским диалектам в польско-русских ареальных связях наблюдается цепочечное развитие диалектных зон. Образуя звенья такой цепочки, украинские и белорусские диалекты являют собой последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории.

Вместе с тем следует отметить, что «вклад» украинских и белорусских диалектов в формирование польско-русских лексических параллелей оказывается разным.

Польско-(белорусско-)русские соответствия являются более репрезентативными, чем польско-(украинско-)русские, так как корреспондирующие лексемы нередко характеризуются обширными ареалами, а иногда и повсеместным распространением в польских диалектах. Яркой иллюстрацией таких польско-(белорусско-)русских связей могут служить, например, лексемы *doj-ыk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров': в польских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в русских диалектах она имеет островной ареал в западной группе среднерусских (тверских) говоров; в белорусских диалектах лексема встречается в некоторых северо-восточных говорах; *var-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода': в польских диалектах лексема широко представлена в кашубских, мазовецких, великопольских и малопольских говорах; в русских диалектах она распространена преимущественно в говорах южнорусского наречия; в белорусских диалектах эта лексема локализуется главным образом в северо-восточных говорах; *glin-j-an-ыn-ъ* к. 50 'сделанный из глины': в польских диалектах лексема широко известна в кашубских, мазовецких и великопольских говорах, хотя встречается в отдельных пунктах шленских и малопольских говоров; в русских диалектах лексема имеет плотный ареал в севернорусских (архангельских, ладого-тихвинских и вологодских) говорах и в западной группе русских говоров (новгородских, псковских, тверских и смоленских); в белорусских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах среднебелорусских и юго-западных говоров и др.

В территориальном распределении соответствий подобного типа прослеживается определенная повторяемость, а именно: в русских диалектах они концентрируются в основном в западной группе говоров (особенно часто в тверских, псковских, новгородских и смоленских); в белорусских – преимущественно в северо-восточных говорах, а в польских – в мазовецких, великопольских и кашубских говорах.

Отличительной особенностью этих соответствий является и то, что все они, как правило, локализуются в западнославянском ареале и не выходят в южную Слaviю. Такая картина ареального распределения польско-(белорусско-)русских лексических соответствий, представленных, как правило,

лексемами с производной основой, невольно наталкивает на мысль о позднем образовании этих ареальных связей. Причем в их формировании важную роль сыграли польские диалекты, которые часто являлись центром иррадиации корреспондирующих лексем (о чем свидетельствует, например, распространение таких лексем, как *krom-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров', *běl-ъk-o* к. 42 'белая часть яйца' и др.).

В территориальном распределении польско-(украинско-)русских лексических соответствий наблюдается несколько иная картина: в большинстве своем они являются ареально ограниченными, причем не только в русских и украинских, но и в польских диалектах. При этом в русских диалектах они локализируются чаще всего в говорах южнорусского наречия, в украинских – в юго-западных говорах, а в польских – в некоторых кашубских, шленских, мазовецких, великопольских или малопольских говорах. Отличительной особенностью этих соответствий является и то, что некоторые из них находят продолжение в южнославянском ареале, ср., например, распространение лексем *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': в польских, русских и украинских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в польских диалектах – в шленских говорах (п. 288); в русских диалектах – в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526) и в южнорусских калужских говорах (п. 789); в украинских диалектах – в полесских говорах (п. 418); кроме того, лексема имеет островные ареалы в сербских, хорватских и болгарских диалектах; *pol-u-dьn-e*, *pol-ъ-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время': в польских диалектах лексема распространена в некоторых кашубских, великопольских и малопольских говорах, в русских диалектах она зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских рязанских говоров (пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в болгарских диалектах; производные с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте): в польских диалектах дериваты с корнем **kys-* встречаются в некоторых мазовецких и малопольских говорах; в русских диалектах они имеют точечные ареалы в отдельных пунктах севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говоров (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия, кроме того, дериваты с этим корнем имеют обширные ареалы в чешских и словацких диалектах и островные – во всех южнославянских, за исключением словенских.

Несмотря на то, что польско-(украинско-)русские лексические соответствия представлены чаще всего микроареалами, локализация некоторых из них в трех славянских языковых группах позволяет рассматривать их в качестве «осколков» некогда более обширных ареалов и характеризовать как генетические (ср., например, распространение производных с корнем **kys-* к. 14 'подходит, растет' (о тесте) или лексемы *lusk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки').

Последнюю группу соответствий образуют собственно **польско-русские лексические параллели**. Причем они также являются неоднородными, так как среди них выделяются сепаратные и эксклюзивные изоглоссы.

Эти изоглоссы вызывают, несомненно, наибольший интерес. Являясь следствием дивергентного развития славянских языков, они представляют собой своеобразную «языковую эрозию» (Журавлев 1992: 113), т.е. остатки некогда более обширных ареалов корреспондирующих лексем. Поэтому «в сложном, пестром переплетении изоглосс наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изолексы, т.е. исключительные связи, отличительно характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений» (Куркина 1992: 28).

Рассмотреть эту уникальную ситуацию в деталях возможно впервые благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу, карты которого позволяют преодолеть известную атомарность многих славистических исследований, когда та или иная изоглосса (в силу объективных причин, и, прежде всего, вследствие отсутствия материала) вырывалась из широкого ряда межславянских соответствий и возводилась в ранг определяющей.

Следует, однако, сказать, что в целом таких соответствий (судя по материалам шестого тома Атласа) сохранилось сравнительно немного, однако ценность их определяется тем, что они отсутствуют в украинских и белорусских диалектах, что дает возможность реально оценить характер польско-русских лексических параллелей.

Польско-русские сепаратные изоглоссы представляют следующие лексемы:

po'irizd-ьn-ъ, po'irizd-ьn'-ъ к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке): в польских диалектах лексемы распространены практически повсеместно (особенно широко в малопольских говорах); в русских диалектах они имеют плотный ареал в севернорусских говорах; кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских и тверских); эта изоглосса охватывает также все западно- и южнославянские диалекты;

traxter-ь к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': в польских диалектах эта заимствованная из немецкого языка лексема (др.-в.-нем. *trahter, trihtere*) отмечена в кашубских, шленских, а также в отдельных пунктах мазовецких и великопольских говоров; в русских диалектах она имеет точечный ареал в среднерусских (псковских) говорах (п. 605), а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527). Эта изоглосса проходит также в чешских, лужицких, западнословацких, словенских, хорватских и сербских диалектах;

ob-škvar-ьk-у, ob-škvar-ьk-у к. 30 'пережаренные кусочки сала': в польских диалектах лексемы имеют точечный ареал в малопольских говорах (п. 310); в русских диалектах они встречаются в некоторых севернорусских (ярославских) и среднерусских (новгородских) говорах; кроме того, эти лексемы имеют довольно плотный ареал в чешских и западнословацких диалектах.

Нетрудно заметить, что среди сепаратных связей польских и русских диалектов отсутствуют такие, которые имеют тотальный характер, когда репрезентирующие их лексемы равномерно покрывают территорию тех или иных говоров.

Исключение составляют лексемы *po`ir`izd-`bn-`ь*, *po`ir`izd-`bn-`ь* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке), которые обладают обширными ареалами в западно- и южнославянских языках и имеют довольно плотный ареал в русских диалектах (в частности, в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров). Все остальные соответствия представлены лексемами, не имеющими широкого распространения.

Несмотря на немногочисленность польско-русских сепаратных соответствий, в их распространении прослеживается определенная повторяемость, а именно: в русских диалектах они локализируются чаще всего в среднерусских говорах (особенно в их западной группе), а в польских – в кашубских, шленских и малопольских говорах.

При этом хронологическая маркированность этих соответствий, будет, по-видимому, разной. На это указывает, прежде всего, фактор пространства. Так, в частности, наличие обширных дистантных ареалов лексем *po`ir`izd-`bn-`ь*, *po`ir`izd-`bn-`ь* к. 3 'пустой, ненаполненный' (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-чеш.-слц.-луж.-плс.) является свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху, ибо существование изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» (Принципы 1976: 184)³.

Что касается остальных сепаратных соответствий, то они, скорее всего, поздние.

Так, в частности, к поздним независимым типологически сходным образованиям относятся, по-видимому, соответствия, представленные лексемами *ob-`skvar-`ьk-y*, *ob-`skvar-`ьk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала'. На это указывает, прежде всего, производный характер основы этих лексем, а также качественная характеристика их микроареала, так как подобные ареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся, не получило еще широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм (ср., например, ареал широко распространенной в русских диалектах лексемы *škvár-`ьk-y*, а в польских – *skvar-`ьk-y*).

Поздний характер имеют и соответствия, представленные лексемой *traxter-`ь* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', о чем свидетельствует сам факт ее заимствования из немецкого языка.

Польско-русские эксклюзивные соответствия, т.е. такие, которые характерны лишь для русских и польских диалектов, также довольно немногочисленны. Их можно проиллюстрировать следующими примерами:

děž-ьk-a к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': в польских диалектах лексема имеет островной ареал в шленской группе говоров; в русских диалектах она встречается в некоторых южнорусских (курских и рязанских) и среднерусских (псковских) говорах. Однако если привлечь к анализу лексему *děž-a* в том же значении, то ареальная картина в русских говорах станет более выразительной, так как эта лексема локализуется в тех же курских и рязанских говорах;

za-peč-e-tь к. 15 3sg praes asp perf 'печет': в польских и русских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в русских диалектах – в севернорусских ладого-тихвинских говорах (п. 581); в польских – в малопольских (п. 313);

sъn-ěd-a к. 58 'завтрак, утренняя еда': в польских диалектах лексема имеет точечный ареал в малопольских говорах (п. 321); в русских диалектах – в южнорусских говорах (Белгор. п. 844);

съ-куп-i-ть к. 47 'кипит' (вода): в польских лексема зафиксирована в некоторых пунктах малопольских говоров; в русских диалектах она имеет точечный ареал в севернорусских архангельских говорах (п. 556).

Эксклюзивные лексические соответствия так же, как и сепаратные, не имеют ярко выраженных ареалов, хотя нельзя не отметить, что в их локализации прослеживается определенная повторяемость: в польских диалектах они фиксируются в основном в малопольских говорах, а в русских – в севернорусских и некоторых южнорусских.

Показательно также, что все эти лексические соответствия представлены именами с производной основой, что указывает на их позднее образование, так как лексемы, структура которых в словообразовательном отношении «является прозрачной, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122).

Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что их, так сказать, витальность, была во многом поддержана другими однокоренными с ними лексемами, имеющими в тех же диалектах более широкое распространение (ср., например, ситуацию с лексемой *za-peč-e-tь* к. 15 3sg praes asp perf 'печет' и однокоренными с ней лексемами *u-peč-e-tь* в польских и *съ-peč-e-tь* в русских диалектах; или с лексемой *sъn-ěd-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда', которая имеет серьезную «поддержку» со стороны лексем *sъn-ěd-anь*, *sъn-ěd-an-ьj-a* в польских и русских диалектах).

Эти соответствия могут быть, скорее всего, результатом параллельного и независимого развития. На это указывает, с одной стороны, качественная характеристика их ареала, в частности, тот факт, что все они представлены чаще всего микроареалами, которые являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, а с другой – вторичность их словообразовательной структуры.

Итак, как видно из приведенного материала, топография польско-русских изоглосс, их реальная языковая наполненность и пространственная локализация оказываются довольно сложными и не исчерпываются количественным показателем. Адекватная интерпретация их в пространственном и временном аспекте возможна лишь при наличии общеславянского контекста и при условии учета их разнонаправленности.

Как свидетельствует проведенный анализ, в большинстве своем польско-русские лексические соответствия сложились в рамках восточнославянского языкового континуума. По сравнению с этими изоглоссами роль сепаратных и эксклюзивных польско-русских лексических параллелей в общеславянском контексте оказывается менее значительной.

В общей картине территориального распределения ареальных связей польских и русских диалектов отчетливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого **русского языка как члена восточнославянского языкового континуума**. В формировании этих лексических изоглосс чрезвычайно важную роль сыграли украинские и особенно белорусские диалекты, которые выполняли функцию своеобразного «моста» между русскими и польскими диалектами. Благодаря их поддержке сложилось большинство ареальных связей русских и польских диалектов. Не случайно среди них не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках западно- и/или южнославянской группы.

Связи второго плана – это собственно русские ареальные связи. Они играют не менее важную роль в общей картине польско-русских языковых отношений, хотя в количественном выражении они представлены довольно ограниченным кругом лексем.

Качественные различия польско-русских изоглосс являются свидетельством их разного исторического прошлого. Поэтому хронологически они интерпретируются по-разному.

О том, что эти изоглоссы имеют разную хронологическую отнесенность, ярче всего говорит тот факт, что польско-русские соответствия, сформировавшиеся в рамках восточнославянских языков, и соответствия, являющиеся принадлежностью собственно русских диалектов (т.е. сепаратные и эксклюзивные), обладают разной ареальной характеристикой (ср., например, распространение польско-(украинско-белорусско-)русских лексических изоглосс, которые в русских диалектах локализуются чаще всего в южнорусских говорах (особенно высокая концентрация их наблюдается в смоленских и Брянских говорах) и в западной группе среднерусских говоров (прежде всего в тверских), а в польских диалектах – на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или в пограничных с ними диалектах; и распространение сепаратных и эксклюзивных польско-русских соответствий: в русских диалектах они локализуются чаще всего в среднерусских говорах (прежде всего, в псковских и новгородских) и в некоторых севернорусских, а в польских диалектах они тянутся узкой полосой с севера на юг, сосредотачиваясь в отдельных пунктах кашубских, великопольских, шленских и малопольских говоров (см. карту-схему 7).

Инвентарь польско-русских лексических соответствий включает в себя, с одной стороны, общеславянские лексемы, а с другой – ареально ограниченные диалектизмы, восходящие и к праславянской эпохе, и к эпохе

самостоятельного развития славянских языков. Среди этих схождений наблюдаются такие, которые детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), такие, которые определяются факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции польских, украинских и белорусских диалектов, расположенных на смежных территориях), и такие, которые во многом предопределены факторами типологическими и являются свидетельством независимого параллельного развития.

Представляется, однако, что даже в этом случае выявленные схождения могут быть отражением тех общих языковых процессов, которые были пережиты славянскими языками в прошлом, так как «параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка» (Степанов 1975: 27). И в этом смысле все изменения, которые произошли в славянских языках в процессе их исторического развития, с лингвистической точки зрения предопределены их предшествующим состоянием. Таким образом, лексические карты Атласа являются прекрасной иллюстрацией одного из постулатов компаративистики – чем ближе языковые системы, тем меньше случайных совпадений в их развитии, поскольку развитие систем в значительной степени детерминировано общими генетическими истоками.

Итак, в общей картине польско-русских лексических соответствий отчетливо просматриваются, по крайней мере, два хронологических среза – древний, относящийся к периоду формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами междиалектной интеграции, культурно-языкового взаимодействия польских, белорусских, украинских и русских диалектов.

Такая неоднозначная картина ареальных связей польских и русских диалектов согласуется с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные хронологические периоды способна принимать различные значения (Бенвенист 1963: 45), поскольку в истории межславянских диалектных отношений актуальными являются две противоположные тенденции – междиалектной интеграции и консервации как следствия сопротивления инодиалектным влияниям.

Примечания

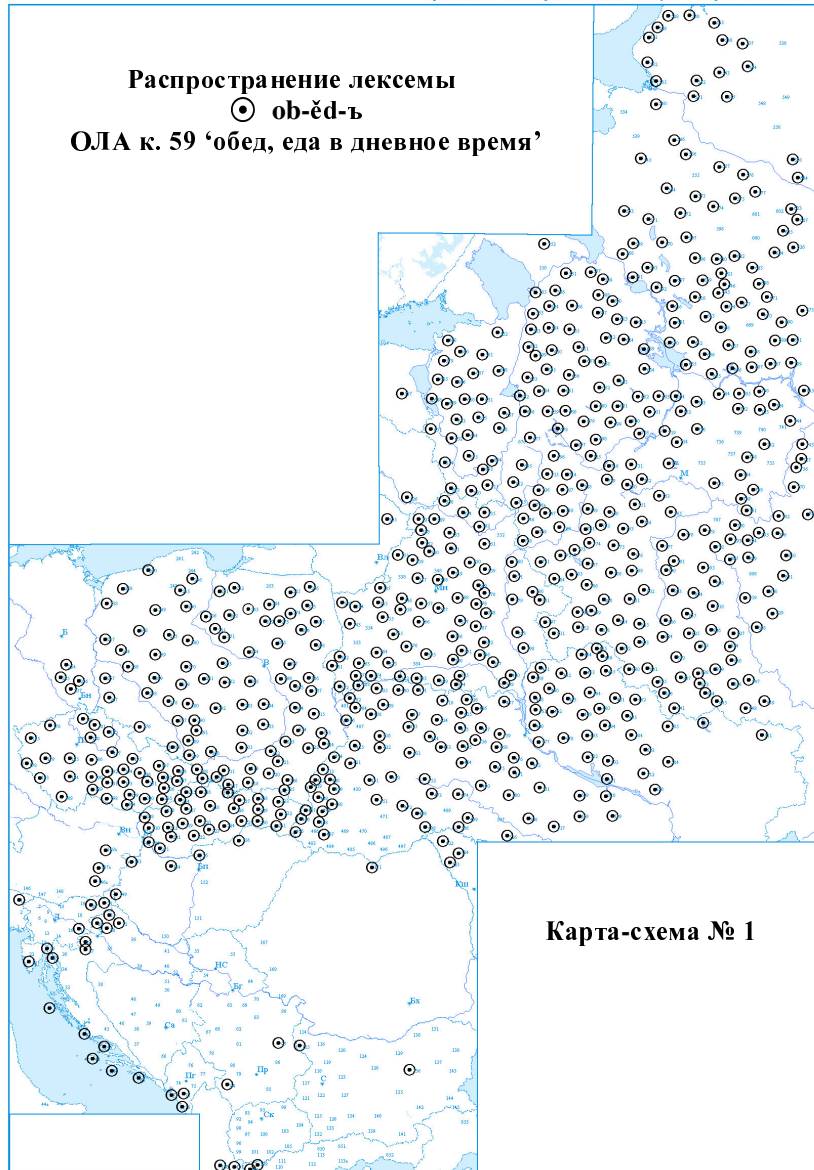
¹ О причинах отсутствия болгарского материала на картах Атласа см.: Иванов 1993: 315.

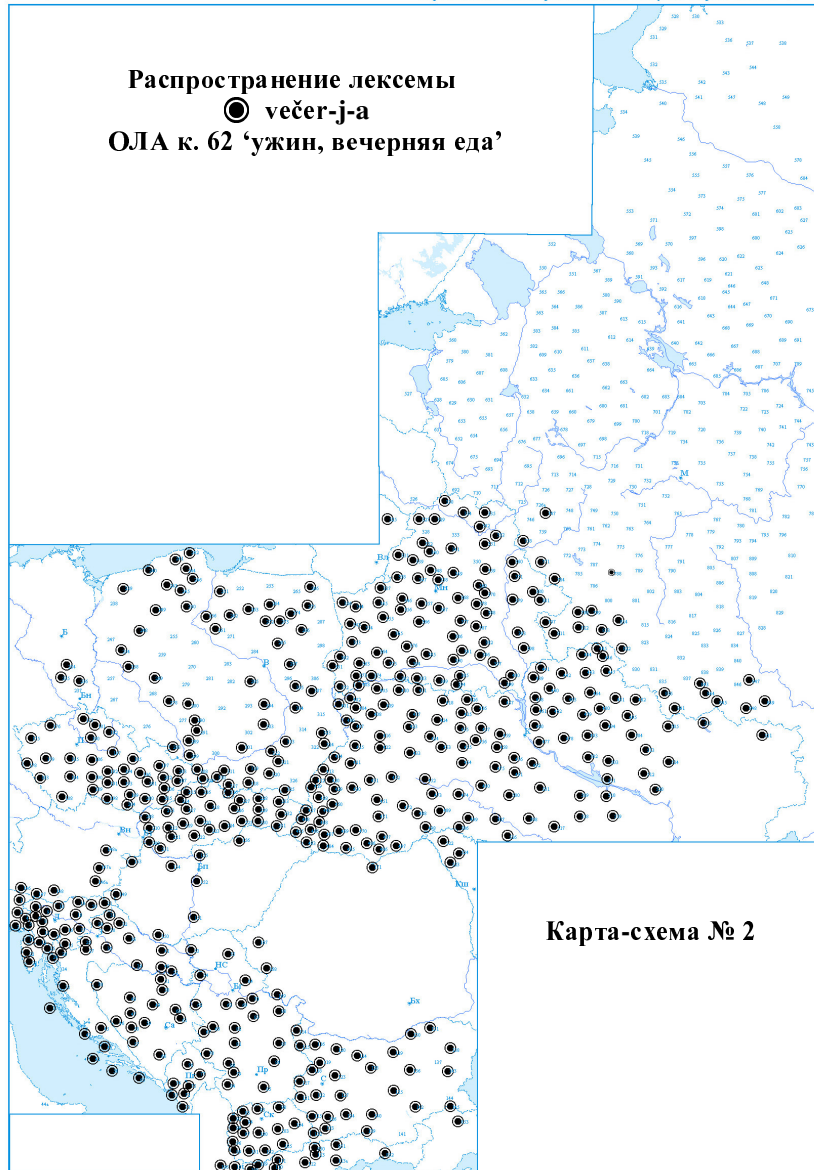
² Ограниченный объем статьи позволил привести лишь некоторые примеры. Более подробные данные содержатся в монографии Т.И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте» М., 2009.

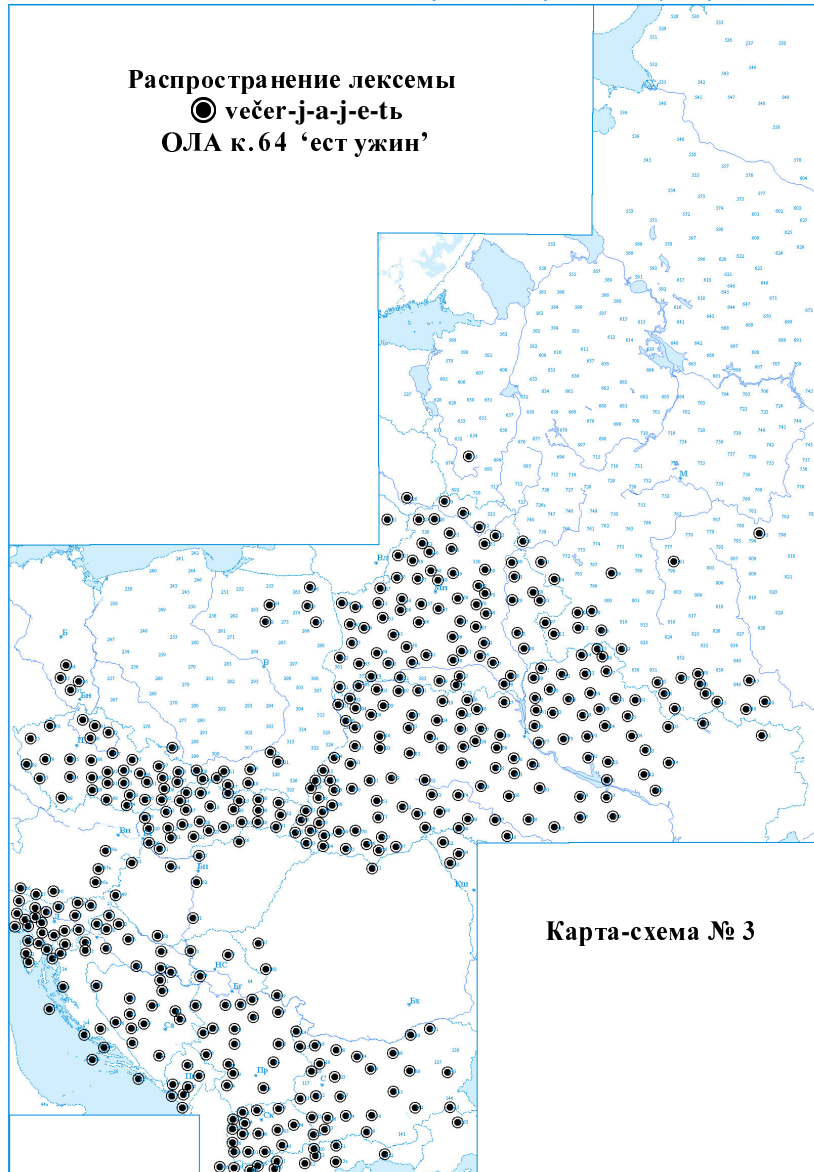
³ Ср. в связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» (Бородина 1980: 34).

Литература

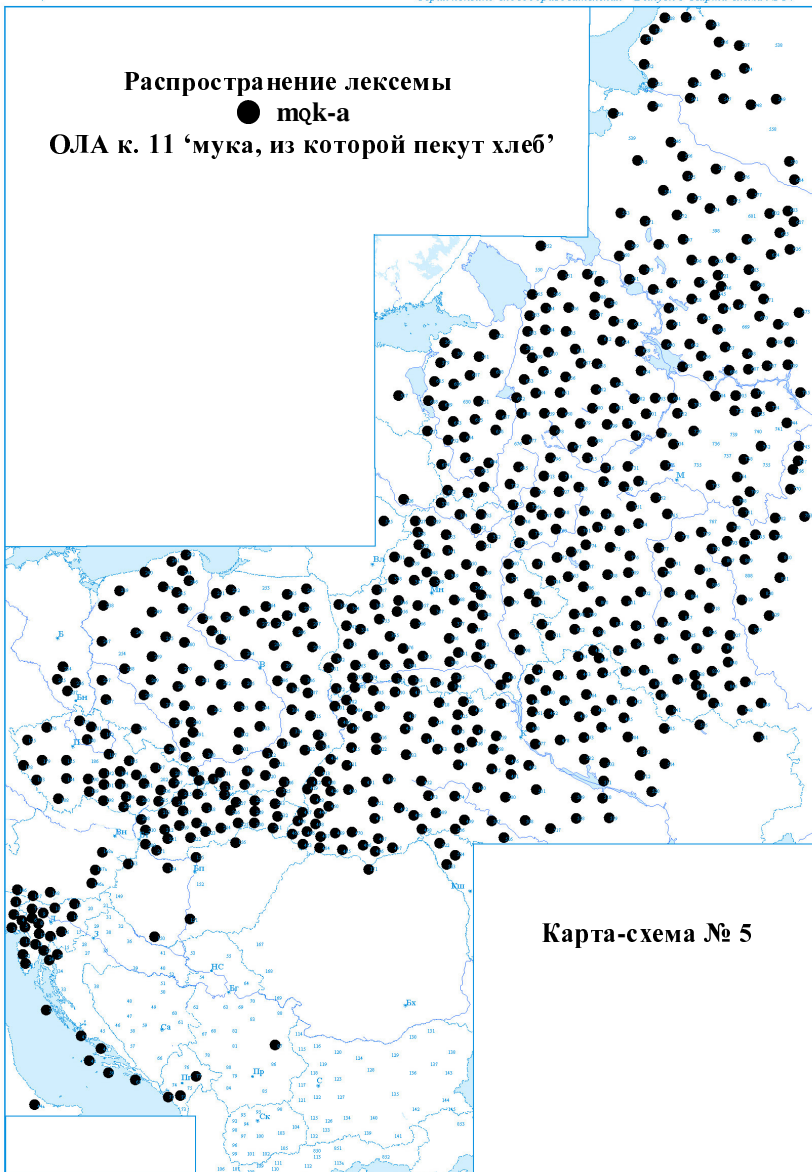
- Бенвенист 1963 – *Бенвенист Э.* Классификация языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963.
- Бородина 1980 – *Бородина М.А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
- Brückner 1927 – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Жирмунский 1954 – *Жирмунский В.М.* . О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
- Журавлев 1994 – *Журавлев А.Ф.* . Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Иванов 1993 – *Иванов В.В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1993.
- Климов 1990 – *Климов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Куркина 1992 – *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Макаев 1965 – *Макаев Э.А.* Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4.
- Мартынов 1983 – *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- ОЛА 2007 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. Вып. 6. М., 2007.
- Принципы 1976 – Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Степанов 1975 – *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Теньер 1966 – *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5.
- Черных 1994 – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.













Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с польскими

- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения



Карта-схема № 7

Г.П. Пилипенко
(Институт славяноведения РАН, Москва)

К вопросу о венгерско-сербском билингвизме*

Abstract:

Pilipenko G.P. About Hungarian-Serbian multilingualism

The aim of this article is to examine the functioning of grammatical gender in Serbian language (L2) of Hungarians students in Vojvodina (Serbia). The most typical mistakes were identified in the agreement with attribute, in predicate, in subordinate definitive clause with connective word *koji* and in the distant agreement of elements. The cause of such mistakes is the absence of grammatical gender in L1 of informants.

Ключевые слова: род, согласование, венгерский язык, сербский язык, ошибки, атрибут, предикат, придаточное предложение, главное слово, согласуемое слово, билингвизм.

Одним из наиболее перспективных направлений современной контактной лингвистики, судя по тематике новейших научных исследований, считается изучение феномена второязычной речи билингвов¹. Функционирование языка в среде неисконных носителей позволяет выявить многочисленные внутривидовые особенности языков, находящихся в контакте, которые ранее были изучены односторонне. Сербский и венгерский языки находятся в контакте уже несколько столетий. Однако изучение особенностей сербской речи венгров до сих пор посвящено лишь несколько лингвистических работ.

В марте–апреле 2009 г. в автономном крае Воеводина (Сербия) нами была проведена экспедиция по изучению венгерско-сербского билингвизма. Венгерский язык является одним из шести официальных языков автономного края Воеводина, в котором венгры составляют около 14% населения. В качестве информантов привлекались учащиеся венгерских классов (1–4 классы) средних учебных заведений, расположенных в Новом Саде, Суботице, Футоге, Каниже и Сенте, а также студенты филологического факультета города Нови Сад (I–IV курс), обучающиеся на венгерском языке. Общее количество информантов составило 344 учащихся. Респондентам предлагалось выполнить письменные задания на сербском языке: написать небольшое сочинение и высказать свое мнение о прочитанном венгерском тексте. Таким образом, в центре внимания оказались письменные работы. Следует сказать, что похожее исследование проводилось М. Бурзан², однако главными информантами автора оказались учащиеся более низкой возрастной категории: М. Бурзан изучает сербскую речь венгерских учащихся основных школ (7–8 классы), а также учеников 1–2 классов средних учебных заведений. Кроме того, в упомянутой работе рассматривались ошибки, допущенные в предикате предложения, тогда как в нашем исследовании ошибки фиксировались по принципу частотности.

К числу самых распространенных ошибок, отмеченных в работах наших информантов, относятся ошибки в определении рода. Известно, что в сербском

*Работа выполнена в рамках проекта «Язык и культура старообрядцев Юго-Восточной Европы» Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

языке, также как и в других славянских языках, род является преимущественно согласовательной категорией³. Особенностью венгерского языка является отсутствие в нем рода как грамматической категории⁴. Тем не менее, как и во многих языках, в венгерском языке присутствует естественный род. Из-за несовпадения категорий в двух языках и происходят многочисленные ошибки при определении рода.

Род существительного в сербском языке определяется по согласуемым словам⁵. Однако род слова можно определить также по типу окончания. Так, большинство существительных на согласный, в том числе на *-o* по происхождению из *-l* (*stan, metar, poljubac, soko, vo, anđeo*), существительные иностранного происхождения на *-o, -i, -u, -e* (*rešo, taksi, intervju, renome*), некоторые существительные с конечным *-a* (*vladika, tobđžija*), мужские имена собственные на *-a, -o, -e* (*Andrija, Vlado, Đorđe*), уменьшительно-ласкательные имена на *-ko* относятся к мужскому роду (*nestaško, ćupavko*). К женскому роду относится большинство имен на *-a* (*zora, riba, voda*) и некоторые имена существительные на согласный (*jesen, noć*). Существительные на *-o, -e* принадлежат среднему роду (*selo, more, uže, kube*). Таким образом, формулируется следующее правило: существительные на *-o* и *-e* не могут быть женского рода, а существительные на согласный и на *-a* (кроме *doba*) не являются существительными среднего рода⁶.

Существует определенная координация между родом существительного и типом склонения. Существительные на согласный, большинство из которых относятся к мужскому роду, изменяются по свойственному им типу склонения, однако существительные мужского рода на *-a* изменяются по типу склонения, свойственному существительным женского рода. Согласуемое слово в этом случае изменяется как слово мужского рода, ср: *pametnan naučnik – pametnog naučnika, pravičan sudija – pravičnog sudije*.

В области согласования некоторых имен существительных с атрибутом наблюдаются колебания. Например, существительные мужского рода на *-a* в единственном числе требуют определение в мужском роде, во множественном числе – в женском (*naš starešina – naše starešine*). Слова общего рода, обозначающие лиц и мужского, и женского пола, также ведут себя своеобразно. Они могут согласовываться с атрибутом как по мужскому, так и по женскому роду в зависимости от того, идет ли речь о мужчине или о женщине (*Milanov pristalica, Milanova pristalica*).

Определение рода по типу окончания действует не всегда. Не всегда ясно, какие именно существительные на согласный относятся к женскому, а какие – к мужскому роду (например, *kost* – ж.р., *most* – м.р). У существительных на *-o* род также может быть разным: слово *rešo* – мужского рода, а *selo* – среднего. Поэтому для индивида, в родном языке которого род как грамматическая категория отсутствует, трудно усвоить достаточно запутанную систему распределения имён по родам в сербском языке. Наши информанты в ходе выполнения заданий отмечали, что для них род является одной из тех категорий, в которой они (либо другие венгры) чаще всего ошибаются.

Нарушение согласования по роду существительного с атрибутом мы выделили как первую часть этой обширной проблематики. В венгерском

языке определение, стоящее перед именем, не согласуется с ним в числе и в падеже⁷. Поэтому сама необходимость согласования существительного с прилагательным в функции определения (даже в рамках такой категории как род, отсутствующей в венгерском языке) будет представлять определённые трудности для наших информантов.

В примерах А⁸ представлено согласование атрибута с именем существительным по формальному признаку – по типу окончания.

Примеры А⁹:

Puškaš je najpoznatiji mađarski fudbaler i najpoznatiji mađarski reč	1
Puškaš to je najpoznatiji mađarski reč	2
Puškaš najpoznatiji reč na mađarskom širom svetu	3
Puškaš je najpoznatiji mađarski reč	4

В данных примерах существительное *reč* согласуется с прилагательными по мужскому роду. Однако в сербском языке это оканчивающееся на согласный слово принадлежит к женскому роду. Именно из-за формальной тождественности слова *reč* словам мужского рода происходит согласование по внутриязыковой аналогии¹⁰.

Следующую группу примеров составляют случаи неправильного согласования по роду притяжательного местоимения *moj*.

Примеры В:

Volim taj malog gradića je(r) to je <i>moj rođeni mesto</i>	1
<i>Moja omiljena pevač</i>	2
<i>Moja najomiljena pisac</i> je Müller Peter	3
<i>Moj omiljeni певачица</i> je Ружа Магдолна	4
<i>Moj rođeni selo</i> se zove Martonoš	5
<i>Moja omiljena mađarski film</i> je "Tibor vagyok, de hódítani akarok"	6
<i>Moja rođeni grad</i> je Feketić	7
<i>Moja omiljeni pevač</i> se zove Krisz Rudolf	8
<i>Moja rodni grad</i> je Temerin	9
<i>Moja najbolji филм</i> je "Férj és férj"	10
Ja сам се испричам она, јер је она <i>moja najbolji друг</i>	11
<i>Moja najbolji pisac</i> u mađarskom literaturu	12
<i>Moj selo</i> има један библиотека	13
Из Орому су живели <i>moj породица</i>	14
<i>Moj selo</i> je u Banatu.	15
<i>Moj selo</i> se zove Torda	16
<i>Moj selo</i> je Bačko Petrovo Selo	17
<i>Moja selo</i> se zove Nova Crnja	18
<i>Moja tata</i> je zemljoradnik	19

Важно отметить, что притяжательные местоимениями в сербском языке изменяются как прилагательные. В венгерском же языке притяжательность выражается с помощью притяжательных окончаний, прибавляемых к слову,

т.е. этот признак составляет с именем одно целое (*barát-o-m, kép-e-i-m, szabadság-a*). Поэтому самостоятельное употребление этой части речи, которая к тому же должна согласовываться с главным словом, способно вызвать затруднения у венгров, говорящих на сербском языке. Так, Л. Кашша отмечает похожие случаи в речи венгров на сербском языке: *evo, tvoja ključ*¹¹. Форма местоимения *tvoja* объясняется тем, что ключ принадлежит женщине, т.е. род притяжательного местоимения понимается как анафорическая категория. По всей видимости, в вышеперечисленных примерах род притяжательного местоимения *moj* также определяется анафорически. Примеры *moj selo* и *moja selo* отличаются тем, что в первом случае повествование идёт от лица мужского пола, во втором – от женского. Употребление женского или мужского рода у притяжательного местоимения соответствует реальному распределению информантов по половому признаку. Возможно, информанты могли заимствовать принцип анафорического распределения рода у сербских личных местоимений *on, ona, ono* и перенести его на притяжательные местоимения. Либо им не вполне понятно различие естественного и грамматического рода в сербском языке. Информанты могли руководствоваться такой логикой: как может быть мужской род у притяжательного местоимения первого лица (когда главное существительное мужского рода), если идёт речь о конкретном лице женского пола.

Показательно, что в случае наличия прилагательного в конструкции с притяжательным местоимением *moj* (примеры В-1–В-12), прилагательное согласуется с существительным, тогда как род притяжательного местоимения не зависит от главного слова и соотносится с полом обладателя (примеры В-7–В-12). В других случаях прилагательное согласовано с притяжательным местоимением (примеры В-1–В-5). Пример В-6 (*Moja omiljena mađarski film je «Tibor vaguok, de hódítani akaok»*) демонстрирует двоякую тенденцию: прилагательное, расположенное ближе к притяжательному местоимению, согласуется по роду с притяжательным местоимением, а другое прилагательное, находящееся ближе к существительному, согласуется с существительным.

В примерах из группы С представлены случаи необоснованного согласования по роду одного атрибута. Даже у существительных, род которых с 90% вероятностью можно определить по окончанию, как, например, существительные женского рода на *-a*, согласование с атрибутом происходит по мужскому роду (примеры С-1–С-11).

Примеры С:

Bio je jedan izložba u Budimpešti	1
Ovo priča se odigrao pre 2000-2500 godina	2
Ima jedan crkva	3
Ovde je bio jedan borba	4
Opština Mali Idoš je najmanji opština u Srbiju	5
Retko vidimo sunce, ali naš atmosfera najčešće loš	6
... brzo će biti u redu vaš volja	7
Ima jedan škola	8
Jedan devojka sedi u autobusi	9

<i>Ovaj ekipa</i> има седам члан	10
... jer biće još <i>jedan knjiga</i> i to će biti zadnja	11
<i>Sadašnji aktiviranje</i> vulkana	12
<i>Najbolja pisac</i> na mađarskom jeziku je Petefi Sandor	13
Kod nama je <i>veliko praznik</i> Ileš dan	14
Temerin je <i>veća selo</i> pored Novog Sada	15
<i>Najbliži selo</i> je za 50 kilometara od vulkana	16
Ово је јако <i>лено град</i>	17
I <i>omiljena glumac</i> je Németh Kristóf	18
Mali Idoš je <i>jedan selo</i> u bačku	19
Živim u Senti. <i>Ovo grad</i> je mirno	20
Ja živim u Temerin. To je <i>jedan selo</i>	21
Senta je <i>lepo grad</i>	22
Prema režiseru na Drini Čupriju će biti za njega <i>najveći izazivanje</i> ...	23
Plašila sam da nije <i>dobro rezultat</i>	24
Pre rata bilo je <i>najveći selo</i> u Vojvodini i možda u Srbiji	25
Ponovo se probudila <i>velika vulkan</i>	26
Parlament je III. <i>najveće parlament</i> na svetu	27

Существительные согласуются с атрибутом произвольно. Даже в очевидных случаях правильного согласования не происходит. Это свидетельствует о неустойчивости категории рода у данных информантов, что является результатом редуцированного усвоения этой категории, либо о том, что род воспринимается как автономная категория, не зависящая от главного слова, а свойственная каждому имени в отдельности.

В примерах группы D представлено согласование с существительным двух атрибутов. В этих случаях также не наблюдается слаженности в согласовании по роду, поскольку, судя по окончаниям, прилагательные стоят в разном грамматическом роде.

Примеры D¹²:

Puskáš je <i>najpoznatije mađarska reč</i>	1
Pored srpske škole se nalazi <i>jedna mali park</i>	2
Адорјан је <i>један мало село</i>	3
То је <i>један мало село</i> у Војводину	4
U Temerinu se rodio Kardj Sirmaj, <i>poznato mađarski pisac</i>	5
Ima <i>jedan osnovna škola</i> za mađari i jedna za srbe	6
Temerin je <i>jedna veća selo</i> pored Novog Sada	7
Na sredini Dunava ima <i>jedna mali ostrvo</i> , koji se zove Margit sziget	8
Ja volim da živim u Senti zatošto <i>lepo malo gradić</i>	9
Ja živim u Bačkoj Topoli. Topola je <i>jedna mala gradić</i>	10
Ovo je <i>naša staro zavet</i>	11
Blizu rumunske granice ima <i>jedna prelepa sela</i> , zove se Novi Ittebej	12

В случае, когда осуществляется согласование, нельзя быть уверенным в том, что это было сделано сознательно, и что индивиду знакомы правила согласования, поскольку второе согласуемое слово, стоящее рядом, имеет совсем другое окончание. Так, в примерах D-7–D-10 два согласуемых слова формально согласованы правильно по роду, однако их род изначально определен неверно. Если и осуществляется правильное согласование по роду с главным словом, то оно происходит в прилагательном, которое расположено ближе к главному слову (примеры D-1–D-6). В этом случае второе согласуемое слово, расположенное более удаленно, имеет неправильное родовое окончание.

В некоторых случаях род согласуемых слов может определять не главное, а другое слово, которое находится на некоторой дистанции.

Примеры E¹³:

Ova филм је <u>комедија</u>	1
<u>Kanjiža</u> nije baš najčista grad	2
Ova <u>muzika</u> se zove <i>alternativna "rock"</i>	3
Opština <u>Mali Idoš</u> је najmanji opština u Srbiju	4

В примере E-1 (*Ova филм је комедија*) словом, с которым согласуется атрибут, является *комедија*. Оно никак не связано с именной группой, поскольку является частью составного сказуемого. В случае D-2 мы наблюдаем похожую ситуацию: определяющим словом для прилагательного является *Kanjiža* (*Kanjiža* nije baš najčista **grad**), а в примерах D-3 и D-4 определяющими словами являются соответственно – *muzika* и *Mali Idoš*. Повидимому, информанты теряются в определении главного слова, в качестве такового они принимают уточняющие главное слово существительные.

Как было отмечено выше, формальное правильное согласование распространено среди информантов. Далее приводятся примеры формально правильного согласования при измененном главном слове. Вероятно, это происходит из-за неверного представления о форме главного слова, а в целом – является результатом несовершенного владения языком.

Примеры F:

To se zove " <i>Zlatna mikrofona</i> "	1
To је najdobra festivala u selu	2
Ponovo је probudio <i>ogromna</i> vulkana	3
Taj šuma је bila <i>stara</i> sela	4

Слова, в сербском языке принадлежащие мужскому роду, у информантов меняют род и становятся словами женского рода (*mikrofon(a)*, *festival(a)*, *vulkan(a)*). То же самое можно сказать и о существительном среднего рода *selo* (Taj šuma је bila *stara sela*). При этом в словообразовательном и словоизменительном инвентаре учащихся имеется универсальное средство: формант *-a*. С его помощью происходит образование не только существительных, а затем и последующее их согласование с атрибутом, но и формы винительного падежа¹⁴. Думается, что формант *-a* в силу своей частотности в сербском языке воспринимается информантами как обобщенное средство для передачи разных грамматических категорий.

Неправильное согласование по роду часто происходит и в предикате. Позиция предиката в венгерском языке существенно отличается от позиции определения. Глагол в предикате изменяется по лицам и числам, а именная часть сказуемого изменяется по числам¹⁵, например: *én jogász vagyok, a nap múlt el, a rozsák szépek (voltak)*. Таким образом, в сознании индивида, родным языком для которого является венгерский, присутствует представление о том, что в данной позиции необходимо осуществлять согласование. Однако, для наших информантов согласование по роду глагольных форм и именной части сказуемого в сербском языке все же вызывает затруднения ввиду отсутствия рода как грамматической категории в венгерском языке. В сербском языке различие по роду в предикате присутствует в некоторых глагольных формах, например в перфекте, условном наклонении, пассивной конструкции. Категория рода в приводимых примерах отличается неустойчивостью. Примеры группы G демонстрируют ошибочное согласование по роду в глагольных формах, имеющих в своем составе причастие на *-l* (именно в этих формах происходит координация в роде).

Примеры G:

Nekada je Temerin imala puno madara	1
Posle godinu dana opet se pojavilo vulkan Chaiten u Chilu	2
U oktobru škola je organizovao put u Budimpešt za učenike mađarskih razreda	3
Ekskurzija je trajao dva dana	4
Temerin se zvala nekad Temeri	5
Putovanje je trajao šest sata	6
Posle vulkanskog aktiviranja, delimično se srušilo kupa vulkana	7
1964. godine je bilo jedna katastrofa	8
Вулкан Шивелуч на Камчатки је експлодирало прошлог четвртка	9
Ovo priča se odigrao pre 2000-2500 godina	10
2000-te godine odstranjivanje mačaka je doneo veliku katastrofu	11
Pre dvadesetak godina selo je cvetalo	12
Broj zečeva su povećalo	13
Ponovo je izbila u Čile Čatein vulkan	14
I u Chile ponovo se probudila Chaiten vulkan	15

Несовпадение рода причастия, являющегося смысловым центром перфектной формы и формы потенциала, с родом главного слова свидетельствует о неустойчивости категории рода в речевой практике венгерско-сербских билингвов. Никакой последовательности в распределении рода согласуемых форм не наблюдается.

В случае, когда в составе предиката находится прилагательное или страдательное причастие, также фиксируется много примеров подобного «рассогласования»:

Примеры H:

... ali u školi i u okolini veći potrebna mi je srpski	1
Kusturica hoće da film bude gotova u 2011.	2

Пас је бело	3
Jesen је лепо	4
Lepo је и зимом, када sve је <i>bela</i> , и пролећем, када је <i>zelena</i>	5
Taj grad ми је <i>najlepša</i>	6
Upisao се у knjigu где су <i>napisani</i> највећа мађарска dešavanja	7
Sedmo, poslednje izdanje биће <i>objavljen</i> у два дела	8
Ovaj tekst је <i>interesantna</i>	9
Nacionalne manjine moraju да знају језик државе, али мислим да матаренји jezik је <i>najvažnija</i>	10
Zeleni čaj је <i>dobro</i> за мозак	11
Moj музички bend "Frontembers" је био <i>nazvano</i> на Будимпешту	12

Обраћае на себја внимание то обстоятельство, что правильное согласование по роду зависимого слова в функции определения сопутствует неправильному согласованию в предикате, как в глагольных формах причастия на *-l* различающих род, так и в формах, имеющих в своем составе прилагательное или страдательное причастие. Ср.: примеры с глагольными формами на *-l* (*Prošlo је jedna godina, Ovaj osećaj је prestala, Jedan novi ispiti bi značilo jednu veliku torturu*) и примеры Н-6 – Н12. В примере Н-12 (*Moj музички bend "Frontembers" је bio nazvano на Budimpeštu*) правильно согласовано и определение и вспомогательный глагол *biti*, однако смысловый центр пассивной формы – причастие – согласовано неправильно. Таким образом, согласование по роду непоследовательно, что является прямым следствием отсутствия категории рода в венгерском языке.

В рассмотренных грамматических формах согласно правилам сербского языка предикат принимает род главного слова. Если речь идет о ситуации, в которой участниками являются одушевленные лица, чаще всего род определяется по их полу (*Ti si gledala, Ja sam trčao*). В случае с неодушевленными существительными необходимо знать грамматический род этих слов (*film је (bio) interesantan, noć је (bila) topla*). Для индивида с родным венгерским языком ситуация осложняется еще и тем, что, например, в рамках одного наклонения, индикатива, различие по роду смысловой глагольной формы представлено только в перфекте; в пассивном залоге согласование по роду вспомогательного глагола *biti* осуществляется только в прошедшем времени, в будущем времени этого не происходит; при этом смысловая форма – причастие – согласуется по роду как в прошедшем, так и в будущем времени (*ja čitam, ja sam čitao/la, ja ću čitati; izdanje је bilo objavljeno, izdanje биће objavljeno*).

В ряде примеров неправильное согласование по роду в предикате можно объяснить влиянием других существительных, что в случае венгерско-сербских билингвов не редкость¹⁶. Эти существительные не являются главным словом в предложении, однако они тесно связаны по смыслу с предметом высказывания. Вероятно, по этой причине и происходит подобная подмена.

Примеры I¹⁷:

Knjiga <u>Harry Potter</u> је данас јако <i>slavljen</i>	1
Izložbu је <i>osnivala</i> Volga Klub у 2006	2
Imamo jedan велики парк и jedan kaštilj, šta је nekad <i>osvojio</i> porodica Lederer	3

Vlada <u>Chile</u> je planirao...	4
Ime <u>Puškaš</u> poznat je po celom svetu	5
Najlepši je bio bazilika <u>Sveti Stefan</u>	6

Информанты не всегда уверены, какое слово является главным в словосочетании, поэтому в приведенных предложениях и происходит путаница с определением главного слова.

Определенные закономерности наблюдаются в родовой координации во множественном числе. Известно, что в сербском языке различие по роду сохраняется и в формах множественного числа. Для правильного согласования необходимо знать род главного слова. Однако существует немало примеров, когда в единственном числе и во множественном числе существительные имеют разный род: например, *njeno oko* (средний род), *njene oči* (женский род). Это создаёт дополнительные трудности при овладении грамматической категорией рода и ведёт к неправильному согласованию. В примерах группы J приводятся случаи неправильного согласования во множественном числе в предикате:

Примеры J¹⁸:

Mačke su otišli	1
Službeni lice su naredili	2
Mačke su pre uništavanja održavali prirodnu ravnotežu	3
Ptice nisu ugroženi	4
Ulici su čisti i lepi	5
Neke scene su zastrašujuća	6

В работах респондентов при главных словах женского или среднего рода неправильное согласование во множественном числе в основном происходит по мужскому роду (в примере J-6 Neke **scene** su *zastrašujuća* неопределенное местоимение *neki* согласуется по правилам, а именная часть сказуемого – по среднему роду). Похожие результаты получила также М. Бурзан¹⁹, проанализировав работы учеников-венгров основных школ. Форма мужского рода воспринимается как основная форма имени прилагательного, она же часто и употребляется. Кроме того, в словарях наиболее частотные согласуемые слова – прилагательные и местоимения – указываются именно в форме мужского рода, следовательно, и множественное число образуется от данной формы. Пример J-5 (**Ulici** su *čisti i lepi*) демонстрирует формально правильное согласование при неверной форме множественного числа главного слова – *ulici*.

Следующей важной позицией, в которой нарушается согласование по роду, является придаточное определительное предложение с союзным словом *koji*, находящимся в именительном падеже. Особенностью данного согласования является его дистантный характер. Род главного слова принимает на себя союзное слово *koji*, при этом само главное слово не всегда находится в исходной форме (форме именительного падежа), по типу окончания которой можно было бы определить род, а стоит в косвенном падеже. Это обстоятельство дополнительно осложняет согласование. Примеры подобно-го «рассогласования» демонстрируются ниже:

Примеры К²⁰:

Текст нам даје неколико савета против нерасположења , <i>који</i> се често појављује за време јесена	1
Jedan profesor je rekao da daci često preko interneta mogu da stignu do pitanja <i>koji</i> će biti na vežbama	2
Kusturica je rekao da najveći problem je da kako pokaže Andrićeva rad , <i>koje</i> ima 400 godina	3
Gledali smo predstavu , <i>koji</i> se zove "Szépség és Szörnyeteg"	4
Овде живи дрво , <i>који</i> има 2000 година	5
Jako volim da šetam pored reke Tise i u Velikom Parku , <i>koja</i> je pored Banje	6
Popijte sok od paradajza <i>koje</i> smanjuje visoki pritisak od nervoze	7
Csantavir je jako lepo selo... ima jednu reku <i>koji</i> se zove Čiker	8
...jer možda ovo je naša velika šansa , <i>koji</i> dođi jedan put	9
Tako da slobodno možemo kupovati ili šiti različite jastuke , <i>koje</i> će nam vratiti raspoloženje	10
Sva ova rešenja bi nam bila od pomoći i pri oslobađanju od negativnih misli , <i>koji</i> nas često opterećuju u hladnijim danima godine	11
... zato što je ćupriju, koja se nalazi u filmu i u naslovu, gradio je između 1571 i 1577 srpski rođen pasa Sokoli Mehmed kod Višegrada , <i>koja</i> danas pripada za Bosniju	12
Poklonite odeću što već ne trebate i stvari , <i>koji</i> samo zato imate da «možda jednom će vam trebati za nešto»	13
Taj šou je osvojila, <i>koja</i> se zove «Megastar»	14

В венгерском языке в придаточных предложениях данного типа союзные слова *ami*, *amely*, *amelyik*, соответствующие сербскому союзному слову *koji*, согласуются в числе и падеже с главным словом²¹, поэтому сама возможность согласования в данной позиции подсказывается родным языком информантов. Единственное отличие от сербского языка состоит в отсутствии рода, что и является причиной многочисленных неправильностей. Род союзного слова в сербском языке определяется информантами произвольно, поскольку эта грамматическая категория неустойчива в их сознании.

В примерах группы L род союзного слова *koji* и других слов, согласуемых с этим союзным словом, либо с главным словом, не совпадает. Непоследовательное согласование в роде свидетельствует о недостаточном усвоении данной категории, а также о её чуждом характере для информанта, в родном языке которого родовое противопоставление отсутствует.

Примеры L²²:

Gledaoci su mogli da vide najlepše automobile iz vekovе , <i>koja</i> su prošla	1
Razgovaraju i o tome, da je neko unapred stavio na web-stranicu određena pitanja <i>koje</i> se pojavile na ispitima	2
Prve i poslednje godine , <i>koji</i> su bili najbitniji u svom životu, proveo je u domovini	3
U ovom malom članku je napisana jedna situacija , <i>koje</i> se desila u Mađarskom pre nekoliko godina	4
Obišao je ceo svet da bi sakupio podatke o Puškašu <i>koje</i> dosad bili nepoznate	5
Prema režiseru na Drini Ćupriju će biti za njega najveći izazivanje od njenog filma Unde-	6

ground, koja je 1995 u Cannes dobio zlatnu palmu

Ilustruje događaje tih 400 godina , koja su napisane u Ivo Andrićevoj pesmi	7
Jednom morate de se oslobodite od onih stvari koji vam nisu više potrebni	8

В примерах групп К и L прослеживается интересная закономерность. Родовое окончание союзного слова *koji* идентично окончанию падежной формы того слова, которое расположено непосредственно перед союзным словом (примеры группы К: К-10–К-13; примеры группы L: L-5, L-7, L-8)²³, либо же окончанию другого, близкого по смыслу слова (пример L-6), либо идентично окончанию ближайшего слова (К-14). Примеры К-8, К-9 и примеры L-2–L-4 интересны тем, что в них определение правильно согласовано с главным словом, а само союзное слово и последующие зависимые от него слова имеют неправильные родовые окончания. Следует отметить, что подобные ошибки в работах венгров-школьников также выделяет М. Бурзан²⁴, а Н. Арсениевич фиксирует эти ошибки в сербскоязычной прессе Венгрии²⁵.

Объяснение для примеров К-11 (*Sva ova rešenja bi nam bila od pomoći i pri oslobađanju od negativnih **misli**, koji nas često opterećuju u hladnijim danima godine*) и L-8 (*Jednom morate de se oslobodite od onih **stvari** koji vam nisu više potrebni*) может быть и другого плана. Существительные *stvar* и *misao* – женского рода, однако они по форме напоминают существительные мужского рода (*mornar* и *orao*). Возможно, форма этих слов имела решающее значение при определении рода согласуемых слов. Следует также иметь в виду, что имён существительных женского рода на согласный гораздо меньше, чем существительных мужского рода.

Таким образом, неупорядоченность в согласовании по роду в придаточных предложениях подобного типа, а также случаи, когда родовое окончание союзного слова заимствуется у формы слова, определяющего род по правилу (либо близкого по смыслу слова), свидетельствуют о трудностях в восприятии рода, в овладении этой категорией.

Косвенным образом к так называемому дистантному согласованию прилегают случаи, представленные в последней группе примеров – М. Согласуемое слово часто находится в другом предложении, главное слово, будучи употреблено только один раз, во второй раз опускается. Текстуально информант теряет главное слово и поэтому нарушается согласование по роду.

Примеры М²⁶:

Tamo je *umrla*, kad *imalo* trideset godine

Nova Crnja je **selo** u istočnom Banatu, *udaljen* 15-tak kilometara od granice sa Rumunijom

Ja živim u Svilojevu. **Selo** je između Apatina i Sante, i blizu Banje Junaković. U 1999-e godine je *imao* 100 godina.

Dve **drugarice** pričaju. *Jedan* je tužna

Određen je datum **premijere** novog Hari Poterovog *filma*. *On* će se održati 15-og jula, 2011-e godine

Jako volim svoje **selo**, tu su svi moji drugovi i rođaci. *Čista* je i *prelepa*

Nije jedino **selo**, ima još 4. Ali *Budisava* je *najmanja* od njih

В примерах М-5 (*Određen je datum **premijere** novog Hari Poterovog **filma**. *On* će se održati 15-og jula, 2011-e godine*) и М-7 (*Nije jedino **selo**, ima još 4.*

Ali Budisava je *najmanja* od njih) зафиксировано согласование по роду ближайшего слова, которое в предложении подчёркнуто. В примере М-6 прилагательные *čista* и *prelepa* согласуются по роду с предполагаемым существительным (речь идёт о селе Будисава, поэтому информант согласует прилагательные с данным существительным по женскому роду, а не с ожидаемым существительным среднего рода *selo*).

Таким образом, нами рассмотрено четыре основные области, в которых проявляется нарушение согласования по роду: согласование атрибута с главным словом, согласование в предикате, согласование в придаточных определительных предложениях с союзным словом *koji* и дистантное согласование элементов. Отсутствие рода как грамматической категории в венгерском языке связано со множеством трудностей для наших информантов в овладении этим разделом грамматики сербского языка. Как показывают примеры, на выбор родового окончания влияют, прежде всего, форма главного слова (или иного слова) – в придаточных определительных предложениях, пол говорящего – при согласовании притяжательного местоимения в позиции определения, а также неверная аналогия. Зачастую информантам трудно определить главное слово, по которому осуществляется согласование в роде. Фиксируется много примеров одновременно правильного и неправильного согласования. Неправильное согласование в позиции определения, в предикате и в придаточных предложениях свидетельствует о том, что категория рода в сознании информантов является неустойчивой.

Каждый информант указывал в работе место, откуда он родом. Затем был произведён общий подсчёт фактов неправильностей из собранного нами корпуса. Оказалось, что большинство ошибок в согласовании по роду допускали учащиеся из районов с гомогенным венгерским населением, а также из районов, в которых доля венгерского населения значительна. Ошибки учащихся из районов с венгерским меньшинством встречаются гораздо реже. Отметим, что ошибки в определении рода у учащихся из населённых пунктов, в которых венгры составляют меньшинство, фиксируются в основном в придаточных предложениях, в дистантном согласовании. Общие для всех неправильности в родовой координации встречаются у них редко: у большинства этих информантов, по сравнению с венграми из районов компактного проживания, обнаружено меньшее число всех ошибок в роде, а в целом можно сказать, что такой тип ошибки для большинства информантов из этих районов вообще нехарактерен. Это подтверждает наше представление о том, что этно-демографический состав населения напрямую влияет не только на частоту использования второго (сербского) языка, но и, как следствие, на уровень его знания.

Примечания

¹ См. работы: Amy L. Paugh. Multilingual play. Children' code-switching, role play and agency in Dominica, West Indies // Languages in Society, № 34, Cambridge, 2005; Rindstedt K., Aronsson K. Growing up monolingual in a bilingual community^ The Quichua revitalization paradox // Language in Society, № 31, Cambridge, 2002.

² *Burzan M.* Interferencija u predikatu srpskohrvatske rečenice u jeziku učenika mađarske narodnosti. Novi Sad, 1984.

³ Там же, S. 85.

⁴ См.: *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. I. Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955. С. 102; *Arsenijević N.* Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju. *Dissertationes Slavicae, Sectio linguistica XXV, Szeged* 2001. S. 198; *Rindstedt K., Aronsson K.* Growing up monolingual in a bilingual community: The Quichua revitalization paradox // *Language in Society*, №31, Cambridge, 2002. S. 84.

⁵ См.: *Клајн И.* Граматика српског јузика за странце. Београд, 2006. С. 47; *Пунер П.* Српски језик // *Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције.* Београд, 2009. С. 418; *Стевановић М.*, *Савремени српскохрватски језик. I. Увод.* Фонетика. Морфологија. Београд. 1986. С. 175.

⁶ *Burzan M.* Interferencija u predikatu... S. 87.

⁷ См.: *Bertók I.* A szlovák és magyar nyelv kontrasztív elemzése különös tekintettel az esetrendszerre. Bratislava, 1977. 49 o.; *Bernjak E.* Slovenščina in mađžarščina v stiku. Sociolingvistične in kontrastivne študije. Maribor, 2004. S. 177; *A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan. II. Mondattan.* Budapest, 1970. 282 o.; *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. III. Синтаксис. М., 1960. С. 35.

⁸ Примеры сгруппированы на типичные ошибки. В дальнейшем приводятся примеры под латинскими буквами. Напротив каждого примера указан его порядковый номер. В тексте статьи отсылка к конкретному примеру приводится как буквенное латинское обозначение группы примеров и порядковый номер примера в группе, например А-2, J-3 и т.д. Примеры приведены с ошибками и орфографией информантов.

⁹ Курсивом в дальнейшем выделяются неправильно согласованные формы, жирным шрифтом – главное слово.

¹⁰ *Burzan M.* Interferencija u predikatu... S. 90.

¹¹ *Kossa J.* A mi nyelvünk. Uj Vidék, 1978. 85 o.

¹² Подчёркиванием отмечаются следующие друг за другом два согласованных по роду элемента.

¹³ Подчёркиванием в этой группе примеров отмечаются слова, которые влияют на согласование.

¹⁴ *Burzan M.* Interferencija u predikatu... S. 20.

¹⁵ *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. III. Синтаксис. М., 1960. С. 151.

¹⁶ *Arsenijević N.* Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju. *Dissertationes Slavicae, Sectio linguistica XXV, Szeged*, 2001. S. 198–201.

¹⁷ Подчёркиванием в этой группе примеров отмечаются слова, которые влияют на согласование.

¹⁸ Жирным шрифтом в этой группе примеров выделены главные слова, курсивом – неправильно согласованные формы.

¹⁹ *Burzan M.* Interferencija u predikatu... S. 72.

²⁰ Подчёркиванием в этой группе примеров отмечены слова, влияющие на род союзного слова *köji*. Жирным шрифтом – слова, которые по правилу определяют род союзного слова *köji*. Курсивом – неправильно согласованные по роду элементы.

²¹ *A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan. II. Mondattan.* Budapest, 1970. 402 o.

²² Подчёркиванием в этой группе примеров отмечены слова, влияющие на род союзного слова *köji*. Жирным шрифтом – слова, которые по правилу определяют род союзного слова *köji*. Курсивом – неправильно согласованные по роду элементы.

²³ Слово, определяющее форму союзного слова *köji*, в данных примерах подчёркнуто.

²⁴ *Burzan M.* Interferencija u predikatu... S. 78.

²⁵ *Arsenijević N.* Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju. *Dissertationes Slavicae, Sectio linguistica XXV, Szeged* 2001. S. 203.

²⁶ Подчёркиванием в этих примерах отмечены слова, влияющие на согласование по роду следующих слов. Жирным шрифтом – слова, которые по правилу определяют род неправильно согласованного слова. Курсивом – неправильно согласованные по роду элементы.

К. Колева

(Шуменский университет, Болгария)

Нижний Дунай – важный балканский антропологический ареал

Abstract:

Koleva K. *Lower Danube – an important anthropological Balkan area*

This article, which is part of a more extensive study of Balkan anthroponymy, demonstrates name analysis of the border zone of the Lower Danube Bulgarian, for names such as Vidinliev, Kalafatov, Svischovliev, Ruschukliev, Kalarashov, Tutrakanov, which developed from urbonims with multivalent semantics of specific and general territorial markers. They represent unity in points of view of nomination types, and they are compatible with other languages and have connotations beyond onomastic discourse, which gives a possibility to view them through the prism of areal linguistics, ethnolinguistics and cultural anthropology.

Ключевые слова: антропология, антропонимия, этнолингвистика, урбонимы, балканский ареал, болгарский язык, румынский язык.

Река Дунай является естественной и, следовательно, этнической и языковой границей. Известно, что Нижний Дунай разделяет два языка, входящих в балканский языковой союз и насчитывающих огромное количество носителей. В отличие от прочих языков балканской группы, эти два языка принадлежат к разным языковым семьям: болгарский язык является славянским, а румынский – романским. Кроме болгар и румын в ареале Нижнего Дуная проживают представители иных этнических сообществ и групп – евреи, арумыны/влахи, греки, цыгане, русские, украинцы, турки, албанцы, татары, гагаузы. Естественной особенностью этих мест является и соседство различных конфессий: здесь живут православные, католики, иудеи, мусульмане, липоване, лютеране, евангелисты и др. Здесь можно наблюдать постоянный контакт и пересечение пограничных языковых особенностей и процессов, которые указывают на то общее, что есть в языках балканского ареала, и в то же время подчеркивают специфику каждого языка.

В данной статье, являющейся частью более объемного исследования, анализируется интересный и специфический для этого географического района материал, регионально маркированный и имеющий амбивалентную семантику. Это – фамилии, образованные от урбонимов. С одной стороны, они естественным образом сообщают о принадлежности их носителей к конкретному региону, а с другой – демонстрируют связь с территорией, общей для всех, – бассейном реки Дунай. Речь идет о таких онимах, как *Видинлиев, Калафатов, Свиштовлиев, Русчуклиев, Каларашев, Тутраканов* и т.п. Это явление распространено по всему бассейну реки Дунай, однако в данном исследовании мы ограничимся материалом болгарского языка, сопоставляя его с румынским материалом. Основные данные получены как из ономастиконов/словарей имен собственных под редакцией Стефана Илчева (Илчев 1969), Николая Ковачева (Ковачев 1987 и 1995) и Йордана Заимова (Заимов 1988), так и специализированных трудов Людвиг Селимского

(Селимски 1999), а также собственных полевых исследований автора статьи (Колева 2001: 150–154).

Являясь своеобразным языковым суперстратом, антропонимная лексика не только предоставляет информацию о языковой ситуации, но и содержит данные из областей этнолингвистики и культурной антропологии. Этот новый подход к ее изучению очень продуктивен. На основе полевого материала подобные явления могут быть стратифицированы, в результате чего станет возможной их ареальная характеристика.

Выбор данной конкретной темы связан с дискурсом языковых концептов, которые, будучи отражением эпохи, среды и культуры, являются богатым источником информации. Гидроним *Дунай*, на наш взгляд, можно рассмотреть в этом аспекте не только из-за его контекстовой многозначности. Прежде всего, фонетические варианты этого наименования широко распространены как в лексике индоевропейских языков (с точки зрения этимологии этот гидроним является индоевропейским), так и в языках, не входящих в состав индоевропейской языковой семьи. Это обусловлено универсальностью семантики гидронима – *река*: данный апеллятив имеет множество значений и сфер употребления, разветвленную деривационную систему и высокую степень фреквентности.

В болгарском контексте *Дунай* в качестве ключевого слова встречается в пословицах и поговорках, которые выражают представление о большом пространстве, являющем собой какую-либо преграду (напр., разг. *Власите на края на Дунава се давят//Влахи у самого берега Дуная тонут* – «о человеке, который проваливается, портит, губит в последний момент всё дело» (РБЕ 2: 263) и диал. *Не може ме опра ни Дунав//Даже Дунай не может мне дать опору* – «Я в очень тяжелом состоянии, мне невозможно помочь» (ФРБЕ 1: 709).

На юго-западе (Прилеп) встречается словосочетание *туна и сава* ‘в очень большом количестве, необычайно много’, образованное с помощью турецкого варианта наименования Дуная – *Tuna* – и гидронима *Сава*. В Македонии, где есть большие реки, выражение *дунав вода* (дунай вода) означает ‘много воды, обычно после проливных дождей или наводнения’ (Емборе, Леринск.).

Среди дериватов, образованных от основы *Дунав*, наиболее широко распространены диалектный географический термин *дунавец* ‘северный ветер’ Тотлебен (Плевенск.); Копривец (Беленск.); Раданово (Тырновск., Тырговиште), неслучайно зафиксированный в селах, которые находятся на берегу Дуная или недалеко от Дуная.

В литературном языке *дунавец* и *дунавка* – апеллятивы, которые обозначают лиц, родившихся или проживающих на берегу Дуная (РБЕ 4: 477).

Экзотичными, хоть и не столь редкими, являются мужские личные имена *Дунав* (впервые встречается в памятнике XV в. – Заимов 1988: 99) и *Дунай* (образовано под влиянием русского языка – Ковачев 1995: 194). Больше разнообразие встречается среди аналогичных женских имен: *Дунава*, известное с XVIII в., распространенное и на юго-западе (Кичевск., Дебырск.); новое имя *Дунавия* (Ковачев 1995: 194), известное и как хремато-ним (сорт брынзы *Дунавия*); деминутивы *Дунавка//Дунавка*.

Фамилии *Дунавски/Дунавска* (тот/та, кто из придунайской местности) очень хорошо известны в Болгарии.

Ономастика в европейском контексте рассматривает образование антропонимов от урбонимов как деривацию с прозрачной семантикой; будучи широко распространенным и непрерывным, это явление может считаться своеобразной языковой универсалией. Но оно типично не только для патриархального языка. Его можно считать своеобразным кодом принадлежности к цивилизации (культуре), сознательно подчеркиваемой ее носителями через собственное имя, независимо от специфики того языкового, этнического и конфессионального сообщества, с которым они связаны априори. Доказательством этого служит следующий факт: такая разновидность фамилий может не только передаваться по наследству. Как и псевдонимы, и прозвища, эти фамилии могут появиться просто так, с тем, чтобы обозначить свой новый статус, связанный с популярностью и престижем данной территории. Этот социокультурный феномен особенно актуален на границе двух эпох, когда идет ускорение таких процессов. В этом отношении мы можем делать выводы с учетом как диахронического плана, так и синхронии: во втором случае мы являемся непосредственными свидетелями протекания языковых процессов и, следовательно, можем провести многостороннее исследование.

Нижний Дунай на территории Болгарии образует Дунайский регион, охватывающий Дунайскую равнину и Дунайское поречье. На его территории насчитывается 34 сообщества, которые соединены друг с другом в самом крупном болгарском региональном объединении под названием «Дунай». Количество населенных пунктов вниз по течению реки велико – 35.

Значительная часть из них появилась еще в античные или средневековые времена, что естественно, учитывая огромное значение реки в жизни людей как в прошлом, так и в настоящем. Благоприятные условия бассейна реки Дунай стали причиной длительных миграционных процессов, способствовавших формированию этнического и культурного разнообразия. Река играет важную роль в политическом, социально-экономическом и культурном развитии Центральной и Восточной Европы, оказывая влияние на рост населенных пунктов и процесс их урбанизации. Как и на побережье Черного моря, особую роль здесь играли и играют города. Сегодня в этой местности их насчитывается 11. Европейские по своему внешнему облику, они продолжают развиваться; население их до сих пор многочисленно и отличается высокой плотностью. Названия городов известны с давних времен и за пределами Болгарии (вспомним хотя бы информационные бюллетени в международном эфире, сообщающие об уровне воды в реке). Наиболее крупные города (такие, как Видин, Лом, Свиштов, Русе, Силистра) играют важную роль и в новой истории. Говоря языком социологии, это обстоятельство повышает рейтинг этих населенных пунктов и делает их привлекательным и престижным местом жительства.

Социолингвистические маркеры *престиж* и *социальный статус* могут быть эксплицированы и с помощью антропонимии. Со второй половины XIX в., когда упомянутые населенные пункты начинают развиваться наиболее интенсивно, все чаще появляются фамилии, «выдающие» место жительства

своих носителей. С их помощью можно составить своеобразную карту сел и городов, находящихся на берегах Дуная: *Новоселски//Новоселянски* – Ново село, Видинск.; *Бдински, Видински, Видинлиев* – Видин; *Ломски, Ломлиев, Ломов//Ломев* – Лом; *Цибрански//Цибрянски//Цибренски, Цибров//Цибрев* – с. Долни и Горни Цибор; *Раховски* – Оряхово; *Островски* – с. Остров; *Байкалски* (нов.) – с. Байкал; *Беленски* – Белене; *Свиштовлиев* – Свиштов; *Русчуков, Русчуклиев, Русейски* – Русе; *Тутраканов* – Тутракан; *Доростолски* – Силистра.

Данный перечень включает 24 фамилии, образованные от 12 основ урбонимов, и таким образом информирует о следующем:

– Как правило преобладают антропонимы, обозначающие жителей городов (8). В этих старинных городах проживает большая часть населения бассейна р. Дунай.

– Особенная вариативность наблюдается среди фамилий, связанных с наиболее крупными населенными пунктами, представляющими значимость как в экономическом, так и в культурном плане. Это Русе (самый большой город бассейна), Лом (второй по величине и являющийся также ближайшим к столице портовым городом) и Видин (административный и епархиальный центр в прошлом и настоящем).

– Населенные пункты Ново село, Долни Цибор и Остров являются самыми крупными в северо-западном регионе.

– Фамилии, связанные с самыми отдаленными друг от друга городами – Видином и Силистрой – образованы не от современных, а от исторических наименований этих городов. Определение таких онимов как «дунайских» затруднительно, учитывая степень информированности об этих наименованиях. С одной стороны, антропоним *Бдински* по звуковому составу схож с кельтским этимоном и современными вариантами наименования. С другой стороны, фамилия *Доростолски*, образованная от названия придунайского города, расположенного на северо-востоке Болгарии*, не имеет болгарского инварианта, и этимологию такой фамилии труднее определить. Об этом говорят результаты опроса молодого населения страны.

– Варианты антропонимов, образованных от названий самых крупных городов – Русе и Видин – демонстрируют прозрачную оппозицию «старая номинация – новая номинация».

– Апеллятивная словообразовательная основа на *-лия* включает маркер диалектной речи со значением «житель того или иного населенного пункта».

– Вариантные номинации на *-ски* являются территориально маркированными. Они типичны для северо-западного антропонимного ареала, однако получили распространение и на северо-востоке. Лишь фамилии, образованные от урбонимов Свиштов и Тутракан, не имеют этого суффикса.

– Фамилии, образованные с помощью самых распространенных в болгарской антропонимии суффиксов *-ов//-ев*, встречаются только на территории древнемизийского ареала.

– Акцентные варианты также являются территориально маркированными.

* Название г. Силистры до XIV в. – Прим. перевод.

– Для фонетического состава фамилии, образованной от урбонима *Оряхово*, характерна элизия.

– Большинство антропонимов – славянского происхождения.

Словообразовательный элемент – ‘ан в фамилии *Новоселянски* свидетельствует также о контактной зоне румынского и болгарского языков.

К этому списку болгарских фамилий можно добавить еще несколько, соотносящихся с урбонимами, распространенными вдоль левого (румынского) берега Дуная: *Калафатев* – Калафат – диал. калафат ‘тот, кто затыкает, замазывает дыры или щели в лодке’ – греч. kalafatis; *Бекетов* – Бекет; *Корабиев* – Корабия; *Каларашов*//*Каларашев* и вариант с метатезой *Каралашев* – рум. calagas – ‘всадник, гонец, курьер’. Словообразовательная структура этих фамилий типично болгарская.

Очевидна определенная системность при образовании номинаций. Связь фамилий с названиями крупных населенных пунктов не зависит от того, на каком из берегов Дуная встречается это явление. Образуются – хоть и редко – от наименований сел, городов и личные имена. Например, *Олтенка* – рум. Olteanca ‘жительница Олтении’.

Антропонимы в контактной зоне Нижнего Дуная полисемантически. Они представляют собой единство по отношению к типу номинации и, как любая персоналия, имеют коннотации и вне языкового дискурса. По этой причине они не только демонстрируют особенности исторического развития и диалектных особенностей языка, но и являются базой для компаративных, конфронтативных и междисциплинарных исследований.

Перевод Е.А. Терентьевой.

Библиография

- Атлас Народна република България. София, 1973.
БЕР 1: Български етимологичен речник. Т. 1. София, 1971.
Ботев Л., Дойков В. Дунав и Дунавският воден път. София, 1980.
Деведжиев М. География на транспорта в България. София, 1983.
Деведжиев М. Геополитиката на България. София, 2001; 2007.
Деведжиев М. Българските геополитически шансове. София, 2008.
Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
Заимов Й. Български именник. София, 1988.
Ковачев Н. Честотно-гълковен речник на личните имена у българите. София, 1987.
Ковачев Н. Честотно-etimологичен речник на личните имена. Велико Търново, 1995.
Колева Кр. Един рядък словообразователен модел при фамилните имена в българския език // *Изследвания по български език.* Велико Търново, 2001.
Копралев и кол. Устройство и развитие на Дунавското крайбрежие. София, 1995.
Копралев и кол. Българското Дунавско крайбрежие – мост за трансгранично сътрудничество. София, 1997.
РБЕ 2; РБЕ 4: Речник на българския език. Т. 2. София, 1979; Т. 4. София, 1984.
Селимски Л. Към въпроса за румънския елемент в българската антропонимия. // *Етнолингвистични проблеми на балканските народи.* София, 1999.
Фасмер 1: Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Москва, 1986.
ФРБЕ 1: Фразеологичен речник на българския език. София, 1974.

М. Витанова
(Институт болгарского языка БАН, София)

Концепт труд в болгарской языковой картине мира

Abstract:

Vitanova M. *The concept of work in the Bulgarian linguistic world picture*

The concept of work in the Bulgarian language world picture has not yet been subjected to detailed description and analysis, therefore, it was elected to be the object of the study. The perception of work allows to explore the system of social relations and the basic values of the Bulgarian society. The main idea of this work is to describe the implementation of the concept of work in Bulgarian proverbs, idioms and stable expressions, related to labour, in which the keyword is work / job. The focus of the study is mainly on proverbs. Material used in this study is obtained from the collections of proverbs and sayings, phraseological and monolingual dictionaries.

Ключевые слова: болгарский язык, концепт, фразеологизмы, паронимы, языковая картина мира, фольклор.

Во второй половине XX в. постепенно утвердилась антропоцентрическая модель исследований языковых явлений, что привело к смене научных приоритетов. Языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентировалась на человека. Исследовательские интересы были направлены на язык не просто как на статическую систему, существующую автономно, а как на явление, тесно связанное с обществом, этносом и культурой. Язык стал изучаться не только как средство общения, но и как часть культуры и познавательного опыта человека. Произошло обособление таких научных направлений, как этнолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психоллингвистика и др., рассматривающих язык как объект познания, но в тесной связи с его носителем – человеком. Некоторые исследователи указывают на то, что процесс внутренней дифференциации в антропологической лингвистике все еще не закончен и прогнозируют оформление и других научных дисциплин, таких как лингвистическая концептология (лингвоконцептология) (Воркачев 2007: 14). Все это поставило перед языковедами новые задачи, им пришлось искать новые методы описания языка и новый понятийный аппарат. Среди ключевых терминов, утвержденных в метаязыке, можно назвать такие как *языковая картина мира, концепт, концептосфера*.

В общественном сознании носителей языка существует особенная картина, отражающая опыт соответствующей культуры. Термин *языковая картина* включает в себя интерпретацию и оценку действительности, осуществленную, главным образом, через наивистическое знание среднего носителя языка. Иными словами, языковая картина отражает кругозор, отраженный в структуре языка (Кобозева 2005: 23).

Одним из основных понятий, которыми оперирует этнолингвистика и ее более молодое ответвление – лингвокультурология, является концепт. В основе картины мира лежат ментальные образования, имеющие различную природу, которые могут получить воплощение в языке – так называемые

концепты. Разные авторы вкладывают в термин *концепт* (лат. *conceptus/concertum*) различное значение. Проблеме его природы и сущности посвящена обширная литература, но несмотря на все это, еще нет однозначного толкования. В современной лингвистической концептологии сформировалось два основных направления – когнитивное и лингвокультурологическое (Михайлова 2003: 181). Сторонники когнитивного направления отождествляют концепт с понятием (Д. Лейкоф, ранние работы А. Вежбицкой и Ю.С. Степанова, В.И. Постоваловой и др.). По их мнению, в содержание концепта включаются только основные категориальные признаки обозначаемого (Михайлова 2003: 181). Последователи лингвокультурологического направления принимают концепт как термин с более широким содержанием. Они включают в него не только категориальные признаки обозначаемого, но и всю сопутствующую культурно-фонovou информацию (Михайлова 2003: 182). Этой точки зрения придерживаются Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.О. Чернейко, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, С.Г. Шафиков и др. Безусловно, концепт является многомерным, идеализованным образованием. В его семантические параметры входят образное, ценностное, поведенческое, этимологическое и культурное измерения, каждое из которых может иметь приоритетный статус в исследованиях (Воркачев 2007: 14).

В лингвокультурологических исследованиях концепт встречается и под другими названиями, такими как «лингвокультурема», «мифологема», «логосистема», «культурные константы», «вербализованные кванты культуры» и др. (Павлова 2006: 98; Воркачев 2007: 13).

Концепты могут быть разделены на две группы – универсальные (время, пространство, причина, изменение, движение и т. д.) и социальные (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность и др.) (Маслова 2001: 51). Их анализ позволяет получить информацию как об универсальных, так и об этнически обусловленных особенностях мировоззрения каждого народа.

В данной работе мы придерживаемся лингвокультурологического понимания концепта как ментально-когнитивной сущности, имеющей языковое выражение и отражающей культурно-национальное представление человека об определенном фрагменте действительности. Концепт имеет многослойную структуру, включающую широкий культурный фон. Содержание концепта состоит из двух частей – понятийной и культурно-фоновой. Понятийная часть концепта составляет основу лексического значения слова и зафиксирована в лексикографических источниках. Культурный фон формирует коннотацию лексемы, а также находит отражение, хотя и частичное, в словарях (Михайлова: 2003).

В последние годы в болгарском языковедении активно осуществляется изучение ценностных понятий духовной культуры через призму языковых данных. Появился ряд исследований таких авторов, как Н. Павлова, М. Китанова, П. Легурская, З. Барболова, М. Симеонова, Л. Крумова-Цветкова, С. Калдиева, М. Божилова, Х. Пантелеева, С. Павлова, М. Пенчева, Д. Младенова, Ст. Димитрова, М. Стаменов, М. Алмалех, С. Карагёзова,

С. Смедовски, П. Костадинова, И. Захариева, И. Панчев, П. Трендафилова, Р. Петрова, А. Димова, С. Буров, Е. Стоянова, А. Николова, Т. Иванова и др. Авторы стремятся проанализировать и раскрыть различные фрагменты общего взгляда на мир, присущего каждому языку.

Концепт *труд* в болгарской языковой картине мира до сих пор не подвергался подробному описанию и анализу, вследствие чего он был избран объектом исследования, а отношение к труду позволяет раскрыть систему общественных отношений и базовых ценностей болгарского общества. Предметом работы является описание реализации концепта *труд* в болгарских паремиях, фразеологизмах и устойчивых выражениях, соотносимых с трудовой деятельностью, в которых налицо ключевое слово *труд/работа*. Акцент в исследовании ставится, главным образом, на паремиях. Использованный в работе материал отобран из сборников пословиц и поговорок, фразеологических и толковых словарей.

В отличие от болгарского языковедения, в русской лингвистике концепт *труд* анализируется в работах ряда исследователей. Труд является объектом разных дискурсов – повседневного, правового, педагогического, религиозного и др. Исследуется идеологический компонент труда и его изменение во времени, рассматриваются социокультурные характеристики концепта *труд* в русском языковом сознании. Отдельные наблюдения над спецификой концепта *труд* публикуют Т.В. Гоннова (1997), Е.В. Кормакова (1999), Г.В. Токарев (2000), Н.В. Феоктистова, Е.Н. Ермолаева (2000), Е.А. Березович (2000), В.А. Маслова (2001), А. Еремин (2001), В.И. Карасик (2002), Д. Быков (2002), Л.А. Иванова, Л.А. Самохина (2002) и др. Различным аспектам труда в русском языке или в сопоставительном плане с другими языками посвящены диссертации М.А. Ереминой (Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект, 2003), Г.В. Токарева (Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке, 2003), Т.В. Гонновой (Социокультурные характеристики концепта *труд* в русском языковом сознании, 2003), О.Е. Черновой (Концепт *труд* как объект идеологизации, 2004) и др., а Л.В. Басова (Концепт *труд* в русском языке: На материале пословиц и поговорок, 2004), Р.Х. Каримова (Концепт «труд/лень» в паремиологии неродственных языков: На примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков, 2004), Е.В. Маркелова (Когнитивно-семантическая структура имен деятельности / на материале русских пословиц о труде и лени/, 2004), Л.Н. Мирошниченко (Когнитивно-культурологическое представление концепта *труд* в паремиологическом фонде русского и новогреческого языков, 2007) занимаются этнокультурными различиями в отношении к труду, отраженных в паремиологии.

Особенности национальной культуры воплощаются эксплицитно и имплицитно в большей степени в единицах лексикального уровня. Как уже было отмечено, концепт состоит из двух основных частей – понятийной и культурно-фоновой или коннотативной. Понятийная часть концепта лежит в основе лексического значения слова и зафиксирована в лексикографических

источниках. Опорой в раскрытии содержательного ядра данного концепта служат данные толковых словарей и словарей синонимов данного языка. Соотношение между значением и концептом носит сложный характер. Языковые средства своими значениями передают только часть содержания концепта, что подтверждается многочисленными синонимами, разными дефинициями, определениями и текстовыми описаниями одного и того же концепта. Значение слова является всего лишь попыткой дать общее представление о содержании определенного концепта, определить его границы, представить его отдельные характеристики в данной лексеме (Болдырев 2001: 26–27).

Языковая основа концепта *труд* образует значения, которые указывают на труд как на деятельность, требующую усилий, как на результат труда или как на его последствия. Концепт *труд* в болгарском языке реализуется в основном через синонимы *труд* и *работа*, имеющие тождественные лексико-семантические варианты, включающие такие семантические признаки, как 'деятельность', 'целесообразная', 'требующая напряжения', 'создающая', 'при помощи орудий производства', а также через словообразовательные гнезда, образованные репрезентативными лексемами.

В своем исследовании, посвященном человеку Средневековья и его миру, руководствуясь данными языка, Т.И. Вендина делает интересные выводы о неоднозначном восприятии труда в средневековом обществе. Отношение к труду дифференцируется согласно тому, имеется ли в виду свободный труд (труд на себя) или принудительный труд. Содержание лексемы *труд* (стб. *трудоу*) связано с работой на себя, работой, чьим инициатором является сам человек. В доказательство этого тезиса Вендина указывает на возвратные глаголы, производные от *трудоу*, которые означают действие, направленное к самому себе или сделанное в свою пользу, сравн.: *трудоути се* 'трудиться', *трудоудати се* 'трудиться', *потрудоути се* 'потрудиться'. Понятие 'работа' связано с идеей о принудительности труда, служении кому-то, ограничении свободы человека, тяжести прилагательных усилий, сравн. стб. *рабоуа* 'рабство, неволя', *рабоудати* 'с трудом работать на кого-то', 'находиться в рабстве, быть рабом', *пороבודати* 'закончить рабский труд', 'стать слугой', *рабоудание* 'служба, служение', *рабоудинь* 'рабский', 'подчиненный' (Вендина 2002: 265). В древнеболгарском языке отсутствует общее название трудящегося человека. На сознание средневекового человека и его отношение к труду проливают свет также лексемы *рабоудинь* 'слуга', *тажатель* 'работник' со значением 'несвободный человек'. В этих названиях имплицитно присутствует моральная оценка труда как наказания, оценка, являющаяся составной частью этики раннехристианского Средневековья. Лишь позднее труд становится одной из основных ценностей христианства (Вендина 2002: 36).

В семантике лексем *работа* и *работя* в большинстве современных славянских языков сохранились такие признаки, как 'принудительность' и 'тяжесть' труда, сравн. сrbхр. *рабоуа* 'работа, труд; ангария (рабский труд болгарского населения в пользу турецкого феодала)', *рабоудати*, *рабоудам* 'с трудом работать', словенск. *rabôta* 'ангария', *rabôitati*, *rabôtam* и *rabotiti*, *rabotim* 'работать на ангарии', чеш. *robota* 'ангария; тяжелый, каторжный труд', *robotiti*, *robotim* 'работать до изнеможения, работать через силу, словаш. *robota* 'работа, ангария' (БЕР VI).

Анализ лексического значения слова *работа* и его производных в болгарском языке позволяет актуализовать имплицитную сему служба 'во исполнение чужой воли', которая показывает, что в сознании носителей языка сохраняется этимологическое значение слова *работа* 'рабство, неволя'. В современном болгарском языке к наемному труду относятся названия *работник*, *работничка* – 'лицо, нанятое для выполнения определенной деятельности'. К труду на пользу другого направлены также такие диалектные лексемы, как 'поденщик' – *работач* (Велинградская обл.), *поденщица* – *работачка* (Велинградская обл. – БЕР – VI), *работарка* (Смолянская обл., Ардинская обл. – БЕР VI), *работница*, *работкиня* (Геров V).

К древнему разделению труда на два вида – принудительный и свободный – может привести также анализ некоторых композитов. Так например, в болгарском языке употребляются лексемы *трудолюбив*, о лице, которое любит трудиться, т.е. 'которое любит труд', *трудолюбие*, *трудолюбивост*, т.е. 'любовь к труду'. Однако отсутствует сложное слово, содержащее компонент *работа*, сравн.: *работлив*, *работен*, (разг.) *работяга*, (диал.) *работар*, *работарь*, *работарин*, *работлия* (БЕР VI) и т.д., но только не **работолюбив*. С другой стороны, лицо, предоставляющее работу и нанимающее других лиц для выполнения определенной работы, называется *работодател*, а не **трудодател*. Для обозначения возможности человека выполнять определенную деятельность употребляются, однако, две лексемы, производные как от *труд* так и от *работа*, сравн.: *трудоспособност* и *работоспособност*.

Кроме существительных *работа* и *труд* концепт труд представлен в болгарском языке также глаголом *работя* (дрб. *работати*, *работаж*; *работити*, *работитж*) и его производными *доработя*, *доработвам*, *заработя*, *заработвам*, *изработя*, *изработвам*, *наработя* (*се*), *наработвам* (*се*), *обработя*, *обработвам*, *отработя*, *отработвам*, *поработя*, *поработвам*, *подработя*, *подработвам*, *преработя*, *преработвам*, *приработя*, *приработвам* 'подрабатывать', *проработя*, *проработвам*, *разработя* (*се*), *разработвам* (*се*), диал. *сработвам* 'вырабатывать до конца' (Ихтиманский край – БЕР VI), *сработим* 'оканчивать работу' (Самоковский край – БЕР VI), *уработя* 'вырабатывать' (Ихтиманский, Кумановский края – БЕР VI) и т.д., прилагательные со значением 'любящий работать' – *работлив*, *работен*, диал. *работлия* (Юго-Западная Болгария – БЕР VI), существительные, относящиеся к 'лицу, профессионально занимающемуся физическим или умственным трудом' – *работник*, *работничка*, 'к лицу, любящему трудиться' – *работник*, *работничка*, диал. *работар*, 'к лицу, которое хорошо трудится, хороший работник' – диал. и разг. *работар*, диал. *работарь* (Смолянский, Маданский, Асеновградский, Пештерский края – БЕР VI), *работарин* (Гоцеделчевский, Смолянский, Ардинский, Маданский, Ивайловградский края – БЕР VI), *работильник* (Драмский край – БЕР VI), *работач* (Смолянский, Велинградский, Разложский края – БЕР VI), *рабутич* (Разложский, Гоцеделчевский края – БЕР VI), *рабутич* (Гоцеделчевский край – БЕР VI), глаголы *трудя* *се* (дрб. *трочдити се*, *трочждати се*), *потрудя се*, глагольная форма *трудень* (Геров V) и др. Лексема *трусеник*, употребленная для названия 'лица, которое усердно работает, без устали на каком-то уровне', считается русизмом.

Часто встречающаяся в последние годы лексема *работохолик*, относящаяся к 'лицу, которое слишком много предается работе' (Радева 2004) является частичной калькой английского слова *workaholic* (Hornby, Ruse 1989)¹. Лексема *workaholic* входит в английский язык в 60-е годы прошлого века и поэтому отсутствует в большинстве англо-болгарских словарей и в более ранних болгарских толковых словарях.

В диалекте самоковского края зарегистрирована глагольная форма *трудим* с выпадением возвратного местоимения *се*, которое является маркером направленности работы на себя, сравн.: *Кадѐ ни прѣтат ѓдиме, не откажуваме, трудиме сос ѓфци, соз говѣда, сѣкаде. Кѓй трудѓ, добрѐ живѣе. Ти си трудѓла, сегѓ ке си почѓваш* (Вакарелска-Чобанска 2005: 358).

В современном болгарском языке чаще всего употребляются варианты *работа*, *работя* по сравнению с лексемами *труд*, *трудя се*².

В древнеболгарском языке функционирует еще и глагол *радѓти*, *радѓѣ*, *радѓши*, имеющие два значения: 1) заботиться о ком-либо или о чем-либо; 2) постоянно работать и усердно работать. Значение 'трудя се' сохранилось сегодня в западно-болгарских диалектах юго-западного и пограничного типа, сравн. *радѓм* (Самоковский, Ихтиманский, Софийский, Кюстендилский, Сливнишкий, Брезнишкий, Трынский, Пиротский края), *Трѣбе да радѓм. Радѓх, мачѓх се за тебе - г'уч бел'а за мене* (Самоковский край). *Мѓре ѓзѣ сѣм ѓедѓн сирѓмѓх чѓвѣк, та па сѣ радѓм, сѣ радѓтим и ден и ношт, па си нѓшто немѓм. Баштѓ ми мѓго радѓ да си направѓт кѓшта* (Софийский край). *Овѓйѓ годѓна вѣкем радѓ мѓлко – стар сѣм. Ивко радѓ, сарѓй градѓ* (Кюстендилский край). *Он не радѓ, акѓ радѣше, чѓдо да е направѓл* (Брезнишкий край). *Не сакѓ товѓ да радѓ и те товѓ си ѓе* (Пирот). Глагольная форма *рад'а* 'постоянно работать, усердно работать' отмечено также в юго-восточном говоре с. Зорница, Грудовского края – *Рад'а ну ѓ'ал ден* (Можлекова 1990: 161). Лексема *рада* 'работа' зарегистрирована в народных песнях Трынского края – *ѓжени се сирѓмѓх, узѣ млѓду гыздѓву, нѣче лѣте на радѓ, нѣче зѓме на воду* (с. Кожинци, Трынский край). В Софийском крае появляется отглагольное существительное *радѣн'е* 'работене', которое, как показывает пример, может употребляться параллельно с лексемой *работа*, сравн.: *За сѣка рѓбота сѓка радѣн'е*. Устаревшее уже название *радник* 'работник'³ встречается, главным образом, в произведениях писателей эпохи Возрождения, сравн.: *Неуморен радник, той не само с все сѣрце си гледѓше работѓта...но още и непрестѓйно залѓгѓше да прибирѓ и трупа знѓния* (И. Груев – РРОДД) и в фольклорных материалах – *Жетвѓре, моѓ радници, порѓчайте си плѓднина и ние че ѓдеме сѣс Стѓна у селѓ цѣрква голѣма, та двѓма да се вѣнчае* (РРОДД). В юго-западных диалектах встречается также прилагательное со значением 'работящий' – *радлив* (Ихтиманский край), *радливѣ* (Самоковский край).

В памятниках древнеболгарской письменности значение лексемы 'работать' передается также через глагол *дѣлѓти* (Вендина 2002:117; БЕР I). Это значение сохранилось в некоторых славянских языках, напр., в сербском *дѣлати*, *дѣлам* 'делать, работать', в чешском *dĕlati* 'делать, работать' (БЕР I) и др. Производные от стб. *дѣлѓти* – *дѣлѓвниѣ*, *дѣлѓтель* 'работник, земледелец',

дълъница 'мастерская' выпали из лексической системы. В современном болгарском языке сохранилась только лексема *дело* 'работа, занятие' из стб. *дъло*, сравн. также производные *делник* 'рабочий день', *делничен* (БЕР I).

В жаргоне употребляются лексемы *бачкам* 'работать', *бачкане* 'работа', 'работене', *бачкатор* 'работник', *бач* 'работа', *бачканейро* 'работа' и 'работник'. Глагол *бачкам*, который сегодня широко распространен в разговорной речи, употреблется первоначально в тайных говорах воров и карманников и означает 'крада' (рус. красть). Как справедливо отметил один из исследователей болгарского жаргона Г. Армянов – для воров объективно кража тоже является работой. Из аргю *бачкам* входит в ученический жаргон со значением 'работать' (Армянов 1995: 131–132). По испанскому фонетическому образцу создана лексема *бачканейро*. Из соединения слогов литературного слова *ръчно* и жаргонного *бачкане* получено название *ръчбач*, обозначающее предмет 'трудоустройство', который преподается в болгарских школах (Армянов 1995: 120).

Переносные значения некоторых лексем тоже могут быть рассмотрены как представители концепта *труд* в современном болгарском языке. Так, например, семантический объем глагола *опъвам* включает кроме основного своего значения лексико-семантический вариант 'выполнять тяжелую работу', сравн.: *Все тя опъва въщици* (БТР 1955). В диалектах переносное значение 'много работать', 'усиленно работать' встречается у глаголов *бъхт'ъ съ* (*Пуц'аль гудинъ съ бѣхтеши на бахчѣтъ* – с. Руховци, Еленский край), *буам* (*Буай, Елинко, по кирите* – Самоковский край), *грабим* (*Мажо и граби по цал ден, на и умори се* – Самоковский край), *маам* (*Бѣгай, маай едноман* – Самоковский край) и др.

В болгарских пословицах и поговорках, фразеологизмах и устойчивых выражениях концепт *труд* реализуется в основном посредством лексем *работа*, *труд* и их дериватов, сравн.:

Работа – Божата работа край няма. Без работа Муо мухите скопява. Дяволът, кога няма работа, реже уши и се кърпи. Вълкът носи името, лисицата си върши работата. За малка работа голяма срамота. Залудо ходи, залудо не стой без работа. На вълка е дебел вратът, защото сам си върши работата. Накарай мързеливия на работа, пророк да го направши. Свършил работа, колкото кучето на нивата. Без мъка работа – без вода кладенец. Бързата работа и таралежко не я харесва. Денят се смее на на ноцната работа. Има риба работа. Оплепа си работата. Спукана ми е работата и др.

работица (уменьш.) – *Калчица, каменица, лека работица;*

работя – *Каквото ръчици работили, такава снажица носила. Млад работи, стар ум давай. Мързеливият два пъти работи, скъперникът два пъти плаща. На вълка името работи, а злото всеки го струва. Работи така, като че ли ще живееш сто години, а живееш така, като че ли ще умреш утре. Работи без плата, че не ходи без работа. Ядем като здрави, а работим като мрави. Не ще само ръцете да работят, ами иска и главата. Работи ми късмета. Работя като мравка. Яде като мечка, а работи като буболечка и т.д.*

поработя – *Да не поработи дървен господ. Поработи му честта;*

проработя – *Видя мързелът, че няма що да яде, и проработи;*

разработвам се – *Мързеливите вечер се разработват;*

работене – *Пестенето е по-добро от работенето;*

работлив – *Сиромашията се бои да влезе у работлива жена; Работлив като пчела;*

работен – *Който е работен, ще бъде имотен. Работната снаха по-добра от своята мома. Работен като вол;*

работник – На работника Господ помага;
работница – На жена работница ноце ѝ свети къщата. Не хвали ми хубавица, а хвали ми работница;
труд – Залудо труд, като няма ред. Мий магаре със сапун, да загубиш и сапуна, и труда си. Спечеленото с чужди труд лесно се изяжда; Без труд и мъка няма сполука. Бели ръце – чужди труд. Давам си/дам си труд. Сизифов труд. Египетски труд;
трудя се – Който се труди, не губи. Трудя се като пчела;
трудолюбив – Трудолюбив като пчела и др.

Впечатляет количественное соотношение между лексемами *труд* и *работа*. В исследуемом корпусе паремии, фразеологизмы и устойчивые выражения с ключевым словом *работа* или ее производными значительно преобладают над таковыми с лексемой *труд*, что вновь направляет наше внимание на существовавшее в древнеболгарском языке разграничение двух видов трудовой деятельности – свободного труда (на себя) и принудительного труда, более широко распространенного.

В паремиях зарегистрирована также лексема *рада* ‘трудолюбивая’ – *Вярна слугица, рада домовица* (сравн. стб. радити).

Хотя и реже, но встречается арабо-турецкая по происхождению лексема *захмет* (*zahmet*) со значением ‘труд, работа’ – *Без захмет не се яде мед*.

Особенности национальной культуры воплощаются эксплицитно или имплицитно в наибольшей степени во фразеологии. Семантическое наполнение лексем представляющих концепт *труд* а также паремий и фразеологических единиц с компонентом *труд* различается. Содержание концепта во фразеологии более богато, чем в лексике. Фразеологический материал является источником сведений о быте и культуре определенного этноса. При исследовании концепта *труд* в паремиях и во фразеологии болгарского языка учитывается их знаково-текстовый характер.

Фразеологический фонд языка, которому принадлежат паремии, фразеологизмы и устойчивые выражения, отражает жизнь во всех ее разнообразных аспектах. Он является ценным источником информации языкового и культурологического характера. Фразеологические единицы намного сложнее коммуникативных единиц лексических средств языка. Являясь результатом повторной номинации, они передают определенную систему коннотаций, оценок и образного восприятия мира (Голева 1997: 135). Во фразеологии отражается специфический способ восприятия и концептуализации мира определенным этносом. Совокупность концептов, представленных во фразеологических единицах, очерчивает различные фрагменты картины мира болгарина. В настоящее время преобладает более широкое понимание объема фразеологии – в нее включают не только фразеологические единицы со структурой словосочетаний, но и фразеологические единицы со структурой предложений, так называемые паремии. В паремиях наиболее отчетливо проявляется национальный характер, национальный менталитет, этнопсихологический образ народа, его мировоззрение, поэтому в работе акцент делается на них.

В последние годы в славистике возродился интерес к изучению паремиологического богатства. Первыми представителями паремий (стр. Пароциѝа

‘поговорка, пословица; сравнение, притча’) принято считать глиняные таблички из древнего Шумера, содержащие разнообразные наставления, поучения и предписания (Мийдр 2004, цит. по: Петрова 2006 : 1). Мудрость многих поколений, сохраненная в краткой, легко запоминающейся и легко воспроизводимой форме, является причиной их исключительной жизнестойкости.

Паремии являются объектом исследования таких различных областей гуманитаристики, как лингвистика, фольклористика и культурология. В фольклористике пословицы и поговорки традиционно изучаются как жанровые тексты. Принято разделение на два направления в исследованиях паремий. Первое направление – структурно-семиотическое, характерное в основном для европейской науки – В.Я. Пропп, Г.Л. Пермяков и др. Второе развивается в США и Великобритании и ориентировано на исследования роли паремий в коммуникации и социальной жизни. Его наиболее яркими представителями являются Мийдр, Гроссен, Норик, Грамм и др. (Иванова 2006: 8–9).

В Болгарии интерес к паремиологическому богатству возник позже, что объясняется историческими условиями. Первые сборники пословиц и поговорок появились в середине XIX в. (составители: Иван Богоров, Л. Каравелов, Д. Миладинов и К. Миладинов, П. Славейков, Н. Геров и др.), а в конце XIX в. и в XX в. начались их научные исследования – А. Теодоров-Балан, С. Костов, Б. Ангелов, Ц. Романска, М. Арнаутов, Ц. Минков, С. Ставрева, М. Елчинова, С. Стойкова и др. (Трендафилова 2006). Рассматриваются различные аспекты паремиологического фонда – происхождение, статус, семантика, структура, вариативность, предлагаются различные критерии их классификации, исследуется их системный характер. Сопоставительные исследования паремий в родственных языках и в языках не имеющих генетической связи между собой, раскрывают общие ценности и послания (С. Влахов, Н. Икономов, П. Славова, Н. Чернева, Д. Шкодрова, П. Трендафилова, Р. Петрова и др.).

В лингвистике паремии изучаются как часть фразеологии вопреки тому, что среди языковедов не существует единства по вопросу об их принадлежности к фразеологическому фонду языка. Одни авторы его оспаривают (Геннадиева-Мутафчиева, Андрейчин, Попов, Жуков, Кожин, Амосова и др.). Другие отделяют пословицы от поговорок и считают, что к фразеологии могут относиться только поговорки (Ничева, Трендафилова, Бабкин, Ершова, Белицка и др.). Третьи воспринимают и пословицы, и поговорки как фразеологические единицы (Николова-Голубова, Голубов, Бояджиев, Фелицина, Профоров, Гальперин, Воркачев, Кошелев, Леонидова, Шанский, Смирницкий, Галкина-Федорук и др.).

Пословицы и поговорки различаются между собой синтаксически и логически. Пословицы выражают законченную мысль и могут употребляться самостоятельно, в то время как поговорки представляют собой образные выражения, употребляющиеся лишь в контексте. Известный русский исследователь паремий Г. Пермяков определяет пословицы и поговорки как два вида речевых клише, различие между которыми состоит в том, что пословицы выступают в своем законченном, постоянном и неизменном виде, а поговорки получают свое окончательное оформление и конкретный смысл только

в контексте, откуда черпают недостающие им элементы. Пословица полностью клиширована, а поговорка открыта для дополняющих ее частей предложения (Пермяков 1970: 8–9). В настоящем исследовании воспринят подход, использующийся в англоязычной паремиологии, в соответствии с которым пословицы не отделяются от поговорок.

На протяжении веков пословицы и поговорки передаются из поколения в поколение как наследство, отражающее многовековой социальный и исторический опыт народа. В концентрированной форме в них отражена специфика мировосприятия того или иного этноса (Голева 1997: 141). С одной стороны, пословичная картина мира раскрывает принятые в каком-либо социуме нормы морали, стереотипы поведения, знания о мире и людях, имеющие важное значение для языкового коллектива. С другой стороны, внутренняя форма пословиц отражает быт и повседневную жизнь людей (Иванова 2006: 51). В ряде пословиц можно найти не только элементы сугубо болгарских социально-этических норм, но и систему общечеловеческих положительных и отрицательных оценок.

Большинство паремий и фразеологических единиц выражают обобщенные наблюдения людей о жизни - *Без труд и мъка няма сполука. Трудът на всичко надвива. Работата на ум учи. Който се труди, не губи. Който е работен, ще бъде имотен*. В других за основу берется определенный случай, с целью сделать более широкое обобщение, напр.: *Работна Стана: в три години – две вретена, а в година – две деца. Свършил Петко работа – изплаши децата, изтрепа жените*.

Одна часть паремий о труде ведет свое начало от сказок. Например, формула работы по дням недели в пословице: *Кога, мъжо, да работя: понеделник – безделник, вторник – потопорник, в сряда – не се сяда, четвъртък – несвъртък, петък – несретък, в събота – на баня, в неделя – света Неделя* использована в сказке «Как ленивая жена своего мужа оплакивает» (Стойкова 2007: 78). Некоторые паремии представляют собой резюме рассказов, басен, анекдотов. Они являются своеобразным «сгустком мысли» (Арнаудов 1996: 643).

Библейское происхождение имеют пословицы: *Който не работи, не трябва да яде. Който е работен, ще бъде имотен. Който се труди не губи. С труд и постоянство всичко се постига. Без труд почивката не е сладка* (Петрова 2006: 126–127). Большая часть библеизмов – кальки с греческого и латыни и распространены главным образом в языках народов исповедующих христианство. Библия является фактором, оказывающим влияние на культуру этносов, принявших христианскую религию (Трендафилова 2006: 14).

Такие авторы, как Маслова, считают, что паремии библейского происхождения не могут быть предметом лингвокультурологического анализа. Она полагает, что несмотря на то, что они отражают передаваемый из поколения в поколение опыт, такие паремии не присущи конкретной культуре конкретного этноса. Маслова считает, что надо изучать только те пословицы и поговорки, чье происхождение и функционирование неразрывно связаны с историей определенного этноса, с его культурой, бытом, моралью и т.д. (Маслова 2001: 43).

С течением времени понять смысл и философию некоторых пословиц и поговорок, особенно тех, которые редко употребляются, становится все труднее.

К фразеологическим единицам, представляющим концепт *труд* относятся и устойчивые сравнения. Они занимают значительное место в системе фразеологизмов болгарского языка и являются особым видом структурно-семантических единств, построенных на основе логического сравнения. Как указывает В.Н. Телия, устойчивые сравнения «служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и, одновременно, ее оценки в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям» (Телия 1996: 241). В своем историческом развитии человек постоянно сталкивается с новыми, неизвестными явлениями действительности, которые он сопоставляет и сравнивает с хорошо знакомыми. Сравнение органически присуще его мыслительной, практической деятельности и является одним из древнейших способов ознакомления с окружающим миром (Кювлиева 1986: 5). Эта способность познавательного процесса приводит к возникновению большого количества устойчивых сравнений, в центре которых стоит человек со своими качествами, проявлениями и поведением – *Като без ръце работя. Като вол работя. Като кираджийски кон работя. Като кърт работя. Като кърт под земята работя. Като луд работя. Като мравка работя. Като на бейлик работя. Като разпран работя. Като с чужди ръце работя. Като с лодски ръце работя. Като черен дявол, работя, работя като мравка. Работлив като пчела. Работен като вол. Работен като пчела. Яде като мечка, а работи като буболечка. Яде като мечка, а работи като с клечка. Ядем като здрави, а работим като мрави. Трудя се като кираджийски кон. Трудя се като пчела. Трудолюбив като пчела* и др.

Моделирование концепта *труд* во фразеологических единицах, соотносящихся с трудовой деятельностью, дает возможность выделить как универсальные, так и этнически обусловленные признаки во взглядах на мир и отражение его фрагментов. Труд в обществе имеет как культурно-практические, так и морально-этические измерения. Известный французский антрополог Жак Ле Гофф анализирует место труда в мировосприятии средневекового человека, в бытии которого христианская религия занимает центральное место, и указывает, что работа воспринимается как искупление первоначального греха человека. «Человек был создан жить не работая, если захочет. Но после грехопадения, он мог бы искупить свой грех только трудом» (Ле Гофф 1999: 278). Презируемый феодальным обществом, труд постепенно превратился в социальную ценность. Фома Аквинский определяет четыре цели труда. Прежде всего он должен обеспечить пропитание; во-вторых должен прогнать безделие; в-третьих должен обуздать похоть; в-четвертых дает возможность проявлять милосердие (Вендина 2002: 36).

Труд занимает центральное место в мировоззрении болгар. Труд является смыслом жизни, обеспечивает пропитание, создает материальное благополучие и лежит в основе социального престижа. Человек, который трудится, получает удовлетворение от выполненной работы и пользуется уважением

в обществе. Труд есть долг человека, благодаря которому он живет, радуется и грустит. Представления болгарина о труде, отраженные в паремиологическом фонде и фразеологии, могут быть объединены в несколько групп, включающих в себя следующие концептуальные признаки: место труда в жизни человека, характеристика труда как процесс, результаты труда и типы человеческого поведения в соответствии с отношением к труду. Все эти признаки могут быть маркированы положительно или отрицательно.

Труд в традиционном болгарском обществе воздвигнут в культ. Он является смыслом человеческой жизни: *Трудът е здраве и живот. Трудът на всичко надвива. Работи, като че ще живееш сто години, живеи, като че ще умреш утре! Труд высшая нравственность, а трудолюбивого человека почитают и уважают* *Работата краси човека, мързелът го грози*. В системе ценностей болгар высоко стоит даже бессмысленная работа – *Залудо работи, залудо не стой* или неоплаченный труд – *Работи без заплата, че не ходи без работа*. Отсутствие работы тяжелее, чем изнурительный труд: *От работа тежко, без работа – по-тежко*. Трудолюбие делает маловажными и человеческие недостатки – *Луда е, но е хубава и на работа – работна*. Во время трудового процесса допускаются ошибки, но болгары относятся к ним снисходительно – *Който не работи, той не греши*. После усердного труда человеку полагается заслуженный отдых: *Почивката след работа е сладка. Работи и си почивай. Без труд почивката не е сладка*.

Часть пословиц внушают мысль о причинно-следственной связи между вложенными усилиями и их прямым результатом – хорошей жизнью, которой трудолюбивый человек радуется. Труд несет благополучие – *Който е работен, ще бъде имотен. Който се труди, не губи*. Работа обеспечивает человека питанием и одеждой – *Човек работи, за да се храни. Харно работи, харно яди. Кога ядеш, да ти плющят ушите, кога работиш, да ти хрущят кокалите. Видял Мързю, че няма какво да яде, и почнал да работи. Гладът на много работи е майстор. Каквото ръчици работили, таква снажица носила. Който лете не работи, той зиме гладува. Който работата не обича, в ново се не облича. Който работата не обича, няма що да облича*. Справедливость оплаты труда зависит от вложенных усилий и проявленного усердия – *Според работата и заплата. Който не работи, не бива да яде*. Трудолюбие является верным путем к более легкой жизни – *Който работи честно, ще живее по-лесно*. Однако, нажитое без труда можно легко потерять – *Имане без труд лесно се пилей*. Следствие труда – приобретение опыта и знаний о мире: *Работата на ум учи*. Результаты работы видны потом, спустя некоторое время: *Хубавата работа на шестте месеци излиза*.

Успех каждой трудовой деятельности связан с определенными условиями. Необходимы усилия: *Без мъка работа – без вода кладенец. Като се трудиш, ще спечелиш, като се бориш, ще победиш*, а также постоянство – *С труд и постоянство всичко се постига*. Работа требует меньше разговоров и побольше действий – *Който работи и мълчи, повече работа свършива. Мълчаливият си знае работата. На умните работите само брадите им ги знаят*. В работе человек главным образом рассчитывает на себя – *Ако искаш*

свършена работа, свърши си я сам. Ако искаш да ти се не свърши работата, предай я другиму да я свърши. На вълка е дебел вратът, защото сам си върши работата. Работа, однако, является и источником забот и беспокойств – *Ако искаш да ти е мирна главата, не я туряй в работа.*

Работа – бесконечный процесс, у нее есть начало, но нет конца – *Работата край няма. Къцната работа никога не се свършива. Днес работи, утре пак.* Ее надо выполнять в определенной последовательности, для того, чтобы она была эффективной – *Който захваща много работи, той ни една не свършива. Който много работи захваща, той не ги довършива. Залудо труд, кога няма ред.* Начатую работу нельзя откладывать, она должна быть доведена до конца – *Не оставяй днешната работа за утре. Вечерната работа не оставяй за сутринта. Която работа се оставя за после, нея дяволите я довършват. Хляб си остави за утре, а работа не оставяй! Свършил си работата – останало двата края и средата.*

Выполнение каждого типа трудовой деятельности требует подходящего времени. Для того, чтобы работа была качественно сделана, она должна быть выполнена днем – *Денят се смее на нощната работа. Нощната работа – дневна срамота. Нощна работа – дневни почуди. Мързеливите вечер се разработват. Мързеливите жени в събота вечер се разработват.* Молодость – время работы, старость – время отдыха – *Млад работи, стар ум давай.*

В ценностной системе болгар важно место занимает и качество сделанной работы. Труд требует умения и мастерства – *Всяка работа за майстора си плаче. Всяка работа от майстора се бои. Всяка работа си има майстора. Майстора го работата му показва.* Хорошо выполненная работа вызывает уважение остальных людей – *Работата хвали майстора си. Работата го хвали.* Плохо сделанная, некачественная работа становится объектом насмешки и презрения – *През куп за грош свършена работа. Свършил работа като кучето на нивата. Свършил Петко работа – изплаши децата, изтрепа жените. Виж му работата, пък не питай за него. За малка работа голяма срамота. За пара работа, за десет зарар.* Спешка в труде не всегда приводит к хорошим результатам: *Бързата работа срам за майстора. Бързата работа – два пъти работа. Бързата работа и таралежко не я харесва.*

Одна часть пословиц и фразеологизмов несет отрицательные коннотации по отношению к труду. Главным образом, они обобщают опыт и житейские наблюдения наемного рабочего, работающего на других, а не на себя. Труд не приносит ему благополучия – *И много да работиш, и малко да работиш – все това. От работа ставаш гърбат, а не богат. Работи като вол и пак ходи гол.* Так как работа не является гарантией приобретения богатства, она делается без особого энтузиазма – *Работи като с чужди ръце. Половин сърце – половин работа.*

Труд напрямую связан со своим антиподом – ленью. Эта группа пословиц и фразеологических сочетаний наиболее многочисленная. Некоторые из них отличаются особой дидактичностью, срв.: *Работата краси човека, а мързельт го грози. Няма нищо по-благословено от труда и няма нищо по-кълнато от мързела.* Трудолюбие – верный путь к легкой жизни, в отличие

от лени. Приложенные усилия ведут к лучшей жизни, которой наслаждается трудолюбивый человек – *Работата на работливия е по-сполучлива от тая на мързеливия*. В сознании носителей языка лень является объектом насмешки – *Работна Стана: в три години - две вретена, а в година - две деца. Търси на баницата мекото и на работата лекото*. Бездельник находит разные оправдания своего бездействия – *Накарай мързеливия на работа да те научи на ум. Накарай мързеливия на работа да го направиш пророк. Накарай хайлазина на работа, на ум да те научи. Прати го на работа да ти каже: Вълци има на пътя. Ори, мели, яж е вашата работа – рекъл един циганин на един орач - а нашата работа е много по-мъчна: ходи, тропай, проси, носи, печи, вари, на чак тогава яж*. Ленивый придумывает поводы уйти от работы – *Който не ще да работи, той си търси мохабети. Кога не го мързи, мила му е работата. Уловила се царската дъщеря за работа, та я заболял пръста. Хванала се царската дъщеря на работа, та ѝ се изприцили ръцете. Хванала се царската дъщеря на работа, та си избола ръцете. Хванала се млада невеста за работа, излязъл ѝ прищ. Кога, мъжо, да работя: понеделник – безделник, вторник – потопорник, в сряда не се сяда, четвъртък – несвъртък, петък – несретък, в събота – на баня, в неделя – света Неделя. Всякой ден работа имам: понеделник – поседелник, вторник – по-сборник, сряда – непряда, четвъртък – несвъртък, петък – миеглавец, събота – на пазар, неделя – ще сеядя на портата. Понеделник – поседелник, вторник – запорник, сряда – непряда, четвъртък – запъртък, петък – разпетък, събота на баня, в неделя, ако работят хората и аз ще работя*. Лень может стать причиной приложения двойных усилий в труде – *Мързеливият два пъти работи, скъперникът два пъти плаща*. Лень одного, всегда за счет усердной работы других – *Бели ръце – чужд труд*. Как правило, лентяй принимается за работу в неподходящее время – *Мързеливите вечер се разработват. Мързеливите жени в събота вечер се разработват*. Ленивый любит больше есть, чем работать – *Работи като кърт, яде като вълк. Ядем като здрави, работим като мрави. Работи като буболечка, яде като мечка. За ядене – ламя, за работа – мравка. Ламя си за ядене, а за работа – мравка. За работа – дете, а за самун – мъж*. Берется за работу только когда еда закончится – *Видял Мързю, че няма какво да яде и почнал да работи*. Между ленью, пьянством и бедностью существует причинно-следственная связь – *Работата пари трупа, а мързелът и пиянството пари топят*.

В большей части паремий и фразеологических единиц отношение к труду не дифференцировано по отношению к полу, т. е. они принадлежат к метагендерному уровню языка и касаются человека вообще, срв.: *Всеки да си гледа работата. Залудо ходи, залудо не стой без работа. Който работи и мълчи, повече работа свършива. Работата краси човека, мързелът го грози. Работата да се бои от тебе, не ти от нея* и др. Гендерные характеристики конструируются обществом как социальные модели поведения мужчин и женщин (Узенёва 2005). Паремий и фразеологических единиц, характеризующих мужское участие в трудовой деятельности, меньше. В некоторых из них подчеркивается важная роль мужчины в трудовом процессе, что обычно

связано и с физическими усилиями, срв.: *Работа без мъж – святкане без дъжд. Без мъжка работа – кладенец без вода.* В других осмеивается неуклюжесть мужчины – *Свършил Петко работа – изплаши децата, изтрепа жените. Мъжка работа нищо не бива. От мъж работа.* Языковая картина мира, открывающаяся во фразеологии болгарского языка, отражает главным образом взгляд мужчины на роль женщины в традиционном обществе. Андроцентричность паремий отражает зависимость женщины в патриархальном обществе. Место женщины ограничивается в основном пространством дома, где она может быть “хорошей” или “плохой” хозяйкой. На женщине лежит ответственность за воспитание детей и забота о них. В пословицах и поговорках, отражающих место женщины в трудовом процессе, преобладает негативный стереотип. Женщина подвергается насмешкам из-за ее лени – *Кога, мъжо, да работя: понеделник – безделник, вторник – потопорник, в сряда не се сяда, четвъртък – несвъртък, петък – несретък, в събота – на баня, в неделя – света Неделя. Всякой ден работа имам: понеделник – поседелник, вторник – посборник, сряда – непряда, четвъртък – несвъртък, петък – миеглавец, събота – на пазар, неделя – ще седа на портата. Мързеливите жени в събота вечер се разработват. Работна Стана: в три години – две вретена, а в година – две деца.* Или из-за ее изнеженности и непригодности к работе – *Уловила се царската дъщеря за работа, та я заболяло пръста. Хванала се млада невеста за работа, излязъл ѝ прищ.* Также ей приписывается глупость при выполнении определенной деятельности – *Женска му работа.* Паремий, в которых образ женщины обладает положительными коннотациями, меньше – *Сиромашията се бои да влезе у работлива жена. Гърда е жената, ала работна ѝ е ръката. Работната снаха по-драга от своя мома* и др.

В паремиях и фразеологических единицах о труде отражено и отношение к церкви и к ее представителям. В отличие от некоторых других славянских народов, таких как поляки и русские, болгары отличаются прагматизмом и не столь сильно развитым религиозным чувством. Уход от светской жизни для служения Богу понимается труднее и чаще воспринимается как лень, или как занятие бессмысленной работой, срв.: *Ако беше харна работата и владиката щеше да работи. Калугер кога няма работа, разтуря си калимявката. Без работа поп яретата кръщава.* Это подтверждается и поведением отдельных представителей данного слоя общества.

Оппозиция «свой – чужой» находит отражение также во фразеологии и паремиологии, причем она вновь отрицательно маркирована. Чаще всего в пословицах и поговорках выражается отрицательное отношение к представителям этносов, живущих в непосредственной близости с болгарами – турки, цыгане срв.: *Ръжен хляб да ям, ама на турчин да не работя. Циганинът и в неделя работи, а мехът му гол.* Цыгане являются объектом насмешек из-за некачественной, неряшливо выполненной работы и лени, напр.: *Ори, мели, яж е вашата работа – рекъл един циганин на един орач – а нашата работа е много по-мъчна: ходи, тропай, проси, носи, печи, вари, па чак тогава яж... Хубава работа, ама циганска.* Здесь появляется и другая особенность болгарского менталитета – склонность к самоиронии, признание недостатков своего этноса, срв.: *Българска (му) работа*⁴.

В составе некоторых фразеологизмов, типа *Българска (му) работа. Циганска (му) работа. Японска (му) работа* дательные формы личных местоимений выступают в качестве оценочных модификаторов (Пенчева 2001:180). В то время как в выражении *Японска (му) работа* наличие или отсутствие модификатора выражает два разных типа отношений – одобрение в *Японска работа* и неодобрение в *Японска му работа*, то когда делаются констатации относительно болгарского или цыганского этноса используется только отрицательная окраска, так что модификатор имеет факультативный характер (Пенчева 2001: 180).

Во фразеологическом фонде болгарского языка встречаются единицы, отражающие другой аспект оппозиции “свой – чужой” – отрицательное отношение болгарина к вмешательству в чужую работу, срв.: *Гледай своите работи, а не хорските. Гледай си работата. Гледам си работата. Не е твоя работа. Не ми влиза в работата.*

Известно, что у каждого народа существуют собственные представления о соизмеримости человека и мира животных и растений. Посредством представителей животного мира раскрывается разнообразная характеристика проявлений человека, качеств человеческой психики и его физических особенностей. Образцами трудолюбия в болгарской ментальности среди домашних животных являются муравей, пчела и вол, а из диких – крот срв.: *Работи като мравка. Трудя се като пчела. Трудолюбив като пчела. Работлив като пчела. Работя като вол. Като кираджийски кон работя. Като кърт работя* и т.д. Вол символизирует и неблагодарность тяжелой физической работы, которая не приводит к благоденствию – *Работи като вол и пак ходи гол*. Муравей может быть и носителем негативной символики в некоторых паремиях – как маленькое по размерам насекомое, он меньше работает, срв.: *Ядем като здрави, а работим като мрави*. То же самое значение имеет и гипероним “буболечка” – *Яде като мечка, а работи като буболечка*. Часть паремий и фразеологических сочетаний имеет отрицательную коннотацию. Образы животных являются и символом лени и плохо сделанной работы, разбросанности и неорганизованности в труде – *Свършил работа като кучето на нивата. Свършил работа, колкото псето на нива. Накарали котката на работа, а тя опашката си. Накарали кучето на работа, а то опашката си. Накарали лисицата на работа, а тя опашката си. Работата му напредва като рак в батак* и др. Фразеология доказывает склонность человека заострять свое внимание на несовершенном, безобразном, странном в поведении людей. Может быть, это неосознанное стремление исправить окружающий мир, высмеивая и окарикатурируя его (Кювлиева 1986: 82).

Большинство пословиц и поговорок были собраны в XIX и XX вв. Они отражают, прежде всего, характерные черты болгарского крестьянина, его умонастроения, его вековую привязанность к земле и к земледельческому труду. Большая часть паремий продолжает быть актуальной и находит применение и в речи современного болгарина. Однако, общественно-экономические изменения приводят и к переменам в концептуализации труда. Выражением произошедших в обществе перемен является отношение большинства современных

болгар к интеллектуальному труду. Полезным, как они считают, является только физический труд, а интеллектуальная деятельность приравнивается к безделью. Так возникла известная новая поговорка, все еще не нашедшая себе места во фразеологических сборниках, – *Учи, за да не работиш*.

Большая часть болгарских пословиц и поговорок принадлежит к общему международному фонду. Они встречаются у многих европейских и неевропейских народов. Существующие параллели можно объяснить как общим происхождением народов (например славянских), так и сильным культурным влиянием соседних народов друг на друга (например балканских). Вполне вероятно, что некоторые из них появились самостоятельно у разных народов на основе сходных или близких общественно-исторических, бытовых и культурных условий, при близком психологическом настрое. Общение между народами переносит чужой опыт и познание, которые часто выражаются готовыми метафорами и целыми выражениями. Одним из источников проникавших в Болгарию в эпоху Средневековья паремий явилась византийская литература. Во время турецкого владычества в многонациональной Османской империи налицо были все условия продолжительного обмена пословицами и поговорками, а также другими фольклорными произведениями между населявшими ее народами (Шуберт 1990: 84–89; Стойкова 2007: 13–14), срв. из тур.: *Ноцната работа на деня смях. Ако не спечелиш от работа, спечели от гърло. Между работа работа има* и др. Сопоставительный анализ болгарских фразеологизмов, устойчивых сравнений и паремий в более широком языковом плане «раскрывает исключительное сходство во взглядах, житейском опыте, философии, нравственных оценках, эмоциональном восприятии, ценностной шкале болгар с другими европейскими народами. А оно нашло непреднамеренное, откровенное выражение в одинаковых или очень близких выразительных средствах, говорящих и о схожести в образном мышлении, ассоциативности и экспрессии» (Калдиева-Захариева 2003: 97).

При сопоставлении паремий разных языков наблюдаются три основных подтипа: буквальные соответствия, смысловые соответствия и паремии, не имеющие соответствия в другом языке, так называемые лакуны (Петрова 2006: 293–294).

Примером буквальных соответствий болгарских паремий и фразеологических единиц в других славянских языках могут быть: *Не оставяй днешната работа за утре* (Рус. *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Сегодняшней работы на завтра не откладывай*). Чеш. *Co můžeš udělat dnes, neodkládej na zítřek. Co uděláš dnes, zítra jak bys našel. Co máš dnes snísti, schovej na zejtrí, a co máš zejtra dělati, dělej dnes*. Англ. *Never put off till tomorrow what may be done today*). *Който не работи, той не греши* (Рус. *Не портит тот, кто не делает*). *Дор сме живи, да работим, като умрем ще лежим* (Срб. *Док смо живи, радимо, кад умremo, лезимо*). *Без работа поп ярета крѣцава* (Срб. *Беспослен поп и јариће крсти*). *Бели рѣце, чужд труд* (Срб. *Бијеле руке туђ посао милују*). Рус. *Белоручка чужие труды любит. Белые ручки чужие труды любят*). *Работи като че ще ж ивееш сто години, мисли са (харчи, живеи) като че ще умреш утре* (Срб. *Ради*

као ћеш сто години живљети, а моли се богу као да ћеш сјутра умријети). Токо ми свјака мъка и работа (Срѣб. Тако ми сваке муке и работе). Работи като мравка (Срѣб. Ради као мрав). Който не работи, не бива да јаде (Рус. Кто не работает, тот не ест. Чеш. Kto nepraciје, at neјi. Англ. He that will not work shall not eat. Нем. Wer nicht arbeitet, soll auch nichtessen). Мајстора го работата му показва (Рус. По работе и мастера знать. Чеш. Posle дiла poznáš mистра. Posle práce poznáš mистра. Англ. The workman is known by his work). Всяка работа от мајстора се бои (Рус. Дело мајстера боится). От работа гърбат ставаиш, а не богат (Рус. От работы не будешь богат, а будешь горбат. Чеш. Z práce budeš hrbat, ne bohat). Накарай мързеливия на работа, да те научи на ум (Рус. Заставь лентяя работать, он начнет тебя учить.) Хляб си остави за утре, а работа не оставяй (Рус. Не оставляй на завтра дела, оставяй хлеба) и др.

Група безэквивалентных соответствий гораздо больше. В ней наблюдается единство в плане содержания и различие в плане выражения. Эта группа раскрывает специфичную для каждого языка образность (Петрова 2006: 294). Срв.: Бързата работа срам за мајстора (Рус. Торопись, да не осрамись. Скоро, да не споро. Поспешишь – людей насмешишь. Чеш. Со kvarnú zmetе, nikdo nevyplete. Příliš chvátáš, brzy ustaneš. Со brzy zrá, brzy dozrá. Kdo spěší, lidí směší). От работа гърбат ставаиш, а не богат. (Рус. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Чеш. Velká robota, malé tvarižky). На вълка е дебел вратът, защото сам си върши работата. (Чеш. Sám dělej, přátel pečej). За работа – дете, а за самун – мъж. (Рус. В еде здоровяк, в труде калека). Ядем като здрави, а работим като мрави. (Рус. Здоров на еду, да хил на работу. Здоров в еде, да хил в труде). Работи като буболечка, яде като мечка (Рус. Ест за вола, а работает за комара). Накарай мързеливия на работа, да го направии пророк (Рус. Заставь лентяя работать, он начнет тебя учить). Работата краси човека, мързелът го грози. (Рус. Счастливым и красивым делает человека работа). Бели ръце – чужд труд (Рус. В чужих руках все дело легко. Белоручка – не работник). Работата не е заек <да избяга>. (Рус. Дело не воробей, не улетит. Дело не ворона: не каркнет, а скажет. Дело не голуби, не разлетятся. Дело не коза – в лес не убежит. Дело не комар: от него не отмахнешься. Дело не малина, в лето не опадает. Дело не малина, не укулет. Дело не медведь, в лес не уйдет. Дело не медведь, можно издали поглядеть. Дело не сапог, с ноги не скинешь. Дело не сделав, языком не хвастай. Дело не сокол, но улететь может). Работата на ум учи. (Рус. Дело учит, и мучит, и кормит). Ти работи, аз ще ти помагам – рекъл Господ (Рус. Богу молись, а сам трудись). Работата краси човека, мързелът го грози. (Рус. Землю красит солнце, а человека – труд). Който лете не работи, той зиме гладува. (Рус. Кто летом поработает до поту, тот зимой поест в охоту) и др.

Ценностни различия между разными лингвокультурами раскрываются в первую очередь в культурно асимметричных пословицах, так называемых лакунах, не имеющих соответствия в других языках. Например, для болгарского *Залудо работи, залудо не стой*.

Часто этнокультурные различия в представлении отношения к труду сводятся не только к наличию или отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной комбинации и частотности этих признаков. Интересны наблюдения В.И. Карасика при сравнении русских поговорок о труде с немецкими и английскими. Он указывает на тот факт, что отсутствие пословиц типа *Дурака работа любит. Работа — не волк, в лес не убежит. От работы кони дохнут* в английском и немецком языках объясняется историческими причинами — для русского рабочего степень внешнего принуждения в трудовом процессе намного выше, в сравнении с другими странами. Именно поэтому для жителей Западной Европы существенными являются утилитарные признаки — результативность труда и работа на себя, в свою пользу, а для России — этические признаки — уважительное отношение к труду и работающему человеку (Карасик 2002).

Любопытно отметить, что в русских исследованиях концепта «труд» приводится и новый паремиологический материал, появившийся в XX в., отражающий новые социально-экономические отношения, напр. труд в колхозе — *В колхозе лад, охота — там спора работа. В колхозе нет тому славы, кто на язык легок, а тому, кто в работе стоек. В колхозе чужой работы нет. Колхозник колхозника по работе узнает. Колхозника трудодень кормит*, труд и награда — *За подвиг трудовой награждают Золотой Звездой*, труд и слава — *К славе ведет один путь: труд*, труд и учение — *Без успеха в учебе нет успеха в труде. Без учебы и труда не придет на стол еда. Без учения, без труда и жизнь не годна никуда*, труд и искусство — *Искусство и труд — неразлучны* и др.

Фразеологический фонд языка отражает многовековой социальный и исторический опыт определенного этноса, его философию и психологию. В поговорках и фразеологических единицах сохранены мудрость народа, специфика его мировоззрения. По существу фразеология представляет собой кодекс морально-нравственных правил, оценку бытия.

Перевод Л. Симеоновой и Д. Нейковой.

Примечания

¹ После консультации с н.с. д-ром Хр. Дейковой из Отдела болгарской этимологии при ИБЕ — БАН.

² Заключение является субъективным и не формируется на основе лингво-статистических исследований.

³ Сравн. также в сербском языке *радник*.

⁴ Любопытно отметить, что фразеологизм *българска работа* употребляется только в позитивном смысле среди переселенцев из Болгарии в Израиле и означает 'отлично выполненную работу' (Декало 2006:179).

Источники

- Балканска народна мъдрост. Успоредици на български, сръбски, турски, румънски, гръцки и албански пословици и поговорки. Съставил Николай Ил. Икономов. София: Изд. на БАН, 1968.
 Български етимологичен речник (авторски колектив). Т. I А-З. Изд. на БАН. С. 1971; Т. VI ПУСКАМ - СЛОВАР². АИ «Проф. Марин Дринов». С., 2002.

- Български пословици и поговорки (съставители М. Григоров, К. Кацаров). Наука и изкуство. С., 1986.
- Български тълковен речник (авторски колектив). Наука и култура, С., 1955.
- Вакарелска-Чобанска Д. Речник на самоковския говор. АИ «Марин Дринов», С., 2005.
- Влахов С. Съпоставителен речник на пословици - български, руски, английски, френски, немски (и латински). Изд. Ето. С., 1998.
- Вътов В. Речник на фразеологизмите с библейски произход. Изд. «Слово». В. Търново, 2002.
- Геров Н. Речник на българския език. Т. 5, Р- і, С., 1978.
- Илчев Ст., Иванова А., Димова А., Павлова М. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. С., Изд. на БАН, 1974.
- Мъжлєкова М. Речник на старобългарските думи в днешните български говори. Изд. БАН. С., 1990.
- Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. Т. 1 А-Н., С., 1974; Т. 2, О-Я. С., 1975.
- Радева В. Български тълковен речник. Изд. къща «Хермес». С., 2004.
- Речник на българския език. Т. 11 О. АИ «Проф. Марин Дринов», ЕТ «Емас». С., 2002.
- Славейков П.П. Български притчи или пословици и характерни думи. Изд. «Захари Стоянов». С., 2003.
- Стойкова Ст. Български пословици и поговорки. ИК «Колибри», 2007.
- Bachmannova J., Suksov V. Jak se to řekne jinde. Česká přísloví a jejích jinojazyčné protějšky. UNIVERSUM, 2007.
- Hornby A.S., Ruse Ch. Oxford student's dictionary. Oxford University Press 1989.

Библиография

- Армянов Г. Българският жаргон. Лексико-семантичен и лексикографски аспект. УИ «Св. Климент Охридски». С., 1995.
- Арнаудов М. Очерци по българския фолклор. АИ «Проф. Марин Дринов». С., Т. 1, 1996.
- Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке: На материале пословиц и поговорок: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень, 2004.
- Березович Е.А. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–29.
- Быков Д. Блуд труда. СПб, 2002.
- Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., Индрик, 2002.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Том 66. № 2. С. 13–22.
- Голева С.Г. Персидская фразеология (лингвосоциокulturологический аспект) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 135–141.
- Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Перемена. Волгоград, 1997. С. 42–43.
- Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта труд в русском языковом сознании. Дис., Волгоград, 2003.
- Декало Ф. «Българска работа» в Израел означава прецизно свършено нещо // Градиво за етнология на миграциите. Сборник студии. С., 2006. С. 173–226.
- Еремин А. Проблемы лексической семантики русского просторечия. Калуга, 2001.
- Еремина М.А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект. Диссертация. Екатеринбург, 2003.
- Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. Учебное пособие. Филологический факультет СПбГУ. Издательство СПбГУ, Санкт-Петербург, 2006.
- Иванова Л.А., Самохина Л.А. Концепт «труд» в русской языковой картине мира // Язык и межкультурные коммуникации. Материалы междунар. конф. Уфа. Изд. Башк. гос. пед. ун-та, 2002. С. 89–90.
- Калдиева-Захариева Ст. Библията във фразеологията и фразеологията в Библията и нейните преводи // Българският език през XX век. АИ «Проф. Марин Дринов». Изд. «Пенсофт». С., 2001. С. 266–276.

- Калдиева-Захариева Ст.* Екзистенциалната проблематика в българската фразеология // Славянска филология. Т. 23. С., 2003. С. 83–98.
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. Изд. «Эдиториал». УРСС, 2005.
- Кормакова Е.В.* Концепт «труд» в немецкой и русской лингвокультурах // Проблемы современной лингвистики. Волгоград: Колледж, 1999. С. 15–19.
- Ковалева В.* Устойчивые сравнения в българския език. Изд. На БАН, 1986.
- Льо Гоф Жак.* Цивилизацията на средновековния Запад. Изд. «Агата». С., 1999.
- Маркелова Е.В.* Когнитивно-семантическа структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени). Автореферат дисс. Томск, 2004.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Akademia, 2001.
- Мирошниченко Л.Н.* Когнитивно-культурологическое представление концепта «труд» в паремнологомическом фонде русского и новогреческого языков. Автореферат. Краснодар, 2007.
- Михайлова Ю.Н.* Об эволюции лексикографического представления концепта // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 181–191.
- Павлова Н.* За названията на съдбата в български и немски език // Българска реч, 2006. Кн. 2–3. С. 96–104.
- Пенчева М.* Човекът в езика. Езикът в човека. УИ «Св. Климент Охридски». С., 2001.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970.
- Петрова Р.* Лингвокултурологично съпоставително изследване на английски и български пословици. Дисертация за придобиване на образователната и научна степен «доктор». С., 2006.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 285 с.
- Токарев Г.В.* Особенности лексической репрезентации концепта «труд» // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Материалы междунар. симпозиума. Волгоград: Перемена, 2000. С. 192–201.
- Токарев Г.В.* Теоретические проблемы вербализации концепта труд в русском языке. Автореферат. Волгоград, 2003.
- Трендафилова П.* Езикови отношения между български народни мъдрости и библейските им съответствия. Русенски университет «Ангел Кънчев», 2006.
- Узеньова Ел.* Репрезентация на джендърна идентичност в българските пословици // Проблеми на българския фолклор. Т. 10. Фолклор. Идентичност. Съвременност. София, 2005. С. 339–345.
- Феоктистова Н.В., Ермолаева Е.Н.* Сопоставително-типологическое исследование фразеологических единиц с однотипным сигнификативным значением английского, немецкого и русского языков (фразеологические единицы со значением «труд, работа») // XXII Дульзонские чтения: материалы междунар. конф. 19-21-июня 2000 г., Томск, 2000. Ч. 1. С. 126–131.
- Феоктистова Н.В., Ермолаева Е.Н.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского, немецкого и русского языков с однотипным сигнификативным значением «труд, работа» // Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. «Лингвистика» – ИГЛУ. Вып. 3. С. 75–80.
- Шуберт Г.* Към «балканизма» в пословиците на балканските народи // Български фолклор. 1990. Кн. 1. С. 84–89.

Сокращения

- БЕР – Български етимологичен речник (Этимологический словарь болгарского языка).
 РРОДД – Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век (Словарь редких, устаревших и диалектных слов в болгарской литературе XIX и XX веков).

Й. Кириллова
(Институт болгарского языка БАН, София)

Гендерные характеристики концепта УМ в болгарской паремиологии

Abstract:

Kirillova J. *Gender characteristics of the «mind» concept in Bulgarian proverb research*

This article discusses the linguistic aspects of gender stereotypes associated with the concept of mind in Bulgarian proverbs. Based on the study of proverbs and tokens, representing men and women, the research demonstrates Bulgarians attitude to woman depending on her intellectual characteristics and the gender roles of both sexes. Particular attention is paid to identifying the position of women, «female voice» in the proverbs, which, according to the author, appears only in stealth – the only available weapon for a woman in a society where she belongs where the roles were strictly defined and limited.

Ключевые слова: болгарский язык, концепт, фразеологизмы, паронимы, языковая картина мира, фольклор.

В данной статье рассматриваются лингвистические аспекты гендерных стереотипов, связанных с концептом¹ УМ в болгарской паремиологии.

Концепт УМ является основным концептом в каждой языковой картине мира. Его ведущая роль в болгарской концептосфере доказывается его аксиологическим статусом и высокой степенью актуальности, он представлен большим количеством единиц – синонимов и антонимов. Этот концепт характеризуется сложностью и абстрактностью, а также тем, что дает информацию о внутреннем мире человека².

Гендерный подход в данном исследовании дает возможность посмотреть на концепт УМ с точки зрения, отличной от точки зрения лингвокультурологии, сделать упор на отношениях между «мужским» и «женским» как элементами интеллектуальной характеристики человека.

Гендерные исследования являются сравнительно новой областью в языкознании и литературоведении. Они изучают роли, в которых выступают мужчины и женщины в конкретном обществе и то, как эти роли закрепляются в сознании отдельного индивида или общества в целом. Термин «гендер» является одним из основных понятий в этой области и вводится в научный оборот с целью разделения биологических и социокультурных ролей индивида. В отличие от биологического пола, гендерные роли в обществе изменяются в процессе культурно-исторического развития. Этот термин подчеркивает не природные, а социокультурные причины половых различий (Кириллина 2000: 19).

Выбор паремиологии для данного исследования не случаен: она является важным источником информации, в ней зафиксировано более старое состояние патриархатного³ общества, что представляет интерес для определения гендерных ролей его членов. Паремиология раскрывает «многие особенности взглядов, веру и общественные отношения народа ... она была меньше подвержена изменениям, так как и сегодня, будучи используема для подтверждения современных событий в жизни, она передает нам память

первобытных и старых исторических времен» (Теодоров-Балан 2007). Паремология сохраняет дух народа, накопленный житейский опыт и одновременно с этим служит своего рода предписанием поведения в обществе, ориентирующим индивида в его социально-половых ролях. Паремии являются «прескрипцио-стереотипами народного сознания, дающими достаточно богатый выбор для самоидентификации» (Телия 1996: 240). Народная культура в целом построена на стереотипах. Отождествляя себя с ними, индивид определяет свою гендерную принадлежность даже неосознанно и против своей воли (Пазио 2005: 417).

Сказанное выше созвучно гипотезе Сепира–Уорфа о «лингвистической относительности», изучающей связь между языком и действительностью. Согласно этой гипотезе, родной язык человека, на котором он формулирует свои первые высказывания и который сопутствует ему в его дальнейшем развитии, существенно влияет на восприятие окружающей среды. Эту теорию можно применить и к гендерным исследованиям, в которых в духе феминизма принято считать, что существуют мужская и женская точки зрения на картину мира, причем ведущим является мужское начало, андроцентризм, на базе которого формируются стереотипы поведения не только мужчин, но и женщин, определяются гендерно-маркированные роли. (Пазио 2005: 343).

В одном из основополагающих трудов феминистской лингвистики – эссе Вирджинии Вулф «Собственная комната» – уделяется большое внимание социальному контексту, в котором находятся мужчины и женщины, привилегированному положению мужчин, дающему им право получить образование и быть свободными, в то время как женщина вынуждена лишь обслуживать дом и семью (цит. по: Личева 2005). Подобная ситуация наблюдается и в болгарской паремологии. Благодаря своему свойству фиксировать стереотипы, пословицы и поговорки формируют образ болгарского патриархального общества, в котором женщина является не элементом социума, а скорее воспринимается как средство осуществления связи между мужчинами для достижения определенных целей, как товар обмена, предмет торговли. В паремиях она сравнивается/уподобляется предметам или животным. Ее стоимость можно подсчитать, у нее есть цена.

В статье «Пол и власть на Балканах» Б. Дених видит причины подчиненного положения женщины еще в общественном устройстве Древней Греции и уточняет, что патриархальное устройство устанавливает модели поведения мужского превосходства и женского подчинения. Подобное положение вещей он рассматривает не как результат биологического различия, а как социальную форму, которая развилась под влиянием специфических обстоятельств. Он указывает, что формальная структура общества формируется в результате взаимоотношений мужчин, а женщины обмениваются, чтобы создавать будущие поколения мужчин. Они служат лишь связующим звеном между отцами, сыновьями и тестями. В духе феминистской лингвистики Дених перефразирует теорию Клода Леви-Стросса об обмене женщинами («в человеческом обществе мужчины обмениваются женщинами, а не наоборот») следующим образом: «Обмен женщинами приводит к формированию мужских групп, а не групп с равноправным участием обоих полов»

(Denich 1974: 243–246). Свидетельством того, что это было типично для болгарского общества, являются паремии, иронизирующие над отклонением от нормы: *Откъде си?* (Ты откуда?) – *Отдето ми е жената* (Откуда моя жена). Или: *На жената от селото* (Из села жены); *Откъде си, дядо Петре?* (Откуда ты, дед Петр?) – *Да питам жената* (Пойду спрошу жену).

Из всех 528 отобранных паремиологических единиц, вербализующих концепт УМ в болгарском языке, 163 отличаются гендерной спецификой. В них отражены гендерные стереотипы, касающиеся ментальной специфики и особенностей поведения представителей обоих полов в болгарском обществе, например: *На жената се гледа как държи (къщата), а на мъжът – какво внася; На жената уреда до прага, извън прага на мъжа е; На мъжът уреда до сълбата, а на жената от сълбата нагоре.*

В своем сопоставительном исследовании «Never Marry a Woman with Big Feet» М. Шиппер обобщает: «Многие поговорки гласят, что внешний вид является самым важным для женщины, а ум – для мужчины» (Shipper 2004). Такие гендерные стереотипы встречаются и в болгарской паремиологии. Именно по этой причине показателен тот факт, что в паремиях намного чаще говорится об умной женщине, чем об умном мужчине. Эта странная асимметрия вызвана особенностями человеческой концептуализации действительности, согласно которой в языке намного чаще встречается отклонение от нормы, чем сама норма, потому что она является нейтральным, исходным, тем, с чего начинаем, чтобы отметить маркированное, различное.

Даже в тех случаях, когда признается ум женщины, он рассматривается или с точки зрения пользы мужу и дому, или воспринимается как накопленный житейский опыт, хитрость.

365 паремий отличаются метагендерными характеристиками. Они могут использоваться как по отношению к лицам мужского пола, так и по отношению к лицам женского пола, напр.: *В умна глава сто ръце; Ум замисля, море не понася; Ум и разум с пари са не купуват; Ум има, разум няма; Ум са на лозе не зоби; Ум са не пришива на кожа; Колкото глави, толкова и умове; Глава голяма, ама мозък няма; Без ум приказва, та кавга поражда; Ум са сбира доде си жив; Глава прави, глава чисти; Глава побелева, акъл изветрева; Се си у тебе мисля: кога те видя, тогай ми добдаш на акъло; Глава ломя, с ум се бия.*

Метагендерные характеристики имеют и паремии, которые относятся к среднему роду. Это типично для случаев, когда:

1. Делаются генеральные обобщения: *Да е учено – добро, да е умно – по-добро; Сговорното е най-умно; Дебелото – хубаво, богатото – умно.*
2. Или тогда, когда половая принадлежность не является определяющей характеристикой, не является важным фактором. При помощи среднего рода можно выразить следующие виды незрелости:

- Половая незрелость: *Ако не е хубаво, барем не е глупаво;* а также в: *Не питай старило, а питай патило* – в пожилом возрасте родовые характеристики также отходят на задний план.
- Умственная незрелость: *Аз го уча на ум, а то си трън вади; Ти го караш в пътя, то върви в тръните; Ти го теглиш по овата, то са тегли*

по гората; Аз му са разправям, а то ма и не керти; Лудо – давало, мъдро – вземало.

В наивном языковом сознании болгарина половое созревание и накопление ума находятся в тесной взаимосвязи: *Под носа му порасло, а в главата му не посеяно; Брадата дошла, умат не дошел; Брадата му подранила, умът му окъснял* (эти паремии регистрируют отклонение от стереотипа, нетипичное); «Като ти излезе умник (зъб мъдрец), аколот ти йе дошел» (Велинградская обл.)

В народных песнях также есть доказательства данного утверждения:

Да ме чакаш три године дъна
Една годин мома да порастем,
Друга годин – уми да наберем.

(С. Кожници, Трынская обл.)

Группа пословиц, репрезентирующих концепт УМ, характеризуется большим процентом обобщенно-неопределенно-личных конструкций, что обуславливает возможность их отнесения к представителям обоих полов: *Кога усетиши люцка ръка на гъза си, тогаз ще ти стигне умът; Да ти дава ум всеки може, ама няма кой да ти помогне; Искаш го, не искаш го, в ума ти се бута; Каквото ти дойде на ума, не приказвай го пред кума; Посрещат та по дрехите, изпрацат та по ума.*

Это фактор, снижающий андроцентричность и позволяющий сказать, что гендерный аспект пословиц можно элиминировать (устранить) (Кириллина 1999). Вопреки этому мы считаем, что в целом ряде неопределенно-личных конструкций социально-половой аспект подразумевается контекстом.

В большей части паремий дополнение выражено краткими формами лично-го местоимения в 3л. ед.ч. м.р. В.п. (го) и Д.п. (му), которое можно соотнести как с существительным «человек» (гендерно не маркированным), так и с лексемой «мужчина» (гендерно маркированным именем существительным, андроцентричным): *Колко чифта царвули е съдрал дявола, доде го от ум изкара!; По дрехите посрещат, по ума го изпровождат; Бие го умът му; Ще му дойде умът, кога го чукне горният праг, та погледне долния; От памет, та ще му се пукне главата; Дал му господ бой, ама ум не му дал; Дал му господ сила, ама ум не му да; Защо му е брадата, кога го няма в главата; Сичката му памет на езико; Кога Господ иска да земе на някого стоката, той му зема по-напред умът.*

То же самое относится и к краткой форме притяжательного местоимения в 3л. ед.ч. м.р.: *На голтака акъла му щрака; Бие го умът му; Брадата му подранила, умът му окъснял; Брадата му порасла, па му памет опасла; Главата му режем, акъло не можем; Ръката му на дилафя, а ума му на пилафя; Гледай умът му, съди за домът му.*

Об андроцентричности подобного типа паремий можно судить по:

1. соматизмам, типичным для мужчины (борода, усы, половые органы (дедов, пятая нога)):

На умните работите сал брадите им ги знаят; Ако няма мозък в младица, не го търси в бяла брадица; Под носа му порасло, а в главата му не посеяно; Вързан за дедовът (о тупом, слабоумном человеке); Вързан за петия си крак.

2. реалиям быта, относящимся к мужской одежде или социальным ролям мужчины: (*калпак, капа, аба, кюлях, брадва, гайда, свирка, тъпан, бръснач, брич*):

Виж му главата, та му крой кюляф. Да е калпак – да ти купя, ама ум не мога; Който разбира от свирка, не му трябва тъпан. Виж му ума, че му купи гайда; Той знае отде са опасва; Според главата и бричо.

3. Вербализации мужчины в паремиях, относящихся к уму, посредством типичных для него видов деятельности в патриархатном обществе – пастушестве (*телци пасае*), торговле, рубке деревьев, вскапывании виноградника, ведущей роли в семье, бритье и удовольствиях (*кака цалува, вино пие*): *Сече ми главата; Сече ми главата като на халваджия теслата; Ум царува, ум робува, юнак лозе копае; Ум царува, ум кака цалува; Ум царува, ум богува, ум телци пасае; Без ум търгува, та се зарар струва; Какъвто му умът, такъв и домът; Той знае каква жилка да пререже; Ахмак лозе копа, умен вино пие.*

Женщину, хотя и реже, также можно репрезентовать посредством женских видов деятельности, женских реалий: прядения веретеном, ковроткачества, приготовления пирогов, или ведения домашнего хозяйства в целом (*куя върти*):

Добра мисъл хурка преде; Хубавина пазар бере, ум кую върти.

Орудия труда, характерные для мужской и женской деятельности, можно воспринимать как олицетворение мужского и женского ума и поведения:

Брадвата му сече наляво и надясно; Усецам се де му бие топора; Гледай си хурката; Усетила са хурката за къделя, и то срещу неделя.

В группе пословиц, выражающих мышление людей, следовало бы выделить те, которые содержат в себе как элемент лексему «человек».

Важно отметить тот факт, что одним из основных признаков андроцентризма, согласно феминистской лингвистике, является отождествление понятий «человек» и «мужчина» (*англ. man, фр. homme, нем. Mann*). Несмотря на то, что в современном болгарском литературном языке эти два понятия в основном обозначаются отдельными лексемами, в Болгарском толковом словаре (БТС 2007) как третье значение лексемы «человек» указано «пожилой мужчина», а шестое значение – нарицательное, с притяжательным определением – «муж», «супруг».

В словаре Н.Герова (Герова 1975–1978), отражающем более ранний этап в развитии языка (примерно сто лет тому назад), мы находим более убедительное доказательство отождествления понятий «человек» и «мужчина» в мировоззрении болгар. В этом же словаре на втором месте стоит значение: 2. Муж, хозяин, супруг, напр. «Умре ми човеко».

Доказательство этому можем увидеть на более раннем этапе развития языка, где лексема «человек» существует и в значении «мужчина». Например:

1. Загадки: *Да е жена, не е жена; да е човек, не е човек, знае платно да тъче.* – Паякът (Пловдивская область);

2. Анекдоты: *Адин чияк варвял сас една жена вав адин пат, кадето било. Сряцнал хи друг чияк и ве хи не познавал, попитал жената:*

– *Как ти ѝе соје чияк?*

– *На соје чияк жена му, на жена му брат хи, мене ми ѝе уйко – му рекла. Как са били?* – Баща и дъщеря (Смолянская область).

3. Паремииологический фонд болгарского языка: *Два пъти бива човек весел в живота си – веднаж, кога се ожени, и други път, когато зарови жена си; Тежко на жената без човек.*

Симон де Бовуар в эссе «Второй пол» обобщает позицию женщины, «существующей в контексте, в котором мужчина является одновременно и положительным, и нейтральным, а женщина связывается с субъективным. Женщина определяется относительно мужчины, она является тем, чем он решит. Женщина – это биология, пол, нечто другое, в то время как мужчина – субъект, человеческое, абсолютное» (цит. по: Личева 2005). В пользу того, что женщину не ассоциируют с человеком, что она является обозначенным членом оппозиции, говорят и пословицы, в которых ее интеллектуальные способности оценены ниже, чем у животных – срв. русское *Курица не птица, баба – не человек* и употребляемое в болгарском языке, в первую очередь при обозначении женщины, – *Кокоши ум има; Колкото за една кокошка ум няма.*

Эти факты, а также наличие в некоторых из пословиц реалий или видов деятельности и характеристик, которые типичны для мужчины (тасканье камней, сила) или для женщины (ковроткачество) дают основание отнести их к гендерно-маркированным паремиям. Кроме этого, они служат подтверждением наблюдению, сделанному И.И. Сандомирской (цит. по: Телия 1996: 267) на материале английского языка, а именно, что концепт «женщина» не противопоставлен своему контрагенту – концепту «мужчина», но оказывается противоположным по многим концептуальным основаниям концепту «человек». Поэтому в данной группе паремий мы уделяем внимание тем, которые обладают метагендерными характеристиками, и тем, которые имплицитно выражают мужскую или женскую точки зрения на концепт ум:

1. Человек (человеческое существо): *Човек е в нужда досетлив; Докато човек умре, все ум събира и пак без ум умира; Неволята ум дава на човека; Сиромах човек, готов дявол; Човек се учи от що му се случи. Умният човек в яда се познава. Умният чуляк у яд съ пузна.*

2. Мужской голос (мужчина): *Човек с хитрост сдържа лъв, а със сила и щурец не може да улови. С умния човек камъни носи, а с безумния другар не бивай; Сила без разум човека съсипва; Ако човек не може да е личен и богат, умен и честен – може.*

3. Женский голос (супруг): *Ако на човека му е къса чергата, можеш да му я снадиш, ала ако му е къс умът – не можеш.* (ковроткачество, как деятельность, присущая женщине, которая должна сделать это для своего супруга).

Паремии, в которых подлежащее выступает как личное местоимение в 3л. ед.ч. И.п. (*он*, болг. *той*), будем считать гендерно маркированными: *Той е от стара майка дете; Той е пълен с дяволи; Той знае де зимуват раците; Той може да мисли колкото от едната дупка на носа си до другата; Той тегли от главата си, не му са други криви* и др.

Все сказанное до сих пор позволяет нам сделать вывод о наличии гендерной асимметрии⁴ во фрагменте болгарской паремииологической картины мира, относящемся к концепту ум. В данном случае налицо господство мужской точки зрения, воспринимаемой в качестве универсальной объективности, в то время как женская воспринимается как субъективная, как отклонение

от нормы. Подобный тип ассиметрии называется андроцентризмом. Данное обстоятельство подтверждает один из основных тезисов феминистской лингвистики, заключающийся в том, что любой язык, функционирующий в патриархальном обществе, является андроцентричным.

Из всех единиц, вербализующих концепт ум, 24 содержат лексему «женщина» и 12 – ее видовые разновидности (по классификации Телия 1996: 261). Родовое название «мужчина» присутствует только в двух из экскерпированных паремий, причем показателен тот факт, что в обоих случаях оно присутствует как противоположность женщине:

Умните мъже ги почитат жените и Жена, която е умна и разумна, не оставя мъжа си да страда.

Отсутствуют паремии, в которых мужчина как биологический вид определен как глупый. Пословицы, предметом которых является дурак, относятся к конкретному индивиду, а не к мужчинам в целом:

Тежко на този калпак с тази глава; Вързан за петия си крак; Вързан за дедовът; Брада сива, глава дива; Родил се теле, умрял вол; Какъвто беше Петърчо, такъв е и Петър.

В некоторых случаях указано, что временная потеря ума у мужчины появляется вследствие того, что он не может устоять перед плотскими искушениями:

Очите му на тила, а акълът – в потурите; Мисли с оная си работа; Мисли с долната глава.

Это присутствует и в паремиях, относящихся к женщинам, но в более завуалированном виде:

Мома, откак стане мома, се ѝ свати на ума;

Мнение об ограниченности женского ума тем, что касается нужд тела, выражено в паремиях: *На гладна кума хляб на ума; Мъдри се като млада булка.*

Глупость мужчины часто выражается в его неадекватном поведении в определенных ситуациях, а отсюда и в его неспособности справиться с ролью, предписанной ему патриархальным обществом: *Не се оженил, че нямало място за люлка; Отишъл Шабан за мечки, забравил си пушката; Викал вълка да му варди овцете; Ходил да носи дърва в гората; Турил на кочина прозорец и на кокошарник катанец; Дава слама на кучето, а кокали на мулето; Не търси коня, а петалото; Не търси топора, а топоришката; Аз му казвам, че съм ерген, а той ме пита: «Колко деца имаш?»; Теслата му не сече; Не му сече пипката.*

Мужская глупость связывается и с отсутствием правильной оценки стоимости вещей в жизни: *Слязъл от кон, качил се на магаре.*

Особенность в данном случае заключается в том, что большая часть этих паремий говорит об однократном глупом поступке, а не о перманентном недостатке ума у мужчины.

Критерием глупости мужчин является также и женская работа, когда мужчина не может справиться даже и с ней: *Прати харо за вода и ти иди след него; Прати харо на вода, ако сакаш на акъл да та научи.* (В словаре Н. Герова как второе значение слова «харо» приводится: «Мързелив, ленив, некадърен и лош мъж» ('ленивый, неспособный и плохой мужчина')). Одним из признаков андроцентризма является тот факт, что женские виды деятельности и все, отмеченное

знаком женского, принижены и несут отрицательную коннотацию. Глупый мужчина не может справиться не только с «мужской», но и с «женской» работой, какой, например, является ношение воды.

Отрицательными коннотациями наделен и «женский ум». Мужская точка зрения представляет женский ум слабым и нелогичным, носителем бед и несчастий и содержит предупреждение об опасностях, которые могут постигнуть мужчину, если он будет им руководствоваться: *От женски ум без имот остана; На жената по ума ако се водиш, ще прокопсаиш*. Эти пословицы обладают интенцией предупреждения о нелогичности, неполноценности и даже вреде женского ума. В них, хотя и имплицитно, ум мужчины противопоставлен женскому по типу «правильно – неправильно». Подобное отношение есть и в русском: *Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу. Бабы умы разоряют дома*.

Идея глупости как однократного акта у женщины или как характеристики конкретного индивида женского пола вербализована только в двух из отобранных паремий: *Била на хорото, а не видяла гайдата; На бостана спала, краставици яла*. Преобладают случаи, в которых обобщается женская глупость в принципе.

В премиях, вербализующих концепт УМ, отсутствуют обобщения о глупости мужчины как биологического вида, преобладают, по сравнению с таковыми о женщинах, упоминания об однократных глупых поступках в духе обобщения: *Всеки умен и глупост показва*.

В 3 единицах представлен взгляд на женщину как на глупое существо: *Жените са дългокоси, а плиткоумни; Жената е дългочоса, а крапоумна; Дълга коса – къс ум*; Как атрибут женщины, длинные волосы ассоциируются с отсутствием ума. М. Шиппер указывает на то, что варианты широко распространенной поговорки *Дълга коса – къс ум* существуют в культурах Азии, Европы, Америки и Карибских островов, например: *Волос длинный, а ум короткий; The brains of a woman are in her curls (Ирак) (Shipper 2004)*.

Интересно отметить то, что в болгарском сознании волосы настолько ассоциируются с женщиной и ее глупостью, что они сами связываются с этим качеством: *Умна глава глупава коса не държи*, передавая его и представителям мужского пола: *Умна глава коса не държи* – о лысом мужчине; *На главата има нещо, а в главата няма нищо*.

В 10 единицах допускается возможность существования и умных женщин: *Хубавата жена е угодна на очите, а умната – на сърцето; Не хвали лична жена, а умна*, но даже и здесь видно, что эти два качества – ум и красота – не могут существовать одновременно в одной женщине. Как предупреждение о несоответствии видимого и невидимого у женщины, о ложности видимого, звучат пословицы: *Очи на икони, ум на кокони; Мома гиздава, глава гнидава; Отвѣнка гиздава, в главата гнидава* (если воспринимать определение «гнидава» в переносном значении, в смысле «глупая», что является одним из возможных вариантов толкования).

Это разграничение ума и красоты женщины еще более ясно видно в следующих пословицах: *Хубаво е да имаш жена и умна, и лична, добре ама Господ две добрини на едно място не дава*.

Рассматривая соотношение ум – красота женщины, необходимо отметить некоторые различия, проявляющиеся при сопоставлении паремиологической и сказочной картин мира у болгар. Народные сказки и песни изобилуют образами красивых, но в то же время и умных героинь: *Млад Стоян ми се пофали, че има булче хубаво, на ума твърде разумно* (ИЕИМ, II, 1955, 273).

Анализируя паремии многих народов, Шиппер обобщает: «Кажется, что все, в чем нуждается женщина в жизни – это красота: *Man's brains are his jewels, woman's jewels are her brains* (Идиш); *A daughter should be pretty and a son skilled.* (Непал)».

В болгарской паремиологической картине мира не отмечена женская точка зрения на соотношение между этими двумя качествами у мужчин, в отличие от русской, где чувствуется предупреждение: *На красивого смотреть хорошо, а с умным жить легко*. Предпочитание умного партнера в браке в болгарских паремиях опять-таки зафиксировано глазами мужчин: *Парясах Я за ум, но чувствуется и женская точка зрения: Умните мъже ги почитат жените. Учен до прага, а умен до века*, причем в данном случае противопоставление идет по линии ум – ученость, врожденность – приобретенность.

Тот факт, что в болгарской паремиологической картине мира существует положительное отношение к умным женщинам, является показательным. Более того, на шкале ценностей болгар, в отличие, например, от немецкой⁵ паремиологической картины мира, ум находится на более высоком уровне, чем красота, умная женщина ценится больше, чем красивая: *Не хвали лична жена, а умна*.

В этой группе паремий ясно видна андроцентричность концепта УМ, так как и здесь ум женщины оценивается сквозь призму мужского и доминирующее положение мужчины в семье. Положительная оценка интеллектуальных способностей женщины дается в зависимости от того, каково ее отношение к мужчине, какую выгоду для мужчины, дома и домашнего хозяйства в целом она представляет: *Жена, която е умна и разумна, не оставя мъжа си да страда; Хубавина пазар бере, ум куя върти*.

Всего лишь в одной паремиологической единице отдается предпочтение красоте перед умом: *Ако не е хубаво, барем не е глупаво*.

То, что интеллект женщины и ее способности к мыслительной деятельности являются маловажными по сравнению с ее способностями выполнять свои основные обязанности, видно из пословицы: *Нека има на софрата какво да се яде, че нека мисъл да няма*.

Из этой группы паремий хорошо видны гендерные роли женщины, которыми она наделена в патриархальном обществе – она заботится о муже и о доме. Разграничиваются модели мужского и женского поведения.

Отношение к женщине как к объекту вновь утверждает мужскую точку зрения, рисует мужскую картину мира, где женщина изображена как товар, как объект торговли, имеющий свою цену, которая тем выше, чем умнее женщина. *Умната жена струва повече; Умната жена струва повече от елмаз*. Эти паремии отражают характерную для болгарского патриархального общества практику «выкупа» невесты⁶. Подтверждение существованию такого обычая мы находим в исследовании Д. Маринова «Жива старина»:

«Без выкупа и без дара девушку нельзя взять из дома отца» и «Размер выкупа различен для каждой девушки» (Маринов 1984: 144, 154).

Всего лишь в одной из отобранных паремий отмечено отрицательное отношение к умной женщине, однако и оно представлено сквозь призму гендерных ролей женщины, а точнее – ее хозяйственных обязанностей: *Размислена жена непрана оди*. Для сравнения – в русской паремиологической картине мира этот фрагмент более сильно затронут, напр.: *Умную взять – не даст слова сказать; Грамотницу взять, станет праздники разбирать*.

Несмотря на то, что приводимая ниже пословица рекомендует прислушиваться к советам женщины, она в то же время внушает идею, что даже если они и умны, к советам женщин мужчина должен прислушиваться редко, «единожды в сто раз»: *Добре е понякога умната жена да се послушва; Добре е веднъж на сто пъти умната жена да се послушва*. Кроме наречия *поякога* (рус. иногда) и выражения *веднъж на сто пъти* (рус. единожды в сто раз) важную роль для внушения играет и глагол *послушва* (рус. слушать, слушаться иногда). Данный итеративный глагол в этом случае не имеет повторительного значения, а атенуативное – выражает действие, совершаемое в слабой степени.

Андроцентричность паремий, представляющих отношение к умной женщине в болгарской картине мира, подчеркивается еще ярче в тех единицах, в которых женщину сравнивают с животным: *На жена, катър и куче който хваца вяра, ум няма*. Особенно красноречивым является тот факт, что женщина, хотя и умная («с большим лбом»), занимает ту же самую позицию, что и конь. Пословица *Жена с голямо чело, а кон с широки гърди* советует мужчинам выбирать себе женщину по уму так, как выбирают коня по силе. Сравнение женщины с лисой предупреждает о хитрости женщины. *Жена и лисица како ги е една майка родила*.

Хитрость женского ума представлена в самом большом количестве пословиц, в которых хорошо заметно отрицательное отношение, чаще всего выраженное сравнением женщины с чертом:

Дяволът е дявол, ама жената е по-дявол; Дяволът всичко знае, само на жената точило не знае; Жената е голям дявол; На жената дяволите в тила ѝ се мътят; Парата е дявол, ама жената е по-дявол; Хитра була в празна кула; Хитра була в празна кула нищо не знае.

Интересно было бы провести параллель с немецкими паремиями, где черт тоже присутствует как пример сравнения, но не с женщиной вообще, как в болгарском языке, а с бабушкой (*altes Weib*)⁷.

Хитрость женщины как средство для достижения целей представлена в следующих пословицах: *Жената се надява на плача си, а лъжеца на лъжата си; Наша Митра е много хитра*.

То же самое внушение, но с положительным знаком представляет нам женскую точку зрения на превосходство хитрой женщины, а также женщины вообще над мужчиной: *Колкото съм хитра, да съм и силна, света бих разтреперила; Хитра била, та вземала, улав бил, та давал; Хитър духовник, пта ма, ама и аз хитра – не казвам*.

Эти пословицы суть проявление женского голоса, женского «Я» как фрагмента концепта УМ в частности, и как части представления болгар о мире, в целом. Женским голосом является речь от первого лица, при котором

женщина выступает в роли объекта, а не в роли субъекта при изображении картины мира. Вирджиния Вулф впервые ввела термин *женский голос* в своем эссе «*Профессия для женщины*». Он связан с идеей о женском начале, с тем, что женщина должна суметь преломить свои взгляды сквозь призму женского, а не картины мира, которая на самом деле является андроцентрической (цит. по: Личева 2005).

Вышеупомянутые паремии интересны тем, что они являются проявлением собственной воли и самостоятельности женщины в патриархальном обществе (Кирилина 1999).

Наличие гендерных различий при описании мужских и женских ментальных способностей мы обнаруживаем и во фрагменте *хитрость*. В то время как паремии, вербализующие женскую хитрость, дают обобщенную информацию о женщине, о женщине вообще, то в паремиях, описывающих мужчин, отсутствует родовое⁸ название *мужчина*, и они так же (как и в случае с глупостью) относятся к конкретному индивиду мужского пола, представленному личным местоимением *он*:

Той е пълен с дяволи; Той знае де зимуват раците; Той знае каква жилка да пререже; Той знае отде са опасва. или личным именем: *Знае Кольо де зимуват раците; Знае Аврам де копае корени; Имал Хитрьо лъжица, ял Лудньо с нея.*

Старость, как этап в жизни человека, в картине мира болгар представлена неоднозначно, что касается ее отношения к концепту УМ. В тех случаях, когда ум выражает концептуальный признак – житейский опыт, старость воспринимается как символ ума и мудрости: *Млад работи, стар ум давай.*

Однако иногда старость воспринимается и как этап в жизни, когда ум и разумное поведение «покидают» человека.

Глава побелева, акъл изветрева; Глава побеляла, ама изкуфляла.

В таких случаях старость обладает отрицательной коннотацией.

В болгарском языке эти паремии имеют метагендерные характеристики – они могут относиться к лицам обоих полов. Пословицы, прямо связанные с умственными характеристиками мужчин и женщин в этом возрасте, характеризуются большей частотностью номинаций, касающихся пожилой женщины – бабушки: *Баба ум не купува, ами продава; Баба за ум пари не дава, който иска продава; Той е от стара майка дете; От стара майка син е; Баба знае и друга уличка.* В них мы обнаруживаем следующие концептуальные признаки: «у бабушек большой житейский опыт» и «бабушки хитрые». «Ограниченность ума бабушки» является признаком, который внушает пословица: *Що имала баба на ума си, туй видяла на съня си.*

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в пословицах, вербализующих умственные способности пожилых женщин, встречаются как положительные, так и отрицательные коннотации, в отличие от тех, которые касаются мужчины в пожилом возрасте – в последних существуют только положительные коннотации с обязательным наличием когнитивного признака «пожилой мужчина имеет познания, основанные на его богатом житейском опыте»: *Не учи старец как се пасат кози; От стар баца чедо съм, що се чудии?* Вероятно, это является результатом характерной для болгарского патриархального общества руководящей роли старика, как ведущего

члена группы, уважения и подчинения, засвидетельствованных ему всеми. Он отвечал за принятие решений и за благополучие всей группы.

В своей статье «Гендер в болгарских пословицах» Е. Узенева говорит, что «старик является одним из ведущих персонажей паремиологии, он часто характеризуется иронически» (Узенева 2005: 226). Мы должны отметить тот интересный факт, что в паремиях, вербализующих концепт УМ, он является только символом мудрости и не обладает ироническими коннотациями.

Женщина в пословицах, представляющих концепт УМ в болгарском языке, описана при помощи следующих лексем, характеризующих ее по признакам: возраст, семейное положение, тип родственных отношений, социальный статус, – это женщина, бабушка, девушка, невеста, невестушка, кокетка, мать, кума, Митра. Отсутствуют названия, связанные с христианской религией. Наибольшей частотностью характеризуются лексемы *женщина* (в двух значениях – человеческое существо женского пола и супруга) и *бабушка*. Уточняя лексему *бабушка*, Е. Узенева пишет, что это может быть и пожилая женщина, и бабушка, и теща, и повивальная бабка и др. Автор допускает, что в этом концепте возможно имплицитно представлен концепт *мать* и, может быть, показана ведущая роль свекрови в руководстве патриархальной семьей (Узенева 2005: 227). При сравнении коннотаций, в которых присутствуют лексемы, представляющие женский ум, мы заметим, что только у лексемы *мать* есть только положительные коннотации.

Мужчина в пословицах об уме представлен через лексемы человек (в значении «муж», «супруг»), мужчина (и в значении мужчины, и в значении мужа), кум (*Мой кум, негов ум*), старик, мудрец (*Мъдрец, мъдрец, вдигни плочка – вагарец*), юнак, сорвиголова, этнонимы македонцы, болгарин (*На българин умът иде я кога бяга, я кога ляга*), молодой, пьяница, голь, старик, личные имена: Хитар Петар, Авраам, Коля, Хитрый, Шабан, Петр. В отличие от паремий, касающихся женщины и ума, здесь есть лексемы, связанные с религией: поп, священнослужитель, игумен (*По-добре разумен, а не егумен*).

Производит впечатление то, что личные имена употребляются только в пословицах, описывающих хитрость (в обеих группах паремий) или глупость (в паремиях о мужчине). Большая количественная разница в употреблении личных имен для названий представителей обоих полов, говорит об отказе индивидуализировать женщин и имплицитно приводит к одной из характерных черт антропоцентризма – умолчанию и даже игнорированию женщин в картине мира.

Важным показателем гендерных ролей женщины в патриархальном обществе являются лексемы, с помощью которых она представлена. Основная их часть выражает ее связь с семьей – жена, бабушка, девушка, невеста, невестка, мать, кума. Исключением являются кокетка, Митра. Лексема *кокетка* (болг. *кокона*) – единственное видовое название, которое характеризует женщину по ее принадлежности к какому-либо социальному слою / кругу, а кроме того указывает и на этническую принадлежность. Вот каким образом данная лексема присутствует в словаре Н. Герова: «Гречанка госпожа». Вполне закономерно эта лексема насыщена отрицательными коннотациями – в ней «чужое» представлено на трех уровнях: половое, социальное и этническое. Гендерные роли мужчины представлены гораздо большим

разнообразием номинаций, особенно по отношению к его месту в обществе: юнак, бедняк, сорвиголова, игумен и др.

Количество паремий, в которых объективно выражено отрицательное отношение к уму женщины составляет 33, а тех, в которых дана положительная оценка – 16.

1. Из анализа видно, что для концепта УМ как фрагмента болгарской паремиологической картины мира, характерна гендерная асимметрия, выражающаяся в андроцентричности; т.е. исходной является мужская точка зрения. Мужчина является субъектом, картина мира отражает его точку зрения, согласно которой женщина представлена как объект, ее роль второстепенна, маргинальна.
2. Первопричины гендерной асимметрии в языке кроются в характере болгарского общества, являющегося патриархатным, ведущая роль в семье принадлежит мужчине.
3. Хотя существование интеллигентных женщин является неоспоримым фактом, основное место продолжает занимать представление об ограниченных интеллектуальных способностях женщины.
4. Несмотря на андроцентричность паремиологического фонда, представляющего концепт УМ, на аксиологической шкале умная женщина в большинстве случаев оценивается положительно.
5. Интеллигентную женщину высоко оценивают, но эта высокая оценка ставится на основе мужской точки зрения – в зависимости от того, в какой степени умная женщина способна хорошо заботиться о своем муже, о его благосостоянии и о процветании в доме. А.В. Кирилина, цитирующая слова Л. Пуша, связывает этот факт с «инструментализацией» женщин (Pusch 1990: 24) – отношение к умной женщине сопоставимо с отношением к качественному, полезному инструменту.
6. Даже женщина, доказавшая свой ум, характеризуется недостатком свободы и независимости. Отношение мужчины к ней подобно отношению к товару, который тем дороже, чем женщина умней. Об этом свидетельствуют глаголы *стоить*, *стоить больше*, *цениться*.
7. В паремиях, вербализующих концепт УМ, зафиксировано наличие «женского голоса», которое все-таки говорит об определенной свободе и самостоятельности женщин в патриархатном обществе.
8. Женский голос относится только к хитрости – единственному оружию, которым женщина осознанно обладала в обществе, где ее место и роли были строго определены и ограничены.
9. Образы, посредством которых женщина реализует свои интеллектуальные характеристики, имеют в болгарской паремиологии как положительные, так и отрицательные коннотации. Только образ матери представлен в целом положительно.
10. В соответствии с болгарской паремиологической картиной мира, глупость, как постоянная характеристика, присуща более всего женщинам, а для мужчины характерны однократные глупые поступки.

Перевод П. Ночевой, Ц. Стояновой,
Ц. Пырвановой, С. Атанасовой.

Примечания

¹ Данное исследование опирается на точку зрения Масловой, рассматривающей концепт как ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является совокупность знаний о конкретном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.) (Маслова 2006).

² Об особенностях концепта ум в болгарской языковой картине мира см.: Й. Кириллова (Кириллова 2009).

³ В гендерных исследованиях делается разница между патриархальным и патриархатным. Слово «патриархальный» имеет значение «связанный со стариной, верный традициям», а патриархатный – связанный с таким принципом архаичной организации общества, в котором четко зафиксированы неравноправные и регламентированные ролевые отношения (Трофимова 2002).

⁴ Гендерная асимметрия налицо в тех случаях, когда большая часть языковых единиц отражает одну из точек зрения на мир – мужскую или женскую.

⁵ Сопоставление базируется на данных исследования Кириллиной (Кирилина 1999).

⁶ Более подробно о свадебных обычаях и о цене невесты см. Д. Маринов (Маринов 1984).

⁷ См. Кирилина (Кирилина 1999).

⁸ Согласно классификации Телии (Телия 1996: 260).

Библиография

- Геров Н. 1975–1978: *Речник на българския език*. Т. I–V. София.
- Denich B. 1974: *Sex and Power of the Balkans*. – В: *Woman, Culture and Society*, Публикувана от Stanford University Press. 352 с.
- Маринов Д. *Жива старина*. 1984.
- Телия В.Н. 1996: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры». 288 с.
- Shipper M. 2004: *Never Marry a Woman with Big Feet*. 432 p.
- БНТ 2007, *Български тълковен речник*. Авт. колектив. Наука и изкуство, София.
- Кирилина А. 1999: Гендерные стереотипы по данным языка // *Гендер: лингвистические аспекты*. М.: Институт социологии РАН. 180 с. С. 105–162. http://www.a-z.ru/women_cd1/html/kirilina_b.htm
- Кирилина А.В. 2000: О применении понятия *гендер* в русскоязычном лингвистическом описании // *Филологические науки*. № 3.
- Кириллова Й. 2009: Концептът ум в българската езикова картина на света (по данни от лексикографски източници). *Сп. Български език*, кн.1, С. 67–77.
- Пазиво Д. *Что язык знает о мире? – Проблема языковой картины мира в избранных философских и лингвистических трудах XX века*. 2005. С. 343.
- Трофимова Е. 2002. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность*. № 6. – Цит. по: http://www.a-z.ru/women_cd1/index.htm
- Кирилина А.В. 2005, *Гендер и язык: Языки славянской культуры*. М.
- Личева А. 2005: *Феминизъм // Теория на литературата. От Платон до постмодернизма*. С. 501.
- Узеньова Е. *Репрезентация на джендърна идентичност в българските пословици // Проблеми на българския фолклор*. Т. 10. Фолклор; Идентичност; Съвременност. София, 2005. С. 339–345.
- Теодоров-Балан А. 2007: *Българска литература. Кратко ръководство за средни и специални училища*. Под редакцията на Албена Вачева. © Електронно издателство LiterNet, Варна.

Источники

- Славейков П.Р., 1972: *Български притчи или пословици и характерни думи*. София.
- Българска народна поезия и проза. *Предания, легенди, пословици и гатанки*. Т. 7, София, 1983.
- Григоров М., Кацаров К. 1986: *Български пословици и поговорки*. София: Наука и изкуство.
- Влахов С. 1998: *Съпоставителен речник на пословици, български, руски, английски, френски, немски*. София.

М. Китанова
(Институт болгарского языка БАН, София)

Семья и ее ценности в болгарских пословицах и поговорках

Abstract:

Kitanova M. *The family and its values in Bulgarian proverbs and sayings*

The concept of the «family» in the Bulgarian language can be reconstructed using the concepts of its members and through concepts related to different opportunities and challenges of its development. This article analyzes proverbs and sayings with the following key components: marriage, house, wife, husband, husband and wife, child, mother, father, son, daughter, relative, brother, sister, son-in-law, daughter-in-law, godfather. The choice is due to the presence or absence of concepts in the relevant material.

The core concept of the family includes the following components: a woman (wife or mother), a man (husband or father) and their children. They are followed by such relatives as brothers and sisters, and all the rest are on the periphery. House – is a fortress of the family.

The most detailed are the concepts of wife, husband and child. The woman is presented as a wife and a mother in the family. As a wife, she may be contradictory, but as a mother she is exclusively monolithic. The man is a husband and a father. He creates the material basis of the family and ensures her safety. Woman is the «soul of the family», and the house is a «fortress of the family». It is a woman who creates the atmosphere of comfort and understanding in the house and raises children.

Having many children is considered the main focus of the family. Absence of children is perceived as punishment. People who have a kinship to the family (brothers, sisters) have a very important role.

Ключевые слова: болгарский язык, концепт, фразеологизмы, паронимы, языковая картина мира, фольклор.

Слово «паремия» происходит из древнегреческого *παροιμία* и имеет значение ‘поговорка, пословица, притча, сравнение’. Паремиями называют краткие тексты, в которых сконцентрирована народная мудрость, вследствие чего они могут быть источником сведений о менталитете данного народа. В настоящей работе пословицы и поговорки не разделяются, в соответствии с традицией, установившейся в англоязычной паремиологии (proverb) и по этой причине мы не останавливаемся на попытках определить их различия (Пермяков 1975: 255; Жуков 1991: 11–12; Левин 1984: 119).

Пословицы и поговорки обладают тройственной сущностью – их можно рассматривать как логическую единицу, выражающую суждение, как явление языка и как художественную миниатюру. С лингвистической точки зрения они являются одновременно и текстом, и знаком. Пермяков высказывает мнение, что как языковой знак, пословицы относятся к лингвистике, а как текст – к фольклору (Пермяков 1975: 250–251). По мнению Гвоздева (Гвоздев 1983: 13), они являются сложнейшим образованием, представляющим языковой знак. В качестве последнего, пословицы и поговорки берут на себя функции средства «моделирования известного фрагмента опыта

и знаний» (Иванова 2006: 25) и обладают определенным значением и внутренней формой. Ряд авторов (Grzybek 1994: 35–37; Yankah 1994: 130; Серль 1990: 322) подчеркивает, что пословицы можно проанализировать только в контексте, поскольку большинство из них представляет собой открытые метафоры. Пословицы являются объектом исследования как когнитивной семантики, так и лингвокультурологии. Предметом анализа в данной работе является значение пословиц, согласно теории значения Лангакера (Langacker 1988b: 44–90), характеризующего семантическую структуру как концептуальную. Под концептом мы понимаем «основное ядро культуры в ментальном мире», он представляет собой «многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики» (Маслова 2006: 42, 59). В этом смысле значение пословиц рассматривается «как концептуальное изображение определенного участка мира» (Иванова 2006: 27). Концепт «семья» в болгарском языке можно реконструировать при помощи концептов ее членов, а также посредством концептов, связанных с разными возможностями и проблемами его создания. В настоящей статье анализируются пословицы и поговорки со следующими ключевыми компонентами: женитьба, дом, жена, муж, муж и жена (мужчина и женщина), ребенок, мать, отец, сын, дочь, родственник, брат, сестра, зять, невестка, свекровь, кум. Выбор обусловлен наличием или отсутствием концептов в соответствующем материале.

В настоящем исследовании интерес для нас представляют когнитивные значения. Они являются теми элементами, при помощи которых воссоздается пословичная картина мира, отражающая «когнитивные, культурные и социальные характеристики носителей языка» (Иванова 2006: 44). Кроме того, они определяют менталитет народа, как «интегральную характеристику людей, живущих в конкретной культуре, позволяющую описать их взгляды на окружающий мир и объяснить их специфическую реакцию на него» (Дубов 1993: 20). Менталитет, проявляющийся в языковой картине мира, является языковым менталитетом. Менталитет, проявляющийся в пословицах, называется пословичным менталитетом, поскольку пословицы представляют собой своего рода хранилище стереотипов мышления и поведения, находящих применение во многих ситуациях. Упомянутый пословичный менталитет можно представить в нескольких основных пунктах: а) в выборе самих пословиц, как языкового знака; б) в выборе внутренней формы пословиц; в) в связи между значением пословиц и их внутренней формой; г) в количественной структуре элементов, с помощью которых можно сконструировать соответствующие фрагменты пословичной картины мира.

Ожидаемым результатом исследования является определение этнокультурных стереотипов, связанных с представлениями о семье, отраженными в болгарской традиционной культуре. С этой целью нами произведена представительная выборка (563 единицы) из соответствующих болгарских источников. На ее базе создан корпус, который мы анализируем.

Знак пословицы характеризуется двумя семантическими планами/двумя когнитивными уровнями – значением и внутренней формой. Они образуют

пословичную когнитивную модель, в основе которой лежат понятия традиционной семантики – значение, внутренняя форма, оценка, эмотивность, метафоричность. Для решения этой задачи мы пользуемся термином «когнитема», понимаемым как «пропозициональная единица знания, реконструируемая нами при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимая при описании когнитивной модели какой-либо пословицы или фрагмента пословичной картины мира» (Иванова 2006: 97). Когнитема является наименьшим элементом в конструкции концепта и обладает преимущественно методологическим значением. Она является «формальным средством лингвистического анализа, а не элементом модели когнитивной деятельности или гипотетической единицей, хранящей в своей памяти информацию, измеряемую пропорциями, ассоциациями, семантическими маркерами и т.д.» (Anderson, Bower 1974: 136). Андерсен и Бауэр даже допускают, что в памяти каждого человека существует набор из определенного количества когнитем. Ученые предполагают, что часть из них хранится и в коллективном сознании определенного этноса.

При когнитивном лингвистическом анализе пословичной картины мира лучше пользоваться только одной когнитивной единицей, а не такими традиционными понятиями, как «инвариантное значение», «компонент инвариантного значения» и т.д. «Когнитема представляет собой единицу когнитивной лингвистики, используемую при переходе от традиционного семантического анализа к реконструкции пословичной картины мира» (Иванова 2006: 99). Ее введение перекодирует традиционные единицы семантического анализа. Сами когнитемы не являются однородными – они могут быть когнитемами значения, ассоциативных связей, сценариев и т.д., отличаясь от прагмем и информем тем, что представляют собой языковые единицы (Киселева 1978: 107–109).

Когнитема не равна пословице. Ее объем меньше. Кроме того, когнитема является единицей плана содержания и ее можно обнаружить на разных когнитивных уровнях. «Нижнюю границу когнитемы можно описать семантической формулой (концепт + ассоциативная связь + концепт), что на вербальном уровне означает слово + слово» (Иванова 2006: 99–100). Концепт может быть признаком, а ассоциативная связь – имплицитной, но концепт может быть и предметом, а ассоциативная связь – эксплицитной.

Е. Иванова приводит следующий пример: «Конят с четири крака, но и той се спъва». В нем она выделяет когнитему «конят се спъва» ‘лошадь спотыкается’, состоящую из двух слов, а ассоциативная связь в данном случае выражена имплицитно. Каждый компонент можно разложить на определенное число когнитем, которые, со своей стороны, тоже можно разложить на когнитемы. В этом смысле самая нижняя граница когнитем определяется функциональным значением соответствующего текста при реконструкции, к которой мы стремимся. В большинстве случаев это частотность повторения определенного элемента значения в данной пословице или поговорке. Этот процесс похож на семантические примитивы

Вежбицкой. Когнитемы, как было сказано выше, являются разнородными и их можно выделить на разных уровнях когнитивных моделей пословиц.

Например, в пословице *Не всичко, което хвърчи, се яде*, на уровне значения можно выделить когниту «внешность обманчива» или «не все является таким, каким выглядит», а на уровне внутренней формы когниту означает «то, что летает, можно есть». По мнению Барли, этот тип пословиц превращает повседневные отношения в метафоры (Барли 1984: 138). Понятие внутренней формы слова введено Гумбольдом. Русский ученый Потенба дорабатывает идею Гумбольда и определяет понятие «внутренняя форма слова», как «отношение содержания мысли к сознанию», как единственное объективное значение слова, его этимологическое значение (Потенба 1989: 98, 169). Кунин считает, что внутренняя форма является одним из компонентов значения. Во фразеологии существует и мнение о том, что внутренней формой обладают только образные фразеологические единицы (Феоктистова 1999: 174–175).

Когнитивный подход не является единственным при реконструкции универсальных концептов. Такого рода реконструкцию можно произвести и с помощью традиционного семантического анализа (см. Яковлева 1994).

Концептом является совокупность когнитивных, образующих когнитивную структуру. Или точнее – концепт есть когнитивная структура, ментальная единица, которая сложнее значения. При количественном анализе концептов и концептообразующих когнитивных выделяется так называемый «прототип». Если определенные когнитивные отражают повторяющийся с большой частотностью в пословицах и поговорках признак, то это является показателем сущностного характера этого признака, т.е. его прототипичности. Следовательно, прототип – это главный член категории, распознаваемый лучше, чем члены, находящиеся на периферии (Лейкофф 1988: 33–34). Очевидно и то, что при определении прототипа используется статистический подход (Geerearts 1988: 207), т.е. более частое употребление определенных единиц знания, отраженных в пословицах эксцерпированного корпуса, является критерием прототипичности. Для выделения прототипических когнитивных в когнитивном лингвистическом анализе используется термин «порог прототипической значимости». Этот порог можно определить количественным анализом концептообразующих когнитивных. При анализе большого объема материала, наблюдается увеличение числа признаков, т.е. детализация концепта. Однако, иногда признак, обладающий меньшим количеством возможных употреблений, может оказаться существенным при реконструкции какого-либо концепта пословичной картины мира. Следовательно, нам необходимо выделять и компоненты с меньшей статистической характеристикой, имеющие существенное значение. При реконструкции концепта «семья» в болгарских пословицах, таковым является ключевой компонент «дом». В когнитивный лингвистический анализ вводятся формулы определения порога прототипичности. Определение значимости когнитивных, обладающих низкой степенью частотности, производится на втором этапе определения картины мира, на котором используются фоновые знания, связанные в данном случае с традиционной болгарской культурой.

Прототипические когнитемы, со своей стороны, образуют определенную когнитивную модель пословичной картины мира. Концепт пословиц реконструируется на основе всех когнитивных, а прототип пословиц – только на базе прототипических когнитивных. Иногда при анализе мы не находим прототипических когнитивных и тогда реконструируем только концепт пословицы, не реконструируя ее прототипа (Geeraerts 1992: 223; Иванова 2006: 115).

При рассмотрении пословиц и поговорок, мы пользуемся понятием «культура». При его определении мы сталкиваемся с рядом трудностей (Верещагин, Костомаров 1990: 23–24; Телия 1996: 223). По мнению упомянутых выше авторов, культура представляет собой совокупность результатов определенной деятельности человека и имеет две формы проявления – духовную и материальную (Верещагин, Костомаров 1990: 23–24). Язык является средством выражения культуры и в то же время ее частью. В культуре каждого народа мы находим универсальные черты. Вот почему следует с осторожностью говорить о ее специфических чертах. В данной статье мы используем понятие о менталитете, выдвинутое Телия, по мнению которой он формируется соответствующей культурой (Телия 1996: 224–225). Что касается паремий, то одну часть можно отнести к менталитету определенного народа, а другую – нет (Телия 1996: 253). Так что менталитет каждой нации включает в себя не только этноспецифические черты, но и определенные общечеловеческие.

Пословицы и поговорки, образующие семантическое поле «семья» занимают особое место в болгарском фонде пословиц. Семья – это организация внутреннего мира человека. Она является центром человеческого мира, некоего усвоенного собственного внутреннего пространства и в то же время – частью бинарной семантической оппозиции «свой–чужой», в которой пересекаются и другие оппозиции, такие как «добро–зло», «хорошее–плохое», «чистое–нечистое». Таким образом, этот фрагмент картины мира «представляет с исключительной яркостью антропоцентрический характер жанра паремии, ибо в нем сконцентрировано внимание на хорошем и дурном в человеческих взаимоотношениях и полезном и вредном в человеческом поведении» (Петрова 2006: 17).

Пословицы о семье и ее ценностях составляют сравнительно большую часть (около 350 единиц) отобранного материала. Больше всего пословиц с концептами – «разные члены семьи». Они раскрывают консервативную иерархию организации семьи, базирующуюся на сложных взаимоотношениях между ее членами.

1. Концепт «женитьба», «брак».

Пословицы с ключевым компонентом «женитьба», «брак» почти не встречаются в болгарском пословичном фонде. В Толковом словаре болгарского языка, изданном в 1973 году, отмечено следующее значение лексемы *женитьба*: «Вступление в брак, заключение брачного союза между мужчиной и женщиной». В болгарских диалектах обнаруживаются и словообразовательные варианты – «женило» (в районе Тетевена, Копривштицы, Карлово): «Да знае мома, да знае, да знае, да знае да се не жени, че е женило чернило», а также и *женилка* (в районе Смоляна, Асеновграда и Мадана).

В отобранном материале находим одну единицу с компонентом женитьба и одну единицу с компонентом отглагольным существительным *женене*, в котором отражен социальный опыт, показывающий противоречивый характер женитьбы, а также одну единицу, где подчеркивается, что свадьбу лучше справлять вовремя, пока люди молодые, поскольку основная функция семьи – это рождение детей и уход за ними: *Късна женитба – ранни сираци; От лошото женене по-добро е вдовството.*

Семантической параллелью является пословица «По-добре вдовица, а не зломъжетница», в которой компонент «женене» отсутствует, но он обнаруживается только на когнитивном уровне.

В болгарском фрагменте пословиц встречается глагол «женя, женя се» со значением ‘вступаю в брак’ и причастия *оженил, оженила, оженен*.

Женитьба рассматривается как обуза (одна единица): *Ожени се да си земеш бела на главата.*

Обычно люди, которые женятся, чем-то похожи друг на друга. Это утверждение заключено в трех пословицах, в двух из них нет компонента «женитба, женене»: *Търкулило се гърнето, намерило си похлупака. Бог събира, а не разделя; Оженила се чума за холера.*

Данные пословицы являются метафорическими. Они представляют собой семантические эквиваленты пословицы: «*Които си приличат, се привличат*». Неодобрение мы находим в следующих пословицах: *Ожени мома, сал да не е у дома; Оженила са мома, колкото да не е у дома; Оженила се мома да не си е дом.*

Они показывают нам, что женитьба – важный момент и к нему надо подходить серьезно, а не по каким-либо субъективным причинам. В одной из пословиц жестко осуждается брак по расчету: *Оженил си се за пари, продал си се на вяра.*

И в нижеприведенных пословицах мужской менталитет берет верх: *Сина жени кога искаш, а дъщерята дай кога можеш.* Девушке можно выйти замуж только тогда, когда просят ее руки, а молодой человек может жениться при любых обстоятельствах.

Считается, что после того, как сын женится, а дочь выйдет замуж, они покидают семью. Это так, поскольку они заводят новую семью, за которую они уже в ответе. И несмотря на то, что обычно дочери живут в доме у мужа, а сыновья остаются у родителей, считается, что они уже чужие для своей прежней семьи: *Син оженен, комшия е веке; Ожени ли се чедото, комшия ти става.*

Часто, когда новая семья дочери далеко, она может говорить о себе и семье своих родителей в лучшем свете, так как там ее никто не знает: *Ожени ма, мамо, надалеко, да се хваля; Ожени ма, мамо, на чуждо село, лесно да се хваля.*

В одной единице отобранного материала мы встречаем мнение о том, что судьба руководит женитьбой. В ней компоненты *женене* и *женитба* отсутствуют. Мы их находим только на когнитивном уровне: *Излезе му късметът.*

Итак, концепт женитьба реконструируется следующими когнитивными: Женитьба важна; женитьба является серьезным делом; женитьба должна происходить рано; женитьба не должна происходить по расчету; женитьба создает отдельную семью.

2. Концепт «жена» («супруга»).

Концепт «жена» является частью фрагментов пословиц, отражающих отношение к семье, к ее членам и к дому.

В отобранном материале пословиц с ключевым компонентом «жена» насчитывается сто единиц. Они образуют большую группу, в которой концепт представлен в деталях и охватывает все аспекты понимания простым болгаринном качеств женщины, главным образом, в роли супруги: «замужняя женщина, замужем» (БТР: 213). Разграничения между компонентами *женщина/жена* не наблюдается. Употребляется только слово «жена» (болг.) в единичных случаях – «невеста» в значении ‘замужняя женщина, пока не состарилась, супруга’ (БТР: 213). В пословицах встречаются и производные имена прилагательные *женино, женско*.

Особое внимание обращается на то, что женщина должна происходить из хорошей семьи, рода (болг. *от сой*), показывающее, что простой болгарин придавал большое значение ее выбору. Здесь на передний план выходит когнитива «женщину надо выбирать с оглядкой на ее семью»: *Избирай жена от сой, а куче от копая; От зла рода няма и порода; И за кучето питат от кой е род*.

Некоторые из пословиц и поговорок, в которых говорится о выборе, не содержат в себе компонента жена. Он присутствует только на когнитивном уровне.

В четырех единицах, мы находим когнитиву «жену выбирать трудно»: *Жената не е цвете да я помиришеш и познаеш каква е; Със свец да я видиш жената, пак излъган ще бъдеш; Не е тънеш да го помиришеш, за да видиш зрял ли е; Който иска жена без кусур, без жена остава*.

В трех единицах подчеркивается, насколько важной для мужчины является возможность жить с хорошей женщиной: *Добрата жена и от имане е по-добра; Добрата булка и под вехтия сукман е добра; Добрата булка и под вето було се познава*.

Семантические параллели этих пословиц можно найти и в Библии: *Честит е мъжът с добра жена и броят на дните му е удвоен*. (Сир.26.1). *Добра жена е честит дял* (Сир. 26.3). *Който е намерил добра жена, намерил е благо и е получил благодат от Господа*. (Притча, 18.23). *Добронравна жена придобива слава за мъжа*. (Притча 11.16).

Пословиц, в которых отмечено значение умной женщины, в отобранном материале насчитывается десять единиц. В пяти из них она противопоставлена красивой женщине: *Хубавата жена е угодна на очите, а умната на сърцето; Хубавата булка е под вехто було е хубава; Умната жена струва повече; Не хвали лична жена, а умна; Мома гиздосия, булка поразия; Мома гиздава, глава гнидава; Отвънка гиздава, в главата гнидава; Жена, която е умна и разумна, не оставя мъжа си да страда; Жена с голямо чело, а кон с*

широки гърди; Жена му чини два града; Хубавина пазар бере, ум кукуя бере.

Семантические параллели этих пословиц мы находим в Библии:

Миловидността е примамлива и хубостта – суетна; но жена, която се бои от Господа, е достойна за хвала. (Притча 31.30). Не се вглеждай в хубост женска и не пожелавай жена за похот. (Сир.25.23).

В одной единице встречается отрицательное отношение к уму женщины: *Размислена жена, непрана оди ‘задумавшаяся женщина ходит нестиранная’.*

В Библии мы находим семантические параллели: *Мъдрата жена уреж - да къщата си, а глупавата я съсипе с ръцете си (Притча 14.1).*

В одной из единиц использованного материала делается упор на то, что сочетание качеств красивой и умной женщины встречается очень редко: *Хубаво е да имаш жена и умна, и лична, ама Господ две добрини на едно място не прави.*

Здесь выделяется когнитивная тема: «красота в женщине не важна»: *Гизда къща не гизди; Хубост къща не крепи; Грозна булка дом бере, а хубава сбор бере.*

В болгарских пословицах отражается отрицательное отношение к красоте женщины, которая по этой причине всегда является объектом мужских желаний: *Ако жената ти е много хубава, не я пускай сама на сватба; Имаш ли добро вино и хубава жена, за приятели не плачи.*

В пяти пословицах находим когнитивную тему «женщина важна», отражающую ее необходимость как для мужа, так и для семьи: *Жената е най-скъпата покъщнина; Де няма жена, няма и къща; Къща без жена, геран без кофа; Човек без жена като пън опален; Дай си, мъжо, жената, та иди в трънето.*

Наблюдается, конечно, и мнение о противоречивом характере жены (шесть единиц): *Жената рай, жената вечна мъка; Жена трябва и за зло, и за добро; И с жена мъка, и без жена мъка; С тебе, жено, зло, а без тебе по-зло; Жената е колкото сладка, толкова и горчива; Жената къща отваря, ама и затваря.*

В них мы находим когнитивную тему «жена необходима».

В семи единицах подчеркивается, что в семье должна быть гармония и жене в ней отводится соответствующая ее природе роль: *На жената Господ е мъжо; Мъжът е вкъщи глава, а жената – душа; Мъжът къщата държи, а жената я краси; На жената уреда е до прага, извън прага – на мъжа е; Два петля на едно огнище не пеят; Два камика като се търкат, единият трябва да е по-мек; В една къща двама господари не биват.*

Последние две пословицы метафоричны, в них отсутствует компонент жена, его можно обнаружить только на когнитивном уровне.

Пословицы и поговорки, связанные с господствующей ролью жены составляют девять единиц из всего отобранного материала. В них эта несвойственная жене роль не одобряется: *Жена му носи калпака; Жената не бие мъжа си, но лесно го надвива; Жената иска всякога все по нейната да става; Женина воля мъжа оголя; Дай на жена юзда да ти опустее къщата; Жена много да не знае; Дорде е мома при майка от ягне е по-кротка, га се с мъжку смирише, език аршин показва; Един петел на десет кокошки седи, та ти ли на една жена не можеш; Тя е люта, аз съм кротък, ще поминем.*

У когнитемы «женщина не должна доминировать над мужем», встречающейся в болгарских пословицах и поговорках, есть соответствие в Библии: *Голям срам е, когато жената преобладава над мъжа* (Сир. 25.24).

В одной из единиц встречается утверждение, что иногда нужно обратиться к жене за советом: *Добре е понякога умна жена да се послуша*.

Чаще встречается точка зрения, согласно которой мужу не стоит вслушиваться в советы своей жены: *От женски ум без имот остана; На жената по ума, ако се водиш ще прокопсаи*.

В других единицах отмечается то, что за каждым мужчиной стоит женщина, создающая его. На когнитивном уровне близкими по значению к вышеприведенным пословицам являются следующие: *Жена мъжа носи на образа си, а мъжа жената на ризата си; Не питай кой съм, а коя вода; Мъж ми е, ако искам и владика ще го направя*.

В семи использованных единицах находим когнитивную «женщина зла». Злость является признаком, исключительно часто приписываемым концепту жена: *По-лош душманин няма от зла жена; Зла жена яде повече от зла змия; Зла зима си отива, зла жена – не; Жената си крие злината като котка ноктите; Добра жена мъжо рай, зла жена мъжо ад; Жена без злина не бива*.

В Библии также встречаются семантические параллели: *По-добре да живееш в пуста земя, отколкото със сърдита и свадлива жена* (Притча 21.19). *Непрестанното капане в дъжделив ден и свадлива жена едно са* (Притча 27.15). *По-добре да живееш в ъгъл на покрива, отколкото със свадлива жена вкъщи* (Притча 25.24). *Всяка злоба е малко в сравнение със злюбата на жена* (Сир. 25.21).

В отобранном материале нельзя обнаружить библейскую семантическую модель «лучше быть в самом плохом месте, чем со злой женщиной».

К единицам, связанным с выбором жены, можно прибавить и те единицы, в которых подчеркивается, что богатство жены не должно быть целью при женитьбе: *Женино имане пресяда; Женските пари не са хаирлиш; Женски пари, змейски кости; От женски пари братя се делили и изтрепале*.

В них находим когнитивную «приданое невесты не важно». В трех единицах отобранного материала можно обнаружить когнитивную «честность важна» в выборе супруги: *Честната жена и сред войска да влезе, пак честна ще излиза; Жена и любеница на честта не биват; Нечестната жена и в кафез да я сложиш, пак ще му намери колая*.

В болгарском фонде пословиц, таковых с когнитивной «жену надо бить», очень мало (две единицы отобранного материала): *Жена, ако не се бие в неделята веднъж зад врато, гнездо лови; За орей и за жена сака ръка ячка*.

Однако, встречаются и пословицы с когнитивной «жену не надо бить» – одна единица отобранного материала: *Ако биеш жена си, биеш главата си*.

В двух единицах находим когнитивную «жену легко найти»: *Жена и съдран калтак лесно се сдобиват; Жена и съдрана капа лесно се спечелват*.

В болгарском языке встречается больше пословиц, в которых выделяется когнитивная «женщина хитра» – десять единиц отобранного материала:

*На жената дяволите в тила ѝ се мътят.
 Дяволът е дявол, ама жената е по-дявол.
 Жената е голям дявол.
 Жената е дявол (съблазнител).
 Жената се надява на плача си, а лъжеца на лъжата си.
 Жена и лисица како ги е една майка родила.
 Жена се смее кога може, а плаче кога ще.
 Жената има 99 дупки и за тях 102 похлупки.
 Парата е дявол, ама жената е по-дявол.
 Жена синор (вера) няма.*

Семантическую параллель находим и в Библии: *От жената е началото на греха, и чрез нея всички умираме* (Сир. 25.27).

Когнитивна «труднолюбивая женщина – это хорошо» противопоставляется когнитивна «ленивая женщина – это плохо» (три единицы): *Жена работница ноше ѝ свети къщата; Мързелива жена къща запустява; Галена жена хурка не преде.*

В болгарском языке отмечена одна единица, в которой осуждается повторная женитьба: *Нахапана чушка да не ядеш, разоставена жена да не вземаш.*

С другой стороны, мы находим и когнитивна «жену нужно выбирать по любви» в четырех единицах, в которых компонент «жена» отсутствует: *Дето сърцето бежи, там и окото лежи; Жени се без любов, ходи без пушка на лов; Любов хубост не гледа; Любовта е сляпа.*

Семантическая модель этих пословиц является метафорической.

В болгарском языке существуют пословицы и поговорки, в которых подчеркивается, что жена не может быть верной (семь единиц):

*На жена, катър и куче, който хваца вяра ум няма.
 Пушката до себе, жената при тебе.
 Жена и кокошка синор нямат.
 Жената е като водата, накъдето я поведеш натам отива.
 Жената е като върба, където я насадиш, там расте.
 Женско сърце, памучен чорап, растяга се.
 Жената не мисли за мъж само, когато я хапе куче и минава през дървен мост.
 На жена да са къси пътеките.*

В них мы обнаруживаем когнитивна «жену нужно охранять» и «жена не верна».

В отобранном болгарском материале мы не находим пословиц, в которых выделяются когнитивна «жена на долго» и «жена на всю жизнь». Скорее, это относится к мужчине (супругу): *С майка до време, а с мъж – довека.*

В одной небольшой группе отобранного материала (в трех единицах) находим когнитивна «жена-разорительница – это плохо»: *Имай жена разсипница, та да ти запустее къщата; Мъж да принася с колата, жена да изнася с иглата, пак не става; Жена знае «дай мъжо», а не «дай боже».*

В болгарских пословицах есть небольшая группа (пять единиц отобранного материала), в которой делается упор на то, что жена – личность непостоянная, слишком опасная, не умеющая хранить тайну, помешанная на деньгах и богатстве: *Жена мъжа жалее, дор го гледа пред нея; Жена мъжа толкоз помни, колкото ври отнето гърне; Ако нямаш пари, жена не те чести; Жената не казва сал, което не знай; Жена, огън и море, да не срещаш по-добре.*

В одной из единиц осуждается пьянство женщин: *Пази боже от туна буда, от пияна жена и от бясна свиня.*

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. В болгарском языке ключевой компонент «жена» сочетается с большим числом глагольных предикатов, придающих ему динамику: «выбирать», «встречать», «жалеть», «говорить», «любить» и т.д.

Опираясь на болгарские пословицы и поговорки, можно обнаружить концепт жена, реконструирующийся в обоих языках относительно большим количеством прототипических когнитивов: «жена важна для мужа»; «жену надо внимательно выбирать»; «жену нужно выбирать с оглядкой на ее семью»; «красота женщины не важна»; «жене не следует доминировать над мужем»; «женщина добра»; «добрая женщина важна»; «женщина злая»; «злая женщина хуже всего»; «женщину надо бить».

В болгарском языке можно выделить и когнитивы с меньшей частотностью: «женщина хитра»; «жена не верна»; «женщина опасна»; «женщина не умеет хранить тайну»; «женщина – разорительница»; «женщина помешана на деньгах»; «пьяная женщина – это плохо».

Когнитивы «добрая женщина важна», «умная женщина важнее красивой», «красота не важна» имеют семантические параллели в Библии, что указывает на связь стереотипных представлений о женщине в болгарской картине мира с библейскими и христианскими представлениями.

То, что концепт жена представлен в болгарских пословицах весьма детально, свидетельствует о преобладании в них мужского менталитета (Иванова 2006: 214).

Метафоры-сравнения не очень характерны для болгарских пословиц. Более характерными являются семантические параллели с Библией, не повторяющие библейских семантических моделей.

3. Пословицы и поговорки, формирующие концепт «мужчина» в болгарском языке.

Пословиц и поговорок, содержащих компонент «мужчина» в отобранном материале относительно мало. В них выделяются следующие когнитивы: «муж на всю жизнь»: *С майка до време, с мъж до века*; «муж должен содержать семью»: *Ако влизаеш с празни ръце в къщи, не се мятай за мъж*; «муж необходим»: *Работа без мъж, сваткане без дъжд.*

4. Пословицы и поговорки с компонентами «мужчина и женщина» в болгарском языке.

Пословиц и поговорок с компонентами «мужчина» и «женщина» в отобранном материале относительно много. В них заметно, что мужчина и женщина противопоставлены друг другу, при этом положительная оценка обычно связана с тем, что делает мужчина. В этих пословицах можно обособить следующие когнитивы:

«муж приносит, а жена выносит»:

Мъж да приноси с две ръце, жена да износи с малкия си пръст, пак е празна къщата.

Мъж да принася с колата, жена да изнася с иглата, пак не става.

- «муж является опорой дома, а жена – это лишь дополнение»:
*Мъж държи къщата, а жената я краси;
 Мъжът е вкъщи главата, а жената душата.*
- «жене не следует доминировать над мужем»:
*Женина воля мъжа оголя.
 На жената уреда е до прага, извън прага – на мъжа е.
 Жената не бие мъжа си, но лесно му надвива.*
- «мужу не надо занимать деньги у жены»:
*От жена кой мъж зема пари, марас ке си отвори.
 От жена кой мъж зема пари, нека си легне да го газит.
 От жена кой мъж зема пари, нека си чака кавги и гюрютши.*
- «мужчина не может жить без женщины»:
Мъж без жена е като гърне без ръчка.
- «женщина создает мужчину», «о мужчине можно судить по женщине»:
Мъж ми е, ако искам владика ще го направя.
- «качества мужчины видны по женщине, а качества женщины – по мужчине»:
Жена мъжа носи на образа си, а мъжът жената на ризата си.
- «с мужем-пьяницей жить трудно»:
Ако мъжът е пияница, жената е мъченица.
- «хорошо живет мужчина с хорошей женщиной, а со злой – трудно»:
Добра жена мъжу рай, зла жена мъжу ад.
- «женщину надо уважать»:
Умните мъже си почитат жените.
- «ссоры между супругами длятся недолго»:
Кавга между мъж и жена трае докато изсъхне една кърпа.
- «семье нужны дети»:
Празен мъж – остър нож, празна жена – сама злина.
- «женщина нужна мужу»:
Дай си мъжо жената, та иди в тръните.
- «мужчина нужен женщине»:
Жена без мъж, кон без гем.
- «лучше, чтобы мужчина не знал о чем женщина думает»:
Мъжът да знае жената от кръста надолу.

Концепт «мужчина» (муж) в болгарских пословицах и поговорках может быть реконструирован посредством следующих прототипических когнитивов: муж – на всю жизнь; хороший муж содержит семью; мужчина/муж необходим; муж – основа дома/семьи; муж – голова семьи; муж-пьяница – большое зло; муж не должен брать деньги у жены; мужчина/муж противоположен женщине/жене.

Концепт *мужчина* в болгарских пословицах и поговорках не так детализирован, как концепт *женщина*. Прототипические когнитивы, благодаря которым возможна реконструкция концепта *мужчина*, указывают на некоторые основные характеристики, представляющие мужчину в роли главы семьи и центральной фигуры в семье. Его личные качества исключительно положительны, исключая пьянство. Эти факты свидетельствуют о патриархальном устройстве традиционного болгарского общества.

Пословицы и поговорки раскрывают образ мышления жителей сел и небольших городов. Существует больше пословиц с компонентом *женщина*, чем пословиц с компонентом *мужчина* (45 единиц отобранного материала

против 5). Группа пословиц, в которых присутствуют оба компонента, несколько больше (18 единиц). Не наблюдается разницы между понятиями *мужчина и муж*, и *женщина и жена*. Компоненты *мужчина* и *женщина* употребляются вместо *муж* и *жена*. В некоторых случаях компоненты различаются только на смысловом уровне. Хотя, и у мужчины, и у женщины есть своя, точно определенная функция в семье и в доме: женщина, обычно, является противоположностью своего мужа. Ее образ противоречив, сложен, отличается множеством отрицательных качеств, что связывается с библейским мотивом грехопадения.

5. Пословицы о родителях и детях.

Пословицы о родителях и детях составляют сравнительно большую группу эксцерпированного материала – 62 единицы. В них мы выделяем следующие ключевые компоненты: *дете, деца, чедо, челяд, син, дъщеря, татко, баца, майка* ('ребенок, дети, чадо, челядь, сын, дочь, папа, отец, мать'). Встречаются и пословицы, в которых указанные компоненты присутствуют лишь на смысловом уровне. Кроме этих компонентов, встречаются и такие, которые образованы от следующих прилагательных: *майчин, майчина, майчини, бацин, бацина* ('материнский, материнская, материнские, отцовский, отцовская'). Пословиц с компонентом *родители* практически нет. Самую большую группу составляют пословицы с компонентами *дете, чедо, деца, челяд* ('ребенок, чадо, дети, челядь').

Концепты *мать, отец, дети* составляют часть пословичных фрагментов, отражающих отношение к семье, к его членам и к дому (Китанова 2009: 57).

На протяжении веков в болгарской традиционной культуре доминировало желание иметь много детей в семье. Институт семьи обычно ассоциируется с рождением и воспитанием ребенка. Отсутствие детей в семье воспринималось как наказание за совершенные грехи: *Таз година булка, догодина – лолка*.

Во многих свадебных обрядах молодоженам желают, чтобы у них родилось много детей. Не случайно и то, что чаще встречаются единицы с компонентами *ребенок, дети, чадо, челядь*: *От много деца загуба няма*.

В одной единице встречаем когнитивную «дети очень важны для семьи»: *Булка се купува, чедо не може*.

В болгарском пословичном фонде в двух единицах выявляется убеждение, что не каждый может стать родителем: *На луда крава теле не трябва*.

В данном примере наблюдается зоометафорическая схема, характерная и для других пословичных единиц этого фрагмента. Когнитивная «все дети одинаково важны», что за каждого из них родители одинаково переживают, встречается в одной единице эксцерпированного материала, в которой также наблюдаем метафору: *Пет пръста има човек, който да му отрежат все боли*.

В двух единицах встречается когнитивная «дети – это и радость, и боль»: *Един вика за деда, друг вика от деца; Едни плачат за деца, други плачат от деца*.

Для того, чтобы семья была полноценной, в ней обязательно должны быть дети. Вследствие этого в пословичной картине мира подчеркивается, что «воспитание ребенка – это большая ответственность»: *И детенце,*

и вретене не може; Крава мукна за телето, мен ми текна за детето; Да раждат деца и врабците знаят; Лесно е на чужди деца баща да станеш, я да видим как ще ги отгледаш; Жена, дор отхрани едно дете, ока говно изяда.

Во второй и в последней единицах наблюдаются метафоры.

Растить ребенка – это значит его воспитывать. В шести единицах встречается когнитивная тема «ребенка следует воспитывать»: *Много баби, хилаво дете; Не учи баба как се дете бави; Така знае баба, така кара децата; Така знае дядо, така плаши децата; Нека плаче детето, да не плаче после майката; Майка на чедо зло не мисли.*

Тем не менее, в пословицах, посвященных отношениям в семье, воспитание не занимает центральное место (одна единица), хотя в них подчеркнуто, что дети должны слушаться своих родителей: *Дете, което не слуша майка си и баща си, хаир няма да види; Бащина поука, синова сполука.*

Но все же воспитание ребенка связано с физическим воздействием в виде метафорической схемы: *Дървото се извива докато е младо.*

Пословицы с таким когнитивным составом имеют семантические соответствия и в Библии: *Слушай, синко, поука на баща си и не отхвърляй завета на майка си* (Притча 1.8); *Слушай баща си: той те е родил; не занемарявай майка си и кога тя остарее* (Притча 22.23); *Който уважава баща си, ще дългоденства, и който слуша господ, ще успокои майка си* (Сир. 3.6.); *С дела и думи почитай баща си и майка си, за да ти дойде от тях благословия* (Сир. 3.8.).

В одной единице встречается мнение, что отца можно и не слушаться: *Като ми е татко, не ми е господ.*

Субъективное отношение родителей к их детям встречается в трех единицах отобранного материала: *Само щъркелът знае кое щъркле е лошо; Жабата на жабчето «хубче» му казва; Майката обича и келяв син.*

Подчеркивается убеждение, что никто не знает, какого пола родится ребенок: *Бременната жена е вързана торба, никой не знае какво има в нея.*

А также и то, что в своем рождении все дети равны: *Както се ражда царче, така и колибарче.*

Самой значительной является группа, в которой раскрывается «сходство» между родителями и их детьми (семь единиц). В них присутствует когнитивная тема «дети похожи на своих родителей»:

*Какъвто и бащата, такива и децата;
Харамия татко, харамия син.
По майката ще познаеш и дъщерята.
Каквото преде майката, такава тъче дъщерята.
Каквато козата, такава и ярето.
Крушата не пада по-далече от дървото.
Крушата под круша пада.*

В одной единице присутствует когнитивная тема «дети не похожи на своих родителей»: *И от добър баща и майка се раждат лоши синове.*

Эти пословицы имеют семантические параллели в Библии. Некоторые пословицы – метафоричны. Сюда относим пословицы, в которых присутствует

образная схема «яблоко от яблони недалеко падает»: у яблони и яблока общий корень. В одной единице отобранного материала встречается зоометафора.

В одной единице встречается и когнитема «порой родители виноваты»: *Децата теглят от майчини и бащини слободии.*

Концепт *дети* реконструирован на основании следующих когнитивом: дети очень важны для семьи, детей надо воспитывать, иметь ребенка – это радость, иметь ребенка – это мука, дети похожи на своих родителей.

Характерной чертой болгарского пословичного фрагмента является большая значимость роли матери, чем роли отца. В них присутствует когнитивом «мать важнее отца»: *Всеки тражи майката, а не таткото; Секи пита за майка му, за баца му никой не пита; Дете без баца е половин сираче, а без майка – цяло.*

Когнитивом «мать и отец важны»: *С пари можеш всичко да купиш само баца и майка не можеш; Бацата тегли от синовете, а майката от дъщерите.*

Родители должны заботиться о своих детях, не ожидая ничего взамен. Когнитивом «не жди благодарности за свою заботу»: *Птиците си хранят пиленцата, без да се надяват, че и тях ще гледат на старини; Бацата и майката се жертват за децата си.*

Пословицы с компонентом *мать* составляют большую группу отобранного материала (четыре единицы). Хотя в одной единице данный компонент отсутствует, он существует на смысловом уровне: *При две майки, без майка; Майка на чедо зло не мисли; Майката обича и келяв син; Не знае майката каква челяд ще отгледа; Всяка крава телето си ближе.*

Страдание матери, вызванное проблемами ее детей, исключительно велико. В следующем примере используются притяжательное местоимение *материнский* (а не компонент *мать*) и метафора, связанная с пагубной силой огня: *Майчини сълзи, дете паднат – земята изгарят.*

В другой единице очевидно противопоставление между компонентами *мать* и *мачеха*: *Едному майка, другому мащеха.*

Группа пословиц с компонентом *мать* многочисленнее группы пословиц с компонентом *отец*. Часть пословиц, принадлежащих ко второй группе, посвящены сходству между отцом и матерью, а в одной единице отобранного материала существует когнитивом «отец чувствует себя хорошо только среди своих детей»: *Бацата тегли от децата си и добрува при децата си.*

Данные пословицы имеют семантические параллели в Библии: *С дела и думи почитай баца си и майка си, за да ти дойде от тях благословия.* (Сир. 3.8).

В одной единице отобранного материала встречаются компоненты *сын/сыновья*. В ней присутствует когнитивом «единственный сын – поддержка для своих родителей»: *Много синове за хвала, един за храна.*

Обнаружена единица с когнитивом «дочь должна помогать отцу»: *Бацата гали снахата, а живее при дъщерята.*

Притяжательное прилагательное *отцовский* связано с существительными *клятва* и *благословение*. Существует убеждение, что с благословением отца можно добиться успеха во всем. То же самое относится и к прилагательному *материнский*: *Бащина благословия къца зида.*

Проклятие родителей обладает исключительной силой. Однако, материнское проклятие сильнее отцовского. Здесь подчеркивается когнитивная тема «страшное проклятие родителей»: *Бащина клетва запуспява, а майчина – дом изкоренява; Бащина клетва и майчина корен изсушава; Бащина клетва и кумува до девета рода гони.*

В следующих пословицах существуют семантические параллели с Библией и библейской метафорической схемой: *Защото бащина благословия утвърдява домовете на децата, а майчина клетва разрушава до основи.* (Сир. 3. 9).

В двух единицах отобранного материала подчеркивается желание извлечь выгоду из взаимоотношений с родителями: *Който дава папо, викам му тато; Кроткото агне от две майки суче.*

Среди последних примеров можно выделить следующие когнитивные темы, характеризующие болгарский пословичный фрагмент: и отец, и мать важны. Мать важнее отца. Отцу хорошо только среди своих детей. Отцовское благословение – это гарантия успеха. Страшно материнское проклятие.

В болгарском языке возможна только реконструкция пословичного прототипа *ребенок*. Пословиц с ключевыми компонентами *ребенок/ дети, чадо/ челядь* значительно больше, чем пословиц с компонентами *мать, отец, сын, дочь*. В болгарской пословичной картине мира прототип находится в самом ядре когнитивной структуры.

Пословичные представления о матери, отце, сыне и дочери реконструируются лишь на уровне концепта.

Среди важных (ключевых) компонентов определений нет. Концепты всегда монолитны, для них характерно полное отсутствие дифференциации. Метафорических пословиц сравнительно мало. Следует отметить единую метафорическую схему там, где подчеркнута сходство между родителями и детьми.

Отношения между отдельными концептами в основном статичны, о чем свидетельствует наличие экзистенциальных предикатов. Это объясняется крепкими семейными устоями в традиционной болгарской семье, которые сказываются и на форме пословичного фрагмента. В этом установленном мире центральное место занимает фигура матери, а не отца. Мать олицетворяет все то, что стоит в центре семьи и дома, что является основной характеристикой традиционного болгарского мышления.

6. Пословицы с концептами – «другие члены семьи».

Существует сравнительно много болгарских пословиц с концептами «другие члены семьи» – (приблизительно 50 единиц эксцерпированного материала). На практике общее количество пословиц не совпадает с количеством концептов, так как в одной пословице часто можно обнаружить свыше двух концептов. Встречаются следующие ключевые компоненты: *родственник, брат, зять, невестка, свекровь, кум (крестный отец), сват.*

Они свидетельствуют о детализированных знаниях, связанных с отношениями между близкими и дальними родственниками в семье. В принципе, в пословицах с концептами «другие члены семьи» отражена вся система болгарских родственных имен: кровное родство, родство по сватовству, родство по кумовству и родство вследствие побратимства.

6.1 В отобранном материале существует сравнительно мало болгарских пословиц с концептом «*родственник*» (35 единиц). В них концепт выражен следующими ключевыми компонентами: *родственник, род, родня, свой, своица*. Таким образом противопоставляются люди, связанные кровным родством, и те люди, которые являются «чужими» (компонент *чуждица*). В этих пословицах наиболее ярко выражена бинарная оппозиция «*свой–чуждой*», которая имеет важное значение для раскрытия концепта родственник в болгарской языковой картине мира.

В традиционной болгарской культуре принято считать, что родство и родственные связи обязательны и имеют особое значение, особенно в трудные моменты жизни. Исключительно ценным считается кровное родство, обеспечивающее определенную стабильность и надежность в семье. Особым значением отличается пословица «*Кръвта вода не става*», в которой метафорические подчеркнута исключительная важность кровного родства. Кровь – это все свои, близкие, родные. Метафорическими являются и пословицы, в которых раскрывается родство по линии матери. Как было отмечено выше, в болгарской языковой картине мира роль матери важнее роли отца, поэтому родство ассоциируется именно с близостью между матерями или с существованием общего родового корня. Это отражено в следующих примерах, в которых с иронией подчеркивается отсутствие подлинной кровной связи: *Роднини са, майките им са сушили дрехите на едно слънце; Макия му и макия ѝ на едно слънце са се пекли; Рода са, от два плота тръне*.

В одной единице противопоставлены концепты *родственник* и *друг*, которые имеют одинаково важное значение: *Зла година за роднина плаче, а неволя – за приятел*.

Даже в случае, если трудно можно рассчитывать на непрерывную поддержку близких, они все же остаются теми «своими», на которых можно положиться в трудную минуту: *Род рода не храни тежко томува, кой го няма; Свой своего не храни, но тежко му, който го няма; Брат брата не храни, но тежко му, който го няма*.

Не случаен факт, что компоненты *свой, свои, своица* указывают на кровное родство. Изначально, семья является миром «своим», огражденным от всего чужого. В следующих пословицах очень ясно очерчена оппозиция «*свой–чуждой*»: *Каквито сме, свои сме; Лоши сме си, ама свои сме си; Чуждица не е своица*.

Родство обязательно подразумевает прикладывать усилия во благо членов рода: *Свой своего и да не люби, длъжен е за него да се губи*.

Не случайно родственная близость связана с взаимоотношениями, для которых обязательно отсутствие материального интереса: *Със свой яж, пий, алъш-вериш не прави; Със свой живеи, ала не търгувай*.

Только в одной единице, построенной на метафоре, наблюдается прозрение, что ненависть между родственниками может быть очень сильной: *Цял град да те гони, един роднина да не те гони*.

В пословицах, в которых присутствует концепт *родственник*, можно выделить следующие когнитемы: Кровное родство особенно важно. Родственники – это надежная опора в трудную минуту. Родственнику обязательно

надо помогать. С родственниками не положено иметь коммерческих отношений. Родственник всегда ближе чужого человека.

В традиционных болгарских пословицах кровное родство имеет очень большое значение. Родственники всегда помогут в трудную минуту, а порой можно только на них и положиться. Компоненты *свой, свои, своица* свидетельствуют о противопоставлении между людьми, связанными между собой кровной связью, и остальными, «чужими» (компонент *чуждица*). В этих пословицах наиболее ярко выделена бинарная оппозиция «свой–чужой», которая в болгарской языковой картине мира имеет большое значение для раскрытия концепта *родственник*.

6.2 Концепт «брат».

Самую большую группу (35 единиц отобранного материала) составляют пословицы с концептом *брат*. В некоторых пословицах (3 ед.) подчеркивается, насколько важно иметь брата и что это не зависит от самого человека. Брат всегда ближе друзей, а его поддержка дает силы: *Чедо си раждаши – брат не можеш; Приятел е хубаво нещо, ама не е като брат; Брат, помогнат от брат – по-силен и от як град*.

В двух единицах подчеркнуто, что тот, у кого есть брат, все же не должен оставаться и без побратима. Побратимство в традиционном болгарском сознании является частью тех исключительно важных родственных отношений. И хотя побратимство не связано с кровным родством, оно считается именно таким. В следующих примерах наблюдается противопоставление между братом и побратимом, приводящее к расширению представлений о братских отношениях: *Ако имаши брат, имай и побратим; Ако имаши брат, не оставай се без побратим*.

В четырех единицах подчеркивается, что отношения между братьями не должны быть материальными. Изначально болгарская традиция исключает материальные отношения между кровными родственниками (концепт родственник): *Ако ми е брат не ми е ортак на кесията; Ако сме братя, кесияте ни не са сестри; Братя сме, братя, ама кесияте ни не са сестри; Братство за братство, а сиренето е с пари*.

В одной единице центральным является убеждение, что тот, кто богаче, может восприниматься как старший брат. В следующем примере представлено традиционное понимание, что старший брат всегда является опорой для семьи: *Ако си богат, ти си по-стар брат*.

Данная пословица иронична и имеет некоторые вариации: «Если ты богат, каждому ты сват» и «Если ты богат, любой согласится стать твоим сыном».

Братская помощь в основном ассоциируется с моральной поддержкой, которая важнее материальной (3 единицы): *Брат брата не храни, ама все го брани; Брат за брата не печели, ама все го жали; Брат брата не храни, но тежко му, който го няма*.

По этой причине никто не должен вмешиваться в конфликт между братьями, так как зачастую они могут объединиться против «чужака», «постороннего»: *Братя кога се бият, бягай да ги отминеш, защото ще те бият; Брат ми да ми е душманин, а не чужд стопанин*.

В некоторых пословицах, в которых реализуется концепт *брат* (3 единицы), существует понимание, что вражда между братьями иногда может быть очень сильной: *Брат за брата умира, ама и брата убива; Брат на брата по-дълбоко очи вади; Братска злоба милост няма.*

В одной единице подчеркнута, что любовь брата к сестре сильнее, чем любовь сестры к брату: *Сестра милей за брат като пръстен съд, а брат като меден.*

Однако, пословица «*Вижда косъма в окото на брат си, а не вижда гредата в своето*» (*В глазу брата соломинку видит, а в своем – бревна не замечает*) имеет иной смысл: она метафорична и связывается с адекватной самооценкой человека вообще.

В пословицах, в которых реализуется концепт *брат*, можно выделить следующие когнитемы: Иметь брата – это большая удача. Брат брату – опора. С братом не следует состоять в коммерческих отношениях. Братья всегда объединяются против «чужих». Вражда между братьями очень сильна.

Концепт *брат* представлен на уровне внутренней формы пословицы, причем только одна единица строится на метафоре. В традиционном болгарском сознании кровное родство и семья всегда стояли на первом месте, а роль брата в отношениях с другими детьми была ведущей. Особенно важна роль старшего брата, которая почти равносильна роли отца.

6.3. Концепты «зять», «невестка».

В болгарской картине мира особое место в семейной иерархии отводится *зятю* и *невестке*. Данные концепты не детализированы, и существует сравнительно мало пословиц, в которых они реконструируются. Зять и невестка остаются «чужими» для родителей супруги или супруга. Как было отмечено выше, в болгарской семье самое большое значение уделяется кровному родству. Зять и невестка никогда не становятся абсолютно равноправными членами в семье: *По-добре на синово буннице, отколкото на зетьово огнище; Зет син не става, нито снаха – дъщеря; Като умре дъщерята защо ми е зетя; Зетьова подкрепа – върбов огрев; Тъща зетю масло вари, доде му зло в къща уври.*

Особое место отводится зятю, проживающему в одном доме с родителями жены. К нему относятся с иронией и насмешкой: *Приведен зет – синигер в катуна.*

Большой частотностью пользуется пословица *Зет като мед, син като пелин* (*Зять – как мед, а сын – как полынь*), в которой наблюдается ироническое противопоставление двух концептов.

Подобным образом обстоят дела и с *невесткой*: она никогда не становится равноправным членом семьи супруга: *Зет син не става, нито снаха – дъщеря; Бащата гали снахата, а живее при дъщерята.*

Особенно скверными представляются отношения между свекровью и невесткой: *Свекървата е забравила, че и тя е била снаха; Всяка свекърва своята снаха мрази.*

В одной единице подчеркнута положительное отношение к работающей невестке: *Работна снаха, по-драга от своя мома.*

6.4. Концепт «свекровь».

Концепт *свекровь* раскрывается только одним своим качеством, а именно: ненавистью свекрови к невестке.

Кълне като свекърва. Свекървата е забравила, че и тя е била снаха. Всяка свекърва своята снаха мрази.

В одной единице материала приводится пример отрицательного отношения двух невесток к свекрови: *Били се две етърви, а и двете – свекървата.*

Концепты зять, невестка, свекровь строятся на основе следующих когнитивов: Зять не может стать родным сыном. Невестка не может стать родной дочерью. Свекровь не любит свою невестку. Свекор и свекровь не любят своего зятя. Невестка не любит свою свекровь.

Так как для болгарской традиционной семьи кровное родство имеет особое значение, отношение родителей к зятю или к невестке отличается от их отношения к собственным детям. Для болгарской картины мира характерны традиционно плохие взаимоотношения между невесткой и свекровью. Здесь раскрываются те специфические черты традиционного болгарского сознания, которые связываются с фактом, что обычно сын приводит невесту в дом своих родителей, а дочь уходит в семью супруга. К зятю, проживающему в доме родителей жены, обычно относятся с насмешкой.

6.5. Концепт «кум».

Для традиционного болгарина родство по кумовству имеет особое значение. Кум играет исключительно важную роль в жизни семьи, а само кумовство передается по наследству. Кум становится и крестным отцом детей, причем часто именно он дает им имена. По этой причине в болгарской пословишной картине мира подчеркнута глубочайшее уважение к куму: *Стани святий владику, че иде кумът ми; Пред кум се вода не газии; Пред кум се о решето хоро играе.*

В трех единицах наблюдаем ироническое отношение к куму (крестному): *Текне на кръсника за печено прасе, търчи към кръщелника; Две деца ми е кръстил, три прасета изял; Хапни си, куме, уста кучешка, разяжда се.*

Данный концепт реконструируется следующими когнитивами: кум имеет большое значение для семьи, кума следует уважать, кум имеет право потребовать все, что угодно.

7. Концепт «дом».

Концепт дом является ключевым в процессе реконструкции концепта *семья*, хотя он имеет более низкую статистическую характеристику. Концепт *дом* выражается следующими ключевыми компонентами: *очаг, дом, хата.*

Бащино огнище – топло пепелище.

У дома си прави каквото си искаш.

Своя къщица, своя свободица.

Далеко ходи, но и за дома мисли.

Къщата не стои на земята, а на жената.

Къща без жена, стадо без овчар.

Къщата плаче за къщовница.

Гледай ума му, съди за дома му.

Две мотопилки в една къща не се побират.

Мъжът държи къщата, а жената я краси.

Дом воспринимается как центр семейного пространства, которое противопоставлено всему чужому. Не случайно пословица «*Мой дом – моя крепость*» обладает столь высокой частотностью. Реконструкция концепта *дом* раскрывается следующими когнитивными: Дом и семья – это одно целое. В доме всегда надежно. За домом нужно следить. Жена – это душа дома. Мужчина – это основа дома. В каждом доме есть свои правила. Дома ты свободен. В доме необходимо взаимопонимание. Дом является отражением ума.

Несмотря на сравнительно небольшое количество пословиц с компонентами *дом, хата* и *очаг, дом* является исключительно важным компонентом для раскрытия образа семьи.

Таким образом, в болгарских пословицах семья и семейные ценности раскрываются при помощи концептов основных членов семьи. Самыми детализированными являются концепты *жена, муж, ребенок*. В семье женщина представлена как супруга и мать. Будучи супругой, женщина может быть противоречива, но в роли матери она исключительно монолитна. Мужчина – это супруг и отец. Он создает материальные основы семьи и обеспечивает ее безопасность. Женщина является «*душой семьи*», а дом – «*крепостью семьи*». Именно женщина создает уют и атмосферу взаимопонимания в доме и растит детей.

Иметь много детей считается самым главным для семьи. Отсутствие детей воспринимается как наказание. Когда дети женятся и выходят замуж, они создают новую семью и отделяются от родителей.

Очень важную роль в родственных отношениях имеют люди, имеющие кровное родство (братья, сестры). В болгарском традиционном сознании «свои» занимают исключительно важное место, так как они могут стать опорой в трудную минуту. В болгарской семье особое значение имеет и родство по кумовству. Кум является важной личностью, и пользуется глубоким уважением. Интересно то, что почти нет пословиц и поговорок с компонентами *бабушка, дедушка, дядя* и *тетя*. Существуют единичные случаи использования компонентов *бабушка* и *дедушка*, но там они имеют несколько иное значение – ‘пожилая женщина’ и ‘пожилой мужчина’ – это люди, которые имеют опыт в воспитании детей.

Ядро концепта семья включает следующие компоненты: жена (супруга или мать), муж (супруг или отец) и их дети. За ними следуют такие родственники, как братья и сестры, а все остальные находятся на периферии. Дом – это крепость семьи.

Перевод В. Костадиновой, М. и Е. Стефановых.

Источники

БЕР. Т. I, 1971 – т. IV, 1995.

Български тълковен речник. С., 1973.

Български притчи или пословици и характерни думи, събрани от П.Р. Славейков. 1972.

Българска народна поезия и проза, т. 7; Предания, легенди, пословици и гатанки. 1983.

- Български пословици и поговорки / Съст. Милко Григоров, Костадин Кацаров. С.: «Наука и изкуство», 1986.
- Влахов С. Съпоставителен речник на пословици, български, руски, английски, френски, немски, (латински). С., 1998.

Библиография

- Барли, 1978: *Барли Н.* Структурной подход к пословице и максиме // паремиологические исследования: Сб. Статей. М., 1984. С. 127–148.
- Вежбицкая, 1997: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Верещагин, Костомаров, 1990: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании. М., 1990.
- Гачев, 1995: *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
- Гвоздев, 1983: *Гвоздев В.В.* Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: Автореферат дис...кандидан филол. наук. М., 1983.
- Дубов, 1993: *Дубов И.Т.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
- Жуков, 1990: *Жуков В.П.* Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок. М., 1990.
- Иванова, 2000: *Иванова Е.* Пословичные картины мира. М., 2002.
- Иванова, 2006: *Иванова Е.* Мир в английских и русских пословицах. Санкт-Петербург, 2006.
- Киселева, 1978: *Киселева А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Китанова, 2009: *Китанова М.* Концептът жена в българските и руските пословици и поговорки // Сп. Български език. Год. LVI. Кн. 2. 2009. С. 46–55.
- Китанова, 2009: *Китанова М.* Отношения между родители и деца според българските пословици // Сп. Българска реч. Год. XV. Кн. 1–2. 2009. С. 81–88.
- Кунин 1986: *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
- Лакофф, 1988: *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 12–51.
- Левин, 1984: *Левин Ю.И.* Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: Сб. статей. М., 1984. С. 108–126.
- Маслова, 2006: *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006.
- Пермяков, 1970: *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. М., 1970.
- Петренко, 1970: *Петренко О.А.* Этнический менталитет и язык фольклора. Курск, 1996.
- Петрова, 2006: *Петрова Р.С.* Лингвокультурологично съпоставително изследване на английски и български пословици, Автореферат на дисертация за присъждане образователната и научна степен «доктор». С., 2006.
- Потебня 1989: *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.
- Серль, 1990: *Серль Дж.Р.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 307–341.
- Телия, 1996: *Телия В.Н.* Русская фразеология. М., 1996.
- Феоктистова 1999: *Феоктистова А.Б.* Культурнозначимая роль внутренней формы идиом с позиции когнитологии // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М. 1999. С. 174–179.
- Яковлева 1994: *Яковлева Е.Т.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Anderson, Bower, 1974: *Anderson J.R., Bower B.H.* Human associative memory. N.Y., 1974.
- Geeraerts 1988: *Geeraerts D.* Where does prototypicality come from? // Topics in cognitive linguistics / Ed. by V. Rudzka-Ostyn. Amsterdam–Philadelphia, 1988. P. 207–229.
- Langacker, 1988: *Langacker R.W.* A view of linguistics semantics // Topics in cognitive linguistics... P. 49–90.
- Yankah, 1994: *Yankah K.* Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994. P. 127–142.

Е.С. Узенева

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Региональные особенности традиционной культуры Закарпатья: свадебный обряд*

Abstract:

Uzeneva E.S. *Regional features of the traditional culture of Transcarpathia: the wedding ceremony*

This article is based on field materials collected by the author during the ethno-linguistic expedition in the village Kolochava in the Uzhgorod area of the Ukraine in April 2010. The article discusses the structure and terminology of the Transcarpathian wedding ceremony and its correspondence with the Slavic and East Slavic weddings and identifies the Carpatho-Balkan parallels, as well as regional peculiarities.

Ключевые слова: этнолингвистика, традиционная культура, свадьба, Закарпатье, украинский язык, карпато-балканские исследования.

Материалом для настоящей статьи послужили данные, собранные автором в ходе полевого исследования села Колочава Межгорского района Ужгородской области Закарпатья, проведенного совместно с А.А. Плотниковой в апреле 2010 г.¹. Работа проводилась в рамках проекта «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе» (рук. д.ф.н. А.А. Плотникова) на основе этнолингвистического вопросника².

Основной задачей проекта было синхронное исследование культурно-языковых традиций (диалектной терминологической лексики и соответствующих явлений народной духовной культуры) при использовании ареальных методов с целью выяснения происхождения, источника заимствований и путей распространения лексических и культурных явлений в этом регионе³.

Село Колочава появилось предположительно в XV веке у подножия карпатских гор, где существовали хорошие пастбища для скота. Возникновение его также связывают с валашской колонизацией. Население составляли в основном пастухи, валахи, позднее здесь заселились представители различных национальностей, в частности славянской из территорий Галиции, Польши, России, Украины и пр. Местное население называет себя русинами. Село расположено на стыке гуцульских и бойковских говоров⁴. В настоящее время село представляет собой большой населенный пункт, районный центр, и со всеми приселками (Колочава, Брадолец, Сухар, Меришор, Горб, Лазы) его население составляет около семи тысячи человек. В диаметре общая площадь села составляет около двадцати километров.

В Колочаве проживают греко-католики и православные. Ранее село было полностью униатским, только 11 семей исповедовали православные.

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» проект «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе».

И тогда, как и сейчас, смешанные браки были обычным явлением. Супруга в этом случае принимала веру супруга и начинала посещать другую церковь. Но почти все обряды у двух конфессий совпадают, даже Пасху отмечают всегда в один и тот же день.

Статья посвящена рассмотрению структуры и терминологии свадебного обряда с. Колочава, выявлению его особенностей, а также карпато-балканских параллелей и связей с восточнославянским свадебным обрядом. Сразу же заметим, что обрядность в селе достаточно хорошо сохранилась, и в настоящее время продолжают соблюдаться многие обычаи, но одновременно с этим возникают и новые, современные, вариации и их толкования.

Молодежь знакомилась на посиделках (*вечорніци*). Там же парень с девушкой могли договориться о сватовстве. Сватовство (*сватання, сватанка*) являлось начальным этапом сложно организованного обряда. В дом к девушке, достигшей брачного возраста, приходили сваты (*сватачи, сваты*), предварительно разузнававшие намерения семьи невесты и при положительном настрое родителей совершавшие обряд заручин. Обряд сватовства носил название *сватанка, заручанка*.

В прошлом приходили сватать двое-трое мужчин, в том числе отец жениха, реже его мать. Приходили поздно вечером, чтобы никто из посторонних не узнал о возможном неудачном исходе дела. Придя в дом, они иносказательно заявляли о сути своего посещения: «Ишли сме за куницю; куды шла куниця, там нашли молодлицу». Девушку спрашивали о ее решении, она же скромно отвечала, если была согласна: «Як няня (‘отец’), мама, так и я!» В знак согласия она дарила жениху рубашку, а он ей платок. Если же не хотела выходить за данного кандидата замуж, то могла сказать, что жених старый, что у нее нет еще приданого и пр. С этого момента девушку считали помолвленной (*выдданіця*), а через две-три недели обычно играли свадьбу. Все свадьбы старались провести в мясоед (*мяснїци*). За три недели до венчания молодая ходила в церковь *вызначенна*: с белым покрывалом (*парта*) на голове и в венке на так называемые огласки (*оглашки*). Там всем сообщали, что такой-то «хлопец заручил себе честну девицу» такую-то, и просили тех, кто знает что-то мешающее этому браку, сообщить священнику.

В середине прошлого столетия существовал особый символический обряд, оповещавший о желании парня посвататься к девушке: перед сватовством он прибывал к воротам ее дома молодое деревце (тополь, например). Соперник мог сорвать прибитое другим женихом деревце и повесить свое. Бывали случаи, когда на утро на воротах самой желанной невесты в селе находили по три деревца. В настоящее время на воротах закрепляют молодую елочку в знак того, что в доме – свадьба.

Свадьбу играли, как правило, во вторник или четверг. В субботу не венчались, т.к. в канун воскресенья вступать в брак считалось грехом. В первом случае молодежь ходила резать барвинок (вечнозеленое растение, символизирующие здоровье, молодость, долголетие) для венков в понедельник

(*бервінок рубати, бервінок рвати*), во втором – в среду. Обряд совершала неженатая пара – дружка невесты и кум. Они выбирали семью, у которой, как говорили, растёт «счастливый» барвинок, или дом, расположенный выше, а не ниже того, где будет свадьба. Нельзя было рвать барвинок в доме, где его уже брали для покойника. Теперь этот барвинок (*мэртвы бервинок*) можно было использовать только для похорон. Пара отрезала ветки с особыми ритуалами: клали в корни куста принесенные хлеб и вино, забивали нож в хлеб, резали ветки, пили вино и трижды танцевали вокруг растения круговой танец *коломыйка*, «шоб ся вело молодым» (‘чтобы у молодых всего было в достатке’). Подобные обряды жертвоприношения растениям, которые отрубали для изготовления свадебного знамени, деревца или венков, известны и балканским славянам, в частности болгарам.

Затем складывали ветки барвинка в скатерть и приносили домой к невесте, где дружки плели из барвинка венки для молодых (*нареченных*), в которых они затем будут венчаться. Плели венок для бутылки, с которой родители жениха будут встречать молодых после венчания.

Этот день считался первым днем свадьбы и назывался *вінки*. Вечером в доме невесты собирались ее подружки и украшали калачи для детей и свадебные калачи молодых барвинком и разноцветной бумагой. В этот день украшали барвинком и цветной бумагой и ведро, которое вместе с кружкой обязательно должна принести невеста в дом жениха. В процессии один участник свадьбы несет ведро. А потом в доме жениха обменивает его на бутылку вина. Этот обряд появился недавно.

Во время плетения венков девушки пели песни. В конце приходил жених со своими приятелями (*кум*), их угощали, пели, веселились. На этой вечеринке девушки выбирали себе пару для свадьбы, а, выбрав, говорили: «Я тебя буду косічати», – т.е. буду украшать свадебным букетом. Это означало, что целый свадебный день они проведут вместе: вместе будут идти, сидеть за столом, есть, танцевать, составлять пару. Это было обязательным условием обряда. Число этих пар должно быть четным и могло достигать нескольких десятков. Дружек выбирали из числа подруг и родственниц невесты, а также родственниц и соседок жениха.

После завершения ритуала все оставшиеся веточки складывали на скатерть, и невеста тянула ее за собой из дома во двор, «чтобы все присутствовавшие там девушки и парни тоже вскоре женились». Остатки барвинка никогда не выбрасывали, а отдавали корове.

Накануне венчания подружки невесты заплетали волосы и украшали разноцветными лентами молодую. Девушки выпекали и специальные маленькие хлебцы *калачи* с дырой посередине, предназначенные для одаривания всех приглашенных на свадьбу детей родственников. Иногда их число доходило до ста. В день свадьбы молодая вручала каждому маленькому гостю калачик на ленточке. Большой калач пекла в день свадьбы до восхода солнца невеста или специально приглашенная кухарка. Этот хлеб невеста

клали на длинный рушник и передавала крестной матери, которая держала его на руке во время венчания.

Еще в середине прошлого столетия был известен обычай выкупа невесты женихом, когда он приезжал забирать ее к венцу. В воротах клали ствол большого соснового дерева, торговались с молодым. Он предлагал водку, но родственники невесты требовали денег: «Молода коштуе гроши!» В доме ему вывели сначала старуху, одетую невестой, он отказывался, должен был заплатить, чтобы отдала молодую. Главным распорядителем свадьбы был *староста*. Его выбирали из числа знающих, авторитетных мужчин, умевших балагурить и веселить гостей. Он руководил свадьбой, шел впереди свадебной процессии, участвовал в венчании молодых, регламентировал подачу блюд на трапезе и время одаривания молодых.

После выкупа невесты совершался особый ритуал: молодая прикалывала цветы к груди жениха (*косичат ся*). Одновременно и девушки выбирали себе пару из числа приглашенных неженатых парней, прикалывая им на рубаху заранее приготовленные букеты из цветов (*кочиці*). Такой же обычай известен болгарам, которые украшали букетиками (*китки*) всех участников свадьбы. Дружек (*дружки*) невесты в Колочаве было четыре, пару им составляли парни (*кумовья*). После этого обряда молодых угощали в доме невесты, а затем они отправлялись в церковь венчаться. Перед уходом из дома, невеста оглядывалась назад, «чтобы дети были похожи на нее»: «Бо ся діти в мене ся удавали».

Для венчания невесту покрывали особым белым покрывалом (*парта*), на голову надевали венок. Жених также носил венок на шапке всю свадьбу. После церковного брака покрывало снимали и *завивали* молодую в женский головной убор (платок). К одежде прикалывали булавку вниз головкой, чеснок или красный носовой платок «от поганных глаз», т. к. считалось, что молодой паре может навредить колдунья (*ворожка*) и ведьмы (*борсокани*), которые также могли «шкоду учинить, або ся не любили молодята». В туфлю невесты клали серебро или ртуть «от сглаза», монеты, «чтобы были богатыми» молодые, «шоб гроші веліся». «Чтобы скотина велась в доме», отрезали немного шерсти со всех животных (коровы, свиньи, овцы и пр.) и клали в обувь молодой.

Свадебная процессия располагалась в особом порядке: первым шел староста, затем жених с невестой, которых сопровождали его и ее крестные матери (*нанашки*) со свадебными калачами и рушниками (они оберегали молодых весь свадебный день), далее следовали неженатые пары (*дружка* и *кум*), их могло быть до 8–20 пар, *сваты*, *свадобники* («участники свадьбы»), а завершал свадебный кортеж мальчик *дружба*, который нес свадебное знамя (*курагоу*).

Знамя делали дружки невесты, при этом строго следили, чтобы не было узелков, иначе у невесты не будет детей. Знамя представляло собой палку, украшенную длинной белой скатертью, на которую навешивали множество

(12) разноцветных маленьких платочков. Верхушку знамени украшал букет из барвинка и колокольчик. Знамя всегда стояло рядом с новобрачными, а дружба во время пира прислуживал гостям. Свадебное знамя встречается кроме западных украинцев, у словаков и южных славян⁵.

Информанты отмечали, что раньше на свадьбе был один калач и один рушник, а теперь их два – со стороны невесты и со стороны молодого. В прошлом во время движения свадебной процессии двое высоких мужчин держали высоко над головой калач (*кныш*), под которым должна была пройти вся свадьба. На свадебном пиру этот калач делили. А *калач* с дыркой несли, надев на руку на рушнике, *нанашка* молодой. Затем этот калач приносили на свадебный пир, вешали на стену на гвоздь, а по окончании трапезы хлеб делили между присутствующими.

По дороге в церковь и обратно запрещалось встречаться двум свадебным процессиям, двум парам, иначе одна из пар разойдется в будущем. Информанты рассказывали нам, что так встретились две пары, а потом обе овдовели. Снег и дождь на свадьбе считались хорошей приметой: молодые будут жить богато.

В церкви молодые должны были встать на расстеленный на полу рушник. Всего невеста вышивает для свадьбы три рушника (в более давнем прошлом рушников было еще больше, вышивали и рушник для старосты). Два других носит *нанашка* на калаче, а потом невеста дарит их родителям своего мужа.

Крестные матери не должны были перекладывать калач из руки в руку во время венчания, это считалось плохой приметой. Говорили, что тот из новобрачных, кто первым наступит на рушник в церкви, будет главенствовать в доме. Этот рушник называют *рушничок шчастя*, т.к. на нем совершилось соединение молодых, их союз. Рушник хранят в доме до конца жизни, он считается оберегом этой семьи, ее семейного счастья и благополучия. Его никому не показывают, не дают пользоваться чужим, с ним ничего нельзя делать. На этот рушник пара встает только в день своих брачных юбилеев, например, на пятидесятилетие свадьбы.

Во время венчания невеста могла держать во рту три листочка барвинка, которые потом отдавала семье, где есть три незамужние дочери, чтобы и они быстро вышли замуж. Желая иметь много детей, молодая клала за пазуху 2 боба, чтобы родились два мальчика, и 1 фасоль, чтобы была и девочка.

Во дворе новобрачных ждали свекор со свекровью. Отец жениха держал в руках полную бутылку, чтобы угощать всех, а свекровь – хлеб. «Чтобы скотина плодилась в доме» («щоб худоба велася»), свекровь встречала молодых, держа бутылку с вином в шерстяной рукавице. Молодых обсыпали семенами, говорили им благопожелания, разбивали перед ними тарелку с сахаром и пшеницей «на шчастя, на здоровье и добра життя». Иногда молодых в доме жениха после церкви встречала свекровь (*баба*), стоявшая на пороге с двумя калачами на рушнике: один – с большой с дыркой посередине

– для молодых, и один маленький, без дырки, – для угощения ребенка, которого сажали на колени невесте уже в доме. По другим сведениям, и маленький калачик был с дыркой, невеста вешала его на шею мальчику. Большой калач оставался у свекрови, его ломали на второй день свадьбы: половину оставляли ей, а другую делили между всеми присутствовавшими гостями.

Первым в дом заходил жених, за ним следовала невеста. Она отправлялась к очагу, где должна была развести огонь, налить воды в горшки, мыть посуду, приобщаясь к новому хозяйству. Подобные обряды, связанные с первой деятельностью молодухи у очага, отмечены и у южных славян.

Для свадебного стола готовили богатое по тем временам угощение: голубцы, печеную репу, брынзу, мясо, картошку, пироги, круглый обрядовый хлеб из кукурузной муки. На всех гостей был один стакан, из которого все по очереди пили вино. У восточных славян известен обычай «общей» или «круговой» чаши, который символизирует сопричастность к общей доле, воплощенной в обрядовом напитке. Отсюда и регламентация количества выпитого: напиток нельзя выпивать до конца, «чтобы дом не остался пустым».

За столом произносили благопожелания молодым (*вінчували*). Молодых обсыпали семенами «для богатства». Подарков раньше молодым не дарили. Староста обходил гостей со стаканом вина, а те взамен угощения давали новобрачным деньги, по несколько грошей. На свадьбе играла музыка (скрипка, гусли, бубен), молодежь танцевали традиционный танец *коломыйка*. Девушки-подруги невесты пели обрядовые песни, сопровождавшие различные свадебные церемонии.

После свадебного пира молодые «рвали калач»: кому доставался больший кусок, тот и был хозяином в семье. Затем каждый из новобрачных старался первым ударить куском своего калача другого, чтобы также первенствовать во всем. Подобные ритуалы известны и балканским славянам.

Первая брачная ночь имела особое значение: проверялась честность невесты. Молодым стелили на постель белое полотно, чтобы увидеть, была ли невеста девственной. Смотрели постель утром родители жениха.

Приданое (*приданне*) невесты в далеком прошлом было очень скромным, умещалось в *бисаги* (двойной шерстяной мешок, который вешали на спину животных) и состояло из шерстяного покрывала, подушек, полотенец и одежды молодой. Подарки тоже были скромными, дарили в основном одежду. Свекру – рубаху, другим родственникам – рушники. Те освященные рушники, с которыми молодые венчались в церкви, приносили домой. Ими надо было вытереться после умывания, чтобы «быть славными», т.е. удачливыми, счастливыми. Венки после свадьбы давали съесть баранам, что рождались хлопцы.

В прошлом второй день свадьбы назывался *пропои*. Тогда пропивали молодую, «уже не дівка, а жена». Через неделю после свадьбы угощение было в доме родителей невесты. Туда приносили и там съедали оставшуюся у свекрови половину калача. Теперь же отмечают третий день свадьбы,

который носит название *приданне*. В этот день нагружают в машину ковры, посуду, мебель и другое приданое невесты и везут его к молодым, где вновь угощаются. Там же *рвут калач*, а молодые бьют друг друга его половинками, соревнуясь, кто первый. Невеста одаривает свекра и свекровь богато вышитыми вручную рушниками, которые она готовила специально для свадьбы. На этих рушниках крестные матери молодых носят калачи до и после венчания. Даря полотенца, молодая говорила, что не рушники им дарит, а свою честь и славу, обещая тем самым уважать новых родителей и заботиться о них, как о своих собственных. Если в семье были только дочери, то каждая из них старалась оставить один рушник для своей матери, чтобы ей было что постелить в гроб. Эти рушники клали в гроб умершим родителям. Сколько невесток было у свекра и свекрови, столько рушников устилали их гроб. В этот день разбирали свадебное знамя. Платки возвращали по домам, а палку использовали для изготовления прялки для невесты.

Даже такое краткое описание свадебного обряда с. Колочава позволяет нам выявить некоторые его особенности. С одной стороны, обряд во многом схож с восточнославянской традицией, что проявляется, в частности, в системе и терминологии свадебных персонажей, в особой значимости венка для невесты как символа ее чистоты и пр. Однако среди атрибутов свадьбы нет свадебного деревца, столь типичного для украинской свадьбы. С другой стороны, в структуре обряда наблюдаются и некоторые переключки с балканской традицией: это изготовление букетов для участников свадьбы, украшение атрибутов обряда вечнозелеными растениями, принесение жертвы в виде вина и хлеба растению, которое срубают для свадьбы, круговой танец вокруг растения, изготовление свадебного знамени, известного южных славянам, а также первые действия невесты в доме жениха, связанные с очагом, в частности, возжигание огня, характерное для балканских славян. Отмечены и некоторые карпатизмы в обрядовой терминологии – термин *нанашка* для обозначения крестной матери. Данная лексема встречается в описаниях свадьбы у гуцулов (*нанашко/нанашка*), молдаван (*нанаши/нанашка*)⁶, украинцев Молдовы (*нанашул/нанаша*)⁷, румын (*nănaș/nănașă, naș/nășă*)⁸ и старообрядцев (*нанашка*)⁹, проживающих в Румынии.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам дать исчерпывающее описание и анализ данного фрагмента традиционной культуры такого богатого и архаичного региона, как Закарпатье, а предполагает его дальнейшее углубленное изучение.

Примечания

¹ Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность директору Института украинского языка НАН Украины, проф., д.ф.н. П.Е. Гриценко за помощь в организации экспедиции. Благодарю также С.М. Аржавитина и всех жителей села Колочава, оказавших нам радушный прием и поддержку в работе.

² *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

³ Подробно концепция проекта представлена в статье: *Плотникова А.А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт – новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. М., 2008. С. 10–25.

⁴ О близости традиционной культуры и обрядовой лексики гуцульских сел и с. Колочава свидетельствуют и собранные нами полевые материалы на гуцульщине, в частности, в с. Устерики: *Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины (с. Устерики, Верховинский район, Ивано-Франковская область) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М., 2008. С. 323–247.

⁵ *Гура А.В.* Знамя свадебное // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. Д–К (Крошки). С. 344–347.

⁶ Сведения из Молдавии любезно предоставлены нам Н. Голант, за что выражаю ей особую признательность.

⁷ *Калашикова Н.М.* Путеводитель по экспозиции РЭМ. Л., 1980.

⁸ *Dicționarul explicativ al limbii române.* București, 1984. S. 583.

⁹ Материалы собраны А.А. Плотниковой в экспедициях в Румынию 2007–2008 гг. Пользуясь случаем, благодарю автора за переданные мне полевые данные.

А.В. Семенова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К вопросу о языковом статусе и развитии
кашубского языка
(до и после принятия Устава о национальных
и этнических меньшинствах и о региональном языке)**

Abstract:

Semenova A.V. *The Status of the Cassubian Language and Its Development (Before and After the Charter of National and Ethnic Minorities, and the Regional Language)*

The development of the Cassubian language has faced many difficulties, and Cassubian culture has survived under pressure of German and Polish government at different stages of their history. At the modern stage Cassubian has found itself in favourable conditions having received the status of a regional language in Europe, and later (in 2005) in Poland. At present the Cassubian have the same rights as national and ethnic minorities in Poland, and their language is under the same protection.

Ключевые слова: кашубский язык, кашубы, Устав о региональном языке, кашубская культура, история кашубов.

В настоящей статье представлен анализ обстоятельств, препятствовавших естественному развитию кашубского языка, и, напротив, способствовавших его сохранению до сегодняшнего дня, а также новому статусу кашубского языка в современной Польше и ЕС в целом. «Кашубщина» (Kaszubszczyzna/Kaszëbizna) получила в Польше официальный статус языка с принятием *Устава о национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке* от 6 января 2005 г. На основании этого документа кашубский язык получил такие же права, как и языки национальных меньшинств (белорусский, чешский, литовский, немецкий, армянский, русский, словацкий, украинский, караимский, татарский и др.), что предусматривает его защиту и касается прежде всего образования и административной сферы. Благодаря этому Уставу, базирующемуся на таком документе, как Европейская карта региональных языков и языков меньшинств, на которой кашубский язык значится с 2003 г., деятельность по сохранению и развитию кашубского языка получила новое правовое измерение и приобрела более широкий размах¹.

История кашубов – это история усилий, направленных на сохранение культурной и языковой идентичности в различных исторических условиях. Отвечая на вопросы социологов, современные кашубы указывают на твердость и упорство как на свойства, позволившие им сохранить свою идентичность (ср. *Sv'ardi jak Kaszëba*). Упрямство, твердость и «черное небо» являются вошедшими в пословицы качествами, которые кашубы признают своими важнейшими отличительными чертами. Особенно сложные для продолжения культурно-языковой традиции времена кашубам пришлось пере-

жить в последние два столетия, хотя, как мы увидим далее, и с XIII по XVIII вв. кашубский язык не имел возможности развиваться полноценно. В начале XXI в. дальнейшее развитие кашубского языка, как обиходно-разговорного, так и литературного, остается проблематичным.

Начиная с XIII в., т.е. с момента первых упоминаний о кашубах в письменных источниках, земли их исторического проживания переходили от польских князей к немецким хозяевам. Так, например, с 1308 по 1466 гг. эти земли принадлежали ордену Крестоносцев, а в XVI и XVII вв. – Королевской Пруссии и Бранденбургии. С 1772 по 1918 гг. Поморье в результате разделов Польши оказалось под властью Пруссии: шла тотальная целенаправленная германизация. Между 1939 и 1945 гг. Западное Поморье было оккупировано фашистской Германией. С 1952 по 1989 гг. Польская Народная Республика проводила политику национальной и языковой гомогенизации, дискриминации языков меньшинств².

Первые этнографические описания кашубов принадлежат перу немцев – чиновников и священников, чьей задачей было проведение политики германизации кашубов в рамках политики Пруссии. Первое такое издание было подготовлено Г.Л. Лорекком и вышло в 1821 г. на немецком языке. Несмотря на тенденциозность Лорека и его убежденность в том, что германизация является способом социального, культурного, нравственного и экономического развития и улучшения положения кашубов по сравнению с тем низким уровнем культуры, который обуславливал бедность и грубость нравов кашубского автохтонного населения, автор описания признает за кашубами многие положительные качества: «Кашуб не состоит из одних только плохих качеств. Он не так уж до конца испорчен и морально болен, чтобы не мог из этого [состояния] выбраться. В нашем государстве ввиду высшей человечности делалось и продолжает делаться то, что ему [кашубу] поможет восстать из этого праха. Он обладает внутренней силой, чтобы подняться; ему лишь не доставало рычага, который для него уже приготовлен. Если его рука возьмется за него [рычаг] (поскольку он способный по натуре), то ему понадобится лишь приобрести немного сноровки, и он поднимется вверх изо всех сил!»³. Этим «рычагом» Лорек считал германизацию, искоренение «отсталых» элементов культуры и всеобщий переход кашубов на немецкий язык, а также в протестантизм. Лорек сравнивает положение современных ему кашубов с судьбой американских черных рабов, связывая отмеченные им недостатки кашубского характера и поведения с отсутствием образования, бедностью и плохим отношением к кашубам со стороны немецкого населения⁴.

Все это происходило, как мы видим, в начале XIX в., а в последующие десятилетия давление лишь усиливалось, что привело к массовому недовольству кашубов, которые считали враждебной и унижительной политику государства, при которой детям запрещалось говорить по-кашубски с учителями, а священники в храме произносили проповеди и проводили обряд исповеди на немецком языке. Именно это обстоятельство не раз обостряло конфликт немецких чиновников и священников с кашубами. Лорек пишет

об этом так: «Свет, который наконец [...] появился над нашими поморскими и кашубскими школами, просветит также и кашубский народ, даже если бы он хотел закрыть от него глаза своим детям, поскольку не в состоянии понять собственного блага и блага для своих детей, но видит во всем этом гибель своей самобытности и языка (который им кажется лучшим на свете)»⁵.

В последующие десятилетия все более суровые запреты и наказания со стороны немецких властей (вплоть до штрафов, физической расправы и тюремного заключения) препятствовали развитию кашубского языка. Тем не менее, в XIX–XX вв. активную деятельность ведут поборники сохранения, или, как их называет Е. Тредер, «защитники кашубского языка»⁶. К ним относятся общественные деятели, писатели и ученые, сохранявшие язык предков, но также и все кашубы, продолжавшие говорить на родном языке наперекор германизации и – позднее – тенденциям глобализации. В период с XVI по XX вв. среди кашубской интеллигенции, считавшей сохранение и развитие кашубского языка своей главной задачей, Е. Тредер особо выделяет издателя В. Кедровского, С. Крофея, который еще в XVI в. перевел на кашубский Духовные песни М. Лютера, К.Ц. Мронговиуша, переселившегося в Гданьск из Мазовии в 1798 году и ставшего человеком, «понимавшим необходимость охраны и защиты кашубского языка», Ф. Цейновы, чье имя открывает эпоху «сознательной... охраны, а одновременно и формирования кашубского [литературного] языка». Благодаря деятельности Ф. Цейновы, с середины XIX в. у кашубов появилась художественная литература. В 1893 г. малополянин С. Рамулт издает «Словарь поморского, или кашубского языка», чем вызывает бурные дискуссии о статусе «кашубщины», длившиеся более ста лет. Продолжателями идей своих великих предшественников стали младокашубы, в особенности А. Майковский – издатель журнала «Гриф» и писатель, автор романа «Жизнь и приключения Ремуса» (1939), переведенного на иностранные языки⁷.

После Второй мировой войны онемеченная часть кашубов оказывается в Германии. С 1946 г. правительство Польши начинает вести политику возвращения в лоно польской культуры (*repolonizacja*) жителей Поморья. С одной стороны, это способствует изучению и фиксации положения кашубов на территории их исторического расселения. С другой – создает новую угрозу для существования кашубского языка и продолжения кашубской традиции, поскольку послевоенная Польша проводит политику, ориентированную на создание мононационального государства с единственным родным языком для всех граждан – польским. Послевоенные исследования ученых и чиновников, направленных в Поморский регион Министерством «воссоединенных земель» (*Ministerstwo Ziemi Odzyskanych*), показывают, что во многих прежде традиционно заселенных автохтонным населением областях, практически не осталось кашубов. Это было во многом связано с тем, что владевшие польским языком кашубы называли себя поляками, поскольку политическая ситуация была для них крайне невыгодной. Таким образом, лишь отдельные говорившие по-немецки местные жители, большинство из

которых носили славянские имена и фамилии, признавались кашубами, но не все из них попадали под упомянутый правительственный проект, поскольку многие выражали желание выехать в Германию, имели там родственников и владели немецким языком как родным⁸.

Несмотря на вышеописанную политику Польского государства, в начале 1950-х гг. активизируется деятельность местной интеллигенции по поддержке и развитию кашубского языка, культуры и сохранению идентичности. Кашубско-Поморское объединение (далее – КПО, по-польски – ZKP, т.е. Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie), отметившее свой пятидесятилетний юбилей в 2006 г., прошло за эти десятилетия через различные испытания, но его работа оказалась плодотворной и вопреки всем неблагоприятным политическим и социальным факторам показало блестящий результат своей деятельности. В монографии Ц. Обрахт-Прондзыньского «Объединенные идеей» отражены основные вехи истории этой организации⁹. Политические сложности различного характера продолжались на протяжении более чем трех десятилетий, в том числе КПО пережило ликвидацию одного из важнейших своих органов печати (*Kaszëbë*) в начале 1960-х гг., что означало исчезновение дискуссионного форума, где обсуждались вопросы, связанные с кашубским регионализмом, а также представлялись новые события и персоналии в региональной культуре. Как пишет Ц. Обрахт-Прондзыньский, «оказался прерванным информационный канал и центр консолидации кашубской элиты»¹⁰.

В конце 1980-х гг. «Кашубско-Поморское объединение» вместе со всей Польшей пережило демократический перелом. С тех пор имели место серьезные дискуссии и последовавшие за ними перемены в области местного самоуправления и «регионализации». Были проведены конгрессы, на которых обсуждалось будущее кашубского языка (1992), будущее Поморья – малой родины кашубов и других жителей этого региона Польши (1997), кашубские съезды и фестивали, представляющие собой культурные мероприятия с участием представителей и ансамблей, творческих коллективов из многих населенных пунктов Кашубии, а также выдвинуты новые инициативы в области развития культуры, международного культурного сотрудничества и образования. Чрезвычайно важным было основание Кашубского Народного университета, сотрудничество с католической церковью, а также активизация работы Кашубского культурного центра (далее КЦ, по-польски – Instytut Kaszubski). Эта организация была впервые основана еще в 1958 г., и в ее задачи входила работа с представителями культуры, искусства и науки, общественными деятелями, учеными и преподавателями в сфере творчества и изучения кашубской культуры, языка, истории, биографии персоналий и др. В задачи КЦ входила публикация наиболее ценных произведений научной и художественной литературы на кашубском языке и / или связанных с кашубской тематикой. Также КЦ должен был вести широкую просветительско-пропагандистскую работу и консультировать ученых, чьи научные интересы связаны с кашубско-поморской проблематикой. Прошло несколько десятилетий, прежде чем в 1995 г. эта идея наконец получила ре-

альное воплощение, когда снова была принята резолюция на XIII Всеобщем съезде делегатов КПО, где среди наиболее актуальных задач называлось создание Кашубско-Поморского культурного центра в целях консолидации различных исследователей, реализующих в рамках сотрудничества с Центром широкомасштабные исследования кашубско-поморского сообщества. С 1999 по 2006 гг. Институт опубликовал более 90 печатных изданий, в том числе материалов конференций, монографий, биографий, архивных документов. Кроме научной и научно-популярной литературы КЦ издал сборники очерков, прозаические и поэтические произведения кашубских авторов (в том числе по-кашубски), воспоминания и дневники, каталоги выставок, альбомы и т.д.¹¹

Несмотря на перечисленные успехи кашубской общественности, ученых и деятелей культуры, а также на значительно большую степень свободы культурного и языкового самоопределения после начала демократизации 1989 г., кашубскому языку как непрерывно развивающейся единой системе был нанесен глубокий урон, как многовековыми попытками германизации, так и политической польского государства, нацеленной на «полонизацию» кашубов в лингвистическом отношении. Тем не менее, благодаря подготовке Польши к вступлению в ЕС, кашубский язык получил новый статус «регионального языка» сначала в Европе, а затем и в Польше. Благодаря этому оказалось возможным разработать Стратегию защиты и развития кашубского языка и культуры, для реализации которой 26 сентября 2006 г. был создан Совет по кашубскому языку при КПО¹². Члены Совета обладают высокой компетенцией в сфере использования кашубского языка в различных областях общественной жизни. Проект был финансово поддержан на уровне министерств.

Совет анализирует и дает оценку текущему состоянию кашубского языка и языковой политике, проводимой КПО, сотрудничает с органами государственного управления (с Министерством государственного образования, Министерством науки, Министерством культуры и национального наследия и др.) по вопросам, связанным с исследованием кашубского языка и условий его развития. Кроме этого, в задачи Совета входит распространение знаний о кашубском языке, его вариантах, нормах и критериях оценки его употребления, а также организация научных дискуссий и конференций с этой целью. Совет оценивает качество работы и потребности издательств, занимающихся вопросами кашубского языка и культуры языка, а также ведет самостоятельную издательскую деятельность. В задачи Совета входит принятие решений, связанных с языковыми трудностями в области лексики, грамматики, произношения, орфографии, пунктуации и стилистики, а также с использованием кашубского языка в научно-технической сфере, особенно в новых дисциплинах, для которых еще не выработана терминология. Непосредственной задачей Совета является утверждение правил орфографии и пунктуации кашубского языка. Члены Совета оценивают использование кашубского языка в административной сфере и юриспруденции, в рекламе, прессе, радиовещании и телевидении. Помимо этого, в компетенции Совета находится принятие грамматических и орфографических форм имен собст-

венных, предлагаемых в качестве названий для новых товаров и услуг. Совет уделяет особое внимание преподаванию кашубского языка, в том числе анализу и оценке существующих программ обучения. Совет ведет сотрудничество с высшей школой и научными организациями, заинтересованными в сохранении и развитии кашубского языка. Наконец, Совет взял на себя обязательство не реже одного раза в два года представлять Главному управлению и Главному совету КПО письменный отчет о принимаемых мерах по защите кашубского языка¹³.

В качестве примера работы Совета в первый год после его учреждения приведем список задач, утвержденных на 2006–2007 гг. на первом заседании Комиссии по стандартизации и кодификации при Совете по кашубскому языку:

1. Оценка состояния и перспектив кодификации кашубского языка на всех уровнях: орфография, фонетика, морфология, словообразование, синтаксис, лексика и фразеология;
2. Определение нормы устного и письменного варианта кашубского языка в сфере образования, СМИ и издания художественной литературы;
3. Установление общей нормы и вариантов нормы для переиздания кашубских литературных источников [...], утверждение географических названий для северного и южного варианта кашубского языка;
4. Оценка нормативности существующих словарей кашубского языка;
5. Орфографическая и фонетическая кодификация новых заимствований;
6. Выработка единой позиции в отношении польских и немецких заимствований и интернационализмов;
7. Кодификация имен собственных, в том числе топонимов, антропонимов и пр.¹⁴.

Кроме Комиссии по кодификации были созданы Комиссии по образованию и по вопросам средств массовой информации. В задачи первой входит оценка работы издательств учебной литературы, дополнения в области грамматической и литературной терминологии, характеристика образовательных стандартов и основы программ преподавания кашубского языка; забота о высоком уровне культуры обучения кашубскому языку; меры по созданию системы образования для подготовки дипломированных преподавателей кашубского языка высокого уровня¹⁵. Комиссия по вопросам СМИ взяла на себя задачу выработки и исполнения решений по введению кашубского языка в сферу информационных технологий, унификации повседневной лексики, названий официальных организаций, структур самоуправления, выработка специальной терминологии для сфер, постоянно присутствующих в программах СМИ: спорт, погода, политика и т.п.¹⁶.

Помимо работы Комиссий в октябре 2007 г. Советом была проведена конференция. Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся ее участниками, было утверждение языковой нормы. Так, Р. Восяк-Слива в своем докладе указывает на то, что по принимаемым с огромным трудом на заседаниях Комиссий решениям часто имеются различные мнения у «традиционалистов», большинство из которых являются лингвистами, знающими историю кашубского языка и его развития на протяжении столетий, и «либералов», в особенности деятелей культуры и писателей, усматривающих норму в актуальном срезе кашубского языка, в котором часто представлены полонизи-

рованные формы. Так, Э. Прычковский выступает против искусственных, базирующихся на диахронии и не учитывающих узуса образований, предлагаемых некоторыми членами Совета, поскольку считает, что современных носителей кашубского языка это только подтолкнет к отказу от кашубского в пользу польского языка¹⁷. Необходимо отметить, что эта проблема является следствием языковой политики, проводившейся немецкими и польскими властями, о которой речь шла в начале статьи. В настоящий момент особой угрозой для продолжения живой традиции употребления кашубского языка является ситуация, в которой среднее поколение «родителей» практически исключено из непрерывной линии преемственности в использовании кашубского языка, поскольку на их молодость пришлось послевоенные годы с их политикой возвращения жителей Поморья в лоно польской культуры, частью которой были целенаправленные усилия по снижению престижа «кашубщины» как диалектного, сельского идиома, препятствующего его носителям в получении высшего образования, продвижении по службе, и просто подвергавшегося осмеянию со стороны носителей польского литературного языка. Решение проблемы было предложено в виде установления двойной нормы – литературного и разговорного языка, с тем чтобы «образцовая» норма опиралась прежде всего на диахронию и использовалась в официальной речи, в речи священнослужителей, журналистов, ученых, учителей и актеров. Эту норму следовало бы преподавать в школах и фиксировать в учебных пособиях. Разговорная же норма может быть предложена для неофициального общения¹⁸.

Э. Прычковский также поднял болезненную проблему обучения кашубскому языку в школах: лишь в нескольких из пятидесяти кашубских гмин (минимальных территориальных единиц самоуправления в Польше) ситуация с преподаванием благополучна, тогда как во многих школах кашубский язык вводят в расписание для привлечения дополнительных средств при отсутствии компетентных учителей, в достаточной степени владеющих кашубским языком.

Участники конференции подтвердили факт, что на сегодняшний день Кашубия представляет собой билингвальный регион Польши. Однако, учитывая сказанное выше, это двуязычие у различных жителей региона может быть как активным, так и пассивным, т.е. не все кашубы пользуются кашубским языком, несмотря на то, что в различной степени им владеют. При этом у молодежи до 30 лет активный билингвизм возникает только в результате целенаправленных усилий по обучению кашубскому языку, поскольку в повседневных контактах это поколение может обходиться знанием польского языка без усвоения кашубского. Особенностью кашубского двуязычия является также то, что многие лексемы у носителей двух языков в этом регионе находятся в отношениях «дополнительного распределения», т.е. некоторые слова говорящие не могут перевести с кашубского на польский и наоборот¹⁹. Таким образом, можно отметить целые сферы общения, «зарезер-

вированные» для одного или другого языка. Этот факт закономерен, если вспомнить приведенные выше выдержки из доклада Э. Прычковского, указывавшего на неразработанность в кашубском языке лексики для сферы СМИ и современных технологий.

Тем не менее, Х. Макурат отмечает, что в целом современную ситуацию защиты и развития кашубского языка следует оценивать как благоприятную, поскольку сознательно проводимая кашубской интеллигенцией языковая политика приводит к повышению значимости кашубского языка на региональном, общенациональном и международном уровне²⁰. М. Цыбульский отмечает, что положительными результатами принятия *Устава о национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке* является то, что школы теперь обязаны вводить кашубский язык и занятия по кашубской культуре и регионоведению, если ученики и их родители высказывают такое желание. Органы самоуправления гмин, в которых кашубское население составляет от 20% и выше, также обязаны иметь сотрудников, которые в состоянии вести общение с гражданами по-кашубски. Этот прогресс впечатляет по сравнению с ситуацией, имевшей место несколько десятков лет назад²¹.

В работу Совета включились литературоведы, музыковеды, специалисты по информационным технологиям. Были представлены новые практические результаты работы по воплощению задач, заявленных при созыве Совета осенью 2006 г. Среди реализованных проектов следует отметить кашубские электронные словари, доступные на сайтах www.cassubia-dictionary.com и www.csb.wiktionary.org²². Т. Фопке создал портал под названием «Полюби кашубский! Бесплатное обучение кашубскому через песни», на котором в первый год работы над ресурсом разместил 130 песен с текстами, аранжировками, нотной записью и прочими приложениями. Кроме того, многие музыкальные фрагменты, в том числе вокальные концерты из произведений на кашубском языке, выложены на портале www.youtube.com²³.

Все это позволяет питать надежду, что «кашубщина» не разделит судьбу мертвых языков и этнолектов и не окажется среди двух третей языков мира, которым по современным прогнозам грозит исчезновение²⁴.

Примечания

¹ Biuletyn Rady języka kaszubskiego. Gdańsk, 2007. S. 113–114.

² Hanna Makurat. Sytuacja języka kaszubskiego z punktu widzenia hierarchiczności języków i polityk językowych na płaszczyźnie diachronicznej i synchronicznej // Biuletyn Rady języka kaszubskiego. Gdańsk, 2007. S. 106–107.

³ Gottlieb Leberecht Lorek. Charakterystyka Kaszubów znad Łeby. Z rysunkami kaszubskich strojów ludowych // Niemcy o Kaszubah w XIX wieku. Obraz Kaszubów w pracach G.L. Lorka, W. Seidla i F. Tetznera. Gdańsk, 2009. S. 63.

⁴ Józef Borzyszkowski. Wprowadzenie // Niemcy o Kaszubah w XIX wieku. Obraz Kaszubów w pracach G.L. Lorka, W. Seidla i F. Tetznera. S. 44.

⁵ Gottlieb Leberecht Lorek. Charakterystyka Kaszubów znad Łeby. Z rysunkami kaszubskich strojów

ludowych. S. 59–60.

⁶ Jerzy Treder. *Obrońcy kaszubszczyzny // Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny*. Gdańsk, 2006. S. 187–188.

⁷ Ibid.

⁸ Hieronim Rybicki. *Nazywano ich Słowińcami. Wybór źródeł*. Gdańsk-Wejherowo, 2003.

⁹ Cezary Obracht-Prondzyński. *Zjednoczeni w Idei. Pięćdziesiąt lat działalności Zrzeszenia Kaszubsko-Pomorskiego (1956-2006)*. Gdańsk, 2006.

¹⁰ Ibid. S. 154.

¹¹ Cezary Obracht-Prondzyński. *Zjednoczeni w Idei. Pięćdziesiąt lat działalności Zrzeszenia Kaszubsko-Pomorskiego (1956–2006)*. S. 433–436.

¹² *Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. S. 11.

¹³ Ibid. S. 11–13.

¹⁴ Ibid. S. 17–18.

¹⁵ Ibid. S. 20.

¹⁶ Ibid. S. 23.

¹⁷ Eugeniusz Pryczkowski. *Język kaszubski w działalności publicznej i obrocie prawnym, a zwłaszcza w reklamie, prasie, radju i telewizji oraz administracji // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. S. 81–82.

¹⁸ Róża Wosiak-Słiwa. *O normie językowej w polszczyźnie i nie tylko // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. S. 63.

¹⁹ Hanna Makurat. *Bilingwizm na kaszubskim obszarze językowym // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. S. 97–103.

²⁰ Hanna Makurat. *Sytuacja języka kaszubskiego z punktu widzenia hierarchiczności języków i polityk językowych na płaszczyźnie diachronicznej i synchronicznej // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. S. 104–112.

²¹ Marek Cybulski. *Praktyczne aspekty Ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (6.I.2005. Dz. U. 2005. Nr 17 poz. 141.) // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. S. 113–122.

²² Wojciech Makurat. *Kaszubskie słowniki internetowe // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. Gdańsk, 2008. S. 126–139.

²³ Tomasz Fopke. *Współczesna muzyka kaszubska w służbie edukacji regionalnej. Przegląd dokonania XXI wieku // Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. Gdańsk, 2008. S. 148–159.

²⁴ Marek Cybulski. *Praktyczne aspekty Ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (6.I.2005. Dz. U. 2005. Nr 17 poz. 141.)*. S. 122.

VI. Культура и литература славянских народов

А.Г. КЛИМОВ
(ГАСК, Москва)

Контroversы Души и Духа: пути преодоления в культурно-историческом наследии Солунских братьев

Abstract:

Klimov A.G. *Controversies of the Soul and Spirit: ways to overcome in the cultural and historical heritage of St. Cyril and Methodius*

This article shows various aspects of the correlation between the spiritual and mental, which developed as a significant plan of Christian doctrine and Christian Orthodox culture establishment history. Three types of such correlation are highlighted, outside the Christian culture they acquire the value of controversies. They are analyzed in terms of Slavic writing's influence on their resolution. The very emergence and expansion of the Slavic writing is demonstrated as the most significant factor in the cultural genesis in the history of Slavs, which gave a substantial boost to the researches and to the formulating and developing methods of correlation of the spiritual and mental.

The influence of written culture in the expansion and deepening of the subject content in the processes of spiritual level and mental component representation in them is shown.

Ключевые слова: Дух, Душа, мифологический, религиозный, объективно-научный урони познания, культурогенез, взаимодействие, взаимовлияние, эффекты трансформации культуры.

Духовные прозрения и культурные преобразования были вызваны явлением новой письменной культуры, представлявшей великую славянскую культуру. Ее начала были положены в акте создания и проповеди славянской письменности в пути жизненного подвижничества свв. Кирилла и Мефодия. Но само явление письменной культуры не только выступало очередным этапом культурогенеза, но и оказалось в историческом процессе величайшим стимулом в продвижении познания, и решении теологических и научно-теоретических задач, составлявших на тот период само содержание научного поиска.

Одной из центральных проблем, которая проявлялась и в становлении свода текстов Святого Писания, и в формировании христианского вероучения и корпуса его догматических оснований, и в институциональной истории христианства как мировой религии, была проблема соотношения духовного мира и мира душевного. Душа представляет собой ипостасное, сущностное явление божественного и регулятивного начала, усвоенное человеком

и обеспечивающее его жизненное движение. Причем изначально несущее в себе связь с высшими формами отражения и созидания, представляющими уже уровень Божественного.

И в религиозном, и в научном рассмотрении соотношение духовного и душевного представляется достаточно отвлеченной тематикой. По крайней мере, взаимосвязи содержания понятий Духа и Души рассматривается как достаточно специализированная проблемная область, которая может составлять предмет исследования лишь в истории теологических и философских учений. И дистанция между содержанием и актуальными задачами жизни человека, в силу своей значительности, оказывается серьезным препятствием для исследования и толкования этой темы в рамках собственно христианского дискурса.

Сам вопрос взаимосвязи душевного и духовного исследовался и в богословских изысканиях и в философии язычества, вплоть до наступления эпохи ранней схоластики сопровождавшей процесс становления христианского вероучения и, даже, оказывавшей на его становление, опосредствованное влияние через продуцирование ересей, преодоление которых и способствовало как развитию самого христианского учения, так и заложению основ научного метода, которые лишь с наступлением Нового Времени заявили себя как действенная сила уже общественного строительства.

В исследованиях взаимосвязи души и Духа их сопоставления зачастую приобретали формы контрверз, т.е. таких противопоставлений понятий, которые логически выражают спорное, дискуссионное содержание. Феномены духовного и душевного, для которых в основах христианского вероучения констатировалось единство их природы и производность души от духа, в распространении вероучения и его «омассовлении» нередко приобретали совершенно искаженное истолкование, которое поначалу еще компенсировалось процессами существования самой Церкви как творческого социокультурного начала. Но в культуре повседневности, да и в набирающей степень секуляризованности (выстрелившей именно в драматическом XIX столетии) культуре научных исследований повседневности эти контрверзы превращались в источник искажающий смыслы и затеняющих суть противоречий.

Контрверзы души и Духа составляют основание противоречий ценностей человеческого мира и, вследствие этого, определяют внутренние ценностные противоречия культуры, выступающие уже в гегелевском истолковании в качестве механизмов ее развития, т.е. социокультурной динамики. Они же служат глубинным основанием смысловых парадоксов человеческого мышления, подобных выделенному еще в средней схоластике парадоксу лгуна, выражающему специфическую природу категорических, универсальных суждений. Но, кроме отмеченных эволюционной и антропологической ипостаси, контрверзы душевного и Духовного определяют и симптоматическую картину психических дисфункций. Причем в таком «психопатологическом» преломлении они определяют как типологию наиболее характерных для различных областей современного общества расстройств, так и тот набор патологических признаков, проявлений отклонения и болезни, который в медицине называют симптомокомплексом.

В данной работе решается задача выявления ключевых контроверз душевного и духовного и оценки влияния на разрешение заключенных в них противоречий, которое определяется тем новым качеством культуры, которое было придано ей рождением славянской письменности.

Контраверзы

Первая (по порядку рассмотрения, но не по значимости) из контроверз представляет собой противопоставление индивидуальности души универсальности Духа. В христианской истории она выявлялась и формулировалась в традиции изучения путей преодоления первородного греха (неудовлетворенности человека и его ограниченности в земном бытии). Этой традиции противостояла позиция отрицания греха, проявляющаяся как наивно-мифологических формах антропоцентризма, так и в изошренных рациональных построениях логицизма Рассела и формализма Гильберта¹.

Вторая выступает противопоставлением трансцендентности Духа как Божественного явления всему существующему, и в частности – душе. Ее вполне правомерно обозначить как трансцендирование онтологичности как исходного качества сущего в его осенении божественным участием. Душа – тварное явление, но в ее происхождение акт творения осуществлялся в форме вдохновения.

Наконец, третий тип контроверзы соответствует развитию предыдущей в плане действительности, а именно, в актуальности душевного содержания и самого существования души, которой противостоит, и мистически дополняет его всеобщность Духа и универсальность духовного. Активность выступает имманентным качеством души, но актуальности душа превращается в ее выраженное качество лишь тогда, тогда, когда активность приобретает значение ее существенного качества в плане взаимодействия души с окружающей средой. Причем, обязательным условием является тут соответствие (фактический резонанс) этого взаимодействия системной тенденции трансформации всей системы.

Рассмотрение контроверз Духа и души наиболее выражено высвечивают различия аспектов мифологического, религиозного, и объективно-научного познания, представляющих собой, по сути, различные как в типологическом, так и в историко-генетическом плане мировоззренческие основания. И, потому, именно в обращении к духовному и душевному содержанию выявляются как проблемные стороны человеческого познания, так и противоречия, доходящие до степени парадоксальности в культурах разнотипных обществ.

На глубинном, мифологическом уровне духовное содержание раскрывается как особый план онтологии, отличающийся особым противопоставлением вещественному, материальному миру, суть которого была выявлена в платоновской философии идеального. Различные качества духовного мира, раскрывавшиеся в сюжетных построениях мифов как свойства и дела божественных и демонических существ, определяли сущность магического периода общественной истории человечества, который на научно-теоретическом уровне рассматривался в анимизме Э.Б. Тайлора, в этнологических исследованиях магии Дж. Фрезера и в определении социальных функций магии у Б. Малиновского.

Пожалуй, особенности мифологических представлений о духе и плане духовности наглядно передают строки Густава Мейринка, передающие впечатления и переживания Голема – фантазма, представляющего непостижимый, но переживаемый страшный духовный мир: «Непостижимый *дух греха* бродит по улицам днём и ночью и ищет воплощения. Он висит в воздухе, но мы не видим его. Он вдруг внедряется в какую-нибудь *человеческую душу* – мы и не знаем этого – то тут, то там – и прежде, чем мы можем опомниться, он уже теряет форму, и все исчезает. И только смутные вести о каком-нибудь ужасном происшествии доходят до нас»².

Религия в эволюционном истолковании существования человека во времени для общества была более совершенным способом осмысливания мира, в котором механически участвующие в жизни людей идола вытеснялись более совершенным способом отражения – верой в единое Божество как источник осмысления как всего сущего, так и несуществующего. Причем, исследуемые позитивно ориентированной гуманитарной наукой (этнологией, исторической антропологией, материалистической философией религии) ранние формы религии выступают не только как ступени эволюционного ряда приближения к этой более совершенной форме отражения, но как необходимый и единственный путь достижения более совершенного качества познания, замещающего аморфность и синкретность мифологического отражения. В религиозном понимании и истолковании наития, открывавшиеся мифологическим мышлением и мировосприятием, обретали новое значение в откровенном знании всеединства. Это знание становилось доступным лишь в актах откровения, которые в мифологических и магических культурах не могли восприниматься во всей полноте, поскольку там они не имели средств категориального различения духовного материала. Используя терминологию научной шкалометрии, можно сказать, что на мифологической стадии различия устанавливались лишь слабой шкалой, шкалой наименований, в то время как представления об абсолюте и об отношении к нему, оставались для нее недоступными.

Это было явственно продемонстрировано в исследованиях античной культуры академика А.Ф. Лосева, выявивших конкретность и даже телесность тех форм понятий, которые в этой культуре использовались. Для религиозного видения (и ведения) становятся характерными именно иерархические отношения между духовным и душевным, на стадии магико-мифологической существующие как неосознаваемое и даже табуированное для познания священное чувство, обретали конкретность в принятии Бога и в постижении теургии (Божьего дела) в физическом и метафизическом мире, равно как и участии Бога в делах человеческих.

Наконец, в объективно-научном познании возможности установления и истолкования отношений духовного и душевного определялись практическими процедурами определения их качеств, первичных (сущностных) и вторичных (производных) признаков, и установлением статуса объективного факта. От учреждения лабораторий, изучающих психические и

познавательные процессы Эбингауза и Вундта, до появления продолжающихся и периодических изданий российского психологического общества и энциклопедической деятельности Брокгауза и Ефрона.

Причем этот доказательный тип познания, сохраняя душевное и духовное как предметы научного исследования (пусть и с оговорками и, порой, с изощренными методологическими и терминологическими пассажами) все же отличался неким агностицизмом. В замечании Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) звучит весьма критический тон подобного отказа от обращения к духовной сфере: «Что же мешает нам сделать последний шаг и признать существование вполне нематериальной, духовной энергии и считать ее первичной формой, родоначальницей и источником всех форм физической энергии? Только априорное отрицание Духа и мира духовного, отрицание упорное и непонятное, ибо огромное количество фактов императивно принуждает нас считаться с ними»³. Упоминание о фактах не голословное риторическое формообразование, доктор медицинских наук уж, наверное, был осведомлен в научных тонкостях фактологии.

Контроверзы и явление славянской письменности

Помимо культургенетических функций письма славянская письменность, как великое духовное обретение Солунских братьев оказала исключительное влияние на содержание и историческое развертывание отмеченных контроверз душевного и духовного. Письмо полагалось как деятельность, сопряженная с активностью Духа, поэтому и в выразительном, и в дефинитивном плане исследования открывались возможности тонкого различения и фиксации для последующей трансляции в культуре взаимосвязей душевного и духовного. К тому же использование славянского языка в богослужении в значительной мере подтверждалось возможностями его существования и развития еще и в форме письменности.

Первая контроверза универсальности–индивидуальности в письменной славянской культуре разворачивалась и в текстовом богообщении, и в индивидуальном приобщении к Божественному слову посредством освоения письменной культуры.

Вторая контроверза трансцендентности Духа – актуальности душевного в славянской письменной культуре разворачивалась и преодолевалась выразительностью представленности Священного компонента. Именно неискаженное воспроизведение священного содержания текста позволяло разрешить непреодолимое в повседневной культуре и в формальном логическом дискурсе противоречие между мистической инаковостью духовного и наполнением (а одновременно и опосредствованием в терминологии Выготского-Леонтьева) жизни человека душевным содержанием и его ценностной значимостью для онтологии человека.

Наконец, контроверза переживаемой актуальности душевного (столь острой, что психические расстройства и заболевания составляют отдельный раздел нозологии) и мистической сущности духовного преодолевается тем, что мистическое содержание в письменной культуре не утрачивается,

а воспроизводится во всей полноте, позволяющей совершенствовать душевную актуальность в духовном направлении. Причем, здесь не просто преодолевается трансцендентность духовного мира через употребление заключенных в письменной культуре выразительных средств: само содержание открывается, неискаженно предстает в великой тайне божественного. И эта тайна не редуцируется в иррациональные средства языка и в приемы передачи интуитивных процессов текстовыми (письменными) средствами, а воспроизводит себя в плане славянской письменности, обращая ее в путь Богопринятия и Богопознания.

Примечания

¹ К [1922 году](#) у Гильберта сложился значительно более обширный план обоснования всей математики путём её полной формализации с последующим «метаматематическим» доказательством непротиворечивости [формализованной математики](#). надежды Гильберта в этой области не оправдались: проблема непротиворечивости формализованных математических теорий, как показал [Курт Гёдель \(1931\)](#), оказалась глубже и труднее, чем Гильберт предполагал сначала. Но вся дальнейшая работа над логическими основами математики в большой мере идёт по пути, намеченному Гильбертом, и использует созданные им концепции.

«Если кто-либо утверждает: „Существует Бог“, „Первоначальной причиной мира есть бессознательное“, „Существует энтелехия, которая является основой жизни существ“, то мы не должны говорить: „То, что вы говорите, ошибочно“, а должны скорее спросить: „Что вы имеете в виду под этими предложениями?“ По-видимому существует четкое разделение между двумя типами утверждений. Один из типов включает утверждения в том виде, как они высказаны в эмпирической науке, их значение может быть определено логическим анализом, или, более точно, сведением к простым предложениям об эмпирически данном. Другие утверждения, включая вышеупомянутые утверждения, оказываются полностью бессмысленными, если мы берем в том смысле, в котором использует их метафизик» («Краткий словарь философских персоналий» из книги Блиникова Л.В., статья «Карнап»).

² *Майринк Г.* Голем. СПб, 2000. С. 79.

³ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* О Духе, душе и теле. Брюссель, 1978. Гл. 2.

В.И. Косик
(Институт славяноведения РАН, Москва)

«Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»

Abstract:

Kosik V.I. *«Bulgaria's a fine country, but Russia is the best!»*

This essay demonstrates life of the Russian people in Bulgaria and their work on behalf of the country that had accepted them. Fate of several Russian people who have returned to their homeland is shown.

Ключевые слова: русская, родина, беженцы, Болгария, СССР, Россия, учитель, врач, инженер, Н.Б. Глинский, И.Г. Тинин, Н.К. Григоров, художники.

Революция с ее ужасами гражданской войны стала «заграницей», и русские беженцы, оказавшись в Болгарии после всех этих потрясений, стремились устроиться по-своему – со своими магазинами, лавками, ресторанами, библиотеками и прочим, что позволяло им быть почти как в России.

Свободное от «быта» время можно было потратить и на модное кино. В 1930-х гг. ходили на немецкую «фильму» «12 стульев», действие в которой происходило в Германии, смотрели многосерийного «Тарзана» с Джоном Вейсмюллером в главной роли. Популярны были и ковбойские фильмы. В سینема можно было увидеть и русскую «развесистую клюкву» о любви князя к дворовой девке¹.

И все же самыми, самыми... были творения советских режиссеров и артистов. Первый советский фильм «Чапаев» шел несколько месяцев подряд. Этот фильм среди изгнанников посеял смуту: «Одни говорили, что этот фильм – воспоминание о гражданской войне, другие утверждали, что все это брехня, третьи признавали, что это большевистская пропаганда. Но главное здесь то, что все спорили о нем и смотрели его по нескольку раз». Второй советский фильм, вызвавший смятение был «Тринадцать». Один из эмигрантов И.Г. Тинин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «фильмы из России всегда очень болезненно и трепетно воспринимались русскими эмигрантами. Они были для взрослых и желанным напоминанием об утраченной родине, и одновременно вызывали душевную боль по утрате»².

Любители русской песни могли ходить на разнообразные концерты. Случались и праздники души, когда выступал в Софии хор С. Жарова, пели А. Вертинский, Н. Плевицкая, на концертах которой зал «заливался слезами», в особенности при исполнении песни «Занесло тебя снегом, Россия»³, с ее первыми строками:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Замело!.. Занесло!.. Запуржило!..

Но надо было жить, устраиваться, приспособливаться, обустроиваться...

Многие беженцы начинали с физического труда, становились шахтерами, работали на стройках. Группа русских инженеров основала предприятие по устройству системы отопления в квартирах, т.е. модернизировали производство железных печей⁴.

Большой труд русские вложили в строительство софийского водопровода, начатого в 1934 г., а также в прокладку трамвайных путей в болгарской столице. Те, которые оседали в деревнях, занимались, в частности, дублением овечьих шкур. Одним из эмигрантов была даже открыта фабрика дубленок, которую в 1947 г. «владелец подарил Советскому Союзу»⁵.

Юрист становился печником, князь открывал на паях с болгаринном предприятии по производству мебели, во главе одного из трех колбасных производств в Софии был тоже русский, некто Суханов. При своей «мини-фабрике», размещенной в обычной квартире, он открыл магазин, где торговал еще теплой ветчиной, малороссийской, краковской, «собачьей радостью» и другими сортами. Колбасы продавали и другие русские, но уже только болгарского производства. К русской селедке приучал еще один магазинщик по фамилии Максимович, создавший капитал на ее продаже. Имевшие вкус к торговле заколачивали деньги на продаже дешевой одежды, в том числе «секонд-хенда». Торговлей поношенной одеждой занималось и действовавшее с 1929 г. по 1937 г. целое предприятие, иронически прозванное русскими «Центрохламом». Женщины зарабатывали шитьем, открывали домашние столовые со знаменитыми русскими пирожками, память о которых жива и сейчас на Балканах. Выручал и родной язык, уроки которого вели в гимназиях эмигранты, в частности, они учили русскому болгарских певцов. Владение языками помогало найти самую разнообразную работу: в банках, «переводчиками или лакеями в посольствах», женщины устраивались гувернантками, нянями. Была попытка заработать легкие деньги на азартных играх. Так, семья Паганаци открыла было казино, но бережливые болгары обходили его стороной, а у русских были другие заботы. В итоге игорный дом быстро закрылся, не оправдав ожидания хозяев⁶.

Русские предпочитали ставить на себя.

Только одна судьба: князь Александр Леонидович Ратиев. Это была личность, о которых в английском языке есть слово «selfmademan», т.е. человек, сделавший себя сам. Бывший марковец, он прибыл в Болгарию в 1921 г. Начал трудовую деятельность столяром, потом стал краснодеревщиком, открыл свою мастерскую, получил известность мастера интерьера. И хотя в 1929 г. он закончил юридический факультет Софийского университета, но правоведом так и не стал, предпочтя старое, но любимое ремесло новому занятию. После Второй мировой войны, с 1947 г. по 1949 г., Ратиев был даже директором деревообрабатывающей фабрики при Клубе советских граждан в Болгарии. Потом трудился главным проектировщиком в кооперативе «Народная мебель». Князь был автором многих интерьеров для правительственных учреждений, частных домов, зданий культурного назначения и др.⁷.

Обширное поле деятельности представляли культура и просвещение, где трудились десятки и сотни русских беженцев, университетских профессоров, гимназических преподавателей, церковнослужителей.

Кто же они были и как их встретила Болгария?

Глава правительства Александр Стамболийский, как вспоминал русский профессор В. Ренненкампф, приезжал на софийский вокзал приветствовать русских. Болгарский премьер-министр, заинтересованный в их привлечении в Болгарию, стремился перехватить русских, направлявшихся в Сербию, отношения с которой были давно испорчены, что было вызвано давней борьбой за Македонию, в которой воинственные болгары проигрывали. Этот фактор может служить дополнительным объяснением к быстрому приему того же Ренненкампфа на должность профессора социологии Софийского университета. И, конечно, здесь немалую роль сыграл известный в славянском мире профессор Стефан Савов Бобчев, который, по словам Ренненкампфа, был «живым отрицанием афоризма “человек человеку волк”». В своих воспоминаниях русский профессор, которого вначале поселили в военном училище, писал: «Не могу не отметить самого сочувственного отношения к моей семье и ко мне, а также к семейству другого русского профессора, прибывшего раньше нас, со стороны болгарских офицеров и преподавателей училища. И те и другие окружили нас особенным вниманием, приглашая нас на свои вечеринки, концерты и даже на одну свадьбу, и всегда, будучи гостеприимными хозяевами, щедро нас потчевали»⁸.

Возвращаясь с «пира радости» в «будни», скажу, что не для всех приискание места было достаточно легким.

Так, высланный из Советской России в 1922 г. ассистент Новороссийского университета ботаник Георгий Андреевич Секачев (1894–?) первый год работал на семеноводческой станции. С иронией он писал А.В. Флоровскому о своей «служебной» обязанности – перебирать горох: «эта работа имеет свою хорошую сторону, так как, Бог знает, может быть, придется в будущем где-нибудь работать на кухне в качестве «мужика», а там эта специальность всегда пригодится»⁹.

Но не все так бедствовали. Неплохо устраивались медики, нужда в которых была велика.

Русские с 1920 по 1953 гг. опубликовали 26 учебников и учебных пособий. Из них 9 были связаны с медициной, 4 – с правом, столько же – по истории, причем три принадлежали П.Н. Бицилли. Назову только один его труд: «Основные направления и историческое развитие Европы с начала христианской эры до нашего времени» (София, 1940).

Несколько строк еще об одном ярком человеке. Андрей Петрович Евдокимов (1893–?), донской казак. Завершил право в Московском университете перед революцией в октябре 1917 г. Затем служил в Добровольческой армии. Эмигрировал в Болгарию. Работал учителем в болгарских гимназиях в Велико Тырново, Хасково, Кюстендиле. Преподавал русский, французский, латынь. На его уроках всегда царил тишина. Часто ездил в Париж на летние каникулы, чтобы усовершенствоваться в языке – развлечения были дорогаты для провинциального учителя. «Ученики благоговели перед ним». С начала 1930-х гг. победил в конкурсе, переехал в Софию, преподавал

в первой мужской гимназии и здесь стал одним из любимых учителей. В начале 1940-х гг. министерство просвещения переместило его в Софийский университет, он стал лектором русского языка на историко-филологическом факультете, соавтором первых программ по обучению русскому языку, писал учебники, был причастен ко всему, что относилось к преподаванию русского языка. О таких, как Евдокимов, говорят – «учитель от Бога». Его лекции посещали коллеги, учившиеся у него педагогическому мастерству. Преподавал такой сухой предмет, как практическая грамматика, сумев очаровать им своих студентов¹⁰.

В Болгарии были и иные «поля и нивы» для деятельности, например, практическая медицина. Здесь обосновалось около 200 врачей, т.е. примерно 20% всех врачей в стране. В 1929 г. Народное собрание приняло закон, приравнявший русских медиков в правах с болгарскими коллегами. Закон позволил русским врачам, не состоящим на службе, заниматься частной практикой.

Русский врач с нерусской фамилией Трейман открыл клинику для туберкулезных больных. Русские стояли во главе спецотрядов по борьбе с венерическими заболеваниями.

Нужно назвать и доктора Чернецкую, организовавшую службу по борьбе с бешенством¹¹. По ее инициативе по всей стране были не только созданы пункты прививок против бешенства, но она научила бороться с этой страшной болезнью многих болгарских врачей и успешно занималась научной работой в этой области. Правда, один из ее учеников «подсел» ее, заняв ее место заведующего отделом по борьбе с бешенством в Институте здравоохранения¹².

Весьма много осело в Болгарии и русских художников. Судя по списку, составленному Цветаной Кьосевой, в 1929–1945 гг. членами Общества русских художников состояло 38 человек. А в целом, людей, связанных с ремеслом художника и скульптора насчитывалось 78 человек¹³. Их мастерство позволило им активно работать в сфере художественного оформления книжно-журнальной продукции, создавать монументальные композиции на религиозную и светскую тематику, работать декораторами, художниками по костюмам, успешно выставляться, утверждаться в болгарской культуре, обогащать ее художественную жизнь¹⁴.

Из тех художников, картины которых вернулись на Родину, назову Сергея Ивановича Петрова (18. III. 1918, Челябинск – 19. VI. 2006, София), графика, пейзажиста, портретиста, мастера натюрморта. В 1933 г. уехал с родителями в Болгарию, откуда был родом его отец. В годы войны учился в Академии художеств у профессоров Илии Петрова и Николы Маринова, Николы Ганушева. Потом настало время самостоятельного творчества, выездов на этюды. Владение техниками монотипии (вид графики), масляной живописи, акварели, где, в отличие от предыдущей, нельзя ничего исправить, уже характеризует Петрова мастером, причем обладавшего редкостным терпением, необходимым для тех, кто работает в технике монотипии. Любителям колорита его творчество придется по вкусу яркостью, чувственностью живописи, что роднит его с такими мастерами русского авангарда, как Василий

Шухаев или Филипп Малявин. Среди многочисленных работ, в которых он рисовал Болгарию, Россию, есть и София, своя, неповторимая, собственная...

Картины художника, награжденного орденами Кирилла и Мефодия I и II степеней, хранятся в галереях Болгарии и России, в частных собраниях в Америке, Европе, Азии. Первая персональная выставка Петрова в Москве прошла в 1998 г. в Болгарском культурном центре, а в 2001 г. в его родном Челябинске. Сейчас в областном государственном музее искусств находится около 400 картин, переданных художником в дар¹⁵.

В Софии жили, спорили, ненавидели, уживались писатели, поэты, даже философы, размышлявшие на тему связи географии с историей – я говорю о евразийцах. «Тонко понимавшие», что Париж лучше Софии, они сравнительно быстро уезжали.

Тем не менее, некоторые предпочитали славянскую столицу мировым европейским центрам.

Одним из них был Александр Митрофанович Федоров (1868, Саратов – 1949, София), о котором его друг, болгарский писатель Стилиян Чилингиров сказал как-то: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», имея в виду революцию, изгнавшую многих, в том числе и Александра Федорова, из пределов России.

Возвращаясь к литературе, отмечу, что творчество Федорова было отмечено Пушкинской премией, вручаемой за изданные на русском языке «оригинальные произведения изящной словесности в прозе и поэзии». В 1911–1913 гг. вышло в свет семитомное собрание его сочинений.

В канун 1920 г. он прибыл морем в Болгарию без семьи, оставшейся в советской России. И здесь он «увидел к себе настоящее внимание и участие. Я встретил друзей, бережно, заботливо и деликатно относящихся к необъятной русской печали, к бесконечному горю и терзаниям»¹⁶, – писал Федоров.

Все это обусловило сравнительно быстрое вращение «Фаныча», как называл своего друга собрат по литературе писатель Чириков, в новую жизнь. Он преподавал родной язык и родную литературу в одной из софийских гимназий (3-я мужская). Занимался литературной работой, в переводе на обычный язык – писал стихи, прозаические произведения, статьи, очерки и пр. Русский язык был с ним всегда!

Федоров неоднократно ездил по Болгарии с курсом лекций о России и ее литературе. Часто его в этих поездках сопровождал Евгений Чириков, поэтому их в шуточно-уважительно называли «Кириллом и Мефодием». «Фаныч» много публиковался в болгарской прессе (в переводах Чилингирова): здесь и стихи о Болгарии, и очерки о монастырях, деятелях болгарского искусства, в частности, о скульпторе Андрее Николове. Федоров единодушно был избран председателем Союза русских писателей и журналистов.

Казалось бы, жить и радоваться. Однако на исходе жизни Александра Митрофановича мучают мысли о смысле прожитых дней. «Порой, – писал он, – меня одолевает отвращение к самому себе. Куда стремлюсь я? Впечатления ли собираю или множу собственные страдания?». Томила грусть, ностальгия. «Как река с насильственно измененным руслом несет в своих водах песок,

щебень, камень, так и человек, выброшенный роковыми обстоятельствами из привычной жизни, обречен нести в душе своей горечь и печаль, тоску и страдание»¹⁷.

Этот мотив грусти, тоски характерен и для многих его поэтических опытов. Так, в стихах «На чужой стороне» есть такие строчки:

Я гость на чужой стороне,
 Все больше камней под корнями,
 Все суше и в сердце на дне,
 И как бы меня ни любили,
 И как бы ни верили мне,
 Я заживо(?) стиснут в могиле,
 Я гость на чужой стороне.
 Не вольный я гость, не минутный,
 За что – никогда не пойму,
 Судьбой осужден, бесприютный,
 Уйти в неизвестность и тьму.
 Увижу ль народ мой ожившим,
 Иль он захлебнется в волне?
 Как горько, отчизну любившим,
 Есть хлеб на чужой стороне¹⁸.

Здесь, конечно, есть гиперболизм, но все же можно понять его настроение: Россия стала СССР, сын пропал, на Родине его не знают (только в 1981 г. в Уфе была издана книга «Степь сказалась»), а прошлые заслуги не в счет. Хотя он мог бы с полным правом гордиться тем, что он сделал в русской и болгарской литературе как поэт, писатель, блестящий переводчик.

В 1980 г. его приемная дочь Лиляна Шульц привезла архив отца в Москву. Можно сказать, что «поэт добра и красоты», как называли его русские эмигранты, вновь вернулся на Родину. И может быть, там следует поискать будущим исследователям творчества Федорова страницы романа о времени, в котором он жил, чувствовал, творил.

В конце Второй мировой войны после освобождения Болгарии для русских наступали другие времена.

Возвращаясь в 1946 г., напомним об указе Сталина от 14 июля, по которому бывшие подданные Российской империи могли получить советское гражданство и вид на жительство в стране пребывания, для болгарских русских – в Болгарии. Иван Григорьевич Тинин писал о том времени: «... если для советских людей в СССР было много пятен в отечественной истории..., то на Западе мы знали и про Соловки, и про травлю интеллигенции, и о поруганных церквах и монастырях. Мы знали о plombированном вагоне, в котором приехал Ленин в Россию из Германии в апреле 1917 г., и об убийстве царской семьи, и даже о Катюши. Так что для нас в эмиграции белых пятен в истории нашей страны первой половины XX века не было. Но такие предупреждающие знания не смогли затмить эйфорию радости по случаю возможности вернуться на родину у всех слоев эмиграции, от монархистов до эсеров или кадетов... Сталинский указ, а тогда все указы назывались сталинскими, воспринимался нами как знак того, что любовь наша к родине взаимна. Мы никогда не забывали ее, и родина не забыла нас»¹⁹.

И все же у каждого был свой путь возвращения в жизнь в советской России. Только три судьбы.

Если говорить о русских художниках в Софии, то непременно следует начать с рассказа о потомке знаменитого рода Глинских – театральном художнике и замечательном человеке Николае Борисовиче Глинском (17(30).VIII.1901, Москва – 04.I.1999, Саратов).

Особо подчеркну, что Глинский делал по заказу Софийского Военного музея копию знаменитого Самарского знамени, изготовленного жителями этого города и предназначавшегося для болгарского ополчения. Оно развевалось на Шипке и стало не только болгарской, но и русской святыней²⁰.

Глинский готовил костюмы для целого ряда спектаклей, драматических и оперных. Делал эскизы костюмов для оперетты «Али-баба и сорок разбойников». Работал для кукольного театра. Пробовал себя и в балетном жанре – делал костюмы для «Половецких плясок» из «Князя Игоря».

Сотрудничество с театрами у Глинского было плодотворным, помогали и русские связи. Так, в 1929 г., благодаря Николаю Дмитриевичу Векову, занимавшему пост главного дирижера Софийского государственного театра оперы и балета, получил и выполнил заказ на костюмы и эскизы к декорациям для спектакля «Борис Годунов».

Были поручения и из царского дворца. По заказу болгарской царицы Джованны он с 1930 г. на протяжении тринадцати лет ежегодно расписывал пару пасхальных яиц для итальянской королевы, ее матери-черногорки, остававшейся православной.

В 1929 – 1953 гг. он оформлял постановки – «Садко», «Шехеразаду», «Сказку о царе Салтане», «Царскую Невесту», «Бориса Годунова».

Последней работой Глинского в Софийском оперном театре стало оформление в 1953 г. оперы Римского-Корсакова «Царская невеста».

В 1945 г. он стал работать главным художником Софийского Дома офицеров (в 1946 г. он был переименован в Дом офицеров Советской Армии, а в следующем году стал называться Дом советско-болгарской дружбы, где художник проработал до 1955 г.).

В 1946 г. Николай Борисович получил, как и многие русские, советское гражданство, но на родину смог возвратиться только спустя десять лет через целину. В 1955 г. вместе с семьей прибыл в СССР. Вначале жил в поселке Летняя Ставка Ставропольского края. Жить в Москве, работать в Большом театре он не смог, хотя имел рекомендации. Работал учителем черчения и рисования в школе. Потом ему все же удалось переехать в 1956 г. в Саратов, вступить в Союз художников СССР, быть принятым на должность главного художника Саратовского театра драмы имени К. Маркса. На новом, но привычном, месте, он оформил 26 пьес. Среди них была и русская классика («Без вины виноватые», «Красавец мужчина», «Живой труп», «Женитьба»), советская драматургия («Битва в пути», «Проводы белых ночей»), произведения зарубежных авторов («Дамы и гусары») и др. Сотрудничал с другими театрами. Работал на телевидении. Участвовал в выставках. В 1986 г. передал

в библиотеку Всероссийского театрального общества свою коллекцию (200 000 иллюстраций!!!) по истории костюма, собиравшуюся им 60 лет. Этот бесценный дар был и весом – около полутонны! В 1990-х гг. саратовское телевидение сняло документальный сериал «Николай Глинский».

В конце своих воспоминаний Глинский напишет:

«Всегда и везде как художник вообще и прежде всего как художник театра, как оформитель празднеств, балов и маскарадов я приносил людям главным образом, смею надеяться, удовольствие и радость. А отчасти – и пользу в прямом смысле как иллюстратор учебников, научных книг и статей. Искусство и науку я любил почти одинаково, и в какой-то мере я их совмещал, вливая в театральные работы – декорации и костюмы – свои познания в истории, в быте, в этнографии, а в иллюстрирование научных книг – свои познания естествознания».

С первых же своих трудовых шагов я неотступно придерживался принципа, который считал стержнем профессионализма: что бы ни делал, стремился выкладываться до конца, добиваться максимального, насколько это в моих силах, результата, не давая себе послаблений...

И еще: всегда работал, без пауз, без перерывов на усталость или хандру. Человек в зрелые годы должен всегда находиться в состоянии работы. Это тоже обязательное условие профессионализма. И работа всегда найдется, если ищешь ее и не пренебрегаешь любой. Нельзя ждать работу.

Свое возвращение на Родину я воспринимаю как огромное счастье, которое не обошло меня стороной. Подарком для меня стал и необыкновенно сердечный прием, оказанный мне коллегами в Советском Союзе, где, казалось бы, я был чужим во всех отношениях.

К моему бескрайнему сожалению, лучшие годы, против моей воли, были отданы чужбине, но добрая судьба все же дала мне возможность потрудиться и для моего народа. Я всегда, где бы ни был, чувствовал себя русским»²¹.

Читая книгу Ивана Григорьевича Тинина о его жизни «Бытие Исход Второзаконие...»²², лучше понимаешь то многообразие жизненных судеб и испытаний, выпадающих человеку. Дворянин, выпускник Софийского университета, «первый солдат болгарской армии», (был правофланговым первого отделения первого взвода первой роты, первого батальона первого полка первой дивизии, правда, недолго, болгарской армии), участник Великой Отечественной войны, вернувшись на родину, И.Г. Тинин стал работать художественным руководителем одного из Домов культуры в Сталинградской области. Он стал жить на родине, но привыкать было трудновато: слишком разнился быт «там» и «здесь». Белый плащ воспринимался как докторский халат, черные солнечные очки служили наглядным доказательством слепоты, а узкие брюки были признаком бедности Болгарии, где, в отличие от СССР, якобы были вынуждены экономить на материале. И тем не менее эти мелочи не заслоняли главного – желания работать в полную силу. В середине 1960-х гг., когда по всей стране стали как грибы расти клубы веселых и находчивых, организованный Иваном Григорьевичем КВН прогремел на всю страну. В его провинциальную Дубовку стали приезжать молодежные команды из Болгарии, Польши, Венгрии. Тинина даже почти наградили орденом «Знак почета», но, узнав, что он сын русского эмигранта, представление к награде было разорвано. Но это была просто очередная «мелочь». Сам Иван Григорьевич продолжал работать в любимой ему культуре, руководил агитбригадами, писал сценарии, устраивал концерты и пр. В 1964 г. его команда стала лауреатом первого смотра агитбригад. Потом

была учеба в Московском институте культуры, так как диплом Софийского университета документом о высшем образовании не считался. На склоне лет был преподавателем в Волгоградском государственном университете, в частности, читал курс по истории христианства, стал крестным отцом для многих своих студентов и не только с исторического факультета. В 1998 г. был награжден орденом Сергия Радонежского.

Это был экскурс в одну судьбу человека, вернувшегося на Родину и служившего ей своим трудом и талантами в сфере культуры, просвещения, образования.

Теперь еще одно *curriculum vitae* – инженера Никиты Константиновича Григорова, с которым меня свела история русской эмиграции. Точнее, он попросил меня посмотреть его рукопись о своем роде, насчитывающем не одну сотню столетий и служившем России верой и правдой. Достаточно сказать, что один из его предков участвовал в 1410 г. в битве при Грюнвальде. Биография самого автора рукописи, родившегося в 1932 г. в Сараево, связана не только с Югославией, но и с Болгарией, куда его семью выслали в 1950 г. титовские власти. В новой стране он стал студентом Софийского университета, изучал радиотехнику. Как и многие его болгарские сверстники работал на одной из многих строек, а именно, на прокладке железной дороги Враца–Оряхово в бригаде имени Александра Матросова. Приобрел друзей среди болгар. Но когда в конце 1954 г. было получено официальное известие о возможности переезда в СССР, то каких-либо колебаний не было. Его отец часто повторял, что «русский должен жить в России». И, как говорил сам Никита Константинович, «вероятно, многократно слышанные рассказы отца о России, исподволь привили мне латентное чувство патриотизма и любви к незнакомому мне отечеству».

Хотя тут надо сказать, что в СССР выехало примерно пять тысяч человек, а осталось приблизительно семь с половиной тысяч. Но это совсем не означает того, что для невозвращенцев родина стала чужой. Тут целый комплекс причин, обусловивших отказ от переезда: надо полагать, что прежде всего был и страх перед возможными репрессиями, и нежелание бросать устроенную жизнь и начинать все сначала, и то, что многие уже вросли в болгарскую жизнь, сроднились со страной, стали своими.

Возвращаясь в биографию Н.К. Григорова, отмечу, что его судьба в СССР складывалась по-иному, чем у И.Г. Тинина. После высадки эшелона с «русскими болгарскими» в Павлодарской области Казахстана и получения новых общегражданских паспортов они получили возможность разъехаться по всей стране. Сам 24-летний Никита Григоров получил возможность продолжить начатое образование в Горьковском политехе, по окончании которого стал работать в Саратове на «почтовом ящике», т. е. на предприятии, связанном с секретами военного ведомства. За несколько лет, не будучи партийным, вырос до должности главного конструктора. Потом были и другие руководящие посты, потребовавшие вступления в партию. В 1971 г. Н.К. Григоров за успешную деятельность в сфере электроники был награжден

ден орденом «Знак почета», тем самым, в котором отказала Тинину власть в лице чиновницы-перестраховщицы.

Только одно замечание: в области техники все же людей больше ценят, нежели в той же культуре, которая «всегда под подозрением».

Свою инженерную деятельность Н.К. Григоров закончил в Москве, работая заместителем главного инженера главка министерства.

И последнее: записанные в электронном виде и хранящиеся в библиотеке, что рядом с памятником Достоевскому, воспоминания Никиты Константиновича Григорова посвящены истории своего рода, неотрывно связанного с историей России. Ей служили и упомянутые здесь Глинские, Григоровы и Тинины для которых она была «лучше всех».

Примечания

¹ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие (история глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 45, 46.

² Там же. С. 46.

³ Матвеева И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / Вступит. слово и коммент. А.Н. Горяинова // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 528.

⁴ Матвеева И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 497.

⁵ Там же. С. 496.

⁶ Там же. С. 498–501.

⁷ Ратиев Л.А. Князь Александр Леонидович Ратиев и его архив // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 407.

⁸ Ренненкамф Вл. Моятя първата среща съ С.С. Бобчевъ и моите първи впечатления въ София // Юбилеен сборник издаденъ по инициативата на юридическия факултет при Софийския университетъ въ честъ на С.С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейность. София, 1921. С. 9.

⁹ Савина Г.А. «Пусть барахтаются...»: К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора III. Новые материалы. Париж–Санкт–Петербург, 2002. С. 302.

¹⁰ Йотов Ц. Андрей Петрович Евдокимов и катедра «Руска филология» в СУ «Св. Климент Охридски» // Бялата емиграция в България. С. 233, 234, 235.

¹¹ Матвеева И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 499.

¹² Там же. С. 501.

¹³ Кьосева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 4. С. 22–23.

¹⁴ Там же. С. 11–21.

¹⁵ «Душа рвалась на родину» Памяти русского художника Сергея Петрова // Челябинский рабочий. 30.06.2006 (<http://www.chrab.chel.su/archive/30-06-06/7/A127083.DOC.html>).

¹⁶ Цит. по: Петкова М. Возвращение // Бизнес-контакти. Февраль, 2007 (<http://biznes-kontakti.com/index.php?newsid=203>).

¹⁷ Цит. по: Петкова М. . Возвращение.

¹⁸ Дом-музей Марины Цветаевой. Архив Русского зарубежья. КП–1279/6.

¹⁹ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие. С. 172.

²⁰ Глинский Н. Моя жизнь – весь XX век // Волга. 1997. № 5/6. С. 219, 220.

²¹ Глинский Н. Моя жизнь – весь XX век. С. 216.

²² Тинин И. Бытие Исход Второзаконие.

А.С. Стыкалин

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Восприятие русской культуры в Венгрии в XIX – первой половине XX в. в меняющемся историческом контексте. Основные тенденции и этапы

Abstract:

Stykalin A.S. *The process of the reception by the Hungarian public of Russian culture in the XIX – the first half of the XX century. The main stages and tendencies*

The essay represents the main stages in the process of the reception by the Hungarian public of Russian culture in the XIX – the first half of the XX century, the influence of the social and political factors on the process.

Ключевые слова: Россия, Венгрия, Габсбурги, славянские народы, культура, рецепция, литература, музыка, театр.

Изучение российско-венгерских контактов в области культуры (особенно художественной) имеет довольно обширную историографию¹. Однако и по сей день существует немало «белых пятен» в истории диалога русской и венгерской культур. Кроме того, огромный эмпирический материал, уже введенный в научный оборот, не всегда легко позволяет отличить существенное от второстепенного. Нужда в работах обобщающего, концептуального характера тем более велика, что завершение XX столетия лишней раз напоминает нам о необходимости подведения некоторых итогов. В центр внимания данной обзорной статьи, претендующей не более, чем на пунктирное обозначение основных вех истории русско-венгерских культурных связей на протяжении полутора столетий, вынесен только один из аспектов (хотя и чрезвычайно важный) этих многогранных связей – восприятие русской культуры в Венгрии, находившееся в определенной зависимости от смены эпох, от изменения социально-исторического контекста. Нельзя забывать о том, что параллельно происходил, пусть и менее интенсивно, обратный процесс – со времени наполеоновских войн и походов русской армии в Центральную Европу² венгерская культура неизменно оказывалась в поле зрения российской образованной публики. Триумфальные гастроли Ф. Листа в Петербурге и Москве в 1840-е гг. и деятельность художника М. Зичи, связавшего несколько десятилетий своего творческого пути с Россией, немалая популярность поэзии Ш. Петефи в среде разночинной интеллигенции пореформенной России и многочисленные русские переводы исторических романов М. Йокаи в последние десятилетия XIX в., вклад Б. Уитца в советское изобразительное искусство и приезд великого композитора Б. Бартока в СССР в конце 1920-х гг. – эти и многие другие факты двусторонних связей также оставили яркий след в истории диалога двух культур.

Начало российско-венгерским отношениям в новое время было положено еще в эпоху Петра I, который в 1707 г., в разгар войны со Швецией,

тайно встретился в Варшаве с руководителем антигабсбургского освободительного движения князем Трансильвании Ференцем II Ракоци. Попытки российского царя «назло надменному соседу» провести своего трансильванского протеза на пустовавший в то время польский престол не увенчались успехом, не смог Петр также оказать Ракоци действенную поддержку в борьбе с Габсбургами, закончившейся поражением венгров. Главным итогом встречи явилось установление торговых связей – отведав вкус токайского вина, сановный Санкт-Петербург во главе с царем-реформатором решил поставить закупку венгерских вин на более прочные основания. Уже позже, при дочери Петра Елизавете с этой целью была создана токайская комиссия, просуществовавшая более полувека (кстати, среди ее сотрудников был и проживший в Венгрии несколько лет знаменитый украинский философ Г.Сковорода³). Контакты виноделов стимулировали связи и в других областях. Большая сербская община Венгрии регулярно получала из России церковную и учебную литературу, некоторые из присланных в XVIII в. книг и сейчас можно видеть в музее сербской культуры в городе Сентэндре близ Будапешта, где находилась крупная колония сербов.

В конце XVIII в. венгерская пресса, в ту пору делавшая лишь первые шаги, только эпизодически обращалась к российским проблемам⁴. Роль России в наполеоновских войнах, увеличение ее веса в европейской политике после победы над Францией, посещение Александром I со свитой Буды и Пешта по пути с Венского конгресса способствовали повышению читательского интереса к российской тематике, в 1810–1820-е гг. получавшей все более частое освещение в венгерской периодике. Появляются первые обзорные статьи о современной русской литературе, а затем и переводы произведений русских писателей. Сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя пришли к венгерской аудитории еще в годы, предшествовавшие революции 1848 г.

Говоря об особенностях восприятия русской культуры в Венгрии, нельзя, конечно, не учитывать довлевший в венгерском национальном сознании страх перед панславизмом. На протяжении всего XIX в. образованные слои венгерского общества с неизменным беспокойством следили за славянскими национальными движениями Габсбургской монархии, видя в них угрозу интересам венгров, а после заключения в 1867 г. соглашения с Габсбургами – юридически закреплённому статусу Венгрии в системе дуализма. При этом за всеми подлинными и мнимыми проявлениями славянской общности чудилась фигура русского царя. В своих опасениях панславизма венгры не были одиноки – эту угрозу во времена правления Николая I видела вся либеральная Европа. Вместе с тем в Венгрии опасность со стороны России иной раз преувеличивалась. Хотя отношения двух соседних держав постоянно отягощались политическим соперничеством, царизм, как правило, не был заинтересован в поддержке радикальных национальных движений в Австрии (Историками много раз приводились слова Николая I, относящиеся к 1848 г.: «Ни Богемии, ни Моравии, ничего другого не приму под скипетр России, даже ежели б об этом настоятельно просили, ибо оно было

бы прямо противно выгодам нашим»). И дело отнюдь не только в монархической, династической солидарности, не допускавшей явно враждебных жестов, способных нанести смертельную обиду венскому двору. Решающую роль играли схожесть представлений обеих правящих элит об основах равновесия сил в Европе, общность консервативных держав в противостоянии любым попыткам революционного переустройства снизу системы международных отношений, санкционированной решениями Венского конгресса 1814–1815 гг. Связи России со славянами монархии Габсбургов, хотя и довольно интенсивные, относились по преимуществу к сфере культуры. И все-таки для страха перед Россией были реальные основания, что подтвердила интервенция 1849 г., усугубившая антипатию широких кругов венгерского общества не только к политическому режиму Николая I, подавившему одну из великих европейских революций XIX в., но и к России в целом. Почва для антирусских настроений сохранялась и позже, даже в начале XX в., когда уже сошли со сцены те поколения венгров, которые помнили 1849 год. Ведь после того, как в 1860-е гг. спор Австрии и Пруссии за роль центра в процессе объединения немецких земель завершился поражением венского двора и Габсбурги под нажимом Бисмарка были вынуждены уйти из Германии, экспансионистские притязания Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгерской монархии) стали все более смещаться в сторону Балкан. А здесь устремления Вены напрямую сталкивались с интересами Петербурга. Причем враждебная России направленность австро-венгерской внешней политики определялась, в первую очередь, восточной половиной монархии и, в частности, влиятельным венгерским аристократическим лобби (у истоков внешнеполитической доктрины Австро-Венгрии стоял в 1870-е гг. наиболее выдающийся ее министр иностранных дел венгерский граф Д. Андраши). Позицию правящих кругов Венгрии довольно откровенно выразила еще в 1860-е гг. газета «Пешти напло»: «Мы считаем, что не заслуживает права называться венгерским политиком тот, кто главной опасностью для Венгрии считает не русскую, кто не в естественных противниках русских видит естественных союзников Венгрии»⁵.

Но сколь бы ни были сильны антирусские настроения в постреволюционной Венгрии, они все же не перечеркнули усилий популяризаторов русской литературы, которая именно в это время, в 1850–1860-е гг., начала привлекать к себе серьезное внимание венгерского (как и западноевропейского) читателя. Классик венгерской эпической поэзии Я. Арань (1817 – 1882) увлекался творчеством Гоголя и впервые перевел на венгерский язык «Шинель». Его сын Л. Арань, тоже видный поэт, испытал большое влияние Лермонтова. Как романтизм «Мцыри», так и глубокий реализм «Героя нашего времени» находились в созвучии с настроениями скепсиса и меланхолии, которые Л. Арань разделял в 1870-е гг. со многими своими современниками, увидевшими в прозаических буднях дуалистической Австро-Венгрии жалкую карикатуру на высокие идеалы свободы и независимости, провозглашенные в 1848 г.

При переводах русской литературы в качестве языка-посредника, как правило, выступал немецкий. Но опубликованный в 1866 г. перевод «Евгения Онегина» был выполнен непосредственно с оригинала. Блистательный стихотворный перевод К. Берци, выдержавший более двух десятков изданий, вызвал множество подражаний, сильно повлияв на формирование в венгерской поэзии жанра романа в стихах. Более того, органично вписавшись в контекст литературного процесса 1860-х гг., этот перевод сыграл свою роль в преодолении избитых романтических шаблонов, утверждении в венгерской литературе новых методов обращения к реальности. Конечно, наследие романтизма продолжало жить в переводе Берци. По замечанию одного из венгерских литературоведов, в трактовке переводчика «Евгений Онегин» был скорее «библией любви», чем «энциклопедией русской жизни»⁶. Отлично овладевший русским языком талантливый переводчик был слишком далек от российских общественных реалий 1820–1830-х гг., чтобы каждый раз тонко улавливать подтексты пушкинского повествования, особенно там, где дело касалось иронических намеков на конкретные обстоятельства и лица. И все-таки Берци сумел выделить в романе и донести до венгерской публики то, что в наибольшей мере соответствовало ее тогдашним духовным устремлениям. Хорошо переданный переводчиком скептицизм «Евгения Онегина» оказался созвучным умонастроениям значительной части венгерского общества в канун, в момент и после заключения соглашения с Габсбургами в 1867 г., когда многим людям, жившим идеалами 1848 г., пришлось ради будущего спокойствия в общем доме с горечью отказаться от всякой мысли о борьбе за независимую Венгрию. Отчасти в этом заключался секрет популярности пушкинского романа. Уже в 1921 г. крупный писатель Ж. Мориц имел все основания заметить, что «венгерскую литературу все еще осеняет тень Пушкина»⁷.

Распространение русской культуры в Венгрии отнюдь не сводилось к публикации литературных произведений. В 1858 г. в Пеште успешно концертировал А. Рубинштейн. В 1870-е гг. венгерскую сцену начинает завоевывать русская драматургия. Немалый отклик зрителя нашла постановка Национальным театром в Будапеште гоголевского «Ревизора» в 1874 г. (кстати, намного опередившая по времени первый спектакль по этой пьесе в Германии). Позже успешно ставятся пьесы Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Постановка пьесы М. Горького «На дне» состоялась в Будапеште в 1903 г., всего через полгода после московской премьеры. Эта пьеса шла в Венгрии и на провинциальной сцене, а в 1910-е гг. была экранизирована.

Каждое поколение венгров искало в русской литературе и – шире – культуре ответы на вопросы не только вечные, но актуальные для своего времени. Если поначалу при обращении к русской литературе читателя зачастую привлекала экзотичность и непохожесть на Венгрию изображенного в ней мира, то начиная с 1860–1870-х гг. он все более мог отметить сходство в развитии двух народов. Ведь в последние десятилетия XIX в. обе страны переживали переход к капитализму через мучительную ломку отживших

себя, но все еще крепких феодальных структур. «Он весь, до мельчайшей клеточки своей, мог бы сойти за венгерский роман», – написал об «Обломове» И.А. Гончарова классик венгерской литературы первой половины XX в. М. Бабич⁸. Одним из самых читаемых в Венгрии конца XIX в. зарубежных писателей был И.С. Тургенев – под влиянием его романов базаровские типы стали характерным явлением венгерской прозы. Как и в России, в Венгрии в это время литература постепенно изживала романтические тенденции, развивала в себе реалистические начала и опыт ведущих русских писателей оказывался востребованным венгерскими литераторами.

Целый этап в восприятии русской литературы в Венгрии начался в 1880–1890-е гг. с переводом основных произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. «Взволнованная, жаждущая искупления Европа жадно впитывала в себя глаголы мессианских романов, и у образованнейших читателей Венгрии предвоенных лет не было писателя более популярного, чем Достоевский», – вспоминал начало XX в. тот же М. Бабич⁹.

Привязанность к конкретным российским реалиям отнюдь не исключала универсальности проблем, которые ставила русская литературная классика. Молодой К. Манхейм (впоследствии классик европейской социологии XX в.) писал в начале 1912 г. своему духовному наставнику Д. Лукачу о том, что обращение к Достоевскому дает возможность разрешить занимающие его моральные дилеммы, поскольку мир Достоевского «очень схож с нашим со всеми его противоречиями, всей его дисгармонией»¹⁰. Сам Д. Лукач, активно не принимавший современной ему западной цивилизации, бездуховной, чреватой войнами и несущей в себе угрозу гибели культуры, в поисках нравственных абсолютов обратился к России, и мир произведений Достоевского многое дал венгерскому мыслителю для ее постижения. В Достоевском Лукач видел коренного реформатора европейского романа, создателя новейшей эпопеи, не просто адекватно воспроизводящей во всей широте взаимосвязей погрязшую в грехе действительность, но способной ей противопоставить целостный мир, который зиждется на совершенно иных моральных основаниях. Этика, воплощенная в романах Достоевского, по Лукачу, более глубока, нежели кантовская этика, поскольку утверждает нравственную ответственность индивида не только за его собственные поступки, но за все зло, совершаемое на земле. Этические нормы, господствующие в современном обществе, есть не более чем одна из сил отчуждения. Мир героев Достоевского выше мира господствующих социальных форм и обычных этических норм; отношения между людьми в нем определяются не через их социальный статус, а посредством общения обнаженных душ, преодолевающего социальные узы. Из оставшейся незавершенной работы о Достоевском выросло одно из главных сочинений молодого Лукача – «Теория романа» (1916).

С боснийским кризисом 1908–1909 гг. Россия и Австро-Венгрия превратились в заклятых врагов, войну между ними уже едва ли можно было предотвратить. Первая мировая война, где основным противником монархии Габсбургов стала именно Россия, была всецело поддержана венгерским

общественным мнением. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», – писала 3 сентября 1914 г. социал-демократическая газета «Непсава». Но при всей антипатии к царизму и, более того, при всей определенности антироссийских настроений венгерское общество отнюдь не утратило способности откликаться на то поистине ценное, что было в русской культуре. Так, например, с большим триумфом прошли в Будапеште незадолго до войны гастроли дягилевской балетной труппы.

В первые месяцы войны лишь одиночки (и в их числе крупный поэт Э. Ади, философ Д. Лукач) нашли в себе смелость пойти против течения. Лишь по мере затягивания войны милитаристский угар в сознании венгерской интеллигенции преодолевался, все сильнее звучал голос антивоенных движений. Февральские, а затем и октябрьские события 1917 г. в России способствовали радикализации общественного мнения в Венгрии, пробудили у немалой части интеллектуалов мессианские надежды на грядущее переустройство человечества. Известно, что установление в 1919 г. Венгерской советской республики и начавшиеся социалистические эксперименты поначалу были с воодушевлением встречены многими выдающимися деятелями венгерской культуры. В условиях, когда российский опыт выступал в качестве образца, совершенно по-новому воспринималась и роль русской литературы. «В России столетиями шла подготовка этой революции. Каждая книга, написанная в течение прошедших веков рукою русского человека, – своего рода скрытая пропаганда приближающегося нового мира. Вся печаль и тоска, пронизывавшая голоса русских писателей, звучала во имя спасения страдальцы-родины», – писал весной 1919 г. один из ведущих венгерских писателей Д. Круди¹¹.

Левацкие эксцессы, сопутствовавшие социалистическим преобразованиям в Венгрии 1919 г., не могли не оттолкнуть даже многих из тех интеллигентов, кто вначале восторженно приветствовал пролетарскую власть. Падение Венгерской советской республики сопровождалось заметным сдвигом вправо в общественном сознании. В немалой мере этому способствовал и воспринимавшийся как прямое следствие революции Трианонский мирный договор 1920 г., лишивший страну более 2/3 площади земель «венгерской короны», в эпоху дуализма управлявшихся из Будапешта, и тем самым травмировавший национальные чувства миллионов венгров, с большим трудом адаптировавшихся к новой геополитической ситуации¹².

Пришедший на смену советской власти правоавторитарный хортистский режим всячески преследовал любые проявления коммунистической идеи. Страх перед угрозой с Востока, как и в прежнюю эпоху, продолжал доминировать в сознании правящих кругов Венгрии (да и более широких масс), хотя и сменил свое обличье: теперь угроза виделась не в традиционном панславизме, а в большевизме. «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», – такова была позиция венгерского правителя М. Хорти, изложенная в одном из писем Гитлеру¹³. Очень показательным, однако, то, что большевизм воспринимался правыми

силами Венгрии опять-таки весьма своеобразно – как видоизмененная форма панславизма. При всем различии в мировоззрении «русский большевизм и панславизм преследуют одинаковые цели, как военные, так и политические», – писал Хорти Гитлеру в 1935 г. Эти цели сводятся к экспансии на Запад, непосредственно угрожающей Венгрии. При этом большевизм располагает сильным оружием, которое отсутствовало у старого панславизма – речь идет о пропаганде мировой революции. С другой стороны, наблюдая за эволюцией сталинского режима, правитель Венгрии, как и другие небеспристрастные иностранные наблюдатели, не мог не обратить внимания на коренную трансформацию его идеологии, перенесение акцента с интернационалистских идей на апологию державных ценностей: «Опасность мировой революции уменьшится, если в России возобладает национализм и панславизм, но зато значительно возрастет ее военная мощь как национального государства»¹⁴. Когда в середине 1930-х гг. ненавистная Хорти Чехословакия (по его выражению, «злокачественная опухоль Европы») стала ориентироваться на союз с СССР, это дало регенту венгерского королевства основания сделать вывод о том, что славянство сейчас «почти идентично с большевизмом»¹⁵. Именно стремление к ревизии Трианонского договора и страх перед коммунизмом привели хортистов к союзу с фашистской Германией, имевшему катастрофические последствия для страны.

Изменения в духовной жизни венгерского общества после 1919–1920 гг. отнюдь не перечеркнули интереса к русской литературной классике, которая в 1920-е гг. раскрывается новыми своими гранями, дает духовную пищу для осмысления опыта Первой мировой войны и последующих великих революций, радикально перекроивших карту Центральной и Восточной Европы. Воспринимая Трианон как национальную катастрофу, венгерская консервативная мысль связывала ее с губительными идеями, пришедшими прежде всего с Востока. В попытках выявления истоков русской революции, оказавшей, по мнению многих, столь роковое влияние на судьбу Венгрии, ведущие умы снова обратились к творчеству Достоевского, прочитанного теперь уже совсем иными глазами. Столетие со дня рождения писателя, отмеченное в 1921 г., дало импульс появлению новых публикаций с толкованием его творчества.

Культурные связи между СССР и Венгрией, происходившие в 1920–1930-е гг. по официальным каналам, сводились прежде всего к обмену научной литературой, причем в весьма ограниченных масштабах¹⁶. Наибольшее в межвоенный период «потепление» в отношениях двух стран наметилось в 1939–1941 гг. – оба государства были в это время союзниками гитлеровской Германии. Советский павильон на международной выставке в Будапеште весной 1941 г. посетили тысячи венгров. В те же месяцы советской стороной были возвращены правительству Венгрии знамена венгерской революционной армии, захваченные войском фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1849 г.¹⁷.

Хортистский режим, правоавторитарный, консервативно-охранительный, но все же не тоталитарный, запрещая деятельность компартии, допускал в определенных пределах существование левой оппозиции. В недолговечных

полулегальных и нелегальных прокоммунистических, легальных социал-демократических и либеральных изданиях периодически появлялась информация о событиях культурной жизни СССР. Сборник «Современный русский декамерон», составленный крупным поэтом Д. Ийешем в 1936 г., познакомил венгерского читателя с рассказами советских писателей. В литературной периодике и даже отдельными изданиями выходили произведения М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева, В. Катаева и др. Возможности ознакомления венгерской публики с современной российской культурой далеко не соответствовали большому интересу к ней не только в левых политических кругах, но и среди более широких слоев интеллигенции. «Я тоже с жадностью читал “Россию” Дюлы Ийеша (очерки, написанные Д. Ийешем после посещения СССР в качестве гостя I съезда советских писателей в 1934 г. – А.С.). Кто может не интересоваться Россией?.. Экспериментальной лабораторией человеческого общества... За знаменитыми Вратами как будто начинается царство грядущего и снов... Любая весть оттуда волнует. И с известным волнением беру я в руки даже самую безразличную, но переведенную с русского книгу», – писал на страницах влиятельнейшего журнала «Нюгат» М. Бабич, человек либерального склада, как правило, отмежевывавшийся от коммунистической идеологии¹⁸. Интерес венгерской публики к современной русской культуре подтверждается многими фактами. В середине 1920-х гг. в Будапеште с успехом прошли гастроли артистов Московского Художественного театра, несколько раз давал концерты С. Прокофьев. В середине – второй половине 1930-х гг. гастролерами были дважды исполнены произведения Д. Шостаковича, привлечшие большое внимание любителей музыки.

В 1930-е гг., в условиях наступления фашизма, в рядах венгерской интеллигенции происходит перегруппировка сил, сопровождавшаяся новым полевением общественного сознания; часть либеральных и консервативных интеллектуалов, всегда однозначно отвергавших коммунистические доктрины, теперь сделала нелегкий выбор в пользу союза с коммунистами в едином антифашистском фронте. В новой обстановке приобретает иное звучание и русская классика. В 1937 г. на собрании венгерской литературной общности по случаю 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина М. Бабич говорил, что образ великого русского поэта «никогда не казался более современным и трагическим, чем в наши дни. Это глубокое, неискоренимое и безнадежное стремление к свободе приобретает особое значение под сенью современных диктатур. Цари больше не правят, но порой и нас, как героя Пушкина, охватывает стремление вырваться отсюда, оставить эту тираническую суровую, губящую человека цивилизацию, бежать в какой-то наивный... мир, где первобытные страсти, кочующие цыганы и дикие горы...»¹⁹.

Новый этап в восприятии русской культуры в Венгрии начался по окончании Второй мировой войны. Роль Красной Армии в победе над гитлеризмом способствовала заметному повышению авторитета СССР в глазах зарубежной интеллигенции, усилению просоветских настроений даже в тех

ее кругах, где прежде симпатии к большевизму были явлением чрезвычайно редким²⁰. Все это не могло не стимулировать интереса не только к политико-экономической системе, в рамках которой были организованы военные усилия страны, но и к советской культуре и, более того, ко всей многовековой традиции русской культуры. Но размышляя о причинах повышения такого интереса, нельзя все, конечно же, сводить лишь к преклонению перед всепобеждающей силой советского оружия. Долгие месяцы гитлеровской оккупации и террора повлекли за собой существенные изменения в сознании населения стран, переживших войну, способствовали переоценке многих ценностей, выработке нового взгляда на культурно-историческое наследие той или иной нации. В каждом из регионов и каждой из стран эта переоценка приобретала свое, обусловленное конкретным историческим опытом, звучание. Так, в государствах-наследниках монархии Габсбургов, на протяжении веков связанных более или менее тесными узами с немецкой культурой, в умонастроениях интеллигенции проявилась тяга к отмежеванию от традиции, ориентировавшейся на близость с Германией. В венгерской публицистике остро и подчас с некоторыми полемическими перехлестами ставился вопрос о том, сколь негативные последствия для венгров имело в разные века соседство их земель с немецкими. Германскому воздействию противопоставлялись более благотворные культурные влияния – как западные (из Франции и англо-саксонского мира), так и восточные. Интерес к русской (в том числе и современной советской) культуре, который всего через несколько лет стал искусственно подогреваться режимом Ракоши, насильственно насаждавшим в Венгрии эту культуру в ее далеко не лучших образцах, был в самые первые послевоенные годы совершенно естественным, проистекавшим из глубоких потребностей венгерской нации в переломный момент истории заново осмыслить свое место в Центральной Европе, на перепутьи между Востоком и Западом. «Перед нами распахнулись ворота Востока, и мадьяры сейчас с освобожденной и жадной душой обратились к источникам своей древней родины», – отмечал в 1945 г. далекий от симпатий к большевизму и впоследствии эмигрировавший писатель Л. Зилахи²¹. «Спрос на нашу литературу здесь огромный и она может распространяться как на венгерском, так и на немецком языках», – докладывал в 1945 г. в Москву уполномоченный Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) по Венгрии²². С первых послевоенных лет публикуются большими тиражами произведения советских писателей, выходит новыми изданиями литературная классика. Ставятся на сцене оперы великих русских композиторов; без влияния системы Станиславского (при всей неоднозначности этого влияния) невозможно представить себе развитие венгерского театрального искусства²³.

Когда стала общедоступной ранее запрещенная советская литература, точкой отсчета в спорах о ней стала русская литературная классика. Характерно, например, что в венгерском городе Дебрецене местное отделение общества культурных связей с СССР провело в 1946 г. семинар «Советский человек по романам Достоевского»²⁴. Обращаясь к поискам в новейшей русской

культуре черт преемственности с классикой, критика чаще всего констатировала разрыв с традицией, что, впрочем, отнюдь не всегда означало отрицание продуктивности послеоктябрьских веяний. В отличие от героев Достоевского «новый русский человек не отличается глубиной и не страдает эпилепсией, он целеустремлен, трезв и здоров. У него меньше душевных проблем, чем у его отцов, его идеал – не болезненное сочувствие, а действенная солидарность. Венгерский читатель пока еще мало знаком с этим типом. Когда он его узнает, то влияние его будет, вероятно, плодотворнее влияния предков», – слова венгерского литературоведа А. Комлоша, относящиеся к 1946 г., передают ожидания той части интеллигенции, которая видела в советской культуре один из источников обновления духовной жизни Венгрии²⁵.

Советская культура не только не была явлением однородным, но, пожалуй, и не воспринималась таковым. Левые силы, жаждавшие революционных перемен, проявляли особый интерес к тому ее пласту, который, главным образом в силу причин отнюдь не художественных, в СССР относился к давно пройденному историческому этапу. Речь идет об авангарде 1920-х гг., пронизанном коммунистической тенденциозностью и в то же время явно не укладывавшемся в прокрустово ложе норм сталинско-ждановской эстетики 1940-х гг. Так, в венгерских журналах были неоднократны упоминания В. Мейерхольда, хотя в условиях политического диктата СССР конъюнктура совсем не благоприятствовала ознакомлению с его творчеством. При этом показательно, что некоторые левые и вместе с тем дистанцировавшиеся от Москвы венгерские издания (например, журналы Л. Кашшака) пропагандировали литературный, художественный, театральный, кинематографический авангард 1920-х гг. как бы в пику соответствующим ведомствам СССР, упорно делавшим вид, будто той культуры не существовало. Таким образом, содержание самого феномена «советская культура» понималось совсем не одинаково представителями официальной Москвы и венгерской интеллигенцией²⁶.

Впрочем, не только классика советской эпохи, но и культура, вполне умещавшаяся в узконормативных рамках «соцреализма», находила свою аудиторию и вызвала определенный интерес. Это подтверждается обилием рецензий, и не только в коммунистической прессе. «В первые годы после 1945 г., при некотором оттеснении классической литературы на второй план, главным элементом в возросшем интересе к литературе советской оказывается экзистенциальное влечение, возникающее из желания познать завтрашний день, полный еще туманного обещания нашего собственного будущего», – так объясняет это явление венгерский исследователь И. Феньвеш. Причем «в результате этого повышенного интереса неизбежно отступал на второй план художественно-эстетический характер произведений литературы», – продолжает он²⁷. Еще точнее ту же мысль сформулировал в 1959 г. публицист и социолог Л. Кардош: «В той жадности, с которой мы принялись за чтение советской литературы, было немало от поверхностного любопытства, заинтересованности новизной, но еще больше от жажды поглубже узнать советскую действительность, продиктованной насущной потребностью отчетливее представить

условия существования при новой жизни... Через советскую литературу, изображающую жизнь советских людей, мы надеялись заглянуть в собственный завтрашний день». При этом «заинтересованность, проистекавшая из беспокойства за конкретные условия существования, несколько притупила наше эстетическое чутье»²⁸. И у тех, кто жил в атмосфере надежд на осуществление коммунистических идеалов, и у тех, в ком преобладала настроенность, были, таким образом, и некоторые общие мотивы обращения к культуре социалистического реализма.

Даже те из ведущих венгерских художников, кто однозначно поддерживал коммунистов и последовательно выступал за социалистическую альтернативу, в большинстве своем видели в обращении к советскому опыту прежде всего путь к обогащению национальной культуры, приобщению ее к новым источникам развития. Их ожиданиям явно не соответствовал поворот конца 1940-х – начала 1950-х гг., создавший в культурной жизни Венгрии принципиально иную ситуацию: почти полностью вытесняется современная западная культура, принижается значение отечественной традиции, русская классика также отходит на второй план, уступая место насквозь идеологизированной и политизированной духовной продукции советского и местного происхождения. Иллюзии, связанные с переориентацией национальной культуры на Восток, оказались, таким образом, недолговечными в сознании даже той части интеллигенции, которая на время была им подвержена. Только после 1956 г., в эпоху Кадара, удалось до некоторой степени восстановить положение, при котором из русской культуры (классической и современной) бралось действительно ценное и политическо-конъюнктурный момент не играл решающей роли. Но и в эти десятилетия сохранявшееся неравноправие советско-венгерских политических отношений препятствовало налаживанию естественного диалога культур и формированию свободного от политики, объективного и непредвзятого взгляда венгерской интеллигенции на проблему культурного влияния с Востока²⁹.

Примечания

¹ См.: *Tanulmányok a magyar-orosz irolalmi kapcsolatok köréből*. I–III köt. Budapest, 1961; Венгерско-русские литературные связи. М., 1964; из публикаций последних десятилетий следует выделить пятитомное собрание источников «Русские писатели: взгляд из Венгрии»: *Orosz írók magyar szemmel*. Вр., 1983–1992. См. также: Советско-венгерские связи в художественной культуре / Отв. редакторы И. Светлов, Л. Солнцева. М., 1975.

² Именно путевые записки дворян-офицеров, участвовавших в наполеоновских войнах (Ф.Н. Глинки, А.И. Тургенева, В.Б. Броневского, А.М. Данилевского), открыли венгерскую тему в русской литературе. Из тех, кто ее продолжил в последующие десятилетия, можно выделить А.И. Герцена, в своей публицистике осмыслившего уроки революции 1848–1849 гг., а в автобиографической книге «Былое и думы» оставившего хотя и не лишние налета иронии, но неизменно уважительные отзывы о Л. Кошуте и других видных венгерских политиках, с которыми он познакомился в эмиграции.

³ См.: Григорий Сковорода в Венгрии // *Штернберг Я.И.* Мир поэзии и дружбы (поиски и находки). Ужгород, 1979. С. 63–82.

⁴ Историк Л. Мольнар насчитал в венгерской печати до 1815 г. 120 сообщений о России и российской культуре (Ласло В. Мольнар. Русско-венгерские культурные связи. 1750–1815. Йошкар-Ола, 1993). Авторы этих заметок, как правило, черпали информацию из немецких изданий. Важно то, что венгерская пресса в начале XIX в. отреагировала на реформаторские попытки Александра I, в осуществлении которых, кстати, приняли активное участие выходцы из Венгрии – юристы, врачи, педагоги, специалисты других областей (один из них, экономист М. Балугьянский, стал впоследствии сенатором, первым ректором (1819–1821) Петербургского университета, Я. Орлай служил придворным лейб-медиком Александра I, а позже, став директором Нежинской гимназии, был учителем у Н.В. Гоголя, оставившего положительные отзывы о нем). Русская тема нашла отражение и в художественном творчестве. Так, еще в конце 1780-х гг. поэты Й. Гвадани и М. Патаки откликнулись на взятие Очакова.

⁵ Цит. по: *Dioszégi I.* Österreich-Ungarn und der französisch-preussische Krieg 1870–1871. Budapest: Akadémiai Kiado, 1974. S. 21.

⁶ *Péter M.* Megjegyzések Puskin «Jevgenyij Anyegin»-jének magyar fordításához // *Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből.* I. köt. Вр., 1961.

⁷ *Moricz Zs.* Világirodalom felé // *Nyugat.* 1921. 1 sz. 72. о. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Творчество А.С. Пушкина в контексте восприятия русской литературной классики в Венгрии (XIX – первая половина XX века) // *Славяноведение.* 1999. N. 3. С. 74–83; *Он же.* Отношение к панславизму в Венгрии XIX – первой половины XX в. и восприятие творчества А.С. Пушкина // А.С. Пушкин и мир славянской культуры (к 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000. С.264–275.

⁸ Цит. по: *Гал И.* Бабич, русская революция и классики русской литературы // *Studia Slavica.* N. 20. Вр., 1974. С. 306.

⁹ Там же. С. 319. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Русская литература в сознании венгерской читающей публики эпохи дуализма // *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика* / Отв. редактор О.В. Хаванова М., 1997.

¹⁰ Цит. по: *Gluck M.* George Lukács and his generation. 1900–1918. Harvard University Press. Cambridge (Mass.). 1985. P. 27.

¹¹ *Krudy Gy.* Orosz hangok // *Magyarország.* 1919, márc.30.

¹² См.: Стыкалин А.С. Трианонский мирный договор 1920 г. и идеология хортистского режима // *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы).* М., 1999 (Центральноевропейские исследования. Выпуск 1). С. 52–71. – «Венгерское национальное самосознание было скроено по образу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением, в котором мадьярский приоритет базировался не только на вульгарных принципах статистического большинства и расовой принадлежности, но и на исторических и политических достижениях нации. Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн. граждан», – справедливо замечает в этой связи современный венгерский историк Ласло Контлер (*Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002).

¹³ Цит. по: История Венгрии. Т. 3. М., 1972. С. 292. – Здесь уместно, однако, заметить, что при всей непримиримости идеологических противоречий между Советским Союзом и хортистской Венгрией существовала основа и для сближения двух стран, поскольку ни в Москве, ни в Будапеште не принимали Версальской системы в целом и некоторых ее конкретных установлений в отношении определенных стран. Идеология, таким образом, иногда отступала на второй план перед реальной политикой. Так произошло, в частности, летом 1940 г., когда СССР и Венгрия выступили по сути дела партнерами при расчленении Румынии

¹⁴ Архив внешней политики России РФ (АВПР). Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 125–126.

¹⁵ Там же. Л. 160.

¹⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 5283 (ВОКС). Опись 6. Дела 785–800.

¹⁷ См.: Научные издания московского Венгерского колледжа. Вып.1 / Отв. редактор Й. Горетить. М., 2001.

¹⁸ *Nyugat.* Budapest, 1935. 1 sz. 145. о.

¹⁹ Цит. по: *Гал И.* Бабич, русская революция и классики русской литературы. С. 313–314.

²⁰ Очень показателен в этой связи отчет советских кинематографистов об их участии в первом Каннском фестивале (1946), где говорилось, что хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры ... каждое появление тов. Сталина (на экране при демонстрации фильма кинорежиссера М. Чиаурели “Клятва”. – А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17. Оп. 125. Д. 469. Лл. 58, 62).

²¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 115. Л. 14 (из выступления на заседании венгерского общества культурных связей с СССР).

²² АВПР. Ф. 077. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 49.

²³ См.: *Стыкалин А.С.* Русская культура в Венгрии во второй половине 1940-х годов. Новый этап в диалоге двух культур // *Власть и интеллигенция*. Вып.3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. С. 121–160.

²⁴ В Москве подобный ракурс рассмотрения проблемы советского человека едва ли мог найти понимание тех, кто ведал распространением русской культуры за рубежом. «Подобная ложная и недопустимая постановка вопроса способна только извратить и опошлить образ советского человека в понимании венгерской аудитории и ничего кроме вреда принести не может», – ответил ВОКС своему уполномоченному в Венгрии (АВПР. Ф. 077. Оп. 26. Папка 119. Д. 43. Л. 144). Как говорилось в той же связи в другом документе, «учитывая, что за рубежом обычно стараются односторонне подчеркнуть наиболее реакционные черты творчества Достоевского», «нашу точку зрения на Достоевского важно противопоставить существующему в Венгрии мнению» (Там же. Д. 44. Л. 75).

²⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 127. Л. 20–21.

²⁶ В Москве рамки официально признанной «советской культуры» были заметно (и далеко не в первый раз) сужены небезызвестными идеологическими постановлениями 1946–1948 гг. Это самым непосредственным образом сказалось на популяризации советского искусства за рубежом. Так, после принятия в феврале 1948 г. постановления ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба» руководство ВОКСа в письмах своим уполномоченным в странах Центральной Европы предлагало поставить перед радиокомпаниями вопрос об исключении из репертуара «формалистических» произведений С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского (АВПР. Ф. 077. Оп. 28. Д. 52. Папка 131. Л. 46–51). Получался парадоксальный феномен: ведомства, отвечавшие за пропаганду за рубежом советской культуры, не только не способствовали, но иногда даже противодействовали распространению наиболее ценного, что было создано в СССР за годы большевистской власти, даже если оно в принципе не противоречило коммунистическим идеалам.

²⁷ *Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominata dissertationes Slavicae*. N. 19. 1988. 173–174 o.

²⁸ Цит. по: *Hungaria litterata, europae filia*. Вр., 1985. P. 185.

²⁹ Метаморфозы восприятия русской культуры в условиях социалистической Венгрии могут стать предметом самостоятельного исследования. Из наших работ, написанных на материале первого послевоенного десятилетия, см.: *Стыкалин А.С.* Советский фактор в развитии венгерской культуры (1945 – первая половина 1950-х годов) // *Власть и интеллигенция*. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. Вып. 2. М., 1993.

Н. Ким

(Управление внешних связей Московской Патриархии)

История создания и иконография иконостаса храма св. Александры в г. Ирем, Венгрия

Abstract:

Kim N. *The Creation and Iconography of the Iconostasis of the Church of St. Great Martyr Alexandra in Urom, Hungary*

The article is dedicated to a little-known example of iconographic art from the end of the 19th century - the iconostasis of the chapel - mausoleum of the Grand Princess Alexandra Pavlovna in the village of Urom (Hungary). The iconostasis, painted in 1883, is the work of a renowned iconographer and academician of Byzantine art, V.V. Vasiliev. The article discusses the most important documents related to the creation of the iconostasis, found in the Synodal archive (RGIA), the life and artistic legacy of Vasiliev, and the general characteristics of the chapel and its iconostasis.

Ключевые слова: иконостас, академик В.В. Васильев, Русская духовная миссия, Венгрия, придворная церковь, Великая княгиня Александра Павловна, заграничные храмы.

Великая княгиня Александра, дочь императора Павла I, была выдана замуж за представителя австрийского императорского дома, эрцгерцога Иосифа Габсбурга, правителя Венгрии. Прожив в счастливом браке всего полтора года, она скоропостижно скончалась после родов в 1801 году. После ее кончины над местом ее погребения в местечке Ирем (Венгрия) был возведен православный храм и обеспечено постоянное совершение богослужений русским духовенством. Небольшой по размерам, но относящийся к привилегированному рангу придворных церквей, этот храм стал первым из ряда мемориальных храмов¹, воздвигнутых в разных странах с целью молитвенного поминания русских великих княжон, состоявших в династических браках с представителями правящих домов Европы. Эта традиция началась с великой княгини Александры Павловны и продолжилась в дальнейшем².

С эстетической точки зрения, творение придворного австрийского архитектора Санисло Хеппе³ вот уже более двух веков вызывает подлинное восхищение всех ценителей архитектуры. Удивительно, как автору проекта удалось в малых формах передать две главные идеи сооружения – скорбь и величие. Само здание храма построено «из камня местной породы и представляет собой удлиненный куб, увенчанный крестом, находящимся как бы поверх надгробного памятника»⁴. Не совсем обычна внутренняя планировка храма. Несмотря на свои малые размеры, он имеет два придела. В главном приделе находится алтарь и престол в честь святой мученицы царицы Александры⁵, небесной покровительницы великой княгини. Другой придел храма назван в честь святого праведного Иосифа Обручника, небесного покровителя эрцгерцога Иосифа Габсбурга. Необычность этого придела заключается в том, что в нем расположен жертвенник, а не второй алтарь с престолом,

как это устроено в большинстве многопридельных храмов. Тем самым, наш храм двухпридельный, но однопрестольный.

Главным украшением храма в Иреме является чудом сохранившийся до наших дней иконостас, подарок императора Александра III к столетию со дня рождения великой княгини Александры в 1883 г.⁶. Этот иконостас - прекрасный образец иконописного искусства императорской России конца XIX века. Он выполнен под руководством академика В.В. Васильева⁷ и размещен в храме во время настоятельства протоиерея Феофила Кардасевича. Все иконы, написанные в безукоризненном классическом стиле на золотом фоне с тонкой гравировкой, помещены в резную дубовую раму. Единое целое с иконостасом составляет запрестольный образ Святой Троицы (новозаветный), являющийся художественной доминантой алтарной части.

В ходе историко-архивных исследований, среди прочих интересных документов и свидетельств нами обнаружено дело о создании иконостаса Иремского храма. В деле более 40 документов и они подробнейшим образом показывают все этапы это начинания, административные и материальные усилия с ним связанные. Приведем наиболее важные из обнаруженных архивных документов.

Дело о возобновлении иконостаса и других вещей в церкви в селе Иреме, что в Венгрии, к 100-летию со дня рождения Вел.кн. Александры Павловны⁸

1. Деловая переписка между Министерством Императорского двора, Дворцовым правлением и Обер-прокурором Святейшего Синода по предмету сооружения в Иремской церкви нового иконостаса к столетнему юбилею со дня рождения Великой княгини Александры Павловны.

• В Главное Дворцовое правление. 15 октября 1882 г. № 5575.

Канцелярия Министерства Императорского Двора по приказанию Господина Министра имеет честь препроводить при сем в Главное Дворцовое Правление письмо Обер-Прокурора Святейшего Синода от 25 сент.с.г. с запискою священника Кардасевича⁹ для надлежащего исполнения согласно резолюции его Сиятельства.

• Господину Министру Императорского Двора

Рапорт по предмету восстановления церкви, воздвигнутой на гробнице в Бозе почитающей Вел.кн. Александры Павловны, палатины Венгерской, в селе Иреме, близ Будапешта ко дню исполнения 100 летнего юбилея со дня рождения Ея Высочества 28 июля будущего 1883 года. Обергофмаршал Е.Нарышкин¹⁰.

• Достопочтеннейший граф Илларион Иванович!

Священник при церкви, воздвигнутой над гробницей Вел.кн. Александры Павловны палатины Венгерской, в Иреме, приехал сюда просить Высочайшей милости дарования средств для приведения в приличный вид иконостаса в этой церкви, который пришел уже в совершенное разрушение.

Церковь эта посещается православными сербами, соединена с воспоминанием императорской фамилии и потому неудобно оставлять ее в неприличном виде.

Удостоверившись в нужде церкви, я имел случай упомянуть о сем при докладе Государю Императору и мог усмотреть готовность Его Императорского Величества придти на помощь церкви, для сооружения иконостаса. Впрочем, доклад о сем предмете зависит от Вашего Сиятельства, и потому, немедленно по возвращении Вашем из поездки, я посоветовал священнику обратиться с ходатайством своим к вам.

Долгом почитаю просить Вас о благосклонном внимании к сему ходатайству, ибо действительно иконостас Иромской церкви не может оставаться в настоящем виде, с натянутым на раму полотном, совсем почерневшим от времени.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства покорным слугою, К. Победоносцев¹¹. 28 сентября 1882 г.

Рукою министра императорского двора написано: передать Главному Дворцовому правлению для заказа здесь поименованных вещей, представить смету, стовориться со священником. Гр. Воронцов-Дашков¹². 12 октября 1882 г.

2. Смета на возобновление церкви, воздвигнутой над гробницею Вел.кн. Александры Павловны, палатины Венгерской, в селе Иром, близ Будапешта¹³.

Устройство дубового резного иконостаса с живописными иконами строго-византийского стиля на золотом фоне¹⁴.

Резные работы иконостаса, запрестольного креста в металлической вызолоченной обложке и дубовой рамки для запрестольного образа – 1500 рублей.

Живописные работы – 2500 рублей.

Итого – 4000 рублей.

3. Счет от академика Василия Васильевича Васильева за выполненную работу, предъявленный в Главное Дворцовое Правление.

Исполнен резной дубовый иконостас с образами Византийского стиля на золотых чеканных фонах, для надгробного памятника в Бозе почивающей Государыни и Великой Княгини Александры Павловны, в церкви с.Ирома (в Венгрии).

Образа местныя 1-го яруса:

1. Спаситель.
2. Богоматерь.
3. Св.кн. Александр Невский.
4. Св. царица Александра.

Образа местныя 2-го яруса:

5. Рождество Богородицы.
6. Рождество Христово.
7. Вознесение Господне.
8. Успение Богоматери.

Образа 3-го яруса:

9. Святители: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.
10. Св. Николай Чудотворец, св. Петр Московский и св. Савва Сербский.
11. Апостол Петр.
12. Апостол Павел.
13. Апостол Андрей.
14. Св. пророк Моисей.
15. Св. пророк Илия.
16. Св. Иоанн Креститель.

Образа в Царские врата:

17. Дева Мария.
18. Архангел Гавриил.
19. Евангелист Матфей¹⁵.
20. Евангелист Иоанн.
21. Евангелист Лука.
22. Евангелист Марко.

Над Царскими вратами:

23. Тайная вечеря.
24. Воскресение Христово.

За престолом:

25. Крест (писан по обеим сторонам).
26. Св. Троица.
27. Для аналогия¹⁶: Св. Троица.
28. На хоругвях: св.Крещение.

29. --- св. Преображение.
 30. --- св. царица Александра.
 31. --- св. праведный Иосиф.
 32. Образ в куполе: Господь Саваоф с Предвечным младенцем и Св. Духом.
 33. Доска бронзовая, вызолоченная с резной надписью¹⁷.
- За все вышеозначенные работы следует получить мне, Васильеву, 4000 рублей.
СПб. Тверская ул. № 20. 16 июня 1883 г.

Из приведенных документов примечательно описание иконостаса тем, что оно сделано собственноручно его создателем, академиком В.В. Васильевым.

В дополнение, приведем сведения об академике В.В. Васильеве (1828–1894).

Художник родился в семье крепостных крестьян села Ивашково Костромской губернии. В десятилетнем возрасте мальчика привезли в Петербург и отдали на обучение в иконописную мастерскую М. С. Пешехонова. В 1847–1851 гг. Васильев состоял учеником-вольнослушателем Императорской академии художеств, после окончания которой получил звание неклассного художника по исторической и портретной живописи. В 1858 г. за икону «Божия Матерь с предвечным Младенцем» он был удостоен звания академика «по живописи в византийском стиле».

В 1875–1878 гг. в С.-Петербурге участвовал в издании журнала «Эскизы архитектуры и художественной промышленности». Входил в первое объединение художников, т.н. «Санкт-Петербургское собрание художников»¹⁸.

Религиозная живопись Васильева сочетала реалистичность академической школы живописи со строгостью византийского иконописания. Академик Васильев считается одним из выдающихся представителей русской иконописи второй половины XIX в. Его работы высоко ценились, публиковались в художественных каталогах, представлены в музейных коллекциях. В Государственной Третьяковской Галерее сохранилась его икона «Св. царица Александра» (1858 г.); в Ярославском художественном музее есть икона кисти Васильева «Богородица Всех скорбящих радость»¹⁹ с автографом иконописца на обратной стороне. В Юбилейном справочнике императорской Академии Художеств за 1764–1914 гг.²⁰ имеются сведения об иконах В.В. Васильева «Воскресение Христово» (начало 1880-х гг.) и «Распятие» (начало 1890-х гг.). Работы Васильева неоднократно печатались в журнале «Всемирная иллюстрация»²¹.

Особенно много потрудился иконописец для храмов Санкт-Петербурга²². Вот далеко не полный список храмов прежней столицы, где были представлены его работы. В церкви Бориса и Глеба на Синоптической набережной иконостас работы Васильева и Пошехонова²³. В церкви Александра Невского при Александринском институте несколько икон принадлежало кисти Васильева²⁴. В церкви Благовещения Пресвятой Богородицы при дворце Великой княгини Марии Павловны одноярусный иконостас работы Г. Бюхтгера из ореха украшали 25 икон с золотым фоном, исполненные В.В. Васильевым и Н.А. Лихутиным²⁵. В церкви Смоленской иконы Божией матери на Смоленском кладбище Васильев обновил иконостас северного придела в честь пророка Божия Илии в 1858 году²⁶. В церкви вмч. Георгия Победоносца при Генеральном и Главном штабе после ее обновления в 1889 году иконостас был выполнен Васильевым²⁷.

В Москве он тоже участвовал в росписи некоторых храмов, например, собора Усекновения главы Иоанна Предтечи Иоанно-Предтеченского монастыря²⁸.

В.В. Васильев выполнял заказы для многих русских церквей за границей, например, для домового храма Русской духовной миссии в Иерусалиме (1864 г.)²⁹ и нами рассматриваемой Офенской духовной миссии в Венгрии (1883 г.). Известно, что в Польше он выполнил несколько заказов: им написаны иконы для трехъярусного золоченого иконостаса кафедрального собора святой равноапостольной Марии Магдалины в Варшаве (1869 г.)³⁰ и в Лодзе - 66 образов для двухъярусного иконостаса из темного дуба для собора святого благоверного великого князя Александра Невского (1884 г.)³¹. В Швейцарии в церкви святой великомученицы Варавары (г. Вевэ, 1878 г.) 39 настенных изображений святых масляной живописи, на холсте, были написаны Васильевым, для чего он специально приехал в Швейцарию³².

Но наиболее известная из его работ – иконостас в церкви во имя святителя и чудотворца Николая и мученицы царицы Александры в Ницце. Для этого храма «6 декабря 1859 г. морем из Петербурга прибыл иконостас, подаренный Александрой Федоровной. Он был исполнен в русском стиле в мастерской Алексеева по эскизу профессора И.И. Горностаева. Иконы в этом двухъярусном иконостасе из темного дуба написал на золотом фоне академик В.В. Васильев, известный знаток «византийского извода». Жертвуя иконостас, Императрица поставила условием, чтобы «он всегда оставался в своем первоначальном виде без каких бы то ни было изменений, добавлений или украшений». Умирая, она завещала церкви еще одну работу Васильева – образ Грузинской иконы Божией Матери, праздник которой приходился на день восшествия на престол Николая Первого»³³.

В заключение, скажем несколько слов об иконостасе Иремского храма.

Во-первых, он являет собой замечательный пример русской иконописи синодального периода. Возможно, он не обладает столь духовной и проникновенной силой, как произведения эпохи расцвета русской иконы, но, тем не менее, он исполнен художественно совершенно и технически безукоризненно.

Во-вторых, сам иконостас замечательно сохранился в том виде, как был задуман его автором. Гармоничное сочетание тонкой резьбы по дереву и гравированного золотого фона икон, пропорции рядов, единство композиции - все это производит сильное впечатление на зрителя.

И третье, самое главное, его духовное и миссионерское значение. Почти 130 лет он без слов свидетельствует о силе и красоте Православия в самом центре Европы, среди инославного окружения. Тысячи людей разной веры и языка невольно замирают перед этим свидетельством вечной Истины, представленным, скажем так, в русском изводе.

Примечания

¹ Если говорить именно об отдельно стоящих храмах, исключая из рассмотрения домовые церкви русских великих княжон, которые устраивались при европейских дворах и ранее. См.: Русские храмы и обители в Европе / Под ред. Антонова В.В. СПб., 2005. С. 6.

² Младшие сестры Александры Павловны тоже удостоились такой чести, но позже. Так, великая княгиня Елена Павловна скончалась в 1803 г. и над ее гробницей построен храм Апостолов Петра и Павла в Людвигслосте, освящен в 1811 г. Храм великомученицы Екатерины в Штуттгарт-Ротенберг, сооружен с целью молитвенного поминовения великой княгини Екатерины Павловны, скончавшейся в 1819, освящен в 1824 г. Надгробный храм-усыпальница Марии Павловны воздвигнут в Веймаре, освящен 1862 г.

³ Üröm. Budai járás // Magyarország Műemléki Topográfiaja. V kötet. Pest Megye Műemlékei. II. / Szerk.: Dercsényi Géza. Akadémia kiadó. Budapest, 1958. 242.

⁴ *Тальберг Н.* Православное храмоздание Императорской России в Европе // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь». 1958. С. 137–163.

⁵ Согласно ее житию, царица Александра была византийской императрицей в начале IV века нашей эры и пострадала за Христа одновременно с великомучеником Георгием Победоносцем, будучи свидетельницей его мучений и воодушевленная его твердостью духа, также бесстрашно исповедавшая свою веру перед своим супругом, императором-богоборцем.

⁶ Краткое описание иконостаса опубликовала венгерский искусствовед Надь Марта в своей книге «Православные иконостасы в Венгрии» – Nagy Márta. Ortodox ikonosztázionok Magyarországon. Debrecen, 1994. 176–177. К сожалению, в этой книге есть досадные ошибки, так Александра Павловна названа Анной, а Иремский храм св. Александры назван часовней св. Георгия Победоносца.

⁷ Иконостас в русском храме, в селе Ироме, в Венгрии // Всемирная иллюстрация. 1883. № 760. С. 87. 1882–83. РГИА. Фонд 536. Опись 1. Ед. хран. 114, 42 л.

⁸ Протоиерей Феофил Кардасевич – настоятель Иремского храма с 1877 по 1914 гг.

⁹ Нарышкин Эммануил Дмитриевич (1813–1901) – принадлежал к старинному дворянскому роду. С 1856 года Э.Д. Нарышкин находился на службе при императорском дворе, получив в 1884 г. высший придворный чин империи обер-камергера.

¹⁰ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – российский государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущим императорам Александру III и Николаю II). В 1880–1905 обер-прокурор Синода. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др.

¹¹ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – граф, начальник охраны Александра III с 1881 г.; министр императорского двора и уделов с 1882 г., при Александре III.

¹² Кроме сметы на иконостас в этом документе есть смета на ризницу и утварь: «Устройство ризницы. а) из зеленой шелковой с золотыми крестами материи высшего сорта – 893 руб. б) праздничный из бархата с золотом – 1180 руб. в) покров на гробницу малинового бархата с золотым галуном и кистями на подкладке – 135 руб. Итого – 2211 руб. Устройство церковной утвари. Напрестольное Евангелие в 4 долю листа – 180. Напрестольный крест с эмалевым или финифтевым распятием – 125. Серебряная кадильница – 50. Две лампы накладного серебра – 150. Два подсвечника выносных такой же работы – 150. Итого – 655 руб. А всего – 68866 рублей». – Большинство из этих вещей до наших дней не сохранилось.

¹³ Размеры иконостаса 458 см в ширину, 600 см в высоту.

¹⁴ 4 иконы евангелистов на Царских вратах украдены из храма во времена запустения. Заменены копиями плохого качества в 1968 г. (Nagy Márta. Ortodox ikonosztázionok Magyarországon. Debrecen, 1994. С. 177).

¹⁵ Икона Св. Троицы для аналая и хоругви не сохранились.

¹⁶ «1883 года Июля 28 дня Повелением Благочестивейшего Государя Императора АЛЕКСАНДРА III вся Россия устроен св. иконостас сей в честь и память дня столетнего поминовения почивающей в сем св. Храме Благоверной Государыни Великой Княгини Александры Павловны».

¹⁷ *Северюхин Д.Я., Лейкин О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932): Справ. СПб., 1992.

¹⁸ Ярославский художественный музей, Ярославль, Россия. Инв. И-1156. Надпись на обратной стороне иконы: «Сия святая икона Божией Матери «Всех скорбящих радости» сооружена усердием и изданием местного священника Петромитрополитской церкви Иоанна Васильева Лапушинского,

иконописанием художника академии Византийской живописи Василием Васильевым, в марте месяце 1891 года, во славу и честь Преславныя Владычицы нашей Пресвятыя Богородицы, в С.-Петербурге, для пения с акафистом, после Литургии по средам, обязательно».

²⁰ Сост. С. Н. Кондаков. СПб., 1914. Ч. 2. С. 31.

²¹ СПб., 1882. № 689. С. 252, 254, 255; № 724. С. 347–350. См. также ссылку 13.

²² Кроме вышеперечисленных храмов, упомянем еще следующие: Церковь Михаила Архангела при Александровском механическом заводе. Иконы в трехъярусном иконостасе написали В. В. Васильев и П. И. Брусников. Церковь мц. цар. Александры при Образцовом детском приюте вел. кн. Александры Николаевны. Церковь Пресвятой Троицы при Свято-Троицкой общине сестер милосердия. Церковь прор. Илии (кладбищенская) в Воскресенском Новодевичьем монастыре. Церковь прпп. Сергия и Германа Валаамских при Кадетском корпусе Императора Александра II. Церковь свт. Митрофана Воронежского Митрофаниевского синодального подворья. Церковь свт. Николая Чудотворца при Глазной лечебнице. Церковь свт. Николая Чудотворца при Ремесленном училище Цесаревича Николая. Церковь Спаса Всемилоостивого на Митрофаниевском кладбище. Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спасо-Сенновская). См.: Святыни Санкт-Петербурга. СПб. 1994.

²³ Отчет комитета по постройке Борисоглебской церкви на Калашниковской пристани с 1866 года по 1882 год. СПб., 1885; Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга: Ист.-церков. энцикл. СПб., 1994. Т. 1. С. 158–160.

²⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 655, 922.

²⁵ Величенко М.Н., Миролобова Г.А. Дворец великого князя Владимира Александровича. СПб., 1997. С. 61–63, 152.

²⁶ Смоленское православное кладбище. СПб., 1906.

²⁷ Жиллинский Я.Г. Здание Главного штаба. СПб., 1892. С. 22–25.

²⁸ Демина О.В. Тезисы доклада на конференции факультета церковных художеств «Анализ результатов реставрации как метод исследования». ПСТГУ, 2005.

²⁹ Церковь Святой мученицы царицы Александры в здании канцелярии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Церковь небольшая, с одноярусным дубовым иконостасом. Иконы написаны петербургскими мастерами: академиком византийской живописи В.В. Васильевым и известным иконописцем В.М. Пешехоновым.

³⁰ Стоимость иконостаса 6000 руб. Кроме иконостаса для этого храма Васильевым написана икона «Тайная Вечеря» на Горнем месте. Антонов В.В., Кобак А.В. Русские храмы и обители в Европе. СПб. 2005. С. 166.

³¹ Там же. С. 184.

³² Там же. С. 326.

³³ Там же. С. 294.

Г.П. Мельников
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русская тема в творчестве чешского художника Альфонса Мухи

Abstract:

Melnikov G.P. *Russian theme in the works of Czech artist Alphonse Mucha*

The interest of Alfons Mucha in Russia is due to his individual pan-Slavism, which has found the most conceptual expression in the grand set of paintings «Slav Epic». The painting from this series devoted to Russia is «The abolition of serfdom in Russia» (1913), it was sponsored by the American businessman and philanthropist Charles Crane. Mucha visited St. Petersburg and Moscow in 1913, in the year of 300 anniversary of the Romanov dynasty. He met his friend, painter Leonid Pasternak and his son Boris Pasternak. Mucha highly praised Russian paintings for intrinsic affinity for symbolism. But for all his love for Russia Mucha perceived Russian life through the focus of Western culture, as evidenced by his letter. In the painting «Winter Night» (1923) he created a tragic image of Russian women, reflecting the Russian mentality, the main features of which Mucha considered must be «Passionate passivity», faith and suffering of the soul.

Ключевые слова: Россия, Чехия, славяне, панславизм, искусство, живопись, модерн, А. Муха.

Искусство Альфонса Мухи чрезвычайно популярно в современной России, но творческий путь художника известен недостаточно. Это вызывает особое сожаление, поскольку Россия заняла значительное место в духовной жизни чешского мастера – одного из крупнейших представителей стиля модерн (ар нуво, сецессия) в мировом масштабе. Тема России в творчестве А. Мухи впервые освещается не только в русской, но и в чешской, и в мировой науке, хотя, исходя из наших знаний о его творчестве, она представляет значительный интерес. Эта тема тесным образом связана со своеобразным панславизмом художника, нашедшим наиболее яркое и концептуальное выражение в его грандиозном цикле картин «Славянская эпопея» (1911–1928), а также в других работах. В данной статье не будут затрагиваться такие важные аспекты, как источники формирования и специфика панславистских воззрений А. Мухи, а также весь комплекс проблем, связанных с идейным содержанием «Славянской эпопеи». Тема славянства в творчестве А. Мухи еще только начинает серьезно изучаться¹. Большой трудностью в работе исследователя является отсутствие научной монографии об А. Мухе. Многочисленные издания о художнике, выходящие во всем мире, носят характер альбомов или каталогов выставок, в которых русской теме почти не уделяется места². В некоторых случаях, как в книге, например, А. Олриджа³, берутся сведения из мемуаров сына художника Иржи Мухи, но излагаются они крайне схематично и с многочисленными смысловыми ошибками.

Более подробно, но все же недостаточно, русская тема у А. Мухи освещена в посвященном ему выпуске еженедельного журнала «Художественная

галерея», где содержится искусствоведческий анализ его главной картины о России⁴. В работах русских историков искусства (всего несколько статей популярного характера и один каталог выставки плакатов⁵), как это ни парадоксально, русская тема у А. Мухи освещена лишь в самом общем плане. Крайняя недостаточность опубликованных источников, главным из которых остается книга И. Мухи⁶, также затрудняет изучение данной темы.

Надо подчеркнуть, что исследование связей А. Мухи с Россией находится только на первом этапе, поэтому здесь еще много неясностей, например, отсутствуют точные данные (маршрут, сроки) о его поездке в Россию, не выявлены его связи с русской эмиграцией в Праге, не определен его круг чтения русской литературы и т.д. Однако имеющиеся данные уже позволяют утверждать о чрезвычайной значимости русской темы в творчестве художника.

Для начала изучения этой темы было бы полезным разделить ее на две проблемы: собственно Россия в творчестве Мухи и место России в его общеславянской концепции.

Ясно, что интерес к России у А. Мухи был неразрывно связан с его концепцией «Славянской эпопеи». Первые идеи этого проекта появились у него в 1898 г., во время поездки на Балканы. Однако в том плане «Эпопеи», который художник разработал в начале XX в., Россия отсутствовала. Посвященная ей картина, как свидетельствует И. Муха, была включена в цикл по просьбе Чарльза Крэйна – американского мецената, друга А. Мухи, без которого «Эпопея» не была бы создана. Чарльз Крэйн – чрезвычайно интересная фигура. Его отношение к славянству может служить особой темой исследования. Здесь достаточно сказать, что он связывал будущий расцвет человечества с подъемом народов, угнетенных в прошлом, т.е. народов Азии, Африки, а также славян, в которых видел будущее Европы, основанное на принципах социализма. Поэтому миллионер Крэйн, владелец завода, «король лифтов и сантехники» в Нью-Йорке, тратил огромные деньги на поддержку революционных движений в Азии. Он также был убежденным русофилом, причем его дружеские связи с русскими включали широкий спектр лиц – от В.Г. Короленко и С.П. Дягилева до Л.Д. Троцкого. Крэйн был поклонником Льва Толстого, содержал в Америке Русский симфонический оркестр, игравший исключительно русскую музыку. Он также владел (с 1905 г.) большим заводом в Петербурге. В 1896 г. в Праге он подружился с Т.Г. Масариком, которого затем пригласил преподавать на основанную им в 1913 г. кафедру славяноведения в Чикагском университете. Затем, после 1918 г., его сын стал первым послом США в Чехословакии, а вторая дочь вышла замуж за Яна Масарика – сына первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика, впоследствии министра иностранных дел⁷. Именно Ч. Крэйну православная Россия обязана спасением колоколов Даниловского монастыря. Он в 1930 г. купил их у большевистского правительства по цене металлолома и подарил Гарвардскому университету, завещав вернуть в Россию после падения в ней коммунистического строя, что и было осуществлено два года назад. Ясно, что в США благодаря Крэйну А. Муха общался

с Масариком, который, как известно, был на Западе одним из лучших знатоков России, ее культуры⁸.

Скорее всего, серьезный интерес к России у А. Мухи был связан с влиянием Крэйна. Интересно, что они познакомились в 1904 г. на банкете в поддержку России, воевавшей с Японией. Именно Крэйн сформулировал тему будущей картины А. Мухи, определив ее как «Отмена крепостного права в России». В старых каталогах есть еще подзаголовок идеологического характера: «Самостоятельный труд – основа государства». Представляется, что А. Муха, согласившись с предложением Крэйна, разделял его взгляды на отмену крепостного права в России в 1861 г. как на избавление от векового рабства и условие подъема России. Примечательно, что из всего цикла только картину о России он повторил дважды, сделав авторский вариант для самого Крэйна.

Для работы над картиной Муха предпринял поездку в Российскую империю весной – летом 1913 г. Это было связано с празднованием 300-летия дома Романовых, получившим широкий международный резонанс и вызвавшим повышенный интерес к России. Конечно, А. Муха не мог не отреагировать на это. Его путь проходил через Польшу в Москву и Петербург – детали поездки еще ждут своего выяснения. Мы располагаем только мемуарами, точнее книгой сына художника. Но Иржи Муха, ставший впоследствии известным писателем, жившим в Западной Европе, родился в 1915 г., поэтому о поездке в Россию мог знать только со слов отца и матери. Он также приводит цитаты из некоторых писем отца. Надо отметить, что к 1913 г. в России хорошо знали творчество А. Мухи. Еще в 1897 г. в Петербурге на Международной выставке афиш были показаны 18 его плакатов, как выяснила И. Никифорова, куратор выставки плакатов Мухи в Москве в 2003 г.⁹ Необходимо добавить, что такой репрезентативный показ явно был обусловлен громким успехом персональных выставок А. Мухи, прошедших именно в 1897 г. сначала в Париже, затем в Праге, Мюнхене и Вене. А. Муха как новая европейская знаменитость сразу же был по достоинству оценен в России. Доказательством этого также служит использование его работы «Живопись» для афиши Выставки картин современных русских и французских художников, прошедшей в Москве, а потом в Париже в 1898 г. под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны, как сказано на самой афише¹⁰. Это чрезвычайно важное обстоятельство, так как Елизавета Федоровна, будучи тонким знатоком искусства, меценатом и покровителем так называемого русского православного модерна, т.е. православного варианта сецессии, очевидно, высоко оценила искусство чешского художника.

В собрании ГМИИ им. Пушкина есть акварельный эскиз (скорее всего обложки) на русскую тему, где представлены две женские фигуры в боярском платье на фоне гербов России и Москвы. И. Никифорова относит его к 1913 г., но не пишет, что А. Муха в это время был в России¹¹. Также не выяснена цель создания эскиза. Я предполагаю, что эскиз мог быть связан с 300-летним юбилеем дома Романовых и скорее предназначался для поздравления,

чем для обложки. На это указывает овал в форме пасхального яйца, предназначенный для текста.

Интересно, что еще в 1906 г. в журнале «Эврибодиз Мэгэзин» (США) А. Муха опубликовал цикл «Блаженные», иллюстрирующий евангельский тезис о блаженстве несчастных людей, где есть лист «Блаженны нищие духом», изображающий явно русских людей в типично русском сельском пейзаже¹². Интересно было бы выяснить источники этой гравюры.

О распространении влияния искусства А. Мухи, очевидно, прикладной графики, в российской столице свидетельствует сам художник. Он пишет в письме от 12.5.1913 г.: «Всевозможные вариации моих мотивов везде и повсюду <...>, кажется, здесь должны были очень хорошо проштудировать мои книги <...>, явно они получили их прямо из Парижа <...>. Таким образом славянское искусство возвращается в то место, которому оно принадлежит <...>. То, что здесь есть современного, то прямо от меня»¹³. Как мы видим, А. Муха считает свое искусство славянским, пришедшим в славянскую метрополию – Санкт Петербург – через Францию.

Для нас особый интерес представляют русские связи А. Мухи, его знакомства. Он сам упоминает о визите к своему знакомому по учебе в Мюнхене, художнику Леониду Осиповичу Пастернаку. Так случилось, пишет А. Муха, что на званом ужине у Пастернаков отмечали получение диплома сыном художника¹⁴. Конечно, это был Борис Леонидович Пастернак. В конце мая 1913 г. он окончил Московский университет, а месяцем раньше вышел альманах «Лирика», где впервые была опубликована подборка его стихов¹⁵. Таким образом, как мне удалось установить, состоялось знакомство великого чешского художника с будущим великим русским поэтом, хотя для них обоих эта встреча вряд ли имела значение. С другой стороны, Иржи Муха, когда писал свою книгу об отце (в конце 1960-х годов), уже прекрасно знал, кто такой Борис Пастернак, сын друга молодости его отца, однако он не акцентировал факта их знакомства. Для русского любителя культуры этот факт, наоборот, весьма интересен. Можно также выявить еще один русский интерес А. Мухи – творчество Льва Толстого. Л.О. Пастернак был другом писателя и иллюстратором его книг, а А. Муха познакомился с учением Л. Толстого, как пишет сын, через посредство французских социалистов¹⁶, к тому же он явно слышал о нем в Америке от Крэйна, в свое время посетившего русского гения в Ясной Поляне.

Непосредственные впечатления А. Мухи от поездки по России были весьма сложны и противоречивы. Сказалась разница между интеллигентом западного типа, хотя и панславистом по убеждениям, и реалиями России, специфической ментальностью русского народа. В России А. Муха делал много зарисовок и фотографий. Яна Брабцова считает, что снимал французский фотограф, которого Муха взял с собой¹⁷, хотя, по свидетельству сына, снимал сам А. Муха, который во все свои путешествия брал фотоаппарат¹⁸. По мнению Яны Млчоча, знатока чешской фотографии, существует особый стиль натуральных съемок А. Мухи, где уличные сценки даны без последующего

«улучшения натуры», т.е. мы имеем дело с документальной фотографией как искусством. В этом Я. Млчох видит новаторство А. Мухи как мастера фотографии¹⁹. В таком случае непонятно, что делал при А. Мухе француз-фотограф.

На фотографиях и зарисовках мы видим прежде всего крестьянские типы, столь характерные для старой России. Много снимков было сделано на Красной площади в Москве. Всю композицию картины «Отмена крепостного права» А. Муха поместил на Красную площадь, к собору Василия Блаженного, очевидно рассматривая это место как символ, как сердце всей России. Интересно было бы выяснить, насколько здесь повлияла картина В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни», которую А. Муха видел в Третьяковской галерее. Аналогия со «Сценой у Василия Блаженного» из оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов», которая так и просится, ибо слишком много общего в обеих театрализованных композициях, невозможна, так как если даже А. Муха видел эту оперу в Париже у Дягилева, то она шла там в редакции Н.А. Римского-Корсакова, в которой данная сцена отсутствует. В целом в картине А. Мухи есть некоторое влияние русской исторической живописи XIX в. и той театральности, которая, начиная еще с работы художника в театре Сары Бернар, в целом присуща его творчеству.

Тщательно готовясь к написанию русской картины, А. Муха также посетил в Петербурге старых сановников – свидетелей и участников показываемого события, т.е. отмены крепостничества. По словам И. Мухи, для его отца это событие означало конец тысячелетнего периода тьмы. Отметим, что само выражение «период тьмы», («období temnoty») близко понятию «эпоха тьмы» («doba temna»), примененному выдающимся чешским писателем А. Ирасеком к чешской истории и культуре XVII–XVIII вв. А. Муха, как и А. Ирасек, кстати, высоко оценивший «Славянскую эпопею», не видел достоинств чешского барокко. И. Муха считает, что «отец в своей картине хотел отобразить пробуждение всего этого огромного народа в момент, когда он еще не понимает, что перед ним открывается новая будущность, и озадаченно взирает на свободу, с которой он еще не знает, что делать»²⁰. В 1914 г. в Праге была выпущена почтовая открытка с репродукцией левой части картины, изображающей испуганных женщин в русских одеждах. Кажется, что выпуск открытки как-то связан с началом Первой мировой войны, хотя интерпретация данного фрагмента картины может быть для русского народа как позитивной, так и негативной.

По началу такая амбивалентность была присуща и отношению к русскому народу самого А. Мухи. Сын пишет: «Только в России ему открылись врата в ту прародину славян, о которой он мечтал, и то, что он увидел, одновременно наполнило его грустью и мистическим возбуждением <...>. Он познал свое происхождение, его охватила ностальгия столетий, показывающая, откуда он родом, но в то же время он ужасался этого <...>. Он принадлежал к этому странному, застойному множеству, но одновременно передвигался внутри него как иностранец»²¹.

Двойное отношение к русской ментальности ярче всего проявилось в описании А. Мухой поведения простых людей в православном храме. Он был шокирован земными поклонами, экстазом молящихся, их особым отношением к храмовому пространству как к Раю, где сияют золото и серебро икон. Он делает решительные выводы: «Возможно, они не понимают, о чем молятся», «эта их религия – стародавнее язычество». Впечатление от России как от другой цивилизации смягчает историческая ретроспектива: «Все чисто византийское и славянское <...>, будто бы вы очутились в девятом веке <...>. Ничего в них за 2000 лет не изменилось, они только дали этому другие названия»²². Такое отношение к русской народной религиозности как к историческому реликту очень странно у художника, до этого неоднократно бывавшего на Балканах и видевшего там гораздо более «варварские» с точки зрения западного человека реалии и нравы. Скорее всего это было лишь первым впечатлением А. Мухи, к тому же изложенным в письме к жене в довольно ироничном тоне, вообще присущем письмам А. Мухи. Сын верно подметил, что А. Муха правильно понял русскую душу и нашел парадоксальное, но очень точное определение ее специфики – «страстная пассивность» («vášnivá pasivita») ²³. Именно этого свойства лишена картина «Отмена крепостного права», в которой нет экстатической духовной энергии. Может быть, это случилось потому, что выбор темы определил не сам А. Муха, картина была для него лишь выполнением заказа. Тем не менее влияние русской духовности на всю «Славянскую эпопею», как отмечает сын художника, было несомненным и сильным. Для А. Мухи «русский мир» оказался «миром, который был ему очень близок»²⁴.

В полной мере это проявилось не в «Славянской эпопее», а в большой картине 1923 г., носящей разные названия: «Женщина в степи», «Зимняя ночь», «Звезда», «Сибирь». По словам известного исследователя творчества А. Мухи П. Витглиха, картина передает любовь А. Мухи к России и ее народу, она была создана как реакция художника на ужасные страдания русского народа после большевистской революции²⁵. Уточним, что скорее всего это был голод 1922 г., вызвавший отклик во всем мире. Именно тогда возникла международная организация Помгол («помощь голодающим»). Явно с ее деятельностью связан плакат А. Мухи, напечатанный в 1922 г. пражским издательством «Мелантрих», но имеющий надпись на итальянском языке «*Russia restituenda*»²⁶. На плакате изображена женщина в черном, с трагическим выражением лица, держащая на руках умирающего от истощения ребенка.

Возвращаясь к картине «Женщина в степи», отметим, что женский тип передан А. Мухой по фотографии, сделанной в России, хотя в ателье ему позировала его жена Марушка. Именно в этой картине нашла свое адекватное выражение русская «страстная пассивность». Нет смысла описывать картину, к сожалению, почти неизвестную в России. Она висит в пражском Музее Альфонса Мухи. Отмечу лишь две особенности. Руки женщины находятся в позе как перед стигматизацией, т.е. ее страдания становятся христоподобными. На небе особенным блеском сияет звезда, излучающая

концентрические окружности. Мистика русской души, русская идентичность переданы А. Мухой через страдание и ту систему символов, которая была ему особенно близка. Страдание женщины типологически ближе всего к Ф.М. Достоевскому, тогда как духовное просветление в пассивной, страдательной форме, просветление накануне гибели ближе к позднему Л.Н. Толстому. И. Муха, говоря об этой картине, отметил, что в последние годы его отец стал философом, близким к традиции чешского религиозного и социального мыслителя XV в. Петра Хельчицкого, который оказал влияние на Л. Толстого. Как и русский писатель, А. Муха превратился из художника в «проповедника идей»²⁷. Система символов в картине соответствует той, которая была принята в русском символизме Серебряного века.

А. Муха верно почувствовал свою близость к русскому символизму, более того, он считал символизм генетическим кодом всей славянской культуры. Показательны в этом плане его впечатления от русской живописи, увиденной в Третьяковской галерее в 1913 г. Он хвалит своих русских коллег (не уточняя их по именам, что для нас достойно сожаления) за «русский дух», за продвижение к метафизическим проблемам, за склонность к языку символов. Он пишет, что русские художники «правильно поняли, что одной из важнейших составных частей духа русского человека является движение вглубь от поверий к проблемам метафизическим», что они «склонны к бесконечному множеству символов», что «эту склонность к символам унаследовали все славяне <...>, поэтому язык символов остается для славян самым надежным способом передачи своих чувств остальным славянским братьям»²⁸. Необходимо подчеркнуть, что эти слова написал художник, отлично знавший изнутри западный символизм и сам бывший одной из центральных фигур искусства сецессии, унаследовавшего знаковый код символизма. А. Муха в Москве впервые познакомился с русской живописью и сразу почувствовал свою близость к ней и, в то же время, ее неотъемлемую принадлежность к общеевропейской культуре XIX – начала XX вв.

Однако Россия, при всех симпатиях к ней, не заняла видного места в славянской концепции А. Мухи. В официальном полотне «Славянской эпопеи» «Апофеоз. Славянство для всего человечества» (1926) мы не найдем русских персонажей. В программе театрализованного праздника на Влтаве «Славянство братское» (1926), разработанной К. Главой и А. Мухой, нет эпизода, посвященного России, хотя в заключительной сцене-картине «Братание народа и славянства» среди прочих славян присутствуют «русские». Провозглашаемая в программе «федерация славянства»²⁹, как представляется, являлась отражением на популярном уровне политической идеи Масарика о создании в Европе федеративного славянского государства между Германией и Советской Россией. Очевидно, А. Муха воспринимал Россию и русских через категорию страдания, мучений, поэтому не мог поместить их в героическую картину будущего всеславянского расцвета. Этому также препятствовала победа большевиков, так как с русской революцией он никак не мог связать духовный взлет славянского мира.

Примечания

- ¹ *Srp K.* Alfons Mucha: Das Slawische Epos. Katalog. Krems, 1994; *Srp K.* Alfons Mucha. Slovanstvo bratské. Praha, 2005.
- ² *Kusák D., Kadlečíková M.* Mucha. Praha, 1994; *Brabcová J.* Alfons Mucha. Praha, 1996; *Alfonse Mucha: The Spirit of Art Nouveau.* Alexandria, Virginia (USA), 1998; *Ulmer R.* Alfons Mucha. Taschen, 2000; Альфонс Муха / Под ред. С. Муха (пер. с англ.). М., 2006.
- ³ *Элридж А.* Альфонс Муха: триумф стиля модерн (пер. с англ.). М., 2001.
- ⁴ Муха. Еженедельный журнал «Художественная галерея». № 151. Изд-во «Де Агостини». М., 2007. (Автор текста не указан).
- ⁵ *Никифорова И.* Альфонс Муха // Юный художник. 2004. № 5. С. 7–11; Альфонс Муха. Плакаты из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. Автор-составитель И.А. Никифорова. М., 2003.
- ⁶ *Mucha J.* Alfons Mucha. Первое издание – Praha, 1982; четвертое – Praha, 1999.
- ⁷ *Mucha J.* Op. cit. S. 297–298.
- ⁸ На эту тему см.: *Егоров Б.Ф., Малевич О.М.* Томаш Гарриг Масарик и русская литература // *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб., 2003. Т. III. С. 470–514. – См. также: *Масарик Т.Г.* Философия – социология – политика. Избранные тексты. М., 2003.
- ⁹ Альфонс Муха. Плакаты... (нумерация страниц отсутствует).
- ¹⁰ Ее публикацию см. там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: *Элридж А.* Указ. соч. С. 192.
- ¹³ *Mucha J.* Op. cit. S. 327.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ *Быков Д.* Борис Пастернак. М., 2007. С. 91.
- ¹⁶ *Mucha J.* Op. cit. S. 180.
- ¹⁷ *Brabcová J.* Op. cit. S. 70.
- ¹⁸ *Mucha J.* Op. cit. S. 327.
- ¹⁹ *Млчох Я.* Фотографическое наследие Мухи // Альфонс Муха / Под ред. С. Муха. С. 119. См. также альбом фотографий А. Мухи: *Moucha J.* Alfons Mucha. Praha, 2005 (Серия «FotoTorst»).
- ²⁰ *Mucha J.* Op. cit. S. 327.
- ²¹ Ibid. S. 310–311.
- ²² Ibid. S. 311.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Альфонс Муха / Под ред. С. Муха. С. 99.
- ²⁶ См.: *Элридж А.* Указ. соч. С. 214.
- ²⁷ *Mucha J.* Op. cit. S. 354.
- ²⁸ Ibid. S. 327.
- ²⁹ *Srp K.* Alfons Mucha. Slovanstvo bratské. S. 34.

И.Г. Страховская
(ГАСК, Москва)

Векторы взаимодействия российской вузовской науки и образования

Abstract:

Strakhovskaya I.G. *The interaction of directions in Russian university science and education*

We discuss the current problems of Russian education and science in terms of the new dialogue with Europe. The analysis is given for innovation paradigm of social development, specificity and the status of humanitarian and natural sciences, the importance of universality and of the interdisciplinary in science and education.

Ключевые слова: культура, интеграция науки и образования, диалог с Европой, инновации, информационное пространство, теория сложности, универсальность, междисциплинарность, гуманитарное и естественнонаучное знание.

Интеллектуальная элита Европы и всего мира находится в состоянии некоторой неопределенности, так как понимает, что нужна другая, новая парадигма безопасного развития общества вследствие существенно изменившихся условий. Мир теперь настолько глобализирован, что уже ни одна страна не в состоянии изолированно от других построить общество по собственному сценарию. И интеграционные процессы в Европе продолжают усиливаться. На фоне этого инновационная парадигма развития становится все более популярной.

При таком сценарии здравый смысл подсказывает, что наука должна занимать лидирующие позиции. Однако европейская наука сейчас как никогда нуждается в открытом и продуктивном диалоге ученых с обывателями, поскольку она не может функционировать без поддержки общества.

Бесстрастная статистика показывает, что основания для озабоченности есть: 61,3% европейцев считают, что наука слишком быстро меняет нашу жизнь, 63,2% полагают, что наука несет опасные знания, а 80,5% утверждают, что ученые пренебрегают этикой. Еще более беспокоит европейцев негативное отношение молодежи к науке.

Стремительное расширение и усложнение информационного пространства делает проблему качества высшего образования первостепенной, поскольку, с одной стороны, современная наука продуцирует и замыкает лавинные информационные потоки на образовательную систему, а с другой – наука ждет интеллектуальной и информационной подпитки от выпускников вузов, то есть от системы образования. К сожалению, в России по многим причинам произошло размыкание указанного цикла.

Потеря позиций российской науки и образования в общеевропейском и мировом масштабах и во многом кризисное их состояние с точки зрения профессионалов оценивается двояко. Существует обоснованное мнение, что велик риск дальнейшего «сползания» России в этих областях на еще более

низкий уровень. Но современные научные теории утверждают, что именно кризисное состояние указанных систем дает шанс прорыва и надежду на то, что наука и образование будут способны сыграть ключевую роль в развитии страны.

Интеграция науки и образования, которая в нашей стране происходит не изнутри, естественным путем, а путем внешнего администрирования, на мой взгляд, может, вопреки классической логике, привести и к положительным результатам.

Программа образования 2020, разработанная с учетом стратегического целеполагания, по сути дела становится категорическим императивом, как для субъектов управления, так и для исполнителей. И, тем не менее, она должна еще и еще раз быть пошагово и системно проанализирована.

Современную российскую социокультурную ситуацию в науке и образовании с позиции синергетической парадигмы или, как теперь часто говорят, с позиции парадигмы сложности, можно охарактеризовать, рассматривая развитие указанных систем, посредством теории механизмов катастроф.

Указанная теория использует такие понятия как: нелинейные процессы, риски, самоорганизация, стохастика, неравновесность, неустойчивость, бифуркации, флуктуации, детерминированный хаос, неаддитивная сборка, эмерджентность, фрактал, паттерн, аттрактор, когерентность и др.¹

В соответствии с теорией сложности в бифуркационном состоянии, то есть в точке выбора дальнейшего пути, неравновесная система становится очень чувствительной к внешним воздействиям. Именно в таком состоянии сейчас находятся системы образования и науки. Даже слабое внешнее воздействие на систему может привести к большим серьезным последствиям в плане ее структурных преобразований и выбора ее дальнейшего пути развития. Поэтому не исключено, что и указанный выше фактор администрирования, как фактор внешнего давления на систему, может способствовать самоорганизации, в результате которой научно-образовательная система выйдет на путь прогресса.

Традиционно в России развивались две ветви науки – академическая и вузовская. Академическая наука доминировала практически во всех областях знания. Вузовская наука старалась дублировать науку академическую. Однако рабочие условия академической и вузовской науки всегда были различны.

В академическом институте основной деятельностью являются научные исследования, которые практически полностью поглощают время и энергию служащего, что, естественно, при условии его высокой квалификации, определяет качество и объем интеллектуального продукта. В то же время в вузе исследовательская работа преподавателя неизбежно отходит на второй план, а на первый выдвигается работа со студентами. Энергия и время преподавателя уходят на подготовку учебных планов, лекций, семинаров, лабораторий, проведение занятий, принятие зачетов, экзаменов, подведение итогов сессии и т.д.

Поток студентов осложняет рабочую обстановку, снижая сосредоточенность педагогов на поисковых исследованиях и их научную продуктивность. Профессорско-преподавательскому составу в силу этого трудно конкурировать с академическими научными работниками. А преподаватели, не имеющие возможности или не желающие заниматься научной работой, постепенно теряют свою квалификацию.

Пытаясь калькировать форму европейской научной работы и образования, чиновники отдают приоритет вузовской науке. Поэтому происходит смена характера и функций всей научно-образовательной системы. Учитывая вышесказанное, в результате проводимых реформ может произойти снижение эффективности научных исследований в масштабах страны.

Гранты РФФИ, РГНФ, Целевые программы Рособразования являются свидетельством того, что формируется проектный характер науки и образования. Руководство и исполнители, видимо, надеются, что нацеленность на результат, а не на процесс будет способствовать преодолению инерции системы. Ориентация на фундаментальные исследования дает надежду на повышение качества науки и образования. Однако потенциал развития России зависит не только от этих составляющих, но и от общего состояния культуры, которое, к сожалению, несмотря на повышение уровня жизни, остается неудовлетворительным. Значимость гуманитарной составляющей культуры, ее роль в мировоззренческой ориентации, жизненной позиции сограждан и их социальной реализации, казалось бы, должна быть ясна всем. Но практика показывает, что общий уровень культуры стремительно понижается. Невольно на память приходят слова Д.С. Мережковского: «История, уже исчерпавшая себя в своем рутинном, профанном развитии, приведет лишь к торжеству “грядущего Хама” – вырождающейся бездуховной мещанской цивилизации».

Исторически сложилось так, что статус естественных и гуманитарных наук никогда не был равнозначным. Понятно, что естественные науки требуют большего финансирования, так как нуждаются в оборудовании, экспериментальных площадках, модельных установках, полигонах, реактивах, опытных образцах и других материальных ресурсах. Естественнонаучные исследования, как правило, доводятся до математического уровня описания и часто нуждаются еще и в программном обеспечении.

Гуманитарным же наукам пока практически достаточно интеллекта ученого-исследователя, который и используется в качестве ресурса. Предметы исследования по большей части находятся в библиотеках, архивах, музеях или на территории культурных объектов и поэтому предоставляются исследователю бесплатно. Словом, гуманитарные науки требуют меньших расходов по сравнению с естественными. Казалось бы, их проще развивать. Однако статус этой сферы научного знания гораздо ниже наук естественных. Одной из причин этого, по мнению многих специалистов, является то, что из современных гуманитарных наук практически исчезла духовная компонента.

Начальный весомый вклад в процесс утраты духовности гуманитарным знанием был внесен реформами Петра I и «поворотом» России на Запад. XVIII век стал для России веком секуляризации. Однако в конце XIX – начале XX вв. произошел всплеск русской религиозной философии. Появились новые культурные, религиозные и метафизические идеалы. Религиозно-философское движение стало смешиваться с литературной деятельностью многих писателей, что и определило феномен русской культуры «серебряного века».

Д.С. Мережковский в этой связи писал: «Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом болезненном неразрешимом диссонансе, этом трагическом противоречии заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века»². Слова Мережковского можно отнести и к сегодняшнему состоянию многих людей нашей страны.

В первой четверти XX в. в России происходили трагические события, одно из которых получило название «философский пароход». Высылка в 1922 г. религиозных философов и ученых, по большей части гуманитарного профиля, сыграла роковую роль в развитии отечественной гуманитарной мысли. Судьба оставшихся в России ученых и философов была еще более трагична, так как официальная культура страны определила «единственно верное» направление гуманитарной мысли. Религиозная философия в России с этого времени просто не могла существовать.

Алексея Федоровича Лосева называют последним русским метафизиком. Оставшись в России, в 1930 г. он опубликовал свой труд «Диалектика мифа», в которой отвергал идеи марксизма и диалектический материализм, за что был подвергнут резкой официальной критике, арестован и отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала. Из лагеря он вернулся в 1933 г., почти полностью потеряв зрение, тяжело больным человеком. Несмотря на то, что А.Ф. Лосев оставил большое творческое наследие, указанные жизненные обстоятельства не позволили ему реализовать свой огромный потенциал мыслителя.

Марксистская философия не терпела инакомыслия и боролась с любыми проявлениями идеализма, поэтому русская философия смогла блестяще проявить себя только в форме «русского зарубежья». В собственной же стране в этой области образовался провал.

Судьба естественных наук была более счастливой. Именами русских ученых – естественников XX в.: математиков, физиков, химиков можно гордиться и по сей день. Однако в этой области произошла другая беда. Если события начала XX в. оголили гуманитарную сферу, то ситуация конца XX в. заметно отразилась на естественных науках.

Многие выпускники российских вузов естественных специальностей плодотворно работают за рубежом, а руководство страны озабочено тем, как вернуть их обратно на родину и создать им привлекательные условия для научной работы. А многие молодые специалисты, блестяще окончившие самые престижные вузы России, вынуждены из-за материальных проблем растрчивать свои таланты в коммерческих структурах.

Наука нуждается в глубоком анализе, чтобы делать прогнозы, но ясно одно – статус гуманитарных наук необходимо повышать, особенно в связи с тем, что в образовательном проекте 2020 гуманитарное образование названо опережающим.

Видимо, не следует поочередно отдавать приоритет то гуманитарным, то естественным наукам, а постараться создать условия, при которых станет возможной их синергия.

Реформы в науке и образовании встраиваются в процесс глобализации, который является системообразующим, а потому обладает ярко выраженными специфическими особенностями. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в процессе формирования систем нового, более сложного порядка, как правило, происходит частичная структурная хаотизация, что мы и наблюдаем в действительности. В то же время обстоятельства, среди которых Болонский процесс является определяющим, требуют точности в выборе задач, целей и новых принципов функционирования образовательной системы.

В связи с этим невольно задаешь себе вопрос: как, участвуя в глобальном процессе, в новом диалоге с Европой, стать европейцами и одновременно сохранить русскую душу?

Чтобы выполнить последнее условие, надо реанимировать русскую философию и духовную составляющую русской философской мысли. Это выполнимо, как считают многие, только при условии признания того, что философия не наука. Так как в этом случае можно будет говорить о том, «что существуют национальные философии, в отличие от того, как не существует национальной физики, национальной математики, национальной химии».

Однако есть противники национальных философий, и они настаивают на том, что философия может быть по-настоящему критической, только если она отказывается отождествлять себя с каким-то частным порядком или интересом, если она проникнута духом критической универсальности.

По мнению М. Эпштейна³, для того, чтобы «стать европейцами» необходимо понять, «что критическая эпоха ведет не к отмене, а к расширению понятия универсальности, которая уже не сводится к тождественности, но не сводится и к различию, а представляет следующий этап: построение новых, трансрациональных и транскультурных общностей на основе самокритики разумов и культур, осознания ограниченности каждой из них».

Он считает, что «универсальное в таком посткритическом измерении – это пространство взаимных уступок и недочетов, а не торжество всеобъемлющей правильности. Каждая культура не есть вполне то, чем она могла бы и хотела бы быть, и вот в этом сослагательном наклонении восстанавливается та универсальность, которая не могла состояться в изъяснительном наклонении, как действительность всеобъемлющего разума».

Суть не в том, что каждая культура совершенна и самодостаточна, а именно в том, что каждая культура несовершенна и недостаточна. Каждая культура нуждается в выходе за собственный предел. Она имеет огромный запас возможностей и желаний, которые могут быть реализованы лишь в общении с другими культурами. Эта недостаточность каждой исторической культуры и есть место возрождения универсального.

Универсальность в культуре, к поискам которой вновь обратились в последнее время, тесно связана с проблемами междисциплинарности в науке и образовании. Реализация в современных условиях проекта по междисциплинарно-системному образованию ставит перед его авторами ряд сложных проблем, даже с учетом того, что один из возможных универсальных

методологических вариантов выявления междисциплинарно-системных связей (культурно-гендерный вариант) уже разработан⁴. Парадигма же междисциплинарности присутствует как в общих квалификационных требованиях к будущему специалисту, так и в требованиях к выпускным квалификационным работам и государственным экзаменам.

Малочисленность преподавательских кадров междисциплинарной направленности создает отдельную проблему их подготовки. Необходимость сохранения в разрабатываемой программе минимума содержания интегрируемых дисциплин связана с проблемой дефицита времени учебной нагрузки студентов.

Однако междисциплинарный метод содействует развитию интеллекта, дает студенту опыт ориентации в необозримом море специальной литературы, какую бы область специализации он ни избрал. Междисциплинарный подход позволяет обрести навыки в объективной оценке культурного качества того или иного текста, сообщения, литературного источника; дает опыт принятия осмысленных, взвешенных, ответственных решений в условиях самостоятельной профессиональной деятельности.

Междисциплинарно-системное образование может дать возможность студентам значительно «уплотнить» смысловые информационные «потoki» за счет использования универсальных принципов и универсальной символики, что будет способствовать восстановлению их расщепленного цивилизационными процессами сознания до состояния естественного природного синкретизма, обретению каждым понимания своего долга, своих роли и места в современном мире⁵.

На вопрос: какова сегодня перспектива гуманитарной вузовской науки и образования, хочется ответить словами Н.Я. Данилевского: «Русско-славянский тип может как развиться и достичь необычайно высоких результатов, так в равной мере и не реализовать себя, превратившись в простой “этнографический материал”».

Современная ситуация предоставляет шанс реализовать указанный Данилевским первый вариант.

Примечания

¹ Нелинейная динамика и постнеклассическая наука: Сборник статей. М.: Изд-во РАГС, 2003.

² *Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений. М., 1914. Т. XVIII. С. 212.

³ М. Эпштейн закончил философский факультет МГУ. С 1990 г. живет и работает в США, философ, культуролог, литературовед, эссеист, заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта). Член российского Пен-клуба и Академии российской современной словесности.

⁴ *Чучин-Русов А.Е.* Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. Кн. 1–2. М., 2002.

⁵ *Моисеев В.* Открытое образование: идеология формирования сети // Высшее образование в России. 2002. № 6.

И.И. Лещиловская
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Северохорватская литература XVIII в.

Abstract:

Leschilovskaya I.I. *North Croatian literature of the XVIII century*

The development of Croatian literature in Croatia and Slavonia in the XVIII century. Multilanguage characteristics of the literature, specifics of the Baroque, the features of the Enlightenment period. Place and role of church and secular literature in social and cultural development of Croatians in the XVIII century.

Ключевые слова: Хорватия, Славония, литература, XVIII в., барокко, Просвещение.

Хорватская литература имеет большую историографию. Вместе с тем одним из наименее изученных аспектов остается ее развитие в Хорватии и Славонии в XVIII в. Настоящая статья отличается от научных работ по этой проблеме, прежде всего вышедших в России, включением в круг исследования литературы в ее многоязычии и историко-культурным подходом к освещению письменной литературы хорватов в Хорватии и Славонии в рассматриваемое время.

Центральная Европа вступила в XVIII столетие под знаком Карловацкого мира 1699 г., завершившего победоносную войну Священной лиги (Австрии, Венеции, Речи Посполитой и с 1686 г. России) против Османской империи. Он положил конец турецкой агрессии на Запад. Австрия получила значительные территориальные приращения на востоке, в том числе были освобождены от османской власти земли между реками Сава и Драва. С этого времени эта область получила название «Славония». В 1745 г. она была воссоединена с Хорватией под властью сабора и бана. Это стало самым крупным политическим событием в истории хорватов XVIII в.

Хорватия и Славония в составе Венгерского королевства входили в государство Габсбургов. В XVIII в. Австрийская монархия переживала глубокие процессы, вершиной которых были реформы «просвещенного» абсолютизма. Все это протекало в условиях действия общеевропейских факторов: национального разграничения и самоидентификации народов, зарождения гражданского общества, идейно-культурного феномена Просвещения. В конце столетия Европу потрясла Великая французская революция.

В XVIII в., особенно во второй его половине, стали заметны общественные изменения в Хорватии и Славонии. Дворяне торговали продукцией своих поместий, некоторые из них заводили мануфактуры, горожане сочетали торговлю с разнообразным предпринимательством. Крестьяне в середине века развернули почти повсеместную борьбу с растущей эксплуатацией. Появились признаки оформления социального слоя интеллигенции из лиц разного происхождения. Жизнь хорватов, находившихся в тесном соседстве с продвинувшимися европейскими народами, складывалась под воздействием внутренних сил и импульсов, традиционных обстоятельств и всеобъемлющих европейских процессов.

Хорватская культура, как и в предыдущие столетия, развивалась в одном направлении, но разными потоками в провинциях, отличавшимися диалектами письменного языка на народной основе, традициями, связями и темпами роста. Принципиально важным обстоятельством стало образование во второй половине XVIII в., наряду с Далмацией и Хорватией, культурного центра в Славонии, хотя и при турецкой власти здесь функционировала книжность на народном языке, носителями которой были францисканцы.

Литература в Хорватии была двуязычной. Она создавалась на латинском языке и кайкавском диалекте. Двуязычие проявлялось не только у разных писателей, но и в творчестве одного лица. По роду интересов и занятий многие создатели литературных произведений одновременно писали исторические сочинения, вели лексикографическую работу, составляя словари, издавали учебники и т.д. Это были не профессиональные писатели, а скорее носители книжной культуры.

В рассматриваемое время литература в Хорватии находилась главным образом в руках церковных лиц. Она решала прежде всего церковные задачи. Религиозная литература по своему содержанию, характеру и жанрам продолжала традиции XVII в. Она представляла поток катехизисов, сборников молитв, проповедей, «советов» религиозной и воспитательной направленности. При этом авторы широко иллюстрировали свои сочинения всевозможными притчами, имевшими разные источники, и оживляли духовными песнями, а то и вовсе создавали стихотворные тексты, подражая нередко стилистике народных песен и используя их метрику. Так или иначе церковные писатели отражали в своих сочинениях отдельные мирские явления, в частности реальной жизни Хорватии, расширяя кругозор читателей.

Плодовитым церковным писателем был загребский францисканец Стефан Загребец (1688–1742). Он мастерски компоновал притчи, устрашая грешников. Неустанно работая, Загребец написал обширный проповеднический труд на кайкавском диалекте в пяти частях, которые выходили в основном в Загребе с 1715 по 1734 гг.

Одним из наиболее известных церковных кайкавских писателей был иезуит Юрай Мулих (1694–1754). Он был родом из дворянской общины Турополе. Это был человек подвижной, активный и в высшей степени консервативный. В его литературной деятельности церковное просветительство сочеталось с нападками на вольтерянцев и руссоистов.

Мулих составлял катехизисы и молитвенники на народных диалектах в зависимости от местности, где распространялись эти книги. Он много раз вдоль и поперек объехал и обошел Загребскую епархию и Венгрию, проповедуя католические ценности. Мулих писал также религиозные песни, которые умело снабжал моральными и церковными поучениями. Он распространял их в простом народе, стремясь вытеснить с их помощью из обихода народные песни¹.

Этому автору принадлежали как оригинальные, так и переводные сочинения с немецкого, латинского, испанского языков. Он пользовался в литературной работе родным кайкавским и штокавским икавским диалектами. При этом Мулих сознательно вносил в свой кайкавский текст элементы славонского штокавского диалекта икавского произношения. Это отвечало

объединительным славянским традициям Римской курии, но также и пробиравшейся потребности в литературно-языковом сближении кайкавского и штокавского населения Хорватии и Славонии.

Видной фигурой кайкавской литературы того времени был паулинец Хиларийон Гашпароти (1714–1762). Ему принадлежали четыре книги жизнеописаний святых и проповедей «Цвет святых» (1752–1761). Это были переводы, компиляции, а также оригинальные сочинения (в основном проповеди). Среди прочих авторов Гашпароти упоминал в энциклопедическом труде дубровчанина М. Орбина и Ф. Главнича из Истрии. Он преследовал задачу религиозного и нравственного просвещения населения. Но его книги благодаря привнесению в них автором иносказательных рассказов, исторических реминисценций стали увлекательным чтением, своего рода беллетристикой, способной захватить умы и души неискушенных грамотных хорватов².

Заметным культурным явлением стало первое печатное издание большого сборника «*Cithara octochorda*» – собрания религиозных песен на латинском языке и кайкавском диалекте, снабженных большей частью нотным текстом. Это были поэзия и музыка, веками функционировавшие на кайкавской территории. Сборник выдержал три издания (Вена, 1701, 1723; Загреб, 1757). Необыкновенная красота многих песен обеспечила ему долгую жизнь³.

Главной функцией церковной кайкавской литературы было разъяснение населению католического учения. В то же время она прививала прихожанам чувство значимости родного языка. Духовные писатели совершенствовались, сознательно стремились иногда к сближению кайкавского и штокавского диалектов. Наиболее талантливые авторы вносили вклад в эстетическое обогащение литературы. Претерпевала изменения стилистика религиозных песнопений. Духовные писатели (Мулих, но особенно штокавцы боснийские францисканцы) создавали церковные песни в народном стиле, десетерцем (народным десятистопным стихом). На мелодии популярных народных песен «накладывались» религиозные стихи⁴. С одной стороны, это могло быть проявлением естественного процесса проникновения в церковную сферу элементов светской культуры. Но с другой – церковники предпринимали сознательные шаги, чтобы вытеснить народную и вообще светскую поэтическую стихию из жизни общества, сузить сферу ее функционирования.

Церковное просветительство представляло сложное явление. Решая свои традиционные задачи, оно выполняло специфические общественные функции. Но церковные писатели сочетали, как правило, религиозное поучительство с консерватизмом, излишним традиционализмом в сферах политики, культуры, быта.

Особое место в кайкавской литературе занимали рукописные стихотворные сборники, включавшие песни разных времен, начиная с древности. Им принадлежала ниша между словесным фольклором и книжностью. Входившие в эти сборники сочинения создавались анонимными авторами – дворянами, священниками, иными образованными людьми. Сборники носили целиком духовный или только светский, а также смешанный характер. Кайкавская духовная поэзия большей частью была переводной с латинского языка. Кайкавские рукописные сборники включали иногда песни на других хорватских диалектах, а также на латинском, венгерском и немецком языках.

Содержание светских песен было разнообразным, включая любовную лирику, стихотворения с описанием природы, исторические песни, связанные с конкретными событиями, шуточные сочинения. Они отражали мысли и чувства конкретного человека в разных жизненных обстоятельствах. В рукописных сборниках встречались иногда стихотворения, раскрывавшие богатство поэтической метрики, содержавшие свежие образы и отмеченные большими выразительными способностями кайкавского диалекта⁵.

В XVIII в. в хорватской художественной культуре протекал процесс бароккизации, начавшийся еще в XVII в. Он затронул, в том числе, светскую и полусветскую литературу. Ее представителем на рубеже веков был П. Витезович. Человек с широким кругозором, он проявил себя в разных сферах культуры, во многом опередив свое время.

Павао Риттер Витезович (1652–1713) связал своим творчеством XVII и XVIII столетия. Он родился в Приморье, где господствовал чакавский диалект, в городе Сене, в семье австрийского офицера, потомка выходцев из Эльзаса, получивших дворянство. Основную школу молодой человек закончил, видимо, в родном городе, где царила глаголяшская атмосфера. Затем была учеба в загребской гимназии. Уже в это время в нем проявился беспокойный дух. Бросив гимназию, Витезович отправился в Рим, откуда после кратковременного пребывания перебрался в Крайну. Здесь он два года провел во дворце знаменитого историка И.В. Вальвасора, помогая ему в подготовке его труда «Слава герцогства Крайны». Витезович освоил гравирование по меди, картографию и сам проникся интересом к истории.

В 1682–1683 гг. Витезович в качестве делегата города Сения участвовал в работе венгерского Государственного собрания. В 1684 г. он уже – посланник бана Н. Эрдеди при австрийском дворе. В то время хорватский деятель не имел постоянного места жительства, устойчивых занятий и доходов.

Наконец, скитальческая жизнь его, казалось, закончилась. Он постоянно поселился в Загребе, оказавшись в окружении епископа Микулича, бывшего его одноклассника по гимназии. В 1694 г. хорватский сабор передал в управление Витезовичу муниципальную («государственную») типографию, основанную в городе еще тридцать лет назад, но бездействующую. Энергичный управляющий вселил в нее жизнь, и в следующем году в Загребе начала работать «Королевская типография», из стен которой вышло в свет около 50 книг – хвалебных песен, календарей, исторических сочинений.

После заключения Карловацкого мира Витезович как представитель сабора вошел в комиссию по демаркации новой границы между Австрийской монархией и Османской империей. Он непосредственно участвовал в демаркации австро-турецкой границы на хорватско-боснийском участке. По желанию председателя комиссии Витезович написал обширную записку, в которой высказался за освобождение Австрией южнославянских земель от власти Турции, отрицая при этом право Венеции на Далмацию. Это вызвало интерес к хорватскому автору Вены. В то же время, работая в демаркационной комиссии, Витезович с горечью наблюдал, с какой легкостью австрийские власти оставляли туркам и венецианцам отдельные села и даже районы хорватской земли.

По приглашению двора Витезович посетил Вену. Хорват получил привилегий на пользование всеми местными архивами, был удостоен звания придворного советника, а позднее и титула барона, без земельного владения. Он дерзновенно занимался издательскими делами. Но с 1706 г. началась череда неприятных для него событий. В Загребе сгорел его дом, а с ним пострадала и типография. Вся вина была возложена на управляющего. Витезович был отстранен от руководства типографией, к тому же он проиграл многолетний судебный процесс, связанный с недвижимостью. В 1710 г. Витезович навсегда покинул Загреб, переехав в Вену. В 1712 г. на сессии венгерского Государственного собрания по случаю коронации он еще представлял родной Сень. Последний год хорватский деятель, чувствуя себя человеком без родины и племени, жил бедно и одиноко. В 1713 г. он скончался⁶.

Витезович был в Хорватии впечатляющей личностью, первым светским профессиональным писателем и историком. Он писал в основном на латинском языке, меньше на родном диалекте, привнося на чакавскую основу кайкавские и штокавские элементы⁷. Ему принадлежала масса стихотворных произведений, приуроченных к какому-либо событию, поздравительных панегириков в честь видных и знаменитых лиц – Леопольда I, хорватского бана, венгерского палатина, епископов и многих других.

Витезович впервые выступил в печати в 1684 г. на чакавском диалекте с поэмой «Сигетское расставание» (Линц, 1684; Вена, 1685), посвященной обороне Сигета от наступления турок в 1566 г. В предисловии «К читателю» автор отметил, что он издал на родном языке это сочинение, «чтобы наш славный хорватский язык» не был предан забвению⁸. Оно было написано как воспоминание о защите Сигета и этим отличалось от более ранних произведений на сигетскую тему. Витезович прославлял заслуги руководителя обороны Николы Зринского (Сигетского) перед родиной и Австрией. Поэма была отчетливо окрашена хорватским патриотизмом.

В наиболее известном стихотворении «Воскресшая Хорватия», написанном по следам победы Священной лиги над Турцией и изданном на латинском языке в 1700 г. в Загребе, Витезович предстал как политический мыслитель. В 1703 г. увидело свет его стихотворное произведение «Два столетия плачущей Хорватии» – о трудной судьбе Хорватии в последние века. Оно было написано на латинском языке гекзаметром.

Сильное впечатление произвела на Витезовича победа Петра I над шведами под Полтавой в 1709 г. В лице России он увидел силу, способную разбить Турцию. Это получило выражение в созданном им в 1710 г. стихотворном венке из 20 анаграмм на латинском и родном языках. Автор призвал Петра I сокрушить Османскую империю и взять Царьград. Предположительно латинский вариант был напечатан, но сохранился он лишь в рукописи⁹. Это было первое упоминание в северной хорватской литературе о Петре I и выражение конкретного восприятия России.

Политическое мышление и исторические интересы Витезовича получали нередко в его творчестве стихотворную форму. Историография и литература выступали в таких случаях в нерасчлененном виде.

Как уже следует из вышесказанного, важной сферой гуманитарных занятий Витезовича была история. В 1696 г. в Загребе вышла его «Хроника веков всего мира», в которой он отдал дань кайкавщине. Автор продолжил изложение событий после «Хроники» Врамца (1578) до своего времени. В предисловии он писал, что предназначал ее для ознакомления с историей малообразованного населения, «чтобы большинство ею пользовалось»¹⁰. Сочинение было написано сухо и скупое. Но иногда автор излагал события, не скрывая горестных чувств. Под датой 1690 г. значилась запись: «Взяли турки и нижний Белград, большой красивый город, легко и без крови, на великую печаль и вред всему христианству»¹¹.

«Хроника» и стихотворение «Воскресшая Хорватия» представляют особый интерес в плане развития политических взглядов Витезовича и шире – зарождения хорватской политической мысли.

В «Приложении» к «Хронике» автор отождествил слова «иллирский» и «словинский» (славянский) применительно к языку¹². В то время понятие «иллирский» употреблялось в литературе для обозначения хорватских диалектов. Витезович распространил его как изначальное на всех славян. Он опирался, вероятно, на легенду о братьях Чехе, Лехе и Русе, прародину которых, вслед за историком Ратткаем, находил в хорватском городке Крапине¹³.

В стихотворении «Воскресшая Хорватия» Витезович охватил названием «Хорватия» территорию от междуречья Савы и Дравы до Приморья и от Альпийских гор до Сербии и далее на восток, т.е. населенные южными славянами и соседними народами земли. Автор посвятил стихотворение Леопольду I и его сыну Иосифу – королям «целостной Хорватии». Ее воскрешение он связал с австрийским двором¹⁴.

Средневековый образ мышления, который оперировал землями, а не народами, лишал полет мысли Витезовича этнического характера. Его политические взгляды, весьма общие и неустойчивые, заключали расширение границ его родной Хорватии. С одной стороны, в них отразилась неразвитость географических и этнографических знаний, с другой – они проистекали в известной мере из реального положения Хорватии, которая на протяжении двух веков находилась на переднем крае борьбы против агрессивной Турции и удерживала с помощью Австрии вал турецкого нашествия, в то время как Балканы оказались под властью султаната. Но так или иначе, от заветной мысли о верховенстве Хорватии на юго-востоке Европы, проистекавшей из стремления к упрочению ее статуса, было недалеко до панхорватизма. При этом расширенная Хорватия мыслилась Витезовичем под властью Габсбургов, тем самым его идеи отвечали продвижению Австрии на восток, предвосхищая формирование балканской политики Вены.

Идейная позиция Витезовича получила выражение и в сосредоточенности его научных интересов. В 1701 г. он издал в Вене на латинском языке «Стематографию» – южнославянский геральдический сборник. В следующем году она вышла и в Загребе с дополнениями. Витезович завершил свою деятельность в области истории в 1712 г., выпустив в Трнаве сочинение «Пленница Босния». Тогда же он закончил историю Сербии в средние века, но работа осталась в рукописи.

Много сил Витезович отдал лексикографии. Он составил «иллиро-латинский» и «латинско–иллирский» словари. Они остались в рукописи, причем сохранился только последний. Лингвист был сторонником хорватского литературного языка, основанного на лексике трех диалектов: чакавского, кайкавского и штокавского, что получило отражение в его словаре. Он предложил реформу латинской графики, исходя из принципа – для каждого хорватского звука одна буква. Для этого Витезович ввел диакритические знаки. Графические новшества он последовательно проводил в своих сочинениях. Витезович и лексикограф Белостенец наметили направление реформирования хорватского латинского письма¹⁵.

Хорватский деятель проявлял интерес к народному творчеству и собирал его. В 1702 г. в Загребе он выпустил сборник пословиц, которые ранее были напечатаны в его календарях¹⁶.

Витезович с его разносторонними гуманитарными интересами, творческой активностью и научной интуицией внес много нового в культурное развитие хорватов и закрепил имевшиеся уже достижения. Он положил начало развитию в Хорватии политической мысли в духе раннего Нового времени, отмеченной, хотя и утопическими, раздумьями о судьбах родины, впервые набросал путь реформирования латинской графики, обогатил хорватскую историографию и литературу значимыми сочинениями. Деятельность Витезовича усилила культурное значение Загреба. Влияние его творчества испытали представители не только хорватской, но и сербской культур XVIII–XIX вв. Знаменитый далматинец Качич-Миошич опирался среди прочих сочинений на «Хронику» Витезовича при создании своей книги «Кораблица». В основу первого сербского печатного издания «Стематография» (1741) был положен одноименный геральдический сборник историка. Деятели хорватского национального Возрождения, начиная в 30-х гг. XIX в. литературно-языковые преобразования, не обошли вниманием первый опыт реформирования хорватской латиницы предшественником и его трехдиалектный принцип создания общехорватского литературного языка.

Сочетание в творческой деятельности занятий историей и литературой было характерно также для Балтазара Адама Крчелича (1715–1778). Он родился в селе Брдовец близ Загреба в дворянской семье. Образование молодой человек получил в Загребе, иезуитской Хорватской коллегии в Вене и Иллирской коллегии в Болонье. Крчелич имел степень доктора философии и теологии, пользовался известностью благодаря солидной юридической подготовке, владел, помимо латинского, итальянским и французским языками.

По завершении учебы Крчелич короткое время служил приходским священником в Хорватии, а с 1747 г., будучи каноником, членом загребского капитула, находился в Вене в должности ректора Хорватской коллегии. В столице он вошел в придворный круг Марии Терезии, которая передала ему рукописное наследие Витезовича. В 1749 г. Крчелич вернулся в Хорватию, где стал членом Судебного стола, а в 1769 г. – архидьяконом.

По инициативе комиссии венского двора Крчелич составил предложения о реорганизации политического устройства Хорватии. Он сделал это в пользу усиления власти Вены. В Загребе стали известны предложения

каноника, что вызвало отчуждение от него местной элиты. Затем он вошел в конфликт с епископом и капитулом, который перерос в многолетний судебный процесс. Это усилило его изоляцию в Загребе, хотя он пользовался признанием как специалист по юридическим вопросам. Его интеллектуальный и писательский авторитет выходил за рамки кайкавской Хорватии. В 1766 г. он получил из Дубровника старые, чисто переписанные и неизданные рукописи двух поэтов. В одной из них воспевался Зринский, в другой – венгерский король Владислав. Крчелич скончался в Загребе¹⁷.

Б.А. Крчелич был высокообразованным талантливым человеком, со сложными взглядами и острым умом. Приверженец австрийского абсолютизма, он оставался в то же время патриотом Хорватии, консерватизм каноника сочетался в его позиции с отрицанием церковных орденов и иезуитской схоластики, безоговорочная защита интересов и власти католической церкви – с рациональным одобрением обмирщения школы и отстаиванием пользы наук и знаний.

По словам Крчелича, любовь к родине пробудила в нем интерес к политико-исторической науке, чтобы, опираясь на документы и используя опыт французских, бельгийских и других авторов, вывести из тьмы на свет историю своей земли¹⁸. Так появились в 1770 г. его исторические труды «История загребского кафедрального собора» и «Предварительные заметки о королевствах Далмации, Хорватии и Славонии». Из первого сочинения увидела свет лишь первая часть, в то время как вторая, доведенная до 1667 г., осталась в рукописи. В «Предварительных заметках» автор предпринял попытку показать в целостности хорватскую историю до 1606 г.

Собственник рукописного наследия Витезовича Крчелич шел его путем хронологического изложения истории и политической тенденции. Он поддерживал право австрийских Габсбургов на южнославянские земли, обрушиваясь на многовековую власть Венеции над Далмацией. В методах работы Крчелич стремился к критичности, расширению документальной базы, проявлял интерес к народной поэзии как историческому источнику. Это позволило ему развенчать ряд историографических заблуждений, в частности, опровергнуть взгляд на генетическую связь славян с древними иллирийцами. Но в целом Крчелич не достиг современного ему уровня европейской исторической науки¹⁹.

Крчелич написал ряд других работ на латинском языке и кайкавском диалекте. Среди них была небольшая книга, выходившая по теме за рамки его политических и церковных научных интересов, «Обозрение писателей королевства Славонии с XIV по XVII столетие». Она вышла под псевдонимом А. Барича в 1774 г. в Вараждине. Это был первый обзор литературы северных хорватов с прошлых времен до Витезовича.

Полтора века в рукописи оставался главный, обширный труд Крчелича «Анналы». Он был написан в 1764–1767 гг. на латинском языке и представлял мемуары и летопись событий современником в хронологических рамках 1748–1767 гг. «Анналы» увидели свет в оригинале лишь в 1901 г. В переводе В. Гортана на современный сербскохорватский язык труд был издан в Загребе в 1952 г.²⁰

Автор назвал и описал не связанные порой между собой главные события хорватской жизни, которые в целом представляли широкую панораму положения Хорватии. В труде были показаны должностные назначения,

борьба среди верхушки дворянства за хорошо оплачиваемые места, церковные торжества, работа хорватского сабора, состояние торговли и участие в ней аристократии, внешняя политика австрийского двора, вклад хорватов в его военные действия, повседневная жизнь в городах и многое, многое другое. Крчелич впервые описал волнения крестьян и граничар в Хорватии и Славонии, считая поводом для них перепись населения в 1755 г. Это описание вошло затем в историографию восстаний.

Писатель не был бесстрастным фактографом. Его пытливый ум анализировал и оценивал действия хорватских властей, давал меткие и порой нелицеприятные характеристики хорватским политикам и видным лицам. Так, он писал о местной административно-политической верхушке рубежа 40–50-х гг., в частности, о вицебане А. Найшице, казначее королевства Ив. Бужане, что они были не «богами королевства», как их называли современники, а «грабителями родины»²¹. Мемуарист отмечал моральные изъяны католического духовенства, которое больше заботилось, по его словам, об обретении богатства, нежели о спасении души²². Его беспокоило общее духовное разложение общества. «Роскошь, обман, ложь, безграмотность, – писал он, – вот современные божества и идолы»²³. Крчелич, быть может, как никто другой в Хорватии, ощутил приближение иных времен, нестабильности и неустойчивость общества, казавшиеся ему крушением жизни. И не отсюда ли проистекали его политические симпатии к Марии Терезии, вообще австрийскому абсолютизму, обретавшему черты «просвещенности», как силе, способной якобы предотвратить и остановить разрушительный процесс.

Крчелич вел порой жесткий, порой взволнованный, порой непринужденный разговор с читателем, прямо обращаясь к нему – «знай, читатель!». «Анналы», сугубо светское сочинение, в отдельных частях представляло вполне реалистическое описание жизни и современников. Вот словесный портрет представителя хорватской элиты, председателя Судебного стола графа Б. Магдаленича: «Был прост и с добрым сердцем. Его украшала телесная красота, поэтому он был дорог женщинам, которых ни сам в молодые годы не чуждался и их легко за получал. Впрочем был истинный придворный, любил шутки и сам охотно шутил. Жил без напряжения и счастливо, легче добивался почета, чем его заслуживал, был очень гостеприимным и охотно угождал иностранцам. В еде и одежде держался золотой середины и постоянно имел у себя гостей. Благодаря всему этому пользовался уважением»²⁴. Сочинение Крчелича заняло заметное место в истории хорватской литературы, однако не оказало влияния на литературный процесс.

Крчелич внес существенный вклад в хорватскую культуру еще и тем, что в 1777 г., на закате жизни, подарил Королевской академии в Загребе свою богатую библиотеку, состоящую из книг и рукописей. Она стала основой академической библиотеки, в дальнейшем современной Национальной и университетской библиотеки в Загребе.

На стыке кайкавской и штокавской языковых зон, близ Госпица (Военная Граница) родился в 60-х гг. Й. Крмпотич (ум. ок. 1797 г.). Он стал капелланом и провел большую часть жизни в Вене. Крмпотич оставил след в хорватской литературе своими песнями «по случаю» и панегириками,

в которых был слышен отзвук поэзии дубровницких авторов Гундулича и Джурджевича, а также славонца Канижлича. Одно из стихотворений – «Поездка Екатерины II и Иосифа II в Крым» (Вена, 1788) – автор посвятил встрече Екатерины II и Иосифа II на юге России в 1787 г.²⁵. Так образ русской императрицы вошел в хорватскую литературу.

На исходе XVIII в. литературная ситуация в Хорватии была отмечена появлением сочинений, посвященных актуальным общественно-политическим вопросам текущей жизни. Революционные события во Франции не обошли своим влиянием Загреб. В 1794 г. на торговой площади города было воздвигнуто «Дерево Свободы», символ революции, с якобинским колпаком на его вершине. В середине 90-х годов в Загребе распространялись две рукописные листовки со стихотворениями на кайкавском диалекте. Они имели близкий содержанию и форму, что дало основание хорватским исследователям предположить их принадлежность одному автору. По-видимому, это был смелый человек из круга аббата Иг. Мартиновича, возглавившего в 1794 г. «якобинское» тайное общество в Пеште. Оно было связано с Хорватией и Славонией.

Анонимный автор выражал поддержку Франции и идеям свободы, равенства и братства. Разделяя антифеодальное и антиклерикальное настроения, он выступал против зависимости кметов, за гражданское равноправие господ и крестьян. Листовки отвращали от войны против французов²⁶. Это было время войны европейской коалиции с Францией, время термидорианской реакции и Директории в самой Франции, когда новая армия была еще овеяна славой революции. Стихотворения означали принципиальный сдвиг в развитии хорватской общественно-политической мысли, знаменуя собой зарождение гражданского сознания, а в литературе – зачатков гражданской поэзии.

Появление в Хорватии сочинений, проникнутых новыми передовыми идеями, не остались без внимания консервативного большинства общества. В «Новом календаре на 1801 г.» известный писатель патер Гргур Малевац, который в то время был редактором загребского календаря, напечатал под псевдонимом Грегор Капуцин (Монах) стихотворение «Хорват хорвату по-хорватски говорит». В нем автор высказался против Франции и соответственно против революционных движений в Европе, доказывал необходимость сохранения в Хорватии кметства²⁷. Это было первое противостояние в хорватской литературе реальных социальных сил в обществе.

В 1796 г. в Загребе вышла из печати книга, в которой получила выражение новая постановка литературно-языковой проблемы, – «Основа хлебной торговли согласно природе и событиям». Ее автором выступил Йосип Шипуш, житель города Карловаца, главного центра экспортной торговли хлебом. Он был образованный экономист и филолог, ученик известного историка, филолога и публициста Шлецера. Книга была посвящена загребскому епископу М. Врховацу и напечатана в епископской типографии.

Сочинение было написано на языке, представлявшем смесь кайкавского, чакавского и штокавского диалектов. В предисловии к нему Шипуш высказался за единый литературный язык, правописание и терминологию для населения Хорватии, Славонии и Далмации на базе одного из господствовавших

там диалектов. Он рассматривал этот вопрос, исходя из интересов процветания народа и свободной хлебной торговли²⁸.

Новизна этой книги, автор которой охватил в сознании основные хорватские пределы, состояла в постановке вопроса о языковой целостности населения Хорватии, Славонии и Далмации (без разделения при этом сербов и хорватов), в определении пути его объединения в литературном языке на основе наиболее распространенного в указанных землях диалекта, а таковым был штокавский диалект, возможно, с включением в общий язык элементов и других диалектов, судя по смешанному языку самого автора, наконец, в исходной мотивации такого объединения – общественных интересов. Впервые литературно-языковая проблема была публично поставлена как актуальная задача времени. Книга Шипуша стала знаковым событием, отразив предчувствия в обществе грядущих перемен и знаменуя собой зарождение в Хорватии публицистики.

В XVIII в. большой вклад в сокровищницу хорватской литературы внесли писатели Славонии. До середины века эта провинция была сферой исключительно народной поэзии и религиозной письменности на штокавском диалекте. Хранителями письма на народном языке выступали францисканские монастыри. Книжники – францисканцы проявляли патриотическое отношение к родной речи. В Боснии, например, в условиях двуязычия (латынь и штокавщина) францисканцы Т. Бабич (1736 г.) и Е. Филипович (1750 г.) утверждали в своих книгах необходимость писать на народном языке²⁹. Сама славонская книжность, носившая религиозно-дидактический характер, состояла из катехизисов, молитвенников, житий святых, сборников проповедей и духовных стихов.

На этом сером фоне развернулось яркое писательское дарование Антуна Канижлича (1699–1777). Уроженец города Пожеги, он получил среднее образование в иезуитских учебных заведениях родного города и Загреба, где и сам вступил в иезуитский орден. Канижлич, завершив учебу в университете Граца и в Трнаве, служил профессором в Вараждине и Загребе, в 1728 г. был рукоположен в священники. Он занимал должность управляющего школами и просветительными учреждениями в Загребе, Пожеге, Осиеке, Петроварадине и Вараждине, благодаря чему познакомился с жизнью в разных краях. После ликвидации иезуитского ордена в 1773 г. священнослужитель стал председателем Консистерии в Пожеге. Здесь он и умер.

Канижлич начал писательскую деятельность с молитвенников и катехизисов. В зрелые годы он написал два основных сочинения – «Истинный камень большого раздора» и «Святая Рожалия». Обе книги вышли в свет в 1780 г. (Осиек и Вена) посмертно.

«Истинный камень» представлял теологическое и историко-церковное сочинение, в котором автор пытался доказать, что некогда в церкви было единство, поддерживаемое авторитетом римского папы, но в результате отступничества константинопольского патриарха Фотия дело дошло до раскола. Автор клеймил его последователей – отцов церкви за предательство и неверие. В контексте идейных установок курии Канижлич писал о родстве и близости славян, рассматривая каждый из этих народов как «благородный

лист славного иллирского леса». Это сочинение вошло в историю хорватской литературы как первое оригинальное прозаическое произведение на новоштокавском диалекте икавского произношения³⁰.

Самое известное сочинение Канижлича – поэма «Святая Рожалия» – было посвящено популярной святой из Палермо (Сицилия). С ней были связаны разные легенды, согласно которым эта девушка из благородной семьи, жившая при королевском дворе, ушла в пустыню, чтобы служить Богу. В поэме рассказывалось об отшельническом периоде ее жизни.

В выборе темы сочинения Канижлич не был оригинален. Тема покаяния грешников и радости святой жизни была распространенной в далматинско-дубровницкой барочной литературе (Гундулич, Бунич, Вучич, Джурджевич). Канижлич использовал литературный опыт дубровчан, но оригинальность его поэмы состояла в том, что ее героиней была не грешница, а благородная девушка, которая отозвалась на зов «небесного жениха»³¹. В отличие от традиционной антитезы греха и милосердия, Канижлич воспел как подвиг религиозный экстаз и аскетический образ жизни. По стилистике поэма была запоздалым барочным сочинением. Черты барокко получили выражение как в самом поэтическом жанре, так и в литературных приемах – описаниях, персонализации, аллегории, экзальтации и др.

По идейно-тематическому содержанию с его римско-католической религиозностью, барочной палитре, ограниченности церковными канонами художественного мышления автора поэма носила церковно-традиционалистский характер. Но ее богатый и выразительный штокавский язык, проблески в ней реалистического описания природы и бытовых жизненных реалий, переключки местами с народной песней, наконец, высокое версификаторское мастерство автора сделали поэму достижением хорватской литературы.

С 60-х годов XVIII в. начались заметные сдвиги в литературном развитии Славонии: появилась светская литература на народном языке, проникнутая идеями, хотя и незрелого, Просвещения. Ее зачинателем выступил Матия Антун Релкович (Свиняр – теперь Давор-село, 1732 – Винковци, 1798). Он происходил из славонской граничарской семьи, сам начал службу граничаром. Но уже в Семилетней войне он участвовал в чине капитана. Оказавшись в плену, Релкович почти два года провел в Пруссии, во Франкфурте-на-Одере. Здесь будущий писатель упрочился в знании немецкого языка, выучил французский и познакомился с литературой на них. Пребывание в Пруссии в период правления там «просвещенного» монарха Фридриха II оставило глубокий след в сознании хорватского офицера. Он увидел «ухаженные города и села». Все, что окружало его, разительно отличалось от разоренной и брошенной Славонии. У Релковича пробудилось желание с помощью литературы помочь воспитанию и просвещению соотечественников, что представлялось ему первоочередным условием улучшения жизни. Этой задаче он посвятил свое главное сочинение – поэму «Сатир, или Дикий человек», которую написал в Саксонии и издал в Дрездене в 1762 г.

Релкович ввел в поэму мифологический образ Сатира – «дикого человека». Представления о «естественном человеке», жившем в гармонии с природой и наделенном нравственными преимуществами, были распространенными

в западном Просвещении. Им отдали дань Ж.-Ж. Руссо, Ф.М. Вольтер, Д. Дидро и другие, менее значимые авторы. В поэме Релковича простодушному дикарю противостоял мир жестокий и невежественный.

Хорватский автор написал поэму на родном штокавском диалекте, популярным в народе десятистопным стихом со смежными рифмами. Он включил в сочинение и прозаические вставки. Писатель был ориентирован на простых славонских крестьян и с ними вел разговор. Он обращался к ним со словами «мой дорогой Славонец», «дорогие братья и добрые земляки». Релкович хотел вернуть своим произведением долг «милому Отечеству». Патриотизм был побудительным мотивом его творчества.

Писатель нарисовал во вводной части поэмы картины родной Славонии, «земли благодородной», украшенной зелеными лесами, омытой четырьмя реками. Бог одарил ее всяческими плодами, она родит виноград и пшеницу. Некогда Славония славилась и знаниями, она была матерью многих языков – венгерского, чешского, хорватского, польского, «вандальского», моравского и московского. Релкович выразил взгляд на благодатную Паннонию как колыбель венгров и всего славянства.

Однако турецкое завоевание, по мысли автора, привело Славонию к разорению и упадку. Для него было тягостным видеть современное состояние родного края: отсталость сельского хозяйства, примитивное земледелие, бездумное уничтожение лесов, бедность и убогость сел. Особое беспокойство писателя вызывали темнота и невежество крестьян, отсутствие общеобразовательных школ, отвращение сельских жителей к учению, почти поголовная неграмотность населения, духовный мрак. В поэме устами Сатира порицались косность патриархального семейного уклада, вредные, с точки зрения писателя, обычаи и обряды, пороки каждодневной жизни. Это посиделки с хороводами и попевками, служившие помехой сельским работам и наносившие вред нравственности, пристрастие мужчин к табаку и питью, выбор жениха или невесты в зависимости от степени богатства, а не по трудолюбию и нравственным качествам, непомерные для бедных расходы, связанные с затяжными и многолюдными свадебными празднествами и подарками, и пр. Осуждение писателя вызывало вырождение «мобы» (традиционной помощи сельчан вдовам и сиротам) в эксплуатацию бедняков богатыми крестьянами³².

Показывая путь к искоренению недостатков в жизни славонцев, Релкович утверждал: «Нужны школы и другие знания»³³. Хорватский автор поднял серьезную проблему – необходимости и права народа двигаться к цивилизованности и европейскому образованию.

Релкович не только критиковал устами «дикого человека», лесного Сатира, темные стороны жизни славонцев, но давал в поэме практические советы по улучшению земледелия и содержанию скота, рациональному использованию угодий, правильному строительству жилья и др. Распространению полезных знаний в обществе служили и его переводные научно – популярные сочинения, и грамматика письменного языка, нацеленная на обучение ему полуграмотного населения. Релкович стремился в разных формах внести вклад в обновление жизни славонцев на «здравых» началах.

Поэма Релковича «Сатир» была отмечена новизной в тематическом, идейном и литературном отношениях. Это было первое подлинно светское сочинение на северохорватской культурной территории, написанное светским человеком под прямым влиянием духовной атмосферы в Германии в век Просвещения. В нем впервые была нарисована картина современной сельской жизни с позиции рационалистического видения мира. Поэма представляла сплав реалистического нравоописания и публицистичности. В ней в стихотворной и прозаической формах получили выражение литературные возможности славонского штокавского диалекта. Отличительными чертами поэмы стали ее связь с реальной жизнью, искренность чувств автора, его свободное от традиций мышление, народный стих. Это глубоко патриотическое сочинение, вскрывающее недостатки в жизни Славонии и направленное на их искоренение и достижение процветания родины, было проявлением просветительского мышления. Автору грезились славонское общество, основанное на знаниях.

Принципиальной особенностью поэмы в литературной ситуации в северохорватском регионе являлась ее приближенность к крестьянам. Сельчане были в центре внимания автора, и его целью была помощь им. Релькович – писатель выступил на стороне простого народа. Он писал живым разговорным языком, чтобы быть понятным ему и убедительным.

Поэма «Сатир», полуторатысячный тираж которой полностью разошлась, получила второе издание (Осиек, 1779). Она была автором переработана и расширена. На этот раз Релкович, разделяя иллюзии, связанные с «просвещенным» абсолютизмом, показал обновленную Славонию в результате реформ Марии Терезии³⁴.

В этом издании, в частности, иначе выглядит отношение Релковича к народной поэзии, нежели высказанное им ранее порицание посиделок с попевками. В предисловии к нему автор писал: «Все мои земляки – певцы, и от природы стихотворцы: все свои героические подвиги они воспевают в песнях и хранят их в памяти»³⁵. В этих словах выражены не только признание поэтической одаренности простого народа, но и ценность народной поэзии как сокровищницы его исторической памяти. Возможно, корректировка Релковичем взгляда на устную поэзию была связана с новой концепцией поэмы.

Хорватский просветитель выступил также зачинателем художественного перевода на славонский новоштокавский диалект. Верный принципу «почитать, развлекая», он издал сборник притч и афоризмов «Обо всем» (Осиек, 1795), составленный из разных книг. Опираясь на опыт распространения басен у других народов, Релкович напечатал в прозаическом переводе (с французского и немецкого языков) басни «Эзопа» (1796) и подготовил к печати перевод басен Федра и «индийского философа» Пильпая³⁶. Художественная переводческая деятельность Релковича имела морально-дидактическую направленность в просветительском варианте.

На творчество писателя оказала влияние античная литература. Оно особенно очевидно в его переводах. Использование автором античного наследия отвечало обновлению северохорватской литературы, сближая ее с классицизмом.

Релкович занимался также лексикографической и популяризаторской работой, ему принадлежали сравнительная грамматика штокавского диалекта

и немецкого языка, практическое пособие по овцеводству в переводе с немецкого языка и с латинского – учебник по естественному праву.

Заинтересованное отношение Релковича к «благородному народу», ясность авторской позиции, новоштокавский диалект на народно-речевой основе – все это обеспечило интерес к поэме «Сатир» со стороны сербского населения Славонии. Свидетельством тому стало издание поэмы учителем в Осиеке Стефаном Раичем кириллицей (Вена, 1793; Буда, 1807). Издатель переложил сочинение с икавской формы диалекта на экавскую и ввел отдельные славянизмы, как это было свойственно тогда «славяно-сербскому» языку сербской литературы. Раич посвятил свой труд «достолюбезной сербской молодежи», указав при этом на воспитательный характер поэмы и ее «поучительный пример сочинения стихов на сербском языке»³⁷.

Творчество Релковича, прежде всего его поэма «Сатир», впервые поставило в литературе Славонии актуальные проблемы общественного звучания. Поэтому поэма вызвала отклики на родине писателя, как одобрительные, так и критические.

В разгоревшейся полемике сторонником Релковича выступил Вид Дошен (ок. 1720–1778). Он родился в Трибне, небольшом далматинском селе на море в отроге Велебита (отсюда его самоназвание – «далматин с Велебитского моря»). Получив начальное глаголическое образование, Дошен был рукоположен в священники – глаголяши. Но затем, испытывая тягу к знаниям, он перебрался на север в Хорватию, где продолжил образование в Крижевцах и загребской Академии. По завершении учебы в Хорватии, молодой священник слушал теологию в университете Граца. Дошен получил хорошее для своего времени теологическое образование.

С 1768 г. Дошен был приходским священником в селе Дубовик в Славонии, сочетая в течение трех лет, в 1773–1776 гг., эту службу с обязанностями профессора моральной философии и директора гимназии в Пожеге. Дошен был образованным человеком, отличался высокой общей культурой. В его библиотеке в Дубовике, помимо литургических книг, имелась и общеобразовательная литература. Священники – глаголяши всегда отличались близостью к простому народу. В течение 20 лет Дошен находился в Славонии в его гуще. Поэтому не удивительно, что он проникся сознанием необходимости подъема культуры крестьян³⁸.

С именем Релковича было связано непосредственно первое сочинение Дошена – поэма «Эхо гор, которое откликается и отвечает на стихи Сатира и славонского тамбуриста» (1767). Автор решительно встал на защиту Релковича от нападок памфлетиста францисканского монаха, выступившего в 1767 г. в печати под псевдонимом Тамбуриста славонского. В прозаическом предисловии и в самой поэме Дошен высоко оценил сочинение Релковича. По его словам, хорватский офицер «написал книжицу, в которой стремился свою родину Славонию украсить должными добродетелями и очистить от гибельных недостатков»³⁹. Дошен подчеркивал патриотизм Релковича и его заботу о процветании родины. Критика темных сторон народного быта, по мнению священника, преследовала цель, «чтобы народ принял то,

что весь разумный свет имеет!»⁴⁰. Автор и сам приводил красноречивые примеры отсталости и темноты сельчан.

Дошен приветствовал также выход «Грамматики» Релковича. Ее задачу священник видел в том, чтобы помочь народу научиться «правильно писать»⁴¹.

Второе сочинение этого автора «Семиглавая змея» косвенно также было связано с творчеством Релковича. В стихотворном эпосе, состоявшем из семи песен, он раскрывал семь смертных людских грехов на материале реальной жизни Славонии⁴². Дошен писал остро и непримиримо о человеческих недостатках и слабостях, о темных обычаях и предрассудках земляков.

В центре внимания Дошена были нравственно – бытовые стороны крестьянской жизни. Он заявил о себе как сторонник книг, знаний, образования, считая их условиями преодоления земляками нравственных недугов. При этом в поэме «Семиглавая змея» он пошел дальше Релковича, выразив протест против социальной несправедливости. Он с неодобрением писал, что «большие» люди живут легко и в изобилии, в то время как беднота проводит жизнь в тяжелом труде и пребывает в нищете⁴³. Дошен был в числе тех писателей, кто приблизил славонскую литературу к реальной жизни.

Признаки нового мышления проявил в своем творчестве Адам Тадия Благоевич (ок.1746–1797), мелкий чиновник центральных учреждений в Вене. Благодаря своему положению он хорошо знал обстановку на своей родине в Славонии. В небольшой поэме «Поэт – странник, или Некоторые события до и после путешествия Иосифа II по Славонии» (Вена, 1771) он показал ее через десять лет после первого издания «Сатира» Релковича. Это сочинение также было написано десятистопным стихом со смежными рифмами.

Автор, сторонник «просвещенного» абсолютизма, отметил некоторое улучшение жизни в Славонии в результате проводившихся в стране реформ: оживление ремесла, подъем торговли, создание светских школ, улучшение культурной ситуации. Вместе с тем, вслед за Релковичем, Благоевич писал об общей духовной отсталости народа. Однако он не ограничился бытовой нравственной стороной крестьянской жизни и первый в славонской литературе поднял социальные проблемы села. В жалобе крестьянина в поэме говорилось о тяжком бремени господской барщины, которая была мучительнее для подданных, чем турецкая дань. Выход из существующего положения писатель видел в пробуждении у земляков сознания былого величия своей родины и усвоении опыта продвинувшихся в развитии народов. Он особо подчеркнул также значимость кодифицированного литературного языка для приобщения славонцев к цивилизованным народам. Как и Дошен, Благоевич признавал значение созданной Релковичем грамматики родного языка.

Благоевич касался в поэме разных сложных вопросов современной жизни Славонии. Осознавая сложность литературно-языковой ситуации на родине, автор сочетал поддержку родного языка с пониманием важности знания соотечественниками и иностранных языков. Порицая укоренившийся у них страх перед всем чужеземным, писатель в то же время осуждал и слепое следование городского населения иностранной моде. Он видел в народной поэзии проявление природной одаренности простого народа, но вместе с тем причислял бытование фольклора к устаревшим обычаям и т.д.⁴⁴.

Благоевич заявлял о себе как сторонник Релковича и Дошена, выражая в развитии их писательской позиции ряд новых мыслей.

После создания поэмы Благоевич занялся переводческой деятельностью. Он сосредоточил внимание на современной европейской художественной прозе. В 1771 г. Благоевич выпустил в переводе (с немецкого издания) философский роман французского аббата писателя – просветителя Г.Ф. Куайе «Чинки, или Кохинхинские события, другим землям поучительные». В предисловии к нему писатель повторил мысль о пользе переводных книг для просвещения населения, а также для развития родного литературного языка, в нормировании которого он видел условие образованности и процветания народа⁴⁵.

Сам выбор для перевода романа, повествующего о разорении и вытравлении земледельца в вымышленной стране, определялся интересом Благоевича к положению славонских крестьян и его сочувствием к участи бедных и отсталых тружеников села. Выступление писателя оказалось возможным благодаря политике австрийского «просвещенного» абсолютизма, направленной на некоторое упорядочение аграрных отношений в стране в целях сохранения существующих устоев.

Европейское Просвещение не обошло своим влиянием Славонию, где назревшие вопросы общественного развития предрасполагали к этому. С Просвещением были связаны первые светские писатели в Славонии, разработка светских тем из реальной жизни, появление новых жанров в литературе (реалистическое нравописание, переводные басня и роман), художественная окраска морально – дидактической письменности, словом, вызревание более свободного литературного мышления. Но идеи Просвещения проявлялись здесь в узких рамках и с точки зрения единичности их носителей (Релкович, Благоевич и отчасти Дошен), и с точки зрения кругозора писателей.

Ситуация представляла модификацию Просвещения в периферийной провинции, где морально-этические вопросы традиционно были прерогативами христианской церкви, находившейся к тому же в окружении и испытывавшей давление в течение 150 лет чуждой исламской цивилизации. В этих условиях традиционализм и устойчивость народного быта были формами защиты и способом религиозного и этнического выживания населения. Ситуация вызывала сосредоточение внимания писателей – рационалистов на морально-этических вопросах и их стремление обучить и просветить народ в повседневной жизни, сделать его быт и поведение более цивилизованными, привить ему общую светскую образованность. Все это имело патриотическую мотивацию. Но уже были проблески понимания и социальной стороны проблемы. Рационализм, гуманизм и гражданственность были отличительными чертами новой хорватской литературы в Славонии. С творчеством писателей – просветителей начало меняться функционирование литературы на родном языке: она стала активнее внедряться в грамотные слои населения.

К концу XVIII в. просветительские тенденции в литературе Славонии постепенно ослабевали. Наступление реакции в Австрийской монархии отразилось в творчестве Антуна Иваношича (1740–1800). Местом его рождения был Осиек. После учебы в Пожеге, Загребе, Вене и Болонье он был рукоположен в священники, некоторое время был военным священником.

Иваношич служил в разных местах Славонии, знал ситуацию в ней и писал свои сочинения на штокавском диалекте, объясняя отдельные слова и выражения кайкавскому читателю.

В морально-дидактическом творчестве писателя («Всемогущему неба и земли творцу») сочетались неприятие предрассудков народа и жесткая критика новых идей, проникавших в Славонию. Он обрушился на «ядовитых писателей» Вольтера, Руссо и всех тех, кто оперировал принципами «естественного разума». Защищая устоявшиеся прерогативы королевской, военной и церковной власти, Иваношич видел в новых учениях, отрицавших необходимость веры, большую общественную опасность. Кроме неверия, утверждал автор, они несли с собой непослушание королю и земельным собственникам.

Как военный священник Иваношич участвовал в пограничных боях с турками. Он воспел некоторые военные события народным стихом, подобно Качичу Миошичу. В творчестве Иваношича была также шуточная поэма о жизни славонского монаха францисканца, который пренебрегал нормами поведения своего ордена и вел разбитную жизнь. Это был редкий памятник литературного юмора в Славонии в XVIII в.

Иваношич представлял в литературной жизни Славонии церковное просветительство, сочетавшееся с политическим консерватизмом. Его творчество преследовало цель оградить духовный мир населения строгими церковными канонами и внушить непреложность подчинения властям. Вместе с тем Иваношич был талантливым поэтом, знакомым с дубровницкой литературой. Он заимствовал из нее философские и литературные аллегории, поэтические интонации⁴⁶.

Литературный процесс XVIII в. в Славонии завершалось поэтическое творчество крупного ученого М. Катанчича. Оно было двуязычным и развивалось несколько особняком. В 1791 г. в Загребе вышел небольшой сборник его стихов «Осенние плоды», в который вошли песни на латинском языке и штокавском диалекте. Они были написаны в латинской метрике. Поэзия Катанчича была в основном поздравительного характера, представляла отклики на текущие события, но включала и «пасторальные» сочинения, а также песни в народном духе, написанные десятисложным стихом. Поэтическое творчество Катанчича носило переходный характер. Он испытал влияние Горация. В его приверженности латинскому языку и воодушевлении античностью присутствовала дань «латинизму», но была здесь и реакция на классицистическую эстетику, с которой Катанчич мог познакомиться в бытность учебы в Венгрии. Катанчич занимался теорией литературы, хорватской просодией, отстаивая для современной ему поэзии латинскую метрику. В этой связи он цитировал или упоминал поэтов И. Джурджевича из Дубровника, П. Дивнича из Сплита, Качича Миошича, а также своего соотечественника М. Релковича⁴⁷.

Одним из носителей латинской поэзии в конце XVIII в. оставался также пожеганин Ф. Себастианович, профессор теологии загребской Академии.

К исходу XVIII в. произошло идейно-тематическое обновление светской части хорватской литературы. В кайкавской Хорватии появились в зародыше гражданская поэзия, отмеченная антифеодальной мыслью, и зачатки общественно-политической публицистики, в Славонии сложилось рациональное – просветительское направление.

Писатели-просветители провозглашали новые идеалы (общество, основанное на знаниях), ценности (здравый разум) и ориентиры (освобождение общества и личности от давления отживших традиций, канонов и авторитетов). Их искания были в значительной мере утопичными и в отсталой провинции ограниченными. Но заслугой этих подвижников было преодоление средневековых стереотипов мышления, в том числе в писательском творчестве. Были освоены новые темы, жанры, литература приблизилась к запросам реальной жизни, заключая в себе патриотическую мотивацию.

В стилистическом отношении литература в Хорватии и Славонии развивалась в общем русле барокко с его расцветом в середине века и последующим затуханием. Наиболее отчетливо его черты проявились в религиозной поэзии, не связанной с богослужением. В светской литературе довлела поэма, характерный барочный жанр, но с нравственно – дидактической направленностью.

Особенностью литературного процесса в Хорватии и Славонии в рассматриваемое время была слабая беллетризация литературы. Причины этого крылись в условиях исторического развития хорватов в этих землях. Культура их в силу нескончаемой турецкой агрессии не пережила стадии Возрождения на заре раннего Нового времени, которое у других народов положило начало светской художественной литературе. С этим было связано и долговременное господство церкви в литературе, хотя религиозные поэзия, проза и драматургия с их разнообразием жанров так или иначе развивали литературное мышление.

В XVIII в., особенно во второй половине столетия, более живыми стали творческие контакты между литераторами Хорватии, Славонии и Далмации. Расширился кругозор писателей, в него стала входить дубровницкая литература. Складывалось понимание ее богатства и ценности. Литературные контакты были более заметными внутри штокавского языкового ареала, но не оставалась в изоляции и кайкавская Хорватия.

Литературные контакты на хорватском этническом пространстве подкреплялись периодическими всплесками исторической памяти, напоминанием отдельных интеллектуалов о сопричастности судеб Хорватии и Далмации, как и поисками лексикографов, державших в поле зрения родственные диалекты и использовавших их словарный состав и грамматические формы. В целом, это были ситуативные действия. Но они выражали тенденцию культурного развития.

Примечания

¹ Krčelić B.A. *Annuae ili historija 1748–1767*. Zagreb, 1952. S. 127 i sl.; *Povijest hrvatske književnosti*. Zagreb, 1974. Knj. 3. S. 312, 333, 334; Šojat O. *Juraj Mulih (1694–1754) kao kajkavski pisac i kao kulturno-prosvjetni radnik*. Predgovor – Bibliografija – Izbor iz djela – Rječnik // *Kaj. Zagreb*, 1983.

² Šojat O. «Cvet sveteh» Hilariona Gašparotija (1714–1762) // *Croatica*. Zagreb, 1984. Sv. 20–21.

³ *Hrvatski kajkavski pisci*. Zagreb, 1977. II. S. 399 i sl.

⁴ *Povijest hrvatske književnosti*. S. 334.

⁵ Šojat O. *Rukopisne pjesmarice* // *Hrvatski kajkavski pisci*. Zagreb, 1977. I. S. 183 i sl.

- ⁶ Povijest hrvatske književnosti. S. 254, 255, 256; Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 658.
- ⁷ Povijest hrvatske književnosti. S. 257.
- ⁸ *Zrinski, Frankopan, Vitezović*. Izabrana djela. Zagreb, 1976. S. 361.
- ⁹ *Šidak J.* Počeci političke misli u hrvata: J. Križanić i P. Ritter Vitezović // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 145.
- ¹⁰ *Zrinski, Frankopan, Vitezović*. Izabrana djela. S. 433.
- ¹¹ *Ibid.* S. 471.
- ¹² *Ibid.* S. 473–474.
- ¹³ *Šidak J.* Počeci političke misli... S. 142.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 143.
- ¹⁵ Povijest hrvatske književnosti. S. 261; Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 726.
- ¹⁶ *Vončina J.* Pavao Ritter Vitezović // *Zrinski, Frankopan, Vitezović*. Izabrana djela. S. 344.
- ¹⁷ *Gortan V.* Bilješka o piscu // *Krčelić B.A.* Annuae... S. 621.
- ¹⁸ *Krčelić B.A.* Annuae... S. 475.
- ¹⁹ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. Sv. 4. Historiografija. S. 10; Povijest hrvatske književnosti. S. 298–300.
- ²⁰ *Krčelić B.A.* Annuae...
- ²¹ *Ibid.* S. 475.
- ²² *Ibid.* S. 457.
- ²³ *Ibid.* S. 458.
- ²⁴ *Ibid.* S. 461.
- ²⁵ *Kombol M.* Povijest hrvatske književnosti do narodnog preporoda. Zagreb, 1961. II izdanje. S. 375; Povijest hrvatske književnosti. S. 311.
- ²⁶ *Šojat O.* O dvjema kajkavskim revolucionarnim pjesmama s kraja osamnaestog stoljeća // *Croatica*. 1970. I. S. 211–236; *Šidak J.* Odjeci Francuske revolucije i vladanje Napoleona I. u hrvatskim zemljama // *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973. S. 88–89; Hrvatski narodni preporod. 1790–1848. Zagreb, 1985. S. 49.
- ²⁷ *Šidak J.* Odjeci francuske revolucije... S. 89; Hrvatski narodni preporod. S. 78.
- ²⁸ *Fancev F.* Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790–1832). Zagreb, 1933. S. 38–42; Hrvatski narodni preporod. 1790–1848. S. 78.
- ²⁹ Povijest hrvatske književnosti. S. 315, 316.
- ³⁰ *Ibid.* S. 338, 339.
- ³¹ *Ibid.* S. 340–342.
- ³² Djela Matije Antuna Relkovića. Satir iliti divji čovik. Zagreb, 1916.
- ³³ *Ibid.* S. 7.
- ³⁴ Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 537.
- ³⁵ Djela Matije Antuna Relkovića. S. 63.
- ³⁶ *Matić T.* Matija Antun Relković // Djela Matije Antuna Relkovića. S. XXIV i sl.
- ³⁷ *Данилова А.В.* Просвещение в хорватской литературе (писатели Славонии второй половины XVIII в.) // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982. С. 263, 264.
- ³⁸ *Matić T.* Život i rad Vida Došena // Djela Vida Došena. Zagreb, 1969. S. 6–8.
- ³⁹ Jeka planine, koja na pisme Satira i Tamburaša slavonskoga odjekuje i odgovara // Djela Vida Došena. S. 16.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 21.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 27.
- ⁴² Ađaja sedmoglava bojnim kopjem udarena i nagrađena // Djela Vida Došena.
- ⁴³ *Matić T.* Život i rad Vida Došena. S. 12.
- ⁴⁴ *Данилова А.В.* Просвещение... С. 270 и сл.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Povijest hrvatske književnosti. S. 331–332.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 344.

И.И. Калиганов
(Институт славяноведения РАН, Москва)

«Недельник» Софрония Врачанского и его время (историко-культурные аспекты)

Abstract:

Kaliganov I.I. *«Nedelnik» by Sophronius of Vratsa and it's age (historical and cultural aspects)*

The reasons why «Nedelnik» was published in Rymnic, and not in any other Romania's Slavic book-printing center are presented in this article. Firstly, Rymnic was founded by the Bulgarians. Secondly, the tradition of Slavic book-printing had existed here from XVII century. Finally, this Carpathian town was relatively safe from the military offense due to it's remoteness from the bounds of Ottoman empire. The problem with clarification of roles of Greek, Russian and Bulgarian sources used by Sophronius is highlighted in the article, as well as the analysis of correlation of Sophronius's theoretical positions with the language of «Nedelnik». They appeared to be ambivalent and controversial. In conclusion, the role of «Nedelnik» in history of Bulgarian language, literature, culture and religious enlightenment is demonstrated.

Ключевые слова: языковые установки автора, соотношение разноязычных источников, место в истории культуры.

«Недельник» Софрония Врачанского, как известно, был напечатан в Рымнике. Это слово знакомо каждому россиянину, но несколько в иной связи. Во время войны с турками русские и австро-прусские войска во главе с прославленным полководцем А.В. Суворовым одержали на реке Рымнике в 1789 г. блестящую победу, и Александр Васильевич был удостоен за нее почетного титула «граф Рымникский». Такое же название, как и река, получил и один из расположенных на ней городов – Рымник. Софроний избрал местом печатания «Недельника» данный город отнюдь не случайно. Рымник издавна являл собой средоточие болгарского духа и «болгар-штины» («българщина»). Область, в которой он находится, входила в границы Болгарии с конца VII по первую половину XIV столетия. Она была населена болгарями, численность которых значительно возросла благодаря притоку болгарских переселенцев в период османского ига. Именно им принадлежит заслуга основания Рымника (1696) и быстро превращения его в крупный центр просвещения, ремесла и торговли (Трайков, Жечев: 1986).

С давних времен были развиты в этой области и традиции книгопечатания. В находившихся неподалеку от Рымника монастырях, начиная с XVII в., печатались славянские книги. В обители «Говора» монахи Стефан Охридский, Макарий Македонский и Иоанн Пелагонийский осуществили ряд богослужебных изданий на церковнославянском языке, предназначавшихся «для румын, болгар и сербов». В самом Рымнике, служившем в XVIII столетии резиденцией епископа, начала работать епископская типография, выпускавшая славянские церковно-религиозные книги. Около века ее деятельность направляла династия болгарских печатников Поповичей: братья

Михаил, Константин и Георгий, их сыновья и внуки. Они трудились в качестве художников, граверов, наборщиков, переплетчиков и мастеров других дел. Данные на обороте титульного листа «Недельника» Софрония Врачанского донесли до нас имена типографов, подготовивших издание первопечатной книги на новоболгарском языке: «напечатана и правописана от Димитрия Михайло Поповича и от Георгия сына его» (Кодреску, 1937: 2; Сюпюр, 1982).

Таким образом, выбор рымникской епископской типографии для публикации софрониевского «Недельника» был логически обоснован, если учесть наличие в Рымнике хорошей материальной базы и искусных печатников, уже выпускавших книги с использованием славянских шрифтов. Имеется и другая причина, вероятно, побудившая Софрония остановить свой выбор именно на Рымнике, а не на каком-нибудь другом издательском центре, например, Бухаресте. Софроний, без сомнения, жаждал увидеть свое детище опубликованным и благодаря печати сделать его доступным для тысяч болгарских священнослужителей и верующих. Здесь я намеренно не употребил определение «любимое» по отношению к слову «детище», поскольку неизвестно, какое из своих творений Софроний любил больше всего. Не исключено, что он желал издать и свою «Автобиографию», единственный рукописный экземпляр которой, очевидно, отнюдь не случайно оказался перенесенным в Россию. Можно сделать предположение, что Софроний намеревался напечатать ее на русской земле, заручившись поддержкой и посредничеством кого-либо из русских военачальников в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда русские войска находились в Румынии. Благодаря подобному посредничеству, например, после ведения Россией боевых действий на кавказском фронте в Санкт-Петербурге в 1813 г. была напечатана «Жизнь Артемия Араратского» – произведение сходное по тематике и поэтике с «Автобиографией» Софрония Врачанского. Типологическое изучение упомянутых литературных памятников, окажется, на наш взгляд, гораздо более плодотворным, чем неудачные попытки сопоставления софрониевской «Автобиографии» с житием русского протопopa Аввакума (Мечев, 1963).

Но продолжим рассмотрение вопроса о месте публикации «Недельника». Рымник, несомненно, выглядел более предпочтительным для издания книги по сравнению с Бухарестом и по другой причине – своей большей надежностью. В сознании Софрония еще не улеглись воспоминания о страшных потрясениях в северных балканских землях, так реалистично описанные им в его «Автобиографии». Эти потрясения явились следствием усобиц крупных турецких феодалов и противостояние их войскам султана. Насилия, грабежи и смерть мирных людей постигли не только северные болгарские земли, но и распространились на валашские и румынские земли. Всего за несколько лет до эмиграции Софрония в Румынию мятежный видинский паша Пазвант-оглу сумел в 1800 г. овладеть валашским г. Чернец и создал реальную угрозу Крайове. Продвижение войск Пазвант-оглу на север вызвало панику среди мирного населения, опасавшегося не только головорезов этого паши, но и регулярных султанских частей, могущих прибыть в Валахию

для установления порядка. Паника охватила даже жителей Бухареста, значительная часть которых бежала в горы и выглядевший более надежным пристанищем прикарпатский Рымник. Насколько велика была угроза захвата многих румынских городов кырджалями свидетельствует тот факт, что сподвижник Пазвант-оглу Кара Мустафа сумел захватить Крайову и сжег ее (Мутафчиева, Виану, 1965 236–237, 243–249).

Ситуация повторилась в 1802 г., когда Пазвант-оглу вновь вторгся в Валахию, и кырджали под началом своего главаря Манаф Ибрагима легко могли завладеть беззащитным Бухарестом, ибо посланные городу в помощь султанские войска занялись не борьбой с мятежниками, а мародерством. Воспользовавшись этим, Манаф Ибрагим требовал откупа у великих валашских бояр, угрожая в противном случае оккупировать всю Валахию вплоть до границ ее с Австрией и Россией. Спасая свои жизни, дипломатические представители России, Австрии и Англии вынуждены были переместиться в Брашов. В дальнейшем Манаф Ибрагим был убит, но мелкие набеги турок на Валахию, свидетелем которых являлся Софроний, продолжались по 1805 г. включительно. И даже после начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Бухарест находился на авансцене театра военных действий и подвергался турецкой осаде (Конобеев, 1958). Поэтому у Софрония, видимо, не возникало ни малейших колебаний по поводу наиболее надежного места отпечатания «Недельника»: им должен был стать спокойный Рымник, располагавший типографией, болгарскими печатниками, да и сам тогдашний рымникский владыка, епископ Игнатий, являлся выходцем из болгарского г. Никополя (Капитанов, 1955).

Другим важным аспектом, связанным с выходом «Недельника» – первопечатной книги на новоболгарском языке, являются вопросы об источниках и характере содержания этого издания. По поводу источников «Недельника» в науке долгое время доминировала точка зрения А. Теодора-Балана о том, что текст данного произведения является переводом «Кириакодромиона» греческого проповедника Никифора Теотокиса, опубликованного в 1796 г. на греческом языке в Москве и перепечатанного в 1803 г. в Бухаресте. Это мнение, высказанное ученым в 1906 г. стало повторяться в статьях о «Недельнике» других исследователей. Хотя уже в 1960 г. крупнейший исследователь болгарских дамаскинов Д. Петканова-Тотева сумела внести существенные коррективы в текстологическую историю софрониевского «Кириакодромиона». Мнение А. Теодора-Балана о произведении Никифора Теотокиса, как единственном источнике перевода Софрония, было убедительно ею опровергнуто. Прекрасное знание рукописной традиции дамаскинов и их содержания помогло Д. Петкановой-Тотевой создать более аргументированную историю состава и композиции софрониевского «Недельника» (Петканова-Тотева, 1960: 199–246).

Исследовательница сумела установить, что большинство помещенных в софрониевском сборнике поучений восходит к проповедям константинопольского патриарха XIV в. Иоанна Калеки, переведенным на русский язык

в 1343 г. Этот перевод распространился на Руси в списках XV–XVII вв. и попал затем в сборник 1626 г. тырновского монаха Даниила. Именно из последнего Софроний позаимствовал готовые переводы, композицию и порядок расположения проповедей. Таких проповедей оказалось в софрониевском «Недельнике» большинство – 56 из 96, причем все они, в свою очередь, восходят к словам константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста. Внимательный анализ заглавия «Недельника», где пишется, что автор переписывал не только «от Греческаго Глубочайшаго Языка», но и «от Словенскаго», побудил Д. Петканову-Тотеву заняться поисками и других славянских источников книги. Некоторые из проповедей «Недельника» оказались более близкими не Даниилову сборнику, а к поучениям известного дамаскинаря XVIII в. Иосифа Брадатого. Кроме того, 7 других поучений оказались скопированными из сборника, писанного греческими буквами анонимным автором.

В общей сложности, помимо материалов Даниила, Софроний позаимствовал из болгарских прологов 28 других статей. Работа Врачанского епископа по формированию «Недельника» представляла собой сложный процесс, включавший многолетнюю подготовку. Это подтверждает состав рукописного софрониевского Видинского сборника 1802 г., где читаются 19 слов, вошедших затем в «Недельник». Вставала перед Софронием и задача перевода ряда проповедей с языка греческого. По его замыслу, сборник должен был содержать слова и поучения на все воскресные дни года, однако разыскать все требующиеся для этого сочинения в болгарских и русских рукописных и печатных книгах Софронию, вероятно, не удавалось. Поэтому он перевел 10 поучений с греческого языка, возможно, используя уже упомянутое издание Никифора Теотокиса.

По мысли Софрония, незнание или неразумение людьми Завета Христова, изложенного в Священном Писании, служит преградой для наследования Царства Небесного. Главная цель создания «Недельника» обозначена автором вполне конкретно: его книга печатается «ради Христианския душевныя пользы». Но достичь этой цели можно лишь посредством донесения смысла Слова Божьего до ума, души и сердца болгарского читателя и слушателя. С такой задачей не в состоянии были справиться печатные богослужебные книги на церковнославянском языке, поскольку они были непонятны не только простым людям, но и священнослужителям. И это обстоятельство прекрасно осознавалось Софронием, который в предисловии к «Недельнику» прямо указывает на причину, побудившую его заняться изданием своей книги. По собственному свидетельству автора, он потрудился и переписал «во всех неделях прочитаемая Евангелия со Толкование и с нравоучения... понеже по нашей болгарский земли много и священницы и простой человецы находятя що четут и не разумеват от Священнаго Писания Словенскаго ради глубокаго языка». Софроний относится к своему начинанию как священному долгу перед паствой, который он давно намеревался выполнить, но откладывал «от недостатчества ума». Осуществляя, наконец, задуманное, владыка был несказанно рад и одновременно проникнут заботой о том, чтобы

болгарские священники и чтецы не ленились читать прихожанам воскресные поучения, напоминая им библейскую притчу о зарытом таланте и грядущем Божьем Суде.

О цикличности развития истории хорошо известно, но каждый раз при столкновении с ней люди изумляются неожиданному сходству повторяющихся ситуаций, разделенных несколькими столетиями. В эпоху Софрония болгары не могли полноценно пользоваться приходившими из России и печатавшимися на Балканах религиозными книгами на церковнославянском языке из-за непонимания последнего. В России этот язык знали все грамотные люди, поскольку он преподавался в школах – в болгарских же землях, где царило османское иго, школы как таковые отсутствовали. Читавшиеся в болгарских церквях проповеди и совершавшиеся в них литургии были непонятны прихожанам и отдаляли их от разума Слова Божьего. Точно так же и в современной России, пережившей эпоху государственного атеизма и семидесятилетний запрет на изучение церковнославянского языка в школах, прихожане не понимают смысла того, что читается в храмах в течение литургии. Внимание большинства богомольцев в церквях постепенно притупляется, и сами службы начинают восприниматься ими будто некий бессмысленный звуковой фон. Со временем все это приводит к снижению интереса многих новых прихожан к православной вере и участию в литургиях.

Разрыв между сегодняшним языком русским и сакральным богослужебным церковнославянским вызвал в России движение «обновленцев», которые пытались модернизировать православное богослужение современными языковыми средствами. Эти попытки получили решительную и справедливую отповедь истинных сторонников православия, ибо язык богослужения ни коим образом не должен равняться на язык кухни или молодежной тусовки. Слово Божье должно читаться и использоваться в богослужебные часы только на языке, освященном Православной Церковью. Двести лет тому назад Софроний оказался в языковой ситуации, отчасти напоминающей положение дел в нынешней России. С одной стороны, ему как пастырю надлежало бороться за просветление и спасение душ пасомого им стада и растолковывать им Слово Божье на ясном для всех «простом кратком болгарском языке», а не «глубоком», но непонятном «языке Словенском», то есть церковнославянском. С другой стороны, он отдавал себе полный отчет, что любое вольное или невольное искажение Божьего Слова есть страшный, порождающий ереси грех, и неизвестно как вышестоящие греческие иерархи отнесутся к введению им в проповеди болгарского народного просторечия. Ведь Болгарской национальной Церкви в его эпоху еще не существовало!

Таким образом, перед Софронием возникла своеобразная дилемма: использовать в «Недельнике» как можно более понятный для простых болгар народный язык, но одновременно не переборщить, чтобы не вызвать неудовольствие греческих владык, без благословения которых его «Недельник» не увидел бы свет. Эта двоякость подхода Софрония к употребляемому им языку легко прослеживается при языковом анализе текста памятника.

С одной стороны, он активно прибегает в «Недельнике» к лексическим и грамматическим средствам, идущим от болгарского народного разговорного языка: противительный союз «ала» или отглагольные существительные с окончанием «не», глаголы настоящего времени, оканчивающиеся на «вам», «увам», «авам»; «да» – конструкции вместо инфинитива, вполне современные нам болгарские формы будущего времени со вспомогательным глаголом «ще» и прочие. С другой стороны, им придавался церковнославянский фонетический налет даже народным словам, и, например, имя существительное «тъпкане» Софроний передает как «топкание», или же использует диалектные болгарские лексемы, совпадающие с церковнославянскими. Примером здесь могут служить употребляемые книжником местоимения «он» и «она», вместо «той» и «тя» (Ничева, 1965: 10, 12).

Эти и другие образчики, характеризующие позицию Софрония при отборе языкового строительного материала, красноречиво говорят о том, что владыка поневоле оказался «слугой» двух господ: Его Величества «паствы», о спасении душ которой он столь радел, и Угро-Валашского митрополита Досифея вместе с издателями, замечания и пожелания которых о языке ему следовало учесть (Теодоров-Балан, 1906: 109) ради получения благословения на издание своего труда. Такой вывод напрашивается сам собой после знакомства с авторской рукописью «Недельника», где обнаруживается ряд собственноручных правок Софрония с целью устранения в тексте многих болгарских народных слов и замены их церковнославянизмами (Пенев, 1933: 306; Ничева, 1965: 175). Иначе трудно объяснить тот факт, что язык двух Видинских сборников, увидевших свет за несколько лет до издания «Недельника», является гораздо более народным и упрощенным (Ничева: 1965: 276, 228). То же самое касается языка и других переводных и оригинальных произведений Софрония, в которых он углубляет тенденцию «онароднения» болгарского литературно-книжного языка, обозначенную книжником еще в 1781 г. при создании так называемого второго софрониевского списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. Фактически Софроний переложил текст эпохального сочинения Паисия на новоболгарский язык (Романски, 1938: VI–VII).

В целом язык «Недельника» по сравнению с другими произведениями Софрония достаточно консервативен. Однако в тот ранний этап формирования новоболгарского книжного языка Софроний сумел нащупать плодотворный путь строительства его словаря. Софроний умеренно использует чужие заимствования – ориентализмы и грецизмы (Вутов, 1989: 346–349) и прибегает к ним только, когда это логически необходимо. Языку «Недельника» свойственны неоднородность и многопластовость, что объясняется особенностями содержания самой книги. Будучи опытным церковным иерархом, Софроний, разумеется, опасался вводить народные элементы в цитаты из Священного Писания, чтобы ненароком не упростить сакральный смысл Слова Божьего. В подходе к языку книжник проявил присущее ему ценное качество – искусную дипломатичность. Последняя помогла ему в свое время пристроить своих

внуков в Бухарестскую бейскую академию, предназначенную для детей высших валашских бояр, снискать благорасположение Угро-Валашского митрополита Досифея и румынского князя Константина Ипсианты (Баева, 1968: 181–182; Капитанов, 1966: 69–73; Ангелов, 1958: 309–340; Ангелов, 1964: 85–92) найти взаимопонимание с наборщиками и корректорами «Недельника» мастерами Димитром и Георгием Поповичами.

Прозорливость, сообразительность и дипломатичность Софрония проявились также при выборе названия и текстов для своей первопечатной книги. В конце XVIII–XIX в. «Кириакодромион» или «Недельник» стал одним из наиболее читаемых и часто издаваемых сборников (Софроний Врачанский, 1989: 24, Начов, 1921: 26–29) и после издания Софрония публиковался шестикратно: Нови Сад (1856 г.), Бухарест (1865 г.), Белград (1868 г.), София (1881 г.), Одесса (1884 г.), Одесса (1899 г.). При всем этом содержание сборника, как уже отмечалось, нельзя связать с литературой нового времени – оно было известно еще со времен средневековья в России и на славянском юге, в том числе и в Болгарии. Поэтому здесь следует задать вопрос: в чем же заключаются новации Софрониевского «Недельника» и заслуги его создателя и публикатора? Ответ после изложенного нами, думается, вытекает из самого содержания доклада.

Первое – «Недельник» врачанского епископа приобщал паству к Слову Божьему гораздо более глубоко и масштабно, поскольку помещенные в нем проповеди излагались на языке близком к народному и были печатными. Труд Софрония способствовал не только спасению душ болгар, но и сохранению болгарской национальной идентичности через укрепление исконной веры.

Второе – издание придало проповедям Софрония, которые он ранее, видимо, произносил перед паствой, константный характер в силу запечатленности их в печатном слове.

Третье – врачанский епископ обеспечил болгарских священников великолепным пособием для произнесения воскресных проповедей в церкви по всей болгарской земле.

Четвертое – «Недельник» Софрония есть первый, хотя и не очень последовательный, опыт кодификации литературно-книжного языка, который сделался известным многим болгарским книжникам благодаря печатной форме данного труда. При этом необходимо отметить, что переиздававшие впоследствии «Недельник» книжники не всегда принимали языковые нововведения Софрония, возвращаясь к более привычной для них церковнославянской архаике.

Таким образом, при определении места и роли софрониевского «Недельника» в истории болгарского литературно-книжного языка, болгарской литературы и духовной культуры следует избегать завышенных оценок, проявлять известную научную осторожность и не забывать о необходимости ряда оговорок. Большее значение, на наш взгляд, имеют три первые выделенные нами пункта. Четвертый же все еще нуждается в более кропотливом и взвешенном научном анализе.

Литература

- Ангелов Б.С.* Някои моменти из живота и делото на Софроний Врачански (По случай 150 години от смъртта му) // Исторически преглед. № 1. София, 1964. С. 85–92.
- Ангелов Б.С.* Софроний Врачански. Материали за живота и творчеството му // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 309–340.
- Баева С.* Софроний Богориди – епископ Врачански и неговите наследници. Биографични бележки от Петко Р. Славейков // Известия на Държавните архиви. Кн. 15. София, 1968.
- Вътов В.* Езикът на Софроний Врачански // Софроний Врачански. Съчинения в 2 тома. Т. I. София, 1989.
- Капитанов Х.* Митрополит на Унгро-Влахия Игнатий, българин от Никопол // Народен Пастир от 15 / VI 1955.
- Капитанов Х.* Нови данни за Софроний Врачански като емигрант в Румъния // Език и литература. № 3. София, 1966.
- Кодреску Н.* Кратък очерк на румъно-българските културни връзки // Светоглас. № 2. София, 1937.
- Конобеев В.Д.* Русско-българские отношения в 1806–1812 гг. // Из истории русско-българских отношений. М., 1958.
- Мечев К.* Протопоп Аввакум и Софроний Врачански // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIX. М.–Л., 1963.
- Мутафчиева В., Виану А.* Феодалните размирици в Северна България в края на XVIII и началото на XIX век и тяхното отражение във Влахия. Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Изследвания. Т. I. (XII–XIX в.) С., 1965.
- Ничева К.* Езикът на Софониевия «Неделник» в историята на българския книжовен език. София, 1965.
- Пенев Б.* История на българската литература. Т. III. София, 1933.
- Петканова-Тотева Д.* Неделникът на Софроний Врачански. Извори и идеи // Известия на Института за българската литература. Кн. XI. София, 1960.
- Романски С.* Нов Софрониев препис на Паисиевата история от 1781 г., съпоставен с препис 1765 г. София, БАН, 1938.
- Софроний Врачански. Био-библиографически указател. София, 1989.
- Стоянов М.* Българска възрожденска книжнина. Аналитичен репертоар на българските книги и периодичните издания 1806–1878. Т. I–II. София, 1957–1958.
- Сютюр Е.* Българската емигрантска интелигенция в Румъния през XIX век. София, 1982.
- Теодоров-Балан А.* Софроний Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806–1906). София, 1906.
- Трайков Н., Жечев* Българската емиграция в Румъния през XV век – 1878 г. и участието ѝ в стопанския, обществено-политическия и културния живот на румънския народ. София, 1986.

С. Бабович-Распопович
(Черногория)

Ф.М. Достоевский и Великий Восточный кризис 1875–1878 гг.

Abstract:

Babovich-Raspopovich S. *FM Dostoevsky and the Great Eastern Crisis, 1875–1878*

In the historical literature in Serbian the important historiographical theme of the relationship of the public in Russia to the Great Eastern Crisis (1875–1878) is not raised. But exactly the public opinion in Russia in a certain sense influenced on the forming of the Balkan policy of Russia in the period. The great Russian writer F.M. Dostoevsky largely influenced on public opinion by his notices in favor of the South Slavs, Bulgarians, Serbs and Montenegrins in the Eastern crisis and formed positions, concerning the idea of Slavic unity, that was so popular in the academic and cultural circles of the Russia. F.M. Dostoevsky's views on these problems are the subject of our article.

Ключевые слова: Восточный кризис, Балканы, политика, славянское единство, история, Ф.М. Достоевский.

Мы обращаемся к теме «Ф.М. Достоевский и Великий Восточный кризис 1875–1878 гг.» по нескольким причинам.

Во-первых, в нашей исторической литературе (на сербском языке) не затронута важная историографическая тема, касающаяся отношения общественных кругов в России к этому кризису, который самым непосредственным образом связан с исторической судьбой Сербии и Черногории и сербского народа вообще. Между тем, именно общественное мнение в России в некотором смысле повлияло на формирование балканской политики России в указанный период.

Русский писатель «всех времен» Федор Михайлович Достоевский своими выступлениями в пользу южных славян, болгар, сербов и черногорцев, в течение Восточного кризиса в значительной мере подготовил общественное мнение к грядущим событиям, что было для нас еще одной причиной для рассмотрения этой темы. Третья причина состоит в том, что Федор Михайлович во время событий Восточного кризиса разработал почти всесторонний взгляд на идею славянского единства, весьма популярную в научных и культурных кругах тогдашней России, решающим импульсом для которого было вступление Сербии и Черногории в войну с Османской империей в 1876 г. Но взгляды Достоевского на идею славянского единства во всей их многогранности только предстоит изучить, что выходит за рамки нашей работы. Мы же коснемся этих взглядов только в той мере, какой требует наша тема.

В богатейшем духовном наследии Федора Михайловича мы находим его мысли о сербском народе во время Великого Восточного кризиса, выраженные на страницах ежемесечника «Дневник писателя»¹.

Именно в этом издании автор «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания», «Записок из подполья» откликнулся на волнующие его темы. Это были эссе, статьи, заметки биографического, мемуарного, политического, социального характера, наряду с небольшими литературными произведениями, как, например, новелла «Кроткая», которую Леонид Гроссман назвал «может быть, лучшим образцом внутреннего монолога во всем творчестве Достоевского»². На страницах «Дневника» публиковались различные материалы, касающиеся внутренней жизни России, ее внешней политики в связи с Восточным кризисом, а также те, которые самым непосредственным образом касались внутренней потребности писателя обозначить явления и отметить их отзвук.

Что для самого Федора Михайловича значил «Дневник писателя», мы узнаем от него самого. Он писал: «Я пишу мой «Дневник» не только для публики, но и для себя лично (мысли, которые я долго вынашивал...) Этому дневнику будет принадлежать вся моя авторская деятельность»³.

Относительно целей написания «Дневника» автор указывает: «Главная цель «Дневника» состояла в том, чтобы по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, в текущих представляющих фактах»⁴.

Из сложного и духовно богатого содержания «Дневника»⁵ мы выделили ту часть, которая самым непосредственным образом связана с боснийско-герцеговинским восстанием, вступлением Сербии и Черногории в войну с Турцией в 1876 г., а также вступлением в войну России в 1877 г. Это вопросы, о которых он пишет и о которых размышляет, «внутренне близки» ему. Достоевский постоянно с верой и духовной энергией «воюет за их смысл». Именно эти события отозвались в России «как сильный глубокий резонанс», который не оставил равнодушной русскую мысль, проявленную энергию которой Федор Михайлович выражал на страницах «Дневника» в идее славянского единства.

Размышления и выступления великого писателя, его общение с читателями через «Дневник» находит широкий отклик и признательность «и в самых удаленных краях России». Достоевский получает сотни писем, ведет переписку, принимает посетителей, выслушивает исповеди, наставляет, учит, указывает путь... На него рассчитывают как на серьезную общественную и нравственную силу..., но и угрожают ему... Следует упомянуть и то, что избрание Достоевского в члены-корреспонденты российской Академии наук, Отделения русского языка и литературы приходится на период его наиболее интенсивной публицистической деятельности в 1877 г.⁶

Восточный кризис начался в условиях, не слишком благоприятных для России. Ее внутренняя жизнь была осложнена незавершенной военной реформой, нехваткой финансов, кризисом промышленности и тяжелыми последствиями неурожайного года. Тяжелое положение в России в целом усугублялось и нарастающим революционным движением. В таких обстоятельствах вести

о восстании в Боснии и Герцеговине в 1875 г. были для официальных кругов в России «неприятной неожиданностью»⁷.

Россия оказалась перед выбором. С одной стороны, она поддерживала национальные устремления балканских славян, которые ослабляли Османскую империю, а с другой, опасалась международного конфликта, который мог бы привести ее к войне. Она пыталась дипломатическим путем решить кризис⁸, не упоминая, что могла бы открыто вступить в конфликт, который самым непосредственным образом угрожал ее интересам.

Ф.М. Достоевский «живо» следил за событиями, связанными с восстанием в Герцеговине в 1875 г.⁹. Он считал, что «герцеговинский вопрос» «оттягивается до бесконечности», но будет решен на предстоящей встрече «трех канцлеров в Берлине» так, «чтобы не оскорбить чувства русских». Не без иронии он записал, что «и ключ к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине, и тоже в шкатулке у князя Бисмарка»¹⁰.

Кризис в Герцеговине и связанные с ним события взволновали общественность Сербии и Черногории. Под влиянием движения солидарности народов с соплеменниками в Герцеговине и Боснии Сербия и Черногория в 1876 г. объявили войну Турции. Этот момент был для Достоевского решающим. С надеждой и озабоченностью он записывал: «Князь Милан Сербский и князь Николай Черногорский, надеясь на бога и на право свое, выступили против султана, и, когда будут читать эти строки, то уже, может быть, будет известно о какой-нибудь значительной встрече или даже о решительном сражении. Дело пойдет теперь быстро»¹¹. И вслед за этим обеспокоенно говорит о Европе, от которой, по его словам, зависит то, «что усиления славян, даже и в случае очень большого успеха, могут быть вознаграждены лишь довольно слабыми паллиативами»¹².

Вступление Сербии и Черногории в войну с Турцией вызвало большой отклик в русском народе, вопреки осторожности официальных кругов¹³. Судя по тем сведениям, которые приводит великий писатель, и народ, и все общественные слои были почти единодушны в выражении своих симпатий к Сербии и Черногории. Он писал: «В газетах почти уже все перешли к сочувствию восставшим на освобождение братьев своих сербам и черногорцам, а в обществе и даже уже в народе с жаром следят за успехами их оружия»¹⁴.

С развитием этих событий сливается духовная активность великого писателя в движении в пользу «братьев-славян». В «Дневнике писателя» он опубликовал десяток статей, чтобы мобилизовать русское общественное мнение на помощь Сербии. Достоевский пишет: «Славяне нуждаются в помощи». Он призывает русское общество помочь славянам «хотя лишь деньгами и кое-какими средствами...» Он оповещает общество, что генерал Черняев сообщил в Петербург «о нехватке в Сербии докторов, лекарств, о плохом уходе за ранеными...»¹⁵. Он лично благословляет студентку из богатой семьи, которая как сестра милосердия отправляется в Сербию¹⁶. Он поддерживает добровольческое движение в России в пользу «братьев-славян».

И одновременно он пишет, что австрийцы и англичане деятельно помогают туркам деньгами, оружием, снарядами и людьми.

Федор Михайлович следит за всем, что связано с движением русских добровольцев, переписывается с ними, извещает об этом читателей. Он следит и за работой Славянского комитета. Из «Дневника» мы узнаем об «энергичном воззвании этого комитета на всю Россию о помощи восставшим братьям и о присутствии комитета во всем составе, при многочисленном стечении народа, на торжественном молебствии в церкви сербского подворья – о даровании победы сербскому и черногорскому оружию»¹⁷, об акции московских староверов, которые послали в Сербию «целую санитарную бригаду». Впечатляют и сообщения об отъезде к сербам офицера в отставке, который взял с собой девятилетнюю дочку.

Очевидно, что размах движения помощи Сербии и Черногории в России был неожиданным и для самого автора «Дневника». Как пишет Достоевский, это «движение» «испугало» и Европу. Англия назвала его «Крестовой войной», а великий писатель восклицает: «Мнение общества, кажется, обозначилось и на побои ни для какого мира не согласно».

Федор Михайлович сообщает читателям, что посредством различных акций в «пользу славянских братьев» высказалась вся Россия: солдат, купец, профессор, набожная старушка. Он записал, что русский народ, оказывая помощь балканским славянам, написал самую замечательную страницу своей истории. Это, как он выражается, «единодушное» движение мобилизовало всю духовную энергию Достоевского. Именно поэтому ему было еще тяжелее принять «обособление» Льва Николаевича Толстого. Он почувствовал его в романе «Анна Каренина», где Левин говорит, что «такого непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть»¹⁸. Это означало, что Лев Николаевич обособился «от значительного всеобщего русского дела, каким является война за освобождение угнетенных...» Достоевский не может простить ему этого, «так как Толстой был несправедлив к народу... Он отнимает у него самое драгоценное, лишает его основного смысла в жизни». Словами, которые произносит Левин, Толстой, по сути, как считал Достоевский, отрицал не только смысл движения, но и само движение, которое, как записал Достоевский, было «очевидным фактом»¹⁹.

Последовательность Достоевского в защите добровольческого движения лучше всего иллюстрирует его отношение к генералу Черняеву. Для Достоевского добровольцы и генерал Черняев – это лучшие люди России.

Но даже неуспех Черняева не обескуражил Федора Михайловича. Он хорошо понимал «интриги и козни Англии», которая, как он пишет, по «политическим мотивам» больше всего этому способствовала. Тем не менее, он обвинял не только Англию, но и своих соотечественников. Он писал: «Им (англичанам) помогли и русские..., из-за какой-то желчи и из-за ненависти... они пожертвовали армией и даже отечеством только для того, чтобы уничтожить человека, который им неприятен». Он записал: «Интрига началась

и шла в Белграде все время, с самого прибытия Черняева в Сербию». Однако он не поколебался. Достоевский пишет: «Но все это не должно нас разъединять с славянами. Есть две Сербии: Сербия верхняя, горячая и неопытная, еще не жившая и не действовавшая, но зато страстно мечтающая о будущем, и уже с партиями и с интригами, которые доходят иногда до таких пределов (опять-таки вследствие горячей неопытности), что не встретишь подобного ни в одной из долго живших, безмерно больших и самостоятельных, чем Сербия, наций. Но рядом с этой верхней Сербией, столь спешащей жить политически, есть Сербия народная, считающая лишь русских своими спасителями и братьями, а царя русского - за солнце свое, любящая русских и верящая им». Дальше в своем дневнике Достоевский помещает текст из газеты «Московские ведомости», так как невозможно, по его словам, «выразиться лучше, как она сделала это о том предмете», цитируя: «Мы уверены, что чувства русского народа к Сербии не изменятся вследствие успеха враждебной обеим сторонам интриги... Сербы княжества – народ земледельческий, мирный, успевший в течение долгого мира забыть свои воинственные предания и не успевший, взамен их, выработать твердого народного сознания, связывающего всякую историческую нацию. Наконец, сербы княжества не могут и народом назваться: это лишь отрывок народа, не имеющий органического значения. Но мы не можем забыть, что сербы восторженно и единодушно встали на помощь своим единокровным братьям, злодейски мучимым».

Достоевский представлял себе ситуацию в Сербии. В его записках говорится: «Я получал письма из Сербии и беседовал с людьми, которые оттуда возвратились. Особенно я запомнил письмо одного молодого русского, который там остался и пишет о сербах с восторгом, негодуя по поводу того, что в России есть люди, считающие сербов трусами и эгоистами»²⁰.

Одновременно Достоевский напоминает и сербской интеллигенции о славянах, о славянском духе словами: «Я бы тем высокообразованным сербам, из которых многие столь недоверчиво смотрели нынешним летом на русских, показал бы песню А.С. Пушкина о «Георгии Черном» или эту «Песню о битве при Зенице Великой»... Но даже этого было недостаточно для активного духа Достоевского. Придерживаясь своей идеи, он рекомендует эти стихотворения русским учителям, которые с удивлением услышат в первый раз, что это такие «шедевры», «бриллианты первой величины в поэзии Пушкина, а не «Кавказский пленник» и не «Цыгане»²¹.

Тем не менее, в прессе, да и во взглядах русской общественности, не было единодушия в отношении к добровольческому движению. Либеральная пресса встретила его в штыки. Она развернула кампанию с целью дискредитировать не только добровольческое движение в России, но и освободительную борьбу славян. Выходили статьи, смыслом которых было: «Любая война – это зло», «Зверства над угнетенными славянами преувеличивались», «Какое дело России до их бед, потому что неизвестно, лучше ли им на свободе или под властью турок», «Убивать негуманно» и т.д. На нападки

либеральной прессы Достоевский отвечал: «Слишком много для лакейства мыслей» и писал: «Но главная причина нашего умственного рабства – наша русская деликатность по отношению к Европе»²².

Достоевский горяч, непоколебим и последователен. Он защищает добровольческое движение аргументированно, тем, что видел, слышал, в чем участвовал.

Вопрос об официальном объявлении войны Турции со стороны России после разрастания добровольческого движения не вызывает больше у Достоевского сомнений. Он ожидает ее вступления в войну. Он пишет: «Как поступит Россия..., для любого русского человека это не может быть и не должно быть вопросом. Россия поступит честно – это ответ на вопрос».

В апреле 1877 г. русский царь Александр II подписал в Кишиневе манифест об объявлении войны Турции. В связи с этим Достоевский записал в «Дневнике писателя»: «Война. Мы всех сильнее». Текст, который он посвятил вступлению России в войну, – свидетельство о дилеммах общества, касающихся войны, об обстановке в стране, сложившейся после объявления войны. «Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской». «Когда читали царский манифест, народ крестился и все поздравляли друг друга с войной», – извещает своих читателей великий писатель и добавляет: «Мы все это видели своими глазами, слышали, и все это даже здесь в Петербурге...»²³.

Ф.М. Достоевский и сам был воодушевлен войной не только из-за солидарности со славянским народом, но и из-за надежды, что это «единодушие» может быть стимулом для духовного возрождения России. Он пишет: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, поднимаемся мы; а для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором задыхаемся, сидя в немощи рабства и духовной тесноте...»²⁴. Тем, кто высказывал сомнения о возможностях России в войне, он отвечает: «И каким образом сами-то они приобретут себе честь явным бесчестьем». «Любопытно, наконец, как и чем оправдают они свой разрыв с всеобщим и повсеместным чувством народным»²⁵, – пишет автор. Всем своим существом слившись с русской идентичностью, Достоевский восклицает: «Они только живут чужою мыслию, ищут готового слова и примера, схватываются за подсказанное дело. Они кричат, что за них авторитеты, что за них Европа. Они свистят на несогласных с ними, на всех, презирающих лакейство мысли и верящих в свою собственную и народа своего самостоятельность...»²⁶. Для великого писателя невыносимо ощущение морального неравноправия.

Достоевский верит в Россию, верит в ее миссию, несмотря на вероятность неблагоприятного исхода войны. Он пишет: «Но надо быть на все готовым и что же: если предположить даже самый худший, даже невозможно худший исход для начавшейся теперь войны, то хоть и много вынесем скверного, уже надоевшего до смерти старого горя, но колосс все же не будет расшатан,

и рано ли, поздно ли, но возьмет свое»²⁷. Основой этой уверенности Достоевского был русский народ, который уже вышел на политическую арену в связи с Восточным кризисом, самым непосредственным образом выступая за «единоверных» братьев в Сербии и Черногории.

Защита движения в пользу балканских славян и войны, в которую вошла Россия, имеют для Достоевского решающее значение, так как, по мнению писателя, это события, на основе которых русский народ укрепит Россию и воплотит идею славянского равенства. В этих событиях Федор Михайлович и видит основной потенциал России. В непосредственной связи с выступлением русского народа во время Восточного кризиса сформировались взгляды Ф.М. Достоевского на идею славянского единства²⁸, идею, которую «завещали века», как он выражался. Превыше всех принципов, на которые должно опираться общеславянское единство, Достоевский выделяет жертву России во имя справедливости, которая выразилась в «чувстве бескорыстного отношения к угнетенным братьям».

Отрицая любую мысль о завоевании или же уничтожении различных славянских индивидуальностей, он выступает за объединение славян, которые могли бы выстроить свое отношение к Европе и занять в ней свое место. «Чтоб... дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий (...), принести свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации»²⁹. Единение славянских народов с Россией, как считает Достоевский, возможно «лишь по собственному их провозглашению, с сохранением всего того, чем сами они определили бы независимость и личность свою»³⁰.

Как воспринималась позиция Достоевского у нас? В книге Милисава Бабовича «Достоевский у сербов»³¹ говорится, что первое упоминание об авторе «Братьев Карамазовых» встречается в газете «Српска независност» от 1 февраля 1881 г., в связи с кончиной великого писателя. Тогда в газете было помещено две статьи, посвященные ему: «Характеристика литературного творчества Достоевского» и перевод отрывка из «Дневника писателя» - «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать»³². Только пять лет спустя (до 1886 г.) в нашей прессе снова встречается имя Ф.М. Достоевского. Очевидно, что наша общественность не только не знала о деятельности Федора Михайловича в период Восточного кризиса, но не была знакома с ним как с писателем. Милисав Бабович в указанной книге объясняет, что тон культурной жизни сербов задавала интеллигенция, получившая образование на Западе, а «славянофил Достоевский не мог вызывать симпатии...»

Ни в течение войны, ни много лет спустя ни «Српске новине», ни «Глас Црногораца», ни «Застава» не поместили ни одного отрывка, ни одной вести о деятельности Федора Михайловича, связанной с «Дневником писателя».

«Дневник писателя» – это источник, который интересен с разных аспектов. Перед нами прежде всего великий художник и мыслитель, человек глубоко

и страстно верующий, перед нами богатство идей и фактов... Но это не ре-е-стр, это творчество с огромным умственным и поэтическим потенциалом. В сложной духовной работе автора «Братьев Карамазовых» мы узнали только частицу нас самих, а это не может оставить равнодушным и не волновать, если помог нам в этом Федор Михайлович Достоевский. Мы узнали глубоко чувствующего человека.

Из нынешней перспективы и в свете серьезности судьбоносных для сербского народа событий мы с глубоким уважением относимся к его политической ангажированности в пользу нашего народа. Наши чувства не могут смутить даже оценки, подобные тем, которые высказал биограф писателя, Леонид Гроссман, в книге «Достоевский» (1974 г.): «Творческий подъем, который наблюдался до самого конца, не дает соответствующих достижений в области политической мысли писателя, которая не перестает омрачаться и все больше походит на воинственную реакцию. Это порой бросает печальные и сумрачные тени на последний период жизни писателя, ограничивая тот культ красоты, которому он хотел остаться верным до конца...» Или тот факт, что нередко избегают упоминаний о «Дневнике писателя» наряду с «Гражданином», говоря о важных датах жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, как, например, в его биографии, написанной Юрием Селлезевым и вышедшей в Москве в 1977 г., которая переведена у нас в 1990 г.

Связанный с «живой жизнью» своего времени и своего народа, Достоевский – это надежный и ответственный очевидец, а его слова – убедительное свидетельство о нашем историческом прошлом, о славянском духе и нравственной силе России. Он лучше всех объясняет себя самого, наиболее полно говорит о себе. Как бы его ни толковали, он является, как писала Исидора Секулич, славянской вершиной, а разве это может быть унизительно и оскорбительно для Ф.М. Достоевского! Нам кажется, что для великого писателя вопросы, поднимаемые в «Дневнике», были так же или почти так же важны, как и художественные, которые сделали его бессмертным. Но он научил нас, что любая объединяющая идея – это «счастье для нации».

Примечания

¹ Дневниковые заметки были начаты в 1873 г. и выходили в еженедельнике «Гражданин», редактором которого был Ф.М. Достоевский, а после его ухода из журнала их публикация прекратилась до 1876 г. В течение 1876–1877 гг. «Дневник писателя» выпускался как самостоятельное издание, раз в месяц, отдельными номерами, а после перерыва, в 1880 и 1881 гг. выпущено по одному номеру.

² Гросман Л. Достоевски. Београд, 1974. С. 471.

³ Разъяснение об участии моем в издании будущего журнала «Свет» // Дневник ... 1876. С. 407. Dnevnik pisca 1876. Beograd, 1981.

⁴ На какой теперь точке дело // Дневник писателя. С. 408.

⁵ Многие идеи из «Дневника писателя» анализировал Никола Милошевич в работе «Достоевски као мислилац». Београд, 1981.

- ⁶ *Бабовић М*. Достоевски код Срба. Титоград, 1961.
- ⁷ Внешняя политика России. М., 1997.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Екмечић М*. Устанак у Босни 1875–1878. Сарајево, 1960.
- ¹⁰ Мечты о Европе // *Dnevnik pisca...* 99/1876.
- ¹¹ Восточный вопрос // *Dnevnik pisca...* 206/1876.
- ¹² См. также: Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX вв. М., 1982.
- ¹³ Русское правительство было официально против вступления Сербии в войну, но помощь на военные нужды и влиятельные советы предоставлялись с его ведома // См: Историја српског народа. Књ. VI. Београд, 1994. С. 518.
- ¹⁴ Снова о женщинах // *Dnevnik pisca...* 213/1876.
- ¹⁵ По данным Красного Креста с русской миссией в Сербию прибыло 115 врачей, 78 фельдшеров, 118 санитаров... В Цетинье прибыла миссия русского Красного Креста под руководством Петра Васильчикова с 4 врачами, 10 сестрами милосердия, 1 аптекарем и вспомогательным персоналом // Споменици Црвеног крста 1876–1936. Београд, 1936. С. 92.
- ¹⁶ *Dnevnik pisca...* 214/1876.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Опять обособление. Восьмая часть «Анны Карениной» // *Dnevnik pisca...* 236/1877.
- ¹⁹ «Анна Каренина», как факт особого значения // *Dnevnik pisca...* 241/1877.
- ²⁰ Доморожденные великаны и приниженный сын «кучи» // *Dnevnik pisca...* 47/1877.
- ²¹ Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать луну в Гороховой. Один из неизвестнейших русских великих людей // *Dnevnik pisca...* 43/1877.
- ²² Также см. *Зеньковски В.В.* Руски мислиоци и Европа. CID. Подгорица, 1995.
- ²³ Война. Мы всех сильнее // *Dnevnik pisca...* 113/1877.
- ²⁴ Там же. *Dnevnik pisca...* 114/1877.
- ²⁵ Там же. С. 114.
- ²⁶ Там же. С. 115.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Утопическое понимание истории // Там же. 209/176.
- ²⁹ Там же. 212.
- ³⁰ *Бабовић М*. Достоевски код Срба. Титоград, 1961.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 489; Изабрана дјела Ф.М. Достоевског в 35 томах под редакцией Исидоры Секулич, выпущенные издательством «Народна књига» в 1934 г.

О.В. Цыбенко

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**Начало полувекового творческого пути.
Ранние рассказы Юлиана Кавалеца в свете
его зрелых достижений**

Abstract:

Tsybenko O.V. *Beginning of a half-century artistic career. Early stories by Julian Kawalec in light of his mature achievement*

The first two collections of short stories by the modern classic of Polish literature Julian Kawalec (born 1916) – «Paths of the streets» (1957) and «Scars» (1960) – contain the images and motifs, which predict his mature works themes, such as difficulties of the former villagers to assimilate in the city, they introduce the characters to which the literature of the end of fifties was unaccustomed, like the rural eccentrics, old men and women tied to the land and traditional moral values. To even larger degree the poetic of «true» Kawalec is anticipated in the collection of works entitled «A fallen elm» (1962). In the center of stories - the dramatic and sometimes tragic consequences of the peasants outcome from the village, traceable in the state of mind of the characters. The unique literary style of the founder of Polish village prose gets formed, combining a deep symbolism and social analytic, folk-poetic toots, the story not only in the third, but sometimes in the first and second person (impressively used later in the novel «Dancing Hawk»), penetration into the depths of consciousness of a «simple» person, the expression of unspeakable. In later stories by Kawalec (1990–2000's) the philosophical problems are brought to the forefront, but the closeness to the nature, the justice, the compassion, the love to neighbors remain the main criteria for evaluation of characters that exist in a changed, post-socialist reality with their new dramatic conflicts.

Ключевые слова: польская проза, деревня, земля, миф, психологизм, драматизм, символизм, природа.

Юлиан Кавалец родился 11 октября 1916 г. в деревне Вжавы около Тарнобжега, в долине, где сливаются реки Висла и Сан на юго-востоке Польши. Этот регион страны тогда был одним из самых заброшенных, неразвитых в хозяйственном отношении. Тем не менее, на этой земле выросли, кроме Кавалеца, такие известные в XX в. писатели, посвятившие свое творчество деревенской теме, как Я. Виктор, В. Бурек, С. Пентак, Х. Ворцель, Я.Б. Ожуг, Я.М. Гизгес, В. Мах, Т. Новак.

Писатель рос в бедной крестьянской семье, в деревянном доме с соломенной крышей. «В доме была одна большая изба, кухонька, сени» и холодная коморка. «Вся семья, отец, мать, бабка, дед, сестра, два моих брата и я спали в этой просторной избе», – сообщает Кавалец¹. После окончания пяти классов начальной школы во Вжавах он учился в 1927–1935 гг. в гуманитарной гимназии в Сандомеже. Затем изучал полонистику в Ягеллонском университете, который – после перерыва в военные годы – закончил в 1946 г. Семья, вспоминает Кавалец, собрала что могла, «все свои силы, благодаря прежде всего настойчивости, огромной любви матери², потому что именно любовь сыграла решающую роль в принятии этого решения, я поступил в первый класс гимназии.

Это была революция, дело для меня необыкновенное, поразительное, я оказался оторванным от моего мира, отрезанным от своего детства, вдруг перенесенным на каменную мостовую, я со страхом воспринял город... Родители немногим могли мне помочь. Я давал уроки, учил латыни, немецкому, довольно хорошо знал латынь, и эта латынь давала мне, правда минимальный, доход, так что я мог жить, оплачивать общежитие и содержать себя³.

Кавалец начинал, как и многие герои его прозы, но в других, предвоенных условиях, когда еще наплыв крестьянских детей в школы и университеты не был массовым. В гимназии и университете будущий писатель был связан с крестьянскими общественно– политическими, культурными объединениями, принимал участие в акциях, предпринимаемых левыми организациями. Подпольную просветительскую деятельность Кавалец вел в годы оккупации в деревне, участвовал в тайном обучении. В 1944 г. будущий писатель становится военным корреспондентом, после войны возвращается в Краков, работает на радио, печатается в газетах, освещает, в частности, строительство крупного металлургического комбината в Новой Гуте.

Кавалец – писатель, очень сознательно относящийся к своей задаче, и его высказывания составляют обширное и существенное дополнение к его творчеству. Этот своеобразный «автокомментарий», зафиксированный в различных беседах с писателем, его интервью, в анкетах, помогает понять, как формировалось его отношение к миру и человеку, какой виделась ему роль художника в современной, быстро меняющейся действительности. Много раз Кавалец подчеркивал, что он не выбирал свою тему в литературе, это тема выбирала его: «Важно, очень важно, какой мир впервые открывается глазам ребенка, какие образы детства запечатлелись у него в памяти. Каменную стену увидел ты или дерево? Чье лицо склонилось над тобой, ребенком? Чья рука взяла тебя за руку, помогая преодолеть неровности земли? Чья рука подала тебе хлеб и какой он был, этот хлеб? Деревья, поля, луга, реки – вот образы моего детства. Истомленные крестьянские лица окружали меня. Жесткая, натруженная крестьянская рука подала мне ржаной хлеб и вывела меня в мир. Пишу я о деревне, ни о чем другом писать не могу. Там, в деревне, – источник моих переживаний, деревня – тема, полностью подчинившая меня»⁴.

Из родной семьи Кавалец вынес привязанность к земле, верность своему окружению, природе и людям, «давшим ему голос». Глубокое уважение к печатному слову также зародилось в детстве – его мать Станислава много читала. Чувство благодарности, неоплатного долга перед родными, обеспечившими его «выход в широкий мир» в трудных материальных условиях, с годами крепнет, превращается в убеждение о необходимости сознательного служения крестьянству.

«Писательская программа Кавальца опирается на верность, благодарность и память»⁵, – отмечает Б.С. Кунда. Сам писатель так говорит о своей теме: «Моя литературная тема касается мыслей, чувств и воображения людей, которые неожиданно увидели новые города около своих полей и в которых начался большой внутренний разговор, который сопутствует тому, что мы обычно называем продвижением деревни, ее преобразованием»⁶.

Задачу писателя автор «Призыва» видит в том, чтобы помочь этим людям обрести себя в новых исторических условиях, не быть пассивными,

растерянными, осознать ценность крестьянской культуры. «Творчество писателя крестьянского происхождения, – пишет Кавалец, – должно быть зеркалом, в котором крестьянство могло бы увидеть себя. Должно оно с помощью воображения оживить будущее»⁷.

Писателя многое беспокоило в сложных социальных процессах преобразования деревни, поэтому он считал необходимым в своих книгах «сопутствовать людям, которые уходят – или скорее уходили, так как деревня уже изменилась – из этих убогих форм, и теперь идут в гору, в города. Меня интересует отражение трудного зачастую процесса изменения их психики. У этих людей немало проблем, они зачастую неспокойны, полны неуверенности – как примет их город, промышленный центр»⁸. Это сопутствование, «подсказывание» должно было помочь крестьянину и его потомкам в преодолении пассивности. «Мне кажется, – говорит Кавалец, – что крестьянин часто не знает, не отдает себе отчета в том, что он может быть субъектом истории»⁹.

«Книги должны быть формой служения людям. Конечно, это утверждение надо понимать широко. Только тогда они могут иметь смысл, если человек будет в них центральным пунктом, если они поддержат человека, если поддержат народ, если положат свой «кирпичик» в прогресс»¹⁰ – это глубокое, выстраданное убеждение Кавалец подтверждает произведениями, в которых его позиции иногда выражены несколько прямолинейно, тема, переживаемая им, взята без дистанции (об этом он писал, характеризуя свое отличие от более молодых авторов деревенской прозы, умеющих брать тему «на расстоянии»). Иногда кажется, что автор повести «Ищу дом» просто «выкрикивает» наболевшее. Недаром, как отмечает Б.С. Кунда, Кавалец слову «талант» предпочитает «волнение»¹¹.

Волнение за крестьян, «опоздавших» к новой жизни, и тех, кто стремится побыстрее стать «городским», не покидает писателя: «Требуется анализ этого журналистское слово – продвижение деревни, прогресс, – размышляет Кавалец, – хотя бы потому, что согласно с его буквальным смыслом подразумевают под ним только радостный марш вперед с революционным пением. Забывают обычно о том, что это действительно марш вперед, но марш под бременем того, что память с помощью воображения собрала кое-что и накопилось этого на целый мешок, который не удастся сбросить сразу умелым движением. Поэтому дорога прогресса – это драматичная дорога»¹². С изменением общественно-экономических отношений психика людей не меняется автоматически.

Основные типы своих персонажей Кавалец характеризует следующим образом: «Дорога прогресса сложна и порой рождает такие драмы, как поражающая иногда грубость человека, выдвинутого историей наверх, а также и пугливое дрожание рук такого человека, который уже не в состоянии вынести тех возможностей, какие приготовила ему история. Первый, не принимая во внимание окружающих его людей, не взирая на то, что причиняет боль порядочному человеку, может быть, слишком хотел помочь истории и поэтому помог плохо; а другой – это тот старый, опоздавший, уже не успевающий за историей, приносящий современности жалобу, выражающуюся в словах: «Если бы я теперь был молод...» Но шествие вперед продолжается и есть в этом оптимизм, сложный оптимизм истории»¹³.

Многие критики отмечают морализаторский характер произведений Кавальца. «Повествователь часто выступает от имени деревни, чтобы себе и деревне уяснить какую-то конечную моральную правду»¹⁴. Б. Голембеевский подчеркивает, что «Кавалец показывает трагедию личностей, которая вытекала не из поражения их класса, а из его победы. На этом основывается своеобразие его формулы крестьянского героя»¹⁵.

Стремясь показать «человека деревни в его психической обнаженности», «человека, натянутого как струна», в условиях столкновения двух культур, двух образов жизни и типов мышления, Кавалец не раз подчеркивал необходимость присутствия нравственных ценностей старой деревни в современной жизни: «Я не хочу идеализировать. Но многие ценности можно бы и следовало бы перенести в сегодняшний день»¹⁶. Из этих ценностей Кавалец выделяет прежде всего отношение к труду, к земле, которое сейчас, по наблюдению писателя, изменилось: «Сейчас хлеб производят, а раньше хлеб творили! ... Нельзя избавляться от уважительного отношения к земле, так характерного для польского крестьянина»¹⁷. Когда критики упрекают его в создании некоего мифа о земле, Кавалец отвечает: «...я понимаю миф как форму любви. И в этом смысле я действительно мифологизирую»¹⁸.

Говоря о том, что его больше всего занимает «проблема психологического разрыва, ломки, утраты связи со своим классом», Кавалец обращал внимание на действительно тревожные симптомы болезни общества, которые он видел в «принятии барского стиля в совершенно изменившихся условиях, что выглядит гротескно. Это, наверное, один из источников наших кризисов; это касается не только деревни – утрата связи со своим классом, создание новых деревенских «элит», то ли крестьянских, то ли городских»¹⁹.

«Деревню, – считает Кавалец, – можно исследовать в большом городе – Варшаве или Кракове... где она отразилась..., приобретая не всегда лучшие черты города, сохраняя худшие черты деревенской косности»²⁰.

Анализируя творческую эволюцию одного из крупнейших ныне живущих польских писателей, можно проследить процесс создания им своего художественного мира, своей художественной реальности, отражающей и изменение польской действительности, поиски различных граней и нюансов однажды выбранной темы, которой писатель остается верным. Верным Кавалец остается и основным нравственным ценностям, жизненным принципам. За некоторыми исключениями писатель не повторяет сам себя, он отзывчив к новым явлениям, а главное – обновляется его художественная палитра, продолжается поиск манеры повествователя, различных способов завязать диалог с читателем. Заложив основы польской деревенской прозы 1960–1970-х гг. в сборнике рассказов «Поваленный вяз» (1962) и повести «К земле приписанный» (1962), Кавалец создает свои лучшие, на наш взгляд, и получившие наибольший резонанс произведения – повесть «На солнце» (1964), роман «Танцующий ястреб» (1964). Ряд других его произведений, в том числе рассказов 1960–1970-х гг. пользовались заслуженным интересом, так же, как и названные, переводились на многие языки, в том числе издавались и в России. Произведения 1980 – начала 2000-х гг. оказались отеснены

на задний план и новыми проблемами, изменениями, произошедшими в Польше в политической, общественной, культурной, издательской сферах, и новыми поколениями писателей. Неожиданным и интересным было появление двух стихотворных сборников Кавальца в 1992 и 1995 гг. В позднейшем периоде как поэтического, так и прозаического творчества писателя усиливается звучание философских мотивов, мудрые, трезвые наблюдения над современностью соединяются с ностальгическими нотами. Темы старости, взаимосвязи человека и природы, связи времен, неумирающей памяти выходят на первый план, социально детерминированный человек все меньше интересует Кавальца. Остается просто человек с его искренними признаниями в любви ко всему живому, достойному любви, человек, хотелось бы сказать, предельно одухотворенный, просветленный, благодарный за то, что «пришло процветать и умереть». Стиль лишается утомительных повторов, лирическое начало, всегда присущее Кавальцу, как бы торжествует и заполняет как прозаические, так и поэтические вещи, в которых преобладают не жесткие конструкции, а свободные, ассоциативные сцепления эпизодов, впечатлений, переживаний. Грусти расставания Кавалец не боится и не стесняется. 85-летие писателя отмечалось в Кракове, местной писательской организацией с участием его почитателей из других стран. Сам Кавалец на этой научной сессии, посвященной его творчеству, держался удивительно бодро и с присущим ему чувством юмора. Человек – открытый и доброжелательный к людям – все равно становится более одиноким, теряя близких. Одна из самых горьких утрат – смерть жены Ирэны, его верного друга и помощницы. А последние книги 94-летнего писателя все также наполнены добротой, любовью к жизни, ее торжеством.

Кавалец дебютировал поздно, в 41 год. Сборник рассказов «Тропинки среди улиц» (1957) посвящен детям Новый Гуты, молодого индустриального центра, строительство которого он освещал как журналист. Название можно истолковать как метафорический образ: сельский элемент – «тропинки» – соединяется с городским – «улицы». Деревня пока еще бесконфликтно «входит» в город. Отдельные тревожные свидетельства неблагополучия связаны со стариками, переехавшими в Новую Гуту со своими семьями. Они боятся города, опасаются быть в нем ненужными. Дети же принимают новое местожительство естественно, гордятся рабочим мастерством своих родителей.

Прообразами будущих героев в творчестве Кавальца, кроме уютно чувствующих себя в городе стариков, можно считать Михала («Среди своих»), которого окружающие считают «тронутым», так как он разговаривает с цветами, и коллекционера мотыльков («Человек на поле»), также не соответствующего общим представлениям об обычном нормальном человеке. Жизнь последнего заканчивается трагически, она предвосхищает судьбу деревенских чудаков из повестей «На солнце» (Марцин) и «Чертополох» (Ясек – поджигатель).

Некоторые сюжетные мотивы, обозначившиеся в следующем сборнике рассказов «Шрамы» (1960), получают более глубокую разработку в дальнейших произведениях Кавальца. Он состоит из 26 коротких новелл, можно

сказать этюдов, каждый из которых показывает последствия войны для тех, кто ее пережил, – как в физическом, так и психологическом плане. Без пафоса и небанально Кавалец рисует персонажей, чья жизнь война существенным образом изменила, ранила, которых сделала неприспособленными к «нормальному» существованию. Здесь и внутренний монолог молодого мужчины, который, готовясь к встрече со своей предвоенной знакомой, не знает, какими словами обратиться к ней, может быть, выбрать молчание? Нет, это хуже всего («Приветствие»). У пожилой женщины погибли при бомбежке муж и трое детей, она собирает днем разные ненужные предметы, а ночью в заброшенном бункере раскладывает их на четыре кучки: «Это для Владзя, это для Яся, это для Марыси, это для Кази»²¹. Жители небольшого городка наблюдают за ней и постепенно проникают в ее тайну, в причину ее побега из дома для престарелых («Старая женщина прибывает в городок»). В этом рассказе характерен прием, когда рассказчик является как бы одним из любопытствующих жителей, ему известно не больше, чем им, создается образ не только героини, но и неутолимого в доискивании причин ее поведения окружения.

Характер представленного в рассказе «Дом» процесса покорения природы еще в целом оптимистический. О рабочих, копающих яму под фундамент нового дома, повествователь говорит: «Земля им поддавалась. Они делали с ней, что хотели»²². Мотив земли, который в будущем приобретет ключевое символическое значение в произведениях Кавальца, возникает и в рассказе «На дорогах». Там, где во время войны упала бомба, земля время от времени пухнет. Старый человек, сросшийся душою с землей, переживает ее раны как свою, его мучает собственная беспомощность, растерянность перед невиданным за его долгую жизнь явлением. «Старый отошел и подумал: почему я старый, а не знаю, что с ней стало, хотя должен знать»²³. Сочувственное внимание к особенностям мировосприятия и психологии чудаков, старых людей, людей, травмированных историей, намеченное в ранних сборниках Кавальца, станет одним из самых сильных, художественно убедительных открытий автора повести «На солнце».

Названные сборники не привлекли особенного внимания критики, хотя оценены были положительно. На первый откликнулся один рецензент, второй был отмечен уже шестью отзывами²⁴. В этих сборниках мы не найдем основного героя будущих произведений писателя, героя на пограничье двух эпох, двух культур, переживающего психологическую ломку. В них нет драматизма, характерного для зрелого Кавальца, не сформировались еще особенности его стиля и композиции.

Подлинным дебютом стали опубликованные в 1962 г. сборник рассказов «Поваленный вяз» и повесть «К земле приписанный». В сборнике рассказов «Поваленный вяз» (1962) обозначились уже важнейшие темы, мотивы зрелого творчества Кавальца, концепция героя, специфика его художественного подхода к анализу явлений действительности, его стремление показать человека изнутри, из самой глубины его психики. В каждом небольшом по размеру рассказе с часто несложным сюжетом, минимальными внешними событиями (сын навещает родителей в деревне, строится новый каменный

дом, бульдозер равняет землю для новой дороги, отец – крестьянин навещает сына в городе, разливается искусственное озеро на бывшем выгоне и т.д.) достигается высокий накал драматичности.

Человек показан в единстве социального, психологического, морального аспектов его жизни. Социально-историческая предопределенность отношения героев к тому новому, что принесла послевоенная польская действительность, безусловно, играет важнейшую роль в повествовании, в создании образов. Она выявляется автором в сфере психики его героев, в сфере психологической мотивации поведения. Это было новаторским в современной польской прозе. Не сами по себе поступки людей (в ряде рассказов их, можно сказать, и нет, нет каких-то решительных действий), а внутреннее состояние передается в монологе рассказчика, в его размышлениях. Отталкиваясь от видимых деталей поведения, повествователь создает обширную картину «невидимого», недостижимого для постороннего, безучастного взгляда.

В связи с глубоким проникновением в потаенные, интимные уголки сознания героев многократно усложняются моральные оценки. Не со стороны, отсекая «лишнее», а с точки зрения самого крестьянства, с точки зрения его опыта и устремлений, его надежд на будущее, судит писатель своих героев. В его рассказах нет плохих и хороших персонажей. Моральная оценка предстает как проблема, над которой бьется автор, побуждая своих читателей не к однозначным выводам, а к размышлениям – учитывая типичность представленных ситуаций, большую степень их обобщенности – к размышлениям над своей судьбой и судьбой своих близких.

Мастерство Кавальца как социального аналитика, создателя «психологического пейзажа», моралиста, передающего всю напряженность столкновения старых норм жизни с нарождающимися новыми, более всего привлекало внимание критиков «Поваленного вяза»²⁵. Для нас не менее важен его целостный мировоззренческий, философский подход к человеку. Сталкиваются не просто разные социальные уклады, психологические установки, «психические организации», и не только разные подходы к тому, что такое хорошо и что такое плохо, но мироотношения в целом.

Автор – повествователь в рассказах – человек с большим жизненным опытом, более широким, чем у его героев кругозором, как говорится, повидавший мир, но глубоко привязанный к деревне, он чувствует внутреннюю необходимость быть ее голосом, ее самосознанием. Он как бы реконструирует в своих сценах, миниатюрах мотивы поступков отдельных героев и выносит им оценку, соотносясь с коллективным опытом всей деревни, сквозь призму богатого, накопленного веками исторического опыта крестьянства, его тяжелого труда на земле, его выстраданного стремления к лучшей жизни.

Неслучайно в рассказах «Озеро на выгоне», «За садами» главный герой – коллективный, это вся деревня; слова и жесты отдельных персонажей – штрихи к портрету всей деревни, к картине ее психического состояния в тот момент, когда резко нарушается обычный ход ее жизни: проводится новая дорога, выгон уходит под воду (будет сооружена электростанция).

Кавалец с самого начала своего творчества стремится раскрыть всю сложность и богатство внутреннего мира своих героев, подчас противоречивость

мышления и поведения. Полемика с упрощенным, прямолинейным подходом к крестьянину, для которого якобы важен только экономический интерес, с игнорированием его души, привязанности к своей земле и плодам своих трудов выступает в рассказе «Сгоревший овин».

Журналист, побывавший в командировке в деревне, радуется тому, что нашел подтверждение своим выводам о «коммерциализации» крестьянства, о том, что «практичность крестьянина берет верх над чувствами», он рассказывает жене за чаем о том, что «провоцирование чувств не дало результатов» (с. 68), а может быть, в это самое время «бесчувственный» Михал, продавший свою землю и строения с тем, чтобы перебраться ближе к городу, поджигает свой бывший овин, ставший уже собственностью соседа. Крестьянин толково объяснил журналисту, почему его семье выгодней жить в предместье, но земля ему досталась от деда и отца, в овине в стену кем-то из них был вбит гвоздь, все это бросить – слишком большое переживание для Михала, оно и выразилось в бессмысленном поджоге овина.

Что бессмысленно для взгляда со стороны, то исполнено глубокого смысла и драматизма для писателя. Для выучившихся крестьянских сыновей важен молчаливый, никогда не выражавшийся вслух наказ их семьи и всей деревни – добиться успеха, одержать победу в том мире, который был недоступен ушедшим поколениям, дедам, прадедам. Жертвой такого наказания становится молодой летчик в рассказе «Утренний полет», сделавший три круга над родной деревней в своей «серебряной» машине, слишком низко пролетевший в последний раз над своим домом и разбившийся в отцовском саду. Автор не считает его поступок легкомысленным, это – трагедия, то, что испытывал юноша, было выше его сил²⁶.

В рассказах приобретают символическое значение такие важные в творчестве писателя понятия, как земля, дом. В рассказе «Что мне пишет сестра», зримо показана сила извечного крестьянского наказа «приобретай землю» и то, к каким трагическим последствиям это приводило. Та же реальная жестокая власть земли в довоенной деревне не щадит больного туберкулезом сына Валенты, здоровье и жизнь которого приносятся в жертву во имя существования остальных членов семьи (в рассказе «земля»). Продать или не продать надел, чтобы заплатить за лечение, и тем самым обречь на голод родных – возможность такого выбора непредставима даже для самого больного, он заранее смиряется со своей обреченностью. Власть земли предстает не только в своей исторической значимости. Философские вопросы о смысле жизни человека, о его судьбе, тесно связанной с трудом на земле, с природой, возникают у сына – горожанина, когда он размышляет о своих родителях (рассказ «Сын»). Подарив отцу и матери написанную им книгу – плод своих трудов и оправдание своей жизни, крестьянский сын, ставший доцентом, не может избавиться от сомнений и чувства неловкости, пытаясь представить, как будут оценивать эту книгу его родные. «Мать читает книгу. Она с ней расправится, она будет сравнивать ее с тем, с чем следует сравнивать книги – с разными днями, вещами, начинаниями, которые, если собрать вместе, можно назвать словом «жизнь» или словом «судьба» (с. 18).

Сын подъезжает к городу, а мысленно возвращается в деревню: «Отец рано утром уберет навоз и ощутит счастье при виде чистого хлеба. Напоит коров

и коней и даст им есть или совершит прекрасный поступок, ибо именно таким делом является кормление животных... Потом он будет смотреть на поля. Прежде чем деревня окончательно проснется, когда поезд приблизится уже к предместью нашего большого города, он будет уже знать все...» (с. 19–20). Можно ли сопоставлять «прекрасные дела» отца и сына, сравнивать их судьбы, смыслы существования и отдавать кому-то предпочтение? Ответа нет, но и размышления об этом небесполезны, вопрос не позволяет от себя отмахнуться. Жизнь крестьянина, обусловленная самыми необходимыми, естественными законами природы, дает удовлетворение сама по себе, ее богатство, ее «первичный» творческий, созидательный характер не раз будут привлекать и Кавальца и других писателей деревенской прозы. Людям, оторвавшимся от земледельческого труда, придется искать смысл своего существования как бы заново, оглядываясь на безусловную ценность жизни своих предков.

Многоаспектность понятий «земля» и «дом», их значение для человека, живет ли он в деревне, или расстался с ней, характеризуют глубину поиска концепции человека в произведениях писателя. Высокая степень обобщенности образов героев в «Поваленном вязе» дает возможность Кавальцу в подавляющем большинстве случаев называть своих персонажей не по имени, а просто – отец, сын, мать, брат, сестра, старик, односельчанин, что характерно и для будущих произведений. Люди, чуждые миру деревни, или покинувшие ее, нарочито именуется исключительно по профессии, специальности (что устанавливает дистанцию по отношению к ним) – инженер, механик, специалист по шарикоподшипникам и т.д. Специальность может быть любой, важно, что она – городская, требующая образования.

Для понимания кавальцевской концепции личности далеко не безразлично частое название героев – отец, сын, т.е. по его месту в цепи поколений, в семье. Невозможно представить, чтобы в произведениях писателя шла речь о молодом человеке и при этом не было разговора о его отце, матери, деде, бабушке, а если речь идет о старике – о его детях. В прозе Кавальца семейное родство как общность старших с младшими, братские, супружеские узы имеют важнейшее значение для понимания человека – связующего звена в цепи поколений, продолжателя рода и приемника традиций, частицы малого, но такого значительного в обществе коллектива как семья.

Многие рассказы написаны от первого лица, часто повествование ведется во втором лице. Открывающий сборник рассказ «Сын» о приезде к родителям доцента– историка наиболее автобиографичен (подлинное имя матери Кавальца – Станислава, обучение героя в гимназии в Сандомеже). Эти рассказы польский критик Г. Береза справедливо назвал этюдами, вступительными набросками к крупным произведениям писателя²⁷.

Уважение к земле, значение ее в жизни человека, сформированного крестьянским существованием, драматическое восприятие старым человеком разрушающегося на глазах жизненного уклада, различные варианты ухода из деревни (сын–историк, сын–специалист по шарикоподшипникам, сын–летчик), мотив отчужденности, сознания «предательства» выхода из деревни по отношению к тем, кто там остался, мотив «опоздавших» к новой жизни, тех, кто не может сбросить с себя тяжелое прошлое, в котором была

трагедия «безвинной вины», – именно эти мотивы, герои, подходы к проблемам будут расширяться, углубляться, совершенствоваться в повестях и романах Кавальца, определивших его своеобразное место в современной прозе.

Примечания

- ¹ Kunda B.S. Julian Kawalec. Warszawa, 1984. S. 10.
² Кирсти Сирасте, переводчица польской литературы на финский язык, пишет, что прежде чем взяться за перевод «Танцующего ястреба», приехала в Краков, вместе с автором поехала в Рабку, где их ждала мать писателя: «С момента встречи с его мамой я знаю, откуда Юлиан черпает свои силы» // *Pokłosie. Referaty, wypowiedzi, recenzje, komunikaty. Sesja międzynarodowa poświęcona jubileuszowi 85-lecia urodzin i 53-lecia debiutu literackiego Juliana Kawalca*. Kraków, 2001. S. 68.
³ Kunda B.S. Op. cit.
⁴ Кавалец Ю. На побывке. Озеро на выгоне. Вступительное слово автора // *Вечерний витраж*. Рассказы. Москва. Художественная литература. 1969. С. 70–71.
⁵ Kunda B.S. Op. cit. S. 18.
⁶ Kawalec J. U źródła wzruszeń, w tomie Pochwała rąk. Warszawa. 1969. S. 187–188.
⁷ Kawalec J. I najdzielniej biją króle // *Tygodnik Kulturalny*. 1966. Nr. 30.
⁸ Wawszczak K.L. Rozmawiamy z J.Kawalcem // *Profile*. 1969. Nr. 8–9.
⁹ Sliwowa L. To temat wybiera autora. Rozmowa z Julianem Kawalcem // *Tygodnik Kulturalny*. 1976. Nr. 15.
¹⁰ Kawalec J. Przygarńać do swego wzruszenia. S. 206.
¹¹ Kunda B.S. Op. cit. S. 26.
¹² Kawalec J. Pochwała rąk. S. 203–204.
¹³ Ibidem.
¹⁴ Ziątek Z. Tematyka wiejska w prozie współczesnej // *Literatura a współczesne przemiany społeczne*. Warszawa. 1972. S. 101.
¹⁵ Golebiowski B. W poszukiwaniu bohatera chłopskiego // *Literatura a współczesne przemiany społeczne*. Warszawa. 1972. S. 54.
¹⁶ Termer J. Rozmowa z J. Kawalcem // *Trybuna Ludu*. 1983. Nr 161. S. 4.
¹⁷ Ibidem.
¹⁸ Kawalec J. Pożegnanie dawnej wsi // *Polityka*. 1965. Nr. 28.
¹⁹ Termer J. Rozmowa z J. Kawalcem. S. 4.
²⁰ Ibidem.
²¹ Kawalec J. Blizny. Kraków. 1960. S. 49.
²² Op. cit. S. 94.
²³ Op. cit. S. 85.
²⁴ См. например: *Lichański S. Bardzo ładne etiudy*. Nowe Książki. 1960. Nr. 21 // Julian Kawalec. *Zbiór recenzji i szkiców*. Warszawa. 1981. S. 30–32.
²⁵ См. например: *Kłossowicz J. Glebae adscriptus*. *Przegląd Kulturalny*. 1963. Nr. 15 // *Kawalec J. Zbiór recenzji...* S. 33–35.
²⁶ Схожие мотивы звучат в стихотворениях А. Твардовского 1930-х гг. «Сын» и «Прощание».

Строки из первого:

Из второго:

Снарядившись в путь далекий,
 Пролетал он мимо.
 Покружил невысоко
 Над селом родимым.
 Над селом, над речкой старой
 Опустился низко.

Самолет поднимался над лугом.
 Сын покинул родительский дом.
 Три прощальных торжественных
 круга
 Сделал он за селом над холмом...

– Твардовский А. Стихотворения и поэмы в двух томах. Т. I. М., 1954. С. 48, 80.

²⁷ См.: *Bereza H. Dramat wiejski rewolucji. Związki naturalne*. Warszawa, 1978 // Julian Kawalec. *Zbiór recenzji...* S. 122–123.

А.В. Усачева

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**Эжен Ионеско – румынский писатель?
(О книге С. Микулеску «Маски Эуджена Ионеску*.
Двенадцать ипостасей ионесказинма»)**

Abstract:

Usacheva A.V. *Is Eugène Ionesco a Romanian writer? (About the book «Masks of Eugen Ionescu» («Măștile lui Eugen Ionescu») by S. Miculescu)*

In his book «Masks of Eugen Ionescu» («Măștile lui Eugen Ionescu»), S. Miculescu is researching articles and essays written by E. Ionesco in 1920–1940s in Romania (and in the Romanian language). The author is proving that the French period of Ionesco's creative development is strongly connected with the Romanian one; that there is no evident 10-year gap between them and that in his early works we can find the entire Ionesco-dramatist.

Ключевые слова: Э. Ионеско, Микулеску, драматургия, публицистика, «возвращенная» литература, румынское литературоведение, театр абсурда, авангард, экзистенциализм.

В европейском культурном сознании имя Эжена Ионеско (1909–1994) ассоциируется с французской литературой и стоит в одном ряду с именами его современников – «румынских французов» Эмиля Чорана (1911–1995) и Мирчи Элиаде (1907–1986). Широкому кругу читателей знакома его «антипьеса» «Лысая певичка» (1948), однако мало кто знает, что изначально черновик был написан по-румынски и назывался «Английский самостоятельно»¹. Кроме того, лишь небольшому числу читателей, как, впрочем, и литературоведов, известно, что как писатель-эссеист Э. Ионеско дебютировал в возрасте 18 лет именно в Румынии.

Корни этой румынско-французской раздвоенности – в детстве и юношестве писателя. Он родился 26 ноября 1909 г. в семье адвоката в румынском городке Слатине, расположенном в полутора сотнях километров от Бухареста. Отец был румыном, а мать – француженкой. Когда будущему писателю было чуть больше года, семья переехала в Париж. Летом 1916 г. отец бросил семью и, вернувшись на родину, занялся адвокатской практикой. В 1922 г. Эжен переехал к нему в Бухарест и поступил в Лицей Святого Савы. Там он выучил румынский язык, который до этого не знал. Отношения с отцом и его новой семьей не складывались. Между младшим и старшим Ионеско возникали постоянные конфликты и споры, они не могли найти точек соприкосновения ни по одной из занимавшей их проблем, особенно когда

¹ Говоря о ранних произведениях Эжена Ионеско (именно французская транскрипция его имени является общепринятой) некоторые румынские литературоведы предпочитают пользоваться румынским вариантом его имени (Эуджен Ионеску), так как именно под ним он вошел в историю румынской литературы и литературной критики начала XX в. В данной статье используется общепринятое написание, за исключением цитат, где представляется логичным сохранить написание, употребленное в оригинале, и ссылок на произведения самого писателя, которые он подписывал румынским вариантом своего имени.

разговор касался литературы или политики. Это привело к тому, что в семнадцать лет Эжен переехал к матери. В 1929 г. он поступил в Бухарестский университет на факультет французского языка и литературы. Начался период интенсивного творчества. Сначала Э. Ионеско отдал дань лирике и под воздействием французских поэтов издал на румынском языке свой первый и единственный сборник стихов «Элегии для мелкоты» (1931 г.). Но по-настоящему серьезная и успешная работа ждала его в это время в области литературной критики. Он сотрудничал во многих газетах и журналах и уже через несколько лет, в 1934 г., издал книгу критических эссе и литературоведческих работ под броским названием «Нет». Сразу после публикации сборник стал «событием»² в румынской критике тридцатых годов.

В 1938 г. Э. Ионеско получил стипендию и отправился в Париж с намерением написать диссертацию на тему «Грех и смерть во французской поэзии после Бодлера». Следующие десять лет привели к рождению Ионеско-мыслителя. Когда в 1948 г. он писал «Лысую певицу», его опыт был подкреплен изучением современной философии, от Шестова и Шпенглера до Сартра и Камю. В это десятилетие он курсировал между Францией и Румынией, преподавал в том лицее, где сам учился. Затем его призвали в румынскую армию, и он бежал из фашистской Румынии в Марсель. Семья голодала, и писатель был вынужден зарабатывать на жизнь переводами. В 1945 г. Э. Ионеско вернулся в Париж, где сблизился с М. Элиаде.

В течение без малого полувека, живя во Франции, Э. Ионеско написал свыше 30 пьес, опубликовал сборник рассказов, роман, выпустил несколько книг интервью, воспоминаний, статей и выступлений на самые разные темы, получил множество литературных премий, а в 1971 г. был избран членом Французской академии.

Интерес румынских исследователей к первому этапу творческого пути Э. Ионеско проснулся уже в 1970-х гг., однако тогда не смог получить развития из-за цензуры, ведь драматург был эмигрантом, а значит, предателем. Лишь с 1990-х гг. началось его «возвращение домой», и тогда, наконец, стал возможен выход в свет книги критика и историка румынской литературы Джелу Ионеску (р. в 1937 г.) «Анатомия одного отрицания (Произведения Эуджена Ионеску на румынском языке, 1927–1940 гг.)» (1991 г.). Рукопись этой книги пролежала в издательстве «Минерва» 18 лет! Любопытен тот факт, что и сам автор в начале 1980-х гг. уехал в Париж, где в 1989 г. издал сокращенный вариант своей книги на французском языке, познакомив таким образом французскую общественность с Ионеско-румыном.

Изначально исследование задумывалось как книга из двух частей: в первой части (собственно, и вышедшей под названием «Анатомия...») автор намеревался осветить румынский период творчества Э. Ионеско (критические статьи и сборник стихов), а во второй – ненаписанной – французский (с 1948 г.), чтобы Эуджен Ионеску лицом к лицу встретился с Эженом Ионеско. Из предисловия к «Анатомии...» видно, что Дж. Ионеску разделяет творчество драматурга на две части, не связанные между собой и отстоящие по времени. Разъединение этих двух периодов предполагает автономно каждого из них. Более того, автор говорит о «провале» Э. Ионеско в румынской литературе и последующем триумфе во французской³.

Первой работой, отстаивающей противоположную точку зрения в румынском литературоведении, стала книга Серджиу Микулеску (р. в 1951 г.) «Маски Эуджена Ионеско», вышедшая в 2003 г. в издательстве «Понтика». Уже в предисловии исследователь утверждает, что Дж. Ионеску, призывая не переоценивать значение юношеских проб и опыта и не искать в них то, чего там нет⁴, впадает в другую крайность и недооценивает роль румынского периода в творчестве Э. Ионеско в целом. Ключевая гипотеза, которую доказывает С. Микулеску, – «непрерывность» творческого пути драматурга, – основана на мнении о том, что в произведениях румынского периода можно обнаружить *все* идеи более позднего Э. Ионеско. Исследователь подробно рассматривает бином «родной язык – выученный язык» и доказывает, что это противопоставление, по сути, не такое уж очевидное, что границы размываются и языки переплетаются, служа одной цели: созданию литературы⁵. Главной задачей С. Микулеску является «освобождение» Э. Ионеско из тисков лингвистических, литературных и культурных определений, в которые писателя пыталось и пытается поместить французское и румынское литературоведение. Он стал первым румынским литературоведом, обратившимся к публицистике Э. Ионеско 1927–1940 гг. для обобщения его взглядов и философско-эстетических концепций, а также достаточно подробно исследовавшим отношение драматурга к религии и смерти, которое нашло свое воплощение в его произведениях, статьях и эссе.

Книга состоит из разрозненных, на первый взгляд, фрагментов, и эта разрозненность призвана отразить «антитематическую, антиидеологическую, антисоциальную, антиреалистическую, антифилософскую, антипсихологическую, антибульварную, антибуржуазную»⁶ направленность и «антиструктуру» произведений Э. Ионеско. Книге предпослан подзаголовок, в котором утверждается, что в исследовании будут рассмотрены «двенадцать ипостасей ионесканизма»: взгляды на литературу и литературную критику, театр и драматургию, отрицание как метод художественно-философского творчества, важность жанра дневника, представления о поэзии и поэтизации, отношение к вере и религии, одиночеству и смерти, философские концепции, переживание своего «я». В работе также определено место писателя в литературе авангарда. Отличительной чертой данного исследования является отказ от претензии на полноту и всеохватность, когда речь идет об изучении наследия Э. Ионеско. Кроме того, книга ценна тем, что в ней анализируется творчество драматурга целиком, в совокупности, и С. Микулеску не разделяет Ионеско-писателя, Ионеско-философа, Ионеско-эссеиста и Ионеско-критика.

По мнению С. Микулеску, важное произведение румынского периода, в котором можно найти *все* Э. Ионеско, от поэта, которым он к тому моменту уже перестал быть, до драматурга, которым еще не стал, – сборник критических статей и эссе «Нет». Исследователь называет его вехой в творчестве писателя, так как уже здесь определились и оформились философско-эстетические концепции Э. Ионеско. Как говорилось выше, никто из исследователей не анализировал подробно данный сборник, не считая его заслуживающим пристального внимания. Однако то, что в 1984 г. семидесятипятилетний

писатель решил переиздать во Франции «пометы души»⁷, созданные им, двадцатипятилетним филологом, свидетельствует о той роли, которую они сыграли в его литературной судьбе.

Целью этого необычного сборника стало отрицание литературной критики и осмеяние любой логики, будь то аристотелевская или гегелевская. Как пишет С. Микулеску, «сборник – это своего рода “крик младенца”, которым молодой писатель провозгласил свое появление в мире слов»⁸. Сам автор в предисловии к последнему изданию сборника (1991 г.) признался: «Все, что я сказал тогда, в самых глубоких и остроумных выражениях, я продолжал говорить и писать в течение всей своей жизни, делаю это и сейчас»⁹. В главах «Почему литература?», «Литературная критика или неизбежный враг» и «НЕТ или приветственное слово» С. Микулеску пункт за пунктом, убедительно и доказательно, создает настоящее досье на Э. Ионеско. Он анализирует отношение писателя к литературе и литературности, литературной критике, таланту, находя развитие этих идей во французском периоде его творчества. Скажем, весьма любопытно следующее наблюдение исследователя: по мнению Э. Ионеско, *литературность* – это «первородный грех» литературы. Акт письма изначально базируется на выдумке, а литератор – не больше, чем режиссер, который, отображая жизнь на сцене, делает ее ненастоящей, «строит скелет из костей гораздо большего числа скелетов»¹⁰. Литература – это техника, а техника чужда жизни. «Это не жизнь, а параллель жизни. Они не пересекаются»¹¹. Позже, в пьесе «Воздушный пешеход» (1962 г.), Э. Ионеско вложил сходную мысль в уста Беранже: «...Я спрашиваю себя, могут ли литература и театр действительно отразить невероятную сложность реальной жизни <...>, литература никогда не была столь же мощной, острой, напряженной, как жизнь <...>. Она не есть знание, ибо она есть штамп...»¹². По этой причине в своей публицистике Э. Ионеско часто сетует на неумение делать ничего, кроме как писать. Кажется, автор пытается отречься от литературы и того ложного пути, который привел его в тупик: «...Я ошибся, занимаясь литературой. Я был поглощен литературными амбициями, страстью к литературе с ранних лет. А сейчас уже слишком поздно сворачивать с намеченного пути. Я не состоялся, посвятив себя литературе. Жизнь писателя не является настоящей жизнью»¹³. Это было сказано в беседах 1980 г., но еще раньше устами все того же Беранже он признался: «Я всегда осознавал, что у меня нет никаких причин писать»¹⁴. Это не преувеличение: в последние 14 лет своей жизни Э. Ионеско не создал ни одного произведения (последняя пьеса, «Путешествие к умершим», датируется 1980 г.)¹⁵.

В этих же главах исследователь, проделав огромную работу, скрупулезно собирает противоречивые мнения разных лет о сборнике «Нет», принадлежащие перу румынских литературоведов и критиков (М. Диакону, П. Константианеску, В. Стрейну, М. Раля, Т. Херсени, Дж. Кэлинеску, Ш. Чокулеску, М. Вулканеску, Э. Симиона, Й. Вартика, Дж. Ионеску и др.).

Очень интересен и важен развернутый анализ теоретических статей молодого Э. Ионеско о театре, которые С. Микулеску исследует с целью выявления истоков его эстетических концепций («Крестовый поход детей»

(1931 г.), «О мелодраме» (1931 г.), «Тринадцать и один» (1933 г.), «Против театра» (1934 г.)). В главе «Рождение драматурга» исследователь двигается от ранних статей к поздним, проводя непрерывную линию между румынским писателем-эссеистом Эудженом Ионеску и французским драматургом Эженом Ионеско. Идеи из сборника «Нет» эхом отзываются в статье «Театральный опыт» (1958 г.): «Что есть режиссер, как не род литературного критика, который “паразитирует” на оригинальном тексте? <...> Находясь в сумрачной зоне псевдотворчества, режиссер стремится самовольно занять первый план в театральном спектакле»¹⁶. Как ясно из статей и эссе Э. Ионеско, театр для него сопряжен с образами детства, и все творчество отмечено стремлением «вернуться» к детской невинности.

Не менее примечательна и глава «Авангард по собственному счету», в которой С. Микулеску помещает Э. Ионеско в контекст румынской литературы авангарда. В большей степени духовно, нежели литературно, драматург неоспоримо входит в ряды авангардистов. Исследователь находит общие черты между «антипьесами» Э. Ионеско и «антипрозой» Урмуза. Авангардистский автопортрет драматурга помогают воссоздать не только его теоретические размышления, но и устойчивый интерес к обновлению, к расшатыванию любых основ, будь то в театре или литературе. Да и отрицание само по себе, попытки писателя разорвать связь с прошлым, причисление классики к «музейным мумиям»¹⁷ – верный признак авангардиста по духу, по мнению С. Микулеску.

Помимо проведения параллелей с литературой авангарда, исследователь выявляет связь театра абсурда с французским экзистенциализмом. В главе «Философские осколки» он сравнивает высказывания Э. Ионеско об абсурде и абсурдности жизни с эссе А. Камю «Миф о Сизифе». Как и Сизиф, «персонаж пьес Ионеско... помещен в положение “вечного шаха”. Речь не идет ни о счастье, ни об отчаянии»¹⁸. Если Камю предлагает считать героя своего эссе счастливым, то герой Э. Ионеско – удивленный и удивляющийся. Человеческое существование, жалкое по своей сути, может получить смысл и даже величие: все, что для этого надо, – принять неприемлемое, «абсолютный скандал», которым является смерть («Не будем ни о чем плакать. Также смирится с тем, что существование наше будет коротким. Я вступаю в эту игру»¹⁹). «Принять фарс с улыбкой на губах может быть решением, которое делает человека менее смешным»²⁰, – пишет С. Микулеску.

Наряду с эссе и статьями С. Микулеску подробно анализирует драматургию Э. Ионеско, объединяя эти разные жанры и проводя между ними параллели. Например, в главе «Дилемма одиночества» мир носорогов он сравнивает с пустотой, которая возникает между двумя противоречивыми понятиями (в данном случае, в частности, между свободным театром и театром ангажированным, с которым последовательно боролся Э. Ионеско). По мнению исследователя, проблема не в противоречиях как таковых, поскольку они являются кислородом, без которого не могут существовать пьесы театра абсурда. Проблема – именно в этой пустоте посередине: «не быть с народом, не быть вне народа»²¹, любить людей, но издалека. С. Микулеску выделяет «Носорогов» в ряду остальных драматургических произведений

автора, поскольку, считает он, это произведение, в котором есть ярко обозначенная центральная идея. «...Какой бы причудливой она [*пьеса*. – А.У.] ни казалась, мы не будем далеки от истины, утверждая, что перед нами настоящая идейная пьеса», несмотря на то, что в статье «Автор и его проблемы» (1963 г.) Э. Ионеско утверждает: «Идейные произведения должны быть априори исключены из области настоящего искусства»²². Герой «Носорогов» – это человек, который говорит «Нет!», человек, которого не удалось обмануть. Это человек, который сумел выстоять²³.

Двенадцать ипостасей Э. Ионеско, предложенные С. Микулеску, интересные и по отдельности, и в совокупности, – это карнавал одного персонажа или, быть может, театр одного актера. Книга «Маски Эуджена Ионеску» – первый шаг румынского литературоведения к преодолению спорной румынско-французской раздвоенности образа великого драматурга. Как считает С. Микулеску, за пределами любой национальной гордости должно стоять понимание того, что «родной» румынский и «заграничный» французский (или наоборот) периоды творчества неразделимы и представляют собой единое целое. Таким образом, по мнению исследователя, Э. Ионеско, будучи французским драматургом, несомненно, является также и румынским писателем.

Примечания

¹ *Miculescu S.* Măștile lui Eugen Ionescu. Constanța: Pontica, 2003. S. 117.

² Там же. С. 55.

³ *Ionescu G.* Anatomia unei negații (Scrierile lui Eugen Ionescu în limba română, 1927–1940). București: Minerva, 1991. C. 12, 15.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ *Miculescu S.* Op. cit. S. 12.

⁶ *Ionesco E.* În legătură cu Cântăreața cheală // Note și contranote. București: Humanitas, 2002. C. 232.

⁷ *Яснев М.* Поверх реальности // *Ионеско Э.* Носорог. Спб.: Симпозиум, 1999. С. 8.

⁸ *Miculescu S.* Op. cit. S. 41.

⁹ *Ionescu E.* Nu. București: Humanitas, 1991. S. 7.

¹⁰ Там же. С. 188.

¹¹ *Ionescu E.* Război cu toată lumea. Vol. I. București: Humanitas, 1992. S. 26.

¹² *Ионеско Э.* Носорог. М.: Текст, 1991. С. 95.

¹³ *Ionesco E.* Предисловие к *Ionesco M.-F., Vernois P.* Colloque de Cerisy. Ionesco. Situation et perspectives. Paris: Belfond, 1989. S. 21.

¹⁴ *Ионеско Э.* Носорог. М.: Текст, 1991. С. 94.

¹⁵ *Miculescu S.* Op. cit. S. 14, 20.

¹⁶ Там же. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 153.

¹⁹ *Ionesco E.* Sub semnul întrebării. București: Humanitas, 1994. S. 191.

²⁰ *Miculescu S.* Op. cit. S. 154.

²¹ *Ionesco E.* Découvertes. Albert Skira, сборн. “Les sentiers de la création”, 1969. S. 105.

²² *Miculescu S.* Op. cit. S. 188.

²³ Там же. С. 199.

М. Яворник
(Люблянский университет, Словения)

Экология текста и русская культура XX столетия*

Abstract:

Javornik M. *Ecology of the text and the Russian culture of the 20th century*

Theoretically, an in-depth approach to the study of Russian culture of the twentieth century should be seen as a kind of ideological and methodological starting point, allowing to reveal dynamics of her development. As a basis we have adopted the metaphor of the avant-garde zero / circle as the ideal, denoting everything and nothing. Russian culture in all possible ways tries to clean up the process of expression to successfully convey this ideal. However, her neurotic desire for pure, natural and primary again and again leads to a feeling of emptiness. Despite of the polar evaluations time shift, the vacuum once again gives birth to the idea of the possibility of all.

Ключевые слова: авангард, постмодернизм, XX век, русская литература, русская культура, экология текста, М. Эпштейн.

Размышляя о современных формах культуры, появляющихся в период глобализационных процессов и транзаций, сначала следует обратить внимание на экологию текста. «Современная литературная теория ищет выхода из «вавилонского» плена языка, – пишет М. Эпштейн¹. – Все чаще речь заходит об исчерпанности постструктурализма и деконструкции, с их множественными наслоениями интерпретаций и забвением внеязыкового предмета. В последние годы начинает заявлять о себе новое направление в литературоведении – экологическое. Вместо навязчивой, почти невротической фиксации на языке, характерной для постструктурализма, предлагается обратиться наконец к реальностям природным, внезнаковым»².

Аргументация Эпштейна направлена на привлечение внимания к экофилологии как науке, которая занимается отношением между языками культуры и неязыковой средой в так называемой экологической перспективе. Хотя на первый взгляд кажется, что экофилология побуждает прежде всего к исследованиям, посвященным анализу животных и растительных мотивов, не это является ее основной целью. Эпштейн при определении задач экофилологии довольно точен: она должна посвятить себя исследованию того, что окружает текст как языковую структуру (окружающая среда текста). Именно внеязыковая среда со своими физическими характеристиками обуславливает специфику записи, а вместе с тем еще и создает некую целостность – будут ли это каменные обломки или таблички, на которых в свое время были высечены заповеди, бумага ли, на которой отпечатан текст, или современный черно-синий экран компьютера³.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Взаимные преломления культурных стереотипов в контексте славянских культур (Словения–Россия)» при финансовой поддержке Общественного агентства по исследовательской деятельности (Республика Словения).

Сегодня мы все слишком невнятно осознаем, какую важную роль играет в нашем восприятии внеязыковая среда, ведь мы просто к ней привыкли и воспринимаем белый лист бумаги или компьютерный экран как нечто само собой разумеющееся⁴. Эта привычность привела к тому, что нынешний исследователь сосредоточен лишь на изучении языкового знака, а то, что его окружает, не пробуждает подлинного интереса.

Следовательно, экофилология призвана выявить ту роль, которую внеязыковая среда играет в тексте. Эпштейн сужает предмет исследования и сосредотачивается на примечательном вопросе о символической ценности чистой среды. Опираясь на открытие М. Шапиро о значении гладкой и чистой поверхности в изобразительном искусстве, он развивает мысль о том, что представление о чистом (незапятнанном, часто также белом) утвердилось в человеческой культуре в качестве особой формы идеала. Причем он подчеркивает, что гладкость художественного полотна или белизна бумаги (и, следовательно, представление о «чистом» вообще) не является данностью как таковой, но возникает как выражение высокоразвитой цивилизации. Трудность заключается в том, что мы сегодняшние привыкли к тому, что и «чистое» воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Эпштейн подталкивает нас к размышлениям о значении кажущегося автоматическим действия и предупреждает о том, как важно осознавать ценность чистой (внеязыковой) среды, если мы говорим о текстах культуры.

Обратим внимание еще на то, что в истории установились различные способы выражения, при помощи которых мы обозначаем свое представление о (чистой) среде, окружающей текст: белизна (бумаги), пауза, пробел, пустота, ноль, семантический эквивалент и т.п. По мнению Эпштейна, ни одно из них не соответствует полностью тому, что представляет. Чтобы понять истинное значение пробела, необходимо его преобразовать в знак. Эпштейн это записывает так: « \quad »⁵, – оговаривая, что это редкий случай индексального знака, который сам в себе указывает на то, составной частью чего он является⁶. Внеязыковая среда становится важным элементом внутри текста, ведь этот индексальный знак «революционно» влияет на существование самого текста: неязыковая среда (которую мы переводим в индексальный знак) лишь изменяет языковые элементы в смысловые единицы⁷.

Изначально мы должны быть внимательны еще к одному важному факту. В настоящее время под понятием «экология» мы представляем себе прежде всего движение в защиту и за **очищение** окружающей среды (природы) от опасных посягательств на нее со стороны культуры. Средства массовой информации полны предупреждений о том, что надо вовремя опомниться, пока индустриальное загрязнение не приведет к фатальным изменениям нашей жизни. Человек должен осознать, как важна чистая природа для нашего существования.

Между экофилологией и предостережениями о защите окружающей среды существует примечательное сходство: вместо уже отживших постмодернистских языковых обыгрываний экология текста также пытается сначала очистить

текст от интертекстуальных пластов, затуманивающих значение «»⁸. По мнению Эпштейна, необходимо задуматься о роли «чистого» внутри самих текстов: «Концептуализация и текстуализация самого понятия «чистота» – едва ли не первоочередная задача современной филологии. Если такая дисциплина, как экология текста, или экофилология, будет создана, то первым предметом ее изучения, а возможно и исходным пунктом, станет именно «», то есть чистая внетекстовая среда, насколько она может быть запечатлена *внутри* текста»⁹.

Предостережения Эпштейна нами воспринимаются как напутствие филологу с тем, чтобы ставить перед собой вопросы о значении внеязыковой среды в культуре: язык необходимо очистить и дать новую жизнь значению языкового знака. Вопросы о внеязыковой среде в действительности подталкивают к размышлениям о значении «» как внутритекстовом элементе, который очищает язык от интертекстуальных переигрываний.

Оказывается, что экология текста, предлагаемая Эпштейном, возникла не только как предсказуемая реакция на постмодернистское ощущение мира, идея об очищении языка и, как следствие, культуры является ожидаемым и прогнозируемым этапом в развитии культуры. За процессом очищения (десемиотизация языка) всегда следует новая семиотизация реальности.

Вышеизложенные мысли становятся важной опорой для исследования: культура непрерывно развивается, в ее эволюции мы открываем закономерности, которые нам представляются как пульсация культуры¹⁰: 1) представление о роли искусства изменяется: канонизация средств культурно-художественного выражения ведет к автоматизации, а тем самым и к процессу, который **очистит** культуру от их влияния и отодвинет автоматически используемые способы выражения на периферию культуры; 2) очищенные средства выражения в следующем периоде вновь будут играть важную роль. В ходе этого процесса примеси культурных кодов прошлого не пропадают, но наоборот – изменяются. Культурная память никогда не исчезает, ее преобразование всякий раз свидетельствует о движении и эволюционных закономерностях в развитии культуры. Постмодернизм при этом также не является исключением: это прогнозируемая фаза культурно-исторического развития, когда появляется потребность в очищении, которое приведет к новой семиотизации.

Аргументы для подтверждения представленного в качестве введения тезиса мы будем искать в развитии русской культуры XX века, наибольшее внимание будет уделено литературе¹¹.

* * *

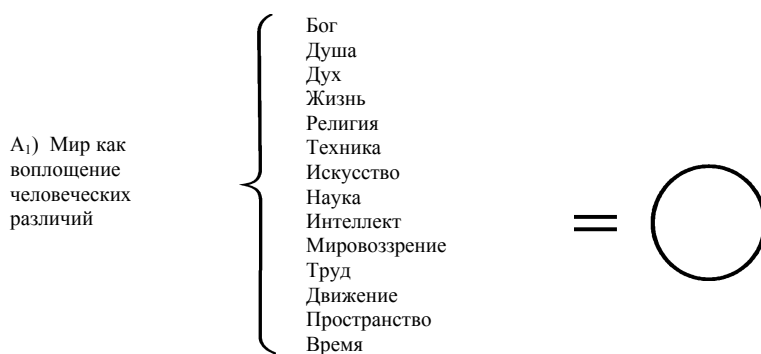
В контексте вышеизложенного хотелось бы обратить внимание на кубофутуристический манифест «Пощечина общественному вкусу» (1912). Д. Бурлюк, В. Хлебников, А. Крученых и В. Маяковский в нем совсем недвусмысленно призывают к очищению культуры: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности. Всем этим Максимум Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Аверченко, Черным, Кузминым,

Буниным и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным». По их мнению, необходимо вместо символистского «парфюмерного блуда» уважать права истинных поэтов. Они стремятся создавать «произвольные и производные слова» (слово-новшество)», которые с присущей им «непреодолимой ненавистью к существовавшему до них языку» предсказывают вместо существовавшего «здорового смысла» и «хорошего вкуса» приближающуюся «Красоту Самоценного (самовитого) Слова».

«Красоту самоценного слова» стоит понимать не только как метафору, но, напротив, как ясную стратегию, при помощи которой исторический авангард в целом отстраняется от миметического уподобления. «Вещи» пусть проживают жизнь сами по себе¹². Чтобы это было возможно, необходимо очистить культуру от «позолоты прошлого» и восстановить изначальное, примитивное (предкультурное) состояние сознания.

Именно призыв к очищению культуры является общим знаменателем, связующим важнейшие авангардные направления в русской культуре первых десятилетий XX века: примитивизм А. Крученых, инфантилизм братьев Бурлюков, лучизм М. Ларионова, конструктивизм Эля Лисицкого, кубофутуризм В. Хлебникова и супрематизм К. Малевича. Со временем в переплетении живописи и слова все большее значение получает представление о некоей идеальной, нулевой точке культуры, где процесс выражения свободен от всевозможных рациональных условностей. Это представление воплощает знак нуля или его изобразительный эквивалент – круг¹³. О значении нуля / круга в культуре говорится в не допускающем двусмысленности манифесте «Супрематическое зеркало», написанном Малевичем в 1923 г.¹⁴:

Сущность природы неизменна во всех изменяющихся явлениях.



Манифест обобщает идейные и выразительные поиски русского авангарда. В представлении о нуле / круге лежит идея о нулевой точке культуры, в которой сосуществуют различные формы человеческого познания. Ноль / круг – это источник культуры, и как таковой он является средством выражения примитивного сознания или инфантильного отношения к миру,

не обремененного ни одной системой языковых условностей. Это чистое ощущение само по себе представляет основу супрематической концепции Малевича. В ней мы усматриваем не только связь с примитивистским созерцанием, в ней можно распознать и кубофутуристическое представление о самодостаточности слова, которое само по себе при помощи своей звуковой организации воплощает первобытное ощущение.

Так, для поэтов-кубофутуристов значимо особое внимание к фонеме, появившейся как спонтанный, сознательно не артикулированный и, следовательно, чистый отклик человека на раздражители из внешнего мира. В экспериментах Д. Крученых начинается рождение поэтика трансментального или заумного языка, перерастающая в текстах В. Хлебникова в систематическое исследование корней слов, которые он считал носителями исконного значения, представляющими собой вне какой-либо рациональной договоренности общую основу славянских языков. Открывая первичные звуко-семантические связи, Хлебников возвращается к истокам культуры, к ее нулевой точке, где сохраняется максимальная связь голоса (означающего) с предметом (означаемым) как таковым¹⁵.

Вслед за основателем русской теоретической поэтики А. Потебней необходимо подчеркнуть, что размытая граница между означающим и означаемым является характерной особенностью так называемого мифологического мышления: в нем дело доходит до актуализации изначального восприятия мира, который был характерен для мифа как первичной формы человеческого сознания на ранней стадии исторического развития¹⁶. Кубофутуристический призыв к очищению культуры, следовательно, с точки зрения Хлебникова связан с мифологическим мышлением. Представление о нулевой точке культуры, в которой можно будет достигнуть очищения слова до такой степени, что появятся условия для изначального ощущения, что слово носит само в себе, оживляет логику мифа. Заумный язык в своей универсальности, по мнению Хлебникова, оживит мифологическое мышление и свяжет людей в общее братство на основе примитивного, инфантильно чистого ощущения. Появится новый, идеальный мир, человек вернется в рай¹⁷.

Нулевая точка культуры, которую в «Супрематическом зеркале» представляет ноль / круг, говорит о возрождении мифологического мышления и ценности мифа. Так как для мифа не характерна дифференциация, обуславливающая различные способы семиотизации, он существует как единая и полноценная форма культуры, действительно означающая все. Поэтому понятно, почему ноль / круг реально и воплощает все.

Если для супрематизма ноль / круг сам по себе является идеалом, с кубофутуристической точки зрения он понимается, прежде всего, как метафора первоначального, универсального языка, где степень метафоричности языкового знака наименьшая, где означающий как таковой является и означаемым. Эта точка зрения особо важна для понимания специфики русской культуры в XX в. Именно авангардистские требования очищения культуры совпали с более

поздними политическими требованиями справедливого мира, где человек будет жить свободно и в согласии со своей «истинной природой». Все усиливающиеся призывы к разрушению существующих общественных норм, которые вопреки все ускоряющейся индустриализации в первом десятилетии XX в. свидетельствуют скорее об отсталости общественно-политического устройства российского государства, приводят к коренному перевороту – путем Октябрьской революции 1917 г. Русские революционеры с Лениным во главе также постоянно подчеркивают, что необходимо **очистить** страну от традиционных, на эксплуатации рабочего и крестьянина основанных отношений.

В революционном экстазе строительства нового мира, трансформирующемся в отрицание всех традиционных ценностей, можно увидеть связь с идеей о нулевой точке культуры, которую как идеал эстетически-культурной переоценки отстаивали представители русского авангарда. Поэтому неудивительно, что его наиболее заметные фигуры восприняли революцию с воодушевлением (например, Маяковский и Хлебников) и активно включились в преобразование общественной жизни. Кажется, будто их устремления к очищению культуры (и в ней главную роль играет очищение слова!) воплотились в реальность посредством пролетарской революции, а тем самым появились условия для истинного братства всех людей¹⁸.

Как представляется на первый взгляд, между программными принципами русского авангарда, который представлением о нуле или круге подчеркивает значение чистого и изначального ощущения, и общественными событиями конца первого десятилетия XX в. существует глубокая связь. Это видно на примере актуализации мифологического мышления. Оказывается, что идея о новом мире в действительности означает возвращение к мифу – к нулевой точке культуры. Именно в начальном, коллективном сознании необходимо искать источник для строительства «светлого будущего». В условиях разрушения традиционных ценностей советская идеология принимает мифологическое мышление как единственный приемлемый для себя способ коллективной рефлексии. В этих процессах язык вновь играет исключительную роль: очищенный от прежней «позолоты» при утверждении логики мифа он становится истиной самой в себе. В советской культуре мы находим многочисленные примеры, свидетельствующие о стирании границ между означающим и означаемым. Наглядно представляет наступающую мифологизацию иконостас советских символов. Однако в рождении советского мифа важную роль играют не только знаки-иконы¹⁹, но напротив – сам язык соцреализма. Он обладает уже заранее определенной ценностью и тем самым априори воплощает истину как таковую.

Предпринятые представителями авангарда попытки открыть изначальное значение языковых знаков через возвращение к нулевой точке культуры (мифу), в советской культуре воплощаются в общепринятом процессе, в рамках которого новая власть строит идеальный образ – советский рай, где царствует логика мифа²⁰. Представление о нуле или круге, который бы символизировал

идею возвращения человека к исходному и примитивному ощущению, характерному для мифологического восприятия мира, в культурно-политическом контексте нарождающегося Советского Союза превращается в сам миф.

Для того чтобы создать условия для мифологического (коллективного) восприятия мира, чтобы нарождающийся советский знак стал реальностью как таковой, было необходимо прибегнуть к средствам физической расправы. Депортации в «лагеря трудового перевоспитания», массовые расстрелы тех, кто, по мнению властей, являлся защитником традиционной памяти культуры, следует воспринимать как способ, которым власть пыталась любой ценой очистить культуру и реализовать представление о нулевой точке культуры. Идея о нуле / круге материализовалась, авангардистская метафора воплотилась в жизнь: коллективная норма и соцреалистический язык означают единый приемлемый способ в восприятии света и следовательно воплощают представление обо «всем».

* * *

Теперь же отвлечемся от процессов мифологизации, ведущих к канонизации советского мифа, и обратимся к изложенной нами в самом начале гипотезе о пульсации культуры. Она гласит, что в процессе канонизации одного способа семиотизации мы должны основное внимание уделить другим, внешне незначительным, периферийным процессам²¹. В то время как все более насильственными методами проводилась в жизнь соцреалистическая догма, на периферии общественно-культурной жизни конца 1920-х гг. появляется привлекающая к себе внимание поздне-авангардистская группа ОБЭРИУ²². Именно ее ведущий представитель Д. Хармс в размышлениях о значении культуры вновь останавливается на роли нуля / круга, однако в отличие от ранне-авангардистского представления актуализирует его полярное, обратное значение: теперь он (нуль / круг) означает не только представления обо всем, но наоборот – трансформируется в знак для обозначения «ничего»²³.

Прежние призывы кубофутуристов к очищению культуры у обэриутов сменяются осознанием того, что нулевая точка культуры означает опасность потерять прежние культурные ценности. В их творчестве можно наблюдать судорожные попытки сохранить историческую память и ценность традиции, тех основополагающих частей человеческой культуры, что охраняют и предопределяют непрерывность ее развития²⁴. Мифологическое мышление и нарождающийся тоталитаризм начинают вызывать страх перед лицом потери собственной идентичности и порождают ощущение хаоса и абсурда²⁵.

Творчество обэриутов значительно влияет на русскую культуру во второй половине XX в., и в этом контексте также особое значение имеют размышления о пульсации в культуре. Обэриуты не были первыми, кто еще в начале 1930-х гг. среди прочего предостерегал об опасности советской мифологизации и репрессивного тоталитаризма, а также указывал на направление новому очищению – на этот раз как путь разоблачения мифологической, коллективной логики соцреалистической языковой нормы в будущем.

В конце 1950-х гг. идеи исторического авангарда оживают в творчестве неоавангардистов²⁶. Показательно то, что сопротивление советской мифологизации заметно прежде всего в поэзии, казалось бы наиболее близкой мифологическому мышлению по своему происхождению²⁷. С одной стороны, мы видим в поэтическом языке неоавангардистскую попытку в духе исканий самодостаточного слова у Хлебникова и Крученых воскресить идею о праязыке как элементе культуры. Одновременно углубляются мысли обэриутов, что возвращение к нулевой точке культуры породило процессы, разрушающие границу между языком и действительностью посредством репрессий, – все чаще возникают картины абсурда, говорящие о том, что советский миф, желавший стать реальностью, далек от жизни как таковой.

Постепенно в русской культуре развивается двойственность, еще более усиливающая ощущение абсурда и хаоса: между советской (статичной) моделью мира и «живой» жизнью все больше углубляется роковой трагический раскол²⁸. Неоавангард предупреждает, что языковая норма соцреализма не только удаляется от действительности, а напротив, пребывает в стремлении любой ценой оставаться идеалом самим в себе, все более насильственно удерживаемым. Нарождающиеся мысли о «фашизме» языка²⁹, пытающегося любой ценой стать реальностью, рождает среди неоавангардистов принципиальные сомнения в том, что языком возможно выразить фактическую реальность. Язык и, как следствие, литературные средства выражения не могут ничего больше сообщить – они говорят лишь о том, чего нет.

Конечно, это ощущение несколько парадоксально, но опять же сравнимо с представлением о нулевой точке культуры. На этот раз в ее полярном значении: реализация « » в языке неоавангарда означает разговор о пустоте, о распаде ценностей, разложении личности, о физическом насилии, переживаемом отдельными представителями советского общества. Показателен пример детских стихов О. Григорьева, которые в духе стихотворений для детей Д. Хармса (написанных от лица наивного и невинного лирического субъекта) становятся эффективной авторской маской; под ней скрывается в гиперболизированных формах жестокости риторика насилия, как способ, помогающий выявить ложность советского мифа³⁰. Разрушаются границы между невинностью и виной, между человеком и вещью, живым и мертвым – все более частыми становятся надреалистические образы хаоса, которые ведут к упразднению разделения между Я и Другим. Так, в поэзии В. Уфлянда часты представления о Я, являющемся одновременно и палачом, и жертвой. Лирический субъект многократно надевает на себя маску советского «идиота», способного в жестоких сценах жизни на дне общества до изнеможения повторять клише соцреалистического периода³¹. В стихотворениях И. Холина уже сопоставляется соцреалистический языковой канон с натуралистическими сценами, полными насилия и вульгарной лексики, что еще больше утверждает представление о ложности советского идеала³².

Поэтическому неоавангарду свойственно общее осознание того, что соцреалистический язык – это мертвый язык, под маской идеала говорящий ни о чем. Все более очевидным становится то, что парадоксальным образом ранне-авангардистский проект на самом деле реализовался в советской действительности. Конечно, мы имеем в виду представление о нуле, означаемом все, но одновременно и ничего: прежний революционный восторг, приведший к общественно-культурному эксперименту из ничего сделать все, заменяет осознание того, что новая, насильственно утвержденная советская тотальность воспринимается как ничто – как искусственно утвержденный миф, не имеющий ничего общего с настоящей жизнью (природой).

Одновременно, когда в произведениях неоавангардистов представления о соцреалистической норме как о мертвом языке связываются с ощущением пустоты, следует помнить, что это «ничего» означает также и исторический факт. Существует реальность, от которой человеческая жизнь фатально зависима. На сознание советского человека более 70 лет влияло представление о советской системе как о системе, осуществляющей идеал – об обещанном мире истины и права, где соцреалистическая (языковая) норма существовала как истина сама по себе и становилась составной частью коллективного подсознательного.

Для того чтобы вскрыть утопичность советского мифологического мышления, было недостаточно выражать лишь ощущение того, что советский язык в действительности является мертвым языком. Необходимо было систематически вскрывать механизмы действия языковой нормы, разгадывать закономерности нуля / круга, который как некая амбивалентная эволюционная константа изменялась из ничего во все и снова обратно в ничто.

Во второй половине XX в. мы наблюдаем в советской культуре различные попытки это реализовать. А вместе с этими попытками вновь общее устремление к очищению культуры. Основных путей для этого процесса оказалось четыре: ревизия социалистических идей в духе ленинизма (В. Дудинцев, К. Симонов, В. Гроссман); натуралистическое срывание масок с советской (лагерной) действительности (А. Солженицын), гротескность двух миров как оппозиция соцреалистической модели (В. Аксенов, В. Высоцкий, В. Войнович); концептуалистская «шоковая терапия»³³.

В рамках настоящей работы уделим особое внимание так называемой шоковой терапии, воскрешающей стратегию исторического авангарда. Речь идет о попытках путем неожиданных сопоставлений единым махом развенчать соцреалистическую норму и таким образом очистить культуру. Хотя в новом «революционном» протесте советскому тоталитаризму важная роль отводится как раз поэзии, решающее значение в повторном очищении культуры (как прежде в историческом авангарде) имеет изобразительное выражение. На основе американского поп-арта в начале 1970-х гг. в Советском Союзе появляется соц-арт как первая фаза изобразительного концептуализма, который при помощи катахрезы (сопоставление несопоставимого) радикально и бескомпромиссно, уже в наше время систематически, разрушает

советскую иконографию³⁴. Катахреза снова становится доминирующим способом, который помогает дискредитировать соцреалистический знак, очистить историю и опять вернуться к истокам – к нулевой точке.

Если следовать идее о пульсации культуры, то можно обнаружить, что выбор способа не случаен: в своем развитии культура проходит повторяющиеся фазы, но являясь динамичным процессом, она демонстрирует и изменения: один и тот же способ может менять свою полярность. Для наглядной передачи этой мысли приведем пример упомянутой катахрезы.

Немного упрощая, можно сказать, что у катахрезы в историческом авангарде среди прочего была и функция отчуждения (остранения)³⁵. Изменение точки зрения и увеличение динамичности способов выражения тогда воспринимались как средство, ведущее после очищения культуры к настоящему братству всех людей. В соц-арте катахреза играет другую роль. Чтобы ее понять, заимствуем термин из психоанализа Фрейда, который можно сравнить с представлением формалистов об остранении, но который все же содержит в себе дополнительную информацию. Речь идет о слове «unheimlich», означающем у Фрейда амбивалентное ощущение: нечто, что является «родным» («heimlich»), приобретает черты чужого и вызывает ощущение дискомфорта. Обозначение Фрейда наглядно показывает амбивалентную функцию катахрезы в концептуалистских работах. Автор прежде всего в тексте восстанавливает «родные» представления, посредством которых соцреалистическая идеология строит ощущение коллективной принадлежности и родственности (идея о братстве), а затем при помощи неожиданного сопоставления отбирает у них первоначальное значение, что и вызывает у воспринимающей стороны ощущение дискомфорта.

Если советской системе удалось путем возвращения к нулевой точке культуры возродить ценность мифологического мышления и достичь тем самым того, что среднестатистический советский гражданин глубоко воспринял декларативные представления о партийной Идее как абсолютной истине, то концептуализм привнес сомнения в ней, вызвал шок и при этом возбудил сопротивление у воспринимающей стороны. Так, не удивляет, что концептуалистские эксперименты натолкнулись на неприятие даже среди интеллигентов. Один из наиболее радикальных концептуалистов в разрушении соцреалистической нормы и мифологического восприятия языка как реальности В. Сорокин еще в 90-е гг. имел неприятности с властями: к многочисленным повесткам в суд, где ему ставили в вину скабрзность, порнографию и т.д., добавились и открытые угрозы физической расправы³⁶.

В соц-артовских провокациях, с течением времени становившихся все более изощренными концептуалистскими акциями, с помощью которых новое поколение все более явно чистило культуру от навязанной нормативности и разоблачала утопичность системы, на фоне постоянно изменяющейся контекстуализацией постепенно стало пропадать ощущение дискомфорта. Концептуалистское переигрывание в результате привело к другому «ороднению»

– соцреалистическая иконография становится предметом потребительской мены и превращается в элемент потребительской культуры³⁷.

В своих стремлениях демифологизировать советскую систему русская культура в последние два десятилетия прошлого века вновь оказалась в кажущемся парадоксальном положении нуля / круга, означающем одновременно все и ничего. Разрушение соцреалистической парадигмы, в 1980-е гг. изменившееся в отрицание всех возможных ценностей, привело к ощущению полной свободы и неопределенности. Как будто бы таким своеобразным способом вновь осуществилось представление о нулевой точке культуры, когда на первый план выходит чистое и естественное ощущение, где историческая память не играет важной роли. Но ощущение эйфории тотальной свободы длилось недолго. Представление о возможности всего переродилось в свою противоположность: релятивизация традиции вновь привела к сомнениям о ценности слова. Развенчание слова вновь породило ощущение пустоты. В культуре все большее значение начали приобретать мотивы тишины и молчания, и среди всех возможных вариантов все чаще появляется мысль ни о чем и о смерти.

Если ощущение «ничего» было во времена обэриутов и неоавангарда характерной особенностью маргинальных культурных явлений, в 1980-е гг. оно стало преобладающим. Об этом говорит творчество значительного большинства сегодня известных всему миру русских авторов – В. Ерофеева, И. Бродского или В. Пелевина и В. Сорокина.

Мотивами пустоты и смерти, которыми пронизаны не только поэтическое творчество Бродского или роман-поэма «Москва–Петушки» Ерофеева, но и ранняя проза Сорокина («Норма», «Роман») и Пелевина («Чапаев и Пустота»). На «периферии» преобладающего ощущения пустоты вновь появляется зародыш метаморфозы, которая является новым доказательством идеи о пульсации культуры.

* * *

В исследовании мы подчеркнули, как важны для развития русской культуры первой трети XX в. примитивистское и супрематическое устремления к возрождению культуры, которые воплощают представление о нуле или круге как нулевой точке культуры. Размышление об эволюционных закономерностях в советский и постсоветский период приводят к осознанию того, что эта идея отражает не только характерные особенности исторического авангарда, но напротив – она появляется как повторяющаяся и постоянно пульсирующая в процессе развития культуры. Необходимость (само)-очищения культуры всегда наступает тогда, когда определенные формы и процессы культуры исчерпывают себя и таким образом больше не предлагают убедительного представления о том, какой должна быть реальность. Исчерпавшая себя в смысловом плане культурная модель уходит на периферию, что порождает ощущение потерянности, пустоты и мысли о конце

культуры. Оглядываясь на историю культуры, мы убеждаемся в том, что это всегда являлось знаком духовного кризиса. В такие периоды главную роль играет идея очищения, которую сегодня выполняет экология текста: исчерпавшие себя формы культуры необходимо очистить. В процессе очищения вольно или невольно мы возвращаемся к нулевой точке культуры – к мифу, всегда вновь предлагающему иную возможность к преобразованию.

В заключение же лишь проиллюстрируем нынешнее состояние: серия «Мифы», не так недавно объединившая для сотрудничества многочисленные книжные издательства, являет собой, по мнению авторитетного журнала «Таймс», крупнейший международный подвиг в истории книгоиздательства и красноречивый пример, демонстрирующий исчерпанность постмодернистской деконструкции. Иными словами, – и это кажется парадоксальным – путем бесконечных переигрываний возможностей удалось акцентировать значение ставшего сегодня уже всеобщим ощущения потерянности, замешательства, бессмысленности, что можно наглядно изобразить при помощи нуля / круга как метафоры пустоты. Время пришло, чтобы знак перед нулем / кругом, способным означать и все, и ничего, вновь изменился и стал еще одним доказательством достоверности идеи о пульсации культуры.

Перевод Ю. Созиной.

Примечания

¹ Михаил Наумович Эпштейн (родился в 1950 г. в Москве) – философ, культуролог, литературовед, эссеист, окончил филологический факультет МГУ, автор более 400 статей и 18 книг по вопросам поэтики (в частности, литературных архетипов и теории метареализма), истории и теории советской идеологии и философии, семиотики повседневности. С 1990 г. профессор русской литературы университета Эмори (Атланта, США).

² Эпштейн М. Знак_пробела (о будущем гуманитарных наук). М., 2004. С. 171.

³ Там же. С. 172.

⁴ «Если среда хорошо исполняет свою функцию, т.е. достаточно выделяет текст на своем фоне, то сама она совершенно уходит со сцены нашего восприятия» (Эпштейн М. Знак_пробела... С. 172).

⁵ То, что означает «...», появляется точно так же, как существуют отступы, промежутки и пробелы в многочисленных поэтических источниках, свидетельствующих о специфике человеческой культуры: «В сущности, в термине «...» традиционно знаковыми носителями языковой конвенции являются только кавычки <...>, в то время как то, что находится внутри кавычек, является внезнаковым, т.е. представляет не что иное, как само себя» (Эпштейн М. Знак_пробела... С. 175).

⁶ Индексальные знаки мы часто встречаем в природе: черные облака на небе предвещают ненастье, прыщи на коже могут говорить о нездоровье, дым из трубы на крыше предупреждает, что дом населен и т.д. Мысль получает в продолжении размышлений дополнительную весомость – оказывается, что характерные особенности индексального знака побуждают задуматься о ценности мифологического мышления, где нет разницы между означающим и означаемым (означающий в действительности является и означаемым).

⁷ Эпштейн М. Знак_пробела... С. 174.

⁸ Там же. С. 183.

⁹ Там же. С. 184. М. Эпштейн подчеркивает, что экология как наука об отношении к природной среде, среде обитания (oikos) и экофилология как наука о среде существования слова имеют схожий предмет изучения, что в результате ведет к переплетению биологии и филологии, естественных и гуманитарных наук. Этот общий предмет – интерес к «чистому». Вопрос о сети культурных процессов и фильтров, поднявших некогда человека-варвара над природной средой, переплетается с размышлениями о том, как сегодня сохранить природу от технологического варварства.

¹⁰ На идею о пульсации влияют Русская формальная школа, теория карнавала М. Бахтина и Московско-Тартуская семиотическая школа.

¹¹ Ср. также: *Javornik M.* O predvidljivosti in nepredvidljivosti v razvoju culture // *Slavistična revija*. 2002. Št. 2. S. 171–182.

¹² О значении «вещи» в историческом авангарде рассуждали многие исследователи: *К. Грей* (The Russian experiment in Art 1863–1922. London, 1990), *В. Марков* (История русского футуризма. СПб, 2000), *А. Флаккер* (Ruska avangarda. Zagreb, 1984), *А. Сказа* (Ruski formalisti: izbor teoretičnih besedil. Ljubljana, 1984).

¹³ В нашем понимании между нулем / кругом и знаком « » Эпштейна можно было бы поставить знак равенства.

¹⁴ *Сарабьянов Д., Шатских А.* Казимир Малевич. Живопись. Теория. М., 1993. – Сравнительно короткий текст Малевича мы приводим лишь частично, ведь уже сама отсылка к нему наглядно иллюстрирует идею нуля / круга. Вторая часть текста представляет собой лишь подтверждение или иллюстрацию первого.

¹⁵ Наглядным примером спонтанного языкового выражения, возникающего независимо от рационально воспринятого языкового кода, могут служить междометия как выражение эмоциональных состояний – напр., вау, аааа, уеээ и т.д. Из самых значительных произведений Хлебникова, посвященных поэтике трансментального языка, упомянем «Азбуку ума». Хлебников в своих изысканиях следует за основателем русской теоретической поэтики А. Потебней, утверждавшим, что для поэтического слова характерна живописность. Последняя же появляется тогда, когда в ней ясно выражена «внутренняя форма». Таким образом Потебня обозначает связь слова с его исходным (этимологическим) значением, вызывающим в памяти исходный образ или ощущение.

¹⁶ *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976. – См. также: *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976.

¹⁷ Ср. размышления В. Маркова в кн.: *Хлебников В.* Собрание сочинений. München, 1968–1971.

¹⁸ Ср. «Ладомир» В. Хлебникова.

¹⁹ Рядом с такими символами, как серп и молот, главную роль играют образы советских руководителей (в первую очередь Ленина и Сталина).

²⁰ В этот период советской культуры на первый план выдвинулся процесс лакирования действительности, посредством чего советская языковая норма изображала реальную жизнь: слова «коммунист», «комсомолец», «красноармеец» и др., которые, несмотря на индивидуальные характерные особенности, всегда означали высокоморального и преданного советскому этическому императиву (действительности) человека, становились уже сами по себе реальностью.

²¹ При этом сошлемся на представление М.М. Бахтина об идее карнавала как единства противоположностей («Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса») и представление Ю.М. Лотмана о значении маргинальных, периферийных явлений в культуре («О динамике культуры»).

²² Аббревиатура означает «Объединение реального искусства».

- ²³ Ср.: *Jaccard J.-P.* Возвышенное в творчестве Хармса // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1994. N. 34.
- ²⁴ Это в полном смысле слова программное устремление нашло наиболее сильное выражение у обэриута К. Вагинова.
- ²⁵ *Javornik M.* Mihail Bahtin in OBERIU/ОБЭРИУ (Psihotipologija nekega obdobja) // *Slavistična revija*. 1999. Št. 2. S. 195–210.
- ²⁶ Русский неоавангардизм, являющийся фактором разложения официальной литературы, представляли в 1950–1960-е гг. группа Л. Черткова, лианозовская школа, так называемая «филологическая школа» и др.
- ²⁷ Так, согласно А. Потебне, поэтический язык должен, с одной стороны, сохранять в своей живописности связь с мифологическим сознанием как колыбелью культуры, с другой – свидетельствовать уже об индивидуальности познания и осознания поэта.
- ²⁸ На этот раскол в текстах обратили внимание как раз обэриуты. Нелогичные сопоставления, подмену означающих, временные скачки, подмену причины и следствия в их текстах следует понимать как способ, которым они создают хаос и абсурд.
- ²⁹ Нелишним здесь будет провести параллель с несколько более поздней идеей о «фашизме» языка у Р. Барта.
- ³⁰ *Гргорьев О.* Двустипшия, четверостишия и многостипшия. СПб., 1993.
- ³¹ Антология новейшей русской поэзии «У голубой лагуны» / Сост. К. Кузминский, Г. Ковалев. Издатель Орлов. 2006.
- ³² *Холн И.* Избранное. М., 1999.
- ³³ Подробнее об основных течениях в русской литературе XX в. см.: *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература 3. М., 2001.
- ³⁴ Катахреза как один из основных приемов исторического авангарда, теперь, когда речь заходит о соц-артистической катахрезе, проявляется в соединении соцреалистических картин и элементов американской, поп-артистической культуры: Ленин появляется на рекламе Кока-Колы, на гербе Советского Союза появляется Микки Маус У. Дисней и т.д. Истоки соц-арта надо искать в неоавангарде, а конкретнее – у Всеволода Некрасова, поэта-лианозовца, в 80-е гг. ставшего одним из ведущих представителей концептуализма. Об этом см.: *Javornik M.* Soc-art – znanilec praznine // *Jezik in slovstvo*. 1994/95. Št. 6. S. 205–212.
- ³⁵ Здесь мы сознательно употребляем формалистский термин остранение. Именно формальная школа развивалась в тесном переплетении с авангардистскими движениями того времени. Особенно на нее влиял кубофурризм.
- ³⁶ *Javornik M.* «Pornografska literatura» V. Sorokina v primežu ruskega kulturnega spomina : (o tem, kako ni mogoče ubežati lastni zgodovini) // *Primerjalna književnost*. 2005. Št. 2. S. 77–92.
- ³⁷ Во времена перестройки и гласности появились такие изделия, как нижнее белье с изображениями Ленина, ветровки с символом КГБ, носки с серпом и молотом и т.д., которые еще в 90-е гг. оставался излюбленным сувениром для туристов с запада. См.: *Grojs B.* Celostna umetnina Stalin: razcepljena kultura v Sovjetski zvezi. Ljubljana, 1999.

М. Панайотова
(Благоевградский университет, Болгария)

Поэтическая «заумь» Геннадия Айги

Abstract:

Panayotova M. *Poetic «oversense» of Gennady Aygi*

The poetry of Gennady Aygi is considered in the context of avant-garde trends in the 20th century literature. The focus is on its specific language, which is directly linked to the poetics of Russian futurists. Aygi developed a special syntax of his poetry. The unique use of punctuation allows to make special word combinations, which uncover the experience with a new type of world perception. Constant ellipses create a feeling of a lack of the meaning, the opening of the abyss, in which silence thrives. Holistic visual form has the greatest value in Aygi's lyrics, they activate the connection between the meaning and the designatum, transform signs into images. The author sought to create his own philosophical concept of life and man, and the composition of his works, constructed as a single associative text, which forms a particular semantic field, can probably be regarded as an attempt to achieve the unity of the world.

Ключевые слова: авангард, футуризм, заумь, поэтика, асоциативный текст.

На фоне богатых и разнонаправленных традиций русской поэзии XX в. творчество Геннадия Айги (1934–2006) является чем-то совершенно особенным не только благодаря тому, что он писал сразу на двух языках (русском и чувашском) и невероятно интенсивной переводческой деятельности, плод которой – десятки переведённых книг, но и благодаря странному смешению традиций, на которые опирается его ищущая ядро слова и потому философская по своей сущности поэзия. Интересно, что эта почти «заумная» поэзия прекрасно переводится. «Айги был звездой первой величины в современной мировой поэзии, о нем говорили как о живом классике, новом Стефане Малларме или Пауле Целане. Дело даже не в разнообразных наградах: он был, вероятно, самым читаемым поэтом современности. Его книги — на французском, английском, немецком, итальянском — я видела в руках, на книжных столах, в дорожных сумках читателей в самых разных местах Европы» (См.: Седакова 2006).

Особенно значимым является признание французского философа Алена Бадью (р. 1937), который, составляя краткий список из шести мировых поэтов, повлиявших на развитие философии и поэзии, подчеркнул, что имя Г. Айги нужно было бы добавить к этой шестёрке. В 1998 г. Бадью создал «Краткий трактат о переходной онтологии» («Le court Traité d'ontologie transitoire». Paris: Seuil, 1998.), предисловие которого основано на раннем стихотворении Г. Айги «Здесь»(1958). Размышляя о слове, А. Бадью опирался на трактовку поэтично-философского концепта Г. Айги (См. подробнее: Азарова 2006).

В процитированном выше интервью Ольги Седаковой особое впечатление производит фрагмент о «самом читаемом поэте». Это высказывание

не может не звучать странно на фоне высказывания самого Г. Айги, утверждавшего, что если бы в течение всех этих лет, когда у него был десяток читателей, он думал бы о коммуникативных аспектах своей лирики, то перестал бы писать (Робел 2003: 91). Как же такой поэт превратился в «самого читаемого»? Конечно, проще всего сказать: «Нет пророка в своем отечестве...» Но в этом случае стоит поразмышлять о литературной родине Геннадия Лисина, взявшего в конце 1960-х гг. в качестве псевдонима имя своего деда Айги¹, поскольку на эту роль могут претендовать по крайней мере три литературные традиции – чувашская, русская, французская.

В 1993 г. в «Русской мысли» была опубликована статья Виталия Амурского «Три родины Айги», завершающаяся словами: «...как мне кажется, духовно он остается верен только двум родинам: Чувашии и России. Впрочем, есть и третья родина, литературная, — Франция». Нельзя не согласиться с этим высказыванием, потому что не только изначальный интерес Айги к французским поэтам открывает в нём осознание культуры и свободы, но и первая награда, которую он получил, была наградой Французской академии в 1972 г. Во Франции поэт был принят как «Малларме с Волги», однако это определение, не даёт полного представления о достоинствах поэзии Айги.

Известность в Чувашии, на своей первой родине, Айги получил ещё в конце 1950-х гг. после выхода его первой книги в 1958 г. Россия, которую Айги и в самые трагичные моменты её истории воспринимает как свою родину, приняла поэта значительно позже. Чувашский поэт, пишущий на русском, – так определяет Айги пресса. «Русская» слава пришла к нему только в 1990-е гг., а в мае 2000 г. Айги стал первым лауреатом учрежденной в России престижной премии им. Бориса Пастернака.

«Сын гуннов», как переводится его имя с чувашского, – автор спорной и трудной для чтения поэзии, имеющей и сегодня горячих приверженцев и столь же горячих противников (См. Куприянов 2004; Колкер, Костина 1995). Бесспорно одно: сегодня стихи появившегося в 1960-е гг. неизвестного чувашского поэта из села Шаймурзино переведены на десятки языков, а их автор является лауреатом международных поэтических наград – французских, итальянских, венгерских, английских, македонских, немецких... Международный ПЕН-клуб выдвигал Г. Айги на соискание Нобелевской премии в области литературы.

Первые его книги выходят на западе. В 1975 г. видный немецкий ученый-славист Вольфганг Казак издал в Кельне собрание стихотворений поэта, а в 1982 г. в Париже было опубликовано полное собрание стихотворений Айги под названием «Отмеченная зима».

В России его первая самостоятельная книга «Здесь» вышла только в 1991 г., поскольку после публикации нескольких стихотворений в «Литературной газете» в 1964 г., дорога к публикациям в СССР для Айги была закрыта вплоть до 1987 г., когда в приложении к журналу «Молодой коммунист» вышла подборка его стихов под названием «Холмы-двойники». Нельзя, однако, не отметить, что судьба была более благосклонна к Айги, чем,

например, к таким поэтами, как Генрих Сапгир (1928–1999), Вс. Некрасов (1934–2009), Ян Сатуновский (1913–1982), Игорь Холин (1920–1999), которые хоть и становились классиками современной русской литературы, но уходили из жизни прежде, чем смогли дожидаться монографий об их творчестве. Это же относится и к таким известным поэтам, как Евгений Рейн (р. 1935) и Виктор Соснора (р. 1936).

Ещё в 1970-е гг. Геннадий Айги встретил своего будущего биографа – профессора Парижского института восточных языков Леона Робела, который в 1993 г. издал на французском языке первую монографию о творчестве этого своеобразного русского и чувашского поэта и в немалой степени поспособствовал популяризации его лирики на западе (монография была переведена, дополнена и издана на русском языке в 2003 г.).

Одна из причин, по которой русскими читателями Айги был воспринят сложнее, чем европейскими, – это множество разнонаправленных литературных влияний. Известно, что на его поэзию оказала влияние как чувашская литературная традиция и фольклор, так и татарская культурная среда. Айги постоянно оперирует архетипными и мифическими представлениями, заклинательной силой слова, символическими и табуированными образами. Вместе с тем осязаемо присутствие европейского влияния, например, немецкого романтизма и французского символизма, русского авангарда начала XX в. Творчество Г. Айги создает смысловое поле, в котором пересекаются традиции и идеи Ф. Ницше, Ф. Кафки, С. Кьеркегора, чеха Иржи Волкера, поляка Ц.К. Норвида, венгров Ш. Петёфи и Э. Ади, француза П. Элюара, немца Р.-М. Рильке и чувашей В. Митта и П. Хузангая... Это действительно пестрая смесь, чьи элементы сплавляются в синтетическое целое.

Одним из самых интересных противоречий, связанных с лирикой Айги, является проблема ее коммуникативности. Если мы вернемся к процитированному высказыванию Ольги Седаковой о популярности и адекватности Айги поэтическим потребностям людей всего мира, то, возможно, не только исследователи творчества Айги, но и каждый, кто читал его стихотворения, не может не отметить следующее: воспринимая творческие традиции авангарда начала века, прежде всего В. Хлебникова и К. Малевича, Геннадий Айги как будто изобретает новый поэтический язык, новую «заумь». Его поэтическая система – это обособленное целое, обладающее своими образами, ключевыми метафорами, но это целое звучит подобно иероглифу, потому что сами его творения есть плод своеобразной философии. Не случайно Вл. Новиков назвал их «фундаментальной поэзией», а В. Куприянов утверждал, что стихи Айги напоминают «буддийский коан» (Куприянов 2004: 7; Новиков 2003: 6). В отличие от заумного языка А. Крученых и В. Хлебникова, это не усложнённая форма слова и его неузнаваемость. Напротив, в стихотворениях Айги совокупность знакомых и простых слов рождает трудно проницаемый и герметичный по своей природе «заумный» текст. На обвинения в герметичности сам Айги отвечал так: «Я не знаю, “герметичен” ли я. Но думаю, что “герметизм” – это уважение к читателю». (Айги 1985).

Языку поэзии Айги свойственны повторяющиеся образы и метафоры, своя метаграмматика. Как отмечает литературный критик Атнер Хузангай, эта метаграмматика начинается со звука «а». Некоторое подобие «белого квадрата» К. Малевича, который, по определению самого художника, есть «чистое действие» и новый «белый мир» («мироустройство, утверждающее знак чистоты творческой человеческой жизни») («Супрематизм», 1920). Такой первоэлемент Айги – это фонема «а» («а – бог среди звуков»), которая на уровне архетипа наверняка отталкивается от начальной буквы его родового имени (Хузангай 1998).

В книге «Зимние кутежи» Айги писал: «В луче клубится а его лица и неба. под лампой камеры один один. «К А.». Ключевые образы здесь: луч – лампа (свет) и небо – лицо. Мысль превращается в своего рода трагический шифр спасения души. Тот я – увиденный и словно расплывающийся, отлитый в формах меня–сна, меня–памяти, меня – сострадания.

Фонема «а» задумана как три совершенно идентичных света (троекратное «действие Бога»), как позже сказал в одном из интервью Геннадий Айги, открывая корни своей метаграмматики. Для поэта язык не средство, а цель, поток, который открывает и осмысляет самого себя, форма, которая способна выразить оттенки существования, обертоны мыслимого и немислимого. Так эта поэзия создаёт словообразы, в которых оттенки и значения дополняются и приобретают различный смысл через интуитивные перескоки, такие образы, как: рана – глагол, сон – свет, сад – грусть, жизнь – окраина, родина – мгла и др.

Вместе с тем именно коммуникативность поэзии важна для Айги, который видит задачу поэзии в том, чтобы восстановить разорванные связи между людьми и миром, чтобы оживить язык, припоминая, что в переводе с латинского «religio» означало связь между людьми, между ними и миром:

... об ином – не просим:
ветр – небо – свет!... – и тонет
поклон мой – праху – пению!
(сквозит зарей прощанья
Religio – Народ и Слово – Сырость).

(Айги 1997: 18)

Для Айги поэзия своего рода религия, как утверждает поэт в интервью 2003 г.: «Мы создаем мир и Творца... Смерть – это надежда на бесконечность... есть ещё и молитва... Но молитва — это слишком прямое дело. Ответ будет или нет — другой разговор, а поэзия... По своей направленности к смерти и потусторонности она дает иногда... осознание, из чего состоит бытие... Поэзия дает чувство значительности жизни...» (Айги 2003). У Айги часто графически «просвечивается» фигура креста как символа жертвы и веры. В финале поэмы «Двенадцать параллелей к Игорю Вулоху» Святая Троица очерчена следующим образом: «птица», «мама», «друг» – триединство, которое представляет «конкретное» воплощение абстрактных понятий надежды, любви и веры (Айги 1998а).

В 1985 г. по случаю столетнего юбилея В. Хлебникова Айги создал «Листики в ветер праздника», где отметил: «Как иногда хочется поэту не говорить неотменимым словом-логосом, а зазвучать! — зазвучать некоею “самою” красотой прекрасного! — как в музыке. Хлебниковское “словотворчество” — первый прорыв в сторону того “абсолюта красоты”, который не перестает требовать от поэта почти сверхчеловеческих усилий, “абсолют” остается недостижимым, но поэзия накаляется именно в силу этой — все более явной — недостижимости» (Цит. По Робел, 2003: 41). В этом же тексте Айги утверждает, что «татарские набеги» авангарда завоевали новые территории для русской поэзии на сто лет вперед, а современным поэтам осталась неблагодарная задача упорно и терпеливо осваивать их и использовать с новым «духовным содержанием» (Там же).

Айги — автор исследования о поэтах авангарда начала XX в. В 1988 г. в предисловии к серии публикаций для журнала «В мире книг», под названием «Русский поэтический авангард» он пишет о непосредственной связи с «Лианозово» и «барачной» поэзией исканий авангарда. Айги размышлял о поэтических реформах, которые проводили в русской поэзии его предшественники, о введении ими «нового ритмичного мышления» (Айги 1989: 121). В начале 1960-х гг. в группе Ал. Васильева Айги участвует в обсуждении картин и искусствоведческих трудов. Как смотритель музея Маяковского, он организовал выставки Малевича, Гончарова, Ларионова, Татлина, Шагала.

На понимание Айги поэзии огромное влияние оказало творчество К. Малевича, чьим последователем поэт считал себя, посвящая Малевичу множество стихотворений («Сад ноябрьский — Малевичу», 1961; «Казимир Малевич», 1962; «Утро: Малевич: Немчиновка», 1974). В стихотворении «Сад ноябрьский — Малевичу» можно увидеть некоторые характерные особенности, которые прочно будут присутствовать и далее в поэтике Айги: смысловые эллипсы, передача поэтической идеи не только посредством слов, но и через паузы, особенно через графическое расположение стиха на странице, сверхсинтаксичное употребление знаков препинания, отсутствие заглавных букв, совмещение интимно-личного и банального наблюдений. Здесь появляется и одно из ключевых слов — «сад», конструктивная часть поэтического восприятия Айги.

Подобный стих дает возможность для проявления внутренней свободы творца. Способ связки слов в тексте у Айги ассоциативен, при этом отдельные стихотворения строятся как части единого смыслового поля. Такому прочтению способствует и «библейское» начало некоторых произведений: с «И» (как звучит название одного из произведений: «И — одна из последних зим») или «Снова». Вариативное нанизывание заглавий, при котором одно название включает в себя предыдущее с вариациями или продолжает его «отводя» определённый акцент: «Посвящается детство» и «К посвящению детства: чистка орехов», «Поля-двойники», и «Холмы-двойники» и пр.

В творчестве Айги последовательно и постоянно присутствует словотворчество («чашеобразие», «ветроподобие», «богоогнь», «предзрение» и др.),

сочиненные им самим слова, соединенные тире: «Голоса – Места», «Тишина – Предупреждение», «Мир – Шум», «Сон – и – Поэзия», «Поэзия – как – Молчание» и т.д. Обилие скобок, кавычек, служебных слов нарушает линейное чтение этих произведений, сюда «вклиниваются» барьеры, которые будто ограждают текст.

Повторения и восклицания, характерные для молитвенного и заклинательного дискурса, у Айги связаны с представлением поэзии как священного действия, искусства, которое ничего не сообщает, потому что его функция не информативность, а внушение. Поэтому и поэт для Айги, как он сказал в интервью «Разговор на расстоянии» в 1985 г., – это сторож, который охраняет дары мира, чтобы не пропустить их мимо своего восприятия, передавая их другим посредством словесного образа (Айги 2001: 130). К подобному типу прочтения направлен и своеобразный автопортрет Айги, где рисуется образ шамана – поэта, улавливающего самые «древние» краски и голоса:

В абсолютной белизне
 Самые древние слышатся вдруг
 В абсолютной тишине
 Самые древние
 Голоса
 Шаман “младо-красный” подписывается
 Своим знаком *: “овес”; где
 Узнается язык: поэзия.
 (Робел 2003: 75)

Тексты Айги, для которых целостная визуальная форма имеет наибольшее значение, активизируют связь между означающим и означаемым, превращают знаки в образы. В этом чувствуется влияние «абсолютной живописи» Малевича. В стихотворение «Без названия» Айги включает красные квадратики, прибавляя страницу с нотами и указаниями о долготе пауз. В других стихотворениях есть строчки, которые сводятся до двоеточия или до группы тире. В стихотворении «Снова: воздух в вершинах берез», состоящем только из этих слов, графически построенном таким образом, что оно напоминает ствол дерева, зрительный образ дополняет словесный и заставляет читателя поверить в несуществующий рисунок.

Многие из названий стихотворений Айги похожи на названия картин: «Снег – в старом квартале Москвы», «Цветение роз во время болезни», «Сентябрьские березы в городе», «Окраинная зима» и т.д. Сияние белого, любимого цвета Айги, почти физически осязаемо в последнем процитированном стихотворении. Ощущение значимости белого в поэтическом мире Айги очевидно в стихотворении «Заморская птица» (1962): «Слава белому цвету — присутствию бога». В других стихотворениях белый цвет связывается с образами розы, кости, снега². Попытка сближения поэзии, живописи, музыки – это обычный приём для «классического» авангарда. Продолевая авангардистские искания поэтов начала XX века, Айги по-своему связал музыку, живопись и поэзию.

Творения Айги включают в себя и цветные изображения, примечания для чтения и ремарки, растянутые и деформированные гласные. Стихотворение «Спокойствие гласного» из книги «Тетрадь Вероники», например, содержит только звук «а»; звук «и» в стихотворении «И: как белый лист» ассоциируется с белизной. Обнаруживая связи поэзии Айги и живописи, один из самых серьезных исследователей творчества Айги Атнер Хузангай издал в 1998 г. в Чебоксарах монографию «Поэт Айги и художники».

Айги всегда дает названия своим произведениям. Название всегда есть, даже если произведение озаглавлено «Стихотворение без названия» или «Стихотворение - название». А вот «Стихотворение-название: белая бабочка, перелетающая через сжатое поле» содержит только название, а сам текст – это чистый лист, превращающийся в сноску на «Поэму конца» Василиска Гнедова, поэта, который оказал влияние на творчество Айги. В. Гнедов говорил об искусстве, призванном не отражать смысл, а активно бороться с ним, пробивая себе путь к сферам молчания. Айги неоднократно в различных интервью давал высокую оценку идеям В. Гнедова.

Отсюда проистекает и тема молчания, которое является ключевой категорией для Айги, о чем свидетельствуют стихотворения с одним или двумя словами, пустые листы, минимализм, тяготение к афористичности («Болезнь младенца. Беспокойство деревьев»), стремление создать творение-тишину. В интервью 1985 г. Айги заявил: «Сейчас мне все больше хочется представить целое стихотворение в некотором смысле «одинокой» тишиной... Сущность человека в мире – это слово в нем, а еще точнее, в мире человек – как – Слово» (Робел 2003: 64–65).

а — ослепи и прими
и откройся — коль есть обнаружится
от тишина — иисус!..

(«И: как белый лист», 1967)

Тема молчания концептуально освещена в эссе «Поэзия – как – Молчание», где поэт разграничивает тишину и молчание («Молчание – тишина с «содержанием») и одновременно с этим отмечает их общность: «...и молчание, и тишину, можно творить: лишь – Словом» (Айги 1996: 150).

Айги создал немало стихотворений, которые строятся только на междометии или восклицании, как, например, стихотворение «Тишина» 1973 года, сопровождаемое несколькими пояснениями и уточнениями: «Стихотворение исполняется на два голоса», «Первую и последнюю строчку исполняет мужской голос, остальные женский (необходимо создать впечатление непрерывности мужского голоса)» (Робел 2003: 65). Тема молчания часто переходит в тему сна. Нередко слово «сон» является частью названия стихотворения («Сон – Бегство – Действительность», «Сон – Любовь – к – Себе», «Сон – и – Поэзия») или типичных для этого поэта сочетаний: «роза – сон», «стихи – сны», и других. Само творчество для Айги – это проявление сна, отсюда проистекает и отождествление в поэтики Айги сна и поэзии. В абстрактном мире поэтического и детского, оставшегося в видениях творца, среди наиболее

употребительных слов в лирике Айги, – сон, сад, роза, белизна, снег, свет, цвет, дерево, мама, небо, поле. Большинство этих образов архетипичны.

В одном из последних интервью, опубликованном на ресурсе Youtube перед смертью, Айги, рассказывая о своей фамилии, говорит о саде своего деда. В этом мире дикая яблоня может быть «божественным метрономом», а поле – «Бог-огонь». При этом поле – это и конкретный образ, и символ свободы и счастья, восходящий к чувашской фольклорной культуре, подобно большинству повторяющихся образов в поэтической системе Айги³. Насыщенные, населенные неожиданными образами, стихи исполнены гармоничным ощущением пространства. В строящихся по принципу калейдоскопа произведениях таится неомистическая сила. О мистике и таинственности этого поэтического мира пишет Дж. Яничек: «О поэтическом мире, о духовном облике поэта Айги трудно говорить вразумительно, хотя это наверняка самое главное в его творчестве. Многие уже указывали на его духовность, а кому удалось выразить и охарактеризовать её? ...Все равно внутренняя причина этих сложных приемов остается таинственной, невыявленной...» (Яничек 1998: 41).

«Заумную» поэзию Г. Айги, в которой причудливыми являются не только образы, но и отношения «язык – сознание», Роман Якобсон в «Моем письме Малевичу» еще в 1975 г. определил как часть современного авангарда. Но и сегодня она порождает споры. Если для Вл. Новикова творчество Айги «уникально» и является попыткой заглянуть в стихотворное слово нового века (Новиков 2003: 7), то для Куприянова оно является «неоформленной словесно-бессловесной кучей» (Куприянов 2004). Сам Айги не считал себя экспериментатором, хотя в отношении визуальных эффектов, особенного синтаксиса, ритмики и музыкальности свободного стиха, роли пауз в построении смыслового поля текста, он опередил артпоэтов. Единство в его произведениях иногда достигается путем возвращения к гармонии детского мира. Об этом свидетельствует не только образ детства (яблоневый сад), но и посвященная его маленькой шестимесячной дочери «Тетрадь Вероники» (1984) и посвященная другой маленькой девочке книга «Мир Сильвии» (1992), состоящая из 32 строчек, но выполненная с безграничным уважением и отцовской любовью к миру ребенка. Мир, который окружает маленькое создание, сам оказывается погруженным в субстанцию поэзии, он богат, одухотворен и прекрасен.

Стихотворения Айги очень трудно разделить на строфы, они целостны. Несмотря на их иероглифичность и усложненную форму, в них сложно выделить пространство, время, субъект и действие. Айги искал в простых явлениях и вещах – поле, деревьях, ребенке, снеге, розе – проявление Божественной гармонии, ядра бытия, пытаясь открыть духовную энергию и неявное присутствие Творца при помощи особого поэтического языка. Вероятно, Геннадий Айги стремился создать свою философскую концепцию бытия и человека, а композиция его произведений, построенных как единый ассоциативный текст, формирующий особое смысловое поле, может, вероятно, считаться попыткой достижения единства мира.

Перевод А. Улыбиной.

Примечания

¹ «Гуннадий» – так на чувашском звучит его имя, что означает «сын гуннов», Айги означает «тот самый» (См.: *Робел Л.* Айги. М., 2003: 11).

² О белом как о символе жертвенности в чувашской обрядовой практике и белизне как любимом цвете Тора (Бога) пишет Дюла Месарош в книге «Памятники старочувашской веры» (1913). См. более подробно: Хузангай 1998.

³ В книге об Айги Робел цитирует рассказ поэта: будучи маленьким мальчиком, Геннадий Айги слышал, как его мать посреди ночи повторяла заклинание, в котором многократно звучало на чувашском слово «поле» (См.: *Робел Л.* Айги. М., 2003: 50).

Литература

- Азарова 2006: *Азарова Н.М.* Комментарий к комментарию. Язык стихотворения Г. Айги «Здесь» как основание для философского комментария Алена Бадью // Айги: материалы, исследования, эссе: В 2 т. / Сост. Ю. Орлицкий и др. М.: ВестКонсалтинг, 2006. Т. 2.
- Айги 1989: *Айги Г.* [Предисловие] // В мире книг. 1989. № 1.
- Айги 1996: *Айги Г.* Поэзия-как-Молчание // Дружба народов. 1996. № 3. (<http://magazines.russ.ru/druzhiba/1996/3/aigi.html>) (01.05.2006).
- Айги 2001: *Айги Г.* Разговор на расстоянии. СПб.: Лимбус пресс, 2001.
- Колкер, Костиная 1995: *Колкер Ю., Костиная Т.* Белый квадрат Геннадия Айги // Русская мысль. (Париж), 22 май 1995.
- Куприянов 2004: *Куприянов В.* Спящий Айги или Миф заморских славистов сегодня // Литературная газета. 23 июня 2004.
- Новиков 2003: *Новиков В.* Большое видится на расстоянье // *Робель Л.* Айги. М.: Аграф, 2003.
- Седакова 2006: Седакова О. Айги: Отъезд // НЛО, № 79, 2006. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/se31.html>).
- Робел 2003: *Робель Л.* Айги. М.: Аграф, 2003.
- Хузангай 1998: *Хузангай А.* Поэт Айги и художники. (Опыт философской интерпретации поэтического и художественного сознания.) Чебоксары, 1998.
- Хузангай 2002: *Хузангай А.* Жизнь в просветах // Дружба народов. 2002. № 5.
- Янечек 1998: *Янечек Дж.* Геннадий Айги // Литературное обозрение, 1998, № 5/6.

Ю.А. Лабынцев

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Агиографический образ Афанасия Брестского в белорусской народной литературе XIX–XXI вв.

Abstract:

Labyntsev Yu.A. *Agiographic image of Athanasius of Brest in Belarus folk literature of XIX–XXI centuries*

An overview of one of the most popular collections of East Slavic folk literature, «bogoglasnik», is demonstrated on the basis of extensive field data. As an example, it's Belarusian texts, dedicated to St. Athanasius of Brest, are demonstrated. One of these texts, which was written about two centuries ago in Surdegsky Orthodox monastery on the territory of modern Lithuania, is presented completely in the article, as well as the fragment of one of the versions of hagiogram of St. Athanasius of Brest (Filippovich).

Ключевые слова: славянский мир, православие, агиография, белорусская народная литература, богогласники.

В народной белорусской, украинской и отчасти русской среде нескольких стран Восточной Европы до сих пор распространен литературный сборник, именуемый богогласником. История этой книги, а более правильно – этих книг, насчитывающая несколько веков, изучена слабо, а ее судьба в XX столетии и в наши дни неизвестна вовсе.

Состав богогласника необычайно изменчив, один и тот же текст весьма вариативен и даже общая структура сборников очень и очень неоднородна. Совокупное число основных поэтических произведений, составляющих богогласник, учитывая все известные нам его сборники, насчитывает несколько сот без учета их вариантов, иногда исчисляемых многими десятками. Практически все известные нам рукописи богогласник, более десятка его типографских массовых изданий, а также несколько десятков воспроизведений с помощью различных видов множительной техники — многоязычны. Подобная интернационализация объясняется не только особым составом авторов богогласника, но в не меньшей степени национальной принадлежностью переписчиков, читателей и исполнителей. В течение длительного времени сам народ отбирал лучшее из того многообразия произведений духовной поэзии, которые создавались на просторах Восточной Славии. Любой из восточнославянских языков, чаще их диалектов, при этом никогда не являлся какой-либо серьезной преградой для восприятия подобных стихотворных сочинений в народной среде. Репертуар переписываемых и бытующих текстов богогласника включает в основном произведения XX столетия, реже написанные в позапрошлом веке и в более раннее время, а также созданные уже в наши дни.

В процессе многолетних экспедиционных исследований в разных странах восточноевропейского региона сборник этот постоянно попадал в поле зрения наших интересов и, таким образом, более чем за треть века, нам удалось

собрать обширный источниковый материал, касающийся, в частности, рукописных и печатных белорусских богогласников¹.

Одной из особенностей богогласников белорусского происхождения, распространявшихся и распространяющихся среди православного населения, следует считать наличие многочисленных текстов, посвященных свм. Афанасию Брестскому. Некоторая их часть написана в XIX в., большая же – в XX. Среди авторов есть известные религиозные деятели, однако немало и анонимных произведений, кстати, наиболее любимых народом.

В небольшой статье невозможно сколь-либо обстоятельно рассказать даже о важнейших литературных и языковых особенностях текстов, посвященных свм. Афанасию Брестскому, подробностях бытования их в народе. Ввиду этого мы сочли более оптимальным дать полную публикацию одного из них, принадлежащую перу архимандрита Маркиана из Сурдегского монастыря. Текст этот известен нам во множестве рукописных списков XIX – XXI вв., в которых имя автора в основном отсутствует, и ряде народных изданий начала XX вв., где оно постоянно воспроизводится и даже указывается дата написания самого текста – 1825 г.²:

Блажен ты, Отче, что правоверно жил
И житием святым ты Богу угодил,
Желая со Христом по смерти в небе жить
Бессмертия венец преславный получить.
А тем, блаженнейший, что вере той учил,
Которую и сам в сей жизни ты хранил.
И братии своей прилежно ты внушал,
Что вера православная есть истина, вещал,
Которую Христос Спаситель возлюбил,
Апостолами всех Он тою просветил,
На правый веры путь желая привести
От вечной гибели чрез то людей спасти.
Чем самым более ты в мире сем сиял,
Как золото чистое, как бриллиант блистал.
За что тебя Христос Спаситель возлюбив
Святое мужество духовное дарил.
Чрез Мать Свою тебя Он вестником избрал
К сенату польскому тебя Он посылал,
Чтоб веры древней тот сенат не пременял,
На Римску Западную ее не изменял,
И тем не развращал людей всех православных,
Апостолам, св. отцам единоверных.
Что за измену ту лишится он спокойствия,
Земного царствия всего благоустройства.
Такие ты слова сенату все изрек.
Упрямому ж ему казнь будущую предрек,
Как Матерь Божия велела объявить
И никаких Ее пред ним тех слов не скрыть,
Кой веру Греческу на Римску пременял
И с королем тогда совет свой подавал,
Чтоб верных в Польше всех к той вере принуждать
Или униатскую им повелел принять.

И для того тебя Мать Божая посылала
Восточной веры той не изменять внушала,
Которой предки всех с усердием держались
В той Польше и Литве все одной спасались
До тысяча пятьсот девяносто шестого
Года от Рождества Спасителя Благого.
Хотя ж речей твоих сенат тот не принял
И кровь твою еще убийством излиял,
Усек пред всеми ты за весть, ему худую,
Которую почел за ложную и злую,
Прельстившись пастырями, отступшими худыми,
Униатскими пятаю, делами не благими,
При том же тот сенат и папе поблажая
И королю тогда своему потакая,
Ему, католику, желая угодить,
Чтоб в славе сей мирской через весь век с ним прожить,
По смерти он твоей ту веру пременял
На Римску Западную унитску изменил,
И многих отступить принудил он здесь верных
Святою верою отцам единоверных,
И не хотевших всех от веры отступить
На Римскую или униатскую переменить
Чрез злых людей своих различно утеснял,
В Литве и Польше всей лукаво погублял.
Чрез то и потерял он царство до конца,
Лишившись в вечности небесного венца.
Что смело ты все то в сенате извещал
Ему благой совет духовный подавал.
Кой не желая внять совету твоему,
А поступить хотел по сердцу своему.
Тебя в темницу он велел тотчас отдать,
Потом же повелел главу тебе отнять.
Но ты истину и веру Православную,
Отцами самими Апостолами избранную,
Которой научил Христос Спаситель Бог
Чрез верных в Польше всех и нам соблности помог,
И также за твою святую кровь излиянну
Венцом бессмертия от Бога увенчан.
И славнейший чертог тебе на небе дан.
Тем на земле и мы, ты, отче, ублажаем
И мученическую кончину почитаем.
И помним все слова, какие ты изрек,
Гоненье, торжество для верных всех прорек.
За полтора лет благою вестью предвозвестил
Пред смертью тогда своею ты открыл,
Что церковь будет вся вельми гонима впредь,
Чем гибель сотворит себе и верным вред.
Но наконец она преславна воссияет,
Спокойствие везде, свобода возблистает.
Как крин и лилия здесь процветет прекрасно,
И будут православные жить в радости приятно.
И все слова твои исполнились днесь,
И православные живут в отраде здесь,

В бывшей Польше и Литве при царствии покойном,
Под мудрым скипетром царей благоустройном.
За то поем песнь, радуйся прехвальне,
Провидче будущих, наш вестниче преславный,
Ты исповедником подобен, отче, был,
Что веру правую сенату объявил,
Став бодрственно един пред сонмом всех князей,
Приемщик злый совет для пагубы людей,
Как Матерь Божия велела изъявить,
Чтоб не дерзал сенат ее переменить
На веру Римскую, не бывшую здесь нигде,
Но Греческая была Восточная везде.
За что и пострадал, как древний из отцов,
Премудрый отче наш, угодниче Христов.
И мы тебя за то сердечно похваляя,
Все подвиги твои за святость прославляя,
Тя, Афанасие, Блаженне Отче, просим,
Мольбу свою тебе в сем мире мы приносим.
О нас ко Господу ты, отче, помолися,
Молитвенник всегда теплейший сотворися,
Моля Его о нас, да свыше просветить
И духом мужества нас грешных укрепить.
В сей вере истинной до смерти пребывать
И с покаянием всем жизнь нашу скончить.
Дабы и мы могли на небе с Богом жить,
Блаженство вечное по смерти получить.

За время наших многочисленных экспедиций на рубеже XX и XXI вв. в Беларуси, Украине, Литве, Польше и отчасти в России мы неоднократно встречали в различных тамошних библиотеках сельских и городских жителей литературные тексты, созданные о. Иоанном Корчинским (1864–1935). В основном все они были анонимны и распространялись в рукописных, реже машинописных, списках, а первооригиналом для них несомненно служило одно из его массовых гродненских изданий, таких, например, как «Святой преподобномученик Афанасий игумен Брестский» – 10 страничная брошюра, перепечатавшаяся в типографии Гродненского губернского правления вплоть до начала беженства летом 1915 г.³ Помимо нескольких изданий этой брошюры первооригиналом для переписки служили и некоторые иные сочинения о. Иоанна, активно печатавшегося в местной прессе, прежде всего в «Гродненских епархиальных ведомостях». Будучи одним из самых видных деятелей народного образования на Гродненщине в конце XIX – начале XX вв., соборный протоиерей Иоанн Корчинский многое сделал и для развития собственной местной народной литературы, включая создание богогласников, тексты которых оказались воспринятыми на весьма широких просторах от современного Подляшья и до Сибири, куда во время Первой мировой войны попадали гродненские беженцы.

Большое число гродненских беженцев оказалось и в Москве, где для них были возведены даже специальные поселки. Как сообщал один из провинциальных гродненских церковных летописцев: «Покинув места своего

служения духовенство и прихожане Гродненской епархии рассеялись по всем губерниям России. Но наиболее сильным притягательным пунктом для населения беженцев явилась Москва, где нашли себе приют оба архиерея, епархиальные учреждения: в Москве избрали своим временным местожительством до 15 священников Гродн. епархии в окрестностях города поселились более 3-х тысяч православных беженцев западного края, для тех был устроен на городские средства за Покровской заставой поселок состоявшийся из 30 больших барачков, здесь была устроена церковь и школа⁴. В поселке был организован «общенародный хор певцов», что привлекло «сюда массу москвичей даже из высших слоев общества»⁵. Хором этим исполнялись и песнопения из гродненских богогласников.

Среди гродненских беженцев в Москве находился и настоятель Софийского собора г. Гродно «протоиерей Корчинский Иоанн Владимирович», избранный от своей епархии в число членов «Собора Православной Российской Церкви» 1917–1918 гг. Согласно «Летописи Софийского собора в городе Гродне», хранящейся в Жировицком монастыре, 14 июля 1918 г. он покидает Москву, возвращается в Гродно. Многочисленные нападки польских властей на православное население, их жесткие меры в отношении православной церкви в целом, наконец, массовое изъятие церковного движимого и недвижимого имущества, передача Софийского собора католикам и личное преследование вынудили о. Иоанна покинуть недавно восстановленное независимое Польское государство и перебраться в Литву⁶. Положение православных здесь также не было простым, так как католики еще в разгар Первой мировой войны начали активно захватывать церковную и монастырскую собственность и, например, знаменитый Сурдегский Свято-Духовский мужской монастырь полностью перешел в их владение в 1918 г.⁷ О. Иоанн Корчинский в 1924 г. становится председателем Литовского епархиального совета и исполняет эту должность вплоть до своей смерти 2 июля 1935 г., являясь при этом еще и православным капелланом армии Литвы⁸.

Выученик киевской духовной школы, удостоенный в 1929 г. президентом Литвы высшей ее государственной награды – Ордена великого князя Гедимина, протоиерей Иоанн Корчинский был автором значительного числа научно-популярных и публицистических работ, среди которых прежде всего хочется выделить статьи и книги по педагогике и ее истории⁹, церковной истории¹⁰, мемуарных сочинений¹¹ и, наконец, целого ряда произведений для самого широкого круга читателей, именуемой народной литературой¹².

Среди последних несомненно выделяются различные варианты агиограммы свм. Афанасия Брестского, созданные о. Иоанном, а также составленные им богогласники, тексты которых бытуют в народной среде нескольких восточноевропейских стран до сих пор. Во многих случаях владельцы богогласников, в которых есть тексты, посвященные свм. Афанасию Брестскому, имеют и его иконописный образ, чаще всего размноженный современными типографскими способами в самое недавнее время. То есть перед нами один из случаев, когда в сложении массового почитания того

или иного святого в народной среде вербальные средства значительно опережают изобразительные, иконографические.

В качестве примера приведем фрагмент одного из вариантов агиограммы св. Афанасия Брестского (Филипповича), составленных о. Иоанном Корчинским¹⁵.

«После несправедного Брестского собора 1596 г., когда польские паны и ксендзы и изуверные враги православной веры – иезуиты постановили ввести в Западной Руси унию, т. е. подчинить православную церковь римскому папе, среди православного западно-русского народа явилось много борцов за веру православную. Но из них пламеннейшим защитником веры православной был св. Афанасий Филиппович. По своей твердости в православии, ревности к защите церкви от католиков и униатов, по его стараниям охранить православных от совращения в католичество и унию св. Афанасий уподобился древнему ревнителю истинной веры пророку Илии, св. апостолу Павлу, св. Николаю, чудотворцу Мирликийскому и другим великим пастырям христианским.

Св. Афанасий родился в Бресте Гродненской губернии или же в местности, недалеко от Бреста. Время его рождения неизвестно. Родился он приблизительно около 1595 года. В молодости он получил хорошее образование. Он изучал языки латинский, греческий, русский, церковнославянский и польский, а также науки богословские по учению православной церкви и некоторые другие науки, преподававшиеся в то время в православных братских школах. Надо полагать, что св. Афанасий обучался в Виленской братской школе или же во Львовской, в которых в то время преподавались всякие науки. В то время, когда православную церковь в западной Руси с ожесточением терзали многие враги, православные братские церковные школы давали прекрасное образование и твердое воспитание в вере православной. Защитники православия во главе с князем К.К. Острожским видели, что только распространение просвещения в народе могло спасти православный русский народ от ополячивания и окатоличивания.

Св. Афанасий много успел в науках и крепко утвердился в православной вере. И приобретенное им сокровище знания и православно-христианского просвещения он не утаил в себе, а все отдал, как и все свои силы и даже жизнь свою на служение церкви православной, на защиту православного западно-русского народа от тяжелых притеснений и гонений от католиков и униатов. По окончании учения в школе св. Афанасий поступил на службу ко двору литовского гетмана Льва Сапеги. Здесь ему поручено было обучение одного воспитанника этого знатного вельможи. Св. Афанасий пробыл при дворе Сапеги семь лет. Но видя страдания и муки православных и притеснение православной веры, решил оставить двор вельможи и принять монашество, чтобы послужить церкви Православной и многострадальному русскому народу.

В 1627 г. он прибыл в Вильну и здесь в Свято-Духовом монастыре принял монашество. Недолго св. Афанасий пробыл в Вильне. Вскоре его отправили в Кутейнский монастырь близ Орши, подчиненный в то время монастырю Виленскому. А затем вскоре св. Афанасий перешел в Межигорский монастырь близ Киева. Пребывание в этих монастырях еще более укрепило благочестивую душу св. Афанасия. Эти монастыри славны были трудами и подвигами иноков. Молодой иннок здесь мог найти добрый пример для своих благочестивых намерений. В 1632 г. св. Афанасий, возведенный в сан иеромонаха, был назначен наместником Дубовского монастыря под Пинском.

С этого времени начинается то его славное служение церкви православной, которое неустанно вел он до конца своей жизни. На это служение и сам Господь указал ему и дал следующее знамение. Путешествуя из Межигорья через Вильну, куда он был вызван, в Дубовский монастырь, св. Афанасий в одном пустынном месте встретил человека, сильно больного, вовсе не могущего идти. По христианской доброте св. Афанасий взял больного на плечи и понес. Нес он его долго. Незнакомец, сидя на спине св. Афанасия, все время повторял имя Сладчайшего Иисуса и давал св. Афанасию добрые христианские наставления. Сладостно было св. Афанасию слушать назидания, он и усталости не чувствовал. Но внезапно незнакомец стал невидим. Тут понял св. Афанасий, что Бог удостоил его особого видения. И слова дивного незнакомца врезались в сердце св. преподобномученика на всю остальную жизнь его и дали твердое направление последующему его служению.

Три года пробыл св. Афанасий в Дубовском монастыре. Дубовский монастырь был оплотом православия не только для ближайших, но и для более отдаленных православных поселений в борьбе с католичеством. С прибытием же св. Афанасия деятельность монастыря усилилась. По его стараниям в Дубовском монастыре открыта была школа и книгопечатня, почему монастырь получил возможность распространять грамоту, а главное, книги, из которых православные черпали наставление в вере и укреплялись в силах для борьбы с врагами. Не понравилась польским панам, ксендзам и иезуитам деятельность монастыря. После разных подходов враги-католики поступили решительно, как поступали они с православными очень часто. Они отняли у православных Дубовский монастырь и передали его злейшим врагам православия – иезуитам. Когда наступила страшная пора изгнания православных монахов из Дубовского монастыря, св. Афанасий не мог поверить, чтобы могло статься подобное насилие. Но сила была на стороне католиков, и православные иноки были изгнаны.

Подчинившись насилию человеческому, св. Афанасий излил свою сердечную скорбь в «жалостном листе», написанном от лица всех православных на притеснения от католиков и униатов и поручил этот лист Пречистой Богородице Купятицкой, положив его у Чудотворного ее образа. Он в своей несокрушимой вере, не ожидая уже правды от суда врагов – католиков, обратился к суду Божьей Матери. Оставив Дубовский монастырь, св. Афанасий в 1636 г. поселился в монастыре Купятицком, расположенном также вблизи Пинска. Церковь в монастыре была ветхой, необходимо было соорудить новую, а средств не было. Митрополит Киевский Петр Могила, узнав об этом, дал грамоту универсальную на сбор пожертвований для возобновления купятицкого храма. Игумен Илларион, получив грамоту, «учинил за всею о Христе братною раду и вложил тяжар послушества» на св. Афанасия.

Нужно помнить, каким гонениям в то время подвергались православные в Польском Королевстве, чтобы судить, какое тяжелое послушание возложено было на св. Афанасия. Отказаться от поручения он не мог, а потому предал себя воле Божьей, искал ободрения в горячей молитве к Богу. Во время пламенной молитвы он услышал голос Пресвятой Богородицы: «Царь московский устроит Мне церковь, иди до него». И он решил идти в Москву, несмотря на все трудности пути. Поляки в то время всеми мерами препятствовали сношениям западно-русских православных с Москвой, бдительно сторожили границу. С великими опасностями он благополучно прибыл в Москву, был ласково принят набожным царем Михаилом Федоровичем. Св. Афанасий подал царю записку, из которой описал, как тяжело православным русским живется в Польше и в Литве. Подал царю записку св. Афанасий и на словах объяснил, что церковь правдивая восточная в панстве христианском, т. е. в Польше, за унию проклятою не только фундацией, але жадной помочи не мела и мети не могла, и поднес царю образ Купятицкой Пресвятой Богородицы.

Получив щедрые дары от царя и от других благочестивых щедродателей, св. Афанасий под покровом Божьей Матери благополучно возвратился в Купятичи. В 1640 г. православные жители г. Бреста обратились в Купятицкий монастырь с просьбой отпустить к ним в Берестейский Свято-Семеновский монастырь на оставшееся незанятым игуменское место кого-либо из выдающихся благочестия и ревностью в вере иноков. Бросили жребий. Жребий выпал на св. Афанасия.

Первым делом св. Афанасия по прибытии его в Брест, где фундамент унии проклятой стался, было укрепить в православной вере братию монастыря, так как католики и униаты всеми мерами старались совратить в унию монахов и захватить Семеновский монастырь. Кроме того, св. Афанасий немало не стеснялся во всеуслышание всех, и в церкви и в других местах, начал обличать униатов, как отступников от веры православной. Слыша пламенные речи св. Афанасия, видя торжественные его служения и особенно торжественно-умилительное пение акафиста Божьей Матери, многие мещане Бреста, совращенные было уже в унию, возвращались опять к своей праотеческой православной вере. Возвращались в православие недавно совращенные в унию целые приходы в окрестностях Бреста.

Не надеясь на человеческую помощь, которой православным в Польше неоткуда было ждать, св. Афанасий черпал силы и искал помощи в молитве к Божьей Матери. Однажды, когда особенно великую душевную скорбь он чувствовал, видя, как православная церковь разоряется католиками и униатами, а защиты не у кого было искать и в горячей молитве просил помощи у Божьей Матери, он явственно услышал голос, как бы идущий от св. иконы Богоматери:

«о. Афанасий, супликуй тепер на сейме пред образ Мой, в кресте изображенный Купятицкий, до Короля Польского и Речи Посполитой, грозячи правдивым гневом и страшным судом Божиим».

Повинуясь этому голосу, св. Афанасий отправился в 1643 г. на сейм в Варшаву и вместо подачи прошения вошел в Сенат на заседание сейма, где был и король и, раздав королю и всем знатым особам образ Купятицкой Богоматери и описание своего путешествия в Москву, обратился к королю с речью: «Наяснейший кролю Полский, пан мой милостивый, о то кривду несносную маем. Не хотят нас, людей православных, охранять согласно с правами вашими, утвержденными присягой королевской нам. Уже пятьдесят лет вера правдивая и церковь восточная грецкая под вами паны христианскими, в королевстве Польском из-за унии проклятой выше всякой меры притеснения терпит. Ваша королевская милость, вникните по врожденной Вашей доброте и присяги Вашей королевской милости, дабы вера правдивая Грецкая была успокоена, а уния проклятая вынищена. Бо если унию проклятую выкорените, а восточную правдивую церковь успокоите, то щастливые лета ваши поживете. А если не успокоите веры православное грецкое и не снесете унии проклятой, то дознаете гневу Божьего. Ибо весы несправедливости до самого центру припали, уже злость людская и пыха вознеслись без меры, силы уже в людях правоверных истожились и ослабели». После этого поступка на сейме у короля св. Афанасия до окончания сейма держали в заключении из боязни, чтобы он не выступил снова со своими обличениями.

Горя ревностью о вере православной и видя, что не допускают его пред лицо сильных мира сего, св. Афанасий добровольно принял на себя образ во Христе юродивого, безумным притворился, из заключения сам ушел рано в праздник католического Благовещения, вышел наго, только клубок и парамант для знаку монашеского на себе имея, в болоте весь поплескавшись и палкой себе биючи, по улицах варшавских бегал и вопил великим голосом: беда проклятым и неверным!

После этого св. Афанасия судили и присудили лишить его не только игуменства, но и священства. Но так как св. Афанасий не признавал сего суда справедливым, то его отправили в Киев на суд в митрополиту. Митрополит Петр Могила, видя его невинность, освободил его от суда и восстановил в священстве, указав ему совершать богослужения в Киево-Печерской Лавре. Но вскоре по просьбе брестских братчиков митрополит отпустил св. Афанасия в Брест на надлежащее ему игуменство, предупредив его осторожней поступать. Но недолго оставался в покое св. Афанасий. Латинские и униатские духовные в своих гонениях против православных превосходили всякую меру. Они не только подвергали различным оскорблениям православных, в том числе и св. Афанасия, но часто врывались в церковь, оставившая в ней богослужение, ругались над православными святынями, особенно же издевались над простым народом.

Вынужденный искать защиты св. Афанасий в 1644 г. отправился в Краков к воеводе пану Сапеге, но защиты здесь он не нашел. Будучи в Кракове

св. Афанасий оказал большую услугу Московскому посольству, в то время прибывшему в Краков для расследований о личности Самозванца, которого поляки, желая вызвать смуту в Московском государстве, выдавали за сына Лжедмитрия и Марии Мнишек, Св. Афанасий знал этого Самозванца еще отроком и дал московскому посольству все нужные сведения, между тем как от поляков посольство не могло узнать правды. Это обстоятельство впоследствии принесло много горя св. Афанасию. Чуть только св. Афанасий возвратился из своего путешествия в Брест, как его арестовали и препроводили в Варшаву, где заключили его в оковы и был он в оковах больше года. Как ни тяжело было св. Афанасию в тюрьме, он не забывал того дела, которому посвятил всю свою жизнь, дела защиты православной церкви от католиков и униатов. Будучи в заключении св. Афанасий prepares свои прошения на защиту православия. Св. Афанасий пишет, что за преследование православных Бог накажет Польшу, не помогут ей и многочисленные войска.

Прошение это передано было королю Владиславу IV. Вслед за первым св. Афанасий представляет королю и другое прошение. Второе прошение прочитано была королем и многими сановниками, причем сделано было с нее много списков. Через некоторое время получен был универсальный лист за подписью короля Владислава IV на свободный выезд из Варшавы. Св. Афанасия препроводили из варшавской тюрьмы в краковскую темницу, подвергнув его побоям, брани и голоду и только по настоянию московских послов отпустили его под охраною двух драгун, в Киев, к митрополиту. Митрополит Петр Могила поместил преподобного Афанасия при себе, в Киево-Печерской Лавре, где и оставался преподобный до смерти митрополита, т. е. больше года. Здесь св. Афанасий списал свой «Диариуш, албо список деев правдивых в справе помножения и объяснения веры православное голошеный, волею Бозскою и молитвами Пречистой Богородицы, в недавно прошлых часах: впродь у благочестивого царя Московского Михаила, потом у его милости короля Полского Владислава четвертого, наостаток у преосвященного архиепископа, всея Руси митрополиты, Петра Могилы, и списанный през смиренного иеромонаха Афанасия Филиповича, на сей час игумена Берестя Литовского, през которого то в монастыру Печаро-Киевском и выписуется, для ведомости людям православным, ходячим о том теперь и у потомные часы ведать. Року 1646».

После погребения митрополита Петра Могилы, в котором принимал участие и Луцкий епископ Афанасий Пузына, последний, уезжая из Киева, взял с собою и преподобного Афанасия и в скором времени по просьбе берестейских иноков снова назначил св. Афанасия игуменом Симеоновского монастыря в Бресте. Но конец многострадальной жизни св. Афанасия был уже близок. Время тогда было весьма тревожное. Православный русский народ, живший в пределах Польского королевства, не мог уже дальше терпеть гонений за веру православную и издевательств поляков над русской

народностью и поголовно восстал против польского владычества под предводительством славного казацкого гетмана Богдана Хмельницкого. В начале 1648 г. разгорелась война, в которой счастье было на стороне восставших. Тем большую ненависть проявляли поляки ко всем русским православным людям. У св. Афанасия среди католиков и униатов было много недоброжелателей, ему не могли простить пламенных речей против унии. И хотя св. Афанасий сидел себе тихо в монастыре в тот час тревожный, его схватили, обвиняя в том, что он посылает к казакам какие-то письма и порох. По расследовании это обвинение оказалось ложным, но отпускать игумена враги его уже не желали. Во что бы то ни стало хотели его осудить. Не имея возможности доказать первое обвинение, враги начали его пытаться за другое. Ты то унею святую ганил и проклинал? – спросили его. Тогда св. Афанасий положив на себя великое крестное знамение, сказал: «Я еще на сейме в Варшаве перед королем его милости паном своим найяснейшим Владиславом четвертым и сенатом пресветлым говорил и всегда везде оглашал по воле Божьей, то же и перед вами твержу: проклятая есть теперешняя уния ваша и ведайте о том наверное, если ее с панства своего не выкорените, а православной церкви восточной не успокоите, гневу Божьего над собою наживете». После этого св. Афанасия заключили в тюрьму в Брестском замке. Это было 1 июля 1648 г. И сидел преподобный в темнице аж до сентября. Наконец назначили окончательный суд. Привели св. Афанасия в кандалах. Луцкий бискуп Андрей Гембицкий, присутствовавший в суде, спросил преподобного, проклинал ли он унию. Преподобный прямо ответил, так, ибо и есть проклятая. После был окончательный приговор – осуждение св. Афанасия на смертную казнь. В ту же ночь, взяв небожчика отца игумена из заключения и с кандалов расковавши в лагерь отвели. Там его сами сначала пекли огнем, а гайдук один стоял там поодаль и слышал голос небожчика отца игумена, он им что-то грозно одповедал на муках оных. Наконец, в последний раз потребовали от св. Афанасия, чтобы он отказался от слов своих против унии, но он сказал, что говорил, то и говорю и с тем умираю. После этих слов мученика вбили ему еще и гвоздь в голову и сказали тому гайдуку, чтоб в лоб ему выстрелил из мушкета. Живого еще его столкнули в яму и засыпали землей. В час смерти св. Афанасия хотя ночь была погодная и ни одной хмары нигде не видать было, а молния страшная была и великая во всем небе. Опасаясь возмущения православных, на ту ночь паны назначили в Бресте усиленную стражу, но православные не знали о смерти почитаемого игумена, ибо враги увели его из замка тайно на Замуховча другою брамою. Только через восемь месяцев, 1 мая 1649 г., иноки получили возможность тело своего игумена, св. преподобно-мученика Афанасия перенести в Брестский храм преподобного Симеона Столпника, где тело св. преподобно-мученика почивает и ныне».

Примечания

¹ *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Многовековая история литературной культуры Подляшья и Белорусского Полесья: результаты тридцатилетних экспедиционных исследований (1970-е – 2000-е гг.) // Белорусско-российский диалог. М.: Исл РАН, 2006, С. 206–226; *Лабынцев Ю.А.* Современная народная литература Восточного Полесья // Традиції матеріальної і духовної культури Усходняга Полесья і праблемы вивучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Гомель: ГГУ, 2006. С. 152–155; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Восточнославянская народная книжность XXI в.: И рукопись, и электронный текст // Държавата на духа. Четвърта национална научна конференция с международно участие. София: “За буквите – О писменах”, 2007, С. 247–262; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная литература белорусско-российско-украинского пограничья. М.: Исл РАН, 2009.

² Текст публикуется по списку XX в. в рукописном богослужении того же времени, по сей день бытующем в западной части Гродненской области Беларуси.

³ Первое издание этой брошюры увидело свет в Гродно в 1908 г.

⁴ Цит. по: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши: Материалы экспедиционных исследований 1999 г. М.: ГПИБ, 2000. С. 102.

⁵ Там же.

⁶ См.: *И. К.* Страница былого. Таллин, б. г. [начало 1930-х гг.].

⁷ См.: *Летопись церковной жизни Литовской епархии, составленная протоиереем Львом Савицким.* – Машинопись из собрания библиотеки Вильнюсского Свято-Духовского монастыря.

⁸ Подробнее о жизни Литовской православной епархии и судьбе протоиерея Иоанна Корчинского в этот период см.: *Laukaitytė R. Stačiatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje.* Vilnius, 2003; *Marcinkevičius A., Kaubrys S. Lietuvos stačiatikių bažnyčia 1918–1939 m.* Vilnius, 2003.

⁹ См., напр.: *Корчинский И., священник.* Личность учителя начальной церковной школы. Гродна, 1901; *Он же.* Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии. Гродна, 1903.

¹⁰ См., напр.: *Корчинский И., священник.* Краткий исторический очерк православия в пределах нынешней Гродненской губернии и житие св. преподобномученика Афанасия (Филипповича). Гродна, 1903; *Он же.* Православный Софийский собор в г. Гродне. Гродна, 1907 (2-е изд. 1915); *Он же.* Древняя Коложская церковь во имя св. князей Бориса и Глеба в г. Гродне. Гродна, 1908.

¹¹ См., напр.: *И. К.* Страница былого.

¹² См., напр.: *Русь и Польша: Краткая история для русского народа / Изложил по Купчанко И. Корчинский.* Гродна, 1903; *Братское приветствие православным русским христианам и всем близким сердцу славянам, кои и не пребывают ныне в вере православной / Изложил по Ширяеву священник И. Корчинский.* Гродна, 1903; *Граф Михаил Николаевич Муравьев / Сост. И. Корчинский.* Гродна, 1904.

¹³ Фрагмент воспроизводится по рукописному списку второй половины XX в., до сих пор бытующему в одной крестьянской семье на Брестчине.

Л.Л. Щавинская
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Поэзия Хрисанфа Саковича в белорусской народной литературе*

Abstract:

Schavinskaya L.L. *Poetry of Chrysanth Sakovich in Belarusian folk literature*

The article is devoted to the existence of poetic works by one of the most gifted orthodox writers of XIX century fr. Chrysanth Sakovich in folk environment. These works are still spread almost entirely anonymously, so that the author's name is now universally forgotten. A special case are the texts about Chrysanth Sakovich in Belarusian 'bogoglasniks' of XIX–XXI centuries, which were studied by us directly during numerous expeditions in Belarus, Poland and Lithuania.

Ключевые слова: славянский мир, православие, духовная поэзия, белорусская народная литература, богогласники.

В течение длительного времени сам народ отбирал лучшее из того многообразия произведений духовной поэзии, которые создавались на просторах Восточной Славии. Так в народной среде до сих пор бытуют поэтические произведения одного из самых одаренных православных писателей XIX в. о. Хрисанфа Саковича.

Имя о. Хрисанфа Саковича, в монашестве Христофора (1833–1897), малоизвестно даже специалистам. Между тем, его поэтические произведения, распространявшиеся и распространяющиеся анонимно огромными печатными тиражами и в неисчислимом количестве рукописных списков – одни из самых любимых в православном восточнославянском мире. Белорусские православные богогласники XIX–XXI вв., рукописные и печатные, также содержат большое число сочинений о. Хрисанфа.

Уроженец с. Святец на Вольни, о. Хрисанф рано лишился матери и это раннее сиротство оставило глубокий след в его душе. Вот как он сам описывает свое детство в своей стихотворной автобиографии, произведении, встречающемся довольно редко:

В раннем детстве я лишился
Матери моей родной
И остался шестилетним
Одиноким сиротой.
Мой отец, священник вдовый,
Так ужасно тосковал,
Что о мне, сиротке бедном,
Он невольно забывал...

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Белорусско-украинская народная книжность XX–XXI вв.: православный «Богогласник» (Исследование и публикации)», проект № 08-04-00027 а.

Твердо помню: в нашей церкви
Против клироса стоял
Крест с распятым Иисусом.
Этот крест меня спасал.
Я, взирая на распятие,
Задавал себе вопрос,
Кто Он, этот муж распятый?
Я не знал, что Он Христос¹.

Будучи натурой впечатлительной и самоуглубленной, он долго искал себя. Еще во время обучения в Волынской духовной семинарии у него появилось стремление к иноческой жизни. О. Хрисанф предпринимает несколько попыток найти духовного наставника в иноческой жизни, но везде получает отказ. Его приняли в Яблочинский Свято-Онуфриевский православный мужской монастырь (ныне на территории Польши), где он с 1855 по 1864 гг. проработал учителем начальной школы и письмоводителем. Но мечта об иноческой жизни не оставляла о. Хрисанфа и не найдя здесь духовного руководства, он снова отправляется на поиски духовного наставника. Далее, как писал сам о. Хрисанф «совершился перелом ... моих усиленных стремлений к пустынной иноческой жизни. Узнав в одной курной избе, что ни мать, ни ее взрослые дети не знают даже молитвы Господней, я оставил путешествия по монастырям, решил учить детей и простых людей молитвам и пению»².

О. Хрисанф несколько десятилетий служит народным учителем в родной стороне: при Городышском женском монастыре, в Жуковском народном училище. С 1872 г. он трудится письмоводителем Острожского Св. Кирилло-Мефодиевского братства. Но более всего проработал о. Хрисанф в с. Брыкове сначала учителем Брыковского народного училища, а затем с 17 сентября 1879 г. началось его священническое служение в местной Свято-Георгиевской церкви.

Убедившись на многолетнем опыте, что простой народ любит стихотворную речь, духовные песнопения³, о. Хрисанф сочиняет для своих многочисленных учеников молитвенные праздничные песнопения, которые в большом количестве сразу же расходятся в рукописных списках среди его прихожан.

О. Хрисанфу Саковичу, принадлежит также «Песнь св. покровителям славян Кириллу и Мефодию», встречающуюся сейчас достаточно редко:

Кирилл и Мефодий,
Блаженные Братя,
Простерли славянам
Святые объятья:
Славян утверждали
В ученье Христовом,
И нас просвещали
Родным книжным словом.
И в Церковь Христову
Крещеньем вводили,
И школы славянским
Детям заводили.
И Азбуку дали
Народам славянским:

Российским и сербским,
Моравским, Болгарским.
И Книги Заветов
Славянские дали
И Службы святыя
Славянам писали.
За подвиг славянский
Терпели гоненья,
Обиды от римлян,
Изгнанья, мученья.
Вражду и коварство
От немцев сносили:
До смерти страдали,
До смерти учили.
Кирилл и Мефодий
Велики и славны,
Трудами ученья
Апостолам равны!
Кирилла, Мефодия
Славянские народы
Пусть все ублажают
Во век, в род и роды.
Кирилле, Мефодие,
Творите моленье,
Да все-все славяне
Придут в единенье:
Любовью и верой
Сердец простотою,
Общеньем в молитве,
И жизнью святою.
Пусть все враги веры
Святой Православной
Крестом расточатся
И силой державной.

Писал о Христофоре и для детей. Вот одно из его стихотворений из рукописного богогласника, бытующего ныне на Восточном Полесье:

Бог Господь, Царь и Творец
Милосердный наш Отец
Для детей весну послал,
Землю травкою устлал.
Бог с небес на нас взирает
И весною рассыпает:
Славные детям цветочки
И зеленые листочки.
Бог благ, любит всех людей,
Но особенно детей
Добрых, кротких любит Он,
Знающий Его Закон.
Дети радуйтесь, играйте,
Бога все благословляйте,
Пойте песнь Ему устами
И горящими сердцами.

Сочинял он и колядки, которые, пожалуй, быстрее всего вошли в число анонимных народных сочинений.

А вот оценка самим о. Хрисанфом Саковичем его жизненного пути, сделанная им в стихотворении «О минувшей жизни моей»:

И я убогий человек,
Живу в несчастьи весь мой век.
Родился я на свет в слезах,
Не зрел добра в младых летах.
Я много горя испытал,
Всю жизнь проплакал, протрадал.
Друзей нигде я не нашел,
И без друзей мой век прошел.
Никто мне не сказал пути,
Которым должен я идти.
Наставников я не имел,
О чем в душе всегда скорбел.
Я много пустынь исходил,
Но для себя не находил.
Нигде духовного лица,
С любовью друга и Отца.
О круглом сиротстве таком
Я много плакал пред Христом.
И часто в пропасть падал я,
И жизнь печальная моя
Давно бы в вечность перешла,
Но милость Божия была
Над погибающей душой
И правила моей судьбой.
А наконец Христос благой
Умилосердился над мной:
Меня любовью осенил
И «Крестной Песнью» наградил.

Самым главным сочинением о. Хрисанфа Саковича, ставшим по существу общенародной книгой, столь широко бытовавшей и бытующей во множестве анонимных изданий и не поддающихся количественному учету рукописных списках, является его стихотворный крестный цикл – «Крестная песнь»⁴. Едва ли найдется в славянском православном мире еще одно такое произведение. Сочинение это, значение которого стало особенно важным в период государственной политики богоборчества и жестоких гонений на православие, по сей день продолжает оставаться в числе наиболее распространенных в народной среде, правда, без упоминания имени его автора.

Наше многолетнее изучение народной православной литературы, экспедиционные исследования на территории России, Беларуси, Украины, Польши и Литвы⁵ свидетельствуют о необычайно активном тиражировании в сельской и городской народной среде «Крестной песни» о. Хрисанфа Саковича вплоть до начала XXI в. История появления и рецепции стихотворного крестного цикла, созданного им, свидетельствует о том, что он, без преувеличения, стал ежедневным чтением для многих сотен тысяч православных в конце XIX-го, XX-м и начале XXI-го вв.

В рукописных сборниках на Восточном Полесье часто встречаются также и отдельные стихотворения из крестного цикла о. Хрисанфа Саковича без указания имени автора, в том числе под заглавием «Постовые песни»:

В Пятницу святую
Все должны молчать,
О Христовых муках
Крестных размышлять.
Вспомним день великий,
Как Христос за нас
Пострадал и умер
В страшный крестный час!
В Пятницу всяк верный
Заклучи уста
И почти молчаньем
Крест и смерть Христа.
Вместо уст пусть сердце
В день сей говорит,
А душа пусть мыслью
Пред Крестом стоит.
Если б злые люди
Вдруг отца иль мать
Наших засудили
Смертью пострадать,
Смерть их и страданья
Стали б мы слезой
Вспоминать в молчанье
Горестной душой.
В Пятницу ж Израиль
Господа судил
И всего измучил,
На Кресте убил.
Спаса, Друга, Брата,
Нежного Отца
Поражал враг правды
Злобный до конца.
Долг велит всем людям
В Пятницу молчать,
О Христовых муках
Крестных размышлять.
Чтоб мы Крест Господень
Памятью в тиши
Все почтили с чувством
В глубине души.
Чтоб в душе всяк верный
Крест изобразил
И во всю жизнь в сердце
Смерть Христа носил.

После несколько десятилетий служения народным учителем и сельским священником о. Хрисанф был пострижен в монахи и окончил свою жизнь в 1897 г. в одном из самых западных православных монастырей Российской империи – Радочницком Свято-Антониевом, что на востоке нынешней Польши, примерно в 30 км от г. Замостье.

Стихи о Хрисанфа публиковались и в различных печатных изданиях для народа, чаще всего без указания имени автора. Но бывали исключения, как, например, «Народная песнь на праздник 900-летия крещения Руси», подписанная так: «Дар Свято-Онуфриевскому Яблочинскому монастырю от Иеромонаха Христофора, бывшего послушника того-ж монастыря»:

Князь русский Владимир,
Учитель святой,
Руси просветитель
Отец наш родной.
Языческой веры
Обман-ложь познал,
И веру Христову
принять пожелал.
И вот в Херсонесе
Наш князь дорогой
От греков крестился
В купели святой.
А ныне чрез девять
Священных веков,
Как мы свободились
От страшных оков
Бесовского мрака.
И вера Христова
Всю Русь озаряет
Сияньем креста.
А в Киеве, славной
Столице своей,
В Днепре окрестил он
Всех русских людей.
Все капища мрачных бесов разрушал
И идолов русских
Сам уничтожал.
И храмы воздвигнул
Для русских людей,
И школы он строил
Для русских детей.
И сам, как Апостол,
Всю Русь проходил,
И вере Христовой
Всех благовестил
За подвиги князь наш
Святым наречен
И к лику Апостол
Достойно причтен.
Все русские люди
Стремятся принести
Владимиру князю
В дар – славу и честь.
Владимир блаженный,
Отец наш святой!
Молись о спасеньи

России родной.
И силой молитвы
Усердной Твоей
В России мрак темный
Неверья рассей:
В сердца наши с неба
Любовь низведи
И крест – знамя веры
Внутри нас утверди.
Чтоб всех съединяла
Христова любовь
Для славы России
На веки веков⁶.

Стихи о Хрисанфа, распространяемые по сей день преимущественно в рукописях, давно стали частью анонимной народной литературы. Переписчики иногда составляют из них целые сборники и, надо думать, в сборниках этих есть немало его произведений, которые никогда не появлялись в печатном виде и распространялись исключительно с помощью рукописного тиражирования. Имя автора при этом постепенно в большинстве случаев было утрачено, а сочинения его стали частью наиболее почитаемой в народе религиозной литературы, которая помогала сберечь родные традиции в период гонений на православие.

Примечания

¹Цит. по: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная литература белорусско-российско-украинского пограничья. М.: ИСЛ РАН, 2009. С. 122–124.

²Духовные песнопения иеромонаха Христофора. Холм, 1913. С. 25–26.

³Вот как о. Хрисанф писал о своем литературном труде: «Убедившись многолетним опытом, что простой русский народ любит речь стихотворную, а еще больше любит духовные песнопения, я... написал... всем многочисленным моим ученикам и ученицам, коих я учил в продолжении 27 лет, молитвенные праздничные песнопения. Все написанные здесь “Песни” я читал моим Брыковским прихожанам и они поняли их, одобрили и просили напечатать для них... Напевы для моих “Песней” я старался уподоблять церковным напевам... Дай, Господи, чтоб эти “Песни” принесли пользу и всему простому русскому народу, в великом деле духовного просвещения». Цит. по: Духовные песнопения иеромонаха Христофора. Почаев, 1908. С. 3–4.

⁴О. Хрисанф был награжден «от Св. Синода золотым наперсным крестом уже на шестом году священства. Говорят, что награда эта дана ему за составленную им для прихожан “Крестную песнь”». Цит. по: Духовные песнопения иеромонаха Христофора. Холм, 1913. С. 27–28.

⁵*Щавинская Л.Л.* Народная православная литература на западном Белорусском Полесье в 1920-е–2000-е гг. // Гісторыка-культурная спадчына Брэсцка-Пінскага Палесся: паміж мінулым і будучыняй. Ч. 2. Брест: БрГУ, 2006, С. 226–230; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Многовековая история литературной культуры Подляшья и Белорусского Полесья: результаты тридцатилетних экспедиционных исследования (1970-е – 2000 е гг.) // Белорусско-российский диалог. М.: ИСЛ РАН, 2006, С. 206–226; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная литература белорусско-российско-украинского пограничья. М.: ИСЛ РАН, 2009.

⁶Гродненский Богогласник. Собрание гимнов и набожных песнопений. Гродна, 1903. С. 46–47.

Содержание

От редколлегии	3
I. Вторая мировая война: взгляд из третьего тысячелетия	
<i>Волокитина Т.В.</i> Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе	5
<i>Валева Е.Л.</i> Болгария во Второй мировой войне	14
<i>Пилько Н.С.</i> Словенские домобранцы в годы Второй мировой войны	34
<i>Чепелевская Т.И.</i> Образы времени в словенской поэзии 1941–1945 гг.	48
<i>Широкова Л.Ф.</i> Война и антифашистское Словацкое национальное восстание в литературе Словакии второй половины XX века	63
II. Исторические исследования: идеи, находки, новые документы	
<i>Акимова О.А.</i> Глаголические представления о начале славянской письменности: на пути к идее славянского единства	83
<i>Женюх П.</i> Рукописные источники о византийско-славянской традиции под Карпатами	95
<i>Кочегаров К.А.</i> Религиозный вопрос в русско-польской дипломатической практике второй половины XVII в. (к постановке проблемы)	111
<i>Фалькович С.М.</i> Польская политическая эмиграция XIX века – своеобразный феномен в славянском мире	126
<i>Штеппан К.</i> Символическая политика в эпоху оживления австро-русских отношений: императорский посол граф Франц Карл Вратислав в России (1728–1733)	130
<i>Раденков Р.Л.</i> Мотивы России в войнах с Османской Империей	140
<i>Медведева О.В.</i> Положение болгарских земель в 30-е гг. XIX в. (по донесениям первого российского консула в Сливене Г.В. Ващенко)	150
<i>Фролова М.М.</i> Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.)	170
<i>Чуркина И.В.</i> Словенские русофилы последней трети XIX в.	188
<i>Искендеров П.А.</i> Россия и сербо-черногорские отношения в 1913–1914 гг.	201
<i>Каширин В.Б.</i> Василий Ян – агент русской военной разведки на Балканах	221
<i>Ямбаев М.Л.</i> Русский консул на Балканах	232
<i>Забелина Н.Ю.</i> Флора Сандес: дочь Британии – офицер сербской армии	243
<i>Халас И.</i> Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 20-х годов	252

III. Из истории славистики

- Аксенова Е.П.* А.В. Флоровский о совместном изучении славянских народов 258
- Лантева Л.П.* Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина 266
- Даниш М.* Из истории русско-словацких научных связей (Переписка Ф.Ф. Аристова с Матицей Словацкой и его рукопись «Словацкая литература») 279
- Досталь М.Ю.* Русинское национальное возрождение в противоборстве течений современной украинской историографии 290

IV. Проблемы славянской идентичности в исследованиях современных ученых

- Громов М.Н.* Глобальный кризис и национальная самоидентификация 299
- Стоянов Т.* Проблемы русской идентичности в восприятии иностранца 306
- Щупленков О.В.* К вопросу о русской самоидентичности 314
- Терзич С.* Европа и Косово и Метохия: исторический очерк 327
- Макарова И.Ф.* Общественная активность как форма проявления идентичности болгар в XV–XVI вв. 338
- Старикова Н.Н.* Проблема идентичности в эпоху глобализации. Опыт славянских литератур 349

V. Вопросы этнолингвистики, социоллингвистики и славянской диалектологии

- Вендина Т.И.* Польско-русские лексические соответствия в пространстве и времени 356
- Пилипенко Г.П.* К вопросу о венгерско-сербском билингвизме 380
- Колева К.* Нижний Дунай – важный балканский антропологический ареал 393
- Витанова М.* Концепт *труд* в болгарской языковой картине мира 398
- Кириллова Й.* Гендерные характеристики концепта УМ в болгарской паремиологии 419
- Китанова М.* Семья и ее ценности в болгарских пословицах и поговорках 433
- Узенева Е.С.* Региональные особенности традиционной культуры Закарпатья: свадебный обряд 454
- Семенова А.В.* К вопросу о языковом статусе и развитии кашубского языка (до и после принятия Устава о национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке) 462

VI. Культура и литература славянских народов

<i>Климов А.Г.</i> Контрверзы Души и Духа: пути преодоления в культурно-историческом наследии Солунских братьев	471
<i>Косик В.И.</i> «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»	477
<i>Стыкалин А.С.</i> Восприятие русской культуры в Венгрии в XIX – первой половине XX в. в меняющемся историческом контексте. Основные тенденции и этапы	487
<i>Ким Н.</i> История создания и иконография иконостаса храма св. Александры в г. Ирем, Венгрия	500
<i>Мельников Г.П.</i> Русская тема в творчестве чешского художника Альфонса Мухи	507
<i>Страховская И.Г.</i> Векторы взаимодействия российской вузовской науки и образования	515
<i>Лециловская И.И.</i> Северохорватская литература XVIII в.	521
<i>Калиганов И.И.</i> «Недельник» Софрония Врачанского и его время (историко-культурные аспекты)	541
<i>Бабович-Распопович С. Ф.М.</i> Достоевский и Великий Восточный кризис 1875–1878 гг.	549
<i>Цыбенко О.В.</i> Начало полувекового творческого пути. Ранние рассказы Юлиана Кавальца в свете его зрелых достижений	558
<i>Усачева А.В.</i> Эжен Ионеско – румынский писатель? (О книге С. Микулеску «Маски Эуджена Ионеску. Двенадцать ипостасей ионесканизма»)	568
<i>Яворник М.</i> Экология текста и русская культура XX столетия	574
<i>Панайотова М.</i> Поэтическая «заумь» Геннадия Айги	588
<i>Лабынцев Ю.А.</i> Агиографический образ Афанасия Брестского в белорусской народной литературе XIX–XXI вв.	598
<i>Щавинская Л.Л.</i> Поэзия Хрисанфа Саковича в белорусской народной литературе	609

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной,
Восточной и Юго-Восточной Европе

Сборник статей

Москва 2010

Ответственный редактор Е.С. Узенева

Корректурa – *А.В. Усачева*
Оригинал-макет – *Ю.А. Созина*

Подписано в печать 29 апреля 2010 г. Объем 38,75 п. л.
Зак. __. Тираж 500 экз. Формат 60 х 90/16.

Типография ООО «Океан»